

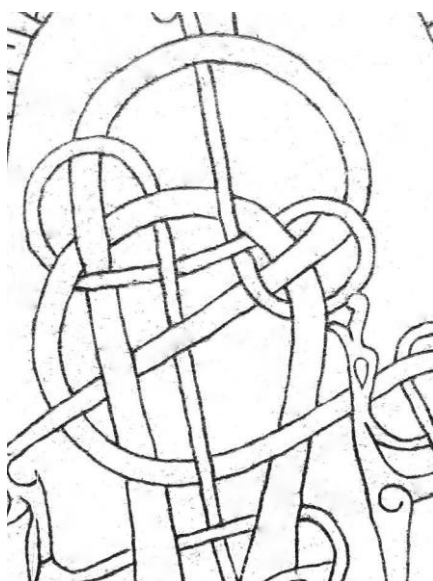
В.В.Водовозов
«Жажду бури...»
Воспоминания. Дневник

материалы по истории позднеимперской России
том 18

Издательство Упыря Лихого
2024

Наше издательство названо именем **Упыря Лихого** (Эпир Неробкий, Öpir Ofeigr), первого русского переписчика книг, имя которого мы знаем.

Соратник нормано-русских князей, священник, переписчик книг и рунорезац, Упырь Лихой своим примером напоминает нам о том, как важно без робости распространять знания и красоту среди варварства и тьмы.

орнамент на камне U-104 в Уппланде, созданном Упырем Лихим

Василий Васильевич Водовозов

«Жажду бури...» Воспоминания. Дневник

Составление, подготовка текста, вступительная статья и комментарии В.Л.Гениса

Издательство Упыря Лихого

2024

Настоящее издание повторяет одноименную книгу серии «Россия в мемуарах» (Новое литературное обозрение, 2000). Два тома оригинального издания сведены в один.

Аннотация

Воспоминания революционера и публициста Василия Васильевича Водовозова (1864–1933), охватывающие период с 1880-х и до конца 1917 года, публикуются впервые. Начиная с колоритных описаний тюремного и ссылочного быта, мемуарист повествует об истории своего участия в освободительном движении, сотрудничестве с газетами и журналами демократического направления, о деятельности в Трудовой фракции Государственной Думы, а также отношениях с политическими деятелями того времени. Среди знакомых В. В. Водовозова были Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Е. В. Тарле, священник Г. А. Гапон, А. В. Луначарский и А. Ф. Керенский. Особый интерес представляет критический портрет В. И. Ленина, с которым автор тесно общался в молодости. В качестве дополнения в книгу представлен дневник 1919–1920 годов, описывающий драматический быт советского Петрограда: продовольственные карточки, дефицит дров, одежды и продуктов питания, обыски и репрессии. В послесловии прослеживается дальнейший жизненный путь Водовозова, закончившийся трагической смертью в эмиграции.

Оглавление

В.Л.Генис. «Газетный человек», или жизнь «революционного пессимиста»	7

В.В.Водовозов. Воспоминания

Часть I. Воспоминания о времени конца 80-х и начала 90-х годов

Глава I. Первый арест	58
Глава II. Тюрьма	86
Глава III. Ссылка. Материальные и духовные условия жизни в ссылке. – Полицейские условия	135
Глава IV. Ссылка (продолжение). Состав политической ссылки в Шенкурске. – Внутренняя жизнь ссыльной колонии. – Знакомства с горожанами	172
Глава V. Самара (сентябрь 1891 г. – октябрь 1892 г.). Голод. – Ленин	217

Часть II. Годы странствований. 1893–1900

Глава I. Окончание ссылки. – Поездка в Германию. – Университетская годовщина 8 февраля 1894 г. и моя высылка из Петербурга	244
Глава II. Поездка в Болгарию в 1894 г. – Драгоманов. – Стамбулов и Каравелов. – Обыск на русской границе	263
Глава III. Смерть императора Александра III. – Жизнь в Крыму. – Знакомство с Бердяевым. – Мое поселение в Киеве. – Знакомства в русских и малорусских кружках. – Арест в Австрии в 1897 г. – История «Руси» Гайдебурова. – Арест в Киеве в 1898 г.	332
Глава IV. Поездка в Германию в 1898 г. – Возвращение в Киев. – Знакомство с Луначарским. – Чтение рефератов в Литературном обществе, в студенческих и рабочих кружках. – Приезд в Киев Булгакова. – Эволюция Бердяева и Булгакова. – Арест 1899 г. – Татаров. – Ибсеновское дело. – Знакомство с Урицким	391

Часть III. Новый век. Воспоминания из эпохи 1900–1905 гг.

Глава I. Поездка за границу, в Германию и Австрию (с чужим паспортом). – Знакомство с Масариком. – Встреча с Плехановым и Аксельродом. – Возвращение в Киев (1900–1901)	447
Глава II. Диспут Тарле (осень 1901 г.)	482
Глава III. Нарастание революционного настроения в годы 1900–1904. – Участие моей жены в делах Красного Креста и ее издательство. – Н. Е. Парамонов. – Балмашев и его кружок. – Брешковская. – Мое участие в составлении прокламаций. – Поздравление генералу Новицкому с юбилеем. – Побег из киевской тюрьмы в 1902 г. двенадцати социал демократов	529
Глава IV. Лекция С. Н. Булгакова о В. С. Соловьеве и прения после нее (1902)	559
Глава V. Поездка за границу летом 1903 г. – Съезд Союза освобождения на берегах Боденского озера. – Моя лекция о развитии германской социал демократии	573
Глава VI. «Киевские отклики»	607
Глава VII. Союз освобождения и банкетная кампания в Киеве	649
Глава VIII. Переезд в Петербург. – «Наша жизнь». – Союз освобождения в Петербурге. – Так называемый освободительский проект конституции	659

Часть IV. Первая революция и ее ближайшие последствия

Глава I. 9 января 1905 г. – Священник Гапон. – Арест В. И. Семевского. – Запрещение «Нашей жизни» и «Сына Отечества». – Моя поездка в Москву. – Киев	678

Глава II. Демонстрация в Павловске по поводу Цусимы. – Моя поездка в Одессу в связи с восстанием «Потемкина». – Встреча с Вильямсом. – Заезд в Киев. – Арест моей жены. – Новая поездка в Киев и лекция Лункевича. – Я приговорен к трехмесячному аресту. – Моя первая эмиграция. – 17 октября 1905. – Рассказ Иоллоса о Рейснере. – Возвращение в Петербург на пароходе с П. Б. Струве. – Судьба А. Гибермана	709
Глава III. Осень 1905 г. – Мое отношение к кадетской партии. – «Наша жизнь», «Сын Отечества», «Без заглавия». – Избирательная кампания в 1-ю Думу. – 1905–1906 гг. – Бойкот выборов. – Крестьянский митинг в Тихвине. – Некоторые другие митинги и собрания. – Значение бойкота. – «Не найдется безумца, который посмеет разогнать Думу»	748
Глава IV. Дума народного гнева. – Всеобщая вера в нее. – Кадеты. – Образование Трудовой группы. – Аладьин, Аникин, Жилкин, Брамсон. – Политические настроения в Трудовой группе. – Разногласия в ней. – Указания на факт раскола неосновательны. – Поездка в Выборг и составление Выборгского воззвания. – Его значение	798
Глава V. Первое междудумье. – Общий характер эпохи. – Газетная и литературная работа. – «Наша жизнь». – Газетная гекатомба 2 декабря 1905 г. – Дальнейшая судьба «Нашей жизни» и ее гибель в 1908 г. – Л. В. Ходский. – Моя литературная работа помимо «Нашей жизни». – Трудовая группа в первое междудумье; обращение ее в партию. – Избирательная кампания во 2-ю Думу. – Отголосок родительского прошлогоднего пророчества о безумце, который разгонит Думу	837
Глава VI. 2-я Дума. – Партии в ней, в частности Трудовая группа. – Караваев, Березин. – Аграрный вопрос. – Законопроекты о смертной казни и амнистии. – Священник Тихвинский. Его расстрижение. – Роспуск 2-й Думы	877
Глава VII. Мои литературные процессы с 1906 по 1912 г. и амнистия 1913 г. – Эпизод из жизни М. Ковалевского	896

Часть V. Революция 1917

Глава I. Речь Милюкова 1 ноября 1916 г. как начало революции. – Мое отношение к революции; пессимистический прогноз. – Общественное настроение при наступлении революции. – Отрицательные явления в революции, сказавшиеся в первые ее дни. – Усиление преступности	948
Глава II. А. Ф. Керенский. – Керенский в IV Думе. – Керенский в 1917 г. – Мои личные встречи с ним в 1917 г. – Падение его популярности в связи с делом Корнилова	977
Глава III. Моя работа в феврале – июне 1917 г. – Моя литературная деятельность. – Статья в защиту свободы печати. – Брошюры, в частности брошюра о желательных условиях мира. Нападки на нее с двух сторон. – Моя митинговая работа. – Крестьянские митинги	1000
Глава IV. Особое совещание для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание	1026
Глава V. Моя поездка на Кавказ в августе 1917 г.	1067
Глава VI. Сентябрь и октябрь 1917 г.; партийная жизнь в Петербурге. – Краткие агитационные поездки в Новгородскую губернию. – Длительная поездка в Оренбургскую губернию. – Возвращение в Петербург. – Эпилог	1075
В. В. Водовозов. Дневник (13 октября 1919 г. – 23 декабря 1920 г.)	1122
В. В. Водовозов. Встречи с Александром Ильичом Ульяновым	1208
В. В. Водовозов. Мое знакомство с Лениным	1213
В. Л. Генис. В. В. Водовозов в журнале «Современник»	1222
В. Л. Генис. Эмиграция: «Я решил умереть...»	1249
Библиографический список основных публикаций В. В. Водовозова	1282

«Газетный человек», или жизнь «революционного пессимиста»

Сухая полицейская заметка сообщала, что 7 октября 1933 г. под Прагой, около Збраслава, бросился под поезд какой-то старик. На следующий день выяснилось, что самоубийца – русский эмигрант, 69-летний Василий Васильевич Водовозов, известный как ведущий сотрудник многих дореволюционных газет и журналов демократического направления, автор бесчисленного количества статей и десятков книг и брошюр, неутомимый лексикограф и признанный специалист по конституционному праву, досконально знавший теорию и практику избирательных законов многих стран мира. Вспоминая покойного, редактор берлинской газеты «Руль» И. В. Гессен писал, что всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право было «исповеданием веры» покойного, и ему посчастливилось дожить до осуществления своего идеала в 1917 г., когда, при деятельном его участии, разрабатывалось положение о выборах в Учредительное собрание. Но идейное торжество обошлось, увы, слишком дорого: «сладчайшая мечта» об Учредительном собрании реализовалась в виде разогнанной большевиками и презираемой самими ее избранниками «учредилки», а затем, в тяжелых условиях эмиграции, Водовозов с горечью наблюдал «закат парламентаризма» в Европе: пропорциональная система выборов «превратилась в прочный трамплин для диктатуры, исповедание веры было безжалостно разбито, и так же безжалостно он разбил свою жизнь...»¹.

Водовозов родился 22 декабря 1864 г. в Петербурге в «литературной семье»². Его отец, Василий Иванович, сын разорившегося купца, окончил историко-филологический факуль-

1 Гессен И. В. В двух веках: жизненный отчет // Архив русской революции. Берлин, 1937. Т. 12. С. 180.

2 Водовозов В. В. Автобиографическая заметка // ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 1819. Л. 1–7.

тет Петербургского университета и преподавал русскую словесность сначала в Варшаве, с 1851 г. – в столичной 1-й гимназии и недолго, в 1860–1862 гг., в Смольном институте. Талантливый педагог, изучавший дело постановки школьного обучения за границей, поэт и переводчик произведений европейских писателей Нового времени (Д. Г. Байрона, П.-Ж. Беранже, Г. Гейне, И. В. Гете) и античных, греческих (Анакреона, Еврипида, Лукиана, Софокла) и римских (Горация, Катулла, Пиндара), классиков³, В. И. Водовозов тем не менее порицал «классическую», перегруженную древними языками, систему образования, за что в 1866 г. лишился службы и, удаленный новым министром народного просвещения графом Д. А. Толстым из казенных учебных заведений, посвятил себя исключительно литературной работе. Он был автором многих учебных пособий по истории России, древней и новой русской литературе⁴, составителем «Книги для первоначального чтения в народных школах» (СПб., 1871), которая выдержала 20 переизданий, а его избранные педагогические сочинения трижды выходили уже в советское время⁵.

Мать, Елизавета Николаевна, урожденная Цевловская, происходившая из мелкопоместной дворянской семьи, была воспитанницей Смольного института, когда инспектором классов там служил основоположник российской научной пе-

- 3 См.: Водовозов В. И. Переводы в стихах и оригинальные стихотворения. СПб., 1888.
- 4 См.: Водовозов В. И. Рассказы из русской истории. СПб., 1861–1864; Он же. Новая русская литература. (От Жуковского до Гоголя включительно). СПб., 1866 (7 изданий); Он же. Книга для первоначального чтения в народных школах: В 2 ч. СПб., 1871–1878; Он же. Древняя русская литература от начала грамотности до Ломоносова. СПб., 1872; Он же. Очерки из русской истории XVIII века. СПб., 1882.
- 5 См.: Водовозов В. И. Избранные педагогические сочинения. М., 1953; 2-е изд. М., 1958; 3-е изд. М., 1986.

дагогики К. Д. Ушинский. Выйдя в 1862 г. замуж за своего преподавателя, который был старше почти на два десятка лет, она не только написала востребованную тогда книгу «Умственное развитие детей от первого появления сознания до восьмилетнего возраста» (СПб., 1871, 7 изданий), но и внесла заметный вклад в детскую литературу: ее трехтомник с иллюстрациями В. М. Васнецова «Жизнь европейских народов. Географические рассказы» (СПб., 1875–1883, 5 изданий), вышедший затем в 10 иллюстрированных выпусках, каждый из которых не раз переиздавался, под общим заголовком «Как люди на белом свете живут», и двухтомник «Из русской жизни и природы. Рассказы для детей» (СПб., 1871–1872, 8 изданий) были очень популярны, а ее мемуары не раз переиздавались⁶.

Хотя Василий Иванович и Елизавета Николаевна, у которых было трое сыновей (в 1863 г. родился Михаил, за ним – Василий, в 1870 г. – Николай) жили весьма небогато, по вторникам в их квартире устраивались литературно-музыкальные вечера, в которых, помимо знакомых педагогов и учащейся молодежи, с удовольствием принимали участие П. А. Гайдебуров, В. С. и Н. С. Курочкины, В. И. и М. И. Семевские, В. А. Слепцов, П. И. Якушкин и другие представители творческой интеллигенции. Позже многолюдные «вторники» сменились более интимными «воскресеньями», на которые собирались главным образом сотрудники журнала «Русское богатство», включая его идеолога Н. К. Михайловского. Таким образом, указывал В. В. Водовозов, «как бы сама судьба с раннего детства предопределила мне литературную дорогу»⁷, хотя в юности он мечтал вовсе не о журналистике, которой посвятил себя впоследствии, а о научной кафедре, что объяснял влиянием историка В. И. Семевского. Проживая с 1874 г. в соседней квар-

6 См.: Водовозова Е. Н. На заре жизни. СПб., 1911; Она же. На заре жизни и другие воспоминания. Т. 1–2. М.; Л., 1934; Она же. М., 1964; 1987, и др.

7 Водовозов В. В. Автобиографическая заметка.

тире, он, ученик В. И. Водовозова еще по гимназии, стал преданным другом и фактически членом его семьи, а когда в 1886 г. тот после тяжелой болезни скончался, – первым биографом покойного⁸ и вторым мужем столь рано овдовевшей Елизаветы Николаевны, заботливым отчимом двух ее сыновей – Василия и Николая (старший, 16-летний Михаил, умер от чахотки в 1879 г.). Семевский, писал Водовозов, «был первым моим учителем, и я остался связанным с ним узами теснейшей дружбы до самой его смерти в 1916 г.», а «его влияние заставило меня в ранней юности интересоваться всего более русской историей».

«Из общественных событий, под впечатлением которых я развивался, – сообщает Водовозов, – первым было восстание 1875 г. герцеговинцев и, потом, болгар против турок, оставившее на моей душе неизгладимый след и глубокий интерес к Балканскому полуострову. Мои симпатии были, конечно, на стороне славян, и я сделал бессмысленную попытку бежать из дому, чтобы стать в ряды инсургентов. Конечно, я был арестован уже на Варшавском вокзале и препровожден домой. Это был мой первый арест, произведенный полицией, когда мне было одиннадцать лет». В 1877 г. подросток был определен в гимназию при Императорском С.-Петербургском историко-филологическом институте, но в 1882 г. по желанию родителей переведен в 4-ю Ларинскую гимназию. Тогда же сильнейшее впечатление на него оказал роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?», и именно его воздействие, пояснял Водовозов, «вместе с семейными влияниями, всего более определило мое юношеское политическое мировоззрение и сделало меня народником». С Чернышевским «несколько странным образом» сочеталось увлечение «Историей цивилизации в Англии» Г. Т. Бокля, внушившего гимназисту «величайшее уважение к естественно-историческому методу в исторических науках», а из мировых писателей наибольшее впечатление произвел Бай-

8 См.: Семевский В. И. Василий Иванович Водовозов: биографический очерк. СПб., 1888.

рон с его «страстным протестом против политического гнета» и «титаническими героями», хотя впоследствии, признавался Водовозов, «в моих симпатиях его вытеснил Пушкин». Вторым сильнейшим впечатлением была Русско-турецкая война 1877–1878 гг., а следующим – покушение В. И. Засулич на столичного генерал-губернатора Ф. Ф. Трепова за его приказ высесть политического заключенного, не снявшего перед ним шапку. Дело Засулич, которую оправдал суд присяжных, отозвавшееся громким эхом во всей России, отвлекло внимание юноши от вопросов международной жизни, а террористическая борьба народовольцев с правительством заставила «горячо относиться к политической борьбе за свободу»⁹.

По окончании в 1883 г. гимназии Водовозов, как описывал его сокурник, «небольшой, чрезвычайно подвижный блондин с резкими движениями и с резкими суждениями, очень начитанный и очень самоуверенный»¹⁰, поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета и, едва начав занятия, 19 ноября был принят в студенческое Научно-литературное общество¹¹, по рекомендации, видимо, будущего историка-медиевиста И. М. Гревса, тоже выпускника Ларинской гимназии. Первую скрипку в обществе, созданном в январе 1882 г. под председательством профессора русской литературы О. Ф. Миллера, играли братья С. Ф. и Ф. Ф. Ольденбурги и князь Д. И. Шаховской, вокруг которых образовался кружок «горячих идеалистов», мечтавших о «просвещенном демократическом либерализме» и «свободе для всех». В обстановке гнетущей реакции, последовавшей за царевубийством 1 марта 1881 г., когда «скептицизм или равнодушие, апатия или придавленность захватывали широкие круги молодежи», члены кружка, считая, вслед за Л. Н. Толстым, что «так жить нель-

9 Водовозов В. В. Автобиографическая заметка.

10 Поссе В. А. Пережитое и продуманное. Л., 1933. Т. 1. С. 95.

11 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 82. 3 д-во. 1886. Д. 647. Л. 14 об.

зя», желали «поступать нравственно», «трудиться не для себя, а для мира» и, посвятив себя служению народному просвещению, науке и общественному прогрессу, вести свою работу «не разрушительным натиском, а положительным строительством»¹².

Вспоминая через три с половиной десятилетия «маленькую, задорную, пылкую фигурку» Водовозова, который принес в университет свои «остро пробудившиеся умственные интересы и знания», Гревс замечал: «Он довольно быстро сблизился с нашим кружком и стал общим другом. С ним вместе много было пережито в юности и позже; потом открылись и разногласия, но мысль о нем и его образ вызывают нежное чувство и теперь, когда редко видимся и жизнь наложила на душу каждого тяжелые борозды». Но уже тогда Водовозов проявил себя «буйным идейным радикалом», ополчившись против сочувственного изложения одним из студентов изданной в 1884 г. книги Л. Гелленбаха «Индивидуализм в свете биологии и современной философии» с предисловием В. С. Соловьева. «Юный В. В. Водовозов, – свидетельствовал Гревс, – возмущенный “проповедью метафизики”, разразился хлесткой отповедью, которая, помню как сегодня, начиналась развязными словами: “В доброе старое время, когда еще верили в Бога...” Такой тон носила вся аргументация, не лишенная местами остроумия и едкости». Хотя собрание решительно осудило новичка за столь «легкомысленное» выступление, общественное неодобрение не вызвало в нем самолюбивой обиды: «...он сам понял нетактичность и несолидность своего поступка, признал себя совершившим ошибку и сумел отрешиться от поверхностного, бойкого фельетонного способа развития идеи». Другой раз Водовозов выступил «не совсем кстати, будто бы во всеоружии самоуверенной учености, с целью сокрушить Д. С. Мережковского», который, принятый в Научно-литературное

12 Гревс И. В годы юности. За культуру: Из университетских лет: Очерк первый // Былое. 1918. № 12. С. 82, 46, 63.

общество 18 октября, прочитал на одном из его собраний свое новое стихотворение «Сакья-Муни», а ершистый оппонент «отыскал в нем искажение буддизма и готовился обрушиться на поэта с беспощадной ученой критикой». Но Мережковский «обезоружил эрудита, сейчас же кротко признав, что он, быть может, действительно отвлекся фантазией от истины», и «приготовленный заряд пропал даром»: противники расстались друзьями. Но, как подчеркивал Гревс, «сблизившись с серьезным зерном общества, Водовозов сам погрузился в сосредоточенную научную работу, стал нам дорогим и ценным сочленом, о сотрудничестве которого душевно приятно вспоминать»¹³.

В 1885 г. в связи с введением нового университетского устава, «совершенно исказившего характер историко-филологического факультета», так как он делал упор на освоение классических языков и греко-римской литературы в ущерб изучению отечественной и новейшей истории, Водовозов перешел на юридический факультет¹⁴. В это же время среди членов Научно-литературного общества образовался «Спенсеровский кружок» (главными его основателями были геолог К. К. Фохт и юрист М. И. Свешников) для изучения вопросов психологии и особенно социологии, превратившийся затем, как определял Гревс, «в маленькую политическую группу, которую по окраске можно было сблизить с типом радикалов-парламентаристов», но «отдавалась в нем известная дань и социализму; некоторые прямо разделяли его учение». В кружке участвовали и будущий академик В. И. Вернадский («больше всех нас тогда интересовавшийся политикой»), и знаменитый впоследствии адвокат А. С. Зарудный («очень ратовавший вообще за расширение элемента политической борьбы в нашей компании»), и рано умерший талантливый педагог Ф. Ф. Оль-

13 Гревс И. В годы юности. За культуру. С. 82–83.

14 Водовозов В. В. Автобиографическая заметка.

денбург, и, конечно, темпераментный Водовозов. На заседании Научно-литературного общества 19 февраля 1886 г., посвященном 25-летию отмены крепостного права, на котором профессор О. Ф. Миллер процитировал строки А. С. Пушкина «Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный и рабство, падшее по манию царя...», именно Водовозов сделал доклад, «сдержанный, содержательный», о ходе законодательных работ по освобождению крестьянства. Свою речь он закончил мыслью, что «в такой день должно не столько критиковать недоделанное, сколько оценивать значение осуществленного блага в прошлом, чтобы опираться на нем среди мрачного настоящего для подготовки лучшего будущего», и для столь «пылкого радикала», замечал Гревс, в этом тезисе «открывалось много сознательного чувства меры»; в заключение докладчик зачитал манифест от 19 февраля 1861 г., выслушанный присутствующими стоя¹⁵.

С осени 1886 г. Водовозов занимался нелегальным изданием в литографированном виде религиозно-философских трактатов Л. Н. Толстого и книг о социализме и истории революционного движения в России, а в феврале 1887 г. был арестован по доносу и после следствия в январе 1888 г. сослан в Архангельскую губернию, в Шенкурск, на 5 лет. В переписке О. Ф. Миллер, которого Водовозов называет своим «учителем, другом и товарищем», старался приободрить юношу: «работайте и не хандрите»¹⁶, а мать с В. И. Семевским навестила сына в Шенкурске, куда к нему приезжал и С. Ф. Ольденбург. «В ссылке, – писал Водовозов, – впервые я изучил сочинения Карла Маркса, которые оставили глубочайший след на всем

15 Гревс И. В годы юности. (За культуру). Отрывок второй // Былое. 1921. № 16. С. 159, 164.

16 ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2319. Л. 1–5. В архиве В. В. Водовозова сохранились письма О. Ф. Миллера от 19 июля 1887 г. (с подписью «Ваш старый и верный друг»), 22 мая 1888 г. (с его стихотворением «Привык я к жизни боевой...») и 1 января 1889 г.

моем мировоззрении. Я не сделался ортодоксальным марксистом, но и перестал быть безусловным последователем Чернышевского, каким был раньше. Всего ближе, пожалуй, мне было учение русского истолкователя марксизма Николая –она Н. Ф. Даниельсона, но и с ним я был не вполне согласен. Во всяком случае, в области теоретической я с тех пор считал себя критическим марксистом»¹⁷.

Благодаря хлопотам матери, которая, обивая пороги высоких кабинетов, умела настоять на своем («особенно боялся ее натиска министр народного просвещения Делянов, да и Дурново в должности директора департамента полиции ей в конце концов уступал»¹⁸), Водовозов получил разрешение на временное пребывание в Петербурге с мая по сентябрь 1890 г., а затем срок продлили еще на два месяца, для сдачи экзаменов на степень кандидата прав. В столице Водовозов познакомился с Ольгой Ульяновой, которая писала о нем старшей сестре: «он – очень умный человек, любит говорить и говорит интересно»¹⁹. Еще до ареста Водовозов пару раз встречался и с Анной Ульяновой, вышедшей замуж за М. Т. Елизарова, вместе с которым Водовозов учился в университете, а через Ольгу познакомился и с ее старшим братом Владимиром, исключенным из Казанского университета и приехавшим в Петербург, чтобы выяснить порядок сдачи экстерном государственных экзаменов, – и даже провел его на один из них. В январе 1891 г. кандидат прав Водовозов вернулся в Шенкурск, где 15 февраля вступил в брак с освобожденной еще в июле из ссылки 25-летней Верой Петровной Шейдаковой. Дочь бросившего жену и детей саратовского купца 2-й гильдии, слушательница Высших женских курсов в Москве и участница народнических кружков, она про-

17 Водовозов В. В. Автобиографическая заметка.

18 Кареев Н. Е. Н. Семейская // Голос минувшего. 1923. № 2. С. 181.

19 Ленин – Крупская – Ульяновы. Переписка (1883–1900). М., 1981. С. 41.

вела 14 месяцев в Саратовском тюремном замке и, сосланная в июле 1887 г. в Архангельскую губернию на 3 года, этапом была отправлена в Холмогоры, а оттуда, в марте 1888 г., – в Шенкурск; в июне стрелялась из-за несчастной любви, но через два с половиной года, сблизившись с товарищем по ссылке, вышла за него замуж.

В июле 1891 г. Водовозов получил разрешение отбыть оставшийся срок в Самаре, куда приехал с женой 26 августа, и первое время, до весны, часто посещал жившую в городе семью Ульяновых, хотя «приходил больше к старшей сестре – они читали вместе по-итальянски»²⁰. Но в связи с постигшим Россию неурожаем Водовозов активно включился в деятельность самарских благотворительных организаций, которые привлекли местную интеллигенцию к размещению пришлых, бежавших из деревень в город в надежде найти пропитание крестьян, устройству для них столовых и чайных, организации общественных работ, формированию санитарных отрядов, – а В. И. Ульянов был категорически против какого-либо сотрудничества поднадзорных с властями, считая, что «с таким собранием губернаторских чиновников есть один способ разговора: рукой за горло и коленкой на грудь», и доказывал «ничтожность всей подобной помощи голодающим при существующем строе»²¹. Несмотря на разногласия, когда 29 сентября 1892 г. Водовозов с женой уезжал из Самары, простились тепло, а 24 ноября Ульянов обратился к нему с обширным посланием: речь снова шла о голодающих, которым земский участковый начальник С. А. Аксаков выдал хлеб «качества совершенно невозможного, гнилой, с червями», и, хотя «начато было следствие», говорят, что «дело это замяли». Намередываясь все «разузнать», Ульянов описывал, как в Самарском уезде,

20 Ульянова М. И. Из самарского (алакаевского) периода (1889–1893 годы) // В. И. Ленин в Самаре: сб. воспоминаний. Куйбышев, 1980. С. 18–19.

21 Беляков А. А. Юность вождя // Там же. С. 172.

пригрозив «ослушникам» арестом, не допустили перевыборы местного крестьянина в земское собрание, и подытоживал: «Новое земство, по всей видимости, будет жалкой комедией с действительным хозяйничаньем земских начальников и с неуклюжей внешностью самоуправления». Ленинское письмо, которое Водовозов сохранил в своем архиве²², впервые опубликовали только в 1966 г.²³, не включив в 55-томное «полное» собрание сочинений, в десяти томах которого приведено громадное эпистолярное наследие лидера большевизма начиная... с 1893 г.!

Тем не менее в своих мемуарах члены существовавшего тогда в Самаре «ленинского» кружка демонстративно уничтожительно отзывались о «будущем белогвардейском эмигранте»²⁴, и, например, Д. И. Ульянов, тогда – гимназист, впоследствии напишет: «Владимир Ильич недолюбливал его. У этого Водовозова была большая библиотека, так что вся его комната до отказа была заставлена книжными шкафами, все книги были чистенькие, в новых переплетах. Он очень дорожил своей библиотекой, и казалось, что книги любил больше, чем живых людей. По своей начитанности он, вероятно, был первым в городе, но эта начитанность, очевидно, так давила на его мозг, что сам он не представлял из себя ничего оригинального. Он не был ни марксистом, ни народником, а так, какой-то ходячей энциклопедией»²⁵.

С 1891 г. Водовозов сотрудничал в московском журнале «Юридический вестник» и посылал корреспонденции в сто-

22 ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2587. Л. 3–4.

23 См.: Новый документ В. И. Ленина // Вопросы истории КПСС. 1966. № 3. С. 3–5.

24 Семенов (Блан) М. И. Самара и подпольные кружки ленинского периода // В. И. Ленин в Самаре. С. 87.

25 Ульянов Д. И. Из самарского периода (1889–1893 годы): В Алакаевке // Там же. С. 25–26.

личный еженедельник «Неделя», в котором еще до ареста, с декабря 1886 г., вел рубрику «Политические известия». После возвращения в Петербург литературная работа, которой в ссылке удавалось заниматься только урывками, стала главным делом его жизни: он много печатался в журнале «Мир Божий», писал статьи для Энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, в качестве корреспондента газеты «Русская жизнь» побывал в 1893 г. в Германии, а в 1894–1895 гг. – в Болгарии, дипломатические отношения которой с Россией были уже почти десять лет как разорваны. Именно благодаря очеркам «Стефан Стамбулов» в журнале «Русское богатство» (1895. № 4) и «По Болгарии. Из воспоминаний о поездке 1894 г.» в «Вестнике Европы» (1895. Т. 5. Кн. 9/10) Водовозов стал известен широкому кругу читателей. В декабре 1895 г. Водовозов с женой обосновался в Киеве, а в июне 1896 г. ему позволили недельное пребывание в Петербурге в связи с кончиной младшего брата, умершего 25 мая, тоже от чахотки, в Вене. Автор биографического очерка о Мальтусе (СПб., 1895) и посмертно изданного сборника «Экономические этюды» (М., 1896), Н. В. Водовозов женился на дочери совладельца торгового дома и судходного общества «Добровольный флот», основав с ней издательство, в котором в 1899 г. под псевдонимом В. Ильин вышли первые ленинские труды – «Экономические этюды и статьи», «Развитие капитализма в России».

В феврале 1897 г. Водовозов в качестве корреспондента газеты «Русь» отправился в Австрию, где проходили парламентские выборы, но, арестованный, был выслан из страны. В том же году он написал свою первую книгу – «Материалы для характеристики положения русской печати», которую без указания имени автора издал «Союз русских социал-демократов» в Женеве. В мае Водовозов опять уехал в Германию и провел там почти полгода, а вернувшись в Россию, вместе с Н. А. Бердяевым, С. Н. Булгаковым (женившимся на сестре издательницы М. И. Водовозовой), А. В. Луначарским, М. Б. Ратнером и Е. В. Тарле принял участие в деятельности Киевского литературно-артистического общества, на собраниях которого выступал

с рефератами или в качестве оппонента. Но, так как получить официальное разрешение для чтения публичной лекции было сложно, чаще приходилось выступать нелегально в частных квартирах, и 29 апреля 1900 г. Водовозов с женой был арестован на реферате Луначарского о Г. Ибсене. Предполагалось, что Водовозов и Тарле будут оппонировать докладчику, но вместо этого оба оказались в одной тюремной камере.

В ноябре 1900 г. Водовозов в очередной раз уезжает в длительную заграничную поездку по Европе, из которой возвращается только в мае 1901 г. «Живя в Киеве, – писал он, – я имел близкие отношения с обеими политическими партиями того времени, социал-демократической и социал-революционной, не вступая активно ни в ту, ни в другую. По общей программе мне были ближе социал-демократы, но их сектантский дух и кружковщина отталкивали меня от них, и я по большей части играл роль своего рода маклера между двумя партиями, стремясь к их сближению между собой и к общим действиям»²⁶. В возможность близкой победы социализма Водовозов уже решительно не верил и, наблюдая «линяние» европейской социал-демократии, отход ее от марксистской революционной ортодоксии и стремление приспособиться к буржуазному миру, сгладить противоречия, взять курс на «бесконечное» движение в сторону постепенного реформирования общественного строя, предрекал неизбежность победы социал-ревизионизма. Он указывал, что исходной точкой его мировоззрения, сильно окрашенного в пессимистические цвета, было разочарование в социализме, убеждение, что это не научное учение, а, по сути, религиозное.

Лето и начало осени 1903 г. Водовозов снова провел в Германии: наблюдал очередные выборы в рейхстаг и прусский ландтаг, посещал заседания съезда немецких социал-демократов в Дрездене (в 1898 г. он уже присутствовал на их фору-

ме в Штутгарте), а затем участвовал в совещании, на которое съехались русские «конституционалисты» – сторонники редактируемого П. Б. Струве журнала «Освобождение». Вернувшись в Киев, «революционный пессимист», как называл его Струве, организовал вместе с Булгаковым и Бердяевым местное отделение либерального Союза освобождения, который, как предполагалось, объединит все оппозиционные правительству элементы, мечтающие о введении конституции. С ноября Водовозов вел иностранный отдел в ежедневной газете «Киевские отклики», а с марта 1904 г. вошел в ее редакционный комитет, но одновременно вел иностранную хронику в одесском еженедельнике «Южные записки» и по-прежнему много писал для Энциклопедического словаря, в котором ему принадлежит свыше тысячи статей. В ноябре он был приглашен заведовать иностранным отделом ежедневной петербургской газеты «Наша жизнь» и, являясь, как признавался, «по своему характеру всего более газетным человеком», с удовольствием принял это предложение, тем более что большинство членов редакции входило в Союз освобождения. Но уже 5 февраля 1905 г. «Нашу жизнь» запретили на три месяца, и свой вынужденный отпуск Водовозов использовал для написания брошюр по избирательному праву. Еще раньше вместе с другими юристами, членами Союза освобождения, он взялся за разработку проекта будущей российской конституции, для обсуждения которого не раз ездил в Москву, останавливаясь у своего университетского друга В. И. Вернадского.

В череде митингов и собраний, разрешенных после «высочайшего» манифеста 17 октября, Водовозов – постоянный оратор и лектор по вопросам текущей политики, государственного и прежде всего избирательного права. Но когда большая часть Союза освобождения перешла в Конституционно-демократическую партию, Водовозов отказался в нее вступить, что объяснял несогласием не столько с ее программой, сколько с тактикой, а к эсерам и эсдекам не присоединился как из-за неприятия террора первых и узкого догматизма вторых, так и в связи с проводимой ими кампанией бойкота выборов в

Государственную думу. В новых условиях газета «Наша жизнь» фактически стала внепартийным органом тех элементов, которые, заняв позицию «левее кадетов», но правее эсдеков и эсеров, группировались в политическом еженедельнике «Без заглавия», который издавала Е. Д. Кускова, объединяя таких же, как Водовозов, «диких» социалистов или «критических» марксистов. Вместе с тем, как вспоминал С. С. Ольденбург, оказавшийся после большевистского переворота в эмиграции (в отличие от своего отца, непрямого секретаря Академии наук СССР), но признававшийся, что «с ранних лет считал себя в известной мере учеником Василия Васильевича в деле изучения сложной ткани политической жизни современной Европы», Водовозов «обладал одним свойством, крайне редким в людях с живым политическим интересом: он умел видеть явления современной жизни вне зависимости от своих симпатий и антипатий». Водовозов «умел беспристрастно и добросовестно вглядываться в самые для него чуждые и идейно ему враждебные течения», мог «от себя» охарактеризовать ту или иную партию, того или иного человека весьма нелестным выражением, но в то же время «с полной точностью излагал их взгляды, не приписывая им того, что им несвойственно», т. е. «при зачастую ярком полемическом тоне в спорах Василий Васильевич отличался редким отсутствием злобности и предвзятости»²⁷.

Впрочем, филиппики, которые Водовозов со свойственной ему прямоотой и горячностью обрушивал против кадетов, вызывали искреннее недоумение у еще вчера близких ему людей. Уважая большую часть выдающихся деятелей Конституционно-демократической партии, в рядах которой были многие его друзья (В. И. Вернадский, И. М. Гревс, А. А. Кауфман, С. Ф. Ольденбург, Д. И. Шаховской и др.), безусловно веря в их личную честность, Водовозов считал, что под знамена кадетов

27 Ольденбург С. С. Памяти В. В. Водовозова // Россия и славянство. 1933. № 226. 1 нояб.

собрались «люди умеренные по темпераменту, умеренные по своим убеждениям», «не идущие впереди событий, а увлекаемые ими», и отрицание социализма и республики привлечет в их партию «элементы, являющиеся не только демократами и революционерами в весьма малой степени», но и откровенно «враждебные интересам трудящихся масс». Невинные слова предвыборного воззвания Василеостровского районного комитета партии: «То, чего добивались наши отцы и мы, о чем мечтали наши деды, стало, наконец, нашим правом: мы – граждане русской страны, призванные чрез своих представителей управлять нашей родиной» – Водовозов заклеил «позорными», поясняя, что мечтали вовсе не об ущербной думе, «избираемой в отдельных стойлах четырехстепенным образом», а о «парламенте, основанном на всеобщем голосовании». Но, порицая кадетов, «тянувшихся в хвосте общественного движения», Водовозов делал оговорку, что все же пока они играют «положительную роль, закрепляя завоевания революции», и вступать с ними в активную борьбу «значит тратить даром силы, которые нужно направлять против деспотизма»²⁸.

С. Ф. Ольденбург, которого статья Водовозова «глубоко огорчила», пенял ему 20 января: «У нас так принято с легкой совестью говорить оскорбительные вещи, что на них и внимания не обращают. Но ты не такой и тем не менее, не подумав и не взвесив хорошенько, нашел возможным кинуть слово “позорный” по отношению к документу, за которым не мог не видеть, среди других имен, имя человека, которого ты знаешь более 20 лет и о котором, думаю, ты ничего нечестного и позорного не знаешь». Упрекая автора в «непростительном легкомыслии», показывающем, что Водовозов остается «в значительной мере теоретиком и кабинетным человеком», Ольденбург признавал, что между социалистами и кадетами – «конечно, пропасть», но первые ставят заведомо недостижимые

28 Водовозов В. Конституционно-демократическая партия и трудящиеся массы // Народное хозяйство. 1906. № 29. 19 янв.

цели, а вторые – «только то, что они берутся осуществить, не обманывая никого несбыточными обещаниями», поскольку «не на потоках крови, разоренных фабриках и сожженных усадьбах построится новая Россия, – это только тормозы, как и московское восстание». Ольденбург считал, что Водовозов «как честный журналист обязан взять слово “позорный” назад», но заканчивал свое письмо: «Искренно уважающий тебя и любящий»²⁹.

Столь же примирительно укорял «старого друга» и Кауфман: «Зачем и вы, и вам подобные тратите столько времени и места на полемику с конституционными демократами? И зачем я, и мне подобные будем тратить столько времени и сил на полемику с людьми вашего типа?.. Я понимаю, если с нами ведут ожесточенную войну социал-демократы (русские с.-д.!) или крайние социалисты-революционеры; я понимаю, что и нам, сторонникам конституционных способов борьбы и эволюционных путей экономического развития, приходится бороться с ними, потому что с ними наше разногласие – разногласие не в программе, не в конечном идеале, а в тактике – коренное и непримиримое: *они* считают вредной и губительной нашу “игру в парламент” и наше, по их мнению, постепенчество; – *мы* считаем губительными и вредными непрерывную революцию и проведение в жизнь “захватного права”. Но *нам с вами*, право, ни к чему съедать друг друга. <...> *Пока* мы боремся в политической области за то же, что и вы: за свободу личности и свободные политические формы; в экономической – почти за все, что стоит и в вашей практической программе. А если мы теперь определенно написали в своей программе конституционную монархию, если мы не требуем учредительного собрания, – так разве это так важно?!»³⁰

29 ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2546. Л. 1–3.

30 Кауфман А. Борьба или выяснение отношений. (По поводу статьи В. В. Водовозова) // Наша жизнь. 1906. № 355. 29 янв.

Возражая против утверждения Водовозова, что в ходе избирательной кампании в Думу кадеты «тщательно остерегались марать себя союзами налево и в то же время охотно делали книксены направо»³¹, эмоциональный Гревс обратился к нему 2 апреля с «открытым письмом», не попавшим, впрочем, в печать, под заголовком «Умейте быть справедливым!». С горечью упрекая Водовозова за его сомнения в чистоте демократических намерений прежних соратников, Гревс призывал Водовозова не сражаться с «ветряными мельницами» и «придуманными врагами», а, присоединившись к конституционным демократам, укрепить левый фланг их партии: «...Идите лучше к нам со своими большими знаниями, испытанной преданностью свободе и народному праву, со своею неукротимой энергией и самоотверженным сердцем. Лучше поздно, чем никогда! Тогда Вы останетесь критиком, но приобретете беспристрастие»³².

С другой стороны, Ульянов-Ленин, который на апрельском IV (Объединительном) съезде РСДРП снисходительно характеризовал Водовозова «добрым болтуном», желающим «стоять левее кадетов»³³, уже летом не без удовлетворения отмечал, что этот «полу-кадет, полу-меньшевик», ратовавший за поддержку на выборах конституционных демократов, ныне прозрел, заявляя, что весь характер их партии определяет «коренное противоречие между радикальной программой и совсем нерадикальной тактикой»³⁴.

Не без влияния народнических идей, воспринятых от родителей-шестидесятников и их ближайшего окружения, Водо-

31 Водовозов В. Поражение правительства // Там же. № 406. 29 марта.

32 ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2134. Л. 1–7.

33 Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1968. Т. 12. С. 382.

34 Водовозов В. В. Партия мирного обновления // Товарищ. 1906. № 32. 11 авг.

водовозов начинает тесно сотрудничать с преимущественно крестьянской по составу Трудовой группой, насчитывавшей в первой Государственной думе более сотни депутатов, т. е. почти четверть ее состава. Трудовики нередко приглашали его для докладов по разным вопросам парламентской жизни, и понемногу он «втянулся в работу Трудовой группы и скоро стал активным ее членом»³⁵. Не допущенный к выборам в депутаты и затем вовсе лишенный избирательных прав, Водовозов как член юридической комиссии Трудовой группы получил на ее заседаниях право решающего голоса, а в июле после роспуска Думы вместе с ее депутатами отправился в Выборг, где по поручению трудовиков составил проект революционного воззвания к народу, но большинство проголосовало за текст, предложенный кадетами. В октябре на 1-м съезде Трудовой группы Водовозов был избран членом ее центрального комитета и оставался в нем вплоть до лета 1917 г., когда произошло объединение трудовиков с народными социалистами.

С 12 января 1906 г. Водовозов – официальный редактор газеты «Народное хозяйство», выходявшей вместо приостановленной «Нашей жизни», а после возобновления ее выпуска 22 января занимает в ней ту же должность, одновременно заведующим иностранным отделом и являясь обозревателем по вопросам избирательного права. «По каждому вопросу в его архиве было собрание газетных вырезок и других материалов, – вспоминал член редакции М. И. Ганфман, – и помощники Василия Васильевича нередко стонали от той требовательности, которую он предъявлял к ним, как к себе самому». Припоминая их столкновение по поводу одной из «опасных» статей, в которой Водовозов бесстрашно прокламировал введение республиканской формы правления, Ганфман отмечал, что тщетно члены редколлегии, которых отнюдь нельзя было упрекнуть в монархизме, доказывали автору «неактуальность» столь рис-

кованной темы: «Василий Васильевич стоял на своем и заявил своим отчетливым чеканным тоном: “В этом случае я первый раз в своей практике ссылаюсь на мои права ответственного редактора. Я беру на себя не только политическую и моральную ответственность, но и уголовную”»³⁶.

Рассмотрев 17 августа 1906 г. «литературные преступления» Водовозова, Особое присутствие С.-Петербургской судебной палаты оправдало его по пяти из них, но за две газетные статьи приговорило соответственно к 6 и 3 месяцам тюремного заключения, а за очередной выпуск «Сборника программ политических партий в России», изданный под видом журнала «Вестник свободы», – к заключению в крепости сроком на один год с воспрещением «принимать на себя в течение пяти лет звание редактора или издателя какого бы то ни было временного издания»³⁷. Водовозов подал кассационную жалобу в Правительствующий сенат, но вслед за одними обвинениями следовали другие! «Едва приговор, – указывал Водовозов, – вступал в законную силу и я уже отбирал вещи для переселения в казенную квартиру, как ко мне являлся дворник с повесткой с вызовом к следователю для допроса по новому делу. Это не было новым, по времени совершения, преступлением, – в таком случае оно не послужило бы поводом для отсрочки наказания; напротив, все мои преступления были совершены в 1905–6 г., но разбирались они вплоть до 1912 г. В этом отношении мне повезло совершенно исключительным образом»³⁸.

В ходе избирательной кампании во 2-ю Государственную

36 Ганфман М. Встречи с В. В. Водовозовым // Сегодня. 1933. № 280. 10 окт.

37 См.: Дело В. В. Водовозова в С.-Петербургской судебной палате по обвинению в девяти литературных преступлениях <...>. СПб., 1906. С. 14–26, 53–57.

38 Водовозов В. В. Автобиографическая заметка.

думу Водовозов призывал оппозицию, от кадетов до социал-демократов, к заключению предвыборного соглашения, считая, что задача трудовиков – «главным образом объединительная» и они добровольно взяли на себя роль «свата»³⁹. Тем не менее на предвыборном собрании 22 января 1907 г. в Тенишевском училище Водовозов пенял кадетам, что они «ведут уже какие-то таинственные переговоры с правительством», а их лидер П. Н. Милюков был принят П. А. Столыпиным. «Я не порицаю самого факта хождения к Столыпину, – замечал Водовозов, – но плохо то, что кадеты все это делают в тиши, за спиной избирателей, и что г. Милюков хранит в глубокой тайне результаты своего визита». Говорят, заявил Водовозов, что между правительством и Милюковым уже имеется «какая-то сделка», после чего, как сообщала кадетская газета «Речь», в зале «поднимается неистовый шум и звучат крики: “Довольно!” Председатель просит публику успокоиться, и оратор продолжает: “Кадеты боятся народа, они избегают поэтому всяких призывов к самостоятельности народной”. Снова протесты и крики: “Довольно, долой!”»⁴⁰ Милюкову пришлось сознаться, что он действительно посетил Столыпина «по вопросу о легализации партии», хотя из разговора выяснилось, что условием для этого «ставятся некоторые шаги, не вытекающие из нормального порядка ведения дела о регистрации и для партии неприемлемые»⁴¹. Впрочем, признание Милюкова не удовлетворило Водовозова, который, ратуя за формирование «левого блока», в своих речах и статьях по-прежнему страстно «громил кадетов, кадетскую тактику, кадетскую программу»⁴².

В Думе трудовики опять заняли второе, после кадетов,

39 Предвыборные собрания // Речь. 1907. № 7. 9 янв.

40 Предвыборные собрания // Там же. № 19. 24 янв.

41 Милюков П. А. Мое «соглашение» с П. А. Столыпиным. (Ответ «Слову» и В. В. Водовозову) // Там же.

42 См.: Предвыборные собрания // Там же. № 24, 25. 30, 31 янв.

место по количеству депутатов, но деятельность ее продолжалась всего чуть более трех месяцев, с 20 февраля по 3 июня 1907 г. «Речь» пренебрежительно характеризовала Трудовую группу «фатальным пустым местом» и «вывеской при своей собственной парламентской фракции», «крепкой только задним умом», которая, занимаясь демагогией и рекламируя себя, кормит «неисполнимыми обещаниями» крестьян⁴³. Водовозов, по мнению кадетов, являлся одним из лидеров Трудовой группы, которые, претендуя «руководить этим несчастным, бородатым, тяжелым на подъем крестьянским миром», сознательно, для «туманного будущего», жертвуют настоящим «огромного класса русского населения», рекомендуя «размахивать картонным мечом в надежде, что кто-нибудь примет его за настоящий»⁴⁴. Водовозов не мог удержаться от ответа и, отвергая совет преобразовать Трудовую группу в крестьянскую партию, утверждал, что «исторический момент требует совместных действий крестьянства, рабочего класса, интеллигенции, городской ремесленной буржуазии, – объединения, а не разъединения». Если кадеты, запальчиво доказывал он, выступают за реформирование государства «путем сделок, соглашений, уступок и полу-уступок направо и налево (главным образом направо)» и считают, что нужно пользоваться правом голоса в Думе не для выставления своих требований, а с целью «охранять» его, совершенно похоронив себя как «партию оппозиции», то трудовики, напротив, убеждены, что «путешествия в министерские прихожие в прямом и переносном смысле являются приемами борьбы совершенно дискредитированными», а разрешение земельного и других наболевших вопросов, помимо думской работы, возможно только за счет поддержки и организации широких слоев народных масс. «Могу уверить “Речь”, – подчеркивал Водовозов, – что я никогда не брал на себя задачи быть лидером или руководителем крестьянства

43 Там же. № 180. 2 авг.

44 Еще о Трудовой группе // Там же. № 184, 186. 7, 9 авг.

или хотя бы крестьянских депутатов; я выступал в думской Трудовой группе почти исключительно тогда, когда меня просили высказаться по какому-нибудь вопросу в пределах моих специальных знаний; меня скорее можно назвать юрисконсультom Трудовой группы, чем ее лидером»⁴⁵.

После запрещения «Нашей газеты» в августе 1906 г. Водовозов заведовал иностранным отделом и состоял членом редакций заменивших ее газет – «Товарищ» (август 1906 г. – декабрь 1907 г.), «Столичная почта» (октябрь 1906 г. – март 1908 г.), «Наш век» (январь 1908 г.), «Наша газета» (март 1908 г., январь – апрель 1909 г.), «Правда жизни» (декабрь 1908 г. – апрель 1909 г.), участвуя и в других периодических изданиях. Кускова, с которой Водовозов был связан многолетним товариществом – не только по работе в демократической прессе, но и политическими пристрастиями, считала, что настоящим его призванием являлись «познание и претворение точных научных данных в популярную газетную, журнальную статью или брошюру, доступную массовому читателю». Водовозов «был ценнейшим сотрудником всякого литературного предприятия именно потому, что его энциклопедизм всегда сочетался с добросовестностью, почти скрупулезным отношением к объективной постановке проблемы или фактов. Заскакивать вперед, оперировать “интуицией” вместо анализа или же кормить читателя отсебятиной вместо сообщения ему точных данных по данному предмету он не любил. В редакции мы шутя называли его “энциклопедическим словарем”, а в энциклопедических словарях он был незаменимым работником именно в силу этого пристрастия к точному и четкому знанию»⁴⁶. Другой коллега, А. М. Хирьяков, отмечал, что, хотя Водовозов не посвятил себя преподавательской деятельности, наслед-

45 Водовозов В. «Речь» и Трудовая группа // Товарищ. 1907. № 337, 339, 343, 349. 5, 8, 12, 19 авг.

46 Кускова Е. Памяти В. В. Водовозова // Последние новости. 1933. № 4585. 11 окт.

ственность сказывалась в его стремлении выражать свои мысли «в наиболее ясных, точных и удобовоспринимаемых формах», и даже самый склад речи был характерно педагогическим: «Он отчеканивал фразу за фразой, как бы стараясь вдолбить в головы слушателей с наибольшей прочностью те воззрения, которые считал правильными. Как сейчас вижу его с характерным потряхиванием головы и укоризненно повторяющим: “глаза, господа, даны человеку для того, чтобы видеть, а не для того, чтобы только моргать, а уши даны, чтобы слушать, а не хлопать ими”»⁴⁷.

В конце 1904 г. Водовозов стал одним из инициаторов проведения совещания представителей периодических изданий, на котором обсуждалась идея созыва I Всероссийского съезда русской печати. Состоялся он только в июне 1908 г. и, помимо решения профессиональных задач, обсудил, как отметить 80-летие Л. Н. Толстого. Водовозов, избранный одним из секретарей «комитета съезда временной печати», нес большую часть его практической работы: от составления и рассылки «циркуляров», приглашавших зарубежных деятелей присылать статьи для «толстовского» сборника, а редакции – их номера, посвященные юбилею, до чтения лекций⁴⁸. «Первая революция, давшая на время русскому обществу некоторую свободу, – писал Водовозов, – дала возможность мне выступить в качестве публичного лектора по разным вопросам политики, государственного права и истории литературы, в частности я особенно охотно читал публичные лекции о Пушкине. В течение 1905–07 гг. я прочитал бесчисленное множество таких лекций в различных городах Российской империи. По большей части эти лекции оканчивались благополучно, но иногда прерывались полицией и вызывали составление протокола. С 1907 г. лекции почти систематически запрещались и только с 1911 г.

47 Хирьяков А. Под колесами судьбы. (Памяти В. В. Водовозова) // Молва. 1933. № 235. 13 окт.

48 ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2686. Л. 3; Д. 238. Л. 1, 5–7.

вновь изредка разрешались»⁴⁹.

Во время избирательной кампании в 3-ю Государственную думу Водовозов намечался петербургским кандидатом Трудовой группы, но ввиду опасений, что он не будет допущен к выборам, совещание народных социалистов и трудовиков решило снять его кандидатуру⁵⁰. В новую Думу, открывшуюся в ноябре 1907 г., вследствие ужесточения избирательного законодательства трудовики смогли провести лишь 14 депутатов: численность фракции сократилась более чем в шесть раз. «Начался для нас период бледный и вялый, – сетовал Водовозов. – Мы были слабы в Думе, у нас не было крупных талантов, и большого влияния на Государственную думу мы не могли иметь»⁵¹. В мае 1909 г. Водовозов сделал попытку уйти на педагогическую работу, подав прошение попечителю Кавказского учебного округа об утверждении «в звании преподавателя» с программой лекций по курсам «новой истории и русской истории до Петра Великого», которые он намеревался читать на Высших женских курсах в Тифлисе⁵². Получив, видимо, отказ из-за политической «неблагонадежности», Водовозов снова уехал за границу – в Константинополь, где в результате младотурецкой революции был низложен султан Абдул-Хамид II и введена конституция, о чем писал для газеты «Русское слово»⁵³, и его статьи в «Турецком сборнике»⁵⁴ оценивались как

49 Водовозов В. В. Автобиографическая заметка.

50 См.: К выборам. Будет ли левый блок? // Русь. 1907. № 243. 13 сент.; К выборам. В Трудовой группе // Там же. № 248. 18 сент.; Азра Стембо А. Я. В народническом блоке // Там же. № 262. 2 окт.

51 ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 1707. Л. 16.

52 Там же. Д. 2902. Л. 1.

53 См.: Водовозов В. По Турции // Русское слово. 1909. № 157, 164, 169, 172. 10, 18, 24, 28 июля.

54 См.: Он же. Старый режим в Турции; Младотурки // Турецкий сборник. СПб., 1909. С. 57–96, 164–189.

«наиболее содержательные»⁵⁵.

Вернувшись в Петербург, где в связи с довыборами в Государственную думу шли избирательные собрания, Водовозов по обыкновению резко нападал на кадетов, упрекая Милюкова, ездившего в составе парламентской делегации в Лондон, за его заявление, что в России есть «конституция и ограниченная монархия»⁵⁶. Хотя в пылу агитационной полемики Водовозов отзывался о лидере кадетов весьма нелицеприятно, он признавался, что если бы кто-нибудь взялся за «большую характеристику Милюкова как человека и общественного деятеля», наполнив ее одними насмешками над его лондонской речью и переговорами о министерском портфеле, то «решительно восстал бы против и сказал: “Здесь не весь Милюков”»⁵⁷.

Принятый в октябре 1907 г. в С.-Петербургское литературное общество, Водовозов вошел в состав оргкомитета по устройству 2-го Всероссийского съезда писателей⁵⁸, на котором 23 апреля 1910 г. представил проект устава писательской организации и сделал доклад об авторском праве, доказывая, что право на перевод должно быть «свободным»⁵⁹. Одно из следующих заседаний съезда, 26 апреля, ознаменовалось скандалом: депутат 1-й Государственной думы, доктор агрономии Т. В. Локоть, издававший юдофобский еженедельник «Киев», выступил с докладом «О национализме и периодической печати», в котором, демонстрируя «таблицу, показывающую в процент-

55 Русские ведомости. 1909. № 142. 23 июня.

56 Предвыборные собрания // Речь. 1909. № 252, 259. 14, 21 сент.; Собрание в Гавани // Новая Русь. 1909. № 253. 15 сент.

57 РГАЛИ. Ф. 34. Оп. 2. Д. 108. Л. 16 (Письмо А. В. Амфитеатрову. 14 июня 1911 г.).

58 См.: От комитета по устройству всероссийского съезда писателей // Новая Русь. 1910. № 58. 28 февр.; В литературном обществе // Речь. 1910. № 43. 13 февр.; № 70. 13 марта.

59 Об авторском праве // Новая Русь. 1910. № 110. 24 апр.; Речь. 1910. № 110. 24 апр.

ном отношении, какая из национальностей занимается более выгодными профессиями», уверял, что «поляки и особенно евреи стремятся захватить мир». Водовозов и другие ораторы резко возражали, а когда докладчик вновь занял кафедру для заключительного слова, большая часть съезда покинула зал в знак протеста, вызвав реплику Локотя, что ушли, мол, как и следовало ожидать, евреям⁶⁰. «Я не уходил, – обращался Водовозов в «открытом» письме к вчерашнему соратнику (Локоть вышел из Трудовой группы в апреле 1909 г.), – так как мне было интересно узнать, что вы можете возразить оппонентам и в том числе мне, но, возмущенный недопустимым, чисто новременским приемом зачисления всех своих противников в ряды нелюбимой вами народности, я крикнул вам: “Вы лжете! Я – русский, и я ухожу!” За мной ушла почти вся аудитория...» Водовозов, избранный 28 апреля в президиум оргкомитета Всероссийского литературного общества, одним из его секретарей и членом «суда чести»⁶¹, считая, что Локоть обязан «договорить до конца», предложил ему публичный диспут⁶². Вызов был принят, но во избежание «возбуждения национальной вражды» киевский губернатор запретил «словесную дуэль», и, хотя ее перенесли в столицу, назначив на октябрь, большинство С.-Петербургского литературного общества посчитало, что его трибуна не место для антисемитских речей⁶³. Водово-

60 Национализм и периодическая печать // Новая Русь. 1910. № 113. 27 апр.; 2-й съезд писателей и журналистов // Речь. 1910. № 113. 27 апр.; Локоть Т. Прогрессивная нетерпимость. (Письмо в редакцию) // Новое время. 1910. № 12257. 28 апр.

61 Хроника съезда // Вестник второго Всероссийского Съезда Писателей. 1910. № 9. 4 мая. С. 60.

62 Водовозов В. Открытое письмо проф. Локтю // Новая Русь. 1910. № 116. 30 апр.; К диспуту В. В. Водовозова с Т. В. Локтем // Киевские вести. 1910. № 134. 10 мая.

63 Речь. 1910. № 139. 23 мая; Локоть Т. Мой диспут с В. В. Водовозовым. (Письмо в редакцию) // Новое время. 1910. № 12289. 30

зов был раздосадован таким «актом нетерпимости»⁶⁴, тем более что являлся членом совета и, с 3 мая 1910 г., секретарем общества, оставаясь в этой должности до закрытия его 1 июля 1911 г. за «суждения, имевшие своим предметом критику распоряжений правительства»⁶⁵.

Помимо газетной работы, в 1908–1909 гг. Водовозов вел постоянную рубрику «Иностранная жизнь» в литературном, общественно-политическом и популярно-научном журнале «Бодрое слово», выходившем дважды в месяц. С осени 1909 г. столь же регулярно Водовозов помещал свои обзоры – «Русские журналы» и «Государственная дума» – в еженедельном издаваемом Р. М. Бланком вестнике культуры и политики «Запросы жизни», в котором весной 1912 г., во время предвыборной кампании в 4-ю Государственную думу, напечатал статью «Избирательная программа Трудовой группы». Водовозов доказывал, что «интересы крестьянства, рабочего класса и трудовой интеллигенции не только не противоречат друг другу, но и почти тождественны», вследствие чего одна партия вполне могла бы обслуживать интересы всех трех социальных групп, но в силу исторических условий «рабочий класс нашел свое представительство в лице партии социал-демократической, и потому Трудовая группа естественно должна была явиться по преимуществу политической представительницей крестьянства»⁶⁶. Этот тезис вызвал резкую отповедь Ленина, который, рассматривая трудовиков как «народнических ликвидаторов», то есть ограничивающих политическую деятельность исключительно легальными формами⁶⁷, решительно не соглашался с

мая; Он же. Литературному обществу. (Открытое письмо) // Там же. № 12455. 24 окт.

64 ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2288. Л. 4–5.

65 Там же. Д. 1171. Л. 19.

66 Водовозов В. Избирательная программа Трудовой группы // Запросы жизни. 1912. № 13. 31 марта. Стлб. 771–778.

67 Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1968. Т. 21. С. 249.

их претензией на создание «надклассовой партии». Ленин писал, что Водовозов, говоря о «глубокой пропасти», лежащей между кадетами как «мирными эволюционистами» и трудовиками, полагающими, что «только коренной и глубокий переворот во всем государственном и социальном строе может вывести Россию на дорогу правильного и здорового развития», слишком неглубоко понимает грань между демократизмом и либерализмом, игнорирует различие классовых интересов. Обличая «недостаточную последовательность трудовиков как буржуазных демократов», Ленин язвил, что они хотят быть радикальнее кадетов, но отказываются от признания их «контрреволюционного либерализма»⁶⁸.

Посчитав марксизм Ленина «крайне упрощенным, вульгаризованным, открыто пренебрегающим историческими фактами», Водовозов ответил ему статьей «Трудовая группа и рабочая партия». Он указывал, что различие между классовыми интересами крестьянства, выражаемыми в радикальных взглядах трудовиков, и городского населения, обслуживаемого кадетами, которые требуют «хотя и очень существенных, но все-таки частных реформ», очень велико, что и обуславливает резкую противоположность взглядов тех и других на «коренной переворот», «мирную эволюцию» и вообще государственный строй в России. Но при всем различии взглядов трудовики полагают «крайне нетактичным слишком много говорить о контрреволюционности кадетов и убеждены, что, во всяком случае, не борьба с ними составляет насущную задачу дня, как в этом же убеждены, к счастью, и очень многие, и притом весьма заслуженные, социал-демократы»⁶⁹. На эту статью Ленин снова откликнулся, негодуя: «Вот тебе раз! При чем тут

68 Там же. С. 242–246.

69 Водовозов В. Трудовая группа и рабочая партия // Запросы жизни. № 17. 27 апр. Стлб. 993–998.

“тактичность”? при чем тут “слишком много”? Если правда, что кадеты – контрреволюционные либералы, то правду говорить обязательно». Он упрекал Водовозова в желании «уклониться от ответа по существу: контрреволюционны кадеты или нет», что расценивал как «зависимость части демократов и части бывших марксистов от либерализма»⁷⁰. Но Водовозов относился к ленинским инвективам весьма скептически и 9 августа делился с Кусковой: «Бекам я никогда не сочувствовал, не сочувствую и теперь и надеюсь, от напасти сочувствия им меня Бог избавит и на будущее время. Но я думаю, что беки остались только в Петербурге и то – только настолько, чтобы спутать и испортить дело, но не настолько, чтобы сделать что-нибудь самостоятельное. В остальной России их, кажется, и в помине нет, так же, как и эсеров, да и вообще...»⁷¹.

В 1911–1913 гг. Водовозов являлся членом редакции «внепартийного демократического» журнала «Современник», в котором вел общественно-политический отдел⁷². Параллельно с 27 августа по 26 ноября 1912 г. он издавал совместно с Н. И. Кулябко-Корецким и редактировал еженедельную политическую и литературную газету «Столичные отклики», задачей которой ставилось «объединение всей левой оппозиции» и проведение в 4-ю Государственную думу «лиц, близких по убеждению Трудовой группе». Но в Думе, открывшейся 15 ноября, трудовики получили лишь 10 депутатских мест, и, сообщая о закрытии «Столичных откликов», издатели поясняли: «Сначала дело шло сравнительно благополучно. За № 1 наш первый редактор С. С. Иванов отсидел в административном порядке два месяца, но номер конфискован не был. № 2 прошел вполне благополучно. № 3 конфискован с привлечением к

70 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 267–274.

71 РГАСПИ. Ф. 261. Оп. 1. Д. 8. Л. 5.

72 См. статью «В. В. Водовозов в журнале “Современник”» в приложении к настоящему изданию.

суду редактора, но №№ 4 и 5 опять прошли благополучно. Однако, начиная с № 6, дело меняется. Из семи номеров (№№ 6–12) конфисковано шесть. Постановление о конфискации производилось иногда через несколько минут после представления соответственного номера в цензурный комитет, то есть в такой срок, в какой прочитать его, очевидно, невозможно; из этого ясно, что решение составлялось заранее, а под него подводился юридический, весьма слабой конструкции, фундамент позднее так, что порой комитету приходилось даже брать его назад. Несколько раз инкриминировался простой пересказ статей, заимствованных из газет, которые за них никаким преследованиям не подвергались. Ясно, что нас преследовали не за содержание, а за то, что наша газета является органом нелегализованной группы. При таких условиях ее ведение оказывается невозможным, и мы прекращаем ее впредь до изменения обстоятельств»⁷³.

Кадетская деятельница А. В. Тыркова-Вильямс, редактировавшая петербургскую газету «Русская молва», вспоминала, что зимой 1912–1913 гг., когда на Балканах шла война, Водовозов, «как шекспировский прорицатель», уверял, что буржуазный мир идет к гибели, но «лихорадочные речи» этого «честного и доброго» чудака мало кто воспринимал всерьез: «Всем своим обликом он олицетворял образ русского интеллигента, пожалуй – даже нигилиста. Из карманов его помятого пиджака торчали газеты и книги на всех языках. Кое-как завязанный галстук сползал в сторону. Выкрикивая свои изречения, Водовозов встряхивал головой, и мелкие кудри извивались вокруг его головы, как темные змейки. Он был глухой и кричал, точно все кругом тоже были глухие. Нелепый был вид у этого начитанного, налитанного знаниями журналиста. Водовозов твердил, что вслед за Балканской войной придет другая или даже череда войн, ибо капиталистический мир будет драться за

рынки, за гегемонию. На возражения, что цивилизованное общество не допустит кровопролития, Водовозов буквально взрывался: «Я вам говорю – мы входим в длительную эру военных конфликтов и революций». Тыркова-Вильямс не пове-рила ему тогда: «Чего этот кабинетный начетчик нас страща-ет?», – но в последующие годы, когда «войны и бунты стали взметать народы и людей, как пыль», ей не раз вспоминался чудаковатый провидец Водовозов⁷⁴.

В июне – июле 1913 г., во время быстротечной Второй Балканской войны между вчерашними союзниками, Водовозов находился «в самом центре событий, в Софии и отчасти других местностях Болгарии, а также в Константинополе»⁷⁵. В конце 1914 г. он снова отправился на Балканы и, принятый 16 декаб-ря регентом-престолонаследником Сербии, будущим югослав-ским королем Александром, писал, что везде его «встречали предупредительно губернаторы, исправники и другие власти», а в «опасных местах, например по границе Албании», предо-ставляли военный конвой из нескольких конных жандармов⁷⁶. 15 марта 1915 г. в Обществе славянского научного единения Водовозов сделал доклад «О сербской Македонии и о серб-ско-болгарских отношениях» (весь сбор шел «в пользу сербско-го населения, пострадавшего от войны»⁷⁷), который вызвал резкую полемику, ибо докладчик, ратовавший за создание Балканской федерации, считал, что мир на полуострове «могла бы обеспечить только единая автономная Македония», а раз-дел ее согласно Бухарестскому миру 1913 г. был «тяжелым пре-ступлением», хотя Сербия отчасти загладила свою вину боль-шой культурной работой, и не следует совершать «новое пре-

74 Тыркова-Вильямс А. В. Подъем и крушение // Возрождение. 1956. № 51. С. 94–96.

75 Водовозов В. На Балканах // Современник. 1913. Кн. 8. С. 306.

76 Водовозов В. По Сербской Македонии. Путевые заметки // Вестник Европы. 1916. Кн. 1. С. 183.

77 ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 1778. Л. 88.

ступление передач Болгарии уже успевшей сербизироваться Македонии»⁷⁸. Балканский вопрос был одним из тех, которыми Водовозов особенно интересовался, и вслед за очерком «По сербской Македонии. Путевые заметки», напечатанным в «Вестнике Европы», в 1917 г. в издательстве «Огни» вышла его книга «На Балканах. Статьи. Путевые очерки» (за 1913–1916 гг.), которую хвалили за «чрезвычайную объективность»⁷⁹, а бывший российский посланник в Черногории А. А. Гирс оценивал как труд «выдающийся и поучительный»⁸⁰.

С 1913 г. Водовозов состоял ведущим сотрудником ежедневной общеполитической газеты «День», но, помимо своей журналистской деятельности, участвовал едва ли не во всех российских энциклопедических изданиях, включая «Энциклопедический словарь» (1890–1907), «Малый энциклопедический словарь» (1899–1902, 1907–1909), «Еврейскую энциклопедию» (1908–1913) и «Новый энциклопедический словарь» Брокгауза – Ефрона (1911–1916), «Большую энциклопедию» С. Н. Южакова (1900–1909), «Политическую энциклопедию» Л. З. Слонимского (1906–1908), «Русский биографический словарь» А. А. Половцова (1896–1913), «Энциклопедический словарь» братьев А. и И. Гранат (1910–1915). Оценивая его работу, рецензент предпоследнего тома «Нового энциклопедического словаря», бессменный член ЦК кадетов А. С. Изгоев отмечал «богатую, прямо сказать редкую, эрудицию В. В. Водовозова, которому принадлежит множество статей и заметок, разнообразных по характеру и по размерам», признавая, что «там, где дело касается фактической стороны событий, точность, осведомленность и добросовестность В. В. Водовозова не подлежат спо-

78 Водовозов В. По Сербской Македонии. С. 8.

79 См.: Волгин В. Рец. на кн.: Водовозов В. На Балканах // Русские ведомости. 1916. № 299. 28 дек.; Б. Ж. Рец. на кн.: Водовозов В. На Балканах // День. 1917. № 33. 4 февр.

80 ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2630. Л. 27.

ру»⁸¹. Но казавшийся «сухим строгим педантом, не выходившим из узкого круга своих специальных работ», Водовозов, как подчеркивал Хирьяков, «очень ценил поэзию», «ценил и понимал»⁸². Охотно выступая с лекциями о своем литературном кумире, он посвятил ему статью «Политические и общественные взгляды Пушкина в последний период его жизни»⁸³, включенную в завершающий том пушкинского Собрания сочинений, изданного в «Библиотеке великих писателей» под редакцией С. А. Венгерова. Поясняя, что счел нужным дать «обстоятельный, занимающий целых 40 страниц петита, алфавитный указатель ко всем произведениям Пушкина (по заголовку и по первому стиху), в котором указаны также комментарии к ним, разбросанные по всему изданию», Венгеров подчеркивал, что «указатель этот с замечательною любовью и тщательностью составлен известным публицистом и политическим деятелем В. В. Водовозовым»⁸⁴.

Первый брак Водовозова распался фактически еще до мировой войны, формально – с кончиной Веры Петровны, последовавшей 28 ноября 1917 г., и новой спутницей его жизни стала Ольга Александровна Введенская, дочь профессора столичного университета и бессменного председателя С.-Петербургского философского общества. Разница в возрасте составляла восемнадцать лет, и 24 октября 1913 г. Ольга Александровна шуточно выговаривала Водовозову, уехавшему в Тифлис с лекциями, что огорчена тоном его письма, сетованиями на «жизненную осень», возражая: «Авось сумеем хорошо прожить и осень. А в своих жалобах Вы не правы, потому что,

81 Речь. 1916. № 317. 13 нояб.

82 Хирьяков А. Под колесами судьбы. (Памяти В. В. Водовозова).

83 См.: Пушкин А. С. Собрание сочинений. Пг.: Брокгауз – Ефрон, 1915. Т. 6. С. 368–389.

84 Венгеров С. От редакции // Там же. С. III; см.: Водовозов В. В. Алфавитный указатель произведений Пушкина по заголовку и по первому стиху // Там же. С. 609–647.

несмотря на неблагоприятные условия, Вы вполне сохранили способности живо отзываться на все впечатления и достаточное количество душевной молодости также». Объясняя, почему Водовозов слегка разочарован кавказскими видами, она иронизировала: «...потому что Вы, вопреки Вашей революционно серьезной внешности и невзирая на все Ваши книгоедства, – существо легкомысленное, к суровым впечатлениям не склонное; у Вас вкусы-то все несерьезные: в литературе – Пушкин, в музыке – Глинка». И в заключение просила: «Милый мой, пишите Вы мне, ради Бога, почаще. Уж, кажется, я совсем не склонна попусту беспокоиться и создавать себе воображаемые тревоги, но ведь Вы – такое безрассудное существо, что, когда не получаешь от Вас известий, поневоле всякие предположения в голову лезут»⁸⁵.

Водовозов признавался, что мировая война опровергла все его прогнозы и застигла врасплох, ибо он был уверен, что немецкая социал-демократия не помешает развязать европейское побоище, но рассчитывал на чувство самосохранения правящих кругов Германии. Водовозов, по свидетельству трудовика В. Б. Станкевича, пророчил, что «в результате войны на улицах Петербурга и Берлина будут ходить медведи»⁸⁶, и еще накануне, как вспоминал С. С. Ольденбург, «высказывал довольно мрачные взгляды на современный европейский парламентаризм», говоря «о росте продажности политических деятелей, о падении чувства ответственности, об измельчении идей», а позднее «испытывал тягостное отвращение к тем потокам лжи и клеветы, которые друг на друга изливали воюющие стороны», ибо «это общее помутнение сознания было ему чуждо»⁸⁷. Соавтор декларации трудовиков, зачитанной в Думе 26 июля 1914 г., Водовозов категорически не сочувствовал ле-

85 ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2376. Л. 1.

86 Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914–1919. Берлин, 1922. С. 18.

87 Ольденбург С. С. Памяти В. В. Водовозова.

нинскому «пораженчеству» и стоял на позиции «революционного оборончества», доказывая, что борьбу надо вести «на два фронта: против своего правительства и против немцев». Война развязана благодаря империалистическим инстинктам великих держав, но если она началась, то надо защищаться, задаваясь не завоевательными, а исключительно оборонительными целями, в надежде, что это может привести к свержению деспотизма⁸⁸.

Арестованный в ночь на 29 декабря 1915 г., Водовозов был освобожден уже через два дня, но в марте 1916 г. министр внутренних дел и председатель Совета министров Б. В. Штюрмер распорядился об административной высылке его в Иркутскую губернию на три года. Хотя вследствие ходатайств членов Государственного совета Д. Д. Гримма и М. А. Стаховича, ряда депутатов, академиков и профессоров исполнение распоряжения отложили, Водовозов оставался под угрозой высылки. В обращении на имя Штюрмера «друзья и почитатели больного писателя» указывали, что он, «известный в широких кругах общества литератор», несмотря на глухоту и прогрессирующую слепоту, находясь в Петрограде, «имеет возможность продолжать свои работы для двух энциклопедических словарей и в некоторых органах повременной печати»: в частности, занят подготовкой срочно заказанных ему статей для «Нового энциклопедического словаря» и сборника очерков по Балканскому полуострову. «Все близко знающие В. В. Водовозова, – говорилось в петиции, – не могут мириться с мыслью, что присутствие такого человека, всецело ушедшего в литературную работу и научные занятия, проводящего целые дни в своей обширной домашней библиотеке и почти совершенно отказавшегося от каких бы то ни было знакомств, может быть вредно государственному порядку». Но 26 апреля в ответ на ходатайство историка Н. И. Кареева «об изменении меры администра-

тивного взыскания» замминистра внутренних дел указал, что «лишен возможности что-либо предпринять, так как переписка о г. Водовозове и других передана на распоряжение начальника Петроградского военного округа»⁸⁹. Только в июне Водовозов получил, наконец, разрешение остаться в столице до выздоровления, но с обязательством дважды в месяц подвергаться медицинскому освидетельствованию и с подпиской не заниматься публицистикой⁹⁰, вследствие чего до сентября его статьи в газете «День» выходили под псевдонимом А. Радин.

После Февральской революции 1917 г. Водовозов, являвшийся членом ЦК Трудовой группы, с июня – Трудовой народно-социалистической партии (ТНСП), состоял членом Юридического совещания при Временном правительстве, Совета при министре и юрисконсульту Министерства юстиции, членом Особого совещания для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание, успевая при этом писать брошюры (более полутора десятков!), сотрудничать в «Дне», выступать на митингах и собраниях, читать публичные лекции и совершать агитационные поездки в провинцию. Идеалист Водовозов остается последовательным защитником демократических свобод «для всех», из-за чего категорически возражает против лишения избирательных прав царской семьи или запрещения реакционных изданий, и безусловным сторонником продолжения войны до победы, но без аннексий и контрибуций, с правом народов на самоопределение, прекращением тайной дипломатии и опубликованием секретных политических договоров с союзниками. Именно в связи с преданием им огласке содержания «грубо хищнического» договора с Италией⁹¹ Ленин упомянул в печати «буржуазного демократа г.

89 ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2910. Л. 1–4.

90 К делу В. Водовозова // День. 1916. № 159. 12 июня.

91 См.: Водовозов В. Опубликование тайных договоров // День. 1917. № 52. 6 мая.

Водовозова»⁹² последний раз, а по поводу другой его статьи, выступая 14 мая, заметил: «Возьмите сегодняшнюю газету “День”. Там Водовозов, человек в большевизме никоим образом неповинный, но честный демократ, заявляет: я противник тайных договоров, позвольте сказать о договоре с Румынией»⁹³. Но М. И. Терещенко, преемник П. Н. Милюкова на посту министра иностранных дел, посчитал, что опубликование договоров с союзниками «недопустимо и может лишь повредить» интересам России⁹⁴, из-за чего большевистская «Правда» иронизировала, что «газета г. Милюкова очень сердито обругала г. Водовозова»⁹⁵.

Еще во время революции 1905 г. Водовозов предсказывал, что не настанут ли дни, когда все скажут: «Нет, лучше какой угодно Плеве, чем *такая* революция», – и, увы, после большевистского переворота они наступили! Недолгое время Водовозов еще участвовал в общественной жизни: член почетного оргкомитета по празднованию 25-летия журнала «Русское богатство» наряду с С. А. Венгеровым, М. Горьким, В. И. Засулич, Г. А. Лопатиным, В. Н. Фигнер и другими известными деятелями, он произнес речь на торжественном заседании, устроенном 14 февраля 1918 г. Петроградским комитетом ТНСП в Тенишевском училище⁹⁶. Три дня спустя Водовозов присутствует на общем собрании Союза русских писателей⁹⁷ и упомянут среди двух десятков ораторов из числа меньшевиков, эсеров и народных социалистов, намеревавшихся выступить 16 марта на публичном собрании, приуроченном к годовщине Февраль-

92 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. М., 1969. С. 58–59.

93 Там же. С. 91.

94 Печать // Речь. 1917. № 113. 16 мая.

95 Еще один тайный договор // Правда. 1917. № 49. 18 мая.

96 Дело народа. 1918. № 1. 30 янв. (12 февр.).

97 См.: Литературная жизнь России 1920-х годов. Т. 1, ч. 1. М., 2005. С. 111.

ской революции, в зале Калашниковской хлебной биржи⁹⁸. В первой половине года Водовозов еще бывал на митингах, устраиваемых ТНСП на заводах, и даже читал лекции о гражданских правах на образовательных курсах возглавляемого М. Горьким просветительного общества «Культура и свобода», а на организованном им митинге 31 мая произнес речь «Гибель книги – гибель культуры»⁹⁹. Кроме того, он печатался в «научном» журнале «Международная политика и мировое хозяйство», выходившем при его «ближайшем участии», и «Былом», участвовал в сборнике о Брестском мире¹⁰⁰.

В июле Водовозов получил из Киева письмо от своего приятеля, члена редколлегии газеты «Киевская мысль», меньшевика К. П. Василенко, предлагавшего ему, «как убежденному и последовательному демократу и социалисту», сотрудничество в новом ежемесячном журнале «Родная земля». Предполагалось, что он будет внепартийным, направленным на «восстановление государственно-хозяйственного единства России», борьбу за республику, культуру и европейский социализм, «защиту интересов трудящихся классов». Водовозов с радостью принял это приглашение, ибо, как сетовал, «истомился по отсутствию хорошей литературной работы», собираясь, помимо статьи о пропорциональных выборах, дать изложение «современного российского (совдепского) государственного права» и оценку премьера Временного правительства в связи с его книгой «Дело Корнилова» (М., 1918), но предупреждал: «Я лично отношусь к Керенскому теперь отрицательно». Впрочем, его смущало, как переправлять рукописи в Киев, и, кроме того, Водовозов просил, если сотрудничество

98 Наш век. 1918. № 49. 3 марта.

99 См.: Работы книжного отдела «Культуры и свободы» // Вестник культуры и свободы. 1918. № 1. Июль. С. 53; Образовательные политические курсы // Там же. № 2. Август. С. 48.

100 См.: Водовозов В. Тильзит // Стрелы. Сб. 2-й: Немец. Пг., 1918. Стлб. 17–21.

все-таки состоится, присылать ему гонорар хотя бы частично продуктами: сахаром, мукой, крупой, поясняя: «Всегда я был очень нетребователен в пище, а теперь со стыдом сознаюсь, что страдаю от их отсутствия сильнее, гораздо сильнее, чем мог бы ожидать раньше». К идее приехать в Киев для чтения лекций Водовозов тоже отнесся «с восторгом», но сокрушался: «Кажется, выезд из Совдепии в самостоятельную Украину запрещен»¹⁰¹. Водовозов писал Василенко не менее пяти раз по разным адресам, безуспешно хлопотал о разрешении на поездку в Киев, и, хотя 16 августа ответственный редактор «Родной земли» А. К. Елачич сообщил ему, что с нетерпением ждет обещанный материал¹⁰², первый номер журнала оказался, увы, и последним.

К осени 1918 г. все оппозиционные партии были разгромлены, митинги (кроме большевистских) запрещены, редакции газет и журналов (кроме лояльных советской власти) закрыты, и Водовозов уже не мог заниматься ни политической, ни публицистической деятельностью. «Им, – вспоминала жена, – овладела апатия, хандра; он по целым дням сидел дома, перелистывая любимых поэтов и не имея сил ни за что приняться»¹⁰³. Ганфман, описывая их последнюю встречу в трамвае, отмечал, что Водовозов, знавший лично многих деятелей большевизма, буквально пылал негодованием, но «особенно возмущался тем, что эти люди, которые сами так много страдали от отсутствия гражданских свобод, теперь так беспощадно расправлялись с ними и так жестоко преследовали своих противников». Своим громким чеканным голосом, не стесня-

101 ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2649. Л. 11–12.

102 Там же. Д. 2158. Л. 2.

103 Введенская-Водовозова О. А. Последние годы жизни В. В. Водовозова // Исторический архив. 2016. № 1. С. 110 (см.: «Теперь я пешка, с которой никто не считается». Воспоминания о В. В. Водовозове О. А. Введенской-Водовозовой. 1933 г. / Публикация Н. А. Родионовой // Там же. С. 106–124).

ясь в оценках и словах, а в сентябре уже начинался «красный террор», Водовозов кричал: «Можно ли было ждать, что такой-то и такой-то (при этом он называл имена большевицких сановников) станут такими жандармами!» Ганфман тщетно пытался сменить тему разговора, но Водовозов, прикладывая руку к уху, чтобы лучше слышать его, продолжал свои обличительные речи, и собеседнику едва удалось добиться, чтобы на ближайшей остановке они вышли из трамвая¹⁰⁴.

Но остатки сбережений иссякли, деньги потеряли цену, идея саботажа чиновников выдохлась, а служба в советских учреждениях давала право на хлебную карточку и защищала квартиру от уплотнения. Поэтому осенью Водовозов принял предложение П. Е. Щеголева, заведовавшего отделом в Петроградском историко-революционном архиве (или Петроградском отделении VII, историко-революционной секции Государственного архивного фонда), поступить туда в качестве архивиста. Водовозов занимался подготовкой систематического каталога библиотеки русских нелегальных изданий, хранившейся в I отделении VII секции наравне с фондами Департамента полиции, столичного охранного отделения и ряда жандармских управлений. Но хотя с октября Водовозов являлся уже советским служащим, помимо шести обысков, которым подверглась его квартира в 1918–1920 гг., накануне первой годовщины Октябрьского переворота, во время массовых арестов, он просидел несколько дней на столь знакомой ему Шпалерной, где, как рассказывал, первую ночь провел без сна, а «на вторую один арестованный, помоложе, уступил ему половину железной кровати без матраца, и Василий Васильевич спал, подстелив под себя шубу». Жена бросилась к Д. Б. Рязанову, возглавлявшему Главное управление архивным делом Наркомата просвещения, и тот позвонил в Петроградскую ЧК: «Это – человек старый, больной; я требую, чтобы вы немед-

ленно отпустили его; для него и три дня могут быть роковыми»¹⁰⁵. С января 1919 г. Водовозов заведовал отделом в архиве, но 15 мая вернулся на должность «научного сотрудника»¹⁰⁶.

В феврале того же года 54-летний Водовозов и 35-летняя Ольга Александровна решили, наконец, обвенчаться, о чем она напишет: «Свадьба наша, очень скромная, происходила в церкви архиерейского подворья на 8-й линии, но не в главной, а в маленькой церкви подвального этажа. Было похоже на тайное богослужение первых времен христианства: полумрак, едва освещенный венчальными свечами, ни цветов, ни подвенечного платья; было так холодно, что все стояли в шубах. После свадьбы мои родители угостили присутствующих чаем с домашними сладостями, мы выпили какое-то подобие наливки и пешком отправились к себе»¹⁰⁷. Лишь 13 апреля 1920 г. они зарегистрировали брак в районном отделе записей актов гражданского состояния¹⁰⁸.

Параллельно со службой в архиве, с осени 1918 г. Водовозов состоял профессором юридического факультета 3-го Петроградского университета, в прошлом – Высших женских курсов, а после объединения в сентябре 1919 г. всех петроградских университетов в один – факультета общественных наук (юридический упразднили), и преподавал также в Политехническом институте. Но Водовозов по-прежнему мечтал о возвращении к публицистике и 9 апреля 1919 г. обратился к недавнему редактору «Ежемесячного журнала литературы, науки и общественной жизни» В. С. Миролюбову: «Я слышал от А. И. Введенского, что Ваш журнал, хотя и в измененном виде, существует (я, к сожалению, ни одного № не видал). А я на этих днях прочел лекцию в одном из новых учебных заведений на

105 Введенская-Водовозова О. А. Указ. соч. С. 111–112.

106 ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 12. Д. 355. Л. 1.

107 Введенская-Водовозова О. А. Указ. соч. С. 113.

108 См.: ГАРФ. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 1. Л. 32.

тему: “Свобода личная и политическая в ее историческом развитии”. Лекция эта вчерне записана (прилагаю ее программу), и вот я позволяю себе предложить Вам ее для Вашего журнала. <...> На днях я читаю в том же учебном заведении лекцию на тему: “Экономическая, культурная и политическая эволюция человечества”, в которой я популярно излагаю главные теории исторического развития человечества. Вслед за тем читаю две лекции на тему о том, что такое политическая партия и эволюция политических партий. Любую из этих лекций я был бы очень рад увидеть в Вашем журнале»¹⁰⁹.

Но все это были призрачные надежды, а о том, как жилось супругам в голодном и холодном Петрограде в эпоху военного коммунизма, красноречиво свидетельствует дневник, который Водовозов начал вести в октябре 1919 г. Ольга Александровна вспоминала, что зима была очень тяжелой: «Голод, доминирующая над всеми мысль, как бы наесться досыта, чувство безнадёжности – все это невольно порождало мечту – хорошо бы уехать из России. Об этом мечтали решительно все, многие и осуществляли. То и дело передавали: вот бежал в Финляндию Д. Д. Grimm, бежали Мережковские, семья Струве. Понемногу эта мечта начала овладевать и нами; мы начали наводить справки. Легче всего было бежать в Финляндию»¹¹⁰. Водовозов безуспешно просил о предоставлении ему «места в одной из финляндских санаторий», объясняя, что вследствие общих тяжелых условий жизни, давнего атеросклероза и нескольких перенесенных болезней, в том числе испанки, страдает «от сильного истощения и сердечной слабости», и состояние его здоровья все ухудшается, влияя на усиливающуюся глухоту и грозя полной потерей зрения¹¹¹. Он также обратился к некоторым знакомым за границей, которых просил о содействии в

109 Там же. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2649. Л. 2.

110 Введенская-Водовозова О. А. Указ. соч. С. 118.

111 ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2918. Л. 1.

получении въездных виз. Одно из его писем, отправленных нелегально, с оказией, получил заведующий русской университетской библиотекой в Гельсингфорсе А. В. Игельстром, который, несмотря на отсутствие подписи, понял, что автор послания – Водовозов, но ответить не пожелал, ибо как «старый революционер» не сочувствовал идее бегства от советской власти. Другое письмо, В. Б. Станкевичу в Берлин, затерялось, и лишь на третье, адресованное Т. Г. Масарику, успевшему стать президентом новообразованной Чехословацкой республики, пришел благоприятный ответ из его канцелярии. Устроив себе командировку для чтения лекций в Жлобине и Орше, Водовозов с женой готовился к нелегальному переходу границы с Польшей и, отправляясь в это рискованное путешествие, запасася двумя крупинками синильной кислоты на случай ареста чекистами, но в связи с начавшимися военными действиями пришлось возвратиться в Петроград¹¹².

В последующем Водовозов принимал некоторое участие в общественной и литературной жизни бывшей столицы: например 11 января 1920 г. присутствовал вместе с П. Е. Щеголевым на открытии Музея революции и на первом его заседании в Николаевском зале Дома искусств (бывшего Зимнего дворца), где после речи председателя Петроградского совета Г. Е. Зиновьева выступил с большим докладом, посвященным памяти декабристов¹¹³. Тогда же в сборнике к 50-летию со дня смерти А. И. Герцена Водовозов напечатал статью о первой бесцензурной газете «Колокол» и даже выпустил крохотную брошюру о писателе¹¹⁴; продолжалась и его лекторская дея-

112 Введенская-Водовозова О. А. Указ. соч. С. 119–120.

113 См.: Памяти декабристов. Первое заседание Музея революции. Стенографический отчет // Музей революции. Пг., 1923. Сб. 1. С. 72–78.

114 Водовозов В. «Колокол» Герцена // А. И. Герцен. 1870 – 21 января 1920. Пг., 1920. С. 38–42; Он же. А. И. Герцен. Пб., 1920.

тельность, в том числе в провинции¹¹⁵.

Летом 1921 г. Водовозов завершает работу над своей книгой «Западная Европа и Америка после войны. Факты и цифры», а 29 октября обращается к наркому просвещения А. В. Луначарскому: «Моя научная работа требует от меня поездки за границу. Читая лекции по разным вопросам, касающимся строя западноевропейских держав, я постоянно мучительно страдаю от полной невозможности ознакомиться как с новейшим развитием форм государства, политических партий и т. д., так и с новейшей западноевропейской литературой по интересующему меня предмету. Беспреданно мои слушатели задают мне вопросы, на которые я не умею ответить...». Водовозов указывал, что в его книге, «посвященной как государственному строю новейшей Европы, так и ее экономическому состоянию, масса пробелов», которые он болезненно чувствовал, когда три месяца тому назад сдавал работу в печать, но, рассчитывая на второе издание, считает нужным дополнить ее, глубже провести исследование затронутых вопросов, что немыслимо без самостоятельного изучения их за границей. Помимо этого, добавлял Водовозов, ему требуются лечение и отдых: «К общему расстройству обмена веществ присоединяется специальная и очень серьезная глазная болезнь – глаукома; на левый глаз я почти уже слеп, и глаукома грозит и другому глазу. Чтобы спасти свое зрение, мне необходимо посоветоваться с хорошими окулистами, может быть – подвергнуться операции, и, во всяком случае, вести систематическое лечение; между тем в России я не могу даже достать того лекарства (*Eserini salicylici*), которое одно поддерживает мне зрение. Я чувствую с каждым месяцем, как падает моя работоспособность, а между тем работать мне хочется, потребность работы живет во мне; в недалеком же будущем мне грозит глазная инвалидность». Водовозов просил о предоставлении ему полуго-

довой командировки в Германию и на Балканский полуостров, поясняя свой выбор намерением завершить давно уже начатые им работы, одна из которых посвящена немецкой социал-демократии, «социальным причинам развития берштейнства», а другая – борьбе интересов держав и «внутренним течениям» на Балканах. «Так как, благодаря общему состоянию здоровья, глухоте и сильной слабости зрения, я чувствую себя в дороге совершенно беспомощным, – подчеркивал Водовозов, – я прошу вместе с тем дать командировку и моей жене – Ольге Александровне Введенской»¹¹⁶.

С введением нэпа возобновилась переписка со Станкевичем, возглавлявшим в Берлине научное издательство «Знание», который 28 октября извещал Водовозова: «Здесь, в Германии, образовалось около 40 русских издательств. Некоторые, конечно, эфемерные. Но имеются и весьма солидные. Поэтому журналист и литератор всегда кое-что может заработать, хотя, конечно, ввиду дороговизны жизни вообще и тройной дороговизны для приезжих особенного благополучия среди русской пишущей братии здесь не наблюдается»¹¹⁷. А вот как Водовозов описывал жизнь в Петрограде: «Вообще духовный голод есть самое тяжелое страдание, которое мы испытываем. С физическим голодом можно мириться, тем более что мы, петербуржцы, в сущности, от такого не страдаем: хлеба, крупы, селенок, картофеля нам дают теперь достаточно, и если мы чем-нибудь недовольны, то однообразием и качеством пищи, в частности недостатком сахара или сахаристых веществ (люди, очень привыкшие к мясу, жалуются на его отсутствие, но я к их числу не принадлежу), но не количеством. Хуже – холод; дров мало, и уже теперь приходится работать при 8 градусах, а в недалеком будущем холод грозит еще худший. Скверно отсутствие одежды и цельных сапог. Я теперь при помощи меди-

116 Там же. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2914. Л. 2–3.

117 Там же. Д. 2654. Л. 2.

цинского свидетельства хлопочу о том, чтобы мне выдали сапоги, но не надеюсь на успех». В другом варианте черновика того же послания Водовозов сетовал, что совершенно оторван от мира: «Никогда не был я так плохо осведомлен о том, что делается за рубежом, как теперь. Я почти ничего не знаю ни о политических событиях, ни об экономических и финансовых условиях, ни о бытовой стороне, ни о движении науки и общественной мысли. Поэтому за каждую книгу я был бы страшно благодарен». Водовозов мечтал ознакомиться с текстами послевоенных мирных договоров и конституций новообразованных государств (Австрии, Венгрии, Польши, Чехословакии и других), последними статистическими ежегодниками, справочниками по экономике и финансам, литературой по истории и государственному праву. «Вы бы меня прямо облагодетельствовали, если бы прислали хоть что-нибудь, что обошлось бы не слишком дорого, – просил он. – Об английских и французских книгах я и не мечтаю»¹¹⁸.

3 января 1922 г. Станкевич уведомил Водовозова, что заказал несколько интересующих его изданий, о стоимости которых он может не беспокоиться: «...как раз теперь мне с Рувимом Марковичем Бланком удалось получить для Вас 1000 германских марок от комитета литераторов и ученых, и за Вами дело – распорядиться этими деньгами». Хотя Станкевич предлагал всю или часть указанной суммы перевести в Россию, Водовозов предпочел, чтобы все деньги были потрачены на покупку книг. В июне Парижский комитет помощи литераторам выделил ему еще 200 франков (5400 германских марок), которые, как указывал Станкевич, «уже в немецкой валюте лежат на руках Марка Александровича Алданова», ожидающего директив¹¹⁹. На вопрос, заданный 22 июля, не от Станкевича ли приходят Водовозову продуктовые посылки, тот ответил:

118 ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2649. Л. 13.

119 Там же. Д. 2476. Л. 6–7.

«Нет, не от меня. Получив первое письмо от Вас, я сообщил Ваш адрес, с просьбой принять все меры, в разные стороны: в Париж Л. М. Брамсону, в Прагу (Е. А. Ляцкому, который говорил об этом с Масариком), Оберучеву в Америку (через Р. М. Бланка), в здешний Фонд литераторов и ученых. Машина и пришла в ход, и я рад, что это было не безрезультатно, что, как и следовало ожидать, со всех сторон получились должные отклики»¹²⁰.

В январе 1922 г. Водовозов был вызван секретариатом коллегии Наркомата по иностранным делам для заполнения анкет на оформление загранпаспортов. Но, указывая, что «старому, больному, страдающему глухотой Водовозову крайне неудобно и затруднительно, как по состоянию здоровья, так и по недостаточности материальных средств, ездить в Москву», а получение загранпаспортов им и женой, разрешение на выезд которых давно отправлено Наркоматом просвещения в Отдел виз, «значительно задержалось», Петроградское управление научных учреждений и высших учебных заведений просило выполнение требующихся формальностей поручить уполномоченному НКВД в Петрограде и «по возможности ускорить присылку паспортов»¹²¹. Тем не менее решение вопроса затянулось еще на полгода, хотя, похоже, Водовозов, увлеченный открывшимися возможностями, теперь уже и сам не очень торопился с отъездом. Ведь помимо участия в сборнике Главного управления архивным делом он сотрудничал в журналах «Анналы» и «Былое», а в Центральном кооперативном издательстве «Мысль» вышли две его брошюры – «Граф С. Ю. Витте и император Николай II», «Версальский мир и Лига Наций», в Государственном издательстве – справочник «Западная Европа и Америка после войны. Факты и цифры». Водовозов принял также участие в сборнике о В. Г. Короленко¹²², а в издательстве

120 Там же. Д. 2654. Л. 1.

121 Там же. Д. 2914. Л. 10.

122 Водовозов В. Забытая статья В. Г. Короленко // В. Г. Короленко.

«Задруга» под его редакцией и с его предисловием вышла первая часть труда В. И. Семевского «М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы».

«Как Ваши планы на поездку? – интересовался Станкевич 1 июня. – Из писем видно, что Вы колеблетесь. <...> Каковы Ваши отношения с Гржебиным? Он тут строит издательское дело на очень широких основаниях»¹²³. Возможно, последний аргумент сыграл определенную роль, ибо 13 июня Водовозов подписал заявление в ГПУ с просьбой о выдаче ему удостоверения для выезжающих за границу. В опросном листе на вопросы, куда предполагается поездка, Водовозов ответил: «Германия, Скандинавские страны», цель – «научная командировка Наркомпроса», срок – «6 месяцев», время выезда – «тотчас по получении паспорта и виз морским путем». Ольга Александровна заполнила такой же опросный лист, сообщив, что она «переводчица с иностранных языков», до 1917 г. «преподавала в гимназии бывшей Е. Песковской, занималась переводами», а позднее «служила в Историко-революционном архиве (архивариус), в Северной научно-промысловой экспедиции (статистик), на Рабочем факультете Петроградского университета (преподаватель)», но в настоящее время нигде не служит и сопровождает мужа «в научной командировке в качестве его секретаря»¹²⁴.

Мандат на командировку был подписан замнаркома просвещения М. Н. Покровским 15 июля 1922 г.¹²⁵, а 30 августа Водовозов обращается к заведующему Петроградским управлением научных учреждений М. П. Кристи: «Многоуважаемый Михаил Петрович. Я получил заграничный паспорт, и моя жена – тоже. Получили его мы только сегодня (а узнали о его по-

Жизнь и творчество. Пг., 1922. С. 160–166.

123 ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2654. Л. 5.

124 ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2914. Л. 4–5.

125 Там же. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 1. Л. 15–16.

лучении вчера), а срок ему – 14 сентября, но так как последний до этого числа известный пароход идет 7 сентября, а следующий – 17-го, то фактически мы должны уехать 7 сентября. Между тем командировочные, назначенные мне, потом были взяты назад; хлопоты же, начатые мною вновь в Главпрофобр¹²⁶, до сих пор не привели еще к определенному результату. Я решился ехать даже без них в расчете, что найду за границей какой-нибудь заработок. Но надежда эта крайне неверная, и весьма вероятно, что мне придется за границей в самом буквальном смысле голодать, а уж о лечении нельзя будет и думать. Поэтому позволяю обратиться к Вам с большой просьбой – посодействовать выдаче мне пособия на поездку»¹²⁷. Известно, помог ли ему Кристи, но в начале 20-х чисел сентября Водовозов с женой покинул Россию, предполагая вернуться на родину через год: «...о более долгом сроке мы не помышляли»¹²⁸. Тем более что в Петрограде оставались его мать (она скончалась 23 марта 1923 г.) и отец Ольги Александровны, проживавший вместе с другой своей дочерью, Зинаидой, и ее мужем, переводчиком М. А. Лихаревым (профессор А. И. Введенский умер 7 марта 1925 г.). О том, как Водовозов жил на чужбине, откуда уже не вернулся на родину, и об обстоятельствах его гибели будет рассказано в послесловии...

В. Л. Генис

126 Главное управление профессионально-политехнических школ и вузов.

127 ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2914. Л. 8–9.

128 Там же. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 123. Л. 7.

Часть I. Воспоминания о времени конца 80-х и начала 90-х годов

Глава I. Первый арест

25 февраля 1887 г. около трех часов дня я, тогда студент юридического факультета Санкт-Петербургского университета, сидел дома. Ко мне зашел мой старший товарищ по университету и близкий приятель С. Ф. Ольденбург. Между прочим он сообщил:

– У книжного магазина Стасюлевича собралась компания: жандармский офицер, частный пристав и десяток полицейских. Что-то, по-видимому, готовится.

Я жил в своей семье на Васильевском острове по 2-й линии, а магазин Стасюлевича помещался тогда по той же 2-й линии за два или за три дома (только позднее Стасюлевич построил себе собственный дом в 5-й линии и перенес туда свой магазин).

Время тогда было тихое, и это сообщение звучало довольно странно. Пробыл у меня С. Ф. Ольденбург очень недолго и собрался уходить. В ту самую минуту, когда он подошел к входной двери, раздался очень сильный звонок и одновременно – такой же звонок на черной лестнице. Ольденбург отворил дверь и лицом к лицу столкнулся с жандармским офицером, за которым стояла кучка городских.

– Ваша фамилия?

– Ольденбург.

– Вернитесь назад. Ваша фамилия?

– Водовозов.

– Где ваша комната?

Это был первый обыск, который я пережил. Основание для него было следующее.

Вскоре после поступления в университет я сблизился с кружком братьев Ф. Ф. (ум. в 1914 г.) и С. Ф. Ольденбургов, кн. Д. И. Шаховского, А. С. Зарудного, В. И. Вернадского, И. М.

Гревса, С. Е. Крыжановского, А. А. Корнилова (ум. в 1923 г.¹²⁹), хотя большинство из них было старше меня двумя или тремя курсами (а Зарудный учился даже не в университете, а в Училище правоведения) и несмотря на то, что тождества политических убеждений у нас не было¹³⁰. Я считал себя социалистом и радикалом; все они держались убеждений более умеренных, и вместе с тем некоторые из них, всего более – Дмитрий Иванович Шаховской, отчасти – Федор Ольденбург, не будучи вполне толстовцами, чувствовали значительную симпатию к толстовству или, по крайней мере, к некоторым сторонам его учения.

Дм. Ив. Шаховской даже издавал нелегальным образом новейшие сочинения Толстого, которые он получал непосредственно от самого Толстого. Скоро Шаховской по каким-то причинам должен был отказаться от этого занятия¹³¹ и пред-

129 Ошибка: А. А. Корнилов скончался в Ленинграде 26 апреля 1925 г.

130 Имеется в виду студенческий кружок, собиравшийся с 1882 г. у С. Ф. и Ф. Ф. Ольденбургов; поскольку члены его мечтали о покупке участка земли, куда летом, с целью «стать ближе к народу», могли бы съезжаться в поисках временного приюта, «будущее имение наше, – пояснял А. А. Корнилов, – так и оставшееся потом в наших мечтах, решено было тогда же назвать Приютиным, а отсюда и члены нашего кружка стали потом с 1886 г. называть себя “приютинцами”» (Корнилов А. А. Воспоминания о юности Федора Федоровича Ольденбурга // Русская мысль. 1916. Кн. 8. С. 59–86). О кружке см. также: Гревс И. М. В годы юности: За культуру // Былое. 1918. № 12. С. 42–88; 1921. № 16. С. 137–166; Шаховской Д. И. Письма о братстве / Публ. Ф. Ф. Перченка, А. Б. Рогинского, М. Ю. Сорокиной // Звенья. М.; СПб., 1992. Вып. 2. С. 174–318.

131 Осенью 1885 г. Д. И. Шаховской, уже окончивший историко-филологический факультет Петербургского университета и работавший над своей магистерской диссертацией, уехал в Вессегонск Тверской губернии, куда был приглашен уездным

ложил мне взять дело в свои руки. В противоположность Шаховскому я ни малейшей симпатии к учению Толстого не чувствовал; напротив, относился к нему резко отрицательно. Но у меня были свои основания согласиться на предложение моего товарища.

Выросший в литературной семье, я с детства чувствовал непримиримую ненависть к цензуре, и наиболее дорогим для меня был принцип свободы слова. Я мечтал написать историю свободы слова и с ранней юности собирал для нее материалы, думая охватить свой предмет во всей его широте, начиная с древности. Осуществить эту мечту мне, конечно, не удалось, но все же я написал очерки по истории цензуры в России в период Александра III и в первые годы Николая II; изданы они были в Женеве в 1898 г. без моего имени под заглавием «Материалы для характеристики положения печати в России»¹³²; написал я также статьи о свободе слова и о цензуре в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона¹³³.

Еще сильнее привлекала меня мысль о более активной борьбе с цензурой; мне хотелось создать нелегальное издательство, которое, в противоположность издательствам, преследующим партийные и определенно пропагандистские цели, поставило бы себе задачей борьбу за свободу всякой запретной

земством в качестве «заведующего хозяйственной частью училищ» (Шаховской Д. И. Автобиография // Русские ведомости: 1863–1913: сб. ст. М., 1913. Отд. 2. С. 199).

132 Правильно: Водовозов В. Материалы для характеристики положения русской печати. Женева: Тип. Союза русских социал-демократов, 1898. Вып. 1–2.

133 См.: Водовозов В. Свобода слова, совести, собраний, личности (гражданская) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1907. Доп. Т. 2а. С. 601–602; Водовозов В. Цензура. Цензурное законодательство в России. Деятельность цензуры в России с 1855 г. // Там же. СПб., 1903. Т. 37а. С. 948–962; Водовозов В. Цензура // Там же. Доп. Т. 2а. С. 854–856.

мысли. По возможности оно должно было издавать всякое произведение, которое подверглось цензурным гонениям, независимо от его политического credo¹³⁴. Конечно, некоторые ограничения своей терпимости я все-таки ставил; так, я не мог бы издать сочинения порнографического. Другое ограничение, которое я считал совершенно необходимым, – сочинение должно возбуждать общественный интерес, но безразлично какой: политический, религиозный, литературный. Если бы можно было осуществить подобное издательство в широких размерах, если бы оно вырывало из пасти цензуры все ее жертвы, то цензура, думал я, потеряла бы свой *raison d'être*¹³⁵ и исчезла бы.

Эту мысль, в которой, конечно, была изрядная доля наивности, я постоянно развивал среди своих приятелей. Поэтому Шаховской имел все основания обратиться именно ко мне с предложением взять на себя продолжение его издательства, а я имел все основания принять его. Шаховской порекомендовал меня Гробовой, собственнице небольшой (легальной) литографии на Петербургской стороне¹³⁶, которая литографировала преимущественно профессорские лекции для студентов, но – за повышенную плату – охотно брала и нелегальную работу¹³⁷.

134 кредо (лат.).

135 смысл, разумное основание существования (фр.).

136 Литография А. И. Гробовой размещалась по адресу: Большой проспект, 23.

137 Ср.: «Мои издания выходили в 300–500 экземплярах, расходились весьма быстро, быстро окупались и давали мне легкую возможность продолжать без перерывов мою деятельность. Гробова брала с меня по 6 коп. с экземпляра листа, т. е. втрое больше, чем с изданий легальных, и была вполне довольна работой. В течение двух лет она делала такого рода работу только для меня, но я получил ее как бы в наследство от Бориса Глинского (ныне постоянного сотрудника суворинского «Исторического вестника») и князя Д. И. Шаховского (ныне члена Госу-

С 1885 г. я усердно занялся издательством Толстого. Получая от Шаховского и П. И. Бирюкова, впоследствии известного биографа Толстого, новые произведения, я издавал¹³⁸ и распространял их¹³⁹.

дарственной думы, кадета), бывшего в то время толстовцем и издававшего до меня Толстого, исходя из других соображений, чем я» (Водовозов В. Рец. на кн.: Тун А. История революционных движений в России. Б. м., 1906; Тун А. История революционного движения в России. Б. м.: «Земля и воля», 1906 // Былое. 1906. № 7. С. 308).

- 138 П. И. Бирюков писал, что В. В. Водовозов издал, «хотя и не был согласен с ними», такие религиозно-философские сочинения Л. Н. Толстого, как «Исповедь», «Краткое Евангелие», «В чем моя вера?», «Так что же нам делать?», и вспоминал такой эпизод: «Когда Василий Васильевич зашел ко мне по моем возвращении из Ясной Поляны, чтобы узнать, не привез ли я чего-нибудь нового, я показал ему “Церковь и государство”. Он прочел, пришел в восторг и сказал, что это непременно надо издать. Мне тоже этого хотелось, но я не решился бы это сделать, не получив на то разрешения Льва Николаевича. Василий Васильевич разрешил мое сомнение революционным путем. Он попросил у меня позволения переписать для себя. Я дал ему, полагая, что если Лев Николаевич так охотно и без всяких оговорок позволил мне увезти копию, то он не будет против того, чтобы кто-нибудь списал ее у меня. Водовозов взял у меня копию и через несколько дней, возвратив ее, вручил мне уже готовый, прекрасно изданный, литографированный экземпляр, сказав, что статья эта имеет большой успех среди студенчества. Я был смущен и, кажется, написал Льву Николаевичу об этом или сказал при следующем свидании, но он никакого внимания на это не обратил, и с моей души свалился тяжелый камень ответственности за это подпольное издание, сделанное без его ведома, и притом такого произведения, которое он сам не предназначал для печати» (Бирюков П. И. Мои два греха // Л. Н. Толстой. Памятники творчества и жизни. М., 1923. Вып. 3. С. 48–50).

- 139 В рукописи далее зачеркнуто: «отдавал их в переписку, относил

Я очень стремился к внешнему совершенству издания.

Издания Шаховского («Исповедь»¹⁴⁰ и некоторые другие) были переписаны часто недостаточно разборчиво, – я нашел переписчиков, обладавших действительно превосходным почерком (пишущих машин в России в то время еще не знали, – они появились только в начале следующего десятилетия). Шаховской пускал в обращение брошюры Толстого отдельными несброшюрованными листами, без обложки¹⁴¹, – я отыскал переплетную мастерскую¹⁴², содержащую тоже женщиной (Кармалиной), которая согласилась брошюровать и мои издания. Я отвозил на извозчике листы из литографии к ней; у нее они лежали до отпечатания последнего листа каждой отдельной книжки. Тогда они брошюровались и обращались в очень прилично изданные, а я переправлял их к себе домой и затем распродавал. Таким образом я издал целый ряд новых тогда произведений Льва Толстого: «В чем моя вера»¹⁴³, «Что же нам теперь делать»¹⁴⁴, «Церковь и государство», «О деньгах»¹⁴⁵, «Письмо к М. А. Энгельгардту»¹⁴⁶, а также две брошюры Виль-

в литографию, увозил и прятал отпечатанные листы, затем собирал их в книжки».

140 Написана в 1882 г. и впервые увидела свет в 1884 г. в женевском издании М. К. Элпидина под заглавием: «Исповедь графа Л. Н. Толстого. Вступление к ненапечатанному сочинению».

141 Далее зачеркнуто: «Первое время и я делал то же. Но скоро».

142 Далее зачеркнуто: «в которой брошюровалась “Русская старина”».

143 Религиозно-философский трактат, написанный в 1883–1884 гг.

144 Отрывок из трактата Л. Н. Толстого «Так что же нам делать?», опубликованный как отдельная статья в журнале «Русское богатство» (1885. Кн. 3).

145 Глава XVIII из трактата Л. Н. Толстого «Так что же нам делать?».

146 Письмо, написанное не ранее 10 декабря 1882 г. и не позднее 20 января 1883 г., впервые было опубликовано как «Письмо к NN

яма Фрея¹⁴⁷ и, кроме того, брошюру Шэфле «Сущность социализма»¹⁴⁸.

Как раз около этого времени приехал в Россию В. Фрей. Под этим именем жил русский революционер 60-х годов, происходивший из аристократической среды. Настоящая его фамилия была другая, – кажется, Гейнцен¹⁴⁹. Прикосновенный к делу Каракозова¹⁵⁰, он успел спастись за границу и натурализовался в Америке¹⁵¹. Там он организовывал сельскохозяй-

графа Л. Н. Толстого» в женевском издании М. К. Элпидина в 1885 г. и лишь после революции издано в России: Толстой Л. Н. О насилии. (О непротивлении злу злом): письмо к М. А. Энгельгардту. 1882 г. М.: Посредник, 1917.

147 Возможно, речь идет о кн.: Переписка и личные свидания Вильяма Фрея с Л. Н. Толстым. Б. м., 1886; см. также: Письма В. Фрея к Л. Н. Толстому. Genève: M. Elpidine, 1887.

148 Сочинение А. Шеффле (A. Schäffle) «Die Quintessenz des Sozialismus», напечатанное в 1874 г. в ежемесячнике «Deutsche Blätter», впервые появилось на русском языке в 1881 г. под заголовком «Сущность социализма» (см.: Шэфле А. Сущность социализма / Пер. с 7-го изд. В. Тарновского псевд. Г. Г. Романенко, с его предисл. и примеч. П. Лаврова. Женева, 1881), а в 1906–1907 гг. издавалось в России, в том числе под заголовком «Квинтэссенция социализма» (СПб., 1906).

149 Правильно: Гейнс.

150 4 апреля 1866 г. Д. В. Каракозов, который состоял членом тайной революционной организации, возглавляемой его двоюродным братом Н. А. Ишутиным, стрелял в Александра II, но промахнулся, был схвачен и 3 сентября повешен.

151 Вероятно, мемуарист перепутал В. К. Гейнса (В. Фрея), покинувшего Россию в 1868 г., с одним из его сподвижников по русской земледельческой колонии «La progressive» в Канзасе А. К. Маликовым (1839–1904), который, являясь судебным следователем в Псковской губернии, действительно был арестован в мае 1866 г. в связи с делом Каракозова и, оправданный судом, с 1874 г. проповедовал учение о «богочеловечестве», отрицая всякое насилие и призывая к нравственному совершенствованию.

ственные коммуны¹⁵², а когда ни одна из них не удалась, разочаровался в социализме и пришел – еще до Толстого – к чему-то очень близкому к толстовству, которое и проповедовал на своей новой родине. В 1886 г. он приехал в Россию¹⁵³. Говорят, что полиция знала его настоящее имя и прошлое, но, ввиду полной безобидности проповеди, не трогала его. Он посетил Л. Толстого в Ясной Поляне и написал два открытых письма к нему¹⁵⁴, которые я и издал.

В Москве и Петербурге друзья устроили для него ряд собраний в частных квартирах, на которых он вел свою проповедь. Я был на двух его собраниях в квартире присяжного поверенного Мазараки¹⁵⁵. Говорил он о бесплодности попыток

нию с целью приближения человека к Богу. В 1875 г. Маликов эмигрировал в Соединенные Штаты, откуда уже в 1878 г., после того как канзасская колония распалась, вернулся на родину (см.: Гордеева И. А. «Забытые люди»: История российского коммунитарного движения. М., 2003. С. 31–36).

152 Имеются в виду земледельческие колонии в Канзасе (1871–1877) и Орегоне (1882–1884); см.: Батурицкий В. Гейнс // Русский биографический словарь. СПб., 1914. Т. 4. С. 355–359; Полнер Т. И. Н. В. Чайковский и богочеловечество // Николай Васильевич Чайковский: религиозные и общественные искания. Париж, 1929. С. 121–127, 159–161.

153 Неточность: В. Фрей приехал в Россию в конце лета 1885 г.

154 Вслед за письмом Фрея из Петербурга от 5 сентября 1885 г., полученным Л. Н. Толстым и широко распространявшимся в копиях, последовало обширное «Дополнение» от 3 ноября, в котором В. Фрей рассказывал о беседах с писателем 7–12 октября в Ясной Поляне и своих надеждах на присоединение его к сформулированной позитивистом Огюстом Контом «религии Человечества». Посетив Москву в начале декабря, Фрей обратился к Толстому со вторым письмом, от 10 декабря, дискутируя с его трактатом «Так что же нам делать?», а перед отъездом в Англию, 26 февраля 1886 г., написал ему третье послание.

155 В. В. Водовозов упоминается в числе оппонентов В. Фрея,

политических преобразований и о необходимости нравственного самоусовершенствования, которое само по себе, без всяких потрясений, приведет к коренному общественному переустройству¹⁵⁶. Говорил он тягуче, нудно, неубедительно. Однако в ту эпоху упадка общественного настроения, после разгрома «Народной воли»¹⁵⁷, он многим нравился, – во всяком случае, собирал публику и вызывал горячие споры. На одном из двух собраний, на которых я присутствовал, против него с блестящей, хотя, быть может, слишком резкой речью выступил проф. Н. М. Коркунов. Он указывал, что нельзя так обособлять этику и социальный строй, как это делает Фрей, и без всяких научных данных говорить о возможности изменений в общественном строе, который ведь развивается по известным законам, изучаемым наукой.

– Вы учитесь по книжкам, а я научился тому, что говорю,

«настаивавших на активной борьбе со злом, ясно разумея под ним существующий политический режим», на собрании в квартире М. И. Свешникова (*Чеботарев И. Н.* Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове и петербургском студенчестве 1883–1887 гг. // *Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.* М.; Л., 1927. С. 246).

- 156 А. А. Корнилов указывал, что в поисках идеала социальной правды В. Фрей пришел к мысли «о необходимости связать реформу социального строя с этическими и религиозными началами», проповедуя «религию Человечества», сущность которой заключается «в сознании себя частью великого, прекрасного и бесконечного существа – Человечества в его прошлом, настоящем и будущем», а мораль – в известной позитивистской «молитве» или формуле: «Порядок как основание, любовь как принцип, прогресс как цель; жить для других, жить открыто» (Корнилов А. А. Указ. соч. С. 66, 68).

- 157 Партия «Народная воля», созданная в 1879 г. после раскола народнического общества «Земля и воля», организовала 1 марта 1881 г. убийство императора Александра II и была фактически полностью разгромлена к весне 1883 г.

из личного опыта, из самой жизни, – возразил Фрей.

– Нет, извините, я тоже не молод (это, пожалуй, было не совсем верно, так как тогда Коркунову было лет 30–35. – В. В.), тоже имею свой жизненный опыт, который никогда не игнорировал, и он-то и научил меня тому, что без науки человечество обойтись не может.

И сам Фрей, и его письма мне очень не понравились, и я очень неохотно согласился на их издание, но издать их очень просил меня Ф. Ольденбург, быстро подружившийся с Фреем и на некоторое время ставший его горячим поклонником. В одном отношении Ольденбург оказался прав: письма Фрея разошлись почти так же быстро, как и сочинения самого Толстого. Я этого не ожидал.

Издания я выпускал в 400 экземплярах (печатать более не бралась литография); выглядели они прекрасно, – не только по сравнению с подобными же партийными изданиями того времени, выпущенными подпольно в России, но даже по сравнению с легальными студенческими изданиями лекций¹⁵⁸; конечно, это не был позднейший печатный шрифт пишущих машин, но вполне четкий и очень изящный почерк (особенно в некоторых книжках). Книжки были очень чисто отпечатаны, очень аккуратно сброшюрованы и обрезаны¹⁵⁹.

Все шло прекрасно. Старушка Грובה брала со студентов за литографирование лекций, при большом числе экземпляров, 2–2½ копейки с листа, с меня – 6 копеек (с ее бумагой); расплачивался я всегда аккуратно, не задерживая платежа ни

158 Об издании студентами лекций профессоров см.: Глинникова С. В. С дозволения профессора: в ходу – литографированные лекции // Мир библиографии. 2012. № 1. С. 22–28; Зайцева А. В. Из истории издания учебной литературы в России // Высшее образование в России. 2014. № 8/9. С. 136–138.

159 Все или большинство этих изданий имеются в Толстовском музее в Петербурге.

на один день, и она постоянно выражала мне полнейшее довольство мною.

– Уж так я вам благодарна, так благодарна. Благодаря вам я заказала новый литографский камень¹⁶⁰, из долгов вылезла. Только и боюсь я. Уж вы меня не подведите! Племянник у меня живет, – очень боюсь, как бы не донес. И рабочих боюсь. Только двум я доверяю (у нее их было, помнится, пять или шесть. – В. В.), с ними я и работаю. Всегда по ночам; запираюсь, занавески спускаю и чтобы к утру все чисто было. А то далеко ли до греха: инспектор ходит, смотрит. Студенты ходят и всё любопытствуют, как их лекции на камне выходят. Нужно, чтобы камень к утру был чист. Не подведите вы меня, Василий Васильевич!

Кармалина была особой другого сорта. Это была старая дама, дальняя родственница, что-то вроде троюродной сестры, М. И. Семевского¹⁶¹. У М. И. Семевского были сильно развиты

160 Отшлифованная пластина известкового камня, на которую с помощью литографского карандаша или литографской туши наносится изображение для печати.

161 Мать В. В. Водовозова, Елизавета Николаевна, вспоминала: «Кармалина, двоюродная сестра Семевских (исполнявшая кой-какие работы у Михаила Ивановича, а затем и секретарские обязанности в журнале “Русская старина”), была особою, в которой уживались самые противоположные качества ума и сердца: прямая, неглупая от природы, порядочно образованная, она в то же время отличалась полною бестактностью и необыкновенными чудачествами; многие, совершенно несправедливо, считали ее даже нравственною и умственною тупицею. Люди, поручавшие ей какую-нибудь работу, говорили о ней как об особе добросовестной, работающей, но шалой. Она то забывала прийти к работодателю в назначенный срок, то теряла данную ей для переписки рукопись или книгу и, по ее же словам, только потому, что она неожиданно для себя торопливо собралась в цирк посмотреть представление циркового наездника с выдрессированными собаками, обезьянами или

родственные чувства; всякие двоюродные и троюродные кузины всегда вертелись около него в качестве приживалок и получали от него всяческие услуги, нередко – и маленькие пенсии. М. И. Семевский приспособил Кармалину к брошюровочному делу, помог ей открыть мастерскую, сдавал ей в брошюровку свою «Русскую старину» и познакомил с другими издателями. Дело у нее шло недурно, – исполняла свою работу удовлетворительно, вечно просила авансов и притом старалась иметь вид, что она – особа интеллигентная, служащая делу просвещения ради идеи. Познакомился я с нею через М. И. Семевского и предложил ей работу, предупредив о ее нелегальном характере, о сопряженной с нею ответственности, о необходимости крайней осторожности и тайны, но за то пообещав двойное вознаграждение против обычного. Она охотно согласилась.

– Вы не беспокойтесь, Василий Васильевич, – говорила она, – если я попадусь, я ни за что вас не выдам, ни за что на свете; пусть делают со мной что хотят, хоть в тюрьме, хоть в Сибири сгноят. Мне что, я – старуха, все равно помирать надо, а вам еще жить да жить.

При всей моей молодости я этим обещаниям не верил и говорил ей:

другими животными. Самую выдающуюся чертою ее характера было хроническое безденежье; она занимала направо и налево, у всех, кто попадался на глаза. Даже при желании уплатить свой долг она никогда не могла этого сделать. Как только она получала плату за труд, она накупала множество безделушек и опять оставалась без денег. Она никому не умела внушить уважения, а ее двоюродные братья Севеvские относились к ней с нескрываемым презрением. Только Василий Иванович жалел ее, обращался с ней дружески и находил, что она просто несчастный и взбалмошный человек» (*Семевская Е. Н.* Василий Иванович Семевский // *Голос минувшего*. 1917. № 9/10. С. 61). О Кармалиной см. также: *Водовозова Е. Н.* Из недавнего прошлого // Там же. 1915. № 1. С. 167–168.

– Простите, Клеопатра Федоровна, я не очень уверен в том, что вы сдержитесь; как посадят в тюрьму, так не выдержите долго. Но я прошу вас только об одном: если будете иметь какую-нибудь возможность предупредить меня об обыске у вас, то сделайте это. А главное, старайтесь не попасться. Держите листы так, чтобы никто из рабочих не мог их прочитать, а когда будете работать над ними, то работайте скорее и скорее сдавайте мне.

Если в отношениях с литографией и переплетной я вел себя еще сравнительно осторожно (скорее, впрочем, в своих обращаемых к ним советах и требованиях, чем в собственных поступках), то при распродаже я осторожности совсем не проявлял. Я приносил изданные мною книжки в университет целыми пачками и чуть не на глазах инспекции продавал их знакомым и полужнакомым и даже вовсе не знакомым студентам, и я сам теперь не понимаю, как это сходило мне с рук целых два года. Мои товарищи – братья Ольденбурги, Шаховской и другие – брали у меня десятки экземпляров и так же их благополучно распродавали. Издание в 400 экземпляров обыкновенно расходилось в несколько недель без остатка. Назначая продажную цену книжек приблизительно по 12–14 копеек за лист в 16 страниц довольно большого формата, я вполне покрывал свои издержки и даже составил маленький капитал, который мечтал употребить на расширение своего издательства.

К более крупному изданию я и приступил во второй год моего издательства. Это был перевод книги проф. Туна «История революционных движений в России» (A. Thun. Geschichte der Revolutionären Bewegungen in Russland). Книга эта, принадлежавшая перу балтийского немца, ставшего профессором во Фрейбурге, вышла в Германии года за три перед этим¹⁶². В Рос-

162 Книга А. Туна «История революционных движений в России» вышла в 1883 г. в Лейпциге.

сии она была запрещена, но в обществе и в особенности в радикальных кругах обратила на себя сразу большое внимание, несмотря на свои очень и очень крупные недостатки. Первые главы этой книги, в которых излагалась история декабристов и петрашевцев, совершенно компилятивны, поверхностны, даже бессодержательны. Главная часть книги, посвященная революционному движению 60-х и особенно 70-х и начала 80-х годов, тоже особенной глубиной и серьезностью не отличалась. Автор пользовался главным образом русской зарубежной литературой, порядочная коллекция которой была в его распоряжении. Пользовался он также осведомлением со стороны нескольких своих знакомых революционеров, всего более – Дейча, но недостаточно знал литературу, выходившую в самой России. А между тем в России подпольно выходили очень важные для истории революционного движения журналы: «Земля и воля»¹⁶³, «Народная воля»¹⁶⁴ и другие. Совершенно не пользовался даже русскими легальными газетами, в которых, помимо других фактических сведений, мог бы найти отчеты о политических процессах, до 1881 г. печатавшихся хотя и с существенными цензурными пометками, но все же довольно полно, а они представляли собою богатый материал для его темы. Частных промахов у Туна было очень много, и это я знал уже тогда. Но все-таки книга Туна была единственным систематическим изложением истории революционного движения за 25 лет; все же там, для большинства русского общества того времени – только там, можно было почерпнуть знакомство с программа-

163 «Земля и воля» (Петербург; 1878–1879) – газета с подзаголовком «Социально-революционное обозрение», нелегальный орган революционно-народнического общества с тем же названием; вышло пять номеров; в марте – апреле 1879 г. издавались также «Листки “Земли и Воли”» (№ 1–6).

164 См.: Водовозов В. Народная Воля – партия и журнал // Энциклопедический журнал Брокгауза и Ефрона. Доп. Т. 2. С. 239–240.

ми и идеологией различных революционных кружков за последнюю (тогда) четверть века, с их разногласиями и спорами, с их деятельностью и гонениями, которым они подвергались.

Период, когда я занимался своим издательством, был периодом правительственной и общественной реакции; революционные организации после 1 марта 1881 г.¹⁶⁵ и предательства Дегаева¹⁶⁶ были разгромлены, почти все сколько-нибудь деятельные революционеры казнены или арестованы, и в революционном движении было затишье. Но вряд ли многие думали, что оно совершенно убито. Напротив, и в радикальных, и в либеральных, и даже в консервативных кругах общества жило убеждение, что революционное движение в недалеком будущем возродится с новой силой, и интерес к его истории был очень велик.

С самим Альфонсом Туном я имел случай лично познакомиться во время моего первого самостоятельного путешествия за границу в 1884 г. Его книгу я тогда же купил и привез домой. При всех ее недостатках она несомненно удовлетворяла тем требованиям, которые я предъявлял к книгам, чтобы включить их в число издаваемых мною, и решился приступить к ее переводу и изданию. И действительно, интерес, возбуждаемый ею, был настолько велик, что и после меня различными группами молодежи в разных местах России было сделано несколько попыток издать ее нелегальным способом; сколько я знаю, ни одна из них не увенчалась успехом.

Почти через два десятилетия, в 1905 и 1906 гг., когда цензурные условия сильно изменились к лучшему, эта самая книга появилась, уже легально, в нескольких различных русских из-

165 1 марта 1881 г. народоволец И. И. Гриневицкий смертельно ранил императора Александра II, бросив в него бомбу.

166 Завербованный в 1882 г. инспектором Петербургского охранного отделения подполковником Г. П. Судейкиным, С. П. Дегаев выдал полиции многих народовольцев.

даниях¹⁶⁷; из них мне известны целых три издания: одно – социал-демократическое, с примечаниями и дополнениями Плеханова, Дейча и др.¹⁶⁸, другое – эсеровское, тоже с дополнениями и примечаниями¹⁶⁹, третье – без примечаний¹⁷⁰. А между тем к этому времени была опубликована масса нового материала по истории революционных движений, книга Туна уже сильно устарела, и ее недостатки были еще заметнее, чем в мое время.

К решению издать эту книгу я пришел в начале 1886 г. Я сообщил о нем в нашем товарищеском кружке и встретил в большинстве его членов несочувствие. Шаховской не интересовался книгой Туна и не видел особенной общественной надобности в ее переводе. Другие признавали интерес книги, но указывали на ее значительный объем и связанный с объемом риск. Гревс острил, что мои силы пропадут втуне. Братья Ольденбурги и особенно Сергей решительно отговаривали меня. Но я настоял на своем, и тогда мои друзья все же согласились помогать мне и исполнили это с большой горячностью, особенно С. Ф. Ольденбург и А. С. Зарудный, которые вместе со мною проредактировали часть перевода. Ольденбург так мотивировал при этом свое поведение, которое многим казалось непоследовательным: он считает издание книги Туна делом опасным и вместе с тем не настолько общественно важным,

167 См.: Водовозов В. Рец. на кн.: Тун А. История революционных движений в России. С. 307–314.

168 См.: Тун А. История революционных движений в России / Пер. Веры Засулич, Д. Кольцова и др. СПб.: «Библиотека для всех», 1906.

169 См.: Тун А. История революционного движения в России / Пер. с нем. под ред. и с примеч. Л. Э. Шишко. СПб.: Земля и воля, 1906?.

170 См.: Тун А. История революционных движений в России. М.: т-во тип. А. И. Мамонтова, 1905; Он же. История революционного движения в России. Ростов-на-Дону: Донская речь, 1906.

чтобы стоило его предпринимать; но раз ему, несмотря на все усилия, не удалось отговорить меня, то он считает нужным помочь мне, чтобы облегчить мой труд и, насколько возможно, ослабить его риск.

Само собою разумеется, что я никакой непоследовательности в этом не видел и от души был благодарен Сергею Ольденбургу. И в своем отношении к моему предприятию он был чрезвычайно выдержан и систематичен. Когда в ноябре 1886 г. Ульянов и его группа затеяли демонстративную панихиду по Добролюбову (по случаю 25-летия его смерти)¹⁷¹ и в нашем дружеском кружке обсуждался вопрос об участии в ней, причем я заявлял о своем желании пойти на нее, то именно Ольденбург не то что убеждал меня, а прямо требовал не делать этого, так как иначе я рисковал погубить свое издание. И я подчинился.

Из других членов нашего кружка С. Е. Крыжановский указал мне на некоторые любопытные материалы для истории русского революционного движения, появившиеся в польском журнале «Przegląd Społeczny», и так как я совершенно не знал польского языка, то перевел их мне по-русски¹⁷². Я собирался

171 Имеется в виду студенческая манифестация, организованная 17 ноября 1886 г. с целью отслужить панихиду по Н. А. Добролюбову на Волковом кладбище, которая была разогнана, а почти 40 ее участников задержаны полицией; возмущенный «грубым деспотизмом» правительства, которое «не стесняется соблюдением хотя бы внешней формы законности для подавления всякого открытого проявления общественных симпатий и антипатий», А. И. Ульянов призывал противопоставить «грубой силе» властей «тоже силу» (Прокламация, написанная и гектографированная Александром Ильичом Ульяновым по поводу разгона Добролюбовской демонстрации 17 ноября в Петербурге // Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г. С. 355–357).

172 Ср.: «Мне помогали в моей работе (переводе и составлении примечаний) очень и очень многие лица; из них некоторые в

поместить их в приложении к книге Туна.

Задача перевода на русский язык осложнялась и затруднялась тем, что книга была переполнена цитатами из русских источников, приведенными, конечно, по-немецки. Неудобно было обратно переводить их с немецкого; надо было цитировать их по подлиннику, но подлинник – русские заграничные журналы и подпольные листки – был запрещен, и доставать его было не легко. Поэтому все же чаще приходилось переводить, чем восстанавливать по подлинному тексту. И помню, что часто, очень часто, стремясь по догадке восстановить русский текст, я оказывался бессилён сделать это. До сих пор у меня в памяти, как, найдя в цитате из одного русского нелегального журнала жалобу на то, что благодаря собственной неосторожности революционеры попадают и оставляют *corpus delicti*¹⁷³, мы вдвоем с С. Ф. Ольденбургом и А. С. Зарудным ломали голову над переводом этого выражения и в конце концов оставили его в его латинской форме, хотя чувствовали в ней что-то неладное. А много лет спустя я имел случай прочитать подлинник и убедился, что здесь стояло «с поличным». Помню также случай, как, найдя в немецкой транскрипции

настоящее время отряхли прах юношеского радикализма от ног своих и оказались в том лагере, из которого может изойти разве гонение на свободную мысль, а никоим образом не желание распространить ее в обществе. Одним из людей, оказавших мне при этом издании большие услуги, был С. Е. Крыжановский, тогда еще мой товарищ по университету, впоследствии директор одного из департаментов Министерства внутренних дел и один из верных сподвижников покойного В. К. Плеве, ныне даже товарищ министра внутренних дел, вполне достойный своего шефа. С. Е. Крыжановский для приложения к Туну перевел с польского из какого-то нелегального журнала несколько отрывков, касавшихся истории русского революционного движения» (*Водовозов В. Рец. на кн.: Тун А. История революционных движений в России. С. 308*).

173 состав преступления (лат.).

фамилию революционера Hamkrelidse, нам тогда незнакомую, мы усомнились, как нужно писать ее по-русски. Зарудный и я думали: Гамкрелидзе (мы были правы), а Ольденбург настаивал на том, что если бы он действительно был Гамкрелидзе, то Тун написал бы Gamkrelidse. Ольденбург был очень настойчив и, как ни дико звучала для нашего уха фамилия Хамкрелидзе, переспорил нас обоих.

Чуть не с первых страниц работы я заметил, что промахи Туна значительнее, чем мне казалось раньше, и что они объясняются не только недостатками его материала, но также или неполным знанием русского языка, или значительною небрежностью при пользовании его источниками, и что у него встречаются значительные недоразумения даже там, где он просто излагает или цитирует русский источник. Поэтому я решил снабжать книгу своими примечаниями, в которых я исправлял ошибки автора или пополнял его. Понемногу эти примечания стали разрастаться, и мне пришлось выделить их в «приложения», и не очень большая книга, листов в двадцать, все более пухла, грозя обратиться в нечто очень солидное. К участию в ней приходилось привлекать все новых лиц. Так я привлек к нему Лидию Карловну Давыдову (дочь композитора и виолончелиста К. Ю. Давыдова, впоследствии жену М. И. Туган-Барановского, умершую около 1900 г.), в то время молодую барышню, с которою, равно как и со всей семьей Давыдова, я был хорошо знаком. Она по моей просьбе перевела несколько глав из книги Туна. Часть книги перевела Наталья Егоровна Вернадская, жена В. И. Вернадского (впоследствии известного минеролога, академика).

Большой ошибкой моей было то, что я приступил к литографированию, когда перевод, редакция и приложения к книге были не только не закончены, но едва начаты. Мне не хотелось оставлять литографию Гробовой без моей работы, так как я боялся, что ее у меня перехватят, а вместе с тем надеялся, что при разделении труда по переводу буду поспевать за литографией, которая ведь не могла печатать более двух листов в не-

делю. Но в этом я ошибся, – тем более что сделал еще другую, роковую ошибку.

Осенью 1886 г. я неожиданно получил письмо от П. А. Гайдебурова, редактора «Недели», весьма популярного тогда в среде провинциальной интеллигенции и мелкой буржуазии еженедельного журнала. Он предложил мне участие в нем, притом сразу давал мне ведение иностранного отдела¹⁷⁴.

С Гайдебуровым до того знаком я не был (если не считать того, что он был довольно частым посетителем в семье моего отца в очень давние годы и знал меня, когда мне было лет 9–10). Обратился же он ко мне потому, что ему рекомендовал

174 24 октября 1886 г. П. А. Гайдебуров пишет 22-летнему студенту: «Любезнейший Василий Васильевич, я хотел бы предложить Вам одну журнальную работу (периодическую), вполне, как мне кажется, подходящую к Вам. Если Вы в принципе не против таковой, потрудитесь побывать у меня или около 12 часов, или между 7 и 8. Весь Ваш, П. Гайдебуров». 4 ноября редактор «Недели» снова обращается к юноше: «Будьте добры, любезный Василий Васильевич, известить меня, на чем Вы остановились относительно моего предложения, и если решили его принять, то когда именно думаете приступить к делу». 5 ноября Водовозов ответил: «Многоуважаемый Павел Александрович. За предложенную Вами работу я решился взяться, но приняться за нее раньше декабря я никак не могу. Кое о чем мне необходимо было бы с Вами переговорить лично; поэтому я просил бы Вас назначить мне дни и часы, в которые я мог бы зайти к Вам, не потревожив Вас». На это Гайдебуров отвечает: «В воскресенье утром я обыкновенно дома, любезнейший Василий Васильевич». А уже 6 декабря, советуясь с начинающим журналистом относительно того, какие зарубежные издания надо для него выписать, Гайдебуров напоминает: «Значит, Вы к следующему номеру составите Политическую хронику. Если же Вам попадется что-нибудь интересное вне этой рубрики, то можете, если пожелаете, сделать отдельную заметку, – хотя лучше бы на первое время сосредоточиться на политике» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2115. Л. 1, 3, 5, 10, 20).

меня его близкий сотрудник и мой хороший знакомый Я. В. Абрамов, известный в 80-х годах публицист ультранароднического направления, позднее, в 90-х годах, прославившийся проповедью «малых дел».

Соблазн для молодого человека, еще не выступавшего в печати, был очень велик, и я не мог от него удержаться. Поэтому с ноября 1886 г. я стал политическим хроникером «Недели». Перечитав много лет спустя свои обозрения¹⁷⁵, я убедился, что был очень плохо подготовлен к своему новому амплу, и нашел в своих статьях массу грубых, непростительных ошибок, которых, однако, Гайдебуров не замечал.

Но, как бы то ни было, мои обозрения в «Неделе» требовали усиленного труда и времени; занятия в университете шли своим чередом, и на Туна оставалось все меньше и меньше времени. И если это не отражалось на качестве перевода, над которым я работал вовсю, то отражалось на том, что я затягивал работу и все меньше и меньше обращал внимания на обязанности конспирации.

И гроза разразилась.

Собственница брошюровочной мастерской Кармалина рассчитала одного из своих рабочих. Тот отомстил доносом в полицию, что она брошюрует нелегальные книги. В ночь на 25 февраля 1887 г. у нее был сделан обыск, и все напечатанные листы Туна – их в это время было уже около 20 – найдены в неприкосновенном виде¹⁷⁶.

175 См., например: Водовозов В. В. Политические известия // Неделя. 1886. № 50–52; 1887. № 1–8; Он же. Международные отношения в 1886 г. // Там же. 1887. № 1.

176 В ходе обыска в переплетной мастерской в доме № 11 по Большой Итальянской улице полиция изъяла 97 готовых брошюр А. Шеффле «Сущность социализма» и 320 экземпляров еще не сшитой, обрывавшейся на 192-й странице книги А. Туна «История революционных движений в России». Автор предисловия к книге указывал, что, изданная весной 1883 г., она является уже

По какой-то непонятной для меня причине Кармалина не была сразу арестована и утром 25 февраля пользовалась полной свободой (возможно, конечно, что за ней ходили сыщики), но не сделала ни малейшей попытки предупредить меня. Часов в 12 утра она была арестована и с первых же слов на допросе в охранном отделении назвала мою фамилию¹⁷⁷. Дня через

«несколько устаревшей», поскольку революционное движение «не прекратилось», появились «новые подпольные журналы, брошюры и прокламации», но обещал исправить этот недостаток за счет приложения и подстрочных примечаний к тексту, подчеркивая, что работа Туна остается «до сих пор единственной в своем роде», ибо «обстоятельно и беспристрастно передает события борьбы между правительством и группой радикалов», описывая «смену направлений в среде самих революционеров». Полиция обнаружила и часть листов упомянутого приложения, включавшего программу, воззвания и прочие документы партии «Народная воля» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3 д-во. 1893. Д. 140. Л. 9–12).

- 177 Ср.: «Дворянка, дочь поручика Клеопатра Федорова Кармалина, 60 лет, показала, что Василий Водовозов, с которым она познакомилась, бывая в доме его родителей, в мае 1886 г. принес к ней для брошюровки 350 экземпляров сочинения графа Толстого “О деньгах”. Работу эту она приняла и по окончании передала Василию Водовозову. Затем, в октябре того же года, Василий Водовозов, зайдя к ней, предложил принять для брошюровки 350 экземпляров сочинения Шефле “История революционных движений в России” и столько же экземпляров “Приложений” к этому сочинению, добавив, что сочинения эти доставит ей какая-то женщина. На вопрос, не заключают ли в себе сочинения эти чего-либо запрещенного, Водовозов заявил ей, что книги эти не заключают в себе ничего преступного, а составляют только литографированные переводы старых немецких сочинений. Поверив Водовозову, она согласилась принять работу, догадываясь, впрочем, что переводы эти – нецензурные, но не предполагая в них, однако же, ничего преступного. После этого, в течение времени с октября до января 1887 г., ка-

два она была выпущена, и даже мастерская ее не была закрыта. Но, возмущенный доносом на меня, М. И. Семевский взял у нее «Русскую старину» и отказал ей в пенсии; еще кто-то из издателей отказал ей в работе, и ей пришлось самой закрыть свою мастерскую. Она сильно бедствовала и года через три умерла. Я, со своей стороны, ничего другого от нее не ожидал, совершенно на нее не сердился и даже сожалел, что М. И. Семевский нанес ей из-за меня такой тяжелый удар. Предупредить его, однако, я не мог, так как в то время сидел в тюрьме.

Итак, гроза разразилась.

Как уже сказал, заваленный срочной работой, я последнее время совершенно пренебрегал требованиями конспирации и застигнут был с поличным. Впрочем, конспирация вообще не в моем характере. У меня были найдены экземпляры всех моих изданий, в том числе неоконченного Туна, и рукописи переводов, между прочим – Давыдовой, Вернадской и Крыжановского; некоторые из них были уже переписаны для литографии и даже отпечатаны, так что хранить их не было никакой надобности, а я просто забывал их уничтожить. Найдены также различные нелегальные издания и – что всего хуже и непростительнее – куча различных писем и записок, хранить которые тоже не было никакой надобности. Обыск продолжался часов до семи, главным образом в моей комнате; во всех остальных он был произведен совершенно поверхностно, чуточку тща-

кая-то неизвестная ей пожилая женщина доставила к ней 16 связок литографированных листов; из них 350 экземпляров сочинения Шефле она, обвиняемая, сброшюровала, передавая по мере изготовления Водовозову, которому, таким образом, отдала 250 экземпляров; другое же сочинение (“История революционных движений в России”) осталось несброшюрованным, так как Водовозов не доставил ей окончания этого сочинения, обещая прислать в феврале, почему оно и обнаружено при обыске несброшюрованным» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3 д-во. 1893. Д. 140. Л. 15).

тельнее – в комнате моего брата Николая, тогда – гимназиста VI класса.

В моей комнате обыск производил жандармский офицер; частный пристав обыскивал остальные комнаты¹⁷⁸ и только по окончании этой работы пришел на помощь жандарму. Начал обыск жандармский офицер с большим рвением, внимательно просматривая и даже прочитывая каждую бумажку. Но так как у меня были два стола, в каждом – по два ящика и в ящиках – масса бумаг и, увы, далеко не в идеальном порядке, то часа через два он устал и в дальнейшем просматривал бумаги все поверхностнее и поверхностнее, иногда отбрасывая или не замечая таких, какие, с его точки зрения, могли представлять значительную цену. Зато он отбирал целые кипы бумаг, с его точки зрения, совершенно не нужных. Но всего интереснее, что, осмотрев в общем внимательно четыре ящика столов, он забыл посмотреть на столах или, по крайней мере, на одном из них, а там лежала рукопись очередной главы Туна в большом конверте с именем и адресом моей переписчицы и даже с набросанным на конверте планом двора ее дома. Эту рукопись я только что перед тем дал Ольденбургу, который взялся занести ее переписчице и для которого был нарисован план ее двора, чтобы избавить его от необходимости расспрашивать дворника. Выходя от меня, Ольденбург держал конверт в руках и, вернувшись по требованию офицера в комнату, положил его на стол¹⁷⁹. Жандарм, по счастью, не обратил на это внимания.

178 Квартира матери В. В. Водовозова, состоявшая из семи комнат, располагалась на двух этажах, соединенных внутренней лестницей, что было тогда редкостью в Петербурге и немало озадачило полицию (см.: *Водовозова Е. Н.* Из недавнего прошлого // *Голос минувшего.* 1915. № 1. С. 166).

179 А. А. Корнилов утверждал, что С. Ф. Ольденбург «лишь случайно уцелел тогда, при катастрофе, постигшей Водовозова», ибо «благодаря находчивости присутствовавшего при обыске отчима Водовозова, В. И. Семевского, успел освободиться от ли-

Эта его оплошность, спасшая от привлечения к моему делу двух человек, была для меня великим счастьем. Вернувшийся с обыска в других комнатах пристав в то же время осмотрел мою библиотеку, для студента – весьма значительную, и извлек и показал жандарму какую-то немецкую книжонку Лассала, от которой тот только досадливо отмахнулся рукою, и не заметил неподалеку стоящего Собрания сочинений Герцена в заграничном издании и ряд томов Чернышевского¹⁸⁰. Затем они вместе пошарили на полках позади книг, но только на высоте своего роста; нагнуться, чтобы осмотреть таким же образом нижние полки, или влезть на лестницу, чтобы осмотреть верхние, они поленились. А там как раз оставались запакованные пачки еще не распроданных экземпляров Шэфле.

На основании своих наблюдений над поведением жандармского офицера я создал свою теорию психологии обыска, и так как всю свою остальную жизнь я прожил в ожидании возможного обыска, то на ней до некоторой степени построил и свое поведение. Запретные книги, если они не имели очень бросающегося в глаза внешнего вида, я просто ставил в общий ряд с другими книгами, только – на самых верхних или нижних полках; нелегальные листки я вставлял между листами неразрезанных книг; иногда при этом забывал, каких именно, и не мог найти их, когда они были нужны, и находил совершенно случайно через многие годы. Некоторые вещи – револьвер, а в большевицкие времена – запасы сахара, чая, мыла, – позади книг на верхних или нижних полках. Но, главное, я не уничтожал ни одного черновика своей статьи, сданной в редакцию и даже напечатанной, вообще ни одной бумажки, если только

ста только что принесенной им рукописи, находившейся в момент прибытия жандармов у него в боковом кармане» (*Корнилов* А. А. Указ. соч. С. 77).

180 См.: Сочинения А. И. Герцена. Т. 1–10. Genève; Bale; Lyon, 1875–1879; Сочинения Н. Чернышевского. Т. 1–5. Vevey, 1867–1870.

был уверен в ее полной политической невинности. Благодаря этому у меня всегда бывали груды совершенно ненужного бумажного хлама. Все наиболее ценное, что я особенно не желал видеть в жандармских руках, я клал под груды старого ненужного бумажного хлама. Таким образом моя теория дала для меня самого оправдание той неряшливости по отношению к своим бумагам и столам, которая и раньше была чертой моего характера, и некоторый козырь в спорах с женою, которая постоянно попрекала меня ею. И моя теория многократно и при царе, и при большевиках подвергалась жизненной проверке и каждый раз выходила оправданной. При последующих обысках у меня ничего не находили, хотя почти всегда что-нибудь неудобное найти было можно.

На этот раз жандарм уехал с богатой добычей; он запаковал три или четыре больших пакета рукописей и книг¹⁸¹.

По окончании обыска жандарм составил протокол. По какой-то неожиданной для меня снисходительности он, осведомившись у Ольденбурга о фамилии и звании и узнав, что тот оставлен при университете по кафедре санскритского языка, сказал:

– Я вас не стану заносить в протокол.

Это, конечно, и для меня, и для него было очень приятным сюрпризом.

Затем жандарм позволил мне пообедать и проститься наедине с матерью и семейными и увез меня на извозчике вместе с пакетами в охранное отделение на Гороховой, здание, в котором впоследствии мне не раз приходилось бывать как в

181 В рукописи далее зачеркнуто: «Великим счастьем для меня было то, что он не взял очередной главы Туна с адресом переписчицы, и переписчица не была привлечена к делу. Не захватил он случайно и одной записки Вернадской, которая, сама по себе невинная, могла бы сыграть ту же роль, что и записка Давыдовой».

царские, так и в большевицкие времена. Несмотря на то что я попался на занятии историей революционного движения, что с тюрьмой, арестом и обыском я был в теории прекрасно знаком, несмотря на это, я был практически настолько неопытен, что не взял с собой ни подушки, ни чая, ни чего-нибудь съедобного; только смену белья дала мне мать.

В охранном отделении меня заставили прождать довольно долго. Было восемь или девять часов вечера. Я никогда в последнее время не ложился спать ранее двух часов ночи, но тут вследствие обилия впечатлений и переживаний почувствовал страшное утомление; сон клонил меня. Я не мог противиться этому позыву; за отсутствием в комнате дивана я сдвинул несколько стульев, положил вместо подушки шубу и крепко заснул.

Прошло с полчаса. Раздался звон шпор (а может быть, шпор и не было и я слышал их во сне), и я проснулся. Властным голосом меня потребовали в соседнюю комнату, и там кто-то в жандармском мундире подверг меня первому допросу.

Я признал, что все найденные у меня вещи найдены действительно у меня и принадлежат мне и что я действительно издавал литографским образом и Толстого, и Шэфле, и, главное, Туна.

– Где вы их литографировали?

– К сожалению, я не могу этого сказать.

– Где брошюровали?

– Тоже не могу сказать.

– Кто вам помогал в издании?

– Никто, я сам все делал.

– В таком случае я должен буду вас заключить в Дом предварительного заключения¹⁸², где вы на досуге обдумаете,

182 Дом предварительного заключения на Шпалерной – следственная тюрьма, открытая в 1875 г. и примыкавшая к зданию Пе-

выгодно ли вам ваше укрывательство.

Затем меня отвели в прежнюю приемную и, как это ни странно, со мной, несмотря на глубокое, пережитое мною волнение, повторилась прежняя история: я лег на стулья и снова крепко уснул. Не хочу сказать, чтобы я был спокоен, не волновался, не мучился, не боялся. Напротив, все эти человеческие чувства мною владели в полной мере. Сердце мучительно сжималось и колотилось; голова была полна тягостных мыслей о своем будущем и о том, что я погубил или могу погубить кое-кого из друзей или посторонних¹⁸³, и, несмотря на все эти переживания, мне больше всего хотелось спать. И я крепко спал.

Около часа ночи меня разбудили и отвезли в Дом предварительного заключения на Шпалерной. Массивная железная решетчатая дверь с лязгом открылась, чтобы принять меня, и захлопнулась за мною.

«Отсюда не убежишь!» – сразу мелькнула у меня мысль, хотя ни раньше, ни позже о побеге не думал.

Захлопнулась дверь, и я сразу почувствовал себя отрезанным от всего мира.

В канцелярии Дома меня подвергли новому личному, особенно оскорбительному, обыску с раздеванием, отобрали цепочку от часов (часы оставили), отобрали деньги, в которых дали расписку, и отвели в камеру в пятый этаж. Не осмотревшись даже в ней, наскоро раздевшись, я завалился на кровать и опять крепко заснул.

тербургского окружного суда.

183 В рукописи далее зачеркнуто: «которых я губить тем менее желал, чем менее было их нравственное участие в моем деле: собственницу типографии Гробову, собственницу брошюровочной Кармалину (о чьей роли в моем деле я тогда еще не знал)».

Глава II. Тюрьма

Потекли скучные, однообразные тюремные дни. Первые дни, впрочем, были не столько скучны, сколько мучительны. Приходилось¹⁸⁴ переживать мучительную мысль о совершенных ошибках. Потерян университет, потеряна надежда на профессию, к которой я стремился. Будущее рисовалось очень мрачно. Всего более, однако, мучила мысль о предстоящем допросе.

В 6 часов утра разбудили уголовные, которые вошли в камеру, чтобы очистить клозет. В 7 часов вторично разбудил надзиратель, принеся кипяток. Но чайника не было; на двух вделанных в стену железных полочках стояли только две почерневшие грязные оловянные тарелки, такие же ложка, миска и кружка. Пришлось вылить кипяток в эту последнюю, но воспользоваться им не удалось: не было ни чая, ни сахара. Я огляделся. Из окна, маленького, грязного, устроенного выше моего роста, с железной решеткой, тускло виднелся кусочек мрачного февральского неба. Обратил внимание на толщину стены.

«Прочная, – подумал я, – долго простоит; много понадобится усилий, чтобы ее разбить».

Я вспомнил один мой разговор, года за два перед тем. В мае 1885 г., по случаю окончания курса, большей частью моих университетских друзей в квартире нашего товарища М. И. Свешникова была устроена дружеская вечеринка.

Речь зашла о предстоящей революции. Я, один из всех, доказывал неизбежность и даже известную близость таковой.

– Лет через тридцать, не больше, должна вспыхнуть революция, – говорил я. – На большой срок не хватит самодержавного режима, слишком он всем ненавистен, слишком гнетет народ.

184 Зачеркнуто: «присматриваться к новым до сих пор условиям жизни и».

– Ты Россию знаешь только по книгам да революционным листкам, – возражал мне А. Н. Краснов (впоследствии профессор ботаники в Харькове, умерший около 1915 г.), – а я ее всю исколесил и ручаюсь тебе, что и двухсот лет мало, чтобы пробить толщу невежества и дикости, которою обросла русская деревня.

– Вы оба говорите вздор, – возразил нам обоим Федор Ольденбург. – Что будет через тридцать лет, никто не знает и знать не может. В наше время технического и экономического прогресса тридцать лет – слишком большой срок, чтобы можно было за него что-нибудь предсказывать. Такие перемены могут произойти, о которых теперь ровно ничего сказать нельзя. А уж через двести лет – и подавно.

Из нас трех прав, конечно, был Ольденбург. Но любопытно, что назначенный мною срок, для назначения которого у меня, конечно, не было решительно никаких оснований, исполнился почти точь-в-точь, хотя революция предстала совсем не в том виде, о котором я говорил. Тогда я верил в этот срок, но толстые стены тюрьмы заставили меня усомниться в нем. Увы! Это, конечно, не свидетельствовало о глубине моей веры. Замечу здесь, что тридцать лет – это была уже большая уступка. В 70-х годах для революции обыкновенно назначался срок гораздо более короткий, так – года в два, и этот срок я сам не раз слышал гимназистом, притом не от гимназистов, а от людей весьма немолодых, например Владимира Романовича Щиглева¹⁸⁵, небезызвестного революционного поэта и очень мирного обывателя, без единого ареста и даже обыска дожившего до 1900 г.¹⁸⁶ (о нем есть заметка в Энциклопедическом

185 См.: Щиглев В. Р. Василий Иванович Водовозов в воспоминаниях // Русская старина. 1886. Вып. 11. С. 405–424.

186 Неточность: В. Р. Щиглев умер 1 октября 1903 г.; см.: Семевский В. И. В. Р. Щиглев // Русские ведомости. 1903. № 297. 29 октября.

словаре Брокгауза – Ефрона¹⁸⁷, его стихи – в «Русской старине» и «Голосе минувшего»).

Я продолжал осматривать мое новое жилище. В нем было 6 шагов в длину, 3 шага в ширину; вместо потолка – низкие своды; ввинченная в стену койка с грязным матрацем, подушкой и одеялом; ввинченные в стену железные столик, стул и полочки для посуды; под окном – раковина и кран для воды, устроенный так, что вода шла, пока кран придерживаешь рукою, так что умываться можно было только одною рукою; над столом – газовый рожок; в углу – клозет; железная, крепко запертая и отпираемая с пронзительным лязгом ключей дверь, в двери – волчок, то есть форточка, извне отворяемая, через которую надзиратели наливали кипяток и передавали пищу и вещи; в волчке – маленькое застекленное отверстие – глазок, с наружной стороны закрываемое особенной задвижкой; через этот глазок надзиратели могли всегда наблюдать за арестантом. На стене – тюремные правила. И больше ничего.

Я ознакомился с правилами. Узнал свои скромные права и очень серьезные обязанности; узнал, что за всякую провинность мне грозит карцер, лишение свиданий, переписки, книг и прогулки.

Делать мне было решительно нечего, и я, умывшись без мыла, голодный, без чая, начал угрюмо, как зверь в клетке, шагать из угла в угол.

Часов в 10 явился ко мне пожилой начальник Дома и объяснил, что при тюрьме имеется лавочка, из которой я имею право выписывать на свои деньги предметы домашнего обихода, посуду, съестные припасы, письменные принадлежности, бумагу, почтовые марки и т. д., вообще все, что только не запрещено в тюрьме; сообщил мне, что я буду получать казенный обед, но если хочу, то могу заказывать за 35 копеек «свой»

187 Венгеров С. Щиглев // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1904. Т. 40. С. 77.

из двух блюд, что заказы в лавочку я должен делать письменно накануне, но для вновь прибывших арестантов делается исключение, и поэтому чай, сахар, чайник, мыло и все другое я могу получить сегодня же; только обедом в первый день мне придется довольствоваться казенным, ибо «свой» готовится только по предварительным заказам.

И действительно, только первое утро я просидел голодный и без чая. После казенного обеда я в первый же день при втором разносе кипятка имел возможность напиться чая¹⁸⁸ и даже с булками. Очень неприятное чувство возбуждала необходимость обходиться без ножа и вилки, которые в тюрьме запрещены.

Тогда же я получил каталог тюремной библиотеки. Ознакомление с ним доставило мне большое удовольствие. Я в нем нашел подбор русских и иностранных классиков (в русских переводах) в лучших имевшихся тогда изданиях и большой ассортимент книг по истории, политической экономии, юриспруденции и естествознанию. Вообще, тюремная библиотека оказалась довольно значительной и хорошо подобранной. Но удовольствие я испытал не только от того, что предвидел возможность заполнить тяжелые тюремные досуги интересным чтением, но в особенности потому, что, просматривая каталог, я видел в нем отчасти дело моих рук.

Произошло это таким образом. Одним из моих товарищей по университету был известный богач, Иннокентий Михайлович Сибиряков, пайщик сибирских золотых приисков, один из известной семьи Сибиряковых. Его личное состояние определялось, как говорили, 7 миллионами рублей. Верна ли эта цифра, я не знаю, но что средства его были велики, это – бесспорно. Будучи человеком совершенно исключительной душевной доброты, вместе с тем живя очень скромно, не швыряя денег

188 Далее зачеркнуто: «своего, то есть полученного за свои деньги».

на кутежи, Сибиряков, как кажется, поставил себе целью истратить все свои средства на общественные дела и при этом старался тратить их по возможности разумно и целесообразно. Это ему не всегда удавалось. Как все богатые люди подобного склада характера, он был несчастною жертвою своего состояния и, по-видимому, глубоко страдал. Он постоянно был окружен толпой прихлебателей, рвавших его со всех сторон. Деньги у него выклянчивали, вымогали угрозами, за деньги ему платили постоянными оскорблениями. Помню один его довольно редкий рассказ (он вообще неохотно говорил об этом) об одном субъекте, ему незнакомом, который обратился к нему с письмом такого рода: «Говорят, для вас помочь – то же самое, что другому плюнуть. Так не дадите ли вы мне 100 рублей, мне они до зарезу нужны». Сибиряков ответил, что он не охотник до плевков ни в прямом, ни в переносном смысле. Тем не менее Сибиряков жертвовал десятки тысяч рублей на научные экспедиции (например, Потанина), на библиотеки, издание разных малоходких книг, стипендии учащимся и т. д.

Чтобы дать понятие о том, как расходовал свои деньги Сибиряков, расскажу о следующем его пожертвовании. На одной из лекций в университете В. И. Семевского, читанной в 1884 или 1885 г., Сибирякова задело за живое указание лектора на полное отсутствие научных исследований по истории рабочего класса на сибирских золотых приисках и пожелание, чтобы кто-нибудь из молодых сибиряков, слушающих его лекции, пополнил этот пробел. Недели через две Сибиряков пришел к Семевскому и предложил ему самому заняться этой работой, причем предлагал, во-первых, возможность на его средства совершить поездку в Сибирь для собирания материалов по интересующему вопросу, во-вторых, средства на приобретение этих материалов или их переписку и, в-третьих, совершенно необычный гонорар – по 500 рублей за первые 30 печатных листов книги и по 300 рублей за следующие; наконец, в-четвертых, он брался издать эту работу.

Ничего подобного не ожидавший В. И. Семевский был

очень поражен этим предложением. Сначала он отказался, указывая, что ближайшие годы его заняты другой работой – по истории крестьянского вопроса в России¹⁸⁹, – которая уже давно начата и которую не может бросить. Сибиряков ничего не имел против того, чтобы работу по истории Сибири Семевский отложил на несколько лет, и все-таки настаивал на том, чтобы она была сделана. На это Семевский заметил:

– Но вы должны иметь в виду, что, изучая положение рабочих в Сибири, я должен касаться и положения рабочих на принадлежащих вам в доле приисках. Весьма возможно, что я натолкнусь на факты неблагоприятные.

– Никаких цензорских или редакторских прав за собою я не оставляю, – ответил Сибиряков. – Вы вполне свободны в вашей работе, и книга будет напечатана в том самом виде, в каком вы сдадите ее мне.

В конце концов Семевский принял предложение Сибирякова, и оба исполнили свои обязательства. Семевский совершил в 1891 г. полугодовую поездку по Западной и Восточной Сибири (еще до проведения туда железной дороги¹⁹⁰), в несколько следующих лет написал большую книгу под заглавием «Рабочие на сибирских промыслах»¹⁹¹, и эта книга была в 1898

189 Приват-доцент по кафедре русской истории в Петербургском университете в 1882–1886 гг., В. И. Семевский работал над докторской диссертацией «Крестьянский вопрос в XVIII и первой половине XIX века» (издана под этим названием в 2 томах: СПб., 1888), которую защитил в Московском университете в 1889 г.

190 Строительство Транссибирской магистрали (Великого Сибирского пути, Сибирской железной дороги) началось в 1891 г. и было завершено в 1901 г., регулярное железнодорожное движение открылось в 1903 г.

191 Семевский В. И. Рабочие на сибирских золотых промыслах: историческое исследование. СПб.: И. М. Сибиряков, 1898. В 2 т.

г. издана Сибиряковым¹⁹².

В начале 90-х годов моральная религиозность Сибирякова в духе Льва Толстого перешла в церковную православную религиозность, и он постригся в монахи в Афонском монастыре. Перед этим он пожертвовал 420 000 рублей на образование капитала имени своего отца для выдачи пособий и пенсий приисковым рабочим¹⁹³, 40 000 рублей – на открытие в Петербурге анатомического института и сделал еще несколько крупных пожертвований. Все-таки истратить всех своих средств он не успел, и крупные остатки его богатства достались монастырю¹⁹⁴. Через несколько лет после этого, в 1901 г., Сибиряков умер.

Ко мне он чувствовал значительную симпатию именно потому, что я не только не вымогал у него денег, но и несколь-

192 Подробнее см.: Гаврилов С. В. Историк и меценат: К истории взаимоотношений В. И. Семевского и И. М. Сибирякова // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 457. С. 101–109.

193 Положение о капитале имени потомственного почетного гражданина М. А. Сибирякова (размером 410 тыс. рублей в 4%-х государственных бумагах по номинальной их стоимости) было утверждено министром государственных имуществ 15 марта 1894 г.

194 В 1893 г. И. М. Сибиряков пожертвовал приват-доценту Петербургского университета П. Ф. Лесгафту 200 тыс. рублей и свой дом для создания биологической лаборатории с анатомическим и зоологическим музеями, в 1894 г. – 147 тыс. рублей в пользу Богоявленского монастыря в Угличе. Это вызвало подозрение в невменяемости миллионера, имущество которого было опечатано, но два психиатрических освидетельствования, проведенных в июне 1894 г. и январе 1895 г., признали его здоровым; остаток личного капитала в размере 2,4 млн рублей он пожертвовал на устройство столичного подворья Свято-Андреевского скита и постройку Андреевского собора на Афоне.

ко раз отказался от предлагавшейся им помощи на мои издания, о которых знал и которым сочувствовал, так как по своим убеждениям был очень близок к Льву Толстому. Однажды, приблизительно за полгода до моего ареста, Сибиряков сообщил мне, что намерен пожертвовать по библиотеке во все петербургские тюрьмы, и предложил составить список книг, по которому обещал их приобрести. С большим удовольствием исполнил я это, воспользовавшись для естествознания помощью Владимира Вернадского. Вручив Сибирякову список – нужно заметить, что в нем было книг тысяч на две, на три для каждой библиотеки, – я им больше не интересовался и даже не спросил Сибирякова, исполнил ли он свое намерение.

И вот, попав в тюрьму, я в первый же день получил на этот вопрос утвердительный ответ. Я сразу увидел, что каталог библиотеки по всем своим отделам состоит как бы из двух частей: из части старой, состоящей из разрозненных и совершенно случайных книг, и части новой, подобранной систематически – и именно подобранной мною. Впоследствии я увидел, что и самые книги резко отличались одни от других: книги прежние – истрепанные, изорванные, расползающиеся; напротив, книги, пожертвованные Сибиряковым, – все новенькие, в прочных переплетах, чистые¹⁹⁵.

195 Далее зачеркнуто: «28 лет спустя мне случилось вновь сидеть в этой самой тюрьме, – в своем месте я расскажу об этом. К тому времени от сибиряковского книжного богатства остались только жалкие воспоминания; книги, приобретенные когда-то по моему списку, были так же истрепаны, изорваны, испачканы и в значительной части совсем исчезли; новые же совершенно не приобретались, и библиотека пополнялась, видимо, только случайными пожертвованиями отдельных тюремных сидельцев. Одним словом, вместо хорошей библиотеки, благодаря которой можно было, сидя в тюрьме, приобрести некоторое общее образование, был совершенно несистематический подбор случайных книг, при помощи которых можно было с грехом пополам убивать долгие дни и вечера».

Итак, начались долгие тюремные дни. Жизнь начиналась в 7 часов утра, когда приносили первый кипяток, продолжалась, первое время моей сидки, часов до трех, до половины четвертого, когда маленькое загрязненное тюремное окошко отказывалось пропускать свет, достаточный для чтения, и вновь начиналась в 6, когда пускали газ. В 9 часов газ тушили, после чего я часа два работал еще со свечою. Но первые дни работа, даже простое чтение романов, шла очень туго: слишком тяжело было настроение, слишком мучительны переживания; донимала незнакомая мне раньше бессонница. Дневные часы я обыкновенно сумерничал и преимущественно эти часы тратил на перестукивание с соседями. С этим способом разговора я ознакомился уже в первый день тюремной жизни.

Едва ушел от меня помощник начальника Дома, как я услышал размеренные стуки в стену. Я знал, конечно, о существовании тюремной азбуки, но самой азбуки не знал и потому отвечал бессмысленным многократным стуком сгибом пальцев. Сосед несколько раз начинал свою размеренную речь, и каждый раз я прерывал его своим бессмысленным многократным стуком. Наконец он догадался, что я безграмотен, и простучал мне подряд русский алфавит. Тогда я понял, что русская азбука разделена на 6 рядов, в каждом ряду – по 5 букв и что каждая буква обозначается сначала несколькими ударами, указывающими ряд, в котором она стоит; затем, после короткого перерыва, – вновь несколькими ударами, обозначающими ее место в ряду; например, чтобы передать букву «в», занимающую 3-е место в 1-м ряду, надо ударить сперва 1, потом 3 раза; для буквы «о» – 3 и 4 раза, так как она занимает 4-е место в 3-м ряду; само собою разумеется, что буквы, впоследствии устраненные большевиками из обычной азбуки, – как і, ѣ, ъ, – из азбуки тюремной были устранены задолго до них. Едва я это понял, как началось планомерное перестукивание; сперва оно шло медленно, с ошибками, потом все быстрее. При каждом звуке шагов по коридору разговор приходилось, конечно, прерывать.

– Кто вы? – разобрал я вопрос.

Я ответил.

– Давно арестованы?

– Вчера.

– По какому делу?

Вопрос поставил меня в тупик. Я не знал установившихся кратких ответов («по своему») и должен был в довольно длинной фразе изложить сущность моего дела.

О том, что подобное сообщение может быть опасно, я не думал: случаи подсаживания в соседство к арестантам шпионов, впоследствии ставшие обиденными, тогда еще были малоизвестны, и арестанты друг другу по общему правилу доверяли, – конечно, до известной степени. Бывали, разумеется, и более осторожные арестанты, но я к их числу не принадлежал. Впрочем, все-таки я не сказал ничего сверх того, что прокуратуре уже было известно.

– А вы кто? – в свою очередь спросил я.

– Френкель.

– По какому делу?

– По лопатинскому¹⁹⁶.

Это имя тогда мне ничего не говорило. Фамилию Германа Лопатина я несколько раз мимолетно слышал, но сколько-нибудь ясного представления о нем не имел. В книге Туна она, помнится, не встречалась или если встречалась, то не

196 На «процессе 21-го», проходившем в Петербургском военно-окружном суде с 26 мая по 5 июня 1887 г., на котором Г. А. Лопатин, П. Ф. Якубович и другие обвинялись в принадлежности к тайному сообществу, поставившему себе целью ниспровержение существующего государственного строя, а именно – намерении восстановить разгромленную в 1881–1883 гг. партию «Народная воля», большинство подсудимых были приговорены к смертной казни, замененной каторгой, а трое, в том числе Я. Г. Френкель, оправданы за недостатком улик.

приковывала к себе моего внимания¹⁹⁷.

– Давно сидите?

Френкель ответил мне довольно длинной фразой, из которой я понял, что он сидит два месяца. Впоследствии я узнал, что, расшифровывая эту фразу, ошибся: он сидел в разных тюрьмах около трех лет¹⁹⁸, а два месяца – только в Доме предварительного заключения. Но уже два месяца повергли меня в ужас; по спине у меня пробежали мурашки. Два месяца! Неужели и я просижу столько же?

Любопытна человеческая психология. Не было надобности переводить Туна, чтобы знать, что даже за гораздо меньшие вины, чем моя, люди сидят в тюрьмах гораздо больше двух месяцев. Среди моих личных знакомых было немало таких, которые высидели по нескольку лет. Близким знакомым нашей семьи, которого я помнил со своего раннего детства, был доктор (впоследствии профессор) А. А. Кадьян (умер, помнится, в 1917 или 1918 г.), и я хорошо помнил тот день, когда он явился к нам, только что освобожденный из этого самого Дома предварительного заключения после трех лет сидки в нем и других тюрьмах¹⁹⁹. Хорошо я знал также известного сибирского публициста Н. М. Ядринцева, отбывшего много лет

197 А. Тун упоминает, что в 1869 г. (правильно: в 1870 г.) П. Л. Лавров был освобожден «смелым революционером Лопатиным» («im Jahre 1869 vom kühnen Revolutionär Lopatin befreit»); см.: Thun A. Geschichte der Revolutionären Bewegungen in Russland. Leipzig, 1883. S. 69.

198 Неточность: Я. Г. Френкель содержался под стражей со 2 июня 1885 г., то есть более полутора лет.

199 А. А. Кадьян, арестованный 7 июля 1874 г., содержался в тюрьмах Самары и Москвы, откуда 18 февраля 1875 г. был переведен в Петропавловскую крепость, а 19 января 1876 г. – в Дом предварительного заключения и, проведя в тюрьмах 3 года и 8 месяцев, 23 января 1878 г. на «процессе 193-х» был признан невиновным; он скончался 16 ноября 1917 г.

тюремной повинности и потом ссылки в том самом Шенкурске Архангельской губернии²⁰⁰, в который и мне суждено было попасть. Знал известного издателя Л. Ф. Пантелеева, приговоренного к каторжным работам и проведенного на поселении в Сибири лет 12 или 15²⁰¹. Знал многих других. И вот, испытав на себе всего один тюремный день, я был приведен в ужас, когда пришлось конкретно представить себе два месяца в тюремной обстановке. Два месяца быть запертым, как зверь! Ужасно! Увы! Скоро два месяца прошли, а конца моему заключению еще не предвиделось.

Закончить разговор с Френкелем и выяснить недоразумение с двумя месяцами мне не удалось; нас накрыло начальство. Мне, как попавшемуся в первый раз, тот самый помощник начальника Дома, который только что говорил со мной в самом благодушном тоне, сделал строжайший выговор с угрозой репрессиями в случае повторения, а Френкель, как попавшийся, вероятно, не в первый раз, был в наказание переведен куда-то в другое место, и начавшееся наше с ним тюремное знакомство было прервано в самом начале. Лет через двенадцать оно возобновилось уже на воле, – мы оба с ним жили в Киеве и там встретились.

Любопытно, что из полудюжины людей, с которыми я познакомился посредством перестукивания в тюрьме, с тремя я имел случай познакомиться позднее на воле. Кроме названно-

200 Арестованный в мае 1865 г. по делу «Общества независимости Сибири», Н. М. Ядринцев был заключен в Омскую тюрьму, а в апреле 1868 г. приговорен к 12 годам каторги, замененной бессрочной ссылкой в Шенкурск Архангельской губернии, откуда его, помилованного, освободили в декабре 1873 г.

201 Неточность: арестованный в 1864 г., Л. Ф. Пантелеев после года заключения в Вильно был приговорен военным судом к 6 годам каторжных работ, замененных ссылкой в Енисейскую губернию, откуда вернулся в 1874 г., окончательно поселившись в Петербурге в 1876 г.

го сейчас Френкеля, это были И. И. Гильгенберг и П. Ф. Якубович.

Гильгенберг был арестован 3 или 4 марта и попал в соседнюю со мною камеру, освободившуюся после увода из нее Френкеля. Он был студентом Технологического института; арестованный в отдаленной связи с делом 1 марта, он подробно рассказал мне, посредством перестукивания, о том, что произошло в этот день в Петербурге. Гильгенберг просидел в Доме предварительного заключения месяцев 15 или 16 и был отправлен в административном порядке в Шенкурск, куда я прибыл за месяц до него²⁰². Там я имел случай свести с ним более близкое знакомство.

П. Ф. Якубович оказался моим соседом через месяц или полтора после моего ареста. Так как три или четыре человека, с которыми я до него беседовал, все сидели по лопатинскому делу, то я прямо спросил его:

– Вы – по лопатинскому делу?

– Нет, по своему, – ответил он.

Мне осталось не вполне понятным, почему он решительно выделяет свое дело от лопатинского, хотя дела их были объединены и судились они, как я узнал впоследствии, вместе. Затем, когда я поставил ему вопрос о времени сидки, то повторилось то самое, что в разговоре с Френкелем, только – при иных масштабах. Два месяца сидки²⁰³ казались мне чем-то

202 При обыске 2 марта 1887 г. у И. И. Гильгенберга, уволенного с первого курса столичного Технологического института и состоявшего с осени 1886 г. в петербургской рабочей группе «Народной воли», изъяли конспект ее программы, брошюру «Царь-голод» и рукопись «тенденциозного» содержания, после чего он попал в Дом предварительного заключения, а 14 апреля 1888 г. по высочайшему повелению от 30 марта был выслан на 4 года под гласный надзор в Архангельскую губернию с водворением в Шенкурске.

203 В рукописи далее зачеркнуто: «меня уже не пугали»,.

вполне естественным, но когда я узнал, что Якубович сидит с 1884 г., то мороз опять продрал меня по коже.

«Неужели и мне суждено пробывать здесь три года», – с тоской и ужасом думал я²⁰⁴.

Кроме людей, с которыми я перестукивался сам, я слышал разговоры двух заключенных, сидевших над моей головой в верхней 6-й галерее. Они разговаривали не перестукиванием, а шагами: сделает один шаг, подождет немного, потом сделает 4–5 быстрых шагов, сильно топая ногами; опять более долгий перерыв, опять шага 2 или 3 быстрых и коротких, опять короткий перерыв и т. д., и таким образом – целыми часами. Мне, сидевшему под ними, их разговоры были хорошо слышны,

204 В рукописи далее зачеркнуто: «Лет через 10 или 12, когда Якубович вернулся с каторги и жил уже известным писателем в Петербурге, я с ним познакомился в редакции “Русского богатства” и затем многократно видался. В первый же день нашего знакомства на воле я напомнил ему о нашем очень недолгом соседстве в Доме предварительного заключения, – оно продолжалось всего несколько дней; это были или дни суда над ним, или непосредственно предшествующие суду, и беседовал я с ним очень мало. Меня удивило, что в то время, когда дни тюремной жизни, такие скучные и однообразные, во всех своих мельчайших событиях совершенно ясно сохранились у меня в памяти и разговоры с соседями посредством перестукивания я могу передавать почти дословно, Якубович не только не помнил наших с ним разговоров, но и совершенно не помнил даже самого факта нашего соседства; правда, недели через две, когда мы вновь встретились с ним, Якубович сказал: “Представьте, вернувшись домой, я все время думал о ваших словах и решительно ничего не мог вспомнить. И только вчера, вдруг, все это время всплыло в моей памяти. Я вспомнил вас и другого соседа, с которым переговаривался в то время. Вообще от того времени у меня в памяти ясно стоит только наш процесс, все остальное подернулось каким-то туманом”».

особенно когда я, лежа на койке, прикинул ухом к стене, продолжение которой в верхнем этаже разделяло собеседников. Иногда я начинал прислушиваться к ним, считать шаги и расшифровывать их. Но мне осталось совершенно непонятным, каким образом слышали они друг друга: ведь шагов своих непосредственных соседей я никогда не слышал, как и они меня. Может быть, слушая, они ложились и прикинули ухом к полу. Но подражать им в этом отношении²⁰⁵ мне никогда не приходило в голову: срок моей сидки для этого был недостаточно долг. Через два года, возможно, и я бы дошел до этого. Тем менее достаточен он был для того, чтобы опускать голову в клозетную дыру и вести переговоры живым человеческим языком посредством трубы, соединяющей 6 клозетов в 6 этажах. А между тем мне известно, что такая система переговоров практиковалась.

Те двое, сидевшие надо мной, прибегали к такому не совсем удобному способу переговоров (не совсем удобному, если предположить, что им действительно приходилось для слушания ложиться на пол), вероятно, потому, что этот способ был безопаснее, чем перестукивание, которое легче могло обратить на себя внимание надзирателей и от которого труднее было отпереться. С неудобством же лежания на полу они мирились потому, что разговор был для них не праздной болтовней, заполняющей тюремный досуг, а серьезным делом: оба они были лопатинцы, сидевшие в то время на одной и той же скамье подсудимых и, очевидно, сильно нуждавшиеся в сообщении друг другу фактов и своих мыслей. Фамилий их я не узнал, но хорошо помню жуткие разговоры о вероятности или невероятности смертной казни. Как известно, большинство лопатинцев было приговорено к повешению, но в действительности никто из них казнен не был.

205 Зачеркнуто: «ложиться на голый асфальтовый пол, чтобы слушать и считать чьи бы то ни было шаги».

Прошли два первых, особенно мучительных дня моей сидки. На третий день, 28 февраля, которое приходилось в субботу, меня вызвали на первый допрос на Гороховую. Допрос вели товарищ прокурора окружного суда Янкулио и жандармский офицер Потулов под общим надзором товарища прокурора судебной палаты Котляревского. На столе была разложена груда отобранных у меня материалов. Я сам не знал с полной достоверностью, что у меня забрано и что уцелело, и потому с невольной тревогой старался проникнуть взором в эту груду, чтобы по возможности определить линию своего поведения. Системы полного отказа от каких бы то ни было показаний тогда еще не было, а если бы и была, то я вряд ли прибег бы к ней. Запираться в факте моего издательства не было ни малейшего смысла, но задача была не совершить невольного предательства и спасти кого можно. Всего больше я боялся за Кармалину²⁰⁶ и Гробову: все остальные помогали мне более или менее сознательно и сознательно шли на известный риск. Кармалину же и Гробову я привлек к делу, соблазнив материальной выгодой, и делать из них политических мучениц решительно не хотел. Еще во время обыска я просил С. Ф. Ольденбурга предупредить Гробову, а В. И. Семева – Кармалину. Ольденбург действительно отправил к Гробовой своего брата, тот благополучно прошел к ней и просил ее уничтожить все следы отношений со мною. Кармалину же предупреждать не понадобилось. Но узнал обо всем этом я только две недели спустя, на первом свидании с матерью²⁰⁷. Боялся я и за Лидию

206 Зачеркнуто: «о роли которой в моем деле я тогда не знал».

207 На следующий день после обыска в переплетной мастерской К. Ф. Кармалина нанесла визит матери В. В. Водовозова, оправдываясь: «Бога ради, не сердитесь! Вы сами увидите, что я не виновата... Я вам расскажу все по порядку. Утром вчера ко мне нагрянула полиция и сейчас же нашла книги, – рабочий все им указал. А пристав нашего участка начал на меня кричать, топтать ногами и все тыкался: “ты” да “ты”, точно я простая баба:

Давыдову, за Крыжановского и Н. Е. Вернадскую²⁰⁸.

Янкулио был высокий тонкий человек, чрезвычайно подвижный; голова, руки и ноги его были точно на шарнирах и ни одной минуты не оставались спокойными. Вел он себя в тоне чрезвычайной любезности, соединенной с крайней веселостью и смешливостью; каждую минуту он заливался тоненьким хихиканьем, – даже там, где я не видел решительно никакого повода для смеха. Вместе с тем он очень ловко вел допрос, приводя меня прямо в ужас, как бы невольно не навести его на нежелательные следы.

Сначала допрос вертелся в области очевидных фактов, и позиция моя была совершенно ясна, держаться на ней было не

“Ну, ты, собирайся!” – орет он во все горло. Я уж и пальтишко накинула, к двери прижалась, да в эту минуту мой песик выскочил из-за перегородки и бросился на пристава, так тот даже оторопел, а затем стал орать на меня еще пуще прежнего. “Уйми, говорит, старая дура, свою собаку!” Я песика унимаю, а пристав меня, ей-богу не вру, самыми непечатными словами, как горохом, осыпает. И вдруг свой кулачище в мое лицо как сунет, ногами топает, а сам кричит: “Сейчас говори, сволочь, кто эти листы тебе приносил?” Как же было не сказать? Я и сказала. Что же тут такого? Не могла же я дать ему избить меня до полусмерти? И сколько я неприятностей из-за всего этого вынесла: вхожу в мастерскую, а рабочие меня на чем свет бранят, в голос кричат: “Такое обхождение вы по заслугам получили: выдали студента, да и одеваетесь хуже последней судомойки!.. Вас и за хозяйку-то никто не почитает!”» (*Водовозова Е. Н.* Из недавнего прошлого. С. 168–169).

208 В рукописи далее зачеркнуто: «так как в бумагах моих сохранились совершенно случайные записки с их подписью, невинные сами по себе, но выдававшие по почерку авторов перевода. Участие их всех, особенно Давыдовой, которая, за исключением перевода одной главы Туна, никакого касательства к делу не имела, было второстепенное, и кара, которая могла им угрожать, должна была быть невелика, но... все же».

трудно.

– Вы ли издавали?

– Я.

– Где печатали, где брошюровали?

– Не могу сказать.

– Кто вам помогал в переводе и во всем остальном?

– Никто, я все сделал один.

– Хи, хи, хи, все – один. Г-н Водовозов, да ведь всего один человек сделать не может. Да и в университете вам учиться приходилось, когда же вы все успевали? Вам, очевидно, приходилось очень много работать.

– Приходилось.

– Что же, вам совершенно не удавалось ни в гостях побывать, ни у себя никого принимать?

Но сбить таким образом, очевидно, было нельзя. Хуже был вопрос: а откуда вы доставали рукописи новых сочинений Толстого и материалы для приложений к переводу Туна, с каких пор занимаетесь издательством, что успели издать и как распространяли свои издания. Но и на них можно было либо отвечать определенным фактическим сообщением (конечно, не всегда стесняясь строгой истиной и умалчивая о многом), либо заявлять вежливо, но решительно:

– Простите, на этот вопрос никак не могу ответить²⁰⁹.

209 Ср.: «Допрошенный 28 февраля в качестве обвиняемого студент С.-Петербургского университета Василий Васильев Водовозов, 22 лет, объяснил, что, будучи знаком с Кармалиной уже несколько лет и получив летом 1886 года от одного лица, которое назвать не желает, для брошюровки литографированные сочинения Толстого “О деньгах” и “Церковь и государство” в количестве нескольких сот экземпляров, он предложил эту работу Кармалиной и, по брошюровке, по предложению того же лица, передал эти сочинения нескольким лицам, которых также назвать не желает. Затем, с осени 1886 года, то же лицо ста-

Но гораздо хуже пошло, когда приступили к отобранным документам. Следователи, видимо, еще не успели ознакомиться с материалами обыска и потому просто брали документы по порядку.

– Вот, например, эта тетрадка, что это такое? Перевод главы Туна, очень хорошо. Но как будто он сделан не вашим почерком? А чьим же?

– Я, право, не помню.

К моему стыду, это был черняк²¹⁰ одной из первых, уже отлитографированных глав, ни к чему не нужный, который я, по непростительному легкомыслию, забыл уничтожить.

– Но тут есть поправки, сделанные другим почерком. Чей это почерк? Как будто похоже на ваш. Ведь это ваш почерк?

ло передавать ему для брошюровки литографированные листы сочинений Туна “История революционных движений в России” и “Сущность социализма” Шефле в переводе на русский язык, причем, насколько он, Водовозов, знает, к означенным сочинениям, переведенным буквально на русский язык, были прибавлены предисловие, примечания и приложения переводчика; сочинение же Шефле было издано по заграничному русскому изданию, сверенному с немецким подлинником, но без примечаний и предисловия Лаврова и Тарновского, как не согласных с убеждениями означенного выше, передавшего ему, Водовозову, эти издания, лица. Он, Водовозов, и эту работу предложил Кармалиной, причем, как в первый раз при передаче сочинений Толстого, так и теперь, на вопрос Кармалиной, не имеют ли эти сочинения революционного характера и не составляют ли они призыва к бунту, отвечал отрицательно и относительно последних сочинений (Шефле и Туна) сказал, что сочинения эти имеют характер чисто научный. Когда, вследствие этого, Кармалина согласилась, он стал доставлять ей эти сочинения для брошюровки частью лично, частью через одну женщину, которую назвать не желает» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3 д-во. 1893. Д. 140. Л. 15–16).

210 черновик (устар.).

Дайте взглянуть, как вы пишете? Ну, совершенно же ваш, точь-в-точь. Значит, переводили для вас другие лица, а вы редактировали?

Правда таким образом всплывала, и шаг за шагом мне приходилось признавать ее. А тут, словно нарочно, из груды бумаг высунулась записка Л. Давыдовой, приглашавшей меня на музыкальный вечер в их дом, и высунулась как раз своей подписью. Записка – невинная, но подпись и почерк выдавали принадлежность ей преступной рукописи²¹¹.

У меня составилась план действий. Я сделал попытку взять инициативу беседы в свои руки и начал сам извлекать из кучи бумаг некоторые, с чрезмерными подробностями объясняя, что в них нет ничего, что было бы нужно скрывать. И, продол-

211 Изъятая записка гласила: «Приезжайте. Я буду дома. Л. Давыдова». Но, сличив почерк в записке с тетрадью, содержащей часть перевода сочинения А. Туна, эксперты установили, что они написаны одним лицом: «...дочерью артиста Карла Давыдова (бывшего директора С.-Петербургской консерватории), Лидией, 17 лет, воспитанницей частной гимназии кн. Оболенской, хорошей знакомой семейства Водовозовых». В ночь на 27 апреля у нее произвели обыск, не обнаружив ничего, кроме одного «тенденциозного содержания» стихотворения в прозе И. С. Тургенева «Порог», напечатанного в «Вестнике Народной Воли» № 2 за 1884 г., и списка книг, прочитанных ею летом 1886 г., включающего труды Э. Бехера, Л. Блана, Л. Гейссера, Ф. Лассалья. Давыдова отрицала свое участие в переводе Туна, утверждая, что, когда она вместе с родителями проводила лето на даче в Парголове, живший там же Водовозов снабжал ее книгами, но исключительно исторического содержания. В свою очередь Водовозов уверял, будто часть перевода в тетради «писана не Лидией Давыдовой, а другим лицом, назвать которое не желает», а из книг ничего, кроме «Оснований политической экономии» Д. С. Милля, не приносил, но «Порог» Тургенева в гектографированном виде был получен именно от него (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3 д-во. 1893. Д. 140. Л. 24–25).

жая заговаривать зубы моим следователям, я осторожно кончиками пальцев тянул к себе записку Давыдовой, чтобы потихоньку препроводить ее под стол и в карман. Но Потулов²¹², все время державшийся совершенно пассивно²¹³, вдруг вскочил, злобно толкнул меня и наложил свою руку на бумаги.

– Здесь была сделана попытка изъять один документ, вот этот, – провозгласил он.

К счастью, ошибся и вместо письма Давыдовой вытащил совершенно другую записку²¹⁴. Злобным тоном начал он допрос по ее поводу, но мне было нетрудно ответить на все его пункты, так как эта записка и своим содержанием, и своей подписью не представляла ничего компрометирующего²¹⁵.

Потулов успокоился и, по-видимому, сам усомнился в своей правоте, а Янкулио был явно на моей стороне. Допрос продолжался часа три, я исписал несколько листов своими показаниями. Наконец Янкулио поднялся и, вежливо протягивая мне руку, сказал:

– Теперь мы вас отпускаем, а послезавтра, в понедельник 2 марта, вновь вас вызовем, и я надеюсь, тогда дело пойдет быстрее.

Я осведомился, могу ли я просить о свидании с матерью и о присылке мне из дому некоторых необходимых вещей.

212 Зачеркнуто: «сидевший на противоположном конце стола».

213 Зачеркнуто: «и предоставлявший допрос Янкулио».

214 Зачеркнуто: «бумажонку, не имевшую для меня никакого значения; это была записка одного университетского товарища, просившего меня принести в университет какую-то книгу, вопреки русскому обычаю снабженная полной подписью и адресом ее автора».

215 Зачеркнуто: «я действительно охотно давал книги из своей довольно обширной для студента библиотеки и знакомым, и ползнакомым, и доказательство тому было налицо в виде моей записной книжки, с записью отданных на прочтение книг, находившейся в той же бумажной груде».

– О свидании в этой стадии процесса не может быть и речи. О свидании должна просить ваша мать, а не вы, и не теперь, а позднее, когда для нас выяснятся главные обстоятельства дела. Вы сами можете ускорить этот момент – большей откровенностью своих показаний. Этим же вы смягчите и свою участь, да и участь ваших друзей, в особенности друзей, которые литографировали ваши издания; ведь все равно мы их узнаем. А что касается вещей, то вот как раз пакет с ними для вас.

– Могу я его взять?

– Нет, он будет вам доставлен в Дом предварительного заключения.

Затем в той же извозничьей карете, в которой меня привезли со Шпалерной на Гороховую, отвезли обратно в Дом предварительного заключения.

Вернулся в тюрьму я крайне удрученный. На столике я нашел обед, совершенно простывший, с плавающим поверх супа жиром; есть его было нельзя; кипяток тоже остыл. Я не жалел об обеде, ибо совершенно не чувствовал голода, но невозможность напиться чая еще более увеличила мое и без того удрученное состояние духа.

Я чувствовал, что пройдет несколько дней и будет произведен обыск у Давыдовой, а благодаря характеру ее матери и отца он должен будет принять прямо трагические формы²¹⁶. Я

216 О бурной реакции перепуганных «до умопомрачения» К. Ю. Давыдова, директора Петербургской консерватории, и его жены А. А. Давыдовой, будущей издательницы журнала «Мир Божий», на визит матери арестованного, желавшей переговорить с их дочерью, см.: *Водовозова Е. Н.* Из недавнего прошлого. С. 173–176. Сама Л. К. Давыдова говорила, что «как она, так, вероятно, и многие сотрудники перевода Туна сочтут своею нравственной обязанностью отправиться в жандармское управление и заявить о своем участии в названном издательстве», дабы облегчить участь арестованного, и пришлось доказывать

еще не терял надежды отстоять Гробову и Кармалину, но умный, хитрый Янкулио приводил меня в ужас; он до всего доберется, думалось мне. Ведь если брошюровку еще можно производить в частной квартире и, следовательно, нет смысла производить повальный обыск во всех переплетных Петербурга, то не может быть сомнения, что литографировал я свои издания в легальной литографии, а литографий в Петербурге не так много и обыскать их все вполне возможно. Если Гробова почему-нибудь не предупреждена? В последний раз я сдал ей, вопреки обыкновению, сразу целых три листа, – они должны быть у нее готовы; успела ли она их уничтожить? А если даже и успела, то одно появление полиции в ее маленьком помещении приведет ее в такой ужас, что она может без нужды сознаться, или кто-нибудь из ее рабочих может дать неудобное показание.

Два дня я провел под гнетом этих мыслей. Я почти не спал, почти ничего не ел, пробавляясь только чаем с лимоном. В понедельник 2 марта я поднялся утром с постели, совершенно разбитый после бессонной ночи. Лишь только около моей двери раздавались шаги, сердце начинало усиленно стучать.

«Это за мною, сейчас на допрос».

Но шаги умолкали, за мною никто не приходил. Наконец шаги действительно остановились у моей двери, раздался громкий лязг тюремных ключей, и дверь отворилась. Но это был пакет с вещами, доставленный мне через тюремное начальство. В нем – несколько смен носильного и постельного белья, теплое одеяло, умывальные принадлежности и т. д., все – вещи самые обыкновенные; ни писем, ни книг не было. Была

юной идеалистке «всю несостоятельность и неправильность такого взгляда», ибо «наши нравы обязывают того, кто попался, мужественно выкручиваться самостоятельно и все силы употребить на то, чтобы даже случайно кого-нибудь не пристегнуть к своему делу, если бы оно даже велось сообща» (Там же. С. 177).

только одна надпись: «Василию Васильевичу Водовозову», сделанная рукою моей матери. Вещи, конечно, несколько скрашивали мою жизнь; было приятно грязное тюремное одеяло заменить домашним; пропитанное салом, дурно пахнущее тюремное полотенце заменить своим. Все же это для меня не представляло такой большой ценности, чтобы изменить мое настроение. Но тут была живая связь с другим миром – миром, ставшим для меня потусторонним, если не загробным, то затюремным. Ясное свидетельство, что кто-то вне тюрьмы думает обо мне. Это было чрезвычайно трогательно, и надпись: «Василию Васильевичу Водовозову» я перечитывал десятки раз. Несколько часов я был под впечатлением, я готов сказать – под обаянием, этой посылки, и эти часы дали мне передышку от щемившей меня тоски. У меня даже вновь появился аппетит, но как раз, в ожидании допроса, я не заказал своего обеда и должен был довольствоваться казенным.

К вечеру, однако, чувство тоски вернулось, и еще одну ночь я провел без сна. На следующий день допроса опять не было, в среду – тоже. В чем дело? Наконец, в четверг для меня стала ясной причина этого явления.

5 марта у меня оказался новый сосед, И. И. Гильгенберг, который и рассказал мне довольно подробно о событиях 1 марта. Не помню, назвал ли он фамилии главных деятелей этого события, Ульянова и Шевырева, но я догадался о них и без него. Я понял, что все жандармские и прокурорские силы отданы не моему, а другому, гораздо более важному делу и что мне придется теперь долго сидеть в ожидании допроса, а следовательно – и свидания.

Ульянов и Шевырев были моими товарищами по университету. Я был юристом, Ульянов и, кажется, Шевырев (наверное не помню) – естественниками. Тем не менее я с ними как-то познакомился. Знакомство наше было не очень близкое: в «гости» друг к другу мы не ходили, но оба они нередко заходили ко мне, – по большей части чтобы попросить ту или иную книгу; нередко беседовали мы в университетском

коридоре, нередко также вместе возвращались часть дороги из университета²¹⁷.

Ульянов был одним из людей, за всю мою жизнь производивших на меня самое сильное впечатление. Замечательно одухотворенное бледное чистое лицо его, с высоким лбом, на редкость умные глаза останавливали на себе внимание всех, кто с ним встречался. Он был идеалистом в лучшем смысле этого слова. Весь он жил умственными и общественными интересами. В нем чувствовалось полное отсутствие обычных человеческих слабостей; тщеславие и самолюбие, как кажется, совсем отсутствовали у него, а если и нет – то были так глубоко спрятаны, что их и не заметишь. Когда я с ним познакомился, – кажется, это было в начале 1886 г.²¹⁸, он не принадлежал к

217 Ср. с воспоминаниями В. В. Водовозова «Встречи с Александром Ильичом Ульяновым», публикуемыми в приложении (т. 2, с. 314, 316–317).

218 Ср.: «С Александром Ильичом Ульяновым я познакомился, помню, в конце 1885 г. У меня уже тогда была довольно хорошая библиотека, и я ее широко предоставлял в пользование всем моим знакомым. А. И. пришел ко мне, – не помню уж, с чьей-нибудь рекомендацией или просто на кого-либо сослался, – и тоже стал брать книги. Читал он по политической экономии; что именно, я теперь, конечно, не помню; помню лишь, что в момент его ареста у него на руках осталась моя книга – том “Deutsch-Französischen Jahrbücher”; эту книгу я купил антикварным образом во время своей поездки по Германии и крайне дорожил ею, как большою редкостью. Была ли она взята у него при обыске или нет, я не знаю, но назад я ее не получил» (Там же). Мемуарист имеет в виду вышедший в феврале 1844 г. двойной номер журнала «Deutsch-Französischen Jahrbücher» («Немецко-французские ежегодники»), изданного в Париже К. Марксом и А. Руге с публикациями обоих (в том числе первого по еврейскому вопросу). А. И. Ульянов и его товарищ О. М. Говорухин, заинтересовавшись статьей Маркса, взялись за ее перевод и, как вспоминала А. И. Ульянова-Елизарова, которой доверили правку перевода, на одном из свиданий с матерью

числу особенно крайних радикалов и был скорее всего культурником; особенно интересовался студенческими землячествами, кассами взаимопомощи, так называемыми кружками саморазвития²¹⁹. В ноябре 1886 г. он был одним из инициаторов панихиды по Добролюбову по случаю 25-летия его смерти. Невинная эта затея кончилась конфликтом с полицией, совершенно ничем не вызванным, и толкнула Ульянова на новую дорогу. Он решил, что для борьбы с деспотизмом, при котором не допускается даже невинная панихида по любимому писателю, необходим террор, и вместе с Шевыревым начал готовить покушение на жизнь Александра III.

Ульянова толкала на его дело отвлеченная идея. Он думал о человечестве, о России, о свободе, о социализме и в жертву

после ареста брат просил «разыскать и вернуть две одолженные им редкие книги», принадлежащие Водовозову. «Одна из них, – поясняла Ульянова-Елизарова, – оказалась у И. Н. Чеботарева и была возвращена. Другая – “Deutsch-Französischen Jahrbücher” – со статьей Маркса о религии была передана мною вместе с переводом Говорухину. Ее найти не удалось. Мы искали купить ее за границей, в книжных магазинах и у букинистов, но не нашли» (*Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове // *Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.* С. 124).

- 219 Отмечая, что в 1886 г. почти все члены биологического кружка, включая А. И. Ульянова, вступили в Студенческое научно-литературное общество при Петербургском университете, И. Н. Чеботарев вспоминал: «В главные секретари общества была выставлена кандидатура Александра Ильича. Ее горячо поддерживали несколько человек и особенно В. В. Водовозов, который между прочим указал, что Ульянов интересуется не одними червями да тараканами, но занят и более широкими планами; не будучи узким специалистом по зоологии или химии, он станет истинным секретарем научно-литературного общества во всей широте его задач» (*Чеботарев И. Н.* Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове и петербургском студенчестве 1883–1887 гг. // Там же. С. 244–245).

им приносил свой труд, мысль и жизнь, – приносил вполне сознательно и в полном смысле слова беззаветно. Личной злобы и мести ни к царю, ни к режиму у него не было, потому что ни от царя, ни от режима он сам до тех пор не страдал, – нельзя же назвать страданием кратковременный арест из-за панихиды. Я готов сказать, что Ульянов был живым воплощением тех образов, которые рассеяны в романах и воспоминаниях Кравчинского²²⁰, и единственным человеком, встреченным мною на моем жизненном пути, который до некоторой степени оправдывал идеализацию Кравчинского.

Шевырев был человеком совершенно другого типа. И в умственном, и в моральном отношении он стоял неизмеримо ниже своего товарища. Раздражительный и злобный, тщеславный и самолюбивый, он руководствовался по преимуществу именно этими чувствами. Впоследствии я слышал утверждение, будто бы участие в терроре было для него формой самоубийства, вызванного сифилисом; верно ли это, я не знаю.

Как бы то ни было, Ульянов и Шевырев с конца 1886 г. готовили покушение на цареубийство; Ульянов делал бомбы. В разговорах со мной и он, и Шевырев несколько раз зондировали почву, можно ли привлечь меня к их делу, но я решительно не сочувствовал политическому террору, и, не доводя разговора до конца, оба они его прекращали²²¹; но я совершенно ясно видел, что они носятся с мыслью о каком-то террористическом акте.

220 См.: Степняк С. Кравчинский С. М. Подпольная Россия. Лондон, 1893; Он же. Домик на Волге. Женева, 1896; Он же. Андрей Кожухов. Женева, 1898; Он же. Штундист Павел Руденко. Женева, 1900; см. также: Степняк-Кравчинский С. М. Собрание сочинений. Ч. 6: Публицистика и критика / С вступ. ст. В. В. Водовозова. СПб.: Светоч, 1908; см. также: Водовозов В. Кравчинский // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Доп. Т. 2. С. 3.

221 Ср. с воспоминаниями В. В. Водовозова «Встречи с Александром Ильичом Ульяновым» (т. 2, с. 315–317).

Однажды – вероятно, это было в январе 1887 г. – Ульянов попросил меня спрятать некоторое количество инфузорной земли (кизельгура²²²).

– А что такое инфузорная земля? – спросил я.

– Это вещество, которое употребляется в технике для самых различных целей, – хотя бы для чистки ножей, – и поэтому, найденное в невинном месте, оно само по себе ничего особенного не представляет. Но, конечно, оно употребляется и для других целей, и мне в настоящее время хранить его у себя опасно.

– А много его у вас?

– Нет, фунтов десять²²³, вот – приблизительно такой ящик.

Относясь с полным доверием к этому объяснению, я все-таки решил, что мне брать на хранение эту вещь совершенно не следует; но, желая оказать услугу этому исключительно привлекательному человеку, я обратился с этой просьбой к Александру Аркадьевичу Кауфману, впоследствии известному статистику (умер в 1919 г.). Политические воззрения А. А. Кауфмана были окрашены, в особенности в то время, самым умеренным либерализмом; впоследствии он несколько подвинулся налево и стал активным членом кадетской партии. Мы с ним были старыми и близкими знакомыми, – он был гимназическим товарищем моего старшего, рано умершего брата Михаила, и я познакомился с ним еще до своего поступления в гимназию, а потом учился с ним в одной гимназии,

222 Кизельгур (от нем. Kieselgur), инфузорная или диатомовая земля, трепел – осадочная горная порода диатомит, применяемая как адсорбент, фильтрующий или абразивный элемент; в качестве наполнителя использована А. Нобелем, пропитывавшим ее нитроглицерином, при создании динамита.

223 1 фунт равен 0,4536 килограмма.

хотя и в разных классах²²⁴. В то время, о котором идет речь, он уже окончил университет.

Я передал Кауфману просьбу Ульянова, не называя его фамилии, и на его вопрос об инфузорной земле повторил ему ульяновское объяснение. Кауфман согласился. Через несколько дней Ульянов привез ко мне инфузورную землю. Ее оказалось не 10 фунтов, а по крайней мере 30²²⁵, и это был не маленький ящик указанных Ульяновым размеров, а большая, хорошо упакованная корзина. Я был несколько смущен этим, но, выразив слабое неудовольствие на несоответствие слов и действительности, тем не менее принял корзину и свез ее к Кауфману. Кауфман выразил гораздо более сильное неудовольствие, чем я, но также принял и поставил корзину на чердак.

Когда Кауфман узнал о моем аресте, а затем – о событиях 1 марта, то сильно встревожился, а узнав от В. И. Вернадского о том, что инфузорная земля употребляется при выделке динамита, совсем перепугался и не знал, куда и как сплавить опасную вещь, пока наконец не надумал: как только прошел лед и на Неве показались ялики для катанья, он вместе с кем-то из

224 В автобиографии А. А. Кауфман сообщал, что учился в гимназии Историко-филологического института, окончив которую в 1881 г. с золотой медалью, был зачислен на юридический факультет Петербургского университета, где уже на третьем курсе вступил в Студенческое научно-литературное общество и «здесь нашел среду, влияние которой сохранилось на всю жизнь; отсюда вынес интерес к науке, известные народнические взгляды (последним, впрочем, обязан в значительной мере семье Водовозовых и В. И. Семевскому), здесь завязал дружеские связи, в значительной части сохранившиеся на всю жизнь», но от политических и публицистических течений, даже от студенческих движений, стоял тогда «совсем далеко», а к последним «относился резко отрицательно» (Кауфман А. А. Автобиография // Историко-экономические исследования. 2015. Т. 16. № 1. С. 152–153).

225 То есть 13,6 килограмма.

приятелей брал ялик и частями отвозил инфузорную землю на взморье, где и высыпал ее в воду. Эту операцию ему пришлось повторить несколько раз²²⁶. Узнал я об этом много позднее, уже после освобождения из тюрьмы; узнал также, что Кауфман страшно сердился на меня, – конечно, совершенно справедливо. Я, в свою очередь, имел бы право сердиться на Ульянова, – но Ульянов был уже мертв.

Совершенно несомненно, что Ульянов обманул меня и воспользовался мною, как нередко пользовались революционеры либеральными, готовыми им помогать, но чуждыми революции обывателями. Смотреть на меня как на такого обывателя Ульянов, конечно, имел полное право, но самый факт такого пользования обывателями, как своего рода пушечным мясом революции, мне, разумеется, был очень не по душе. Но, вспоминая, что я и сам до некоторой степени так же поступил с Л. Давыдовой, втянув ее в чуждое ей дело и навлекши на нее серьезные неприятности, я простил Ульянову, и его образ не потускнел в моей памяти; быть может, даже этот нехороший²²⁷ поступок сделал его в моих глазах более человечным.

В последний раз я виделся с Ульяновым дней за пять до

226 Иную версию приводит жена С. Ф. Ольденбурга, утверждавшая, что он после ареста А. И. Ульянова отнес часть «порошка в лабораторию к В. И. Вернадскому, чтобы узнать, что это такое», и тот, «произведя исследование, сказал, что это – трепел, составная часть динамита». Попытка спустить его в реку «почему-то не удалась», и тогда один из приятелей братьев Ольденбургов, студент Военно-медицинской академии А. И. Яроцкий, предложил перевезти трепел к нему: «У него был собственный домик на Петроградской стороне, недалеко от Ботанического сада, и около дома садик». Там-то, под видом пересаживания цветов, трепел «незаметно смешали с землей и закопали» (*Ольденбург Е. Г.* Студенческое научно-литературное общество при С.-Петербургском университете // *Вестник Ленинградского университета.* 1947. № 2. С. 154).

227 В рукописи первоначально было «не вполне хороший».

моего ареста. Не помню, зачем он зашел ко мне, но, зайдя, он разговорился и просидел у меня часа два. Мы говорили о современном положении России, в частности о терроре как о средстве борьбы с деспотизмом. Я отрицал положительное значение террора, он защищал, стараясь не выходить из чисто теоретической постановки вопроса.

– Послушайте, Ульянов, – сказал я наконец, – ведь для меня совершенно ясно, что вы не только теоретический сторонник террора, а что-то готовите. Неужели это покушение на царя?

Вопрос был поставлен слишком прямо, и Ульянов, естественно, попытался уклониться от ответа; но сделал он это крайне неискусно, и я только укрепился в своем убеждении.

Я не первый раз в жизни встречался с живым террористом. Во время моей заграничной поездки за три года перед тем я имел случай познакомиться с Верой Засулич, но террористический акт в ее жизни был тогда в прошлом, и притом в далеком прошлом; здесь же я видел живого человека, подготовлявшего страшный акт, и человек этот вдобавок возбуждал к себе совершенно исключительную симпатию.

Как я уже сказал, террору я тогда не сочувствовал, но террористы, обвеянные романтической дымкой и знакомые главным образом по отчетам о политических процессах и по «Подпольной России» Кравчинского («Андрея Кожухова» тогда еще не было)²²⁸, вызывали во мне к себе самое восторженное со-

228 Очерки о жизни русских революционеров, написанные С. М. Кравчинским на итальянском языке и печатавшиеся в 1881 г. в миланской газете «Il Pungolo» («Жало») под общим заголовком «La Russia sotterranea» («Подпольная Россия»), вышли отдельным дополненным изданием в мае 1882 г. в Милане, в английском переводе в 1883 г. в Лондоне и на русском языке в 1893 г. там же; роман «The career of a nihilist» («Карьера нигилиста»), изданный в Лондоне в 1889 г., вышел на русском языке в Женеве под названием «Андрей Кожухов» уже после кончины

чувствие, а личность Ульянова только укрепляла его. Я счел нужным передать ему выражение недовольства со стороны Кауфмана (не называя, конечно, его по имени), но тем не менее расстался с Ульяновым чрезвычайно дружески. Больше его я не видал²²⁹.

Около 10 марта меня неожиданно вызвали на свидание. Меня провели длинными тюремными коридорами и лестницами в комнату для свиданий и посадили в небольшую клетку с проволочной решеткой величиной в обычную оконную раму сзади и с такой же решеткой спереди. На расстоянии аршина перед решеткой спереди была другая решетка, а за нею – помещение для родственника, приходящего к арестанту на свидание. Минут десять мне пришлось прождать в этой клетке, недоумевая, кого я сейчас увижу, после чего в помещение была введена моя мать. Ни обняться, ни пожать руку было невозможно; можно было только разговаривать, и то не свободно: как сзади меня, так и сзади моей матери ходили помощники начальника тюрьмы, очень активно вмешиваясь в наши разговоры. За десять минут ожидания я уже огляделся и успел взять себя в руки в ожидании того, что я сейчас увижу, но на мою мать, неожиданно увидевшую меня запертым в клетке, это зрелище произвело ошеломляющее впечатление; она разрыдалась, хотя вообще умела владеть собою²³⁰. Прошло довольно

автора в 1898 г.

229 Ср. с воспоминаниями В. В. Водовозова «Встречи с Александром Ильичом Ульяновым», публикуемыми в приложении (т. 2, с. 316).

230 Ср.: «Недели через полторы после обыска, когда отобраны были формальные показания как от всех членов моей семьи, так и от служащих у меня в то время и служивших в моем доме много лет тому назад, мне разрешены были свидания с сыном. <...> Когда я подошла к железной клетке с двойною решеткой, в которую с другой стороны ввели моего сына, я была так ошеломлена и потрясена, что долго не могла выговорить ни слова» (Во-

долго, прежде чем она успокоилась, и потому получасовое свидание в действительности оказалось для нас еще более коротким, – ни о чем толком мы не успели переговорить, тем более что начальство каждый раз нас обрывало, как только моя мать касалась наиболее интересных для нас вопросов. Она попробовала рассказать о событии 1 марта, которое я в общих чертах уже знал, но помощник начальника Дома злобно раскричался:

– Я сейчас прерву ваше свидание, я донесу, я говорить об этом не позволяю.

То же самое повторилось, когда она начала рассказывать о том, каких лиц посетила в хлопотах обо мне и что успела сделать. Мать попробовала перейти на французский язык в расчете на то, что надзирающее начальство его не понимает; расчет, вероятно, был правильным, потому что начальство сейчас же запретило вообще разговор на иностранном языке. Однако к концу свидания мы успели приноровиться говорить отдельные фразы, когда оба начальника оказывались не у наших, а у соседних клеток, где были свидания других арестантов, и таким образом кое-что важное она все же успела шепнуть мне. Во всяком случае, я узнал, что благодаря Н. С. Таганцеву ей удалось добиться свидания со мной, и притом два раза в неделю, хотя прокуратура крайне не хотела его давать.

Внешняя обстановка свиданий для политических в Доме предварительного заключения совсем не та, что в обычных уголовных тюрьмах, описанная в «Воскресении» Толстого. Там большая комната во всю свою длину разделена двумя параллельными высокими решетками на три части; в одной части находятся арестанты, вызванные на свидание; в другой – их родственники, а посередине между ними – между решетками – ходят тюремные надзиратели. Арестанты – вместе в толпе, и родственники тоже – вместе в толпе. Приходится отыскивать

своих через две решетки, отделенные друг от друга аршина²³¹ на два, и кричать среди гула общих разговоров. Князь Нехлюдов такого свидания с Катюшей не выдержал. Здесь, в Доме предварительного заключения, напротив, свидания были индивидуальны, кричать не было никакой надобности, и надзирающее начальство не мелькало между арестантом и родственником, а ходило позади того и другого. Конечно, сидеть в звериной клетке очень неприятно и столь же неприятно приходящему с воли родственнику видеть близкого человека в такой клетке. Но все-таки это в конце концов выносимо, к этому не трудно привыкнуть.

После первого наши свидания пошли регулярно, дважды в неделю, а приблизительно через месяц мать добилась и третьего свидания, притом так называемого личного. Оно давалось в тюремной камере – не моей, а свободной от постояльца; там можно было и обняться, и сидеть рядом, и пожать руку, и даже секретно передать небольшую записку – конечно, с большим риском. Но в этом последнем обыкновенно не было и надобности, так как вместо помощника начальника Дома при свидании присутствовал простой надзиратель, малоинтеллигентный, не понимавший, о чем идет речь, и обыкновенно совершенно не вмешивавшийся в разговор, так что можно было сказать решительно все, особенно если вести его с осторожностью и все особо важное излагать языком, понятным только для своих, – эзоповым или даже французским.

На следующий же день после первого свидания я получил сразу с полдюжины писем моей матери, которая аккуратно писала их мне с первого дня ареста. Мои письма, тоже аккуратно писавшиеся, она получила только через несколько дней после свидания.

Первое свидание было переломным днем в моем настроении. Хотя сознание того, что я многих погубил, по-прежнему

231 1 аршин равен 0,71 метра.

щемило мне грудь, но все-таки я успокоился и ждал следующего допроса гораздо хладнокровнее. Я начал усиленно читать в области классической литературы и истории и работать по юриспруденции, готовясь к экзаменам, ко времени которых, как я надеялся, меня выпустят²³². Отчасти под влиянием тюрьмы и допросов я начал более серьезным образом, чем раньше, знакомиться с уголовным правом и процессом, а под влиянием предстоявших экзаменов – вообще с юриспруденцией, тогда как раньше мои интересы лежали почти исключительно в области модной тогда науки – политической экономии.

Прошло еще недели две, когда меня в конце марта вызвали наконец на допрос. К моему удовольствию, я увидел, что Янкулио из числа лиц, ведших мое следствие, исчез; он, как я сразу догадался, как более тонкий и ловкий следователь понадобился для более важного и крупного дела первомартовцев, а для меня был назначен простоватый и малосообразительный товарищ прокурора Кемпе, с которым мне было гораздо удобнее вести дело. Несмотря на эту свою простоватость, он впоследствии дослужился до товарища обер-прокурора Сената. Жандарм Потулов, которого я нисколько не боялся, несмотря на его по временам страшные рыкания, остался при моем деле.

На этот раз, однако, на допрос я был вызван не по своему делу, а как раз по делу первомартовцев: из просмотра моих бумаг, в частности моей записной книжки, куда я заносил выдачи из моей библиотеки, следователи убедились в моем знакомстве с Ульяновым и Шевыревым, и им хотелось узнать, нельзя ли и меня привлечь к этому делу, а если нет, то нельзя

232 В рукописи зачеркнуто: «В общем, три с половиной месяца этой моей сидки принадлежат к числу тех периодов моей жизни, когда я работал особенно интенсивно. Между прочим, именно тогда я всего более познакомился с классической литературой, русской и иностранной (в переводах), подбор которой был, как я уже сказал, произведен мною заблаговременно».

ли от меня что-нибудь выведать по этому делу. И в том и в другом им пришлось разочароваться. Мое знакомство с двумя первомаковцами я объяснил в полном согласии с действительностью и вместе с тем совершенно невинно; инцидент с инфузорной землей остался совершенно незатронутым, а рассказывать о моих разговорах с Ульяновым у меня, конечно, не было никаких оснований. Показания Ульянова и Шевырева ни в чем не разошлись с моими, и опасность быть привлеченным к этому делу для меня миновала²³³. Однако судя по многим данным, в том приговоре, который мне был назначен, некоторую долю нужно отнести на самый факт знакомства с этими страшными лицами. По крайней мере, на одном из последних допросов в ответ на мой вопрос, в чем я обвиняюсь, Кемпе мне заявил:

– Прежде всего вы обвиняетесь в издании книг Туна, Шэфле и Толстого, а затем в принадлежности к партии «Черного передела»²³⁴. К партии «Народной воли» вы, по-видимому,

233 Полиция изъяла у А. И. Ульянова январское 1887 г. письмо с подписью В. В. с приглашением зайти за нужной ему книгой. На допросе В. В. Водовозов не отрицал, что действительно знает нескольких обвиняемых в покушении на цареубийство: в гостях не бывал, за исключением одного раза у П. Я. Шевырева, но принимал у себя дома, так как, имея хорошую библиотеку, охотно выдавал книги всем желающим. Ульянов тоже выговаривал товарища и говорил, что, желая заручиться его рекомендацией для вступления в студенческое общество, познакомился с Водовозовым в марте 1886 г., несколько раз приходил к нему за книгами, но, мол, понятия не имел, что он переводит, составляет примечания и литографирует «Историю революционных движений в России», и тем более не знает, кто приносил ему нелегальные издания. Ульянов признал, что автором полученного им послания с подписью В. В. был Водовозов, хотя, ссылаясь на забывчивость, отказался назвать взятую у него тогда книгу (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3 д-во. 1893. Д. 140. Л. 19–20).

234 «Черный передел» – нелегальная политическая организация

не принадлежите.

Я совсем остолбенел. К партии «Черного передела» я никогда не принадлежал, да в это время ее уже не существовало; решительно никаких данных для подозрения в моей принадлежности к ней не было, и даже самое имя «Черного передела» на допросах не упоминалось ни разу. Чернопередельческой литературы при обыске у меня найдено не было; найденная у меня новейшая запретная литература имела по преимуществу характер народовольческий.

– Помилуйте, при чем тут «Черный передел»? Где же хотя бы тень доказательства?

– Да как же: нелегальная работа, революционные знакомства, а между тем действительно нет оснований подозревать вас в террористических покушениях.

Такова была логика прокуратуры: я знаком с революционерами-народовольцами, но в их деле не участвовал; ergo²³⁵ – я виновен в чем-то менее серьезном; партий известно следователям две: народовольцы и чернопередельцы (социал-демократы, уже появившиеся тогда за границей в лице Плеханова, Аксельрода и других, в России еще почти не имели своих сторонников, хотя группа Благоева в Одессе²³⁶ была в это

народнического направления, возникшая после раскола тайного общества «Земля и воля» в 1879 г. и выступавшая против революционного террора; просуществовала до конца 1881 г., отдельные кружки – до середины 1880-х гг.; часть ее руководящих деятелей, включая Г. В. Плеханова, П. Б. Аксельрода, Л. Г. Дейча, В. И. Засулич и др., оказавшись в политэмиграции в Швейцарии, образовала в 1883 г. марксистскую группу «Освобождение труда».

235 следовательно (лат.).

236 Неточность: имеется в виду одна из первых марксистских групп, созданная в Петербурге в декабре 1883 г. болгарин Д. Н. Благоевом (в 1881–1885 гг. он учился в Петербургском университете, ранее – в Одесском реальном училище) и приняв-

время уже раскрыта и ликвидирована²³⁷); я, следовательно, должен принадлежать к чернопередыльцам.

За вторым допросом через неделю или полторы последовал третий, за ним – четвертый и т. д., всего десять или двенадцать. Эти уже были посвящены непосредственно моему делу. Очень скоро нашлась та записка Лидии Давыдовой, о которой я уже говорил и по которой установили принадлежность ей одной относящейся к переводу Туна рукописи. У нее был сделан обыск, – к счастью, ничего не нашли. Ее свезли в градоначальство, но в тот же день освободили.

Нашли у меня одну записку приблизительно такого содержания: «Знаешь ли ты о брошюре Шэфле “Der Krieg in Zahlen”²³⁸? По-видимому, очень ценная. Желательно достать, перевести, издать и распространить»²³⁹. В подписи ясно было «Сер...», конец неразборчив. Записка эта принадлежала Сергею Ольденбургу и имела совершенно невинный характер. Будучи в то время крайним пацифистом и воображая, что изображением ужасов войны можно ее предотвратить, Ольденбург решил, что эта книжка могла бы быть желательной на русском книжном рынке. Но в данном случае он нисколько не сомневался, что цензура не сделала бы никакого препятствия переводу и изданию этой книжки, и потому в данном случае имел в

шая в 1884 г. название «Партия русских социал-демократов».

237 Зачеркнуто: «и Благовоев как иностранец выслан за границу».

238 Schäffle A. E.Fr. Der nächste Krieg in Zahlen: Militär- und finanzstatistische Studie über die Erhöhung der deutschen Friedenspräsenz Ближайшая война в цифрах: военно-финансово-статистическое исследование об укреплении присутствия Германии в мире. Tübingen, 1887.

239 Правильно: «То, что ты требовал к субботе, доставим в воскресенье утром. Что ты знаешь о брошюре Шефле “Во что обойдется война?” или вроде? Надо достать, перевести, издать и распространить. Ведь цензура позволит?» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3 д-во. 1893. Д. 140. Л. 26).

виду исключительно легальное издание. Само собою разумеется, что, живя за десять минут ходьбы от меня и беспрестанно видясь со мной, он не стал бы сноситься по нелегальному делу при помощи почты. Но само собою разумеется также, что следователи не были расположены верить этому, тем более что другая брошюра Шэфле («Сущность социализма») была в числе изданных мною нелегальных книг.

Предъявляя мне это письмо, Кемпе спросил, кому оно принадлежит. Я отказался отвечать на этот вопрос, хотя, может быть, этот отказ в данном случае и был ошибкой, ибо авторство Ольденбурга не могло остаться тайной, а откровенный ответ, может быть, рассеял бы подозрительность.

– Речь в этом письме идет, очевидно, о таком же издании, как все остальные ваши издания.

– Нет, не очевидно, а даже совсем напротив. Автор письма узнал о книге Шэфле из заметки о ней в «Новостях»²⁴⁰, помещенной там около того числа, которым датировано письмо; вам, следовательно, не трудно ее найти и убедиться в этом. Уже из этой заметки вы можете увидеть, что книга эта – статистическая и экономическая, ничего нецензурного в себе не заключающая. Затем эту книгу вы можете найти в любом большом книжном магазине Петербурга и можете узнать, что она продается совершенно свободно. Она у меня есть, я ее читал и тем более убежден в этом. Издавать ее нелегально нет смысла.

– Зачем же тут сказано «и распространить» и зачем автор этого письма обращается именно к вам, занимающемуся нелегальным издательством?

Ответы на оба вопроса были легки и трудны; легки они были бы в беседе со знакомым; трудны на допросе, производимом прокурором и жандармом, заранее решившими не верить ничему, что говорит сидящий перед ними арестант.

– Зачем же вы скрываете имя автора письма, если в нем

240 Правильно: «Новости и Биржевая газета».

нет ничего преступного?

На это ответить еще легче: ведь я же вижу, что вы мне не верите и что за моим ответом немедленно последует предписание об обыске²⁴¹.

На следующем допросе мне была предъявлена другая записка Ольденбурга²⁴², с полной его подписью. Сходство почерков было несомненно²⁴³, и в ту же ночь у Ольденбурга был сде-

241 В рукописи далее зачеркнуто: «но, разумеется, в такой форме я не отвечал. И действительно, мое нежелание назвать имя Ольденбурга в данном случае было ошибкой, но ошибкой, психологически для меня обязательной».

242 Зачеркнуто: «еще более невинная по своему содержанию, но».

243 В материалах дознания от 12 ноября 1887 г. по делу о дворянине В. В. Водовозове и других лицах, обвиняемых в государственных преступлениях, говорилось: «Ввиду обратившего на себя внимание сходства почерка, коим писано это письмо, с почерком оказавшегося по тому же обыску у Водовозова письма, подписанного магистрантом С.-Петербургского университета Сергеем Ольденбургом, произведена была экспертиза сличения этих почерков, которая сходство между ними подтвердила. Спрошенный затем обвиняемый Водовозов, отказывавшийся первоначально от объяснений, показал, что таковая писана к нему Ольденбургом, что в ней речь идет о носовом платке, который он забыл в квартире Ольденбурга, а издание и распространение брошюры Шефле предполагалось ими с позволения цензуры для восстановления общественного мнения вообще против войны ввиду искусственного возбуждения милитаристического настроения в Германии. Не вполне удовлетворительное объяснение Водовозовым содержания этого письма подало повод к обыску у Ольденбурга, по которому ничего явно противозаконного не обнаружено, вследствие чего и Ольденбург допрошен в качестве свидетеля, причем, объясняя содержание письма от 6 февраля согласно с объяснением Водовозова, насколько оно относится к брошюре Шефле, показал, что не помнит, что именно он в этом письме обещал Водовозову доставить в воскресенье утром» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3 д-во.

лан обыск. У него забрали довольно много бумаг, между прочим написанных по-санскритски и на других восточных языках, которые производивший обыск жандармский офицер, по-видимому, принял за какой-то шифр. На первом же допросе недоразумение разъяснилось, и рукописи были благополучно возвращены. Но, на беду, у него было забрано также одно письмо С. Е. Крыжановского, само по себе тоже невинное²⁴⁴, но при сопоставлении с найденной у меня рукописью, относившейся к Туну, оно обнаруживало ее автора²⁴⁵.

1893. Д. 140. Л. 26).

244 При изучении взятых у С. Ф. Ольденбурга бумаг выяснилось сходство почерка, которым написаны два письма с неразборчивой подписью «из селения или посада Вульки Бяльского уезда Седлецкой губернии» и отобранная при обыске у В. В. Водовозова рукопись «От чего зависит будущность России» – перевод воспоминаний революционера В. К. Дебогория-Мокриевича, приговоренного в 1879 г. к 14 годам каторги, но бежавшего за границу. Ольденбург пояснил, что эти письма написаны бывшим помощником секретаря С.-Петербургского окружного суда С. Е. Крыжановским, уехавшим из-за болезни в имение вдовы седлецкого губернатора, матери своей мачехи, Е. Ф. Громеко вблизи города Бялы. Допрошенный в качестве обвиняемого, тот показал, что с Водовозовым «ни в каких особых отношениях не состоял и не состоит», но знает его как библиотекаря Студенческого научно-литературного общества и товарища Сергея Ольденбурга. Водовозов, который вел иностранное обозрение в еженедельнике «Неделя», в начале 1887 г. показал Крыжановскому один из выходивших в Кракове журналов с заинтересовавшей его статьей и попросил помочь ее перевести, ибо, как объяснил, интересуется тем, что за границей пишут о России. Водовозов тоже выгораживал Крыжановского, уверяя, будто «хорошим его знакомым считаться не может, так как с ним встречался только у знакомых и в университете» (Там же. Л. 26–28).

245 В рукописи далее зачеркнуто: «С. Ольденбург, участие которого в моем деле было очень значительно, таким образом обнару-

Из других же лиц по моей неосторожности пострадал еще мой университетский товарищ Б. Б. Глинский (впоследствии редактор «Северного вестника», а затем – «Исторического вестника»). К моему делу он не имел никакого отношения, но у меня было найдено его письмо, обнаружившее его связь с Шевыревым и участие в студенческих землячествах²⁴⁶.

жен не был, а Крыжановский, участие которого было совершенно второстепенное, оказался в него впутанным).

- 246 См.: «Петр Шевырев объяснил свое знакомство с Водовозовым следующим образом: в начале 1886 г., зная, что бывший студент С.-Петербургского университета Борис Борисов Глинский очень интересуется кассами для вспомоществования бедным студентам (правительством не разрешенными), он, Шевырев, зашел к нему на квартиру, чтобы переговорить с ним насчет переустройства этих касс. С Шевыревым вместе отправился и студент Щербаков. Глинский отправил обоих, при письме от 11 февраля 1886 г., к Водовозову. Раньше этого он, Шевырев, ни с Глинским, ни с Водовозовым знаком не был. В тот раз Щербаков к Водовозову не пошел, так что к последнему с означенным письмом явился один Шевырев. Переговоры, по словам Шевырева, с Водовозовым ни к чему не привели, как показалось Шевыреву, потому, что Водовозов мало сочувствовал идее устройства общей студенческой кассы, в которую бы слились все существовавшие отдельные маленькие кассы т. н. землячеств. Познакомившись таким образом с Водовозовым, Шевырев несколько раз бывал у него на квартире с целью получить для чтения книги. По поводу таких книг им, Шевыревым, и было написано найденное у Водовозова его письмо». Вышеупомянутое послание Б. Б. Глинского гласило: «Водовозов, направляю к тебе гг. Шевырева и Щербакова, студентов нашего университета, для переговоров о слиянии нашей кассы с землячествами на началах федерации. Идея эта, собственно говоря, знакомая нам еще в то время, когда мы образовали нашу кассу. В первоначальном виде подобная федерация и имелась в виду, но по трудности выполнения это не осуществилось. В настоящее время явились люди с энергией и желанием принести пользу

Через четыре месяца, во второй половине июня, я был выпущен под залог в две тысячи рублей и остался в Петербурге ожидать приговора²⁴⁷. Из университета я был, разумеется, исключен, не сдав переходных экзаменов; литературная работа моя не возобновилась, нелегальное издательство – тем более, и я жил несколько месяцев без определенного дела²⁴⁸.

Из моих близких друзей я не застал Сергея Ольденбурга, уехавшего за границу в научную командировку, и Федора Ольденбурга, уехавшего в Тверь, где он сделался преподавателем в известной учительской семинарии имени Максимовича и приобрел большое значение как общественный деятель²⁴⁹; застал

делу, люди, верующие в возможность подобного союза и уже говорившие с другими землячествами и отдельными студентами, а потому я полагаю необходимым дать ход начатому делу и поддержать их» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3 д-во. 1893. Д. 140. Л. 21, 14).

247 В рукописи далее зачеркнуто: «Мне было разрешено пробыть две недели в Петербурге (точнее, под Петербургом, на даче, куда перебралась моя мать), а затем предписано впредь до приговора жить где-нибудь вне университетских городов. Моя мать заявила, что я уеду в имение Бухоново моей бабушки (Александры Степановны Цевловской, урожденной Гонецкой (1813–1887), сестры двух генералов от инфантерии – Ивана Гонецкого (1810–1887) и Николая Гонецкого (1815–1904). – В. Г.) в глуши Смоленской губернии, и я действительно туда уехал. Через два месяца бабушка умерла на моих руках, и моя мать хлопотала мне доступ в Петербург, где я должен был ожидать приговора. Осень и зиму 1887–88 гг. я, таким образом, провел в Петербурге».

248 Зачеркнуто: «готовясь к будущему экзамену в университет, сдать который я все же надеялся. Вместе с тем ни в какой другой период моей жизни я не бывал так часто в гостях и не принимал в таком количестве таковых у себя».

249 Называя Ф. Ф. Ольденбурга «замечательным педагогом и благородным человеком», В. В. Водовозов писал, что те, кто помнит студенческое научно-литературное общество при Петер-

Вернадского, Гревса и по-прежнему поддерживал с ними близкое дружеское знакомство.

Сблизился в эту зиму я с семьей известного таврического земского деятеля, впоследствии члена Государственной думы В. К. Винберга, бывшей центром очень обширного и радикального кружка. В нем, между прочим, я познакомился (позднее, в 1890 г.) с молоденькой, только что прибывшей в Петербург курсисткой Ольгой Ильиничной Ульяновой, сестрой уже казненного в это время Александра Ульянова и В. И. Ленина; позднее я скажу о ней больше в связи с семьей Ульяновых.

В феврале 1888 г. кончилось мое дело, и мне и моим товарищам по нему был вынесен приговор, – разумеется, не в судебном, а в административном порядке, приговор «по высочайшему повелению»; я был отправлен на пять лет административной ссылки в Архангельскую губернию в распоряжение архангельского губернатора; Крыжановскому назначено 14 дней тюремного заключения, Глинскому – 10 дней, Лидии Давыдовой – высочайший выговор; Кармалину считать освобожден-

бургском университете, закрытое администрацией в 1887 г., но давшее очень и очень многим «толчок в их научных занятиях и поддерживавшее их научные интересы едва ли не в большей степени, чем профессорские лекции <...>, никогда не забудут и того, что душою и живым его центром были, рядом с его председателем – профессором Орестом Миллером, два студента – братья Ольденбурги». Старшему из них было предложено остаться при университете для подготовки к профессорскому званию, но, «верный своим первоначальным стремлениям к педагогической деятельности, он отказался и через два года по окончании университета, осенью 1887 г., принял предложенное ему место педагога тверской земской учительской школы (имени) П. П. Максимовича, задачей которой является подготовка учительниц для сельских школ, преимущественно Тверской губернии» (*Водовозов В. Федор Федорович Ольденбург (1862–1914) // День. 1914. № 198. 25 июля*).

денной от дела²⁵⁰.

Особенно курьезным наказанием был высочайший выговор Лидии Давыдовой, сообщенный ей через околоточного. Для нее он был действительным наказанием, потому что ее отец серьезно считал себя опозоренным всею этой историей, а мать, Александра Аркадьевна Давыдова, была страшно перепугана и за дочь, и за себя, и дочери пришлось пережить очень тяжелые минуты. Лидия Карловна посетила меня, но дала понять, что мне в их доме бывать в течение некоторого времени не следует.

Глинский, большой специалист по делу устройства общественных обедов и выпивок, был арестован на следующий день после устроенного им студенческого обеда в университетскую годовщину 8 февраля (на котором я тоже присутствовал) и был выпущен ровно через десять дней, так что успел попасть на общественный обед по случаю годовщины освобождения крестьян.

Крыжановский благодаря своим связям в высоких чинов-

- 250 Неточность: в заключении от 12 ноября 1887 г., поддержанном Департаментом полиции, министр юстиции Н. А. Манассеин полагал возможным: «1. Василия Водовозова выслать в Архангельскую губернию под надзор полиции сроком на три года; 2. Сергея Крыжановского подвергнуть аресту на две недели; 3. Бориса Глинского подвергнуть аресту сроком на десять дней; 4. Клеопатру Кармалину подвергнуть аресту на семь дней; 5. Лидии Давыдовой сделать строгое внушение при посредстве начальницы учебного заведения, в коем она воспитывается, по поводу принятого ею участия в переводе сочинения Туна, не пропущенного цензурой». Но в «высочайшем повелении» от 30 января 1888 г. срок высылки Водовозова увеличили с 3 до 5 лет, и если предлагаемое наказание Глинского и Давыдовой не терпело изменений, то Крыжановский и Кармалина в приговоре даже не упомянуты (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3 д-во. 1893. Д. 140. Л. 32, 36).

ничьих сферах успел отбояриться от наказания, и эта история не помешала ему сделать хорошую карьеру. Поступив на службу, он быстро и решительно повернул направо, довольно круто разорвал с друзьями молодости, был впоследствии товарищем министра финансов при Витте²⁵¹, а затем – внутренних дел при Столыпине и одним из творцов закона 3 июня 1907 г.²⁵²

Кармалина, как я уже говорил, несмотря на оправдательный приговор, пострадала тяжелее других.

Грובהа на этот раз вышла совсем сухой из воды. Литография ее по-прежнему процветала на Большом проспекте Петербургской стороны, и нередко, проезжая мимо нее на империале тогдашней конки²⁵³, я читал ее вывеску и думал: не зайти ли к ней, не поговорить ли с ней, но ни разу не решился этого сделать. Скоро мне стало известно, что к ней нашли дорогу студенты, занимавшиеся тем же, чем и я, и что, побуждаемая нуждой или жадностью, она вновь занялась тем же самым делом, на этот раз – с более печальным результатом. Когда через два года я был в Петербурге и вновь проезжал на той же конке, я уже не увидел ее вывески: новое нелегальное издательство, литографировавшее у нее свои издания, было раскрыто, мастерская ее закрыта, она арестована и выслана из Петербурга²⁵⁴. Но моей вины в этом совершенно не было. Не знаю, до-

251 Неточность: с 1896 г. С. Е. Крыжановский служил в Министерстве внутренних дел, в котором занимал должности вице-директора Хозяйственного департамента в 1901–1904 гг., помощника начальника Главного управления по делам местного хозяйства в 1904–1906 гг. и товарища министра внутренних дел П. А. Столыпина в 1906–1911 гг.

252 Имеется в виду избирательный закон – «Положение о выборах в Государственную думу».

253 Империял конки – пассажирский ярус на крыше экипажа, который лошади тянули по рельсам.

254 «К счастью, никаких следов литографии, в которой я литографировал, найдено не было. Через несколько дней был сделан

прашивали ли ее тогда и о моих изданиях, но, во всяком случае, меня в связи с ее делом не трогали.

Александр Ильич Ульянов и Шевырев были повешены вместе с тремя другими участниками их дела (Андреюшкиным²⁵⁵, Генераловым и Осипановым)²⁵⁶. Во время процесса в Петербург приехала мать Ульянова, Мария Александровна²⁵⁷, и хлопотала, а для этого обивала все пороги. Хлопоты о смягчении участи были, конечно, совершенно бесполезны, но она страстно добивалась хотя бы свидания с сыном перед казнью, чтобы проститься с ним. Очень горячее участие принял в ней известный криминалист, в то время сенатор²⁵⁸, Н. С. Таганцев, и с большим трудом, нажавши все пружины, добился исполнения ее просьбы: свидание ей было дано. М. А. Ульянова была глубоко благодарна Таганцеву и написала ему письмо, в котором, благодаря его, высказала между прочим следующее: «Мне, конечно, никогда не удастся отблагодарить Вас за Вашу сердечность, но я молю Бога, чтобы кто-нибудь из моих детей когда-нибудь смог отблагодарить Вас за меня».

повальный обыск во всех петербургских литографиях, но Грובהва была предупреждена, и никаких следов ее преступления у нее найдено не было. Таким образом, для нее дело сошло благополучно. Однако она не унялась и, чувствуя в нелегальной работе важное для себя подспорье, в самом непродолжительном времени вновь согласилась на литографирование каких-то других нелегальных изданий, на которых она через три года (в 1890) и попалась» (Водовозов В. Рец. на кн.: Тун А. История революционных движений в России. С. 309).

255 В рукописи ошибочно повторно указано: «Шевырев».

256 8 мая 1887 г. в четыре часа утра А. И. Ульянов и его сообщники – П. И. Андреюшкин, В. Д. Генералов, В. С. Осипанов, П. Я. Шевырев – были казнены в Шлиссельбургской крепости.

257 В рукописи ошибочно: «Ильинична».

258 Н. С. Таганцев был назначен сенатором 23 декабря 1887 г., т. е. уже после казни А. И. Ульянова.

Через 33 года после этого второй ее сын, Владимир Ильич Ленин, был властелином России, а сын Таганцева, профессор Владимир Николаевич Таганцев, сидел в тюрьме и был приговорен к расстрелу за участие в каком-то едва ли не фантастическом или, во всяком случае, доподлинно неизвестном заговоре против власти²⁵⁹. Николай Степанович Таганцев написал Ленину письмо с просьбой о помиловании сына и в этом письме напомнил письмо матери Ленина²⁶⁰. Ответом был немед-

259 Имеется в виду дело «Петроградской боевой организации», или заговор В. Н. Таганцева, по которому были арестованы 833 человека, из которых 98, в том числе 25 женщин, согласно постановлениям президиума Петроградской губернской ЧК от 24 августа и 3 октября 1921 г., были приговорены к расстрелу; в числе казненных оказались супруги В. Н. и Н. Ф. Таганцевы, поэт Н. С. Гумилев, профессора Н. И. Лазаревский и М. М. Тихвинский, скульптор князь С. А. Ухтомский и др.

260 16 июня 1921 г. Н. С. Таганцев написал В. И. Ленину: «Я обращаюсь к Вам с просьбой о смягчении участи сына по двум основаниям: 1) внешним: я хорошо знал Вашего покойного отца и Вашу матушку; был в 1857 и 1858 гг. вхож в Ваш дом, 2) *внутренним*: потому что я, по своим убеждениям, в тяжелые времена царизма *никогда* не отказывал в ходатайствах и помощи политическим обвиняемым» (Четыре письма В. И. Ленину // Вестник РАН. 1994. Т. 64. № 9. С. 825). Таганцев не упоминал о «письме матери Ленина» (видимо, апокрифическом), но ссылался на свои ранее отправленные ему мемуары, в которых, замечая, что присутствовал 15–19 апреля 1887 г. на процессе А. И. Ульянова, из подсудимых оставившего «наиболее симпатичное впечатление, как искренне преданный тому делу, за которое он шел на казнь», между прочим вспоминал: «Вечером мне докладывают, что пришла какая-то дама; прошу ко мне в кабинет; входит пожилая особа, которая обращается ко мне: “Николай Степанович, вы меня не узнаете?” – и на мой уклончивый ответ, что не могу припомнить, она говорит: “Да ведь я Ульянова, в Пензе вы у нас бывали”. Я тотчас же ее припомнил, но она была в страшном волнении и в слезах; с нею был неболь-

ленный расстрел Владимира Николаевича Таганцева²⁶¹.

шой мальчик гимназист. “Да ведь сегодня судили моего сына за посягательство на жизнь государя!” Меня как обухом по головехватило. Я ведь был еще под страшным впечатлением выслушанного приговора. “Ради Бога, помогите: мне сказали, что вы это можете: я хочу увидеть моего несчастного сына. А меня не пропускают, отказывают”. Я долго пытался отговорить ее, вспоминая горькую и страшную истину, о которой она услышит. Но она продолжала настаивать, и я не мог не уступить. С болью в сердце написал я записку Эдуарду Яковлевичу Фуксу, который тогда был прокурором судебной палаты и от которого зависело разрешение свидания. Так она и ушла. На другой день она опять приходила ко мне, но меня не застала и, как сообщила мне жена, которая ее видела, произвела на нее потрясающее впечатление, когда каким-то страшным шепотом она сказала: “Сына я видела, ведь он присужден к смерти”» (*Таганцев Н. С. Пережитое*. Пг., 1919. Вып. 2. С. 32).

261 Неточность: В. Н. Таганцев был расстрелян не ранее 28 августа 1921 г.

Глава III. Ссылка. Материальные и духовные условия жизни в ссылке. – Полицейские условия

Как раз в годовщину моего ареста, 25 февраля 1888 г., я отправился в ссылку. Мне было разрешено ехать на свой счет и даже без провожатого с так называемым «проходным свидетельством» вместо паспорта, то есть бумагой, объяснявшей мое полуправное положение. Железной дороги из Петербурга на Вологду, а тем более из Вологды в Архангельск, точно так же, как линии между Рыбинском и Ярославлем, тогда еще не было, и я проехал на Москву и Ярославль. Так как я, не надеясь на доступ в Петербург, рассчитывал держать экзамен при Ярославском лицее²⁶², то я остановился в Ярославле и обошел профессоров лицея, чтобы позондировать почву и узнать их экзаменационные требования.

Затем, переехав через Волгу по крепкому еще льду (моста тогда еще не было), я сел в скверный вагон тряской узкоколейки, везшей тогда на Вологду, и после медлительного пути прибыл в Вологду. Там я купил кибитку и в ней (чтобы не перекладывать вещей на каждой почтовой станции) направился в Архангельск, около 800 верст и что-то около 40 почтовых станций. Ехал я день и ночь, 5 суток по хорошему санному пути, перепрягая лошадей на каждой почтовой станции, любуясь прекрасным сосновым лесом, тянувшимся почти всю дорогу. При свете восходящего и заходящего солнца кора его деревьев отливала красным цветом и представляла контраст с девственным белым снегом. Останавливался я только для чаепития и обеда. Только в Шенкурске и Холмогорах я остановился на несколько часов, чтобы познакомиться с местными ссылными колониями. Все это можно было проделать совершенно свободно, не встречая никаких препятствий со стороны мест-

262 Имеется в виду ярославский Демидовский юридический лицей, основанный в 1803 г., а в 1868 г. приравненный к юридическим факультетам университетов.

ной администрации.

Наконец я прибыл в Архангельск. Здесь я должен был явиться к местному губернатору (кн. Голицыну), от которого зависело назначить мне место жительства. Мне предшествовало письмо М. И. Семевского, который просил оставить меня в самом Архангельске. В этом Голицын отказал и назначил мне Шенкурск как самый южный и лучший город Архангельской губернии, причем, однако, сам предложил мне переждать в Архангельске до открытия навигации. Я не понял тогда, что это было замаскированное согласие на ходатайство: можно было остаться до открытия навигации, потом просить об отсрочке на два месяца, потом заболеть, потом просить об оставлении до санного пути и затем – до новой навигации, – и много шансов, что мне это удалось бы; прецеденты, как оказалось, бывали. Но я этого не знал, и меня не прельщала мысль распаковать свои чемоданы с большим запасом книг, устраиваться на короткое время, чтобы через два месяца срываться с места и вновь ехать куда-то вдаль для нового устройства на новом месте.

В общем, я, вероятно, не сделал ошибки, так как условия жизни и работы в Архангельске вряд ли были лучше, чем в Шенкурске. От железной дороги Архангельск был дальше, почта от Петербурга и Москвы доходила до него позднее даже в нормальное время, а тем более во время весеннего и осеннего бездорожья, климат был значительно хуже, жизнь дороже, окрестная природа хуже, а общество, доступное мне, вероятно, не лучше. Поэтому я остался в Архангельске всего несколько дней, чтобы отдохнуть от поездки, посмотреть город и познакомиться кое с кем из местных обывателей.

Политических ссыльных в то время в Архангельске не было, а из местных людей, с которыми я познакомился, интересным собеседником оказался только один статистик Минейко, хороший знаток края. Затем в той же своей кибитке, приобретя несколько статистических изданий Архангельского комите-

та²⁶³, я отправился обратно в Шенкурск. Весна в этом году была ранняя и особенно быстрая, и сильный мороз, сопровождавший мою поездку от Вологды до Архангельска, неожиданно быстро сменился оттепелью. Я вновь проехал Холмогоры, переночевал там по усиленному приглашению у одного из местных ссыльных и тронулся далее на Шенкурск.

Тронулся я не один. Незадолго перед тем в Холмогорах произошел такой инцидент. Через город по этапу проходила к Архангельску новая партия политических. Местные холмогорские «политики» вышли ее встречать, но сопровождавший ее конвой не допустил их до разговоров с партией и даже поколотил прикладами. В наказание избитые холмогорские «политики» были раскассированы по разным городам Архангельской губернии. Большая часть была отправлена в более гиблые места, как Онега, Пинега и Мезень, а одной, Шейдаковой, как испытывавшей побои в меньшей, чем другие, степени, было предписано отправляться в Шенкурск. Ее перевод туда совпал с моей поездкой, и я поехал вместе с нею; впоследствии она стала моей женой. Дорога стала хуже, ехать без ночевки было невозможно, и триста с небольшим верст потребовали от нас на этот раз целых три дня. В середине марта я был в Шенкурске²⁶⁴.

По своему географическому положению Шенкурск не похож на другие северные города России. Он лежит на довольно

263 Имеется в виду Архангельский губернский статистический комитет, созданный в 1835 г.

264 Зачеркнуто: «Я застал в Шенкурске колонию политических ссыльных в 6 человек, причем четверо были с женами, а один (Никонов) на придачу с маленькими детьми. В первые два года моего пребывания в Шенкурске колония довольно быстро росла, хотя, с другой стороны, и убывала: Никонов через несколько месяцев после моего приезда получил значительное смягчение своей участи и был переведен куда-то на юг, чуть ли не в Крым, где у него были родные».

высоком правом берегу довольно широкой (сажен²⁶⁵ сто) реки Ваги, притока Оби²⁶⁶. Берег песчаный и, следовательно, сухой; на север и на юг тянется прекрасный сосновый лес. Болота имеются только к востоку, а также к западу, на противоположном берегу Ваги. Зимы длинные, холодные и очень многоснежные; лето короткое, иногда довольно жаркое и вообще сухое; весна и осень, особенно последняя, короткие, тянущиеся недели по три, по четыре. В общем, климат можно признать здоровым.

Городишко Шенкурск – маленький, весь деревянный, довольно чистый. По полицейским данным, в нем числилось тогда 1293 жителя. Коренное население – чисто русское и исключительно православное; оно занималось мелкой торговлей, сдачей квартир в наймы чиновникам и ссыльным, отчасти ремеслами (встречая в этом отношении некоторую конкуренцию со стороны ссыльных). Видную часть населения составляло чиновничество, а также ссыльные, политические и уголовные.

Город являлся административным центром громадного территориально уезда. На севере граница ближайшего Холмогорского уезда отстояла верст на 150–200, на юге граница Вологодской губернии – верст 80. И к Холмогорам (и далее к Архангельску), и к ближайшему уездному городу Вологодской губернии – Вельску (а от него к Вологде), по крайней мере, был хороший почтовый тракт; на восток и на запад летом проезда почти не было. Населения во всем уезде было что-то около 80 000; это были крестьяне, находившие подсобный заработок в кустарных и в отхожих промыслах. Из кустарных промыслов я особенно заинтересовался вытачиванием разных безделушек (брошек, разрезальных ножей и т. п.) из изредка находимой в этих местах мамонтовой кости; работа поражала художествен-

265 Одна сажень равна 2,13 метра.

266 Ошибка: река Вага – приток Северной Двины.

ностью отделки. Я купил несколько таких вещей по изумительно дешевым ценам и послал их в Петербург в подарок близким людям. Среди крестьян имелось небольшое число старообрядцев.

При некотором знакомстве с крестьянами я обратил внимание на два явления. Во-первых, их более независимый, прямой, менее заискивающий, чем в остальной России, характер, – вероятно, следствие того, что здесь никогда не было крепостного права. А во-вторых, местный язык, довольно сильно отличающийся от ранее знакомых мне говоров русского языка. Я заметил любопытный пережиток *dativus absolutus*²⁶⁷ или *dativus temporis*²⁶⁸ (например: «сего годному году» – в нынешнем году); обратил внимание на винительный падеж существительных женского рода, сходный с именительным («носить вода», «закрыть труба»), некоторые слова в особенном смысле («пахать пол» в смысле мести) и т. д. Я записал довольно много таких особенностей, а также несколько песен, которые я слышал, но никакого употребления из этих записей, к сожалению, не сделал.

Цены в городе была изумительно низкие. Я, например, платил 6 рублей за квартиру в три больших комнаты с кухней; квартира была меблированная, – конечно, очень просто, но для неприхотливого человека вполне достаточно. И это была одна из самых дорогих и лучших квартир в городе. Самую лучшую и самую дорогую во всем Шенкурске квартиру занимал жандармский офицер, платя за нее 15 рублей в месяц. Другие ссыльные платили за квартиры 4, 3 и даже 2 рубля, и это были

267 дательный самостоятельный (лат.) – оборот, представлявший собой сочетание существительного (местоимения) в дательном падеже с согласованным с ним причастием, для выражения значения времени, реже – причины или уступки.

268 дательный времени (лат.) – оборот, употребляемый для указания конкретного времени действия.

квартиры обыкновенно в две комнаты с кухней. Конечно, все это было примитивно и лишено довольно элементарных удобств. Дрова были изумительно дешевы, так что экономить на них никому не приходило в голову. Мясо стоило 2–3 копейки фунт; десяток яиц весною – столько же, зато зимою их просто нельзя было найти. Несколько дороже, чем в остальной России, был хлеб, так как местного хлеба для потребностей уезда и города (а тем более губернии) не хватало; сравнительно дороги были товары привозные: сахар, чай, табак, но все-таки дешевле, чем можно было бы ожидать. Ведь за доставку гужом товаров от Вологды (400 верст!) местные купцы платили летом 40–50 копеек за пуд, а зимой – 25–30 копеек. Вследствие таких цен я, получавший из дому 40 рублей в месяц, мог считаться богачом, да и другие ссыльные, доходы которых определялись, как я скажу дальше, рублей в 14–15 на человека, следовательно – в 28–30 на супружескую пару, могли жить, не нуждаясь.

Еще по дороге в Шенкурск я обдумал линию своего поведения в ссылке. Что буду я делать там? Прежде всего, конечно, – учиться. Авось мне разрешат по окончании ссылки сдать университетские экзамены, – необходимо быть готовым к ним; для этой цели я взял с собой два больших чемодана, набитых книгами, и рассчитывал на дальнейшую их присылку из дому – частью из моей личной библиотеки, оставшейся в Петербурге, частью новых.

Но, далее, учиться нужно не только из книг. Нужно присмотреться к местной жизни. До тех пор провинции я почти не видал и ее жизнь знал разве по Гоголю и новейшей литературе. Хорошо, если я сумею войти в жизнь местного общества и таким образом познакомлюсь с провинциальным обществом. Будет ли это допущено жандармерией? Увидим. Как на это посмотрят товарищи по ссылке? Тоже увидим. С товарищами по ссылке, надеюсь, сойдуся. Я много слышал о постоянной грызне в ссыльных колониях, но у меня характер, кажется, не свар-

ливый, а те представители ссылки, с которыми я познакомился проездом в Холмогорах и самом Шенкурске, мне понравились. Авось будем жить дружно, а главное, буду усиленно работать.

По приезде в Шенкурск я переночевал первую ночь у одного из товарищей по ссылке (ни гостиницы, ни даже постоянного двора в городе не было; ночевать проезжие, не находившие приюта у знакомых, могли только на почтовой станции), а затем легко, с его же помощью, нашел себе помещение и устроился в городе. Столоваться у себя предложила одна из ссыльных дам, у которой столовалось еще несколько ссыльных и которая делала это совершенно бескорыстно, по «себестоимости», – обед обходился у нее рублей 5–6 в месяц. В первый же день я познакомился со всеми товарищами по ссылке (или возобновил знакомство, так как оно было заведено еще в первый проезд через Шенкурск неделей раньше) и сразу застал две враждебные друг другу партии, а меньше чем через два месяца имел несчастье попасть в суперарбитры в третейском суде между ними.

Правовое положение ссыльных регулировалось «Положением о полицейском надзоре» 1881 года, помещенным в приложении к «Уставу предупреждения и пресечения преступлений»²⁶⁹ (т. XIV Свода законов). При этом закон вовсе не знал административной ссылки; он знал только полицейский надзор; административная же ссылка явилась незаконным придатком к надзору, созданным жизненной практикой. Под

269 Неточность: имеется в виду Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г., принятое как приложение I к ст. 1 Свода уставов о предупреждении и пресечении преступлений, которое действовало до 1917 г.; Положение о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей, принятое 12 марта 1882 г., определяло условия пребывания в административной ссылке.

полицейский надзор (по словам закона) отдавались «лица, вредные для общественного спокойствия»²⁷⁰, и надзор являлся мерой предупреждения могущих быть совершенными преступлений, никоим образом не карой за таковые.

В действительности дело обстояло как раз обратно: под надзор в ссылку отправляли всегда или почти всегда за какое-либо конкретное деяние, признаваемое преступным, как это было со мной. Но если я, по крайней мере, действительно совершил то деяние, в котором обвинялся, то в других случаях нередко было достаточно простого подозрения в совершении такого деяния без всяких доказательств. Факт совершения этого деяния и его преступный характер устанавливались не судом, требующим точных и убедительных доказательств, а «в административном порядке», и кара назначалась обыкновенно по высочайшему повелению на основании доклада, представляемого министром внутренних дел, в свою очередь целиком зависевшего от доклада директора Департамента полиции (в то время директором был знаменитый впоследствии П. Н. Дурново²⁷¹). Были и другие способы назначения административной ссылки.

270 В ст. 1 Положения о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей, говорилось, что таковой, «как мера предупреждения преступлений против существующего государственного порядка, учреждается над лицами, вредными для общественного спокойствия» (Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3 (1881–1913). Т. 2. № 730. С. 84).

271 Карьера П. Н. Дурново была прервана в 1893 г. громким скандалом с его любовницей, за которой он устроил слезку и изобличающие в измене письма которой распорядился выкрасть из стола секретаря бразильского посольства. Но уже в 1899 г. Дурново был назначен товарищем министра внутренних дел, с октября 1905 г. состоял временно управляющим МВД, а с января по апрель 1906 г. – министром.

В ссылке человек попадал в полное распоряжение местной администрации и был совершенно бесправным. По «Положению о надзоре» ему были воспрещены: «1. Всякая педагогическая деятельность. 2. Принятие к себе учеников для обучения их искусствам и ремеслам. 3. Чтение публичных лекций. 4. Участие в публичных заседаниях ученых обществ. 5. Участие в публичных сценических представлениях. 6. Вообще всякого рода публичная деятельность. 7. Содержание типографий, литографий, фотографий, библиотек для чтения и служба при них²⁷². 8. Торговля книгами²⁷³. 9. Содержание трактирных и питейных заведений²⁷⁴».

Далее в «Положении о надзоре» говорилось:

Статья 26. «Лица поднадзорные могут ходатайствовать по судебным делам, относящимся только до них самих, их родителей и детей».

Статья 27. «Врачебная, акушерская, фармацевтическая практика дозволяется поднадзорным не иначе как с разрешения министра внутренних дел».

И, наконец, увенчивала все эти запретительные статьи статья 28, которая гласила:

«Все остальные занятия, дозволенные законом, разрешаются поднадзорным, но с тем, что от местного губернатора зависит воспретить поднадзорному избранное им занятие²⁷⁵».

272 Пропущены слова: «в качестве приказчиков, конторщиков, смотрителей или рабочих» (Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3 (1881–1913). Т. 2. № 730. С. 86).

273 Пропущены слова: «и всеми принадлежностями и произведениями тиснений» (Там же).

274 Пропущены слова: «а равно и торговля питиями» (Там же).

275 Пропущены слова: «если оно сему последнему служит средством осуществления его предосудительных замыслов или по местным условиям представляется опасным для общественно-

Эти постановления лишали ссыльного возможности заниматься каким бы то ни было интеллигентским трудом и отдавали его связанным по ногам и рукам в руки местной администрации; особенно хороша была в этом отношении последняя статья. А если прибавить к ней некоторые другие, например о праве министра внутренних дел предписать администрации контролировать его переписку²⁷⁶ и тому подобное, то станет совершенно понятно, какие тяжелые воспоминания связаны у русской интеллигенции с административной ссылкой.

Стесненный запретительными постановлениями закона и часто еще более диким произволом трусливой, злобной и невежественной администрации, оторванный от привычных занятий, административный ссыльный обыкновенно не мог найти никакого заработка. Правда, он получал денежное пособие, но оно в большинстве случаев было совершенно ничтожно: в иных городах – 6 рублей в месяц, в иных – 3 рубля 60 копеек и даже меньше, – жить на него было совершенно невозможно. За самое пустое нарушение правил, – а правила таковы, что не нарушать их почти невозможно, – а то и без нарушения виновный по усмотрению местной администрации подвергался аресту и высылке в другое место той же губернии, иногда – в тундры, в болота или в совершенно глухой улус²⁷⁷,

го порядка и спокойствия» (Там же).

276 Имеется в виду статья 29, по которой министру внутренних дел предоставлялось право воспрещать поднадзорному непосредственное получение им частной почтовой или телеграфной корреспонденции, препровождаемой на просмотр местному начальнику губернского жандармского управления или уездному исправнику, которые либо передавали ее «по принадлежности», либо, «в случае предосудительного содержания», задерживали (Там же).

277 Улус – административно-территориальная единица на восточ-

населенный исключительно полудикими якутами или тунгусами.

Всякий, кто читал «Записки моего современника»²⁷⁸ Короленко, помнит, конечно, что представляла из себя такая ссылка. А в качестве яркого примера бессмысленности и закона о полицейском надзоре, и в особенности его применения можно вспомнить хорошо в свое время (в конце 70-х или начале 80-х годов) известный случай, когда в одном из сибирских городов против ссыльного врача Долгополова было возбуждено «дело о противозаконном вынудении пули из тела» какой-то местной обывательницы. Эта обывательница – притом из общественных верхов города, чуть ли не жена городского головы. В городе не было другого врача, и муж обывательницы слезно умолял ссыльного врача спасти его жену, что тот и исполнил благополучно после некоторых колебаний. Но исправник – вследствие ли враждебных отношений с головой или неприязни к Долгополову, или из опасения, что незаконное врачевание может потрясти основы государственного порядка и приблизить революцию, – поспешил только возбудить «дело» против Долгополова; было произведено следствие в административном порядке, составлено толстое «дело» за определенным номером со значительным числом подшитых к нему листов, и в результате законность была восстановлена, а врач, проявивший своим врачеванием «вредность для общественного спокойствия», после нескольких месяцев тюрьмы был переведен в какое-то совсем скверное место, где, конечно, тоже не было другого врача, но где он лечить уже не решался²⁷⁹.

ных и северных окраинах Российской империи.

278 Правильно: «История моего современника». Первое издание: СПб., 1909. Т. 1; Одесса, 1919. Т. 2.

279 Н. И. Долгополов, студент пятого курса медицинского факультета Харьковского университета, сосланный в августе 1880 г. в Курган и переведенный оттуда в октябре 1882 г. в Сургут,

Таковы были условия ссыльной жизни «вообще», преимущественно – в Сибири. Но в частности, в зависимости от случайного личного состава местной администрации, в особенности губернатора, а также многих других условий жизнь складывалась и иным образом, и иногда – весьма сносно. И, на мое счастье, в Архангельской губернии и в особенности в Шенкурске она в мое время сложилась именно так. Отчасти это объяснялось личными свойствами двух губернаторов, известного Н. М. Баранова, управлявшего Архангельской губернией в течение нескольких первых лет царствования Александра III, и его заместителя, князя Голицына, управлявшего ею при мне.

Баранов, моряк, командир «Весты» во время турецкой войны 1877–1878 гг., прославился каким-то весьма сомнительным подвигом²⁸⁰, за который он должен был оставить флот; в 1881 г. был петербургским градоначальником и здесь просла-

ввиду осеннего бездорожья задержался в Тюкалинске, где за «самовольное» извлечение пули из ноги супруги городского головы попал в тюрьму, после чего был отправлен в село Пельымское Туринского округа, но, заболев по дороге тифом, остался в Ишиме.

- 280 Пароход «Веста», построенный как торговое судно в 1858 г. и оснащенный в начале Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. 5 мортирами, 3 орудиями и 4 скорострельными пушками, 11 июля 1877 г. выдержал неравный пятичасовой бой с неприятельским броненосным корветом, обратив его в бегство, за что командир фрегата, капитан-лейтенант Н. М. Баранов, удостоился ордена Св. Георгия 4-й степени и был произведен во флигель-адъютанты. Но поскольку в газете «Биржевые ведомости» (1878. № 195. 17 июля) появилась статья артиллериста «Весты» капитан-лейтенанта З. П. Рождественского, утверждавшего, что командир фрегата сильно приукрасил события (поскольку в течение пяти часов пытался уйти от погони турецкого корвета), Баранов настоял на проведении следствия и суда, окончившегося для него отставкой.

вился созданием курьезного представительного собрания, известного под именем «бараньего парламента»²⁸¹; в наказание за это был отправлен в ссылку архангельским губернатором. Через два года его прежние вины были прощены, и он был переведен в Нижний Новгород, где вновь прославился своим самодурством. Самодуром он был, конечно, и в Архангельске, но самодурство его было очень непоследовательное и не злобное; напротив, под некоторыми влияниями он иногда мог совершать очень хорошие поступки. И вот в хорошую минуту, действуя под влиянием одного чиновника своей канцелярии, бывшего политического ссыльного (помнится, его фамилия Лудмер; он был сотрудником «Юридического вестника» и «Русских ведомостей»), Баранов обратился в Петербург к высшему начальству с указанием на бедственное положение административных ссыльных и необходимость увеличить им казенное пособие.

Обращение его имело успех, и казенное пособие было поднято от какой-то очень низкой нормы до 12 рублей в месяц для привилегированных и 6 рублей в месяц для непривилегированных; сверх того раз в год выдавались «одежные» в количестве 22 рублей для привилегированных и не помню скольких для непривилегированных. На добровольно следующих за ссыльными жен тоже полагалось пособие, хотя в несколько меньшем размере. При этом привилегированность признава-

281 Назначенный после убийства Александра II столичным градоначальником, каковой пост занимал в марте – августе 1881 г., Н. М. Баранов создал при градоначальстве временный совет «для ограждения общественной безопасности» из 25 членов, избираемых выборными от населения Петербурга (домовладельцами, квартиросъемщиками, собственниками промышленных и торговых предприятий); голосование производилась по квартирам, куда полицейские сами приносили избирательные урны.

лась очень широко: не только по происхождению, но и по образованию, причем для нее считалось достаточным окончить 6 классов гимназии, как для льготы по воинской повинности²⁸². Так как в мое время массовой ссылки рабочих еще не было, то привилегированными оказывались почти все: за мое время из трех десятков прошедших через Шенкурск политических ссыльных к непривилегированным принадлежали только трое или четверо.

В нашей ссыльной среде добровольно производилась уравнительная дележка казенного пособия, а затем все имевшие либо заработок, либо получку из дому должны были отдавать 15% в общую кассу; из этих получек за вычетом некоторых очень незначительных расходов на общественные потребности выдавалась известная сумма не имеющим заработка или дохода с воли. Такова была наша внутренняя конституция, выработанная на общих собраниях и действовавшая некоторое время; позднее она распалась вследствие внутренних раздоров. До этого распада низший доход ссыльного не спускался, сколько я помню, ниже 14 рублей на человека и, следовательно, 28 рублей на мужа и жену. При тех удивительных ценах, которые тогда господствовали в Шенкурске, этого было вполне достаточно, – конечно, для скромного существования.

Сносны были и духовные условия. Правда, ни одной общественной библиотеки в Шенкурске не было, но я привез в ссылку два чемодана книг и многократно выписывал из Петербурга новые их партии; была библиотечка у Никонова; были в небольшом количестве книги у многих из нас (у местных жи-

282 Согласно Уставу о всеобщей воинской повинности, принятому 1 января 1874 г., для лиц, окончивших курс шести классов гимназий или реальных училищ, устанавливался сокращенный срок службы: на действительной – полтора года, в запасе – 13 лет и 6 месяцев.

телей их почти не было). Подбор имевшихся книг был довольно односторонен, по большей части – по юриспруденции и отчасти – по экономии. Кто стремился к систематическому чтению по собственной программе, тот не мог не чувствовать духовного голода (особенно если он был естественником). Но жаловаться на полное отсутствие книг все же не приходилось и заполнить время невольного безделья в ссылке разумным чтением было, во всяком случае, возможно. Главное, у нас были, и притом бесплатно вследствие любезности редакций, все лучшие журналы того времени и газета «Русские ведомости». Комплект этих журналов, с 1885 г., вместе с несколькими случайными книгами представлял нашу общественную библиотечку. Для получения этих журналов мы в конце каждого года обращались в редакции с коллективными просьбами о бесплатной их высылке нам и всегда получали благоприятный ответ.

Инициатором этих обращений был, впрочем, не политик, а один уголовный ссыльный по фамилии Виноградский, сосланный по судебному приговору на житье с ограничением в правах состояния за присвоение себе не принадлежащего ему графского титула, принятие другой фамилии («граф Марков») и ношение не принадлежащего ему ордена. Этот Виноградский был человеком с очень жульническими наклонностями, но вполне интеллигентный, очень неглупый и интересный собеседник. Читать он любил и читал много. Прибыв в Шенкурск, когда там не было ни одного политика, он обратился в главные редакции Петербурга и Москвы с просьбой высылать ему их издания как одинокому политическому ссыльному, живущему в некультурных условиях и не имеющему средств для выписки журналов. Таким образом, тюрьма и ссылка не излечили его от склонности к самозванству. Вначале оно увенчалось полным успехом, но точно так же, как и первое его самозванство, скоро было разоблачено. Когда в Шенкурск прибыли первые действительно политические ссыльные, то они, ничего не зная о

выходке Виноградского, обратились в редакции с теми же просьбами, на этот раз – коллективными, и получили удивленные ответы: неужели на несколько ссыльных маленького городишки не хватает одного экземпляра их издания? Пришлось разъяснить редакциям недоразумение, Виноградский был ими лишен их изданий, и они отныне приходили на один из наших адресов.

Когда я прибыл в Шенкурск и узнал все это, то я высказал мысль, что хотя мы, обращаясь в редакции с просьбой о даровой высылке изданий, и не самозванствуем, как Виноградский, но все же злоупотребляем нашим званием политических ссыльных, так как мы не настолько бедны, как ссыльные Сибири или хотя бы соседней с нами Вологодской губернии, чтобы нуждаться в благотворительном получении журналов. Но со мной не согласились, и практика даровой подписки продолжалась.

Для культурного существования у нас случайно, особенно в первое время моего там пребывания, было чрезвычайно благоприятное обстоятельство: довольно высокая музыкальность. Один из нас, именно А. А. Никонов (впоследствии довольно известный адвокат, деятельный член кадетской партии), обладал превосходным баритоном, громадной музыкальной памятью и совершенно исключительной вокальной неутомимостью; он, несомненно, мог, если бы захотел, выделиться на музыкальном поприще и, может быть, напрасно пожертвовал им для юриспруденции. Когда мы собирались вместе, то он целыми часами пел нам романсы – особенно хорошо знал Чайковского – и арии из опер. И мы часто видели, как летом мимо открытых наших окон при пении Никонова начинали прогуливаться горожане и горожанки, причем в числе этих неприглашенных слушателей имелась вся местная аристократия: жандармский офицер, исправник, судья, с женами и домочадцами, и другие. Еще один наш товарищ, Бродский, обнаруживал хотя и не такой выдающийся, как у Никонова, но все же порядоч-

ный, достаточно приятный в небольшой компании голос, на этот раз тенор. Было и несколько недурных женских голосов, и, наконец, одна из дам недурно играла на гитаре, которую привезла с собою в ссылку.

Кроме местной аристократии, у наших музыкантов или по крайней мере у этой дамы была и еще одна категория неприглашенных слушателей. Когда она играла, то из щелей в большом числе вылезали мыши и садились неподалеку от нее; если она сидела посередине комнаты, то мыши рассаживались вокруг нее кружком, устремив на нее внимательные мордочки и радиусами вытянув свои хвосты. В это время их хоть руками бери, – но ни у кого из нас не хватало душевной сухости, чтобы пользоваться эстетическим чувством для охоты над нашими врагами, с которыми мы боролись иными, более общепотребительными способами. Я не знаю, отмечена ли в научной литературе эта любовь мышей к музыке, не знаю также, направлена ли она только на гитару; насколько я мог заметить впоследствии, рояль мышей к себе не привлекает. Но знаю, что в драме Ибсена «Маленький Эйольф»²⁸³ для удаления мышей из дома пользуются музыкой, – но не гитарой, а дудкой.

Весьма сносны были, особенно вначале, и полицейские условия жизни, и это – при мне – объяснялось, для всей Архангельской губернии, личными свойствами князя Голицына, который не желал делать карьеру на притеснении ссыльных, а специально для Шенкурска в первое время – также личными свойствами жандармского офицера Шафаловича и исправника Глебовского. Со сменой первого в начале 1889 г. и смертью второго в конце того же года дело несколько изменилось к худшему.

Шафалович был страшно ленив: работать он не любил, целыми ночами играл в карты, а половину дня спал и своим

283 Пьеса Г. Ибсена 1894 г., рус. перевод – СПб., 1895.

делом совершенно не интересовался. Со служебной точки зрения он должен был быть на самом дурном счету, но мы, судя его со своей точки зрения, были им чрезвычайно довольны. Он сам мне говорил:

– Вы ведь знаете, что я за человек. Выслеживать, подсматривать, копаться в грязи я не люблю. Живи и жить давай другим – вот мое правило. Ну, пальца в рот мне не клади. И если вы мне в бороду наплюете, – не прогневайтесь: не прощу.

И это была совершенная правда. Как бы он вел себя, если бы кто-нибудь действительно наплевал ему в бороду, не знаю; судя по физиономии, он действительно должен быть очень злым и мстительным, но, к счастью, никому из нас (и наших предшественников также) ни разу не случилось сделать этого, и потому, действительно, ничего дурного мы от него не видали. Наклонности создавать дела из пустяков у него не было. А повод к этому один раз был.

В одну летнюю ночь 1888 г. дом, в котором занимал квартиру Шафалович, сгорел; говорят, виновницей пожара была его жена, будто бы забывшая свечу в платяном шкафу; сам Шафалович и его жена выскочили в одном ночном белье; сгорело все дотла, и в течение нескольких недель Шафалович щеголял в мундире нижнего жандармского чина, снабдившего его им, к тому же совсем не подходившем его росту и фигуре. Через несколько дней из Архангельска был прислан другой жандармский офицер, Сомов (позднее заменивший у нас Шафаловича), с задачей выяснить, не политические ли подожгли Шафаловича. Но Шафалович, едва ему Сомов сказал это, с негодованием отверг его подозрение, действительно ни на чем не основанное. Конечно, об этом подозрении я знаю только от самого Шафаловича; возможно, что всю линию Сомова он просто выдумал, но, как бы то ни было, глупого дела против нас не возбудил. Не много, конечно, но бывало и хуже.

От исправника Глебовского придинок мы тоже не видели.

Однажды я явился к нему с просьбою отпустить почти всю

нашу колонию на прогулку за город с ночевкой в близлежащей деревне. Вообще в обычных прогулках за город нас не стесняли, но тут шло дело о прогулке с ночевкой в деревне, и притом почти в полном составе. На этот раз Глебовский категорически отказал.

– Нет, этого разрешить никак не могу, – говорил он.

А потом, наклонившись к самому моему уху, прибавил шепотом:

– Вы поезжайте, но... только я не разрешал.

И мы поехали, и ничего из этого не последовало.

Нас не обязывали являться в определенные сроки в полицию для регистрации, как это делалось во многих других ссыльных местах, всегда вызывая очень болезненные конфликты. Никто не мешал нам селиться там, где мы хотели (конечно, в пределах города), и притом отдельно или целыми группами; все зависело от наличности свободных квартир в городе. Никто не мешал столоваться самостоятельно или сообща с другими.

Переписка наша не была под официальным контролем и не подвергалась даже тайному вскрытию: мы часто прибегали на почту тотчас после прихода почты (она приходила два раза в неделю с юга, причем с юга шла московская и петербургская, и два раза в неделю с севера, то есть из Архангельска) и получали письма немедленно по ее распаковке; у властей не было физической возможности вскрытия наших писем так, чтобы мы этого не знали. Если письма к нам и от нас вскрывались, то разве только в месте отправления первых и в месте назначения последних; но никаких признаков такого вскрытия никто из нас никогда не заметил. И совершенно естественно, что мы не стесняли себя в нашей переписке и никогда не видели дурных последствий от этого.

Мы могли сколько угодно посещать друг друга и горожан, и у нас нередко происходили довольно многолюдные собрания (своих товарищей, но с прибавлением нескольких горожан), и

на этих собраниях шла совершенно свободная беседа, пели и играли на гитаре (к сожалению, также – и очень усиленно – в карты), иногда читались рефераты. Конечно, это не были «публичные лекции» или «публичные сценические представления» в смысле закона, ибо доступ на них был только по особому приглашению и о входной плате не было и речи, но при неограниченной власти администрации раздуть их в таковые было бы вполне возможно. А однажды мы (говорю «мы», хотя лично я как раз в этом не принял участия, но только вследствие признания своей неспособности и отсутствия охоты) устроили даже домашний спектакль. Кто-то из горожан, местный сравнительно богатый лавочник, дал свою квартиру, ссыльные выбрали пьесу, распределили роли, устроили занавес и разыграли ее, – конечно, без декораций.

Пьеса была «Бабье дело», не помню, чья она²⁸⁴ и откуда мы ее выкопали. Содержание таково: муж, занятый на службе, все время говорит о своих трудах, а когда жена, занятая хозяйством, позволяет себе устать, то презрительно фыркает: устала? от чего устала? какое твое дело? бабье дело! Жена настаивает на том, что ее бабье дело несколько не легче мужского. Муж соглашается на опытную проверку их спора. Жена находит себе службу и прекрасно с ней справляется, а муж берет «Подарок молодым хозяйкам»²⁸⁵ и начинает по нему хозяйничать; разумеется, он на каждом шагу попадает впросак, и жена в конце концов торжествует.

На спектакль был приглашен весь город; не было только жандармского офицера, который находился в отпуску и в Шен-

284 См.: Канаев А. Н. Бабье дело: шутка в 2-х д. М., 1882.

285 Имеется в виду поваренная книга Е. И. Молоховец «Подарок молодым хозяйкам, или Средства к уменьшению расходов в домашнем хозяйстве» (Курск, 1861), выдержавшая до революции 29 изданий.

курс не вернулся, и не было исправника, несмотря на приглашение. Но другие чиновники присутствовали с женами; присутствовало также купечество. Духовенство было приглашено, но, конечно, не явилось. Пьеса была разыграна для любителей весьма недурно: особенно хорош был Гильгенберг в роли попадающего впросак мужа. Пьеса – вполне по уровню понимания местного общества, и публика весело смеялась, а дамы были прямо в восторге. Мужчины были несколько недовольны, что мы подуськиваем их жен к домашнему бунту. Полиция никакой придирки не сделала. На беду, через месяц или полтора в Шенкурск явился новоназначенный жандарм, который, конечно, услышал о спектакле и сейчас же сделал донос в Архангельск; оттуда прислали запрос исправнику. Не заинтересованный в раздувании дела, исправник представил его так, как оно и было, то есть что спектакль не был публичным, что публика присутствовала только особо приглашенная, – и дело кончилось ничем.

Бывали и еще более яркие случаи попустительства. Педагогическая деятельность ссыльным прямо запрещена, безразлично, платная ли она или бесплатная, и вообще очень строго преследуется. И вот однажды, в темный осенний вечер, ко мне пришел местный дьякон и сообщил, что у него сын, мальчик лет 13, ученик местного духовного училища, по всем предметам идет ничего себе, но вот по арифметике постоянно получает единицы; из-за арифметики сидит второй год в одном классе и очень боится, что его выключат. Так не позанимаюсь ли я с ним?

Дьякон, конечно, знал о моем положении и недаром выбирал темный вечер. И даже счел нужным прибавить просьбу:

– Только вы, пожалуйста, никому не говорите об этом, а то дойдет до училища, будут неприятности.

Конечно, и для меня могли быть неприятности, – об этом он, разумеется, не думал. Я охотно согласился, и никаких неприятностей ни для мальчика, ни для меня не вышло; правда,

занятия продолжались недолго, всего с месяц (хотя каждый день)^{286 287}, и мальчик всегда приходил вечером. По-видимому,

286 Уроки продолжались недолго, потому что я сам отказался от них, а сделал это потому, что мальчик оказался совершенно невероятным тупицей. Ему задавали на дом задачи, как четыре брата делят наследство в 23 592 р., да так, чтобы первому и второму брату вместе досталось столько, сколько одному третьему, а второму и третьему вместе – в два раза больше, чем четвертому, и т. д. А он только после продолжительных выкладок на бумаге мог ответить, и то часто ошибочно, сколько стоит 5 фунтов хлеба по 3 копейки фунт, и никак не мог понять разницы между «на сколько-нибудь больше» или «во сколько-нибудь раз больше». Задачи, задаваемые ему в классе, были совершенно так же ему недоступны, как дифференциальное исчисление, и объяснить ему их так, чтобы он понял и усвоил, не было никакой возможности почти. Я просто решал их ему, а затем объяснял четыре действия над числами до 20. Бился, бился и устал, отказался. Однажды я его спросил:

– Скажи, отчего ты такой простой вещи сообразить не можешь? Ведь другие мальчики куда меньше тебя, а понимают.

– А тятка меня – усе по голове, усе по голове. Чуть не по нем, сейчас – по голове.

Я уже хотел отказаться от уроков, но этот ответ привел меня в ужас, и я взял себя в руки. В конце концов, однако, я не выдержал, призвал его отца и заявил об отказе. Отец вообразил, что мне нужна плата, но я сказал, что я не могу заниматься ни за какую плату, так как не вижу никакой пользы от моих уроков.

– Нет, он теперь хорошие отметки приносит.

(Значит, ему ставили отметки за решенную мною задачу, не проверяя, сам ли он решил! Он, несомненно, не мог бы объяснить ни одного действия.)

– Скажите мне, почему он у вас такой неспособный? – спросил я. – Не бьете ли вы его? Может быть, случается бить по голове, – вы знаете, это ведь очень вредно. Всего хуже по голове.

– Нет, что вы, как можно. Никогда пальцем не трогаю. Зару-

факт этих уроков остался властям неизвестным, но только благодаря отсутствию строгого надзора, – при таком надзоре это было бы невозможно.

Но вот случай, который вряд ли мог остаться неизвестным властям.

Однажды один мальчик, знавший, что у меня имеется небольшая библиотечка, обратился ко мне с просьбой: а нет ли у вас занятой книжки почитать? Таковая нашлась, и я ему дал. Через несколько дней он вернул ее и просил дать другую, а сверх того привел приятеля, просившего о том же. Подходящих книг в достаточном количестве у меня, конечно, не было, но я выписал их себе из Петербурга и обзавелся таким образом специально подобранной для такого рода читателей библиотечкой, в которую входили народные рассказы Толстого²⁸⁸, сказки Пушкина, некоторые произведения Гоголя, «Конек-Горбунок» Ершова, популярные книжки по истории и естествознанию и другие, причем подбор был произведен известной деятельницей по народному просвещению А. М. Калмыковой (умерла около 1925 г.²⁸⁹) и, следовательно, не без некоторой тенденции.

Круг моих читателей тотчас же расширился и достиг полутора или двух десятков; по большей части это были ученики городской школы и местного четырехклассного духовного училища; девочек не было ни одной. Этот круг расширился бы, вероятно, еще значительно, если бы я менял книги без всяких

гаться, правда, на него случается, а бить, что вы, как можно!

287 В рукописи далее зачеркнуто: «Жалко мне было и отца, и сына, но ничего поделаться я не мог».

288 Имеются в виду «Народные рассказы» Л. Н. Толстого («Чем люди живы?», «Два брата и золото», «Три старца», «Свечка» и др.), написанные в 1881–1886 гг.

289 Неточность: А. М. Калмыкова скончалась 1 апреля 1926 г.

разговоров; но я всегда спрашивал, понравилась ли книжка и, не довольствуясь простым утвердительным ответом, обыкновенно производил легкий экзамен. Я не отказывал в новой книжке даже и в тех случаях, когда мой читатель на таком экзамене не мог связать осмысленно двух фраз²⁹⁰. Тем не менее этот экзамен многим не нравился и заставлял их прекратить хождение ко мне. Как бы то ни было, у меня постоянно бывали мальчишки из нижнего слоя местного населения, и я с ними вел беседы о Царе Салтане, Мертвой Царевне, об Аленьком Цветке, о том, как Бог правду видит, да не скоро скажет²⁹¹, о Петре Великом или о затмениях и землетрясениях. Беседы были самые невинные; незаконного я ничего не делал, ибо моя библиотечка не могла назваться публичной или общественной и запретных книг в ней не было, но тем не менее самый факт таких бесед несомненно противоречил если не букве, то духу, которым проникнуто положение о полицейском надзоре. И тем не менее эти беседы благополучно продолжались до моего отъезда из Шенкурска, даже после смены у нас начальства.

Любопытнее всего, что инициатором обращений ко мне за книгами был сын одного из жандармских нижних чинов, очень смысленный и живой мальчик. У этого жандарма был собственный двухэтажный дом; в нижнем жил он сам, а верхний²⁹² сдавал мне. Несомненно, этот жандарм по обязанностям службы должен был наблюдать за мною, и он не мог не знать о совершающихся ко мне хождениях, инициатива которых к тому же принадлежала его сыну. Доходило ли это до более высокого начальства? Наверное не знаю. Во всяком случае,

290 Зачеркнуто: «кроме шаблонного: “Да, понравилось”».

291 Имеется в виду рассказ Л. Н. Толстого «Бог правду видит, да не скоро скажет», впервые напечатанный в журнале «Беседа» (1872. № 3).

292 Зачеркнуто: «состоявший из трех комнат и кухни, сдавал мне с женой за 6 рублей в месяц».

я не получил за это никакой неприятности, и, насколько мне известно, никто из моих читателей тоже.

Иногда ко мне приходили местные шенкурские обыватели или крестьяне из недалних деревень за юридическими советами, и я давал их и писал им прошения. Это бывало не часто, но бывало. И тоже ни разу не вызвало неприятности. Крестьяне за эти прошения всегда предлагали какую-нибудь вещную мзду, – я, конечно, всегда отказывался. Чаше, чем крестьяне и местные обыватели, за такого рода советами и прошениями обращались местные уголовные ссыльные. Это все были люди совершенно не интеллигентные или полуинтеллигентные; единственное исключение составлял Виноградский, о котором я уже упоминал. Уголовные ссыльные беспрестанно совершали всякие дебоши и вообще были элементом крайне вредным. Но при этом это были люди чрезвычайно щепетильные в том, что касается их чести. Покажет один из них своему товарищу кукиш с соответственным словесным прибавлением, обругает его «подлецом» или «мерзавцем» или даст пощечину, – и сейчас готова жалоба в суд за оскорбление действием, словом или символом. Такими делами был завален местный суд, особенно с 1889 г., когда на Архангельскую губернию было распространено действие судебных уставов с некоторыми особенностями (без присяжных и др.), и в Шенкурске взамен прежнего дореформенного уездного суда, вершившего дела на основании письменных материалов и непублично, появились мировой судья и устное и публичное разбирательство дела. И эти уголовные ссыльные нередко обращались ко мне за юридическими советами. Не очень редки были случаи, что только я отпущу обиженного, как ко мне заявляется обидчик, или наоборот.

И эта моя деятельность не встречала никаких препятствий со стороны начальства.

Как я уже сказал, наша идиллия объяснялась, по крайней мере отчасти, личными свойствами жандарма Шафаловича и исправника Глебовского. В начале 1889 г. Шафалович был за-

менен Сомовым, который все время выискивал, как бы нагадить ссыльным, и, в противоположность очень вежливому Шафаловичу, отличался большой грубостью обращения. У нас было с ним несколько второстепенных по значению конфликтов, но, к счастью, из Архангельска он не получал поощрения; в конце концов он обломался, и трагического ничего не произошло.

Неприятен был такой эпизод. На одной свадьбе, произошедшей в нашей среде, шафером был молодой студент-медик, не ссыльный, но местный уроженец, сын лавочницы, на каникулах гостивший у матери. И вот по требованию Сомова его призвал к себе местный воинский начальник и в качестве его начальства (наш медик, студент Военно-медицинской академии, был ему подчинен) сделал строжайший разнос с угрозой всякими карами за близость с нами. Студент не сумел отстоять себя, испугался и отошел от нас.

Глебовский умер поздней осенью 1889 г. Месяца через два, около Нового года, на его место явился новый исправник – Соломко. Он вызвал нас всех в полицейское управление и обратился к нам с грозной речью:

– Здесь до меня была распушенность! Вы ходили по городу, вы шлялись за город. Я этого не позволяю! Вы – под надзором в городе, и за город – ни ногой! Чтобы не сметь!

Прокричав это, не слушая того, что мы начали ему возражать, он, как бомба, выскочил в другую комнату.

– Ну, господа, сейчас все за город! – прокричал один из нас так, что это слышали все полицейские, находившиеся в комнате, а вероятно, слышал в другой комнате и Соломко. Во всяком случае, он это узнал.

И мы двинулись толпой. Партий, вражды между нами больше не было, двинулись все. Однако протест удался не вполне. Была страшная вьюга, мороз – градусов в 20, и я первый заявил, что готов протестовать против исправника, но не против вьюги; меня начали стыдить, взывая к моим цивиличе-

ским²⁹³ чувствам, но ко мне сразу присоединилась женская половина колонии (хотя вообще к протестам она была склонна более мужской), и минут через двадцать прогулки мы повернули назад. Все-таки мы были за городской чертой и ждали последствий. Но их не было.

В следующие месяцы мы вели себя по-прежнему. Продолжались хождения ко мне мальчиков за книгами, мы продолжали прогуливаться за городом. Последствий не было. Прошло два месяца.

На Масленицу большая часть ссыльной колонии наняла две тройки и поехала кататься за город; не приняли участие те, кто был в ссоре с основным зерном колонии; не принял участие и я, потому что получил уже разрешение выехать через месяц в Петербург для сдачи экзаменов и усиленно занимался. Жена моя поехала²⁹⁴. Зато присоединился к колонии ссыльный духобор²⁹⁵, известный Веригин, который вообще не считал себя политическим и держался довольно далеко от нас.

Так как за два месяца мы никаких особенных мероприятий со стороны исправника не видели, то уже не думали о его угрозе и не смотрели на поездку как на демонстрацию. Это была прогулка, и только. Проездивши часов 5 или 6, покатавшись на салазках с горы, наши, разрумяненные, спокойные и очень довольные, вернулись по домам.

Недели через две всем отлучавшимся – повестка с вызовом к следователю. Там допрос – зачем ездили, куда ездили и прочее. Но все это следователь прекрасно знал и без допроса.

293 гражданским (*устар.*, от *лат. civis* – гражданин).

294 Имеется в виду будущая жена В. В. Водовозова Вера Петровна Шейдакова.

295 Духоборы (духоборцы) – одна из групп «духовных христиан», приверженцы которой, считая, что Бог – в душе человека, отвергали всякую обрядность.

Через несколько месяцев – разбирательство у мирового судьи за «самовольное оставление места, назначенного для жительства по распоряжению власти»²⁹⁶. Таких дел в практике мировых судов различных городов со ссыльными бывало много, но, насколько я знаю, только в случае отлучки с ночевкой; ввиду несомненности формальной вины мировые судьи обыкновенно признавали факт правонарушения и приговаривали, по 63-й статье Мирового устава²⁹⁷, к 1 рублю или к 3 рублям штрафа.

296 В протоколе, составленном 12 февраля 1890 г. полицейским надзирателем Шенкурска Ф. А. Черноруцким, указывалось, что политические ссыльные Вера Шейдакова, Матвей Винокуров, Иван Гильгенберг, Людмила Ермилина, Николай Горев, Казимир Варпеховский, Александр Машицкий, Виктор Курнатовский, Франц Баньковский, Анна Захарова (будущая жена Машицкого), Аделаида Пумпянская и Клеопатра Чеботарева (по мужу Гриневицкая) самовольно отбыли на лошадях в 2 часа пополудни 11 февраля за 12 верст от города в Шелашское общество Усть-Паденской волости, откуда вернулись около 8 часов вечера. Акт дознания о самовольной отлучке был передан на распоряжение мировому судье 1-го участка по Шенкурскому уезду Ф. Ф. Юкову, но к судебному заседанию 3 мая выяснилось, что Варпеховского и Гриневицкой уже нет в живых, а Винокуров и Ермилина выбыли из Шенкурска, из-за чего, для выяснения места их нахождения, разбирательство отложили. Тем не менее 14 мая мировой судья приговорил Ф. И. Баньковского, Н. И. Горева, И. И. Гильгенберга и В. П. Шейдакову к аресту сроком на 3 недели каждого (ее, как лицо «привилегированного сословия», дочь купца, – при тюрьме, остальных – при полиции), а В. К. Курнатовского, А. А. Машицкого, А. М. Пумпянскую и А. С. Захарову – по совокупности с другим их приговором, от 5 мая, по такому же проступку, – сроком на 1 месяц каждого (первых двух, как дворян, – при тюрьме, остальных – при полиции) (см.: ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 118. Л. 1, 9–13).

297 Имеется в виду Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (четвертая часть Судебного устава, принятого 20 нояб-

Но в Архангельской губернии только что (в 1889 г.) введенные мировые судьи были особенные: по назначению, без права несменяемости, без мировых съездов, с апелляцией в Архангельскую палату уголовного и гражданского суда и без права кассации.

При разбирательстве наши подсудимые защищались и произносили более или менее пылкие речи. Хотя меня и не было в это время в Шенкурске, но проект некоторых речей был написан мною, и защита в общем держалась в выработанных мною рамках. То есть подсудимые доказывали, что 6-часовая прогулка не может быть квалифицирована как «самовольное оставление места жительства», для которого необходимо нарушение паспортного устава (самая статья 63 находится в главе о нарушении паспортного устава). Само собою разумеется, что эта аргументация не произвела впечатления на судью (несмотря на точные ссылки на кассационные решения Сената), и подсудимые были признаны виновными; зная судью, этого мы и ожидали, но приговора к трем неделям ареста не ожидал решительно никто.

Дело большинством подсудимых было перенесено в архангельскую палату, но некоторые, считая апелляцию практически бесполезной, а вместе с тем опасаясь, что они окажутся в состоянии подсудности по окончании срока ссылки на воле, этого не сделали. В апелляционной жалобе, написанной мною, мы стояли исключительно на принципиальной почве, настаивая на своем различии прогулки и отлучки, и не прибавили

ры 1864 г.). Статья 63 главы 5 «О нарушениях Устава о паспортах» гласила: «За самовольное оставление места, назначенного для жительства по законному распоряжению надлежащей судебной или правительственной власти, а равно за самовольное возвращение в места, из коих виновные высланы, они подвергаются аресту не свыше трех месяцев или денежному взысканию не свыше трехсот рублей».

второй части, в которой следовало сказать, что если даже признать инкриминируемое деяние за противозаконную отлучку, то все-таки трехнедельный арест является карой, совершенно не соответствующей обстоятельствам дела. Я указывал на желательность такой прибавки, но ни один из подсудимых со мной не согласился. Палата воспользовалась этим и, отвергнув наши соображения в принципе, прибавила: ввиду отсутствия в апелляционном отзыве указания на меру наказания, палата оставила его без рассмотрения. Приговор, таким образом, был утвержден²⁹⁸. К сожалению, в палате наших интересов не представлял никто, и она решила дело исключительно на основании письменного отзыва.

Приговор, явно несправедливый, вступил в силу. Сенат его, наверное, отменил бы как явно несправедливый и даже не соответствующий установившейся практике, но, как я уже сказал, на архангельский суд кассация не допускалась. Быстротой наша архангельская юстиция не блистала, и если лица, не подававшие апелляции, отбывали наказание еще в Шенкурске через несколько месяцев после преступления, то лица, ее по-

298 Хотя ссыльные подали апелляционную жалобу, доказывая, что имели право без предварительного разрешения совершать прогулки за черту города, которые не воспрещаются ни Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, ни Положением о полицейском надзоре, ни взятыми от них подписками, 7 сентября 1890 г. Архангельская палата уголовного и гражданского суда утвердила вынесенный приговор. Посчитав, что «самовольные отлучки, хотя непродолжительные и неотдаленные, но вне того города, где поименованные лица обязаны были находиться налицо под полицейским присмотром, равносильны, по смыслу Положения о надзоре, отлучкам, караемым по 63 ст. Устава о наказаниях», палата оставила жалобу осужденных без последствий (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2003), и их дальнейшие попытки оспорить приговор в вышестоящих судебных инстанциях оказались бесплодны.

дававшие, отсидели свои три недели более чем через два года. Моя жена сидела, уже будучи на свободе, в Петербурге, в январе 1893 г., а преступление совершено было в феврале 1890 г.! Об этом деле я в свое время напечатал небольшую статью в «Юридическом вестнике» (за 1892 г.)²⁹⁹, выходившем тогда под редакцией С. А. Муромцева, а за ней там же – большую статью о дореформенной юстиции³⁰⁰ вообще³⁰¹.

Одним из наиболее тяжелых условий шенкурской жизни было положение медицинской помощи. В этом отношении Шенкурск был очень обездолен. В соседнем Вельском уезде Вологодской (земской³⁰²) губернии было целых три врача: земский, военный и судебный, и первый из них, Леонтьевский, был исключительно талантливым врачом и очень хорошим человеком; он знал и зубоврачебное дело и недурно рвал и даже пломбировал зубы. В Шенкурском уезде на гораздо более значительную территорию и на население в 80 000 человек приходился всего один казенный врач, который соединял в своем лице и городского, и уездного, и судебно-полицейского врача. Хотя во время набора из Архангельска присылался другой врач, но наш шенкурский должен был вместе с ним свидетельствовать рекрутов и в эти дни не мог ходить к больным. Когда где-нибудь в другом конце уезда обнаруживалось мерт-

299 См.: Водовозов В. Дело о самовольной отлучке // Юридический вестник. 1892. Т. 10. Кн. 2. С. 262–268.

300 Водовозов В. Дореформенная юстиция: Из недавнего прошлого юстиции в Архангельской губернии // Там же. 1892. Т. 11. Кн. 1/2. С. 65–99.

301 Зачеркнуто: «начатую мною еще в Шенкурске, но законченную в Петербурге».

302 В рамках земской реформы 1864 г. в 34 губерниях империи, в том числе Вологодской в 1870 г., были введены выборные распорядительные и исполнительные органы местного всесословного самоуправления (земские собрания, земские управы).

вое тело, он должен был мчаться туда за 100, 140 верст, иногда по непроходимым дорогам, на вскрытие, оставляя больных без помощи. Больница была, но очень жалкая; при ней – один вечно пьяный фельдшер. К тому же порядочные врачи шли в Шенкурск крайне неохотно. Когда я прибыл в Шенкурск, врачом там был старик лет за семьдесят, про которого говорили, и, кажется, с полным основанием, что по окончании медицинского курса лет пятьдесят тому назад он не прочел ни одной медицинской книги, ни одного медицинского журнала, а с другими врачами видался только во время военного набора и потом, в те же дни, вечером за карточным столом. Во всяком случае, о его медицинских познаниях рассказывали страшные вещи. К счастью, он месяца через два вышел в отставку.

К счастью, говорю я; однако после него месяца три-четыре, если не больше, Шенкурск оставался вовсе без врача. Потом прибыл некто Бурцев, врач недурной, но месяцев через девять он перевелся куда-то в другое место. Опять месяца два Шенкурск оставался без врача (кстати: что делали в такие междударствия мертвые тела, нуждавшиеся во вскрытии? – не знаю). В конце 1889 г. к нам прибыл молодой, только что окончивший курс врач Кашкадамов и засел у нас прочно, на многие годы. Он сразу окунулся в тину провинциальной жизни. Вечера и ночи проводил за карточным столом, преимущественно у жандарма и исправника, ездил на вскрытия, куда его тащила полиция, ходил к больным более состоятельным, где рассчитывал получить гонорар, и вовсе не ходил или ходил крайне неохотно туда, где на гонорар рассчитывать было нельзя, хотя в качестве казенного врача обязан был всех лечить бесплатно. От лечения зубов категорически отказывался и даже рвал их очень неохотно; обязанность зубного врача исполняла в Шенкурске одна женщина, уголовная ссыльная, у которой были щипцы и которая уверяла, что кончила где-то курс зубоврачебного искусства; рвала зубы она сносно, – я это испытал на себе, хотя усиленно говорили, что иногда рвала по

ошибке здоровые зубы вместо больных, – но лечить их не могла.

Как врач Кашкадамов был лучше первого врача хотя бы в том отношении, что выписывал газету «Врач» (лучшую в то время медицинскую газету, выходившую в Петербурге еженедельно под редакцией известного проф. Манассеина), имел несколько медицинских книг и, по-видимому, в них иногда заглядывал. Но медицинских знаний у него все же было мало, и он делал грубейшие ошибки. Все общество, ссыльное и не ссыльное, кроме исправника и жандарма, его постоянных партнеров за картами и его больших друзей (это были уже новые исправник и жандарм, Соломко и Сомов), относились к нему очень отрицательно³⁰³. В 1891 г., в последний период моего шенкурского пребывания, я начал собирать о нем материалы и собрал довольно большое количество фактов, которые и изложил в длинной и обстоятельной корреспонденции. Направил я ее в газету «Врач» и просил напечатать с моей подписью. Корреспонденция заинтересовала Манассеина, но вместе с тем и немного пугала. Он, как я потом узнал, наводил в Петербурге справки о моей личности, желая выяснить, заслуживаю ли я доверия, и, получив благоприятные обо мне сведения и довольно значительно сократив и смягчив корреспонденцию³⁰⁴,

303 И. И. Гильгенберг в письме В. В. Водовозову называет врача «Кошкодраловым» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2120. Л. 1).

304 Ссылаясь на свою корреспонденцию «Из Шенкурска (Архангельской губ.)», напечатанную без подписи автора в 1891 г. в «Неделе» (№ 26), в которой указывалось, что весь уезд обслуживает лишь одна больница на 24 места, за содержание в которой взимается 9 рублей в месяц, каковым считают даже несколько дней, проведенных в ней, В. В. Водовозов негодовал, что местный врач В. П. Кашкадамов «не только не принимает на дому больных из простого народа, но даже в больнице принимает их крайне неохотно, почти никогда не производит

напечатал ее, снабдив примечанием, что все сообщенные в корреспонденции сведения оставляет на моей ответственности. Несмотря на смягчения, корреспонденция все же вышла очень сердитой. К сожалению, она появилась в свет уже после того, как я окончательно уехал из Шенкурска³⁰⁵.

Я просил Манассеина напечатать мне 100 оттисков моей корреспонденции, и Манассеин это исполнил; напечатаны они были в форме листка небольшого формата в 4 страницы³⁰⁶. Оттиски я разослал в открытых бандеролях в Шенкурск на имя ссыльных, чиновников, купцов и других лиц и получил несколько писем в ответ. Из них я узнал, что Кашкадамов, получив номер «Врача», никому его не показал и о появлении моей корреспонденции никто до получения оттисков ничего не знал. Оттиски были получены в день, когда большая часть местного чиновничества собралась на загородный пикник. На прогулке был и Кашкадамов, – и был своего рода героем тор-

освидетельствования, а обыкновенно довольствуется только несколькими вопросами и на основании ответов на них прописывает лекарства; даже обходы больных, лежащих в больнице, он делает крайне редко...» Приводились конкретные примеры «халатного отношения» к пациентам, но редакция газеты убрала из публикации упоминание о «грубейших ошибках» врача, который «смешал брюшной тиф с воспалением мозга, не сумел распознать причины болезни человека, отравившегося фосфорными спичками, лечил ушиб лавровишневыми каплями, ошибался в распознавании сифилиса», а также «отказывается от всех мало-мальски серьезных хирургических операций» (Водовозов. Письмо в редакцию из Шенкурска (Архангельской губернии) // Врач. 1891. № 52).

305 В рукописи далее зачеркнуто: «и я не видел того впечатления, которое она произвела, но имею о нем некоторые сведения».

306 См.: Письмо в редакцию из Шенкурска (Архангельской губернии). Из «Врача» № 52-го. Дозволено цензурою. С.-Петербург, 17 января 1892 г. Типогр. Я. Трея. С. 1–3.

жества; главной темой всех разговоров была корреспонденция. Кашкадамов страшно злился и говорил, что он уже написал возражение мне, и возражение такое, что мне не поздоровится.

Его возражение действительно появилось во «Враче». Начиналось оно удивлением. Он, Кашкадамов, удивлялся, как могла редакция серьезного медицинского журнала поместить статью политического ссыльного, тогда как она должна бы знать, что политические ссыльные – это люди, готовые на все, чтобы только очернить администрацию. К этим словам, не к ответу в целом, а именно к этим словам, редакция сделала примечание в таком роде: помещаем ответ г. Кашкадамова, следуя принципу *audiatur et altera pars*³⁰⁷, хотя думаем, что для чести автора лучше было бы некоторых мест его ответа не помещать; к тому же мы думаем, что врач должен уметь возбуждать к себе не злобу, а любовь.

Это примечание давало мне редкое торжество, да, впрочем, и весь ответ Кашкадамова тоже. Хотя у меня нет под руками ни моей корреспонденции, ни ответа Кашкадамова и достать их в Праге, где я пишу свои воспоминания, мне негде, но я безусловно ручаюсь за совершенную точность передачи текста этого примечания, – слишком оно мне понравилось, да и впоследствии мне не раз случалось перечитывать его³⁰⁸.

307 следует выслушать и другую сторону (лат.).

308 В примечании редакции говорилось: «Ради возможно широкого применения правила “*audiatur et altera pars*” мы печатаем письмо г. Кашкадамова без малейших изменений, как он сам того желает, хотя в его собственных интересах было бы лучше не печатать некоторых мест этого письма. В частности, все рассуждения о политических ссыльных никакого отношения к фактам, приводимым г. Водовозовым, не имеют; это во-первых, а во-вторых, прежде чем напечатать письмо г. Водовозова, мы из удостоверений лиц, лично нам известных и за-

На указание, что он ходит только к богатым больным, Кашкадамов возражал, что богатых людей в Шенкурске нет; есть только чиновники, получающие жалованье, и мелочные лавочники, которые богатыми считаться не могут. На сообщение, что однажды одного заболевшего сифилисом он выписал из больницы через две недели как «радикально излеченного», он, признавая факт, возражал, что в литературе есть указания на такое быстрое излечение сифилиса (врачи, с которыми мне приходилось говорить об этом, смеялись над этим как над непроходимой глупостью), и т. д. Вообще, когда я показывал его ответ знакомым врачам, то они в один голос говорили, что лучшего подтверждения корреспонденции нельзя было бы и пожелать.

служивающих безусловного доверия, убедились, что г. Водовозов не только сведущий и почтенный юрист, но и человек, не способный сознательно исказить истину». Упомянув о «рассуждениях» В. П. Кашкадамова, редакция имела в виду следующую его сентенцию: «Надо жить в ссыльном городе, чтобы знать, что это за люди и как они стараются очернять имя лиц, составляющих местную администрацию. Ввиду этого я, как находящийся на службе в ссыльном городе и знакомый с образом их жизни и с их умственным развитием, не считаю нужным отвечать лично г. Водовозову, а предназначаю свое возражение для товарищей врачей, прочитавших эту корреспонденцию и, пожалуй, поверивших ей». Считая, что обвинения его в «халатном отношении» к больным «голословны» и «даже нелепы», ибо «юристу, незнакомому с медициной, весьма многое может казаться странным», Кашкадамов повторял, что «ссылные под влиянием ненависти, питаемой ими к местным служащим, считают своею обязанностью выразить ее в чем бы то ни было». Но в примечании редакции указывалось: «Нам кажется, что врач, как естественный представитель человеколюбия, всегда и всюду может и должен вселять к себе не ненависть, а любовь» (*Кашкадамов, Шенкурский уездный врач. Письмо в редакцию. 16 января 1892 г. // Врач. 1892. № 7. С. 167–169*).

И, однако, через много лет после этого Кашкадамов оказался в Петербурге, в печати появлялись кое-какие его работы, между прочим – о чуме³⁰⁹, которую он где-то наблюдал, и в печати же я встречал его имя как врача не без заслуг. Люди, очевидно, меняются. Тем не менее я своей тогдашней корреспонденции ошибкой признать не могу.

309 См. брошюры и оттиски статей В. П. Кашкадамова: Чума в Индии за 1896–1898 гг. СПб., 1898; Отчет о командировке в Индию с 20 февраля 1899 года по 17 июля 1900 года. СПб., 1901. (Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины); О чуме согласно новейшим данным. СПб., 1901; Краткий очерк индусской медицины. СПб., 1902. (Больничная газета Боткина); Предупреждение и лечение чумы. СПб., 1902. (Русский врач. № 3); О чуме и мерах личного предохранения от нее. СПб., 1911, и др.

Глава IV. Ссылка (продолжение). Состав политической ссылки в Шенкурске. – Внутренняя жизнь ссыльной колонии. – Знакомства с горожанами

Когда я прибыл в Шенкурск, я застал там одну ссыльную женщину, бывшую замужем тоже за шенкурским ссыльным, и семь ссыльных мужчин, из которых четверо были с добровольно последовавшими за ними в ссылку женами, а один (Никонов) – на придачу еще с грудным ребенком. Все они, за исключением Никонова, приходили в ссылку, изведав ужасы этапного пути, – ужас гораздо худший, чем сама ссылка. Никонов, а затем я были в Шенкурске первыми, которым было разрешено ехать в ссылку на собственный счет, а за нами этапные чередовались с едущими на собственный счет. С Шейдаковой и мной число ссыльных возросло до 10, а всех взрослых в колонии – до 14. Некоторые прибыли в ссылку месяца за 3–4 до меня, самые давние старожилы насчитывали 2½–3 года, и они были пионерами, некоторое время остававшимися в Шенкурске в одиночестве.

Напротив, раньше, в 70-е годы, Шенкурск был переполнен политическими, – одно время их насчитывалось чуть ли не до полусотни, если не больше. Из лиц, более или менее известных в литературе, в том числе были Н. М. Ядринцев, Шашков, П. Ефименко и другие. Постепенно, с конца 70-х годов, ссыльные вследствие окончания срока или амнистии начали разъезжаться, а новых не присылали, – не потому, конечно, чтобы в России были прекращены политические гонения, а потому, что ссыльных начали направлять в другие места, в том числе и в другие города Архангельской губернии. В течение 3–4 лет Шенкурск как ссыльный центр пустовал. Затем, начиная с 1885 г., он вновь наполняется и число ссыльных начинает быстро расти.

За мной, всего недели через 3–4, прибыл по этапу Гильгенберг (о котором я уже упоминал как о своем соседе по тюремной камере), за ним другие. Однако рядом с приливом но-

вых был и отлив старых. Еще до моего прибытия в Шенкурск из него уехал Панкратов, один из старожилов нашей ссылки (с 1885 г.), подав на высочайшее имя прошение о помиловании. Через несколько месяцев после моего прибытия Никонов по хлопотам родных (его отец – адмирал или вице-адмирал³¹⁰) был переведен куда-то на юг; за ним другие кончали срок ссылки, умирали или переводились в другие места. Сперва прилив превышал отлив, и в 1890 г. общая численность нашей колонии, считая с «добровольными» женами, достигала 20 или 21, но с 1890 г. баланс прилива и отлива стал отрицательным, и к середине 90-х годов (уже после моего отъезда) Шенкурск вновь освободился от ссыльных, чтоб вновь наполниться ими в конце 90-х годов.

В этом чередовании была известная система: Департамент полиции, от которого *de facto* зависело направление ссыльного потока, не хотел, чтоб «политики» создавали колонии с преемственной прочной организацией и с прочными традициями. Мы знали, например, что у прежней ссылки, нашей предшественницы, была недурная общая библиотечка, но она исчезла безвозвратно (ее частью раздали местным обывателям, а частью взяли с собой последние уезжавшие); нам пришлось создавать таковую заново, и при нашем разъезде ее постигла та же участь: ссылка XX века ее от нас не унаследовала. Не менее, если не более важно, что у каждой группы ссыльных завязываются более или менее прочные связи с местными жителями; образуется свой *modus vivendi*³¹¹ с администрацией; группа отвоевывает некоторые вольности, – и каждый новоприбывающий встречает уже готовую ссыльную

310 Вице-адмирал А. И. Никонов, тогда – член Главного военно-морского суда, был назначен его председателем и произведен в адмиралы в 1891 г.

311 способ существования, образ жизни (лат.); имеются в виду условия, обеспечивающие возможность мирного сосуществования противостоящих сторон.

колонию и как бы даром получает готовую систему обычного ссыльного права. Я на себе испытал, насколько готовая ссыльная колония облегчает жизнь каждого новоприбывшего. И вот, с разездом колонии, все это рушится.

По своему социальному составу все ссыльные колонии того времени были по преимуществу интеллигентскими, хотя уровень интеллигентства был не высок. Массовой рабочей ссылки в то время еще не было Подавляющее большинство были студенты и студентки, и только изредка, по исключению, попадал какой-нибудь рабочий, мещанин, мастеровой, мелкий служащий. За все время моего пребывания в Шенкурске на три десятка прошедших через него ссыльных были только четыре человека (два из них с женами), не принадлежавших к интеллигенции.

По партийно-политическому характеру состав ссыльных колоний в Холмогорах и Шенкурске довольно значительно отличался друг от друга. В Холмогорах была публика определенно партийная, группировавшаяся по двум партиям: народо-вольцев и народников. Социал-демократов, как сколько-нибудь организованной силы, тогда еще почти не было³¹². Лично я, познакомившийся во время заграничного путешествия в 1884 г. с Плехановым, Верой Засулич и несколькими другими социал-демократами, в России такового увидел в первый раз только в 1889 г.

Когда я проезжал через Холмогоры, мне был чуть не с первого слова поставлен в укор вопрос: «Какое веруеши?»³¹³, и

312 Далее зачеркнуто: «хотя за границей в эмиграции существовала уже и вела боевую агитацию организация “Освобождение труда”, уже выпустившая в свет первые социал-демократические книжки Плеханова (“Социализм и политическая борьба” и “Наши разногласия”), а в самой России (в Одессе) возникла и уже была разгромлена первая социал-демократическая организация болгарина Благоева».

313 Исповедь начиналась с вопроса: «Какое веруеши?», что соответ-

притом в форме вполне определенной дилеммы: народник я или народоволец (любопытно, что для прокуратуры я был чернопеределцем, а здесь о таковых уже и не вспоминали). Но я не был ни тем, ни другим. Я считал себя радикалом и социалистом, но ни к какой организованной партии не принадлежал, и даже мои убеждения, несмотря на мои занятия историей революционных партий, не выкристаллизовались в той степени, чтобы я чувствовал полную солидарность с какой-нибудь из существовавших партий. В разные моменты моей жизни мое отношение к политическому террору как средству политической борьбы колебалось, но в ссылку я ехал его противником, и это решительно разводило меня с народовольцами.

Зато я издавна очень интересовался политическими вопросами и политическими формами общественной жизни, горячо сочувствовал принципам парламентаризма, очень интересовался вопросами избирательного права, тогда не интересовавшимися почти никого, кроме ученых-государствоведов.

В нашей как легальной, так и нелегальной литературе слова «всеобщее избирательное право» если иногда и употреблялись, то не как ходячий общеупотребительный термин, а как редкое, специально свойственное данному автору выражение наряду с более обычным французским наименованием «suffrage universel»³¹⁴ и иногда с разными терминами собственного изобретения (например, проф. Трачевский, ведший в начале 90-х годов иностранный отдел в газете «Русская жизнь», пытался ввести в обиход выражение «всеобщая голосовка»). Я сам в своем иностранном обозрении, которое вел до своего ареста

ствуует чинопоследованию Таинства покаяния; в «Псалтире с воследованием» в «Изложении вкратце о вере, и вопросах и ответах о богословии» (М., 1874) на вопрос: «Како веруеши?» следует ответ: «Верую во единого Бога Отца, и единого рождающегося от Него Бога Сына, и во единого Духа Святого, от Отца исходяща, Бога».

314 всеобщее избирательное право (фр.).

в «Неделе», обычно употреблял французский термин.

Отрицательное отношение к «политике» у народников решительно отделяло меня от них. В то время я уже прочел оба вышедших тогда тома «Капитала» Маркса³¹⁵, обе книжки Плеханова³¹⁶ и знал о марксизме больше, чем большинство моих товарищей по ссылке в Холмогорах и Шенкурске; в марксизме меня привлекало к себе соединение политической программы с социализмом (то, что особенно полно развито в первой брошюре Плеханова), но философия истории марксизма была не по мне, и народническая закваска, вынесенная мною из дому (полученная главным образом от В. И. Семевского), была слишком сильна, чтобы я мог признать себя марксистом. В ответ на поставленный мне вопрос: «Како веруеши?» я это высказал и своим ответом дал повод к длинному, горячему и обычно бестолковому спору.

В Шенкурске, напротив, в момент моего приезда туда почти все были в том же положении, что и я; настроение было гораздо менее радикальным, и вопроса о символе веры с первого абцуга³¹⁷ не ставили; убеждения друг друга узнавались постепенно, из бесед, хотя и довольно быстро. Многие из ссыльных, которых я застал, были сосланы по прикосновенности к лопатинскому делу. Так, один из нас, *senior*³¹⁸ нашей колонии (ему было уже за 40 лет, тогда как почти все остальные находились в возрасте между 20 и 25 годами), Франц Бонков-

315 Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Процесс производства капитала / Пер. Г. Лопатина и Н. Даниельсона. СПб., 1872; Т. 2. Процесс обращения капитала / Под ред. Ф. Энгельса. Пер. Н. Даниельсона. СПб., 1885.

316 Плеханов Г. Социализм и политическая борьба. Женева. 1883; *Он же*. Наши разногласия. Женева, 1884.

317 От нем. *Abzug* – букв. метание в карточной игре; с первого абцуга (устар.) – с самого начала, сразу же.

318 старший по возрасту (лат.).

ский³¹⁹, поляк, человек без формального образования, по профессии – железнодорожный кондуктор, перевез для лопатинской организации груз с нелегальными книгами и на этом попался. Сделал он это не за плату, а, во-первых, по общему сочувствию к делу революции, а, во-вторых, из личной услужливости к хорошему человеку: Бонковский был человеком в высшей степени общительным, легко заключающим дружеские связи, очень охотно оказывающим, так же и принимающим, услуги от знакомых, полужнакомых и даже незнакомых. Сочувствие его делу революции было очень общее, не вылившееся ни в какие определенно партийные рамки. Ни к какой партии или организации он не принадлежал, и политические убеждения его представляли большую мешанину, в которую входили и социализм, и политический радикализм; польский национализм можно было прощупать у него только с большим трудом, несколько больше – у его жены, хотя ни ей, ни ему он нисколько не мешал сближаться и завязывать самые дружеские связи с русскими.

Напротив, его большой приятель, Гриневицкий, тоже поляк, но уже совершенно лишенный польского национального чувства, бывший студент, являлся единственным (в момент моего приезда) членом шенкурской колонии, имевшим вполне определившиеся убеждения: он был народовольцем. Таким же определенным и решительным народовольцем был его друг Панкратов³²⁰, которого я в Шенкурске уже не застал³²¹. Но я еще застал не вполне утихшие споры о нем. Будучи, как я сказал, народовольцем, по всем вопросам занимая в шенкурской

319 Ф. И. Баньковскому в марте 1888 г. было 39 лет.

320 В рукописи далее зачеркнуто: «фамилию которого я плохо помню: не то Панкратов, не то Панкратьев; во всяком случае, это был не известный впоследствии шлиссельбуржец Панкратов»); правильно: П. Э. Панкратьев.

321 Зачеркнуто: «За несколько месяцев до моего приезда он получил помилование и уехал».

колонии, вместе с Гриневицким, место на крайнем левом фланге, Панкратов внезапно подал на высочайшее имя прошение о помиловании и получил таковое. Большинство товарищей по ссылке возмутилось этим, но Гриневицкий взял его под свою защиту: он, дескать, хотел продолжать активную революционную борьбу; что же ему стесняться обмануть царя, которого, может быть, он убьет?

Когда я вошел в состав шенкурской колонии, то я решительно занял место в рядах противников Панкраторова, настаивая на том, что если Панкратов действительно убьет царя или даже просто вновь провалится на революционной деятельности, то какой богатый материал он даст «Московским ведомостям» и вообще всем реакционерам для обвинений революционеров в нравственной низости! А если даже не попадется, то самая возможность подобных споров в нашей среде о праве делать низости с хорошей целью, конечно, не возвышает уважения к нам в обществе. К тому же за одним человеком, который подаст прошение о помиловании с целью возобновления революционной деятельности, последуют другие, которые уже исключительно по эгоистическим соображениям будут подавать прошения, оправдывая себя примером серьезного революционера Панкраторова. А это само по себе будет понижать нравственный уровень людей, принадлежащих к радикальным кругам.

Лет 10–12 спустя этот эпизод получил свой яркий эпилог. Петербургский адвокат Вржосек публично назвал Панкраторова шпионом; тот притянул его к мировому суду за клевету, но Вржосек представил какие-то доказательства, и мировой судья оправдал его. После этого Панкратов уже открыто служил в охранке, занимал какую-то очень невысокую должность³²², ни

322 Разоблаченный как «агент 1-й степени» (Предостережение // Искра. 1901. № 11. 20 нояб.), П. Э. Панкратьев был определен на службу в Департамент полиции на должность «чиновника для письма» с указанием, что оглашение в «Правительственном

в каком смысле не соответствовавшую гордым мечтам о царевубийстве.

После моего приезда в Шенкурск прибыло много новичков, и некоторые из них внесли большое разнообразие в партийно-политический характер колонии. В их числе был один польский националист, Овсинский. Землевладелец по социальному положению, агроном по образованию, он был чужд каких бы то ни было социалистических стремлений, весь напитан идеологией польского восстания 1863 г. Ненависти к нам, русским, как таковым он, кажется, не питал или, по крайней мере, умел ее скрывать. Напротив, он жил общею нашею жиз-

вестнике» приказа о его назначении, по мнению С. В. Зубатова, «представляется по особым соображениям нежелательным». Сам Панкратьев сообщал: «С мая 1891 г. до определения на службу в Департамент полиции 1 декабря 1902 г. я состоял на службе по вольному найму при С.-Петербургском охранном отделении и в этот период времени, в течение 5 лет 11 месяцев, состоял на государственной службе по другим ведомствам: с 19 октября 1893 г. по 1 апреля 1896 г. в Департаменте герольдии Правительствующего Сената и с 1 апреля 1896 г. по 1 октября 1899 г. в Департаменте железнодорожной отчетности Государственного контроля; остальные же 5 лет 7 месяцев моя служба была только вольнонаемной». Исправляя с января 1906 г. должность старшего помощника делопроизводителя Департамента полиции и ходатайствуя в апреле 1908 г. о зачислении ему в стаж трех лет службы по вольному найму при С.-Петербургском охранном отделении, Панкратьев снова просил не публиковать приказ об этом в «Правительственном вестнике», поясняя: «Такое оглашение моей прежней службы, по обстоятельствам Вашему Превосходительству известным, представляется мне крайне нежелательным и может сопровождаться вредными для меня последствиями...» Заболев туберкулезом осенью 1908 г., старший помощник делопроизводителя надворный советник Панкратьев был исключен из списков чиновников Департамента полиции как умерший с 12 сентября 1911 г. (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 22. 1 д-во. 1902. Д. 824. Л. 12, 34–35).

ню, охотно бывал в нашей среде, а когда среди нас появилась одна хорошенькая барышня из уральских казачек, курсистка Чеботарева, он начал усиленно ухаживать за нею и был, видимо, не прочь жениться на ней, – она, однако, предпочла ему Гриневицкого и вышла за него. Но свои политические убеждения он выдвигал очень определенно, очень решительно: единственная политическая задача, ради которой стоит жить и над которой стоит работать, – это восстановление независимости Польши; все остальное – вздор. И он сплачивал против себя и русских, и наших поляков – Гриневицкого, даже Бонковского, не говоря уже о социал-демократе Варпеховском.

В числе новичков, прибывших через год после меня (в 1889 г.), были и два социал-демократа: упомянутый сейчас поляк Варпеховский и Машицкий. Это были первые социал-демократы, которых я встретил на русской почве. Из них Машицкий, сын полицейского исправника одного из южных городов, был человек малоинтеллигентный (хотя и интеллигент по формальным признакам: он был студентом, кажется, Харьковского университета)³²³, напоминавший скорее всего какого-то сектанта; в марксизм он верил как в Священное Писание, доказывать его истины не умел, тем более что ни в области политической экономии, ни в области истории сколько-нибудь серьезных знаний у него не было, а язык у него был суконный. Варпеховский, напротив, недавно нелегально прибывший из-за границы, где он, по его словам, был хорошо знаком с Плехановым, Аксельродом и другими видными русскими, а также швейцарскими и немецкими социал-демократами, был очень не глуп, обладал некоторыми знаниями, умел аргументировать

323 Отец А. А. Машицкого служил приставом 2-го стана Бендерского уезда Бессарабской губернии с 1889 г. и помощником пристава кишиневской полиции с 1891 г., а сам он недолго учился в Одесском пехотном юнкерском училище, но, арестованный в августе 1887 г. за распространение запрещенной литературы, в октябре был сослан в Архангельскую губернию.

и спорить. Мне знакомство с ним дало очень много. Он читал у нас рефераты по разным вопросам, систематически проводя свою точку зрения, и хотя его рефераты не оставались без возражений, но след в душе слушателей оставляли.

Остановлюсь еще на одной ссыльной, А. М. Пумпянской, единственной из моих товарищей по ссылке, с которой мне приходилось постоянно встречаться и после ссылки в течение более 30 лет, до самого конца моего пребывания в России (до 1922 г.). Как-то так случалось, что, когда я был в Самаре, и она оказывалась там; когда я попал в Киев, и она нашла там на некоторое время работу, а когда в 1904 г. я окончательно водворился в Петербурге, то вскоре (после амнистии 1905 г.) и она поселилась там. Это была сравнительно пожилая особа, – ей было тогда (в 1889 г.) лет 36 или более³²⁴. Прибыла она по этапу вместе с восьмилетним сыном. Еврейка (крещеная) по национальности, антисемитка по чувству, однако настолько честная, что никогда не скрывала своего еврейского происхождения, акушерка-фельдшерица по образованию и профессии, особа на редкость некрасивая, она была человеком очень мало интеллигентным, но глубоко чтущим интеллигентность и страдающим от сознания отсутствия ее у себя, человеком очень честным и трудолюбивым и очень сварливым и в общении тяжелым, особенно в шенкурских условиях. По своему мирозерцанию она была решительной революционеркой и несколько напоминала Машурину из тургеневской «Нови»³²⁵, хотя с сильными отклонениями в сторону.

Я сказал, что по мирозерцанию она была революционеркой. Может быть, правильнее сказать – по чувству, так как

324 Неточность: Э. В. Пумпянская родилась в 1854 г.

325 Фекла Машуринина – персонаж романа И. С. Тургенева «Новь» (1877), «натура скрытная, своевольная – и едва ли добрая, едва ли очень умная – но даровитая»; «вся – огонь, вся – страсть и вся – противоречие: мстительна и добра, великодушна и злопамятна, верила в судьбу и не верила в Бога».

миросозерцания у нее, в сущности, не было. Она была вся напитана ненавистью к царю, к правительству, к полиции; называла себя социалисткой, но привести свою ненависть и свой социализм в систему не умела и по отсутствию образования, и по неумению систематически мыслить. Ни к какой партии она никогда не принадлежала, но готова была оказывать услуги всем, кто боролся с правительством. Когда она прибыла в 1889 г. в Шенкурск, за ней был уже более чем пятнадцатилетний политический стаж, и когда она в Шенкурске отбывала арест по делу о прогулке, то оказалось, что сидела ровно в 25-й тюрьме. В начале своей политической карьеры она была арестована по делу 193-х³²⁶ и провела 3½ или 4 года в предварительном заключении, хотя какого-нибудь конкретного содержания в обвинении против нее не было: принадлежность к партии, к которой она в действительности не принадлежала и которая доказывалась фактом ее знакомства с несколькими подсудимыми, присутствие на вечеринке, где пели революционные песни, и недонесение о них, – вот и все содержание обвинения. Во время суда она принадлежала к решительным сторонникам протеста и вместе с Мышкиным, Коваликом, Войнаральским и другими демонстративно отказалась от защиты на этом позорном суде, которого не могла признать, и

326 Эйдель Вульфовна Пумпянская (после принятия православия в 1881 г. – Аглаида, Аделаида Михайловна), проходя обучение в Повивальном институте в Петербурге, предоставляла свой адрес для нелегальной переписки и носила, под видом невесты, тюремные передачи, за что 13 февраля 1875 г. была арестована и, заключенная в Петропавловскую крепость, находилась там с 15 марта по 15 января 1876 г. Вновь арестованная 19 декабря 1876 г., она содержалась в Спасской части, с июля 1877 г. – в Доме предварительного заключения и, привлеченная к дознанию по «Делу о пропаганде в Империи», оказалась среди подсудимых, участников «хождения в народ», на «процессе 193-х» (18 октября 1877 г. – 23 января 1878 г.), но была оправдана (см.: ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1368. Л. 288–291).

вместе с другими была несколько раз удалена из зала. Но когда прокурор подошел к ее обвинению, то он не нашел решительно никакого материала – и отказался от обвинения по отсутствию состава преступления. Вышло нечто курьезное: подсудимая отказывается в виде протеста от защиты, а обвинитель – от обвинения. Она, конечно, была оправдана – и, как все почти оправданные по этому делу, выслана в административном порядке из Петербурга.

А четыре года тюрьмы за то, в чем сам свирепейший Желеховской не нашел материала для обвинения, были пережиты и свое дело сделали. Революционер был готов. Но революционер, революционность которого выражалась не в каких-либо действиях, а в резких, оскорбительных фразах по отношению ко всякому исправнику или тем более жандарму, с которым ей приходилось встречаться, в радикальных знакомствах, иногда – в чтении той или другой нелегальной брошюрки. Средств у нее, разумеется, не было, и она постоянно нуждалась в работе; кроме того, она, как я имел случай многократно убеждаться, действительно любила работу, и несколько раз ей удавалось пристроиться при разных учреждениях по своей специальности: акушеркой-фельдшерницей, а иногда – при какой-нибудь студенческой или другой столовой: хозяйкой. Всегда и везде она оказывалась превосходной работницей, и ею были всегда очень довольны³²⁷, до поры до времени. Но нигде она не заси-

327 Например, в «удостоверении» от 24 сентября 1892 г. самарский вице-губернатор А. П. Рогович засвидетельствовал «выдающуюся деятельность г-жи Пумпянской», ибо, приглашенная в марте «на службу в частную Самарскую больницу для тифозных», число коих доходило до сотни, она из-за заболевания двух больничных фельдшеров, заменяя их, трудилась одна, а в мае «изъявила согласие отправиться в Новоузенский уезд в составе санитарного отряда, сформированного Самарским губернским благотворительным комитетом для борьбы с эпидемиями сыпного тифа и цинги», причем «совершенно самостоятельно заведовала двумя больницами, временно открытыми в

живалась долго. Или она подвергалась новому аресту по новому, как всегда, в высшей степени пустяковому делу, или же на службе у нее начинались нелады. Нелады же у нее начинались не из-за дурной работы, – этого не могло быть, а из-за того, что она вдруг находила, что доктор или кто-нибудь другой из начальства проводит различие между пациентами из высших классов и простонародья в ущерб последним или что кто-нибудь из начальства высокомерно обращается с прислугой, – и переставала с ним кланяться, не отказываясь вместе с ним работать. При этом обвинения, возбуждаемые ею, по основательности часто не превышали тех, жертвою которых она была сама в процессе 193-х. Выходили неприятности, и в конце концов ей приходилось оставлять службу.

Все это выходило в высшей степени принципиально, но вместе с тем в высшей степени глупо. Обыкновенно ее ссоры были лишены эгоистического элемента: она заступалась, как Дон Кихот, за других, притом даже за людей, не просящих ее заступничества. Так было по большей части, но не всегда. У нас в Шенкурске она возненавидела Чеботареву, хорошенькую и веселую барышню, любившую кружить головы мужчинам и пользовавшуюся совершенно обычными в таких случаях жизненными преимуществами. Этого Пумпянская вынести не могла как проявление человеческой несправедливости; в этом случае ей приходилось негодовать прежде всего за себя, хотя она делала вид, что заступает за права и интересы Ермиловой – другой ссыльной барышни, как и она, весьма некрасивой.

Я сказал уже, что у Пумпянской был сын, мальчик лет

районе четырех больших сел» и затем участвовала в борьбе с холерой в Бузулукском уезде, отличившись «неутомимым усердием к исполнению принятых на себя обязанностей» и заслужив «полное одобрение гг. врачей, под руководством которых она работала» (Там же. Ф. 102. Оп. 127. 5 д-во. Д. 7527. Л. 89).

восьми. Отцом его был Поливанов, известный в начале 80-х годов народоволец, в это время сидевший не то в Петропавловской, не то в Шлиссельбургской крепости за устроенное им (кажется) в Саратове вооруженное покушение на освобождение в дороге одного политического арестанта, не увенчавшееся успехом³²⁸. Где-то Пумпянская сошлась с ним³²⁹, и плодом был мальчик.

У мальчика этого были грубые черты лица, мясистые чувственные губы, низкий лоб и всегда злобное выражение глаз. Он производил впечатление дегенерата и был тяжелым крестом своей матери. Когда ему что-нибудь было не по вкусу, он обнаруживал решительную неспособность сдерживаться и бросался на всякого с кулаками, впивался зубами и ногтями, и делал это по отношению к людям взрослым, здоровым и сильным, – и, конечно, получал совершенно естественный отпор. Не плакал никогда. Несмотря на наличность в Шенкурске достаточного числа людей, готовых его учить, учился он неохотно, почти из-под палки и довольно плохо, хотя способности у него были средние, и иногда довольно легко схватывал объяснения. Он сошелся с уличными мальчишками и в качестве их

328 За неудачную попытку освободить народовольца М. Э. Новицкого, при совершении которой убил тюремного служителя, охранявшего заключенного на прогулке, П. С. Поливанов был приговорен к смертной казни через повешение, замененной вечной каторгой, которую с 1882 г. отбывал в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, а с 1884 по 1902 г. – в Шлиссельбургской крепости.

329 В декабре 1878 г. студент ветеринарного отделения Медико-хирургической академии П. С. Поливанов был выслан в Кадников Вологодской губернии, куда в апреле 1879 г. под строгий надзор полиции водворили и А. М. Пумпянскую; их незаконнорожденный сын Николай Пумпянский появился на свет 9 февраля 1881 г., когда его отец уже покинул Кадников, переведенный в августе 1880 г. на родину под гласный надзор полиции.

предводителя участвовал иногда в довольно скверных похождениях; мать свою, ничего не имевшую, обворовывал, утаскивая запасы сахара, а иногда и деньги, которые тотчас же тратил на сласти. Мать, со своим раздражительным характером, страшно злилась, кричала на него, но он ее в грош не ставил, и она не могла с ним ничего поделать. Позднее, по освобождении ее из ссылки, она несколько раз отдавала его в учебные заведения, но его отовсюду исключали. Отдавала его и в приют для испорченных детей доктора Маляревского (под Петербургом), своего рода частную колонию для малолетних преступников, куда я же его и пристраивал³³⁰, но и там с ним ничего не сумели сделать, и оттуда тогда пришлось его взять. Лет с 13–14 он начал обнаруживать рано проявившиеся, но сильно повышенные половые инстинкты, и мать страшно боялась, чтобы в этой области он не наделал какой-нибудь беды. Однако лет в 15 он несколько переменился; научился сдерживаться, начал учиться, поступил в какое-то учебное заведение (кажется, в реальное училище) и даже кончил его; очень рано женился, и нашлась молоденькая и миловидная девушка, которая за него вышла, – скоро он бросил ее. Тем не менее, когда я встречался с ним в этот период жизни, я выносил убеждение, что переменна в нем внешняя, поверхностная и что в конце концов ему не миновать каторги, но не за деяния политического характера.

330 19 сентября 1890 г. В. В. Водовозов, получивший разрешение приехать в Петербург для сдачи экзаменов, писал А. М. Пумпянской в Шенкурск: «У Маляревского я был, когда еще приют не переехал в город, видел только жену Маляревского и говорил с нею. Плата за учеников очень различна, до 600 рублей в год; иногда они принимают и даром, но теперь решительно не могут. Впрочем, пусть лучше я поговорю с самим д-ром Маляревским по переезде приюта в город. Я там буду непременно, т. к. приют меня очень заинтересовал; но в близком будущем собраться туда мне было бы очень трудно, т. к. приют находится от нас верст за 6–7 (на Охте), а теперь у меня экзамены» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 118. Л. 57).

Уж очень злобным огоньком зажигались его глаза при всяком возражении ему, и очень страшные нервные судороги пробегали по лицу и телу, и очень отталкивательное было выражение его лица. Кажется, мать его держалась того же мнения.

Однако факты не подтверждали моего убеждения. С грехом пополам он находил какую-то работу и мог – с помощью матери – существовать. В то же время он сошелся с левым крылом социалистов-революционеров (максималистов)³³¹ и принял участие в их работе. В 1907 г. в Фонарном переулке (в Петербурге) было совершено ограбление казенного экипажа, перевозившего деньги, – и главную или одну из главных ролей в этом деле сыграл молодой Пумпянский³³². Ограбление не удалось³³³, организаторы его были арестованы и поплатились каторгой в Сибири. Таким образом моя уверенность в его будущей судьбе оправдалась лишь наполовину или вовсе не оправдалась: Пумпянский попал на каторгу, но как раз за пре-

331 Имеется в виду Союз социалистов-революционеров – максималистов (ССРМ), учредительная конференция которого проходила 10–24 октября 1906 г. в Финляндии.

332 Правильно: 14 октября 1906 г.; известно, что Н. П. Пумпянский через знакомых банковских служащих выяснил час отправки и сумму перевозимых денег.

333 Неверно: с помощью бомб, остановив в Фонарном переулке экипаж помощника казначея Петербургской портовой таможни С. П. Германа, группа боевиков (двое из них погибли, а четверо были схвачены и уже 18 октября повешены) сумела захватить около 400 тыс. рублей, большая часть которых бесследно исчезла; обвинение в похищении их Маргаритой (Аделью Каган), которая в пролетке вывезла с места экспроприации два мешка с деньгами, а вскоре открыла в Париже мастерскую дамских нарядов, стало предметом разбирательства 17–18 января 1908 г. на собрании парижской группы социалистов-революционеров – максималистов с участием В. Л. Бурцева (подробнее см.: *Генис В. Л. «Человек патологический»*. Максималист Добковский и провокаторы. М., 2018. С. 319–330).

ступление, которое было, по своим заданиям и по официальной квалификации, политическим. Мать его, которую я в это время видал довольно часто, просто сияла от счастья: сын попался не по уголовному делу. Она ходила к Зарудному с просьбой взять на себя защиту ее сына, но Зарудный, которому все это дело глубоко претило, отказался. Она очень упрашивала меня убедить Зарудного, и я, которому это дело тоже претило, скрепя сердце, очень неохотно, но делал это, – однако без успеха.

Мать, неожиданно составившая себе очень высокое мнение о своем сыне, была в страшном негодовании на Зарудного и шипела на него еще долго спустя: отказался от защиты ее сына, очевидно, потому, что ей нечем ему заплатить; ведь взялся же он (через несколько времени после дела ее сына) за защиту каких-то лоботрясов, убивших даму с целью грабежа бриллиантов.

– А вы читали, как он их защищал, и согласились бы, чтобы он таким же образом защищал вашего сына? – спрашивал я ее.

– А как?

– Да ведь он все построил, во-первых, на том, что деяние этих господ неправильно подведено обвинительным актом под разбой, когда тут налицо только грабеж, а во-вторых, на том, что они были смолоду развращены условиями жизни.

Кажется, некоторое впечатление на Пумпянскую это произвело, но все-таки, несмотря на все мои ссылки на факты, доказывавшие бескорыстие Зарудного, она осталась при своем убеждении.

Несмотря на то что Пумпянский попал в «политические», я оставался при своем убеждении, что по существу, в глубине души, он все-таки уголовный тип и если попал в политические, то как раз по такому делу, в котором не сразу скажешь, где кончается уголовщина и начинается политика.

Мне было суждено еще несколько раз встречаться с молодым Пумпянским. В 1917 г. я был в Таврическом дворце на

торжестве в честь прибывшей в Петербург Брешковской³³⁴. В честь нее говорились речи; Керенский вместе с несколькими другими несли ее на кресле. В числе этих других я заметил уже не молодого человека, лицо которого мне показалось знакомым и заинтересовало меня, но которого я никак не мог вспомнить.

Через полчаса он подошел ко мне.

– Не узнаете? Пумпянский.

Через несколько дней он посетил меня. Я его действительно не узнавал. Он говорил по вопросам, в то время волновавшим всех, говорил горячо, искренно и – очень не глупо, возбуждая интерес к себе и к своим мнениям.

– Я эсер, – сказал он в разговоре, – и притом правверный.

Освобожденный с каторги, он быстро вошел в Сибири в партийную среду и энергично работал в ней. Приехал в Петербург на короткое время и скоро собирался уезжать (и действительно уехал) в Сибирь, откуда вернулся в конце 1917 г. членом Учредительного собрания³³⁵. Тут я его не видал. После разгона Учредительного собрания он опять уехал в Сибирь и пропал для меня без вести; в наступившие годы разрухи даже его мать не получала от него никаких вестей. Но она страшно гордилась тем, что ее сын – член Учредительного собрания.

Когда я вспоминаю о нем, я решительно не могу соеди-

334 «Бабушка русской революции» Е. К. Брешко-Брешковская, приехавшая в Петроград 29 марта 1917 г., была торжественно встречена на Николаевском вокзале тысячами людей во главе с министром юстиции А. Ф. Керенским и председателем Петроградского совета Н. С. Чхеидзе, которые повезли ее в Таврический дворец, где открывалось Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов.

335 По списку эсеров Н. П. Пумпянский был выбран членом Учредительного собрания в Забайкальском избирательном округе.

нить в одно мои впечатления от прежнего Пумпянского, дегенерата и уголовного преступника *in potentia*³³⁶, и Пумпянского 1917 г., неглупо говорящего об общественных вопросах, интересующегося, можно сказать, даже живущего ими и в то же время вполне владеющего собой, умеющего выслушивать собеседника и дельно возражать ему. Правда, я мало его в это время видел и мало знал о нем. Что с ним случилось позднее, не знаю. Может быть, он перешел к большевикам³³⁷ и его уголовные инстинкты нашли новое применение в политической по внешности деятельности, а может быть, остался верен своему эсерству и погиб в борьбе с большевиками. Все возможно...

Что касается его матери, то она, в последние годы сильно поломанная и даже обломанная жизнью, где-то служила подряд целые годы, не подвергаясь более ни политическим преследованиям, ни удалению со службы, и часто посещала меня. В одно из посещений она сообщила, что у нее есть возможность получить революционный паек, но она колеблется: уж очень ненавидит большевиков. Видимо, ей, переживавшей голод и нужду, была нужна нравственная санкция для революционного пайка. Я дал ей свою санкцию, и она, видимо, очень обрадовалась этому. В последний раз я ее видел, кажется в 1920 или в 1921 г. О сыне она ничего не знала, а относительно

336 потенциально (лат.).

337 Уполномоченный правительства Дальневосточной республики в полосе отчуждения Китайско-Восточной железной дороги с резиденцией в Харбине, куда в 1923 г. забрал и мать, Н. П. Пумпянский, вступив в ВКП(б), скончался 12 июля 1932 г. в Пекине, о чем бывший министр Временного Сибирского правительства И. И. Серебренников записал в дневнике: «В последние годы он был на службе у большевиков и получал 1000 иен жалованья в месяц. Умирая, он не скрывал того, что служил большевикам только ради “шкурных интересов”, и заявил, что не верит в успех коммунистического эксперимента» (цит. по.: *Хисамутдинов А. А. Пекин в дневниках И. И. и А. Н. Серебренниковых. Владивосток, 2017. С. 54*).

себя сказала:

– Я теперь черносотенкой стала.

– То есть?

– Милюков был прав, когда хотел сохранить монархию.

В это время она, старуха около 70 лет, производила впечатление еще бодрой и очень работоспособной женщины, по-прежнему всем интересующейся, по-прежнему стремящейся к знанию, которого она не в силах постигнуть, и лучше научившейся себя сдерживать, чем в шенкурские годы. Несмотря на свое новоприобретенное черносотенство, она осталась по существу прежней Пумпянской, какой я ее знал 30–35 лет перед тем.

В Шенкурске в мое время был еще Веригин, духовобор, впоследствии приобретший большую известность как инициатор известного переселения духовоборов в Канаду³³⁸. Говорить о нем мне очень трудно, и вот почему.

Я знаю, что Веригин впоследствии сыграл очень крупную роль и показал себя несомненно крупным человеком. Между тем, зная его, я никак не могу себе его представить в роли вождя, серьезного деятеля. Напротив, он все время производил впечатление человека очень маленького, одинаково по умственным и по нравственным силам. Где причина этого несоответствия моего впечатления с действительной ролью человека? В нем или во мне? В том ли, что я не способен постигнуть действительно крупного человека, или в том, что в те годы

338 Отказываясь от военной службы и присяги Николаю II, духовоборы подвергались гонениям со стороны правительства, и с декабря 1898 г. по апрель 1899 г. примерно треть их (до 7,5 тыс. человек) четыремья партиями, при материальной поддержке Л. Н. Толстого, эмигрировала в Канаду, где П. В. Веригин, автор «Декларации братской жизни», присоединился к своим приверженцам (после освобождения в декабре 1902 г. из ссылки, в которой, в Архангельской и Тобольской губерниях, находился непрерывно с 1887 г.).

этот человек действительно не был еще крупным? Не знаю.

Веригин прибыл в Шенкурск по этапу приблизительно через год после меня и не пожелал познакомиться с политическими ссыльными. Напротив, он познакомился и сошелся с чиновничеством и даже вполне вошел в его жизнь, то есть проводил вечера то у исправника, то у судьи, то у жандарма, то у кого-нибудь другого из чиновников, играя в карты. Он был богатым человеком, у него была своя верховая лошадь, на которой он с большим шиком ездил; проигрывать в карты он мог сравнительно большие суммы (на шенкурский масштаб), и местное городское общество очень дорожило им. К нему несколько раз приезжали с Кавказа родственники или единовверцы, – они-то и привезли ему лошадь.

Но вовсе не познакомиться, живя одновременно в таком городишке, как Шенкурск, да еще в одинаковом социальном положении, нельзя, и уже через полгода Веригин стал бывать у нас, а мы – у него. Однако в общую жизнь нашей колонии он все-таки не вошел; в нашей кассе участия не принял, членом нашей библиотечки не стал и книг у нас не брал. Раз только принял участие в той прогулке, о которой я говорил в предыдущей главе, и оплатился за нее трехнедельным арестом³³⁹. Бывал он у нас как знакомый городской обыватель, и охотнее – у тех из наших товарищей, у которых играли в карты. Однако бывал (под конец моего пребывания в Шенкурске) и у меня, где карточной игры не было. Но посетителем был очень малоинтересным. Я всегда интересовался религиозными верованиями

339 Неточность: в приговоре от 14 мая 1890 г. говорилось, что «за отказом обвинителя, полицейского надзирателя Черноруцкого, от обвинения состоящего под надзором полиции крестьянина Петра Васильева Веригина, как получившего разрешение полиции на отлучку из г. Шенкурска, этот последний должен быть освобожден от наказания за нарушение 63 статьи Мирового Устава», и потому следует считать его по суду «оправданным» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 118. Л. 12–13).

сектантов и расспрашивал его, в чем их вера, но получал в ответ такую жвачку, изложенную притом мертвым языком, что она не давала никакого представления о ней. Расспрашивали мы и о том деле, которое привело к его аресту и ссылке, и тоже получали в ответ что-то неудобовразумительное. Ясно было только, что он вел себя во время ареста и под арестом далеко не героически, хотя и никого не предавал. Но он – и это рассказывал он сам – просил у властей прощения (возможно, конечно, что в этом сказывалось действие его религии), спрашивал слезливым голосом: «Что же вы со мной сделаете?» и тому подобное. Все это производило довольно жалкое впечатление.

И вдруг – вождь, глава секты. Да и тогда, видимо, он имел немалое значение в кругу своих единоверцев: значили же что-нибудь эти частые приезды к нему. Очень может быть, что мы и, в частности, я не умели подойти к нему. Позднее, когда я был уже на свободе, а он попал в новую ссылку (помнится, в Колу или куда-то в другой пункт на самом Крайнем Севере), моя жена обменялась с ним несколькими письмами. В его письмах звучали трогательные нотки обычной тоски ссылкеного положения и дружеских воспоминаний совместной жизни, но тоже ничего не было, что давало бы основание подозревать в авторе что-либо возвышающее его над средним уровнем. А между тем что-то такое несомненно было: ведь за что-нибудь да попал он во вторую, горшую ссылку, только что отбыв первую.

От местного общества мы не были отделены стеною. Я уже говорил, что по дороге в Шенкурск решил завязать знакомства с местным обществом и войти в него и интересовался тем, как к этому отнесутся товарищи по ссылке. Но когда я прибыл в Шенкурск, то узнал, что связи уже есть, главным образом у Бонковского как человека очень общительного, а к моему намерению все, даже Гриневицкий, отнеслись совершенно спокойно. Бонковский был в приятельских отношениях с местными торговцами. Из них один, Пластинин, совершенно глухой старик, был в дружеских отношениях еще со ссылкы-

ми 70-х годов: Ядринцевым и другими. Знакомство с ним было затруднительно, так как разговаривать невозможно, а надо ему все писать. Тем не менее его тянуло к нам, и он просиживал у Бонковского, потом у меня, целые вечера, как бы требуя, чтобы его занимали. Читать он не любил, за исключением одного Некрасова и о Некрасове.

Другой лавочник, Александр Исупов, по происхождению крестьянин Шенкурского уезда, был совершенно интеллигентный человек. Он много читал и книги брал у нас, а изредка даже и покупал, и выписывал еженедельную газету «Неделя». Политическое мировоззрение его выработалось отчасти под влиянием «Недели», отчасти под нашим (хотя, как я уже говорил, у нас ни как у группы, ни как у отдельных лиц, разве за исключением Гриневицкого, определенного выработанного мировоззрения не было) и было политически либеральным или радикальным с сильным уклоном в сторону революционного народничества. Он был гласным Шенкурской городской думы и притом единственным, который обнаруживал интерес и понимание общественных дел. Я несколько раз бывал на ее заседаниях и имел случай в этом убедиться. Но по его же просьбе, и притом от имени всей думы, мне пришлось прекратить эти посещения: думе известно, что ее заседания по закону публичны, но, на памяти нынешних гласных, я был первым и единственным посторонним ее посетителем, и гласные, и он в том числе, конфузятся в моем присутствии.

Впоследствии Исупов был выбран по крестьянской курии Архангельской губернии в первую Государственную думу³⁴⁰ и

340 Еще 6 марта 1906 г., выражая благодарность за книги, присланные В. В. Водовозовым, и с гордостью сообщая, что крестьяне Велико-Николаевский волости заочно избрали его – торговца, живущего в городе! – уполномоченным на уездный съезд по выборам в Государственную думу, 48-летний А. Е. Исупов писал о себе: «Живу тем же трудом, что и раньше, – торгую, хотя так же плохо, как и раньше, при Вас. Все, что мог и что имел,

несколько неожиданно для меня примкнул к кадетской партии; я ожидал увидеть его в рядах трудовиков³⁴¹. Он был у меня и на мои вопросы отвечал, что действительно по земельному вопросу чувствует себя ближе к трудовикам, но слишком радикальная их тактика ему не по душе, и политическая программа кадетов ему ближе. Человек, по шенкурскому масштабу, вполне интеллигентный, он, конечно, терялся в рядах кадетской партии рядом с такими светилами, как Родичев, Набоков, Кокошкин и другими; на пленарном заседании он решил выступить всего один раз (по земельному вопросу); но говорить публично не умел и к тому не обладал даже внешними данными для публичной речи: голос его был слишком слаб, ему кричали с мест: «Громче, громче»; один раз он огрызнулся: «Я не могу громче», но скоро, скомкав речь, должен был сойти с трибуны³⁴². Выборгское воззвание он подписал и вместе со всеми был приговорен к трем месяцам тюрьмы, причем для отбытия наказания приезжал в Петербург. Последние сведения я имел о нем в 1917 г.; он был жив и по-прежнему торговал в своей мелочной лавочке в Шенкурске; дочь его была где-то народной учительницей. Что с ним случилось в большевичье время – не знаю³⁴³.

тратил на детей, поэтому ныне сам только кормлюсь; имею, правда, в Шенкурске свой дом, стоящий около 2 тысяч р., но своего оборотного капитала в торговле – почти ни копейки, как и с самого начала моей торговли» (Там же. Д. 2192. Л. 6–7).

- 341 Трудовики – демократическая внепартийная депутатская фракция в Государственной думе 1–4-го созывов, представлявшая «трудящиеся классы народа»: крестьян, рабочих, интеллигенцию народнического направления.
- 342 См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия I. СПб., 1906. Т. I: Заседание 16. 27 мая 1906 г. С. 702–704.
- 343 А. Е. Исупов, правительственный комиссар Временного управления Северной области по Шенкурскому уезду с августа 1918 г., оказавшийся из-за отступления белой армии в Архангельске,

На беду, у обоих, Пластинина и Исупова, особенно у первого, женами были простые полуграмотные бабы, очень враждебно относившиеся к нам и к факту дружбы их мужей с нами. Однажды, когда Пластинин нам оказал действительно большую услугу (о которой расскажу в своем месте), то его жена вышла из себя и кричала на меня, пытаясь испортить все дело. Мне пришлось объясняться с Пластининым, но он заявил мне просто:

– Вам, может быть, невдомек, а я давно догадался, что она дура. Не обращайтесь на нее внимания.

На этом дело было покончено. Пластинин ошибся только в том отношении, что и я об этом давно догадался.

Не довольствуясь знакомством с этими лицами, я сделал попытку познакомиться с верхами шенкурского общества, его аристократией. Настоящей аристократии там, конечно, не было; за нее отвечали чиновники: исправник, жандармский офицер, воинский начальник, протоиерей, уездный судья, прокурор, доктор и другие. Всем им, не исключая и исправника и жандармского офицера, я сделал визиты и от большинства получил ответные; не ответили на визиты воинский начальник и духовенство. Потом время от времени, преимущественно в Новый год и Пасху, я обменивался таковыми, но настоящего знакомства не состоялось – и не состоялось по моей вине: уж больно я не подходил к этому обществу. Я не играл в карты и не пил; следовательно, для местного чиновничества не представлял решительно никакого интереса и даже тяготил его своими расспросами: судьбу – о характере дел, которые он разбирает и которые ему надоели, и т. д. Формально, однако, я со всем городом был в добрых отношениях.

На беду, в Шенкурске в силу какой-то случайности в то время совершенно не было молодежи: ни у чиновников, ни у

был арестован 30 июля и расстрелян 15 октября 1920 г. по решению губернской ЧК.

купцов не было детей в студенческом возрасте, с которыми нам, и мне в частности, легче было сойтись; если дети были, то малолетние. Единственное исключение составлял тот студент-медик, сын лавочницы, о котором я упоминал и с которым у всей нашей колонии были очень дружеские отношения, пока им не положил конец уже рассказанный мною инцидент.

Позднее в Шенкурск приехала Чеботарева, о которой я упоминал. Она, подобно мне, сделала визиты местным дамам и, тоже не играя в карты, сумела завязать с ними дружеские отношения, чего я решительно не смог.

Во время моего первого двухлетнего пребывания в шенкурской ссылке у меня было два посещения. Весной 1889-го ко мне приехали моя мать с В. И. Семева, за которого она недавно перед тем вышла замуж вторым браком, а месяца через два после них – С. Ф. Ольденбург. Мать с Семева пробыли у меня две недели, Ольденбург – неделю.

Как я уже говорил, с Ольденбургом я не видался со дня моего ареста; во время моего тюремного заключения он уехал в заграничную двухлетнюю командировку, а теперь, по ее окончании, пожелал повидаться со мной. Такая поездка к ссыльному другу, в особенности для человека, добывающегося профессуры, была без сомнения актом большого нравственного мужества. В те времена бывало, что профессора – за свидание с Лавровым или другим эмигрантом – лишали кафедры (это случилось, например, с профессором истории в Одесском университете Г. Е. Афанасьевым, которого не спасла от потери кафедры даже заведомая очень большая умеренность его политических убеждений). Тут же налицо было не более или менее случайное свидание со знакомым, с которым человек во время заграничной поездки оказался в одном городе (притом таком, как Париж), а намеренная поездка к нему в город, отстоящий за 400 верст от ближайшей железнодорожной станции, – поездка, которую решительно нельзя объяснить никакой выдуманной целью. И его приезд заставил зашевелиться и полицию, и жандармерию; у дверей моей квартиры появились

постоянно дежурящие городовые и жандармы, они ходили по нашим пятам и, как Ольденбург узнал потом, о нем был немедленно сделан запрос в Петербург. Он был вызван на допрос к жандармскому офицеру Сомову. Во время этого допроса выяснилось, что Сомов состоит в каком-то очень дальнем, может быть фантастическом, родстве или свойстве с отцом Ольденбурга (давно умершим)³⁴⁴, и допрос обратился в родственничный визит, после которого Сомов счел нужным отдать этот визит Ольденбургу. Во время этого визита я не выходил из своей комнаты и Сомова у себя не видел.

Само собою разумеется, что и В. И. Семевский с моею матерью, и Ольденбург перезнакомились со всеми политическими ссыльными города, и их приезды были праздником не только для меня, но и для всей колонии, на которую таким образом два раза пахнуло свежим петербургским воздухом.

Из всего предыдущего можно было бы заключить: в сущности, ссылка была для нас не жизнью, а масленицей. Но этот вывод был бы не верен. Жилось тяжело³⁴⁵.

В чем лежит причина? Трудно на это ответить. Вероятно, сама по себе ненормальность общего положения, зависящая от самого факта ссылки. Жил человек, был ли он студентом или кондуктором железной дороги, но он состоял при каком-то деле, над чем-то работал, был связан этой работой с обще-

344 Федор Федорович Ольденбург скончался в 1877 г.

345 Зачеркнуто: «Конечно, благодаря ряду более или менее случайных совпавших обстоятельств, ссылка в Шенкурске в мое время была гораздо легче, чем в остальных ссыльных местах и особенно чем в Сибири или хотя бы в соседней с нами Вологодской губернии, ссылка в которой на лестнице наказаний считалась более легкой. Тут сошлись и наличность книг и журналов, и по временам освежение благодаря петербургским посещениям, и отсутствие особого административного гнета, и сносные материальные условия. И все-таки, в общем, атмосфера была тяжела, и жилось нелегко».

ственной жизнью, – и вдруг налетел шквал, закрутил человека, вырвал его из привычных условий жизни и выбросил на другой, неведомый ему берег, без привычной и часто без какой бы то ни было работы, без связи с общей жизнью, на положении какого-то не то пенсионера, это – в 20–25 лет, не то какого-то героя-преступника.

Я сказал – без работы, и большинство было действительно без нее. Если в других ссыльных местах, как я уже сказал, отсутствие работы объяснялось прямым действием закона, то у нас оно объяснялось другими причинами. Среди нас не было ни одного врача или даже студента-медика, и, следовательно, запрещение медицинской практики на нас не падало. Учить могли бы многие, но учить было некого, – об отдельном случае моей педагогической практики я уже рассказал и сообщил, что она прошла совершенно безнаказанно (к сожалению, также и совершенно бесполезно для ученика). Вообще ни одно установленное в законе ограничение в праве выбора занятия конкретно не касалось нас, так как ни одно из них не могло иметь в Шенкурске никакого применения.

Напротив, физическим трудом заниматься было возможно, и некоторые из нас сделали из него свою профессию. Один из нас начал переплетать книги; делал он это плохо, но все-таки находил заказчиков не только среди нас, но и среди горожан, и даже полицейское управление давало ему переплетать бумаги и «Собрания узаконений». Один шил сапоги – и тоже находил заказчиков. Бонковский с Гриневицким летом сетями ловили рыбу – и весьма удачно – в реке Ваге и за лето продавали ее рублей на 30–40; цифра (на двоих), конечно, не высокая, но она объясняется, во-первых, исключительной дешевизной продуктов в Шенкурске, а во-вторых, тем, что главной их покупательницей была жена Бонковского, которая столвала часть ссыльной колонии, предлагая ей хороший стол³⁴⁶,

346 В рукописи зачеркнуто: «по себестоимости (рублей 5 в месяц обед и ужин)».

и, отстаивая наши интересы, усиленно торговалась с мужем и Гриневицким (последний был, конечно, тоже ее нахлебником). Жить таким трудом, конечно, было нельзя, но прирабатывать кое-что к казенному пайку можно. Духовно жить этим трудом было тоже нельзя, морального удовлетворения он бывшим студентам не давал³⁴⁷.

Являлась потребность чем-нибудь заполнить досуг, дать исход явной энергии. Потребность удовлетворялась картами, выпивкой, сплетничеством и ссорами, и, к сожалению, даже такие вполне способные к интеллектуальному труду люди, как Гриневицкий, были очень и очень не чужды такого обычного провинциального времяпрепровождения.

Я уже сказал, что сразу при приезде в Шенкурск застал две группы ссыльных, бывших на ножах друг с другом. К одной принадлежали Бонковские, Гриневицкий и еще одна пара – Батмановы; к другой – Корецкие и Гальперин. Жулковские и особенно Никоновы умели сохранять нейтралитет, хотя все же были ближе к группе Бонковских. Вслед за мной прибыли еще Гильгенберг и Бродский. Воспользовавшись таким приливом новых, а следовательно, нейтральных людей, Корецкие потребовали третейского суда между ними и Бонковскими, и суд состоялся в составе Никонова, Жулковского, Гильгенберга, Бродского и меня в качестве председателя.

Бонковские предъявляли против Корецких целый ряд обвинений, которые напоминали ссору Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича. Дело осложнялось неясными слухами о предательстве Корецкого, хотя сам Бонковский не поддерживал этого обвинения. Обвинение сводилось к ряду ничтожных мелочей, которые действительно могут при совместной жизни, а

347 Зачеркнуто: «Собственно действительно заняты в Шенкурске были только двое: Никонов и я. Мы оба усиленно готовились к экзаменам и чувствовали себя занятыми. Остальные томились бездельем, играли в карты, пьянствовали, сплетничали и ссорились».

тем более в тюрьме и на этапе (а это как раз перенесли с Корецкими Бонковские), сделать человека совершенно невыносимым, но в которых решительно нет материала для судебного разбирательства, хотя бы и третейским судом.

Положение судей было не из приятных. Мы обратились с письменными запросами к товарищам Бонковского и Корецкого по их указаниям и получили ряд удивительно согласных друг с другом ответов, безразлично, от свидетелей которой стороны они исходили. Эти ответы сводились к следующему: слухи о предательстве ходили, но определенных данных нет; Корецкие – люди дрянные, а главное, оба очень не умные, чем и объясняется многое в их поведении.

На одном из заседаний суда Корецкие стали усиленно добиваться, чтобы свидетельские письма были им показаны. Тогда мы не хотели предавать их гласности. Сперва мы отказали. Тогда Корецкая выпалила:

– Я вижу, что правды мы не добьемся. Бонковская вас всех закупила своими обедами.

В качестве председателя, очень неопытного, я совершенно растерялся: публичное обвинение в принятии судом взятки! Что должен делать суд в таком случае? Ни из литературы, ни из практики мне такой случай известен не был. Мы удалились на совещание и вынесли решение: дать письма Корецким, не давая их Бонковским. Решение с юридической точки зрения весьма сомнительное, но Бонковские, видимо, поняли его смысл и не протестовали. На Корецких чтение писем произвело ошеломляющее впечатление.

В конце концов суд вынес решение, длинное и путаное, состоявшее из многих пунктов, по большей части признававших недоказанность обвинения, и раздражившее обе стороны. Через несколько дней Корецкая явилась к Гриневицкому и ударила его по лицу зонтиком, заявив, что она считает его лучшим во всей колонии и в его лице наносит оскорбление всей колонии. Тут возмутились все, и с Корецкими у всех были прерваны всякие отношения; им не кланялись. Однако через

год после этого в том протесте против дикого распоряжения исправника, о котором я уже говорил, объединились все, и Корецкие были в числе протестантов.

По окончании ссылки Корецкий сдал экзамены при каком-то университете и затем был помощником присяжного поверенного в Екатеринославе. Каков он был в этой роли – не знаю. Но однажды, кажется в 1912 г., я встретил его на одном митинге в Петербурге, на котором он говорил как эсер – и говорил весьма недурно, не без остроумия, и вызвал одобрителный смех и аплодисменты.

Конечно, дразг и ссор и помимо Корецких у нас было более чем достаточно; Пумпянская давала для них богатый материал, да, к сожалению, и не она одна.

Теперь расскажу о двух трагических событиях в нашей жизни – о двух самоубийствах. Первым покончил с собой Гальперин. Это был еврей, окончивший курс низшего технического училища, попавшийся на изготовлении фальшивых паспортов для какой-то революционной организации. Человек он был полуинтеллигентный, очень тяжелый в общении, нелюдямый – и помешанный или полупомешанный. С низким покатым лбом, прыщеватым лицом, очень нечистоплотный, он производил отталкивающее впечатление. С первого разговора у собеседника складывалось убеждение, что перед ним человек, которому настоящее место в психиатрической больнице, и что нахождение его в тюрьме или ссылке по политическому делу есть какое-то несчастное недоразумение и большая явная несправедливость. Прежде всего, у него была агорафобия; он боялся больших комнат; даже комнаты, например, в моей квартире тяготили его, и он чувствовал себя в них не по себе. Затем у него была мания величия не в обычной, часто встречающейся, а в несомненно болезненной степени; он говорил с диким вдохновением и резкими выкриками о том, что Шекспир и Ньютон в сравнении с ним – ничтожные мальчишки и что когда-нибудь в этом убедится весь мир. Я несколько раз говорил о нем Шафаловичу (жандарму) в этом духе. Шафало-

вич со мной соглашался и говорил, будто об этом «писал», и думает, что его освободят. Вероятно, он врал.

Погиб Гальперин жертвою своей третьей мании. Он влюбился в Никонову. Это само по себе, конечно, не говорит о сумасшествии, тем более что Никонова была молодая, хорошенькая и очень симпатичная женщина. Но он вообразил, что и Никонова в него влюблена, хотя для этого решительно никаких оснований не было. И это еще мало говорит о сумасшествии, но вот что, по-моему, говорит о нем. Появился в «Русских ведомостях» беллетристический фельетон за подписью Е. Ардов. Гальперин вдруг вообразил, что Е. Ардов есть псевдоним Е. Никоновой и что этот фельетон есть с ее стороны изъяснение в любви с вызовом ему взять ее. По прочтении фельетона он побежал к ней немедленно исполнять ее желание, без каких бы то ни было подготовительных переговоров и действий. У Никоновых он застал несколько товарищей и, в присутствии их и мужа, стал убеждать ее идти с ним. Его с трудом вывели; Никоновы просили меня и Бродского сходить к нему – поговорить. Я теперь совершенно не помню содержания повести Ардова, но хорошо помню, что в содержании ее никоим образом здравомыслящий человек не мог бы увидеть тех намеков, которые совершенно явственны были для болезненно настроенного ума Гальперина. К тому же уже тогда было известно – и я это знал, – что Е. Ардов есть псевдоним г-жи Бларамберг. Я сказал это Гальперину, но он ответил:

– Я не знаю никакой Бларамберг. Я знаю Елену Константиновну Никонову, это – орлиноподобное голубиное существо, и это она – Ардов, и она горячо любит меня, как и я ее, и вы все это скоро увидите.

Гальперин написал какой-то ответ Ардову-«Никоновой» и послал его в «Русские ведомости» страховым письмом, застраховав в 100 рублей. Что это за ответ, был ли он беллетристическим или каким другим, – никто этого не узнал. Разумеется, «Русские ведомости» его не напечатали.

На свое счастье, эта история совпала по времени с полу-

чением Никоновым разрешения на отъезд из Шенкурска; в момент инцидента они это уже знали и через несколько дней уехали, так и не увидев развязки этой истории. Но мы ее увидели.

Когда Гальперин убедился, что статья его напечатана не будет, он достал где-то большую (200-граммовую) бутылку морфия. Незадолго до самоубийства ее у него видели: она была почти полна; он выпил ее почти всю. Около 18 часов продолжалась агония. Говорят, что морфий имеет такое странное свойство: небольшая доза убивает быстро, большая вызывает продолжительные мучения. На беду, в то время местный врач вышел в отставку, новый еще не был назначен или еще не прибыл, и в Шенкурске врача не было вовсе; ближайший врач был в Вельске Вологодской губернии, за 140 верст. Был только вечно пьяный фельдшер. Впрочем, бесспорно, что спасти Гальперина не было никакой возможности. Может быть, облегчить страдания. Это случилось в конце 1888 г.

Другое самоубийство произошло через полтора года и было гораздо более сложным и не вполне понятным, – таким оно остается для меня и доныне. Это самоубийство Варпеховского.

Варпеховский, первый социал-демократ, с которым я встретился в России, прибыл в конце 1888 г. из-за границы в Россию, на границе был арестован и в середине 1889 г. очутился в Шенкурске с приговором на 3 года, то есть сравнительно легким. Осенью 1889 г. в Цюрихе произошел взрыв бомб, выделявавшихся русскими и польскими эмигрантами, среди которых были Дембский и Дембо (кажется, так)³⁴⁸. Об этом появились заметки в газетах, очень взволновавшие Варпеховского: оба, Дембо и Дембский, были, по его словам, близкими дру-

348 22 февраля 1889 г. члены «Союзного террористического кружка» И. В. Дембо и А. И. Дембский, готовившие покушение на императора Александра III, при испытании ими в окрестностях Цюриха метательного разрывного снаряда были ранены, первый – смертельно.

зьями. Месяца через два после этого Варпеховский был арестован и посажен в местную тюрьму: случай небывалый не только на нашей памяти, но и на памяти местных старожилов, в частности Пластинина, который это знал бы. Мы бросились к жандарму Сомову с просьбой об освобождении под залог. Сомов очень грубо нас встретил и не пожелал с нами разговаривать. Однако через несколько дней он на допросе сказал Варпеховскому, что может освободить его под залог в 500 рублей. Варпеховский дал нам знать об этом, и мы начали искать деньги, но в Шенкурске нашли только 200 рублей какой-то процентной бумагой, которую дал Пластинин; я уже говорил о том, как же на его попыталась отнять у нас эту бумагу, но не смогла добиться своего. Пришлось написать в Петербург, и недели через две я получил недостающую сумму. Я пошел к Сомову, но он – вопреки закону и здравому смыслу – денег от меня как ссыльного не принял. Тогда пошел Пластинин и добился освобождения Варпеховского.

Просидев всего что-то около месяца, Варпеховский вышел из тюрьмы какой-то особенно бодрый, веселый, общительный, разговорчивый. Но по временам это настроение сменялось тяжелой подавленностью, угрюмостью, нелюдимостью, что продолжалось недолго и опять уступало место нервной бодрости и веселости. В эти последние, более длительные моменты он охотно рассказывал, готовый повторять свои рассказы сколько угодно раз, как он ставил Сомова в тупик, в каком Сомов оказывался глупом положении, какие он, Варпеховский, смелые (и ненужные) вещи говорил Сомову. Его допрашивали о Дембском и Дембо, о других эмигрантах и заодно – о всех нас. Для нас было очевидно, что раз его так скоро и так дешево выпустили, то ясно, что ничего серьезного против него нет и что арестован он был скорее как свидетель (в политических делах это было вполне возможно и часто делалось), чем как обвиняемый. А между тем из рассказов Варпеховского следовало, что обнаружена очень серьезная его связь с очень серьезными эмигрантскими организациями, народовольческими и социал-демократическими, и что ему грозит, вероятно, значитель-

ное ухудшение участи. В этом чувствовалось какое-то противоречие и звучала какая-то неправдивость. Вместе с тем все его рассказы звучали с некоторой неприятной хвастливостью – чертой, имевшейся в нем в слабой степени и раньше, но теперь ярче проявившейся³⁴⁹. Никто из нас не понимал его настроения.

Это – один факт, связанный с его самоубийством.

Другой факт, как и у Гальперина, романического характера. Он так же, как и Гриневецкий, и Овсинский, оказался в числе страстных поклонников Чеботаревой. Она предпочла Гриневецкого и осенью 1889 г. вышла за него замуж, но продолжала кокетничать с Варпеховским и держала его около себя на корде³⁵⁰. Это все видели, все знали и посмеивались. После его смерти мы забрали его бумаги и прочли: там оказался ряд его стихотворений – стихотворений очень слабых, чтобы не сказать сильнее, но говоривших о действительно глубоком чувстве к Чеботаревой, хотя и неуклюже выраженном. Свои политические стихотворения, тоже неуклюжие, он читал нам сам, но этих не показывал никому.

Через две недели после освобождения из тюрьмы он вдруг заболел. Мы позвали доктора, – это был Кашкадамов. Доктор был, сказал, что болезнь какая-то странная, что он ее не понимает, но что Варпеховский поправится. И действительно, Варпеховский начал оправляться, так что мы, несшие около него дежурство, уступили его настояниям и оставили на ночь одного. На следующее утро мы застали его в ужасающем положении: он стонал, метался на постели, не мог говорить. Пришел доктор и сразу сказал: отравление фосфорными спичками. И действительно, мы нашли за печкой кучу спичек с обструганными головками, а на столе стакан с остатками подозритель-

349 В рукописи далее зачеркнуто: «в усиленной степени, а вместе с тем какой-то очень странной нервностью».

350 От фр. corde – веревка, лонжа, то есть на привязи.

ной жидкости. Дня два или три он мучился и умер.

В чем причина его смерти? Какой из двух рассказанных мною фактов находится в действительной связи с ним? Или, может быть, оба?

У меня и некоторых других товарищей по ссылке шевелилось одно очень тяжелое подозрение. Нам казалось, что рассказ его о допросах не совсем соответствовал действительности и что о чем-то важном и, может быть, нехорошем он умалчивал. Доказательств этого подозрения ни у кого не было, и высказывалось оно с тяжелым чувством, с глазу на глаз, со всевозможными оговорками, тем более что почти все мы любили Варпеховского.

Через несколько месяцев на имя кого-то из нас пришло письмо из-за границы с просьбой сообщить подробности о его смерти. Письмо оказалось от его жены, о самом существовании каковой мы не знали. Письмо было получено после моего отъезда из Шенкурска, и в составлении ответа на него я участия не принимал, но знаю, что ей подробно и объективно были сообщены подробности об аресте (без подозрений) и посланы все его бумаги, в том числе и любовные стихотворения.

Прошло ровно десять лет. Я встретился с Сомовым, встретился на новой почве и при новых условиях. Дело было в Киеве. Я был арестован, сидел в Лукьяновской тюрьме и был вызван на допрос в Старокиевский участок. Когда меня ввели в комнату допроса, навстречу мне поднялся жандармский офицер и, радостно протягивая обе руки, как старому другу, спросил:

– Не узнаете?

– Нет, не узнаю, – отвечал я, пожимая руку. Я никогда не считал своею обязанностью быть грубым или невежливым с жандармами или ведущими мое дело прокурорами и от рукопожатия никогда не отказывался.

– Неужели не узнаете? Неужели забыли Шенкурск?

– Господин Сомов?

– Я.

И раньше, чем приступить к допросу по настоящему делу, Сомов пустился в воспоминания о Шенкурске и сообщил кстати, что и Шафалович служит в Киевском жандармском управлении и я его тоже увижу. Я воспользовался этим характером беседы и спросил между прочим, не может ли Сомов объяснить самоубийство Варпеховского. На это я получил такой ответ:

– Варпеховский – полячок, трусоватый и дрянненький; он сильно связан был с заграничными и некоторыми находящимися в России революционерами, и ему грозило ухудшение участи, но он трусил, кое-что разболтал; его за это скоро отпустили, а потом ему, верно, стыдно стало.

Таким образом, худшие наши подозрения получали подтверждение. Конечно, подтверждение из очень-очень мутного источника, и мне стало противно, что я справлялся в нем. Если бы такого подозрения не было у меня и раньше, то я решительно не поверил бы Сомову, но оно было, и совсем не верить я не мог. Очень хотелось бы мне, чтобы дело Варпеховского было найдено в архиве и выяснено до конца.

Варпеховский умер в конце февраля 1890 г. По странному совпадению за несколько дней до его заболевания слегла и возможная виновница его смерти, Чеботарева-Гриневицкая. Слегла она вследствие очень редкой болезни: внематочной беременности, пролежала около 6 недель и в конце марта умерла.

Гриневицкий, срок ссылки которого окончился уже раньше, тотчас уехал из Шенкурска и потом был сотрудником и редактором различных провинциальных газет. В 1906–1907 гг. он был в Петербурге близким сотрудником «Нашей жизни», в редакции которой состоял и я. В это время он был социал-демократом – меньшевиком. С редакцией «Нашей жизни» он не вполне сошелся, оставил ее до гибели этой газеты и уехал куда-то в Западный край, где вновь работал в провинциальной печати. Дальнейшей судьбы его я не знаю.

Из упомянутых мною лиц Никонов был впоследствии известным адвокатом в Саратове и деятельным членом кадетской партии; умер в 1924 или 1925 г.³⁵¹

Бонковский был управляющим домом какого-то богатого домовладельца в Минске. В этом городе мне случалось бывать довольно часто, и я всегда останавливался у него. Он и его жена до конца оставались прежними – живыми, общительными людьми, охотно оказывающими всем дружеские услуги, с общим сочувствием к освободительному движению и без определенных симпатий к какой-либо партии. В последний раз я видел его в 1912 г., когда ему было сильно за 60 лет, и дальнейшей судьбы не знаю.

Машицкий остался упорным и твердым социал-демократом, при распадении партии оказался в рядах меньшевиков; во время войны был в рядах интернационалистов. Он сильно бедствовал, пробовал всякие профессии, перебивался с хлеба на квас, бывал не раз в тюрьмах. В 1900 г. я сидел вместе с ним (по разным делам) в Лукьяновской тюрьме (в Киеве) и там видался с ним. Во время войны он был в эмиграции, в Швейцарии. В 1917 г. вернулся и был у меня в Петербурге, но тотчас же уехал куда-то на юг. Дальнейшей судьбы его я не знаю.

Шейдакова, моя жена, умерла в 1917 г., после торжества большевиков³⁵².

351 А. А. Никонов скончался 29 ноября 1924 г.

352 См.: «28 ноября скончалась во французской больнице Вера Петровна Водовозова, хорошо известная в кругах передовой русской интеллигенции издательница портретов писателей, композиторов и революционных деятелей. Покойная – уроженка г. Саратова, жена писателя В. В. Водовозова, – в свое время отбывала административную ссылку на Севере России, куда была доставлена по этапу при самых тяжелых условиях, затем, по возвращении из ссылки, неоднократно подвергалась обыскам и арестам, расстроившим окончательно ее слабое здо-

Других я потерял из виду раньше.

В марте 1890 г. по хлопотам моей матери мне разрешили держать экзамены в государственной комиссии при Петербургском университете, для чего разрешили отпуск в Петербург на необходимый срок³⁵³. Так как экзамены начинались в

ровье. Из своих скромных издательских заработков В. П. Водовозова делала щедрые отчисления в пользу ссыльных и отбывших наказание революционеров» (Вера Петровна Водовозова // Неумолчное слово. 1917. № 2. 30 нояб.). См. также: Похороны В. П. Водовозовой // Народное слово. 1917. № 2. 2 (15) дек.

353 13 января 1890 г. архангельский губернатор Н. Д. Голицын уведомил Департамент полиции, что, поскольку «ссыльный Василий Водовозов ведет себя <...> вполне безукоризненно и политической неблагонадежности ничем не обнаруживает», то он находит «заслуживающим уважения» ходатайство его матери, вдовы коллежского советника Е. Н. Водовозовой о дозволении сыну приехать в Петербург для сдачи экзаменов на ученую степень при столичном университете. Начальник Архангельского губернского жандармского управления полковник К. А. Латухин также докладывал 18 января, что состоящий под гласным надзором Водовозов «ведет себя скромно», «между ссыльными пользуется авторитетом, почему ссыльные, прибывающие в г. Шенкурск, долгом считают прежде всего посетить его; квартирует он вместе с Верой Петровой Шейдаковой, с которой находится в самых близких отношениях...». И далее: «Вскоре после приезда в г. Шенкурск Водовозов просил разрешения чрез администрацию держать экзамен в Ярославском юридическом лицее, но ходатайство его тогда не было уважено. Не имея определенных занятий, Водовозов проводит время в чтении книг, выписываемой газеты “Русские ведомости” и изучает юридические науки; по сведениям, он будто бы доставляет корреспонденции в газеты “Сын Отечества” и “Неделю”, но установить это обстоятельство не представилось еще возможным; знакомство ведет со всеми политическими, частью с уголовно-ссыльными и с некоторыми сочувствующими ему жителями, кои хотя и не скомпрометировали еще себя, тем не менее за ними мною поручено штаб-ротмистру Сомову иметь сек-

первых числах апреля, то уехать из Шенкурска мне было позволено 20 марта 1890 г. В назначенный день я и уехал, ровно в 12 часов ночи. Этим закончилась моя первая ссылка или, лучше сказать, первая часть моей ссылки, ибо из Петербурга я вернулся в тот же Шенкурск для отбытия наказания по прежнему приговору.

Выгадывал каждый час для отъезда я потому, что весна уже явственно наступала. Весной в тех местах нередко случалось, что едва едущий переберется через какую-нибудь речонку на пароме, как застанет ледоход на следующей реке; едва переждешь ледоход на ней и подъедешь к третьей, как с нею повторится та же история. Это не редко случалось в те времена с людьми, едущими с юга на север (или осенью в обратном направлении), но я ехал на юг, и, следовательно, эта опасность мне не грозила, но опасность застрять где-нибудь в одном месте, на Волге у Ярославля или, может быть, на Сухоне у Вологды, была налицо. Поэтому надо было очень торопиться. Поезд из Вологды отходил один раз в день, в 8 часов утра; надо было торопиться к нему.

До Вологды было, кажется, 407 верст, и обычно в зимнее время можно было доехать в 48 часов, а если щедро давать на чай, то и скорее. Но дороги были уже сильно испорчены, и нужно было иметь в запасе хотя бы часов 12. Я эти мотивы изложил исправнику и просил его отпустить меня за 6 часов до срока, указывая ему, что по закону в пределах уезда отлучки разрешает он, а до полуночи я никоим образом за пределы уезда не попаду. Аргументы произвели на него впечатление, тем более что самое разрешение ссыльному сдавать экзамены

ретное наблюдение». 10 марта последовало распоряжение директора Департамента полиции П. Н. Дурново: «Поднадзорному Водовозову разрешается 20 марта выехать из Шенкурска в Петербург» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3 д-во. 1893. Д. 140. Л. 51–52, 56).

в государственный срок³⁵⁴ и ехать на неопределенный срок в Петербург (Петербург!) производило на него впечатление, как доказательство того, что у меня где-то есть сильная рука. И он разрешил.

Но в 5 часов вечера ко мне явился полицейский и сообщил, что исправник переменял свое решение и запрещает выезжать раньше полуночи. Неприятно, но что уж делать; нельзя же, еду на экзамены, рисковать быть арестованным на дороге по обвинению, кто знает, может быть, в побеге. Пришлось подчиниться, о чем заявляю полицейскому. Полицейский рассаживается и не обнаруживает намерения уходить.

– Что же вы?

– Мне предписано наблюдать, чтобы вы не уехали раньше.

Пришлось послать на почтовую станцию заказ на лошадей к 12 часам и терпеть присутствие полицейского при проводах и прощании с товарищами, даже поить его чаем.

Ровно в 12 часов я уехал и благополучно поспел в Вологду к самому отходу поезда, хотя Сухона имела очень грозный вид, у самых берегов имела большие полыньи, и ямщики везли очень неохотно.

На левый берег Волги против Ярославля поезд приходил часов в 9 вечера, уже в темноте. Все почти пассажиры нашего поезда все время обсуждали вопрос, удастся ли сегодня же переправиться через Волгу или нет. Оказалось, на Волге уже ледоход. Большинство пассажиров осталось переночевать в виду Ярославля, но человек 7 или 8, и я в том числе, нашли лодку и лодочников, которые за несколько рублей согласились нас переправить. Переправа произошла благополучно, но – бесплодно: к вечернему поезду мы опоздали и пришлось ночевать в Ярославле. Из Ярославля был и утренний поезд, и с ним мы уехали, встретившись в нем с нашими вчерашними спутника-

354 Так в рукописи.

ми.

Радостно встреченный в Петербурге в семье и старыми друзьями, я приступил к экзаменам. Экзаменовалось более 400 человек, по 40 в день; каждый экзамен требовал дней десять, и председатель комиссии (Капустин) работал непрерывно, но для экзаменующих перерывы между экзаменами по разным предметам были очень велики. В апреле и мае сданы было 5 или 6 предметов; потом комиссия сделала летний перерыв³⁵⁵, и остальные экзамены, штук 12, были назначены на осень, когда они пошли несколько быстрее и все же закончились только 20 ноября, после чего мне было разрешено остаться в Петербурге до Нового года.

Я приехал в Петербург вскоре после того, как в журнале «Северный вестник» произошел кризис: собственница журнала А. М. Евреинова решительно разошлась с фактическим редактором Н. К. Михайловским и журнал передала в руки Б. Б. Глинского, А. Л. Волынского (Флексера), М. А. Лозинского и Любови Яковлевны Гуревич. Первые двое были моими товарищами по университету, а первый даже косвенно прикосновенен к моему делу и по моей оплошности отсидел в связи с ним 10 дней тюрьмы; третий был товарищ Зарудного по Училищу правоведения и тоже мой близкий знакомый; четвертую я встречал в кружке Давыдовых, с которыми, кстати, в этот мой приезд у меня произошло полное примирение.

Михайловский был близким знакомым нашей семьи, и я его, как постоянного нашего посетителя, помню с раннего моего детства. Всегда я глубоко уважал его как крупного писателя и хотя тогда не считал себя сторонником того народничества, главным представителем которого в литературе был именно

355 Посетив директора Департамента полиции П. Н. Дурново 12 мая 1890 г., мать В. В. Водовозова добилась разрешения, что ее сын проведет летнее время на их даче на станции Сиверской Варшавской железной дороги (см.: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3 д-во. 1893. Д. 140. Л. 59, 62).

он, но я понимал, что с его уходом и отсутствием в то время журнала, в котором он мог бы обосноваться, целое широкое общественное течение теряло свой орган и оказывалось не представленным в литературе и что это – большое общественное несчастье. Что же касается новой редакции, то хотя у Волынского и было что-то свое и новое, но никакого общественного течения редакция не представляла и даже не была чем-то цельным, единым, определенным: Волынский и вместе с ним Любовь Гуревич являлись носителями философского идеализма, соединенного с очень умеренным политическим либерализмом; Лозинский был позитивист и (тогда) радикал; Глинский – просто путаная голова.

В первые же дни я посетил Глинского и высказал ему это, причем он довольно раздраженно и обидчиво возражал мне. Но в нашем товарищеском кружке смотрели на это дело несколько иначе и симпатизировали предприятию Глинского. Под влиянием этого кружка я не только не отказался – как, собственно говоря, следовало – от всякого участия в этом предприятии, но и, когда летом у меня между экзаменами оказался длительный перерыв, написал для него несколько рецензий и большую работу о 4-м международном пенитенциарном конгрессе, который как раз в это лето заседал в Петербурге и который я усиленно посещал³⁵⁶. Это была моя первая большая печатная работа (несколько мелких статей для «Недели» и «Русской старины» я написал из Шенкурска, а ранее, до ареста, вел в «Неделе» иностранное обозрение).

1 января 1891 г. я должен был выехать из Петербурга опять в Шенкурск. По дороге в Москве я посетил С. А. Муромцева, с которым познакомился в истекшую зиму (он, бывая в Петербурге, посещал В. И. Семевского); получил от него предложение сотрудничать в «Юридическом вестнике», причем он

356 Международный «тюремный» конгресс проходил 15–24 июня 1890 г., см.: Водовозов В. IV пенитенциарный конгресс в С.-Петербурге // Северный вестник. 1890. № 10. Отд. 2. С. 1–28.

дал даже мне книгу Ренненкампа о политических воззрениях Бисмарка, которую предложил прорецензировать³⁵⁷.

В Шенкурске я застал нашу колонию сильно поредевшей³⁵⁸. Не было Чеботаревой, вносившей в нее неистощимый запас веселья, не было умного и интересного Варпеховского, не было тоже умного, хотя и скучноватого Гриневицкого, не было многих других; к счастью, не было также Корецких. В общем, состав колонии был более тусклый, более серый; разложение сделало большие шаги вперед; если не было таких острых ссор, как при Корецких, то все же Пумпянская и еще две-три дамы создавали постоянные трения и вызывали недо-разумения. Я лично и моя жена поддерживали формально хорошие отношения со всеми, но сколько-нибудь близких отношений не было ни с кем.

Я в это время начал систематическую литературную работу; написал несколько рецензий и мелких заметок для «Юридического вестника», «Северного вестника», несколько заметок для «Недели» и начал большую статью для «Юридического вестника» о «дореформенной юстиции». Окончить ее в Шенкурске было невозможно, так как там нельзя было достать Полного собрания законов³⁵⁹. Сделал это я уже в Самаре.

Перевод в Самару для окончания моей ссылки выхлопотала моя мать³⁶⁰, и ранней осенью 1891 г. я туда уехал; жена моя

357 См.: Водовозов В. Рец. на кн.: Ренненкампа В. Конституционные начала и политические воззрения кн. Бисмарка. Киев, 1890 // Юридический вестник. 1891. Кн. 2. С. 250–259.

358 Вернувшись в Шенкурск 12 января 1891 г., В. В. Водовозов, как докладывал архангельский губернатор, 15 февраля «вступил в брак с бывшей же политической ссыльной Верой Шейдаковой» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3 д-во. 1893. Д. 140. Л. 72–73).

359 «Полное собрание законов Российской империи» вышло в 1830 г. в 45 томах; второе собрание (в 55 томах) выходило ежегодно в 1830–1884 гг.

360 7 июня 1891 г. В. В. Водовозов обратился с прошением к дирек-

окончила срок ссылки несколькими месяцами раньше, раньше меня уехала на родину, в Саратов, и встретила меня уже в Самаре. Всего моя настоящая ссылка продолжалась: первый ее период – два года с несколькими днями, второй – 8 месяцев. Петербургский девятимесячный период был «отпуском», и потому в срок ссылки он тоже засчитывался.

тору Департамента полиции: «Суровый и непостоянный климат Архангельской губернии довольно сильно расстроил мое и без того слабое здоровье; у меня слабая грудь и постоянные лихорадки. Кроме того, сдав в 1890 г. экзамен на степень кандидата прав, я хотел бы продолжать мои научные занятия и готовиться к экзаменам на степень магистра; но это оказывается невозможным в Шенкурске, не имеющем ни библиотеки, ни даже книжного магазина. Не осмеливаясь просить Ваше Превосходительство о переводе в какой-нибудь из южных университетских городов, например Киев, я имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство разрешить мне окончить срок ссылки в г. Саратове или же в г. Твери, который в климатическом отношении уступает южным городам, но зато в санитарном отношении и относительно медицинской помощи стоит довольно высоко. Если же это окажется почему-либо невозможным, то я имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство назначить мне один из следующих городов: Самару, Рязань, Полтаву, Курск или Воронеж». Департамент полиции признал возможным «испросить Всемилостивейшего Государя Императора соизволение на разрешение Василию Водовозову отбывать остающийся срок надзора в г. Самаре», на что 25 июля было получено высочайшее согласие (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3 д-во. 1893. Д. 140. Л. 74–76).

Глава V. Самара (сентябрь 1891 г. – октябрь 1892 г.). Голод. – Ленин

В Самаре до моего приезда туда у меня были знакомые – семья Ульяновых и известный земский статистик Иван Маркович Красноперов. Обе семьи встретили меня очень дружески и помогали устроиться. Первые дни, пока не устроились, мы с женой провели в семье Красноперовых, потом нашли веселую квартирку в три небольших комнатки с кухней в небольшом деревянном доме на окраине города за 8 рублей в месяц (без мебели). Цены в Самаре были, конечно, не такие, как в Шенкурске, но все же невысокие; часть мебели нам дали Ульяновы, часть мы прикупили и зажили своим домом.

Формально я отбывал в Самаре конец моей ссылки и жил под гласным надзором полиции. Но если в Шенкурске надзор был не надоедлив и не тягостен, то здесь, в большом городе, его в то время просто не было; в позднейшие периоды моей жизни, в Киеве, Петербурге и в других местах, когда срок моего надзора формально давно окончился, я гораздо явственнее чувствовал за собой хотя и негласный, но неприятный надзор. Прибыв сюда без паспорта, с проходным листом³⁶¹, то есть своего рода волчьим паспортом, я должен был снести его в полицию, где у меня его отобрали, не дав взамен вовсе никакого документа; так без всякого документа я и жил.

При выезде на лето за город на дачу и потом при обратном возвращении в город я должен был являться в полицию и просить на этот переезд разрешение, которое и получал без всякого труда; должен был при получении денежных повесток ходить в полицию для засвидетельствования личности, но в то

361 Имеется в виду проходное свидетельство – особое удостоверение личности, которое выдавалось ссыльным на время переезда их в другой населенный пункт и которое по прибытии поднадзорного в место следования требовалось предъявить местной полиции.

время это должны были делать все (выдача денег на почте просто при предъявлении паспорта была введена значительно позднее), – и больше ни по каким поводам с полицией я дела не имел.

У меня бывало много народа, преимущественно из молодежи, и притом почти сплошь неблагонадежного; иногда по нескольку дней, а то и месяцев гостили разные лица³⁶². Среди них была моя мать, приезжавшая ко мне на неделю; был В. И. Семевский, возвращавшийся из своей сибирской поездки для работы над книгой, заказанной ему Сибиряковым, и остановившийся в Самаре на три дня; был Н. К. Михайловский, летом 1892 г. ездивший по Волге и проведший у меня на даче дня два или три³⁶³; был А. Г. Мягков, племянник Михайловского, ехавший в Самарскую губернию, чтобы открыть там столовую для голодающих крестьян; была сестра моей жены, Любовь Шейдакова, сама перед тем отбывшая долгую тюремную повинность и теперь прогостившая у нас несколько месяцев; гостила Пумпянская. Так как в Самаре вообще не была введена прописка паспортов, то я не считал нужным предъявлять их документы в полицию, и, несмотря на мою поднадзорность, никаких неприятностей ни им, ни мне за это не было. Сам я раза три уезжал из Самары на несколько дней, не заявляя об этом полиции, и она, вероятно, об этом просто не знала; один раз я ездил в Саратов, чтобы переговорить там с Марком Натансоном и другими о предполагавшемся издании нелегального журнала «Народное право»³⁶⁴; один раз в компании нескольких знако-

362 В рукописи далее зачеркнуто: «и так как в Самаре вообще не была введена прописка паспортов, то и они жили у меня без предъявления документов, и никаких неприятностей от этого не было».

363 Н. К. Михайловский гостил на даче у В. В. Водовозова 10–17 июня 1892 г. (см.: Самарская губерния день за днем... (1891–1895 годы): хроника событий. Самара, 2004. С. 63).

364 Нелегальный орган Социально-революционной партии

мых ездил на парусной лодке по Волге и Самарке. Мы провели в лодке три дня, ночуя в ней же в затопленных разливом лесах, привязывая ее к дереву; в лодке же ставили взятый с собой самовар, – и эта поездка осталась в моей памяти как одно из самых приятных воспоминаний.

Только один раз я почувствовал бесправность моего положения. Меня звали куда-то в деревню помогать в ведении столовой для голодающих. Без разрешения этого сделать было нельзя; я пошел за ним к губернатору и получил категорический, выраженный довольно грубо и не мотивированный отказ.

Я попал в Самару, когда там вполне определился сильнейший неурожай и предвиделся страшный голод. Об этом все знали, все говорили, но официально голод замалчивался или даже отрицался. Однако уже на осеннем губернском земском собрании был поставлен вопрос об ассигновании необходимых средств на обсеменение полей в будущем году и на прокормление населения до нового урожая, и в нем велась ожесточенная борьба между правительственной партией, отрицавшей голод, и земской, на нем настаивавшей. Я, как и многие другие, собирал материалы, писал и посылал статьи и корреспонденции³⁶⁵, большая часть которых или не появлялась вовсе, или появлялась в изуродованном по цензурным соображениям виде.

С ноября или декабря на улицах Самары начали появлять-

«Народное право», редактором которого согласился стать Н. К. Михайловский, так и не увидел свет ввиду последовавших весной – летом 1894 г. арестов М. А. Натансона и других лидеров «народоправцев», а также провала их смоленской типографии.

365 См., например: Водовозов В. Урезанный отчет. (Письмо из Самары) // Неделя. 1892. № 8. 23 февр.; Водовозов В. Николаевские земцы и голодные суммы // Русская жизнь. 1892. № 104. 20 апр.; Водовозов В. Самара (Виды на урожай) // Там же. № 201. 26 июля.

ся целые толпы мужиков, оборванных и изможденных, просящих работы и хлеба. В конце 1891 г. разговоры о борьбе с голодом привели к созданию в Самаре особого комитета для помощи голодающим. Это было полулегальное учреждение, то есть не было формально разрешено властями, но власти о нем знали, так как оно действовало совершенно открыто, и не только не чинили ему препятствий, но и вступали с ним в сношения. В комитет входила самая разнообразная публика, от чиновников, занимавших более или менее высокое положение на службе, до лиц явно неблагонадежных и даже поднадзорных; таким был, впрочем, кажется, я один. Из представителей мира официального я помню протоиерея Лаврского – очень колоритную фигуру, человека широко образованного, терпимого, родственными отношениями связанного с миром литературным и радикальным (его сестра была замужем за известным этнографом и политическим деятелем Потаниным) и поддерживавшего с ним связи; он бывал и у меня, и встречался у меня с Ульяновым. Помню там П. П. Крылова, тогда земского или городского врача, впоследствии бывшего кадетским членом I или II Государственной думы³⁶⁶. Из мира более или менее неблагонадежного в него входили доктор В. О. Португалов, некто Осипов (когда-то судившийся по процессу 193-х и отбывший какую-то кару³⁶⁷) и многие другие³⁶⁸.

366 П. П. Крылов, в описываемое время уездный врач Самарского уезда, позднее стал депутатом 1-й Государственной думы.

367 На «процессе 193-х» В. А. Осипову было засчитано предварительное заключение, его выслали под гласный надзор полиции в Самару.

368 Ср.: «В Самаре еще с начала сентября был организован по инициативе преосвященного Владимира епархиальный благотворительный комитет. <...> В члены комитета были приглашены некоторые из священников, купцов и пишущий эти строки, как занимающийся статистическими исследованиями и потому “знакомый с нуждами крестьян”. <...> Средства комитета состояли из пожертвований частных лиц, Комитета Государя

В начале 1892 г. губернская власть устроила в Самаре общественные работы для голодающих беженцев (это последнее слово образовалось только во время Мировой войны, но соответствующее ему явление было), – не то рыли какой-то канал, не то осушали болото. Заведовал им какой-то Перцев. Работы шли плохо; денег они съели много, а ничего из них не вышло; в публике над ними смеялись, и о Перцеве ходила песенка:

Наследника Цесаревича, Общества Красного Креста. Никаких других официальных или частных комитетов для помощи крестьянам не существовало» (*Красноперов И.* 1891 год. (Отрывки из воспоминаний) // *Мир Божий.* 1898. № 12. С. 43–58). В состав Епархиального в г. Самаре комитета для пособия пострадавшим от неурожая входили председатели губернской и уездной земских управ, городской голова и заведующий земским статистическим бюро И. М. Красноперов, а от духовного ведомства – ректор Самарской духовной семинарии архимандрит Серафим, кафедральный протоиерей Валериан Лаврский и еще четыре протоиерея (см.: Распоряжения епархиального начальства. По поводу неурожая хлеба. 18 сентября 1891 г. // Самарские епархиальные ведомости. 1891. № 19. 1 окт. С. 577). Но уже в декабре по предписанию Особого комитета для помощи нуждающимся в местностях, постигнутых неурожаем, произошло объединение епархиального комитета и попечительства Красного Креста в Самарский губернский благотворительный комитет (председатель: губернатор, вице-председатель: епископ Самарский и Ставропольский, члены: губернский предводитель дворянства, вице-губернатор, председатель губернской земской управы, кафедральный протоиерей) с исполнительным комитетом под председательством вице-губернатора и общими собраниями – с приглашением на них «всех лиц, участие которых будет признано полезным для дела» (см.: Журнал соединенного присутствия Самарского губернского попечительства Красного Креста и Епархиального комитета, 29 декабря 1891 года // Там же. 1892. № 2. 15 янв. С. 64).

Перцев, Перцев, где ты был?
 На Самарке ямки рыл.
 Вырыл ямку, вырыл две,
 Закружилось в голове.

Но заработок они все же дали многим сотням, если не тысячам голодных крестьян, бежавших в Самару из своих деревень. Я собрал тогда материал об этих работах, послал корреспонденцию в «Юридический вестник». С. А. Муромцев эту корреспонденцию сильно пощипал, но в общипанном виде все же поместил в одной из книжек за 1892 г.³⁶⁹

В связи с этими работами наш комитет устроил общественную столовую для голодающих, работавших у Перцева. В ней отпускалась за 2 копейки миска щей, за столько же – фунт хлеба, и за столько же давали мы порцию чая: пол чайной ложки чая, два куса сахара и неограниченное количество кипятка. Работали в этой столовой члены комитета и кое-кто из молодежи³⁷⁰; некоторые (немногие из них) пытались исполь-

369 См.: «Сначала было дано занятие приблизительно 400 рабочим, состоявшее в очистке улиц от излишнего снега, в выравнивании ухабов и прочее; но уже через несколько дней можно было приступить к работе более серьезной – к устройству бухты для зимней стоянки пароходов и к ломке камня (за городом) для той же бухты и для шоссирования некоторых дорог. Первая из этих работ предназначалась на 5000 человек пеших и на 2000 конных (во всей Самарской губернии нуждаются в работе около 270 000 человек)» (Водовозов В. Общественные работы в Самаре (корреспонденция) // Юридический вестник. 1892. Т. 10. Кн. 3. С. 489–492).

370 Ср.: «В Самаре жило немало не видных интеллигентных молодых людей, служащих в земских и городских учреждениях, политических ссыльных, поднадзорных, и всем им была дана работа. Это был первый опыт, когда бесправной молодежи была дана возможность вступить на арену общественной деятельности, проявить свои силы и знания. <...> В первое время, по при-

зовать свою работу для революционной пропаганды, хотя комитет этому и не сочувствовал и старался пресекать; впрочем, из нее ничего не выходило.

Через Самару в то время проезжали очень многие, ехавшие с какими-нибудь общественными деньгами открывать столовые в деревнях. Среди них были: Д. Д. Протопопов, тогда деятельный член Комитета грамотности³⁷¹, по тогдашнему настроению склонявшийся к социал-демократии, впоследствии член I Думы, кадет; его брат Всеволод Протопопов; А. Г. Мягков, о котором я сказал (ныне в эмиграции, в Праге); мелкий газетный работник Степан Миклашевский, принявший очень деятельное участие в нашем комитете (ничего общего не имеет с Миклашевским-Неведомским), и многие другие³⁷².

бытии в Самару массы крестьян, надо было найти им жилище, продовольствие, распределить между ними работы и руководить ими на первых порах. Все крестьяне пришли в Самару в летней одежде, некоторые в одной рубахе, при наступлении зимы работа на открытом воздухе в летней одежде была немыслима, поэтому и с этой стороны надо было как-нибудь помочь горю. <...> На ежедневных вечерних собраниях молодежи, нередко затягивавшихся далеко за полночь, обсуждались вопросы о том: где найти для рабочих квартиры, как и чем их кормить, в каком размере платить рабочую плату за те или другие работы и т. д., – все это вопросы, предоставленные на разрешение молодежи» (Красноперов И. Указ. соч. С. 46–47).

371 С.-Петербургский комитет грамотности, созданный Императорским Вольным экономическим обществом в 1861 г. для распространения начального народного образования, главным образом среди крестьян, был закрыт в 1895 г.

372 См.: «Ранее всех в январе месяце в Самару приехала Надежда Константиновна Ушинская, дочь знаменитого педагога. Эта благородная девушка привезла с собой несколько тысяч рублей денег и готова была посвятить свою жизнь и деятельность на пользу голодающего населения. <...> Александр Геннадиевич Мягков, студент горного института, еще с осени жил в селе Куроедовке Ставропольского уезда, где он тоже открыл большую

Многие из них бывали у меня. Из разговоров с ними, да и из всего вообще, что происходило, чувствовалось, что в столицах, откуда по большей части ехали эти люди, голод всколыхнул общественную совесть, что полоса безвременья, апатии, общественной мертвенности, столь характерная для 80-х годов, проходит или прошла, что не только в молодежи, но и во всем обществе зреет новое оппозиционное или даже революционное настроение и что именно это настроение толкает людей на работу в голодающие деревни.

Ехали ли люди с целью кормления голодающих или же с целью революционной пропаганды?

По моим наблюдениям, подавляющее большинство ехало с целью прежде всего кормления голодающих. Для них это было потребностью совести или обычного человеческого чувства сострадания, наконец – просто общественного чувства. О революционной пропаганде большинство из них не думало уже потому, что лишь у немногих была более или менее ясная революционная программа, народническая или социал-демократическая; про остальных можно было сказать то, что я сейчас сказал о Протопопове: склонялись к социал-демократизму или к народничеству. Конечно, никто почти не отказывался при случае в разговоре с мужиком сказать ему отдельную фразу о том, что правительство ничего не делает для помощи народу; что виновато малоземелье, а царь не хочет дать народу землю, потому что он сам помещик и стоит за помещиков; что тяжелы подати, а тяжелы они потому, что ца-

столовую. Он оставался здесь даже в момент появления в деревне холеры и цинги и сам ухаживал за больными. Там же жила и для той же цели М. И. Токмакова (впоследствии жена Н. В. Водовозова), всецело посвятившая себя уходу за больными. <...> Большинство молодежи жило в деревнях до момента появления холеры (в конце июня), а некоторые жили и в холерное время, особенно женщины» (*Красноперов И. Указ. соч. С. 54, 56, 57*).

рю надо много денег, и тому подобное. Такие фразы говорились, но не они были целью и намерением едущих на голод.

Были, конечно, исключения – люди, которые видели в устройстве столовой легкий способ вступить в близкие отношения к крестьянству, чтобы вести среди него пропаганду, как это делали за двадцать лет перед тем люди, «ходившие в народ». Такие были и около нашего комитета, но это были исключения, и не частые. И я сам, когда просился в деревню для работы в столовой, преследовал исключительно задачу кормления, хотя, весьма вероятно, при случае мог бы в разговоре с мужиком высказать ему ту или иную радикальную мысль, сообщить ему тот или иной невыгодный правительству факт. Но не это было целью.

Но любопытно, что ехали толпами на дело кормления голодающих молодые люди обоего пола из радикальных кругов. Круги консервативные или очень умеренные просто как-то не чувствовали ни своего долга по отношению к гибнущему крестьянству, ни простого сострадания к нему. И если в составе нашего комитета имелись некоторые весьма благонамеренные лица, то не они обнаруживали горячность и энергию.

Многих мне приходилось видеть и по возвращении их из деревни, и я ясно видел, какой след в душах их оставляли месяцы работы в голодающей деревне. Выработанное на книжках и брошюрках отрицательное отношение к правительству обращалось в живое чувство ненависти к нему, словесная революционность, сказывающаяся в пении революционной «Дубинушки» или «Утеса Стеньки Разина»³⁷³, заменялась вполне со-

373 Песня «Дубинушка», с использованием народного припева, на стихотворение В. И. Богданова, опубликованное в 1865 г., в переработке А. А. Ольхина была напечатана анонимно в Женеве в 1885 г. Стихотворение А. А. Навроцкого «Утес Стеньки Разина» («Есть на Волге утес...»), написанное в 1864 г., впервые появилось в журнале «Вестник Европы» (1870. № 12) и стало песней, которую участники «хождения в народ» называли «русской Мар-

зревшим активным революционным настроением, за которым должна была последовать активная революционная работа.

Вместе с тем из двух политических умонастроений – народнического и социал-демократического, разделявших тогда радикальные круги, голод сильно ослабил первое и усилил второе. Люди, ехавшие на голод с некоторым сочувствием к социал-демократизму, возвращались решительными социал-демократами (это относится и к обоим братьям Протопоповым); люди, ехавшие с народническими симпатиями, теряли их. Деревня разлагается, никакой власти у земли, о которой говорил Глеб Успенский³⁷⁴, больше не осталось; крестьянство пролетаризируется, и для его спасения необходимо развитие промышленности; оно же необходимо, чтобы воспитать в нем живое политическое сознание, которое недоступно крестьянину, сидящему на земле.

Однако решительно ни от кого из ездивших на голод, даже из лиц, ставших социал-демократами, я не слышал мнения, что кормить голодающих не нужно. Такое убеждение, однако, существовало, существовало у социал-демократов, но лишь у немногих из них и притом у тех, кто на голоде сам не был, голода не видал. Такое мнение, и очень горячо, настойчиво, страстно, высказывал и пропагандировал Владимир Ильич Ульянов, впоследствии знаменитый Ленин.

В первой главе моих воспоминаний я подробно рассказал о моем знакомстве с Александром Ильичом Ульяновым. Тогда же, в Петербурге в 1886–1887 гг., я несколько раз встречался с его сестрой, курсисткой Анной Ильиничной Ульяновой, впоследствии по мужу Елизаровой. Марк Тимофеевич Елизаров был моим товарищем по университету, и я его хорошо знал.

С другой сестрой, Ольгой, которая появилась в Петербурге

сельезой».

374 См.: Успенский Г. И. Власть земли: очерки и «отрывки из памятной книжки». М., 1882.

и поступила на Бестужевские курсы³⁷⁵ после моего ареста, должно быть, осенью 1889 г. (или, может быть, в 1888 г.)³⁷⁶, я познакомился во время моего петербургского отпуска весной 1890 г. в доме Винбергов³⁷⁷. Осенью она привела ко мне своего брата Владимира, положение которого в одном отношении было сходно с моим: в 1887 г., после истории с его братом, он был исключен из Казанского университета³⁷⁸ и желал добиться разрешения и сдать экзамены в государственной комиссии экстерном. Он приехал в Петербург, чтобы навести справки о возможности этого, и за такими справками пришел ко мне. Все, что знал, я ему, конечно, сообщил и даже провел с собою на экзамен по гражданскому праву. В большой толпе экзаменующихся он затерялся и просидел несколько часов, прислушиваясь и присматриваясь. Весною следующего (1891) года, подобно мне, он получил разрешение на сдачу экзаменов при Петербургском университете и благополучно их сдал.

- 375 Высшие женские курсы в Петербурге, неофициально именовавшиеся Бестужевскими по фамилии их учредителя и первого директора – историка К. Н. Бестужева-Рюмина, открылись в 1878 г.
- 376 Неточность: О. И. Ульянова поступила на физико-математическое отделение Бестужевских курсов осенью 1890 г., но, заболев брюшным тифом, скончалась 8 мая 1891 г.
- 377 26 сентября 1890 г. О. И. Ульянова из Петербурга писала своей старшей сестре А. И. Ульяновой-Елизаровой: «Познакомилась я у Винбергов с В. В. Водовозовым; он говорит, что писал Марку Елизарову об экзаменах в юридическую комиссию и, кажется, не советовал Володе ехать. Сам он приехал сюда держать экзамены; он очень умный человек, любит говорить и говорит интересно» (Ленин – Крупская – Ульяновы. Переписка (1883–1900). М., 1981. С. 41).
- 378 После ареста в ночь на 5 декабря 1887 г. за участие в студенческой сходке В. И. Ульянов был исключен из Казанского университета и выслан в деревню Кокушкино под негласный надзор полиции.

Все они, кроме Ольги, которая умерла, кажется, от тифа в начале 1891 г., жили теперь, осенью 1891 г., в Самаре. Таким образом, я знал значительную часть семьи Ульяновых еще до моего прибытия в Самару, но семья была многочисленнее. Самым старшим ее членом были мать, Марья Александровна³⁷⁹, затем следовали Елизаров и Анна Ильинична Елизарова, затем – Владимир и младшее поколение – гимназист, кажется, 5-го класса Дмитрий и гимназистка Мария, лет 14. Все они жили вместе, неподалеку от меня, и представляли из себя на редкость хорошую, дружную семью, несмотря на бросавшееся в глаза резкое различие и физического, и морального облика отдельных ее членов. По внешнему облику она, вместе с ее умершими членами, распадалась на два ярко выраженных типа.

К первому принадлежали покойные Александр и Ольга, и из живых – младшее поколение – Дмитрий и Мария. У них были овальные, бледные, чистые лица с очень широкими и высокими лбами, с глубоко сидящими вдумчивыми пронизательными глазами. Они поражали своей юношеской свежестью и одухотворенностью.

Ко второму типу принадлежали Анна и Владимир. У них были лица пергаментно-желтые, у Анны – притом прыщеватое; глаза у Владимира светились несомненным умом, но все лицо поражало смещением ума и грубости, я готов сказать – животности. Лоб – умный, хотя и покатый, дополнявшийся громадной лысиной: в 21 год Владимир Ульянов был почти совершенно лыс. Мясистый нос. Что-то упорное, жесткое в этих чертах сочеталось с несомненным умом. Это же впечатление оставалось и от лица Анны Ильиничны: и ум, и животность; то и другое – в ослабленной степени³⁸⁰.

379 В рукописи ошибочно указано: «Ильинична».

380 Комментируя историю со взятой братом и потерянной книгой, А. И. Ульянова-Елизарова замечала: «...в 1892 г. у меня было объяснение относительно нее с В. В. Водовозовым в Самаре. Он

Елизаров, по происхождению крестьянин Самарской губернии, и отличался теми чертами, которые по большей части свойственны крестьянам, пришедшим собственными усилия-

сказал М. Т. Елизарову, что вот все же Александр Ильич не вернул ему этой книги, хотя обещал возвратить; что В. В. преждед его относительно того, какая редкая это книга, а Александр Ильич может влететь серьезно (В. В. Водовозов утверждал, что слышал что-то о террористическом замысле). В. В. зачислял этот факт – в осторожных, правда, выражениях – в пассив этической личности брата, как вообще террористов и революционеров, небрежно относящихся к чужой собственности, к исполнению данных обещаний. Он как бы говорил этим: “Жизнью, правда, я (и такие, как я) за общее благо не жертвую, но одолженные мне книги возвращаю неизменно”. Возмущенная, понятно, таким отношением со стороны человека, которого считала одним из товарищей Саши, я указала в своем объяснении, что даже на последнем свидании перед казнью Саша беспокоился относительно этих книг и просил мать разыскать их. – “Вот если бы вы мне это сказали...” – прервал меня Водовозов. – “Мало же вы знали брата, если то, что я сказала вам, явилось новостью для вас”, – ответила я. Водовозов промолчал. Помню, что Володя очень возмущился, когда я передала ему об этом разговоре. – “Пусть он прямо скажет, чего он хочет: пусть скажет, сколько стоит книга, и мы вернем ему”. И досадливо передернул плечами, когда я указала, что Водовозов говорит не о деньгах, а вносит, как бы сказать, этим фактом поправку в нравственную характеристику Саши. Прочитав в 1926 году в заграничном журнале “Голос минувшего из чужих краев” статью В. Водовозова “Мои встречи с Лениным” (Правильно: «Голос минувшего на чужой стороне»; «Мое знакомство с Лениным». – В. Г.), где он делит семью Ульяновых на два этических типа, противопоставляя Владимиру Ильичу и мне высшую моральную организацию и большее благородство брата Александра Ильича и других членов нашей семьи, я припомнила, что он находил дефект в нравственной личности и Александра Ильича» (Ульянова-Елизарова А. И. Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове. С. 283–284).

ми к образованию: черты лица его были грубые, полуинтеллигентные; он отличался средними способностями, большим трудолюбием и упорством и большой обидчивостью и самолюбием, а вместе – большой привязчивостью к людям, которые ему нравятся; для него такими была семья Ульяновых (и особенно Владимир), перед которой он благоговел.

Брат Елизарова оставался крестьянином и в качестве такового был гласным уездного Самарского земства, где выдавался своей борьбой за школы, за медицину, за мероприятия для борьбы с голодом. Я сам раз присутствовал на земском собрании, на котором предводитель дворянства, граф Толстой, старался урезать ассигновку на медицину, приводя невероятный аргумент, что доктора напрасно пичкают больных крестьян дорогими лекарствами по последнему слову науки; крестьяне – народ простой, и лечить их следует простыми лекарствами.

– Мне кажется, что мы здесь не компетентны указывать докторам, какие лекарства они должны употреблять, – очень веско сказал Елизаров-брат, подчеркивая слово «не компетентны» и произнося его не без труда, как, по-видимому, недавно и не вполне усвоенное, и вместе с некоторой гордостью, что ему такие слова знакомы.

Кем была мать Ульяновых до замужества, я не знаю, но она напоминала классную даму³⁸¹. Все время заботилась она о внешнем приличии, о хороших манерах. Но чего другого, а хороших манер у Владимира и Анны не было. Грубые выходки и жесты Владимира, грубые словечки – их у него было много – шокировали и коробили ее.

– Ах, Володя, Володя, – беспрестанно срывалось у нее, –

381 В 1863 г., сдав экзамены на звание домашней учительницы, М. А. Ульянова (урожденная Бланк) вышла замуж за И. Н. Ульянова, служившего учителем математики в Пензенском дворянском институте.

разве так можно!

Совершенно напротив, тихие, конфузливые, сдержанные Дмитрий и Мария вполне соответствовали ее идеалам бонтонности³⁸². Но, несмотря на это, она, пережившая так недавно страшную трагедию смерти на виселице ее старшего сына и так недавно другую, преждевременную смерть дочери Ольги, всю силу своей любви перенесла на Владимира.

Вообще Владимир был центральной фигурой в семье; вся семья считала его гением и благоговела перед ним. Благоговение выражалось между прочим в том, что его семейные, братья и сестры, охотно болтавшие о всякой житейской всячине, по вопросам научным или политическим в его присутствии высказывать своих мыслей не смели; для этого он слишком подавлял их своим авторитетом. Напротив, в его отсутствие они говорили, всегда повторяя его мнения, – кроме матери, которая вообще была крайне молчалива и которую вызвать на разговор о чем бы то ни было было почти невозможно.

Так относилась к нему не только семья. Вокруг него группировался небольшой кружок молодежи, в котором он был непререкаемым авторитетом. «Владимир Ильич сказал», – против этого нельзя спорить; то, что сказал Владимир Ильич, было «неоспоримой истиной». А между тем ему всего 21 год, тогда как в кружке были люди лет на 5–6 старше. Из членов этого кружка я помню Аполлона Шухта; впоследствии он был в эмиграции и, возвращаясь из нее в 1917 г., посетил меня; оказалось, что он остался верным оруженосцем Ленина. Помню очень милую барышню Марью Петровну Ясеневу, впоследствии вышедшую за Василия Семеновича Голубева. Голубев этот был социал-демократом, перенес тюрьму, в которой был однажды избит, и ссылку в Сибирь, затем служил в Саратовском земстве и редактировал «Саратовскую земскую неделю». Потом, в 1905–1907 гг. он был моим товарищем по редакции

382 соблюдения хорошего тона, светских приличий (от *фр.* bon ton).

«Нашей жизни», причем в нашей редакции занимал место на крайнем правом фланге, приближаясь к партии кадетов или даже правее его. Но его жена оставалась правоверной социал-демократкой – большевичкой и фанатической поклонницей Ленина; кажется, на почве политических разногласий у них в семье был ад, из которого Голубева освободила смерть в 1907 или 1908 г.³⁸³ Вообще, насколько я знаю, Ленин умел привязывать к себе людей навсегда, и кто был его поклонником в молодости, тот оставался им до конца. Я говорю, конечно, о времени его молодости, а не о тех, кто примазался к нему после его торжества в 1917 г.

Во всяком случае, у Владимира Ульянова уже тогда, когда он только что сдал кандидатский экзамен, были данные, чтобы царить в небольшом кружке верных. Образование его было не разносторонне: литературу знал посредственно, философией и естествознанием совершенно не интересовался, хотя в этих областях все для него было ясно и разрешено; юриспруденцию тоже знал посредственно (для хорошей сдачи экзаменов, не более), но политическую экономию и экономическую историю он действительно знал глубоко и серьезно. Его знания прямо поражали того, кто помнил, что ему едва 21 год. И каждый факт, который знал, он знал точно, ясно и отчетливо. Цитиро-

383 В. С. Голубев умер в 1911 г. 20 апреля 1908 г. он писал В. В. Водозову: «Разъединенные после стольких лет совместной работы, мы совсем теряем из виду друг друга. Как тяжела потеря “Нашей жизни”. Вы, конечно, знаете, что я и Жилин работаем в “Слове”, т. е. спустились в буржуазные сферы. Но мне кажется, что мы не делаем все-таки дурного дела. А “Слово” все-таки несколько поледело. Да и где же теперь работать, а ведь работать приходится. В политическом отношении “Слово” радикально, на левых не нападает. В общем, чистоплотно. Вот, может быть, и Вы не надумаете ли что-либо прислать в “Слово”? Я знаю, что для Вас это нелегко. Но я знаю в то же время, что именно для Вас отсутствие цензурной работы страшно тяжело» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2128. Л. 1).

вать мог на память обширную экономическую литературу, буржуазную и социалистическую, и цитаты его обыкновенно бывали очень точны, кроме тех случаев, когда он для торжества в споре сознательно их искажал, что с ним случалось, хотя не часто. Он уже тогда заявлял себя решительным марксистом, признавая и его историко-философскую систему (экономический материализм), и его социалистические выводы за окончательную, установленную, незыблемую истину. Его марксизм был в полном смысле религией, – всякое сомнение в нем, всякое возражение заранее осуждено, как плод явной или скрытой буржуазности. И вера в пролетариат, в то, что только пролетариат может быть истинным носителем прогресса, была непоколебима.

Я помню такой разговор. Появилась статья Янжула об английском экономисте и политическом деятеле Тойнби³⁸⁴. Мне эта статья понравилась.

– Да ведь этого Тойнби освистали рабочие, как это видно из той же статьи Янжула³⁸⁵! – возразил мне Ульянов.

384 См.: Янжул И. Практическая филантропия в Англии // Вестник Европы. 1890. Т. 1. С. 620–674.

385 Ср.: «В январе 1883 года он вздумал прочесть перед обширной и весьма смешанной аудиторией лондонских рабочих две лекции о трудах известного Генри Джорджа, к некоторым положениям которого он относился критически. Небольшая часть аудитории принадлежала к крайней партии, которой не нравились некоторые замечания оратора; поднялся шум, и лекции по временам прерывались. Не нужно объяснять, как это должно было глубоко поражать и действовать на сердце впечатлительного энтузиаста. 13-го января того же года, почти умирающий, уже с большим трудом прочел Тойнби вторую лекцию, на которой произошел беспорядок. Страшное нервное возбуждение произвело у него продолжительную, на несколько недель, бессонницу; это состояние разрешилось воспалением мозга и в семь недель свело его в могилу; ему было менее 31 года от роду» (Там же. С. 649–650).

– Неужели же рабочие непогрешимы? – спросил я.

Ульянов только плечами пожал.

Кроме знаний, у Ульянова были и другие данные, чтобы властвовать. Я бы не сказал, что он был красноречив. В его речи совсем не было того пафоса, который увлекает слушателя в речах лучших ораторов, которых я слышал: Бебеля, Стамбулова и других. Физических данных для красивой речи у него не было; голос, хотя и достаточно громкий для самой большой залы, был несколько хриплый (если правда, будто у него был сифилис, чего я не знаю и во время нашего знакомства не подозревал, то, может быть, эта хриплость, так же как и лысина, объяснялись именно им) и монотонный; длинная его речь могла утомить слушателей. Но она всегда была насыщена фактами, всегда была чрезвычайно ясна и удобопонятна для наименее подготовленного слушателя, всегда чрезвычайно логично построена и убедительна. Он умел упростить самый сложный и запутанный вопрос.

Это умение отчасти, может быть, объяснялось большим примитивизмом его мысли; простой философский материализм, классовая борьба, прибавочная стоимость, экспроприация экспроприаторов (в более позднее время эта формула была переведена в «грабь награбленное»), все эти формулы – очень ясные, и в них прекрасно укладывалось все мировоззрение Ленина со всем богатством фактических знаний. Ясностью и удобопонятностью речи он умел увлекать рабочих и малообразованных слушателей из молодежи. А вместе с тем он умел приказывать, требовать, и люди, вокруг него стоявшие, находили удовольствие в том, чтобы исполнять его приказания и требования. Семейные это делали для доставления ему жизненных удобств и предоставления ему всех условий для спокойных занятий. Своим поклонникам он приказывал читать те или другие книги, – и те эти приказания свято исполняли. Позже, когда Ленин принялся за активную революционную работу, он точно так же распоряжался своими поклонниками.

Пользуясь неограниченной властью в своем кружке, он

прибегал к тем приемам, которые отличают вообще всякую неограниченную власть. Я сказал, что был встречен всей семьей Ульяновых чрезвычайно тепло и первое время поддерживал с ней очень тесные дружеские отношения, но постепенно они начали охлаждаться вследствие наших с Владимиром Ульяновым разногласий по очень многим вопросам. Однажды я сказал одному из его поклонников, что Ульянов в споре прибегает к аргументам, не всегда считаясь с их истинностью, – лишь бы они вели к его торжеству, хотя бы временному, к успеху среди плохо разбирающихся слушателей. Сейчас же этот отзыв был передан Ульянову. Я сам не придавал значения этому разговору, даже забыл о нем и был очень поражен, что, когда после этого пришел к Ульяновым, Владимир Ульянов встретил меня очень сухо и как-то скривился, подавая мне руку. Но через несколько минут дело объяснилось. Он вызвал меня в другую комнату и потребовал объяснений по поводу моей фразы. Я эти объяснения дал, – не помню хорошенько, какие они были; вероятно, я старался смягчить свои выражения. Разговор привел к формальному примирению, но по существу наши отношения с тех пор были довольно натянутые, хотя с семьей его оставались более дружескими. По-видимому, этого разговора членам семьи он не передал. Для нашего охлаждения, кроме этого частного инцидента, были и другие основания, а именно – слишком глубокое разногласие по жгучему вопросу о голоде.

Ульянов резко и определенно выступил против кормления голодающих. Его позиция сводилась к следующему. Голод есть прямой результат определенного социального строя; пока этот строй существует, голодовки неизбежны; уничтожить их можно, лишь уничтожив этот строй. Будучи в этом смысле неизбежным, голод в настоящее время играет роль и прогрессивного фактора. Разрушая крестьянское хозяйство, выбрасывая мужика из деревни в город, голод создает пролетариат и содействует индустриализации страны; это – явления прогрессивного порядка. Но голод может и должен явиться прогрессивным фактором не только в области экономической. Он заставит мужика задуматься над основами капиталистического

строю, разобьет веру в царя и царизм и, следовательно, в свое время облегчит победу революции.

Стремление так называемого общества прийти на помощь голодающим, облегчить их страдания совершенно понятно. Ведь это «общество» есть плоть от плоти, кость от кости буржуазного строя; в какие бы оно ни рядилось социалистические мантии, в какие бы цвета ни окрашивалось, оно не в силах отвлечься от интересов буржуазии. Голод грозит потрясениями, быть может – гибелью современному строю. Поэтому поддержка голодающих в своей основе есть стремление спасти основы буржуазного строя, а следовательно, и самих себя. Психологически же все разговоры о кормлении голодающих есть выражение обычного слащавого сентиментализма, свойственного нашей интеллигенции³⁸⁶.

Эту свою позицию Ульянов развивал у меня, у себя, везде, где только собиралась революционно и оппозиционно настроенная публика и где он имел возможность выступать. Вся семья Ульяновых вторила ему, и крестьянин Елизаров в том числе, этот – даже особенно резко, отмежевываясь от деятельности своего брата в земстве. Если в устах Владимира Ильича такого рода рассуждения хотя и возмущали, но не особенно резали ухо, – более того, они, казалось, вполне гармонизировали с общим обликом оратора, глубокая вера которого в свою правоту сквозила из каждого его слова, то в устах Дмитрия и Маши Ульяновых прямо коробили слушателя, – так не вязались они с их общим мягким, нежным, гуманным обликом. Часто, слушая их и Владимира Ильича, я спрашивал себя, какую позицию занял бы по этому вопросу покойный Александр Ильич. Конкретного материала для ответа на вопрос у меня, конечно, нет,

386 Ленинские апологеты до сего дня ломают копья по поводу «вздора о “прогрессивности голода”, который Водовозов приписывал Ульянову», «заведомой неправды» и «наветов» его на вождя большевизма; см., например: *Логинов В. Т. В. И. Ленин. Полная биография.* М., 2021. С. 97–104.

но общий характер духовной личности его заставляет меня думать: нет, он был бы не с Владимиром.

В наш комитет Ульянова никто, конечно, и не думал звать. Он вел против него усиленную пропаганду. На многих собраниях он встречал возражения, и между прочим с моей стороны, – и эти возражения охлаждали наши отношения. Большинство молодежи было, без сомнения, против Ульянова, но его тесно сплоченный кружок стоял горой за него. Был случай, когда одна из его поклонниц, М. П. Ясенева, поколебалась и согласилась было работать в столовой, но через несколько времени вернулась к позиции Ульянова и разорвала с нашим комитетом.

Как я уже сказал, взгляд Ульянова не мог считаться типичным или даже господствующим в социал-демократии того времени. Плеханов печатно выражал другой взгляд³⁸⁷; Булга-

387 Ср.: «Голодный тиф, голодная смерть, самоубийство от голода, убийство близких людей с целью избавить их от невыносимых мучений, а в лучшем случае полное экономическое разорение – вот что выпало теперь на долю и без того уже совсем не избалованных судьбой крестьян, бедных городских мещан и рабочих. При виде этого страшного положения чувство ответственности перед родиной пробуждается даже в таких сердцах, которые никогда еще не сочувствовали народному горю; сознание гражданских обязанностей закрадывается даже в такие головы, вся политическая мудрость которых исчерпывалась правилом: бога бойся, царя почитай. Тем энергичнее должны исполнять свою обязанность мы, социалисты, давно уже открывшие глаза на бедственное положение народа и объявившие решительную, беспощадную войну всем его эксплуататорам. Теперь, при уходе за больными жертвами голода, ежедневно рискуют своею жизнью даже такие люди, на которых мы привыкли смотреть с некоторым пренебрежением, как на сторонников маленьких социальных (“законных”) полу-реформ, мирных деятелей, напрасно старающихся вычерпать чайной ложечкой глубокое безбрежное море народных страданий. Эти

ков, тогда социал-демократ, напечатал (значительно позднее, кажется, в «Новом слове») статью против такого взгляда³⁸⁸. И когда я в 1900 г. излагал Плеханову взгляд Ульянова, то Плеханов очень удивился; он знал, что такие мнения в социал-демократической среде существовали, но не знал, что их держался когда-нибудь Ленин. Между тем я даже не мог бы себе представить, чтобы аморалист Ленин мог держаться другого мнения в этом вопросе. Тогда еще не было большевиков и меньшевиков, но мне кажется, что будущее различие между этими двумя фракциями очень отчетливо выразилось в этом разногласии между Ульяновым и хотя бы Д. Протопоповым.

Я часто вспоминал эти разговоры в 1921 г. Царил Ленин. В стране был голод, – более сильный, чем за 30 лет перед тем. Большевицкое правительство неумело старалось смягчить последствия голода. Общество, не большевицкое, тоже старалось сделать что-либо и наталкивалось на препятствия со стороны правительства, – несравненно более сильные, чем те, которые в аналогичном случае ставило правительство царское. А «Петербургская правда»³⁸⁹ (вероятно, то же делала и московская, но я ее не читал) утверждала, будто эмиграция и вообще буржуи злорадствуют по поводу голода и не желают пальцем о палец ударить, чтобы его смягчить; за это она их называла подлецами. *Mutatis mutandis*³⁹⁰ повторилось то, что я видел в

мирные – и, по правде сказать, очень нелогичные – люди бесстрашно исполняют свой долг, как они его понимают. Неужели мы останемся позади них? Неужели *наша* энергия и *наше* самоотвержение не удесятерятся ввиду настоятельных требований переживаемого нами исторического момента?» (Плеханов Г. В. О задачах социалистов в борьбе с голодом в России: (Письма к молодым товарищам). Женева, 1892. С. 1–2).

388 См.: Булгаков С. Н. Еще несколько слов по поводу неурожая // Новое слово. 1897. № 12. С. 268–272.

389 Правильно: «Петроградская правда».

390 с соответствующими изменениями (лат.).

1891 г. С тем только отличием, что я не уверен, что такие эмигранты и буржуи, о которых говорила «Петроградская правда», существовали в действительности; по крайней мере, я их не видал и мнений такого рода не читал иначе как в суммарной, без точных цитат, передаче «Правды».

К весне 1892 г. в моих отношениях с Ульяновыми наступило такое охлаждение, что мы почти не видались.

Осенью 1892 г. мне разрешили выехать в отпуск на два месяца в Петербург³⁹¹. Я уезжал в надежде, почти уверенности,

391 Неточность: 18 сентября 1892 г. министр внутренних дел И. Н. Дурново уведомил самарского губернатора, что признано возможным разрешить В. В. Водовозову «временное пребывание в С.-Петербурге в течение трех месяцев для научных занятий», о чем поднадзорный ходатайствовал 1 сентября: «Находясь вот уже пятый год в административной ссылке, я лишен возможности как подготовиться к экзамену на степень магистра уголовного права, так и заниматься всякой иной самостоятельной научной работой. В настоящее время я взялся за составление большого труда по этнографии Африки, но работа эта требует пользования массой научных пособий, доступных для меня только в С.-Петербургской Публичной библиотеке. Поэтому я решаюсь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство дозволить мне приехать на три месяца из Самары, где я теперь нахожусь, в С.-Петербург...» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3 д-во. 1893. Д. 140. Л. 81–81а).

20 сентября Водовозов пояснял матери: «Милая мама, написать прошение так, как ты хочешь, я не могу. Я могу написать иначе, но та форма, которую предлагаешь ты, для меня представляется невозможной. <...> Твое прошение не хорошо потому, что это связывает меня обязательствами не на три месяца, а на всю жизнь, – я же таких обязательств дать не могу. Но если ты думаешь иначе, то делать нечего, и я примирюсь с Самарой еще на 5 мес. Что касается до литературной работы, то я не могу смотреть на нее как на дело своей жизни. Не в том дело, что популяризация менее почетна, чем наука, или наоборот, а в том дело, что ни популяризация, ни наука не могут быть серьезным

что отпуск будет продлен до конца срока моей ссылки (то есть до 30 января 1893 г.) и что я в Самару не вернусь (это ожидание оправдалось)³⁹². Поэтому я увозил все свои книги, возвращал взятые мною вещи их владельцам, раздаривал свои и прощался. Был я и у Ульяновых и простился очень дружески, тепло. Владимир и Митя даже пришли меня провожать на пароход (я уезжал на Нижний Новгород).

В 1895 г., приехав на короткий срок в Петербург, я зашел к Владимиру Ульянову, находившемуся там. Он принял меня неожиданно очень сухо, хотя лично я его за эти три года не мог ничем обидеть. Очевидно, сухость была результатом расхождения наших общественных позиций.

делом при русских журнальных и цензурных условиях; кто думает иначе, тот, мне кажется, обольщается. <...> Найти себе заработок после освобождения (если понадобится), я найду, в случае нужды, и без литературы, – об этом я говорю тебе с уверенностью. Но пока я все-таки не вижу надобности отказываться и от литературы. Но дело пока не в этом, а только в том: возможно ли мне попасть в Петербург теперь? Я бы охотно подал прошение даже о трехнедельном отпуске с тем, чтобы потом вернуться в Самару, но если ты не находишь возможным идти к Дурново с моим прошением, то, значит, и разговаривать нечего» (Там же. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2646. Л. 1–2).

- 392 В. В. Водовозов с женой покинул Самару 29 сентября 1892 г., а 3 октября М. Т. Елизаров шуточно писал ему: «...Как-то Вы добрались до Петербурга? У нас здесь погода опять испортилась. Пошли дожди. Был у Крылова, и он мне сообщил по секрету, что просил Вас о содействии..., т. е. чтобы Вы, когда будете министром в Болгарии, дали ему место директора медицинского департамента. Ввиду сего и я обращаюсь к Вам с просьбой – дайте и мне место, ну, хоть правителя канцелярии какого-нибудь министерства... Однако довольно болтать. Прощайте! Желаю Вам всяких благ. Передайте почтение Вере Петровне, Василию Ивановичу и всем общим знакомым. Остаюсь Ваш, М. Елизаров» (Там же. Д. 2158. Л. 5).

В 1906 г. мы встретились на митинге в Тенишевском училище³⁹³ (описанном в мемуарах Войтинского), где выступал оратором я, а после меня – Ленин³⁹⁴. Он демонстративно меня

393 Тенишевское училище – среднее учебное заведение на Моховой улице, основанное в Петербурге в 1898 г. князем В. Н. Тенишевым; получило в 1900 г. статус коммерческого училища.

394 Мемуарист путает место проведения митинга, ср.: «Наиболее многолюдным было собрание в народном доме гр. Паниной, созданное 9 мая трудовиками и социал-демократами. Огромный зал был переполнен. В толпе преобладали рабочие. После доклада В. В. Водовозова, говорившего о необходимости путем давления на Государственную Думу обеспечить руководящую роль в ней за “Трудовой группой”, выступали представители социал-демократов. Под именем Берсенева говорил Ф. Дан. <...> Когда он кончил, на трибуну поднялся следующий оратор. Часть собрания встретила его бешеными аплодисментами, но большинство смотрело на аплодировавших с недоумением, не понимая, что означают эти овации по адресу никому неведомого “г. Карпова”. <...> И далее, при возраставшем энтузиазме собрания, оратор отстаивал “старый, испытанный путь революции”: “Не поддерживать Думу, не давить на нее мы должны, а вне ее накапливать свои силы для решительного последнего боя с самодержавием”. Это был Ленин» (*Войтинский В. С. Годы побед и поражений. Берлин, 1924. Т. 2. С. 54*).

См. также газетный репортаж с митинга: «Нагайка свирепствует, бесправие и произвол царят по-прежнему, – начал свою речь г. Водовозов, – несмотря на то что у нас заседает Государственная Дума. Понятно, что у многих вследствие этого взгляд на нее далеко не оптимистический; все несчастье в том, что в Думу попали кадеты, которые не «требуют», как это следовало бы, а «просят». Но социал-демократы, сделавшие громадную ошибку, бойкотируя выборы, должны теперь исправить ее, влияя на Трудовую группу, заставляя ее таким образом проводить в жизнь свои идеалы. К.-д. должны пойти у нее на буксире». <...> Далее произносит сильную речь г. Ленин. Кадеты, по его словам, превратили Думу из органа гнева и борьбы в орган просьбы. Путем ходатайств они ничего не добьются». В заклю-

не захотел узнать. Больше я с ним не встречался.

Оценивать в истории России роль Ленина можно по-разному, но никто не станет отрицать, что эта роль была крупная. Конечно, тогда, во время нашего знакомства, я не предвидел характера этой роли; не предвидел того, что эта роль, с моей точки зрения, будет до такой степени отрицательной и губительной. Но что эта роль будет крупная, даже очень крупная, в этом я никогда ни одной минуты не сомневался. Не сомневался и в том, что она будет отрицательная, и как-то даже в одном разговоре о нем назвал его будущим «русским Маратом». И этого мало. Я могу сказать, что ни один факт из жизни Ленина, ни одно его действие, ни одно его мнение меня не удивили. При чтении каждой его статьи или речи, при каждом его действии я говорил себе: это должен был сказать именно Владимир Ульянов, именно так должен был он поступить. Под каким бы псевдонимом он ни скрывался, а он переименовал их несколько – Тулин, Ильин, Карпов, Ленин, – я всегда угадывал его раньше, чем об этом доносился до меня слух.

чение Лениным была предложена единогласно принятая резолюция: «Собрание заявляет, что партия народной свободы и кадеты выразили лишь робко и неполно народные требования, не выполняют своего обещания объявить созыв всенародного учредительного собрания. Мы предостерегаем народ от партии, которая колеблется между народной свободой и угнетающей народ старой самодержавной властью. Мы призываем крестьянскую (Трудовую) и рабочую группы в Государственной Думе выступать решительно, совершенно независимо от кадетов, каждая со своими самостоятельными требованиями и заявлять полностью нужды народа...» (Митинг в народном доме гр. Паниной // XX век. 1906. № 43. 11 мая; см. также: А. Б. Митинг в доме гр. Паниной // Наша жизнь. 1906. № 442. 11 мая).

■ Часть II. Годы странствований. 1893–1900

Глава I. Окончание ссылки. – Поездка в Германию. – Университетская годовщина 8 февраля 1894 г. и моя высылка из Петербурга

30 января 1893 г. истек пятилетний срок моей ссылки. В этот момент, однако, я находился в Петербурге, в отпуску из ссылки; там меня вызвали в полицию и дали подписать бумагу, что мне на два года запрещен въезд в столицы и столичные губернии, а также во все университетские города. Таким образом, окончание срока ссылки было для меня началом новой если не ссылки, то высылки; я получил право выбрать себе место жительства, но из выбора были исключены как раз те места, которые представляли мне известные удобства для моих занятий. Зато я мог утешаться тем, что даже столицы запрещены мне всего на два года, тогда как обыкновенно после ссылки они оказываются запретными навсегда, впредь до особого разрешения. Через два года я имел возможность убедиться, что в этой льготе для меня лежит какое-то странное недоразумение, но об этом я расскажу в своем месте.

Эта высылка была для меня довольно неожиданной; я даже не имел возможности посоветоваться насчет выбора места со своей женой, так как она как раз в это время отбывала трехнедельный арест по делу об отлучке из Шенкурска, о котором я говорил в своем месте, а моего отъезда настоятельно требовали в трехдневный срок. Я выбрал для начала Выборг и уехал туда; после освобождения присоединилась ко мне и жена. Знакомых у меня там не было ни души, дела на месте тоже не было; выбрал же я его вследствие близости к Петербургу и сравнительной легкости ездить туда, как легально (по отпуску), так и нелегально, с ночевкой у кого-нибудь из знакомых и с условием не появляться на Васильевском острове, где меня знали в лицо все городовые; я несколько раз действительно пользовался тем и другим.

В это время я усиленно сотрудничал в незадолго перед тем возникшем журнале «Мир Божий» (впоследствии вынужденном переменить название на «Современный мир»), осно-

ванном Александрой Аркадьевной Давыдовой; начал систематическую работу в словаре Брокгауза и Ефрона, где писал большую часть статей по новейшей истории Западной Европы³⁹⁵ и Америки и много статей по государственному праву³⁹⁶, в «Юридическом вестнике» и некоторых других журналах. Порядочной библиотеки, подходящей для моих потребностей, в Выборге не было, и книги я должен был привозить или выписывать из Петербурга.

Через три месяца я сколотил достаточную для скромной заграничной поездки сумму – рублей 250, запасаюсь корреспондентской карточкой от маленькой газетки, издававшейся тогда в Петербурге, «Русская жизнь» (Пороховщикова³⁹⁷; действительный редактор – Песис, сотрудники – Хирьяков, Трозинер и др.), – и уехал в Германию³⁹⁸. Туда меня влекли производившиеся там летом 1893 г. выборы в рейхстаг.

- 395 См., например: Греция: Новая история. Современное государственное устройство и финансы // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1893. Т. 9а. С. 650–662; Ионийские острова // Там же. СПб., 1894. Т. 13а. С. 747–748; Италия (1792–1894) // Там же. С. 533–566, и др.
- 396 См., например: Государственное банкротство // Там же. СПб., 1893. Т. 9. С. 393–394; Демократия // Там же. СПб., 1893. Т. 10. С. 368–371; Империализм // Там же. СПб., 1894. Т. 13. С. 13–14; Милитаризм // Там же. СПб., 1896. Т. 19. С. 293–295, и др.
- 397 В рекомендации от 28 сентября 1892 г., которую самарский врач В. О. Португалов адресовал редактору-издателю газеты «Русская жизнь» А. А. Пороховщикову, говорилось: «Вручитель этого письма, В. В. Водовозов, Вам знаком лишь как сотрудник, и то – недавно. Я же его знаю и давно, и хорошо. Смею Вас уверить, что чем больше Вы с ним сблизитесь, тем лучше будет для Вас и для Вашей газеты. Я даже прямо прошу Вас об этом» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2820. Л. 1).
- 398 Из Петербурга В. В. Водовозов отбыл за границу 14 мая 1893 г. по Варшавской железной дороге (Там же. Ф. 102. Оп. 91. 3 д-во. 1893. Д. 140. Л. 113).

Мои интересы к этому времени установились на вопросах текущей политики вообще, в частности на том, что немцы называют *Parteiwesen*³⁹⁹. Вопрос о значении политической партии как органа государственной власти, об образовании партий и их характере в разных странах в то время был в научной литературе почти не разработан; лишь значительно позднее профессора государственного права стали включать в свои общие курсы особые отделы о политических партиях как органе государственного управления и появились специальные исследования о них (М. Острогорского по-французски, Lowell по-английски, Michels по-немецки⁴⁰⁰ и др.). У меня сложился план написать именно такую работу, и я решил начать специальное ознакомление с моей темой в Германии в момент выборов, когда политические партии живут особенно интенсивной жизнью.

Много лет я занимался этой работой; написал длинный ряд частных работ по своему предмету⁴⁰¹; все статьи и о «политических партиях» вообще, и об отдельных партиях Европы и Америки (а позднее – и России), о либерализме, консерватизме, социализме, клерикализме и т. д. в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона написаны мною⁴⁰²; мною же напи-

399 *Parteiwesen* (нем.) – партийное дело.

400 См.: Ostrogorski M. *La democratie et l'organisation des partis politiques*. Paris, 1903. Т. 1–2; Lowell L. *Governments and Parties in Continental Europe*. Boston; N. Y., 1896. 2 vols.; Michels R. *Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie. Untersuchungen über die oligarchischen Tendenzen des Gruppenlebens*. Leipzig, 1911.

401 См., например: Водовозов В. В. *Что такое политическая партия?* Пг., 1917.

402 См. статьи «Демократическая партия в Сев. Амер. Соединенных Штатах», «Конституционно-демократическая партия в России», «Крестьянский Союз всероссийский», «Либерализм», «Младотурки», «Монархия», «Народная Воля», «Оппозиция»,

сано бесчисленное множество таких статей в различных периодических изданиях⁴⁰³; даже теперь, в эмиграции, я пишу статьи на эти темы для издающегося теперь (с 1929 г.) в Праге чешского «Slovník národohospodářský, sociální a politický»⁴⁰⁴, читал на этот счет множество публичных лекций, но, увы, большой, цельной работы за недосугом и вследствие чрезмерной обширности задуманного плана не написал.

В Германии, главным образом в Берлине, но также в Лейпциге, Кельне, Франкфурте-на-Майне, Штутгарте и некоторых других местах, я провел около двух месяцев. Запасшись некоторыми рекомендательными письмами, я сразу сделал хорошие знакомства, преимущественно в социал-демократической среде⁴⁰⁵; познакомился с Бебелем, Либкнехтом (отцом), Зингером, Фольмаром, Каутским и др. Удалось мне приобрести некоторые знакомства и в других лагерях: свободомыслящем⁴⁰⁶, даже клерикальном⁴⁰⁷, консервативном⁴⁰⁸ и антисеми-

«Оппортунисты», «Партии политические», «Свободомыслящие», «Свободомыслящие в России», «Социалистические партии», «Союзы и собрания в России», «Союзы профессиональные и политические в России», «Трудовая группа» и др.

403 См.: Водовозов В. В. Политические партии Австрии // Русское богатство. 1898. Кн. 9. С. 142–160.

404 См.: Slovník národohospodářský, sociální a politický. Praha, 1929–1933. Díl 1–3.

405 В результате объединения Всеобщего германского рабочего союза (Allgemeiner Deutscher Arbeiterverein), организованного в 1863 г. Ф. Лассалем в Лейпциге, и Социал-демократической рабочей партии (Sozialdemokratische Arbeiterpartei Deutschlands), созданной в 1869 г. А. Бебелем и В. Либкнехтом в Эйзенахе, в 1875 г. на съезде в Готе была учреждена Социалистическая рабочая партия Германии (Sozialistische Arbeiterpartei Deutschlands), переименованная в 1890 г. в Социал-демократическую партию Германии (Sozialdemokratische Partei Deutschlands).

406 В 1884 г., помимо культурно-просветительного Немецкого союза свободомыслящих (Deutscher Freidenkerbund), основанного

тическом⁴⁰⁹.

Но сразу же я заметил, что в лагере социал-демократическом знакомства завязываются гораздо легче. Всякий другой политический деятель принимал меня – приходил ли я к нему с рекомендательным письмом или только со своей визитной карточкой корреспондента неизвестной ему маленькой русской газеты – всегда очень вежливо, всегда очень любезно отвечал на все поставленные ему вопросы, но сам ни о чем не спрашивал, ни о чем не заговаривал и дальнейшее знакомство делал невозможным. Были, конечно, исключения, но их было

во Франкфурте-на-Майне в 1881 г. для объединения атеистов и материалистов, возникла Немецкая партия свободомыслящих (Deutscher Freisinnige Partei), образовавшаяся путем объединения Немецкой прогрессистской партии (Deutsche Fortschrittspartei) и Либерального союза (Liberaler Vereinigung) – отколовшегося левого крыла Национал-либеральной партии (Nationalliberale Partei).

- 407 Партия католического центра, Партия Центра (Deutsche Zentrumsparthei), основанная в декабре 1870 г.; получила название от католической группы («фракции Центра»), существовавшей в 1858–1867 гг. в парламенте Пруссии, члены которой занимали места в его центральной части между консерваторами справа и либералами слева; отстаивала права католической церкви и национальных меньшинств, зачастую находясь, особенно при Бисмарке, в оппозиции к имперскому правительству.
- 408 Имеются в виду Немецкая консервативная партия (Deutsch-konservative Partei, 1876–1918) и Свободно-консервативная партия (Freikonservative Partei, 1866–1918), позже именовавшаяся Немецкой имперской партией (Deutsche Reichspartei, с 1881).
- 409 В 1886 г. был учрежден Немецкий антисемитский союз (Deutsche Antisemitische Vereinigung), а в 1890 г. основана Антисемитская народная партия (Antisemitische Volkspartei), переименованная в 1893 г. в Немецкую реформаторскую партию (Deutsche Reformpartei).

немного. Напротив, социал-демократы охотно пускались в разговоры, отвечая на вопросы; сами в свою очередь ставили таковые и в заключение приглашали заходить к себе, а некоторые знакомили со своими семьями. Знакомства с социал-демократами завязывались и другим, еще более простым способом. Стоило на социал-демократическом митинге заговорить со своим соседом, и он всегда очень охотно вступал в горячую беседу, стараясь распропагандировать меня; стоило с одним и тем же человеком встретиться таким образом два-три раза, и завязывалось знакомство, иногда оказывавшееся очень прочным. На митингах других партий это было гораздо труднее. У социал-демократов поражала жажда пропаганды, и этим они сильно отличались от сторонников других партий. Помню такой характерный эпизод.

Стою я у уличного столба для наклейки объявлений и читаю афиши о предстоящих митингах. Выбираю себе антисемитический и обращаюсь к соседу, какому-то рабочему, тоже читающему афиши, с просьбой указать мне дорогу. Рабочий добросовестно объясняет, но затем горячо обращается ко мне:

– А только зачем вам идти туда? Вот куда идите, – следует указание на митинг социал-демократов, – там вы услышите дело, а не вздор. Неужели вы антисемит?

– А почему бы мне не быть антисемитом?

– Да ведь антисемитизм – это же гадость и глупость; недаром Зингер сказал, что антисемитизм – это социализм глупцов (*der dummen Kerle*)⁴¹⁰. Идите и познакомьтесь с настоящим социализмом.

– Успокойтесь, я не антисемит и не социал-демократ, да к тому же я не немец, а русский и хожу на все собрания как по-

410 Авторство изречения «Der Antisemitismus ist der Sozialismus der dummen Kerle» А. Бебель приписывал австрийскому социал-демократу Ф. Кронаветеру (см.: *Bahr H. Der Antisemitismus: ein internationales Interview. Berlin, 1894. S. 21*).

сторонний человек.

– Ах, вы русский? Ведь у вас тоже есть социал-демократия? Я читал некоторые статьи вашего Плеханова в «Neue Zeit»⁴¹¹, это очень умная голова. Но все-таки зачем вам идти на антисемитический митинг? Ведь это самая глупая партия, – продолжал с большой горячностью мой собеседник.

Мы долго шли с ним вместе, разговаривая таким образом, и, наконец, дружески расстались.

Но я ходил, конечно, и на социал-демократические митинги – и даже чаще, чем на другие, так как их было гораздо больше, да и интересовался я ими сильнее. Выборы 1893 г. были первые (после 12-летнего периода), происходившие после отмены закона против социалистов⁴¹², и потому первые в Германии действительно свободные. Тут я имел возможность в первый раз в жизни узнать, что такое свободное собрание, свободная агитация, свободное публичное слово. И на них я мог убедиться в справедливости слов, сказанных мне одним

411 Г. В. Плеханов активно сотрудничал в «Die Neue Zeit» (см., например: *Wie die Bourgeoisie ihrer Revolution gedenkt* // *Die Neue Zeit*. 1890–1891. Jg. IX (1890). Bd. 1. № 4, 5; *Die sozialpolitischen Zustände Rußlands im Jahre 1890* // *Ibid*. Bd. 2 (1891). № 47–52; *Zu Hegels sechzigstem Todestag* // *Ibid*. 1891–1892. Jg. X (1892). Bd. 1. № 7–9, и др.).

412 Воспользовавшись двумя покушениями на императора Вильгельма I, канцлер Отто фон Бисмарк добился принятия 19 октября 1878 г. исключительного закона против социалистов («Закона против вредных и опасных стремлений социал-демократии»), которым запрещалась всякая их деятельность вне рейхстага и ландтагов, что привело к роспуску более 300 партийных организаций, запрещению периодических изданий, высылке и тюремному заключению многих социал-демократов; хотя антисоциалистический закон ввели на 2,5 года, срок действия его неоднократно продлевался, вплоть до отмены в сентябре 1890 г.

национал-либералом⁴¹³:

– Вы ходите на социал-демократические митинги? Ходите; для вас, как для русского, это особенно полезно. Вы узнаете, что можно громко произносить самые революционные фразы, можно говорить о разрушении всего старого мира и создании нового, – и стены от этого не разрушатся, все остается на своем месте.

На социал-демократических, антисемитических и обыкновенно свободомыслящих митингах в Пруссии и Саксонии всегда присутствовал полицейский. На митинги консервативные, национал-либеральные и клерикальные полиция не видела надобности присылать своего представителя. В Вюртемберге полиция была либеральнее, и все митинги обходились без нее.

Немецкие митинги имеют особый характер. Они происходят всегда в ресторационных помещениях; публика сидит за кружками пива и слушает ораторов, сидящих на эстраде и тоже потягивающих пиво. Поэтому митинги обходятся устроителям недорого: за залу обыкновенно не платят – ее вполне оплачивают потребители пива, и рестораторы охотно сдают ее устроителям; оплачивать приходится только печатание афиши и тому подобные расходы.

Полиция вела себя совершенно не так, как впоследствии (после 1905 г.) в России, и свободу слова сколько-нибудь серьезно не ограничивала. Она должна была закрывать собрание за оскорбление величества, за государственную измену и за прямой призыв к революции, но ораторы хорошо знали это и не давали поводов для вмешательства; по крайней мере, я ни разу

413 Национал-либеральная партия (Nationalliberale Partei, 1867–1918), выступая за национальное объединение Германии и поддерживая политику Бисмарка, имела самую многочисленную фракцию в первых трех рейхстагах, но уже на выборах 1893 г. завоевала всего 13% голосов.

не присутствовал при закрытии собрания по такому поводу. Но полиция должна была закрывать собрание также за беспорядок. При мне, в эту мою поездку по Германии, были закрыты два или три собрания (впоследствии, в последующие мои поездки, это случалось чаще), и я должен сказать, что полиция не злоупотребила своею властью. Простой шум, хотя бы и сильный, шиканье и свистки, мешающие оратору говорить, не вели за собой закрытия собрания; оно закрывалось только тогда, когда страсти были раскалены и налицо была опасность драки.

И это едва ли не чаще случалось на митингах свободомыслящих, причем, однако, виновниками были всегда социал-демократы. Они в довольно большом числе нередко приходили к свободомыслящим, чтобы возражать им – и срывать. Привычка к этому образовалась в период действия антисоциалистического закона. Тогда социал-демократы не могли созывать собственных собраний и ходили на собрания враждебных партий. Делали тогда это и наиболее видные их представители. Они выступали со своими возражениями, если им давали слово; протестовали, если им его не давали. Вследствие гораздо большего интереса к митингам у рабочих, чем у более состоятельной публики, их сторонники всегда оказывались в достаточном числе; они поддерживали аплодисментами и криками своих, заглушали противников, иногда обращали собрания, созданные противниками, в свои, а когда это не удавалось, срывали их. Тогда это признавалось вполне законным с моральной точки зрения способом борьбы, и вожди поощряли его. Теперь «Vorwärts» систематически порицал за это своих сторонников во имя свободы собраний, и вообще верхи партии этого не одобряли. Но действие, вошедшее в привычку, как акт естественной политической самообороны против бесправия, укрепилось и оставалось в широком ходу, находя поддержку одновременно и в развитом политическом чувстве, и в хулиганском инстинкте. Противники утверждали, что «Vorwärts» лицемерит, что такая тактика масс была втайне поощряема лидерами, но вряд ли это верно, хотя – кто знает? Во всяком случае, тут я узнал, что мало провести свободу слова и собра-

ний в законодательном порядке, надо еще воспитать народ в уважении к ней, а это дело долгое и трудное.

Рейхстаг в 1893 г. был распущен из-за того, что он отверг военный законопроект⁴¹⁴, внесенный тогдашним канцлером графом Каприви. Проект этот значительно увеличивал численность армии и военный бюджет. Отвергнут он был голосами прежде всего, конечно, социал-демократов, которые были единодушны в его осуждении, затем – католического центра и левого фланга свободомыслящих, которые из-за него распались на две отдельные враждовавшие друг с другом партии⁴¹⁵. Совершенно естественно военный законопроект явился главным содержанием предвыборной борьбы. Правые партии доказывали его необходимость ввиду все растущих вооружений всей Европы, и в особенности Франции и России, между которыми как раз в это время произошло сближение. Напротив, социал-демократы доказывали, что русская армия сильна лишь на бумаге, что всеобщая ненависть к правительству, господствующая в России, социальная и национальная борьба в ней делают ее армию небоеспособной, а ее финансы и господ-

414 Рейхстаг избирался на три года, но в 1888 г. был принят закон об увеличении срока его полномочий до пяти лет, вступивший в силу в 1890 г.; ввиду непринятия 6 мая 1893 г. военного законопроекта, предлагавшего сокращение продолжительности службы в армии (с 3 до 2 лет) при увеличении ее численности в мирное время (до 492 тыс. нижних чинов, без унтер-офицеров, т. е. на 70 тыс. человек), рейхстаг был распущен на два года раньше.

415 В 1893 г. Немецкая партия свободомыслящих (Deutsche Freisinnige Partei) раскололась на Народную партию свободомыслящих (Freisinnige Volkspartei), сторонники которой выступали против увеличения военного бремени, и Союз свободомыслящих (Freisinnige Vereinigung), вновь объединившиеся в 1910 г. под названием Прогрессивной народной партии (Fortschrittliche Volkspartei).

ствовавшая тогда бумажная валюта не выдержат военного напряжения.

– Серебряные рубли там носят как брелоки, на часовых цепочках, а о золоте как монете там забыли, – говорил на одном митинге Бебель. – Что же касается сближения между Францией и Россией, то оно не усиливает, а ослабляет первую. Ведь борьба с Россией будет борьбой с тиранией и варварством, которая объединит нас и заставит поддерживать наше правительство, тогда как война с одной Францией будет войной против цивилизации, которой поддерживать мы не можем.

Это была господствующая мысль у социал-демократов. Впоследствии, во время мировой войны, она оправдывала поведение социал-демократии, изменившей всем своим заветам⁴¹⁶. Но, во всяком случае, это была идея, не выдуманная *ad hoc*⁴¹⁷ в 1914 г., а развивавшаяся еще за 20 лет перед тем, и я слышал ее в 1893 г. многократно и от Бебеля, и от других. Клерикалы и свободомыслящие так далеко не шли, но все базировались на весьма малой вероятности войны и доказывали, что усиление армии может только ее увеличить. Напротив, правые доказывали, что усиление армии при нынешних условиях абсолютно необходимо для безопасности Германии.

Русская армия стоит не на бумаге, она стоит в лагерях, вполне готовая к бою. С тех пор как Россия действительно позорно провела турецкую кампанию⁴¹⁸, она много работала над своей армией, и в настоящее время по своей боевой подготовке та вполне может соперничать с нашей. И не верно, что финансы России были так плохи: ее золотой запас растет, и недалек тот день, когда она введет золотую валюту.

416 4 июля 1914 г. депутаты-социалисты единогласно проголосовали за предоставление правительству военных кредитов.

417 по случаю, для этой цели (лат.).

418 Имеется в виду Русско-турецкая война 1877–1878 гг.

Так говорил известный экономист Адольф Вагнер, выступавший (без успеха) кандидатом в рейхстаг от консервативной партии. Денежную реформу в России⁴¹⁹ систематически готовляли Вышнеградский, а потом – Витте, но о ней не говорили, и публике тогда еще ничего достоверно о ней не было известно. Впервые я услышал нечто определенное от Вагнера в Германии. Говорил Вагнер в присутствии громадной толпы, почти сплошь состоявшей из социалистов, которые на каждом шагу прерывали оратора свистом и шумом. Фигура Вагнера при этом ярко стоит в моей памяти. Он совершенно спокойно стоял на эстраде, опираясь на дождевой зонтик и прямо смотря в глаза беснующейся толпе. Он умолкал, когда шум делался особенно невыносимым, и вновь начинал речь, стараясь перекричать толпу, как только это делалось возможным.

– Вы не заставите меня замолчать; я скажу все, что считаю нужным, – говорил он и действительно довел свою речь до конца.

Через два месяца деньги, взятые с собою, были издержаны. Выборы и перебаллотировки были окончены⁴²⁰, краткая недельная или двухнедельная сессия рейхстага, которую я всю высидел на трибуне для публики, была закончена, военный законопроект принят ничтожным большинством голосов

419 Денежная реформа 1895–1897 гг., укрепив курс обесценивавшегося бумажного рубля, ввела золотой стандарт (свободный, без ограничений обмен новых, обеспеченных золотом кредитных билетов на золотую монету), который был отменен лишь в 1914 г. в связи с началом Первой мировой войны.

420 В результате федеральных выборов, состоявшихся 15 июня 1893 г., Социал-демократическая партия Германии, за которую проголосовали 23,3% избирателей, получила в рейхстаге 44 депутатских мандата из 397, заняв по численности фракции четвертое место после Партии Центра (96 мандатов), Немецкой консервативной партии (72 мандата) и Национал-либеральной партии (53 мандата).

(помнится, 10 или 11)⁴²¹, и я поехал в Петербург.

Приехал я в Петербург⁴²² нелегально, с намерением вечером же выехать к моей матери, которая проводила лето не то на Преображенской⁴²³, не то подле Луги, но нужно было обделывать кое-какие делишки, между прочим получить заработанный мною более чем скромный гонорар (что-то около 70 рублей) в «Русской жизни»⁴²⁴. Последнее оказалось не так легко: в конторе не было денег. Я был поставлен в крайнее затруднение: у меня в кармане было совершенно пусто, не на что пообедать и доехать до Луги. С большим трудом выдали мне в конторе 5 рублей, обещая остальное выслать на днях (и действительно выслали).

Конец лета я провел в имении знакомой семьи Бонч-Осмоловских⁴²⁵ в Минской губернии, где уже находилась моя жена, а осенью удалось получить разрешение приехать в Петербург. Приехали мы вместе с многочисленной семьей Бонч-Осмоловских, в которой мы с женой сделались преподавателями⁴²⁶. В то же время я получил в свое ведение в «Русской

421 Военный законопроект был принят рейхстагом 15 июля 1893 г.

422 В. В. Водовозов вернулся в Россию 19 июля 1893 г.

423 Речь идет о мызе (усадьбе) Преображенской на правом берегу реки Луги.

424 См.: Водовозов В. Социал-демократы и свободомыслящие // Русская жизнь. 1893. № 139. 28 мая; Водовозов В. Выборное движение в Германии // Там же. № 140, 141. 29, 30 мая.

425 В имении Блонь Пуховичской волости Игуменского уезда Минской губернии, доставшемся А. О. Бонч-Осмоловскому в наследство от отца, гостили Е. К. Брешко-Брешковская, Г. А. Гершуни, С. Ф. Ковалик и др. революционеры, а в 1905 г. там устроили нелегальную эсеровскую типографию, см.: *Ваховская В. (Бонч-Осмоловская). Жизнь революционерки*. М., 1928. С. 19.

426 В послании В. И. Бонч-Осмоловской от 6 сентября 1893 г. говорилось: «Когда я Вам писала, Василий Васильевич, я не имела в виду Вас как воспитателя моих детей, хотя была бы счастлива,

жизни» отдел иностранной жизни⁴²⁷, одновременно писал статьи для «Мира Божьего», для Энциклопедического словаря, иногда и для других журналов. Работы было много, вел я себя очень осторожно, и положение мое в Петербурге казалось очень прочным: меня пустили на два месяца, потом дали отсрочку еще на два месяца, там – еще, и я надеялся дожить таким образом до января 1895 г., когда всякий карантин должен был прекратиться⁴²⁸.

если бы мои дети имели такого воспитателя, и вот почему: Вы, человек с определенным направлением, с развитым умом, в деле воспитания видите широкую задачу будущего. Вы стремились бы передать им Ваши стремления (т. е. такие, которые и для меня святы, и если они не передадутся моим детям, то это доставит мне в будущем много страданий и укоров совести), но с большою способностью осуществлять их в жизни. Все эти качества – самые драгоценные для меня и встретить их в одном лице чрезвычайно трудно. <...> Не знаю, удовлетворила ли бы Вас такая деятельность, притом – в деревне, вдали от культурных центров, при довольно однообразной жизни; если бы – да, я была бы счастлива...» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2598. Л. 4).

427 Составлением раздела «Заграничные корреспонденции» в газете «Русская жизнь» В. В. Водовозов занимался с 1 октября 1893 г.

428 В октябре 1893 г. Е. Н. Водовозова обратилась к директору Департамента полиции с прошением о дозволении ее сыну на временное пребывание в столице еще в течение четырех месяцев, поясняя: «Он получил работу в различных органах, которая требует постоянных занятий в здешних библиотеках. Ваше Превосходительство, дозвоьте ему остаться в Петербурге, не лишайте его возможности самостоятельно зарабатывать свой кусок хлеба». На прошении резолюция: «Предварительно запросить градоначальника о поведении за время пребывания». 25 октября был получен ответ, что «негласным наблюдением за дворянином Василием Васильевым Водовозовым выяснено посещение им редакций газет “Неделя”, “Русская жизнь” и журнала “Вестник Европы” и лиц, причастных к литературе; сно-

Но человек предполагает, а Департамент полиции располагает.

8 февраля 1894 г. студенты, празднуя университетскую годовщину⁴²⁹, прислали мне – не знаю почему – почетный билет, которого я, конечно, не заслужил, на «чаепитие». Я понимал, что это чаепитие может оказаться почвой скользкой; тем не менее я решил пойти, но держаться осторожно. Быть высланным и, следовательно, прекратить хорошо шедшую работу мне не улыбалось.

Я в настоящее время плохо помню этот вечер. Помню, что было много народа, много различных ораторов, но не помню даже, кто именно. Кажется, были Кареев, Коркунов, Мякотин, но не уверен. Некоторые студенты стали выкликать мою фамилию, причем, несомненно, имели в виду действительно меня, а не моего брата, тоже бывшего там. Мне говорить не хотелось, но я все-таки встал и произнес очень краткую речь по поводу праздника. Содержание ее совершенно не сохранилось в памяти, но хорошо помню свое настроение, вызванное им, сухость и бесцветность этой речи и некоторое недовольство ею публики. После меня говорил мой брат, незадолго перед тем кончивший курс университета⁴³⁰. Его речь была очень

шений же с личностями, скомпрометированными в политическом отношении, за время последнего пребывания его в С.-Петербурге не обнаружено». Благоприятный отзыв вызвал резолюцию: «Удовлетворить ходатайство» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3 д-во. 1893. Д. 140. Л. 131, 133).

429 Имеется в виду 75-летие основания С.-Петербургского университета.

430 Н. В. Водовозов, который с 1889 г. учился на юридическом факультете Петербургского университета, был исключен из него после ареста за участие в демонстрации на похоронах Н. В. Шелгунова в апреле 1891 г. (первый раз его арестовали еще в марте 1890 г.), но, продолжив образование в Дерптском университете, в 1894 г. сдал государственные экзамены при юри-

радикальна, очень ярка и произвела сильное впечатление.

Через несколько дней я получил предписание в какой-то очень краткий срок убраться из Петербурга. Это для меня было совершенно неожиданно: я был уверен, что мое выступление 8 февраля не могло дать к этому повода⁴³¹.

Я пошел в Департамент полиции. Меня принял Зволянский, бывший тогда вице-директором. На мой вопрос о причинах высылки он ответил:

дической испытательной комиссии Московского университета.

- 431 9 февраля 1894 г. начальник Отделения по охранению порядка и общественной безопасности в С.-Петербурге доложил в Департамент полиции, что 8 февраля, в день празднования 75-летнего юбилея столичного университета, «в кухмистерской Петрова, в д. 41 по Разъезжей улице, студентами была устроена холодная закуска с чаем, с платой по одному рублю с человека», а всего собравшихся было до 500, в том числе профессора, литераторы, представители от других высших учебных заведений и несколько слушательниц высших женских курсов. «В течение вечера, – подчеркивалось в донесении, – разными лицами были произнесены речи противоправительственного характера, причем братья Водовозовы говорили о различных направлениях среди русских революционеров, которые, однако, должны помнить, что у них один общий враг – правительство, а потому все оппозиционные элементы должны стремиться прежде всего к достижению политической свободы». Обращаясь 25 февраля к столичному градоначальнику, директор Департамента полиции Н. И. Петров уведомлял его, что признано целесообразным «временно проживающего в С.-Петербурге Василия Водовозова удалить из столицы и пределов С.-Петербургской губернии по срок тяготеющих над ним ограничений, с предоставлением ему, для окончания дел и сдачи принятых на себя работ, отсрочки по 15-е будущего марта», а «за Николаем Водовозовым, Петром Струве и Василием Воронцовым учредить негласное наблюдение с целью выяснения их сношений и характера деятельности» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3 д-во. 1893. Л. 136, 139).

– Ваша речь 8 февраля.

– Но что же в ней было такого, что заслуживало высылки? Ведь я сказал всего несколько слов, не имеющих политическое значение.

– Вы вот что сказали.

И он прочел мне подробное и весьма точное изложение речи, но не моей, а моего брата.

– Я этого не говорил. Вот что я говорил, – и я пересказал свою речь.

– А кто же говорил то, что я вам сейчас прочел?

– Не знаю.

– Но была сказана такая речь?

– Я не могу отвечать на подобные вопросы.

– Однако такая речь была сказана. Вы утверждаете, что вам ее приписывают ложно. Не думаю. Отчет составлен очень тщательно и точно. Во всяком случае, могу сказать одно. Если бы вы уже не состояли под надзором, то одной подобной речи было бы недостаточно, чтобы выслать человека из Петербурга, а потому указанием оратора вы не подвергаете его ни малейшей опасности, если он и сам не находится в том же положении, что и вы. Вы ведь не имеете права въезда в Петербург, пущены сюда по особому снисхождению, которым вы злоупотребили, а потому мы вас высылаем.

Я попытался доказывать, что вовсе ничем не злоупотребил, так как приписываемой мне речи не произносил, но Зволянский не уступал. У меня осталось впечатление, что он и сам допускает возможность ошибки в сообщении осведомителя, но, держась принципа: «Всякое сомнение толкуется против настоящего и бывшего поднадзорного», твердо стоял на своем. Я упомянул, что не имею права въезда в столицы только до 30 января 1895 г. Зволянский поправил:

– Нет, на двухлетний срок вам запрещены университетские города, а столицы – навсегда.

– Как так? Я подписал бумагу, в которой было сказано

иное.

– Нет, как раз это.

– Нет, иное. Прошу вас справиться.

– Не может быть. Принесите дело Водовозова.

Дело было принесено. Зволянский начал его перелистывать, приговаривая:

– Вот сейчас. Ну вот, смотрите: «...запретить ему въезд в столицы, столичные губернии и университетские города... на 2 года...» Да, странно...

Зволянский очень сконфузился.

– Странно, это какое-то недоразумение.

Он перевернул несколько страниц назад.

– Да, вот видите: здесь доклад о вашем деле министру и в нем проект постановления: «столицы навсегда, университетские города на два года». Да это же ясно: столицы навсегда. Так всегда делается: столицы навсегда.

– Так ведь то проект постановления, а само постановление гласит иное.

– Это канцелярская ошибка, ошибка переписчика. После ссылки столицы всегда запрещаются навсегда, иначе не бывает; я не могу позволить вам прятаться за канцелярскую ошибку.

Сконфуженный было Зволянский опять нашел свой тон. Единственным выгодным для меня результатом этой канцелярской ошибки было то, что срок отъезда был мне отсрочен на несколько недель.

Боясь, как бы мой брат, бывший невольной причиной моей высылки, не поспешил восстановить истину, я утаил от него мой разговор со Зволянским; тем более я должен был это сделать, что он еще раньше тоже был приговорен к высылке из Петербурга, но не полицией, а врачами: у него шел туберкулезный процесс в легких, от которого через два года он

умер⁴³².

432 Н. В. Водовозов скончался в Вене 25 мая 1896 г. (см.: Богданович А. Памяти Н. В. Водовозова // Мир Божий. 1896. № 7. С. 243–245; Булгаков С. Памяти Н. В. Водовозова // Русские ведомости. 1896. № 149; Короленко В. Н. В. Водовозов // Русское богатство. 1896. № 7. Отд. 2. С. 179–182).

Глава II. Поездка в Болгарию в 1894 г. – Драгоманов. – Стамбулов и Каравелов. – Обыск на русской границе

Итак, я должен был уезжать из Петербурга. Начатую работу в газете, которой я занимался с интересом и увлечением и, как кажется, с некоторым успехом – по крайней мере, я с разных сторон слышал похвалы ей, – я должен был бросить. Куда же ехать?

Я решил месяца 3–4 посвятить поездке в Болгарию; на более длительную поездку у меня не хватило бы средств⁴³³. Эта страна сильно заинтересовала меня еще в 1886 г., когда я начал свою работу политического обозревателя в «Неделе», то есть как раз в момент обострения русско-болгарского конфликта⁴³⁴

433 14 марта 1894 г. В. В. Водовозов обратился к директору Департамента полиции: «Честь имею предупредить Ваше Превосходительство, что я, согласно разрешению Вашего Превосходительства, отправляюсь в поездку по Балканскому полуострову ради исследования некоторых историко-юридических вопросов, причем собираюсь посетить между прочим Болгарию и Сербию» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3 д-во. 1893. Д. 140. Л. 141).

434 После отречения от престола болгарского князя Александра I Баттенберга, свергнутого русофильской партией в ходе военного переворота 9 августа 1886 г., власть перешла к регентскому совету в составе С. Стамболова, П. Каравелова и С. Муткурова. Но генерал-майор Н. В. Каульбарс, присланный заведовать русским дипломатическим агентством в Софии, получив отказ регентов на требование об отсрочке созыва Великого народного собрания для избрания нового князя, пригрозил, что Россия признает выборы незаконными. Предпринятая Каульбарсом поездка по Болгарии в самый разгар избирательной кампании и его речи, в которых, обращаясь к населению, он резко порицал действия регентства, привели к разрыву с последним, сопровождавшемуся оскорбительными выкриками толпы при появлении генерала на улице и «поруганием» здания дипломатического агентства. Хотя Каульбарс заявил, что при первом

и когда я почувствовал в этом конфликте нечто исключительное по важности для судеб всей Европы.

Во время последнего моего пребывания в Петербурге в зиму 1893/94 г. я познакомился с жившими там тогда болгарскими эмигрантами – Драганом Цанковым, его зятем Людскановым и особенно близко с Ризовым.

Цанкову было в это время 65 лет, но по своему облику он был глубоким стариком. Вечно полулежал в длинном кресле, вытянув ноги и кутая их в теплый плед, хотя в комнате было всегда жарко натоплено; видимо, ему было трудно двинуться с места. Он производил впечатление человека конченного, мирно доживающего свой век, однако впоследствии это впечатление оказалось ошибочным. Лишь только перемена политики князя Фердинанда⁴³⁵ и амнистия дали ему возможность вер-

насилии, которому подвергнется кто-либо из подданных России, ее дипломатические представители оставят Болгарию, такой инцидент случился 5 ноября в Филиппополе (Пловдиве), где служитель генерального консульства в Восточной Румелии, отправленный с депешами на телеграфную станцию, подвергся жестокому избиению. Поэтому 8 ноября, спустив флаг со здания дипломатического агентства, генерал выехал через Константинополь в Россию, предписав всем русским консулам последовать его примеру и предложив всем российским подданным, проживающим в Болгарии, оставить ее пределы. Покидая княжество, генерал велел расклеить прощальную ноту, в которой объяснял, что императорский кабинет не находит возможным поддерживать сношения с болгарским правительством в его настоящем составе, ибо оно окончательно утратило доверие России. Восстановление дипломатических отношений произошло лишь через десять лет, в 1896 г.

435 25 июня (7 июля) 1887 г. Великое народное собрание избрало новым князем Болгарии принца Фердинанда Саксен-Кобург-Готского, который, опираясь на антирусскую партию Стефана Стамболова, назначил его премьер-министром. В 1894 г. он был отправлен в отставку, что позволило Фердинанду

нуться на родину, он поспешил сделать это и обнаружил свойственную ему в былые годы энергию и способность к интриге⁴³⁶.

По-русски Цанков говорил очень посредственно, с сильным акцентом и грубыми грамматическими ошибками, с трудом подыскивая забытые русские выражения. Но говорить он, видимо, любил, охотно приглашал меня к себе, и я каждый раз засиживался у него часа на два-три. Серьезного образования у

вскоре добиться восстановления дипломатических отношений с Россией.

436 Бывший премьер-министр Болгарского княжества и глава Прогрессивно-либеральной партии Драган Цанков, проиграв в 1884 г. выборы радикалу Петко Каравелову, стал русофилом и, оправдывая свержение князя Александра «изменой» его России, охотно занял место в недолговечном временном правительстве митрополита Климента Тырновского (9–12 августа 1886 г.), но вскоре был вынужден покинуть Болгарию и поселиться в Петербурге, где жил на пенсию от русского правительства. Считаясь вождем партии непримиримой оппозиции (к ней принадлежали его зять Александр Людсканов и организаторы «переворота 9 августа» – товарищ военного министра капитан Анастас Бендерев и начальник Софийского военного училища майор Петр Груев, дослужившиеся до генеральских чинов в русской армии), Цанков был скорее ее «ширмой»: «От его имени время от времени выпускались манифесты, в которых говорилось о необходимости безусловно следовать указаниям России, великой освободительницы и покровительницы Болгарии, и о невозможности примириться с князем Фердинандом, как незаконным правителем, даже в том случае, если бы он дал отставку Стамбулову. После падения последнего Цанков вернулся в Софию на основании амнистии, был принят князем в аудиенции и немедленно примирился с ним. Он был избран в народное собрание, но не мог играть сколько-нибудь заметной роли...» (*Водовозов В. Цанков (Драган)* // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXXVIIa (1903). С. 793–794).

Цанкова не было. Меня поражало в его беседе также полнейшее неумение возвыситься до понимания более глубоких причин политических событий. На вопросы об экономической жизни Болгарии он отвечал крайне поверхностно и неудовлетворительно. Знал только интригу отдельных личностей. Фердинанд был для него «проходимцем» и только проходимцем, с которым он ни в каком случае не может примириться (что не помешало ему впоследствии вполне с ним примириться и заискивать у него, добиваясь министерского портфеля если не для себя, то для своей партии). В зиму моего знакомства с Цанковым Фердинанд носился с разными матримониальными планами, и Цанков меня уверял, что никакие порядочные родители не отдадут свою дочь за подобного проходимца⁴³⁷. Стамбулов был для Цанкова низким злодеем, ненавидящим Россию и его, Цанкова, как русофила, и так далее. Но зато людей Болгарии он знал превосходно и рассказывал о них много интересного, хотя исключительно дурного. И этот человек мог управлять страной и стать одним из известнейших в то время государственных людей Европы!

Позднее, когда я познакомился с Петко Каравеловым – человеком совершенно другого калибра – и рассказывал ему о своих беседах с Цанковым, он, вполне соглашаясь с моей оценкой личности Цанкова, полушутя говорил мне:

– Вот и учитесь, как мало нужно, чтобы управлять страной.

Тогда мне было это непонятно, но впоследствии, во время русской революции, я часто вспоминал эти слова.

Умнее и серьезнее был Ризов. Это был человек образованный, следивший за русской и европейской литературой, понимавший связь между политикой и экономикой. Он тоже с

437 В 1893 г. Фердинанд женился на Марии-Луизе Бурбон-Пармской – дочери Роберта I, последнего герцога Пармского, лишившегося трона в 1859 г.

ненавистью относился к тогдашнему диктатору Болгарии Стамбулову, но ненависть его не имела такого личного характера, как у Цанкова, и выражать ее он умел сдержаннее, а потому убедительнее. Впоследствии в Болгарии мне о Ризове рассказывали много нелестного. Между прочим, как он организовал перевозку из Бухареста в Болгарию тела Раковского, известного болгарского революционера и ученого, и в гробу перевез деньги, украденные незадолго перед тем из бухарестского банка. Достоверна эта история или нет – я не знаю⁴³⁸. Перед войной и во время войны Ризов был болгарским посланником в Берлине, вел крайне германофильскую политику и может считаться одним из виновников вступления Болгарии в войну на стороне Германии⁴³⁹. Умер Ризов в 1917 г.⁴⁴⁰

Болгарские эмигранты жили на пенсию от русского правительства. В то время самый факт назначения подобных пенсий иностранцам я оценивал крайне отрицательно и ставил на счет правительству как один из его грехов. И не то что я ставил в вину выдачу пенсий именно болгарским эмигрантам, боль-

438 Болгарско-македонский революционный комитет «Искра», созданный весной 1885 г. капитаном Костой Паницей для борьбы за освобождение Македонии и нуждавшийся в средствах на покупку оружия, ограбил и убил богатого румынского землевладельца, бриллианты и ценные бумаги из сейфа которого Димитр Ризов предложил вывезти из Бухареста в гробу с останками умершего еще в 1867 г. известного болгарского революционера Георгия Раковского, для чего была развернута шумная кампания о необходимости перезахоронить национального героя на родине. В июне останки Раковского доставили в Болгарию, но хотя ценности из гроба удалось благополучно извлечь, при попытке продать их в Вене эмиссары тайного комитета были арестованы, а Панице и Ризову, в отношении которых началось следствие, пришлось бежать в Восточную Румелию.

439 Болгария вступила в Первую мировую войну на стороне Германии и Австро-Венгрии 14 октября 1915 г.

440 Неточность: Димитр Ризов умер в 1918 г.

шинство из которых участвовало в «преврате»⁴⁴¹, к которому я склонен был относиться отрицательно, но, по моему тогдашнему убеждению, обязанности правительства вообще ограничиваются своей страной и поддерживать политическую эмиграцию другой страны за счет своих плательщиков податей оно не должно. Впоследствии от этого взгляда мне пришлось отказаться, увы! – может быть, в силу чисто эгоистических побуждений.

В то время в русской печати отношение к Болгарии резко делилось по нашим партиям. Для консервативного и славянофильского лагеря, для «Московских ведомостей» и «Нового времени» Фердинанд и Стамбулов были изменниками, предавшими освободительницу Болгарии – Россию, а так как болгарский народ весь на стороне России, то Стамбулов должен был связать ее своим деспотизмом и суровым полицейским режимом. Короче, Стамбулов – низкий изменник и жестокий деспот. Напротив, либеральная печать, имевшая о внутреннем положении Болгарии еще меньше сведений, чем печать консервативная, в противоположность этой последней защищала Стамбулова, видя в нем защитника свободы Болгарии от захватнических поползновений России; в таком духе особенно усердно писал обозреватель иностранной жизни в «Вестнике Европы» Л. З. Слонимский⁴⁴².

Уже в 1886 г., когда я, как уже говорил в первой части своих воспоминаний, начал свою литературную работу политического обозревателя «Недели», я оценил борьбу Болгарии за свою национальную независимость и мог бы, пожалуй, в оценке роли Стамбулова присоединиться к точке зрения Слонимского. Но в рассказах Цанкова и особенно Ризова о внутренних

441 Преврат (болг.) – переворот; имеется в виду переворот, совершенный 9 августа 1886 г.

442 См.: Слонимский Л. З. Балканские дела и болгарский вопрос. 1877–1887 гг. // Вестник Европы. 1887. Кн. 6. С. 576–612.

порядках Болгарии, несмотря на их очевидную пристрастность, я чувствовал много правды и не решался огулом отвергать их. Ведя иностранный отдел в газете «Русская жизнь», я читал немецкие и английские газеты, и за их тогдашними симпатиями к болгарскому правительству как правительству русофобскому я все же видел много фактов, свидетельствовавших о тяжелой политической придавленности Болгарии, об отсутствии свободы слова, о полицейском произволе. В таком духе вел я свой иностранный отдел, и благодаря этому «Русская жизнь» по своей оценке болгарской внутренней жизни резко отличалась от тогдашней передовой русской печати.

И вот я решился ехать в Болгарию корреспондентом от «Русской жизни»⁴⁴³. Корреспондирование кормить меня не могло; «Русская жизнь» обещала мне всего по 5 копеек за строку, возлагая на меня и все путевые расходы; было ясно, что ехать нужно было на свои сбережения, тем более что я уже по опыту знал, что и эти 5 копеек не всегда можно было получить вовремя. Я выбрал дорогу через Константинополь, путь не совсем обычный: известно, что дорога на восток (кстати, чрезвычайно странно для петербуржца говорить о Болгарии как о «востоке», когда она западнее Петербурга) ведет если не через Бранденбургские ворота, то через Вену. Я предпочел, однако, дорогу «с заднего крыльца», как говорил Л. З. Слонимский, убеждавший меня выбрать обычную дорогу. Турецкая таможня, болгарский карантин и паспортные строгости скоро заставили меня пожалеть об этом решении: удобнее было бы заехать в Константинополь на обратном пути.

В одно пасмурное утро в конце марта 1894 г., отдав легкую дань морской болезни, я подъезжал к Константинополю на русском пароходе. Еще вечером накануне мы увидели маяк, освещавший вход в Босфор, но так как въезжать в столицу турецкого царства дозволено только при солнечном свете, то

443 В. В. Водовозов покинул Петербург 14 марта 1894 г.

нам пришлось бросить якорь и простоять всю ночь за два часа пути от Константинополя. Жалеть об этом, однако, было нечего. Рассвело, и несмотря на пасмурное утро, нашим глазам представилась такая картина, которую нельзя забыть всю жизнь.

Через два часа езды мы проплыли Босфор, свернули в Золотой Рог⁴⁴⁴ и, не доезжая константинопольского Старого моста (впоследствии сгоревшего), остановились на якоре среди моря: русские пароходы не считали нужным приобретать право на остановку у гранитного берега. Сию же минуту нас окружило множество яликов, и их гребцы полезли на борт нашего парохода, как на abordаж, с криками на всех ломаных языках, в том числе и на русском: «Hôtel “Byzance”!⁴⁴⁵ Gasthof “Pera”!⁴⁴⁶ Гостиница “Лондон”!» Суетливые армяне, евреи и всего более греки старались затащить на свой ялик, но я не поддался их увещеваниям. Наш пароход был полон богомольцами, ехавшими к Пасхе в Иерусалим, и вместе с ними я решил остановиться на одном из подворий Афонского монастыря⁴⁴⁷. Монахи этих подворий отличаются гостеприимством, и у них, среди

444 Золотой Рог – узкий, изогнутой формы залив Босфора, разделяющий город на две части – Старый и Новый (европейский), в южном прибрежном квартале которого, Галате, размещались таможня, конторы иностранных пароходств, гостиницы и странноприимные дома.

445 Отель «Византия»! (фр.).

446 Гостиница «Пера» (нем.). Пера – квартал (расположенный севернее Галаты), где издавна селились приезжие купцы и дипломаты.

447 Афонские православные Пантелеймонов монастырь, Свято-Андреевский и Ильинский скиты держали в Константинополе свои подворья, в которых останавливались русские паломники, направляющиеся на Святую Гору (Афон) и в Святую Землю (Иерусалим); здание монастырского подворья было построено в 1873 г.

разноплеменной толпы космополитического города, русский путешественник мог чувствовать себя точно в оторванном уголке своей родины; к тому же – и это было для меня самое важное – это было гораздо удобнее для моего тощего кошелька, для которого бешеные цены константинопольских гостиниц были бы невыносимы.

Вместе со мной решил остановиться мой пароходный спутник – молодой врач Грабоис, которому не повезло в России и который ехал в Болгарию искать работы и счастья. Меня это немного смущало, так как Грабоис был евреем. Еще накануне у нас был такой разговор:

– Вы где думаете остановиться в Константинополе? – спросил он.

– В Пантелеймонском подворье Афонского монастыря. А вы?

– Ну и я с вами.

– Мне кажется, это будет не совсем удобно; ведь вы, если не ошибаюсь, еврей?

– Ну так что же? Вы, вероятно, атеист, и останавливаетесь же в монастыре.

Хотя Грабоис, с которым я познакомился за несколько часов до того на пароходе и с которым по философским вопросам не сказал ни слова, и не мог знать моих религиозных убеждений, но это соображение показалось мне убедительным, и я не возражал. Мы без труда отыскали монаха, посланного монастырем навстречу богомольцам, и с десятком богомольцев и доктором Грабоисом спустились на его лодку. Только мы с доктором двое имели багаж; остальные пассажиры нашей лодки ехали в Иерусалим, оставались в Константинополе лишь на время стоянки парохода и вещи оставляли на нем. При виде багажа монах поморщился; действительно, он послужил источником неприятностей. Подворье стояло очень близко от места остановки парохода; таможня же находилась гораздо дальше, на берегу Золотого Рога.

– Чтобы проехать мимо таможни, – объяснил мне мо-

нах, – нужно дать маленький бакшиш⁴⁴⁸ береговой страже.

Я вынул два турецких черека⁴⁴⁹ (черек равен 5 пиастрам⁴⁵⁰, немного более золотого франка) и отдал их монаху.

– Довольно?

– Вполне. Хватит и черека.

Не тут-то было. Не успели мы подплыть к берегу, как за нами оказалась погоня. В большом ялике без скамьи, сидя на корточках, катил типичнейший турок. Его голову украшала белоснежная чалма, одет он был в пестрый турецкий кафтан, в левой руке держал громадную трубку, а правой, облокотившись на борт, подпирал свою голову. Поза и лицо выражали величие и леность. Лишь по временам, не желая утруждать своего языка, он трубкой указывал гребцу направление, куда следовало ехать. Без труда нагнал он нашу нагруженную лодку и властным жестом приказал нам ехать в таможню. Наш монах немедленно протянул ему две монеты, но турок с презрением отверг их и пробормотал несколько слов на непонятном языке.

– Ишь, собака, – перевел монах, – говорит, давай хоть меджидие⁴⁵¹ (4 черека) – не возьму. Ишь какой бессребреник выискался! Я их всех знаю, все берут. Вот тот, – он указал на стражников, стоявших на берегу, – всегда за черек пропускал, а этот меджидие не берет.

Я понял это так, что чиновник-бессребреник пропустит нас за 2 меджидие. За избавление от обязанности тащиться от таможни до монастыря с багажом по грязным улицам Галаты (квартал Константинополя) дань не была чрезмерной, и я

448 bakshish (тур.) – подношение, чаевые.

449 Черек (правильно: чарыек, бешлык) – турецкая серебряная монета, равная 5 пиастрам или, по курсу того времени, примерно 40 копейкам.

450 Пиастр (куруш) – мелкая турецкая монета.

451 Меджидие – турецкая серебряная монета, равная 20 пиастрам или 1,6 рубля.

предложил ее монаху.

– Нет, теперь он не возьмет: он зол, что мы попробовали уйти от него, и ни за что не простит нам этого.

Мы плыли к таможене рядом с нашим строгим стражем. Вдруг жестом приказал он нам раскрыть наши чемоданы. Пришлось повиноваться. Турок, почти не переменяя позы, еле-еле шевелясь, запустил в наши чемоданы руку, извлек оттуда платье, белье, книги, какой-то хирургический инструмент, осмотрел все это, возвратил нам и величественным жестом разрешил закрыть чемоданы, содержание которых благодаря бесцеремонному обыску пришло в хаотическое состояние. Затем он запустил руку по очереди в карманы некоторых пассажиров, но не нашел в них ничего предосудительного. Казалось, досмотр был кончен; однако он заставил нас ехать в таможеню.

Тут мы увидели с десятков жандармов и чиновников, но уже иного типа. Жандармы были в мундирах, а чиновники – в безукоризненных европейских пиджаках с золотыми цепочками на жилетах и в ослепительно-белых крахмальных сорочках. Внешность их говорила, что они уже успели европеизироваться, и только красная феска на голове указывала на принадлежность к правоверным. Феска вообще оказалась в Турции наиболее консервативной частью костюма, хотя она и не является действительно исконно турецкой: это головной убор средневековых средиземноморских пиратов, от них перешедший к грекам, албанцам и не ранее XVIII века к туркам, как в этом можно убедиться в константинопольском историческом музее, где имеются образцы турецких костюмов за несколько столетий. К тому же делались фески не в Турции, а во Франции и составляли в конце XIX века не незначительную статью французского импорта в Турцию. Совершенно неожиданно эти цивилизованные чиновники подвергли нас новому, весьма мелочному, очень утомительному досмотру на глазах у патриархального турка. На наше заявление на французском и турецком (через монаха) языках, что нас уже досматривали, никто

не обратил ни малейшего внимания.

– Ведь вот, – волновался монах, – в одиночку каждый из них за черек сделает все что угодно, а тут, на глазах у всех, никто не возьмет и меджидие.

Мы с доктором подчинились своей участи, но из пассажиров одна дряхлая старушка-богомолка ужасно волновалась.

– Что, на них управы, что ли, нет? Там в море чуть не перекувырнуло нас, здесь в карман лезут. Что это за басурмане такие! Да когда же они наши паспорта отдадут? Не потеряют ли они их? То-то не христианская страна!

Таможенники, не понимая русского языка, не обращали внимания на ее мятежные речи и делали свое дело. Добравшись до книг – у меня было несколько статистических и исторических книг, а у Грабоиса – несколько медицинских, – они заявили, что здесь они пропустить их не могут и отошлют в цензуру. Тут уже пришла наша очередь волноваться. Монах обещал нам, что он выцарапает книги из цензуры. Потом мы с ним ходили по разным учреждениям и часть книг, переплатив несколько череков, действительно выцарапали. Но одна книга, недавно купленная мною и взятая в дорогу, – трехтомная история Европы в XIX веке Файфа⁴⁵² – оказалась запрещенной. Мне ее обещали доставить на вокзал к моменту моего выезда из Константинополя. Сверх всякого ожидания, обещание было исполнено, но на вокзале их захватила местная таможня. Без сомнения, начальник желал получить с меня бакшиш, но я не успел улучшить минуту, чтобы поговорить наедине, и должен был удовлетвориться обещанием, что книги будут мне возвращены в Софии через турецкого консула. В Софии я ходил к консулу, но ничего не добился, кроме сообщения, что на днях в Константинополе сожжена большая кipa книг, отобранных от проезжающих.

Таможня на вокзале подвергла нас новому, столь же тща-

452 Файф Ч. А. История Европы XIX века: В 3 т. М., 1889–1890.

тельному обыску, после которого чиновник совершенно открыто протянул руку и потребовал:

– Бакшиш.

Я дал ему черек. Кстати, слово «бакшиш» неверно переводят у нас как «взятка»; смысл его более мягкий, и оно ближе подходит к нашему «на чай»; для взятки в уголовном смысле есть слово «рушвет»⁴⁵³.

Я провел в Константинополе пять дней, живя все время в монастыре. Со мною был и Грабоис. Я был удивлен и обрадован той полной терпимостью, которую монахи обнаруживали к нему, несмотря на его еврейство, да, пожалуй, и ко мне: никаких требований посещать богослужения не предъявлялось, и мы были совершенно свободны; необходимо было только в 8 часов вечера возвращаться домой, так как в этот час запирались ворота. Узнав, что Грабоис – доктор, монахи толпами ходили к нему лечиться от действительных и воображаемых болезней; Грабоис осматривал их и прописывал им лекарства. По вечерам, когда мы возвращались с наших прогулок по городу, к нам набирались монахи и вели долгие беседы, расспрашивая нас о России и рассказывая нам о Турции, Афоне, Иерусалиме. Из их рассказов мне особенно запомнился один.

В Иерусалиме на самом месте казни Иисуса Христа имеется храм, общий для всех христианских исповеданий⁴⁵⁴. Служба в нем происходит по очереди на основе соглашения. В обычные воскресенья и праздники соглашение достигается легко. Но в Пасху, в те не очень частые годы, когда Пасха русская совпадает с Пасхой католической, достигнуть соглашения оказы-

453 rüşvet (тур.) – взятка, подкуп.

454 Храм Воскресения Христова (Гроба Господня) в Иерусалиме делят несколько христианских конфессий: греко-православная, римско-католическая, армянская апостольская, коптская православная, сирийская (сиро-яковитская) православная и эфиопская (абиссинская) православная.

вается невозможным: каждая церковь стремится захватить храм для себя, и стремится с тем большим рвением, что в тот самый момент, когда по ходу богослужения в первый раз произносятся слова: «Христос воскрес из мертвых», – свечи всегда зажигаются сами собой, без человеческой помощи. Естественно, всем хочется захватить этот момент чуда для себя. Для соглашения нет места, и потому естественно, что верующие прибегают к силе и, увы, даже к ножам, и кровь обогащает вход храма, в котором торжествует то чудо, которое «смертию смерть поправ»⁴⁵⁵. Так было и в нынешнем (или, может быть, прошлом или запрошлом – не помню) году. Католиков было больше, и они победили, но Бог-то не по-ихнему устроил, а по-нашему; свечи зажглись у нас, а не у них, хотя мы служили после них. Им был большой конфуз. А то католикам турецкие заптии⁴⁵⁶ (жандармы) помогают. Им что, только бы был бакшиш. Ну, католики богаче, их бакшиши больше; им и мирволят турки.

Этот рассказ мне многое пояснил. Турцию всю можно было бы дружелюбно поделить между державами; нельзя этого сделать только с двумя пунктами: во-первых, с Константинополем и проливами, во-вторых, с Иерусалимом и Палестиной. Последние, пожалуй, даже больше, чем первые. Очевидно, что в Иерусалиме было трудно установить какую-нибудь христианскую власть; всякая будет мирволить одному вероисповеданию, и только турецкие заптии отличались по отношению к ним полным беспристрастием: кто даст больше бакшиш, тот и прав. В этой неделимости двух пунктов был источник или, по крайней мере, один из источников длящейся прочности Турецкой империи. Понадобилась великая война, чтобы лишить

455 Пасхальный тропарь: «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ, и сущим во гробех Живот даровав».

456 От *zaptié* (тур.) – полицейские.

Турцию Палестины и суверенных прав над проливами⁴⁵⁷.

Я провел в Константинополе пять дней и в эти пять дней делал то, что обыкновенно делают туристы: ходил по городу, посещал музеи и мечети, восхищался Айя-Софией⁴⁵⁸, видел селамлик⁴⁵⁹ – обычный пятничный парад, побывал в знаменитых турецких банях и т. д. Но у меня было и дело или даже два дела: одно – с хлопотами в цензуре из-за книг, о чем я уже говорил, а другое – с визой для въезда в Болгарию.

Это было время, когда дипломатических отношений между Россией и Болгарией не было: они были прерваны еще за восемь лет перед этим, после болгарского «преврата», низвергнутого князя Александра Баттенберга, когда временное болгарское правительство не пожелало подчиниться всем антиконституционным требованиям России (1886 г.)⁴⁶⁰. Именно

457 В декабре 1917 г. британские войска заняли Иерусалим, и, согласно решению конференции держав Антанты в Сан-Ремо в апреле 1920 г., Палестина, которая ранее в течение почти четырех столетий входила в состав Османской империи, перешла под управление Великобритании в качестве подмандатной территории Лиги Наций; в соответствии с Севрским мирным договором от 10 августа 1920 г. черноморские проливы Босфор и Дарданеллы объявлялись демилитаризованной зоной, открытой для всех торговых и военных судов без различия флага.

458 Айя-София (Софийский собор, собор Св. Софии) – православный собор, построенный в 537 г. при императоре Юстиниане; после овладения столицей Византийской империи в 1453 г. османами превращен в мечеть, в 1935 г. – в музей; в 2020 г. снова получил статус мечети.

459 От тур. *salamlık* – торжественное шествие султана в мечеть или парадный зал.

460 После военного переворота 9 августа 1886 г., когда группа про-российски настроенных офицеров арестовала болгарского князя Александра Баттенберга, заставив его подписать отречение и выслав из страны под конвоем, образовалось временное правительство во главе с митрополитом Климентом Тырновским

тогда были посеяны первые семена той вражды, которая принесла столь печальные для нас плоды во время великой войны. Официальная Россия смотрела с крайним раздражением на Болгарию, решительно не желала, чтобы русские ездили туда, и ставила им для въезда всевозможные препятствия. Вследствие этого в течение семи лет, с 1887 г., кроме нескольких политических эмигрантов (Драгоманова и т. д.) посетили Болгарию всего несколько человек русских (между ними, года за два до меня, сотрудник катковского «Русского вестника» и «Нового времени» Татищев), и я вместе с моим спутником Грабоисом были почти пионерами.

В Константинополе мы узнали, что без болгарской визы нас в Болгарию не пустят. А между тем болгарский консул⁴⁶¹

при участии Драгана Цанкова в качестве министра внутренних дел. Но заговорщики овладели Софией лишь на три дня, ибо часть офицеров не поддержала их, а председатель Народного собрания Стефан Стамболов, находившийся тогда в Филиппополе (Пловдиве), организовал контрпереворот. Военные части, оставшиеся верными Баттенбергу, 12 августа без боя заняли Софию, после чего образовалось новое правительство, признанное Россией, во главе с Петко Каравеловым, которое, впрочем, тоже продержалось всего четыре дня. Стамболов пригласил бывшего князя, доехавшего уже до Львова, вернуться назад, чем тот не преминул воспользоваться и 17 августа из Руцука телеграфно обратился к императору Александру III, ставя свое возвращение во власть в зависимость от его соизволения, в котором было отказано. Тогда 26 августа Александр Баттенберг повторно отрекся от престола и покинул Болгарию, предварительно назначив регентами Стамболова, Каравелова и зятя Стамболова Муткурова, а главой правительства – Василя Радославова, отказавшихся подчиниться ультимативному требованию России о двухмесячной отсрочке выборов нового болгарского князя.

461 Имеется в виду Петр Димитров – болгарский дипломатический агент в Константинополе в 1892–1897 гг.

отказывался дать таковую, если у нас не будет специального разрешения на въезд в Болгарию от русского консульства.

– У нас слишком натянутые отношения с Россией. Россия делает нам постоянные неприятности за то, что мы дали у себя приют ее эмигрантам, и мы решили не пускать больше никого без согласия России, – говорил мне болгарский консул.

– Да ведь у меня есть заграничный паспорт, – отвечал я, – он годен для всех стран и является свидетельством, что русское правительство ничего не имеет против моей поездки в Болгарию.

– Драгоманов к нам явился тоже с русским паспортом, а за него нам была послана неприятная нота.

– Драгоманов был уже эмигрантом, и паспорт у него, вероятно, был просроченный, а у меня – только что выдан.

– Мы в это входить не можем. Да что вам стоит получить визу от русского консула, если русское правительство действительно согласно на вашу поездку?

Я пошел к русскому генеральному консулу. К нему у меня было даже рекомендательное письмо от моего гимназического товарища А. М. Ону, сына русского посла в Афинах⁴⁶². Но письмо не помогло. Генеральный консул, фамилию которого я забыл⁴⁶³, принял меня по-генеральски, высокомерно и грубо.

– Мы не можем взять на себя ответственность за вашу поездку, – почти кричал он на меня. – Болгария – некультурная страна, там господствуют палочники⁴⁶⁴; там за вами, как за

462 Речь идет о М. К. Ону.

463 Генеральным консулом в Константинополе был тогда А. Е. Лаговский.

464 Разъясняя термин «палочники» в очерке «Василий Радославов», посвященном главе болгарского правительства в 1886–1887 гг., который занимал также пост министра внутренних дел, В. В. Водовозов писал: «Когда деятельность какого-нибудь видного общественного деятеля оказывалась неудобной правительству,

русским, будут ходить толпы шпионов. Знаете ли вы, что такое шпионы?

– Очень хорошо знаю, ваше превосходительство.

– Ну вот, вам подsunут в карман какой-нибудь запрещенный там листок, арестуют, да еще избьют. К кому вы обратитесь за защитой? Наших представителей там нет.

– Я не прошу у вас защиты, я беру на себя всю ответственность и не возлагаю ее на правительство. Если бы я ехал в Центральную Африку к людоедам, риск был бы больше; неужели ничего, кроме затруднений, я не получил бы от русского правительства?

– Не знаю, но не могу ничем вам помочь и решительно отказываюсь дать вам визу.

Что было делать? Грустно обсуждали мы этот вопрос с Грабоисом. Впоследствии мы узнали, что виза нужна только на турецкой границе, а из Сербии пускают без нее (так что Слонимский оказался прав, рекомендуя мне дорогу через Вену и Белград), но тогда мы этого не знали, да и пускаться в такой объездной путь было и долго, и дорого. Вдруг нас осенила мысль. Мы отправились не к консулу, а в канцелярию консула

то к нему в дом врывалась толпа “патриотов”, состоявшая из переодетых городских, сыщиков или же из каких-нибудь подонков населения, чаще всего цыган, которых в Болгарии довольно много и которые там как раз пригодны для этой цели, и совершалось избиение, разгром имущества, разгром шрифта, – если это была типография оппозиционной газеты и т. д. Полиция долгое время блистала своим отсутствием и являлась на сцену к концу акта, чтобы водворять “порядок”, т. е. распуścić бесчинствующую толпу, а иногда арестовать, – конечно, не безобразников, а избитого политического деятеля. <...> Палка по-болгарски – сопа, и герои патриотических погромов носят поэтому кличку сопаджиев (палочников)» (*Водовозов В. В. На Балканах. Статьи. Путевые очерки. Пг., 1917. С. 121–122; Он же. Василий Радославов // День. 1915. № 355. 25 дек.*).

и попросили визу в Сербию, *via Sophia*⁴⁶⁵. Без малейших затруднений в канцелярии нам написали: «*Bon pour Belgrade, via Sophia*»⁴⁶⁶, снесли подписать консулу (не генеральному), и с этим мы отправились к болгарскому консулу. Он удовлетворился вполне и охотно поставил свой штамп.

С болгарским консулом я вел долгую беседу о политическом положении Болгарии. Как и надлежит чиновнику, он был горячим поклонником Стамбулова, облагодетельствовавшего, по его словам, страну.

– А что касается до деспотизма управления, то это вздор. Вот, не угодно ли взглянуть наши оппозиционные газеты, – посмотрите, каким тоном говорят они о правительстве.

И он показал мне несколько номеров, в которых по адресу правительства допускались такие неприличные ругательства, которые не прошли бы безнаказанно ни в Англии, ни во Франции; казалось, что усомниться в наличности свободы слова не было ни малейших оснований.

Опять-таки вместе с Грабоисом мы отправились по железной дороге в Софию. Сутки на границе Болгарии мы должны были провести в карантине: в Константинополе тогда была слабая эпидемия холеры, и Болгария сочла нужным отделиться карантином. Затем попали мы в Софию.

В вагоне, в карантине, везде, где только можно, я старался заговаривать об условиях болгарской жизни, а так как я еще в Петербурге немного подучился болгарскому языку, то разговоры завязывались и велись довольно легко. Везде я встречал только горячих поклонников Стамбулова. Он поднял экономическое благосостояние страны, он упрочил ее политическую свободу, он твердою рукой ведет управление. Свобода слова и личности? Нарушение конституции? Все это страшно преувеличено. Бывали кое-какие случаи, большого значения не име-

465 «через Софию» (фр.).

466 «Согласие на Белград, через Софию» (фр.).

ющие. Но кто же из наших правителей ее не нарушал? Да и как соблюдать нашу конституцию, списанную с бельгийского образца, идущую своим признанием всеобщего голосования гораздо дальше ее, в стране, не изжившей еще привычки вчерашнего рабства?

Содержание отзывов у всех моих собеседников, интеллигентных и неинтеллигентных, было совершенно одинаково; различны были тон и манера выражаться и некоторые частности. Такое полное единодушие, опровергавшее мои заранее составленные взгляды, меня удивляло и несколько колебало.

Мой ближайший спутник, доктор Грабоис, поддерживал моих вагонных собеседников. Он сам до тех пор в Болгарии не бывал, но близкой приятельницей его семьи и его самого была одна болгарка по фамилии Койчу, учившаяся и жившая в Кишиневе (оттуда был и Грабоис), горячая болгарская патриотка. Она была восторженной поклонницей Стамбулова и много рассказывала Грабоису о своей родине. Года за три до нас она уехала на родину.

Наконец под вечер мы приехали в Софию и остановились с Грабоисом опять-таки в одной гостинице и даже в одной комнате.

Вечером я пошел к Драгоманову, а Грабоис – к своей знакомой Койчу.

Драгоманов тогда состоял профессором истории в Софийском университете и жил в одном доме со своим зятем⁴⁶⁷, тоже профессором, Шишмановым. Но Шишманов в это время был в заграничной командировке, помнится, в Брюсселе, и я познакомился с ним только после его возвращения, перед моим отъездом из Болгарии. Драгоманов принял меня очень дружески, но разговаривать с ним на темы, которые меня в ту минуту особенно интересовали, мне тогда удалось плохо. Драгоманов

467 И. Д. Шишманов был женат на дочери М. П. Драгоманова Лидии.

все мне говорил:

– Да что я стану вас натаскивать; приехали изучать Болгарию, изучайте сами, а не по моим указкам.

В действительности мотив его сдержанности был другой, но, конечно, также и не боязнь высказаться перед человеком, которого он видел в первый раз; трусом Драгоманов не был, а ко мне отнесся с полным доверием. Но он видел во мне свежего человека, прямо из России; таких в последние годы он видал редко, к тому же у нас было много общих знакомых, и ему хотелось не говорить, а расспрашивать и слушать. Однако я легко выяснил, что его отношение к стамбуловскому режиму совершенно отрицательное и ни политический разрыв с Россией, ни, в частности, приглашение на кафедру в Софию его не подкупают. С чувством некоторой неловкости я его спросил:

– Шишманов, ведь он, кажется, стамбулист?

– Шишманов – болгарин и чиновник; поэтому он сейчас – стамбулист. А если Стамбулов свалится, то он будет кричать: «Долу Стамбулов!»⁴⁶⁸

Жене Драгоманова⁴⁶⁹, присутствовавшей при разговоре, этот отзыв, видимо, был крайне неприятен, и она постаралась смягчить слова мужа.

– Шишманов, большой болгарский патриот, – говорила она, – очень любит Болгарию и дорожит тем, что Стамбулов сумел защитить ее политическую самостоятельность от посягательств России, но вместе с тем он европеец, и ему, конечно, тяжела внутренняя деспотическая политика Стамбулова.

Через два месяца Шишманов вполне оправдал пророчество Драгоманова: узнав еще в Брюсселе о падении Стамбулова, он поспешил прислать новому правительству поздравления с вступлением во власть.

468 «Долой Стамбулова!» (болг.).

469 Имеется в виду Л. М. Драгоманова.

Вместе с тем у Драгоманова – человека, в то время уже страдавшего болезнью, сведшей его в могилу, и знавшего свою обреченность⁴⁷⁰, поэтому болезненно раздражительного, – накопело довольно много раздражения против своих товарищей по университету, против общей малокультурности окружающей жизни, вообще против болгарского народа.

Это особенно сказывалось в одном его желчном замечании в ответ на мой рассказ о той чрезвычайной тщательности, с которой производилась дезинфекция в болгарском карантине, и, в противоположность ей, о той некультурности обстановки, в которой нас заставили в том же карантине провести день и ночь.

Если вообще признавать за карантинами пользу, то, что касается карантина в точном смысле этого слова, сказал я, этот устроен безукоризненно.

– Болгары всегда устраивают безукоризненно все, чем они могут доставить кому-нибудь хоть маленькую неприятность, – возразил Драгоманов.

Перед ночью мы сошлись с Грабоисом и поделились впечатлениями. Он вернулся от своей знакомой, выбитый из колеи.

– Странно, очень странно, – рассказывал он мне. – Ничего не понимаю. Койчу говорит, что Стамбулов – тиран, что он губит Болгарию, что правительство расхищает финансы, что всюду господствует взяточничество.

Чем же объяснялось полное единодушие всех, кого мы встречали по дороге? Дня через два это мне объяснилось. Я встретил в ресторане одного из наших дорожных знакомых. Он был в живой беседе с двумя неизвестными мне лицами.

Я подошел к нему и поздоровался. Он очень сухо встретил

470 Последние несколько лет жизни М. П. Драгоманову было трудно читать лекции из-за аневризмы аорты, которую ему диагностировали и от разрыва которой он скончался 20 июня 1895 г.

меня и, видимо, не желал со мной разговаривать. Я отошел в сторону, в одиночестве съел свой ужин и ушел. Через несколько шагов мой знакомец нагнал меня.

– Вас удивило и оскорбило мое поведение?

– Конечно, удивило.

– А вы знаете, кто были те двое, с которыми я сидел?

– Нет, не знаю.

– Один из них – довольно известный стамбуловский шпион.

– И вы с ним в таких дружеских отношениях?

– Что же мне прикажете делать? Я человек семейный, не теряя же мне даром службу. Можете себе представить, вчера меня спрашивали в градоначальстве – я там был по делу, – где я с вами познакомился. Я сказал, что в России. Пожалуйста, поддержите это, если вас случайно кто-нибудь спросит. Я ведь учился в Одессе.

– Хорошо, но что же во мне страшного, что о знакомстве со мной надо выдумывать сказки?

– Вы русский; всякого, кто водится с вами, можно обвинить в русофильстве, следовательно – во враждебном отношении к правительству.

Для меня это звучало дико. Только что освобожденный из ссылки, не имеющий права въезда в столицы и университетские города, только хитростью получивший разрешение на поездку в Болгарию, я здесь оказывался человеком, знакомство с которым компрометировало не друзей, а врагов русского правительства.

– Но чего же вам лично бояться? Ваша политическая благонамеренность гарантирует вас от всяких политических неприятностей из-за знакомства с таким представителем русской политики, как я.

– Вы это заключаете из моих слов в вагоне? А что же мне прикажете говорить в вагоне при людях, которых я не знаю, а некоторых даже знаю с самой дурной стороны?

– Но почему же вы говорите так свободно со мной? Ведь и меня вы не знаете.

– Это совсем другое дело. Я учился в России, я знаю, что значит донос по русским понятиям. На болгарина же я никогда не положусь. По политическим или прямо по корыстным соображениям болгарин может на отца родного донос сделать.

Мы проходили мимо моей гостиницы. Я пригласил моего спутника зайти ко мне выпить чаю (я всегда ездил со спиртовой лампочкой⁴⁷¹ и с собственным чаем) и указал ему, что уже темно, никто его не увидит. Мой спутник расхрабрился, махнул рукой – будь, дескать, что будет, – и просидел у меня с Грабоисом часа два.

Теперь уже оказалось, что в Болгарии господствует полицейский деспотизм и полицейский произвол; что народ *de facto*⁴⁷² лишен избирательных прав, так как грубейшее полицейское давление на выборах обращает выборы в комедию; что свобода слова существует только на бумаге, что в высших сферах господствуют разврат и жажда наживы, в чиновничестве – взяточничество, казнокрадство и мелкое честолюбие, которому в жертву приносятся честь, дружба, любовь к родине; народ же угнетен и безмолвствует. Ложь, предательство, хитрость, трусость, неспособность бороться за свои убеждения – таковы основные, можно сказать, природные черты болгарина, воспитанные 500-летним турецким рабством⁴⁷³. Так было с самого освобождения; поэтому при всех мерзостях, которыми

471 Спиртовая лампочка – нагревательный прибор, в котором в качестве горючего используется спирт.

472 на деле, фактически (лат.).

473 Болгария находилась под турецким владычеством с 1393 г.; в 1879 г. во исполнение Сан-Стефанского мира было образовано Болгарское княжество, формально находившееся еще в вассальной зависимости от Османской империи, юридически княжество получило независимость в 1908 г., и тогда же оно было преобразовано в Болгарское царство.

отличается режим Стамбулова, при всей низости характера, свойственной лично ему, на него одного валить всю ответственность нельзя: все болгарские государственные деятели в сущности таковы же, – и это объясняется народным характером и условиями жизни Болгарии. Единственное исключение составляет Драган Цанков – человек безусловно честный, отличающийся уважением к конституции и законности.

Итак, вчерашний стамбулист оказался цанковистом, вчерашний русофоб (в политике) – русофилом.

Своими последними словами мой собеседник доказал, что он глубже многих других, с кем мне приходилось беседовать на ту же тему, понимал причину царившей в Болгарии неурядицы. Другие все валили на одного Стамбулова. «Стамбулов захватил власть, Стамбулов ею злоупотребляет, он развратил народ, он создал наущничество, шпионство, доносы, продажность, предательство», – и эти люди, сами не способные на самый слабый проблеск искры политического мужества, эти люди отказывались принять на себя хоть часть вины. Поэтому после падения Стамбулова – оно произошло через несколько недель после этих разговоров, 18 мая того же 1894 г., когда я был в Болгарии, – они не только громко ликовали – это было вполне естественно и законно, но решительно отказывались верить в возможность возвращения прежнего деспотизма. «Теперь настал золотой век для Болгарии» – таков был смысл, если не самые слова, всех речей, которые я слышал (и читал в болгарских газетах) после падения Стамбулова. Прошло несколько месяцев... «У нас опять стамбуловщиной пахнет», – писал мне один из болгарских приятелей, горячее других говоривший о «золотом веке».

Крайне пессимистический взгляд на болгарский национальный характер не составлял исключительного достояния моего железнодорожного знакомого, и даже противоположение русского благородства болгарскому коварству, в котором, конечно, была изрядная доза грубой лести мне, довольно сильно распространено в болгарском обществе. К болгарскому обще-

ству в гораздо большей мере, чем к русскому, применимы известные стихи Добролюбова:

Слава нам! В поганой луже
Мы давно стоим,
И чем далее, тем хуже
Все себя грязним.
Друг на друге растираем
Мы вонючий ил⁴⁷⁴,
И друг друга мы ругаем,
Сколько хватит сил.

– У нас в Болгарии невозможно говорить откровенно с ближайшими друзьями. Однажды три человека, считавшие себя приятелями, вместе совершили прогулку на вершину горы Витоша⁴⁷⁵. Никто их не мог слышать. И что же вы думаете? На следующий день их разговор стал известен властям.

Это рассказывали мне в одном обществе. Но если мой железнодорожный знакомый собственной особой служил блестящей иллюстрацией к своей характеристике болгарского чиновничества, то в настоящем случае дело обстояло иначе. В обществе было человек десять, по большей части служащих по судебному ведомству (в том числе и знаменитый впоследствии Малинов), и целый вечер шла живая беседа о политическом положении Болгарии, причем никто не стеснялся высказывать свои мнения, весьма и весьма антиправительственные. Я указал на это противоречие.

– Да, теперь стало несколько лучше, – был ответ. – А вы

474 Неточно процитировано стихотворение Н. А. Добролюбова «Современный хор» (1859).

475 На окраине Софии начинается поросший густым лесом горный массив Витоша, имеющий десять вершин высотой более 2 тыс. метров.

бы приехали года 2–3 назад. Тогда, после убийства Белчева (один из стамбуловских министров, убитый на улице Софии), живой речи вы бы нигде не слышали, разве где-нибудь в укромном уголку, с глазу на глаз. Теперь и печать говорит свободно, и Стамбулов потрухивает⁴⁷⁶.

Несомненно, доля, и очень значительная, правды в этих самообличениях была. Вот еще характерная железнодорожная оценка, служащая ярким подтверждением их справедливости.

9 мая того же года в Сербии отставной король Милан, действуя из-за границы, отменил сербскую конституцию⁴⁷⁷. Можно было ожидать там каких-нибудь крупных событий. В Болгарии же ничто не предвещало катастрофы, и даже П. Каравелов, которого я только что посетил в тюрьме, признавал болгарский режим прочным.

И я поехал в Белград.

В вагоне было почти пусто; кроме меня в отделении вагона сидел только один молодой человек, сам вступивший со мной в беседу, да еще подсевший к нам после проверки билетов кондуктор. Молодой человек, оказавшийся народным учителем, узнав во мне русского, начал расспрашивать меня о России. Отсюда разговор, естественно, перешел на Болгарию. Не вызванный мною, учитель сам начал фразами школьных учебников «гражданского учения»⁴⁷⁸ (это своего рода болгар-

476 побаивается (устар.).

477 Милан I, который в 1889 г. отрекся от престола в пользу своего двенадцатилетнего сына Александра и, согласившись в 1891 г. покинуть Сербию навсегда за обещанную ему регентами субсидию, отказался в 1892 г. даже от сербского подданства, тем не менее продолжал руководить наследником из Парижа, а в январе 1894 г. вернулся в страну. Новый король восстановил отца во всех правах и, поскольку кассационный суд признал это незаконным, отменил 9 мая действующую конституцию 1888 г., заменив ее более авторитарной конституцией 1869 г.

478 Учебный предмет, введенный в четырехлетний курс первоначального

ская «политграмота») восхвалять конституционные порядки своей страны.

– У нас не самодержавие, как у вас. У нас конституция⁴⁷⁹. Мы правительство, а правительство – только наши уполномоченные. Мы их избираем и смещаем.

Я попробовал возражать:

– А не случается, что избирательные урны до начала выборов окажутся полными бюллетенями?

– Не может этого быть! Каждый из нас, я первый, поднимет скандал, если заметит что-нибудь подобное.

– А его не прогонят с места?

– Никогда. За что? Это конституционное право и даже обязанность.

– Гм... А не случается, чтобы за подачу оппозиционного бюллетеня храброго избирателя избили переодетые полицейские? Не случается, что они же иногда бьют окна или разносят оппозиционную редакцию?

– Вздор! Все это лживые выдумки оппозиционеров. Ничего подобного нет, не было и не будет.

Я замолчал. Раздался свисток, и поезд подошел к станции. Кондуктор выскочил, мы остались вдвоем, и мой спутник, забывая вещи, шепнул мне:

– Ничему не верьте, что я говорил; все правда, что вы говорили.

– Зачем же вы лгали?

– А что же мне прикажете делать? У меня семья, а тут этот кондуктор, черт его знает, что он такое, – и с этими словами

чальной школы после объединения Болгарии в 1885 г., знакомил учащихся с государственным устройством страны, правами и обязанностями правителей и подданных.

479 Конституция Болгарского княжества была принята Учредительным собранием в Тырнове 16 апреля 1879 г.

мой спутник выскочил.

Эта сценка имела для меня свое продолжение, сделавшее ее еще более яркой.

Через несколько станций была сербская граница. Здесь пришлось переменить поезд. Я попал в вагон, полный разнообразной публикой.

– Куда путешествуете⁴⁸⁰, господин? – обратился ко мне сосед с обычным железнодорожным вопросом.

– В Белград. А вы?

– В Пирот. Вы ведь не болгарин и не серб?

– Нет, я русский.

– По торговым делам?

– Нет, я турист; был в Болгарии, еду в Сербию, чтобы посмотреть, что у вас делается.

– Ага, вы не потому ли едете, что у нас Милан отменил конституцию. Вы корреспондент?

– Да, пишу.

– Хотите узнать, как народ относится к Милану и этому перевороту?

– Именно.

– Ну так я вам скажу. У нас все его ненавидят, и эта мерзость ему даром не пройдет.

Это было сказано громко, а вагон был полон. Не привыкший к такому языку, я толкнул моего собеседника в бок.

– Да вы потише, вас ведь слышат.

– А чего мне бояться? Я не один, так все думают. Вон там в углу сидит пиротский⁴⁸¹ либерал; он, может быть, думает иначе, но народ не с либералами, а с радикалами⁴⁸². Не долго

480 От путујте (серб.) – путешествие.

481 Пирот – город в Сербии.

482 После возвращения бывшего короля Милана в Сербию в январе

еще Милану тешиться над нами.

– То есть вы ожидаете революции?

– Может быть.

Собеседник мой был простой сапожник. Сербская граница показалась мне в ту минуту не искусственной границей, которую произвол европейской политики провел между двумя родственными племенами, а пропастью, разъединяющей две расы, две культуры, две политические системы. А между тем та местность, по которой мы ехали, была и политически, и этнографически спорной: Сан-Стефанский мир⁴⁸³ отдавал ее Болгарии, Берлинский⁴⁸⁴ – отрезал Сербии; племя, ее населяющее,

1894 г. правительство радикала Савы Груича подало в отставку; два следующих кабинета министров формировали либералы Джердже Симич и Светомир Николаевич, а после отмены конституции в мае 1894 г. премьер-министром был назначен Никола Христич, который, отменив свободу печати, преследовал оппозиционную прессу.

483 Сан-Стефанский мир 1878 г. – прелиминарный договор между Россией и Османской империей, заключенный 19 февраля в местечке Сан-Стефано, пригороде Константинополя, после завершения Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.; согласно договору, помимо признания независимости Сербии, Румынии, Черногории и создания автономной области Босния и Герцеговина, образовывалось новое Болгарское княжество, которое, включая территории Фракии и Македонии, должно было оставаться два года под русским управлением, а затем получить полную автономию с обязанностью выплаты Турции номинальной дани.

484 Берлинский конгресс, проходивший с 1 июня по 1 сентября 1878 г., был созван великими державами, опасавшимися усиления России на Балканах, для пересмотра решений Сан-Стефанского мира. Болгария, согласно подписанному 1 июля Берлинскому трактату, оказалась разделенной на три части: вассальное автономное Болгарское княжество, выборный глава которого утверждался султаном с согласия великих дер-

называемое шопы, говорит на смешанном болгаро-сербском языке⁴⁸⁵, и обе стороны считают его своим⁴⁸⁶. Политически само себя оно в большинстве признавало сербским и на вопрос о национальности отвечало обыкновенно: «Аз съм сърбин»⁴⁸⁷, – болгары именно в этом ответе почерпали доказательство принадлежности к болгарской народности (так как «аз» и «съм» – формы болгарские; по-сербски следует сказать: «Ја сам србин»), насильственными мерами сербированной. Как бы то ни было, разница между народной психикой по сю и по ту сторону границы оказывалась громадной.

И, однако, через неделю после этого разговора болгары низвергли своего Стамбулова, а сербы терпели Милана до его смерти и короля Александра еще 9 лет⁴⁸⁸.

жав, а русское управление ограничивалось 9 месяцами; автономная провинция Восточная Румелия с центром в Филиппополе (Пловдиве), охрана границ которой возлагалась на турецкие гарнизоны; Македония, возвращавшаяся целиком Османской империи.

485 Шопы – этническая группа, населяющая западную Болгарию, восточную Сербию и северо-восточную часть Северной Македонии.

486 См.: «Пирот и Вранья по сан-стефанскому договору были отданы Болгарии, но берлинский конгресс прирезал их к Сербии. Болгары – без различия партий – настаивают на том, что местность эта чисто болгарская и что если сербам удалось ее несколько осербить, то только благодаря грубым преследованиям болгарской национальности. В свою очередь сербы, тоже почти без различия партий, доказывают, что племя, населяющее окрестности Софии и называемое в Болгарии шопами, есть, в сущности, те же сербы, что Виддин и многие другие местности Болгарии, в сущности, вполне сербские. Кто тут прав, решить трудно» (Водовозов В. По Болгарии. Из воспоминаний о поездке 1894 г. // Вестник Европы. 1895. Кн. 9. С. 248).

487 «Я серб» (болг.).

488 Александр I Обренович был убит вместе со своей супругой, ко-

Лет 27–28 спустя, во время господства у нас большевиков, я как-то рассказал об этих моих болгаро-сербских впечатлениях одной знакомой даме. Через несколько месяцев ей пришлось съездить в Москву, а по возвращении она мне говорила:

– Знаете, только что я села в вагон, как вспомнила ваш рассказ. Особенно на возвратном пути из Москвы. Весь вагон гудел ненавистью и злобой к большевикам. Одна сплошная ругань по их адресу. И ничего не боятся. И все-таки, пожалуй, большевики просидят еще долго, как в Сербии Милан с Александром.

Я провел в Болгарии два месяца до падения Стамбулова и потом еще столько после него. Мое положение для изучения действительного положения страны в первый из этих периодов было сильно облегчено тем, что у меня было хорошее рекомендательное письмо к самому Стамбулову – от его друга и горячего поклонника его политики, англичанина Beaman (выпустившего о Стамбулове восторженную и очень легкомысленную книгу⁴⁸⁹ в серии «The statesmen of the day»⁴⁹⁰), с которым я был знаком в Петербурге, где он был корреспондентом консервативного «Standard». Письмо это гарантировало мне очень хороший прием у министра и в правительстве. И действительно, у Стамбулова я был несколько раз, он принимал меня очень любезно, вел долгие беседы и в первый же раз выдал мне «открытый лист» для путешествия по Болгарии, в котором властям предписывалось оказывать мне всяческое содействие. Этим листом я пользовался широко в Софии и провинции, ходил в суды, в тюрьмы, в учебные заведения, к представителям власти.

ролевой Драгой, группой офицеров-заговорщиков в ходе Майского переворота 1903 г.

489 См.: Beaman A. H. M. Stambuloff. L., 1895.

490 Правильно: «Public Men of To-day: An International Series edited by S. Y. Jeyes».

В лице Стамбулова я нашел человека хотя научно совершенно невежественного (он учился, но не кончил курса в Одесской духовной семинарии⁴⁹¹), но очень умного, прекрасного знатока Болгарии и прекрасного оратора (я слышал несколько его публичных речей). Он вполне хорошо говорил также по-русски. В 1886 г. несколько офицеров, считавших себя русофилами, но действуя без прямого соглашения с официальной Россией, произвели гибельный для Болгарии переворот. Группа заговорщиков ночью захватила князя Александра Баттенберга в его дворце и выслала его по Дунаю на русскую границу в Рени⁴⁹², где выдала его местному жандармскому офицеру. Последний, не предупрежденный об этом, был поставлен в крайнее затруднение: он не знал, как обращаться с князем – как с почетным гостем или как с арестантом, – и, вероятно, пережил несколько очень мучительных часов, пока не пришел из Петербурга по телеграфу приказ отпустить Александра на все четыре стороны. Александр вернулся в Болгарию, где его сторонники организовались, встретили его как князя и вновь водворили в его дворец. Но телеграмма Александра III Александру Баттенбергу («не могу одобрить вашего возвращения» и т. д.⁴⁹³) заставила его немедленно отречься от короны.

491 Сын трактирщика, Стамболов учился в 1870–1872 гг. в Одесской духовной семинарии, из которой за связь с русскими революционерами был исключен и выслан из России.

492 Рени – портовый город Измаильского уезда Бессарабской губернии, расположенный на левом берегу Дуная в трех верстах от устья реки Прут, на границе Румынии.

493 Вернувшись, князь Александр Баттенберг телеграфировал императору Александру III: «Монархический принцип вынудил меня восстановить законность в Болгарии и Румелии. Россия даровала мне мою корону, и эту корону я готов вернуть ее монарху». Но ответная телеграмма от 20 августа (1 сентября) 1886 г. гласила: «Не могу одобрить возвращения Вашего, предвидя злополучные последствия для страны, уже подвергшейся стольким испытаниям. <...> Я буду воздерживаться от всякого

Самбулов тогда стал во главе противников переворота и сторонников Александра. После его окончательного падения, очутившись во главе регентства, он явился, во имя конституции, противником России, предъявлявшей самые антиконституционные требования. Это была правильная в то время позиция с точки зрения интересов политической независимости Болгарии, и занятие ее было несомненной заслугой Самбулова, принесшей и ему лично неисчислимые выгоды. Заслуга была тем больше, что самый крупный политический деятель Болгарии, Каравелов, не сумел выбрать одной линии поведения, колебался из стороны в сторону. Новый избранный князь, Фердинанд Кобургский⁴⁹⁴, совершенно естественно поставил Самбулова во главе министерства, и Самбулов, сильный своей заслугой перед Болгарией, а также лично перед Фердинандом, стал на 7 лет настоящим диктатором. Министры занимали свои посты и падали, Самбулов был несменяем. Сам Фердинанд, несмотря на самостоятельность и самовластность своего характера, был пешкой в руках Самбулова.

Во время этой диктатуры Самбулов проявил себя во весь свой рост – честолюбца, интригана и корыстолюбца. Конституция, во имя которой он действовал в 1886 г., нарушалась им откровенно и нагло. В парламенте он сам как-то сказал фразу: «Когда мое внутреннее убеждение говорит, что соблюдение конституции вредно для Болгарии, то я жертвую конституцией

вмешательства в печальное положение, до которого доведена Болгария, пока Вы будете там оставаться. Вашему Высочеству предстоит решить, что Вам надлежит делать». Поэтому 26 августа князь повторно отрекся от престола и, подписав указ об образовании регентства, навсегда покинул Болгарию.

494 Фердинанд, выбранный Народным собранием князем Болгарии 25 июня 1887 г., принес присягу в Тырнове на верность конституции 2 августа, но его избрание не признали великие державы, в том числе Россия.

ради Болгарии»⁴⁹⁵. Его «внутришнее убеждение»⁴⁹⁶ как бы прилипло к нему. Его режим страдал от грубейшей коррупции и крайнего деспотизма. Выборы в палату обратились в комедию:

495 Ср.: «Он не мог удовольствоваться одной славой победы; власть его опьяняла. Он жаждал прежде всего мести своим врагам, потом – власти и власти, власти бесконтрольной, чисто азиатской по характеру, и наконец – всех наслаждений власти. Началась дикая расправа с противниками, в которой жестокость соединилась с чисто византийским коварством и лукавством. Даже закон об амнистии 24 декабря 1888 г. был редактирован Стамбуловым так, чтобы акт милосердия никак не стеснял его произвола. Бунты следовали за бунтами, и сотни арестантов наполнили болгарские тюрьмы; в тюрьмах и участках били арестантов, множество народа было сослано в административном порядке в разные захолустья. Для укрепления власти нужно было следить за противниками, – и Стамбулов стал вскрывать письма, развил шпионство. Суды обнаруживали некоторую самостоятельность; Стамбулов решительно прибрал их к рукам. В парламенте поднимали голос противники Стамбуловщины, и выборы в него были обращены в комедию; за ними были прибраны к рукам и органы местного самоуправления. Политика эта имела мало общего с юношеским радикализмом. Партия Стамбулова приняла кличку “народно-либеральной”, но и она не соответствовала действительности. Укрепление центральной власти, ослабление местной автономии, громадные траты на армию, неравномерное распределение податного бремени и, главное, полнейший произвол чиновников – таковы были начала, проводимые Стамбуловым. В конце 1893 г. он сам, отвечая в палате депутатов на один запрос, так сформулировал принцип своего управления: “Когда я вижу, что по моему внутреннему убеждению требуется что-нибудь сделать для спасения отечества, то я сделаю это, хотя бы вопреки запрещению закона”. “Внутреннее убеждение”, таким образом, было поставлено выше конституции, выше закона» (Водовозов В. Стефан Стамбулов // Русское богатство. 1895. № 4. С. 106–107).

496 «внутреннее убеждение» (болг.).

в избирательные урны заблаговременно насыпались бюллетени с именами правительственных кандидатов, и их избрание было обеспечено, вследствие чего палата долгое время состояла из одних сторонников правительства без единого представителя оппозиции (только на последних выборах перед падением Стамбулова было пропущено несколько оппозиционеров). Прибегали и к другому способу: избиению избирателей, которые подозревались в намерении подать оппозиционный бюллетень и отказывались показать его по требованию «патриотов»⁴⁹⁷.

Митинги допускались только правительственные. Их собирали градоначальники, и выносили они – по телеграфному предписанию Стамбулова – заранее составленные резолюции; совершенно в том роде, как это делается теперь в России. Свободы печати, гарантированной конституцией, не было и в помине. По временам постановлением совета министров вводилась вопреки конституции предварительная цензура, потом она отменялась, но заменялась двумя различными приемами: во-первых, судебной репрессией, применявшейся так, что печать не могла и пикнуть, а во-вторых, деятельностью «народа» или «сопаджие» (палочников). Это производилось очень просто. Собирался митинг для протеста против оппозиционной газеты, на митинге выносилась резолюция – выразить порицание редакции, затем участники митинга шли к редакции, били окна, врывались в ее помещения и типографию и производили полнейший разгром. Полиция блистала своим отсутствием и являлась, когда все было кончено. Таким же способом нередко расправлялись и с отдельными политическими деяте-

497 См.: «Кличку “патриот” в Болгарии в свое время вполне монополизировали сторонники Стамбулова, – совершенно так же, как злоупотребляют этим словом у нас сторонники его приемов деятельности, – и потому люди иных взглядов произносили ее обычно с оттенком иронии» (*Водовозов В. По Болгарии. С. 250*).

лями.

Тем не менее под самый конец правления Стамбулова появилась оппозиционная газета «Свободно слово», во главе которой стояли Стоилов и Радославов.

Стоилов и Радославов были люди богатые и судебных репрессий не боялись: когда я приехал в Софию, они содержали в тюрьме уже трех или четырех ответственных редакторов своей газеты, приговоренных судом (чего не вынесла бы никакая газета), и газета Стоилова продолжала свой поход против Стамбулова. Она обливала Стамбулова грязью, печатала о нем сообщения, не считая нужным стесняться истиной, употребляла самые ругательные выражения: «мерзавец», «подлец» и, особенно охотно, «блудник» и т. п., вообще вела себя так, что никогда ни английское, и французское правительство не допустило бы у себя ничего подобного. Между прочим, газета пустила в ход сведения, будто Стамбулов соблазнил и частью даже изнасиловал 83 невинные болгарские девушки, и этот факт с такой статистической цифрой потом постоянно фигурировал в речах противника Стамбулова.

Этот тон газеты ввел меня в заблуждение, когда в Константинополе болгарский консул показал мне ее. Но это был оптический обман: Стамбулов просто еще не собрался прибегнуть к обычному способу устранения неудобных людей и газет: к помощи «негодующего народа». Но продержись он еще у власти месяца два, и этот способ, без сомнения, был бы пущен в ход.

Мне не нужно было особенной проницательности, чтобы сразу оценить эту сторону стамбуловского режима: она кидалась в глаза, и только при намеренном закрывании глаз можно было ее не заметить.

Но другую сторону выяснить было труднее, и теперь я не повторил бы всего, что писал и говорил в свое время. Эта сторона – экономическая.

Для нее у меня было очень мало материала, хотя я его тщательно искал. Сколько-нибудь серьезной экономической

литературы в Болгарии в то время не было; статистика была в зачаточном виде, если не принимать за «статистику» сведений о соблазненных Стамбуловым девушках. Я был у министра земледелия⁴⁹⁸, добивался у него сведений о формах и размерах землевладения, о величине запасов и урожаев и т. п. и узнал только то, что по всем этим вопросам министр земледелия имеет сведений немного больше меня. То же самое и с промышленностью.

В общей прессе, в «Свободном слове» и позднее появившихся изданиях много говорилось об экономическом упадке Болгарии за время стамбуловского режима. Приводили сведения об упадке земледелия и урожаев, о растущих недоимках, об увеличивающемся числе продаж мужицкого инвентаря за недоимку и т. п. Я принял на веру все эти сообщения и сделал вывод, что то движение, которое низвергло Стамбулова и которое в Болгарии называется громким именем «революция 18 мая» (1894 г.), произошло на почве обнищания страны.

Теперь в Болгарии имеются весьма хорошая статистика и довольно значительная экономическая литература. И теперь я должен признать, что в течение всего периода с освобождения от турецкого ига до начала войны в 1912 г.⁴⁹⁹ Болгария экономически крепла и развивалась; конечно, этот процесс не был совершенно прямым, конечно, были в нем зигзаги, но семилетие стамбуловской диктатуры, при всем ее деспотизме и ошибках, в целом таким зигзагом не было. И гораздо правиль-

498 Болгарским министром торговли и земледелия в 1893–1894 гг. являлся Панайот Атанасов Славков.

499 Имеется в виду Первая балканская война стран Балканского союза (Болгарии, Греции, Сербии, Черногории) с Османской империей, продолжавшаяся с 25 сентября (8 октября) 1912 г. до 17 (30 мая) 1913 г., которая завершилась подписанием Лондонского мирного договора: Турция лишилась почти всех своих европейских владений и образовалось новое государство – Албания.

нее будет признать, что переворот 18 мая произошел не на почве экономического упадка, а как раз наоборот, на почве экономического развития и роста политического сознания, пришедшего в коллизию с политическим деспотизмом.

Для характеристики политического положения Болгарии при Стамбулове я приведу здесь еще одно очень яркое воспоминание.

В то время знаменитый болгарский политический деятель Петко Каравелов сидел в тюрьме (так называемой Черна Джамия – черная мечеть; в тюрьму была обращена старая мечеть). Сидел он по совершенно фантастическому обвинению в убийстве Белчева, одного из стамбуловских министров. Белчев вечером возвращался пешком домой из заседания министерского совета; возвращался вместе со Стамбуловым. В расстоянии нескольких шагов сзади шел вооруженный телохранитель Стамбулова, когда-то разбойник, приговоренный к смертной казни, но помилованный Стамбуловым и ставший его верным слугой, человек громадного роста и, как говорят, редкой физической силы. Из городского сада, мимо которого они проходили, вышел человек с намерением, без сомнения, убить Стамбулова, подошел сзади по ошибке к Белчеву (они одинакового роста и были в одинаковых пальто) и выстрелом из револьвера уложил его на месте. Телохранитель бросился за ним, стреляя вдогонку, но этот человек скрылся в темноте неизвестно куда. Телохранитель утверждал, что он скрылся в дом Каравелова, недалеко от которого было совершено убийство⁵⁰⁰. Но дом

500 Ср.: «В роковой день на улице, где было совершено покушение, было вовсе не так пусто, как это выходит из изображения Стамбулова: позади двух министров шел постоянный телохранитель диктатора, жандарм Спас Антонов. За несколько лет перед тем Антонов был простым хорамией, т. е. одним из тех разбойников, которые в турецкие времена (подобно клефтам в Греции и гайдукам в Болгарии же) уходили от турецких преследований из родных деревень в горы и посвящали себя разбою,

был немедленно обыскан и никакого признака убийцы найдено не было. Никаких других доказательств виновности Каравелова не было. Тем не менее он был приговорен к 5 годам тюрьмы.

Вот с ним-то мне и хотелось познакомиться. Следовало с тем открытым листом, который я имел от Стамбулова, обратиться к начальнику тюрьмы и во время ее осмотра, к которому я, вероятно, был бы допущен, познакомиться с Каравеловым. Но чтобы обеспечить себе более продолжительное свидание, я, рассчитывая на любезность Стамбулова, обратился к нему с просьбой об этом. Сверх всякого ожидания я получил очень вежливый, но тем не менее твердый и решительный отказ⁵⁰¹.

предпочитая грабить турок; народная поэзия и романтически настроенная фантазия иностранных путешественников обратила их в сознательных политических борцов за свободу. Этот хорамия был приговорен за какое-то убийство судом к продолжительному тюремному заключению, но помилован князем; Стамбулов, питая к нему полное доверие, сделал его жандармом. Совершенно непостижимо, каким образом Спас Антонов не накрыл убийц, находившихся между ним и министрами, тем более что он, по его собственным показаниям, успел ударить шашкой и ранить одного из убийц. <...> Через некоторое время Спас Антонов попался в четырех убийствах, и все – с корыстной целью; двух человек он отравил, двух, старика и старуху, заманив к себе в дом, убил иным способом. Последних он закопал под своей кроватью и, нимало не смущаясь, спал над их трупами. Суд приговорил его к смертной казни, а он, пользуясь удобством положения человека, которому терять нечего, стал делать намеки, что знает убийц Бельчева» (*Водовозов В. Стефан Стамбулов. С. 87–88*). В покушении участвовали четверо, из которых, за исключением Димитра Тюфекчиева, остальные бежали из Болгарии.

501 Стамбулов, в частности, говорил о Петко Каравелове: «Мне очень жаль его; он принадлежал к числу моих лучших друзей, я и теперь глубоко уважаю его. Но что же делать? Не могу я не

Очень огорченный, я ушел от Стамбулова. В тот же день я встретил в ресторане, где обыкновенно обедал, племянника Каравелова, Рашко Маджарова, с которым я был знаком. Маджаров, в то время молодой человек, учитель (ныне он министр путей сообщения в преобразованном кабинете Ляпчева⁵⁰²), бывал в тюрьме у своего дяди. С большим огорчением я рассказал ему о своей неудаче.

- А вам очень хочется повидаться с дядей?
- Очень.
- Лева (франка)⁵⁰³ отдать не жалко?
- Хоть десять.
- Нет, одного хватит. Так дайте мне лев и приходите ко

защищаться, когда на меня нападают; не могу и не принимать мер для защиты государства от всевозможных посягательств. Я убежден, что интересы русского и болгарского народов диаметрально противоположны и мира между ними быть не может. Каравелов же и Цанков убеждены в противном; по их мнению, новое направление нашей политики губительно для Болгарии, ее спасение только в союзе с Россией. Естественно, они видят во мне врага своей родины; я вполне понимаю их, когда они желают моей смерти и устраивают заговоры против моей жизни». Комментируя этот монолог, Водовозов замечал: «Говорят, что Стамбулов хотел казнить Каравелова, и только заступничество иностранных консулов, не могших, ввиду полной его невинности, допустить казни столь популярного человека, привело к тому, что Стамбулов разрешил приговорить своего врага лишь к пятилетней тюрьме» (Водовозов В. Стефан Стамбулов. С. 83, 87).

- 502 Лидер партии «Демократический сговор» Андрей Ляпчев возглавлял совет министров Болгарии трижды: в 1926–1928, 1928–1930 и 1930–1931 гг.; речь идет о втором составе правительства.
- 503 Золотое содержание болгарского лева, введенного в 1880 г. в денежное обращение в качестве национальной валюты, приравнивалось к французскому франку (0,3 г).

мне в четыре часа.

Я так и сделал. В 4 часа мы вместе пошли в тюрьму. На звонок нам открыли ворота. Маджаров, которого там знали и который уже не предъявлял разрешения, сунул франк в руки привратника, и мы свободно и спокойно прошли, как будто в хорошо знакомый дом. Пришли мы в камеру Каравелова. Впрочем, это была не камера в нашем смысле слова. Это была большая ниша в стене, что-то вроде большого алькова, дверей не было; вход со двора был завешен ковром. Таким образом Каравелов имел и некоторое подобие отдельной комнаты, и вместе с тем был не в одиночном заключении. Он мог свободно входить и выходить во двор и там общаться с другими арестантами.

Провел я у него на этот раз часа два или три. В нем я нашел человека очень хорошо образованного (он кончил Московский университет⁵⁰⁴ и всю жизнь много читал и работал), очень умного, с умом настоящего государственного человека, и очень интересного собеседника. Знал Болгарию он не хуже Стамбулова. Но в противоположность этому последнему, умевшему свою злость прикрывать напускной объективностью (в частности, о Каравелове Стамбулов говорил мне с большим напускным уважением, как о человеке во всех отношениях достойном, политически заблуждающемся), Каравелов был прямо страшен, когда говорил о своих врагах, как Стамбулов. Много лет спустя в одном из некрологов Каравелова⁵⁰⁵ я прочел, между прочим, похвалу его «доброте, снисходительности к людям и способности прощать обиды». Этот отзыв меня очень удивил. Я высоко ценю Каравелова, но этих черт я в нем не находил. Если бы Стамбулов – и даже не Стамбу-

504 В 1861 г. в качестве вольнослушателя Петко Каравелов поступил на историко-филологический факультет Московского университета, но через три года перешел на юридический.

505 Петко Каравелов скончался 24 января (6 февраля) 1903 г.

лов-диктатор, а Стамбулов падший – очутился рядом с ним, то, я думаю, Каравелов был бы способен руками задушить его. Но в то же время он согласился на следующую мою просьбу.

– Господин Каравелов, – сказал я, – весьма возможно, что в будущем году вы будете стоять во главе министерского совета, а Стамбулов будет находиться на вашем нынешнем месте. Может быть, мне удастся тогда вновь приехать в Болгарию, и я обращусь к вам с просьбой о разрешении мне свидания со Стамбуловым. Тогда вы, конечно, будете склонны ответить мне так же, как сегодня ответил мне Стамбулов, и мне придется искать какого-нибудь стамбуловского племянника. Так дайте мне теперь же слово, что вы это свидание мне разрешите.

Каравелов засмеялся и слово дал. Сдержать его ему не пришлось, потому что я вторично приехал в Болгарию тогда, когда Стамбулов был уже убит⁵⁰⁶, а Каравелов хотя и был на свободе, но министром еще не был (он стал им много позднее⁵⁰⁷).

Ненавидя Стамбулова, Каравелов в то же время близкого его падения не ждал.

– А вот ваш племянник обещает мне революцию никак не больше, чем через два месяца.

– Мой племянник – мальчишка. В этом возрасте революция всегда – мероприятие через два месяца. Когда я был в Москве, я был знаком со многими вашими «нигилистами», и мы все время ждали революцию через два месяца. И так много лет. Стамбулов крепок – князем, поддержкой Австрии и глупой политикой России, которая, с одной стороны, подуськива-

506 Смертельно раненный в результате очередного покушения македонских боевиков 3 (15) июля 1895 г., Стамбулов умер через три дня.

507 Петко Каравелов в четвертый раз возглавил правительство Болгарии в 1901 г.

ет на глупые пронунциаменто⁵⁰⁸, вроде ареста Александра Баттенберга, а с другой – не умеет и не хочет воспользоваться благоприятным для нее положением вещей. А без благоприятного толчка извне революция произойти не может.

Этот разговор, впрочем, происходил в одно из следующих моих свиданий с Каравеловым, недели за полторы или две до падения Стамбулова.

Знал ли Стамбулов о моем свидании с Каравеловым вопреки его запрещению? Несомненно, да: во-первых, я сам (с разрешения Каравелова и Маджарова) не скрывал его и многим о нем рассказывал, а во-вторых, располагая многочисленной армией шпионов, он не мог не быть осведомленным о таком важном факте. И даже при следующем свидании он явно намекнул мне на это.

Почему же не принял никаких мер ни для наказания виновного тюремного начальства, ни для предупреждения подобных беспорядков на будущее время?

Вероятно, потому, что в это время он уже шатался. Конечно, не за один франк я прошел в тюрьму; франк был действительно простым «на чай». Прошел в тюрьму я потому, что все тюремное начальство не то что знало, а всем своим нутром чувствовало: сейчас в тюрьме – Каравелов, а Стамбулов – в министерском совете, а завтра, может быть, будет наоборот, и ссориться с Каравеловым невыгодно.

Шатался же Стамбулов главным образом потому, что дело свое он уже сделал: международное положение Болгарии закрепил и в настоящее время пользовался уже единодушной ненавистью как всего населения, за исключением не очень многочисленной группы людей, пользовавшихся общественным пирогом, так и даже ненавистью князя, который, отличаясь большой самостоятельностью характера и жаждой власти,

508 От *pronunciamento* (исп.) – государственный военный переворот.

при Стамбулове был только декоративной фигурой. К этому присоединилась глупая романическая история: Стамбулов начал ухаживать за женой своего единомышленника и товарища по кабинету, военного министра полковника⁵⁰⁹ (впоследствии генерала, а во время войны одно время главнокомандующего⁵¹⁰) Савова; этот последний вызвал Стамбулова на дуэль, вышел в отставку и был замещен полковником Петровым. Стамбулов от дуэли уклонился и имел бестактность сам передать в печать для опубликования всю переписку по этому поводу, хотя его поведение по этой переписке обрисовывалось в весьма некрасивом свете; но бестактнее всего было то, что вместе с другими документами он опубликовал и неосторожно показанное князем письмо к нему Савова. Князь выразил ему свое возмущение, и Стамбулов подал в отставку

Подал в отставку он не в первый раз, но князь не решался ее принимать. На этот раз он ее принял⁵¹¹.

- 509 Неточность: Михаил Савов был произведен в подполковники в 1891 г., полковники – в 1899 г., генерал-майоры – в 1904 г.
- 510 Михаил Савов, произведенный в 1908 г. в генерал-лейтенанты и назначенный в 1912 г. помощником главнокомандующего, каковым формально являлся Фердинанд I, во время неудачной и быстротечной Второй балканской войны в июне – июле 1913 г. де-факто являлся главнокомандующим, но из-за поражения был отстранен от всех должностей.
- 511 Ср.: «Дуэль не состоялась, и Савову пришлось подать в отставку. Вместе с ним подал и Стамбулов со всем кабинетом. Князь принял отставку Савова и назначил вместо него полковника Петрова. Это был сильный удар для Стамбулова, потому что Петров был его враг. Стамбулов должен был понять, что при таких условиях он не удержится долго, что это назначение знаменует разрыв с князем; ему следовало или настаивать на отставке, или не допускать Петрова в кабинет, но он так цеплялся за власть, что согласился на все. Это его и погубило. Он быстро шел по наклонной плоскости. Когда он опубликовал последнее письмо Савова, которого не было в распоряжении оп-

Пока не было составлено новое министерство и Стамбулов держал еще власть в своих руках, он сделал распоряжение: созывать митинги «патриотов» для протеста против отставки Стамбулова, вести их ко дворцу, вызывать князя и требовать от него, чтобы он вернул Стамбулова к власти.

Митинги были созваны в разных частях города и направлены ко дворцу. Но самочинным образом, тоже в разных частях города, образовались другие, гораздо более многочисленные митинги, которые вынесли резолюцию: «Благодарим князя за принятие отставки Стамбулова» – и с криками: «Долу Стамбулов! Долу блудник! Долу тиран!»⁵¹² – направились к дворцу. Перед дворцом столкнулись две толпы, произошла свалка, численный перевес одержал победу и «патриоты» бросились врассыпную. Стамбулов по телефону предписал градоначальнику⁵¹³ направить на площадь полицию и водворить порядок, но получил ответ: полиции нет, вся она, переодетая в штатское платье, фигурирует в числе «патриотов». Стамбулов – к Петрову: пустить в ход регулярную вооруженную силу. Петров, став

позиционной печати, последняя заметила странность этого факта. Откуда Стамбулов достал письмо? Не мог же князь показать его ему, рассуждала печать. Очевидно, оно или сфальсифицировано, или вскрыто на почте. Стамбулов тут только заметил, какую оплошность он сделал, но было поздно. Как говорят, взбешенный князь, бывший в это время за границей, послал своему министру телеграмму: “C’est une infamie” «Это позор» (фр.). Стамбулову оставалось только вновь подать в отставку, прием, к которому он, подобно Бисмарку, прибегал многократно и который доньше всегда увенчивался успехом. На этот раз князь, к удивлению Стамбулова, ее принял, а затем события 18 мая сделали немыслимым возвращение его к власти» (Водовозов В. Стефан Стамбулов. С. 111–113).

512 «Долой Стамбулова! Долой развратника! Долой тирана!» (болг.).

513 С октября 1893 г. по май 1894 г. градоначальником Софии был Христо Благоев.

лично во главе небольшого отряда, отправился на площадь, но оценив, куда дует ветер, направил его против «патриотов»-стамбулистов, и солдаты, пустив в ход оружейные приклады, помогли преследовать бегущую толпу «патриотов».

В этом состояла вся «революция 18 мая», более походившая на водевиль с переодеванием, чем на революцию. Политический смысл событий состоял в том, что интересы широких народных масс совпали с интересами главы государства против правительства, и победа оказалась исключительно легкой и совершенно бескровной: были только избитые, потерявшие по несколько зубов и т. п. Несколько отдельных убийств произошло позднее.

В течение некоторого времени после этого князь пользовался в Болгарии исключительной народной любовью. К сожалению, он не сумел сохранить ее более двух-трех лет, а политика его в эпоху войн оказалась гибельной и для Болгарии, и для него лично⁵¹⁴.

К моему величайшему горю, первого дня революции я собственными глазами не видел. Этой революции я не предвидел; не предвидел ее, как я уже сказал, и такой тонкий знаток Болгарии, как Каравелов. Думаю, что предвидеть ее было невозможно: вся она явилась результатом такого сплетения случайностей, которое никакому человеческому предвидению недоступно.

Я был в Белграде. Но когда часа в 3-4 дня туда пришло из-

514 Приняв в 1908 г. царский титул и получив в ходе Первой балканской войны значительную часть Фракии и фактически Македонии с выходом к Эгейскому морю, Фердинанд I развязал в 1913 г. Вторую балканскую войну против своих вчерашних союзников (Греции и Сербии), в которой потерпел сокрушительное поражение, а в 1915 г. вверг Болгарию в Первую мировую войну на стороне Германии, Австро-Венгрии, Турции и, потерпев новое поражение, в 1918 г. отрекся от престола в пользу сына – Бориса III.

вестие о происходящем в Болгарии, о чем я узнал в редакции одной из газет, тотчас же сорвался со своего места и через несколько часов сидел в поезде, а рано утром на другой день был в Софии.

Расходившееся народное море еще волновалось. В народе, до тех пор умевшем только красноречиво молчать, обнаружилось бесчисленное множество – по большей части косноязычных и бездарных – ораторов, и на улицах беспрестанно собирались летучие митинги. В числе ораторов я видел много лиц, мне хорошо знакомых. Особенно речеобилен был один молодой адвокат по фамилии Македонский, которого недели за три перед этим я слышал тоже в качестве оратора на митинге перед домом Стамбулова, произносившим «от имени десятитысячной толпы» (в ней не было, наверное, и двух тысяч) благодарственную речь Стамбулову за его македонскую политику⁵¹⁵. Теперь он говорил о поправленной Стамбуловым свободе и уснащал свою речь возгласами: «Долу блудник», «Долу тиран».

Я увидел несколько раз омерзительные сцены, как группы антистамбулистов ловили где-нибудь на улице стамбуловского шпиона, вели его, издеваясь, в городской сад, там ставили к дереву и оплевывали его. Дня три новое министерство – Стоилова и Радославова⁵¹⁶ – позволяло эти легкие эксцессы, но затем оно показало власть, полиции был дан приказ действовать, и к концу первой же недели расходившееся море вошло в свои берега. Жизнь потекла нормально.

Сцену убийства, однако, я лично видел недели через три после этого.

515 К середине апреля 1894 г. правительству Стамболова удалось настоять на разрешении православному духовенству открывать в Македонии болгарские школы, закрытые за несколько лет до этого по распоряжению турецких властей.

516 До конца 1894 г. Васил Радославов оставался министром юстиции и народного просвещения в правительстве Константина Стоилова, а затем вновь перешел в оппозицию.

Были назначены выборы в городской совет (городскую думу). Выборы происходили на веранде здания городского совета; толпа, ожидавшая своей очереди опустить бюллетени, толпилась на дворе. У ворот красовалась надпись: «Вход с оружием запрещается под страхом наказания по такой-то статье», и у меня отобрали как оружие мою палку, с которой я обычно хожу.

«Мера, пожалуй, благоразумная», – подумал я и охотно ее отдал (потом так и не получил обратно).

Через несколько времени я услышал крики:

– Бей его! Стамбуловский шпион!

При этом какой-то субъект с искаженным от бешенства лицом держал в высоко поднятой руке револьвер, будто бы вытащенный из кармана одного из присутствующих на митинге. Остервенелая толпа колотила кулаками по голове, груди и спине несчастного. Полиция, по старому обычаю стамбуловских времен, блистала своим отсутствием. Наконец, несчастного выволокли за ворота и там передали полиции. Он был в ужасающем виде – представлял из себя один окровавленный кусок. Как было сообщено в газетах, через несколько часов он умер. Следствия произведено не было, и виновные наказания не понесли. Я видел всю эту гнусную сцену почти от самого начала до самого конца, и сейчас она стоит перед моими глазами во всех своих подробностях. Потом я читал о ней в газетах и расспрашивал представителей власти.

Убитый оказался каким-то мелким торговцем. И тем не менее я не могу сказать с уверенностью, был ли он действительно стамбуловским шпионом и даже действительно ли пришел на выборы с револьвером в кармане или все это была мерзкая провокация со стороны субъекта, будто бы вытащившего у него револьвер. Смутное чувство говорило мне, что последнее предположение ближе к истине и что здесь мы имеем дело с актом либо какой-то личной мести, либо, скорее, какой-то политической мести. Недаром правительство поспешило на все это дело опустить завесу, а правительственная газета

«Свободно слово» в своем изложении представила его в каком-то изумительно-идиллическом освещении: у человека был обнаружен револьвер, свидетельствовавший о его намерении сорвать свободные выборы, и толпа вывела его и передала полиции, дав ему несколько шлепков, а в участке он по какой-то причине умер.

Это было первым событием, свидетелем которого я был и которое ясно говорило мне, что хотя Стамбулов и свалился, но стамбуловщина еще жива.

Что так будет, я в этом, впрочем, не сомневался и раньше. И еще до моей поездки в Сербию я уверенно говорил Рашко Маджарову, предсказывавшему мне падение Стамбулова в двухмесячный срок, что стамбуловщину они не выведут и в 20 лет: слишком глубоко вкоренилась она в душу народа и в кровь.

В первый же день по моем возвращении в Софию из Белграда я встретил его на площади. Он весь сиял счастьем, и счастье его было одновременно торжеством политической победы и торжеством пророка, пророчество которого оправдалось, – что, как известно, бывало редко даже с библейскими пророками. Направляясь ко мне, он еще издали кричал:

- Что, двадцать години⁵¹⁷! Двадцать години!
- А ваш дядя на свободе? – срезал я его вопросом.
- Будет на свободе! Будет на свободе!

Увы, новое правительство и не подумало его освободить, хотя Радославов (новый министр юстиции) и другие новые министры до революции говорили мне совершенно уверенно, что Каравелов не виноват в том преступлении, за которое он сидит.

Через несколько дней после революции я был у Радославова. В свое время я сам ему рассказал, как был у Каравелова

517 двадцать лет (болг.).

вопреки запрещению Стамбулова, и он очень сочувственно хихикал по этому поводу. Теперь я просил у него официально-го разрешения на пропуск к Каравелову и не сомневался, что его получу. Причем я ему сказал:

– Надеюсь, что вы не станете препятствовать мне ходить к Каравелову, как это делал Стамбулов.

Как мне потом передавали, эта фраза (с заключающимся в ней намеком, что в случае нужды я могу обойтись и без его разрешения) очень не понравилась Радославову, и он грубо ответил:

– Я не могу позволить корреспондентам каждый день шляться к арестантам.

Я оторопел.

– Позвольте, что вы говорите? Да теперь я могу сказать, что иду к Каравелову не как корреспондент, а как его хороший знакомый, и иду не к арестанту, а к заслуженному политическому деятелю, о невинности которого вы сами мне говорили всего три недели тому назад.

Радославов слово в слово повторил свою прежнюю фразу.

Я встал и, не кланяясь, вышел.

В тот же день я был у Каравелова. На этот раз я застал у него целую толпу крестьян из провинции. Они приехали в качестве делегации от своей деревни благодарить князя за отставку Стамбулова и высказать несколько пожеланий, но прежде сочли нужным явиться к Каравелову за дополнительными инструкциями.

Когда они ушли и я остался с Каравеловым и Маджаровым, началась наша беседа. Каравелов не походил на самого себя. Обозленный тем, что его не выпускают из тюрьмы, он, нарочно повышая голос, ругательски ругал новое правительство и самого князя, не выбирая выражений. Его озлобление было настолько несдержанно, что он больше не был даже интересным собеседником, каким я его знал в прежние свидания. Потом я бывал у него еще несколько раз, и только через месяц

Каравелов пришел в себя и начал уже не ругать правительство, а подвергать его действия критике – не всегда основательной, но всегда интересной.

О нем мне пришлось говорить с Тончевым, министром торговли в кабинете Стоилова.

– Почему новое правительство не освобождает Каравелова? – спрашивал я. – Ведь вы же знаете, что в том преступлении, в котором он обвиняется, он совершенно не повинен. Вы сами мне это говорили, и Радославов – тоже.

– Хм... А скажите, пожалуйста, вы бываете у Каравелова?

– Бываю.

– А не случалось ли вам с ним говорить о князе?

– Случалось.

– Ну скажите, пожалуйста, что он вам говорил о князе? В каком тоне были его отзывы?

– Простите, пожалуйста, но что вы сами подумаете обо мне, если я вам буду отвечать на подобные вопросы? Ведь вы министр, а Каравелов – арестант.

– Да вам и нет нужды отвечать на мой вопрос. Хотя я министр торговли, но и я довольно хорошо знаю о ваших разговорах с Каравеловым, а если вы пойдете к министру юстиции Радославову, то он вам их передаст чуть ли не со стенографической точностью. А вы вот на что мне ответьте: как мы, министры его величества, можем представить его величеству, прекрасно осведомленному об этих разговорах, постановление о помиловании человека, который, правда, не виновен в убийстве Белчева, но десятки раз виновен в оскорблении величества?

– Я все-таки не понимаю, как можно держать в тюрьме человека по заведомо ложному обвинению. Если он действительно виновен в оскорблении величества, судите его за то, в чем он виновен, но не карайте за то, в чем он не виновен.

– Освободить и тотчас же устроить крайне неудобный процесс? И опять посадить? Ну, знаете, об этом может гово-

рить литератор, но не государственный человек.

И все-таки месяцев через восемь Каравелова освободили⁵¹⁸. На следующий год, в свою вторую поездку в Болгарию, я видел его уже свободным.

Когда я приехал в Болгарию, я произносил слова: четник, гайдук, хорамия⁵¹⁹, комитаджий⁵²⁰ – с глубоким уважением, как названия героев борьбы. У меня в памяти оставалась болгарская народная песня, из статьи в «Отечественных записках», о гайдуке Панайоте Хитове⁵²¹:

Изо ми е мило и драго?
Млад хорамия да буде,
Черна кошуля да носим,
Чифт пиштоля за пояс,
И тонка пушка на рамот^{522 523}.

518 Петко Каравелов был освобожден из тюрьмы по амнистии в декабре 1894 г.

519 Чётник (от серб. чета или тур. çete), гайдук (от серб. хајдук, болг. хайдутин), харамия (болг.) – повстанец, бунтарь, разбойник, воюющий против османского владычества на Балканах.

520 Революционные отряды, вторгавшиеся из Румынии и Сербии в турецкие владения и боровшиеся с турками, до шестидесятих годов носили наименование чет, а их участники назывались четник, гайдук, хорамия. С шестидесятих и семидесятих годов их заменило слово «комита» (от революционного комитета), а их члены стали называться «комитаджиями» – романское слово с турецким суффиксом.

521 Ровинский П. А. Болгарский хайдук Панайот и его записки // Отечественные записки. 1878. № 8. С. 345–388.

522 Не ручаюсь, что я не сделал в этой цитате несколько грамматических ошибок.

523 У Ровинского цитируемый фрагмент выглядит так: «Што ми је мило и драго? / Млад харамія да будем, / Црну кошуљу до носим, / Чифт пиштоли на пояс, / И тьнку пушку на рамот» (Ро-

И я был очень поражен, когда услышал слова «гайдук» и особенно «хорамия» для обозначения простого разбойника без всякого романтического ореола.

Сравнивая болгарских комитаджиев с русскими революционерами, я допускал, конечно, что первые отличаются меньшей культурностью, что характер их деятельности в силу обстоятельств ближе подходит к деятельности разбойников (при этом вспоминались «Разбойники» Шиллера⁵²⁴), но что те и другие одинаково революционеры, одинаково мужественные и самоотверженные борцы за свободу своего народа.

Но очень скоро романтический ореол под влиянием как разговоров и живых впечатлений, так и изучения мемуарной литературы рассеялся. Слушая болгарские самообличения их народного характера, я спрашивал обличителей: «А где же ваши героические комитаджии, все эти Панайоты Хитовы, Левские⁵²⁵ и другие, о которых я так много читал у Любена Кара-

винский П. А. Указ. соч. С. 345). Текст включает сербские, македонские и болгарские слова; перевод: «Чему я так рад и счастлив? / Молодой повстанец поднимается, / Черную рубашку надевает, / Пару пистолетов за пояс / И тонкую винтовку на плечо».

524 Упомянута драма Ф. Шиллера «Разбойники» (1781).

525 Один из основателей Болгарского революционного центрального комитета, созданного в 1869 г. в Бухаресте, и руководитель Внутренней революционной организации, готовившей восстание против турецкого владычества, Васил Левский был выдан предателем и повешен 6 (18) февраля 1873 г.; названный «апостолом свободы», он наряду с Х. Ботевым, Г. Раковским и Л. Каравеловым причислен к «четырем великим» болгарского национально-освободительного движения (см.: Водовозов В. Левский // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1896. Т. 17. С. 443).

велова⁵²⁶, Вазова⁵²⁷, даже у немцев, как Розена⁵²⁸?» И слышал в ответ:

– Большинство погибло, а тех, которые остались в живых, поищите в министерских прихожих: там они выклянчивают себе пенсии.

Я имел случай познакомиться с одной из этих героических фигур, именно со знаменитым в истории борьбы с турками Панайотом Хитовым, автором (вероятно, сильно подправленных, если не прямо сфальсифицированных Любеном Каравеловым) мемуаров, доживавшим свой век в Рушуке. Может быть, он действительно когда-то был героем, но я видел его дряхлым стариком⁵²⁹, льстивым, унижавшимся перед каждым министром, от которого могло зависеть, продлить его пенсию или отказать в ней. Но вот я (во вторую поездку в 1895 г.) познакомился с тогда еще молодым, впоследствии приобретшим

526 См.: Каравелов Л. Страницы из книги страданий болгарского племени: повести и рассказы. М., 1868.

527 См.: Вазов И. Болгарское восстание накануне последней войны. Воспоминания о событиях 1876 г. / Пер. Т. Странскаго. Киев, 1884.

528 В 1872 г. Л. Каравелов издал в Бухаресте записки Панайота Хитова «Моего путешествие по Стара Планина», которые были переведены на русский (см.: Славянский сборник. СПб., 1877. Т. 2. С. 49–125) и немецкий (см. в кн.: *Rosen G. Die Balkan-Haiduken. Leipzig, 1878*). Характеризуя записки, Водовозов писал, что «строго правдивые, чуждые какого бы то ни было личного или национального хвастовства, они прекрасно рисуют положение болгар под турецким игом, быт гайдуков, нравы эмигрантов; в них ясно видно, как редко гайдуки действительно бывали людьми принципиальными, как часто они оказывались изменниками и предателями, но вместе с тем сколько в них было самоотвержения» (*Водовозов В. Панайот Хитов // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1897. Т. 22а. С. 682–683*).

529 Панайоту Хитову было тогда 64 года.

большую известность, Сарафовым, македонским комитаджем⁵³⁰. Тогда Македония была еще почти совершенно спокойна, однако время от времени и в ней появлялись комитаджии, и Сарафов был одним из первых⁵³¹. Это был человек с отталкивающей внешностью, невежественный, грубый, жестокий, злобный, мстительный, – конечно, храбрый той первобытной храбростью, которая восхищала нас в детстве в героях Купера, но которая в зрелом возрасте увлекать нас не может.

Я понемногу уяснил себе, что герои борьбы с турками были героями весьма своеобразными. Они действительно во главе небольших чет или комит вторгались в турецкую Болгарию из Сербии или Румынии (как потом в турецкую Македонию из Болгарии и Сербии), нападали с большим мужеством на турец-

530 Болгарский поручик Борис Сарафов, руководитель т. н. Мелничского восстания 1895 г., председатель Верховного Македонского (с 1900 г. Македонско-Одринского) комитета в 1899–1901 гг., выступая под лозунгом «Македония для македонцев», боролся за политическую автономию Македонии и Восточной Фракии, или Адрианопольского (Одринского) вилайета, от Оттоманской империи. Член генерального штаба потопленного в крови Илинденского восстания 1903 г., во время которого возглавлял повстанцев Битольского округа, и видный деятель Внутренней Македонско-Одринской революционной организации, Сарафов был предательски убит 28 ноября 1907 г. и считается одним из выдающихся героев борьбы против турецкой деспотии.

531 В 1895 г. Верховный Македонский комитет в Болгарии организовал так называемую «четническую акцию», к которой были привлечены известные македонские «воеводы», ранее промышлявшие в основном грабежом богатых турок, заслав в Македонию четыре большие и несколько малых чет общей численностью порядка 800 человек, но относительного успеха добился лишь отряд Б. Сарафова, захвативший на несколько дней город Мелник (см.: *Ямбаев Л. М.* Четы ВМОРО на начальном этапе своей деятельности // *Славяноведение*. 2006. № 1. С. 22–28).

кие войска или заптиев (жандармов), часто гибли, иногда торжествовали победу. В последнем случае они резали взятым в плен туркам носы, выкалывали глаза, насиловали женщин, жгли деревни, грабили – и награбленное далеко не всегда тратили на поднятие революционного фонда, а часто прокучивали в оргиях. В литературе я читал, что болгарские деревни смотрели на этих комитаджиев как на своих защитников и потому снабжали их провиантом и укрывали. Это бывало, но нередко дань, вносимая деревнями, была далеко не добровольной, и случаи, когда комитаджии не отличали добра болгарского от добра турецкого, были далеко не исключением, и любовь к ним народа была далеко и не единоклюнной, и не беспримесной⁵³².

Делая более общее сравнение Болгарии с Россией, я составил себе такое представление. Каприз истории и влияние международных отношений наделили Болгарию (как и Грецию, и Сербию) весьма либеральной и демократической конституцией в тот период ее истории, когда внутреннее развитие без посторонних влияний могло бы привести или к патриархально-демократическому складу, или к самодержавию. Народ оставался на крайне невысоком культурном уровне. Поэтому конституция оказалась на бумаге и в жизнь не вошла, и деспотизм Стамбулова с его палочниками, комедией выборов и т. д. явился естественным последствием комбинации политической незрелости и свободной конституции. Уровень культурного развития народа определил характер революционного движе-

532 В. В. Водовозов отмечал, что среди четников встречались «люди высокого душевного благородства», но все же преобладали элементы, жаждавшие «разгула, крови и денег», для которых месть угнетателям-туркам играла роль подчиненную, а потом это превратилось в «своеобразную профессию, служители которой состояли на жаловании у соседних правительств – болгарского, сербского или греческого» (Водовозов В. Софийский процесс // День. 1915. № 166. 19 июня).

ния против турок и характер революционеров, он же был причиной легкого подчинения народа стамбуловскому деспотизму, и он же объясняет возможность убийства Стамбулова каким-то мстителем, которому было мало, что Стамбулов уже наказан, потеряет власть, что к власти он никогда не вернется, что палата уже избрала комиссию для расследования преступлений Стамбулова и на очереди стоит вопрос о предании его суду по целому ряду тяжелых политических (нарушение конституции) и даже уголовных преступлений (хищения, убийства). Всего этого было мало, нужна была кровь. Убийство было совершено с хладнокровной жестокостью: убийца вскочил на подножку коляски, в которой ехал Стамбулов со своей женой, и несколькими ударами кинжала отрезал ему кисть руки, нанеся еще несколько ран, соскочил с подножки и бросился бежать⁵³³.

На такое убийство более культурные русские революционеры, как я тогда думал, не были бы способны, и в этом громадная разница между теми и другими.

Но вместе с тем даже бумажная конституция оказывает свое воспитательное действие на народ. Тот факт, что оппозиция борется с правительством с конституцией в руках, что всякое новое министерство начинает с обещания свято исполнять конституцию, не может не иметь своего воспитательного значения. Пусть оно не велико и медлительно – его не следует

533 Неточность: 3 июля 1895 г. трое македонских боевиков – Михаил Ставрев (Халю), Атанас Цветков и Боне Георгиев, остановив фаэтон, в котором ехали Димитр Петков, министр общественных работ, и Стефан Стамболов, пытавшийся в них стрелять, догнали бывшего премьера и, повалив на землю, короткими турецкими ножами буквально изрезали, нанеся 23 глубокие раны: 12 – в голову, из-за чего он лишился глаза, а остальные – по рукам, которыми защищал лицо, из-за чего кисти ему пришлось ампутировать. Стамболов умер 6 июля. Подробнее см.: *Димов А. Злодеяния Кобургов в Болгарии* / Пер. с болг. Н. Сивкова. 5-е изд. София, 2017.

преувеличивать, – но совершенно отрицать его было бы ошибкой. Во всяком случае, бороться за конституцию, уже существующую хотя бы в виде клочка бумаги, легче, чем бороться за введение конституции, еще вовсе не существующей.

Таково было понимание общего склада жизни Болгарии, к которому я пришел в результате своей поездки и которое я проводил в своих печатных работах.

Многое из этого теперь я признаю ошибочным.

С тем явлением, палочников и негодующего народа, которое я считал специфически свойственным балканским проявлениям деспотизма и совершенно не свойственным формам русским, – с ним мы позднее очень близко познакомились в России, когда правительство сочло нужным создать Союз русского народа⁵³⁴; особенно близко – в собраниях Думбадзе и Толмачева⁵³⁵. Там Союз русского народа ничем по существу не отличался от стамбуловских палочников. Безнаказанность убийств Герценштейна, Иоллоса и Караваева⁵³⁶ и несомненное

534 «Союз русского народа» – крайне правая монархическая черносотенная организация, существовавшая в 1905–1917 гг.

535 Имеются в виду покровительствовавшие черносотенцам генерал-майор И. А. Думбадзе, главноначальствующий и градоначальник Ялты в 1906–1916 гг., и генерал-майор И. Н. Толмачев, градоначальник Одессы в 1907–1911 гг.

536 Член кадетской фракции 1-й Государственной думы М. Я. Герценштейн был застрелен черносотенцами из «Союза русского народа» в Териоках, где жил на даче, во время прогулки 18 июля 1906 г. (см.: *Водовозов В.* Финляндский суд и дело об убийстве Герценштейна // *Право.* 1909. № 36, 38. 6, 20 сент.). Член кадетской фракции 1-й Государственной думы Г. Б. Иоллос был застрелен на улице 14 марта 1907 г. рабочим Федоровым, которого подговорил к этому член «Союза русского народа». Член Трудовой группы 2-й Государственной думы А. Л. Караваев был смертельно ранен черносотенцами 4 марта 1908 г. двумя выстрелами в грудь в своем кабинете в Екатеринославе во время приема больных.

прямое или косвенное участие в них правительства – явления вполне того же типа, что аналогичные убийства в Болгарии. Большевизм, приниженность народа, задавленного большевиками, – все эти явления, вовсе не возвышающие культурность русского народа над болгарским. Характер русских революционеров после их торжества проявился тоже в весьма отталкивающих чертах. Мстительность, жестокость проявились не меньше, чем у болгар. Таким образом, очень многое в моем тогдашнем понимании Болгарии подлежит исправлению. Не настолько уж ниже культура Болгарии, чем наша, как я думал.

Но за последнюю идею – значение писанной конституции, идею, резко противоположную принятой у нас идеи Лассаля⁵³⁷, я стою и ныне. И недавняя (1925 г.) моя поездка в Болгарию меня только укрепила в ней. Хотя конституция в Болгарии и теперь еще часто и грубо нарушается, но все-таки она теперь уже не пустой звук. И выборы хотя и теперь проходят не без нарушения их свободы и фальсификаций, но все-таки они не могут быть названы пустой комедией, и в палате всегда имеется голос оппозиции.

Чтобы покончить с болгарской поездкой, я скажу несколько слов о Драгоманове. С ним я познакомился и сблизился. Он был тяжело болен, можно сказать – медленно умирал (и действительно, умер в следующем, 1895 г.). Часто я его заставлял в постели. Он был профессором истории в университете (тогда

537 В речи, произнесенной «в одном Берлинском бюргерском окружном собрании в 1862 г.», Фердинанд Лассаль различал конституцию «действительную» от «писанной», которую сравнивал с «листом бумаги», ибо «безразлично, что написать на бумаге, раз только написанное противоречит реальному положению вещей», и «писанные конституции только тогда имеют значение и обладают жизненностью, когда они являются точным выражением действительных отношений сил общества» (Лассаль Ф. О сущности конституции / Пер. с нем. К. Чеке-руль-Куша. Киев, 1905. С. 18, 29, 31).

называвшемся Высшей школой), но едва ли не половину своих лекций пропускал по болезни. Я был на нескольких его лекциях и нахожу его одним из лучших профессоров, которых мне приходилось когда-либо слышать. При мне он читал конституционную историю Англии, предмет хорошо разработанный и, в частности, мне довольно хорошо известный, и все-таки я слушал его с большим интересом и всегда находил у него много для себя нового, очень интересные сближения и параллели с другими странами. Как собеседник, когда только не был совершенно болен, он был тоже чрезвычайно интересен.

Драгоманов, как известно, считался отцом или одним из отцов украинофильства. Но совершенно несомненно, что к нынешнему украинофильству он отнесся бы без всякой симпатии. Его украинофильство состояло в том, что он любил и ценил малороссийский язык (кстати, вовсе не чурался слова «малороссийский» и выпустил даже «Сборник песен малороссийского народа»⁵³⁸), малороссийскую музыку, вообще малороссийскую культуру и дорожил их сохранением и развитием. Он вообще считал, что родной язык тесно связан со всей человеческой психикой и что в нем особенно ярко проявляется индивидуальная особенность национальности. Уничтожение национальных особенностей и в первую голову забвение родного языка было для него обеднением человеческого духа. Позднее я те же идеи читал в посмертной статье Потебни, напечатанной в «Вестнике Европы», помнится, в 1896 г.⁵³⁹, и слышал от австрийского социал-демократа Пернерсторфера (близкого друга Масарика). Его речи звучали для меня прямым повторе-

538 Правильно: Исторические песни малорусского народа / С объяснениями Вл. Антоновича и М. Драгоманова: В 2 т. Киев, 1874–1875; см. также: Рудченко И. Я., Драгоманов М. П. Чумацкие народные песни. Киев, 1874; Драгоманов М. П. Малорусские народные предания и рассказы. Киев, 1876.

539 Неточность, см.: Потебня А. А. Язык и народность // Вестник Европы. 1895. Кн. 9. С. 5–37.

нием слов Драгоманова, в особенности его речи и о *Verarmung des menschlichen Geistes*⁵⁴⁰ вследствие исчезновения национальностей.

Но при этом Драгоманов очень высоко ценил русскую культуру, русскую литературу и превосходно понимал, что они гораздо выше украинских. Ни в каком случае он не делал отрыва от них языка, литературы и культуры малороссийских. Его украинофильство было демократическим; он был убежден, что, отстаивая права малороссийской культуры, действует в интересах малороссийского крестьянства. Ему не могло бы прийти в голову искать опоры в Польше, потому что в Польше он видел начало аристократическое. Он горячо упрекал Герцена за поддержку польского восстания⁵⁴¹ как движения антидемократического⁵⁴². Федерация ему представлялась идеальным политическим разрешением украинского вопроса; о малороссийском сепаратизме он говорил с насмешкой. Может быть,

540 обеднении души человека (*нем.*).

541 Сочувствуя Польскому восстанию 1863 г., А. И. Герцен писал в «Колоколе»: «Мы с Польшей потому, что мы за Россию, мы со стороны поляков потому, что мы русские. Мы хотим независимости Польши потому, что мы хотим свободы России. Мы с поляками потому, что одна цепь сковывает нас обоих» (Герцен А. И. Собр. соч. М., 1959. Т. 17. С. 9).

542 Порицая А. И. Герцена как «московского славянофила, или лучше великорусофила» и указывая на «примесь к его здоровым мыслям идей великорусского мессианизма, а также незнание деталей истории и положения невеликорусских народов и остатки привычки распоряжаться за других их судьбой», М. П. Драгоманов считал, что «идейная солидарность Герцена с польскими патриотами была в сущности очень невелика», поскольку он был «теоретически противником полного отделения Польши» (подробнее см.: *Драгоманов М. П.* Герцен, Бакунин, Чернышевский и польский вопрос. Казань, 1906. С. 4, 8, 18–19; *Он же.* Историческая Польша и Великорусская демократия. Киев, 1917. С. 22, 42).

потому, что тогда иное разрешение казалось совершенно утопическим? Тогда ведь и поляки в большинстве не шли дальше автономии Польши в рамках русского государства. Не думаю: поляки никогда не дорожили связью с русской культурой, а Драгоманов как раз ею и дорожил, и потому я думаю, что в сепаратистских стремлениях современных украинцев он увидел бы прямо реакцию. По своим социальным стремлениям он называл себя и социалистом, и анархистом-прудонистом⁵⁴³, но социальные его воззрения были не всегда ясно продуманы. Он весь был в национальном вопросе, который знал превосходно, и в вопросе политическом.

Через четыре месяца пребывания в Болгарии я уехал домой через Белград, Будапешт и Львов, где задержался по нескольку дней.

В Волочиске (или, может быть, в Радзивилове, не помню точно), на границе России, я был задержан⁵⁴⁴. Когда таможенный чиновник осматривал обычным образом мои чемоданы, из соседней комнаты, где производилась проверка и запись паспортов, вышел жандармский офицер.

543 Сторонник идеи федерализма, которую почерпнул у П.-Ж. Прудона и М. А. Бакунина – основоположников анархизма, противопоставлявших государство и федерацию как организованное самоуправляющееся сообщество, М. П. Драгоманов считал, что целью украинцев «является не только получение автономии для себя, но и превращение государств, которыми они поработены, в одну или несколько федераций, удобных для всех и слабых, и сильных племен» (Драгоманов М. П. Собрание политических сочинений. Paris, 1906. Т. 2. С. 247).

544 11 июля 1894 г. помощник начальника Волочискского отделения Киевского жандармского управления железных дорог на пограничном пункте Волочиск уведомил Департамент полиции, что «сего числа возвратился из заграницы дворянин Василий Васильев Водовозов <...> и направился, чрез г. Киев, в г. Минск» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3 д-во. 1893. Д. 140. Л. 148).

– Где здесь Водовозов?

– Здесь.

– Это ваш багаж?

– Да.

Таможенному было приказано отложить его в сторону, а мне заявлено, что до отхода поезда досмотреть мой багаж не успеют и потому мне придется переночевать. Арестован я не был; мне было предоставлено уйти в гостиницу с тем, чтобы на другой день в определенный час явиться на вокзал для осмотра багажа и допроса. Вечером и утром я свободно гулял по местечку и окрестностям и слежки за собой не заметил, что, конечно, не доказывает, что ее не было.

В назначенный час я явился, и с меня был снят самый тщательный допрос: зачем поехал в Болгарию, где именно был, причем я должен был чуть не по дням сообщить мой маршрут, с кем видался. Скрывать мне было нечего, кроме факта моего близкого знакомства с Драгомановым, но специальный вопрос о нем поставлен мне не был, а сам я, конечно, не имел основания называть его имя. Вещи были досмотрены самым тщательным образом. Несколько болгарских брошюр и коллекция вырезок из болгарских газет остановили внимание жандарма.

– Это я должен отправить в цензуру.

Между тем я ехал не в Петербург или в какой-нибудь большой город, куда я мог бы направить эти произведения; к тому же я знал, что цензура крайне не любит просматривать коллекции старых газет и обыкновенно огулом признает их запрещенными. Здесь это было тем вероятнее, что в подобранных мною газетных вырезках были статьи ярко русофобские, притом обыкновенно написанные в грубом, даже неприличном тоне, вообще принятом в болгарской газетной печати. Поэтому отправка собранного мною материала в цензуру в лучшем случае грозила бы мне не менее неприятными хлопотами для выцарапывания их оттуда, как такие же хлопоты в Константинополе, а в худшем – их потерей.

И я начал убеждать жандарма отдать их мне, так как для него должно быть ясно, что они мне нужны не для преступной пропаганды, а для научной работы: какая же пропаганда возможна в России посредством старых газетных вырезок, да еще и на болгарском языке.

– Не могу; я не знаю болгарского языка. А вместе с тем знаю, что там нас ненавидят, и очень возможно, что тут немало гадостей против нас.

– Совершенно верно, – возразил я. – Но тут немало гадостей и против меня лично. Как вы думаете, возьмет ли кто-нибудь с собой для пропаганды печатные произведения, где его обливают грязью?

– Как так?

– А вот посмотрите. Я вам буду переводить, а вы следите по подлиннику: болгарский язык настолько близок к русскому, что вы сразу поймаете меня на искажении.

Дело в том, что недели за две до моего отъезда в болгарской печати появились цитаты из моих первых корреспонденций в «Русской жизни», не оставлявшие сомнения в моем отношении к болгарским порядкам. Цитаты появлялись в официальном «Свободном слове» (органе нового правительства Стоилова и Радославова), и «Свободное слово» пользовалось ими для своих целей в политике против свергнутого режима. А «Свобода» Стамбулова отвечала целым походом против меня, сопровождая его ругательствами.

Я выбрал одну статью, в которой в комическом виде была изображена моя наружность и заодно я именовался корреспондентом-ремесленником, состоящим на службе у русского правительства, ведущего гробокопательную для Болгарии политику и желающего обратить ее в Задунайскую губернию. Несмотря на не лишнее остроумие описание моей внешности (в частности, из факта ношения очков и моей сутулости был сделан вывод, что я ничего под ногами не вижу и спотыкаюсь на каждом шагу), статья была больше глупая, чем злобная, потому что для искренней злобы у автора статьи (которого я знал

и которого несколько раз весьма дружески угощал в кафе) не было оснований. Я совершенно добросовестно перевел статью жандарму со всеми ругательными по моему адресу и по адресу русского правительства эпитетами. Описание моей наружности ему, видимо, понравилось, – он ухмылялся, стараясь это скрыть.

– Ну, как вы думаете, повезу я такую статью для пропаганды против русского правительства? А эта вот брошюра – смотрите: «Живот на турски народ»⁵⁴⁵ Елизаветы Водовозовой, «превел от руски»⁵⁴⁶ такой-то⁵⁴⁷. Вы, может быть, знаете книгу моей матери, Елизаветы Николаевны Водовозовой, – это перевод одной ее части. Я везу в подарок моей матери, которая о факте этого перевода ничего не знает. А это вот «Жизнь Данте» Марии Ватсон⁵⁴⁸, «превел от руски», – я тоже везу в подарок автору. Ну а это «Хамлет, драма на Вильям Шекспир, превел от руски»⁵⁴⁹, – в подарок автору я ее не везу, но купил как курьез: произведение Шекспира, переведенное с русского.

Аргументация подействовала, жандарм пропустил всю кипу, и мы расстались с ним дружелюбно.

Из-за чего был произведен этот допрос и досмотр, я не знаю. Шло ли это из Константинополя от генерального консула

545 «Жизнь турецкого народа» (болг.).

546 «перевод с русского» (болг.).

547 Переводы на болгарский язык нескольких частей первого тома книги Е. Н. Водовозовой «Жизнь европейских народов» (3-е изд., вновь передел. и доп. СПб., 1881. Т. 1) сделал Д. Х. Брызцов, благодаря которому в Пловдиве в серии «Живот на европейските народи» вышли отдельными изданиями очерки «Турция» (1883), «Албания» (1883), «Черна гора» (1885), «Сърбия» (1886), «Румъния» (1887).

548 Ватсон М. В. Данте: Негова животь и литературната му деятелност / Прев. М. Москов. Търново, 1894.

549 См.: Шекспир У. Хамлет: Трагедия в 5 д. в стихове / Прев. от рус. и нем. Т. Ц. Трифонов. Русе, 1891.

или из Болгарии или прямо из Департамента полиции, так как я в разговоре со Зволянским сказал ему, что поеду в Болгарию? В Болгарии мне указывали несколько лиц, которых подозревали в том, что они состоят русскими шпионами, но характера достоверности эти указания не имели.

Из Волочиска я проехал в деревню Полтавской губернии, верст за двадцать от Ромен, где проводили лето в имении знакомых моя мать и В. И. Семевский, и провел у них два дня. Первое поразившее меня тут впечатление было то, что извозчик, который вез меня из Ромен в деревню, говорил со мной по-русски и притом довольно чисто. И потом в деревне многие мужики, с которыми я разговаривал, оказывались тоже владеющими русским языком; по-украински говорили главным образом бабы. Это находилось в резком противоречии с тем консерватизмом украинского языка, на котором так настаивал Драгоманов. В 1902 г. мне пришлось прожить целый месяц в другой деревне той же Полтавской губернии, в Лохвицком уезде⁵⁵⁰, и я вновь имел возможность убедиться, что русский язык

550 См. «полученное агентурным путем» письмо в Киев от 15 ноября 1902 г., в котором В. В. Водовозов сообщал жене о своей «законотворческой» деятельности и выступлении 14 ноября на заседании уездного земства о народном образовании: «Я настаивал на требовании полной свободы открытия школ без предварительного разрешения, и мое предложение было принято с небольшой поправкой. В моей же редакции было принято пожелание, чтобы продолжительность курса, выбор учебников, назначение учителей и программ в земской школе определялись земствами. Мы постановили, чтобы учителя не нуждались в утверждении начальства, чтобы были уничтожены министерские каталоги. Наконец, я разошелся и провел предложение, чтобы основание провинциальных газет было облегчено и они были избавлены от предварительной цензуры... Многие даже не знали, что такое предварительная цензура, и я прочел об этом краткую лекцию. Предложение мое принято единогласно, и это мне даже неприятно, ибо это единогласие объясняется,

сделал громадные завоевания и, хотя не является разговорным

вероятно, поздним временем и усталостью, а не чем иным. Я, вероятно, мог бы провести и пожелание полной свободы печати, но я сам не захотел этого; парламентская обстановка учит людей умеренности и компромиссам, и, главное, я все время сознавал полную практическую бесполезность процедуры. Все наши пожелания будут положены под сукно. Единственный практический результат, что в присутствии 25 человек, из которых несколько крестьян, было громко говорено о свободе слова и цензуре, а это было сделано... Для меня же заседание было очень интересно и приятно. Совсем не то присутствовать в публике, что присутствовать действующим лицом; я чувствовал себя в своей тарелке, видел, что со мной считаются, и это, конечно, поднимало душевные силы».

В другом послании жене, от 18 ноября, Водовозов извещал ее: «Пишу проекты государственных преобразований. Окончил проект реформы дела народного образования, где провел полную свободу преподавания; никаких предварительных разрешений, ни для открытия частных школ, ни для публичных лекций, больше не нужно. В качестве практического государственного реформатора я пока, однако, не решился совсем отменить цензуру (известно, впрочем, что все либералы, делаясь государственными деятелями, начинают снисходительно смотреть на цензуру и отлагают введение свободы слова как несвоевременное; со мной, очевидно, повторилась старая история), а только отменил предварительную цензуру для провинциальных газет. Сию минуту окончил проект почтового дела; на этот раз – совершенно самостоятельно, без материалов заседаний комитета. Я провел новые почтовые тракты, ввел новую систему почтовых контор, понизил почтовую таксу, но главное, уничтожил перлюстрацию писем в политических целях. Согласись, что это недурно. Буду изменять характер земского представительства, но, увы, тут наталкиваюсь на противодействие земцев (я хочу ввести всеобщее голосование, а они только возвращение к порядку 1864 г. и некоторое понижение имущественного ценза). Но об этом поспорим, хотя, несомненно, останусь в меньшинстве» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 228. ОО. 1900. Д. 996. Л. 7–9).

языком для населения в своей среде, во всяком случае, вполне понятен всем, а мужская половина (побывавшая в солдатах) может и говорить на нем.

Глава III. Смерть императора Александра III. – Жизнь в Крыму. – Знакомство с Бердяевым. – Мое поселение в Киеве. – Знакомства в русских и малорусских кружках. – Арест в Австрии в 1897 г. – История «Руси» Гайдебурова. – Арест в Киеве в 1898 г.

Следующий год я провел в качестве домашнего учителя в семье Бонч-Осмоловских в Минской губернии⁵⁵¹, но осенью 1894 г. побывал – конечно, с особого разрешения Департамента полиции – в Петербурге.

Как известно, летом 1894 г. император Александр III заболел нефритом и много месяцев боролся со смертью. По каким-то непонятным соображениям факт его болезни скрывался в России. В то время, когда иностранные газеты следили с величайшим интересом за ходом болезни, русские газеты поражали своим вынужденным равнодушием; происходило совершенно то самое, что повторилось через 30 лет, когда умирал Ленин. Но слухи о болезни расходились, и о ней знали все, даже в той глуши, где я жил. Когда в сентябре я приехал в Петербург⁵⁵², то, можно сказать, там только об этом и говорили.

551 С 15 июля 1894 г. В. В. Водовозов, согласно донесению начальника Минского губернского жандармского управления, жил в имении Блонь, в 3 верстах от станции Марьина Горка Либаво-Роменской железной дороги, «у помещика Бонч-Осмоловского» (Там же. Оп. 91. 3 д-во. 1893. Д. 140. Л. 150).

552 8 сентября 1894 г. В. В. Водовозов обратился к директору Департамента полиции Н. И. Петрову: «Честь имею покорнейше просить ваше превосходительство разрешить мне пребывание в С.-Петербурге сроком на один месяц, необходимое мне, во-первых, для того, чтобы посоветоваться с врачами, во-вторых, для устройства своих дел, в-третьих, для работы в Императорской Публичной библиотеке». Посетив 17 сентября директора департамента, Е. Н. Водовозова добились разрешения для сына и невестки «временно приехать в Петербург на один месяц с 25 сентября» (Там же. Л. 151–152).

Меня поразило, что в тех литературных кругах, в которых я вращался, ожидание близкой смерти Александра наполняло почти всех какой-то непонятной мне радостью. И я не любил Александра III, но я ровно ничего не ожидал от его смерти: наследник был совершенно неизвестен, и не было никаких оснований думать, что при нем произойдут какие-нибудь перемены к лучшему. Особенно радостно ожидали смерти в кружке проф. Н. И. Кареева, а в нем едва ли не всех более радовался проф. И. В. Лучицкий (киевский), в это время находившийся в Петербурге и, кажется, живший у Кареева (или, по крайней мере, постоянно у него бывавший).

– На что вы рассчитываете? – допрашивал я, но сколько-нибудь вразумительного ответа ни от кого не получал.

– Перемена. Обновление. Хоть гірше, та інше⁵⁵³, – и тому подобные фразы ничего мне не объясняли.

Очень незадолго до смерти было официально сообщено о тяжелой болезни, и только с этого времени факт перестал быть бессмысленным секретом Полишинеля⁵⁵⁴.

Вечером 20 октября пришла телеграмма о смерти и была расклеена по улицам⁵⁵⁵. Весь вечер я бродил по городу, интересуясь тем, какое впечатление произведет известие о смерти на толпу. И видел одно: полнейшее равнодушие. Подойдет человек к телеграмме, прочтет ее и совершенно спокойно продолжает свой путь. Никакого горя на лице не заметно. Подойдут два человека, прочтут, произнесут какую-нибудь ничего не значащую фразу вроде: «Вот как!», «Этого следовало ожидать», и продолжают прерванную беседу. О горе населения не могло

553 «Хоч гірше, та інше» (укр.) – «Хоть хуже, но другое» (украинская пословица).

554 Фразеологическое выражение, обозначающее мнимую тайну; Полишинель (фр. Polichinelle) – комический персонаж комедии дель арте.

555 Александр III скончался 20 октября 1894 г. в Ливадии.

быть и речи⁵⁵⁶.

В мае 1895 г. мы с женой уехали в Крым и поселились на даче подле Ялты. Вскоре после нас на той же даче в соседних комнатах поселился С. А. Бердяев с семьей, приехавший из Киева. Семья состояла из С. А. Бердяева, его жены Елены Григорьевны и двух мальчиков лет 10 и 8. С ними был и младший брат Сергея Александровича, тогда студент Киевского университета, ныне известный философ, спиритуалист и церковник,

556 Из Петербурга 27 октября 1894 г. Водовозов и его жена уехали в имение Блонь, причем, как доносила охранка, за время пребывания супругов в столице негласным наблюдением были выяснены «сношения их с титулярным советником Александром Кауфманом и студентами университета Мордухом Пивоваровым и Николаем Рерихом». Но 26 ноября, за два месяца до окончания ограничительного срока, истекшего 30 января 1895 г., Водовозов обратился к министру внутренних дел за разрешением «въезда в столицу уже теперь», ибо, пояснял он, «с одной стороны, мне необходимо, ради моих научно-литературных работ, заняться в Императорской Публичной библиотеке, а с другой – малярия, которой я заразился, принуждает меня покинуть болотистую Минскую губернию, где я живу, и посоветоваться с врачами». 26 января – очередное прошение о разрешении приезда в столицу «на 6-недельный срок, начиная с 20 февраля, для работы в Императорской Публичной библиотеке, а также чтобы посоветоваться с врачами». Но на прошении пометка от 4 февраля: «Всякий приезд Водовозова в Петербург всегда знаменуется его участием в сходках или сборищах противоправительственного характера. Полагал бы безусловно отказать». Хотя проживание в столице и Петербургской губернии воспрещалось ему «бессрочно» как бывшему поднадзорному «впредь до особого распоряжения Министерства внутренних дел», Водовозов получил дозволение на пребывание в Петербурге с 4 марта сроком на 1 месяц, продленный затем еще на две недели, с учреждением за ним «особо секретного наблюдения» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3 д-во. 1893. Д. 140. Л. 157–158, 159–160, 162–167).

Н. А. Бердяев. С ними у меня завязалось тесное знакомство.

Семья была интересная. Старший брат был поэт или, лучше сказать, считал себя таковым, ибо стихи его были из рук вон плохи, так что, читая их в печати, я часто спрашивал себя: да как же их печатают? Лучше, и то не намного, были его революционные стихи, которых печатать было нельзя, но которые он охотно читал знакомым. Это был человек неглупый, довольно много читавший, имевший обширные и очень разнообразные знакомства, довольно интересный собеседник, но человек психически не совсем нормальный⁵⁵⁷, причем ненор-

557 В справке Департамента полиции говорилось, что, поскольку еще в 1879 г. С. А. Бердяев обратил на себя внимание «сношениями с лицами неблагонадежными в политическом отношении, неуместными суждениями о действиях правительства, а также получением и распространением брошюр преступного содержания», его собирались подвергнуть административной высылке, не состоявшейся вследствие «указаний на не вполне нормальное состояние умственных способностей Бердяева». Из Вюрцбурга, где он учился в университете, Бердяев посылал в Киев «сочинения революционного содержания (стихотворения и письма Драгоманова)», а вернувшись на родину, в 1884 г. был привлечен к административному дознанию по делу о беспорядках во время празднования 50-летнего юбилея университета Св. Владимира. Подчиненный гласному надзору полиции на один год, он жил в Варшаве и Курске, но «во внимание к крайне болезненному состоянию Сергея Бердяева, грозившему даже потерей рассудка, ему разрешено было жительство у отца в Киеве». Поступив там на службу по почтово-телеграфному ведомству, он продолжил ее в Главном управлении почт и телеграфов, но в 1890 г. вышел в отставку, после чего занимался исключительно литературной деятельностью. Уже в декабре 1896 г. начальник Киевского губернского жандармского управления отмечал, что «хотя Бердяев и представляет из себя редкую по развитию умственных способностей личность, но страдает сильным нервным расстройством, граничащим с психической ненормальностью», а в феврале 1900 г. из беседы с ним вынес

мальность была наследственной: отец его⁵⁵⁸ тоже страдал некоторыми проявлениями психоза. Отец был владельцем крупного майората в Западном крае⁵⁵⁹, человеком довольно богатым. Сергей Александрович жил на средства отца, от которого он регулярно получал довольно крупные деньги, но вследствие редкой безалаберности, как своей, так и своей жены, постоянно нуждался в деньгах и постоянно просил у всех взаймы. В то время, когда я с ним познакомился, он, однако, еще сохранял привычку отдавать долги; через несколько лет он от нее эмансипировался. Всегда он был крайне неряшливо одет, с протертыми и даже не заштопанными локтями и коленями; руки часто были запачканы чернилами⁵⁶⁰.

Ненормальность его сказывалась, во-первых, в крайней раздражительности; противоречить ему было иногда довольно опасно, если не желаешь нарваться на грубый скандал;

впечатление, что Бердяев «или ненормален, или по крайней мере психопат» (Там же. Оп. 87. 3 д-во. 1889. Д. 1156. Л. 1а–1г).

558 Имеется в виду А. М. Бердяев.

559 Западный край – бывшие территории Речи Посполитой, включенные в состав Российской империи в 1772–1807 гг. и составлявшие девять ее губерний: Виленскую, Ковенскую, Гродненскую, Минскую, Могилевскую, Витебскую, Киевскую, Волынскую, Подольскую.

560 Ср.: «Мой брат был человек нервнобольной в тяжелой форме. Многие находили, что у него были ненормальности. <...> Брат был человеком, готовым отдать последнее. Деньги не могли у него удержаться и одного дня. И он всегда был в затруднительном положении. У него было очень красивое, почти греческое лицо. Но он периодически опускался, не брился, не мылся, одевался так, что производил впечатление оборванца. Потом вдруг появлялся очень элегантным. У него были способности, которых не было у меня, была изумительная память, дар к математике и языкам. Он писал стихи даже по-немецки...» (*Бердяев Н. Самопознание: опыт философской автобиографии. СПб., 2019. С. 32*).

во-вторых, в болезненной, совершенно бессмысленной лживости. Он любил рассказывать о себе всякие небылицы, как он тонул, как он горел, и все это сопровождалось совершенно невозможными подробностями. Это не была хлестаковская хвастливость; себя он своими рассказами не возвеличивал, иногда даже напротив. Впоследствии мне передавали, будто однажды он вообразил, что забеременел, и всем говорил:

– Представьте, единственный случай, неизвестный в медицине; я, мужчина, и вот хожу беременный и скоро должен родить.

Сам я от него этого не слышал; не поручусь, что тут на него наклепали, но по характеру его вранья невозможного в этом не вижу. Вранье его было совершенно безвредным и только забавным; никого им он не подводил, ни на кого не клеветал.

Несмотря на эти слабости, он горячо привязывался к людям, с которыми был знаком, и умел привязывать их к себе. Наиболее прочные и горячие дружбы у него завязывались на почве выпивки, – к ней он был очень склонен, но обязательным условием дружеской связи с ним она не была. Я был в хороших отношениях с ним все 9 лет моей жизни в Киеве, он у меня бывал постоянно, хотя я никогда сам не пил и гостей своих не поил.

Политически он был крайним радикалом, с сильным сочувствием к политическому террору. И радикальные стихи его, переполненные кайданами, катами⁵⁶¹ (он любил вставлять в них малороссийские словечки, хотя писал по-русски), кровавой местью и так далее, были очень кровожадны. Последовательностью он, однако, не отличался.

Когда я с ним познакомился, имя его мне ничего не говорило. Но понемногу в душе моей стало всплывать какое-то смутное воспоминание, и, наконец, я его спросил:

– Лет восемь назад в «Наблюдателе» была напечатана по-

561 Кайданы – кандалы; кат – палач (укр.).

эма «Надсониада»⁵⁶² с грубыми нападками чисто личного характера на Надсона. Это не ваша поэма?

Он несколько минут промолчал, глубоко вздохнул и сказал:

– Infandúm, regina, jubés renováre dolórem!⁵⁶³ Увы, это мой тяжкий грех, о котором мне хотелось бы забыть. У меня тогда вышла ссора с Надсоном, некоторые злые друзья воспользовались и натравили меня на него. И результат – подлое стихотворение⁵⁶⁴, которое подлец Пятковский⁵⁶⁵ поспешил напеча-

562 В 1886 г. С. А. Бердяев под псевдонимом Аспид опубликовал пародийную поэму «Надсониада» в июньском номере журнала «Наблюдатель» (№ 6. Паг. 2. С. 58–61), издав ее также отдельной брошюрой (Киев, 1886), а после кончины С. Я. Надсона с целью «хоть отчасти реабилитировать себя перед памятью покойного» напечатал покаянное письмо «Mea culpa» («Моя вина» (лат.)) в журнале «Дело» (1887. № 4. С. 83–85).

563 «Боль несказанную вновь испытать велишь мне, царица» (лат.) – этими словами Эней начинает свой рассказ о последних днях Трои и своих скитаниях (Вергилий. Энеида. II. 3).

564 В поэме, посвященной ежедневной политической и литературной газете «Заря», выходившей в Киеве в 1880–1886 гг., фактическим редактором-издателем которой был М. М. Кулишер, звучали и юдофобские нотки, вроде, например, таких: «Да мелькнет порою шпилька / Против русского народа, – / Ведь “Заре” чужда, противна / Эта низкая порода! / Из евреев “прогрессисты” / Видят в ней тупое стадо, / На которое трудиться / Дуракам одним отрада». Что касается самого С. Я. Надсона, то С. А. Бердяев писал о нем: «Раз в неделю киевлянам / Преподносит он статейки, / Где в “идеи” раздувает / С помпой чахлые “идейки”... / Оживить редактор хочет / Иудейский орган этим; / Но, увы! Мы кроме скуки / Ничего в нем не заметим».

565 А. П. Пятковский, автор юдофобских статей в редактируемом им журнале «Наблюдатель», собранных затем в кн. «Государство в государстве. К истории еврейского вопроса в России и в Западной Европе» (СПб., 1901), доказывал, что закабаление «кагалом» русского населения «будет почище всякого крепост-

тать. Я был бы счастлив, если бы он вернул его мне или, лучше сказать, тем лицам, которые его ему послали. Через два месяца я просил у Надсона прощения. Вскоре после этого я сделал еще одну подлость. Поссорившись с порядочными людьми, я случайно познакомился в Москве с Катковым; он принял меня очень дружески, очень тонко сыграл на моем самолюбии, и я несколько месяцев сотрудничал у него и писал очень мерзкие вещи.

Все это самооплевание делалось с большою горечью и производило впечатление полной искренности. Конечно, искренности момента, – и я не поручусь, что при известных обстоятельствах он на следующий же день после покаяния не повторил бы того же.

Младший брат, Н. А. Бердяев, был человеком другого типа. Он был красивый молодой человек, с умным лицом, резкий брюнет, несколько франтоватый и, может быть, даже фатоватый. Он был юноша, серьезно занимавшийся философией и политической экономией, со сложившимися убеждениями. В философии он был позитивистом, в экономике – марксистом; его взгляды, хотя и очень тогда распространенные, были серьезно и самостоятельно продуманы, основаны на серьезном изучении и казались очень твердыми (через много лет они радикально поменялись). Хотя Н. Бердяев считал себя позитивистом, но по складу своего ума он был более склонен к отвлеченным умозрениям и предпочитал обосновывать свои взгляды дедуктивным путем, пользуясь историческими фактами только как иллюстрациями для своих готовых положений. Не потому, однако, чтобы он их не знал. Нет, как я уже сказал, он

ного права», а издававшаяся им с 1897 г. газета «Гласность» имела столь резко выраженный антиеврейский характер, что это дважды приводило к запрещению ее розничной продажи (см.: Кузнецов А. Н. Пятковский Александр Петрович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 2007. Т. 5. С. 233).

вообще читал много, читал и по истории, а память у него была молодая и свежая. Вести серьезную беседу с ним всегда было очень интересно и полезно, и сближение с ним у меня произошло быстро. Свои мнения он высказывал всегда в очень определенных, ясных, отточенных формулах.

Читая теперь его произведения, в которых он себя заявляет «верным сыном православной церкви», я постоянно вспоминаю один наш разговор, произошедший года через три-четыре после нашего знакомства. Он заявил, что верить в личного бога может только человек или невежественный, или очень ограниченный. Я возмутился этим утверждением и попробовал сослаться на несколько мировых имен, к которым ни тот, ни другой эпитет не применимы.

– Да, это эмпирика. Частными примерами все можно доказать, но они ничего не доказывают. Несомненно, что личный бог противоречит логике⁵⁶⁶.

Тяжелая психическая наследственность сказывалась и на Николае Бердяеве. Сказывалась она в особенных произвольных жестах его правой руки, которою он словно ловил невидимых чертей; эти жесты он постоянно производил во время разговора, и сопровождались они нервными подергиваниями и гримасами, сильно портившими его красивое и умное лицо. При этом он часто вынимал из жилетного кармана маленькое зеркало и наблюдал в него свои гримасы. Нередко бывало и наоборот: сперва он начинал любоваться на себя в зеркало, а потом появлялись подергивания и гримасы. Н. А. Бердяев был единственный мне знакомый мужчина, который никогда не

566 Ср.: «Свободное и самостоятельное бытие личности соединяется с Богом, но не исчезает в Боге. Исчезновение и растворение предполагает Бога безличного – свободное соединение предполагает Бога личного. Бог личный – Бог троичный, три Лица Божественной Троицы. Только с Лицами Божественной Троицы возможно личное общение и соединение» (Бердяев Н. А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. М., 1916. С. 127).

разлучался с карманным зеркальцем и постоянно время от времени любовался собою⁵⁶⁷.

Жена Сергея Бердяева, конечно, не могла страдать от той же наследственности, но, по-видимому, сожителство с большим мужем, свекром и beau-frère⁵⁶⁸ (в Киеве они в первое время жили все вместе) привело к тому, что и она производила впечатление немножко рехнувшейся. Но у нее это сказывалось лишь в крайней нервности, взбалмошности и тому подобных довольно распространенных чертах. Она была очень дружна с Николаем Бердяевым; впоследствии эта дружба обратилась в связь, и следующий ее ребенок, Тюня, родившийся в 1897 или 1898 г.⁵⁶⁹, которого я помню в 1903 или 1904 г. чрезвычайно хорошеньким мальчиком, не проявлявшим никаких черт психического вырождения, был уже от Николая Бердяева. Связи этой они не скрывали, и о ней знал и с нею примирился и Сергей Бердяев, а она говорила по этому поводу, что она только

567 Еще во время учебы в Киевском кадетском корпусе, вспоминал Н. А. Бердяев, «товарищи иногда надсмехались над моими нервными движениями хореического характера, присущими мне с детства» (Бердяев Н. Самопознание: Опыт философской автобиографии. СПб., 2019. С. 25). Имеется в виду хорей – синдром непроизвольных, не поддающихся контролю движений конечностей, лицевых мышц, возникающий, в частности, как проявление наследственных расстройств; см.: «Семья наша была необыкновенно нервной. У меня была нервная наследственность, выражающаяся в моих нервных движениях. Это, вероятно, связано с судорожностью моей натуры, мои душевные движения также судорожны. Особенная нервность была со стороны отца. Мать часто говорила, что Бердяевы не совсем нормальны» (Там же. С. 32).

568 деверем (фр.).

569 Имеется в виду Глеб Бердяев, родившийся в 1897 г.; см.: Бердяев С. Два праздника. (Посвящается моему дорогому Глебушке) // Киевские отклики. 1903. № 35. 25 дек.

теперь вполне узнала, какой благородный человек ее муж⁵⁷⁰.

Близость с Николаем Бердяевым началась на почве ее интереса к философии. Впрочем, не знаю, философия ли привела к любви или любовь – к увлечению философией, но только Н. Бердяев постоянно говорил с нею о Канте, Гегеле, Спенсере, и она все это терпеливо слушала, читала по его указаниям, сама любила говорить о Гегеле и считала себя знатоком философии. Потом, около 1900 г., когда Бердяев ей изменил и увлекся одной красивой киевской дамой⁵⁷¹, он поступил с Еленой довольно коварно, сказав ей:

– А ведь ты, Елена, в философии понимаешь столько же, сколько свинья в апельсинах.

Эти слова поразили ее в самое сердце гораздо больше, чем факт его измены, и она сама передавала их мне и другим знакомым с глубоким возмущением, взывая к нашему суду. Не знаю, как другие, но я уклонился от произнесения приговора, сославшись на мою полную некомпетентность в философии.

Вырождение семьи Бердяевых странным образом проявилось на старшем сыне Сергея Бердяева, которого звали, помнится, Гришей (а может быть, Сашей; Гришей в таком случае был младший⁵⁷²). Он от рождения был совершенно лыс; даже обычной у лысых коронки волос или хотя бы трех

570 См.: «Семья брата имела огромное значение в моей жизни и моей душевной формации. Брат был человек очень одаренный, хотя совсем в другом направлении, чем я, очень добрый, но нервнобольной, бесхарактерный и очень несчастный, не сумевший реализовать своих дарований в жизни. У нас образовалась атмосфера, родственная Достоевскому» (Бердяев Н. Самопознание. С. 22–23).

571 Речь идет о Наталии Николаевне Кульженко, жене издателя В. С. Кульженко.

572 Старшего сына С. А. Бердяева звали Александром, младшего – Григорием.

бисмарковских волосков⁵⁷³ на его черепе не было. В 10-летнем мальчишке это производило крайне неприятное, отталкивающее впечатление.

Между тем у отца и брата, а особенно у дяди – Николая Александровича Бердяева – шевелюра на голове была пышная. Оба мальчика были болезненно нервными, любившими довольно грубые шалости, склонными к драчливости и малоспособными; учились они до моего отъезда из Киева (в 1904 г.) плохо и вообще были неудачниками. Последующей их судьбы я не знаю.

Бердяевы прожили подле нас в Крыму месяца два и уехали к себе в Киев, где наше знакомство возобновилось после моего переселения туда.

Гуляя по берегу моря, я постоянно думал: вот там, на юге – Константинополь, а там, на западе – Болгария. Совсем близонько. Хорошо бы съездить!

Летом пришло известие об убийстве Стамбулова. Мне очень захотелось посмотреть, как к этому зверскому и бессмысленному убийству человека уже павшего отнесутся мои болгарские знакомые, и я подал прошение о выдаче мне заграничного паспорта⁵⁷⁴.

Местный исправник должен был выдать обычное поли-

573 Начиная с 1866 г. три знаменитых волоска на лысине Бисмарка вовсю эксплуатировались европейскими карикатуристами, которые изображали их даже прорастающими через его фуражку или кирасирскую каску (см.: Булгаков Ф. И. Бисмарк в карикатурах // Исторический вестник. 1890. № 10. С. 231–234).

574 В Болгарии было сильно распространено мнение, что убийство было организовано правительством, в частности премьер-министром Стоиловым и министром иностранных дел Начевичем. Мнение это имеет за себя очень многое. Названные лица могли бояться суда над Стамбуловым, т. к. он сел бы на скамью подсудимых далеко не безоружным; он все время грозил министрам какими-то разоблачениями.

цейское удостоверение о неимении препятствий. Но исправник был в отпуску, и помощник заявил, что он в отсутствие исправника удостоверение не выдаст; нужно подождать две недели. Я никогда раньше не слышал о возможности таких нелепых препятствий, как отпуск исправника, и думал, что по такой причине государственное учреждение не может прекращать своего функционирования, но пришлось убедиться в противном. Через две недели исправник продлил свой отпуск; не зная, когда этому будет конец, я уехал в Севастополь (составлявший особое градоначальство⁵⁷⁵) и там при помощи найденной протекции в несколько дней выхлопотал паспорт.

Эта моя поездка продолжалась всего 3 недели⁵⁷⁶, и говорить о ней я не стану; ничего существенно нового после пер-

575 Севастопольское градоначальство, включавшее Севастополь, Балаклаву, ряд деревень и хуторов, было выделено из Таврической губернии в 1873 г., причем градоначальник являлся одновременно командиром порта и комендантом города.

576 Начальник Таврического губернского жандармского управления докладывал в Петербург, что В. В. Водовозов выбыл 8 августа 1895 г. «из г. Ялты, через г. Севастополь, в г. Одессу, откуда он, вероятно, намерен отправиться за границу, так как г. севастопольским градоначальником выдан ему от 7 августа за № 1013 заграничный паспорт сроком на полгода». Но уже 28 августа Водовозов из Софии выехал назад в Константинополь с намерением вернуться через Севастополь в Ялту, а поскольку в Болгарии, по агентурным данным, он встречался с «выдающимися эмигрантами» из числа революционеров-народников (В. К. Дебогорием-Мокриевичем, А. М. и Г. М. Баламезами и др.), новый директор Департамента полиции Н. Н. Сабуров приказал: «Водовозова тщательно обыскать на границе. Установить наблюдение». Но телеграмма запоздала, ибо Водовозов, как оправдывался начальник Таврического жандармского управления, «прибыл из заграницы в г. Ялту 2 сего сентября, где и ныне проживает, – поэтому <...> обыска его произведено не было, а установлено за ним тщательное наблюдение» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3 д-во. 1893. Д. 140. Л. 173, 176, 180).

вой она мне не дала.

В декабре месяце я оставался еще в Крыму и не знал, что мне делать. Неожиданно получил письмо от Николая Бердяева. Он сообщил мне, что газета «Киевское слово», принадлежавшая Афиногену Антоновичу (тогда товарищу министра финансов Витте), взята в аренду киевским типографом и издателем Кульженко⁵⁷⁷; он, Бердяев, говорил с Кульженко обо мне как о специалисте по вопросам иностранной политики, и Кульженко через него предлагает мне заведование иностранным отделом на жалованье 160 рублей в месяц. Я принял предложение и 30 декабря 1895 г. был уже в Киеве, чтобы с нового года начать работу.

Таким образом, для меня начался новый период жизни, киевский, затянувшийся на целых 9 лет. Работа в «Киевском слове» оказалась очень неудачной: я попал в самую гущу редакционных раздоров⁵⁷⁸; наладить редакцию не удалось, и обескураженный Кульженко ровно через месяц, пользуясь соответствующим пунктом договора с Антоновичем, отказался от газеты. Она вернулась в распоряжение Антоновича, и ее редактором⁵⁷⁹ сделался Гаккебуш (впоследствии редактор «Биржевых ведомостей»), который из газеты сделал один сплошной и крайне пошлый фельетон⁵⁸⁰. Мне Кульженко уплатил жалова-

577 Имеется в виду С. В. Кульженко.

578 В рукописи далее зачеркнуто: «явившихся последствием перехода газеты к Кульженко».

579 В рукописи далее зачеркнуто: «или очень близким сотрудником».

580 Ср.: «Одно время “Киевское слово” было в руках прогрессивных журналистов, в числе которых находился В. В. Водовозов, но когда я приехал в Киев, весной 1904 г., “Киевское слово” было ультраправой газетой» (Сидоров А. А. В Киеве. (Из воспоминаний бывшего цензора) // Голос минувшего. 1918. № 7/9. С. 139). Водовозов сотрудничал в газете всего чуть более одного месяца, освещая события за рубежом и не подписывая свои статьи

ные за три месяца, на что я не рассчитывал, так как какой бы то ни было неустойки у нас договорено не было.

Вскоре после этого по ходатайству Литературного фонда⁵⁸¹ я был подведен под коронационную амнистию⁵⁸² и таким образом с лета 1896 г. имел право въезда в столицу⁵⁸³. На жену

(см., например: 1895 год в политическом отношении // Киевское слово. 1896. № 2864, 2865. 1, 3 янв.).

581 Литературный фонд – неофициальное название «Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым», созданного в 1859 г. в Петербурге с целью оказания помощи «осиротевшим семействам литераторов и ученых и самим литераторам и ученым, которые по преклонности лет или по каким-либо другим обстоятельствам находятся в невозможности содержать себя собственными трудами», а также для издания «полезных литературных трудов» и помощи «даровитым молодым людям» к «окончанию их образования и приготовления себя к литературной и ученой деятельности».

582 Имеется в виду амнистия, объявленная «Высочайшим манифестом, дарованным в день священного коронования их императорских величеств государя императора Николая Александровича и государыни императрицы Александры Феодоровны, 14 мая 1896 года».

583 Получив разрешение на недельный приезд в столицу с 30 мая 1896 г. «вследствие смерти брата и тяжелой болезни матери», В. В. Водовозов 25 мая обратился из Киева к директору Департамента полиции: «Честь имею покорнейше просить ваше превосходительство ходатайствовать перед его высокопревосходительством господином министром внутренних дел о разрешении мне жительства в столицах на основании высочайшего всемилостивейшего манифеста. Права на жительство я был лишен в январе 1893 года, когда окончился срок моей административной высылки». 14 июня вице-директор департамента С. Э. Зволянский уведомил столичного градоначальника, что министр «признал возможным разрешить сыну коллежского советника Василию Васильеву Водовозову постоянное жительство в Санкт-Петербурге с 1 июля сего года» (ГАРФ. Ф. 102. Оп.

мою амнистия распространена не была, и мы решили остаться в Киеве на неопределенный срок.

С уходом из «Киевского слова» я остался на мели, с одной постоянной работой для Энциклопедического словаря и случайной для петербургских журналов; вести эту работу в Киеве было, конечно, удобнее, чем в деревне Минской губернии или в Крыму. Вместе с тем в Киеве у меня завязались большие знакомства в разнообразных кружках интеллигенции, студенчества, а позднее (после 1898 г.) и рабочих. Знакомства и связи мои были главным образом в среде русской, но благодаря моей близости с Драгомановым – отчасти и в украинской.

В русской среде у меня завязались связи с кружком И. В. Лучицкого⁵⁸⁴ (умер в 1918 г.), в который входили Н. П. Васи-

91. 3 д-во. 1893. Д. 140. Л. 198–199, 201, 204).

- 584 См.: «Вокруг Лучицкого собрался тогда, в 1890–1891 гг., кружок молодых историков, состоявший частью из его киевских учеников, частью из начинающих свою работу лиц, приехавших в Киев из других городов. Сейчас из этого кружка, насчитывавшего в себе около десяти человек, осталось в живых, помимо меня, только двое: Д. М. Петрушевский, известный специалист по истории Средневековья, в частности истории средневековой Англии, и Н. П. Василенко, состоящий в настоящее время во главе одного из отделов украинской академии наук. <...> Несколько различаясь между собой по возрасту, все мы, члены этого кружка, были тогда молоды и легко сблизились друг с другом на почве общих научных интересов и более или менее одинакового понимания стоявших перед нами жизненных задач. И всех нас притягивал к себе Лучицкий, сумевший каждому из нас внушить искреннюю привязанность к себе. У него по большей части происходили и собрания кружка, на которых мы в непринужденной, лишенной всякой официальности беседе обменивались рассказами о своих работах и обсуждали различные вопросы академической и общественной жизни» (*Мякотин В. Отрывки из воспоминаний // Последние новости. 1933. № 4595. 21 окт.*).

ленко, Л. С. Личков, Науменко (расстрелян большевиками в 1918 г.⁵⁸⁵), Е. В. Тарле. С этим кружком, впрочем, первоначально я столкнулся враждебно, так как он как раз перед моим приездом в Киев разошелся с Кульженко и был очень недоволен моим вступлением в газету. Но потом раздражение улеглось, и у меня с ними, особенно с Василенко и Тарле, образовались отношения очень дружеские. В 1903 г. я вместе почти со всеми ними оказался в рядах Союза освобождения⁵⁸⁶, а в 1904 г. вместе с ними входил в редакцию газеты «Киевские отклики».

В 1896 или 1897 г. я познакомился и скоро подружился с даровитым М. Б. Ратнером, тогда еще студентом, скоро (еще на студенческой скамье) ставшим постоянным сотрудником «Русского богатства» по экономическим вопросам (умер в эмиграции в Бухаресте в 1915 или 1916 г.)⁵⁸⁷.

585 Неточность: В. П. Науменко, министр народного просвещения Украинской державы, был расстрелян на другой день после ареста, 8 июля 1919 г.

586 «Союз освобождения» – нелегальная политическая организация, объединившая земцев-конституционалистов, радикальных либералов и некоторых социалистов – сторонников журнала «Освобождение», издававшегося с июня 1902 г. в Штутгарте под редакцией П. Б. Струве; официально учрежден на своем первом съезде в январе 1904 г., фактически прекратил существование в конце 1905 г.

587 Неточность: М. Б. Ратнер скончался в 1917 г. В. В. Водовозов писал в некрологе: «В Яссах умер Марк Борисович Ратнер. С тяжелой скорбью отзовется весть о его смерти в душе знавших этого блестяще одаренного и благородного человека. Я познакомился с Ратнером в 1896 г., когда обстоятельства заставили меня поселиться в Киеве. Тогда Ратнер был еще совершенным юнцом – ему было года 22 или 23. Но сразу, с первого разговора, он поразил меня своей эрудицией в области экономики и отчасти юриспруденции. Он тогда еще был студентом киевского университета или, лучше сказать, уже не был студентом, так

как незадолго перед тем был исключен из университета за участие в студенческих беспорядках и даже выслан в административном порядке из Киева. Жил он под надзором полиции в одном из уездных городков Киевской губернии и успешно готовился к экзаменам. Довольно часто потихоньку приезжал в Киев и даже решался посещать различные студенческие и рабочие собрания. В один из этих приездов я и познакомился с ним.

Тогда только что появилось в России широкое марксистское движение, и в кружках молодежи, в кружках рабочих и отчасти уже в литературе легально и нелегально происходили аванпостные бои между старым народничеством и молодым социал-демократизмом. Ратнер не был марксистом, т. е. не был марксистом в том смысле, как это требовала школа; он принимал экономическое учение Маркса, но отвергал его социологию, т. е. так называемый экономический материализм, и держался этико-социологического учения Михайловского. Ратнер верил в прочность русской общины и в силу этого во всей своей практической программе сближался с народническим течением, занимая в нем несколько обособленное положение народника-марксиста, какое в литературе тогда было представлено известной книгой Николая – она «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства» Н. Ф. Даниельсона (СПб., 1893). По глубине своего знакомства с сочинениями Маркса и с марксистской литературой вообще Ратнер превосходил в Киеве положительно всех, в том числе и марксистов, и не только среди молодежи, но и в более старших кругах. Он систематически боролся за свое мировоззрение на многочисленных собраниях, кружках, отчасти в нелегальной студенческой литературе, которая тогда была в большом ходу. В эти годы в конце прошлого столетия Ратнер сыграл видную роль в общественной жизни Киева, содействуя выковыванию того общественного течения, которое через 8–10 лет создало революцию 1905–6 годов.

Скоро, в 1896 или 1897 г., Ратнер сдал университетский экзамен, после чего получил возможность свободно проживать в Киеве. Он приписался к сословию помощников присяжных поверенных и сразу занял видное место в рядах адвокатуры; одновременно выступил в «Русском богатстве» с рядом статей по

экономическим и общественно-философским вопросам: “Аграрный вопрос”, “Теория рынка”, “Карл Маркс и его русский критик”, “Проблемы идеализма в русской литературе”. Статьи обращали на себя широкое внимание и нередко вызывали полемику.

На рубеже XIX и XX вв. в рядах марксистов появился Рожков, и из них выделилось особое идеалистическое направление, в числе наиболее видных представителей которого имелись два киевлянина – проф. Булгаков и Н. А. Бердяев. Впоследствии они совершенно разорвали не только с марксизмом, но и с политическим идеализмом и демократизмом и явились своеобразными представителями особого русского клерикализма. Но тогда они сохраняли еще живую личную и идейную связь с радикальным общественным течением. В это время в Киеве жилось более свободно, чем в других городах России. Там в зале литературного общества под флагом этого общества устраивались собрания, на которые по контрамаркам членов общества приходила молодежь в числе 500–800 чел., и там велась изумительная, по русским условиям, свободная борьба между тремя господствовавшими направлениями того времени – социал-демократизмом, народничеством и молодым идеализмом. И вот в этой борьбе, которая и поныне оставила глубокий след в душе массы тогдашней киевской молодежи, видное место принадлежало М. Б. Ратнеру.

В 1905 г., незадолго до октябрьского взрыва, Ратнер был случайно арестован, а 17 или 19 октября он был освобожден и уехал из тюрьмы на извозчике домой. Проезжать приходилось через площадь, на которой теперь красуется памятник Столыпину. Но тогда эта площадь кишела народом, рабочими, молодежью. Раздался общий крик: “Ратнер едет! Ратнер свободен! Ратнер! Ратнеру принадлежит слово!” Ратнеру пришлось слезть с извозчика, забраться на какую-то импровизированную трибуну и сказать несколько импровизированных слов. Эта маленькая случайная речь его и погубила. Не сразу, впрочем. Он вернулся домой совершенно благополучно и долгое время спокойно жил дома, занимаясь своим прежним делом. Но года через три прокуратура вспомнила его октябрьскую речь, и против

Несмотря на уход из «Киевского слова», у меня остались самые теплые отношения с его издателем, точнее с сыном издателя, фактически заведовавшим газетой, В. С. Кульженко.

В малороссийской среде я в Киеве возобновил знакомство с Ларисой Косач, известной в украинской литературе под псевдонимом Леси Украинки, а через нее – с ее матерью, Ольгой Косач, писавшей под псевдонимом Олёны Пчилки, с украинским писателем и актером Старицким и бесчисленным количеством его дочек, из которых значительная часть тоже выступала в литературе.

Лариса Косач была племянницей Драгоманова, и во время моего пребывания в Болгарии она гостила у своего дяди. Это была очень болезненная, с пергаментно-желтым лицом, слегка хромая (ходила с костылем или палкой), совсем некрасивая,

Ратнера была выдвинута страшная ст. 102, по принадлежности к революционным партиям, хотя ни к какой революционной партии он не принадлежал и хотя прокуратуре единственным доказательством была речь, которая, как чисто случайная, таким доказательством служить не могла. Ратнеру удалось узнать об этом заблаговременно и скрыться за границу. Он поселился сперва в Вене, откуда корреспондировал в газету «Речь», потом, разойдясь с этой газетой по многим вопросам, перешел в газету «День». Война застала его в Вене. Он успешно уехал сперва в Швейцарию, потом в Румынию, в Бухарест, откуда, с приближением неприятеля, перебрался в Яссы.

Бегство за границу было гибелью для Ратнера. Лишенный любимой адвокатуры, лишенный вообще привычных условий жизни, к тому же постоянно и сильно нуждаясь и, сверх того, в начале заграничного пребывания перенесший удар и страдавший от его последствий, он не мог заниматься и наукой. Последние же дни жизни он провел в особенно мучительной тревоге. Если бы продолжилось наступление австрийцев, то ему нужно было бы произвести мучительный выбор между немецким пленом и русской 102-й статьей» (*Водовозов В. Памяти М. Б. Ратнера // День. 1917. № 41. 12 февр.*).

очень неглупая и симпатичная девушка лет 22–23⁵⁸⁸. Уже в это время она пользовалась некоторой известностью как талантливая украинская поэтесса и переводчица на украинский язык Гейне и русских поэтов, но ни она сама, ни ее дядя мне об этом ничего не сказали, и я сам, до тех пор за малороссийской литературой не следивший, узнал об этом только в Киеве.

В конце 90-х или начале 900-х годов Лариса Косач пережила тяжелую драму. На киевском горизонте появился один молодой человек, фамилию которого я забыл. Только что окончивший университет, социал-демократ по убеждениям, молодой, краснощекий, редкий красавец, очень симпатичный, кумир барышень, он приехал в Киев на время, познакомился с Ларисой Косач, и через поразительно короткий промежуток времени стало известно, что они жених и невеста. Он уехал женихом. Прошло месяца два, и вдруг пришло известие, что он заболел скоротечной чахоткой, а еще месяца через два его не стало⁵⁸⁹. Ларису Косач это страшно поразило и придавило. Но

588 Неточность: Л. П. Косач родилась 13 февраля 1871 г., т. е. ко времени переезда В. В. Водовозова в Киев ей было уже почти 25 лет.

589 Неточность: С. К. Мержинский, познакомившийся с Л. П. Косач в Ялте в 1897 г., скончался от туберкулеза в Минске 3 марта 1901 г.; как вспоминает о нем современник, «заслуженный пионер русского марксизма в киевском и минском подполье», «типичный русский интеллигент (он не кончил университета и всю жизнь маялся по частным урокам, как многие русские революционеры) с тонким скорбным лицом, он был <...> большим другом молодежи и производил чарующее впечатление», да «и наружность его подкупала – прекрасный, тонкий, обрамленный черной бородой профиль с бледным, матовым, горевшим зачастую нездоровым, лихорадочным румянцем лицом с черной волнистой шевелюрой – вот слабо очерченный портрет Сергея Константиновича, вечного студента, которого преждевременно загнала в могилу чахотка» (*Мошинский И. Н. (Конарский Ю.)*). На путях к 1-му съезду РСДРП: 90-е годы в Киевском

жила она еще долго и умерла, кажется, только во время войны⁵⁹⁰.

В лице двух Косач я познакомился с двумя резко противоположными направлениями украинской политической мысли.

Дочь, Лариса, была последовательницей своего дяди. Хотя в своем псевдониме она как бы подчеркнула свой национализм, но в действительности украинской националисткой в тесном и узком смысле слова она не была. Напротив, она, как и ее дядя, горячо любила русскую литературу, переводила русских поэтов, с русскими говорила по-русски и связывала украинское национальное движение с освободительным движением в России.

Для ее матери, сестры Драгоманова, напротив, вся суть была в украинском языке независимо от того, что на нем говорится. Она притворялась, что не знает русского языка, и говорила со всеми не иначе как по-украински. Гоголь и Короленко, писавшие по-русски, были в ее глазах изменниками своему народу, русская литература – вообще нечто чуждое и малоинтересное. Иметь возможность прочесть публично какое-нибудь невинное стихотворение на украинском языке для нее было победой, торжеством, и на всякое соглашение с властью ради этой цели она шла. Ради этого стоило пожертвовать содержанием того же стихотворения и выкинуть из него строфу, в которой можно заподозрить протест. В Киеве существовало Киевское литературно-артистическое общество⁵⁹¹. Группа

подполье. М., 1928. С. 124–125).

590 Неточность: Л. П. Косач умерла 19 июля 1913 г.

591 В Киевском литературно-артистическом обществе, созданном в 1895 г. и закрытом по распоряжению генерал-губернатора в сентябре 1905 г., помимо действительных членов, избираемых на общих собраниях из лиц, занимавшихся литературно-артистической деятельностью, могли участвовать члены-соревнователи, не обладавшие правом голоса, и члены-посетители, имевшие право бесплатного входа на его ме-

его членов, и я в том числе, стремилась использовать сравнительно свободные собрания этого общества для докладов с политическим содержанием – и в значительной степени успевала в этом (об этом я буду говорить ниже). В лице О. Косач мы встречали наиболее решительных врагов, упорно стоявших на страже политической благонамеренности общества. Она всегда ратовала за избрание сменявшихся генерал-губернаторов почетными членами общества, за поднесение им угодливых адресов. Под каким-то заявлением, имевшим неприемлемое для меня содержание (не помню, что это было за заявление), она однажды подписала, не спрося, имя дочери, а дочь вызвала некоторый скандал, вычеркнув его.

Я говорю о Косач не потому, чтобы она была лидером этого течения; нет, она играла в нем второстепенную роль; значительнее была роль Старицкого, но я больше сталкивался с нею и лучше ее знаю.

Под конец моего пребывания в Киеве туда приехала также вдова Драгоманова⁵⁹², но я с нею встречался очень редко и только случайно.

Условия литературной работы в Киеве были, конечно, хуже, чем могли бы быть в Петербурге: и библиотеки не так богаты, и сношения с редакциями изданий, в которых я работал,

роприятия – концерты, спектакли, лекции, выставки, а также почетные члены. Для достижения предусмотренных уставом целей, а именно: объединения и сближения литераторов, артистов и художников, оказания содействия начинающим и взаимопомощи, обществу предоставлялось право устраивать литературные беседы, чтения, лекции, концерты, литературные и художественные конкурсы, выставки, балы, издавать сборники, а также предоставлять свое помещение для игры в карты, шахматы, домино, бильярд и т. д. (см.: Водовозов В. Под флагом «литературы». (Письмо из Киева) // Неделя. 1899. № 20. Стлб. 670–671).

592 Л. М. Драгоманова вернулась в Киев в 1899 г.

затруднительны. Но в одном отношении работа в Киеве была мне более облегчена, чем это могло бы быть даже в Петербурге, и это происходило благодаря одному курьезному обстоятельству.

Как я уже сказал, С. А. Бердяев умел сблизиться на почве выпивки. Одним из его ближайших друзей на этой почве был киевский цензор Мардарьев, и этот Мардарьев охотно пропускал для Бердяева запретные иностранные и даже русские книги. Бердяев, вообще любивший читать и, в частности, с интересом следивший за социалистической литературой, не имел, однако, денег, чтобы выписывать ее. Но у меня (хотя и гораздо менее состоятельного, чем Бердяев) деньги на выписку книг, интересовавших меня, всегда бывали, и я все время, пока Мардарьев оставался в Киеве, помнится, до 1903 г.⁵⁹³, систематически получал через него выписываемые мною «*Neue Zeit*», «*Sozialistische Monatshefte*», «*Mouvement Socialiste*» (выходившее с 1899 г. под редакцией моего хорошего знакомого Н. Lagardelle); приобрел собрание сочинений Герцена⁵⁹⁴ и некоторые другие русские книги, хотя их Мардарьев передавал мне охотнее. Впоследствии Мардарьев поместил в «Голосе минувшего» воспоминания о своей цензорской деятельности. В них он с возмущением сообщает, что был уволен, помнится, со службы уже в Одессе по ложному обвинению в распространении запретной литературы⁵⁹⁵. Увы! Я могу засвидетельство-

593 Описывая свою карьеру, Н. Г. Мардарьев уверял, что был переведен из Киева еще в 1900 г. (см.: Мардарьев Н. Г. Нечто из прошлого. (Из воспоминаний бывшего цензора) // Голос минувшего. 1916. № 5/6. С. 372–391); по др. сведениям, он числился помощником отдельного цензора по внутренней цензуре в Одессе с 30 ноября 1902 г.

594 См.: Герцен А. И. Сочинения. Genève; Bale; Lyon, 1875–1879. Т. 1–10.

595 См.: «При предложении мне подать в отставку мне не было предъявлено, конечно, никаких обвинений и не указано ника-

вать, что по крайней мере в Киеве такое обвинение не было бы ложным. К счастью, я могу не считать себя ответственным за потерю им места.

Никакой деятельности, которую хотя бы с натяжкой можно назвать политической, у меня в первые два года киевской жизни не было. Я занимался литературным трудом, главным образом в петербургских изданиях. Впрочем, по предложению будущего кружка освобожденных (Дмитрия Ивановича Шаховского, Петрункевичей⁵⁹⁶ и др.), в 1897 г. я написал книжку по истории русской цензуры при Александре III и в первые годы Николая II. Написал я ее в Петербурге в один из моих приездов туда. Она была выпущена в свет (конечно, анонимно) в Женеве в 1898 г. под названием «Материалы для характеристики положения печати в России»⁵⁹⁷. Революционной эта книжка не была, но – только запрещенной (и экземпляр ее я выписал тоже через Бердяева и Мардарьева), и написание ее ни с точки зрения закона, ни даже с точки зрения установившейся полицейской практики вряд ли могло считаться преступным.

Отсутствие какой бы то ни было нелегальной деятельно-

ких мотивов. Однако же впоследствии мне удалось узнать, что местная администрация в лице одесского градоначальника графа П. П. Шувалова донесла в Министерство внутренних дел о моей неблагонадежности и между прочим аргументами указывала на то, что я, вместе с письмоводителем цензора Андреевым пользуясь близостью к Комитету цензуры иностранной, снабжал заграничными нелегальными изданиями учеников и учениц зубоврачебной школы Марголина, которая, кстати сказать, считалась П. П. Шуваловым одним из «гнезд революции» в Одессе» (Мардарьев Н. Г. Указ. соч. С. 389).

596 Имеются в виду братья Петрункевичи – Иван Ильич (с его женой Анастасией Сергеевной, в первом браке графиней Паниной) и Михаил Ильич.

597 Правильно: Водовозов В. Материалы для характеристики положения русской печати. Женева, 1898. Вып. 1–2.

сти не помешало мне подвергнуться в 1898 г. совсем непредвиденному аресту.

Но еще более непредвиденному аресту за год перед тем я подвергся в Австрии.

Весной 1897 г. в Австрии происходили выборы в рейхсрат, в первый раз на основе нового закона, создавшего в дополнение к прежним четырем привилегированным избирательным куриям пятую, курию всеобщего голосования⁵⁹⁸. Для начала я решил остановиться в Галиции, интерес к которой у меня пробудился под влиянием Драгоманова и украинских знакомств. Я получил не только простые рекомендательные письма к наиболее видным политическим деятелям Галиции, но и деловые поручения и деньги, которые я должен был передать им. Таким образом, я мог рассчитывать быть принятым как свой человек. Огорчало меня только то, что все это были люди одного политического направления, именно – украинско-ради-

598 См.: «Члены палаты депутатов до 1873 г. назначались местными ландтагами, а с 1873 г. избираются народонаселением по очень сложной избирательной системе, а именно: 1) 85 членов выбираются крупными землевладельцами в отдельных австрийских землях; 2) 118 депутатов избираются жителями городов, платящими не менее 5 гульденов прямых налогов, посредством закрытой и прямой подачи голосов; 3) 21 депутат избирается торговыми палатами некоторых больших городов; 4) 129 депутатов избираются в сельских округах плательщиками податей (не ниже 5 гульденов), причем в Нижней Австрии подача голосов прямая и закрытая, а в остальных областях – двухступенная и открытая. Итого 353 депутата. В 1896 г. к ним было прибавлено 5) 72 депутата, избираемых всеобщей подачей голосов, частью прямой и закрытой, частью двухступенной и открытой» (*Водовозов В. Рейхсрат // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1899. Т. 26а. С. 520; подробнее о результатах выборов в рейхсрат в марте 1897 г. см.: Водовозов В. Политические партии Австрии // Русское богатство. 1898. № 9. С. 142–160).*

кального, а я во время своих заграничных поездок всегда стремился возможно близко знакомиться с людьми всех направлений. Запасся я и корреспондентской карточкой от газеты «Русь».

К сожалению, вследствие различных обстоятельств я сильно оттянул свою поездку⁵⁹⁹ и попал во Львов только за неделю до дня выборов по пятой курии (по другим куриям выборы должны были происходить позднее). По приезде во Львов я побывал у Ивана Франко (очень талантливого украинского писателя, вождя галицийской радикальной партии⁶⁰⁰, выступавшего на выборах кандидатом по пятой курии). Застал я его больным, в постели. Побывал у других деятелей, походил на митинги.

В день выборов жена Франко⁶⁰¹ отправилась в объезд по избирательному округу, в котором выступал ее муж; я отправился с нею.

Мы останавливались – от поезда до поезда – в нескольких городах (Самбор и др.) и деревнях восточной Галиции и к вечеру прибыли в Перемышль; госпожа Франко с ночным поездом уехала домой, во Львов, а я остался на ночь в Перемышле с тем, чтобы утром повидаться кое с кем из местных жителей.

В местах наших остановок, и в Перемышле в том числе, я

599 Получив заграничный паспорт в Петербурге 18 декабря 1896 г., В. В. Водовозов выехал из Киева во Львов только 22 февраля 1897 г. (см.: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3 д-во. 1893. Д. 140. Л. 208, 213).

600 Имеется в виду Русско-украинская радикальная партия (РУРП, с 1926 г. – Украинская социалистическо-радикальная), учрежденная на съезде, проходившем 4–5 октября 1890 г. во Львове под председательством И. Я. Франко; основа идеологии – «народнический социализм»; после раскола в 1899 г. из РУРП выделились Украинская социал-демократическая партия и Украинская национально-демократическая партия.

601 Ольга Федоровна Франко.

успел видеть достаточно, чтобы оценить австрийские (или, точнее, галицийские, ибо в остальной Австрии дело обстояло иначе) выборные порядки.

Избирательное помещение. У входа – жандарм с обнаженной шашкой⁶⁰². Подходит избиратель.

– Легитимация! (То есть удостоверение в праве участия в выборах.)

– Вот она.

– Карта! (То есть избирательный бюллетень.)

– Я ее опущу в урну.

– Карта!

– Я ее опущу в урну.

Жандарм хватает избирателя, дает ему здоровый тумак, и избиратель кубарем катится с лестницы.

602 Ср.: «Уверенный, что выборы будут гораздо интереснее вдали от крупных центров, где местной полиции и жандармерии предоставляется более свободы от назойливого любопытства газетных корреспондентов и политических деятелей, я утром 11 марта с первым поездом выехал из Львова в маленький городок Дрогобич. <...> Совсем в другую атмосферу попал я, когда высадился в Дрогобиче и по грязной улице добрался до магистрата, где производились выборы. Во дворе дома стоял в строю готовый к действию отряд солдат, человек в 30. Перед входом в залу голосования стояли два жандарма, с перьями на шляпах, с ружьями и австрийскими штыками (в форме ножа) на перевязях за плечами; перед входом толпилась кучка мужиков-выборщиков, уже избранных на первоначальных выборах неделю тому назад, а среди них расхаживал комиссар полиции и на прекрасном малороссийском языке убеждал их: “Эх, братцы, чего это вы заладили: Франко да Франко! Франко – безбожник, я верно знаю, что у него дети некрещенные. Какой он вам заступник! Он только мутить умеет”» (*Водовозов В. Политические выборы в Галиции. (Впечатления туриста) // Новое слово. 1897. Апрель. Кн. 7. С. 223–225*).

Я собственными глазами видел такую сцену, и даже несколько раз. В других случаях избиратель покорно протягивал жандарму избирательный бюллетень, тот его разворачивал, читал и только тогда пропускал избирателя. Между тем выборы по закону были тайными. Я делал попытки пройти в самое избирательное помещение (что в Германии допускалось свободно), для этого посылал свою корреспондентскую карточку председателю бюро, но через жандарма получал ответ:

– Не велено войти!

Одним словом, порядки, стоившие болгарских в стамбуловскую эпоху. Естественно, что Франко оказался забаллотированным⁶⁰³.

По приезде в Перемышль и окончании избирательной процедуры я имел поразительную, меня самого потом изумившую наивность послать в «Русь» телеграмму о том, что я видел, причем составил телеграмму довольно полно и определенно. Это было тем наивнее, что Перемышль – военная крепость. Во Львове такая телеграмма, может быть, прошла бы

603 Отмечая, что «Русько-українська радикальна партія», основателем которой был М. Драгоманов и его «ближайшие последователи – малороссийский беллетрист и публицист Ив. Франко и публицист М. Павлик», стремится «к переустройству австрийской государственной организации на началах широкого федерализма, возможной децентрализации (самоуправления областей, провинций, общин)», В. В. Водовозов писал о «блестящем успехе» ее на выборах 1897 г.: «Несмотря на грубое давление полиции и на явную фальсификацию результатов выборов, она собрала в V курии (всеобщего голосования) 109 000 голосов против 27 000, полученных другими русинскими партиями, и 37 000 в IV (сельской) курии против 47 000; в парламенте она провела трех представителей (Франко был забаллотирован вследствие злоупотреблений полиции, заблаговременно арестовавшей несколько сот его выборщиков)» (Водовозов В. Радикализм и радикальная партия // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1899. Т. 26. С. 73–74).

беснаказанно. Результат не заставил себя ждать.

На следующее утро в гостинице мне заявили, что за паспортом я должен сам сходить в полицию. Я сразу почувствовал нечто неладное, но пошел. В полиции меня заставили раздеться догола, подвергли самому детальному, в высшей степени оскорбительному обыску, нашли дыру в подкладке пальто и спрашивали, что там было спрятано; затем учинили допрос, причем я видел, что за мной следили с самого выезда из Львова, если не раньше; после допроса посадили в «separatka»⁶⁰⁴ № такой-то при полиции. Это была довольно большая, но крайне грязная комната, с отвратительно грязной кроватью, на которую лечь было противно, и столом; стула и другой мебели не было; самое скверное было, однако, то, что окно было разбито, а на дворе было самое начало марта, и погода стояла очень холодная. Затопили печку, но из трубы пошел такой страшный дым, что я просил не топить и предпочел выносить холод. В этой сепаратке я провел два дня и две ночи. Обед мне носили из гостиницы (за деньги, конечно), приносили его простывшим. Вообще условия заключения были очень неприятными, более неприятными, чем знакомые мне по опыту, тогдашнему или позднеjšíму, в царской России. Этим я не хочу сказать, что в провинциальной России, а особенно в Сибири, не бывало худших; я говорю только то, что лично я подобных условий в России до революции 1917 г. не переносил.

Через два дня мне объявили постановление: высылка навсегда из Австрийской империи под угрозой полугодовой тюрьмы за приезд в нее, и с жандармом проводили на русскую границу. Мне хотелось продолжать свою заграничную поездку, и потому я просил, чтобы меня отправили на какую-нибудь другую границу: германскую, сербскую или румынскую, но мне было в этом отказано на том основании, что высылка все-

604 одиночную камеру, одиночку (*польск.*).

гда проводится на ближайшую границу⁶⁰⁵. Таким образом, вся моя заграничная поездка продолжалась 10 дней и оказалась довольно бесплодной.

Я, однако, успел во время пребывания во Львове написать две корреспонденции в «Русь» и потом по возвращении в Киев⁶⁰⁶ третью, в которой я описал свое приключение в Перемышле. Телеграмма, к моему удивлению, тоже была послана и напечатана полностью. Но тут явился некоторый эпилог.

«Русь», в которой я писал, была не та «Русь», которую в начале 900-х годов издавал А. А. Суворин. Это была газета, основанная в 1897 г. В. П. Гайдебуровым, сыном незадолго перед тем умершего редактора «Недели»⁶⁰⁷. Этот молодой человек, совершенно неопытный в газетном деле (при жизни отца он в «Неделе» никакого участия не принимал), но очень самоуверенный, унаследовав от отца «Неделю» и довольно крупные деньги, решил их истратить на газетное предприятие, уверенный, что судьба ему уготовила успех и славу. Он приобрел уже существовавшую, издававшуюся присяжным поверенным Кремлевым, небольшую газету «Русь» и подал прошение об утверждении нового редактора.

Момент был исключительно неблагоприятный. Положение печати, всегда в России скверное, было еще более тяжелым, чем шесть месяцами раньше или несколькими годами позже; объяснялось это не каким-нибудь общим ухудшением политического положения, а, может быть, обстоятельством

605 Помощник начальника Волынского губернского жандармского управления на пограничном пункте в Радзивилове уведомлял Департамент полиции, что В. В. Водовозов вернулся из заграницы 3 марта 1897 г. (см.: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3 д-во. 1893. Д. 140. Л. 212).

606 Как докладывал начальник Киевского губернского жандармского управления, В. В. Водовозов возвратился в Киев 5 марта 1897 г. (Там же. Л. 214).

607 Неточность: П. А. Гайдебуров скончался еще 31 декабря 1893 г.

личным, более или менее случайным: незадолго перед тем, летом 1896 г., главноуправляющим по делам печати вместо ушедшего Феокистова был назначен М. П. (в инициалах не уверен) Соловьев, человек совершенно дикий. Ему приписывали фразу, что он будет не главноуправляющим по делам печати, а главноуправляющим печатью. Была ли сказана эта фраза или нет, я не знаю, – весьма вероятно, что нет, слишком она хороша, – но вел он себя так, что вполне ее оправдывал. Он действительно поставил себе ту цель, которую ставил цензуре один из старинных цензурных уставов (не то 1826-го, не то 1828 г.), а именно: не только устранять из оборота произведения вредные, но и доставлять произведения полезные (с правительственной точки зрения)⁶⁰⁸. Потому он ввел систему навязывания газетам и журналам, под страхом запрещения или других репрессий, своих редакторов.

Он навязал Гайдебурову в качестве редактора некоего Драгомирецкого. Гайдебуров совершенно не знал Драгомирецкого. При таких условиях на подобное требование ни в каком случае соглашаться не следовало и лучше было вовсе отказаться от газеты. Но Гайдебурову очень хотелось иметь свою газету, и, поговорив с Драгомирецким, он столкнулся с ним на таких условиях: Драгомирецкий за довольно хорошее жалование будет редактором ответственным; ему предоставляется право veto⁶⁰⁹ на статьи, по его мнению, опасные в цензурном отношении, но вмешиваться в редакцию он не будет, и дей-

608 Первый параграф Устава о цензуре 1826 г. гласил: «Цель учреждения Цензуры состоит в том, чтобы произведениям словесности, наук и искусств, при издании их в свет посредством книгопечатания, гравирования и литографии, дать полезное или по крайней мере безвредное для блага Отечества направление» (Устав о цензуре 1926 г. // Сборник постановлений и распоряжений о цензуре с 1720 по 1862 год. СПб., 1862. С. 130).

609 запрещения, вето (*лат.*).

ствительным редактором будет Гайдебуров.

Драгомирецкий был галичанин, в Галиции принадлежавший к партии крайних реакционных русофилов⁶¹⁰ (Наумовича, Маркова). В России он служил по Министерству внутренних дел и, говорят, был близок к Департаменту полиции. Во всяком случае, он был человеком Соловьева и выражал его взгляды.

Удовлетвориться фиктивной ролью в редакции он не мог. С первого же дня или, лучше сказать, ночи он начал появляться в типографии, вычеркивая и, что еще хуже, вставляя в газету свое. При всей неясности политического мирозерцания Гайдебурова он был либерал и прогрессист; Драгомирецкий – консерватор или даже реакционер, но главным образом крайний националист, полонофоб и антисемит. Совершенно естественно, что с самого начала между ними выходили острые конфликты. Первое время дело кончалось компромиссами, и я, следивший за газетой, живя в Киеве, и не знавший всей закулисной стороны дела, хотя далеко не вполне был доволен газетой, но счел себя вправе ехать с корреспондентской карточкой, полученной от нее.

Но когда я ознакомился со своими корреспонденциями в том виде, как они были напечатаны, я был возмущен. Особенно возмутительна была последняя корреспонденция о моем аресте. Не только некоторые места из них были выкинуты, но

610 Имеются в виду старорусины, или москвофилы, группировавшиеся вокруг русофильской газеты «Галичанин», которые – в отличие от младорусинов, или украинофилов, шедших на политические компромиссы с австрийским правительством за некоторые совершенно ничтожные, как считал В. В. Водовозов, уступки в пользу малороссийского языка, – отстаивали идею национально-культурного единства славянского населения восточной Галиции с русским народом, апеллируя к официальной России (*Водовозов В. Политические выборы в Галиции. С. 220; см. также: Водовозов В. Политические партии Австрии. С. 159; Он же. Радикализм и радикальная партия. С. 74*).

и, что гораздо хуже, в них были вставлены целые абзацы, придававшие им не тот смысл, какой они имели в рукописи. Они были усеяны выходками против поляков в самом скверном националистическом тоне, который мне был всегда чужд. Я потребовал, чтобы «Русь» напечатала мое письмо с протестом против искажения моих статей, и, несмотря на нежелание Драгомирецкого, Гайдебуров настоял на его напечатании. Кроме того, я напечатал историю своего ареста в первоначальном виде в журнале «Новое слово» (Струве)⁶¹¹. От какого бы то ни было сотрудничества в «Руси» я отказался. Но и «Русь» недолго просуществовала: просадив на нее свой капитал, не имея возможности согласиться с Драгомирецким, Гайдебуров сам прекратил свою газету, не имевшую ни малейшего успеха^{612 613}.

Из Галиции я вернулся в Киев и следующий год прожил там, только раз или два съездив на короткое время в Петербург.

611 В апрельской книге журнала была опубликована статья В. В. Водовозова «Политические выборы в Галиции. (Впечатления туриста)», но без описания «истории» его ареста, предваряемая авторским примечанием: «В основу предлагаемого очерка положены мои корреспонденции, первоначально напечатанные в газете “Русь”, 1897 г., № 49, 53 и 63. Редакция газеты их сократила, дополнила соображениями, с которыми я решительно не могу согласиться, и отчасти переделала заключающийся в них фактический материал, пополнив его из других источников сведениями, которые кажутся мне неточными» (Новое слово. 1897. Кн. 7. С. 216).

612 История «Руси» изложена в моих «Материалах для характеристики положения печати».

613 См.: «В “Русь”, возникшую после вторичной приостановки, Соловьев успел навязать своего редактора, г. Драгомирецкого, и в настоящее время либеральный редактор “Недели” Гайдебуров состоит в то же время издателем консервативного органа» (Водовозов В. В. Материалы для характеристики положения русской печати. Вып. 1. С. 97).

В 1898 г. летом предстояли выборы в германский рейхстаг, а затем – в прусский ландтаг⁶¹⁴, и я собирался туда ехать заблаговременно. Отъезд был назначен на конец марта. Но опять-таки предположения моим не суждено было осуществиться.

В ночь на 12 марта нас разбудил резкий звонок. Я вскочил.

– Кто там?

– Телеграмма.

Я открыл дверь. Вошли жандармы, несколько полицейских.

Обыск тянулся часа два и, следовательно, был довольно поверхностным. Ничего серьезного не нашли⁶¹⁵, забрали толь-

614 Ландтаг (нем. Landtag, от Land – земля, страна и Tag – собрание) Пруссии, король которой одновременно являлся с 1871 г. германским императором, состоял из двух палат – верхней (господ), соединявшей в себе элементы наследственности, пожизненного назначения и представительства (крупные землевладельцы, университеты, города), и нижней (депутатов), избираемой по двойной системе выборов.

615 Л. П. Меньщиков, служивший тогда в Московском охранном отделении, перечисляя фамилии арестованных «в ликвидацию 12/III», отмечал, что «были на несколько дней задержаны еще В. В. Водовозов и его жена В. П. Водовозова, пытавшаяся во время обыска сжечь какую-то нелегальщину» (*Меньщиков Л. П. Охрана и революция: К истории тайных политических организаций, существовавших во времена самодержавия. М., 1928. Ч. 2, вып. 1. С. 157*). Как указывалось в рапорте прокурора Киевской судебной палаты от 1 декабря 1898 г., у В. П. Водовозовой изъяли «1) две тетради, в одной из коих записана речь, произнесенная фон Косцельским в германском рейхстаге по поводу тенденций и агитации партии социал-демократов, а в другой отмечены названия разных книг по юридическим, социальным и политико-экономическим вопросам и фамилии разных лиц, которым книги выдавались. В числе других встречаются фамилии Биска, Полины Гиберман, Николая Бердяева, Павла Тучап-

ко мою пишущую машинку. Забрано было и довольно много рукописей, которые потом были мне возвращены (месяца через три). Мне и моей жене было заявлено, что мы арестованы.

– А теперь мы пойдем к вашему жильцу.

(В это время из трех комнат нашей квартиры одну мы сдавали студенту Вержбицкому⁶¹⁶.)

ского и других, частью привлеченных к дознанию о “Киевском союзе”, частью привлекавшихся ранее к дознаниям о государственных преступлениях, 2) два полулиста писчей бумаги с записанным на них отрывком произнесенной в германском рейхстаге депутатом Бебелем речи о сущности и стремлениях социал-демократии и 3) остатки полусожженной печатной брошюры “Задачи русской рабочей партии”, издание “группы рабочих революционеров” 1898 года. Брошюра представляет собой, как это и отмечено в предисловии, извлечение из труда Гада и Лафарга “Программа рабочей партии”» (ГАРФ. Ф. 124. Оп. 5. Д. 11. Л. 265).

- 616 Один из участников революционного кружка, созданного учащимися 2-й Киевской гимназии, вспоминал: «Анатолий Вержбицкий, alter ego А. В. Луначарского, давший с последним “Аннибалову клятву” служить революции и рабочему классу, был большим энтузиастом нашей затеи. Оба они (А. В. Луначарский вступил несколько позже в наш кружок) заняли видное положение в организации и были неразлучными друзьями. Оба они вышли впоследствии, благодаря неладам с начальством, из гимназии и уехали в 1894 году в Швейцарию <...> к самому П. Б. Аксельроду на выучку. О первом из них, исключительно восторженном юноше, А. Ф. Вержбицком, преждевременно погибшем от тифа в голодный год (по дороге из Средней Азии на съезд научных работников заразился тифом и умер в Москве, где похоронен в 1922 году), надлежит упомянуть как об очень глубоком, вдумчивом и высокой культуры общественном работнике в дальнейшей его карьере. За деятельность в киевской социал-демократической организации он был привлечен в марте 1898 г. в числе других членов “Союза борьбы за освобождение рабочего класса” и выслан из Киева под надзор полиции.

На двух извозчиках, отдельно друг от друга, в сопровождении городских мы были увезены. Привезли нас в тюрьму, находившуюся на окраине города в Лукьяновской части.

Было часов 6 утра, светало, и, подъезжая к ней, мы могли увидеть, что наш арест не индивидуальный: навстречу нам возвращались из тюрьмы порожняком извозчик за извозчиком, несколько пустых извозчиков стояло у ворот тюрьмы; в тюремной конторе мы увидели несколько человек, очевидно тоже только что арестованных. После обычного опроса в тюремной конторе нас развели в разные стороны, жену – в женское, меня – в мужское отделение.

На этот раз мы оба попали не в одиночное заключение, хорошо нам знакомое, а в общее, до тех пор мне не известное. В течение дня меня несколько раз переводили из камеры в камеру, я встречался в них все с новыми и новыми людьми и, наконец, часам к 6 вечера очутился в большой камере, где было человек 40 арестантов. Среди них я нашел Николая Бердяева, нашего жильца Вержбицкого, моего соседа Эвенсона, некоторых других знакомых и еще больше незнакомых, с которыми, конечно, тут же познакомился.

Главные причины моего личного ареста сразу объяснились, а другие обстоятельства выяснились потом.

Это были массовые аресты в одну ночь. Такие аресты довольно часто производились в 70-е годы, но в это время они вышли из обыкновения. Их идею воскресил киевский жандармский генерал, знаменитый в то время Василий Дементьевич Новицкий. Идея довольно простая: захватить сразу всех людей, сколько-нибудь подозрительных, пощупать их, – наверное, что-нибудь выловится. А там большую часть можно будет выпустить; что за беда, что некоторые посидят недельку

В дальнейшем и до самой смерти А. Ф. Вержбицкий работал в рядах общественной агрономии» (*Мошинский И. Н.* На путях к 1-му съезду РСДРП: 90-е годы в Киевском подполье. С. 58).

совершенно невинно? Если для них, даже в силу каких бы то ни было привходящих обстоятельств, этот арест окажется тяжелой драмой, то чем не пожертвуешь для пользы государства! Тем более что для Новицкого эти аресты драмой ни в каком случае не будут⁶¹⁷.

617 Ср.: «Человек крайне жалкого образования, грубый, жестокий и неумный, сыщик по страсти, но без всякого сыщического таланта, Новицкий современного революционного движения, разумеется, совершенно не понимал. Настолько не понимал, что очень часто и очень многим выражал глубокое и, очевидно, совершенно искреннее удивление по тому поводу, что евреи могут принимать участие в революционной деятельности.

– Ну, русские, это я понимаю; отчего же им не позабавиться? Но евреи! Ведь действительно же их положение тяжело, и наказываем мы их куда строже, чем русских; чего же они еще лезут? Неужели им этого мало?!

Для него революционное движение вызывалось, очевидно, не тяжелыми условиями жизни, не социальным неравенством и не политическим гнетом, а, наоборот, тем, что люди с жиру бесятся; если же на его пути встречались люди, революционность которых слишком явно противоречила его теории, то он недоумевал, искренно негодовал на них и столь же искренно мстил им, как за личную ему обиду.

Совершенно естественно, что разобраться в психологии революционеров он был совершенно не в состоянии, отличить различные течения в их среде – тоже, почему он и мог предъявлять одному и тому же человеку обвинение в одновременной принадлежности к социалистско-революционной и социал-демократической партии.

Я сказал, что он был сыщиком по страсти, но без сыщического таланта. Может быть, еще более он был палачом по страсти. Сыск тонкий, построенный на психологии, его тяжеловесному уму был недоступен. Он понимал физическую силу, угрозу; он рычал, топал ногами на арестованных, особенно на рабочих, угрожал им всяческими карами и иногда у слабых людей вынуждал предательство, но редко. Для большинства его приемы

были слишком грубы, слишком примитивны. В этом, и почти только в этом, состояла его система сыска. Опутать арестованного сетью лжи, затронуть его самолюбие, сыграть на его благородстве и этим путем довести до сознания или даже до предательства, как это умел делать Зубатов, Новицкий не мог. Нужно отдать ему справедливость, что и провокацию он не признавал, потому ли, что она требовала большей изворотливости, чем отпущенная ему природой, а может быть, и потому, что она возмущала даже и его покладистую жандармскую совесть» (*Водовозов В. В. Д. Новицкий. (Из личных воспоминаний) // Былое. 1917. № 5/6. С. 84–85; см. также о В. Д. Новицком: Водовозов В. По поводу «нового курса» в Одессе // Товарищ. 1907. № 35. 24 авг.*).

С тех пор как я живу сознательно жизнью, я смотрел и смотрю на наше правительство как на самую главную из тех благих сил, которые дали России ее настоящее положение в мире. Эта мысль, которая всегда владела и владеет мною, еще более окрепла под влиянием занятий исторической наукой, которой я предался, – и я не мог и не могу представить себе свою жизнь посвященной чему-либо иному, кроме службы правительству. По окончании университетского курса я был оставлен при университете, получил звание приват-доцента, – и Министерство народного просвещения командировало меня за границу, куда я и должен был отправиться 20 мая сего года. Но 29 апреля произошло событие, разрушившее все мои предположения и создавшее для меня из жизни одну нескончаемую нравственную пытку.

Одна моя знакомая – Наталия Вержбицкая – пришла ко мне вечером этого дня и предложила идти вместе на реферат о драмах Ибсена, который должен, как она сказала, читаться на квартире князя Андроникова. Мы пошли туда, и там в 11½ ч. вечера все присутствующие были арестованы по распоряжению г. начальника Киевского губернского жандармского управления. Вскоре затем я был освобожден из-под ареста, но привлечен к следствию по этому делу. Как ни велико постигшее меня несчастье, я далек от того, чтобы хотя на минуту упрекать в нем власти: когда пришла полиция, то некоторые из присут-

ствовавших стали вдруг выбрасывать из карманов на пол разные бумажки (оказавшиеся прокламациями) – и этим набросили тень на все собрание. Я горько раскаиваюсь в неосмотрительности и необдуманности своего поступка – прихода на совершенно незнакомую мне квартиру, где из 50 собравшихся всего пять человек были мне известны. Негодные люди, принесшие в своих карманах прокламации и выбросившие их вместо того, чтобы сознаться в имении их при себе, своим гнусным поступком сделали все собрание подозрительным в глазах властей, по крайней мере на первое время, пока еще допросы не обнаружили, что читался действительно только реферат об Ибсене. Мало того: многие из присутствовавших оказались людьми, скомпрометированными в глазах властей, – и это также бросило тень на всех.

Ваше высокопревосходительство! Меня мучает мысль, что моя неосмотрительность, в которой я горько каюсь, могла заставить причислить меня к разряду людей, к которым я всегда относился и отношусь самым отрицательным образом, людей, действия которых всегда представлялись мне действиями помешанных или преступников. Для меня нравственно непереносима мысль, что те, которые окружают престол моего Государя и блюдут сохранность государственного строя, будут читать мое имя наряду с именами лиц, с которыми я не имел и не хочу иметь ничего общего. Я поклялся себе всю свою жизнь доказать, что только слепой случай мог сделать меня на мгновение человеком подозреваемым в глазах властей и что все мои силы будут посвящены только и исключительно служению нашему правительству – и ему одному. Разрешение вашего высокопревосходительства взять на себя занятия в белостокском коммерческом училище для меня имеет глубоко радостный смысл не только потому, что дает кусок хлеба моей семье, но прежде всего потому, что покажет, что мое искреннее и глубокое раскаяние в неосмотрительном поступке и клятвенное обещание до конца дней служить Государю не оставлены без внимания вашим высокопревосходительством. Евгений Тарле. Город Варшава, Дикая улица, дом № 8» (Там же. Л. 88–89). Проведя следующее лето в Петербурге, Тарле защитил 14

В частности, для меня этот арест при всей его кратковременности и с полицейской точки зрения безрезультативности если и не был настоящей драмой, то все же повлек за собой серьезные неприятности.

Я только что взялся вести иностранное обозрение в «Журнале для всех» Миролубова и почти закончил для него свою первую статью, которая так и не попала в печать, причем Миролубов, не получая от меня известий и ответа на свои телеграммы, поручил ведение отдела другому лицу; у меня было написано довольно много статей для Энциклопедического словаря, которые я кончил, чтобы отправить сразу. Когда они были мне возвращены, было уже поздно, и непредставление мною заказанных статей вызвало совершенно законное недовольство в Словаре. По моему расчету, я на непредставленных мною законченных или почти законченных статьях потерял свыше 200 рублей гонорара, помимо того, что совершенно потерял работу в «Журнале для всех». А сверх того должен был отложить поездку за границу и ради нее, как сейчас расскажу, совершить в то время ненужную мне поездку в Петербург.

Идея таких массовых арестов теперь была применена в первый раз. Арестовано было свыше 120 человек⁶¹⁸, а кроме

октября 1901 г. в Киеве магистерскую диссертацию «Общественные воззрения Томаса Мора в связи с экономическим состоянием Англии его времени», а в 1903 г. занял должность приват-доцента по кафедре всеобщей истории Петербургского университета.

618 12 марта 1898 г. В. Д. Новицкий доложил Департаменту полиции, что «арестовал 100 человек» (см.: Меньшиков Л. П. Указ. соч. С. 24), но, согласно рапорту заведующего Временной канцелярией при Министерстве юстиции по производству особых уголовных дел от 11 апреля 1898 г., одновременно подверглись арестам 105 лиц в Киеве, 43 – в Одессе и не менее 25 – в Екатеринославе, где полиция захватила также подпольную типографию (ГАРФ. Ф. 124. Оп. 5. Д. 11. Л. 69).

того, обыскано (без ареста) еще несколько десятков.

Одним из поводов к арестам, может быть – главным поводом, был состоявшийся незадолго перед тем в Минске первый социал-демократический съезд, на котором была основана социал-демократическая партия⁶¹⁹. На съезде был шпион, все или почти все участники его были выяснены и прослежены⁶²⁰. Киевлян на съезде было несколько человек (Теслер, Тучапский, Эйдельман и другие)⁶²¹; они, конечно, попали в число захваченных. Но сеть Новицкого была раскинута гораздо шире, и в числе захваченных оказалось множество лиц, совершенно к съезду и даже к социал-демократической партии не причастных. Между прочим, со мной в камере сидел один малоразвитый рабочий, совершенно еще не тронутый никакой пропагандой, сохранивший в полной чистоте девственную веру в царя.

– Скажите, пожалуйста, как царь терпит все это? Неужели никак нельзя довести до его сведения обо всем этом? – с горечью спрашивал он меня.

Конечно, тюрьма оказалась для него не бесполезной школой, хотя дней через десять он был уже выпущен.

Лично мы с женой попали в сеть Новицкого по следующей

619 Первый съезд Российской социал-демократической партии (РСДРП), провозгласивший ее учреждение, проходил в Минске с 1 по 3 марта 1898 г.

620 Неточность: агентов охранки в числе делегатов не было, хотя за некоторыми из них велась слежка, причем 2 февраля 1898 г. один из участников съезда Б. Л. Эйдельман вместе с прибывшим из Вены социал-демократом Л. В. Теслером встретился с приехавшим в Киев машинистом одесского водопровода С. М. Гандером, завербованным охранкой еще в 1894 г. (см.: Меньщиков Л. П. Указ. соч. С. 21).

621 Неточность: на съезде присутствовали всего 3 делегата от Киева: П. Л. Тучапский – от местного «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», Б. Л. Эйдельман и Н. А. Вигдорчик – от «Рабочей газеты»; Л. В. Теслер в съезде не участвовал.

причине.

Месяца за два до этой роковой ночи в Киеве появился из-за границы социал-демократ Теслер. Приехал он с задачей организовать социал-демократическую партию. Он был на Минском съезде, – чуть ли даже не по его инициативе этот съезд был созван; в Киеве вел энергичную партийную работу⁶²².

В числе лиц, вовлеченных им в партию, был и наш жилец, студент Вержбицкий⁶²³.

Я жил тогда в небольшом двухэтажном деревянном домике, стоявшем в глубине громадного, более чем в десятину⁶²⁴, совершенно пустого сада⁶²⁵; в то время такие сады были не

622 Б. Л. Эйдельман писал, что «никакого непосредственного участия в переговорах о созыве съезда Теслер не принимал», «ни в Москве, ни в каких-либо других местах переговоров не вел» (цит. по: Первый съезд РСДРП. Март 1898 года: документы и материалы. М., 1958. С. 195).

623 На следствии А. Ф. Вержбицкий показал, что, «слушая в 1895 г. лекции в Цюрихском университете, он познакомился там с Теслером и затем ближе с ним сошелся осенью 1897 года в Вене. Во время пребывания своего в Цюрихе он познакомился также с Ниной Лопатиной, с которой часто встречался в русской читальне, в столовой и на лекциях ботаники; бывал изредка и у нее на квартире. <...> Осенью 1897 г. он вернулся из заграницы в Киев, а в феврале 1898 г. приехал туда же Теслер и, узнав его адрес, изредка стал бывать у него. Раза два и он был у Теслера в квартире Лопатина отчима Нины. Одно время он нанимал в Киеве комнату у Василия Водовозова...» (ГАРФ. Ф. 124. Оп. 5. Д. 12. Л. 114).

624 Десятина – старая русская единица земельной площади, равная 1,09 гектара.

625 Как вспоминал Б. Л. Эйдельман, одно из последних собраний группы «Рабочей газеты» перед самым съездом происходило у четы Водовозовых в Десятинном переулке (см.: Первый съезд РСДРП. С. 201).

очень большой редкостью и даже не удорожали квартир (я за свою квартиру в три комнаты с верандой платил всего 27 рублей в месяц). Квартиру в нижнем этаже занимали мы, а одну комнату у нас снимал Вержбицкий. У нас была прислуга, но она жила в кухне, в отдельном флигеле. Верхний этаж занимала еврейская семья Эвенсон.

Эвенсон был типичный интеллигентный (или даже полунинтеллигентный) киевский еврей. Интеллигентности его хватало на то, чтобы плохо переводить с немецкого то повести, то статьи для издателей дешевых книжонок, плативших за работу гроши; сверх того он занимался самыми разнообразными делами⁶²⁶. Жена его тоже сменяла разные профессии; в это время, кажется, служила корректоршей в типографии. У них было множество детей, числа которых я определить не могу, от года

626 М. С. Эвенсон был выслан из Петербурга 23 апреля 1891 г. за участие в похоронах Н. В. Шелгунова и, бедствуя с семьей в Режице Витебской губернии, обратился с прошением в Департамент полиции. Заверяя в своей «неизменной приверженности Государю Императору», он умолял простить его «легкомысленный» поступок – желание отдать последний долг своему «работодателю», ибо, пояснял Эвенсон, «последнее собрание сочинений Шелгунова я верстал и читал в корректуре, за что получил хорошую плату и благодарность автора». Поскольку это подтверждалось «свидетельством лица, заслуживающего полного доверия», директор департамента П. Н. Дурново посчитал возможным удовлетворить прошение Эвенсона, который, поселившись в 1894 г. в Киеве, служил корректором в типографии В. С. Кульженко, сотрудничая в местной прессе и житомирской газете «Волянь». В жандармских «Сведениях, полученных при наблюдении с 1-го января по 1-е июля 1897 г.» отмечалось, что «в квартире супругов Эвензон проживают поднадзорные супруги Василий Васильев и Вера Петрова Водовозовы», которых «посещают лица, причастные, по-видимому, к делу агитации среди рабочих» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 89. 3 д-во. 1891. Д. 666. Л. 6–8, 33).

до лет 12–13. Прислуги они не держали. Политике оба были чужды, хотя госпожа Эвенсон приходилась не то сестрой, не то кузиной известному революционеру Минору.

И вот в нашей избушке на курьих ножках появился Теслер. Он бывал у Вержбицкого – и только у него. Ни мы с женой, ни тем более Эвенсон не имели о нем никакого представления и не знали его ни по фамилии, ни в лицо. Теслер впоследствии рассказывал, что в нашем саду он несколько раз встречал шпиона и одного будто бы даже поколотил, потому что у него при виде шпиона, по его словам, всегда чесались руки. Я склонен думать, что этот рассказ – простая выдумка, потому что Теслер не был лишен некоторых черт Хлестакова. Привел ли шпиона в наш сад он или у нас был свой собственный, я не знаю; думаю, что первое предположение ближе к истине. Как бы то ни было, Теслера выследили, но наш или его шпион был, очевидно, не на высоте своей задачи и не сумел выяснить даже того, к кому именно в нашем небольшом домике ходит Теслер.

Нетрудно понять, как решил эту задачу Новицкий. С полной логичностью он постановил: арестовать все взрослое население дома. Кухарку Водовозовых не трогать, ибо она живет в отдельном флигеле.

Я уже рассказал, какую цену заплатил за это решение задачи. Эвенсонам далось оно тоже не даром. К ним полиция пришла уже под утро и после ареста забрала обоих.

– А как же дети?

– А нам что за дело?

И вот мать должна была оставить эту свору рыдающих детей на произвол судьбы. На беду, у них в этот день, как, впрочем, почти всегда, не было ни копейки денег, которые они могли бы оставить детям. Дав какие возможно инструкции детям, направив их к каким-то родственникам, они уложили, что было нужно для тюрьмы, и уехали или, точнее, были увезены, как и мы, на двух извозчиках отдельно друг от друга.

Когда Эвенсона вели в ту же камеру, где был и я, я был поражен его видом. Он был бледен как мертвец и совершенно

пришиблен; почти не мог говорить и ничего не понимал. Его жена очутилась вместе с моей женой и была немного в лучшем состоянии. Ее, впрочем, освободили в тот же день. Эвенсона освободили вместе со мной через 10 дней⁶²⁷.

В числе арестованных, кроме сидевших в моей камере, были первые деятели социал-демократической партии в России Теслер⁶²⁸, Тучапский, Эйдельман, Константин Прокофьевич Василенко⁶²⁹ (брат⁶³⁰ Николая Василенко) и другие, но в

627 Ср.: «Был арестован Вержбицкий, были арестованы мы с женой, были арестованы и Эвенсоны, и дети их, из которых старшему было лет десять, брошены на произвол судьбы. Через 6 дней мы четверо (кроме Вержбицкого) выпущены на свободу без всякого допроса» (Водовозов В. По поводу «нового курса» в Одессе). Это подтверждают жандармские «Сведения, полученные при наблюдении с 1 января по 1 июля 1898 г.», сообщающие, что после обыска, произведенного в ночь с 11 на 12 марта в квартире М. Ш. Эвенсона, он «до 18 марта был задержан в Киевской тюрьме» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 89. 3 д-во. 1891. Д. 666. Л. 31).

628 Приводя список арестованных 11–12 марта 1898 г. в Киеве, «заявивших в этом деле видное место», Л. П. Меньщиков открывал его фамилией Л. В. Теслера, о котором писал: «учился за границей; проживая в Цюрихе (96 г.), принадлежал к Союзу с.-д. Союзу русских социал-демократов за границей и был близок с Плехановым; в следующем году находился в Вене, состоял в кружке П. Ф. Теплова; прибывши в Киев, сделался деятельнейшим членом Киевского Союза борьбы за освобождение рабочего класса, руководил рабочими кружками, а также изданием журнала “Вперед” и воззваний; имел сношения с Эйдельманом и С. В. Померанец; арестован на собрании рабочих, происшедшем 11-III-98 г. у слесаря Р. К. Маевского; по обыску отобран мимеограф, трафаретка 12-й страницы № 4 журнала “Вперед”, письмо к Плеханову и др. документы» (Меньщиков Л. П. Указ. соч. С. 24).

629 В квартире студента К. П. Василенко полиция обнаружила «значительное количество сожженной печатной бумаги»: перед арестом он пытался уничтожить имевшиеся у него экземпляры

тюремные их я не встречал, так как они сидели в одиночных камерах.

Виновником нашего и эвенсоновского ареста, как я уже сказал, был Теслер. Но вина его состояла здесь только в неосторожности и ни для кого не повлекла за собой особенно тяжких последствий. Других он погубил тоже по неосторожности. А в одном случае он принес большой вред человеку, причем вину его нужно квалифицировать словом гораздо более сильным. Это произошло следующим образом.

По приезду в Киев Теслер остановился у Всеволода Лопы-

киевской нелегальной газеты «Вперед» (ГАРФ. Ф. 124. Оп. 5. Д. 11. Л. 21). В 1924 г. Василенко, оказавшийся как меньшевик в киевском Доме предварительного заключения, вспоминал, что, так как еще «в начале января 1898 г. была замечена усиленная слежка за многими членами организации», вслед за избранием делегата (П. Л. Тучапского) на I съезд РСДРП, состоялось решение во избежание арестов предоставить наиболее заподозренным эсдекам «продолжительный отпуск», заменив их новыми силами: «Установление преемственной связи между работой старой и новой организации было возложено на недавно прибывшего из Швейцарии секретаря заграничной организации Теслера и на меня». Но обоим постигла общая участь, и, описывая свое пребывание в тюрьме, где был заключен в одиночку, Василенко писал, что в числе сидевших в общих камерах был и В. В. Водовозов, «поддерживавший тесную связь с социалистическими организациями (особенно с.-д.) и оказавший большое влияние на развитие политической мысли революционного Киева», ибо в течение 1897 г. прочитал «ряд нелегальных лекций о государственном строе западноевропейских держав и о политических партиях», и «им же делались доклады о выборах в рейхстаг и о партийтагах германской с.-д., на которых он лично присутствовал» (*Василенко К.* Четверть века назад. (Странички из воспоминаний) // *Былое.* 1924. № 27/28. С. 129–130).

630 В рукописи далее зачеркнуто: «известного впоследствии украинского министра».

тина, с дочерью которого Ниной был дружески знаком в Швейцарии. Всеволод Лопатин – брат известного шлиссельбуржца Германа Лопатина, инженер, служивший на Юго-Западной железной дороге⁶³¹. Сам он активно в революционном движении не участвовал, но всегда был готов оказать услугу революционерам и потому охотно предложил Теслеру свое гостеприимство. Вскоре после приезда Теслера в Киев Лопатин вместе с дочерью уехал на время в Петербург, а перед отъездом поставил Теслеру одно условие: никакой нелегалщины не держать в других комнатах, кроме своей. Теслер же, оставшись в квартире один, снес прежде всего всю свою нелегалщину в кабинет Лопатина. Там она и была найдена. В результате Лопатин был обыскан в Петербурге, а в Киеве уволен со службы⁶³². Правда, как очень талантливый инженер, он скоро нашел себе другую службу, в Вильне.

Лопатин говорил, что если бы он не имел самых хороших отзывов о Теслере от заслуживающих доверия людей, то счел

631 Неточность: коллежский асессор В. А. Лопатин служил младшим ревизором Киевского акцизного управления.

632 В. А. Лопатин показал на допросе, что познакомился с Л. В. Теслером в феврале 1898 г. через свою падчерицу Нину, студентку Цюрихского политехникума, с которой тот занимался в химической лаборатории. Лопатин «согласился быть приемником Теслера при принятии им Св. Крещения», а в середине февраля уехал в Петербург, где, мол, «дня через два или три получил от своей сожительницы Лидии Крутицкой письмо с извещением о том, что ввиду стесненного материального положения Теслера она разрешила ему временно поселиться в их квартире» (ГАРФ. Ф. 124. Оп. 5. Д. 11. Л. 135). Последнее опровергла прислуга Лопатиных, заявившая, что Теслер переехал на жительство к ним еще за пару дней до отъезда хозяина и «поместился в кабинете». Хотя с Лопатина взяли «подписку о неотлучке из места жительства», а Нина была подчинена особому надзору полиции, дознание в отношении обоих прекратили «по недостаточности улик» (Там же. Д. 12. Л. 114, 346).

бы его за провокатора. И действительно, несмотря на этот поступок Теслера, никто в провокаторстве его не заподозривал и даже какому-нибудь моральному осуждению со стороны партии он не подвергся. Отчасти это объясняется тем, что он мужественно вел себя на допросах, брал все что можно на себя и в конце концов был сослан в Восточную Сибирь. Дальнейшей его судьбы я не знаю.

Для меня началась тюремная жизнь, к счастью продолжавшаяся недолго. Первый день остался особенно в памяти не только в силу естественного обилия новых впечатлений, но и вследствие сильного голода, который я чувствовал. Увезли нас из дому, почему-то не позволив нам напиться чаю, и весь первый день переводили из камеры в камеру, не давая ни обеда, ни чая. Только под самый вечер, устроив нас окончательно в определенной камере, нам принесли громадный, давно не луженный котел с трубой для угольев, долженствовавший служить нам самоваром, и мы могли напиться чаю с хлебом, а с едой мы устроились только на следующий день. То же самое было и на женской половине.

Как я уже сказал, в нашей камере я встретил хорошего знакомого – Н. А. Бердяева⁶³³. Первые его слова ко мне были:

633 Прокурор Киевской судебной палаты А. А. Чернявский доложил 11 апреля 1898 г., что в квартире студента Николая Бердяева полицией изъяты: «а) несколько рукописных статей, направленных против существующих в России государственного и экономического строя и основ общественной жизни, составленных частью самим Бердяевым, а частью переведенных им с немецкого и французского языков, б) письма за подписью Мукалова, в которых сообщается о распространении их автором статей Бердяева и нелегальной литературы, в) письма за подписью Л. Гладина, в которых говорится о том же, г) письмо без подписи, в котором неизвестный автор доказывает Бердяеву и некоему Михайле бесполезность их намерения вести пропаганду в деревне и советует им посвятить свою деятельность городу, и д) три письма из Цюриха за подписью Нина, в которых

– Представьте, со мной какое несчастье: я не захватил своего зеркальца. Совсем не знаю, как мне быть.

Дружный веселый хохот был ответом на это трагическое сообщение, в камере зеркальце у кого-то нашлось, и оно было подарено Бердяеву, за что Бердяев был очень благодарен.

В литературе считается более или менее общепринятым, что одиночное заключение тяжелее общего⁶³⁴. И не только в литературе; таким его считает и законодательство. Но это мнение совершенно неправильно, или, по крайней мере, к

сообщается об исполнении автором порученного через Этингер поручения из Киева к Грозовскому о каком-то содействии и о каких-то книгах и выражается опасение, что в случае приезда Бердяева в Цюрих автору письма придется мало его видеть, так как его, Бердяева, будут, вероятно, посещать все проживающие в Цюрихе русские и, может быть, также посетит его “и сам Павел Борисович” (эмигрант Аксельрод)» (Там же. Д. 11. Л. 22). На допросе Бердяев показал, что «обнаруженные у него рукописи были написаны им для себя, что они им не распространялись, за исключением, впрочем, рукописи “О морали долга”, которую он давал читать некоторым своим знакомым. Оказавшиеся у него письма писаны окончившей Киевскую женскую гимназию Людмилой Гладиной, штурманом Николаем Мукаловым и проживавшей одно время в Цюрихе Ниной Всеволодовной Лопатиной, дочерью того Лопатина, в квартире которого проживал в Киеве совершенно ему, Бердяеву, неизвестный Теслер. К этому Бердяев добавил, что за давностью времени он не может объяснить содержания означенных писем» (Там же. Л. 26). В «Списке лиц, арестованных, привлеченных и предполагаемых к привлечению по делу о преступном сообществе “Киевский союз борьбы за освобождение рабочего класса”» от 24 марта, который включает 96 лиц, говорится: «43. Николай Бердяев, студент. – Сношения с Гиберман, Эйдельманом, Крыжановской и другими. – По обыску ничего не найдено. Зависит от дальнейшего хода дознания. Содержится под стражей» (Там же. Л. 80).

634 См., например: *Дорошевич В. М. Одиночное заключение* // *Дорошевич В. М. Собр. соч. М., 1907. Т. 9. С. 76.*

нему нужно внести известные поправки.

В первые дни заключения, особенно когда не знаешь, чем объясняется арест, одиночество действительно очень тягостно. Напротив, в общем заключении обыкновенно очень быстро получаешь информацию, которая уясняет и причины ареста, и степень его серьезности, и угрожающие последствия. Но если даже информироваться не удастся или если результаты информации неутешительны, то все же общение с товарищами по несчастью поддерживает бодрость духа, дает возможность пользоваться их советами и опытностью, сообща вырабатывать приемы самозащиты и борьбы с тюремным начальством за скромные права и льготы заключенного.

В первое же утро, когда из тюремной конторы меня вели в тюремную камеру, со мной вели еще какого-то очень юного студентика. Мое настроение было тяжелое, но студентик был совершенно пришиблен. И я, постаравшись взять себя в руки, сказал ему:

– Молодой человек, что это вы нос повесили? Как вам не стыдно! С кем этого не случилось, – тюремную повинность надо же отбыть.

И молодой человек быстро выпрямился.

– Нет, я что же, я ничего.

И явно приободрился. Но и на меня самого мои собственные слова подействовали ободряющим образом. Так действует общение с товарищами в тюрьме в первые дни. Но очень скоро начинаешь чувствовать ужас положения: вечно на людях, ни одной минуты не остаешься один, вне контроля других людей. Вечный шум, не дающий возможности углубиться в чтение. А если при этом хоть кого-нибудь подозреваешь в шпионстве или хотя бы в недостатке мужества и способности по слабости разболтать на допросе, то общее заключение делается ужасным и об одиночном начинаешь мечтать чуть не как о высшем счастье. Довольный в первые дни общением с товарищами, я уже с пятого или шестого дня стал томиться им и подумывал проситься в одиночку.

Много времени спустя, в темную декабрьскую ночь 1915 г., я был арестован в Петербурге⁶³⁵. В конторе Дома предварительного заключения я встретился с В. А. Мякотиным, Л. М. Брамсоном и другими, арестованными в ту же ночь. Мест в одиночных камерах не хватало, и нас рассаживали попарно. Я помню то негодование и почти ужас, с каким Мякотин тут же сказал: «Нас, кажется, будут сажать не по одиночке!» В ту минуту я этого ужаса и негодования еще не испытывал.

Как я уже сказал, нас было человек 40. Камера, хотя и большая, для такой оравы была тесна; на нарах места хватило только половине, а другая половина должна была спать на полу, на соломенных мешках; я с Бердяевым, приведенные в камеру позже других, принадлежали к этой второй половине. Но на следующий же день два рабочих любезно предложили нам

635 Ср.: «В ночь на 29 декабря истекшего года меня разбудили непрошенные гости в полицейских мундирах. Причина этого неожиданного и весьма мало приятного визита тогда была для меня совершенно неизвестна и остается таковою же и поныне. Ночные гости произвели осмотр моих бумаг, взяли с собой значительную их кипу и препроводили меня сперва в участок, потом в охранное отделение, а затем поздно вечером того же дня в Дом предварительного заключения на Шпалерной улице. И был вечер, было утро, день первый. За ним последовал день второй. На третий вечер я собрался уже встречать невеселый Новый год, печально думая о предстоящей перспективе проведения в этом не особенно приятном учреждении неопределенно долгого времени, как вдруг отворилась дверь, и я услышал возглас: “на свободу”. Свобода была для меня так же неожиданна и так же непонятна, как и арест. Последний и до сих пор остается таким же: допросу я не был подвергнут, и в чем я виновен или в чем меня подозревали, я не знаю. Да и первая также: почему, напр., Мякотин, столь же виновный или столь же невинный, как и я, просидел две недели, тогда как я отделался всего двумя днями?» (*Водовозов В.* Четверть века назад и теперь // *Северные записки.* 1916. № 3. С. 205).

свои места на нарах. Кормили нас плохо, но можно было приобрести продукты на свой счет. Выпускали на прогулку в тюремном дворе тоже сообща. Было несколько книг, взятых разными лицами с собой и пропущенных в камеру, но читать было трудно вследствие шума. Иногда, впрочем, устраивались чтения вслух.

На 8-й или 9-й день к нам заявился тогдашний киевский генерал-губернатор Драгомиров в сопровождении Новицкого. Тюремное начальство разделило нас на интеллигентов и рабочих и расставило двумя отрядами. Драгомиров подходил по очереди к каждому, сперва – к интеллигентам, потом – к рабочим, и задавал формальные вопросы: фамилия, занятие, происхождение; у евреев спрашивал:

– Еврей?

К интеллигентам обращался на «вы», к рабочим – на «ты». И рабочие это вынесли без протеста, который, конечно, был бы поддержан нами.

Иногда Новицкий делал свои дополнения в таком роде: «уже много раз попадался» и тому подобные. Мне Новицкий сказал:

– Нам с вами, господин Водовозов, надо выйти из дела.

Хотя фраза и не совсем ясная, но и я, и мои товарищи истолковали ее (и, как оказалось, правильно) в смысле скорого освобождения.

Действительно, через день или два, в общем – на десятый день заключения, явился в камеру кто-то из начальства и заявил:

– Водовозов, Эвенсон, такие-то и такие-то, – всего человек 6 или 7, – собирайте вещи. На свободу.

То же самое было и в женской камере. Моя жена тоже попала в число освобожденных, и мы встретились в тюремной конторе. Ни она, ни я ни разу не были допрошены. Освобождение наше и Эвенсона без допроса объяснялось тем, что Теслер по соглашению с Вержбицким (которое было заключено по

внутренней тюремной почте) на первом же допросе заявил, что ходил к Вержбицкому, а других жильцов дома не знал, что было совершенной правдой. Мы были освобождены без всяких последствий, как это называется на полицейском языке⁶³⁶. Такие последствия, как потеря работы, в счет не идут. Не идет в счет и то, что у меня была забрана пишущая машинка и возвращена моей жене, несмотря на мою просьбу, обращенную к Новицкому, и потом жалобу к Драгомирову⁶³⁷, только через 6–

636 Неточность: жена В. В. Водовозова, содержавшаяся под стражей с 12 по 17 марта 1898 г., была, в отличие от него, привлечена в качестве обвиняемой к дознанию по делу «Киевского союза борьбы за освобождение рабочего класса», но оставлена на свободе с учреждением за ней особого надзора полиции. Не признав себя виновной, В. П. Водовозова показала на допросе, что найденные у нее рукописи с переводом речей, произнесенных в германском рейхстаге, «вероятно, приняты от кого-нибудь ее мужем для редактирования», а в изъятой тетради «ею самой и ее мужем делались отметки о выдаче книг разным лицам, в том числе их знакомым: Полине Гиберман, Николаю Бердяеву и другим». Что же касается полусожженной брошюры о задачах русской рабочей партии, то «таковая принадлежит одной ей, и ее муж о брошюре этой ничего не знал», причем якобы «получила она ее накануне обыска с вечерней почтой в простом письме, кажется, с московским штемпелем и хотела ее уничтожить, для чего зажгла и остатки бросила в умывальное ведро, где их потом и нашли» (ГАРФ. Ф. 124. Оп. 5. Д. 11. Л. 265–269). Дознание, к которому привлекли 142 человека, из которых 12 оставались под стражей, было завершено 7 мая 1899 г., и согласно приговору, последовавшему лишь 22 марта 1900 г., В. П. Водовозову подчинили гласному надзору полиции на один год в избранном ею месте жительства (Там же. Д. 12. Л. 34–45, 336).

637 См.: «Ответ на жалобу получил от Новицкого: он меня призвал и с чрезвычайным чувством собственного достоинства заявил мне, что никаких жалоб он не боится, что он имеет связи в высших сферах и что машину и бумаги он мне не отдаст или отдаст тогда, когда сам захочет, а что если я буду и дальше жа-

7 месяцев, когда меня уже не было в Киеве.

Другие заключенные сидели дольше: кто два-три месяца, как Бердяев⁶³⁸, кто месяцев шесть, как Вержбицкий⁶³⁹, а некоторые и гораздо больше. Некоторые, несмотря на продолжительность заключения, были выпущены тоже без последствий, другие были приговорены к высылке из Киева или к ссылке в разные места, причем некоторые из них более или менее долгий промежуток между освобождением и ссылкой могли провести на свободе в Киеве. Некоторые, как Теслер, Эйдельман и другие, прямо из тюрьмы были отправлены в Восточную Сибирь⁶⁴⁰.

Тотчас после освобождения я счел нужным обойти родственников тех из моих товарищей по заключению, с которыми я был ближе знаком или которые об этом просили.

Пошел я к отцу Бердяева. Нужно заметить, что Н. Бердяев бывал у меня очень часто, но я у него никогда не бывал и родителей его совершенно не знал.

ловаться, так мне же достанется» (Водовозов В. В. В. Д. Новицкий. (Из личных воспоминаний). С. 83).

638 Неточность: Н. А. Бердяев, освобожденный под залог в 5000 рублей, содержался под стражей около трех недель, с 12 марта по 1 апреля 1898 г. (ГАРФ. Ф. 124. Оп. 5. Д. 11. Л. 233).

639 А. Ф. Вержбицкий, освобожденный из-под стражи 18 августа 1898 г. (в предварительном заключении он провел 5 мес. и 6 дней) под залог в 600 рублей (позже сумма увеличилась до 1000 рублей), согласно приговору, был подчинен гласному надзору полиции на два года (Там же. Л. 197; Д. 12. Л. 336).

640 22 марта 1900 г. по докладу министра юстиции император Николай II соизволил «выслать под гласный надзор полиции: а) в Восточную Сибирь – Бориса Эйдельмана и Льва Теслера на 8 лет <...> и б) в Вологодскую губернию – <...> Павла Тучапского на 4 года, Николая Бердяева, <...> Веру Крыжановскую, ныне по мужу Тучапскую, Николая Мукалова <...> на 3 года <...>» (Там же. Л. 334).

Я позвонил и спросил у горничной, дома ли Александр Михайлович Бердяев.

Отец был почти совершенно глух. Ему сказали в ухо, что кто-то хочет его видеть. Он вскочил с кресла, вбежал в прихожую и, смотря по сторонам невидящими глазами, в каком-то ужасе спрашивал:

– Кому я нужен, что такое, в чем дело?

За ним выбежала его жена и находившийся у них их родственник, и мы все вместе не без труда его успокоили. В семье Н. Бердяева на него и отец, и мать чуть не молились, считали его гением, и арест его произвел ошеломляющее впечатление. Все 10 дней бедняга отец не мог успокоиться и прийти в себя. Мое посещение принесло ему некоторую пользу. Он узнал, что живет его сын не очень уж дурно, что нас не подвергают пытке, что на допросе он пока еще не был и что можно надеяться на более или менее скорое освобождение.

В семье другого моего товарища по заключению, Александра Биска⁶⁴¹, встреча была в другом роде, но не лучше.

641 Неточность: имеется в виду не Александр Биск, а его брат Исаак; в «Списке лиц, арестованных, привлеченных и предполагаемых к привлечению по делу о преступном сообществе “Киевский союз борьбы за освобождение рабочего класса”» от 24 марта 1898 г. говорится: «Биск Исаак, бывший студент. – По обыску ничего не найдено. Был в постоянных сношениях с Теслером. Брат его Иона арестован и привлечен в Москве. – Подлежит привлечению. Содержится в порядке Охраны» (Там же. Д. 11. Л. 80). Прокурор Киевской судебной палаты пояснял 12 мая, что «сын купца Исаак Биск, проживавший одно время в Швейцарии, находился в постоянных сношениях с Львом Теслером и семейством чиновника Киевского акцизного управления Всеволода Лопатина» (Там же. Л. 134). В списке обвиняемых по делу сказано, что Биск «содержался под стражей с 12 марта по 25 апреля 1898 года. Ныне находится под надзором полиции» (Там же. Л. 300). Биск, согласно приговору от 22 марта 1900 г., был отдан под гласный надзор полиции в черте ев-

Отец, довольно богатый, но малокультурный еврей, домовладелец, был не столько удручен, сколько озлоблен на своего сына. Он уже побывал у всякого начальства, там ему насажали, будто сын замешан в страшном сообществе и ему грозит каторга и будто он ведет себя на допросах очень дерзко. Отец всему верил, а когда я говорил, что это все ложь и что сын его не мог вести себя на допросах дерзко, потому что он ни разу еще на допросе не был, то отец явно не верил мне. Кое-что я опровергал, ссылаясь на слова его сына, сказанные мне. Свое озлобление на сына и недоверие ко мне Биск-отец выразил так грубо, что мне стало противно. Я сказал:

– Вы, очевидно, всякому жандарму верите больше, чем вашему сыну; что же – это ваше право. – И ушел.

Но тут была жена Александра Биска; на следующий же день она прибежала ко мне и, извиняясь за свекра, просила рассказать все, что я знал. Затем она бывала у меня часто.

Нужно заметить, что ни Бердяев, ни Биск не просили меня о посещении их родных, может быть, предвидя подобную встречу, и я его предпринял по собственной инициативе. Напротив, от К. Василенко, сидевшего в одиночной камере⁶⁴², но узнавшего о словах Новицкого, я по внутренней почте получил поручение к его брату, от соседа по камере Вержбицкого – к его матери, от многих других – к родным, и нигде больше ничего подобного только что описанным эпизодам не встречал.

Приведя в порядок по возможности свои дела, приведенные в расстройство неожиданным арестом, я подал прошение о заграничном паспорте. Обыкновенно такие прошения удо-

рейской оседлости на один год в избранном им месте жительства (Там же. Д. 12. Л. 335).

642 К. П. Василенко был освобожден 11 июня 1898 г. «на поруки с денежной ответственностью в 3000 рублей» и отдан под особый надзор учебного начальства на один год (Там же. Л. 300, 337).

влетворяются в один день, на этот раз я ходил в полицию недели три и все время получал в ответ:

– Не готов.

– Да в чем же дело?

– Из того учреждения, куда мы обратились с запросом, можно ли выдать свидетельство о неимении препятствий к выезду, нам не дают ответа.

– Когда же он будет?

– Не знаем.

Таинственного учреждения мне не называли, но догадаться о нем было нетрудно⁶⁴³. Что было делать? Я уехал в Петербург, прожил там у матери 4 или 5 дней и подал прошение. Немедленно же получил свидетельство и вслед за ним паспорт. Была середина мая старого стиля⁶⁴⁴, а выборы предстояли в

643 22 марта 1898 г. начальник Киевского губернского жандармского управления генерал-майор В. Д. Новицкий доложил в Петербург, что «состоящий под негласным надзором полиции дворянин Василий Васильевич Водовозов ходатайствует о выдаче ему удостоверения на беспрепятственный выезд за границу». В заключении от 27 марта, составленном делопроизводителем Департамента полиции П. Н. Лемтюжниковым, говорилось: «Принимая во внимание, что Василий Водовозов по последней ликвидации в Киеве был обыскан (ничего не найдено), заключен под стражу, а затем 17 марта освобожден, а равно имея в виду, что жена названного Водовозова, Вера, при обыске ее пыталась сжечь преступное издание, – полагал бы, что по ходу дознания может представиться необходимым привлечь Водовозова к возникшему дознанию, а потому полагал бы выдачу ему удостоверения для беспрепятственного выезда за границу пока отложить». 30 марта Департамент полиции уведомил Новицкого, что ходатаю «может быть выдан заграничный паспорт, если в нем, Водовозове, не встречается надобности при производстве возникшего дознания» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3 д-во. 1893. Д. 140. Л. 229–231).

644 По паспорту, выданному столичным градоначальником 16 мая

середине июня по новому стилю. Опять у меня было мало времени.

1898 г., В. В. Водовозов выехал за границу 23 мая (см.: Там же. Л. 232).

**Глава IV. Поездка в Германию в 1898 г. –
Возвращение в Киев. – Знакомство с
Луначарским. – Чтение рефератов в
Литературном обществе, в студенческих и
рабочих кружках. – Приезд в Киев Булгакова. –
Эволюция Бердяева и Булгакова. – Арест 1899 г. –
Татаров. – Ибсеновское дело. – Знакомство с
Урицким**

На этот раз я провел в Германии почти полгода. Я присутствовал на выборах в рейхстаг и в прусский ландтаг, а также на целом ряде партийных съездов разных партий.

Большую часть остававшегося у меня времени до выборов в рейхстаг я провел в Кельне и других местах католической Германии. Главную роль там играла партия центра (клерикальная), и избирательную борьбу она окрашивала в церковный цвет. Как известно, в 60-х годах Лассаль вел свою агитацию в католическом Рейнланде⁶⁴⁵ с большим успехом, но после образования Германской империи социал-демократия пользовалась там успехом весьма малым, несмотря на его индустриальный характер и наличность значительного рабочего движения, которое там, однако, выливалось в форму особого католического движения. Союзы рабочих, не менее энергично отстаивавшие там профессиональные нужды рабочего класса, к своему названию всегда пристегивали эпитет «католический» и на политических выборах голосовали за партию центра. Это сбивало социал-демократов с толку, – они с трудом могли подвести эту прочность религиозного чувства под марксистское объяснение истории.

– Мы перед каждым выборами предсказываем разгром партии центра и наше торжество в Рейнланде и каждый раз ошибаемся, – говорил мне после этих выборов один социал-демократ (доктор Цадек).

645 Рейнланд (Rheinland) – Рейнская провинция Пруссии.

Я сказал, что партия центра окрашивала борьбу в церковный цвет. Действительно, все речи клерикалов, о каком бы политическом вопросе они ни трактовали, заканчивались воззванием к религиозно-церковному чувству.

Против них выступали социал-демократы. В ответ им ставился вопрос:

– А вы католик?

– Что вам за дело? Мы обсуждаем политические вопросы, а мои личные религиозные убеждения никакого отношения к ним не имеют.

– А вы все-таки скажите, католик ли вы?

После пререканий прижатый к стенке социал-демократ заявлял: «Да, я католик». Но его не отпускали.

– А в церковь вы ходите?

Снова начиналось повторение того же самого, пока, наконец, социал-демократ не отказывался категорически от ответа.

– Видите, он не хочет сказать. Почему? Да просто потому, что, католик по рождению, он ни в бога, ни в церковь не верует. Согласны ли вы, граждане, иметь своим представителем такого человека?

Или, если он сам не выступает кандидатом:

– Можете ли вы ему верить, будете ли следовать его советам?

Через 7 лет после этого, на крестьянском митинге в России в Новгородской губернии, я слышал священника, который убеждал крестьян, что хотя вера еврейская и поганая, но что вопрос о вере следует предоставить Господу Богу, а так как теперь речь идет об избрании представителя не на церковный собор, а в Государственную думу, то выбирать нужно человека не за его религиозные убеждения, а за понимание того, как нужно сделать, чтобы народу жилось лучше; еврей же это, может, понимает несколько не хуже, чем православный. Об этом я расскажу подробнее в свое время. Конечно, это был исключительный случай в исключительный момент, но все-таки в дан-

ном случае русский священник оказался гораздо терпимее, культурнее, политически развитее, чем светское лицо, принадлежащее к клерикальной партии в Германии.

Выборы в прусский ландтаг производились тогда по трех-классной системе⁶⁴⁶ и были открытыми, вследствие чего уже по внешней форме резко отличались от выборов в рейхстаг. А кроме того, социал-демократия, считая их для себя безнадежными, тогда их бойкотировала. Бойкот был пассивным, то есть социал-демократы не вели никакой агитации, но, не выставляя своих кандидатов, попыток срывать выборы не делали. Изредка какой-нибудь второстепенный социал-демократический оратор забредет на либеральный или консервативный митинг и без всякого увлечения произнесет речь в защиту общих принципов социализма, но так как он не имеет возможности предложить своего кандидата, вообще ничего положительного, то его речь шла как-то впустую, в ней не было пафоса борьбы и ничьего энтузиазма она не зажигала, – да и в ораторе его не было. Благодаря отсутствию социал-демократов избирательная борьба шла крайне вяло и тускло.

Самая процедура выборов представляла множество курьезов. Благодаря раздроблению округа на избирательные участки, а в избирательных участках – разделению избирателей на классы число избирателей первого класса в участке оказывалось равным двум-трем, а иногда даже только одному, и не очень редки случаи, что этот один не являлся на выборы и выборы не могли состояться. Еще чаще бывало, что на выборы данного класса являлся всего один избиратель. Я помню такую

646 Все лица, обладавшие активным избирательным правом, делились по размеру уплачиваемых ими прямых налогов на три класса (в первый класс входили лица, платившие наибольшую сумму, но с тем, чтобы она не превышала трети всех налогов, собираемых в данном округе); каждый из классов мог избрать одинаковое количество выборщиков (по 1 на 250 жителей), а уже собрания их выбирали 433 депутата.

сцену.

Выборы по первому классу в каком-то из участков в окрестностях Франкфурта-на-Майне. За столом бюро из четырех или пяти членов. В зале один избиратель и человек двенадцать публики (в том числе и один совершенно посторонний, именно – я). Председатель бюро читает:

– Первый класс, один избиратель, господин портной Нейман.

– Здесь.

– Следует избрать одного уполномоченного. За кого подаете вы свой голос?

– За портного Неймана.

(Подача голоса за себя допускалась и законом, и нравами.)

– Избирателей один. Подан один голос. Абсолютное большинство – 1. Единогласно избран портной Нейман. Господин Нейман, принимаете ли вы избрание?

– Нет.

В зале смех. Представитель, стараясь сохранить серьезность, заявляет:

– Избранный единогласно уполномоченным господин Нейман отказался от избрания. Я должен приступить ко второму голосованию. Один избиратель, господин Нейман.

– Здесь.

И затем повторяется та же комедия с тем же финалом. Председатель приступает к третьей, последней баллотировке, после которой он должен провозгласить выборы несостоявшимися. Повторяется та же сказка про белого бычка, но с иным финалом, так как Нейман заявляет:

– После того как мои сограждане трижды почтили меня единогласным избранием, мне не остается ничего иного, как принять избрание.

Дело объясняется тем, что Нейман – свободомыслящий, следовательно – сторонник всеобщего избирательного права, и в качестве такового он не отказался от искушения произвести

маленькую комическую демонстрацию против трехклассной избирательной системы.

Из партийтагов⁶⁴⁷, которые я посетил, наиболее интересным, как и всегда, был социал-демократический. Он собрался в Штутгарте, продолжался 7 дней⁶⁴⁸, каждый день с 9 до 1 часа и с 3 до 7 часов, причем в промежутки успевали заседать комиссии. Председательствовал Зингер, председатель действительно образцовый.

Незадолго до партийтага появилась в свет знаменитая книга Бернштейна «Die Voraussetzungen des Socialismus»⁶⁴⁹,

647 От Parteitag (нем.) – партийный съезд.

648 Съезд СДПГ в Штутгарте проходил 3–8 октября 1898 г.

649 В серии статей под заголовком «Проблемы социализма», которые печатались в «Neue Zeit» в 1897–1898 гг., Э. Бернштейн доказывал, что многие положения, высказанные К. Марксом и Ф. Энгельсом, в том числе «теория катастрофы» («Zusammenbruchtheorie»), т. е. общего краха капитализма, не находят подтверждения. Но книга «Предпосылки социализма» (нем.; правильно: «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии») вышла уже после закрытия съезда СДПГ (Bernstein E. Die Voraussetzungen des Socialismus und die Aufgaben der Socialdemokratie. Stuttgart, 1899). В. В. Водовозов, оценивая данный труд в предисловии к им же переведенной брошюре Э. Бернштейна «Возможен ли научный социализм?» (рукопись была запрещена к печати С.-Петербургским цензурным комитетом 19 декабря 1901 г.), писал: «В этой книге подверглись беспощадной критике как теоретические основы социализма в его новейшей форме, так и практическая программа немецкой социал-демократической партии. Критика Бернштейна шла так далеко, что через несколько месяцев после выхода в свет его книги на категорически поставленные ему вопросы, какие из теоретических пунктов социал-демократической программы он признает еще правильными, в письме, опубликованном в немецких газетах, отвечал, что из шести пунктов теоретической программы в настоящее время совершенно отвергает первые пять и признает только последний,

подвергавшая сердитой критике все основы социал-демократического учения и на место господствовавшей до тех пор теории катаклизма выдвигавшая идею медленного и постепенного переноса буржуазного общества в социалистическое⁶⁵⁰. Вожди социал-демократии – Бебель, Либкнехт, Зингер,

шестой пункт о роли рабочего класса в прогрессе человечества, и то с заменой выражения “исключительная роль” выражением “крупная роль”. В области практической Бернштейн отрицает космополитизм и враждебное отношение к милитаризму и колониальной системе, выдвигая вперед идеалы национальные; даже само название партии, “международная революционная социал-демократия”, он предлагает заменить названием “германская партия социальной реформы”. Хотя Бернштейн всячески считал необходимым, быть может из пиетета к прошлому, сохранить за собой кличку социалиста, но в действительности от социализма и социал-демократической программы у него остается очень мало» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 1494. Л. 5).

650 На второй день съезда А. Бебель огласил заявление Бернштейна, от 29 сентября: «Никто не ставит под сомнение необходимость для рабочего класса завоевания демократии. Спор шел о теории взрывов и о том, может ли социал-демократия при существующем уровне развития Германии в городе и деревне ориентироваться на внезапную катастрофу. Я это отрицал и сейчас отрицаю... И поскольку я убежден, что народы в своем развитии не могут перескочить через целую эпоху, то считаю ближайшей и самой важной задачей социал-демократии борьбу за политические права рабочих...» (*Bernstein E. Erklärung an den Parteitag // Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu Stuttgart vom 3. bis 8. Oktober 1898. Berlin, 1898. S. 122–125*). Бернштейн призывал социал-демократию найти в себе мужество стать открыто тем, чем она уже является в действительности: «демократически-социалистической партией реформы»; позднее Водовозов резюмировал: «Он доказывал, что история ведет не к углублению пропасти между магнатами капитализма и пролетариатом, а к ее заполнению; ожидание катаклизма не основательно и должно быть заменено верой в постепенную

Каутский – увидели в ней опасное отступничество и потому вооружились против нее, хотя, опасаясь раскола партии, старались (особенно первый) не очень заострять свои нападки. Напротив, Фольмар и Ауэр стали с некоторыми существенными оговорками на сторону Бернштейна. Сам Бернштейн в это время был еще эмигрантом в Лондоне, над ним тяготело обвинение⁶⁵¹, и приехать в Штутгарт он не мог. Вся борьба велась без него.

Как крайний левый фланг против Бернштейна выступали Frau⁶⁵² Цеткин, Fräulein Doktor Rosa Luxemburg⁶⁵³, Genosse Parvus⁶⁵⁴ – все три лица, имевшие отношение к России: г-жа Цеткин была замужем за выходцем из России Цеткиным (в это время уже умершим), Parvus (его настоящая фамилия Гельфанд) – еврей из России, остававшийся русским подданным, а Роза Люксембург – еврейка из русской Польши, принявшая прусское гражданство посредством фиктивного брака, за которым сейчас же (по предварительному соглашению) последовал развод⁶⁵⁵. Из России же, именно от Плеханова, исходило пред-

эволюцию, ведущую постепенно к социализации общественного строя. <...> Борьба классов существует, но она не единственное содержание истории, так как рядом с ней есть и сотрудничество классов» (Водовозов В. Бернштейн // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1905. Доп. т. 1. С. 255–256).

651 Оказавшись в эмиграции после введения в 1878 г. «исключительного закона против социалистов», Бернштейн вернулся на родину только в 1901 г., так как прокуратура возбудила против него дело по обвинению в оскорблении германского императора.

652 фрау (нем.).

653 фрейлейн доктор Роза Люксембург (нем.).

654 товарищ Парвус (нем.).

655 Переехав из Швейцарии в Германию, Р. Люксембург вступила в апреле 1898 г. в фиктивный брак с младшим сыном своего до-

ложение формально исключить из партии Бернштейна как отрекшегося от социал-демократического учения, но предложение Плеханова, сделанное им в печати⁶⁵⁶, было принято всеми как бестактность и на партийтаге никем внесено не было, так что даже и не обсуждалось.

Прения были очень горячи⁶⁵⁷ и очень содержательны, хотя ни та, ни другая сторона, кроме трех представителей крайнего левого фланга, до конца своих взглядов не высказывала. Из этих трех представителей наиболее талантливой, наиболее умной, наиболее содержательной была Роза Люксембург, что не мешало ей быть до некоторой степени комической фигурой.

мохозяина в Цюрихе – Густавом Любеком (Gustav Lübeck), 24-летним наборщиком типографии (по др. сведениям – слесарем) и анархистом по убеждениям, с которым официально развелась пять лет спустя (см.: *Waters M.-A.. Rosa Luxemburg Speaks*. L., 1970. P. 12).

656 Видимо, имеется в виду открытое письмо К. Каутскому под заголовком «За что нам его благодарить?», напечатанное Г. В. Плехановым в «Саксонской рабочей газете» уже после съезда (см.: *Wofür sollen wir ihm dankbar sein? Offener Brief an K. Kautsky // Sächsische Arbeiterzeitung*. Dresden. 1898. № 253–255. 30 Oktober, 2, 3 November), с вопросом: «Кому кем быть похороненным: социал-демократии Бернштейном или Бернштейну социал-демократией?» (Плеханов Г. В. Сочинения. М., 1925. Т. 11. С. 23–35).

657 В речи, длившейся более шести часов, А. Бебель, в частности, замечал: «Мы не чиним суда над еретиками, но когда Бернштейн нам предлагает выбросить за борт все, что составляет наше убеждение и наше упование, когда он нам изображает силу противников в преувеличенном масштабе и настолько же умаляет нашу собственную, не считаясь с действительным значением воодушевления и в погоне за реализмом “сводя на нет” все, чего нельзя ощупать руками, я не вижу в нем больше товарища. Ведь этим же языком с нами говорили и противники» (цит. по: *Иоллос Г. Б. Письма из Берлина*. СПб., 1908. С. 429).

Очень маленькая, она почти не была видна из-за ораторской трибуны и, чувствуя неловкость своего положения на ней, все время стояла на ступеньках к ней. Живая, очень подвижная, быстрая в движениях, она беспрестанно перебегала то слева направо, то обратно, смотря по тому, к кому преимущественно в толпе слушателей в ту минуту обращалась, кому наносила удары.

– Бебель сказал, что я еще слишком молода, чтобы учить такту ветеранов партии, – говорила она. – Да, я еще сравнительно недавно вступила в партию, но я надеюсь заслужить свои шпоры на левом ее фланге, где с врагом сражаются, а не на правом, где с ним заключаются компромиссы.

Чрезвычайно смешны были эти воинственные термины в устах этой маленькой, не лишенной женского изящества, слабенькой фигурки. «Frankfurter Zeitung» в своих полных яда статьях о партейтаге, сопоставляя ее с Genosse Parvus, называла ее Genossin Parva⁶⁵⁸, и это меткое прозвище пошло в ход даже среди социал-демократов, участников партейтага; несколько раз ее речи вызывали жидкие аплодисменты немногочисленных сторонников и более шумные иронические аплодисменты противников: «Bravo, Genossin Parva»⁶⁵⁹.

В противоположность речам Розы Люксембург, содержательным и умным, речи г-жи Цеткин отличались большой плоскостью и шаблонностью, а содержание заменялось у нее резкостью и грубостью личных выпадов, которые производили особенно отталкивающее впечатление благодаря ее неприятному визгливому голосу. В особенности нападала она на Ауэра, которого, видимо, не любила и которого вопреки обычаю называть всех социал-демократов словом «Genosse»⁶⁶⁰ систе-

658 «товарищ Маленькая» (нем., лат.).

659 «Браво, товарищ Маленькая» (нем., лат.).

660 «товарищ» (нем.).

матически именovala Herr Reichstagsabgeordneter⁶⁶¹. Ауэр в ответ ей сказал:

– Я не знаю, что хочет сказать Genosse Zetkin⁶⁶², с такою язвительностью тона систематически именуя меня «господином депутатом рейхстага». Да, сознаюсь в этом, уже более 20 лет я состою депутатом. Занятие тяжелое и надоедающее, но, право же, особенного позора я в нем не вижу и сознаюсь в нем без всякого стыда.

Позднее, на дрезденском партийтаге 1903 г.⁶⁶³, Зингер, председательствовавший на обоих партийтагах, запретил одному оратору называть своего противника Herr Doktor⁶⁶⁴, сказав, что «все члены партийтага – товарищи». Не знаю, было ли здесь пристрастие, – ибо во втором случае к такому титулованию прибегал один из правых участников партийтага против Меринга, левого и близкого Зингеру человека, – или перемена взгляда на обязательный на партийтаге тон.

Результатом партийтага было осуждение бернштейнианской ереси. Но у меня именно на нем сложилось твердое убеждение, что восторжествовала только старая революционная фразеология, а что в действительности ревизионизм (бернштейнианство), то есть приспособление социализма к текущей жизни, отказ от революции и обращение социал-демократической партии в партию радикальной, но мирной реформы, есть уже совершившийся факт. И у меня навернулась историческая параллель.

Когда-то христианство упорно повторяло свою первоначальную фразеологию, признававшую равенство и братство всех людей, радикально отрицавшую старый языческий мир с его иерархией, рабством, богатством; а в то же время оно

661 «господин депутат рейхстага» (нем.).

662 «товарищ Цеткин» (нем.).

663 Съезд СДПГ, состоявшийся в Дрездене 13–20 сентября 1903 г.

664 господин доктор (нем.).

вполне примирилось со всеми этими явлениями и даже ввело их в свою церковную организацию. Началось это с признания апостолом Павлом универсализма и принципа «нести бо власть, аще не от бога»⁶⁶⁵, а окончилось с принятием христианства языческими императорами и с канонизацией христианами этих императоров, по всему складу жизни, привычкам, стремлениям оставшихся язычниками. Мир стал христианским, но только тогда, когда христианство стало языческим, как сказал еще Герцен⁶⁶⁶.

Точно так же мир становится социалистическим, но самый социализм делается буржуазным. Объяснение этому явлению я искал в общих свойствах человеческой природы, в неизбежной вульгаризации всякого идеального учения, когда оно переходит в массы, и в сложности международных отношений. Пока униженные классы боролись за улучшение своей участи у себя дома с классами правящими, пока они чувствовали себя поработченными и, по выражению Маркса, могли потерять в будущей революции *только* свои цепи⁶⁶⁷, до тех пор

665 В синодальном переводе «Послания к римлянам» полностью данный фрагмент главы 13 звучит так: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены» (Рим 13: 1).

666 См.: «Христиане приняли римское государство и римское право; побежденный и отходящий мир нашел средство проникнуть в стан победителей» (Герцен А. И. Письма об изучении природы // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954. Т. 3. С. 222), а также: «Древний мир, истощив свои жизненные силы, падал, христианство явилось на его одре врачом и утешителем, но, прилаживаясь к больному, оно само заразилось и сделалось римское, варварское, какое хотите, но только не евангельское» (Он же. С того берега // Там же. М., 1955. Т. 6. С. 98).

667 Имеется в виду «Манифест Коммунистической партии» (1848) К. Маркса и Ф. Энгельса, заканчивающийся словами: «Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять кроме своих це-

они склонны были принимать социалистическое учение в его первоначальной чистоте и революционности, как учение всеобщего равенства и братства. Но когда происходило столкновение между интересами своих рабочих и рабочих пришлых: во Франции – итальянцев, в Америке и Австралии – китайцев, то социализм должен был неизбежно уступать место национализму.

Когда Англия стала господствовать на мировом рынке, и весь английский народ в целом начал получать крупные доходы от эксплуатации Индии, Китая, всего мира, и английский рабочий начал получать долю этого дохода в виде повышенной заработной платы, то учение чартизма⁶⁶⁸ должно было уступить место более практическому, более приспособленному к условиям буржуазной жизни учению рабочей партии⁶⁶⁹. Когда Германия явилась серьезной конкуренткой Англии на мировом рынке и германский рабочий, эксплуатируемый своей буржуазией, начал чувствовать тесную связь своих интересов с интересами своей родины в целом и выгоду для себя ее господствующего положения в международных отношениях, то должно было начаться примирение с колониальной политикой, с милитаризмом, с агрессивной иностранной политикой и

пей. Приобретут же они весь мир. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

668 Чартизм – социально-политическое движение 1830–1840-х гг. за введение в Англии всеобщего, прямого, тайного и равного избирательного права; название происходит от «Народной хартии» («People's Charter») – законопроекта об избирательной реформе в интересах рабочего класса, поданного в парламент в 1839 г.

669 Имеется в виду основанная в 1893 г. Независимая рабочая партия (Independent Labour Party), вошедшая в 1900 г. на правах автономной организации в Комитет рабочего представительства (Labour Representation Committee), получивший в 1906 г. название Лейбористской партии (Labour Party).

т. д., другими словами – должно было явиться бернштейнианство. Оно и явилось в практической политике партии задолго до появления книги Бернштейна, а Бернштейн только ясно и обнаженно, может быть – чересчур обнаженно, оформил это в определенном учении. Партия не могла не осудить этого учения, но не могла его не принять. И Ауэр особенно ясно выразил это в своей знаменитой фразе, будто бы написанной им в письме к Бернштейну по прочтении его книги, но повторенной им самим как раз на штутгартском партийтаге:

– Милый Эдуард, ты осел: подобные вещи делают, но о них не говорят⁶⁷⁰.

К этим взглядам я пришел как раз во время штутгартского партийтага, и они с тех пор лежали в основе моего понимания хода развития социалистического движения на Западе. Все события последующего времени, как мне кажется до сих пор, подтверждали это понимание, и в особенности начало мировой войны, когда социализм повсеместно (кроме стран отсталых, вроде Сербии, в меньшей степени – России⁶⁷¹) и в особенности в Германии, вопреки всем своим угрозам и обещаниям (в том числе особенно грозно повторенным на международном социалистическом конгрессе за год до войны⁶⁷²), оказался националистическим и принял деятельное участие в войне на стороне своих правительств.

С этим новым тогда пониманием хода событий я вернулся

670 Не разделяя «практических предложений» Бернштейна, предлагавшего сосредоточиться на работе в профсоюзах, но защищая его, Ауэр сказал на съезде: «Когда я прочел книгу Бернштейна, я ему написал: “Милый Эдя (Эдуард), ты осел: таких вещей не говорят, так только поступают”» (цит. по: Иоллос Г. Б. Указ. соч. С. 435–436).

671 Я говорю о начале войны. Я не говорю здесь о всем известных событиях в России, начиная с 1917 г.

672 IX чрезвычайный конгресс Второго Интернационала состоялся в Базеле 24–25 ноября 1912 г.

в Россию. Но раньше чем говорить о моем возвращении, я скажу еще несколько слов о моих личных знакомствах в Германии. Как уже говорил, еще в 1893 г. я познакомился с Бебелем и бывал у него. Здесь, в Штутгарте, я возобновил свое знакомство с ним и очень часто видался; нередко мы обедали или ужинали сообща в одном ресторане. Лично этот человек оставлял обаятельное впечатление. Сильный оратор на трибуне, безжалостно наносящий противникам очень тяжелые удары, он в личном обращении был на редкость мягок и привлекателен и особенно трогал своей редкой скромностью: казалось, он даже не догадывался о своей мировой славе, о том громадном значении, какое имел.

Я познакомился здесь с г-жой Цеткин и, оставшись на некоторое время после партийного в Штутгарте, бывал у нее (она жила в этом городе). Дома она производила другое впечатление, чем на трибуне. Она жила с двумя сыновьями, гимназистами лет 15–16, и оставляла впечатление хорошей семейной, – пожалуй, впечатление того, что немцы называют *Hausfrau*^{673 674}. Она была по-русски гостеприимна, угостительна, интересовалась своим собеседником и обнаруживала гораздо большую терпимость и уважение к его взглядам, чем это можно было ожидать, слушая ее общественные выступления. Самый голос ее, визгливый на трибуне, в обстановке небольшой комнаты неприятного впечатления не производил. Таковы были впечатления от личного знакомства. Но уже тогда я слышал, что в деловых отношениях она отличается злобностью, мстительностью и склонностью к интригам. С этой именно стороны она изображена в известных «Мемуарах социалистки» Лили Браун⁶⁷⁵ (которую я тоже знал лично), и думаю, что очень

673 Хозяйка.

674 Более точный перевод: домохозяйка (нем.).

675 См.: Braun L. Memoiren einer Sozialistin: Lehrjahre. Kampfjahre: Roman. 2 Bd. München, 1909–1911. Рус. перевод: *Браун Л. Роман моей жизни (Мемуары социалистки)* / Пер. с нем. З. Н. Журав-

отрицательная характеристика госпожи Цеткин у Браун вполне соответствует действительности.

Иной была Роза Люксембург, с которой я однажды встретился у Цеткин. Она вся была в своей общественной жизни; жизни личной у нее не было вовсе. Говорить она могла только по общественным вопросам – и говорила всегда с большим авторитетом, не допуская сомнения в истине всего ею сказанного и заранее видя признак глупости во всяком ей возразении.

В эту германскую поездку и, в частности, во время штутгартского партийтага я дружески познакомился с французским социалистом Hubert Lagardelle. Это был молодой человек лет 25, приехавший в Германию одновременно со мной с целью изучения немецкого языка (которого он до того не знал вовсе) и немецкого социалистического движения. Очень умный и образованный человек, без той узости и догматичности, которая отличает обыкновенно марксистов, хотя он и считал себя таковым. Мы с ним постоянно встречались в одних и тех же кружках, на одних и тех же собраниях и очень сошлись. Одновременно с нами в Германии жила одна киевская барышня, Зинаида Гогунцова, дочь киевского полковника и петербургская курсистка, которую я хорошо знал в Киеве. Очень хорошенькая, кокетливая, имевшая везде большой успех, не особенно умная, но благодаря своему успеху считавшая себя таковой, она весьма наивно высказывала решительные мнения по всем вопросам, в которых, конечно, повторяла мнения своих авторитетов данного момента, искажая их. В Петербурге она вращалась в литературных кружках, в частности у Н. К. Михайловского; в Германии легко вошла в социалистические кружки – Адольфа Брауна, К. Каутского и других – и очень нравилась. Скоро она познакомилась с Лягарделлем, и через несколько времени они стали неразлучны.

А в следующем году Лягарделль приехал в Киев, и там они повенчались. Браком этим была до крайности огорчена семья Гогунцовой, особенно ее отец, но ничего поделать не могла; однако своего огорчения не скрывала. Особенно шокировало Гогунцовых нарушение Лягарделлем многих русских обычаев, в их глазах обязательных для жениха, и в особенности то, что Лягарделль по приезде в Киев поселился и жил у них до свадьбы месяца два. Хотя они сами, конечно, пригласили его, но, по мнению полковника Гогунцова, приличие не позволяло принятие такого приглашения.

– Что вы горюете? – спрашивал я Гогунцова в самый день свадьбы. – Посмотрите: молод, умен, талантлив, к тому еще хорош собой, с хорошими средствами, с хорошей карьерой. Социалист? Но ведь теперь социалист во Франции может и министром сделаться.

(Это было скоро после образования кабинета Вальдека-Руссо, в который вступил социалист Мильеран⁶⁷⁶.)

– Ах, что мне до того! Пусть моя дочь хоть президентшей Французской республики сделается, – это меня несколько не утешит. Француженка и... социалистка!

Он был трогателен в этом своем огорчении.

На основании личного знакомства с Лягарделлем я ожидал, что в недалеком будущем этот человек займет в жизни место, по значению приближающееся к месту Жореса во Франции или Бебеля в Германии. Хотя некоторое время он играл заметную роль во французском социалистическом движении, но мои ожидания от него оказались, во всяком случае, обманутыми. Его место в социалистическом движении было местом вождя особого, не очень сильного течения во французском социализме, известного под именем синдикализм⁶⁷⁷. Он

676 А. Мильеран состоял министром торговли, промышленности, почт и телеграфов в 1899–1902 гг.

677 Революционный синдикализм, отрицающий парламентаризм, тре-

примирял Маркса с Прудоном. Этот уход от чистого марксизма я заметил у него в его приезд в Россию в 1899 г. Немецкие друзья были этим очень огорчены, хотя и сотрудничали в его журнале «Mouvement socialiste», который он издавал с 1899 или 1900 г.⁶⁷⁸

Madame Lagardelle после бракосочетания уехала в Париж⁶⁷⁹, и в первый раз после этого я увидел ее в 1909 или 1910 г., когда она приезжала в Россию, в частности в Петербург, и бывала у меня. Приезжала она не с мужем, а с французским адвокатом и депутатом Lafond⁶⁸⁰, однако представляла его только как своего знакомого. Вновь она была в России уже в год революции, в 1917, на этот раз тоже с Lafond, но уже как с мужем. С Лягарделлем она разошлась и говорила, что он, уна-

бовал не преобразования, а разрушения, уничтожения буржуазного государства, выступая за главенствующую роль профсоюзов (синдикатов) в классовой борьбе и построении общества, свободного от капитализма, на основе рабочего самоуправления.

678 Ю. Лагардель в письме от 21 ноября 1903 г. предлагал В. В. Водовозову свои услуги в качестве корреспондента из Франции, а его жена поясняла 8 декабря: «До сих пор мы могли жить на свои собственные средства, теперь же приходится довольно круто: “Le Mouvement socialiste” переживало “кризис социализма”, и нам пришлось ухлопать на него почти все свободные деньги. В настоящее время нам предстоит дилемма: либо проститься с “Le Mouvement socialiste”, либо создать себе независимое во Франции материальное положение. Думаю, что русские товарищи не откажут помочь в этом отношении. Hubert пишет хорошо и знает Францию, а стало быть, будет порядочным корреспондентом» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2314. Л. 1–2).

679 Из Парижа Зинаида Лягардель посылала свои корреспонденции в петербургские газеты «Наша жизнь» и «Товарищ», членом редакции которых состоял В. В. Водовозов (см. их переписку: Там же. Д. 250. Л. 1–2; Д. 2290. Л. 1).

680 Правильно: Lafont.

следовав от отца хорошее поместье на юге Франции, с виноградниками, в настоящее время является крупным виноделом, отказался от политической жизни, отряс социалистический прах со своих ног и является националистом и антисемитом. Сама m-me Lagardelle, повторяя взгляды своего второго мужа, явилась проповедницей войны до победного конца, считала необходимым возвращение Франции Эльзаса и Лотарингии, тогда как раньше, еще в 1909 г., она вслед за Лягарделлем говорила, что Эльзас – Лотарингия давно германизированы и требовать их возврата бессмысленно. Она говорила теперь о неразрывности уз, связующих Францию с Россией, и даже в прошлом оправдывала всю франко-русскую политику, которую прежде вместе с немецкими друзьями и своим первым мужем строго осуждала. Все это – и оправдание франко-русской войны, и войны до победного конца – было во имя социализма.

После этого я ее не видал, но в 1920 г. читал в советских газетах, что она вместе с Lafond поехала в Россию, но на границе была задержана и не впущена. При этом советская пресса усиленно рекомендовала французской социалистической партии очистить себя от такой дряни, как товарищ Лафон. В чем он погрешил против советской власти, выяснено не было⁶⁸¹, но

681 См.: «Гражданин Эрнест Лаффон вместе со своей женой Зинаидой Лаффон прибыл в Советскую Россию через Польшу, причем в Варшаве посещал французскую военную миссию, являющуюся центром всех враждебных действий империалистской контрреволюции против социалистической Республики. Прибыв в Россию, депутат Лаффон не дал, по собственной инициативе, никаких объяснений правительству Советской Республики и не предпринял немедленно и безотлагательно никаких шагов к тому, чтобы облегчить советскому правительству ведение войны против буржуазной контрреволюции. В частной беседе, которая велась в присутствии товарища Жака Садуля, депутат Лаффон сделал целый ряд в высокой степени интересных сообщений, связанных с посещением им Варшавы, причем эти

сообщения в понимании Жака Садуля, ни компетентность, ни добросовестность которого не могут быть заподозрены, приняли вполне определенный смысл, который он изложил в своем письме. Смысл речи депутата Лаффона в изложении товарища Садуля свидетельствует, что социал-шовинист Дашинский, один из злейших виновников польского наступления, ныне член польского правительства, оценивает перемирие с Россией как передышку, долженствующую обеспечить сосредоточение военных сил для нового удара против Советской России. Запрошенный мной депутат Лаффон, не отрицая подобной оценки “мирных” шагов польского правительства, настойчиво опровергал указанный выше смысл речи Дашинского, которого партия Лаффона, как известно, считает социалистом. Независимо от того, чем определяется заявление депутата Лаффона, остается во всей своей силе тот факт, что депутат, считающий себя французским социалистом, во время войны социалистической республики против республики буржуазной, играющей к тому же роль простого орудия в руках империалистов той страны, в парламенте которой заседает депутат Лаффон, <...> в качестве нейтрального наблюдателя совершает переезд из Парижа в Варшаву, из Варшавы в Москву, обменивается “товарищескими” суждениями с Дашинским, с членами французской военной миссии и другими организаторами гнусного и бесчестного наступления против Советской России и сознательно уклоняется от того, чтобы заклеить перед польским, французским и русским пролетариатом его наиболее отъявленных врагов. Ввиду всего вышеизложенного и в ограждение интересов Российской Социалистической Республики со стороны “социалистов”, депутата Эрнеста Лаффона и жену его гражданку Зинаиду Лаффон, связанную с ним политической солидарностью, выслать из пределов Советской Республики, широко опубликовав как в России, так и во всем мире к сведению рабочих масс о причинах этой чрезвычайной меры. Выполнение высылки возлагается на Особый Отдел Всероссийской Чрезвычайной Комиссии» (Двурушников – вон из страны! Приказ Председателя Революционного Совета Республики 31 июля 1920 г., № 232, гор. Москва // Известия. 1920. № 168. 1 авг.).

отзывы о нем были самые отрицательные. Я подумал, что он сделал выводы из своего воинственного настроения 1917 г. и является врагом большевизма, в свое время толкнувшего Россию на измену. И был очень удивлен, когда узнал, что ошибся. В следующие годы доходили сведения, что он вместе с Кашеном (тоже сторонником войны в 1917 г.) является одним из крайних во Франции защитников и поклонников советской власти. Поведение его по отношению к ней было настолько сервильным, что, будучи в Париже в 1926 г., я не считал даже возможным сходить к ним, несмотря на старое близкое знакомство с г-жой Лафон. Может быть, с моей стороны это была ошибка. Во всяком случае, для меня осталось невыясненным, чем объяснялся его переход в другой лагерь и даже был ли этот переход, или недопущение его в Россию в 1920 г. было основано на недоразумении.

В декабре 1898 г. мне нужно было возвращаться в Киев. Но я хотел заехать в Петербург и выбрал путь через Стокгольм: лишних расходов этот путь требовал немного, времени – всего одни сутки, зато я рассчитывал без лишних неприятностей провезти через финляндскую границу небольшой пакет недозволенных русских и немецких книг, а сверх того, хотя и мельком, взглянуть на незнакомый мне город и проехаться морем. Я рассчитывал приехать утром, часов в 8, в Стокгольм, а вечером, в 6 часов, уже уехать из него. С вокзала железной дороги в Стокгольме я отправился в пароходную контору и с ужасом узнал, что введен в заблуждение немецким Kursbuch'ом⁶⁸²: пароход в этот день не уходил, и я должен был остаться в Стокгольме на две ночи и три дня. Это поставило меня в крайне скверное положение: в кармане у меня было отложено на Стокгольм всего 5 шведских крон. Что было делать?

Я пошел бродить по городу в поисках дешевой комнаты и

682 расписанием движения (нем.).

долго не мог найти ничего подходящего. Билетиков⁶⁸³ было много, но одни хозяйки решительно не хотели разговаривать со мной ни по-немецки, ни по-французски, ни по-английски, – а шведского языка я не знал, и они грубо захлопывали у меня под носом дверь; другие, с которыми я мог договориться, запрашивали слишком дорого или требовали, чтобы я остался по крайней мере на неделю. Наконец, где-то на окраине города я нашел довольно скверную конуру за одну крону в день и снял ее. К счастью, со мной была спиртовая лампочка и остатки чая и сахара. Я купил большой хлеб и три дня жил одним чаем с хлебом. Не лучше было и то, что я не запасся ни одним рекомендательным письмом, не имел (и не мог купить) ни плана города, ни путеводителя и решительно ничего делать не мог. Не мог даже сходить в музеи, потому что вход в них оказался платный. А может быть, и были бесплатные, но вход в них для меня был закрыт моею неосведомленностью и незнанием шведского языка. Днем я еще мог читать, сидя у себя в комнате, но в долгие зимние вечера должен был под мелким морозящим дождиком (был декабрь) бессмысленно бродить по улицам и наблюдать витрины магазинов и снующую толпу, так как лампа в моей комнате была тусклая, воняла и коптила. Это были три очень неприятных дня, и я был рад, когда мог усесться на пароход, отходивший в Або. Оттуда по железной дороге я добрался в Петербург⁶⁸⁴, благополучно провезя свой небольшой груз.

Характер моей жизни по возвращении в Киев значительно изменился сравнительно с первыми двумя годами. Благодаря кратковременному аресту в 1898 г. у меня образовались дружеские связи в революционных кружках и среди рабочих⁶⁸⁵. А это

683 То есть объявлений о сдаче комнаты (устар.).

684 В. В. Водозовов приехал в Петербург 28 ноября 1898 г. (см.: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3 д-во. 1893. Д. 140. Л. 236).

685 Вспоминая о киевских рефератах, на которых «обычными докладчиками и постоянными оппонентами» выступали Н. Н.

было время, когда начинался подъем общественного движения, приведший к революции 1905 г. Университеты бурлили, образовывались партии – социал-демократическая и социал-революционная, возникали рабочие кружки.

Я уже упоминал о существовавшем в Киеве Литературно-артистическом обществе. В него я вступил членом в самом начале своей киевской жизни, но сперва общество интересовало меня мало. Там больше играли в карты и не более раза в неделю устраивали литературные и музыкальные вечера, в общем довольно бледные. По уставу общество имело право устраивать публичные лекции или вечера, но они требовали каждый раз особого разрешения, добиться которого было очень трудно. Но оно также имело право без специального разрешения устраивать небольшие вечера, на которые имели доступ члены общества и гости по рекомендациям членов. Конечно, темы читаемых на них докладов должны были быть литературными.

И вот я прочитал доклад на тему «Шпильгаген. Общественная жизнь в Германии в действительности и по ее изображению в романе “Один в поле не воин”⁶⁸⁶». Изложив вкратце

Новиков, А. В. Луначарский, Н. А. Бердяев, Е. В. Тарле, а со стороны народников – И. А. Дьяков, М. Б. Ратнер и другие, И. Н. Мошинский писал: «Василий Васильевич стоял очень близко к нашему социал-демократическому подполью и оказывал ему весьма ценные услуги всеми доступными ему средствами, в том числе и пером. Жена его Вера Петровна, стоявшая во главе политического Красного Креста, также была очень ценным и заслуженным членом подпольной семьи. Жили Водовозовы в тенистом саду на Десятинном пер. (Андреевский спуск над Подолом) во флигеле, особенно удобном для конспиративных собраний киевских подпольщиков, которые не раз собирались здесь на комитетские собрания и рефераты, и им этот гостеприимный дом должен быть особенно памятен» (*Мошинский И. Н. Указ. соч. С. 138*).

686 Роман немецкого писателя «In Reih' und Glied» (1866) вышел в

роман и проведя параллель между его героем Лео и Лассалем⁶⁸⁷, я затем подробно изложил историю социалистического движения в Германии и закончил моим объяснением бернштейнианства. Конечно, заглавие темы кое к чему обязывало, но я не особенно стеснялся им. Я избегал слов «социализм», «социал-демократия» и взамен говорил об «общественном движении, изображенном в романе Шпильгагена», но имен Бернштейн, Каутский и других спрятать в карман не мог. Я сам нафабриковал рекомендательных контрамарок, то же сделали некоторые другие члены общества; эти контрамарки были переданы студентам, которые даже не раздавали, а продавали их в пользу Красного Креста по 30 копеек, и зала, очень вместительная, вмещавшая до 500 человек, была набита битком. Кое-кто из социал-демократов выступал с возражениями. Лекция имела большой успех, и вечер прошел безнаказанно⁶⁸⁸.

русском переводе под названием «Один в поле не воин» (СПб., 1867–1868; др. название – «Сомкнутыми рядами») и многократно переиздавался; см.: Водовозов В. Шпильгаген // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1903. Т. 39а. С. 832–834.

687 Фердинанд Лассаль был прообразом Лео Гутмана («guter Mann» в переводе с немецкого «хороший человек»).

688 Ср.: «Очередной литературно-музыкальный вечер 17 марта вызвал небывалое стечение публики. Первым выступил С. А. Бердяев с двумя стихотворными пьесами <...>. Затем В. В. Водовозов прочитал реферат “Об общественных идеях в новейшей немецкой литературе”. Референт начал с характеристики общего разочарования, водворившегося в германском обществе и литературе на рубеже XVIII и XIX столетий вследствие крушения пылких надежд, которые были порождены великой французской революцией. <...> В особенно популярном среди русских читателей романе Шпильгагена “Один в поле не воин” изображено, как возникло новое движение в германском народе, которое на развалинах иллюзий 1848 года пыталось выстроить новое здание человеческого счастья – дом, где найдут

Затем я читал ряд других подобных же лекций на разные общественные темы, всегда придавая им литературное заглавие и форму, а первую свою лекцию повторил в таком же литературном обществе в Одессе. После меня в том же Литературном обществе выступали и другие лекторы, а именно: Н. А. Бердяев⁶⁸⁹, М. Б. Ратнер, С. Н. Булгаков (поселившийся в Киеве

надежный приют все страждущие в этом мире. По мнению Шпильгагена, и это течение с самого начала было обречено на неудачу, потому что его представители в своем стремлении применить к новым обстоятельствам поставили силу выше права и искали временного союза с теми, кто по существу был им безусловно враждебен... На самом же деле эта новая струя развивалась вширь и вглубь, мощно захватывая в Германии разные слои народа и даже мечтая о возможности повторения 1848 года с полным торжеством в итоге на этот раз. Но он, увы, не повторился, а вместо того в новом течении возник разлад, как на яркий симптом которого г. Водовозов указал на известную книгу Бернштейна, повсеместно наделавшую столько шума в последнее время. <...> Блестящий, отличавшийся редкой общедоступностью и живостью изложения реферат В. В. Водовозова вызвал очень продолжительные и бурные прения ввиду обнаружившегося принципиального разногласия большинства присутствовавших с лектором. Дебаты затянулись до 1 ч. ночи. Против референта энергично выступило около 10 различных оппонентов» (К. М. В литературно-артистическом обществе // Жизнь и искусство. 1900. № 72. 12 марта).

- 689 Например, 9 марта 1900 г. Н. А. Бердяев прочитал одну из глав подготовленной им к печати книги «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском» (изданной в 1901 г. в Петербурге); оппонентами выступили Е. В. Тарле, М. Б. Ратнер и В. В. Водовозов, указывавший «на противоречие, в которое, по его мнению, впал референт, признав Михайловского одновременно прогрессистом и выразителем идеалов мелкой буржуазии, бывшей четверть века назад уже вполне реакционной», а не той общественной группы, к которой принадлежит и сам Бердяев, и вся

в качестве профессора Политехнического института в 1899 г.), и мы все, а кроме названных лиц еще Тарле и Луначарский, выступали оппонентами друг другу. Эти лекции читались не часто, в полтора года, 1899 г. и начало 1900 г., их было прочитано, вероятно, штук 6 или 7, и это сходило с рук.

За эти полтора года устраивалось довольно большое число чтений, для которых рамки Литературного общества оказывались все же слишком тесными; они устраивались в частных квартирах. На них собиралось человек 30–40. Кроме того, я вел занятия в одном рабочем кружке. Несмотря на наличность в Киеве Новицкого, этот город был в те два года едва ли не наиболее свободным в России; вряд ли где бы то ни было были возможны подобные собрания в таком числе.

С Луначарским я познакомился летом 1897 г.; его отец занимал в Киеве какой-то видный пост по судебному ведомству⁶⁹⁰. Он учился за границей⁶⁹¹ и только летом наезжал в Ки-

публика, собравшаяся его слушать, то есть к интеллигенции (Вечер 9 марта в литературно-артистическом обществе // Жизнь и искусство. 1900. № 80. 20 марта; см. также: Киевская газета. 1900. № 89. 11 марта).

690 А. В. Луначарский был внебрачным сыном Александра Ивановича Антонова, служившего управляющим контрольными палатами в Чернигове, Пскове, Нижнем Новгороде, и Александры Яковлевны Луначарской (урожденной Ростовцевой), ушедшей от мужа, члена Полтавского окружного суда Василия Федоровича Луначарского. Брак официально не был расторгнут, и там же, в Полтаве Александра Яковлевна родила двух сыновей А. И. Антонова, в том числе Анатолия в 1875 г. (подробнее см.: *Луначарская И. А. К научной биографии А. В. Луначарского* // Русская литература. 1979. № 4. С. 110–127).

691 В 1895–1897 гг. А. В. Луначарский учился в Цюрихе; приехав в Россию, он, по его словам, прочитал два реферата в Киеве, «побывал мельком в Москве и Петербурге и вернулся за границу, в Париж, этот раз уже ненадолго» (*Луначарский А. В. Воспоминания о революционном прошлом* // Луначарский А. В. Воспоми-

ев.

Познакомился я с ним на лодке. Я был большой любитель лодочных катаний: для меня это был единственный спорт, единственная гимнастика и единственный гигиенический отдых, дававший мне хороший сон. Ездил я обыкновенно в компании. Таким же любителем и постоянным моим товарищем был профессор философии Челпанов; охотно ездил также Бердяев; иногда собиралась компания молодежи, и вот в 1897 г. к нам присоединился А. В. Луначарский.

Первое мое впечатление от него было неблагоприятное. Он очень любил говорить, особенно при барышнях; настоящим оратором я бы его не назвал, но у него был хорошо приращенный язык, и говорил он недурно о том, что знал, и, пожалуй, еще лучше и, во всяком случае, смелее о том, чего не знал. Иногда попадался и был уличаем, но всегда очень искусно вывертывался. Он страстно жаждал успеха у женщин – и не имел его. Речь его всегда отзывалась некоторой хлестаковщиной, причем предметом хвастливости тогда была его роль в социал-демократическом движении. Он рассказывал, как то-то сказал Плеханову, то-то – Аксельроду, то-то – Бебелю, как его слова были приняты во внимание и отразились в литературной деятельности первых и парламентской последнего. Он был марксист и притом, как с гордостью говорил, ортодокс. Вместе с тем он был горячий поклонник и знаток французской и русской декадентской поэзии и живописи и умел это свое поклонение связывать со своим марксизмом, подыскивая ему экономически материалистическое объяснение. Объяснение явно хромало в одном отношении. Декадентство для него было течением буржуазно-пессимистическим, то есть выражало настроение буржуазии, приближающейся к своему близкому концу и ищущей утешения в вычурных литературных формах. Из этого для социал-демократа вытекало бы, как казалось мне,

презрение к этому явлению и в лучшем случае интерес, как к известному симптому болезни – у врача, но ни в каком случае не сочувствие. А Луначарский питал к нему интерес, несомненно, весьма сочувственный.

В то же время недавние социал-демократы Бердяев и только что появившийся на киевском горизонте Булгаков начали колебаться и линять. У них обоих процесс отказа от марксизма шел через философию. Сделавшись неокантианцами, они не могли мириться ни с марксовским гегельянством в области экономики, ни тем более с грубым марксовским материализмом в области философской. Они, и особенно Бердяев, в 1899 и 1900 гг. все еще называли себя социал-демократами, но считали нужным вносить в марксизм кантианские поправки. Они встретили появившееся в Европе бернштейнианство с глубокой симпатией. Позднее, около 1901–1902 гг., они окончательно отказались от марксизма. Прежде всего это сделал Булгаков, который уже в 1902 г. назвал себя последователем Вл. Соловьева и верующим христианином. Бердяев менялся медленнее и к христианству пришел гораздо позже: точно не знаю когда⁶⁹²; во всяком случае, после моего отъезда из Киева в 1904 г., когда я с ним перестал встречаться. Ту же эволюцию проделывал в это же время Струве, но Струве жил в Петербурге, и прямого личного влияния они друг на друга не оказывали.

В Киеве Бердяев и Булгаков, особенно первый, на разных собраниях постоянно сталкивались с Луначарским и в процессе спора помогали друг другу закрепляться на их противоположных позициях. При этом Бердяев и Луначарский чувствовали друг к другу симпатию, и Бердяев доказывал мне, что я не прав в своем отрицательном отношении к нему; напротив, Булгаков и Луначарский с первой же встречи почувствовали друг к другу острую антипатию, которую Луначарский выражал

692 Н. А. Бердяев пришел к вере в 1906 г., см.: Ермичев А. А. Имена и сюжеты русской философии. Л., 2014. С. 229.

в первых своих литературных выступлениях (несколько позднее, должно быть, в 1901 или 1902 г.) в крайне непримиримых формах, допуская сравнения Булгакова с каракатицей, испускающей для самозащиты вонючую жидкость⁶⁹³.

В марте 1899 г. Новицкий повторил свой прошлогодний обыск, арестовав в одну ночь опять-таки свыше 100 человек и сверх того подвергнув обыску несколько десятков других. В эту ночь я довольно поздно возвращался домой⁶⁹⁴. В саду я заметил какую-то подозрительную фигуру. Бросился за ней вдогонку, но она скрылась. Жена была уже в постели, но я ей сказал об этом приключении. Мы пораскинули мозгами, я привел свои книги и бумаги в возможно более удобный для обыска порядок⁶⁹⁵ и лег спать. Я еще не успел заснуть, как раздался резкий звонок.

– Кто там?

– Телеграмма.

Я, конечно, не сомневался в характере телеграммы, но делать было нечего. Вошли околоточный и несколько городских; ни жандарма, ни даже пристава не было. «Эге, как презрительно на этот раз относится ко мне генерал Новицкий», – подумал я и сразу успокоился, что ничего серьезного на этот раз не

693 См.: Луначарский А. В. Интерес к философии. *Les fagots et les fagots*. Сердобольная критика и наше «бессердечие». О богах и титанах. Чернильная каракатица // Правда. 1904. № 11. С. 260–270; см.: Он же. Метаморфоза одного мыслителя // Там же. № 3. С. 172–195; № 5. С. 221–231; № 6. С. 127–146; Он же. Русский Фауст // Вопросы философии и психологии. 1902. № 63. С. 783–795.

694 В рукописи далее зачеркнуто: «с почты: у нас в Киеве при телеграфе был прием заказной почтовой корреспонденции, продолжавшийся всю ночь; с ареста 1898 г. я поставил за правило ни одной законченной работы у себя не хранить и аккуратно сдавал их на почту, хотя бы в глухую ночь».

695 Зачеркнуто: «то есть, конечно, удобный с моей точки зрения».

предстоит. Обыскивал околоточный; городовые стояли как истуканы, очевидно, на случай вооруженного сопротивления. Обыск был тщательный, но нелепый, – я скажу, пожалуй: безграмотный. На книги околоточный смотрел явно невидящими глазами, но вынимал их с полок, клал на пол и смотрел за ними. Произведя такую операцию с 5 или 6 полками приблизительно на высоте своего роста, он устал и затем уже только запускать руку за книги, а потом и это перестал делать. Осмотрел стол. При виде какой-то иностранной книги он с грустью сказал:

– Я ведь не умею отличить французского от немецкого. Может, это запрещенная книга, а я почему знаю?

– А русскую запрещенную книгу вы всегда сумеете отличить?

– Ну еще бы!

– Ну вот, смотрите: вы эту книгу пропустили без внимания, а она запрещенная.

Я ему показал том Пушкина, потом «Войну и мир», прибавив:

– Видите, это Толстой. Знаете же, что он все запрещенные книги пишет.

Околоток, конечно, понял, что над ним смеются. У меня мелькала мысль вслед за тем показать Герцена, но храбрости не хватило; все-таки Женева, да и имя, может быть, ему знакомо.

Забрал он несколько невинных бумажонков для приличия, составил протокол и ушел. Было часов 6 утра, рассвело. Мы с женой пошли к Старокиевскому участку и увидели, как туда подвозили одного за другим арестованных. Стало ясно, что произошло повторение прошлогоднего опыта, но на этот раз чаша сия, слава богу, миновала нас. И даже каких-нибудь неприятных последствий, вроде потери нужных книг или рукописей, не было. Через день после этих арестов имел место неожиданный эпилог.

Я еще не успел привести в порядок свои книги после произведенного разгрома и занимался этим делом, как вдруг ко мне заявляется незнакомый мне человек – довольно неопределенной, серенькой наружности, еврей, сильно заикающийся.

– Господин Водовозов?

– Да.

– А мой псевдоним, под которым теперь живу, такой-то (я его забыл. – В. В.). Пришел к вам по очень щекотливому делу, требующему доверия, и потому должен постараться получить его. В прошлом году вы были за границей и там, между прочим, виделись с такими-то лицами. Эти лица рассказывали мне о разговорах и спорах с вами.

И начинает вспоминать разные мелочи, которые могли бы быть ему известны только от этих лиц.

– Вы видите, что с этими лицами я не просто знаком, а знаком дружески. Я сегодня утром привез в Киев груз социал-демократической литературы. У меня были три явки. Я пошел по ним и узнал, что все три лица арестованы. Благодаря этому я попал в ужасное положение. Мой груз хоть бросай, а сам убирайся подобру-поздорову, пока цел. Кроме названных лиц я знаю в Киеве по имени только вас и Бердяева и больше никого. Если вы мне не доверяете, я пойду к Бердяеву.

– Бердяева сейчас нет в Киеве.

– Ну вот, тем для меня хуже; значит, кроме вас, мне не на кого рассчитывать.

– Послушайте, если вы знаете обо мне от таких-то, то вы должны знать, что к социал-демократической партии я не принадлежу.

– Знаю и знаю даже, что вы с ней во многом расходитесь. Но, как всякий прогрессивный писатель, вы, конечно, имеете знакомства и в социал-демократических рядах и, может быть, не откажетесь свести меня с кем-нибудь из уцелевших от разгрома.

Что мне было делать? Человек, как я сказал, производил

впечатление серое и, конечно, мог быть шпионом. Но мог и не быть им. Оказывая ему содействие, я подвергал себя и другое лицо большому риску, а отказывая ему в доверии, брал на себя тяжелую ответственность. Я сказал ему, что не даю сейчас ответа, но назначаю ему свидание в общественном саду в таком-то часу. Если я сочту возможным, то принесу ему туда ответ, а если не явлюсь, то, значит, или я отказываюсь, или по каким-нибудь причинам не мог исполнить его желания.

Чтобы смягчить мой полуотказ, я предложил ему чаю, но он отказался и ушел.

«Что испытывает сейчас этот человек? – думал я. – Ведь если он не шпион, то трудно себе даже представить, какое мучительное чувство переживает, видя, что единственный в целом городе известный ему человек подозревает его в шпионстве, и как много душевного героизма нужно иметь, чтобы пережить такое состояние».

Я переговорил с женой, и после долгих сомнений мы решили довериться. На беду, мы знали только одного человека, уцелевшего от разгрома прошлой ночи, заведомо для нас бывшего активным членом социал-демократической партии, – Константина Василенко. После продолжительного заключения в прошлом году он на этот раз не подвергся даже обыску. Решили, что мы с женой выйдем из дому вместе, но пойдем отдельно, будем бродить по городу, ездить на трамвае, зайдем к нескольким знакомым, а потом она пойдет к Василенко и все ему расскажет. Так и было сделано. Василенко отнесся к этому человеку сразу с полным доверием и пошел в указанное ему место разыскивать меня. Мы вместе пошли на свидание с моим посетителем, там я познакомил их между собой, и дело было закончено вполне благополучно. Мой посетитель оказался

тем, за что он выдавал себя⁶⁹⁶.

В том же или следующем году у меня был случай, внешним образом довольно сходный с описанным сейчас, но с иным содержанием. Ко мне заявился человек.

– Я к вам от Сидора Порфирьевича. Моя фамилия Татаров.

– Я никакого Сидора Порфирьевича не знаю.

Татаров совершенно опешил.

– Как не знаете? Почему вы не хотите отнестись ко мне с доверием?

– Да кто вы такой? И кто такой Сидор Порфирьевич?

Разговор продолжался довольно долго, Татаров утверждал, что я должен знать Сидора Порфирьевича и потому должен его принять и т. д. Субъект мне сразу крайне не понравился, и я отказался что-нибудь сделать для него. Он ушел.

В объяснение этого я должен сказать следующее. За несколько лет перед тем моя петербургская знакомая Мария Вильямовна Беренштам сказала мне, что если кто-нибудь придет ко мне от Сидора Порфирьевича, то это будет от нее и я должен буду свести его с теми лицами, каких он назовет. Я всегда был чужд какой бы то ни было конспиративной работы; даже тогда, когда в молодости издавал запрещенные книги, никогда не давал своего адреса для явки, и просьба Беренштам была мне неприятна. Но я от нее не отказался. Прошло несколько лет; никто ко мне от Беренштам не являлся, и я совершенно забыл о нашем разговоре. Но вот является человек. Я сразу вспомнил наше соглашение, но вместе с тем увидел, что пароль перевран и, следовательно⁶⁹⁷, дело неладно.

На следующий день ко мне зашел Тарле и рассказал:

696 Другое описание упомянутого эпизода приведено мемуаристом в следующей части его воспоминаний («Новый век»), см. с. 269–272.

697 В рукописи далее зачеркнуто: «человек знает его не от Беренштам, а из третьих рук».

– Вчера рано утром с поезда приехал ко мне некто Татаров. Когда-то я с ним был дружен, но в настоящее время я ему не доверяю. Особенных оснований для недоверия у меня нет, но не доверяю. И могу сказать еще, что этому Татарову многие доверяют и очень симпатизируют, между прочим и В. Г. Крыжановская (очень уважаемая в Киеве социал-демократка⁶⁹⁸. – В. В.). Но я не доверяю. Татаров у меня очень добивался вашего адреса, но я отговорился незнанием. Советую вам не принимать его.

– Да он уже был у меня.

– Был? Когда?

Мы выяснили время, и оказалось, что он был у меня часа через 2–3 после того, как ушел от Тарле. Мне показалось несколько странным, что Тарле не счел нужным зайти ко мне еще вчера, но я ничего не сказал ему.

На этот раз я спасся от большой опасности. Татаров, когда-то видный революционер, побывавший чуть ли не на каторге, в это время был деятельным шпионом⁶⁹⁹. Через не-

698 Ср.: «Особого внимания заслуживает старейший участник всех формаций киевского революционного подполья, учредитель и активнейший работник социал-демократической организации, близко знавший самого Б. А. Кистяковского, Вера Григорьевна Крыжановская-Тучапская. <...> Благодаря своему особому положению (родственные связи в светской среде и обширные знакомства), благодаря своей преподавательской деятельности и связям в обществе Вера Григорьевна была неоценимым приобретением для всех тех нелегальных организаций, которые имели с ней дело на протяжении ряда десятилетий (начиная с конца 80-х годов). В то же время, будучи близка с лучшими на Украине теоретиками социализма и наиболее крупными политическими деятелями подполья, Вера Григорьевна была связующим звеном между законспирированными друг от друга тайными кружками, избегавшими непосредственных сношений между собой» (Мошинский И. Н. Указ. соч. С. 125–126).

699 Ошибка: Н. Ю. Татаров лишь в декабре 1904 г. в обмен на осво-

сколько лет он был убит революционерами⁷⁰⁰.

Как я уже сказал, 1899 г. да и первые месяцы 1900 г. я усиленно занимался чтением лекций и докладов как в Литературно-артистическом обществе, так и в разных кружках. И не я один; такие чтения были сильно распространены в Киеве.

В конце апреля, 27 или 28 числа, в 1900 г. было назначено чтение Луначарского об Ибсене⁷⁰¹. Оно происходило в большой квартире студенческого общежития. Присутствовало около 60 человек, студентов, барышень, вообще всякого, но преимущественно молодого народа. Присутствовали Е. В. Тарле и я в качестве предполагаемых оппонентов. Были приглашены Бердяев, Булгаков и Ратнер, но они по случайным причинам не явились. Присутствовала и моя жена.

Лекция, уснащенная радикальными словечками, была из тех, которые нравятся очень зеленой молодежи, но своею фразистостью, произвольностью и бессодержательностью производят неблагоприятное впечатление на людей взрослых. И у Тарле, и у меня складывались очень сердитые возражения. Но произнести нам их не удалось.

Часов в 11, когда поздно начатый и длинный реферат только еще приближался к концу, раздался звонок. Вошел сам собственной особой генерал В. Д. Новицкий в сопровождении большого числа жандармов и полицейских.

бождение из ссылки согласился на сотрудничество с Департаментом полиции.

700 Ср. с другим вариантом описанного эпизода, приведенным мемуаристом в следующей части его воспоминаний на с. 267–269.

701 Неточность: лекция А. А. Луначарского состоялась вечером 29 апреля 1900 г. в квартире при университетской столовой во дворе дома № 36 по Фундуклеевской улице: такую импровизированную аудиторию предоставил один из проживавших в квартире студентов – князь К. Э. Андроников (Кахели), который сам на чтении реферата не присутствовал.

- Что здесь происходит?
- Чтение реферата об Ибсене.
- Кто референт?

Выступил Луначарский. Затем Новицкий сам заметил меня и некоторые другие знакомые лица. Молодежь начала выбрасывать из карманов разные бумажонки и рвать их, но так неосторожно, что Новицкий тотчас это заметил.

Был произведен обыск, прежде всего по карманам у присутствующих. По крайней мере у половины в карманах были обнаружены прокламации или какие-нибудь другие неудобные бумажки⁷⁰².

На беду, как раз в это время в Киеве тянулась тяжелая стачка булочников, очень взволновавшая общество и особенно социал-демократов, которые поддерживали эту стачку и по поводу нее выпустили прокламацию. А через 3 или 4 дня предстояло 1 мая, к празднованию которого усиленно готовилась социал-демократическая партия Киева.

702 Ср.: «Я был на середине моего доклада, когда полиция с большим шумом вторглась в комнату. “Что здесь такое?” – громогласно спросил частный пристав. Я немедленно разъяснил ему, что дело идет о совершенно легальном докладе, и показал даже мой конспект. Но частный пристав, заметив несколько более или менее знакомых ему лиц разных киевских радикалов, ответил: “Знаем мы, как вы умеете прикрываться литературой, а под литературой-то политика-с”. И, немедленно подойдя к телефону, сообщил жандармскому генералу Новицкому, что им накрыто большое и крайне подозрительное собрание. В то же время он вызвал наряд казаков, которые оцепили дом. Через полчаса генерал Новицкий, с седой головой и нафабренными усами, крикливый и петушившийся, появился среди нас. Став посреди зала, он грозно крикнул: “Женщины направо, мужчины налево, евреи отдельно!”» (Луначарский А. В. В киевской Лукьяновской тюрьме // Луначарский А. В. Воспоминания и впечатления. С. 73–74).

Слушатели Луначарского, отправляясь на подобную лекцию, не позаботились почиститься и предстали пред очи Новицкого с *corpus delicti*⁷⁰³ в кармане⁷⁰⁴. Затем начался допрос. Когда допросили мужчин, – это было часам к 4 утра, то вызвали взвод казаков и отправили нас под их конвоем в Лукьяновскую тюрьму. Часа через три окончили допрос женщин и сделали с ними то же самое. Они шли уже утром, и их необычное шествие вызвало большое удивление встречных прохожих.

Затем был сделан обыск в квартирах всех арестованных⁷⁰⁵

703 составом преступления (лат.).

704 Ср. с заключением прокурора Киевской судебной палаты П. А. Арсеньева: «29 апреля 1900 г. вечером бывшие в наблюдении около Печерской лавры филеры случайно заметили, что многие из числа известных им по своей неблагонадежности интеллигентов, возвращаясь в город со стороны Выдубецкого монастыря, направляются на Фундуклеевскую улицу в квартиру № 3 дома № 36, где во дворе помещается студенческая столовая и жилые при ней комнаты служащих и квартирантов. Перенеся наблюдение на этот дом, филеры обнаружили, что в квартиру № 3 собирается и много других неизвестных им лиц, по преимуществу из студенческой молодежи и женщин, которых к 10 часам вечера они насчитали около 40 человек. Немедленно об этом доложено было помощнику начальника Киевского губернского жандармского управления, который, решив, что в доме № 36 собралась предположенная “сходка интеллигентов” для выработки программы празднования 1 мая, немедленно собрал полицию и, окружив квартиру, арестовал всех в ней собравшихся. При входе в помещение чинов корпуса жандармов и полиции произошло обычное в этих случаях смятение, и многие из присутствовавших, сбившись в кучу, стали рвать, сжигать на свечах и прямо выбрасывать бывшие при них прокламации, что могли их скомпрометировать, вследствие чего на полу оказалась масса клочков рваной бумаги, которую всю собрали и приобщили к вещественным по делу доказательствам» (ГАРФ. Ф. 124. Оп. 9. Д. 47. Л. 228–230).

705 Полиция задержала 55 участников реферата, в том числе «17

– сделан в отсутствие хозяев, что являлось совершенно незаконным. Как рассказывала наша кухарка, пришли с целой связкой ключей; так как ключ от квартиры был у меня в кармане, то они подобрали ключ и вошли. В качестве понятого был призван хозяин дома; когда он пришел, то пристав уже рылся у меня в столе. «Вот, сосчитайте деньги», – сказал пристав и вынул деньги *из своего кармана*. Хозяин пересчитал: «108 рублей». Так и было записано в протокол. Между тем у меня было больше. Около 50 рублей украдены приставом.

Для меня с женой вновь началась тюремная жизнь. Сперва нас перемещали из камеры в камеру, все время не давая ни есть, ни пить, но к вечеру разместили по камерам (на этот раз по одиночным, по два человека в камере) в двух корпусах, мужском и женском, и напоили чаем.

Я очутился в камере с одним студентом.

Мы, ибсенисты, были не единственными обитателями тюрьмы и даже не единственными политическими (уголовные сидели в совсем отдельном корпусе, и я их ни разу не видал). В двух наших корпусах в одиночных камерах, кроме нас, сидело человек 20 ранее арестованных лиц (между ними я встретил моего старого шенкурского знакомого Машицкого и познакомился со знаменитым впоследствии Урицким), а в общих камерах, где я сидел за два года перед тем, сидело человек 100, тоже не принадлежащих к числу ибсенистов.

Одиночным это наше заключение, однако, назвать нельзя. Камеры отпирались по требованию для пропуска в известные учреждения, а затем днем просто перестали запирались, и

студентов, 10 разночинцев и 28 женщин», но по «делу о распространении в г. Киеве “Воззвания к 1 мая” Киевского комитета Российской социал-демократической рабочей партии» были привлечены лишь 23 человека, относительно которых «имелись указания о прикосновенности их к рабочему движению», в том числе А. В. Луначарский, Е. В. Тарле, В. В. Водовозов и его жена (Там же. Л. 76, 84–86, 90).

мы могли выходить в коридор, даже ходить друг к другу в гости в пределах одного коридора почти совершенно свободно. Только хождение из одного коридора (этажа) в другой было сопряжено с известным риском, хотя все же было возможно. На прогулку нас выпускали на общий двор по коридорам, то есть человек по 20, и мы могли и болтать, и читать друг другу лекции, и играть в чехарду и т. п.⁷⁰⁶ Так было в мужском корпусе, и так же было в женском. Между собой эти два корпуса не сообщались, и жены своей я ни разу (кроме свиданий, о которых расскажу⁷⁰⁷) за все время заключения не видел, но внутренняя почта существовала и действовала исправно. Существовала она потому, что тюремное начальство признавало нас артелью, то есть своего рода юридическим лицом, и у нас был свой признанный и даже избранный староста.

Мы застали старостой Урицкого⁷⁰⁸; утомленный этой должностью, он попробовал было выйти в отставку, но встретил такой отпор, что взял отставку назад. Староста получал казенные деньги на наше содержание, прибавлял присылаемые нам с воли, вступал в сношения с поставщиками товаров,

706 См.: «Довольно часто вся мужская тюрьма вываливала в сад, где играла в мяч и устраивала лекции. Лекции самого острого политического характера читали Водовозов, Тарле, я и высокоталантливый, безвременно погибший социал-демократ Логвинский. Мы приходили друг к другу в камеры, любовались, как В. В. Водовозов проделывал свою утреннюю гимнастику, мешали работать Тарле, больше всех других мучившемуся тюрьмой» (Луначарский А. В. В киевской Лукьяновской тюрьме. С. 75).

707 Мемуарист не исполнил своего обещания.

708 А. В. Луначарский пишет, что первоначально старостой тюрьмы был Людомир Скаржинский, впоследствии член Польской социалистической партии, который вскоре «не то вышел на волю, не то был куда-то переведен», и «по его уходу политические единогласно выбрали Урицкого» (Луначарский А. В. В киевской Лукьяновской тюрьме. С. 76).

ходил на кухню, где за плату от нас стряпали уголовные, и вообще заведовал внешним, довольно большим хозяйством; ведь нас было в это время почти 200 человек, и общий наш бюджет превышал 1500 рублей в месяц. Для ведения переговоров староста имел право ходить (в сопровождении надзирателя) по камерам и вести с заключенными переговоры через волчок, то есть форточку в двери; фактически он входил в камеры; мог ходить и на женский корпус.

Таковы были условия сидки, исключительно свободные. Отчасти (но только отчасти) эти условия объяснялись тем, что начальник тюрьмы имел свою корову и поставлял в тюрьму молоко. Оно было такого качества, что Урицкий выливал его в помойку, но аккуратно платил за него как за настоящее. Начальник тюрьмы был этим доволен. Но, впрочем, он был добрый человек и зла нам не делал. Когда мы гуляли сообща на дворе и в тюрьму приезжало настоящее начальство, на двор выбегал какой-нибудь надзиратель и кричал: «Новицкий!» – или: «Такой-то!» Мы бросались по камерам, и все оказывалось в порядке. Уже после нас из тюрьмы был совершен смелый побег 11 человек⁷⁰⁹, после чего начальник тюрьмы был уволен и вольности отменены.

В мужской половине ибсенистов самое удручающее впечатление арест произвел на Тарле. Он бился головой о стену, плакал, жаловался на судьбу каждому надзирателю, просил его похлопотать о своем освобождении, вообще вел себя крайне неприлично.

В женских камерах так же вела себя Наталья Н. Кульженко⁷¹⁰, молодая жена моего приятеля – типографа и издателя В.

709 Побег из Лукьяновской тюрьмы состоялся 18 (31) августа 1902 г.; в числе вырвавшихся на волю были десять «искровцев» и один эсер.

710 См. о Н. Н. Кульженко дневниковую запись В. Г. Малахеевой-Мирович от 18 июня 1931 г.: *Малахеева-Мирович В. Г. Материалы жизни моей... Дневник русской женщины. 1930–1954. М.,*

С. Кульженко. Ее дня через два выпустили.

Скоро после нашего ареста нас посетил прокурор судебной палаты Арсеньев и по обыкновению спрашивал о претензиях. Признавая арест в русских условиях совершенно нормальным, мы претензий на него не заявляли. Только Тарле начал хныкать и жаловаться на арест и на то, что он сидит с совершенно незнакомым ему человеком.

– А с кем же вы бы хотели сидеть?

– Ну, например, с Водовозовым.

– Это я могу вам устроить.

И мы с Тарле были посажены в одну камеру. Для меня это было несчастьем, товарища хуже нельзя было выдумать. Он все время бегал по камере, бросался на кровать, плакал, скулил.

– Никто, никто столько не потерял, сколько я. У меня была командировка за границу, через месяц я должен был ехать. И со службы меня прогонят (он состоял учителем в гимназии. – В. В.). Черт меня дернул слушать этого дурака Луначарского.

Я ему указывал, что прогонят ли его со службы, это неизвестно, но что студенты потеряли, наверное, гораздо больше: он уже на дороге, через два-три года напишет диссертацию и будет профессором. А студенты будут исключены из университета, вся их карьера разбита, а в лучшем случае они потеряют стипендии, потеря которых на них отразится тяжелее, чем потеря командировки на нем.

– Что вы говорите о какой-то студенческой стипендии! Командировку я потерял, за границу не поеду! И какой ужас сидеть взаперти! Этот арест – самое большое несчастье, которое я когда-либо испытал в жизни! И, наверное, не испытаю никогда больше!

– Стыдитесь, Евгений Викторович, в прошлом году у вас

умер ребенок⁷¹¹. Неужели несерьезный арест – несчастье более тяжелое?

Он сконфузился. Он действительно горячо любил своего ребенка и в свое время очень убивался.

– Да, это было страшное несчастье. Но арест – тоже.

Книги у нас были, но читать он не мог и мне мешал. Мы сделали из хлеба шахматы и пробовали играть. Он хороший игрок, во много раз лучший, чем я, но тут систематически проигрывал, да и не заинтересовывался игрой. Я пытался заставить его делать гимнастику, но он так вяло повторял за мной гимнастические движения и такая тоска отпечатывалась на его физиономии, что я бросил. Аппетита у него совершенно не было. Я делал все что мог, чтобы поддерживать в нем бодрость духа, но ничего не выходило.

Однажды он мне сказал:

– Ах, Василий Васильевич, как я благодарен вам: что было бы со мной без вас, совершенно не представляю себе. А на вас я, вероятно, действую очень удручающим образом? Вам очень тяжело со мной?

– Нет, – ответил я, – вы действуете на меня, как в Спарте пьяные илоты на спартиатов⁷¹².

Это было зло и нехорошо с моей стороны.

Однажды утром я проснулся и вижу: Тарле бежит из угла в угол. Увидев, что я гляжу на него, он схватил два полотенца, связал их и начал прилаживать к раме окна.

– Евгений Викторович, – сказал я ему, – если вы хотите

711 Неточность: родившийся в 1896 г. сын Е. В. Тарле, Виктор, умер в 1899 г.

712 Илоты – государственные рабы в Спарте; молодым спартиатам специально показывали неопрятных пьяных илотов (непристойное поведение за столом считалось характерным для низших слоев общества), чтобы внушить к ним презрение и отвращение.

повеситься, то сделайте это, когда я уйду из камеры.

Он сейчас же бросил полотенца, сел на стул, охватил руками колена и голосом удавленного сказал:

– Василий Васильевич, скажите начальству, что я хотел повеситься.

В эту минуту он был мне гадоком.

– Хорошо, – ответил я.

Я потребовал вызова в контору и там заявил начальству о намерении Тарле, –заявил не вполне согласно с исторической истиной, несколько сгустив краски и утаив некоторые обстоятельства. К моему удивлению, начальство вполне поверило, испугалось и обещало немедленно сообщить Новицкому.

Через два дня Тарле был вызван на допрос и освобожден⁷¹³. Еще через три дня были вызваны мы с женой и тоже освобождены, а затем каждый день вызывали по 2–3 ибсениста и освобождали тех, против кого не было других обвинений (например, у кого не нашли в карманах прокламаций). Очевидно, я ускорил освобождение Тарле не более чем на эти три дня. Сам же я просидел ровно 6 недель.

Тарле действительно лишился службы и командировки,

713 Е. В. Тарле содержался под стражей с 30 апреля по 3 июня 1900 г., т. е. месяц и три дня, причем в заключении прокурора Киевской судебной палаты от 11 мая 1901 г. говорилось: «Дознанием не добыто никаких данных, которые изобличали бы Тарле в принадлежности к какому-либо тайному противозаконному сообществу и в распространении преступных изданий. При обыске в кармане у него найдена была брошюра издания С.-Петербургского “Союза Борьбы” под заглавием: “Вопросы для собирания сведений о положении рабочего класса в России”; больше у него ничего предосудительного обнаружено не было. По объяснению Тарле, названную брошюру он получил по почте от неизвестного лица и забыл уничтожить, так как у него в это время болел сын и ему некогда было об этом думать» (ГАРФ. Ф. 124. Оп. 9. Д. 47. Л. 218–219).

но через год смог написать и защитить магистерскую диссертацию и скоро затем – приват-доцентуру, даже в Петербурге⁷¹⁴. Таким образом, на карьере его арест отразился не особенно сильно, хотя вред ему принес большой (об этом я расскажу, когда буду говорить о защите им диссертации).

Замечательно сложна и противоречива человеческая психика. Этот самый Тарле, который так трусливо вел себя в заключении в молодости, впоследствии, при большевиках в 1918–1922 гг., обнаружил большое мужество, читая публичные лекции, на которых довольно решительно критиковал советскую политику.

Арестовав нас, Новицкий решительно не верил, что мы собрались для такой невинной цели, как чтение реферата об Ибсене. И не верил совершенно искренно. Нужно признать, что обстоятельства сложились так неблагоприятно для нас, что истина в самом деле была невероятной. Шла забастовка булочников. Предстояло 1 мая. В карманах у половины присутствующих найдены прокламации. Часть присутствующих подозре-

714 Высланный под гласный надзор полиции на хутор тестя близ станции Затишье Херсонской губернии, Е. В. Тарле был лишен права вести педагогическую деятельность, но, получив разрешение поселиться в Варшаве, уже 25 августа 1900 г. обратился с прошением к министру внутренних дел Д. С. Сипягину: «Покорнейше прошу ваше высокопревосходительство разрешить мне взять на себя занятия в белостокском коммерческом училище, которые предложил мне директор сего училища г. Синявский в наступающем учебном году. Я привлечен следствием по делу, возбужденному в Киеве 29 апреля текущего года, и посему не осмеливаюсь принять предложение директора коммерческого училища без разрешения вашего высокопревосходительства. Но, как ни важно для моей семьи, оставшейся без всяких средств к существованию, это разрешение вашего высокопревосходительства, есть более гнетущая нравственная необходимость для меня утруждать внимание Вашего Высокопревосходительства этим прошением.

вается в принадлежности к социал-демократической партии. И вот люди сходятся в числе 60 человек, чтобы слушать реферат об Ибсене! Неудивительно, что Новицкий решил: была сходка для обсуждения вопроса о праздновании 1 мая. А Ибсен выдуман для отвода глаз⁷¹⁵.

- 715 Ср. с корреспонденцией (от 1 ноября 1900 г.) «Дело “ибсенистов” в Киеве» в издававшемся в Женеве органе Союза русских социал-демократов за границей «Рабочее дело» (1900. Ноябрь. № 8. С. 39–44): «29 апреля (12 мая) в Киеве в одной частной квартире собралось около 50 человек. Это были преимущественно учащиеся обоего пола: студенты, посетительницы зубоврачебных курсов, даже гимназисты и гимназистки; было несколько учительниц городских и загородных школ; было также несколько начинающих врачей, один приват-доцент университета (Тарле), один уже немолодой публицист (Водовозов) с женой. Вся эта публика собралась, чтобы послушать реферат об “Ибсене как моралисте”, который должен был прочесть один молодой человек по имени Луначарский, пользовавшийся в Киеве некоторою известностью. Реферат не представлял из себя ничего страшного даже с точки зрения русской цензуры или жандармерии; по крайней мере, через несколько дней после этого он должен был быть прочитан в публичном заседании разрешенного властями Киевского Литературного Общества, в котором каждое публичное чтение к тому же подлежит специальному разрешению, и разрешение на публичное чтение реферата Луначарского уже было дано, объявления в подцензурных газетах уже были заказаны (и действительно появились через 2 дня). <...> Около 9 часов вечера Луначарский начал свои реферат; в 10 часов он сделал перерыв, а в 11 уже приближался к концу, как вдруг раздался звонок в дверь, а затем в комнату ввалился целый отряд полицейских и жандармов с самым начальником киевского жандармского управления – генералом Новицким во главе. <...> Никто и не думал скрывать или отрицать характера собрания, а Луначарский даже немедленно вручил частному приставу рукопись своего реферата. Однако сейчас же начали тщательные обыски в карманах всех присутствовавших, у нескольких (весьма немногих) отобрали

Когда я на допросе говорил о характере собрания, допрашивавший меня жандарм с явным недоверием сказал:

– И вы, пожилой человек⁷¹⁶, пошли слушать какого-то недоучившегося мальчишку!

То же самое было сказано и Тарле.

Любопытно, что не верили в Ибсена не только жандармы. Среди ибсенистов была арестована временно находившаяся в Киеве жена земского статистика Громана (теперь я часто встречаю в газетах имя большевицкого статистика Громана: то же ли это лицо или другое – не знаю⁷¹⁷). Громан, узнав об аресте жены, приехал и добился свидания.

– В чем дело?

Та рассказала.

– Да ты мне рассказывай не эту версию для жандармов, а как было в действительности.

И он не верил. Конечно, у него было еще одно основание

различные нелегальные листки, которые молодые люди, к сожалению, зачем-то считают нужным носить с собой в карманах. По окончании обысков был вызван взвод казаков и вся толпа была отведена в тюрьму. Затем в ту же ночь у всех арестованных проведены домашние обыски, вопреки прямому предписанию закона, требующего, чтобы обыски производились в присутствии хозяев. У некоторых на квартирах были найдены не дозволенные цензурой книги или подозрительные (с точки зрения полиции) письма, но громадное большинство обысков осталось совершенно бесплодным. Тем не менее обвинение в принадлежности к тайному сообществу, имеющему целью распространение прокламаций, было возбуждено против всех 60 человек (к арестованным на реферате были присоединены лица, случайно оказавшиеся на квартирах у обыскиваемых студентов) <...>».

716 В. В. Водовозову, который родился 22 декабря 1864 г., не было и 36 лет.

717 Речь идет о В. Г. Громане.

не верить: до него уже дошла жандармская версия, известная в городе, и произвела свое впечатление.

И вот, чтобы утвердить истину, мы прибегли ко лжи.

Узнав в Петербурге о нашем аресте, моя мать и В. И. Севемский немедленно прибыли в Киев. В Петербурге был военный генерал Новицкий, брат киевского жандарма. Генерал Новицкий сохранял братские отношения с братом, но по личным убеждениям тяготел к более прогрессивным течениям в обществе и был близок (кажется, с раннего детства по Костроме) с Н. К. Михайловским⁷¹⁸. Моя мать через Михайловского получила от него рекомендательное письмо к киевскому Новицкому⁷¹⁹. Это письмо открыло двери любвеобильного жандарм-

718 Н. К. Михайловский учился в Костромской гимназии.

719 Е. Н. Водовозова припоминала, что познакомилась с Н. Д. Новицким на благотворительном литературно-музыкальном вечере, устроенном в ее квартире в начале 1860-х гг., где выступали М. И. Севемский, В. С. и Н. С. Курочкины, П. А. Гайдебуров, а единственный военный, с которым хозяйка разговаривала после его щедрого пожертвования – десятирублевки за взятый в буфете стакан чая, «уверял, что ему особенно легко и хорошо дышится в этом милом интеллигентном обществе». И далее мемуаристка пишет: «Он отрекомендовался Николаем Дементьевичем Новицким; через месяц-другой после этого познакомился с моею семьей, бывал одну зиму на наших вторниках, но затем исчез с нашего горизонта, так что я забыла даже его имя и фамилию. Прошло более четверти столетия. Мне необходимо было ехать в Киев для свидания с моим сыном, содержавшимся в то время по политическому делу в киевской тюрьме, и приходилось явиться к начальнику жандармского управления, грозному Василию Дементьевичу Новицкому, прославившемуся своею необыкновенной грубостью не только с арестованными, но и с их родственниками. И при этом фамилия Новицкого ничего не помнила мне. Прежде чем явиться к киевскому Новицкому, мне посоветовали поговорить об этом деле с его братом, жившим в Петербурге и считавшимся весьма порядочным человеком. Петербургский Новицкий был тогда

ского сердца, и нам были разрешены каждодневные свидания в течение недели, какую пробыли в Киеве моя мать и В. И. Семевский. Свидания происходили в Старокиевском участке в очень хороших условиях: мы сидели вчетвером без всякого постороннего наблюдателя и имели возможность говорить совершенно свободно, для пущей безопасности иногда прибегая к французскому языку. От них мы узнали во всех подробностях жандармскую версию, им сообщили действительные факты.

А затем, передавая в тюрьме содержание нашего свидания товарищам и, в частности, Луначарскому, мы надумали следующее.

Луначарский написал мне письмо в таком роде: «Многоуважаемый Василий Васильевич, сегодня я читаю там-то реферат об Ибсене, провожу мои известные Вам взгляды, с которыми Вы, насколько я знаю, не согласны; очень хотел бы выслушать Ваши возражения; поэтому очень прошу Вас быть с Верой Петровной». Это письмо я на свидании передал Василию Ивановичу Семевскому, а он, несколько смяв его и порвав, бросил в корзину для грязной бумаги в моей комнате (они остановились в моей квартире).

Когда меня вызвали на допрос, мне предъявили протокол обыска в моей квартире. Я прежде всего указал, что обыск произведен в мое отсутствие, а это противоречит статье (помнит-

уже полным генералом и членом Военного совета; чтобы быть принятой, я взяла к нему рекомендательное письмо от Н. К. Михайловского, который был знаком с ним. Каково же было мое удивление, когда Николай Дементьевич, прихрамывая, вышел ко мне с самым сердечным радушием, протягивая мне обе руки. “Да будет вам, стыдно являться ко мне с рекомендациями! Я сам прекрасно вас знаю и с наслаждением вспоминаю вечера, проведенные у вас. А если бы вы знали, как часто приходит мне на память «вечеринка с благотворительной целью»!”...» (*Водовозова Е. Н.* На заре жизни. М., 1987. Т. 2. С. 190–191).

ся, 363) Устава уголовного судопроизводства⁷²⁰. Из этого, конечно, ничего не вышло. Я заметил, что в протоколе говорится о найденных у меня в столе 108 рублях, тогда как их было на 50 рублей больше, но говорить об этом счел бесполезным и невыгодным. Но затем я указал, что в протоколе при перечислении отобранных бумаг не отмечено письмо ко мне Луначарского.

– Такого письма нет.

– А между тем оно было.

– Может быть, вы сами его уничтожили?

– Нет, я твердо помню, что оно осталось на столе. Если оно не уничтожено намеренно обыскивавшим приставом, то оно, наверное, и сейчас там. Отбирают всякие пустяки, не имеющие никакого значения, а важный документ, нужный для оправдания, либо уничтожают, либо не берут.

Допрашивавшие верили плохо. Тогда я предлагаю:

– Я прошу препроводить меня на мою квартиру с жандармом или полицейским, и я почти совершенно уверен, что это письмо найду.

Мне было обещано это после окончания допроса. После допроса меня освободили и предоставили сходить домой без всякого сопровождения, и прибавили:

– Но только *немедленно* принесите письмо Луначарского, если хотите полного доверия, а то знаете – на свете все возможно. То есть Луначарский сфальсифицирует это письмо, а вы по какой-нибудь почте его получите и принесете нам.

Им и в голову не пришло, что письмо могло быть уже сфальсифицировано!

720 Неточность: речь идет о статье 358 Устава уголовного судопроизводства 1864 г., которая гласит: «Обыски и выемки производятся при понятых и при хозяине дома или помещения, а когда он в отсутствии, то при жене его, если он женат, или при ком-либо из старших домашних его лиц»; статья 363 касается того, что «обыск и выемка производятся днем».

Письмо было найдено в сорной корзине и доставлено до закрытия присутствия, и я сам видел по лицу жандарма Сомова, ведшего дело, что оно произвело на него сильное убеждающее впечатление⁷²¹.

Прежде, читая отчеты о всевозможных процессах, в которых участники уличались в фальсификации документов (хотя бы, например, дело Дрейфуса⁷²²), я всегда думал: «Значит, они не правы по существу; человек правый не станет прибегать к лжи для доказательства истины». Мне это казалось самоочевидной истиной и часто определяло мое отношение к участникам уголовного процесса. Увы! Я сам теперь был инициатором грубой фальсификации документа, хорошо сыграл свою роль, одурачил следователей (к счастью, оказавшихся изумительно близорукими) и ложью доказал справедливость того, что было несомненной истиной⁷²³.

Тем не менее мы были освобождены не как оправданные, а как обвиняемые в сходке, но это была уже только формаль-

721 В описи вещественных доказательств, относящихся к дознанию, упомянуто письмо В. В. Водовозову от 28 апреля 1900 г. за подписью «Ан. Луначарский».

722 22 декабря 1894 г. офицер французского генерального штаба еврей Альфред Дрейфус, признанный военным судом виновным в государственной измене и шпионаже в пользу Германии на основе подложных документов, был разжалован и приговорен к пожизненной ссылке в Кайенну. Требования демократической общественности, в том числе открытое письмо Эмиля Золя «Я обвиняю!», о дополнительном расследовании «дела Дрейфуса» и антисемитская кампания со стороны националистически-клерикально-монархических кругов раскололи французское общество на два лагеря. Хотя в сентябре 1899 г. военный суд, пересмотрев дело Дрейфуса, подтвердил его виновность, он был помилован президентом, а в июле 1906 г. добился полной реабилитации.

723 В рукописи далее зачеркнуто: «то есть что никакой революционной сходки в данном случае не было».

ность⁷²⁴. Настолько Новицкий был убежден письмом Луначарского, что меня он даже отпустил за границу. Дело тянулось больше года, и в конце концов нам было объявлено об оставлении дела без последствий, то есть о полном оправдании. Не были оправданы только те, к кому было предъявлено дополнительное обвинение в прикосновенности к забастовке или к 1 мая на основании найденных у них в кармане или на дому прокламаций или других документов. Тарле был в числе оправданных⁷²⁵. Луначарский был ненадолго отправлен в ад-

724 В материалах дела указывалось, что, не признав себя виновным, В. В. Водовозов объяснил, что 29 апреля «катался на лодке в компании с другими лицами, пил чай около Выдубецкого монастыря», а «вечером с женой пошел на реферат о драмах Ибсена, куда его пригласил сам референт Луначарский, указав местом чтения студенческую столовую». Слова мужа подтверждали и В. П. Водовозова, показавшая, что тоже каталась на лодке, но это «имело характер обыкновенной увеселительной прогулки», а «вечером пошла с мужем на реферат, пригласив туда же знакомую г-жу Кульженко» (ГАРФ. Ф. 124. Оп. 9. Д. 47. Л. 163–167). Кстати, в рапорте прокурора Киевской судебной палаты от 3 мая 1900 г. указывалось, что наличие в числе задержанных Наталии Кульженко, «жены богатого человека», вызвало подозрение, не печатались ли первомайские прокламации в самой крупной частной типографии в Киеве, которой управляет ее муж Василий Кульженко, отбывший накануне за границу; поэтому утром 30 апреля по распоряжению начальника губернского жандармского управления «были осмотрены все готовые наборы в типографии Кульженко», где ничего преступного обнаружить не удалось (Там же. Л. 21).

725 17 апреля 1902 г. Николай II по докладу министра юстиции «соизволил» разрешить дознание «административным порядком»: большинство подсудимых были подчинены гласному надзору полиции сроком от 1 до 3 лет в избранных ими местах жительства (вне столиц, столичных губерний, университетских городов и некоторых фабричных местностей), но одно-го все же выслали в Вятскую губернию на 4 года, а пятерых ра-

министративную ссылку, кажется, в Вологду⁷²⁶.

А между тем в нашем ибсеновском чтении был один элемент, который мог бы дать повод к применению какой-нибудь, хотя и не тяжелой кары. Это не была сходка по поводу забастовки, но за вход брали какую-то мзду, которая шла в пользу забастовщиков. Новицкий так был загипнотизирован своей идеей о революционной сходке, так вел следствие, что о входной плате нас даже не спросили. А могло бы случиться, что кто-нибудь из опрашиваемых проговорился бы.

Через несколько времени после этой истории через Киев проезжал П. Н. Милюков и был у меня. Когда я ему рассказал про ибсеновскую историю, он спросил:

– Вероятно, взималась входная плата с какою-нибудь ре-

бочих подвергли тюремному заключению сроком от 3 до 6 месяцев. Для пятерых «интеллигентов», включая Е. В. Тарле, наказание ограничилось «предварительным содержанием их под стражей», а в отношении В. В. и В. П. Водовозовых, А. В. Луначарского и еще четырех обвиняемых дознание было прекращено «по недостаточности улик» (Там же. Л. 121–125).

726 После освобождения из тюрьмы, в которой находился с 30 апреля по 17 июня 1900 г., А. В. Луначарский, вернувшись 30 июня 1900 г. в Калугу, где пребывал с января под особым надзором полиции, перебрался затем в село Полотняный Завод Медынского уезда Калужской губернии. Получив разрешение переехать в Вологду, он прибыл туда 2 февраля 1902 г. и поселился в селе Кувшиново Вологодского уезда. По «киевскому» делу А. В. Луначарский был оправдан, по «московскому» – приговорен 15 мая 1902 г. к высылке под гласный надзор полиции в Вятскую губернию на два года, но, добившись разрешения отбыть остаток срока в Вологодской губернии, в марте 1903 г. был отправлен этапом в Тотьму, откуда после освобождения 15 мая 1904 г. уехал в Киев (см.: *Луначарский А. В. Из вологодских воспоминаний* // Луначарский А. В. Воспоминания и впечатления. С. 78–83; *Кохно И. П. Вологодская ссылка Луначарского* // Литературное наследство. М., 1970. Т. 82. С. 603–619).

волюционной целью?

Догадаться было, следовательно, можно, а Новицкому это и в голову не пришло.

Я говорил о моем не вполне дружеском отношении к Луначарскому. В тюрьме я в значительной степени переменял о нем мнение к лучшему или, лучше сказать, прежний его образ дополнил некоторыми новыми чертами.

Поведение Луначарского в тюрьме составляло прямую противоположность поведению Тарле. Насколько последний был жалок упадком духа, настолько Луначарский поражал своей бодростью и энергией. Конечно, в противоположность Тарле, который, во всяком случае, много терял, Луначарский не терял с арестом ровно ничего, а может быть, даже приобретал в глазах барышень некоторый ореол. Ведь он был сын очень состоятельного отца, денег не зарабатывал, в заработке не нуждался, в русском учебном заведении не учился, никакой карьеры не терял; если ему даже предстояло несколько лет ссылки, то они для него решительно ничего не значили. Но даже при подобных условиях тюрьма обыкновенно угнетает человека. Луначарский же был всегда весел, всегда бодр, остроумен, падающих духом поддерживал. Вообще в тяжелой тюремной обстановке он оказался исключительно хорошим товарищем. И при всем том он много читал. На воле (по крайней мере тогда, в Киеве) он этого не делал, но в тюрьме учился и учился усердно.

А Хлестаковым он все-таки был. И не только потому, что хвастал, а и потому, что обещал всякие услуги и не считал нужным исполнять обещаний. В этом я убедился через 18 лет, когда он был уже народным комиссаром и я обратился к нему с просьбой о защите меня от выселения. Он наобещал с три короба и ровно ничего не сделал. Потом сам предложил мне хлопотать о заграничном для меня паспорте и тоже ничего не сделал. Об этом я когда-нибудь тоже расскажу, если буду писать воспоминания о большевицком времени.

Дополню характеристику Луначарского еще одним эпизо-

дом.

В 1901 или 1902 г., когда он был еще в Киеве⁷²⁷, он читал лекцию в одном (конспиративном) рабочем кружке. На этой лекции он между прочим высказал уверенность, что лет через десять социал-демократия одержит, наверное, *полную победу* и увидит осуществление всех своих стремлений. Я об этом слышал от Бердяева, который сам знал об этом только из вторых рук. Бердяев говорил с негодованием:

– Ведь он посмел говорить такой наглый вздор, потому что там не было серьезного оппонента. Ни при вас, ни при мне, ни при Ратнере он никогда не позволил бы себе ничего подобного.

Через несколько дней я встретил Луначарского и напал на него за то, что он позволяет себе дурачить рабочих несбыточными обещаниями и подготавливает для них разочарования. Луначарский от всего отказался: ничего подобного он, дескать, не говорил. Но факт для меня не подлежит сомнению: его подтверждение я слышал потом из первых рук.

Любопытно, вспоминал ли об этом эпизоде Луначарский после 1918 г. и считает ли, что он был тогда прав?

Я упомянул имя М. С. Урицкого как одного из моих товарищей по заключению. Это был тоже интересный человек. Если противоречия, которые заложены в душе Луначарского, не мешают цельности его образа, то Урицкий, каким я его знал в тюрьме, и Урицкий, каким он проявил себя в бытность чекистом, – это два разных человека, которых я никак не могу слить в один образ.

Я застал Урицкого уже тюремным старожилом: сидел

727 Получив разрешение съездить «к матери на Святую и Фомину неделю в г. Киев», А. В. Луначарский прибыл туда из Калуги 8 апреля 1901 г. (см.: Трифонов Н. А., Шостак И. Ф. А. В. Луначарский и «Московское дело» 1899 года // Литературное наследство. Т. 82. С. 601).

что-то около года, и над ним тяготело тяжелое обвинение (он действительно был сослан в Восточную Сибирь⁷²⁸ на 5 лет). Он был социал-демократ и ортодокс, как и Луначарский. Но оратором не был, выступать с речами не умел и не любил; высказывал свои мнения в дружеском разговоре, всегда очень скромно, и всегда терпимо относясь к чужим мнениям, не претендуя на непогрешимость. Он был у нас старостой, и превосходным старостой, тратя очень много времени на хозяйство и очень бережно относясь к каждой копейке, к каждому интересу артели. Он тоже был очень хороший товарищ, но не в том роде, как Луначарский: Луначарский поднимал бодрость словами, этот старался услужить каждому и, главное, примирить всех, когда начиналась или грозила ссора. Самое удивительное то, что в нем тогда вовсе не было той твердокаменности, которая отличает вообще большевиков и которая проявилась в нем впоследствии. Ведя дела артели, он всегда внимательно выслушивал пожелания всех и каждого, всегда старался найти решение, которое по возможности удовлетворило бы всех.

В нашей тюремной жизни был такой эпизод. Нас, ибсенистов, не вызывали на допросы 6 недель, и никакого движения нашего дела не было видно. Срок, по русским понятиям, небольшой: об этом мы могли бы узнать хотя бы от наших товарищей по заключению, сидевших по другим делам. Но сидеть в тюрьме скучно, тяжело, и вот среди нас появилась мысль объявить голодовку.

Как известно, голодовка – средство отчаянное, к которому можно прибегать только в действительно крайнем случае. Но молодежь среди нас (то есть подавляющее большинство), в особенности женская, начала бурлить:

– Голодовка, голодовка.

Для более серьезных людей было совершенно несомнен-

728 М. С. Урицкий был арестован в октябре 1899 г. и сослан в 1901 г. в Олекминск Якутской области.

но, что ни к чему, кроме унижений и скандала, голодовка в данных условиях привести не может. Но вместе с тем одно время я сильно боялся, что голодовка будет объявлена. И вот Урицкий больше всех сделал для ее предотвращения. Самых пылких протестантов он убеждал, что для голодовки нет пока достаточных доводов и нет никакой надежды, чтобы она имела какой-нибудь практический результат. И убедил, и таким образом спас нас от этой роковой ошибки.

И этот добрый, гуманный, мягкий и на редкость тактичный человек, уважающий чужое мнение, оказался палачом. Каким путем пришел он в Чека? К сожалению, после тюрьмы и ссылки его в Восточную Сибирь (в 1901 г.) я совершенно потерял его из вида, и он всплыл для меня на поверхность жизни только в 1917 г. Где он был, что делал, каким влияниям подвергался, – не знаю⁷²⁹.

15 сентября 1928 г.

Прага

729 Арестованный в 1908 г. в Киеве, М. С. Урицкий был сослан на два года в Вологодскую губернию с заменой ссылки выездом за границу. В Вене сотрудничал в редактируемой Л. Д. Троцким газете «Правда», а с 1912 г. состоял членом меньшевистского ОК РСДРП. Вернувшись в Россию, он вновь был сослан в Архангельскую губернию, эмигрировал, а в 1917 г. вместе с А. В. Луначарским, Л. Д. Троцким и др. нефракционными социал-демократами вступил в группу «межрайонцев», в составе которой был принят в РСДРП(б) и избран в ее ЦК. В октябре 1917 г. – член Партийного центра по руководству вооруженным восстанием и Петроградского военно-революционного комитета, в марте – августе 1918 г. – председатель Петроградской ЧК.

**Часть III. Новый век. Воспоминания из эпохи
1900–1905 гг.**

Глава I. Поездка за границу, в Германию и Австрию (с чужим паспортом). – Знакомство с Масариком. – Встреча с Плехановым и Аксельродом. – Возвращение в Киев (1900–1901)

Месяца через два после освобождения из тюрьмы по ибсеновскому делу, о котором писал в предыдущей части моих воспоминаний, в августе, я решил осуществить мой план заграничной поездки, который был составлен в начале года и которому помешал арест. Но просто подавать обычное прошение о паспорте не мог: ведь я был освобожден «впредь до приговора» как обвиняемый в участии в революционной сходке; от меня была отобрана подписка о невыезде из Киева.

Следовательно, я должен был раньше обратиться к генералу Новицкому с просьбой об отпуске. Идти к нему было всегда крайне тяжело: ведь всегда можно было нарваться на оскорбительную грубость. Тем не менее пришлось переломить себя. На этот раз я, сверх всякого ожидания, встретил большую любезность (очевидно, Новицкий не забыл о братском письме к нему его брата, генерала – не жандармского – Новицкого), любезность едва ли не более оскорбительную, чем могла бы быть грубость.

Новицкий начал со мной разговор об ибсеновском деле и притом не в тоне желающего выведывать следователя, а в тоне доброго знакомого, ужасающегося развращению нравов современной молодежи. Он начал с Тарле.

– Представьте себе, руководитель молодежи, учитель, в будущем – профессор! Вместо того чтобы направлять молодежь к добру, он сам идет на революционную сходку, где собирались разные жидовки. – А ну-ка, покажите, что у вас в карманах? – Оказывается: прокламации! Хорош!

– Простите, во время ареста я стоял рядом с Тарле, и я не видел, чтобы у него была вынута хоть одна прокламация.

– Говорю же вам, – в тоне уже слышатся легкие дальние раскаты приближающейся грозы, – целая пачка прокламаций! И какой он учитель! Я спрашивал знакомых гимназисток: лю-

бят ли они Тарле⁷³⁰. Нет, отвечали мне, он только о французской революции и говорит.

– Простите, он читает и древнюю, и среднюю историю, и я знаю, что особенно любит историю среднюю, когда никакой французской революции не было.

– Да, да, разные там Гракхи, а о Сусанине – ни слова.

Мое положение было исключительно трудное и мучительное. Хотелось возражать и чувствовалось, что это совершенно бесполезно для Тарле, а для меня опасно.

С большим трудом я перевел разговор на мою заграничную поездку.

– Куда же вы собираетесь ехать?

– Главным образом в Германию.

Я собирался ехать «главным образом» в Австрию, но сказать об этом Новицкому не решился, так как он мог знать, что туда я могу ехать только нелегально: о моем аресте в Австрии за три года перед тем в свое время писалось в газетах, и не только в малораспространенной гайдебуровской «Руси», где я сам писал об этом, но и в «Новом времени», и в «Киевлянине». Конечно, нелегальность была австрийская, до Новицкого не касавшаяся, но все-таки посвящать Новицкого в это дело не было смысла.

– А на выставку в Париж не собираетесь?

(В то время в Париже была международная выставка⁷³¹.)

В голосе Новицкого на этот раз не было слышно каких-нибудь специфических жандармских нот, да и вопрос был совершенно естественный, и потому я ответил вполне добро-

730 До ареста в 1900 г. Е. В. Тарле преподавал историю в частной женской гимназии А. Т. Дучинской и Киевском кадетском корпусе.

731 Всемирная выставка 1900 г., в которой участвовали 35 стран, проходила в Париже с 15 апреля по 12 ноября.

совестно:

– Может быть, я и съезжу в Париж на несколько дней, если выберу свободное время и останутся свободные деньги, но главные интересы у меня сейчас в Центральной Европе.

– Хорошо, я разрешу вам заграничный отпуск. Но не могу этого сделать без залога.

– Что ж делать. Постараюсь достать нужные деньги. Сколько же вы потребуете?

– Я не хочу вас затруднять. Сколько вы могли бы внести сейчас же, без особого для себя затруднения?

– Рублей триста.

– Маловато. Ну, так и быть, я отпущу вас под залог в триста рублей.

Это было совершенно неожиданное великодушие. Видимо, я сильно пал в цене. Когда за 13 лет перед тем меня отпускали из тюрьмы в Петербурге, то за освобождение с моей матери потребовали целых 2000 рублей, и ведь отпускали меня в пределы России, а теперь за границу, следовательно, с легкой возможностью бежать, и меня оценили всего в 300 рублей⁷³². Я,

732 29 сентября 1900 г. директор Департамента полиции С. Э. Звянский переправил отношение В. Д. Новицкого «с прошением обвиняемого Василия Васильева Водовозова о разрешении последнему выезда за границу для лечения» во Временную канцелярию при Министерстве юстиции по производству особых уголовных дел, отметив, что полагал бы возможным разрешить ему поездку сроком на три месяца, но с тем, чтобы он «представил в обеспечение своей личности залог в сумме, соответственной его имущественной состоятельности». Министерство юстиции не возражало, но залог составил не 300, как указывает мемуарист, а 500 рублей, и 27 ноября Новицкий доложил в Петербург, что Водовозов выехал за границу. 22 февраля 1901 г. директор Департамента полиции уведомил Временную канцелярию при Министерстве юстиции, что «ныне Водовозов обратился с прошением, в котором указывает, что он находится в

однако, не выразил обиды на эту оценку, на следующий же день внес деньги, и через два дня паспорт был в кармане.

Но ехать с этим паспортом в Австрию было невозможно: приезд в нее грозил мне шестимесячной тюрьмой, – тюрьмой, правда, австрийской, но я не видел оснований предпочитать ее русской. Правда, опасность грозила не наверняка, был только риск. Мне говорил Богдан Кистяковский, который, как и я, подвергся в Галиции аресту и высылке из Австрии навсегда под угрозой той же кары⁷³³, что он был в Вене, провел там целых две недели, провел под собственным именем и арестован не был. Но я собирался не только в Вену, а и в славянские земли, где надзор за русскими строже, – рассчитывал на путешествие в несколько месяцев, и риск для меня был более значительным.

На мое счастье, за границу собирался в то же время еще мой товарищ по ибсеновскому делу, один молодой человек по

настоящее время в санатории для грудных болезней в Davos Platz в Граубюндене, и хотя состояние его здоровья несколько улучшилось, но прекращение лечения в настоящее время и тем более возвращение в Россию ранней весной было бы для него крайне опасно», ввиду чего «ходатайствует о продлении срока пребывания за границей еще на два месяца, т. е. по 15 мая 1901 г.» (ГАРФ. Ф. 124. Оп. 9. Д. 47. Л. 66–68, 78–79, 87).

- 733 В августе 1888 г. Б. А. Кистяковский, учившийся в Киевском университете и находившийся под влиянием сочинений М. П. Драгоманова, вместе с товарищами по студенческому кружку (А. С. Маршинским, С. В. Дегеном и двумя его сестрами – М. В. и Н. В. Деген) отправился во Львов, где, познакомившись с И. Я. Франко и М. И. Павликом, ездил в Карпаты и наблюдал ход выборов в сейм, но, заподозренный в «панславистских замыслах» по отделению и присоединению Галиции к России, подвергся аресту и, проведя в заключении десять недель, освобожденный 27 октября, был выслан из Австрии (см.: *Василенко Н. П.* Академик Богдан Александрович Кистяковский // *Социологические исследования.* 1994. № 2. С. 142).

фамилии Потемкин. Он ехал в Германию и собирался там провести в каком-то санатории несколько месяцев. Паспорт ему был нужен только для переезда границы, и на время своего пребывания в санатории он отдавал его мне. Он тоже добился от Новицкого отпуска за границу (за сумму более значительную, чем я) и после того, как осел на месте, – значительно позже, чем я, – прислал мне свой паспорт. Я же, заехав по пути за границу в Петербург⁷³⁴, где запасся несколькими рекомендательными письмами, затем провел несколько месяцев в Берлине, Лейпциге и Мюнхене и из Мюнхена под именем Потемкина отправился в Прагу.

Я не умел называть себя чужой фамилией, не краснея, и под чужим именем чувствовал себя очень неловко. Да и имя было очень неудобное: о «потемкинских деревнях»⁷³⁵ немцы знают едва ли не лучше, чем русские, и фамилия, в России не вызывающая никакого удивления, за границей вызывает улыбку. А некто Kanner, небезызвестный в свое время венский журналист, редактор тогда еженедельной газеты «Zeit», к которому у меня было рекомендательное письмо от Масарика, ни с того ни с сего спросил меня, настоящая ли это моя фамилия. Вопрос меня покоробил: повода для него как будто не было, а вместе с тем ведь и в самом деле она не была настоящей.

– Почему вы это спрашиваете?

– Да так. Потемкин, *Potemkinische Dörfer*⁷³⁶ – ведь с этим именем связано что-то ненастоящее.

734 В. В. Водовозов покинул Киев 20 ноября 1900 г. (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 228. ОО. 1900. Д. 996. Л. 2).

735 Бутафорские деревни, выстроенные Г. А. Потемкиным на пути следования Екатерины II во время ее поездки в Новороссию и Северное Причерноморье в 1787 г.; фразеологизм «потемкинские деревни» используется в значении обмана, попытки скрыть или приукрасить реальное положение дел.

736 Потемкинские деревни (нем.).

– Нет, на этот раз самое настоящее, и в России эта фамилия довольно распространенная.

Если бы я рискнул называть себя не русским, а хотя бы болгаринном, то мог бы ездить вовсе без паспорта, взяв себе какую-нибудь выдуманную фамилию, одинаково пригодную для русского и болгарина: Петров, Иванов. Когда я записался в Вене в гостинице своим новым именем Потемкин и местом своего постоянного жительства отметил Киев, то швейцар немедленно меня спросил:

– Вы, следовательно, русский?

– Да.

– В таком случае позвольте паспорт.

– Почему в «таком случае»? Если бы я был французом, итальянцем, турком, болгаринном, то паспорт был бы не нужен?

– Совершенно верно.

– Почему же это так?

– Не знаю. Наша полиция говорит, что она делает это из любезности к вашей полиции. От всех русских мы обязаны отбирать паспорта и предъявлять их в полицию.

Таким образом, благодаря замечательной полицейской любезности русские в то время находились в Австрии в особом положении. Впрочем, за все 4 месяца поездки по Австрии я только один раз должен был предъявить паспорт: ни на границе (из Мюнхена и потом из Триеста в Венецию), ни в Праге, ни в Любляне, ни в Триесте, нигде в другом месте австрийская полиция такой любезности русской полиции не оказывала, только в Вене.

Дело осложнялось тем, что у меня в Австрии были знакомые, хотя и немного, которые знали меня как Водовозова, а не как Потемкина; большинство из них были в Галиции, куда я не собирался, но была одна знакомая дама и в Праге⁷³⁷, и я

737 Имеется в виду Зденка Браунер.

неприменно хотел повидаться с ней; следовательно, блюсти полное инкогнито было трудно и оказалось даже невозможным.

В Праге я познакомился с Масариком, к которому у меня было письмо от Кареева (в нем Кареев называл меня Потемкиным). У него я бывал довольно часто, он представил меня жене и дочери, молодой девушке, только что окончившей тогда университет, и бывал на его вечерах, на которые сходилась большое число ученых, писателей, политических деятелей. После нескольких недель такого близкого знакомства мне стало стыдно обманывать его, называя себя ложной фамилией, и я назвал ему настоящую и причины, заставившие меня жить под псевдонимом⁷³⁸. Он много смеялся; видимо, на него это производило впечатление чего-то совершенно чуждого ему, странного, непонятного. Может быть, впоследствии, когда он сам оказался эмигрантом на чужбине во время войны, а жена

738 14 февраля 1906 г. Т. Г. Масарик обратился к В. В. Водовозову: «Многоуважаемый г. “Потемкин”, очень Вам благодарен за брошюры; как я радуюсь видеть, что Вы теперь можете писать! Помните наш разговор о конституции России? Вы спросили, когда и будет ли совсем в России конституция? Помню, я отвечал, что будет и что будет скоро; не помню, сколько именно я тогда сказал лет, а сказал я число столь малое, что Вы не согласились, – не один раз я припомнил в эти два года эту историю» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2821. Л. 1). Водовозов ответил Масарику 20 февраля: «Благодарю Вас за Вашу сердечность, с которой Вы поздравили меня с возможностью более или менее свободно писать, но, увы, Ваше поздравление прозвучало для меня горькой иронией. Наша свобода есть нечто чрезвычайно оригинальное, что очень трудно понять, не переживая ее» (цит. по: *Инов И. В.* Томаш Гарриг Масарик и российские литераторы и журналисты // Т. Г. Масарик и «Русская акция» чехословацкого правительства. М., 2005. С. 81).

его и дочь сидели в австрийской тюрьме⁷³⁹, хотя и тогда ему лично не приходилось, кажется, прибегать к псевдониму, но весьма вероятно, что жизнь под псевдонимом не казалась ему больше такой непонятной. Впрочем, и тогда ему приходилось иметь дело с правительственной властью не только в качестве лояльного гражданина. Незадолго перед моим приездом он судился за одну статью и был приговорен к штрафу с заменой тюрьмой. Он уплатил штраф, но говорил, что в следующий раз предпочтет сесть в тюрьму, чтобы показать, как глупо судить и осуждать людей за мнения, каковы бы они ни были.

В то время депутатом Масарик не был, он был им раньше и был позже. Раньше он был им в качестве члена младочешской партии⁷⁴⁰, но с нею он разошелся и должен был отказаться-

739 В декабре 1914 г. Т. Г. Масарик, выступавший за независимость Чехословакии, вместе с младшей дочерью Ольгой бежал из Австро-Венгрии и был заочно приговорен к смертной казни за государственную измену, но в Праге остались его жена Шарлотта с сыновьями Яном и Гербертом, умершим 15 марта 1915 г. от сыпного тифа, и дочерью Алисой, арестованной 28 октября того же года и перевезенной в Вену, где она провела в тюрьме 8 месяцев.

740 Младочехи (*mladočeši*), или Национальная партия свободолюбивых (*Národní strana svobodomyšlná*), – леволиберальное крыло, отделившееся в 1874 г. от Национальной партии (*Národní strana*), оставшаяся часть которой приняла название «старочехов» (*staročeši*); как и они, выступали за «чешское государственное право», т. е. объединение земель (Богемии, Моравии, Силезии), населенных преимущественно чехами, в самостоятельную единицу в составе Австро-Венгерской империи и коронование императора австрийского и короля венгерского третьей короной, Св. Венцеслава, с заменой австро-венгерского дуализма на австро-венгерско-чешский триализм; в отличие от старочехов, которые, настаивая на расширении прав чешского языка в образовании, судопроизводстве и администрировании, поддерживали правительство, младочехи были в оппозиции к нему, добываясь свободы печати, союзов и равного всеобщего

ся от депутатских полномочий. Во время моей поездки 1900–1901 гг. он стоял во главе партии людовой⁷⁴¹, то есть демократической. Партия была очень малочисленная и чисто интеллигентская по своему составу; в рейхсрате тогда у нее не было, кажется, ни одного представителя. Младочешская партия к этому времени сильно подвинулась направо, требования радикальные своей программы она отодвинула на задний план и почти забыла о них, интересуясь почти исключительно национальным вопросом. Напротив, партия людова Масарика настоятельно требовала всеобщего голосования и социальных реформ. В области национального вопроса она не менее решительно, чем партия младочешская, требовала уравниения чехов в правах с немцами, но у нее не было того немцеедства, которое чувствовалось у младочехов. Она высоко ценила немецкую культуру и стремилась действительно к равноправию, а не к подавлению немцев чехами⁷⁴². И вместе с тем она была совер-

голосования; к 1901 г. они совершенно вытеснили старочехов из рейхсрата и богемского ландтага; см.: *Водовозов В.* Младочехи // *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. СПб., 1896. Т. 19а. С. 529–530; Он же. Старочехи // Там же. СПб., 1900. Т. 31. С. 456.

741 От чеш. lidová – народная. Имеется в виду Чешская народная партия (реалистов) – Česká strana lidová (realistické).

742 Ср.: «Партия эта идет вразрез с узконационалистическими стремлениями младочехов; требуя полной свободы национальностей, она отказывается от чешского государственного права, дорожит культурным развитием страны, является в политическом отношении радикальной, отстаивает социальные реформы и по практической программе близка к социал-демократам, не соглашаясь, однако, с их программой-максимум; она поддерживает близкие отношения с партией австрийских социал-политиков, имеющей свой орган – “Zeit”, – в котором Масарик принимает деятельное участие. На выборах 1900 г. она успеха не имела» (*Водовозов В.* Масарик // *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. СПб., 1906. Доп. т. 2. С. 147–148).

шенно свободна от антисемитизма, который в большей или меньшей степени был чертой, окрашивавшей другие партии Чехии: младочешскую – более ярко, народно-социалистическую партию (впоследствии от него вовсе освободившуюся) Клофача⁷⁴³ – менее ярко.

Незадолго до моего приезда в Чехию там в суде прошел процесс (известный под именем Полненского – по месту совершения преступления) о ритуальном убийстве, совершенном будто бы одним евреем по имени не то Глукснер, не то Гликнер⁷⁴⁴. Процесс имел много сходства с позднейшим нашим процессом Бейлиса, но результат был еще хуже: у нас Бейлиса все же оправдали, хотя и после двухлетних тюремных мытарств⁷⁴⁵, а здесь Глукснера присяжные признали виновным, и суд приговорил к смертной казни. Во время процесса Масарик вел себя так, как у нас Короленко в деле человеческого жертвоприношения, совершенного вотяками⁷⁴⁶: он вел энергичную

743 Правильно: Чешская национально-социальная партия (Česká strana národně sociální), основанная в 1898 г. журналистом Вацлавом Клофачом.

744 Имеется в виду Леопольд Гилснер (Hilsner), обвиненный в ритуальном убийстве 19-летней христианской девушки Анежки Грузовой близ чешского города Польна 29 марта 1899 г.

745 Судебный процесс по обвинению М. М. Бейлиса в ритуальном убийстве в 1911 г. проходил в Киеве с 23 сентября по 28 октября 1913 г. и завершился оправданием подсудимого.

746 Дело по обвинению группы вотяков (удмуртов) из села Старый Мултан Малмыжского уезда Вятской губернии в ритуальном убийстве крестьянина Казанской губернии Конона Матюнина в мае 1892 г. рассматривалось трижды: в декабре 1894 г. в Малмыже семеро подсудимых были приговорены к 10 годам каторги, в сентябре – октябре 1895 г. в Елабуге их виновность подтвердили, а 28 мая – 4 июня 1896 г. в Мамадыше, где защитниками выступали Н. П. Карабчевский и В. Г. Короленко, подсудимые были оправданы (см.: *Короленко В. Г.* Мултанское жертвоприношение // *Короленко В. Г. Собрание сочинений.* М.,

борьбу за пересмотр дела, но добился только слабых результатов, а именно – помилования императором Глукснера, которому смертная казнь была заменена сколькими-то годами тюрьмы.

Между прочим, во время этого дела Масарик выпустил брошюру под заглавием «Нужно ли пересмотреть Полненский процесс?»⁷⁴⁷. Брошюра была конфискована прокуратурой. Один из политических друзей Масарика⁷⁴⁸ предъявил в рейхсрате запрос по поводу конфискации и в доказательство ее юридической невинности прочитал в своей речи целиком (два печатных листа). Фактически, впрочем, он ее целиком не прочитал, а, как мне рассказывал сам Масарик, пользуясь тем, что во время его речи правая половина рейхсрата подняла сильнейший шум, при котором что-либо расслышать было невозможно, он только делал вид, что читает, и затем передал брошюру стенографам. Весь текст брошюры был включен в стенографический отчет о заседании рейхсрата и таким образом иммунизирован. Соответственная речь оратора была потом напечатана брошюрой, с включением в нее всего текста брошюры Масарика, и была пущена в продажу уже как недоступная для прокурорской конфискации.

В личных отношениях Масарик оставил во мне очень сильное впечатление как человек большого ума и редкой душевной чистоты. Среди большинства чешских деятелей, с которыми я встречался и говорил между прочим о нем, я видел почти всеобщее уважение к нему, даже со стороны людей совсем другого политического лагеря; вообще он занимал в чешском обществе приблизительно то положение, что у нас Короленко: нимб особенного благородства являлся фактом обще-

1955. Т. 9. С. 337–391).

747 Masaryk T. G. Nutnost revidovati proces Polenský. Praha, 1899.

748 Имеется в виду Ф. Кронаветтер.

признанным⁷⁴⁹.

Были, однако, и исключения, хотя и редкие, и именно среди крайних антисемитов, которые бросали в него обычное для них обвинение: «продался жидам». В Чехии тогда, особенно после Полненского процесса, подобное обвинение, как и в России, бросалось даже без попытки его доказать или хотя бы обосновать. Та моя старая чешская знакомая, о которой я упомянул (Зденка Браунер) и которая оказалась очень крайней

749 Поздравляя 6 марта 1930 г. Т. Г. Масарика с 80-летним юбилеем, В. В. Водовозов писал ему: «С первой же встречи я увидел в Вас большого, очень большого человека, исключительно крупную умственную силу и – главное – исключительно крупную моральную силу. Тогда Вы только что провели борьбу за реабилитацию несчастной жертвы предрассудка и человеконенавистничества, и в этой борьбе Вы встали во весь рост Вашей личности исключительного душевного благородства и исключительной нравственной чистоты. В следующие годы каждое известие, доходившее до меня о Вашей деятельности, и каждая встреча с Вами в Ваш приезд в Петербург дополняли Ваш образ в моей душе новыми чертами, но от этого Ваш образ делался еще более цельным и привлекательным. Когда до меня дошла весть о Вашем избрании на пост президента, эта весть – не скрою – несколько удивила меня. Удивила потому, что высших постов обыкновенно достигают люди, умеющие гнуться, а Вы, – я в этом был твердо убежден, – Вы никогда ни в малейшей степени не пожертвуете своими убеждениями. И чем больше я был удивлен, тем больше была моя радость: значит, совершилось событие, крайне редкое в истории, – во главе государства стал человек, который, говоря словами Жуковского, “на чреде высокой не забудет святейшего из званий: человек” и который не думает, что достижение власти избавляет от нравственной и политической обязательности заявлений, сделанных им, когда он был в оппозиции. Ваша благородная деятельность в качестве главы государства, проникнутая началами гуманизма, укрепила меня в моей вере в Вас и в моей радости» (ГАРФ. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 117. Л. 7–8).

антисемиткой, рассказала мне о случае, происшедшем с Алисой Масарик вскоре после выступления ее отца в Полненском процессе. Она, тогда студентка, вошла в аудиторию, имея на шее боа или шарф. Какой-то студент схватил ее за это боа и вытащил на середину аудитории, крича:

– Смотрите, господа, какие боа покупаются на жидовские деньги!

С Алисой Масарик сделалась истерика.

Моя знакомая не оправдывала этой мерзкой выходки, во-первых, на том основании, что дочь все-таки не ответственна за отца, а во-вторых, на том, что она (Зденка Браунер), при всем своем антисемитизме, не допускает такого грубого и нелепого обвинения Масарика. Но она признавала поступок студента грубым и нехорошим проявлением совершенно естественного, по ее мнению, чувства негодования, вызванного защитой несомненного для нее убийцы. Я спрашивал Масарика, верен ли этот рассказ. Он ответил, что не вполне, что дело происходило несколько иначе, но, видимо, ему было неприятно говорить о нем, и подробностей он мне не сообщил.

Другое проявление резкой вражды к Масарику – по совершенно иным мотивам – я встретил у Плеханова, с которым виделся в ту же мою заграничную поездку в Цюрихе. Когда я сказал Плеханову, что познакомился с Масариком и что он произвел на меня впечатление совершенно исключительного человека, то Плеханов искренне принял это за шутку с моей стороны, которую нужно понимать наоборот, и мне стоило труда убедить его в совершенной серьезности моего мнения. Он только презрительно пожал плечами и спорить не стал. Враждебное его мнение о Масарике объяснялось книгой Масарика, посвященной критическому разбору учения Маркса⁷⁵⁰,

750 См.: Masaryk T. G. Otázka sociální: Základy marxismu filosofické a sociologické. Praha, 1898; рус. перевод: Философские и социологические основы марксизма: этюды по социальному вопросу /

разбору очень серьезному, но, конечно, не нравившемуся Плеханову. Свое мнение об этой книге Плеханов высказал в рецензии, напечатанной им незадолго до того, как мы с ним встретились в Цюрихе; рецензия была написана в обычном для Плеханова в первый период его литературной деятельности тоне издевательства над несимпатичным ему автором с некоторой наклонностью к передержкам⁷⁵¹. 1900–1901 гг. относятся уже не к первому периоду деятельности Плеханова, но как раз в разборе Масарика, который, видимо, сильно задел его за живое, он вернулся к наименее симпатичным своим приемам⁷⁵².

Пер. с нем. П. Николаева. М., 1900.

751 В статье «О книге Масарика», напечатанной в научно-политическом журнале «Заря» (1901. № 1. Апрель), который издавала редакция газеты «Искра» в Штутгарте в 1901–1902 гг. (см.: Плеханов Г. В. Сочинения / Под ред. Д. Рязанова. 2-е изд. М., 1925. Т. 11. С. 370–382), рецензент критиковал автора за причисление К. Маркса и Ф. Энгельса к эклектикам и позитивистам, незнакомство с работами Гегеля и заимствование формулировок Н. И. Кареева, Н. К. Михайловского и др. критиков исторического материализма.

752 Ср.: «Масарик не социал-демократ; он даже написал книгу против марксизма, которую очень ядовито, хотя и не вполне беспристрастно высмеял Плеханов. Но он и не враг социал-демократов ни как отдельных людей (в его гостеприимном доме в Праге можно было постоянно встречать чешских и немецких социал-демократов), ни даже их как партии, считая ее существование и исторически необходимым, и практически весьма полезным. И к идеям социализма Масарик относится не враждебно, а скорее сочувственно, ища только других путей к их осуществлению, чем те, по которым идут социал-демократы. Его можно было бы назвать христианским социалистом, если бы этим именем не называли себя антисемиты. В основе мирозозерцания Масарика лежит сильное религиозное чувство; он более чем деист, он христианин с широкой протестантской терпимостью и свободомыслием; католик по рождению, он уже давно даже формально присоединился к евангели-

Чешские социал-демократы, с которыми мне приходилось говорить о Масарике, тоже относились отрицательно к этой его книге; особенно резок был отзыв Немеца, который ставил в упрек Масарику, что его книга представляет из себя одно чистое отрицание (*pure negation*) и ничего положительного не дает. Но и он, и *нрзб* отзываю о Масарике, как о человеке крупном, не удивлялись.

Моя старая знакомая, о которой я упомянул, была Зденка Браунер, художница, дочь Франца Браунера, известного участника революции 1848 г., сподвижника Палацкого и Ригера, потом видного деятеля старочешской партии. Познакомился я с ней и со всей семьей Франца Браунера (кроме его самого, который к тому времени уже умер⁷⁵³) еще в первую мою поездку за границу, летом 1880 г., 15-летним гимназистом, вместе с матерью и младшим моим братом. Тогда мы провели в Праге дней десять и близко сошлись со всей семьей Браунер, из которой была в живых старуха мать, скоро после того умершая⁷⁵⁴, два сына: один – адвокат, другой – известный впоследствии химик, и две молоденькие барышни: старшая впоследствии вышла замуж за какого-то француза и уехала во Францию⁷⁵⁵, а младшая, Зденка, замуж не вышла. К Браунерам у нас было рекомендательное письмо. Жили они тогда на собственной даче в Ростоке под Прагой, и мы ездили к ним чуть не каждый день

ческой церкви. На либерально христианском фундаменте он строит свое политическое мировоззрение, и мягкий, мечтательный социализм есть для него лишь вывод из моральных основ христианства» (Водовозов В. Дело Крамаржа // День. 1916. № 145. 28 мая).

753 Франц (Франтишек Август) Браунер умер 21 июня 1880 г.

754 Ошибка: Августа Анна Браунерова скончалась через десять лет после мужа, в 1890 г.

755 Имеются в виду Владимир и Богуслав Браунеры, а также их сестра Анна, вышедшая замуж за французского писателя Элемира Буржа.

нашего пребывания в Праге. Особенно подружился я со Зденкой, очень живой, остроумной барышней, недурно певшей. Все Браунеры, кроме матери, порядочно говорили по-русски; с матерью приходилось разговаривать по-французски или по-немецки.

Теперь, в 1901 г., я вновь разыскал ее. Несмотря на то что она, по-видимому, пользовалась некоторой известностью в качестве художницы (по крайней мере, ее имя значится в чешском Энциклопедическом словаре с указанием ее главных картин, из которых некоторые находятся во Франции⁷⁵⁶), я застал ее, видимо, в очень скудных материальных условиях. Двадцать лет прошли не даром. Несмотря на очень дружескую встречу, мы, обменявшись общими фактическими сведениями о семейных обстоятельствах, с трудом нашли общий язык; вопросами политики она хотя и интересовалась до некоторой степени, но говорила по ним уж очень шаблонно и неинтересно, а я был совершенно чужд тех вопросов искусства, которыми она интересовалась; да и о них она говорила каким-то мертвым языком. Явился к ней я, конечно, под настоящей фамилией, но она спросила мой адрес, и мне пришлось сообщить и псевдоним, и обстоятельства, заставившие меня скрыться под ним.

Из Праги я поехал в Вену; бывал в парламенте, бывал у деятелей разных политических партий (особенно много – у антисемитов различных оттенков), познакомился или, лучше сказать, возобновил знакомство с Виктором Адлером (умер в 1918 г.), с которым я за два года перед тем встречался в Берлине; познакомился с Пернерсторфером, уже перешедшим к этому времени в социал-демократический лагерь, близким приятелем Масарика (который и дал мне письмо к нему).

Пернерсторфер, несмотря на свой социал-демократизм, был чужд того централизма и склонности к нивелированию,

756 См.: Braunerova Zdenká // Ottův slovník naučný: Illustrovaná encyklopædie obecných vědomostí. Praha, 1891. Díl 4. S. 601.

которое отличает германских социал-демократов, а отчасти и австрийских (В. Адлер). По национальному вопросу он говорил тем же языком, что и Драгоманов, и Потебня. Для него национальные различия и в особенности каждый язык есть нечто представляющее большую ценность. «Человек духовно беднеет, когда забывает свой язык, и народ – тоже. Исчезновение различных народностей обозначает обеднение (Verarmung) человеческой цивилизации». Я возражал ему указанием на существование таких народностей, как тунгусы, гиляки, камчадалы⁷⁵⁷ и др., и спрашивал, неужели с какой бы то ни было точки зрения можно желать сохранения национальных особенностей этих народцев, для которых их язык является стеной, отделяющей их от мировой культуры. Возражение было, конечно, не ново для Пернерсторфера, но мало его интересовало.

– Я говорю, – отмахнулся он от этого возражения, – о цивилизованных народностях, с которыми мы имеем дело здесь, в Западной Европе, и, в частности, у нас, в Австро-Венгрии; здесь нет дикарей.

– А цыгане? А галицийские евреи с их жаргоном?

– Еврейский жаргон связывает евреев с тысячелетней культурой еврейского народа, да и современная культура их представляет из себя нечто очень своеобразное. Еврейский народ дает большое число выдающихся людей на всех поприщах, и неужели вы думаете, что их еврейское происхождение, их духовная связь с библейской и талмудической историей ничего не внесли в их психику, чем следует дорожить?

Национализм (в этом своеобразном его понимании) у

757 Гиляки (устар., ныне – нивхи) – малый народ, проживающий близ устья Амура, на побережье Охотского моря и Татарского пролива, на севере острова Сахалин. Камчадалы – русское старожильческое население, потомки первых поселенцев, смешавшихся с местным этносом, на Камчатке и Чукотке.

Пернерсторфера был глубокий, последовательный и искренний; это не был национализм представителя гонимой народности, который только и мечтает о том, чтобы из гонимого обратиться в гонителя; нет, сам Пернерсторфер, представитель тогда привилегированной в Австрии немецкой национальности, твердо отстаивал свою позицию по отношению к русинам, словенцам и всем другим мелким народцам Австрии, и все они чувствовали большую потерю, когда Пернерсторфер не попал в рейхсрат.

В Вене я познакомился (по рекомендательному письму Масарика) также с редакцией еженедельного журнала «Zeit», в особенности с его политическим редактором Каннером. Это был журнал, выражавший взгляды того течения австрийской политической мысли, которое несколько ранее создало эфемерную Социально-политическую партию⁷⁵⁸ (Кронаветтер, Пернерсторфер) – партию не социалистическую, но требовавшую серьезных социальных реформ, всеобщего голосования и полного равноправия всех австрийских народностей. Ко времени моего путешествия Социально-политическая партия уже распалась. Кронаветтер умер⁷⁵⁹, Пернерсторфер перешел в социал-демократический лагерь, где занял место на правом умеренном фланге и где сильно содействовал обращению единой австро-венгерской социал-демократии в федеративную организацию из 6 национальных социал-демократий⁷⁶⁰, что, с од-

758 Социально-политическая партия (Sozialpolitische Partei) – либеральная антиклерикальная социально-реформистская партия, созданная группой интеллектуалов в 1896 г.; выступала за гражданские реформы, равенство всех перед законом, эмансипацию женщин; просуществовала до 1919 г., пользуясь наибольшим влиянием в Вене и Нижней Австрии.

759 Ошибка: Ф. Кронаветтер, остававшийся депутатом рейхсрата до 1901 г. и ландтага Нижней Австрии до 1902 г., скончался в 1913 г.

760 На венском партсъезде 1897 г. Э. Пернерсторфер отстаивал

ной стороны, содействовало ее быстрому росту и укреплению влияния, а с другой – лишало ее того характера резкой противоположности всем остальным партиям и вообще приспособляло к современному общественному строю.

К журналу «Zeit», естественно, тяготели радикальные элементы австрийских народностей. Близким сотрудником его был и Масарик⁷⁶¹, и там во время моего пребывания в Австрии он поместил очень хорошую статью о политическом положении России, в которой между прочим, на основании моего рассказа, сообщал об ибсеновском деле (о котором я рассказал в предыдущей части моих воспоминаний). Я тоже поместил статью о русских делах, подписанную псевдонимом A. Radin⁷⁶².

В разговоре со мной Каннер спросил меня, как поживает Милюков (они были знакомы). Милюков как раз в это время сидел в тюрьме⁷⁶³, о чем я и сообщил своему собеседнику. Помню, как при этом сообщении Каннер просто остолбенел. Любопытно, с каким изумлением европейцы всегда встречали подобные сообщения; они просто не могли взять в толк, как это порядочный человек, которого они знают и про которого они знают, что ни носовых платков, ни кошельков он из карманов не ворует, векселей не подделывает, неистовыми страстями, приводящими к убийствам из ревности или из мести,

разделение Социал-демократической рабочей партии Австрии (Sozialdemokratische Arbeiterpartei Österreichs; основана в 1889 г.) на национальные группы, и ее преобразовали в федерацию из шести фактически самостоятельных организаций: немецкой, чешской, итальянской, польской, югославянской и, с 1899 г., русинской.

761 См.: Masaryk T. G. Zu den russischen Studentenunruhen // Die Zeit. 1901. № 340. 6 April.

762 См.: Radin A. // Ibid. 1901. № 347. 6 Juni.

763 П. Н. Милюков, арестованный в феврале 1901 г. за выступление на вечере памяти П. Л. Лаврова, около 4 месяцев содержался в Доме предварительного заключения на Шпалерной.

не отличается, как такой человек может сидеть в тюрьме. А между тем книгу Кеннана⁷⁶⁴ они все читали, биографию Достоевского тоже. И сам Каннер не раз бывал под судом по литературным делам (но отделялся штрафами), а Масарик даже собирался – и всем говорил, что в следующий раз он штрафа не заплатит и предпочтет сесть в тюрьму. Следующего раза этого с ним не случилось, а вместо того случилась война, и в тюрьме сидели жена и дочь Масарика, Крамарж⁷⁶⁵ и многие другие.

После Вены я побывал в Любляне (Лайбахе⁷⁶⁶) и в Триесте. В первый из них меня влекли политические интересы, во второй – совсем иные. Уже довольно давно меня преследовал постоянный звон в ушах, и я начал гложуть. Глухота пока еще была малозаметна для посторонних, которые склонны были приписывать моей рассеянности или невнимательности те случаи, когда я, бывало, не расслышу их слов, но я прекрасно знал, что дело обстоит для меня значительно хуже и угрожает еще более тягостными последствиями.

И в Киеве, и в Петербурге я обращался к различным специалистам, но пользы они мне не приносили, а один, как раз произведший на меня самое лучшее впечатление, по фамилии Миллер, очень внимательно исследовав мой слух, прямо сказал, что он не понимает причин и характера моей глухоты, лечить отказывается, и от обычного гонорара тоже категорически отказался.

В это время славились два умных врача – Урбанчич в Вене и Михаил Браун в Триесте, считавшиеся самыми крупными

764 Kennan G. *Siberia and the Exile System*. N. Y., 1891. 2 vol.

765 К. Крамарж, будущий первый премьер-министр Чехословакии, арестованный в мае 1915 г. по обвинению в государственной измене, на судебном процессе, который тянулся с декабря 1915 г. по июль 1916 г., был приговорен к смертной казни, замененной 15 годами каторги.

766 Лайбах (Laibach, нем.) – название словенской Любляны до 1918 г.

знаменитостями в этой области во всем мире, но два соперника-врача, каждый – изобретатель своей особенной системы лечения, очень резко критиковавшие друг друга в печати.

Система Урбанчика состояла в комбинации гимнастики слуха с внушением; произведением различных звуков различной силы он как бы обучал слуху человека, не умеющего слышать. У меня эта система не вызывала доверия; я слишком был убежден в наличии объективных причин моей глухоты и не менее того был убежден, что внушению не поддаюсь и лечение внушением ко мне не применимо⁷⁶⁷.

Браун лечил особым массажем, производившимся им посредством специальных изобретенных им инструментов во внешнем и внутреннем ухе. Массаж производил он в течение получаса и более подряд; рука его, двигавшая инструмент, вибрировала с сильнейшим напряжением и изумительной верностью; утомлялся он от этой работы, видимо, очень сильно, но выдерживал ее и после самого короткого отдыха принимал следующего пациента и производил такую же манипуляцию. Операцию эту со мной он производил 6 или 7 дней подряд, с другими пациентами – иногда две и более недели. Я слышал о нем несколько очень хороших отзывов, между прочим – от моей матери, которая была у него и которой он, по ее мнению, очень помог. Но слышал и не сочувственные отзывы. Так, к нему из Киева ездил глухой старик Бердяев (отец Н. А. Бердяева) и вернулся совершенно разочарованный в Брауне.

Тем не менее я решил испытать Брауна и поехал к нему в Триест. Прежде всего он определил мою болезнь как склероз среднего уха, обещал не излечение, но по крайней мере улуч-

767 Стремясь выявить наличие остаточного слуха, развить и усовершенствовать его, В. Урбанчик разработал систему тренировочных упражнений («слуховой гимнастики»), а для исследований – специальный прибор («гармонику Урбанчика») с 43 «затворами», каждый из которых давал свой тон (см.: Басова А. Г., Егоров С. Ф. История сурдопедагогики. М., 1984. С. 104).

шение и дал прочесть свою брошюру, в которой объяснял свой метод. Из брошюры я узнал, что прежде Браун практиковал несколько иной вид массажа, но скоро убедился, что он скорее вреден, чем полезен, и перешел к новому, который производит исключительно хорошие результаты. Так-таки и было сказано в брошюре: скорее вреден, чем полезен. Фраза эта произвела на меня сильное впечатление. Но не ехать же назад! Назвался груздем, полезай в кузов. Александру Македонскому тоже было сообщено, что подносимое ему лекарство скорее вредно, чем полезно (правда, не самим врачом): он выпил его – и выздоровел. В наш скептический век выздоравливают не так легко, от одного приема лекарства, и я начал посещать Брауна. К тому же в его приемной я перезнакомился с добрым десятком пациентов из разных стран, особенно из славянских: Сербии, Болгарии, Черногории, а также из Германии и Австрии и слышал массу самых восторженных отзывов о Брауне, притом не только как о враче, но и как о человеке; мне рассказывали, что стоит только заикнуться ему о своем тяжелом материальном положении, и он отказывался от гонорара. Последнее было несомненной правдой. Провозившись со мной целую неделю, он назначил мне очень скромный гонорар и сейчас же прибавил:

– Если вам трудно, то я от гонорара отказываюсь.

Я этим, конечно, не воспользовался. Его медицинская искренность и честность для меня не подлежат ни малейшему сомнению. Очень симпатичное впечатление производил он на меня и как человек. Будучи по натуре, очевидно, человеком очень общительным, он во время манипуляций с ухом пациента разговаривает с ним, – разговаривает по различнейшим вопросам: и о своих пациентах (между прочим, незадолго до меня у него был Богданович, уфимский губернатор, впоследствии убитый эсерами), и о политике, и о литературе, – и оказывается очень интересным собеседником. Тем не менее окончательный итог моего отношения к нему как к врачу – отрицательный.

В первый раз после получасового массажа мой слух улучшился изумительно. Я вышел от него на берег моря и прошел несколько километров. Голова у меня сильно кружилась, по временам я боялся, что упаду, но зато мне открылся целый новый мир звуков, давно мной забытых: я слышал и различал различные тона прибоя валов и понимал слова Пушкина:

...шум морской,
Прибрежный ропот Нереиды,
Глубокий, вечный шум валов, –
Хвалебный гимн Творцу миров⁷⁶⁸.

Слышал я и различал различнейшие голоса птиц и насекомых. И радовался...

Но на следующее утро от этого улучшения не осталось и следа. Вторичный массаж хотя и произвел свое влияние, но меньшее. Через неделю Браун заявил мне, что более производить массаж теперь он считает не нужным. Затем, производя измерения, доказал, что улучшение слуха значительно, хотя и не таково, как после первого опыта, но зато, говорил он, более прочно и год выдержит, а на следующий год он предлагает мне приехать к нему вновь. Доказывать улучшение слуха измерениями, впрочем, не было надобности: я его чувствовал и в нем не сомневался. Вопрос был только в прочности. Увы, через 3–4 месяца никаких следов лечения не осталось, а еще через 3–4 месяца мой слух стал значительно хуже, причем этот период представлял в моей болезни, уже давно, но медленно прогрессирующей, скачок, каких я ни раньше, ни позже не испытывал. Поэтому, решив, что Браун уже написал вторую брошюру, в которой объяснял, что и второй его метод оказался скорее вреден, чем полезен, я более к нему не ездил.

768 Неточная цитата из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина (гл. VIII, строфа IV).

Насколько я прав в своем выводе, судить, конечно, не мне; я изложил известные мне факты и сам знаю, конечно, что мои факты – двух порядков, друг другу противоречащих. На следующий год у Брауна была вторично, несмотря на мой опыт, моя мать и по-прежнему вернулась в убеждении, что ей он помог, но я и многие другие результата этой помощи не замечали: глухота моей матери заметно прогрессировала. Не раз я говорил о Брауне с различными врачами, специалистами по ушным болезням: по большей части их отзывы были более или менее скептическими. А через 20 лет, в 1922 г., я говорил на ту же тему в Берлине с одним русским врачом, и тот заявил мне, что он никогда фамилии Брауна не слышал. А между тем это был тоже специалист по ушным болезням! По-видимому, система Брауна была наукой совершенно отвергнута и даже забыта. А за 20 лет перед тем он был, в своей области во всяком случае, крупной знаменитостью.

Моей матери Браун рассказал очень интересный факт, касающийся меня и остающийся для меня до сих пор загадкой. Через несколько дней после моего отъезда его вызвали – не знаю, в полицию или к судебному следователю, – и спросили, действительно ли лечился у него Потемкин и действительно ли он Потемкин. Браун ответил, конечно, так, как только и можно было ответить: что документов у своих пациентов он не спрашивает, а что Потемкин у него действительно лечился и действительно нуждается в лечении. Каким образом полиция смогла меня заподозрить именно в Триесте, где я решительно ни с кем, кроме Брауна и его пациентов (из которых с одним, немецким журналистом, довольно часто вместе гулял), не виделся, я решительно не понимаю.

По окончании курса лечения у Брауна я сел вечером на пароход в качестве Потемкина, а проснувшись утром, почувствовал себя уже Водовозовым, хотя и не сразу. В Венеции

poste restante⁷⁶⁹ на имя Потемкина меня ждал заказным пакетом мой настоящий паспорт, который возить с собой в кармане я считал неудобным, а паспорт на имя Потемкина я отправил заказным же пакетом его настоящему собственнику, визитные карточки на имя Потемкина выбросил в море, и, таким образом очистившись от всех признаков своего нелегального периода, я окончательно вошел в свою прежнюю, нормально принадлежащую мне оболочку. И помню, какое душевное облегчение почувствовал я при этом. Вероятно, люди типа Савинкова и тому подобных, привыкшие менять псевдонимы, делают это легче. Но я все время испытывал чувство тяжести под гнетом своего псевдонима и чужого паспорта и чувство неловкости, когда называл себя ложным именем. Но последствия своего нелегального путешествия мне пришлось нести еще и на возвратном пути. В Стокгольме я посетил одного шведа, с которым познакомился как Потемкин у Масарика, а так как и в Стокгольме являться Потемкиным мне не улыбалось, то и ему пришлось рассказать всю историю. Но это было тогда, когда такой рассказ не представлял для меня уже не малейшей опасности, но чувство неловкости оставалось в полной силе.

Я побывал по 2–3 дня в Венеции, Флоренции, Милане, но вел себя там преимущественно в качестве обычного туриста: осматривал дворцы, церкви, галереи, гулял по окрестностям и т. д. Недостаточное знание итальянского языка мешало мне посещать суды, народные собрания, что я обыкновенно делал во время зарубежных поездок. В Милане, впрочем, я провел день 1 мая и видел рабочие процессии и собрания. Посетил я также вождя ревизионистского фланга социалистической партии, Филиппо Турати; его не застал, он был где-то в отъезде, но познакомился с его женой, Анной Кулешовой.

Затем через Луганское озеро я перебрался в Швейцарию и

769 до востребования (фр.).

остановился на несколько дней в Цюрихе. Там со мною произошло неприятное приключение. Я подъезжал к Цюриху с последним десятифранковиком в кармане. Не доезжая Цюриха, я где-то разменял свой десятифранковик, и у меня осталось 6–7 франков. Это меня не тревожило, так как в Цюрихе меня ожидал денежный перевод из России, но, на беду, дело было в субботу вечером, и, следовательно, 6–7 франков должно было хватить до понедельника; однако и это не внушало опасения, так как на обед должно было хватить, а за ночлег в гостинице следовало заплатить позднее. Но вот вечером в кафе, когда я подал одну из оставшихся у меня серебряных монет, мне вернули ее со словами:

– Die sitzende Helvetie⁷⁷⁰, – и с указанием, что на обратной стороне монеты вычеканена Гельвеция в сидячем положении.

– Ну и что же?

– Sie ist nicht gut⁷⁷¹.

Для меня это был удар совершенно неожиданный, и я даже не сразу понял, чем так плоха сидящая Гельвеция и почему она хуже стоящей Гельвеции.

– Sie geht nicht⁷⁷².

Дело объяснилось в весьма печальном для меня смысле, хорошо знакомом туристам: мне подсунули вышедшую из употребления монету, что со мной случалось и раньше, и позднее, только не в столь затруднительных обстоятельствах. Мне оставалось сострить, что ведь и стоящая Гельвеция не ходит, и примириться со своей участью. К счастью, для расплаты в кафе, где я так попался, у меня нашлась необходимая монета, так же как и для покупки булки для утреннего чая в воскрес-

770 Сидящая Гельвеция (нем.); монета с сидящей Гельвецией (Helvetia), персонифицированным образом Швейцарии, была изъята из обращения с января 1878 г.

771 Она не годится (нем.).

772 Она не в хождении (нем.).

ные. Я издавна завел привычку ездить с небольшой спиртовкой, благодаря чему утренний чай был для меня обеспечен, а вечер воскресенья я провел у П. Б. Аксельрода, где меня тоже угостили чаем. Но от обеда пришлось отказаться.

В Цюрихе я познакомился с Аксельродом, у которого гостил Плеханов (с ним я был знаком раньше), и с доктором Эрисманом, но вышло как-то так, что гораздо больше говорил я, сообщая о событиях в России, чем они, так что знакомство дало мне мало интересного. О легком столкновении с Плехановым из-за Масарика я уже рассказал.

Затем через Берлин, Стокгольм и Петербург я вернулся домой, в Киев. Из названных пунктов я остановился в Стокгольме, где побывал у упомянутого мною выше шведа и, с его рекомендательной карточкой, у лидера шведской социал-демократии⁷⁷³ Брантинга. У Брантинга меня поразило гостеприимство в степени, незнакомой даже в России, – наиболее, кажется, гостеприимной стране мира. Дело было так.

Я пришел к Брантингу днем. На звонок отворила дверь прислуга и в ответ на мой вопрос, заданный по-немецки, дома ли г. Брантинг и когда его можно видеть, залопотала что-то длинное, в котором я уловил только одно слово: риксдаг⁷⁷⁴. Ясно было, что Брантинг в риксдаге, но когда он вернется, оставалось неясным. В эту минуту выскочила в прихожую очень хорошенькая девочка лет 11–12. Я к ней:

– Sprechen sie Deutsch?⁷⁷⁵

Она отрицательно завертела головой.

773 Социал-демократическая рабочая партия Швеции (Sveriges socialdemokratiska arbetarepartiet), основанная в 1889 г.; единственным представителем ее в риксдаге в 1896–1902 гг. был Карл Яльмар Брантинг.

774 Риксдаг (швед. riksdag) – двухпалатный, с 1866 г., парламент Швеции.

775 Вы говорите по-немецки? (нем.).

– Parlez vous français?⁷⁷⁶

– Oui⁷⁷⁷, – и затем объяснила, что папу можно заставить вечером.

Я вручил ей рекомендательную карточку шведа и ушел. Через несколько минут на улице слышу:

– Monsieur, monsieur!⁷⁷⁸

Оказывается, за мной бежит дочка Брантинга.

– Мама просит вас к обеду во столько-то часов.

Я, конечно, поблагодарил и обещал быть. Г-жа Брантинг, очевидно, прочла рекомендательную карточку, и хотя в ней не было ничего, кроме сообщения, что ее собственник познакомился со мной в Праге у Масарика и что он тепло рекомендует меня Брантингу, но все же на основании этой шаблонной рекомендации сочла возможным пригласить меня к обеду. Я был и провел часа два в семейной обстановке в очень интересной беседе о политической жизни в Швеции и, в частности, о ее социал-демократической партии и внутренних в ней отношениях.

В июне 1901 г. я был уже в Киеве⁷⁷⁹. В Киеве я счастливо избежал от попытки запутать меня в серьезное политическое дело, произведенное небезызвестным революционером Татаровым, впоследствии убитым эсерами в качестве провокатора. Я, впрочем, не могу с уверенностью установить, произошло ли это в 1901 г. или раньше, в 1900-м или, может быть, даже в 1899 г., но так как в своих более ранних воспоминаниях я об этом

776 Вы говорите по-французски? (фр.).

777 Да (фр.).

778 Месье, месье! (фр.).

779 18 мая 1901 г. столичное охранное отделение уведомило Департамент полиции, что В. В. Водовозов «12 сего мая прибыл из заграницы в г. С.-Петербург и 14-го числа выбыл из столицы» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 228. ОО. 1900. Д. 996. Л. 6).

интересном инциденте не рассказывал⁷⁸⁰, то расскажу здесь.

Однажды утром заявился ко мне субъект.

– Я к вам от Исидора Семеновича.

Еще за несколько лет перед тем Марья Вильямовна Беренштам в разговоре со мной назвала имя Исидора Семеновича как условное имя, от которого она может послать ко мне кого-либо; я должен был принять по этой явке с доверием и по возможности оказать просимую услугу⁷⁸¹. Вообще я, ставший по своим личным отношениям и связям в близких отношениях к двум возникавшим тогда революционным партиям, нередко оказывавший им различные услуги, активного участия в их конспиративной деятельности никогда не принимал, под псевдонимами в России сам не жил (австрийскую поездку исключая) и с явками дела не имел (впоследствии, в 1905 г., когда я сам спешно бежал из России, было одно маловажное исключение, о котором речь будет позднее). Просьба Марьи Вильямовны Беренштам поэтому была мне неприятна, но отказаться я не мог. Однако после этой просьбы прошло года 3–4, никто ко мне от Исидора Семеновича не являлся и никому никакой конспиративной услуги я не оказывал.

Когда мой посетитель назвал мне явку, я, конечно, сразу вспомнил о нашем с М. В. Беренштам соглашении, но вообще по всем свойствам своей натуры, не склонной к конспиративной деятельности, я в особенности насторожился, заметив, что явка была переврана.

– Кто это такой? – спросил я.

– Вы же знаете Исидора Семеновича. Я от него. Мне нуж-

780 Автору изменяет память: данный инцидент, как и следующий за ним эпизод, описан во второй части воспоминаний (см. с. 238–239).

781 Я не уверен теперь, что именно это имя служило явкой, а не какое-либо другое; помню только, что имя было какое-то вычурное, искусственное, но дело от этого не меняется.

но познакомиться с местными социалистами-революционерами.

– Я их не знаю.

– Ну как не знаете? Я же говорю вам, я от Исидора Семеновича.

– Да я его не знаю и никаких местных социалистов-революционеров не знаю.

Мой посетитель продолжал настаивать, уверяя, что я только не хочу сказать, и все твердил одно имя. Подозрительные уши выглядели все яснее, хотя я все-таки все время чувствовал недоумение:

– Шпион или нет?

И не умел его разрешить.

Часа через три-четыре после того, как он ушел ни с чем, ко мне заявился Тарле⁷⁸².

– У вас был Татаров?

– Был какой-то субъект, который фамилии не назвал.

– Не принимайте его, если он придет. Татаров – мой товарищ по гимназии, человек очень несимпатичный. Он был революционером, был на каторге или в ссылке, но мне он крайне подозрителен, и я ему не доверяю. Сегодня рано утром он, по его словам – прямо с поезда, заявился ко мне и очень настойчиво добивался вашего адреса. Я сказал, что не знаю. Очень советую вам его не принимать. Но оговариваюсь, что такое к нему отношение – мое чисто личное впечатление; никаких отрицательных фактов о нем я не знаю. И даже больше того: очень многие к нему относятся с большими симпатиями, между прочим Вера Григорьевна Тучапская.

Вера Григорьевна Тучапская была видная киевская соци-

782 Кажется, Тарле летом 1901 г. в Киеве не жил. Если это верно, то тем более вероятно, что дело происходило раньше, в 1900 г. или, может быть, даже в 1899 г.

ал-демократка, жена социал-демократа же Тучапского, в то время сидевшего в тюрьме, пользовавшаяся большим уважением и большими симпатиями.

Трусоватость и чрезмерная подозрительность Тарле мне были известны, и его отзыву, особенно сказанному с такими оговорками, я не вполне доверял. Не особенно нравилось мне и то, что Тарле, раз он действительно хотел предупредить меня об опасности, не сделал этого несколькими часами раньше и дал Татарову полную возможность провоцировать меня. С другой стороны, делалось ясным, что провокация, если это была таковая, не исходила от местной жандармерии, так как ей не было нужды справляться о моем адресе у Тарле. Но как бы то ни было, дело было сделано. Впоследствии, когда имя Татарова как провокатора стало общеизвестным, все дело полнее уяснилось мне, хотя все-таки оставалось неясным: от кого исходила инициатива этой попытки запутать меня. С Марьей Вильямовной Беренштам я больше никогда не видался и выяснить эту историю у нее или с ее помощью не мог.

Через два дня после одного из бывших у меня ночных обысков, окончившегося на этот раз благополучно, то есть без ареста, я сидел в своей комнате, приводя ее в порядок после ночного визита. Ко мне входит субъект, имеющий очень удрученный, словно пришибленный вид, но и по природе своей субъект серый, к тому же заикающийся, что на меня почему-то всегда производит неприятное впечатление.

– Я к вам по делу.

– Слушаю.

– Да вот, видите, дело трудное, требующее доверия, а я не имею права на ваше доверие.

– Однако же чего вы хотите от меня?

– Трудно сказать сразу.

– Скажите постепенно.

– Не смейтесь. Мне прежде всего нужно убедить вас, что я прихожу к вам не с ветра, что я знаю о вас от людей, к которым

вы относитесь, я думаю, с доверием. Всего больше я знаю о вас от Эттингер.

Эттингер была барышня, эсдечка, киевлянка, хорошо мне знакомая и действительно пользовавшаяся довольно широкими симпатиями. Незадолго до массового провала эсдеков в Киеве весной 1898 г. она уехала за границу и тем избежала общей с ее друзьями участи. В свою поездку за границу в 1898 г. я многократно виделся с ней в Штутгарте, где она, как и я, посещала немецкий социал-демократический партейтаг.

И вот мой посетитель начинает мне рассказывать о наших разговорах с Эттингер, передает мне наши с ней впечатления от партейтага и его участников, передает высказанные мною мои мнения. Я вижу ясно, что узнать все это он мог только из одного источника и что он связан с Эттингер близким, дружеским знакомством. И заканчивает:

– Я приехал в Киев сегодня с грузом социал-демократической литературы. Его оставил я на вокзале на хранение. Мне даны были три адреса, – и он называет три знакомые мне фамилии. – У всех у них я был, и все они, по-видимому, арестованы (это так и было. – В. В.). Кроме них я знаю только две фамилии в Киеве: вашу и Бердяева, и я обращаюсь к вам с просьбой помочь мне. Если вы не поможете, я пойду к Бердяеву.

– Бердяева нет сейчас в Киеве, он в отъезде.

– Вот как. Я этого не знал. Тем хуже для меня и для дела, и тем убедительнее прошу я вас помочь мне.

– То есть что я должен сделать?

– Связать меня с каким-нибудь уцелевшим социал-демократом, который взял бы у меня груз.

– Но я же не социал-демократ и никакого активного участия в делах партии не принимаю.

– Я хорошо знаю это, знаю, что у вас есть очень серьезные разногласия с социал-демократами, но знаю также, что вы порядочный человек, который не побежит сейчас к Новицкому сообщать о нашем разговоре, который сам подвергается не-

редким арестам и который не может желать, чтобы какой бы то ни было груз нелегальной литературы попал в жандармские руки.

– Всего этого мало.

– Да, мало. Нужно, чтобы вы, во-первых, отнеслись ко мне с доверием, я и пытался приобрести его своим рассказом, а во-вторых, чтобы у вас были знакомые среди социал-демократов. А я знаю, что они у вас есть. Вы были хорошо знакомы с Эттингер, а она активный член партии; вы знакомы с Бердяевым, он хотя и не участвует активно в партийных делах, но по убеждению социал-демократ; вы, вероятно, знакомы с названными сейчас мною лицами и, во всяком случае, имеете знакомства с партийными людьми.

Все это была совершенная правда. И все-таки... Кто был передо мной? Революционер или шпион? Я этого не знал, очень мучился этим вопросом и чувствовал, как должен был мучиться мой собеседник, чувствуя себя жертвою подозрения. И, наконец, решился. Решился довериться ему.

– Хорошо, – сказал я. – Действительно, я знаю одного человека, который, кажется, принадлежит к социал-демократической партии. Я схожу к нему и сообщу о вас, и если он решится довериться вам, то прекрасно; в таком случае мы придем вместе с ним в таком-то часу в Царский сад; вы ждите нас на скамейке у обрыва над Днепром. Если я его не застану дома, то повторю свое посещение, и ждите нас там же завтра в 11 часов утра. Если оба раза мы не придем, то, значит, или я, или он отказываемся помочь вам.

В это время в соседней комнате подали чай. Я пригласил моего собеседника, но он отказался и ушел. Я хорошо понимал его; как мог он принять приглашение человека, не чуждого такого тяжелого подозрения по отношению к нему? И мне было мучительно больно за человека, который с самоотвержением делает дело, которое он считал своим, получая в награду, помимо риска ареста, подозрение в шпионстве. Все это при предположении, что он не шпион. И он должен был уйти бро-

дить по улицам Киева, не зная в нем ни одной души.

В свою очередь и мое положение было не из приятных. Если это шпион, то вряд ли мне удастся избежать ареста и высылки из Киева. А кроме того, ведь если это шпион, то за мной теперь гонятся сыщики и я приведу их в квартиру того лица, к которому шел.

Я шел к Константину Прокофьевичу Василенко, тогда молодому человеку, одному из основателей социал-демократии в Киеве, благополучно уцелевшему от ее вторичного разгрома в 1899 г., – в предыдущем году он сидел довольно долго, но был выпущен; потом сидел еще несколько раз. Впоследствии он был довольно видным киевским журналистом и общественным деятелем, играл заметную роль в революции 1917 г., а при большевиках вместе со своим старшим братом Николаем Прокофьевичем Василенко, занимавшим министерский пост при Скоропадском, был приговорен к смертной казни, но помилован и, кажется, до сих пор (1930 г.) сидит в тюрьме.

Я шел к Василенко, который был одним из очень немногих активных социал-демократов, уцелевших в этот (1899 г.) разгром, и единственным известным мне в качестве такового.

Шел я, разумеется, прибегая к обычным приемам людей, желающих замести свои следы, то есть то ехал на извозчике, то садился в трамвай, то шел пешком, проходя по пустынным улицам. Но делать этого я никогда не умел и в своем неумении был совершенно убежден. Однако делал. Казалось мне, что сыщиков за мной нет. И действительно, последствия доказали, что их не было.

Я рассказал Василенко всю историю. Он отнесся с самым полным доверием к моему посетителю, так как груз, как оказалось, ждали, и мы вместе с ним отправились поздно вечером в Царский сад, где в грустном одиночестве в назначенный час нашли моего посетителя. Он очень обрадовался. Я тотчас же удалился, оставив их вдвоем. Дело кончилось благополучно, и появившийся в обращении новый запас нелегальных брошюр мог доказать Новицкому, что его сети и в этом году были недо-

статочно хорошо закинуты.

Глава II. Диспут Тарле (осень 1901 г.)

По дороге из-за границы в Киев я получил в Петербурге в презент от издательницы Александры Аркадьевны Давыдовой книгу Тарле о Томасе Море⁷⁸³. Это была его магистерская диссертация.

Перед арестом Тарле задумывал диссертацию на какую-то другую тему. Для нее у него уже были собраны некоторые материалы, сделаны некоторые подготовительные работы, но для нее была нужна еще одна заграничная поездка. Потеряв командировку вследствие ареста, он взялся за другую, более легкую тему и с поразительной быстротой, месяцев за восемь, написал на нее целую, хотя и не объемистую книгу.

Хотя я знал об этой невероятной скорости работы, но, очень высоко ценя и знания, и работоспособность Тарле, я *a priori*⁷⁸⁴, еще не прочитав ее, был уверен в ее крупных достоинствах.

– Ох, – говорил мне Челпанов (киевский профессор философии), – не верю я в эти хваленые способности Тарле. Сомневаюсь я и в его знании латинского языка. Сравните внимательно с подлинником его перевод «Утопии» (к диссертации Тарле был приложен перевод с подлинника «Утопии» Мора. – В. В.); уверен я, что найдете крупные ошибки. Вероятно, и в самой диссертации немало вздора. Нельзя диссертацию написать в 8 месяцев.

– Конечно, Тарле знает латинский язык лучше меня, и не мне ловить его на ошибках перевода. С университетских годов, когда читал *Corpus juris civilis*⁷⁸⁵, я не открывал латинской кни-

783 Тарле Е. В. Общественные воззрения Томаса Мора в связи с экономическим состоянием Англии его времени. Прил.: I. Перевод «Утопии» с лат. II. Неизданная рукопись современника о Томасе Море. СПб., 1901.

784 Здесь: заранее (лат.).

785 Свод римского гражданского права, составленный при визан-

ги, а он в качестве медиевиста постоянно пользовался ими. Но, конечно, я прочту и перевод «Утопии», и текст книги Тарле, так как и то и другое меня интересует, но не с целью выискивать ошибки.

Разговор этот происходил в июне или июле 1901 г., вскоре после моего возвращения в Киев; происходил на лодке. Мы с Челпановым оба, проводя лето обыкновенно в городе, для отдыха от городской духоты катались по Днепру на лодке, по очереди сменяя друг друга на веслах и у руля. Иногда с нами подбиралась какая-нибудь компания – братья Кистьяковские (Игорь и Александр) и другие. На этой зыбкой почве мы познакомились с Челпановым в первый год моего поселения в Киеве и оставались добрыми приятелями до моего отъезда оттуда. А в 1901 г. наши совместные прогулки сделались особенно частыми, и вышло так, что диссертация Тарле была очень частым предметом наших разговоров.

Я взялся за книгу Тарле и начал чтение с конца, то есть с приложения. Перед тем «Утопии» Мора ни в подлиннике, ни в каком-либо переводе я никогда не читал. Но я читал, хотя довольно давно, книгу Карла Каутского о Т. Море⁷⁸⁶, и она имела в моей библиотеке. Из нее у меня твердо остались в памяти указания на удивительную безграмотность немецкого перевода «Утопии» Мора, изданного в известной рекламной⁷⁸⁷ Universal Bibliothek⁷⁸⁸. Несколько примеров этой безграмотно-

тийском императоре Юстиниане в 529–534 гг.

786 См.: Kautsky K. Thomas More und seine Utopie. Stuttgart, 1888.

787 Имеется в виду немецкое издательство «Reclam Philipp jun.», которое с 1837 г. называлось по имени его владельца А. Ф. Реклама; с 1867 г. оно издавало книжную серию Universal-Bibliothek (Универсальная библиотека).

788 См.: Thomas Morus und sein berühmtes Werk Utopia. Aus dem Englischen übersetzt von Hermann Kothe. Mit bio- und bibliographischer Einleitung herausgegeben von Eduard-Maria Oettinger. Leipzig, 1846; то же – 1874.

сти были приведены Каутским. Так, немецкий переводчик выражение «in Castello», то есть в замке, в крепости, введенный в заблуждение прописной буквой, часто без нужды употреблявшейся в средневековой и близкой к ней литературе, перевел «в Кастилии», да еще прибавив от себя – «в Новой Кастилии».

Читая перевод Тарле, я на первых же страницах наткнулся на «Новую Кастилию». Тогда я возобновил в своей памяти указания Каутского и убедился, что не эта одна, а все без исключения указанные Каутским ошибки немецкого перевода красуются у Тарле.

Я поделился своим наблюдением с Челпановым.

– Вот видите, что я вам говорил! Нельзя в 8 месяцев написать серьезную диссертацию, хоть будь семи пядей во лбу. А талантливость и ученость Тарле сильно преувеличены. Но на диспуте он проскочит, так как Лучицкий – его друг и покровитель, а других серьезных оппонентов у него не будет.

Вовсе не думая еще выступать на диспуте, но просто заинтересовавшись делом, я приобрел латинский подлинник и два немецких перевода «Утопии» – старый, оцененный Каутским, и новейший⁷⁸⁹, взял еще несколько книг, в том числе новейшее английское издание «Утопии» в подлиннике, с английским переводом и с ценными комментариями⁷⁹⁰, и внимательно прочитал книгу Тарле, сличая ее с «Утопией», проверяя его ссылки на источники. Результат работы был удручающий. Перевод Тарле был несомненно сделан со старого немецкого.

789 Thomas Morus Utopia / Übersetzt und mit sachlichen Anmerkungen versehen von Ignaz Emanuel Wessely. Nebst einem Vorwort von Eduard Fuchs. München, 1896.

790 The Utopia of Sir Thomas More: in Latin from the edition of March 1518, and in English from the 1st edition of Ralph Robynson's translation in 1551, with additional translations, introduction and notes by J. H. Lupton. Oxford, 1895.

Было крайне удивительно, что, пользуясь работой Каутского, Тарле не заметил у него оценки старого немецкого перевода «Утопии», которая была вместе с тем оценкой и его перевода. Это было бы совершенно непостижимо, если бы я не знал манеры Тарле читать книги. Он читает их поразительно быстро, очень много усваивает из них, но, в сущности, никогда не читает их подряд, а только проглядывает и иногда упускает из внимания важные для него факты. У Каутского же его отзыв о немецком переводе был сделан в подстрочном примечании, мелким шрифтом, – и Тарле его просто не заметил⁷⁹¹.

Но была еще одна странность. Цитируя в тексте книги «Утопию», Тарле не пользовался своим собственным переводом, но переводил заново, с подлинника, и значительно лучше⁷⁹². Возникло подозрение, что приложенный к книге пере-

791 См.: «Назовем еще один, самый молодой и самый доступный из всех немецких переводов, появившийся впервые в 1846 г. в Лейпциге у Реклама и воспроизведенный теперь в его “Универсальной библиотеке”. <...> Конечно, лучше прочесть “Утопию” в этом переводе, чем не читать ее вовсе, так как, несмотря на то что переводчик, г. Герман Коте, страшно исказил нашего Мора, однако его величие выступает и в этом отвратительном изложении. Прежде всего, Коте, по-видимому, и не подозревал, на каком языке была написана “Утопия”, так как несомненно перевел ее с французского» (Каутский К. Томас Мор и его Утопия / Пер. с нем. М., 1924. С. 222). В подстрочном примечании, упоминаемом мемуаристом, Каутский язвительно писал: «У нас есть все основания думать, что и французский перевод этот, видимо, сделан был не с оригинала, а с английского, так что это издание представляет перевод перевода, сделанного с перевода» (Там же).

792 6 октября 1900 г. Е. В. Тарле писал И. В. Лучицкому из Варшавы: «Перевод “Утопии” через 10–15 дней будет окончен: у меня тут прекраснейшие латинские медиевальные словари, которые удивительно облегчили перевод» (Из литературного наследия академика Е. В. Тарле. М., 1981. С. 171).

вод был сделан по его заказу другим лицом. Один из его молодых друзей (Владимир Вакар), защищая Тарле в этой истории и оправдывая его спешность, не мог не признать полной негодности перевода и высказал мнение, что он сделан женой Тарле⁷⁹³. Но, во всяком случае, Тарле должен был бы сличить перевод с подлинником и исправить его, а между тем он, по-видимому, не удосужился даже прочитать его, хотя бы в корректуре.

Наспех было сделано не только приложение, но и весь текст книги. Тарле не знал ни лучших новейших изданий изучаемого им писателя (между прочим, упомянутого мною сейчас издания Lupton), ни новейших лучших переводов на немецком языке (перевода Wessely), ни очень многих других работ. А в то же время, придавая себе вид исследователя, впервые открывающего неизвестные факты, он беспрестанно говорит: эта сторона «Утопии» не затронута ни одним исследователем, на это не обратил еще внимания никто, – и обнаруживает при этом поразительное для ученого незнание с литературой предмета. У меня уцелело в памяти указание Тарле, что криминалисты и, в частности, историки смертной казни совсем не знают того факта, что первым борцом против нее был Т. Мор. Между тем об этом знают не только все историки смертной казни, но об этом подробно говорится в общеизвестном (особенно в Киеве) учебнике уголовного права киевского профессора (в то время уже покойного) Кистяковского⁷⁹⁴, причем в нем же выяснено, что Мор далеко не был первым противником смертной казни, что борьба против этого института началась еще за несколько столетий до Мора⁷⁹⁵. Подобными

793 Имеется в виду О. Г. Тарле.

794 Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Киев, 1875. Т. 1.

795 Ср. с рецензией в журнале «Русская мысль»: «Не только экономический отдел, составляющий 1/3 исследования г. Тарле, по-

ошибками и недоразумениями книга Тарле была, можно сказать, переполнена. Вся она была написана главным образом по книге Каутского и очень немногим другим пособиям, причем, однако, Тарле уснастил ее очень резкой, придиричливой и несправедливой полемикой с Каутским.

Между тем в печати книга Тарле была встречена очень сочувственно. В «Русских ведомостях» Дживелегов напечатал короткую, но очень решительную рецензию, в которой говорилось, что книга Тарле – ценный вклад в науку, а данный им перевод может считаться образцовым⁷⁹⁶. В таком же духе были

ражает ничтожностью своих результатов. Отдел, посвященный месту Мора в истории общественных учений, еще бледнее. Пятый тезис г. Тарле гласит: “Криминалистические воззрения Т. Мора отличаются широтою и вдумчивостью, первыми по времени в истории европейской культуры”. В тексте книги г. Тарле с видом ученого, открывающего нечто до него совершенно неизвестное, заявляет: “Если бы Т. Мор (несмотря на частое упоминание его имени по разным поводам и всегда почти понаслышке) не был так глубоко забыт, слова приведенной тирады (из Т. Мора), а вовсе не выдержки из Беккарии начинали бы собою историографию борьбы против смертной казни” (стр. 123). Итак, Т. Мор забыт, а г. Тарле воскрешает его в памяти человечества. Да какая же историография борьбы против смертной казни начиналась с Беккарии? Кистяковский начинает ее с Августина, и тот же Кистяковский отводит в ней видное место Т. Морю (см. учебник Уголовного права, 2 изд., Киев, 1882 г., стр. 74–75). Итак, из книги Тарле читатель выносит очень немного, и в этом немногом очень много прямо ошибочного». В рецензии отмечалось, что, поскольку автор, не обладая необходимыми знаниями, «приступил к своей работе с весьма легким багажом», многие научные труды «неизвестны г. Тарле даже по заглавию», а выводы, к которым он приходит в экономической части своего исследования, «крайне бледны», но «всего более ошибочного в самом изложении идей Мора» (Библиографический отдел журнала «Русская мысль». 1902. Кн. 1. С. 7–11).

796 Отмечая, что монография Е. В. Тарле, в которой «обилие учено-

рецензии и в других журналах и газетах. Явление это было для меня совершенно непонятно и возмутительно.

Стало известно, что Тарле представил свою книгу на степень магистра в Киевский университет и что Лучицкий дал о ней в высшей степени сочувственный отзыв⁷⁹⁷, а Дашкевич поддержал его.

Первое было не удивительно, всем были хорошо известны дружеские отношения между Лучицким и Тарле, и не менее известно, что Лучицкий, сам несомненно очень крупный ученый, крайне пристрастен в своих отзывах и отношениях. Второе было удивительнее: Дашкевич – тоже крупный ученый и той слабостью, в которой укоряли Лучицкого, не отличался; к тому же и каких-либо особенно дружеских отношений с Тарле у него не было. Позднее, перед самым диспутом Челпанов передавал мне слова Дашкевича:

– Я попал в очень неприятное положение: дал в факультете отзыв о книге Тарле, не успев хорошенько ознакомиться с ней и положившись на отзыв Лучицкого; теперь же, внимательно прочитав книгу, вижу, что она крайне слаба, и не знаю,

го материала счастливо соединяется с ясной мыслью и живым изложением», «гораздо лучше, чем все до сих пор написанное, не исключая блестящей, но изобилующей ошибками книжки Каутского», А. К. Дживелегов замечал: «Крайне удачна мысль перевести “Утопию” на русский язык; это избавило автора от изложения “золотой книжки” и обогатило нашу литературу действительно ценным произведением» (Дживелегов А. Рец. на кн.: Тарле Е. В. Общественные воззрения Томаса Мора в связи с экономическим состоянием Англии его времени. СПб., 1901 // Русские ведомости. 1901. № 117. 30 апр.).

797 Лучицкий И. В. Отзыв о сочинении Е. В. Тарле «Общественные воззрения Томаса Мора в связи с экономическим состоянием Англии его времени» (СПб., 1901), представленном в историко-филологический факультет для приобретения степени магистра всеобщей истории // Университетские известия. 1901. № 12. С. 1–11.

как мне быть.

Впоследствии я слышал, будто Киевский университет был не первым, куда Тарле подавал свою диссертацию; что, не желая подвергаться подозрению в том, что он рассчитывает на протекцию, он подал ее первоначально Петрушевскому⁷⁹⁸ (помнится, тогда профессору Варшавского университета), но что тот решительно отверг диссертацию как неудовлетворительную, и только тогда Тарле обратился в Киев. Верен ли этот слух, я не знаю⁷⁹⁹. Как бы то ни было, защищать диссертацию

798 Первоначально мемуарист указал в тексте: «П. Г. Виноградову», имея в виду ординарного профессора Московского университета, члена-корреспондента Петербургской Академии наук, известного трудами по истории средневековой Англии, но, зачеркнув его фамилию, ошибочно написал: «Петрушевскому». Д. М. Петрушевский, экстраординарный профессор Варшавского университета, еще только готовился к защите своей докторской диссертации.

799 В рукописи далее зачеркнуто: «и дошел он до меня спустя много времени после диспута». После ареста Е. В. Тарле запретили проживание в Киеве, но еще 7 марта 1901 г. он написал И. В. Лучицкому: «Защищать в Киеве мне самому хотелось бы больше, чем где бы то ни было, по причинам моральным (ведь Вы там), а не иным...». 12 апреля, сообщая Лучицкому: «дело мое прекращено окончательно и обвинение с меня снято совершенно», Тарле вновь обращался к нему за советом: «Вообще жду Ваших указаний относительно того, куда и как направить мне теперь свои шаги etc. И где защищать диссертацию? Если думаете по-прежнему, что удобно в Киеве, кому именно и сколько экземпляров выслать и кому прошение подать?» И уже на следующий день Тарле извещает профессора: «Только что отослал по Вашему совету экземпляр диссертации ректору Фортинскому и два экземпляра в факультет (на имя декана Флоринского) и одновременно прошение о допущении к защите на имя Фортинского. Защищать буду (если допустят) в Киеве, как Вы советуете. Как я уже писал Вам, мое дело окончательно прекращено без последствий, так что я ни под надзором

Тарле должен был в Киеве осенью 1901 г.

Как уже сказал, вначале я не думал о выступлении на диспуте. Ведь не мог же я считать себя специалистом по XVI веку, которым никогда не занимался, не мог выступать против Тарле, в серьезной учености которого я был глубоко убежден, не мог выступать против таких специалистов, как Лучицкий; да и просто, стоя вне университета, я как-то о таком выступлении не думал. Но встреча книги Тарле в литературе, ожидаемый блестящий ее успех в университете, при ее совершенной неудовлетворительности, заставили меня задуматься. При этом книга нисколько не колебала моего очень высокого мнения и об учености, и о талантливости Тарле; неудовлетворительность книги я объяснял не отсутствием таковых у автора, а спешностью и при этом хорошо знал, что некоторое оправдание для этой спешности имеется в неблагоприятно сложившихся для Тарле обстоятельствах. Но как бы то ни было, книга плоха. Можно ли допускать без протеста, без попытки противодействия создание дутой, явно несправедливой репутации и для книги, и для ее автора?

Дело сильно осложнялось политикой. Тарле пользовался репутацией радикала и возбуждал большие симпатии в радикальных кругах. Его участие в ибсеновской истории и арест только увеличили его популярность. И, следовательно, его успех был успехом дела радикализма. Новицкий, разумеется, мог бы только порадоваться его неудаче. Я тоже принадлежал к радикальному течению. Было ли желательно, чтобы радикалы на радость жандармам и мракобесам лишний раз ополчались друг на друга, что и без того случается слишком часто?

Я такой постановки вопроса никогда не допускал. В сфере политической борьбы я всегда стоял за возможно более широ-

не нахожусь, ни вообще каких бы то ни было неприятностей не предвижу уже» (Из литературного наследия академика Е. В. Тарле. С. 177, 179–180).

кий фронт борьбы, был противником раздробления рядов борцов на мелкие фракции, сторонником объединения разных партий на общих задачах и потому никогда не сочувствовал ни слишком острой полемике между направлениями, имеющими общие задачи, ни даже выдвиганию на первый план пунктов политических разногласий, когда имеются пункты, на которых возможны соглашения. На этом моем убеждении была построена вся моя жизнь и, в частности, мое поведение в Киеве по отношению к двум резко враждовавшим политическим партиям: эсерам и эсдекам, которым я одинаково охотно оказывал различные услуги.

Но совсем иное дело, когда вопрос шел об оценке теоретического мнения, о выяснении исторического факта, об оценке писателя или книги. Если бы Тарле защитил свою диссертацию с блеском, то это дало бы право реакционерам впоследствии говорить: смотрите, вот пример радикального кумовства – невежественная, полная ошибок диссертация, автор вознесен хвалою журналистов, комплиментами оппонентов, аплодисментами молодежи, – и все потому, что он шесть недель посидел в тюрьме. А будь на его месте человек противного лагеря, какой вой поднялся бы против него! И хотя кое-что серьезное можно было бы возразить против подобного утверждения (например: а где же были вы, когда Тарле защищал свою диссертацию, – почему вы молчали?), но все-таки оно было бы очень неудобно для «нас». И, конечно, стоит рискнуть доставлением минутного удовольствия Новицкому, чтобы избавить «себя» (я здесь говорю о целом общественном направлении, притом беря его очень широко, охватывая все левые течения общественной мысли) от подобного упрека.

Эти мысли кажутся очень элементарными, чуть ли не прописными. И, однако, когда дело дошло до их практического применения, я почувствовал себя очень одиноким; вокруг себя почувствовал атмосферу недовольства, а позднее, когда дело уже совершилось, то есть когда я выступил на диспуте, – нечто еще более тяжелое: сочувствие в том лагере, в котором встре-

чать таковое еще неприятнее, чем осуждение в своем.

Мысль выступить на диспуте выработалась у меня постепенно. Сначала я хотел удовольствоваться написанием рецензии. Но где было ее поместить? Она сильно рисковала остаться без помещения: один за другим органы печати, доступные для меня, помещали рецензии, очень благоприятные для Тарле, чуть не восторженные. В наиболее близком мне по духу журнале, «Русское богатство», рецензия на книгу Тарле не появлялась, но я имел некоторое основание думать, что и моей рецензии не поместят (что и оправдалось впоследствии), тем более что я не мог удовлетвориться рамками обычной журнальной рецензии, а претендовал на добрый печатный лист, то есть на целую особую статью: нельзя же против согласного хора выступить с тощей рецензией, без полновесных доказательств. И у меня начало складываться намерение выступить с возражениями на диспуте. Горячо поддерживал меня в этом намерении Челпанов. Он сам прочел книгу Тарле и нашел ее совершенно ошибочной в том, что касалось оценки философских взглядов Т. Мора, в частности позиции, занятой Мором в вневременной борьбе, особенно ожесточенной на рубеже средних веков и нового времени, между последователями Платона и Аристотеля. И он собирался тоже выступить на диспуте со своими возражениями против одной части книги Тарле.

– Но, – говорил он, – мне бы очень не хотелось выступать без вас. Тарле очень популярен в молодежи, и мое выступление будет оценено неправильно; в нем увидят акт политической борьбы против человека определенного направления. Нужно, чтобы выступил также кто-нибудь, к которому подобное обвинение, очевидно, неприменимо. К тому же мои возражения направлены против одной частности в книге Тарле, а ваши имеют более общий характер и захватывают ее почти во всем объеме.

Политическая физиономия Челпанова была несколько двусмысленной. В очень интимных разговорах с людьми, которым вполне доверял, он высказывался в духе антиправи-

тельственным. Не будучи социалистом, всего ближе чувствуя себя к «Русским ведомостям», он, однако, в каждом своем шаге, каждом слове, которое могло стать достоянием гласности, очень ревниво отстаивал свою аполитичность и громко провозглашал принцип: профессура и политическая деятельность несовместимы. Поэтому он решительно отказывался (позднее, в 1904 г.) от участия в каких бы то ни было политических банкетах; не согласился пойти на вечер, устроенный (в 1899 г.) в честь приехавшего в Киев Кареева, уволенного из университета⁸⁰⁰, хотя очень значительное число киевских профессоров, далеко не левых, пошли на этот вечер, и хотя этот вечер имел значение не демонстрации в честь левого, а демонстрации за свободу науки, сторонником которой выставлял себя Челпанов. Поэтому к нему ни в каком случае нельзя было обратиться с просьбой о рубле в пользу заключенных.

Не помню, когда это было, кажется в 1903 г., Н. А. Бердяев встретился где-то за границей на каком-то ученом съезде с Челпановым. На том же съезде был Плеханов⁸⁰¹.

– И, – рассказывал Бердяев, – я видел, что Челпанов панически боится, чтобы я не вздумал познакомить его с Плехановым, а в то же время не мог отказать мне в поклоне, когда встречал меня вместе с Плехановым, и который я при этих встречах отвешивал ему особенно низко.

Сам Бердяев в это время уже отошел от марксизма, но с Плехановым сохранил еще более или менее приятельские отношения.

Между тем Челпанов дорожил популярностью среди молодежи. Он ее и заслуживал: был очень хороший профессор. Но

800 Ординарный профессор Петербургского университета Н. И. Кареев был уволен 1 сентября 1899 г.

801 Н. А. Бердяев, Г. В. Плеханов и Г. И. Челпанов участвовали во 2-м Мировом философском конгрессе в Женеве, который проходил 2–4 сентября 1904 г.

заслужить ее ему было нелегко, и не только вследствие не возбуждавшей симпатии политической трусоватости и двусмысленности своей политической физиономии, но и потому, что в философии он держался малопопулярных воззрений: идеалист и решительный противник материализма, хотя и работавший в области экспериментальной психологии, он, надо ему отдать справедливость, в научной области своих воззрений не скрывал и не прилаживал ни к требованиям власти, ни к симпатиям молодежи. Любопытно, что как раз за философские убеждения Челпанова жгучую ненависть к нему чувствовал Тарле, бывший решительным позитивистом и с крайней нетерпимостью относившийся к идеализму Челпанова. Возможно, впрочем, что подоплекой этой ненависти была не философия, а личная вражда между Лучицким и Челпановым, захватившая в свои сети Тарле как ученика и друга Лучицкого. В свою очередь и Челпанов сильно недолюбливал Тарле.

Итак, я решился выступить на диспуте Тарле, Челпанов – тоже. Стало известно, что будет еще несколько враждебных ему выступлений. Но Челпанов был почему-то уверен, что перевода «Утопии» не коснется никто из ожидавшихся оппонентов, и потому очень настаивал на том, чтобы значительную часть своих возражений я посвятил оценке перевода.

Накануне диспута явились ко мне два брата Вакары, известные под именем Вовочки (Владимира) и Костеньки⁸⁰². Это

802 Неточность: речь идет о Владимире и Анатолии Вакарах, о которых современник писал: «Сыновья либерального мирового судьи, они оказывали потом благодаря своим связям в киевском “обществе” огромные услуги организации. Их квартира на Университетском спуске была неоценимой для конспиративных целей. Особенно выделялся младший – высокий, стройный, черный, как цыган, получивший тщательное воспитание и начитанный больше многих своих сверстников, – Владимир Вакар, в годы наших юношеских конспираций не игравший особенно большой роли. Он развернулся несколько позднее в т.

были два очень нежных неразлучных брата, всюду являвшиеся вместе, – слегка комические фигуры, дававшие обильный материал для добродушных шуток, но пользовавшиеся общей любовью. Говорил, длинно и несколько путано, всегда Вовочка, а Костенька вставлял отдельные дополнительные замечания. Я знал их еще студентами, но в это время они были только что окончившими: один – молодым юристом, другой – молодым врачом. Оба они были деятельными членами социал-демократической партии, строго ортодоксальными марксистами; оба уже сживали не подолгу в тюрьме и тоже – всегда вместе. Оба они усиленно ухаживали за одной очень хорошенькой барышней, и в кругу их знакомых нередко обсуждался вопрос, как они ее поделят, но кончилось тем, что женился на ней младший, врач, Костенька, и хотя дружба братьев не была нарушена, но все же Вовочка отныне по социал-демократическим делам бегал один и сильно потускнел. Вскоре младший где-то заразился и умер⁸⁰³, а старший попал надолго в тюрьму. Я его потерял из вида, но до меня дошел слух, будто он отряс социал-демократический прах от ног своих и стал мистиком. Очень это к нему не идет, и я не знаю, достоверен ли этот слух⁸⁰⁴. Во всяком случае, это не тот Вакар, имя которого до-

н. “рефератных кружках” 1897 года, а затем приобрел крупное имя в составе образовавшегося после Минского съезда первого Киевского комитета РСДРП и всех дальнейших его формаций. Особенную роль сыграл он в знаменитой июльской стачке 1903 года, которую руководил <...>» (Мошинский И. Н. На путях к 1-му съезду РСДРП: 90-е годы в Киевском подполье. М., 1928. С. 61).

803 Неточность: 27 марта 1916 г. главный врач перевязочного отряда 65-й пехотной дивизии А. В. Вакар поступил как пациент в приемно-распределительный пункт для душевнобольных при Киевском военном госпитале; отправленный на попечение матери, он покончил жизнь самоубийством в 1917 г.

804 См.: «В 1916 г. Вакар был избран в первый состав киевского совета присяжных поверенных, членом которого он бессменно

вольно часто упоминалось в газетах⁸⁰⁵ в 1918–1920 гг.

Так вот, ко мне заявилися два брата.

– Василий Васильевич, – начал по обыкновению старший, – мы вас всегда очень высоко уважали, и нам хотелось бы сохранить это уважение и впредь. До нас дошел слух, что вы намерены завтра выступить на диспуте Тарле с очень решительными возражениями. Правда ли это?

– Правда.

– Мы только сегодня виделись с Тарле. Мы говорили с ним по общим политическим вопросам и убедились, что он остался тем же, что был. Ваши возражения могли бы принести ему вред, и вообще от них лучше воздержаться.

– Но ведь книга его плоха?

– Не в том дело. Хотя он и не социал-демократ, но он принадлежит к освободительному движению; вероятно, будет превосходным профессором, и мешать ему получить степень нехорошо.

– Позвольте узнать, вы читали его книгу и, в частности, приложение к ней, то есть перевод «Утопии»?

Братья несколько спутались и попытались уклониться от

состоял вплоть до упразднения адвокатского сословия большевиками. <...> По своим политическим симпатиям он примыкал к народным социалистам. <...> В 1919 г. Вакар работал в “Союзе Возрождения России”, а затем ушел вслед за добровольческой армией в Крым. В 1921 г., с болью разочаровавшись в “белой мечте”, возвратился в Киев» (Гольденвейзер А. А. Памяти В. В. Вакара // Руль. 1926. № 1721. 1 авг.).

805 Возможно, имеется в виду двоюродный брат В. В. Вакара – Николай Платонович Вакар, член подпольных антибольшевистских организаций (Всероссийский национальный центр, Центр действия), нелегально приезжавший в 1922 г. в Киев и Москву, который в Париже издавал журнал «Новь» (1922–1923) и являлся постоянным сотрудником газеты «Последние новости» (1924–1940).

прямого ответа, но, прижатые мною к стенке, должны были сознаться, что не читали.

– Так позвольте вам заявить, что книга его крайне слаба, а перевод совершенно неприличен. Вот посмотрите, – и я указал несколько наиболее грубых ляпсусов.

Слух о безграмотности перевода уже ходил, и Вакары его слышали.

– Да, конечно, это нехорошо. Кажется, он дал переводить своей жене и не успел проредактировать перевода. Вы же сами хорошо знаете о тех обстоятельствах, при которых он писал свою диссертацию.

– Знаю, – знаю и то, что эти обстоятельства могут служить объяснением неудовлетворительности книги. Но она остается весьма неудовлетворительной и должна быть оценена по достоинству. Для этого и диспут.

– Да ведь нельзя же мешать такому человеку, как Тарле, сделаться профессором.

– Я сам вполне уверен, что Тарле может быть очень хорошим профессором. И думаю, что я не помешаю ему, а помогу: он узнает, что нельзя рассчитывать на протекцию, что для профессуры нужно много работать. Он умеет работать, и ему недурно получить щелчок за работу, сделанную недобросовестно.

– Скажут, что вы выступили против Тарле вследствие ссоры в тюрьме, – прибегли Вакары к *argumentum ad hominem*⁸⁰⁶.

– Может быть, скажут, но скажут неправду. А знаете ли вы, как относится Тарле к Каутскому? – прибег я тоже к *argumentum ad hominem*.

Этот аргумент произвел некоторое впечатление; показан-

806 переходу на личность (букв. «аргумент к человеку», лат.), т. е. созданию негативного представления об оппоненте вместо опровержения его аргументации.

ные Вакарам места в книге Тарле⁸⁰⁷, видимо, моим марксистам не понравились, но все-таки они не сдались. Спор продолжался довольно долго, и мы расстались, недовольные друг другом. Но мне было очень тяжело слушать соображения о необходимости политического кумовства в науке, соображения, которые в реакционной печати часто приписывались деятелям

807 В одной из рецензий отмечалось, что «некоторые места книги г. Тарле <...> явно навешаны (чтобы не сказать больше) соответственными местами книги Каутского», которую автор, «чтобы отстоять за своей книгой характер самостоятельного исследования, спешит дискредитировать в глазах читателя». Уверая, будто его предшественник «берет известный исторический факт и затем, даже без попытки фактических доказательств, путем чисто словесных построений старается логически вывести необходимость этого факта», Тарле приписывает ему «действительно крайне глупое» мнение, что «английская реформация есть продукт морских разбоев со стороны испанцев», имея смелость даже сослаться на определенные страницы исследования, но, возмущался рецензент, «ни на этих страницах, ни во всей книге Каутского нет ничего подобного». Или, например, «г. Тарле приводит довольно глупую цитату из Каутского на немецком языке, но при сличении ее с подлинником оказывается, что глупость ее происходит от пропуска двух строк, что, однако, не отмечено точками»; а приложенный к книге перевод «Утопии» Т. Мора «есть только фальсификация», ибо целые страницы подлинника, не говоря уже о множестве отдельных фраз, «выкинуты без всяких на то причин и без всякого указания на это в тексте, в предисловии или в примечании». Напоминая, что Каутский, разбирая безграмотный немецкий перевод «Утопии», все ошибки которого Тарле буквально повторил, указывал, что тот сделан с не совсем удачного английского перевода, рецензент заканчивал свой отзыв риторическим вопросом: «Но как же г. Тарле не дочитал до конца ту самую книгу Каутского, которую он так сильно бранит и первым отделом которой он так сильно пользуется? Это составляет для нас психологическую загадку» (Библиографический отдел журнала «Русская мысль». 1902. Кн. 1. С. 10–11).

прогрессивного лагеря, – приписывались, как я всегда думал, ложно, – высказываемые с такой наивной откровенностью. Соображения эти, конечно, не могли подействовать на меня, как не подействовала и угроза лишить меня своего уважения, с которой Вакары начали беседу. Может быть, вздор двух юных социал-демократов был их личным вздором? Увы, они только наивнее других выбалтывали довольно общее настроение.

На другой день был диспут⁸⁰⁸. Перед университетом я лицом к лицу столкнулся с Тарле. Мы с ним давно, чуть ли не с ибсеновского дела, не видались. В последнее время он жил в Петербурге и в Киев приехал только на диспут, все еще (как и я) состоя под следствием по ибсеновскому делу. Он обрадовался встрече со мной, радостно протянул мне руку и выразил желание повидаться со мной после диспута. Сомневаясь, чтобы он сохранил это желание в течение еще нескольких часов, я его спросил, знает ли он, что собираюсь ему оппонировать.

– Знаю, мы ведь не раз с вами публично оппонировали друг другу.

– Я собираюсь оппонировать довольно резко.

– Я буду резко огрызаться; надеюсь, что это не повредит нашим отношениям.

– От души желаю этого.

Мы расстались дружески.

Начался диспут. Актный зал был переполнен. С первого взгляда на входящего в залу Тарле я заметил, что он совершенно не предвидел характера тех возражений, которые должны были воспоследовать, по крайней мере от меня (а воспоследовали и от других): у него с собой, кроме его собственной диссертации, была в руках только книга Каутского и не было даже подлинника «Утопии»: нападений на перевод он, видимо, не ожидал.

808 Защита магистерской диссертации Е. В. Тарле состоялась 14 октября 1901 г.

После обычных формальностей Тарле произнес свою вступительную речь. Речь была превосходно составлена и превосходно сказана. Не давая, по существу, ничего нового сравнительно с диссертацией, почти не затронув экономическую и социальную сторону своей работы (которая по общему плану и по тезисам была наиболее существенной), диспутант остановился на личности Т. Мора и дал его яркую, почти художественную характеристику. Закончил ее хорошо подобранной цитатой:

– Томас Мор мог бы сказать про себя:

«Давным-давно задумал я
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этот свет родились мы»⁸⁰⁹.

Такие речи с таким концом всегда вызывают гром аплодисментов. И вдруг – полное молчание, ни одного хлопка.

Меня это удивило, – видимо, аудитория была сбита с толку ходившими слухами и выжидала последствий. На Тарле это произвело, по-видимому, удручающее впечатление; говоря, особенно под конец, с большим подъемом, он сразу как-то осунулся и сгорбился.

Первым из официальных оппонентов был Лучицкий. Речь его, для официального оппонента необычно короткая, была очень бледна. В ней было несколько бледных похвал, совершенно не соответствовавших отзыву, представленному в факультет, и несколько частных возражений по поводу экономической концепции Тарле.

Диспутант оправился, подбодрился и недурно защищался.

Вторым официальным оппонентом выступил Дашкевич.

809 Неточная цитата из «Мцыри» М. Ю. Лермонтова.

Резкий, прямо уничтожающий его отзыв о диссертации был для меня неожиданным и едва ли не еще более неожиданным для диспутанта. Вопреки предсказаниям Челпанова, Дашкевич начал с перевода «Утопии», отметил «in Castello» и некоторые другие замеченные мною ошибки; отметил другие, мне не известные, и внезапно спросил:

– Да знаете ли вы латинский язык?

На диспутанта перечисление грубых, чисто школьнических ошибок производило удручающее впечатление; он ежился и вздрагивал, как от удара бича, и, наконец, из его глаз потекли слезы. Было жалко смотреть на него. На вопрос оппонента он робко ответил:

– Я читаю по-латыни со словарем.

Затем Дашкевич перешел к основной части диссертации и дал уничтожающий отзыв о ее историко-литературной стороне, который и закончил таким убийственным выводом:

– Итак, ваш перевод «Утопии» совершенно неудовлетворителен, а в своем исследовании вы сделали не шаг вперед, а шаг назад сравнительно с вашими предшественниками.

Начались речи профессоров, выступивших неофициальными оппонентами: одного филолога, специалиста по латинскому языку и литературе (фамилию его я забыл; кажется, Сонки⁸¹⁰ или что-то в этом роде), историка Бубнова, Челпанова и Евгения Николаевича Трубецкого. Все четверо отнеслись к диссертации или к различным ее сторонам крайне сурово, и только Трубецкой счел нужным суровость отзыва, по существу, смягчить несколькими комплиментами талантливости автора.

– Ваша книга, – начал он, – при первом беглом просмотре производит очень хорошее впечатление; она написана прекрасным, легким языком, читается очень легко. К тому же ваша репутация, заслуженная вашими талантливыми журналь-

810 Имеется в виду ординарный профессор Киевского университета по кафедре классической филологии А. И. Сонни.

ными статьями и публичными лекциями, располагает в вашу пользу. Введенный этим первым впечатлением в обман, я как-то дал о ней студентам хороший отзыв. Но более внимательное чтение ее привело меня к убеждению, что в ней имеются крупные недостатки, и мой первый отзыв я не могу теперь не признать слишком поспешным.

Затем следовала суровая критика. Выступление Трубецкого имело особенное значение потому, что он принадлежал к числу людей, близких к Лучицкому, и находился в хороших отношениях и с Тарле.

Челпанов был единственный из оппонентов до меня, который отметил, что в переводе философских терминов Тарле оказался в полной зависимости от старого немецкого переводчика. Тарле почти не защищался. Однако Челпанову решительно ответил, что переводил с латинского, хотя и имел под руками английский и немецкий переводы⁸¹¹.

811 Ср.: «Официальными оппонентами диспутанта выступили профессора И. В. Лучицкий и Н. П. Дашкевич. Проф. И. В. Лучицкий высказался в том смысле, что метод Е. В. Тарле и те выводы, к каким он пришел в своем труде, не оставляют желать ничего лучшего. Вместе с тем оппонент указал на некоторые промахи г. Тарле. Проф. Н. П. Дашкевич отметил недостаточную тщательность работы диспутанта. Работа эта, по мнению оппонента, представляет собой шаг назад по сравнению с тем, что сделано раньше наукой для изучения Т. Мора. Высказав затем ряд сожалений по поводу диссертации, оппонент остановился на вопросе о генезисе воззрений Томаса Мора и о соотношении между воззрениями Мора и гуманистами континента. Автор диссертации ставит в заслугу Мору многое, что уже раньше было сделано Эразмом Роттердамским. Далее проф. Н. П. Дашкевич указал на неполноту текста “Утопии” Мора и местами искажение его вместо перевода, на плохое знакомство г. Тарле с литературой предмета и даже незнание о существовании многих очень крупных ученых трудов, относящихся сюда. Диспутант на это ответил, что из литературы предмета он чи-

тал только то, что ему попало под руки. Ответ этот вызвал со стороны оппонента вопрос: считает ли диспутант необходимым для ученого знание литературы того вопроса, изучением которого он занялся? Получив утвердительный ответ, проф. Н. П. Дашкевич отметил, что автор диссертации пользовался худшим изданием “Утопии”, а о существовании прекрасного издания ее и не знал. Перевод же “Утопии” с латинского на русский, сделанный г. Тарле, “представляет собой нечто невероятное”. Например, слово *castellum* (замок) переведено Кастилия. Указав на другие недостатки диссертации, проф. Дашкевич в заключение высказал пожелание, чтобы будущие работы г. Тарле были более научными.

После двух официальных оппонентов г. Тарле возражали пять оппонентов неофициальных.

Проф. Г. И. Челпанов говорил подробно о методологии диссертации. Сделанный автором диссертации перевод “Утопии” представляет, по мнению оппонента, не перевод, а пересказ, к тому же пересказ, сделанный без всякой любви к делу, с пропуском всего, что потруднее, произведенный механически, без понимания латинского текста. В подтверждение этого мнения проф. Г. И. Челпанов привел немало примеров, вызвавших хохот в публике. Особенно курьезно переведены философские термины, что дало основание оппоненту утверждать, что диспутант не читал ни одного средневекового учебника философии. На это г. Тарле заявил, что он читал какой-то учебник. По мнению проф. Г. И. Челпанова, свой перевод г. Тарле сделал “не как ученый” и употребил прием совершенно “непозволительный”; прием этот заключается в том, что автор диссертации взял “готовый 15-копеечный скверненький и давно осмеянный” немецкий перевод “Утопии” и с этого перевода перевел “Утопию” на русский язык, выдав такого рода перевод за перевод с латинского подлинника; выдали г. Тарле те крайне грубые ошибки и курьезы малограмотного немецкого перевода, которые он сохранил в русской копии его. Что касается самого труда, то в нем попадают фразы, не имеющие никакого смысла; по справке оказалось, что они взяты, без понимания их, из одного английского учебника. Говоря об умственных те-

чениях времен Томаса Мора, автор обнаруживает незнакомство с этими течениями. Многих авторов того времени он совсем не читал, хотя в диссертации показывает вид, будто читал. Отношение Мора к эпикуризму осталось для г. Тарле совершенно неясным; произошло это вследствие непонимания им текста “Утопии”; разница между эпикуризмом и учением Платона также не усвоена автором; осталось для него не уясненным и мировоззрение Т. Мора вообще. Сильно хромая по чисто научной методологии, г. Тарле вследствие незнания латинского языка лишен был возможности пользоваться первоисточниками. “О вашей монографии, – сказал в заключение проф. Г. И. Челпанов, – я имею совершенно определенное мнение, но высказывать его здесь я не решаюсь. Что же касается вашего перевода «Утопии», то элементарная научная добросовестность требует, чтобы вы его уничтожили”.

Проф. А. И. Сонни, указав на “странность” перевода “Утопии”, заключающего в себе на каждой странице десятки грубейших ошибок, часто просто бессмыслиц, заметил в заключение, что “приходится удивляться той смелости” г. Тарле, с какой он представил свой труд на суд ученых, и пожалеть, что этот труд задержит появление в свет настоящего перевода “Утопии”.

Проф. князь Е. Н. Трубецкой прежде всего указал, что, считая г. Тарле человеком даровитым, он тем более был разочарован его книгой. Автор диссертации говорит о сходстве воззрений Августина Блаженного и Томаса Мора и даже утверждает, что источником положительных построений “Утопии” был и труд Августина “De civitate Dei” (см. положения диссертации). Князь Е. Н. Трубецкой указал по этому поводу, что в воззрениях Августина и Мора нет ни малейшего сходства; мало того, эти воззрения диаметрально противоположны: учение Августина – это начало мрачной средневековой эпохи, а Т. Мор знаменует собой начало возрождения. Г. Тарле находит близкое сходство между экономическим строем Англии 16 века и Греции времен Платона. И здесь нет ни малейшего сходства; да его и не может быть между рабовладельческой Грецией и свободной Англией. Указанная ошибка автора была причиной сделанного им совершенно неверно сближения воззрений Платона и Мора, тогда

Последним выступил я.

Председатель, декан факультета (не помню, кто это был⁸¹²), предупредил, что диспут затянулся, время позднее и потому он просит меня быть по возможности кратким и, в частности, отказаться от критики перевода, который уже подвергся достаточно всесторонней оценке.

– К сожалению, я не могу в полной мере исполнить этого пожелания, – начал я. – Я, конечно, не стану разбирать перевода так полно, как это сделали мои предшественники, но я позволю себе напомнить некоторые их указания и прибавить к ним одно или два своих для одного общего вывода, которого мои предшественники не сделали.

Дело было в том, что ни один из предшествующих оппонентов, даже прекрасно изучивший предмет Дашкевич, видимо, книги Каутского не читал (ее не было в библиотеке Киевского университета и в это время уже не было в продаже, так что, по всей вероятности, Дашкевич, поздно засевший за подготовку к возражениям, не успел ее получить, – этим я могу объяснить его незнакомство с ней). И вот я собрал указания на ошибки, отмеченные Каутским в немецком переводе, и затем, сославшись на страницу Каутского, прочитал, переводя на русский язык, его примечание.

как эти воззрения противоположны друг другу. В заключение князь Е. Н. Трубецкой высказал пожелание, чтобы дальнейшие труды г. Тарле более отвечали его способностям.

Проф. Н. М. Бубнов, изложив кратко увлечение и ошибки Е. В. Тарле, признал труд его не научным, заметив, что научная техника им не познана и что он публицист, но не ученый. “Может быть, – заметил в заключение проф. Н. М. Бубнов, – вы хотите быть публицистом; там ваши работы будут приветствоваться; но с научной точки зрения ваш труд неудовлетворителен, и если хотите пойти по дороге ученого, то вы должны переродиться”» (Диспут // Киевлянин. 1901. № 285. 15 окт.).

812 Имеется в виду Т. Д. Флоринский.

При этих словах Тарле нервно схватился за книгу Каутского и, видимо, отыскивал указанное место. Для него это было совершенной новостью.

– Таким образом, подтверждается то, что перевод сделан с безграмотного немецкого перевода, и притом с перевода, уже оцененного в литературе. Между тем совершенно несомненно, что книгу Каутского вы читали; вы только не дочитали ее до конца.

И затем я установил сильнейшую зависимость Тарле в тексте его книги от Каутского, неправильность его отношения к Каутскому, неверное изложение многих фактов; остановился на той ошибке о смертной казни, о которой сказал выше, на незнакомстве Тарле с книгой Роджерса (*Six Centuries of Work and Wages*⁸¹³), которая могла бы внести очень существенные поправки в его характеристику социального строя Англии XVI века, на незнакомстве и грубых ошибках в истории народонаселения Англии и т. д.

Тарле обрадовался, когда я отметил необыкновенность его нападок на Каутского.

– Вы нападаете на меня как поклонник Каутского... – и допустил явственный намек, что все мое нападение на него есть нападение политическое и именно – марксистское.

Это было приемом нехорошим, даже прямо недобросовестным: Тарле прекрасно знал, что я вовсе не поклонник Каутского и не марксист. К сожалению, я не нашелся и вместо того, чтобы прямо сказать: «Вы прекрасно знаете, что я не поклонник Каутского, и говорите, рассчитывая на неосведомленность аудитории», сказал только:

– Я указываю на факты и просил бы вас опровергнуть их, – чем как бы подтвердил слова Тарле и дал ему возможность еще раз поинсинуировать насчет политической под-

813 См.: Rogers J. E.Th. *Six Centuries of Work and Wages: The History of English Labour*. L., 1884. 2 vol.

кладки моих на него нападений.

После моих возражений диспут был объявлен законченным⁸¹⁴, и факультет удалился для совещания. Совещался он

- 814 Ср.: «Из публики выступает частным оппонентом весьма популярный в Киеве В. В. Водовозов. Горячо и страстно, с грудой фолиантов и кучей выписок в руках, начинает он свои возражения. Он вновь счел нужным остановиться на переводе и указал, что переводом слова *in Castello* (новая Кастилия) г. Тарле доказал незнание истории открытия Америки; смешение города Каликута в Индии, открытого Васко-де-Гама, с Калькуттой, основанной через 150 лет после Т. Мора, доказало незнание Индии. Но всего хуже, что все эти ошибки лубочного немецкого перевода “Утопии” подробно отмечены в книге Каутского. Следовательно, г. Тарле не был знаком даже со всей книгой Каутского, от экономического отдела которой он между тем находился в сильной зависимости. Весь экономический отдел книги Тарле в главных чертах – не что иное, как повторение и отчасти дополнение книги Каутского. Терпение покидает обвиняемого. Насколько он раньше улыбался и расшаркивался перед профессорами, настолько теперь он сыплет в ответ словами “ложь”, “неправда”, “более порядочные оппоненты” и т. д. Но страстный оппонент неуязвим. Он обвиняет г. Тарле в том, что тот старается, елико возможно, опозорить самого Каутского, приписывая ему взгляды, которые он и не высказывал. Далее отмечается произвольное сокращение некоторых цитат из Каутского, от чего они потеряли всякий смысл. Такое же неправильное пользование цитатами наблюдается и в других местах диссертации. Отзыв о Бентаме г-на Тарле доказывает, что он не понял даже французского текста Бентама, которым, несомненно, пользовался. Одним словом, излагая Т. Мора, по мнению г. Водовозова, г. Тарле не прибавил ничего такого, чего не было бы в самом шаблонном изложении “Утопии”. Между прочим оппонент остановился на изложении г. Тарле криминалистических воззрений Томаса Мора. И здесь диссертант не сказал ничего своего: так, напр., по вопросу о смертной казни г. Тарле буквально повторяет все то, что уже высказано покойным Кистяковским, и ни словом не упоминает, напр., о том,

очень долго, более получаса, и затем вынес резолюцию:

– Удостоен степени магистра большинством 6 голосов против 3.

Как известно, такого рода решения факультета в громадном большинстве случаев принимаются единогласно и без особого удаления в совещательную комнату, – кивками головы. Таким образом, исход диспута определился как скандальный⁸¹⁵. Раздалось несколько отдельных хлопков, и все утихло. Аудитория разошлась в подавленном настроении. Диспут продолжался часов 6 подряд и закончился часов в 7 вечера.

Позднее я узнал, что происходило в совещательной комнате. Лучицкий заявил, что он признает защиту удовлетворительной, и высказался за награждение диспутанта искомой степенью. Челпанов, Сонки и Бубнов сразу высказались, что защита была скандальной и степени давать нельзя⁸¹⁶. Лучиц-

что Томас Мор уже поднял вопрос об условном осуждении, – надо полагать, потому, что это нигде не отмечено у предшественников диссертанта. Обвинение кончено. Это было самое жестокое обвинение, какое когда-либо пришлось выслушать молодому русскому ученому в стенах его *alma mater*» (Эвензон С. История одного диспута. (Письмо из Киева) // Волянь (Житомир). 1901. № 233. 25 окт.). См. также: Диспут // Киевлянин. 1901. № 185. 15 окт.

815 Столь же скандальным было присуждение докторской степени историку Н. Д. Чечулину в 1896 г. См.: Водовозов В. Прискорбное событие в истории С.-Петербургского университета // Неделя. 1896. № 50. Стлб. 1623.

816 См. письмо Н. М. Бубнова, адресованное П. Б. Струве: «Мне не совсем легко исполнить Вашу просьбу, Петр Бернгардович, ибо боюсь, что мой рассказ может показаться пристрастным, ибо 1) я не уважаю Тарле как человека и обеими руками подписываюсь под отзывом о нем Бердяева (в письме к Елене Григорьевне Бердяевой, находящемся теперь в моих руках): «я всегда считал Тарле человеком с мелкой душонкой и шарлатанскими замашками», 2) я возражал ему на диспуте, 3) по-моему, книга так не-

кий возражал. Другие осторожно, сдержанно заявили, что «все-таки» дать степень нужно. Дашкевич колебался. Обе стороны наседали на него, и, наконец, он подал голос за Тарле, чем после своей уничтожающей оценки его диссертации поставил себя в особенно странное положение. Трубецкой как юрист и не член факультета в заседании и голосовании не участвовал.

С Тарле в Киеве я больше не видался; разумеется, он ко мне не пришел⁸¹⁷.

вероятно, неприлично плоха и поведение его на диспуте позорно в такой крайней степени, что рассказ мой об этом может быть сочтен за преувеличение. Булгаков Вам послал “Киевлянин” и писал, что отчет этот правилен. По-моему, он тоже правилен, только несколько смягчен; многие возражения (в особенности мои) скрадены <...> Все серьезные люди, даже не читавшие книги и не знавшие Тарле (напр., Булгаков), вынесли о нем впечатление как о человеке, ведшем себя прохвостнически на диспуте (выражение Булгакова) и совершенно невежественно» (цит. по: Булгаков С. Н. Письма к П. Б. Струве (1901–1903) // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2003. М., 2004. С. 517).

817 О душевном состоянии Е. В. Тарле после защиты диссертации свидетельствует его письмо от 17 октября 1901 г., адресованное киевскому историку Е. А. Кивлицкому: «Голубчик мой, со мной творится нечто скверное: с того момента, как я сел на поезд, я не съел ни кусочка пищи и не заснул ни на одну секунду. В настоящую минуту я сижу один-одинешенек в огромном вагоне 2-го класса и чувствую себя в полном изнеможении. Самые дикие мысли кажутся вполне натуральными, когда я подумаю, что я печатно назван в Киеве обманщиком, и это не смыто. Я пришел к твердому убеждению, что для моей реабилитации нужны 4 вещи: 1) большая статья в “Киевской газете” (Появилась 20 октября за подписью «Голос из публики». – В. Г.), 2) перепечатка ее или, еще лучше, телеграмма о ней в “России”, 3) (это сделаю я лично) перепечатка ее в “Мире Божьем”, 4) статья в “Русских ведомостях”. Я знаю твердо, что если я этого не

После диспута я особенно ясно почувствовал, что общественные симпатии не на моей стороне, по крайней мере кругов, мне близких⁸¹⁸. В «Русских ведомостях» была помещена о диспуте очень краткая, сухо фактическая заметка, в которой

добьюсь, то прямо не предвижу, что мне делать. Есть ли надежда на первые две вещи? Я хочу писать Григорию Александровскому, чтобы он просил своего брата телеграфировать общий смысл статьи «Киевской газеты» в «Россию», но не знаю, напишу ли, а может быть, Вы ему сказали бы. Пока в петербургской же газете не будет противовеса нововременской гадости, до тех пор ничего не сделаю, это я твердо знаю. Для меня все это такое действительно гнусное мучение, что я просил бы Вас (буду уж нахальным до конца) телеграфировать мне, согласен или нет Измаил Александровский пустить телеграмму в «Россию». Мой адрес: Петербург, Пушкинская, 1. Номера Пименова, Тарле. И вышлите мне дубликаты номеров 10–15 «Киевской газеты», где будет статья. Сообщите также, пишется ли статья в «Русских ведомостях». Ведь я совсем одинок пока. Мне не на что опереться. Если Вы добьетесь телеграммы в «Россию», Вы меня прямо воскресите; я два часа тому назад уже стоял у кассы, чтобы взять билет в Киев, но вовремя плюнул. До появления того, что я хочу в печати, я буду не жить, а мучиться. От того я пишу Вам, что Вы все сделаете, чтобы мне помочь. Жду известий. Ваш Е. Т.» (Из литературного наследства академика Е. В. Тарле. С. 183–184).

- 818 20 октября Е. В. Тарле жаловался Д. М. Петрушевскому: «Пользуясь тем, что мне разрешен был приезд в Киев лишь на 48 часов, одна группа профессоров Киевского университета желала во что бы то ни стало провалить меня на магистерском диспуте. Эти подлые интриги возмутили не только студентов, но и вполне посторонних людей. После диспута группа киевских социал-демократов во главе с редактором их газеты направилась к Водовозову и выразила негодование. А я ни с кем из них даже не знаком и никакого отношения к партии не имею. О возбуждении можете судить сами, что около 60 студентов стали у кафедр с явно выраженным намерением крикнуть профессорам: “подлецы”, если бы они меня провалили» (Там же. С. 184).

было сказано только, что после возражений таких-то Тарле удостоен степени⁸¹⁹. Напротив, в реакционных «Киевля-

- 819 Ср.: «Прения сосредоточились главным образом не на диссертации («Общие воззрения Томаса Мора в связи с экономическим состоянием Англии его времени»), которой некоторые из оппонентов (проф. Сонни) даже не касались, а на приложенном к ней переводе “Утопии” Томаса Мора, где оппонентами были усмотрены неточности и искажения. Некоторые возражения отличались крайней несдержанностью и резкостью. По окончании прений факультет удалился для совещания, и хотя диссертация была допущена к защите единогласно, три из девяти членов факультета подали голос против присуждения г. Тарле степени магистра. Слова декана, объявившего, что факультет удостоил г. Тарле этой степени, были встречены шумными аплодисментами многочисленной публики, ожидавшей решения факультета, и несколькими резкими свистками. В общем диспут носил какой-то странный характер. Один из оппонентов (проф. Лучицкий) находил диссертацию хорошей, другой (проф. Челпанов) заявил, что имеет о диссертации определенное мнение, но высказывать его не желает; проф. кн. Трубецкой сказал, что считает диспутанта очень даровитым человеком, а проф. Бубнов выразил мнение о непригодности его к научной деятельности и, по-видимому, ставил ему в упрек его занятия публицистикой. Все это, равно как и то, что существенная историческая часть диссертации как-то ускользала от внимания оппонентов и почти не подвергалась ими критике, оставляло часть публики, знакомую с книгой, в некотором недоумении. Диспут вызвал много толков в городе и несколько статей и заметок в местной прессе. В некоторых из них указывалось на то, что часть возражений отличалась не идущей к прениям по научным вопросам горячностью, и на ту странность, что при обсуждении вопроса о допущении диссертации к защите в факультете (к слову сказать, отличающемуся вообще осмотрительностью в подобных случаях) решение было единогласное, а спустя несколько дней три члена того же факультета высказались против признания диссертации удовлетворительной. Говорилось, будто бы на диспуте сводились какие-то сче-

нине»⁸²⁰ и «Новом времени» моя речь была отмечена с похвалой⁸²¹.

ты. В других органах печати диссертация и диспут высмеивались» (Внутренние известия. (От наших корреспондентов). Киев // Русские ведомости. 1901. № 312. 18 нояб.).

Сохранился черновик письма в редакцию «Русских ведомостей», в котором оппоненты Тарле, предлагая напечатать их «возражение», утверждали, что «автор корреспонденции искажает то, что говорилось на диспуте», ибо «только проф. Сонни ограничился указанием грубых промахов в переводе», а остальные «говорили и против самой диссертации». Иронизируя, что «корреспондент, который не знает даже того, что говорилось на диспуте и о чем было напечатано в местных газетах, обнаруживает поразительную проницательность, когда дело касается фактов, которых он никак не может знать», профессора считали, что с большим основанием тот мог бы предположить «ошибку» тех, кто допустил негодную диссертацию к защите, хотя это «вовсе не предreshает присуждение степени». Или корреспондент полагает, что настаивать на своей ошибке «безусловно обязательно для всех членов факультета, даже для тех из них, которые перед диспутом найдут в диссертации существенные промахи»? Письмо заканчивалось следующим пассажем, который сам Водовозов находил лишним: «Именно на диспуте г. Тарле случилось, что частный оппонент, г. Водовозов, не имеющий никакого отношения к факультету, доказал такую недобросовестность в цитировании источников и пособий, такое незнание автора с литературой предмета, что совершенно дискредитировал диссертацию. Если бы эти обстоятельства были приняты корреспондентом, то он не стал бы намекать на то, что возражения делались из каких-то личных счетов» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2894. Л. 1–3).

820 См.: Диспут // Киевлянин. 1901. № 285. 15 окт.

821 Неточность: в заметке, появившейся в «Новом времени», В. В. Водовозов не упоминался, но газета указывала, что «диспут г. Тарле в Киеве, судя по отчету о нем “Киевлянина”, вышел настоящим ученым скандалом», и вопрошала: «Позвольте, но как же такой безграмотный и невежественный труд увенчан

В письме ко мне, написанном по другому поводу, П. Н. Милюков вставил фразу: «Зачем черт догадал вас выступать на диспуте Тарле?» Кареев, с которым, как с одним из редакторов Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, я находился в постоянной переписке, очень мягко и осторожно, но дал понять мне, что не сочувствует моему выступлению. Я возражал ему и вызвал на ответ, в котором он признал, что книга Тарле действительно слаба, но что все-таки лучше было бы не выступать. Друзья Лучицкого, как Николай Прокофьевич Василенко, с которым я тоже был очень дружен, и Л. С. Личков, высказы-

как магистерская диссертация?» (Новое время. 1901. № 9204. 18 окт.). Отзыв противоположной тональности принадлежит В. М. Дорошевичу: «Если г. Тарле безграмотен, нам приходится иметь дело с изумительнейшим феноменом. Г. Тарле – писатель. Писал в “Начале”, “Новом слове”, “Русской мысли”. Пишет в “Мире Божьем”, в “Вестнике Европы”. Почти все русские ежемесячные журналы. Чтоб были все, не хватает одного “Русского богатства”. Ну, и еще г. Тарле не имеет чести сотрудничать в “Русском вестнике” и “Наблюдателе”. И вдруг сотрудник почти всех русских ежемесячных журналов оказывается человеком безграмотным! Когда позорная диссертация появилась в свете, хвалебные рецензии о ней были напечатаны в “Историческом вестнике” – статья профессора Алексеева, в “Вестнике всемирной истории”, в “Вестнике Европы”, “Журнале для всех”. И в этом хоре, хвалившем “позорную” диссертацию, первым голосом был голос “Русских ведомостей”. Газеты, которую и “упрекают” в том, что она – “профессорская”. <...> Наконец, перед защитой “позорной диссертации безграмотного невежды” декан объявил, что диссертация эта допущена факультетом к защите единогласно. Как же факультет, да еще единогласно, допускает к защите труды, которые должны быть “уничтожены во имя науки и добросовестности”? <...> Какие счета тут сводились? Какая мистерия, чуждая и Томасу Мору, и экономическому состоянию Англии в его время, разыгрывалась на этом диспуте в храме науки?» (Дорошевич В. Wozu den Lärm? // Россия. 1901. № 898. 25 окт.).

вали лично мне то же самое. Ни от кого я не мог добиться достаточно ясной мотивировки, но отрицательное отношение чувствовалось ясно. Таким образом, Вакары только очень наивно и грубо, но по существу верно выразили общее настроение.

Был еще один или даже два эпизода, связанных с диспутом и вместе с генералом Новицким, один – скорее курьезный, а другой – очень для меня тяжелый.

Первый рассказал мне Л. С. Личков со слов Тарле.

Через несколько дней после диспута Тарле пришлось побывать у Новицкого. Новицкий заговорил с ним о диспуте и спросил:

– А какой это Водовозов выступал на диспуте? Это – наш Водовозов?

– Это Василий Васильевич Водовозов, – ответил Тарле.

Что значило в этом словосочетании местоимение «наш» – я не знаю. Но, очевидно, оно объединяло «нас», то есть и Новицкого, и Тарле, и меня, вместе в какую-то единую группу.

Другой эпизод произошел тоже через несколько дней после диспута. Я получил официальную повестку с вызовом к Новицкому и явился к нему. Оказалось, что повод к вызову был явственно выдуманный и что в действительности я был нужен Новицкому только для того, чтобы, покончив с делом и отпуская меня, он мог прибавить:

– Ах, да. Я и забыл поздравить вас с блестящим выступлением на диспуте Тарле.

Это была почти пощечина, может быть самая болезненная, полученная мною во всю мою жизнь. И мне пришлось ее съесть.

Из кружка Лучицкого распространялись слухи, что весь диспут Тарле был создан Челпановым и мною, что мы, действуя по разным мотивам, я – вследствие столкновения с ним в тюрьме, Челпанов – вследствие личной неприязни, подготовили других оппонентов, и я будто бы, в частности, убедил

Сонки ознакомиться с диссертацией и выступить против нее. Несколько позднее эту легенду сообщил мне сам Тарле, о чем я скажу дальше⁸²². Поскольку дело касается меня, все это – совершенная неправда. Ни с кем из оппонентов, кроме Лучицкого и Челпанова, я не был даже до тех пор знаком, а впоследствии, и то не раньше 1904 г., из них познакомился только с Трубецким⁸²³. Никакой агитации за организованное выступление на диспуте я не вел, если не считать приведенных мною разговоров с Челпановым; но действительно читал и, вчитываясь в книгу Тарле, понемногу убеждаясь в ее редкой для диссертации неудовлетворительности, я высказывал свои о ней мнения разным знакомым, которые почти все были и знакомыми Тарле, но которые все, за тем же исключением Челпанова, были чужды университету и в диспуте участие принимали только в качестве зрителей и слушателей.

Что же касается Челпанова, то он действительно разговаривал с профессорами, впоследствии выступившими на диспуте, в частности с Трубецким, и возможно, что именно его слова побудили их обстоятельнее познакомиться с диссертацией, а из знакомства с ней вытекло и их выступление. Но все-таки я не думаю, чтобы эти разговоры можно было характеризовать как агитацию. А если бы и да, – почему нельзя агитировать против дурной книги? Это же беспрестанно делается всеми причастными к литературе и науке. Или нельзя только агитировать против дурной книги, написанной деятелем определенного лагеря? Но, к счастью, и это делается беспрестанно, и без этого литература и университет обратились бы в стоячее болото. И неужели нельзя говорить и писать за или против ав-

822 В рукописи далее зачеркнуто: «А затем эта легенда, постепенно обрастая, объяснила всю историю диспута тем, что Тарле еврей и диспут был травлей жида».

823 Далее зачеркнуто: «С Сонки я во всю свою жизнь, ни раньше, ни позже, ни разу не видался, кроме самого диспута, на котором я видел его издали, и ни разу с ним не разговаривал».

тора или книги, чтобы не вызвать сейчас же поисков каких-нибудь совершенно посторонних целей и мотивов выступления?

Это тот вопрос, который влил немало горечи в мое существование. Но я, проверяя свое поведение в этой истории, до сих пор перед строгим внутренним судом считаю себя правым, и никакое одобрение Новицкого меня в этом не разубеждает.

Легенда об агитации против Тарле, постепенно обрастая, обратилась, наконец, в утверждение, что весь диспут был не чем иным, как «травлей жида». Если по отношению к Сонки или даже Челпанову (в гораздо меньшей степени) это объяснение могло бы иметь хоть какое-нибудь основание, то по отношению к Трубецкому и ко мне оно было лишено всякого.

Ввиду общественного настроения и отзывов печати я не мог поставить точку, не высказавшись в печати. И я написал обстоятельный разбор книги Тарле (в целый печатный лист) и послал его в Петербург Василию Ивановичу Семевскому, который во все время этой истории был безусловно на моей стороне. Послал ему с просьбой пристроить в каком-нибудь журнале. Послать просто в журнал я боялся, так как это могло бы сильно затянуть его напечатание. И действительно, «Русское богатство», к которому прежде всего обратился Василий Иванович, напечатать отказалось, причем Михайловский сказал ему, что он решил совершенно не касаться книги и диспута Тарле⁸²⁴. Тогда Василий Иванович обратился в «Народное хозяйство» – специальный журнал, посвященный политической экономии и экономической истории, издававшийся профессором Л. В. Ходским. В журнале этом уже была рецензия на книгу Тарле, и рецензия очень хвалебная, написанная, если память меня не обманывает, Конским⁸²⁵ (который в разговоре с В. И.

824 Далее зачеркнуто: «(и действительно там не было ни рецензии, ни заметки о диспуте)».

825 Неточность: автором рецензии являлся В. В. Святловский

Семевским после диспута сам признавал свою рецензию ошибкой). Трудно было ожидать поэтому, чтобы журнал принял мою статью, но, сверх ожидания, он это сделал, снабдив ее редакционным примечанием с обычной в таких случаях фразой «Audiatur et altera pars»⁸²⁶, и статья появилась месяца через два после диспута⁸²⁷.

(псевдоним Василий Соломин), оценивший «блестящую историко-литературную монографию» Е. В. Тарле как «ценное приобретение русской экономической литературы», «весьма капитальное исследование» и вообще «лучшее» из всего, что появилось за последнее время о Т. Море и его «Утопии» не только в России, но и за границей (Соломин Василий. Рец. на кн.: Тарле Е. В. Общественные воззрения Томаса Мора в связи с экономическим состоянием Англии его времени. СПб., 1901 // Народное хозяйство. 1901. Кн. 6. С. 179–180).

826 Следует выслушать и другую сторону (лат.).

827 См.: Водовозов В. В. Новое исследование по социальной истории Англии // Народное хозяйство. 1901. Декабрь. Кн. 10. С. 161–176. В примечании редакции говорилось: «В “Народном хозяйстве” кн. VI была помещена рецензия на книгу г. Тарле, где автор, приняв на веру “перевод с латинского” г. Тарле и проч., дал весьма благоприятный отзыв об этой книге. В интересах науки считаем существенным дать место и статье г. Водовозова» (Там же. С. 160). В рецензии, в частности, говорилось: «Человек, так понимающий писателя, о котором он пишет исследование, или, лучше сказать, так его не понимающий, незнакомый в достаточной степени с языком исследуемого им произведения и пользующийся заведомо безграмотным переводом, человек, не знающий истории той эпохи, за которую он берется, не знающий литературы предмета, не удосужившийся даже прочитать внимательно очень ценное предисловие Циглера к переводимому им памятнику и не менее ценное исследование о нем Каутского и все это свое незнание ярко обнаруживающий в своем переводе, не может написать ничего сколько-нибудь ценного. Так казалось и нам. Однако г. Тарле – писатель, который приобрел себе некоторую известность много-

Я попросил Ходского отпечатать оттиски моей статьи в 200 экземплярах особой брошюрой⁸²⁸, разослал ее по редакциям журналов и разным лицам и даже сдал экземпляров 50 на комиссию в несколько киевских книжных магазинов. Как мне кажется, она произвела впечатление и в конце концов заставила очень многих, в том числе Кареева и Милюкова, признать, что я был не совсем не прав, выступая против Тарле. Она ли или другие обстоятельства заставили и Вакаров переложить гнев на милость; они опять стали появляться у меня, втягивая в те или другие действия социал-демократической партии.

Но, во всяком случае, она убедила не всех. Единственная рецензия на нее была помещена в «Русских ведомостях», – и рецензия очень сердитая, написанная тем же Дживелеговым, который перед диспутом поместил очень хвалебную рецензию на книгу Тарле (о чем я уже упоминал). В рецензии на мою брошюру, рецензии очень краткой, говорилось, что я будто бы «собрал» все замечания, сделанные Тарле на диспуте, прибавил к ним несколько своих замечаний, но что все это мелочи, о

численными статьями в журналах; книга его о Т. Море отличается одним несомненным достоинством: она написана легко, живо, с внешней стороны интересно, и читатель, не знакомый с вопросом и не считающий нужным проверять сообщаемые автором факты, выносит из чтения книги убеждение, что он узнал что-то новое для себя и интересное» (Там же. С. 175–176).

- 828 См.: Водовозов В. В. Исследование г. Тарле по социальной истории Англии. СПб., 1901. При переиздании «Утопии» в советское время упоминался и Водовозов, о критическом отзыве которого говорилось: «С рецензентом можно не согласиться только в его утверждении, будто проф. Тарле переводил не с латинского, а с немецкого. Работа, несомненно, исполнена по латинскому оригиналу, но в некоторых затруднительных случаях Е. В. Тарле пользовался упомянутым переводом Коте, который его и подвел» (Малеин А. И. Главнейшие издания и переводы «Утопии» // Мор Т. Утопия / Пер. и комм. А. И. Малеина. М., 1935. С. 27–28).

которых не стоило бы говорить. Прав я только в одном: в отрицательном отношении к переводу «Утопии», но и его давать не стоило бы, так как всем хорошо известно, что к своей хорошей книге Тарле приложил неудовлетворительный перевод «Утопии»⁸²⁹.

Рецензия на мою брошюру, в сопоставлении с рецензией того же Дживелегова на книгу Тарле, может быть признана изумительной: там Дживелегов признавал перевод Тарле образцовым, а теперь его неудовлетворительность оказывалась общеизвестной. Странно было и утверждение, будто я собрал чужие возражения, тогда как вся моя брошюра была результа-

829 См.: «...из-за одного перевода да ряда мелких недоразумений в самой книге и нескольких спорных точек зрения едва ли стоило вновь поднимать историю и еще раз призывать внимание читающей публики к книге г. Тарле. Диспут кончился, степень г. Тарле получил; кажется, после всего этого можно бы считать инцидент исчерпанным. Но г. Водовозову не нравится именно то, что факультет признал г. Тарле достойным искомой степени. “Мы не знаем, – говорит он в заключительных строках статьи, – какие мотивы руководили факультетом при его странном решении”. Если это решение кажется г. Водовозову странным, то еще более странным должно показаться всякому беспристрастному человеку появление его брошюры. Возражения, приводимые г. Водовозовым, за исключением справедливых нападок на перевод, мелки и не дают основания для признания книги “совершенно неосновательной”. Затем г. Водовозов, так тщательно ставящий г. Тарле всякое лыко в строку, нашел в его книге только одно достоинство – легкость и живость изложения – и в этом разошелся с мнением самого компетентного из оппонентов г. Тарле, проф. Лучицкого, указавшего целый ряд более серьезных достоинств. Принимая все это во внимание, читатель, знакомый и с инкриминируемой книгой, и с ходом диспута, должен прийти в полное недоумение. Зачем было снова заводить историю и *post festum* трубить тревогу? Брошюра не дает никакого материала для ответа на этот вопрос» (Русские ведомости. 1902. № 14. 14 янв.).

том моей собственной работы, и только в конце я кратко упомянул о некоторых возражениях Челпанова и Трубецкого. И странно, что такая, позволяю себе сказать, явно недобросовестная рецензия была помещена в таком исключительно чистоплотном органе, как «Русские ведомости».

Я сказал, что в Киеве с Тарле я больше не видался, но встречаться с ним мне приходилось и впоследствии нередко.

В конце 1901 или начале 1902 г. я был в Петербурге и там на юбилее П. И. Вейнберга⁸³⁰ столкнулся с Тарле. Я первый подошел к нему и протянул руку. Он подал свою.

Уходя с юбилея, мы случайно столкнулись с ним на лестнице.

– Можно с вами поговорить? – обратился ко мне Тарле.

– Очень рад, конечно.

– Позвольте спросить, чем руководствовались вы, протянув мне руку?

– Как чем? Очень просто. Тем, что считаю вас порядочным человеком и в слабости вашей диссертации не вижу доказательств противного, хотя ваша манера держаться на диспуте мне сильно не понравилась.

Не могу вызвать в памяти с точностью продолжение этого разговора, но разговор завязался. Совершенно естественно, что он не шел в спокойных тонах и по правильным дорожкам научного диспута. Мы шли по Невскому. Тарле нервничал, шел очень быстро, толкая прохожих, не замечая этого и не извиняясь; потом он повернул через улицу, шел, не смотря по сторонам, рискуя на каждом шагу попасть под лошадей. Я был спокойнее его, особенно сначала, но и я скоро начал волноваться и говорил так, что о многом потом жалел. Передать всего этого я

830 Чествование П. И. Вейнберга в связи с 50-летием его литературной и общественной деятельности состоялось 16 декабря 1901 г. в помещении Петербургского Общества деятелей печатного слова.

не в состоянии. Помню только немногие отдельные моменты разговора.

Тарле раздраженно говорил о поднятой против него травле.

– Вот вы, я вас всегда считал вполне порядочным человеком, а вы не погнушались вступить в заговор с этим мракобесом и ханжой Челпановым; хуже того, не погнушались подзудить юдофоба и реакционера Сонки выступить против меня, зная, что он будет рад причинить неприятность еврею.

– Что, что такое? Я поддерживал Сонки? С чего вы это взяли? Я же совершенно не знаком с Сонки.

– Мне говорили, что вы однажды сидели в университетской библиотеке и работали; к вам подошел Сонки, действительно с вами незнакомый, но заинтересовавшийся человеком, работающим над латинским фолиантом, и спросил, что вы делаете, а вы заговорили о моем переводе и начали убеждать его выступить против меня.

– Послушайте, да ведь ничего подобного не было. С Сонки во всю свою жизнь я ни разу не разговаривал и видел его единственный раз в жизни на вашем диспуте; в университетской библиотеке я действительно иногда работал, но в этом году не работал там ни разу, а только брал книги на дом; ни над каким латинским фолиантом я ни для вашего диспута, ни вообще в жизни не работал, а «Утопией» Мора пользовался в двух изданиях – Циглера и Михельса⁸³¹ (кажется, так. – В. В.) и Lupton, оба – обыкновенное *нрзб*, и оба я купил и имею в собственной библиотеке. Все, что вы рассказали, – это же не легенда какая-нибудь, а сознательная, злостная и глупая выдумка. Кто вам ее рассказал?

– Ну хорошо, пусть выдумка; я вам верю, раз вы так говорите; оставим это.

831 См.: Thomas Morus Utopia / Herausgegeben von Victor Michels und Theobald Ziegler. Berlin, 1895.

– Почему же оставим? Раз это злостная, намеренная клевета, так почему вы не хотите изобличить клеветника?

– Оставим это. Во всяком случае, вся история была злобная интрига против меня, и вы, вероятно, сделали невольным орудием интригана Челпанова.

– Я не знаю, за что вы клеймите этим именем Челпанова. Во всяком случае, я от него никогда не слышал ни про кого такой глупой клеветы, как та, которую вы сейчас рассказали со слов какого-то – не интригана, не клеветника? Хотя, кстати, клевета какая-то странная. Что было бы позорного и для кого, для Сонки или для меня, если бы все так и было, как вы рассказали?

– Как что? Да ведь Сонки – реакционер и антисемит.

– Я этого не знаю; его политическая физиономия мне совершенно не знакома, но я знаю, что он знающий латинист, и отчего бы он не должен был заговорить с человеком, заинтересовавшим его своей работой, или отчего этот человек не должен был ему ответить? Почему я должен был бы скрывать от него свое мнение о вашей книге?

– Да ведь он злостный реакционер и антисемит.

– Повторяю, я этого не знаю и в первый раз от вас слышу. Но... разве вы сами никогда не имеете дела с реакционерами и антисемитами? Разве вы сами мне не рассказывали о ваших товарищах по гимназическому педагогическому совету, которые почти все и реакционеры, и антисемиты и с которыми вы вели общее дело и при случае разговаривали? Разве, работая в университетской библиотеке, вы не пользовались услугами библиотекарей Мисецкого (как будто фамилию передаю неверно⁸³². – В. В.) и Ващенко-Захарченко, очень хороших и услужливых библиотекарей, но крайних антисемитов и реакционеров? Но как бы то ни было, даю вам честное слово, что вся эта история с Сонки есть выдумка от первого до последне-

832 Правильно: Н. В. Миницкого.

го слова⁸³³.

– Оставим это.

Далее, на мое указание неудовлетворительности его диссертации, Тарле признал, что он слишком поспешил с нею и что если бы можно было бывшее сделать не бывшим, то он поработал бы подольше и избавил бы ее от некоторых промахов. Но что моя оценка его книги неправильна, доказывается уже тем, что он получил из Англии просьбу о разрешении ее перевода на английский язык, и она скоро появится в свет.

Это последнее было выдумкой. По крайней мере, до сих пор она в переводе, насколько я знаю, не появлялась.

Я очень сожалею, что вел разговор в слишком резком тоне и что примирения между нами не состоялось⁸³⁴.

833 Выражая благодарность за присланную рецензию на книгу Е. В. Тарле, профессор А. И. Сонни писал В. В. Водовозову: «Очень рад, что среди хора хвалебных о ней отзывов, которыми переполнены толстые журналы, раздался, наконец, хоть один голос в пользу истины. Ваши возражения, все без исключения, кажутся мне вполне основательными» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2470. Л. 1).

834 Сохранился черновик письма от 17 декабря 1901 г., в котором В. В. Водовозов обращался к Е. В. Тарле (зачеркнутое автором приводится в квадратных скобках):

«Евгений Викторович, возвратившись домой после нашего продолжительного разговора, я много передумал. Вы просите меня отказаться от печатания моей рецензии на Вашу книгу. Я очень хорошо понимаю, что моя рецензия может принести Вам немало вреда, хотя думаю, что размер этого вреда Вы преувеличиваете: не помешали же мои возражения Вам появляться в “Вестнике Европы”, “Мире Божиим”, и Вы говорили мне даже, что Михайловский заранее согласен на помещение Вашего ответа, а между тем добивать Вас, как ввиду Вашей просьбы, так еще более ввиду Ваших обещаний, я вовсе не желаю. Вы, видя мое не полное доверие к данным Вами обязательствам, спрашивали меня, какие гарантии можете Вы дать. Обдумав все, я и

даю Вам ответ на этот Ваш вопрос.

Относительно Вашей книги и диспута на поверхности общественного сознания образовалась странная муть. Ваши друзья распространили о диспуте ряд клевет, печать поместила ряд в высшей степени хвалебных отзывов о книге во многих журналах (“Русские ведомости”, “Журнал для всех”, “Исторический вестник”, “Народное хозяйство”) за подписями более или менее известных лиц, и по поводу диспута, в двух таких газетах, как “Россия” и “Русские ведомости”, появились статьи, безусловно сочувственные Вам и притом безусловно недобросовестные. Из последней оказывается, 1) что такой авторитетный оппонент, как Трубецкой, сказал только то, что Вы очень талантливый человек, 2) что оппоненты не касались существенной части книги и 3) что “говорят”, что на диспуте сводились личные счеты. И то, и другое, и третье – неправда; относительно первых двух пунктов Вы и не отрицаете этого; правильность третьего Вы, если я верно Вас понял, отстаиваете по отношению к некоторым оппонентам (Челпанову), но отрицаете относительно других, признавая, что они действовали хотя, может быть, и ошибочно, но, во всяком случае, по мотивам, чуждым личным соображениям; между тем в “Русских ведомостях” инсинуация пущена даже без такой оговорки. Так как Ваши друзья в дополнение к этому опутали все дело целой сетью клевет, притом сознательно злостных (выдумка относительно моего влияния на Сонни не может быть иной), то на поверхности оказывается какая-то странная муть.

Ваша нравственная обязанность – рассеять эту муть, насколько это возможно. Вы не можете ссылаться на усердие не по разуму Ваших друзей, Вы за него отвечаете. Общество имеет право знать правду о Вашей книге и Вашем диспуте. Нельзя быть порядочным общественным деятелем, удержавшись на поверхности жизни благодаря клеветам, инсинуациям, хотя бы распушенным не им самим, а его друзьями, умолчаниям, недомолвкам, мраку. Элементарная обязанность отрясти от себя таких своих друзей, которые его компрометируют. Вы согласились опровергнуть одну клевету, это поступок, несомненно, честный, но согласитесь, что его одного мало и даже он сам далеко

не полон, которую распространили Вы сами, приняв ее без проверки из чьих-то уст. Но согласитесь, что этого мало. Необходимо было бы вывести на чистую воду клеветника, узнав его имя и бросив ему в лицо громкогласно название “клеветника”.

Таков, по-моему, был бы Ваш элементарный нравственный долг. Однако я понимаю, что ввиду близости этого клеветника к Лучицкому Вам это сделать трудно, да я и не настаиваю на этом, ибо клевета имеет мелкий личный характер; я только указываю Вам на такой долг. Но я настаиваю, я требую от Вас опровержения инсинуаций “Русских ведомостей”. Вы имеете, конечно, полное право оговорить свое несогласие с нападками на книгу. Но Вы должны публично заявить, что чистоты мотивов этих нападок Вы не заподозриваете; что оппоненты нападали не только на перевод, но и на текст книги; что Трубецкой не только хвалил, но и порицал Вас (правильность или неправильность – другой вопрос, который Вы можете оговорить или не оговаривать). К этому, по-моему, следует прибавить то, что Вы заявили на диспуте и что повторили мне, что Ваш перевод не полон и на полноте его Вы никогда не настаивали. Форма, пределы и ограничения всех этих утверждений – дело Ваших убеждений, но Ваша нравственная обязанность – напечатать такое заявление. Оно было бы в высшей степени благородно. Оно установило бы в обществе (а может быть, и в печати) правильный тон относительно Вашего диспута и Вас лично, и – я позволяю себе утверждать это – оно в итоге было бы чрезвычайно выгодным для Вас, выгодным за исключением одного случая: если автор корреспонденции – лицо, дружбой или покровительством которого Вы дорожите; ввиду категорического Вашего утверждения, что Вы не знаете автора, я не останавливаюсь на этом предположении. Оно оттолкнет от Вас Ваших друзей, прибегающих к недобросовестным приемам, но приобретет Вам сочувствие большинства читающей публики и всех порядочных людей.

Жаль, что Вы не сделали этого *proprio motu* по собственной инициативе (лат.), но что же делать. Во всяком случае, я могу признать Вашу искренность только в том случае, если Вы исполните этот *minimum* требований порядочности. Только это

В последующие годы мне не часто, но все же и не редко приходилось встречаться с Тарле, – то на публичных собраниях, то у Кареева. О новых его трудах, в высшей степени серьезных, мне несколько раз приходилось говорить в печати, и я делал это, всегда признавая Тарле заслуженным, выдающимся историком. И тем не менее всегда при встречах я чувствовал, что он мне не простил. Только со времени большевичьей революции наши отношения смягчились. Мы встречались и на общем деле: в «Былом», в котором я некоторое (недолгое) время, вместе с Бурцевым и Щеголевым, был членом редакции, а он – деятельным сотрудником, и в издательстве Брокгауза – Ефрона, задумавшем одно издание (не состоявшееся)⁸³⁵, в котором Тарле предполагался редактором, а я – сотрудником, – и совершенно естественно, что нам приходилось подолгу мирно беседовать. Особенно смягчился он, когда я выразил ему сочувствие за одну его публичную лекцию. Затем, в 1926 г., я несколько раз встречался с ним в Париже⁸³⁶ на улице: мы жили в

может мне дать гарантию того, что Вы исполните Ваши обязательства относительно Вашей общественной деятельности. Только в этом случае мы можем входить в какие бы то ни было соглашения относительно печатания или не печатания моих рецензий. Si non – non Если нет – нет (лат.). Буду ждать Вашего ответа до утра среды, затем считаю свои руки развязанными. В. Водовозов» (Там же. Д. 2645. Л. 1–4).

Поскольку Тарле, видимо, не ответил, рецензия на книгу появилась в декабрьском номере журнала «Народное хозяйство».

835 Видимо, имеется в виду переиздание «Малого энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона», который в 1899–1902 гг. вышел в 3 т., в 1907–1909 гг. – в 4 т. См.: «О переиздании малого словаря мы подумывали еще в 1919 году, и тогда я вел переговоры с В. В. Водовозовым и И. В. Яшунским о пересмотре старого издания и составлении нового» (Перельман А. Воспоминания. СПб., 2009. С. 191).

836 В 1924–1929 гг., то есть до своего ареста, Е. В. Тарле ежегодно выезжал в заграничные командировки, главным образом в Па-

непосредственном соседстве и сравнительно подолгу беседовали, – и беседовали дружно (насколько «подолгу» можно беседовать на улице, минут по 20–30), однако и тут он не принял моего приглашения зайти ко мне и, в свою очередь, не пригласил меня к себе. Об этих беседах я, может быть, когда-нибудь расскажу, если мне доведется писать воспоминания об этом времени.

К этому прибавлю еще одно замечание. Несчастный диспут имел для Тарле большое значение. В конце концов в петербургских университетских кругах к нему сложилось неблагоприятное отношение, и это отношение долгое время тормозило его профессорскую карьеру, несмотря на то что среди петербургского студенчества он в качестве приват-доцента быстро создал себе блестящую репутацию. Но докторская его диссертация (о континентальной блокаде Наполеона I⁸³⁷), над которой он работал долгие годы, представляла из себя в высшей степени серьезный труд и действительно очень ценный вклад в историческую науку. Не было ли это одним из последствий того удара, который он получил на первом своем диспуте? Без этого удара не позволил ли бы он себе, для ускорения получения докторской степени, такую же легкомысленную спешку, как в тот раз? Возможно, что – да⁸³⁸.

риж, где проводил по несколько месяцев.

837 Неточность: в 1911 г. в Петербургском университете Е. В. Тарле защитил докторскую диссертацию «Рабочий класс во Франции в эпоху революции» (см.: Тарле Е. В. Рабочий класс во Франции в эпоху революции. Исторические очерки. СПб., 1909–1911. Ч. 1–2); В. В. Водовозов имеет в виду кн.: Тарле Е. В. Континентальная блокада. СПб., 1913–1916. Т. 1–2.

838 В Праге В. В. Водовозов написал рецензию на книгу Е. В. Тарле «Европа в эпоху империализма. 1871–1919 гг.» (М.; Л., 1927), отмечая несоответствие ее заглавия содержанию, ибо Тарле сосредоточился на истории и подготовке мировой войны, рассматривая внутренние процессы «исключительно под углом международных отношений» и стараясь подвести сложные со-

бытия жизни отдельных стран и отношения между ними «под свою схему», но тем не менее замечал, что вовсе не желает «умалить значение ценного труда», являющегося несомненно «плодом большой и вдумчивой работы», и это не компиляция, а действительно серьезное исследование (Современные записки. 1928. № 6. С. 551–555).

Глава III. Нарастание революционного настроения в годы 1900–1904. – Участие моей жены в делах Красного Креста и ее издательство. – Н. Е. Парамонов. – Балмашев и его кружок. – Брешковская. – Мое участие в составлении прокламаций. – Поздравление генералу Новицкому с юбилеем. – Побег из киевской тюрьмы в 1902 г. двенадцати социал-демократов

Первые годы XX века были временем нарастания революционного настроения в России; отдаленные раскаты приближающейся революционной грозы слышались все яснее и яснее. Предгрозовая атмосфера влияла на весь уклад общественной жизни и не могла не влиять и на мою личную жизнь.

За границей возникли два революционных журнала двух революционных партий: социал-демократическая «Искра» и социал-революционная «Революционная Россия», которые в значительном числе экземпляров проникали в Россию, и мне не раз приходилось оказывать услуги партиям по размещению этих журналов.

Моя жена принимала деятельное участие в революционном Красном Кресте⁸³⁹, деятельность которого благодаря большому числу заключенных сильно оживилась, и через ее руки шли по временам не незначительные денежные суммы. Она затеяла издательство портретов писателей и обществен-

839 К. П. Василенко отмечал, что В. П. Водовозова наряду с А. В. и В. В. Вакарами, П. И. Гиберман, Н. Н. Кульженко и другими принимала «наиболее деятельное участие» в политическом Красном Кресте, «особенную поддержку» которому дало принятое ею издание публичных лекций проф. В. Я. Железнова по политической экономии, прочитанных в 1898–1899 гг. в Киеве (Василенко К. Четверть века назад. С. 136). См.: Железнов В. Я. Очерки политической экономии: В 2 ч. Киев, 1899. См. также: Челпанов Г. И. История основных вопросов этики / Изд. В. Водовозовой и С. Эвенсон под ред. лектора. Киев, 1897.

ных деятелей, русских и иностранных, причем весь чистый доход должен был поступать в Красный Крест. Не веря в коммерческие таланты моей жены, я первоначально отнесся к ее плану совершенно отрицательно. Впрочем, предприятие было начато как очень маленькое и даже почти случайное.

Пользуясь нашей дружбой с Василием Стефановичем Кульженко, сыном собственника наиболее значительной в Киеве типографии, фотографии и фототипии⁸⁴⁰, который в это время управлял этим заведением и сам был хорошим фотографом, она в кредит напечатала в 500 экземплярах несколько портретов наиболее в то время популярных писателей – Л. Толстого, Короленко, Чехова, Чернышевского, Михайловского, К. Маркса – и выпустила в продажу по 35 копеек, сперва – через знакомых, главным образом студентов. Издание ее имело неожиданный для меня успех и понемногу обратилось в настоящее издательство, требовавшее и газетных объявлений, и помещения, и постоянной усиленной работы, отнимавшей все время моей жены, а одно время – даже платной помощницы, и постоянных сношений с разными людьми и цензурой. Издано было ею около сотни портретов различных лиц и несколько десятков снимков с картин известных художников (всего более шел Беклин)⁸⁴¹. Ее покупатели настойчиво требовали от нее

840 Фототипия – фотомеханический процесс, предназначенный для получения типографского клише и тиражирования высококачественных полутоновых изображений методом плоской печати.

841 Например, в четырехстраничном рекламном проспекте «Издательства Веры Петровны Водовозовой в Киеве» (по адресу: Владимирская, 79) сообщалось: «Вышли в свет и поступили в продажу снимки с картин Беклина большого формата (размером 10½ x 8 вершков), исполненные в фототипии С. В. Кульженко: 1) Арнольд Беклин (портрет художника), 2) Остров мертвых, 3) Сострадание, 4) Священная роща, 5) Семья тритонов, 6) Вилла у моря, 7) Центавр у кузнеца, 8) Развалины у моря, 9) Остров живых...» Предлагались также «снимки с картин Балестриери» по

издания открыток; ввиду большой конкуренции ей не хотелось переходить на этот род издательства, но кончилось тем, что она уступила и начала издавать открытки, тоже с портретами и снимками с картин. Приходилось и мне помогать ей. Издательство шло хорошо и давало порядочный доход, и различные приключения, вроде ее шестинедельного ареста в 1905 г., хотя и вредили ему, но не погубили. С нашим переездом в Петербург дело перенесено было туда⁸⁴² и продолжалось до войны, когда расход портретов почти сразу прекратился и она осталась с большим складом на руках.

Успех окрылил мою жену, и она задумала перейти также и к книжному издательству. Различные наши знакомые предлагали свои услуги для перевода той или иной книжки. Оставалось найти небольшую иностранную книгу, которая могла бы рассчитывать на сравнительно быстрый расход. Я указал на «Классовые противоречия в 1789 г.» К. Каутского; книжка была уже старая (она вышла в свет к столетнему юбилею революции), в свое время была уже переведена на русский язык и напечатана в «Северном вестнике» эпохи Михайловского⁸⁴³. Но

той же цене, 75 копеек за экземпляр, и «портреты писателей, общественных деятелей, музыкантов, композиторов» (размером 8 x 6 вершков) по 35 копеек, причем к осени 1903 г. было выпущено свыше 60 таких портретов и указывалось, что в октябре – ноябре еженедельно будут выходить по три новых; торговым представителем издательства в Петербурге состояла Полина Израилевна Гиберман (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2709. Л. 169–170, 184–185).

842 См. газетное объявление: «Издательство портретов и картин В. П. Водовозовой переведено в СПб., Васильевский Остров, Тучкова набережная, д. 2» (Товарищ. 1906. № 59. 12 окт.).

843 См.: Kautsky K. Die Klassengegensätze von 1789: Zum hundertjährigen Gedenktag der großen Revolution. Stuttgart, 1889; Каутский К. Противоречия классовых интересов в 1789 году. К столетнему юбилею великой революции / Пер. с нем. Г. Ф. Львовича // Северный вестник. 1889. № 4. С. 115–127; № 5. С. 29–55; № 6. С.

книжка была очень хорошая, и к тому же с тех пор она появилась в подлиннике новым, сильно исправленным изданием. Один юный социал-демократ Иона Биск перевел ее (без вознаграждения), но, к сожалению, перевел очень неудовлетворительно, и мне пришлось сильно исправить его перевод. Киевская цензура отказалась пропустить ее, и мы послали на цензуру в Петербург. Недоразумений я не боялся, так как книжка уже за 13 лет перед тем была разрешена. И вдруг – книжка оказалась запрещенной.

К счастью, вскоре после этого мне по различным делам пришлось съездить в Петербург. Там я зашел в цензуру. На общий вопрос о причине запрещения сколько-нибудь вразумительного ответа я не получил, а на мое указание, что ведь произведение Каутского однажды было разрешено, цензор мне ответил:

– Появление чего-либо в журнале, издающемся без предварительной цензуры, для цензуры не указ.

– Да ведь «Северный вестник» издавался тогда под предварительной цензурой!

– Нет, без.

Это было явное недоразумение. «Северный вестник» возник в 1885 г. (или около) при Евреиновой и издавался в конце 80-х годов при Михайловском и в начале 90-х годов при Волынском под предварительной цензурой, и только потом Любови Гуревич и Волынскому удалось выхлопотать освобождение от нее⁸⁴⁴, – и мне удалось это недоразумение выяснить, хотя и не сразу. В результате рукопись была разрешена с исключением одного или двух мест о польской политике России, и книжку

175–189. Публикация была осуществлена после ухода Н. К. Михайловского из журнала в 1888 г.

844 Журнал «Северный вестник» издавался без предварительной цензуры с 1897 г.

оказалось возможным напечатать в Киеве, помнится, в 2000 экземпляров⁸⁴⁵. Несмотря на то что почти одновременно, совершенно независимо от меня, ту же книжку выпустил в свет в Петербурге и прежний ее переводчик Львович⁸⁴⁶, но выпустил, очевидно не зная о появлении ее в подлиннике новым изданием, по старому тексту «Северного вестника», несмотря на это, наше издание, вопреки моей уверенности в противном, очень быстро, месяцев в 6, разошлось до последнего экземпляра, преимущественно в Киеве и вообще на юге; в Петербурге она почти не продавалась. Весь доход от нее пошел в Красный Крест.

Лишь только эта книжка появилась в свет, мою жену стали донимать из разных мест предложениями издать в переводе ту или другую книгу. Таких предложений было получено до десятка. Все предложения касались исключительно немецких книг и притом почти исключительно социал-демократических и по большей части весьма специальных и узких. Пойти по дороге книгоиздательства, да еще такого специального, моя жена не решилась, и ни одно из этих предложений не было принято. Даже книжку Каутского она не сочла возможным выпустить вторым изданием, и таковым (в переводе Биска под моей редакцией) она была выпущена только в 1905 г.⁸⁴⁷ Н. Е. Парамоновым (издателем «Донской речи»)⁸⁴⁸ с восстановлением за-

845 См.: Каутский К. Противоречия классовых интересов в 1789 году / Пер. И. С. Биска; под ред. В. В. Водовозова. Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1902.

846 См.: Каутский К. Противоречия классовых интересов в 1789 году / Пер. Г. Ф. Львовича. СПб., 1902.

847 Неточность: книга выходила еще в 1903 г., см.: Каутский К. Противоречия классовых интересов в 1789 году / Пер. И. С. Биска; под ред. В. В. Водовозова. 2-е изд. Ростов-на-Дону: «Донская речь» Парамонова, 1903.

848 Издательство «Донская речь» начало функционировать в январе 1903 г., выпустив свыше 500 книг и брошюр, в том числе 26

прещенных цензурой мест.

Кстати, о Парамонове. В начале 900-х годов он был студентом Киевского университета. Сын ростовского пароходо-владельца-миллионера⁸⁴⁹, он в это время, в первые годы XX века, был в решительной ссоре со своим отцом и не получал (или не брал) от него ни копейки, предпочитая жить обычной жизнью студенческой бедноты, то есть пробавляясь уроками, случайно находимой им статистической, корректурной и тому подобной работой. В течение нескольких месяцев он жил, снимая за 8 рублей в месяц маленькую комнатку у нас, и в это время я близко познакомился с ним. Он производил сильное впечатление своим практическим умом, своим сильным характером и энергией, с которой пробивал дорогу в жизни и вместе с тем серьезно и добросовестно учился. Политические симпатии его тоже лежали на стороне социал-демократии, и, кажется, он был активным членом партии, но вел себя осторожно и кончил курс вполне благополучно. С большим сочувствием он относился к предприятию моей жены и во многом с большим усердием помогал ей.

По окончании курса Парамонов уехал на родину, в Ростов-на-Дону. Там в 1903 г. или около он основал книгоиздательство «Донская речь», издававшее преимущественно брошюры беллетристического, политического и популяр-

выпусков историко-революционного журнала «Былое», 21 выпуск «Русской исторической библиотеки», 17 выпусков журналов «Отклики современности», «Народная жизнь», «Народный вестник» и т. д. После того как 2 января 1905 г. Н. Е. Парамонов фиктивно, за 7500 руб., переуступил издательство своему бухгалтеру А. Н. Сурату, часть книг выходила под марками «Книгоиздательская фирма А. Н. Сурата», «Книгоиздательство “К свету”», «Издательница А. И. Парамонова» (см.: Кошеверова С. В., Тарасова М. Н. Каталог издательства «Донская речь» Н. Е. Парамонова в Ростове-на-Дону. Ростов-на-Дону, 2006).

849 Имеется в виду Е. Т. Парамонов.

но-научного содержания, рассчитанные на читателя из народа – рабочего класса и крестьянства. Я не знаю, начал ли он издательство после примирения с отцом и на деньги, полученные от него, или до и на собственные заработанные гроши; во всяком случае, оно было начато приблизительно так же, как издательство портретов и картин моей жены, то есть в очень маленьком масштабе, но сразу превосходно пошло и дало возможность Парамонову обратить его в очень крупное предприятие⁸⁵⁰; если для этого он не пользовался капиталами отца, то сильно содействовали этому полученные в наследство коммерческая сметка, практическая жилка и, вероятно, кредит, создаваемый – даже и при ссоре с отцом – миллионами и репутацией этого последнего.

Книжки для издания Парамонов подбирал по известному плану и с определенным политическим направлением, а именно социал-демократическим, но без обычной узости, так часто отличавшей и отличающей социал-демократов. Его помощником по редакционной части был его приятель, социал-демократ С. Г. Сватиков, автор нескольких недурных книжек по истории⁸⁵¹. Но он и сам выбирал книжки. Так, прочтя в

850 26 апреля 1905 г. Н. Е. Парамонов уведомлял В. В. Водовозова о значительном расширении своего издательского дела: «К августу мы окончим оборудование типографии, в нашем распоряжении будут тогда шесть машин, которые будут печатать тогда исключительно наши издания», – и с гордостью сообщал: «За первые 4 месяца 1905 г. мы издали приблизительно 1 000 000 экз. брошюр. Я уверен, что до конца года эта цифра будет доведена до 4 000 000 экз., что уже даст нам возможность стать прочно и хорошо и аккуратно выплачивать гонорар» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2382. Л. 9).

851 См.: Сватиков С. Г. Общественное движение в России (1700–1895). Ростов-на-Дону, 1905; Он же. Из эпохи реакции (1880–1895). М., 1917; Он же. Русский политический сыск за границей. (По документам заграничной агентуры департамента полиции). Ростов-на-Дону, 1918.

журнале «Новый путь» мою статью о «всеобщем голосовании» (в 1904 г.)⁸⁵², он сейчас же решил, что статья может быть пригодна в качестве брошюры, и обратился ко мне с письменным предложением (я жил тогда в Петербурге, а он в Ростове-на-Дону) издать ее в 10 000 экземпляров и назначил гонорар в 100 рублей. Предложение было для меня совершенно неожиданно – мне и в голову не приходило, чтобы подобное издание было возможно (конечно, с книгопродавческой точки зрения) – и очень приятно; я, разумеется, его принял⁸⁵³. Еще более неожиданно было, когда через два месяца он сообщил, что книжка разошлась сполна, и предложил за тот же гонорар выпустить ее новым изданием, уже в 50 000 экземпляров и по удешевленной цене (первое издание было выпущено по 10 или 8 копеек⁸⁵⁴, второе по 5 копеек); я, конечно, и на этот раз принял предложение⁸⁵⁵ и внес в книжку некоторые исправления,

852 Неточность. См.: Водовозов В. В. Организация всеобщего избирательного права // Новый путь. 1904. № 10. С. 233–259; № 12. С. 120–135.

853 См.: Водовозов В. В. Всеобщее избирательное право на Западе. Ростов-на-Дону, 1905.

854 Правильно: по 8 копеек.

855 В 1905 г. Н. Е. Пармонов регулярно извещал В. В. Водовозова о положении с изданием и реализацией его трудов: например, 26 апреля: «Пасха немного сократила спрос, но в общем всё, а особенно “Избирательное право”, идет хорошо»; 3 августа: «Ваш очерк “Всеобщее избирательное право” мы уже издали дешевым изданием за 5 коп. и на днях вышлем Вам, как Вы и сообщали последний раз, 3 тысячи экз. Общий отзыв все же таков, что брошюра написана несколько трудно. Не найдете ли Вы возможным значительно его опростить для следующего издания? Я думаю, что это издание разойдется к декабрю. <...> Книжка Каутского “Противоречие классовых интересов” распродана. Будете ли делать какие изменения для следующего издания? Если да, то не задержите высылкой правленного экземпляра» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 7, 16).

частью фактического свойства ввиду новых событий, а частью в сторону дальнейшей ее популяризации⁸⁵⁶. На этот раз прошло месяцев девять или десять, и Парамонов выпустил ее третьим изданием⁸⁵⁷, тоже в 50 000 экземпляров.

Но время шло, рынок насыщался, а главное, после подавления эсеровского восстания в Москве в декабре 1905 г. и неудачи третьей всероссийской забастовки⁸⁵⁸ интерес к книге или, по крайней мере, к политической брошюре в народных массах сразу упал, и многочисленные вновь создавшиеся издательства остались на мели с громадным грузом изданного или печатного материала и в большинстве прекратились. В меньшей степени, чем других, вследствие большой литературной серьезности и коммерческой солидности его издательства, та же участь постигла и «Донскую речь» Парамонова, которая, правда, уцелела и влачила свое существование вплоть до революции 1917 г., но издавала мало и в небольшом количестве экземпляров⁸⁵⁹. Вместе с издательством и моя брошюра осталась на складе мертвым грузом; остатки ее были распроданы со значительной быстротой после Февральской революции 1917 г., несмотря на то что к этому времени она совершенно устарела и нуждалась в радикальной переработке.

Кроме этой моей брошюры Парамонов в 1905 г. предложил мне, как я уже упоминал, переиздать проредактированный мной перевод книжки Каутского и заказал перевод из-

856 См.: Водовозов В. В. Всеобщее избирательное право на Западе. 2-е перераб. изд. Ростов-на-Дону, 1905.

857 Неточность: вышло только два издания этой брошюры.

858 Всероссийская политическая стачка проходила 20 октября – 2 ноября 1905 г.

859 Издательство «Донская речь», деятельность которого приостанавливалась в декабре 1905 г. и декабре 1906 г., было закрыто в 1907 г. (см.: Кошеверова С. В. Из истории издательского дела на Дону. (К 100-летию «Донской речи») // Общественные науки. 2003. № 4. С. 16–21).

вестной книги Кеннана о ссылке и тюрьме в России⁸⁶⁰.

В 1905 г. Парамонов уже помирился с отцом и был деятельным участником в его миллионном предприятии; таким образом, «Донская речь» могла быть для него только чем-то побочным, второстепенным или третьестепенным и в смысле коммерческом, и в том внимании и затрате времени, которые он мог отдавать ей. Но он продолжал дело с прежней любовью. Для меня совершенно несомненно, что оно было для него делом по преимуществу идейным, а не коммерческим, тем более что ради него он нес и значительный личный риск: за несколько десятков различных книжек он был привлечен к суду и не высидел года крепости⁸⁶¹ только по случайной причине, о которой я расскажу позже в связи с рассказом о моих судебных делах. Но едва ли можно сомневаться и в том, что кроме идейной стороны дела Парамонова увлекала его предпринимательская, дедачская натура; его самолюбию льстило, что он, начав с грошей, сумел создать и стоять во главе крупного предприятия, которое оставило свой не незаметный след в культурном росте России. И вместе с тем коммерческая натура, и притом натура коммерсантов времен Островского, до некоторой, хотя и не сильной степени сказывалась в его приемах ведения дела.

В 1906 или 1907 г. в Петербург приехала дама, с которой в

860 См.: Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Ростов-на-Д.: А. Сурат, 1906–1907. Т. 1 / Пер. с англ. под ред. В. Водовозова; Т. 2 / Пер. с англ. под ред. Е. Серебрякова.

861 Неточность: дело Н. Е. Парамонова и А. Н. Сурата рассматривалось Новочеркасской судебной палатой 12–13 мая 1907 г. Взятые под стражу, они были освобождены под залог: первый – в 40 тыс., второй – в 2 тыс. рублей; следствие тянулось три с половиной года, и хотя в 1911 г. Парамонов и Сурат были приговорены соответственно к трем и двум годам заключения в крепости, они избежали наказания: против них возбудили новое дело, а в 1913 г. амнистировали в связи с 300-летием династии Романовых.

последние месяцы своей киевской жизни он жил как с женой и в качестве таковой увез с собой в Ростов. Эту даму и я знал еще по Киеву. Она была у меня и горько жаловалась на Парамонова, который ее бросил, и притом бросил в очень тяжелом материальном положении. Говоря, что Парамонов очень меня уважает, она просила меня написать ему усовещивающее письмо и предложить ему что-нибудь вроде суда между им и ею. Вместе с тем, говоря со страшной о нем злобой, она рассказала, что моя брошюра о всеобщем голосовании была им напечатана не в трех мне известных и оплаченных гонораром изданиях, а в пяти, то есть и первое, и второе издания были повторены по два раза, и что это была система его действий, которую он практиковал со всеми авторами, когда их книжки хорошо расходились! Хотя рассказ дамы о ее личных отношениях с Парамоновым производил на меня впечатление искренности и правдивости, но от вмешательства в них я отказался, чувствуя к подобным вмешательствам решительное отвращение.

В последующие годы Парамонов выкинул за борт свой социал-демократический груз и к революции 1917 г. был активным членом кадетской партии; одно время, не то при Деникине, не то при Врангеле, он занимал министерский пост⁸⁶². После торжества большевизма он, как и мы все, очутился на другом берегу, в Берлине, но не в пример другим беженцам сумел спасти некоторую часть своего достояния. Как я слышал, ему удалось увести несколько своих пароходов в Константинополь⁸⁶³ и там недурно продать их, – конечно, это была ни-

862 В мае 1918 г. Н. Е. Парамонов управлял отделом торговли и промышленности в правительстве атамана П. Н. Краснова, в феврале – марте 1919 г. – отделом пропаганды Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России А. И. Деникине.

863 В декабре 1919 г. семья Н. Е. Парамонова перебралась в Новороссийск, откуда в феврале 1920 г. отбыла в Константинополь на единственном остававшемся у нее пароходе «Принцип» и до

чтожная доля его прежнего состояния. За рубежом он проявил и прежнюю любовь и интерес к книге, и прежний талант и энергию не желающего идти ко дну предпринимателя. Первое сказалось в том, что он был одним из основателей книгоиздательской фирмы «Слово»⁸⁶⁴, выпустившей в свет много очень ценных книг, а второе – в том, что он, как я слышал, на полученные им от продажи пароходов сравнительно небольшие деньги – в тот период, когда вследствие инфляции и законов о найме квартир большие каменные дома в германских городах продавались по 200–300 долларов, – скупил ряд таких домов в

начала 1921 г. жила на доходы от его рейсов по маршруту Потти – Батуми. Поселившись вскоре в Берлине, Парамонов ненадолго возобновил издательскую деятельность и, скупая пустыри, построил несколько многоквартирных домов и гаражей с авторемонтными мастерскими и заправочными станциями (см.: Будницкий О. В. Николай Елпидифорович Парамонов: «Рано или поздно добро и правда восторжествуют...» // Российский либерализм: идеи и люди. 2-е изд., испр. и доп. М., 2007. С. 822–830).

- 864 Книгоиздательство «Слово» было основано в 1920 г. русской группой пайщиков, которую представлял И. В. Гессен, и немецкой издательской фирмой «Ульштейн». В октябре 1922 г. Н. Е. Парамонов предложил вложить в дело 1 тыс. англ. фунтов при условии, что станет не только пайщиком, но и редактором в ранге директора, и вошел в наблюдательный совет акционерного общества «Слово», учрежденного в 1923 г., наряду с уже существовавшими в Данциге одноименным обществом и берлинской книготорговой фирмой «Логос». Но не сумев путем негласной скупки паев забрать «Слово» у немцев, Парамонов в июле 1925 г. вышел из президиума «Логоса» и тогда же, видимо, покинул издательство, причем если в 1920–1924 гг. оно выпустило 123 названия книг, то в последующие десять лет – всего 25, ликвидировавшись в 1935 г. (см.: Кратц Г. Н. Е. Парамонов и книгоиздательство «Слово» в Берлине // Библиотечное дело – 2003: гуманитарные и технологические аспекты развития. М., 2003. С. 196–198).

Берлине и таким образом обратился в крупного берлинского домовладельца, а после стабилизации валюты – и в миллионера. Однажды я с ним встретился в Праге в столовой Земгора⁸⁶⁵, но наш разговор вышел совершенно пустой и бессодержательный⁸⁶⁶.

Революционное настроение нарастало, сказал я, и оно врывалось в мой дом, требуя от меня очень разнообразных откликов. У меня в доме осенью 1901 г.^{867 868} появился и стал ча-

865 Российский земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей (Земгор), созданный в Париже в 1921 г., имел свои отделения по всей Европе, включая Чехословакию.

866 Уже в 1925 г., 26 января, В. В. Водовозов по старой памяти обратился к Н. Е. Парамонову за помощью: «В настоящее время я без работы. Не могли ли бы Вы предоставить мне таковую?» Поясняя, что есть несколько тем, на которые «очень охотно написал бы книги» («Общественное и политическое мировоззрение Пушкина», «Новые явления в области конституционного права и кризис парламентаризма в современной Европе», «Краткий очерк истории Западной Европы после мировой войны»), Водовозов интересовался: «Не могли ли бы Вы заказать мне одну из этих книг? Если ни одна из них для Вас не подходит, то не предложите ли Вы мне какую-нибудь другую тему? Буду очень благодарен за согласие дать мне какую-нибудь работу» (ГАРФ. Ф. Р–5907. Оп. 1. Д. 123. Л. 1). Но 5 февраля книготорговое акционерное общество «Логос», членом руководства которого Парамонов являлся, ответило Водовозову: «В данный момент мы, к сожалению, не можем воспользоваться Вашим предложением относительно издания Ваших работ, так как на ближайшие 6–8 месяцев мы уже покрылись материалом и положение русского книжного рынка не дает надежды рассчитывать на ускорение темпа издания» (Там же. Д. 168. Л. 1).

867 И тут я, к сожалению, не уверен в точности хронологической даты. Возможно, что мои занятия с кружком Балмашева происходили раньше.

868 Занятия, о которых далее идет речь, могли происходить только осенью 1900 г., так как С. В. Балмашев в этом году из Казанско-

стым гостем Степан Балмашев, с отцом которого, старым народником 70-х годов, была знакома по Саратову моя жена. Это был очень живой и очень симпатичный юноша. Исключенный из какого-то другого университета, Балмашев поступил в киевский. Через несколько посещений он обратился ко мне с просьбой от имени кружка его товарищей руководить занятиями кружка по политической экономии и, в частности, помочь им самоопределиться в споре между сторонниками и противниками марксизма. Я ответил, что не настолько осведомлен в этих вопросах, чтобы взять на себя руководство занятиями студентов, и что единственная область, в которой я мог бы это сделать, это наука о государстве, и прибавил, кстати, что молодежь совершенно напрасно признает политическую экономию как бы единственной отраслью знаний, заслуживающей изучения. Он немного поспорил, но скоро уступил и через несколько дней привел ко мне компанию чуть не с десятков студентов, слишком большую для моей маленькой квартирki с ее очень скудной мебелировкой. Я предложил им программу занятий, дал библиографические указания и предложил поделить между собой ряд тем. Тут были темы по различным вопросам избирательного права, в частности о пропорциональных выборах, о разных вопросах парламентаризма, двухпалатности и однопалатности, о федерации, национальном вопросе, свободе слова, положении церкви в государстве, роли политических

го университета перевелся в Киевский, но 7 декабря был исключен из него за участие в студенческих волнениях, а 23 января 1901 г. арестован и, проведя два месяца в заключении, сдан в солдаты. Хотя в июле его освободили от военной службы по состоянию здоровья, восстановив в сентябре в Киевском университете, но тогда же он вступил в Боевую организацию ПСР, а 2 апреля 1902 г. смертельно ранил министра внутренних дел Д. С. Сипягина (см.: Троицкий Н. А. Дело Степана Балмашева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: История. Международные отношения. 2013. Т. 13. Вып. 4. С. 16–21).

партий в государственном строе и т. д. Разумеется, не обошлось без горячих возражений и споров, но в конце концов моя программа была с некоторыми изменениями принята и темы разобраны.

Кружок собирался у меня раза по два в месяц в течение нескольких месяцев в конце 1901 г.⁸⁶⁹ Большинство прочитанных работ, к сожалению, были слишком пропитаны политикой и вместе с тем очень шаблонны по своим политическим выводам, а в научном отношении крайне слабы. Ни один из моих слушателей не владел иностранными языками, и потому в своих библиографических указаниях я должен был ограничиваться русскими книгами, но и они бывали всегда недостаточно использованы. Единственное исключение в ряду моих слушателей составлял сам Балмашев. Еще недавно он склонялся в сторону социал-демократии, но теперь, во время занятий у меня, считал себя по убеждениям социалистом-революционером и, кажется, формально принадлежал к партии^{870 871}. Но его

869 Правильно: 1900 г.

870 В статьях о нем в «Искре» авторы, указывая на его прежнюю близость с социал-демократами, отрицали его принадлежность к социалистам-революционерам и старались отнять его у партии социалистов-революционеров. Но эти статьи были продиктованы мелкой партийной завистью: социал-революционизм Балмашева не подлежит ни малейшему сомнению для тех, кто знал его в последние годы.

871 Отвечая на упреки эсеров, недовольных «искровской» передовицей (см.: Смерть Сипягина и наши агитационные задачи // Искра. 1902. № 20. 1 мая) и указывавших, что покушение на министра было совершено Балмашевым «не как студентом, а как членом боевой организации социалистов-революционеров, по ее постановлению и при ее содействии», газета возражала: «Нам говорят, что С. В. Балмашев был прежде всего социалистом и революционером. Мы охотно верим тому, что он был социалистом, и мы не имеем ни малейшей охоты и решительно

мировоззрение не было вполне сложившимся и законченным. Он был мятущийся и ищущий юноша и своими исканиями вызывавший к себе симпатию. Каждое мнение, возражение, указание, несогласное с высказанным им самим, он выслушивал с редким вниманием и с редкой готовностью принять его, если оно окажется убедительным. Но это не была беспринципность, не было тем состоянием, при котором «что книжка последняя скажет, то сверху на душу и ляжет»⁸⁷²; нет, он продумывал каждую мысль до конца и принимал ее только с глубоким убеждением. Он написал доклад о пропорциональной системе выборов, и хотя не был чужд обычного у молодежи доктринерства, то есть исходил из отвлеченных положений, в частности из преувеличения положительного значения политической партии, и мало принимал во внимание жизненную практику, но все же его доклад выдавался своей серьезностью и оригинальностью аргументации.

Должно быть, в самом конце 1901 г. Балмашев уехал из Киева, кажется, вследствие исключения из университета или по какой-то другой причине. Куда – я не знал. Затем появилась телеграмма об убийстве министра внутренних дел Сипягина; это был второй важный террористический акт после долгого перерыва⁸⁷³. Первые известия не называли фамилии убийцы, но, рисуя обстановку убийства, они говорили о редком мужестве, самообладании и личном благородстве покушавшегося

никакой возможности сомневаться в том, что он был революционером. Но мы не знаем, откуда видно, что он был “социалистом-революционером”» (Вынужденная полемика // Там же. № 23. 1 авг.).

872 Неточно цитируется поэма Н. А. Некрасова «Саша».

873 14 февраля 1901 г. эсер П. В. Карпович смертельно ранил министра народного просвещения Н. П. Боголепова, по распоряжению которого были сданы в солдаты 183 студента Киевского университета.

ся⁸⁷⁴.

В первый или во второй день после появления в газетах известий о покушении я был у С. Н. Булгакова, бывшего профессором в Киевском политехническом институте, и, конечно, говорил с ним о событии. Булгаков, решительный враг политического террора, был поражен этим событием и говорил:

– Это, должно быть, замечательная личность, виновник покушения; это, видимо, героическая натура.

И потом у него, точно против его желания, сорвались слова:

– Это кто-нибудь вроде Балмашева.

Между тем фамилия его нигде еще не была названа, и никаких данных для такого предположения у нас не было. Через несколько дней оно подтвердилось. Затем последовали и суд, и казнь⁸⁷⁵.

Около 1902 г. на киевском горизонте появилась знаменитая «бабушка» – Брешковская – и не раз ночевала у нас. Образ ее хорошо известен, и вряд ли я могу прибавить к нему что-нибудь. В это время ей было около 60 лет, но она была физически бодра. Ее энергия была поразительна. Она была на нелегальном положении, то есть никогда не знала, будет ли сегодня ночевать где-нибудь в свободной квартире или в тюрьме; не знала и того, в какой именно квартире она будет ночевать, если судьба пошлет ей еще один день свободы. Все ее имущество помещалось в небольшом мешке, и с полным правом она

874 Убийца в офицерской форме с погонами поручика, явившийся 2 апреля 1902 г. в Мариинский дворец якобы с пакетом от великого князя Сергея Александровича, двумя выстрелами смертельно ранил Д. С. Сипягина и, заявив: «Так поступают с врагами народа!», даже не пытался скрыться.

875 Отказавшись подать прошение о помиловании, С. В. Балмашев был повешен в Шлиссельбургской крепости 3 мая 1902 г.

могла сказать: *omnia mea mecum porto*⁸⁷⁶. С этим мешком, имея вид старой няни или прислуги, она переходила с квартиры на квартиру, делая свое революционное дело, организуя кружки, связывая их друг с другом, привлекая их к тому или иному определенному делу. Эта способность не иметь своего угла, жить изо дня в день и в то же время сохранять бодрость и энергию была поразительна. Не менее поразительно было то, что, живя в таких условиях, она успевала много читать и была образованным человеком. Она прекрасно говорила по-французски и охотно переходила на этот язык, и с ней можно было легко и интересно говорить о новинках русской и французской литературы, о важнейших явлениях в области журналистики и общественной жизни⁸⁷⁷.

В связи с оживлением революционной деятельности в Киеве беспрестанно появлялись летучки⁸⁷⁸ обеих политических партий. Не раз эти летучки составлял я, и притом чаще для социал-демократов, чем для социалистов-революционеров. Связующими лицами с первыми для меня были братья Вакары, о которых я упоминал в связи с делом Тарле. Переложив гнев на меня из-за этого дела на милость, они являлись ко мне и, сообщая сведения о какой-нибудь забастовке или о чем-нибудь

876 все свое ношу с собой (лат.) – крылатая фраза Цицерона, приписываемая им древнегреческому мудрецу Бианту.

877 Ср.: «Зимой 1901–1902 года мне пришлось пробывать в Киеве довольно долго и ознакомиться с настроением студенчества как университета, так и политехнического института. Тогда в Киеве проживали В. В. Водовозов и Сергей Булгаков, они нередко выступали со своими тогда марксистскими публичными лекциями, привлекавшими густые толпы молодежи обоего пола. Слушали лекции, спорили о них, но еще больше пользовались ими для распространения революционной пропаганды, устной и книжной» (Брешковская К. Из прошлого // Дни. 1922. № 11. 19 нояб.).

878 Летучка – здесь: небольшая прокламация.

подобном, просили написать листок, что я исполнял весьма охотно. Но однажды я сам взял на себя инициативу.

В обществе распространилось известие, что жандармский генерал В. Д. Новицкий в недалеком будущем празднует свой 25-летний юбилей (это было в 1902 или 1903 г.⁸⁷⁹). И вот когда братья Вакары (или, может быть, это был уже один Вова Вакар, так как младший, кажется, уже женился и перестал бегать по социал-демократическим делам) как-то зашли ко мне, я обратился к ним или к нему с упреком:

– Неужели социал-демократы не собираются поздравить Новицкого с юбилеем? Как им не стыдно – ведь это черная неблагодарность! Кто другой доставил им столько адептов, как Новицкий?

Мысль моя понравилась, и через несколько дней Вакары вернулись ко мне с просьбой написать такое поздравление. И я с большим удовольствием исполнил это предложение. Мое поздравление было построено следующим образом.

«Не имея высокой, хотя, может быть, и несколько опасной чести быть лично известными вашему превосходительству, мы, члены киевского социал-демократического комитета, считаем долгом поздравить ваше превосходительство с предстоящим 25-летием Вашей доблестной службы. Редко кто оказывал нам такие услуги, как ваше превосходительство. За 25 лет Вы произвели десятки тысяч обысков и тысячи арестов; месяцами Вы держали в тюрьмах людей, не причастных к революционной деятельности, и эти люди, на которых не действовали наши аргументы, приходили к нам, пройдя школу вашего превосходительства. В последние 4 года в Киеве успешно работает наша типография; в поисках за нею Вы обшарили сотни квартир, но всегда тех, где ее нет и быть не может, – и наш шрифт успел уже износиться. Но для напечатания этого поздравления Вам мы сочли своим долгом обновить его. Умеренные либе-

879 Правильно: в 1903 г.

ральные общественные деятели говорят о Вас со страхом и ненавистью, говорят о Вашей жестокости, передают слухи о Вашем покровительстве тайным притонам. Но мы не имеем оснований ни для страха, ни для ненависти; напротив, мы питаем к Вам чувство глубокой благодарности. Говорят, будто в недалеком будущем Вы покидаете Киев и получаете новое назначение в Москву. Слух этот нас глубоко огорчает, и мы не можем скрыть, что испытываем к нашим московским товарищам, которые будут осчастливлены возможностью работать совместно с Вами, чувство зависти. Но, благодарные Вам за то, что Вы сделали для развития нашей партии в истекшие годы, мы шлем Вам этот привет и надеемся, что еще долгие годы Вы будете с прежним успехом продолжать Вашу столь целесообразную деятельность»⁸⁸⁰.

880 Ср.: «Киевский Комитет Российской соц.-демократической рабочей партии генералу Новицкому по поводу двадцатипятилетия его жандармской деятельности и предполагаемого оставления им поста начальника Киевского губернского жандармского управления.

Ваше превосходительство, высокопочитаемый Василий Дементьевич!

До нас дошли вести, что Вы, ваше превосходительство, собираетесь покинуть тот пост, на котором Вы со славой подвизались уже четверть века; они повергли нас в глубочайшую скорбь. Не думайте, ваше превосходительство, что это шаблонная фраза, столь обычная при проводах высокопоставленных лиц. Нет, не имея высокой, хотя, может быть, несколько опасной чести быть лично известными вашему превосходительству, мы не видим нужды заискивать перед Вами и говорим от полноты сердца.

Четверть века стояли Вы на своем посту. Многие тысячи лиц подвергнуты Вами за это время аресту, еще большее число – обыскам, несколько сотен людей отправили Вы в более или менее отдаленные места Европейской и Азиатской России. При этом у Вас была своя система. Лишь в редких случаях Вы искали себе жертв в рядах той или другой революционной фракции и

систематически избегали трогать нас, членов комитета социал-демократической партии, уже по многу лет принадлежащих к его составу. Наша новая типография существует в Киеве уже почти четыре года; за эти годы непрерывной работы шрифт успел стереться, и хотя за это время Вы обшарили не менее тысячи квартир, но при этом Вы всегда выбирали именно те, где типографии нет и быть не может. Зато Вы охотно направляли Ваши удары на умеренно-либеральных представителей интеллигентного и буржуазного общества, когда те каким-либо образом, основательно или неосновательно, приобретали себе репутацию людей неблагонамеренных; Ваши удары падали на студентов, недовольных университетскими порядками; всего же чаще – на рабочих, причем Вы никогда не считали нужным разбирать, кто из них принадлежит к социал-демократической партии, а кто даже и вовсе не сочувствует.

Нам не дано проникнуть в глубокий, но сокровенный смысл Ваших целей, но мы хорошо знаем, что сотни людей из интеллигентного общества, ранее бывших либералами, колеблющимися, иногда даже консерваторами, и тысячи рабочих, никогда ранее не задумавшихся о своем положении, на которых не действовали самые горячие наши убеждения, приходили к нам после того, как они оканчивали курс в школе вашего превосходительства. Вас упрекают за жестокость, многие говорят о Вашем бездушии и свирепости, некоторые по поводу Вашей деятельности вспоминали того щедринского генерала Топтыгина, которого послали “учинять кровопролития” и который вместо того “чижика съел”; но мы считаем такое сравнение неправильным, так как, во-первых, Вы не раз учиняли действительные “кровопролития”, а во-вторых, и съеденный Вами “чижик” своим предсмертным писком немало содействовал пробуждению киевских обывателей от их векового сна.

Либеральные и просто мирные обыватели Киева говорят о Вас с ужасом и ненавистью, чуть ли не пугая Вами маленьких детей; с ненавистью и злорадством они повторяют слухи о Вашем покровительстве притонам тайного разврата. Но мы не имеем основания ни ненавидеть Вас, ни бояться. Напротив, именно Вы благодаря всем только что отмеченным чертам Вашей дея-

Это поздравление было превосходно напечатано в тайной типографии, а в самый день юбилея доставлено по почте Новицкому и в довольно значительном числе экземпляров распространено по городу. Оно имело успех, читалось и перечитывалось. Говорили, что на Новицкого оно произвело сильнейшее впечатление и вызвало у него припадок бешенства.

Я, конечно, был далеко не вполне искренен, когда говорил, что «мы не имеем оснований ни для страха, ни для ненависти к Новицкому». Лично я его и боялся, и ненавидел, и, без всякого сомнения, именно чувство ненависти водило моим пером, когда я писал поздравление. Но я писал не от своего имени, а от имени социал-демократического комитета, которому как целому и в самом деле Новицкий – полным отсутствием сыщицкого таланта, соединенным с бессмысленной, возбуждающей против себя и против правительства, жестокостью, – был не страшен.

тельности помогли нам стать на ноги, окрепнуть и развернуть нашу деятельность во всей ее нынешней широте.

Глубоко благодарные Вам за все Ваши услуги, мы не без зависти смотрим на наших московских товарищей, которые отныне, судя по газетным слухам, будут осчастливлены Вашей помощью, и шлем Вам пожелание еще многие годы продолжать Вашу столь же целесообразную деятельность, хотя и вдали от нас. Мы уверены, что высшее начальство и впредь будет оказывать Вам свое благоволение, как оно его оказало в текущем году, вверив Вам ведение Всероссийского дела о революционной организации “Искры”. Вы любезно предоставили возможность десяти обвиняемым по этому делу уйти из Киевской тюрьмы и затем благоразумно направили следствие по ложному следу. Если слух о переводе Вашем в Москву не окажется газетной уткой и Вы действительно покинете нас, смеем надеяться, что Ваш заместитель окажется достойным Вас. Преданный Вам, Киевский комитет Росс. соц.-демократической Раб. партии» (К юбилею В. Д. Новицкого. Адрес // Искра. 1903. № 33. 1 февр.).

Слух о переводе Новицкого в Москву оказался неверным, и он еще несколько лет подвизался в Киеве, но через несколько лет, помнится, в 1905 г.⁸⁸¹, был вовсе уволен за полным несоответствием требованиям времени. Однако прошло еще года два, и он вновь всплыл на поверхность и был назначен одесским градоначальником⁸⁸². Любопытно, что после этого назначения газета «Русь» (А. А. Суворина) отправила к нему своего интервьюера; Новицкий наговорил ему о своем уважении к принципу законности, которого он будто бы всегда держался в своей деятельности и намерен впредь держаться, и «Русь» всю эту ложь поместила с полным доверием, без единой оговорки⁸⁸³.

881 Неточность: В. Д. Новицкий ушел в отставку в 1903 г., вслед за покушением на него политической арестантки, по состоянию здоровья.

882 В. Д. Новицкий состоял одесским градоначальником с 22 августа по 14 ноября 1907 г., когда скоропостижно скончался от «паралича сердца на почве переутомления» в возрасте 70 лет.

883 Комментируя статью «Новый курс в Одессе» корреспондента газеты «Русь», интервьюировавшего градоначальника, Водовозов писал: «Я тоже слышал от ген. Новицкого речи совершенно в том же духе, что и Абелевич; много слышал от него о его любви к законности, о его гуманности к преследуемым им по долгу службы людям и т. д. Генерал Новицкий отличается большой словоохотливостью, охотно пускается в беседы более или менее интимного характера со всеми, в том числе и с людьми, им арестуемыми, и всегда говорит именно в том тоне, который совершенно верно схвачен в рассказе Абелевича. Но я беседовал с Новицким в условиях несколько отличных от тех, в каких беседовал Абелевич, явившийся к Новицкому в качестве газетного сотрудника, и потому мои впечатления от бесед вовсе не так благоприятны. Но и столь же неблагоприятны оказались бы, конечно, впечатления и всех других лиц, к которым прилагал г. Новицкий свои понятия о законности. Я поостерегся бы передавать читателям их без сопоставления слов ген. Новицкого с некоторыми его поступками» (Водовозов В. По поводу «нового

Вспоминается мне еще один крупный эпизод из революционной жизни этой эпохи, к которому я имел некоторое отношение.

Кажется, ранней весной 1902 г. киевская социал-демократия затеяла акт, который скорее подходил бы социалистам-революционерам: организацию побега из тюрьмы целой группы арестованных. Нужно было доставить им в тюрьму различные орудия и даже оружие, веревки и многое другое; нужно было подготовить на воле лошадей, квартиры, но главное, нужно было раздобыть деньги. И мое участие в деле сводилось к подготовке квартир и собиранию денег.

Главным или одним из главных организаторов побега был социал-демократ Я. Г. Френкель, с которым я тоже поддерживал дружеские отношения. Когда-то, в 1887 г., он был моим первым соседом по Дому предварительного заключения (в Петербурге), и там я познакомился с ним посредством переступивания, о чем упоминал в своих воспоминаниях, относящихся к той эпохе. Он судился по делу Лопатина и Якубовича, был приговорен, кажется, к ссылке на поселение в Сибирь, а в конце 90-х годов появился в Киеве, и там мы познакомились с ним уже лично. Мне удалось пристроить его корректором в знакомой мне типографии Кульженко. К этому времени Френкель был уже социал-демократом; скоро после поселения в Киеве он принял активное участие в делах партии и, очевидно, из пиетета к своему народовольческому прошлому взялся за организацию тюремного побега – побега, может быть, самого замечательного во всей русской истории до революции 1905 г., замечательного именно числом бежавших, – и организовал его превосходно. Обыкновенно бегали 1, 2, 3 человека, а тут сразу 12⁸⁸⁴! Эта цифра была превзойдена, насколько я знаю, только

курса» в Одессе // Товарищ. 1907. № 353. 24 авг.; см. также: Абеlevич С. Напрасная наивность // Русь. 1907. № 254. 25 авг.).

884 Неточность: бежало 11 человек, в том числе 10 социал-демократов и 1 эсер.

во время революции, да и то, кажется, только в революцию 1917 г. И притом побег был организован без всякого содействия тюремной стражи, а также без подкопа.

Впрочем, благодаря замечательным порядкам киевской тюрьмы организация побега представлялась сравнительно легкой. Посетители проходили в тюрьму к заключенным почти без контроля, передача не контролировалась почти вовсе; гуляли заключенные на дворе все вместе, а стена – правда, высокая, сажени в две, – отделяла двор прямо от пустынного поля, находившегося уже за городом.

И вот однажды по данному сигналу заключенные сперва запорошили нескольким стражникам глаза табаком, одного или двух связали веревками, потом перебросили веревочные лестницы с крюками на стену, каким-то образом закрепили их там, перелезли через одну стену и бросились бежать в недалекие условленные места, где их поджидали лошади, частью верховые, частью упряжные. Вдогонку раздалось несколько выстрелов со стороны часовых, беглецы отвечали тем же, но ни одна пуля ни с той, ни с другой стороны, к счастью, не попала в цель. Дело происходило в вечерних сумерках, и всем удалось благополучно скрыться. Лишь немногие тотчас же уехали из Киева; большинство по установившемуся в революционной практике обычаю предпочло переждать первое время в Киеве и выбралось из него только дней через десять, когда возбужденная в жандармерии тревога улеглась. Все благополучно перебрались через границу, кроме одного, который был арестован где-то не то в Кременчуге, не то в Каменец-Подольском.

По смелости задуманного плана, по той тщательности, с которой он был приведен в исполнение, этот побег представляет из себя нечто замечательное; замечательно и то, что весь план удалось сохранить в тайне, несмотря на довольно продолжительную подготовку и необходимость посвятить в тайну довольно большое число людей, более или менее посторонних революционной деятельности и не привыкших к строгой конспирации; а это было необходимо при сборе денег – нельзя же

было удовольствоваться сборами в партийной среде – и при подготовке более или менее безопасных квартир для укрывания беглецов. Об этой стороне дела я скажу дальше, а теперь отмечу еще одну сторону дела.

Среди беглецов не было ни одного сколько-нибудь крупного имени; Урицкого в это время в киевской тюрьме уже не было, Луначарского – тоже, и все участники побега были рядовые деятели партии, из которых я ни одного не помню по фамилии⁸⁸⁵, не исключая и того, который провел у меня две ночи

885 Ср.: «В феврале нынешнего года, в самый разгар демонстраций, по всей России были произведены сотни арестов. Между прочим, не менее 30 человек, арестованных в разных концах России по делу “Искры”, было свезено в Киевскую тюрьму, так как “знаменитый” жандарм Новицкий был уполномочен вести следствие по делу о нашей организации. В числе этих товарищей были: Лев Гальперин, бывший уже в ссылке в Астраханской губ.; Виктор Крохмаль, вернувшийся из Уфимской ссылки в 1900 г.; Иосиф Тарсис будущий секретарь Исполкома Коминтерна И. А. Пятницкий, портной, арестованный в Вильне, и двое нелегальных – Николай Бауман, ветеринар, врач, сосланный в 1898 г. в Вятскую губ. по делу С. П. Б. Союза Борьбы и бежавший через год, и Иосиф Басовский (впервые привлекался в Одессе в 1897 г.). В марте к тому же делу присоединен наборщик Иосиф Блюменфельд, взятый на границе с германским паспортом (был в 1886 г. изгнан из России), а в апреле – Бор. Мальцман, арестованный в Теофиполе, Волынской губ., где состоял под надзором. Эти семь лиц, на которых концентрировались главные обвинения по делу “Искры”, и бежали вместе с ветеринарным врачом Владимиром Бобровским, обвинявшимся в организации Киевской демонстрации 2 февраля, и еще тремя товарищами, сидевшими уже более года (с апр. – мая 1901 г.): Марианом Гурским, М. Валлахом будущий нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов и Болеславом Плесским (первые двое по делу Киевского комитета партии, а последний по делу Партии соц.-рев.). О самых подробностях побега участники его сообщают следующее: “орудиями” побега послужили

(возможно, впрочем, что как раз его-то фамилия осталась и тогда мне неизвестной). И я думаю, что мотивом, побудившим организовать побег, послужили не столько интересы социал-демократической партии, сколько романтизм самого дела; другими словами, что не идеи марксизма лежали в его основе, а то чувство, которое двигало и создавало террористов. И недаром в рядах социал-демократической партии в это время был бывший народоволец Френкель.

Что касается денежной стороны дела, то побеги всегда были очень популярны в либеральных кругах общества, и собрать на таковой необходимую сумму было бы не трудно, если бы можно было при сборах говорить о цели. Но говорить это можно только очень не многим, и потому сборы были сопря-

сшитая из разрезанных простынь лестница и полупудовый якорь. Как последний очутился в руках бежавших – это, конечно, секрет организаторов побега. 18 августа вечером, когда заключенные гуляли по двору около стены, несколько из них напали на стоявшего вблизи часового, забили ему рот и связали его по рукам и ногам. Операция была проделана не совсем совершенно, так как солдат мог несколько раз крикнуть: “Ратуйте, ратуйте!” К счастью, заглушенный крик его не был услышан. Пока одни возились с часовым, другие образовали “живую пирамиду”, верхний конец которой доходил почти до вершины стены. Отсюда нетрудно было взлезть и прикрепить якорь, к которому с одной стороны была привязана лестница, а с другой – веревка, по которой спускались вниз. Через десять минут после того, как благополучно спустился последний из беглецов, из тюрьмы раздался выстрел, означавший тревогу. Бежавшие направились в разные стороны» (Побег из Киевской тюрьмы // Искра. 1902. № 25. 15 сент.; см. также: Петренко А. И. Побег из Киевской тюрьмы 10 искровцев и одного социалиста-революционера в 1902 г. // Каторга и ссылка. 1925. № 7. С. 190–205; Самсонов Я. Страница прошлого: побег из Киевской тюрьмы // Там же. С. 206–210; Пятницкий О. А. Записки большевика (1896–1917) // Пятницкий О. А. Избранные воспоминания и статьи. М., 1969. С. 39–46).

жены с исключительными трудностями. Тем не менее удалось, под мое и еще нескольких лиц поручительство, получить довольно значительную сумму денег займа (в расчете покрыть впоследствии из позднейших сборов, производившихся после побега, – в расчете, который вполне оправдался), и, в общем, оказалось возможным собрать что-то около 2000 рублей, которые и были истрачены на организацию дела.

Но тут, в сборе денег, мне вспоминается один крайне непривлекательный эпизод.

В числе лиц сравнительно состоятельных, которые охотно жертвовали на революционные дела, был С. Н. Булгаков, и пожертвования от него шли – не знаю, всегда ли, но во всяком случае часто – через меня. С ним можно было говорить откровенно, и я сообщил ему план побега, поскольку сам был посвящен в него. Он пришел в восторг и тотчас же отвалил 100 рублей. Я передал их в партию, как всегда, от имени Сени; это был псевдоним, образованный мной из инициалов имени и отчества самого Булгакова, С. Н., и его жены Елены Ивановны, отчасти имевший смысл добродушной насмешки над мистическим направлением Булгакова (Сени – известный астролог-мистик XVII века).

Когда побег состоялся, то социал-демократическая партия выпустила листовку, в которой в обычном для нее хвастливом тоне рассказывалось о крупном побеге как об акте борьбы пролетариата за свое освобождение и указывалось, что в этом деле, как и во всех других, партия была представлена исключительно собственными силами, и даже крупные деньги на дело должна была ассигновать из собственной кассы, не имея ничьей помощи. И, не помню, в том же или в другом листке, выпущенном около того же времени, был напечатан отчет о денежных суммах, полученных за последнее время, причем отчет был озаглавлен: «Сбор в пользу киевской организации социал-демократической партии». В отчет были включены все деньги, полученные от меня, и в том числе значилось: Сени – 100 р. Это была грубая неправда, и она очень не понравилась и

мне, и другим жертвователям. Но они (и я тоже) поворчали про себя и успокоились. Только С. Н. Булгаков пришел в раж и резко обрушился на меня как на передатчика его денег:

– Я требую печатной поправки; я давно разошелся с социал-демократической партией, ее деятельности не сочувствую и в общем поддерживать ее не считаю возможным. Я жертвовал на определенное дело.

Он был, конечно, совершенно прав, и мне пришлось обратиться к партии в лице Вакара. Я указал ему, что, когда передавал деньги, я каждый раз указывал на цель пожертвования, а относительно Сени особенно оговорил, что это лицо, относящееся к партии с решительным отрицанием. Тут Вакар стал было на дыбы и заявил решительно:

– В таком случае мы возвратим все деньги, полученные через вас.

Сначала он заявил это как личное свое мнение, через несколько дней подтвердил его от имени организации. Я твердо стоял на своем: или печатное извинение, или назад деньги, причем, конечно, на мои услуги в этом направлении в дальнейшем вы рассчитывать больше не должны. Вернуть деньги было, конечно, не по силам, но, может быть, организация не постеснялась бы уклониться от этого, не печатая в то же время извинение, если бы не было моей угрозы. И кончилось тем, что Вакар принес мне текст поправки: он был составлен очень слабо, почти двусмысленно и не вполне удовлетворил меня, еще менее удовлетворил Булгакова, но все-таки в нем было сказано, что в числе пожертвований, отчет о которых напечатан тогда-то, некоторые, и именно такие-то, были сделаны со специальной целью – на побег. Вакар некоторое время дулся на меня, – дольше и сильнее, чем из-за диспута Тарле, но потом вновь переложил гнев на милость и по-прежнему бывал у меня и обращался с разными просьбами.

Была и еще одна очень неприятная сторона в этом побеге. Разумеется, Новицкий после побега пришел в бешенство. Начальство тюрьмы – от начальника до стражников – было

прогнано со службы и лишилось куска хлеба. А начальство это было очень порядочное, и его было по человечеству жалко. Было назначено новое начальство, введены новые порядки, и таким образом за побег заплатили, и очень дорого, наиболее порядочные элементы из тюремной администрации и следующие поколения заключенных.

Если вспомнить рассказ, имеющийся в народовольческой биографии Перовской, о том, что она решила бежать с пути следования в ее первую ссылку, но долго не могла исполнить своего намерения, так как сопровождавшие ее жандармы оказывались добрыми и порядочными, и исполнила его только под самый конец, когда, на счастье революции, ей попались злобные церберы⁸⁸⁶, и сравнить этот рассказ с изложенным сейчас фактом, то станет ясно, что психология Перовской⁸⁸⁷ не есть явление общее для представителей революционных течений.

886 Сосланная в 1878 г. в Повенец Олонецкой губернии, С. Л. Перовская воспользовалась тем, что охранявшие ее жандармы заснули, и бежала.

887 В рукописи зачеркнуто: «равно как и Каляева, отказавшегося бросить бомбу в великого князя, потому что с ним были дети» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 3196. Л. 60 об).

Глава IV. Лекция С. Н. Булгакова о В. С. Соловьеве и прения после нее (1902⁸⁸⁸)

Подъем революционного настроения и революционной деятельности, конечно, не мешал, но способствовал усилению легальной общественной работы. Чтения и рефераты в Литературно-артистическом обществе, о которых я говорил в предыдущей части своих воспоминаний, не прекратились вследствие ибсеновского дела, а были только затруднены и ослаблены. Их не было в 1900–1901 гг., когда я был за границей, Тарле – вне Киева, Луначарский и Бердяев, кажется, тоже, и из обычных лекторов были налицо только Булгаков и Ратнер; но без меня, бывшего связующим звеном между Литературно-артистическим обществом, с одной стороны, этими лекторами и студенческой публикой, с другой, чтения не устраивались.

Но с осени 1901 г. я решил попробовать возобновить наши публичные лекции в Литературном обществе. Две-три лекции на сравнительно скромные темы, но с политическим оттенком, осторожно устроенные, прошли благополучно при сравнительно небольшой аудитории, не обратив на себя особого внимания на публики, ни жандармерии.

888 Неточность: публичную лекцию «О философских воззрениях Вл. Соловьева» С. Н. Булгаков прочел в Киеве 28 января 1903 г.

Затем С. Н. Булгаков выразил готовность прочесть лекцию или реферат о Владимире Соловьеве (года за два перед тем умершем⁸⁸⁹). Я охотно взялся организовать ее в качестве обычного «вечера с рефератом» в Литературном обществе. Были мною нафабрикованы контрамарки для гостей, пущены через студентов по 30 копеек в пользу Красного Креста (кроме них, при входе с гостей взималось по 30 копеек в пользу Общества), и зала Общества, довольно вместительная, была набита битком; всего набралось до 800 человек; большинство публики стояло⁸⁹⁰.

889 В. С. Соловьев умер 31 июля 1900 г.

890 В «Отчете ревизионной комиссии Киевского Литературно-артистического общества за 1903 г.», подписанном В. В. Водовозовым как ее председателем, указывалось, что, помимо журфиксов по средам, разрешение на проведение которых поступило только 18 октября, в отчетном году состоялось всего три устроенных правлением вечера, которые носили литературный или музыкальный характер: «Из первых имевшими успех могут быть признаны только вечер 28 января 1903 г., на котором Булгаков читал реферат “О философских воззрениях Соловьева”, и Шевченковский вечер в марте 1903 г. На первом было около 800 посетителей, и он дал более 200 руб. дохода; на втором было 900 посетителей, и он дал около 500 руб. дохода». Сетую на «исключительную трудность получить разрешение для какого бы то ни было вечера», ревизионная комиссия приводила несколько вычеркнутых из окончательного варианта ее отчета примеров: «...в апреле 1903 г. Академия наук по предложению ее августейшего председателя обратилась к Литературно-артистическому обществу с предложением устроить 29 января 1904 г. вечер, посвященный памяти Пушкина. Литературная комиссия общества принялась за осуществление этого предложения. В начале января 1904 г. был выработан план вечера; в нем должны были принять участие 4 лектора (Булгаков, Гольденвейзер, Куперник, Водовозов) и несколько артистов и певиц. 14 января 1904 г. попечителю округа было представлено соответствующее ходатайство. Попечитель потребовал в до-

полнение к представленному ему конспекту чтения Куперника полный текст этого чтения. Требование не могло быть исполнено, так как Куперник не имеет привычки писать заранее тех речей, которые он собирается произнести. Ввиду этого попечитель округа отказал в разрешении на участие в вечере г. Куперника. Он же отказал в разрешении на участие в вечере г. Гольденвейзеру “по неимению на то права”, как сказано в его ответе, хотя, как сказано в той же бумаге, “ничего не имеет против самого содержания реферата”. Но получили разрешение Булгаков, Водовозов, артисты и певицы. Разрешение это было получено обществом 25 января. Тотчас же ходатайство о вечере было отправлено г. киевскому губернатору. Г. губернатор ответил категорическим отказом, причем мотивировал свой отказ, во-первых, тем, что ему не были представлены конспекты рефератов с утверждением попечителя, во-вторых, поздним представлением ходатайства. Ответ г. губернатора оканчивался словами: “Правлению надлежало бы обратиться ко мне с надлежащим ходатайством заблаговременно, а не за два дня до устройства вечера”. Первое объясняется тем, что г. попечитель округа вернул конспекты рефератов без соответственной отметки на них самих, довольствуясь сообщением своего разрешения в особой бумаге. Что же касается позднего срока представления ходатайства и мнения г. губернатора о том, что с апреля 1903 г. у общества было достаточно времени для приготовления вечера памяти Пушкина, то нужно иметь в виду, что в апреле или мае или вообще до лета и даже осенью нет никакой возможности готовить вечера, которые должны иметь место в конце января. Ни лекторы, ни артисты не могут за два или три месяца сказать, будут ли они иметь возможность принять участие в вечере через такой продолжительный промежуток времени». Другой пример: «В октябре 1903 г. правление Литературного общества возбудило ходатайство о разрешении гг. Водовозову и Бердяеву прочтения рефератов. Разрешение было дано г. попечителем, потом г. губернатором; последний подписал свое разрешение 15 декабря, причем обусловил его требованием прочтения в течение текущего 1903 г. Но официальное извещение о разрешении было объявлено для реферата Водо-

Лекция была превосходно прочитана и очень интересна по содержанию, хотя для людей с позитивистическим складом ума и очень спорна. Булгаков – превосходный знаток и горячий поклонник Соловьева; вместе с ним он настаивает на существовании потустороннего мира, реальное существование которого, по его мнению, доказуемо, но полное познание которого возможно только верой, являющейся необходимым элементом нормальной человеческой психики. Вера для Булгакова является тем светочем, который один освещает человеку его жизненный путь, тогда как наука в сравнении с ней есть тусклый чадающий фонарь. На своей вере он как-то строит теорию совершенствования человека и человеческого общества на земле и эту теорию приписывает Соловьеву.

Я постарался здесь изложить лекцию Булгакова, как она осталась у меня в памяти, но охотно допускаю, что изложил ее не точно и, может быть, даже не верно. С Владимиром Соловьевым я знаком был тогда очень мало; теперь знаю его, скорее, еще хуже, а строй мысли Булгакова был и остается мне совершенно чуждым.

Так как с формальной точки зрения Булгаков читал не лекцию, а реферат, то возможны были прения, и против него выступили два оппонента – М. Б. Ратнер и я.

М. Б. Ратнер, сторонник позитивистической философии, подверг суровой критике основы чтения Булгакова. Мне, тоже стороннику позитивизма, аргументация Ратнера казалась серьезной и убедительной, как и очень многим другим слушателям, но сторонников Булгакова, а их было много, она не убеждала. Но главное было не в этом, а в том, что чтение Булгакова казалось свободной импровизацией (хотя в действительности оно было целиком написано), что оно было произнесено с совершенно исключительным подъемом, что Булгаков на кафед-

возова 10 января 1904 г., а для реферата Бердяева – только в конце февраля 1904 г.» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 1759. Л. 56–59).

ре производил впечатление вдохновенного пророка и что его умение слить в одно целое политический радикализм и социальный демократизм с туманным мистицизмом действительно очаровало слушателей, и притом даже не склонных к его мистицизму, а строго логическая, но сухая речь Ратнера, чрезмерно перегруженная собственными именами философов, переполненная скучными цитатами, производила впечатление заученного урока (хотя в качестве возражения не могла быть не чем иным, как импровизацией).

Что касается меня, то мое положение было затруднительное. Я никогда не занимался сколько-нибудь серьезно философией и, в частности, как я уже сказал, не знал почти вовсе Соловьева, за исключением его чисто политических произведений (о национальном вопросе⁸⁹¹ и некоторых других) и полубеллетристического произведения, появившегося незадолго до его смерти в «Книжках «Недели»», – «Под пальмами. Три разговора»⁸⁹² и немногих других. Между тем положение требовало, чтобы я выступил. Я был как бы присяжный оратор на этих собраниях; я был организатором, в частности, этого собрания; всем было известно, что я, находясь в близких приятельских отношениях с Булгаковым, постоянно с ним спорю, занимая почти по всем вопросам прямо противоположную ему позицию. Перед лекцией Булгакова и особенно в перерыве после нее ко мне обращались десятки знакомых и незнакомых: вы, конечно, будете ему возражать? Не возражать было невозможно.

Прослушав Булгакова, я сразу заметил большую разницу между тем Соловьевым, каким он рисовался (в качестве общественного мыслителя) в лекции, и тем, каким я его знал по по-

891 См.: Соловьев В. Национальный вопрос в России. М., 1884.

892 Соловьев В. Под пальмами. Три разговора о мирных и военных делах // Книжки Недели. 1899. № 10. С. 5–37; № 11. С. 126–159; 1900. № 1. С. 150–187; № 2. С. 171–203.

вести «Под пальмами». Первый – оптимист, верящий в бесконечный или, по крайней мере, неопределенно долгий прогресс человечества, причем эта вера покоилась на религиозной основе. Между тем в разговорах «под пальмами» предсказывался полнейший моральный упадок человечества и появление в более или менее недалеком будущем Антихриста.

Еще яснее этот пессимизм был выражен Соловьевым в одной его посмертной статье, заглавие которой я не помню, незадолго перед булгаковской лекцией напечатанной в «Вестнике Европы»⁸⁹³. В ней он передавал убеждение своего отца, С. М. Соловьева, что новый мир так же изжил свои духовные силы, как древний мир в последние века Западной Римской империи; но древний мир обновили германцы; между тем обновить современный нам мир некому: не тем же дикарям, которые Кука съели? Так они, от сифилиса и водки, давно уже сгнили.

Я, увлекавшийся тогда Лассалем, прибавляет Вл. Соловьев, по молодости лет возражал своему отцу, указывая на рабочий класс, идущий на смену господствующим силам нашего мира, и на несомый им социализм; что отвечал на это мне отец, я решительно не помню, но хорошо помню его собственное ему движение носом, как будто он почувствовал сильнейшую вонь (излагаю по памяти). Вл. Соловьев, по молодости лет возражавший отцу, в зрелом возрасте был с ним совершенно согласен, – по крайней мере, так он говорил в своей посмертной статье⁸⁹⁴.

893 Соловьев В. По поводу последних событий. Письмо в редакцию // Вестник Европы. 1900. Кн. 9. С. 302–306.

894 Ср.: «Что современное человечество есть больной старик и что всемирная история внутренне кончилась – это была любимая мысль моего отца, и когда я по молодости лет ее оспаривал, говоря о новых исторических силах, которые могут еще выступить на всемирную сцену, то отец обыкновенно с жаром подхватывал: “Да в этом-то и дело, говорят тебе: когда умирал

Это давало мне основание думать, что Булгаков неверно изложил нам историко-социальное мирозерцание Соловьева, что, несмотря на свою религиозность или, может быть, благодаря ей, но в вопросах человеческого развития Соловьев был не оптимистом, а очень мрачным пессимистом.

Нужно заметить, что и я сам к этому времени приходил к мирозерцанию довольно пессимистическому. В возможность близкой победы социализма (говорю о победе социализма, а не социалистической партии) я уже решительно не верил, а вместе с тем видел в Германии и других странах процесс линяния социализма, процесс приспособления его к существующему буржуазному строю. Я не мог, конечно, сомневаться в том, что технический прогресс человечества не только не остановился, но и обещает блестящие перспективы, но в прогресс социальный, в ослабление социальных антагонизмов в человечестве я не верил. В частности, прогресс технический сказывался в прогрессе военной техники, и хотя я не ожидал войны в близком будущем (почему и японская⁸⁹⁵, и мировая война застали меня врасплох и опровергли все мои прогнозы),

древний мир, было кого ему сменить, было кому продолжать делать историю: германцы, славяне. А теперь где ты новые народы отыщешь? Те островитяне что ли, которые Кука съели? Так они, должно быть, уже давно от водки и дурной болезни вымерли, как и краснокожие американцы. Или негры нас обновят? Так их хотя от легального рабства можно было освободить, но переменить их тупые головы так же невозможно, как отмыть их черноту". А когда я, с увлечением читавший тогда Лассалья, стал говорить, что человечество может обновиться лучшим экономическим строем, что вместо новых народов могут выступить новые общественные классы, четвертое сословие и т. д., то мой отец возражал с особым движением носа, как бы ощутив какое-то крайнее зловоние. Слова его по этому предмету стерлись в моей памяти, но, очевидно, они соответствовали этому жесту, который вижу как сейчас» (Там же. С. 305).

895 Русско-японская война 1904–1905 гг.

но в движении человечества во многих отношениях вспять в не очень отдаленном будущем я был твердо убежден.

И вот, оговорившись, что я недостаточно знаком с Соловьевым, я все-таки решился публично возражать Булгакову, указывая на неправильность, по моему мнению, изложения теории Соловьева⁸⁹⁶. И заодно я развил теорию своего личного пессимизма, построенного не на религиозной почве, а на почве, как я думал, конкретного анализа хода политических событий. В заключение я сказал, что готов вместе с Булгаковым признать науку очень тусклым фонарем, освещающим дорогу на небольшой радиус вокруг нас в мире недоступной нам тайны, но все-таки он освещает нам дорогу хотя бы на несколько шагов вокруг, а булгаковский светоч есть в действительности блудящий огонек, какие вспыхивают на болоте; сам Булгаков за ним в болото политической реакции не пойдет, потому что он честный, искренний и благородный человек, но других этот огонек не раз туда заводил и, без сомнения, и впредь заводить будет⁸⁹⁷.

896 В рукописи далее зачеркнуто: «как оптимиста, тогда как он был в действительности, по крайней мере в последние годы своей жизни, сколько я могу судить по немногим известным мне его произведениям, очень мрачным пессимистом».

897 Отвергая «синтез точного знания, метафизики и религии» В. С. Соловьева, обратившегося к мистицизму под влиянием своего мрачного пессимизма, ибо, мол, «развитие человечества окончено; ему предстоит разложение и смерть», и напоминая, что С. Н. Булгаков, выйдя из марксистского лагеря, тоже «перешел на сторону мистического идеализма», когда «реальное движение человечества вперед оказалось не соответствующим тем светлым упованиям, которые возлагались на него марксизмом», В. В. Водовозов говорил: «Есть много данных думать, что человечество перешло через апогей своего развития и в настоящее время клонится к упадку; не больше этого. Но если даже точное знание, которое пока еще идет вперед, в недалеком будущем даст нам право сделать этот вывод в более решительной

Булгаков мне возражал. Он возвратил мне мой комплимент, сказав, что тоже глубоко уважает меня лично, но, прибавил он, я составляю для него психологическую загадку: он не понимает, как можно жить с таким пессимизмом, как мой, и особенно как можно быть порядочным человеком с таким пессимизмом при атеизме. Веление Божества, совесть, основанная на заповеди Божией, могут заставить человека быть порядочным, но при непризнании начал откровенной религии, да еще при пессимизме в области социальной, – открытая дорога в цинизм, в бессовестность, в жизнь для собственного брюха. Он знает, что я не иду по этой дороге, но где те внутренние стимулы, которые ведут меня по другой дороге, он не знает и понять их, несмотря на близкое знакомство со мной, решительно не в состоянии⁸⁹⁸. Что же касается моих возражений

форме, то и в таком случае я не вижу смысла искать спасения в соловьевско-булгаковском мистицизме. Нужно же, в самом деле, иметь мужество взглянуть черту прямо в оба глаза и не искать спасения там, где его не может быть. Во всяком случае, даже такой безотрадный вывод не может и не должен приводить нас к нравственному бессилию. <...> Жажда борьбы и деятельности вложена в природу человека, и толкают его на нее не метафизические или научные убеждения, а темперамент. Будет ли бездарный и ленивый человек оптимистом или пессимистом, все равно он будет сидеть у моря и ждать погоды; человек же с достаточным запасом жизни и энергии будет жить и бороться. Я этим не желаю отрицать великой важности правильного научного разрешения вопроса, поставленного Соловьевым: изжило ли человечество данный ему запас жизни или нет, но ведь решать его надо при помощи точного знания, и только его одного» (С. З. Бердяев С. А. Философские воззрения Владимира Соловьева: отчет о лекции проф. С. Н. Булгакова в г. Киеве и стенографическая запись прений // Новый путь. 1903. № 3. С. 86–94).

898 Ср.: «Я держусь такого же высокого мнения о личности В. В. Водовозова, как и он о моей (что я говорю, чтобы устранить всякие недоразумения), тем не менее я очень низкого мнения о

качестве его возражения и, признаюсь, не ожидал, что оно могло быть сказано сознательно в такой аудитории и таким образованным человеком, как г. Водовозов, а тот восторг, который вызвало оно среди публики, считаю явлением весьма печальным. Г. Водовозов как будто бы свалился с луны; для него словно не существует ни философских проблем, ни всей истории философии; как будто он не слышал, что религия и метафизика существуют так же давно, как существует и человек. Но это еще самый слабый грех сравнительно с тем, что он сделал с Соловьевым. Он произвел чудовищную операцию над всем его мировоззрением, представив его пессимистом, который ударился в мистицизм, не перенеся безвыходности этого пессимизма; то же самое, по его мнению, сделал и я. Но как же можно говорить о мировоззрении Соловьева, не зная ни его сочинений, ни истории его умственного развития. <...> Сам по себе В. В. Водовозов представлял для меня всегда психологическую загадку. Я знаю из истории философии, что существуют скептики двух родов: скептики ищущие, стремящиеся, к которым относятся, напр., Иван Карамазов, Герцен и в известном смысле Сократ со своим “я знаю, что я ничего не знаю”; есть скептики цинические, которые над всем смеются и ничего не ищут, которым ничто не свято и не дорого; но есть, оказывается, еще третий разряд скептиков, до сих пор неизвестный в философии: это скептики догматические, которые уверовали в свой скептицизм, как в положительное учение, и на нем утвердились. К таким скептикам относится Водовозов. Если бы его спросили, сделал ли он попытку искания новых путей в области философии, к которому, казалось бы, необходимо должен был привести его пессимизм, то ответ его, в чем я вполне уверен, был бы отрицательным; во всяком случае, я не усматриваю противного в том, что я знаю о его *état d'esprit* умонастроении (фр.). Я говорил о возможности философского обоснования общественных идеалов, но в своем возражении г. Водовозов говорит не об этой философии, не об этих идеалах, а о природе здорового человека. Я понимаю, что идеалы меняются и меняются способы их обоснования; на этой почве возможен спор представителей различных мировоззрений. Но г. Водовозов всем философским

относительно Соловьева, то я просто вывернул Соловьева наизнанку; нельзя говорить о писателе по одному его произведению да по случайному, к тому же незаконченному, посмертному отрывку. Предсмертный пессимизм у Соловьева был минутным настроением, а общее его мирозерцание нужно извлекать из его многочисленных философских произведений.

Наибольший успех на этом вечере выпал, само собою разумеется, на долю Булгакова. Несомненно, что значительное большинство аудитории не склонно было сочувствовать его мистицизму и по своим убеждениям всего ближе была к Ратнеру, но Булгаков сумел увлечь и противников, и аудитория аплодировала ему бешено. Об этом успехе Булгаков, вероятно, вспоминает как об исключительном дне в своей жизни, который, впрочем, с ним повторился через год или полтора, когда он читал лекцию (тоже в Киеве) о Достоевском⁸⁹⁹. Это был успех того же рода, как те, которые возбуждали на своих публичных лекциях Достоевский и Соловьев. Успех Ратнера был тоже значительным, но только в кругу его сторонников. Я же смутил аудиторию своим пессимизмом, и мой успех был значительно меньше.

На этом вечере был один мелкий, но любопытный инцидент. Председателя у нас не было; я был организатором и распорядителем. И вот в перерыв ко мне обратился какой-то неизвестный мне субъект с просьбой разрешить ему выступить оппонентом. Я, конечно, сразу согласился и осведомился о фа-

доктринам противопоставляет просто “здорового человека”, а всякой философии – точную науку...” (Там же. С. 94–97).

899 Неточность: имеется в виду лекция С. Н. Булгакова «Иван Карамазов (в романе Достоевского “Братья Карамазовы”) как философский тип», прочитанная в Киеве 21 ноября 1901 г., то есть на полтора года ранее, чем ошибочно указывает мемуарист, см. ее публикацию: Вопросы философии и психологии. 1902. Кн. 1 (61). С. 826–863.

мии.

– Какая вам нужна моя фамилия? Я, видите ли, нелегальный и живу не под настоящей фамилией.

– Как нелегальный? Так вам нельзя здесь выступать; собрание вполне легальное, и оно разрешено правлением Общества мне под моею ответственностью; я не могу дать слова заведомо нелегальному человеку.

– А если бы я этого не сказал, то вы бы дали мне слово?

– Конечно.

– Под вымышленной фамилией?

– Под той, которую вы назвали бы мне, а до другой мне нет дела. Я могу дать слово всякому и не обязан у человека спрашивать паспорт, но дать слово заведомо лицу, которому я не имею права давать его, – это значит рисковать существованием общества, и я не могу взять этого на свою ответственность.

– Но об этом никто не узнает, даю вам слово.

Конечно, я его не допустил до выступления, и Булгаков, Ратнер и другие лица, которым я после сообщил об этом инциденте, до радикальнейших Вакаров включительно, одобрили меня. У меня при этом вертелись в памяти слова Марины Дмитрию, которые, конечно *mutatis mutandis*⁹⁰⁰, могли быть применены к данному случаю:

Чем хвалится, безумец!

Кто требовал признанья твоего?

...Ты должен

Достоин быть успеха своего

И свой обман отважный обеспечить

Упорною, глубокой, вечной тайной⁹⁰¹.

900 с соответствующими изменениями (лат.).

901 Слова Марины Мнишек, обращенные к самозванцу в драме А.

Но с одним очень существенным отличием: Марина знала или узнала, что Дмитрий – самозванец, но она не подозревала его в провокации, да и самого этого понятия, возможно, не знала, а у меня вертелось в голове как раз подозрение в ней.

Булгаковский вечер вызвал довольно продолжительную полемику в южной (киевской, одесской, житомирской, харьковской) прессе. Поклонники Булгакова восторженно описывали его лекцию и очень сурово отнеслись к нам с Ратнером; были, однако, защитники и у нас, нападавшие на Булгакова. Но были и высмеивавшие всех трех. Не помню, в какой именно из местных газет появился бойкий фельетон за подписью Борецкая; о Ратнере там говорилось, что он щеголял именами и цитатами и этим перед всеми «показал свою... хм, хм... ерундицию» (цитирую, конечно, по памяти, но уверен, что верно). С таким же остроумием говорилось и обо мне, и о Булгакове. Впоследствии стало известно, что под этим женским псевдонимом скрылся тогда совершенно неизвестный Рысс (ныне в эмиграции, один из основателей журнала «Борьба за Россию») ⁹⁰².

Горячим сторонником Булгакова выступил в печати с фе-

С. Пушкина «Борис Годунов». Вместо слов «...Ты должен» в оригинале стоит: «Уж если ты, бродяга безымянный, / Мог ослепить чудесно два народа, / Так должен уж по крайней мере ты».

902 Неточность: псевдоним Борецкая использовал не П. Я. Рысс, а его брат С. Я. Рысс, подписывавший некоторые из своих публикаций именем жены – Э. И. Борецкой (см., например: Борецкая Э. Рысс С. Я. Проблемы объективности сознания. Ростов-на-Дону, 1904), что подтверждал и сам В. В. Водовозов, см.: «Казненный Рысс писал в русских журналах статьи по философии и социальным вопросам, подписываясь почему-то женским псевдонимом – Борецкая» (Водовозов В. Дело А. А. Лопухина – Азефа // Наша газета. 1909. № 28. 3 февр.).

льетоном его ученик, тогда еще студент, И. Книжник. Мне фельетон его очень не понравился, между прочим, тем, что он начинался приблизительно так: «Читателю может показаться странным, что в философский диспут решается вмешиваться молодой человек, еще только в будущем году собирающийся держать экзамены, но...» И т. д. Мне показалось, что до возраста автора читателю нет дела и что самому автору нечего ни хвастаться своею молодостью, ни стыдиться ее. Но Булгаков очень горячо защищал (в разговорах со мной) своего ученика как талантливого многообещающего юношу и указывал на параллельность их жизненных дорог: оба они – сыновья духовных лиц (Булгаков – православного священника, Книжник – раввина), оба пережили детскую формальную религиозность, юношеский атеизм и марксизм и оба пришли к возвышенной, подкрепленной и богословским, и общенаучным знанием религии, терпимой к религиозным разногласиям. Несколько позже, когда я сделался членом редакции местной газеты «Киевские отклики», и еще позднее, в Петербурге, в редакции «Нашей жизни» я довольно часто встречался с Книжником, приносившим нам разные свои заметки, но и в наших редакциях, и, в частности, во мне ни он сам, ни его литературные произведения не вызывали особой симпатии, и последние обыкновенно у нас не печатались. Еще позднее, после большевицкой революции, его имя одно время зачастило в большевицкой печати под статьями кровожадно-большевицкого характера, насыщенными ненавистью к разного рода буржуям. Такова была жизненная дорога ученика Булгакова.

Лекция Булгакова заинтересовала петербургский журнал «Новый путь», который прислал на нее свою (конечно, местную, киевскую) стенографистку, и эта лекция со всеми возражениями была целиком напечатана в нем.

Глава V. Поездка за границу летом 1903 г. – Съезд Союза освобождения на берегах Боденского озера. – Моя лекция о развитии германской социал-демократии

Летом 1903 г. в Германии ожидалось новые выборы в рейхстаг, а потом в прусский ландтаг, и я не мог не поехать туда⁹⁰³. К тому же имелся и еще один сильный стимул для поездки. С 1902 г. в Штутгарте выходил под редакцией Струве журнал «Освобождение»⁹⁰⁴. Журнал этот был основан группой радикальных земцев (Петрункевичей, Родичева, Шаховского и др.), которые собрали на него довольно значительные деньги и пригласили его редактором П. Б. Струве; ему они гарантировали издание журнала и уплату жалованья (кажется, в размере

903 Помощник начальника Белостокского отделения Киевского жандармского управления железных дорог сообщал, что 24 мая через пограничный пункт Граево Водовозов выехал за границу (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3 д-во. 1893. Д. 140. Л. 250).

904 Первоначально, как указывал В. В. Водовозов, журнал «Освобождение» был «органом внепартийным, имевшим задачей организовать и мобилизовать общественное мнение против самодержавного режима», «органом по преимуществу оппозиционных земских и думских кругов и оппозиционной интеллигенции вообще», из-за чего «рядом со статьями, проникнутыми философским позитивизмом или экономическим материализмом» появлялись «написанные в идеалистическом, иногда в религиозном направлении», причем если сначала программа журнала ограничивалась «созывом бессловесного народного представительства, избранного губернскими земствами и думами больших городов» и предварительным условием этого выставлялись свобода печати, собраний и право петиций, то с образованием «Союза Освобождения» издание «передвинулось значительно налево: очень скоро в нем была провозглашена необходимость всеобщего голосования» (Водовозов В. Освобождение // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1906. Доп. т. 2. С. 353).

3000 или 3600 рублей в год) в течение нескольких лет. Летом 1903 г. предполагался съезд сторонников «Освобождения».

Начало лета я провел в Берлине, Кельне и других местах – и провел таким же образом, как проводил время в другие мои поездки за границу, то есть ходил по митингам, редакциям, знакомился с политическими деятелями, работал в библиотеках, изучая строй и развитие политических партий, функционирование избирательного механизма и т. д.

Когда выборы закончились, я уехал в Штутгарт, где жил Струве и печаталось «Освобождение», и по мере сил помогал ему в работе. Там же я бывал у столь знаменитой впоследствии Клары Цеткин.

В июле или августе состоялся съезд сторонников журнала «Освобождение»⁹⁰⁵. Он состоялся на берегах Боденского озера, каждый день по конспиративным (очевидно, совершенно неправильным) соображениям меняя свое место: то в Шаффгаузене, то в Констанце, то в других местах, устраивал совещание в ресторационных залах различных ресторанов и Bierhallen⁹⁰⁶. На съезде присутствовало человек двадцать: П. Б. Струве с женой, Ниной Алексеевной, И. И. Петрункевич с Паниной, В. И. Вернадский, П. И. Новгородцев, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, Дмитрий Иванович Шаховской, С. Н. Прокопович с Е. Д. Кусковой, Ф. И. Родичев и многие другие⁹⁰⁷. Из видных впослед-

905 Съезд сторонников журнала «Освобождение» состоялся 20–22 июля (2–4 августа) 1903 г.

906 пивных (нем.).

907 Ср.: «Прибыли от земцев: кн. Д. И. Шаховской, кн. Петр Дм. Долгоруков, Ф. И. Родичев, В. И. Вернадский, Н. Н. Львов, С. А. Котляревский, Н. Н. Ковалевский, Д. Е. Жуковский, А. С. и И. И. Петрункевичи, всего 10 лиц; от не земцев: П. Б. Струве, П. И. Новгородцев, С. Н. Булгаков, И. М. Гревс, В. В. Водовозов, Б. А. Кистяковский, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, С. Н. Прокопович, Е. Д. Кускова, всего также 10» (Петрункевич И. И. Из записок общественного деятеля: воспоминания // Архив русской револю-

ствии деятелей Союза освобождения не было ни Н. Ф. Анненского, ни А. В. Пешехонова, ни П. Н. Милюкова, ни Григория И. Шрейдера.

На этом съезде положено основание Союза освобождения, сыгравшего видную роль в подготовке революции 1905 г. и в самой революции. Программа Союза детально и текстуально выработана не была, но основные ее линии были намечены: требование конституции, всеобщего голосования, свободы слова, свободы развития национальностей, широкого местного самоуправления на основе всеобщего голосования. Было решено образовать в разных городах местные отделения Союза с задачей, во-первых, снабжать журнал «Освобождение» материалами, а во-вторых, распространять этот журнал среди публики; было решено стараться вводить в эти Союзы земцев и городских деятелей. Очень горячие споры вызвал вопрос об отношении к революционным партиям. Петрункевич тут произнес фразу, впоследствии им несколько раз повторенную: «У нас нет врагов слева».

Союз освобождения стремился объединить по возможности всю левую оппозицию на почве общей всей ей задачи: борьбы за демократическую конституцию против самодержавия. Поэтому теоретически для «Освобождения» были приемлемы и социал-демократы, и социалисты-революционеры. Союз потому и назвал себя «союзом», а не партией, что он теоретически допускал в свои ряды членов двух названных партий, не мешая им оставаться одновременно и в их составе. Фактически, однако, такое совмещение было явлением крайне редким; кажется, был только один случай: социал-демократ Н. Д. Соколов. Сильно сочувствовал эсерам Григорий Ильич Шрейдер, но действительным членом партии он, кажется, сделался только в 1905 г., после закрытия и журнала, и Союза освобождения.

Несмотря на эту принципиальную нашу терпимость к левым партиям, из их журналов и в особенности из социал-демократической «Искры» началась с самого возникновения журнала «Освобождение», еще сильнее – с возникновения Союза, усиленная, озлобленная травля против них. Возникал вопрос: как реагировать на нее? Родичев и некоторые другие, вопреки первоначальной задаче журнала, высказывали мнение, что защищаться необходимо, хотя бы сдержанно, не допуская резких выпадов, в приличном тоне.

Против этого решительно высказался Струве:

– Начать полемику очень легко, даже очень соблазнительно. Но остановиться, начав ее, совершенно невозможно: скажут – трусили, нет доводов, разбиты. А между тем в нашем распоряжении не может быть столько ругани, как у наших противников, в особенности социал-демократов.

Большинство (и я в том числе) поддержало Струве, и было решено не допускать полемики с революционными партиями.

Ее и не было, не было ни до съезда, ни после него – до самого конца. Но перед концом, в 1905 г., Струве сообщал Союзу освобождения, что он не в силах безответно выдерживать травлю слева, и требовал, чтобы принятое по его же почину постановление было отменено и ему предоставлено право полемизировать, угрожая даже оставлением журнала. Однако в Петербурге, в центре Союза освобождения, это требование сочувствия не встретило, и соответственно разрешение дано не было. Струве не ушел, но, вероятно, только потому, что журнал вследствие политических событий прекратил свое существование раньше, чем он успел это сделать.

Близко следя за деятельностью Струве в течение двух лет, 1903–1905 гг., я, как мне кажется, понял его характер и причину его постоянной изменчивости. Он спорщик по природе и любит спор; спорит он всегда раздраженно, хотя обыкновенно умеет себя удерживать от слишком резких выражений; переубедить его в споре совершенно невозможно; напротив, сильный духом противоречия, он только закрепляет свои позиции,

иногда – наиболее уязвимые. Особенно охотно он спорит не с настоящими своими идейными врагами, а с противниками из своего собственного или близкого ему лагеря. Когда в 1902 г. начал «Освобождение», он еще далеко не окончательно отказался от марксизма. Очень тесные личные симпатии все еще связывали его с немецкими социал-демократами: Адольфом Брауном, Кларой Цеткин, Бернштейном и многими другими; всей душой желал он в 1903 г. победы на выборах германской социал-демократии и очень сочувствовал социал-демократическому движению в России.

И вот из социал-демократического лагеря начался озлобленный и по большей части несправедливый и оскорбительный обстрел Струве. Поминая ему социал-демократическое прошлое, его называли ренегатом, продавшимся капиталистам; ему ставили на счет и грехи либералов на Западе, и прошлые грехи русской либеральной бюрократии, и будущие грехи русской буржуазии. Тон полемики был совершенно недопустимый; заведомая клевета была обычным приемом.

Струве, делая правильный вывод из поставленной им себе тактической задачи, молчал (печатно). Но себе самому он говорил: «Ага, вы называете меня сторонником капитализма; ну так я вам покажу. Вы называете меня врагом социализма; ну так я вам покажу».

И слабые тогда антисоциалистические элементы его мирозерцания подкреплялись все новыми и новыми соображениями, и желание укрепления в России буржуазии находило все новые соображения. Избегая полемической формы в своих печатных выступлениях, он в форме положительной давал чувствовать это новое направление своей мысли; еще более высказывал его он в разговорах с близкими людьми, и, уезжая в 1903 г. из Германии, я до некоторой степени уже предчувствовал, что хотя пока я могу считать себя его единомышленником, в особенности по тактическим вопросам текущего момента, но в будущем, вероятно, мы разойдемся. И действительно, в 1905 г., когда мы с ним вновь встретились в Берлине,

различия в нашем мировоззрении сказались очень заметно, а в Россию он вернулся уже решительным социалистоедом.

Так, духом противоречия, объяснял я себе его переход из сочувствующего социализму освобожденческого лагеря в лагерь умеренного либерализма, враждебного социализму. Сам Струве, конечно, это объяснение принять не может. Более того, тогда он почти не замечал происшедшей с ним перемены за эти годы. Несколько позднее, в 1906 г., узнав от меня, что я должен для дополнительных томов Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона написать статью об «Освобождении», журнале, и Союзе освобождения, он просил меня прислать ему их корректуру и выражал готовность дать свои указания и поправки. Я, разумеется, был рад этому предложению. Но когда корректура вернулась ко мне, побывав в его руках, то обе статьи оказались переделанными до неузнаваемости с целью доказать, что журнал «Освобождение» был верен себе с первого до последнего номера, являясь все время органом умеренного буржуазного либерализма, решительно враждебного социализму. Конечно, я не мог принять этих поправок, и статьи появились в их первоначальной редакции⁹⁰⁸.

Распространяя свое толкование психики Струве на его прошлое, я нашел в нем объяснение его перехода от ортодоксального марксизма к берштейнианству и затем к радикализму «Освобождения». Струве вместе с Туган-Барановским явились первыми легальными, но боевыми провозвестниками марксизма^{909 910} и зачинателями социал-демократической партии.

908 Водовозов В. Освобождение // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1906. Доп. т. 2. С. 353; Водовозов В. Освобождения Союз // Там же. С. 354–355.

909 Марксисты в России, не считая заграничных, как Плеханов и др., существовали и до Струве, притом такие выдающиеся, как Н. И. Зибер, Николай –он Н. Ф. Даниельсон и др., но все-таки именно Струве и Туган-Барановский могут с полным основанием считаться родоначальниками марксизма.

Но вот налево от них появился Ленин. Первая (сколько-нибудь значительная) статья Ленина была направлена против Струве и была (в первоначальной редакции) озаглавлена «Буржуазное отражение марксизма в русской литературе»⁹¹¹. В ней доказывалось, что Струве есть идеолог начинающей поднимать голову буржуазии, которой в настоящий исторический момент выгодно вооружить рабочий класс против царизма и которая поэтому рядится в мантию социал-демократизма.

Статья, как все произведения Ленина, была написана хлестко, талантливо, зло и даже злобно, но вместе с тем она была переполнена передержками и вообще недобросовестна. Она была предназначена для марксистского сборника, издававшегося под редакцией того же самого Струве, Туган-Барановского и Потресова, и потому от Струве требовался значительный запас беспристрастия, чтобы ее принять. На это беспристрастия у него хватило, но не хватило на то, чтобы принять ее в неизменном виде, и он потребовал некоторых смягчений и перемены заглавия, что было совершенно бесполезно, так как основная идея статьи, сформулированная в ее заглавии, совершенно отчетливо выступала из всего ее содержания, даже после смягчений. (Эту историю с переменной заглавия мне рассказывал сам Струве, и даже несколько раз, считая свое поведение вполне правильным.) Под измененным заглавием статья была набрана, но света своевременно не увиде-

910 П. Г. Струве был основным автором «Манифеста Российской социал-демократической рабочей партии», изданного в апреле 1898 г.

911 Правильно: Тулин К. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. По поводу книги П. Струве: «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России». СПб., 1894 г. // Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития: сб. статей. СПб., 1895. Ч. 2. С. 1–144.

ла^{912 913}, так как сборник был сожжен цензурой⁹¹⁴.

- 912 Она перепечатана в первом томе Собрания сочинений Ленина.
- 913 Неточность. См.: Ленин Н. (Ульянов В.). Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. (Отражение марксизма в буржуазной литературе). По поводу книги П. Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России». СПб., 1884 г. // Ленин Н. (Ульянов В.). Собрание сочинений / Под ред. Л. Б. Каменева. М.; Пг., 1923. Т. 2. С. 7–161.
- 914 Сборник, отпечатанный в количестве 2 тыс. экземпляров, в мае 1895 г. был сдан в цензуру, где пролежал до марта 1896 г., когда был уничтожен постановлением Комитета министров. Ю. О. Мартов, указывавший на появление статей Г. В. Плеханова, В. И. Ленина и П. Б. Струве «под одной кровлей», вспоминал: «...этот “блок”, представивший эмигрантский, подпольный и легальный марксизм как единое политическое целое, был организован Потресовым после его удаче с выпуском в легальном издании книги Бельтова Бельтов Н. Плеханов Г. В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Ответ гг. Михайловскому, Карееву и комп. СПб., 1895. Он рассказывал мне, что Струве и окружавшие его “легальные марксисты” охотно шли навстречу членам кружка “стариков”, с которыми Потресов свел их через Ст. Ив. Радченко, но что сами “старики” во главе с юристом Ульяновым проявили изрядную подозрительность к тенденциям Струве и, соглашаясь на совместное выступление, как будто боялись быть обманутыми. В конце концов Ульянов получил возможность подробной критикой Струве подчеркнуть, поскольку это мыслимо было в легальной книге, действительно-революционный характер марксистской идеологии; Струве воспользовался представившимся случаем, чтобы в ответе своим народническим критикам, помещенном в том же сборнике, взять более боевую по отношению к капитализму ноту и сгладить впечатление, оставшееся у читателей от некоторых страниц его книги <...> “Сборник” вызвал в цензурных сферах настоящий переполох, и к нему применена была редкая в то время мера: конфискация и сожжение. Потресову удалось спасти нелегальным путем сотню экземпляров...» (Мартов Ю.

Впоследствии социал-демократы, особенно большевики, охотно указывали на эту статью как на доказательство замечательной прозорливости Ленина, усмотревшего в первой же печатной работе Струве то, чего не заметил в ней сам проницательный Плеханов, вполне сочувственно ее приветствовавший, и правильно предсказавшего жизненную дорогу Струве⁹¹⁵. Я

Записки социал-демократа. М., 1924. С. 260–263).

- 915 В приложении («Еще раз г. Михайловский, еще раз “триада”») к своей книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Г. В. Плеханов, защищая П. Б. Струве от критики народников, ограничился лишь упреком, что тот «все-таки очень неосторожно выразился» в своем призыве пойти «на выучку к капитализму», что оправдывал «благородным увлечением западника» (Плеханов Г. В. Сочинения / Под ред. Д. Рязанова. М.; Пг., 1923. Т. 7. С. 291). Но в цикле статей «Г-н П. Струве в роли критика Марксовой теории общественного развития», печатавшихся в 1901–1902 гг. в № 1–4 журнала «Заря», Плеханов замечал: «Литературная известность г. П. Струве начинается с осени 1894 г., когда вышла в свет его наделавшая много шума книга: “Критические заметки по вопросу об экономическом развитии России”. В этой тяжеловесно написанной и местами наивной, но, в общем, все-таки дельной книге одновременно выступали, “обнявшись, будто две сестры” и причудливо переплетаясь одна с другою, две теории: во-первых, теория Маркса и “ортодоксальных” марксистов, а во-вторых, теория Brentano и его школы. И это смешанное, эклектическое содержание книги в значительной степени оправдывало как упреки, сыпавшиеся на ее автора со стороны некоторых “ортодоксальных” марксистов, так и ожидания, возлагавшиеся на него другими, не менее “ортодоксальными” последователями Маркса: упрекавших раздражал брентанизм, а люди, возлагавшие ожидания на г. П. Струве, надеялись, что эта буржуазная теория будет мало-помалу побеждена в его взглядах присутствовавшим в них элементом марксизма. Пишущий эти строки принадлежал к числу ожидавших. Его ожидания не были, правда, очень велики: он никогда не считал г. П. Струве человеком, способным

думаю, что большевики в этом случае неправы: Ленин не усмотрел в книге Струве то, что в ней было, а приписал ей то, чего в ней не было, и этим толкнул Струве на ту дорогу, по которой тогда он еще не шел.

Думаю, что и впоследствии от умеренного кадетизма до своей великодержавности⁹¹⁶, до восторгов перед стилистическими достоинствами Свода законов⁹¹⁷ Струве дошел в поле-

обогатить теорию Маркса значительным теоретическим вкладом; но он все-таки надеялся, во-первых, на то, что брентанизм г. П. Струве скоро будет побежден его марксизмом, а во-вторых, на то, что автор “Критических заметок” способен правильно понимать автора “Капитала”. Теперь оказывается, что мы ошиблись в обоих случаях: марксизм уже теперь уступает во взглядах г. П. Струве свое место своему старому соседу – брентанизму, а кроме того, наш “критик” обнаружил совершенное непонимание самых коренных, самых важных положений исторического материализма» (Плеханов Г. В. Сочинения. М.; Пг., 1923. Т. 11. С. 153–154).

916 С 1905 г. П. Б. Струве являлся членом Конституционно-демократической партии, а с 1906 г. состоял в ее ЦК, из которого вышел в 1915 г., фактически порвав с кадетами; редактируя в 1906–1918 гг. журнал «Русская мысль», он занимал позицию либерального национального консерватизма, был государственным, а в своих статьях рассуждал о «Великой России», ее могуществе и «гегемонии» русской культуры, «мистичности» государства, нравственных и религиозных идеалах (см.: Струве П. Б. Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества // Русская мысль. 1908. Кн. 1. С. 143–157; Он же. Отрывки о государстве и нации // Там же. Кн. 5. С. 187–193; Он же. Великая Россия и Святая Русь. Посвящается памяти А. М. Рыкачева // Там же. 1914. Кн. 12. С. 176–180; Он же. Блюдение себя. Нравственная основа истинного национализма // Там же. 1916. Кн. 1. С. 140–142, и т. д.).

917 «Свод законов Российской империи» – официальное издание расположенных в тематическом порядке действующих законодательных актов. Но П. Б. Струве «восторгался» не «Сводом за-

мическом задоре. Неизбежным последствием прошлого было то, что после революции 1917 г., в эмиграции, Струве оказался в лагере сравнительно умеренных монархистов (сторонников великого князя Николая Николаевича) и редактором «Возрождения». В редакции «Возрождения» у него произошел конфликт. Закулисную сторону дела я не знаю, знаю только то, что было напечатано, то есть очень немного и, главное, касающееся только внешней, личной стороны дела, но не принципиальной⁹¹⁸. Теперь (1929 г.) Струве занимает позицию несколько более левую, чем он занимал в «Возрождении», и усиленно подчеркивает свое нежелание реставрации прошлых имущественных отношений, да и монархизм свой куда-то спрятал.

конов», а «Полным собранием законов Российской империи» за 1649–1913 гг. Именно об этом издании писал Струве, указывая, что «язык “Полного собрания законов”, язык Пушкина, Гоголя, Тургенева и Льва Толстого, будучи по своей лингвистической основе великорусским, по своему культурно-историческому значению есть общий русский язык <...>, всех русских народностей, входящих в состав Российской империи». И далее автор резюмировал: «...только прогнанный сквозь строй сотен томов “Полного собрания законов”, русский язык мог стать органом великого национального целого, языком великой мировой державы» (Струве П. Б. Общерусская культура и украинский партикуляризм. Ответ Украинцу // Русская мысль. 1912. Кн. 1. С. 65–86).

- 918 См.: «Я не ушел из “Возрождения”. Ценою нравственных страданий, мук, оскорблений и издевок, не желая наносить национальному делу вред, я терпел и дотерпел до конца. А. О. Гукасов и его служащие меня вытеснили из, а его служащие меня “уволители” от созданного мною дела» (Струве П. Б. Необходимое слово. Разъяснение читателям // Россия. 1927. № 1. 28 авг.; см. также: Он же. Письмо в редакцию // Возрождение. 1927. № 807. 18 авг.; Он же. Письмо в редакцию «Возрождения» // Последние новости. 1927. № 2341. 20 авг.). Вместе со Струве из газеты также ушли 23 штатных и внештатных сотрудника (см.: Возрождение. 1927. № 816, 820, 822. 27, 31 авг., 2 сент.).

Очень вероятно, что нападки на него за левизну, исходящие от крайних правых, толкнули его действительно налево, хотя на этот раз, вероятно, главную роль сыграли нападки устные, а не печатные. И мне представляется очень возможным, что он и впредь будет теперь эволюционировать налево (конечно, если для этого будут благоприятные условия в виде ругани справа), и я не очень удивился бы, если бы в конце концов, подвигаясь от отрицания реставрации имущественных отношений к отрицанию революционных путей борьбы с большевиками, дошел бы до... большевизма, как подобным путем он в свое время дошел до царизма. Конечно, для этого нужно продолжительное время, а таким, вероятно, не располагает уже ни он, ни большевичий строй (ни тем более я в качестве наблюдателя этого процесса)⁹¹⁹.

После Штутгарта и съезда на берегах Боденского озера я опять ездил по Германии, вернувшись к своей задаче изучения ее политических партий, а поздней осенью того же 1903 г. очутился в Дрездене, где в это время происходил партийтаг немецкой социал-демократии⁹²⁰. Там, за трудностью отыскать в гостинице свободную комнату, я обратился с просьбой помочь мне в этом в немецкий социал-демократический организационный комитет (который оказывал соответственные услуги не только членам конгресса, но и представителям прессы), и мне отвели одну комнату вместе с членом конгресса Отто Брауном. Само собой разумеется, что, живя в течение 10 дней в одной комнате с человеком, я с ним довольно близко познако-

919 Предыдущее было написано в прошлом, 1929 г. Теперь (сент. 1930 г.) я перечитал это, находясь в Варне. Здесь, в Варне, я нашел господство таких махровых зубров монархизма, самой возможности существования каких я не допускал. Если в Белграде, где теперь живет Струве, господствуют такие же зубры, – а кажется, дело обстоит именно так, – то думаю, что на Струве они должны оказать сильно отрезвляющее влияние.

920 Неточность: съезд СДПГ проходил с 17 по 23 сентября 1903 г.

мился, но после партийтага настолько потерял его из вида, что решительно не знаю, тот ли это Отто Браун, который после революции был прусским премьером, или какой-нибудь другой.

В Дрезден приехал и Струве, интерес которого, и не только интерес, но и сочувствие к подобным явлениям в германской жизни, был достаточно глубок, чтобы не пропускать их. Во время обедов и ужинов в перерыве между заседаниями мы с ним обыкновенно вместе попадали в одну из двух друг другу враждебных компаний: или ту, где был Адольф Браун (левый, в нынешнем 1929 г. умерший), или ту, где центром был Бернштейн, лидер правого фланга.

Этот партийтаг был ареной очень ожесточенной борьбы между двумя флангами немецкой социал-демократии. Если память меня не обманывает, то это был первый партийтаг, на котором мог лично появиться Бернштейн после долголетнего своего пребывания в эмиграции, тогда как на предыдущих партийтагах господствовал только его дух. Но в противоположность партийтагу Штутгартскому 1898 г., на котором я тоже присутствовал и на котором впервые тогда начавшаяся борьба между ортодоксальным и бернштейнианским марксизмом велась в форме прений по общим принципам, здесь она велась в форме сведения личных счетов. Бернштейнианцы извлекли несколько не особенно красивых фактов из прошлого одного из видных лидеров левого фланга, Меринга, и с наслаждением переминали его грязное белье. Главным их козырем была одна старая (1876 или 1877 г.) статья Меринга, когда он поссорился с социал-демократической партией и ушел из нее (после пребывания в ней)⁹²¹ и писал о ней в бульварной прессе статьи кле-

921 Неточность: Франц Меринг, сотрудничая с 1868 г. в оппозиционном еженедельнике «Die Zukunft» («Будущее»), резко критиковал социал-демократов (см. его брошюру «Zur Geschichte der Socialdemokratie К истории социал-демократии» (Magdeburg, 1877), послужившую основой книги «Die deutsche

ветнического характера, в том роде, как у нас писались статьи в «Новом времени» и тому подобных органах. Позднее Меринг вновь был принят в партию и стал ее историографом. Бебель и левые его защищали, частью отыскивая смягчающие обстоятельства, частью отрицая достоверность фактов. После партийтага спор был перенесен в партийный суд, который полностью оправдал Меринга, хотя этот приговор вряд ли может считаться образцом беспристрастия⁹²².

Левые мстили бернштейнцам подобными же разоблачениями. Главным предметом их нападок служило сотрудничество бернштейнцев в буржуазной прессе и в особенности в журнале Максимилиана Гардена «Zukunft», позволявшем себе грубые нападки на социал-демократов и издевательства над

Socialdemokratie, ihre Geschichte und Lehre Немецкая социал-демократия, ее история и учение» (Bremen, 1879)), но защищал их от несправедливых обвинений и, являясь с 1889 г. главным редактором берлинской «Народной газеты» («Volkszeitung»), в которой работал с 1884 г., выступал за отмену «исключительного закона против социалистов», а в 1891 г. сам вступил в СДПГ.

- 922 Ср.: «Противники обвиняли Меринга в крайней изменчивости убеждений, в лживости, в наклонности к клевете и в интриганстве; приводились его частные письма, между прочим письмо к руководителю еженедельника «Die Zukunft» Максимилиану Гардену, в котором Меринг обещал свою помощь, чтобы повредить редактору «Лейпцигской народной газеты» Бруно Шенланку. Присутствовавший на партийтаге Меринг отказался защищаться, заявив, что он это сделает в брошюре, документально, а пока слагает с себя обязанности редактора «Neue Zeit» и «Volkszeitung». Действительно, скоро появилась его брошюра: «Meine Rechtfertigung. Ein nachträgliches Wort zum Dresdner Parteitage» «Мое оправдание. Запоздалое слово к Дрезденскому партсъезду». Лейпциг, 1903). Суд чести оправдал и Меринга, и его противников, после чего Меринг был восстановлен в своих редакторских правах» (Водовозов В. Меринг // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1906. Доп. т. 2. С. 173).

русскими революционерами, за которых тогда считали нужным обижаться левые социал-демократы (теперь прощающие большевикам нечто гораздо худшее, чем словесные издевательства).

Особенно злобным нападениям подвергся Гере, тот замечательный немецкий пастор, который по окончании университета, скрыв свой диплом, поступил рабочим на фабрику, чтобы на себе самом узнать жизнь рабочего, и затем был священником в рабочих кварталах; близкое знакомство с жизнью рабочих привело его из национал-социального в социал-демократический лагерь, вследствие чего он разошелся со своим ближайшим другом, тоже пастором, Науманом и за что был лишен своего пасторского звания. Религиозным человеком он остался и уже потому не мог целиком принять философской части марксизма, да и политически в нем оставалась сильна закваска немецкого националистического империализма. Я был лично знаком с Гере еще с 1900 г., когда он не был еще социал-демократом, и чувствовал к нему большую симпатию как к человеку глубоко искреннему и самоотверженному, пожертвовавшему своей карьерой ради убеждений. Нападки на него мне казались особенно возмутительными. Ближайшей своей целью эти нападки ставили принудить его сложить депутатский мандат, который он только что получил; цель достигнута не была, и депутатом он остался⁹²³. Впоследствии, перед нача-

923 Ср.: «В 1896 г. он вместе со своим другом пастором Науманом основал “Национально-социальную партию”, с ежегодными конгрессами. Не отказываясь от принципов национализма и отчасти германского империализма, он полагал центр тяжести в социальных элементах программы своей партии, стремясь из нее сделать партию пролетариата, не социалистическую по конечным идеалам и не космополитическую по практической деятельности. <...> Речь императора Вильгельма в Эйнгаузене (в 1898 г.), грозившая рабочим каторжной тюрьмой за насилие при стачках, произвела на Гере подавляющее впечатление и побудила его предложить своей партии прямо объявить себя

лом и после начала войны, он оказался в рядах «социал-демократов большинства», шедших за Шейдеманом и решительно поддерживавших правительство, но в то же время играл очень видную положительную роль в том движении, которое стремилось помочь русским и вообще иностранцам, застигнутым войной в Германии^{924 925}. В злобных нападках на

партией пролетариата. Предложение было отвергнуто: Гере вышел из партии и в 1899 г. присоединился к социал-демократии. Речь его в Хемнице, в которой он объяснял, что его религиозные убеждения не только не противоречат, но и способствуют вступлению его в ряды социал-демократии, была напечатана отдельной агитационной брошюрой, разошедшейся в 500 000 экз.: “Wie ein Pfarrer Sozialdemokrat wurde” “Как пастор стал социал-демократом” (Берлин, 1900). В социал-демократии Гере занял место на правой стороне, в рядах группы бернштейнианцев. Он был постоянным сотрудником журнала “Sozialistische Monatshefte”, но продолжал сотрудничество и в несоциалистических журналах, как “Zukunft”. В 1903 г. он был выбран в рейхстаг в одном из саксонских округов. На дрезденском партийтаге (осенью 1903 г.) Гере вместе с Брауном и др. сделался жертвой ожесточенных нападений как за свое сотрудничество в “Zukunft”, так и за то, что он академик (человек с университетским образованием), т. е. человек пришлый, а хочет властвовать в партии. Бебель сравнил Гере с мародером, подрывающим социал-демократическую армию сзади, и бросил ему: пфуй! Гере возвратил Бебелю его пфуй, но после партийтага сложил с себя депутатские полномочия. Через несколько месяцев ему была предложена кандидатура в другом саксонском округе, депутат которого умер; Гере принял ее, но против него высказалось правление партии, и он отказался от кандидатуры. Третейский суд, к которому был призван Гере, оправдал его, но его положение в партии сильно поколеблено» (Водозовов В. Гере // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1905. Т. 1а. С. 541).

924 Г-жа Коллонтай в своих воспоминаниях утверждает, что эта его деятельность была политически не бескорыстной и что он рассчитывал на германофильство тех русских социал-демократов,

Герре, а также на Гейнриха Брауна принимал участие и Бебель, который на Дрезденском партийтаге мне нравился гораздо меньше, чем прежде.

Не на одного меня, но и на самих участников партийтаг производил удручающее впечатление. Через несколько дней после его начала я встретился с Граднауером (тогда видным социал-демократическим депутатом, после революции министром, кажется, внутренних дел⁹²⁶), с которым был знаком, и спросил его, как нравится ему партийтаг.

– Вовсе не нравится, – резко ответил он, – одно сплошное перемывание грязного белья.

Я указал ему на несколько речей, которые, по-моему, не подходили под такую оценку.

– И это – все то же самое, то же перемывание грязного белья, только в форме обсуждения принципиальных вопросов.

Граднауер принадлежал к правому флангу партии.

В результате прений на партийтаге был принят ряд резолюций, подтверждавших верность германской социал-демократии заветам ортодоксального и революционнейшего марксизма, и таким образом формальная победа осталась на стороне левого фланга. Но вместе с тем я совершенно ясно чувствовал, что победила только левая фразеология, а что действительная победа осталась на стороне ревизионизма, что та социал-демократия, которая только что одержала блестящую победу на выборах и оказалась как в рейхстаге, так и в стране самой могущественной партией, есть уже не прежняя революционная социал-демократия, которая после победы должна была сразу радикально преобразовать весь общественный

об освобождении которых хлопотал. Возможно, что это правда.

925 См.: Коллонтай А. Отрывки из дневника 1914 г. Л., 1924. С. 60–67.

926 Г. Граднауер состоял министром внутренних дел Веймарской республики в 1921 г.

строй Германии, а одна из радикальных реформистских партий, которые могут то в союзе друг с другом, то в антагонизме работать над медленным реформированием общественного строя. Совершенно ясно я это читал на лицах вождей обоих флангов, и совершенно прямо говорил мне это Бернштейн, с которым я попал на возвратном пути в Берлин в один вагон. Мне вспомнилась фраза Герцена: «Христианство при Константине победило языческий мир, но само стало языческим», – и я провел аналогию между историей торжества христианства над древним языческим миром и грядущей в будущем, как я был уверен, победой социализма над буржуазным миром.

Христианство резко противопоставляло себя языческому миру как учение не от мира сего, как учение всеобщей любви и всепрощения, самоотречения и аскетизма; социализм (и в особенности социализм марксистский) тоже резко противопоставляет себя буржуазному миру как учение, прямо противоположное его основам, как учение со своей этикой всеобщего равенства и братства, свободы и прогресса⁹²⁷.

Однако очень скоро после возникновения христианства, еще задолго до его торжества, в нем появилось течение (апостол Павел), стремившееся сгладить политическую противоположность между новым учением и основами старого мира; это течение говорило: «Несть бо власть, аще не от Бога» – и таким образом фактически подчиняло или по крайней мере приспо-

927 Далее зачеркнуто: «Христианство и социализм отделяли себя от остального мира не только своим учением и своим стремлением, но и своим языком: христианство – своими фразами о промысле Божиим, о воле Божией, которыми можно было объяснить все, ничего по существу не объясняя; социализм – своими фразами о классовой борьбе, классовом сознании, буржуазных предрассудках и буржуазных пережитках, которые тоже должны были объяснять самые противоположные, исключаящие друг друга явления, не объясняя в действительности ничего».

собляло свое учение и свою деятельность во имя этого учения к требованиям власти, ему совершенно чуждой. Из этого вытекло признание войны и своего в ней участия в рядах языческого войска в борьбе за языческое дело. За этим последовали другие уступки, и после победы христианский мир воспринял все социальные неравенства языческого мира с его рабством, всю его политическую иерархию и провел ее в свою церковную организацию, оправдал и освятил и смертную казнь, и пытку и обратил их на службу христианства, которое тем самым переставало быть христианством. А фразеология осталась целиком старая – фразеология первоначального Христова христианства, и христиане не замечали уже вопиющего ее противоречия с жизненной практикой.

И вот в марксистском социализме уже теперь мы замечаем явления аналогичные. Появился Бернштейн – апостол Павел марксизма. Он решительно сглаживает противоречия между социализмом и буржуазным миром; он признает колониальную систему, допускает захватническую международную политику, признает общность задач у пролетариата и радикальной буржуазии и вообще обращает социал-демократию из движения решительно революционного и по окончательным целям, и по тактике в радикальную партию социальной и политической реформы, которая в отдельных частных вопросах (особенно в области международной и колониальной политики) далеко не обязательно играет прогрессивную роль.

Причины такого линяния социал-демократизма, как и христианства, как и всякого крупного общественного течения, лежат как в человеческой психологии, так и в экономике. Совершенно естественно, что, пока движение, стремящееся к преобразованию человечества на идеальных основах, захватывает только немногих, лучших представителей народа, оно сохраняет свою первоначальную идеалистическую чистоту. Когда оно охватывает широкие массы, оно вульгаризуется и линяет, начинает прикрывать грубо эгоистическое содержание идеалистическими фразами. Это психологическая причина для

линяния всех движений подобного рода.

Историко-экономическая причина у каждого движения своя собственная. У социализма она лежит в области международных отношений. В первое время после возникновения современных форм капиталистического строя пролетариат находится действительно в том положении, какое приписывают ему Маркс и Лассаль. Он наиболее эксплуатируемый класс в своем народе; он составляет прямую противоположность буржуазии; он сам никого не эксплуатирует, и в том революционном перевороте, к которому стремится, ему действительно нечего терять, кроме цепей.

Но капитализм развивается, и вместе с ним политическая и экономическая мощь отдельных капиталистических стран усиливается. Родина пролетария начинает властвовать на мировом рынке; она начинает эксплуатировать свои колонии или более слабые страны, находящиеся с ней в торговых отношениях, и от этой эксплуатации получает громадные барыши. Львиная доля этих барышей идет в карманы буржуазии, но некоторая доля в форме повышенной заработной платы и низких цен на ввозимые из-за границы товары достается рабочим. В связи с этим социальное положение рабочего и его психика двоятся. У себя на родине он – по отношению к капиталисту – остается рабочим, объектом эксплуатации, вырабатывающим на капиталиста прибавочную стоимость. Но на мировом рынке он сам вместе со своим капиталистом чувствует себя членом государства, эксплуатирующего другие народы. Поэтому естественный эгоизм толкает его к образованию сильной рабочей партии, умело борющейся за интересы рабочего класса, но при условии, чтобы эта партия была национальной, чуждой интернациональным стремлениям, чуждой социализму в его первоначальной идеалистической форме.

Я проследил развитие этих явлений на истории английского и германского рабочего класса и нашел там богатый материал для подтверждения моих положений. До середины XIX века рабочий класс Англии не получал никаких или почти ни-

каких выгод от растущей международной мощи своей родины. Это было время, когда Энгельс писал свою книгу «Положение рабочего класса в Англии»⁹²⁸, где изображал это положение – и изображал для того времени совершенно верно – в самых мрачных красках. Тогда рабочий класс Англии создал сильное движение, известное под именем чартизма, которое хотя и выдвигало по преимуществу политические требования, но было одушевлено общими стремлениями, совершенно родственными позднему социализму.

В 1849 г. чартизм гибнет. Хронологически эта гибель совершенно точно совпадает с моментом, когда активный торговый баланс Англии сменился пассивным. Пассивность баланса в Англии во второй половине XIX века имела совершенно иное значение, чем во многих других странах тогда и чем почти повсеместно после мировой войны. Перевес ввоза в Англию был коммерческим выражением политической и экономической зависимости почти всего мира от Англии. Он был данью, которую колонии и экономически слабые страны (в том числе и Россия) платили их поработительнице Англии; мир оплачивал своими товарами проценты по займам, заключенным в Англии, и за ее капиталы, вложенные за границей. Эта-то дань, получаемая Англией из-за границы, давала легкую возможность английским капиталистам идти на уступки своим рабочим в их требованиях повышения заработной платы, сокращения рабочего дня и улучшения условий труда вообще, а рабочих делает сторонниками британского империализма и мешает им принимать континентальный социализм в его чистом виде, следовательно, мешает возрождению чартизма.

Германия поздно вступила на дорогу капиталистического развития и первоначально на мировом рынке была страной

928 Engels F. Die Lage der arbeitenden Klasse in England. Leipzig, 1845; рус. перевод: Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии / Пер. Е. К. и И. Н. Леонтьевых. СПб., 1905; Он же. То же / Пер. Г. А. Котляра. СПб., 1905.

обездоленной. Благодаря этому она создала могучее рабочее движение, одушевленное последовательно проведенным идеалом социализма. Но вот понемногу Германия вступает в конкуренцию с Англией, на многих рынках, а частью даже и на английском бьет ее («made in Germany»⁹²⁹), обзаводится своими колониями и на рубеже XIX и XX веков окончательно перестает быть золушкой среди народов. Тут-то и появляется Бернштейн – апостол Павел социализма и разъясняет немецкому рабочему, что фраза «Коммунистического манифеста» «у рабочего нет отечества»⁹³⁰ давно потеряла всякий смысл, что теперь национальные интересы и для него должны господствовать над интернациональными, что социализм есть не определенный законченный идеал, а только бесконечное движение. И немецкий социализм полинял, решившись оправдать и колониальные завоевания, и империализм, и рост вооружений, и, в случае необходимости, войну.

Теория моя, конечно, не была совершенно нова. Значение международного неравенства для психологии рабочего класса не раз указывал из русских писателей С. Н. Южаков⁹³¹. Но большую часть материала для моей теории дал мне Бернштейн, как своей книгой, так и в частных беседах. Когда я самому Бернштейну проводил мою параллель его с апостолом Павлом, он не без самодовольства ухмылялся, но от выражения своего согласия или несогласия уклонялся.

Сложилась эта теория у меня на основании долгого изучения фактов, но, конечно, находилась в известной связи с про-

929 «сделано в Германии» (англ.).

930 В «Манифесте Коммунистической партии», впервые опубликованном в Лондоне в феврале 1848 г., К. Маркс и Ф. Энгельс заявляли: «Рабочие не имеют отечества. У них нельзя отнять то, чего у них нет».

931 См., например: Южаков С. Н. Международная экономическая борьба: Социологический этюд // Северный вестник. 1888. № 1. С. 135–175; № 2. С. 123–156.

цессом, общим почти всем людям: переходом от свойственных молодости оптимизма и веры в бесконечность прогресса и торжество идеала в будущем к обычно свойственным зрелому возрасту и старости пессимизму и потере веры, и я, конечно, не мог не сознавать этой связи, но и, сознавая ее, не мог не быть убежденным в правильности моего понимания хода исторического процесса.

Когда я вернулся в Киев⁹³², я выразил моим социал-демократическим друзьям желание прочитать доклад, конечно нелегальный, о последних выборах в Германии и о росте социал-демократической партии. Такой доклад был организован в частной квартире и прочитан приблизительно 40 слушателям из радикальной молодежи. Выслушали его с интересом, но были явно недовольны его тезисами. Выступали и оппоненты, но очень слабые, которые пытались опровергнуть факты от Маркса или же доказывали, что приведенные мною факты только на некоторое время отодвигают торжество социализма: когда весь мир будет пролетаризирован, то все пойдет по Марксу. Реферат удалось повторить, тоже нелегально, в другой частной квартире в другом составе публики, но приблизительно с теми же возражениями.

Но мне хотелось прочитать его легально, публично. Для этого я обработал его заново и придал другую форму. Я озаглавил его: «Шпильгаген как бытописатель немецкой общественной жизни и дальнейшая судьба общественных течений, изображенных в романе “Один в поле не воин”»⁹³³. Таким образом

932 10 сентября 1903 г. помощник начальника Александровского отделения Варшавского жандармского полицейского управления железных дорог на станции Александров сообщил, что В. В. Водовозов «сего числа возвратился из заграницы и направился в г. Киев» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3 д-во. 1893. Д. 140. Л. 251).

933 Неточность: реферат «Об общественных идеях в новейшей немецкой литературе» был прочитан 17 марта 1900 г. (см. предыдущую часть воспоминаний), причем в газетном отчете

политико-социальный доклад обратился в историко-литературный, с которым можно было явиться в Литературно-артистическое общество, что я и сделал. Краткую программу я составил в возможно неясных выражениях, и доклад был допущен правлением Общества, несмотря на его консервативный состав. Затем я и некоторые другие члены нафабриковали контрамарок, студенты распродали их в университете по 30 копеек за штуку в пользу революционного Красного Креста, и доклад состоялся, зала была переполнена не менее, чем на булгаковском чтении.

Я построил доклад следующим образом. Дал краткую характеристику тем произведениям Шпильгагена, в которых он изображает революцию 1848 г. и дальнейшее развитие политических течений, зародившихся в 1848 г. («Проблематические

говорилось, что, объясняя появление книги Э. Бернштейна, референт сделал «чрезвычайно любопытную и поучительную экскурсию в область экономической истории Англии и связанной с нею истории общественных идей. Он доказывал, что стремившиеся в 30-х и 40-х гг. к широким общечеловеческим идеалам общественные группы в Англии потеряли к ним интерес, как только их отечество начиная с 50-х гг. заняло исключительно благоприятное положение в международных отношениях и на международном рынке. Каждый великобританец прекрасно сознает, что, к какому бы классу он лично ни принадлежал, ему безусловно выгодно, чтобы рука Англии по-прежнему тяготела над Африкой, Индией и Китаем. Г. Водозовов удивительно метко обрисовал моральную ликвидацию так называемого чартизма. Сыны Альбиона, даже угнетаемые на родине, все-таки чувствуют себя хозяевами по положению в мировых отношениях, и эта действительность приводит, естественно, к тому, что, будучи крайними радикалами во внутренних вопросах, они оказываются империалистами во внешних. То же самое повторяется теперь с Германией, которая всюду начинает вытеснять Англию» (Краинский М. В литературно-артистическом обществе // Жизнь и искусство. 1900. № 72. 12 марта).

натуры», «Два поколения», «Один в поле не воин», «Новый фараон»⁹³⁴ и др.), в особенности остановился на характере его героя Лео, в котором им изображен Лассаль, и затем говорил уже, независимо от Шпильгагена, о развитии социал-демократии; говорил, и очень подробно, и о Бернштейне, и о борьбе между ортодоксальным и бернштейнианским марксизмом, и о причинах, обуславливающих победу последнего, и не утаил и свою параллель с христианством. Подавляющее большинство публики составляла радикальная молодежь двух флангов, и доклад мой не удовлетворял ни той, ни другой. Оппонентов не было⁹³⁵. Но интерес к докладу был большой, и в самом скором времени меня просили приехать в Одессу, чтобы повторить его в тамошнем Литературном обществе⁹³⁶, что я и

934 См.: Загадочные натуры *Problematisch nature*. СПб., 1864; Два поколения *Die von-Hohenstein*. СПб., 1870; Один в поле не воин *In Reih' und Glied*: В 2 т. СПб., 1867–1868; Новый фараон *Ein neuer Pharao* / Пер. М. Сароченковой. СПб., 1889. Указанные романы неоднократно переиздавались, в том числе и под другими названиями.

935 Возможно, речь идет о лекции В. В. Водовозова «Путевые впечатления по Германии», прочитанной 21 января 1904 г., краткое содержание которой передавалось газетой так: «Напрасно думают, что последний партийтаг явился поражением ревизионизма. Резолюции прошли подавляющим большинством голосов, но они были составлены неудачно, вызывали только смех ревизионистов, которые голосовали за них. С горечью и озлоблением вышли оттуда Бебель и его сторонники, с поднятой головой – ревизионисты. Таково непосредственное впечатление лектора, хотя он глубоко не сочувствует этому факту. Окончательное торжество ревизионизма будет обозначать победу партии мелких реформ и мелких улучшений, полный отказ от коренной перестройки во имя справедливости существующего строя» (Н. Д. В литературно-артистическом обществе // Киевские отклики. 1904. 23 янв.).

936 Одесское литературно-артистическое общество действовало в 1898–1905 гг., потом было закрыто властями и, возрожденное в

исполнил.

В начале следующего, 1904 г. началась война с Японией, и интересы общества временно направились в другую сторону, однако не настолько, чтобы совсем заглушить интерес к вопросам социализма и общественной жизни Запада. Осенью 1904 г. (еще во время войны), когда я уже переселился в Петербург, я прочитал мой доклад в его настоящем, не замаскированном виде в Историческом обществе при С.-Петербургском университете (под председательством Н. И. Кареева)⁹³⁷, тоже при большом, хотя и меньшем стечении публики; оппонентов не было.

Слух об этом докладе дошел до петербургских рабочих, и социал-демократы устроили его прочтение в одной из рабочих аудиторий под Петербургом, по Шлиссельбургскому шоссе. Устроили они его с намерением и целью уничтожить меня перед рабочей аудиторией, и потому было подготовлено несколько более или менее серьезных оппонентов. Таковых выступило человек 5 или 6; среди них я помню, во-первых, Н. И. Иорданского, тогда близкого сотрудника, позднее редактора «Современного мира», социал-демократа – меньшевика, во время мировой войны писавшего статьи под заглавием «Да будет победа»⁹³⁸, а после революции перешедшего в большевицкий лагерь, ставшего сперва сотрудником рептильной

1912 г., просуществовало по 1919 г.; см.: Биск А. А. Одесская «Литературка» (Одесское Литературно-артистическое общество) // Диаспора: новые материалы. Париж; СПб., 2001. Вып. 1. С. 95–141.

937 Историческое общество при С.-Петербургском университете функционировало в 1886–1916 гг.; бессменный председатель: Н. И. Кареев; издавало журнал «Историческое обозрение» (1890–1916).

938 Иорданский Н. И. Да будет победа! Полемические заметки // Современник. 1914. Кн. IX. С. 188–196.

прессе⁹³⁹, а потом занимавшего дипломатические посты в Риме и еще где-то⁹⁴⁰, а во-вторых, г-жу Стасову и г-жу Кувшинскую. Из этих оппонентов действительно серьезные возражения представил Иорданский, который разбирал мои аргументы по существу, стараясь доказать, что победу ревизионизма в Германии я выдумал, что в действительности торжествует ортодоксализм и что источник моей ошибки – мой идеализм, лишаящий меня способности понимать факты диалектики. В моем отношении к берштейнианству он видел сочувствие к нему. Между тем если значительно позднее у меня действительно появилось к нему сочувствие, то тогда, в 1903–1904 гг., я признавал берштейнианство явлением исторически неизбежным, но радоваться этой неизбежности не был расположен. И даже, чтобы предупредить такое толкование моей теории, в самой лекции я применял к своему изложению слова Лассалья: «Я излагаю вам то, что есть в мире, но не то, что я хотел бы в нем видеть; не я создавал мир, не я сделал неизбежной в нем победу тех или иных течений и должен решительно отклонить от себя как похвалы, так и порицание за создание мира таким, каким он создан Господом Богом»⁹⁴¹. Эта фраза не помешала

939 Н. И. Иорданский фактически редактировал просоветскую сменовеховскую газету «Путь» в Гельсингфорсе.

940 Неточность: с июля 1923 г. до марта 1924 г. Н. И. Иорданский занимал пост дипломатического представителя СССР в Италии, а затем служил в Госиздате.

941 Ср.: «Если бы я создавал мир, то весьма вероятно, что в этом случае <...> устроил бы мир так, чтобы в нем право предшествовало силе. Это вполне соответствует моей этической точке зрения и моим желаниям. Но, к сожалению, мне не пришлось создавать мира, и потому я вынужден отклонить от себя всякую ответственность, как похвалы, так и порицание, за его устройство. В своих брошюрах о конституции я имею целью объяснить не то, чему следовало бы быть, а то, что в действительности есть; эти брошюры представляют собой не этический трактат, а историческое исследование <...>» (Лассаль Ф.

Иорданскому увидеть во мне берштейнианца. Говорил Иорданский языком культурного человека, и с ним можно было спорить.

Стасова – дочь известного и очень заслуженного адвоката Дмитрия Стасова, сама довольно известная социал-демократка. Я встретился с ней в первый и, к счастью, в последний раз. Немногие люди, с которыми я сталкивался в жизни, производили на меня столь отталкивающее впечатление. В ней чувствовалось глубокое убеждение, но убеждение не критически мыслящего человека, а убеждение фанатика, который всеми силами своей души ненавидит всякого с ним в чем-нибудь не согласного человека. Круг ее знаний был, очевидно, ограничен ходкими популярными брошюрами; вероятно, и Маркса она знала только по ним, не считая нужным погружаться в изучение «Капитала»; мысль ее шла по шаблонным путям, и факты, противоречащие ее убеждениям, от нее просто отскакивали, не оставляя в ее голове ни малейшего следа. К тому же говорила она расплывчато, тягуче, вяло, неинтересно и, по-моему, не могла ни на кого производить впечатления, разве только на людей, уже заранее с нею во всем согласных. Поэтому для меня осталось совершенно непонятным, вследствие каких своих достоинств она смогла приобрести некоторую известность в социал-демократических кругах, в которых, во всяком случае, имелись люди гораздо более даровитые. Зато, когда впоследствии Стасова, человек из культурных и прогрессивных общественных кругов, приобрела известность своей жестокостью в качестве чекистки⁹⁴², меня этот факт не только не удивил, но я сразу почувствовал, что другой дороги

Сила и право. Открытое письмо редактору «Берлинской Реформы» от 7 февраля 1863 г. // Лассаль Ф. Соч. СПб., 1906. Т. 2. С. 54).

942 Е. Д. Стасова, являясь в 1918 г. секретарем Петроградского комитета РСДРП(б), после убийства 30 августа М. С. Урицкого была включена в президиум Петроградской ЧК.

для нее и быть не могло. Она грубейшим образом строила свои возражения мне на правильном росте числа поданных в Германии за социал-демократов голосов, выводя из этого роста неизбежность победы социал-демократов в 10–15 лет, а факт неизменной верности социал-демократии заветам Маркса доказывала ссылкой на резолюции партийтагов, заимствованные ею из моего же доклада, совершенно игнорируя те факты из парламентской и иной деятельности социал-демократии, которые я приводил в доказательство расхождения слова с делом. Остановилась она и на моем объяснении характера английской рабочей партии и признала его совершенно неверным, указав на формальную принадлежность этой партии к Интернационалу и настаивая на полнейшей ее солидарности с этим последним.

Много лет спустя, в 1920 или 1921 г., я читал в большевической прессе отчет об одной речи этой самой Стасовой, в которой она между прочим коснулась английской рабочей партии, тогда *bête noire*⁹⁴³ для большевиков, и целиком повторила мое объяснение ее несоциалистического характера. Не могу, конечно, утверждать, что она его *повторила* сознательно или даже бессознательно за мной, а не пришла к нему совершенно самостоятельно, но только объяснение было то самое. Его же я слышал тогда же, то есть около 1920 г., от одной моей знакомой большевички, которая приводила его как принимаемое многими большевиками. В настоящее же время (1930 г.), после того как правительство Макдональда в вопросе об автономии Индии приняло позицию английских консервативных и либеральных правительств⁹⁴⁴, оно может считаться твердо установ-

943 объекта ненависти (фр.).

944 В 1929 г., победив на выборах, лейбористы сформировали правительство во главе с Дж. Макдональдом, но, несмотря на развернутую в апреле 1930 г. всеиндийскую акцию гражданского неповиновения и аресты ее руководителей, опубликованный в июне доклад конституционной комиссии предусматривал со-

ленным и более или менее общепринятым.

Иной характер имели возражения Кувшинской. Она выхватила из моего доклада одно указание, именно, что в первой половине XIX века в Англии большее сочувствие к рабочим питали консерваторы, чем либералы, и что фабричное законодательство тогда проводилось первыми при противодействии последних, а во второй половине, вследствие перемены в социальном составе партий, наоборот. Указание это было мною сделано мимоходом и большого значения в докладе не имело. Кувшинская выхватила его, повторила и спросила меня:

– Верно ли я вас поняла?

– Совершенно верно, – ответил я.

Тогда она начала доказывать, что симпатия консерваторов к рабочим, так же как и либералов, не была выражением их личного благородства и актом бескорыстия (чего я, конечно, не говорил), а объяснялась очень упорной борьбой рабочих за свои интересы, борьбой, сначала выражавшейся в бунтах, разрушении фабрик и машин, потом – в более организованном движении чартистов и тред-унионов⁹⁴⁵. Возражения приняли характер самостоятельного доклада, сделанного с несомненным знанием дела и весьма недурно; он был бы, по-моему, еще лучше, если бы в нем не было слишком резких, почти ругательных выражений по адресу давно сошедших с жизненной сцены крупных английских политических деятелей и экономистов; позволяю себе думать, что лишними были резкие выражения и по моему адресу^{946 947}. Возражение это вызвало живые

хранение полноты власти в Индии за английским вице-королем.

945 От trade union (англ.) – рабочий союз.

946 У Кувшинской имеется весьма недурная книжка об английском рабочем движении, вышедшая еще до описываемого здесь нашего спора и мне уже тогда хорошо известная; книжка эта составлена по английским материалам и доказывает знакомство с английской литературой предмета. Если не ошибаюсь,

аплодисменты слушателей и их вполне заслуживало. Но аплодисменты и смех вызвало также и мое возражение ей, в котором я сказал:

– Мне жаль, что г-жа Кувшинская не начала своей речи такими словами: Водовозов сказал мимоходом об отношении английской консервативной и либеральной партий к фабричному законодательству, но, – не имея в этом нужды по ходу своего доклада, – ничего не сказал о той борьбе, какую вели за это законодательство рабочие, а так как это очень интересно, то я и добавлю к его докладу. А с тем, что она сказала в добавление к моему докладу, я почти во всем существенном согласен, кроме некоторых ее слишком сильных словечек.

Когда в 1906 г. началась реакция, публичные лекции и доклады стали вновь нуждаться в предварительном разрешении властей, причем в таком разрешении нередко и отказывали. Между тем я все еще дорожил моей лекцией о социал-демократии, считая мой взгляд на нее не опровергнутым, а подтвержденным дальнейшим ходом событий, и находилась в разных городах публика, которая ею интересовалась. Различные организации и группы из Екатеринослава, Тифлиса и некоторых других городов просили меня о ней; раза два или три выражали желание устроить ее профессиональные организаторы публичных лекций; я всегда давал свое согласие, но по большей части моя лекция на подобную тему вызывала вето со стороны власти и не могла состояться. Были, однако, два или три исключения. Само собою разумеется, что я никогда не повторял дословно своей лекции, а обновлял ее новым матери-

Кувшинская жила в Англии и имела также и личные наблюдения над английским движением.

- 947 Неточность: книга вышла позднее описываемого спора, см.: Кувшинская Е. А. Борьба рабочих за политическую свободу в Англии. СПб., 1907. Г. В. Плеханов оценивал ее как «интересную и живо написанную», но критиковал автора за «схематизм суждений» (Современный мир. 1907. № 6. С. 52–58).

лом. Но видя невозможность или трудность организации лекции в незамаскированном виде, я опять прибег к Шпильгагену (что было особенно удобно в год его смерти – 1911⁹⁴⁸) и в таком виде читал ее в Новгороде, куда меня вообще приглашали особенно часто.

В Новгороде на моей лекции в качестве чиновника особых поручений при губернаторе присутствовал служивший тогда на этой должности С. Р. Минцлов с поручением немедленно прекратить лекцию, если она окажется революционной по содержанию. Прослушав лекцию, он своим знакомым выразил недоумение: при чем тут Шпильгаген? Это недоумение было мне передано тогда же. Я, в свою очередь, недоумевал, как интеллигентный человек, притом явившийся сюда с полномочи-ем зажать рот лектору, может недоумевать, при чем тут Шпильгаген.

В своих мемуарах («Дебри жизни», Берлин, без года), вышедших года три тому назад, Минцлов вспоминает о моей лекции (стр. 174–176). Своего вопроса: «При чем тут Шпильгаген?» – он не повторяет, но говорит: «Второе отделение (лекции. – В. В.) заставило меня вновь насторожиться (очевидно, ввиду его полномочия прекратить лекцию. – В. В.). Водовозов стал восхвалять социал-демократов, но сейчас же вильнул в дебри Германии, к Энгельсам и Бебелям, и в общем решительно ничего не сказал не только нового, но и ясного. Ему аплодировали, хотя и не усиленно. Доволен был и я тем, что не пришлось выступать в роли нарушителя общественной тишины и спокойствия»⁹⁴⁹.

948 См.: Водовозов В. Из траурных воспоминаний: Фридрих Шпильгаген. 24 февр. 1829 г. – 25 февр. 1911 г. // Современник. 1911. Кн. 2. С. 362–368.

949 Ср.: «Октября 6, 12 часов ночи. С 10 до 11 пробыв у губернатора. Лопухин <...> поручил весьма неприятное дело – присутствовать в качестве представителя администрации на лекциях разных питерских гастролеров. Первый дебют мой на этом по-

По-моему, такое изложение моей лекции совершенно не соответствует ее содержанию: она была историческим исследованием роли социал-демократии, и притом исследованием, говорившим главным образом о процессе отказа социал-демократов от своих первоначальных широких революционных задач, а вовсе не восхвалением, так же как и не порицанием социал-демократии (скорее, однако, последним, чем первым). Не понимаю я также, что значит «вильнуть» от социал-демократии «в дебри Германии» и почему Энгельс и Бебель – «дебри».

прище 9 октября. Предстоит лекция Водовозова о Шпильгагене и 1848 годе в Германии, и губернатор предполагает, что Водовозов будет всячески проводить революционные идеи. Получил инструкцию немедленно в таком случае прекратить чтение. Октября 9. Общественный клуб, где происходила лекция Водовозова, – деревянное неуютное здание; стены из некрашенных отесанных бревен, в пазах торчит пакля, полы некрашенные. <...> Публики набралось довольно много – 103 человека. Преобладала, как и в Петербурге и в Уфе, женская молодежь, большей частью среднего круга; были и толстые кувалды лет по пятидесяти, много было, чуть ли не треть, еврейства. Из простонародья явилось мало, да, собственно говоря, и тех, кто явился, нельзя назвать этим именем: пришли бедно, но чисто одетые полуинтеллигенты – душ до десятка. <...> По третьему звонку раздвинулся занавес, и за нею оказался сам Василий Васильевич. Кто-то ему пошлепал в ладошки; он раскланялся и уселся за стол, растопылив по сторонам его ноги. Читал он не по запискам и говорить, видимо, умеет. Но голос у него дребезжащий, слабый, с гремучею буквой “р”. Начал он с истории Германии, затем изложил содержание трех лучших, по его мнению, романов Шпильгагена, потом читал из них длиннейшие и скучнейшие выдержки (речь на суде) и т. д. Кое-кто из публики не выдержал и ушел до перерыва. Все было старо, ни одной живой яркой мысли, ни ярких образов – ничего не нашлось у лектора. <...>» (Минцлов С. Р. Дебри жизни: дневник, 1910–15 гг. Берлин, 1925. С. 174–176).

Свои лекции я обыкновенно не пишу, а произношу устно; так было и с этой, но ее я записал, имея в виду напечатать. Однако я не решился отдавать ее в печать, находя в ней некоторые неполноты и недостатки. Время от времени я исправлял ее, но все еще не был удовлетворен моей работой, все еще не решался отдавать ее в печать; отвлекаемый другими работами, я не мог засесть за нее вплотную и так дотянул время до войны, когда печатать ее уже было невозможно и вследствие необходимости коренной в ней переделки, ставшей невозможной при недоступности иностранного материала, и вследствие изменившихся цензурных условий. Таким образом, моя работа, которая от меня потребовала наиболее труда и которую я считаю наиболее зрелой и наиболее оригинальной из всех моих работ, пропала и, надо признаться, пропала целиком и только по моей собственной вине. Рукопись осталась в моей библиотеке в Петербурге и в настоящее время (1930 г.) находится в руках ГПУ, но никакого интереса она уже представлять не может. Кое-что из нее помимо меня вошло в общее сознание, а кое-что безнадежно устарело. Отдельные мысли из нее я проводил в разрозненном виде в различных своих статьях.

В одном, о чем я говорил в своей лекции и в рукописи, я сильно ошибся, однако только наполовину. Я говорил, что если явится опасность для Германии войны, то социал-демократия ни в каком случае ей не помешает, так как ее интересы окажутся тождественными с интересами Германии в целом, но что войны ни в каком случае не будет, так как ее не допустят ни буржуазия, ни император, для которых она представляет страшную опасность. Как мы теперь знаем, ее допустили и буржуазия, и император, а социал-демократия ничего не сделала, чтобы ее предупредить, несмотря на свои многократные похвалы.

Глава VI. «Киевские отклики»

Будучи по своему характеру всего более газетным человеком, я все время томился от отсутствия газеты, в которой я мог бы принять деятельное постоянное участие. Мой приятель, типограф В. С. Кульженко, подавал прошение о разрешении ему газеты, имея в виду сделать меня фактическим редактором, но получил отказ. Наконец, в этом отношении мне улыбнулось счастье.

В конце 1903 г. два брата, Григорий и Измаил Александровские, получили разрешение на газету «Киевские отклики» (под предварительной цензурой). Григорий Александровский был учителем русского языка в мужской и женской гимназиях, пользовавшимся популярностью (особенно у гимназисток, менее у гимназистов) как недурной учитель; он же был автор нескольких довольно посредственных книг по словесности⁹⁵⁰; принадлежал к кружку, группировавшемуся около Лучицкого. Брат его, Измаил Александровский, был человеком из совершенно другого лагеря; он был член редакции консервативного «Киевлянина», органически враждебного Лучицкому и всему его кружку. Хотя всем было известно, что братья поддерживают между собой родственные отношения, но союз их на политически-литературной почве вызвал всеобщее удивление. Однако Григорий Александровский объяснил, что у Измаила дав-

950 См.: Александровский Г. В. О романе Гете «Страдания молодого Вертера». Начало мировой скорби в германской литературе XVIII в. (К вопросу о пессимизме). Киев, 1897; Он же. Н. А. Некрасов и его поэзия. Киев, 1898; Он же. Памяти В. Г. Белинского. Историко-литературный очерк. Киев, 1899; Он же. Из юбилейных чтений о Пушкине. Киев, 1899; Он же. Максим Горький и его сочинения: Публичные лекции. Киев, 1900; Он же. Чтения по новейшей русской литературе. Киев, 1903. Вып. 1–2, и др.

но уже обнаружилось расхождение с Пихно и Шульгиным⁹⁵¹, но необходимость заработка заставляла его продолжать работу, пока это казалось еще возможным; но вот, наконец, струна лопнула, и он подал прошение о новой газете. Его имя как сотрудника «Киевлянина» обеспечило легкое разрешение, но, получив таковое, он намеревается издавать газету прогрессивную, доказательством чего являются имена лиц, к которым он обращается за сотрудничеством.

Действительно, Александровские просили о сотрудничестве весь кружок Лучицкого, к которому принадлежали Н. П. Василенко, Л. С. Личков (известный статистик), В. А. (кажется, может, ошибаюсь в инициалах⁹⁵²) Александровский (однофамилец первых) и другие. Из лиц, к кружку Лучицкого не принадлежавших, Александровские обращались к Ратнеру, Булгакову, ко мне и некоторым другим. Но из всех этих лиц только один я готов был отдаться газете целиком; все остальные имели достаточно своего постоянного дела, чтобы уходить в газету. Они были рады видеть в Киеве орган в общем симпатичного им направления, в котором при случае могли бы найти верное помещение для всякой своей статьи, но не более; о том, чтобы бывать в редакции ежедневно и ежедневно отдавать газете несколько часов, не могло быть и речи. Свои имена они, конечно, дали, – имена в Киеве и в Юго-Западном крае⁹⁵³ вообще достаточно известные.

Подписка пошла хорошо⁹⁵⁴.

951 Имеется в виду В. В. Шульгин.

952 Правильно: Василий Федорович.

953 Юго-Западный край – собирательное название Киевской, Подольской и Волынской губерний.

954 В объявлении о предстоящем выходе новой газеты сообщалось, что ее редакция «ставит целью создать в Киеве орган печати, независимый от каких бы то ни было своекорыстных стремлений, желаний и упований, чуждый всякой партийности, орган живой и отзывчивый на все нужды государственной и обще-

Первый номер должен был выйти и действительно вышел в конце ноября или начале декабря 1903 г.⁹⁵⁵

Я взял в газете иностранный отдел, которым интересовался всего более; Александровские поделили все остальное, и им же принадлежала общая редакция.

Общая передовая статья была написана Александровскими и показана мне. Хотя она и показалась мне бледной и слабой, но, имея в виду предварительную цензуру, я не мог возражать против нее; несколько частных моих замечаний были приняты во внимание. Окончив свою работу, я ушел из редакции. Затем в нее зашел С. Н. Булгаков и попросил позволения взглянуть на передовую статью. Ему она была дана в корректуру. В ней его поразила фраза: «под державным скипетром монарха». Этой фразы в показанной мне редакции не было. С. Н. Булгаков настойчиво потребовал, чтобы она была вычеркнута, доказывая, что никто из упомянутых выше сотрудников и он, во всяком случае, в газете не останется, если в передовой останется эта фраза. Крайне неохотно, но Александровские уступили, и фраза была вычеркнута.

Не помню, в первом или втором номере появился довольно обычный провинциальный воскресный фельетон в прозе и стихах на местные злободневные темы за подписью Феникс⁹⁵⁶.

ственной жизни», который будет «служить идеалам мира, внешнего и внутреннего, прогрессу России, широкому просвещению народных масс, развитию общественного самосознания, целям веротерпимости, полному прекращению вековой вражды между народностями, населяющими Юго-Западный край, братскому единению их в интересах общего широкого культурного подъема, на устоях которого покоится славное будущее нашего дорогого отечества».

955 Первый номер газеты «Киевские отклики» вышел 21 ноября 1903 г.

956 Неточность. См.: Феникс. Сказки жизни: Лирическая интродукция. Траурный фарш. Галоп исторический. Полонез геогра-

Политически недопустимого в нем не было ничего, но он был написан в таком тоне разухабистой пошлости, который придавал газете характер ухудшенного «Петербургского листка» или «Петербургской газеты». Так как об этом фельетоне пришлось много говорить и спорить, то я довольно хорошо помню его содержание, несмотря на полнейшую его ничтожность; осталось в памяти начало такого стихотворения, вкрапленного в него:

Мошко Зак, Мошко Зак!
Ты не умный, ты...
Захотел тебя рок высечь,
Отнял 240 тысяч.
И твой мазол, о каприз!
Повернулся маслом вниз!⁹⁵⁷

К слову «мазол» сделано подстрочное примечание: «мазол

фический. Кадриль развлечений. Общая мазурка. И вдруг... // Киевские отклики. 1903. № 3. 23 нояб. В объявлении о выходе газеты «Киевские отклики» с указанием ее постоянных сотрудников упоминается «Лео (фельетонист, сотрудник провинциальных газет)». Возможно, псевдонимом Феникс воспользовался фельетонист Лев Моисеевич Суриш, писавший и под псевдонимом Лео. Он был исключен из Харьковского университета за «участие в беспорядках» и потом сотрудничал в газетах «Южный курьер» (Керчь), «Одесский курьер», «Одесские новости», «Приднепровский край» (Екатеринослав), «Раннее утро» (Москва); в советское время – в газете «Труд» (на 1926).

957 Правильно: «Мордко Зак, Мордко Зак, / Ты не умный, ты... / Ты скажи, зачем держал / Дома в кассе капитал? / И зачем ты спозаранку / Не доверил оный банку? / Говорил я: деньги вынь, / Не шуми на всю Вольту, / Что в твоей железной кассе / Есть деньга в компактной массе. / Как твой “мазол” – о каприз! / Повернулся маслом вниз! / Захотел тебя Рок высечь – / Отнял 240 тысяч!»

– планида». Слово «дурак» выписано не было. Моисей Зак – местный богатый еврей, которого вследствие его какой-то оплошности обворовали или обмошенничали на названную сумму, и этот-то случай вдохновил поэта «Киевских откликов» на пошлое глумление. Читатели-евреи увидели в фельетоне антисемитизм, но, как доказывали Александровские, его быть не могло, так как автор – сам еврей.

Меня фельетон взорвал, и я заявил Александровским, что рядом с Фениксом сотрудничать не могу. Александровские, понимая, что мой уход повлечет уход и других сотрудников, вертелись, извивались и просили меня подождать до редакционного собрания. Я согласился.

Редакционное собрание было создано на третий или четвертый день существования газеты.

Фельетон возмутил всех, но многие, в особенности Василенко, очень дружный с Григорием Александровским, доказывали, что не всякое лыко нужно ставить в строку, что один пошлый фельетон не может служить достаточным поводом для коллективного выхода. Я был настроен решительно. Обращаясь к Григорию Александровскому, я говорил:

– Как вы, преподавая в классе Пушкина и Лермонтова, можете печатать подобную пошлость? Ведь, очевидно, у вас совершенно нет литературного вкуса. Что можете понимать вы в Пушкине, если вам может нравиться Мошко Зак?

Александровские пошли нам навстречу и заявили, что Феникс более писать в газете не будет. Это успокоило и смягчило всех – и решено: из редакции не уходить. Я подчинился.

На следующий день Александровские стали делать мне замечания относительно ведения мною иностранного отдела, указывая на то, что они считали моими промахами, и заявляя, что мой помощник в отделе мог бы и один справиться с ним.

Моим помощником был некто Н. Н. Новиков – провинци-

альный, точнее одесский, журналист⁹⁵⁸, с которым я незадолго до начала «Киевских откликов» познакомился в Одессе и которого пригласил, на основании одной рекомендации и личного впечатления, себе в помощники, несмотря на то что Н. А. Бердяев, знавший этого Новикова, предупреждал меня, что он человек «исторический» в том смысле, в каком им был Ноздрев⁹⁵⁹. Обе рекомендации оказались правильными: Новиков знал языки и мог хорошо вести работу, но непременно под посторонней редакцией, так как сам по себе был склонен к слишком разухабистому тону и любил делать смелые (никогда не оправдывавшиеся) политические пророчества. Но вместе с тем он был действительно склонен к «историям»⁹⁶⁰. Тотчас после

958 В Одессе под псевдонимом К. Н. Воинова были изданы сборники «оригинальных и переводных» рассказов Н. Н. Новикова «Прелюдии» (1902), «Огоньки» (1903), «Недосказанные рассказы» (1903) и под его фамилией брошюра «Наука, школа и жизнь» (1900); см. также: Дрейфус А. Пять лет моей жизни. 1894–1899 г. / Пер. с франц., с прилож. важнейших документов и ст. Н. Н. Новикова «Ложный шаг буржуазной Франции». Одесса, 1902.

959 В «Мертвых душах» Н. В. Гоголя говорится: «Ноздрев был в некотором отношении исторический человек. Ни на одном собрании, где он был, не обходилось без истории. Какая-нибудь история непременно происходила: или выведут его под руки из зала жандармы, или принуждены бывают вытолкать свои же приятели. Если же этого не случится, то все-таки что-нибудь да будет такое, чего с другим никак не будет: или нарежется в буфете таким образом, что только смеется, или проврет самым жестоким образом, так что наконец самому сделается совестно».

960 См. иную характеристику Н. Н. Новикова: «Многие участники наших вечеринок должны хорошо помнить его звучный, слегка картавящий баритон, сверкавшие через золотые очки близорукые, но умные глаза его и остроумную, полную сарказма речь, блиставшую философской эрудицией. Именно о нем вспоминает с такой симпатией и благодарностью, как о своем первом

вступления в газету он вступил в переговоры с Александров-

наставнике в вопросах философии, А. В. Луначарский. Пасынок попечителя Виленского учебного округа, Н. Н. Новиков в начале 80-х гг. – студент Петербургского технологического института. Отсюда он вместе с Бурцевым за участие в кружках, примыкавших к “Народной Воле”, высылается в Западную Сибирь, в Пелым. К концу 80-х гг. Н. Н. опять в Киеве является активным участником сборищ в доме А. Г. Маньковской, а затем уезжает в Бернский университет учиться. Ближайший сотрудник проф. Авенариуса, он приглашается последним к научной деятельности, но Н. Н., примкнувший за эти годы к направлению группы “Освобождение Труда”, предпочитает вернуться на родину, чтобы продолжать свою революционную деятельность. Однако заграничная агентура департамента полиции, осведомленная о связи Н. Н. с Плехановым и друг. эмигрантами и товарищами по Сибири (Бурцев), принимает меры к пресечению деятельности Н. Н. на родине. Немедленно по прибытии в Киев, 9 мая 1894 г., Н. Н. заточается на долгие месяцы в Лукьяновский тюремный “замок”. <...> Н. Н. то выпускали, то опять сажали в “Лукьяновку” и отправили в новую ссылку только в феврале 1895 года. В промежутках между тюремным сидением, не входя формально в действующие с.-д. организации, Н. Н. сделал все, что было в его силах, чтобы приобщить киевскую марксистскую молодежь к идеям, усвоенным им лично от самого Г. В. Плеханова и из европейской марксистской литературы. <...> Когда пришел приговор, Н. Н. сослали на 4 года в Вологодскую губ. Потом я встречал его уже опустившимся от рокового недуга, сведшего в раннюю могилу многих лучших русских людей. В Ростове, в Киеве, в Питере встречались мы потом. Блестящий философ и подававший большие надежды теоретик русского марксизма оказался выброшенным за борт русским неудачником, тщетно обивавшим пороги редакций в поисках издателя для его литературных работ. Сибирская и вологодская ссылки и тюрьма сломили этого даровитого человека, и он погиб где-то, безвестный, в какой-то петербургской больнице – задолго до торжества революции» (Мошинский И. Н. Указ. соч. С. 140–141).

скими и объяснил им, что мое удаление из редакции удешевит ведение дела – не в ущерб ему (я получал 160 рублей в месяц, Новиков при мне – кажется, 75 рублей; за это мы должны были составлять весь отдел; построчного гонорара нам не полагалось).

Я, конечно, тотчас же заявил, что навязывать себя не намерен и сию же минуту ухожу и притом, ввиду вчерашнего постановления редакции, ухожу, не делая никакого скандала, то есть не помещая обычного «письма в редакцию» о своем уходе. Но Александровские начали меня убеждать не уходить совсем, а отказаться только от места заведующего отделом; я как сотрудник и даже близкий сотрудник для них очень дорог, так что они, несмотря на крайнюю скромность бюджета газеты, готовы назначить мне жалованье, только чтобы я оставался сотрудником. Я имел слабость согласиться⁹⁶¹. Отныне я получал 100 рублей жалованья, за что был обязан написать не менее 8 статей в месяц по каким угодно вопросам – внутренним или внешним⁹⁶². Слабостью это было потому, что газета с каждым днем мне нравилась меньше и меньше и что в будущем я ожидал еще дальнейшего ухудшения, так как познакомился с Измаилом Александровским и, как кажется, правильно уяснил себе его личность.

961 В примечании к статье «Германский рейхстаг» за подписью В. В. Водовозов (его «Политические обозрения» в предыдущих номерах газеты помещались без нее) говорилось: «Ввиду обращаемых ко мне запросов сообщаю здесь, что я, занятый в настоящее время другими работами, не веду и не руковожу “Политическим обозрением” в “Киевских откликах”, как предполагалось сначала, но я намерен время от времени помещать в газете статьи по политическим вопросам» (Киевские отклики. 1903. № 11. 1 дек.).

962 См.: Водовозов В. Германский рейхстаг // Там же. № 11, 14. 1, 4 дек.; Водовозов В. Движение в сторону всеобщего голосования в Германии // Там же. № 18. 8 дек.

Измаил Александровский был средний провинциальный газетчик, воспитанный в «Киевлянине», усвоивший его политическое мировоззрение, но, может быть, более беспринципный, чем другие сотрудники той же газеты. Чувствуя, что читатель не клюет на киевлянинский консерватизм, он решил попробовать, нельзя ли сделать аферу на умеренном либерализме (как несколько раньше в Петербурге испробовал А. А. Суворин, основавший либеральное «Новое время»⁹⁶³). Что же касается Григория Александровского, то он, человек совершенно не газетный, увлечен был на эту дорогу своим братом и был лишь его орудием. Не помню, было ли мне ясно уже тогда, но, во всяком случае, должно было быть ясным, что такое межеумочное мое положение *à la longue*⁹⁶⁴ невозможно. Если же я его тем не менее взял, то объяснялось это крайним нежеланием возбуждать какие-либо вопросы из-за моей личности в кружке, с которым я чувствовал себя солидарным, в особенности тотчас после того, как принципиальный вопрос обсужден и решен. Вел иностранный отдел я всего 5 или 6 дней.

Прошло несколько дней, наступило воскресенье, и в «Киевских Откликах» появился воскресный фельетон. Подпись была другая⁹⁶⁵, но фельетон начинался приблизительно теми же словами:

– Уж на что редкостная птица Феникс. В 500 лет раз возрождается она из пепла. Кажется, я был гарантирован от появ-

963 Имеется в виду «Русь» А. А. Суворина, которую многие воспринимали как рассчитанный на либеральные круги «филиал» консервативно-официозного «Нового времени» А. С. Суворина, но это, как отмечал ее сотрудник, было неверно, ибо отец и сын рассорились и газета «возникла и выросла из неприязни и вражды к «Новому времени»» (Кугель А. Р. Листья с дерева: воспоминания. Л., 1926. С. 147).

964 в долгосрочной перспективе (фр.).

965 См.: Змей Горыныч. Сказки жизни // Киевские отклики. 1903. № 17. 7 дек.

ления другого Феникса. И вдруг оказалось, что в местном «Листке» (не помню, в Харькове или в другом городе. – В. В.) тоже имеется свой Феникс, который выразил претензию на появление из пепла до истечения законного срока после его смерти. Что ж делать, приходится переменить псевдоним.

И затем весь фельетон был написан в том же тоне разухабистой и бездарной пошлости⁹⁶⁶.

Такая наглая ложь со стороны Григория Александровского возмутила всех, и ему пришлось выслушать немало горьких слов, в особенности от меня и Лучицкого, с которым мы были в этом случае, как и вообще в деле «Киевских откликов», почти совершенно солидарны, хотя уже с самого моего переселения в Киев, а затем со времени диспута Тарле наши отношения были весьма холодные. Однако и на этот раз Василенко занял наиболее примирительную позицию и возражал против поддерживавшегося мною и Лучицким предложения немедленного ухода. После долгих споров кончилось ничем, решение об уходе постановлено не было.

Но долго так продолжаться не могло. Газета нам всем, не исключая и Василенко, не нравилась. Дело было в самом конце 1903 г.; на Дальнем Востоке назревала гроза, и в конце января 1904 г. она грянула⁹⁶⁷. И «Киевские отклики» заняли позицию

966 О фельетоне, который В. В. Водовозов сохранил в своем архиве, он написал: «Конец фельетона Феникса (начало, столь же благоуханное, к сожалению, утеряно), послужившего не первым уже, но одним из первых существенных поводов для разногласий между редакцией “Киевских откликов” (братьями Александровскими) и сотрудниками, окончательно вышедшими из газеты 11 декабря 1903 г. После этого фельетона Гр. Александровский дал обещание, что Феникс писать более не будет. Обещание было повторено 6 декабря, а 7 декабря в № 17 появился следующий фельетон, подписанный “Змей Горыныч”» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 1759. Л. 16).

967 В ночь на 27 января 1904 г. японский флот атаковал русскую

гораздо более националистическую и шовинистическую, чем «Киевлянин». Последний высказывался, хотя и сдержанно, против агрессивной политики правительства, а когда война началась, хотя чуть не до Цусимы⁹⁶⁸ повторял: «Мы так же мало сомневаемся в окончательной победе России, как в том, что завтра взойдет солнце», но в общем писал сдержанно и в барабаны не бил. Напротив, «Киевские отклики» с высокомерием говорили о японцах, а известия, иногда оказывавшиеся выдуманными, о мелких стычках преподносили под напечатанными крупнейшим шрифтом заголовками: «Наша блестящая победа», – и это тогда, когда ничего, кроме поражений, не было. Александровский по обыкновению старался свалить ответственность либо на метранпажа, либо на кого-либо другого.

Наконец, к середине февраля вся наша компания постановила уйти из газеты, но, под давлением Василенко, без скандала: то есть решено не требовать напечатания коллективного заявления об уходе, а удовольствоваться снятием наших имен из объявлений, как печатаемых в газете, так и расклеенных в разных местах города и за городом – на вокзалах и в других местах⁹⁶⁹. Первое было исполнено немедленно; последнее ис-

эскадру на внешнем рейде Порт-Артура, а в феврале японские войска высадились в Корею.

968 В ходе сражения, произошедшего 14–15 мая 1905 г. в Корейском проливе у острова Цусима, русская эскадра под командованием вице-адмирала З. П. Рождественского потерпела сокрушительное поражение.

969 Неточность: еще 10 декабря 1903 г. Г. В. Александровский писал В. В. Водовозову: «После вчерашнего разговора я целую ночь думал о том, каковы могут быть последствия его для меня и для газеты, и пришел к выводу, что, в сущности, то невозможное положение, которое было до сих пор, нисколько не устраняется, дело остается по-старому и, значит, по-старому меня ждет целый ряд страданий, которые не знаю, как перенесу. В самом деле, что было до сих пор? Ни С. Н. Булгаков, ни Н. А. Бердяев не принимали участия в газете, писали в ней только Вы, и, ска-

полнено только частично, и еще долго спустя многие из нас встречали в разных местах афиши о «Киевских откликах» с нашими именами⁹⁷⁰. Григорий Александровский по обыкновению взваливал ответственность на какого-то конторщика,

жу прямо, Вы измучили меня. Теперь, хотя Ваши фамилии и будут с завтрашнего дня сняты с объявления и снято большинство объявлений, Вы по-прежнему работаете у нас, а значит, пока дело не наладится, по-прежнему подвергаете меня нравственной пытке до обвинений в спекулировании Вашими именами включительно. Мне кажется, что после того, что Вы говорили мне в лицо наедине, у Вас нет веры ни в мою порядочность, ни в порядочность брата, а тем более – газеты. Если Вы остаетесь сотрудником, помещая по три раза в неделю статьи, я буду себя чувствовать так невыносимо за каждый промах в газете, как чувствовал до сих пор, за большинство случаев незаслуженно выслушивая от Вас тяжелые оскорбления. И потому для меня представляется один выход: пока, Василий Васильевич, не пишите ничего, пусть газета окрепнет, вернее, определится, пусть она примет ту или другую физиономию. Я уверен, что она примет именно такой облик, при котором ни Вам, ни Вашим друзьям не будет стыдно в ней сотрудничать (как Вам стыдно работать в ней теперь, в чем почти признался С. Н. Булгаков). Но пока это случится, позвольте мне с братом самостоятельно этого добиваться» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2624. Л. 7–8).

970 См. черновик недатированного письма: «Милостивый государь господин редактор. Покорнейше просим Вас дать место на столбцах Вашей газеты следующему заявлению: “Мы перестали быть постоянными сотрудниками «Киевских откликов» еще 12 декабря 1903. Редакция тогда же обещала снять с объявлений наши имена, но до сих пор это не исполнено. Ввиду этого, а также ввиду того, что в последнее время отличие наших убеждений от убеждений редакции К. О., поскольку они сказываются в статьях этой газеты, стало особенно заметным, мы считаем необходимым просить Вас опубликовать во всеобщее сведение, что в настоящее время мы никакого отношения к редакции К. О. не имеем”» (Там же. Д. 2673. Л. 21–22). Письмо это не было опубликовано.

которому он будто бы поручил это дело⁹⁷¹.

Александровские остались на всей своей воле и могли вести газету без всякого контроля с нашей стороны. Если сначала подписка пошла хорошо, то газета явно не удовлетворила публику и успеха не имела. Слухи о неладах в ней распространились, а когда наша группа ушла⁹⁷², то конкурирующие газеты – «Киевлянин» и «Киевская газета» – поспешили оповестить об этом. Само собою разумеется, все это отозвалось на тираже газеты, а так как ее основной капитал был более чем скромнен, то уже в марте месяце Александровские поняли, что им не миновать краха. Они решили продать свое детище и обратились к

971 См. резкий ответ В. В. Водовозова на письмо Г. В. Александровского от 6 января 1904 г.: «Вас я знаю года 3–4, имею дело 2 месяца, и за эти 2 месяца я, кажется, не слышал от вас ни одного слова правды. Вы говорили, что собираетесь издавать “Русские ведомости” юга и даже более этого, тогда как вы собирались издавать балаганный листок, систематически замалчивающий все факты серьезного общественного значения и живущий (доныне) плагиатом; вы говорили, что вы уже удалили Феникса, – накануне появления его фельетона; недавно вы утверждали, что на днях появится список прежних сотрудников только без одного меня, имея уже категорическое заявление от сотрудников, что они к вам более не пойдут; вы еще 10 декабря обещали снять объявления с именами, и до сих пор они красуются во всех публичных местах, так что до сих пор вы считаете себя вправе пользоваться нашими именами для привлечения подписчиков. И так далее, без конца» (Там же. Д. 2624. Л. 17).

972 В письме В. В. Водовозова неизвестному адресату от 21 декабря 1903 г. говорилось: «Милостивый государь! Так как несколько недель тому назад я пригласил Вас сотрудничать в газете “Киевские отклики”, то считаю долгом известить Вас, что я прекратил в них всякое участие. Вместе со мною прекратили всякое участие: В. Ф. Александровский, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, В. Я. Железнов, М. Б. Ратнер. В. Водовозов. Р. S. Настоящее извещение не предназначается для печати» (Там же. Д. 1759. Л. 17–18).

нашей группе.

Шла война, и несчастный ход ее вполне уже определился; общественное настроение нарастало, и многие уже говорили о близости каких-то очень серьезных событий, может быть революции. В связи с этим у членов нашей группы росло желание иметь свой орган; у всех были планы газетных статей, для которых хотелось иметь помещение; Василенко же и Ратнер прямо выражали готовность отдаться газетной работе. Словом, газетный зуд усиливался, и предложение Александровских пало на очень благоприятную почву. Купить газету! Но сколько понадобится денег? Мы решили, что каждый из членов нашей группы внесет по 1000 рублей. Составилось 10 000 рублей. Мы составляли смету, причем все ее статьи обрезаемая сверх всякой меры, рассчитывали на хорошую подписку (хотя весенние и летние месяцы не были для нее благоприятны), и все-таки выходило маловато. Но В. А. Александровский и М. Б. Ратнер, имевшие связи с финансовыми кругами, обещали получение как кредитов, так и займов.

Лучше других знакомый с газетным делом, хорошо зная, какие непредвидимые расходы неизбежны в газетном деле (особенно если газета под предварительной цензурой), я яснее других понимал, что начинать с десятью тысячами дело, особенно уже частично испорченное, было крайне рискованно. Но вместе с тем у меня газетный зуд был еще сильнее, чем у других. Свои сомнения я не скрывал, признавая риск очень значительным, но вместе с тем указывал на нарастание политических событий и общественного настроения и говорил, что оно может нас вывезти. Григорий Александровский, поддерживавший в это время личные отношения почти с одним только Василенко, в свою очередь подзуживал его:

– У вас 10 000? Этого совершенно достаточно, чтобы поставить провинциальную газету. Если бы у нас было столько! Мы не были бы вынуждены продать ее.

Но от ответа на вопрос, сколько же было у них, уклонялся. Кроме того, он очень торопил нас, говоря, что его брат одно-

временно ведет переговоры еще с одной группой покупателей и что они продадут газету тому, кто первый даст свое согласие. Мы сильно подозревали, что эта вторая группа существовала только в воображении, так как было крайне невероятно, чтобы о ней никто ничего не знал (о наших планах верещали все воробы на киевских крышах), но так уж устроен человек, что все-таки у нас шевелилось опасение: а ну как мы упустили случай? И оно влияло на нас.

И мы решились. Александровские потребовали за газету продажную цену в 2000 рублей. Цена за газету с подмоченной репутацией была не низкая. Григорий Александровский оправдывал ее тем трудом, который они вложили в нее. Но в действительности она была больше 2000, так как мы брали предприятие на ходу, следовательно, с активом и пассивом, и последний в нем превышал первый, да сверх того первый был отчасти дутым: в него были включены авансы сотрудникам, из которых некоторых мы сами не могли оставить в газете, другие были малонадежны; в актив были включены и такие долги газете газетных продавцов, которые должны были считаться безнадежными. Таким образом, в действительности мы платили за газету свыше 3000 рублей; у нас не оставалось на ведение дела и 7000.

Но и эти 7000 рублей не могли быть получены сразу. В нашу группу входили: И. В. Лучицкий, Н. П. Василенко, Л. С. Личков, М. Б. Ратнер, В. А. Александровский, известный адвокат Куперник (в ноябрьском соглашении с «Откликами» не участвовавший), я и еще три лица. Булгаков и Бердяев, стоявшие близко к газете, принять участие в покупке газеты не желали. Все десять пайщиков обязались внести по тысяче рублей, но только немногие обязались сделать это немедленно; другие либо откладывали, либо разбивали свой взнос на два момента, а некоторые часть своего пая покрывали работой. У меня сбережений было в то время всего около 1200 рублей, и лежали они почти целиком в сберегательной кассе. Я вынул тысячу рублей и первый сразу внес ее В. А. Александровскому,

избранному казначею. Затем внесли сам Александровский и Лучицкий, а за ними понемногу и остальные.

В конце марта, не помню, с какого числа, мы начали газету. Ответственным редактором – до тех пор, пока мы не выхлопочем нового, – остался Измаил Александровский⁹⁷³, причем он обязался не вмешиваться в дела редакции, и надо отдать ему справедливость, что обязательство исполнял добросовестно и только докучал нам постоянными напоминаниями о скорейшем избавлении его от этой тяготы. Мы, со своей стороны, не имея подходящего человека для этого звания и уверенные, что никого из нас не утвердят, тянули дело.

Действительный деловой редакционный комитет соста-

973 Неточность: редактором-издателем «Киевских откликов» с 19 марта 1904 г. (№ 118) значился Г. В. Александровский, остававшийся таковым до осени 1904 г., а «за редактора» с 20 марта (№ 119) газету подписывал И. В. Лучицкий, причем с 15 апреля она печаталась в типографии С. В. Кульженко (см.: От редакции // Киевские отклики. 1904. № 104. 15 апр.); с 1 октября (№ 272) полноправным редактором газеты и ее соиздателем (совм. с Е. А. Кивлицким) стал И. В. Лучицкий.

вили Василенко, Ратнер и я⁹⁷⁴, но и все остальные члены группы писали статьи по отдельным вопросам, беспрестанно посещали редакцию и принимали деятельное участие в деле. Работа шла дружно. Наша редакция была радикально-народнической, но это не помешало нам вполне сознательно на должность секретаря редакции пригласить по чьей-то рекомендации, не то из Ростова-на-Дону, не то из какого-то другого места, М. С. Балабанова⁹⁷⁵, социал-демократа – меньшевика, позднее приобретшего некоторую известность работами по рабочему вопросу⁹⁷⁶, а еще позднее, в 1917–1919 гг., игравшего

974 А. В. Луначарский свидетельствовал, что «Киевские отклики», куда его пригласили «в качестве заведующего театральным отделом», редактировались «главным образом В. В. Водовозовым», которой был «душой» этой «легальной, но в значительной степени марксистской газеты» (см.: Луначарский А. В. Воспоминания из революционного прошлого. С. 32; Он же. Автобиография. В Институт Ленина. 1926 г. // Литературное наследство. М., 1971. Т. 80. С. 738). В газетной рубрике «Театр и музыка» осенью 1904 г. печатались рецензии Луначарского на спектакли в киевских театрах, см.: № 244, 246, 247, 249, 259–261. 3, 5, 6, 8, 18–20 сент., а также статья «“Отец” Стриндберга, как драма символическая» (№ 257. 16 сент.). После отъезда Луначарского за границу, в октябре – декабре 1904 г., в «Киевских откликах» регулярно появлялись его корреспонденции под заголовком «Париж (От нашего корреспондента)».

975 В 1900–1903 гг. М. С. Балабанов редактировал газету «Донская речь» в Ростове-на-Дону.

976 См.: Фабричные законы: Сборник законов, распоряжений и разъяснений по вопросам русского фабричного законодательства / Сост. М. Балабанов. Киев, 1905; Дубровский М. Балабанов М. Наша «свобода союзов». (Новый закон о профессиональных союзах). СПб., 1906; Балабанов М. С., Дан Ф. И. Рабочие депутаты в Первой Государственной думе. СПб., 1907; см. также его послереволюционные труды: Балабанов М. С. История рабочей кооперации в России. Очерки по истории рабочего кооперативного движения (1864–1917 г.). Киев, 1923; Он же. К истории

довольно видную роль в революционных событиях в Киеве.

Не легко мне было найти себе помощника по иностранному отделу. О том, чтобы мой помощник владел также и английским языком, я и не мечтал, но хорошего знания французского и немецкого добивался. Ко мне приходило много молодых людей обоего пола и обоих направлений: социал-демократического и социал-революционного (больше первых), но и те и другие были крайне неудовлетворительны. Большинство владело языком совершенно недостаточно, многие притом – только одним немецким, а те, которые ими до некоторой степени владели, решительно не владели русской литературной речью и совершенно не усваивали никаких делаемых им указаний.

Были и такие, которые не могли рассуждать иначе как от Маркса. Пришел один. Я дал ему какую-то немецкую газетную заметку, касавшуюся известного экономиста Луйо Brentano, и предложил изложить ее письменно. Через полчаса он подал мне листок.

– Луйо Brentano, известный своей отвратительной полемикой с К. Марксом... – и т. д.

– Послушайте, а вы читали эту полемику?

– Да, конечно, в предисловии Энгельса к «Капиталу»⁹⁷⁷.

рабочего движения на Украине. Киевский рабочий в революционном движении 70-х – 80-х гг. «Южно-Русский рабочий союз». Киев, 1925; Он же. Очерки по истории рабочего класса в России. Киев, 1923–1926. Ч. 1–3; Он же. От 1905 к 1917 году: массовое рабочее движение. М.; Л., 1927; Он же. Рабочее движение в России в годы подъема. 1912–1914 гг. Л., 1927; Он же. Очерк истории революционного движения в России. Л., 1929, и др.

977 Имеется в виду предисловие Ф. Энгельса, написанное 25 июня 1890 г. к 4-му изданию первого тома «Капитала» К. Маркса. Polemica возникла после того, как в берлинском журнале «Concordia», органе союза немецких фабрикантов, 7 марта 1872 г.

– Но ведь это не полемика Brentano, а изложение ее у Энгельса. И притом даже Энгельс, при всей своей резкости, не позволяет себе давать ей такой квалификации. На каком же основании вы даете такую оценку статьям, которых не читали?

– Да ведь видно же из Энгельса...

– Ну а если Энгельс излагает Brentano неверно?

– Как, Энгельс излагает неверно?!?

– Ну а что сказали бы вы, если бы я назвал, например, Лассалья «подлым плагиатором»? Согласитесь, что на основа-

появилась анонимная статья под заголовком «Как цитирует Карл Маркс», обвинявшая его в искажении цитаты из бюджетной речи канцлера британского казначейства У. Гладстона, произнесенной 16 апреля 1863 г. Хотя Маркс отверг критику в свой адрес, процитировав речь по английским газетам, спустя восемь месяцев после его кончины, 29 ноября 1883 г., газета «The Times» повторила обвинение, напечатав письмо С. Тейлора из Тринити-колледжа в Кембридже, назвавшего имя анонимного разоблачителя. Им оказался Л. Brentano, который на предисловие Энгельса откликнулся брошюрой «Моя полемика с Карлом Марксом» (Brentano L. Meine Polemik mit Karl Marx. Berlin, 1890), на которую тот, в свою очередь, ответил работой «Brentano contra Маркс по поводу мнимой фальсификации цитаты. История вопроса и документы» (In Sachen Brentano contra Marx wegen angeblicher Citatsfalschung. Geschichtserzahlung und Dokumente. Hamburg, 1891).

нии заметки Маркса о Лассале в его «Капитале»⁹⁷⁸ я имел бы к этому, во всяком случае, не меньше оснований, чем вы – к вашей оценке Brentano. И знаете ли вы, что даже если признать правильной вашу оценку полемической статьи Brentano, то все же нельзя сводить к ней всего Brentano; есть же за ним крупные научные заслуги, которые признаются и социал-демократами?

– Я этих заслуг не знаю.

Объяснив моему собеседнику, что подобного рода наскоков допустить в газете не могу, я предложил ему скомпилировать еще какую-то заметку в более беспристрастном тоне, но и тут дело не пошло на лад.

Социалисты-революционеры в этом отношении были лучше, – они могли излагать то, что им предлагалось, объективнее, но знания их языков по большей части были еще ниже⁹⁷⁹.

Недели две или три я бился таким образом, принужденный один составлять целиком весь отдел. Наконец, ко мне пришли сразу два субъекта; фамилия одного была Иоффе (ни-

978 В предисловии к первому тому «Капитала» К. Маркс замечал: «Кстати сказать: если Ф. Лассаль все общие теоретические положения своих экономических работ, например об историческом характере капитала, о связи между производственными отношениями и способом производства и т. д., заимствует из моих сочинений почти буквально, вплоть до созданной мною терминологии, и притом без указания источника, то это объясняется, конечно, соображениями пропаганды» (Маркс К. Капитал: Критика политической экономии. М., 1978. Т. 1. Кн. 1. С. 5–6).

979 Само собою разумеется, я говорю только о той социал-демократической и эсеровской молодежи, которая приходила ко мне экзаменоваться в мои помощники, и не думаю отрицать и широкого образования, и частью большого литературного таланта у выдающихся писателей того и другого направлений.

чего общего не имеет со всеми известными Иоффе⁹⁸⁰), а другого – Заславский, – этот, напротив, к сожалению, тот самый Заславский, который в настоящее время приобрел такую большую, но печальную известность⁹⁸¹. Они заявили мне следующее. Они – два друга, оба владеют двумя иностранными языками; из них Иоффе нуждается в заработке и хотел бы получить у меня платную работу. Заславский, напротив, в заработке в настоящее время не нуждается, но он мечтает о литературной карьере, и ему хотелось бы попрактиковаться в ней под руководством уже опытного литератора. Поэтому они предлагают мне следующее: Иоффе будет моим, так сказать, официальным помощником, а Заславский просит, чтобы я давал ему работу неофициально, то есть без всякого вознаграждения.

Я дал им на пробу несколько статей из иностранной прессы, и они оба вполне удовлетворительно справились с ней. От своего помощника в иностранном отделе я всегда требовал не только того, чтобы он переводил или компилировал указанные мною статьи, но также чтобы он самостоятельно читал несколько иностранных газет, которых я проглядеть не успею, и указывал мне, что, по его мнению, заслуживает перевода или компиляции. Сам же я писал передовые и переделывал представленный мне помощником материал, стремясь к тому, чтобы по возможности каждая заметка в отделе после моей переделки обращалась в более или менее самостоятельно обработанную статейку. Само собой разумеется, что когда мой помощник подавал мне статью более или менее самостоятельную, то я этому только радовался, если статья меня удовлетворяла. И вот на второй или третий день совместной работы я увидел, что нашел то, что мне было нужно.

980 Имеются в виду физик Абрам Федорович Иоффе (1880–1960) и публицист, социал-демократ, а потом большевик Адольф Абрамович Иоффе (1883–1927).

981 С 1928 г. Д. И. Заславский состоял фельетонистом газеты «Правда».

Хотя оба друга были социал-демократы – меньшевики⁹⁸², но они могли говорить и писать на общелитературном языке, не прибегая к установившемуся жаргону третьестепенных марксистов; не считали нужным навязывать мне свои взгляды и мирились с тем, что представляемый ими сырой материал подвергался у меня обработке, может быть не вполне согласной с их убеждениями. Из них двух Иоффе был значительно менее даровит; он работал очень медлительно, писал тяжело-весно, иногда делал ошибки⁹⁸³. Напротив, Заславский сразу обнаружил умение быстро и легко разбираться в предлагаемом ему материале и писать с несомненным литературным талантом. Иногда то тот, то другой из них на работу не приходил по нескольку дней, но один-то помощник у меня был непрерывно.

Из двух моих помощников более ценным для меня был Заславский, и мне было неприятно, что газета как бы эксплуатирует его труд, но наша смета решительно не позволяла назначить вознаграждение еще второму моему помощнику. Я это говорил и Заславскому, но он решительно отклонял разговоры на эти темы и очень добросовестно работал у меня несколько месяцев, пока не счел свою цель достигнутой и не ушел. В следующие 8–10 лет я с Заславским не встречался, но

982 См.: «Тут же надлежит упомянуть в числе киевского юношеского актива из 1-й гимназии братьев Иоффе, из которых младший Макс <...> достаточно известен в киевских социал-демократических организациях» (Мошинский И. Н. Указ. соч. С. 62).

983 Впоследствии в переводе М. С. Иоффе вышел ряд брошюр, см.: Конституция Швейцарии: Перевод текстов конституции и избирательного закона / Под ред., с предисл. и примечаниями В. Водовозова. СПб., 1905; Германская конституция. Киев, 1905; Дицген И. Будущее социал-демократии. Киев, 1906; Либкнехт В. Социал-демократия, парламентаризм и политика. Киев, 1906; см. также: Важнейшие законодательные акты (1908–1912 гг.): с алфавитным, предмет. и хронолог. указателем / Сост. М. С. Иоффе, под ред. и с предисл. проф. В. М. Гессена. СПб., 1913.

имя его встречал в печати и видел, что он приобретает известность. После 1912 или 1913 г. я встречал его в редакции петербургской газеты «День», в которой мы оба сотрудничали, а после революции 1917 г. – в редакции «Былого». Из него выработался талантливый журналист, но вместе с тем у него появилась какая-то заносчивость, которая не внушала симпатии к нему; во всяком случае, однако, он производил впечатление честного человека. И вдруг... Как произошло с ним такое решительное падение, я не знаю. Я в это время был уже эмигрантом.

Я получал в газете 125 рублей жалованья, мой помощник – 75 рублей. Построчного нам не полагалось. Так как я оставался в «Откликах» немного меньше 8 месяцев, то я вернул себе в виде заработка почти всю тысячу, которую вложил как пай.

В мое ведение входила и Русско-японская война. Несмотря на мою полную некомпетентность в военных вопросах, очень большой трудности военный отдел не представлял; в этом отношении мне сильно помогала цензура, которая сколько-нибудь самостоятельных военных статей почти не пропускала⁹⁸⁴. Военные известия передавались официальным телеграфным агентством, дополнялись перепечатками из столичных газет, преимущественно из «Нового времени». Однако все же редакция хотела иметь военного сотрудника. Таковой нашелся в лице одного офицера по фамилии Пойдун, отдаленного знакомого Василенко. Василенко познакомил меня с ним, и Пойдун начал приносить свои статьи по вопросам как сухо-

984 В письме жене от 7 апреля 1904 г. В. В. Водовозов сетовал: «Дорогая Вера. Тяжела для меня война: при нынешних цензурных условиях писать о ней сколько-нибудь толково невозможно. Приходится выбирать из русских и иностранных газет всякие пустяки без смысла и разбора. Цензура боится всякого намека о поражении и о передвижении русских войск, хотя бы эти известия и были перепечатаны из других русских же газет» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 228. ОО. 1902. Д. 996. Л. 22).

путной, так и морской войны. Первая или одна из первых его статей была подробным сравнительным исчислением русских и японских морских сил и заканчивалась словами: «Грозную силу представляет из себя эскадра Рождественского, и Японии с ней не совладать».

Это было уже после гибели нашего броненосца «Петропавловск» с адмиралом Макаровым⁹⁸⁵, и в то время я уже сильно сомневался в победе России. Фраза Пойдуна заставила меня поэтому сильно задуматься: оставить ее или выкинуть по редакторскому праву? Ведь, однако, как будто, по приведенным в статье цифровым данным, сила действительно грозная? И я фразу оставил. Как известно, сила оказалась вовсе не грозной...

Чем дольше шло время, чем яснее обнаруживалась неизбежность поражения России, тем увереннее Пойдун предсказывал победу и тем чаще мне приходилось сокращать и смягчать его статьи. Он обиделся и резко заявил о нежелании сотрудничать.

Едва он ушел из газеты, как в нее появился мой хороший знакомый, о котором я уже много говорил, Вова Вакар с небольшой написанной им заметкой о положении на театре военных действий.

Я взял ее с большим недоверием: откуда Вове Вакару, юристу, даже не отбывавшему воинской повинности, знать военное дело? Прочтя ее, я увидел, что она написана в литературном отношении недурно, что военное положение изложено ясно и определенно.

– Откуда вы это все почерпнули?

– У меня несколько приятелей офицеров, я с ними много

985 Эскадренный броненосец «Петропавловск», являвшийся флагманом 1-й Тихоокеанской эскадры, подорвался вблизи Порт-Артура на японской mine и затонул 31 марта 1904 г.; погибло около 700 членов команды во главе с вице-адмиралом С. О. Макаровым.

разговаривал, и они мне многое уяснили. А вместе с тем я очень внимательно читаю все относящееся к войне и в общей прессе, в «Новом времени», «Русских ведомостях» и др., и даже в специально военной: в драгомировском «Разведчике»⁹⁸⁶ и др.

Я напечатал заметку. За ней последовали другие, и Вакар оказался у нас военным обозревателем, и весьма недурным; во всяком случае, ошибаться в своих соображениях ему случалось не чаще, а может быть, и реже, чем военным сотрудникам конкурировавших с нами киевских газет («Киевлянин» и «Киевская газета») и даже столичных, как «Новое время». Безусловно и несомненно лучше наших были только статьи в «Русских ведомостях», где военный отдел вел тогда, и вел превосходно, известный статистик В. Михайловский. Цензура беспощадно марала статьи Вакара, но кое-что все-таки оставалось. Харьковские и одесские газеты нередко перепечатывали наши военные заметки.

Наши отношения с цензурой в первое время были в общем весьма сносные. Я не помню, был ли цензором Мардарьев, о котором я говорил в более ранних своих воспоминаниях, или кто другой, но особенной придирчивости он не обнаруживал. Черкал, но черкал в меру.

И вот однажды мы составили номер, который нам самим особенно нравился. И передовая, и отдел печати, и корреспонденции – все, казалось, было особенно хорошо. Мы не часто могли увеличивать номер сверх нормальных 4 страниц, но иногда делали это, и как раз этот номер насчитывал их шесть. Вполне довольный, я ушел вечером из редакции. Остался в ней один Балабанов, на обязанности которого лежало выпустить номер.

Утром беру номер газеты – и ничего не понимаю. Прежде всего, в нем всего 4 страницы. Затем – где же передовая? Вме-

986 В «Разведчике» принимал участие генерал от инфантерии М. И. Драгомиров.

сто передовой – какая-то бесцветная статья, написанная несколько дней назад, но признанная слабой и отложенная на неопределенное время. Моя статья – что это с ней сделал Балабанов? По какому праву? Ведь от нее ни образа, ни подобия не осталось. Не мог же это сделать Мардарьев?

Раньше обычного часа бегу в редакцию и застаю почти всех членов редакции.

– В чем дело?

В ответ Балабанов протягивает мне кучу гранок, перечеркнутых красными чернилами.

– Да что же это значит? Мардарьев взбесился?

– В том-то и беда, что не Мардарьев. Мардарьев переведен (кажется, в Одессу⁹⁸⁷), а к нам назначен новый цензор, Сидоров⁹⁸⁸, который вчера вступил в исполнение своих обязанностей.

Положение делалось ужасным. При такой цензуре вести газету невозможно, особенно в городе, где одна из конкурирующих газет («Киевлянин») издавалась без предварительной цензуры. Эта мера (избавление консервативной газеты от предварительной цензуры), принятая лет за пять до этого⁹⁸⁹ и прославленная за границей как либеральный шаг, в действи-

987 Н. Г. Мардарьева назначили отдельным цензором по внутренней цензуре в Ростове-на-Дону с 1 декабря 1903 г.

988 Отдельный цензор по иностранной цензуре в Киеве с 21 апреля 1904 г., А. А. Сидоров обратился 8 октября в Главное управление по делам печати с просьбой об усилении штата чиновников местной цензуры, но столичное начальство ограничилось перераспределением их обязанностей, поручив ходатаю осуществлять цензуру «Киевских откликов» и «Киевской газеты» (см.: Патрушева Н. Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века. СПб., 2013. С. 186).

989 Газета «Киевлянин» была освобождена от предварительной цензуры в 1900 г.

тельности являлась актом реакционным, так как создавала консервативной газете привилегированное положение, особенно при таком цензоре, как Сидоров.

Вечером Балабанов пошел к цензору объясняться, и цензор оказался сговорчивым, по крайней мере сравнительно с тем, чего можно было ожидать на основании его действий. После упорного торга он восстановил несколько вычеркнутых им статей и несколько мест в других – не целиком запрещенных, но Балабановым отложенных – статьях. Но в следующем номере он вычеркнул столько же. На этот раз пошел к цензору я и тоже добился больших уступок; потом ходил Василенко и другие. И началась сказка про белого бычка: Сидоров вычеркивал половину, потом, после личных переговоров, восстанавливал половину этой половины. Хорошо еще, что он не требовал явки к нему редактора, то есть Измаила⁹⁹⁰ Александровского, и без протеста довольствовался приходом к нему автора (или лица, для переговоров с ним бравшего на себя роль автора) или секретаря редакции. Но материал (газетный, злободневный!) иногда за один день устаревал и был непригоден для печати, а в «Киевлянине» он появлялся своевременно.

Марал Сидоров бессмысленно, бессистемно, и, может быть, этим объяснялась его уступчивость: аргументы выслушивал внимательно и был способен принимать их. Но в некоторых пунктах он был упорен, как осел, – в том, что касалось войны.

– Вот заметка, целиком, дословно, без изменений, взятая мною из «Нового времени», а «Новое время» взяло ее из «Times». Почему вы ее не пропустили?

– Не могу. Здесь сказано: дивизия под командой такого-то генерала, здесь: две дивизии. А у меня циркуляр: безусловно не пропускать ничего касающегося передвижения, распределения и численности наших войск. Ведь это военная

990 Правильно: Григория.

тайна.

– Да ведь это заимствовано из «Нового времени» и «Times», следовательно, уже не военная тайна. И сегодня эта самая заметка перепечатана в «Киевлянине». Почему же «Киевские отклики» не могут сообщать того, что японцы могут узнать из «Киевлянина», если уже раньше не узнали из «Нового времени» или из «Times»?

(Можно было бы прибавить: и если они не знали этой военной тайны гораздо лучше от своих шпионов.)

– «Киевлянин» – без предварительной цензуры, за него я не отвечаю, за «Новое время» тоже, а за «Киевские отклики» отвечаю. Не могу.

Сдвинуть его с этой позиции было невозможно. Как ни лестно для меня было предположение, что японцы не читают ни «Times», ни «Новое время», а читают и информируются о передвижении и численности русских войск только из «Киевских откликов», но мое редакторское самолюбие или сомнение не заходило так далеко, чтобы признавать его правильным, а большой вред для газеты и, в частности, для моего отдела в ней я чувствовал и тяжело страдал от него, но делать было нечего.

Еще больше меня страдал от цензора отдел, которым мы особенно дорожили: отдел местной жизни. Корреспонденции из Юго-Западного края, которых у нас благодаря связям Василенко, Личкова и других было очень много, вымарывались им свирепо. Во время частых бесед с нами Сидоров был вообще словоохотлив и вступал в разговоры общепринципиального характера. Мы узнали от него, что он стоит на страже государственности от, может быть, грозящей революции (много лет спустя я слышал от пьяного шофера, не желавшего исполнять своей обязанности, что он стоит на страже революции, и был поражен тождеством выражения и склада мысли), что доля цензора – тяжелый долг.

– Вам хорошо, вы читаете то, что вас интересует, а я должен читать всякий вздор, и читать внимательно; это труд, и

тяжелый.

Эта мысль, может быть, была заимствована из пушкинского «Послания к цензору» («Так – цензор мученик. Порой захочет он ум чтением освежить: Руссо, Вольтер, Бюффон, Державин, Карамзин манят его желанье. А должен посвятить бесплодное внимание на бредни новые какого-то вряля, которому досуг петь рощи, соловья»). К сожалению, Сидоров не вдохновлялся дальнейшими стихами из того же «Послания»: «Цензор-гражданин полезной истине пути не заграждает. А ты, глупец и трус! Что делаешь ты с нами! Где должно б умствовать, ты хлопаешь глазами. Не понимая, нас мараешь и дерешь. Ты черным белое по прихоти зовешь, сатиру – паскви-лем, поэзию – развратом»⁹⁹¹.

Любил говорить он и о негодности провинциальных газет и с решительным осуждением относился к «Киевским откликам», высказывая это нам в довольно презрительной и высокомерной форме:

– Что такое наша провинциальная пресса? Возьмут «Berliner Tageblatt» или «Temps» и валяют по нему, сколько хочешь оттуда заимствуй. А нет того, чтобы исполнить свою прямую обязанность и освещать местную жизнь.

– Помилуйте, да у нас очень много корреспонденции с мест; вы же их запрещаете.

– Того, что вы даете, нельзя не запрещать; я же уступаю вам во всем, в чем только можно.

Этот разговор у цензора был с Василенко. А через несколько дней в «Новом времени» была помещена корреспонденция из Киева, в которой давалась отрицательная оценка местной прессы, «Киевских откликов» и «Киевской газеты» как раз с сидоровской точки зрения – и даже, как указывал Василенко, в сидоровских выражениях. Для «Киевлянина» было сделано исключение, и он заслужил полное одобрение от авто-

991 Неточно цитируется «Послание цензору» (1822) А. С. Пушкина.

ра корреспонденции. Корреспонденция не была подписана, но принадлежность ее Сидорову была очевидна. Человек сам создавал ту черту местной прессы, за которую потом ее порицал!

Скоро обнаружилась и еще одна черта в характере Сидорова.

– Вот вы пишете о войне, все по «Новому времени» и другим газетам, а собственным корреспондентом не обзаведетесь, – говорил он Балабанову.

– Не нашли. Был один знакомый офицер, который обещал писать и не написал ни строчки.

– А я вам могу порекомендовать. На днях на театр военных действий едет один мой хороший знакомый, он был бы рад писать.

Мы были поставлены этим предложением в большое затруднение: приятель цензора; не будут ли для нас его корреспонденции обязательны независимо от их достоинства? Тем не менее, по человеческой слабости, решили его пригласить. Пришел офицерик, невзрачный, симпатии к себе не возбуждающий; решительно потребовал аванса в 100 рублей и писать обещал непременно и много.

Мы долго обсуждали вопрос: приглашать его или нет и давать из нашего более чем скудного бюджета аванс или нет? Весьма вероятно, что не напишет ни строчки, а может быть, будет еще хуже, если напишет?

Наконец, решили: аванс, вероятно, пропадет (офицерам вообще очень трудно писать с театра военных действий), но ведь это просто взятка, которую с нас требует Сидоров и, следовательно, дать нужно. И дали. И об офицерике – ни слуху ни духу. И Сидоров о нем ни разу не заговаривал.

Поддействовала ли взятка? На этот вопрос трудно ответить с уверенностью. Месяца через два-три после начала своего цензорства Сидоров несколько обмяк и стал сноснее; мы взаимно приспособились и с грехом пополам вели газету. Но произошло это постепенно; сколько-нибудь резкой перемены в связи с авансом не было.

Но что подкупить Сидорова было возможно, это с несомненностью сказалось зимой 1904–1905 года, когда я уже переселился в Петербург и, следовательно, из «Киевских откликов» ушел. Тогда было замечено, что Сидоров не желает цензировать материал, присылаемый ему после 9 часов вечера. Когда ему говорили об этом, то он отвечал, что считает свой рабочий день оконченным к 9 часам вечера и не признает за собой обязанности брать на себя дополнительный труд. Без всякого сомнения, на это следовало бы жаловаться, но пока солнце взойдет, роса очи выест, а Сидоров газету съест.

Жаловаться не решились, а на Балабанова, который у нас считался дипломатом, способным мягко и тонко высказать все что нужно, было возложено щекотливое поручение предложить Сидорову 50 рублей в месяц жалованья за дополнительный труд по цензированию материала после 9 часов вечера. Предложение имело явно уголовный характер, но Балабанов его сделал, и Сидоров принял. И сам же он после этого предложил: мелкие, строго фактические заметки, не возбуждающие ни малейшего сомнения с цензурной точки зрения, можете печатать, вовсе мне их не посылая. Подобное соглашение существовало почти во всех подцензурных газетах; существовало и у нас до Сидорова, а теперь было восстановлено при нем. И с этих пор он стал гораздо мягче, и газета уже не чувствовала в такой степени, как прежде, мертвой тяжести его руки, хотя, конечно, до свободы было еще очень далеко. Таким образом, при помощи взятки, «Киевские отклики» получили своего рода конституцию.

С взяткой нам пришлось иметь дело еще один раз.

Измаил Александровский упорно наседал на нас, требуя избавления от обязанности ответственного редактирования. Мы по возможности тянули, но, наконец, это стало невозможным. Мы искали человека, который был бы невинным младенцем в полицейско-цензурном смысле и вместе с тем настолько порядочным, чтобы можно было без опаски возложить на него ответственное редакторство, как известно дающее над газетой

неограниченную власть, – во всяком случае, дающее редактору возможность в любой момент погубить газету (а следовательно, возможность делать грабительские набеги на ее кассу). Такого человека нашли. К сожалению, у меня совершенно вылетело из головы, кто это был. Но нашли и подали соответственное прошение в Петербург.

Месяц шел за месяцем, на прошение нет ответа. А Измаил волнуется и допекает нас; мы показываем ему пункт договора, что он обязан редактировать газету вплоть до неопределенного момента утверждения нового редактора; он отвечает угрозами репрессий (нужно признать, что он не привел этой угрозы в исполнение).

В это время в состав нашей издательской группы входил молодой помощник присяжного поверенного А. Д. Марголин (если не ошибаюсь, это тот самый Марголин, который ныне находится в Америке и имя которого часто встречается в газетах в связи с различными беженскими процессами). Этот Марголин сообщил нам, что в Петербурге имеется некто Кривошлык, что этот Кривошлык занимает видное место на службе в градоначальстве⁹⁹² и что к литературе он имеет двоякое отношение: во-первых, он редактор официальных «Ведомостей СПб. градоначальства», а во-вторых, имеет большие связи в Главном управлении по делам печати и за взятки обделывает там всякие литературные дела, причем за разрешение ответственного редактора провинциальной газеты у него имеется определенная такса: 300 рублей. Явиться к нему прямо – невозможно, но при нем состоит мелкий чиновник, хороший знакомый Марголина, который по дружбе с Марголиным это дело нам и обделает.

В конце ноября 1904 г. я переселялся в Петербург, и на меня было возложено поручение дать Кривошлыку взятку че-

992 М. Г. Кривошлык был редактором «Ведомостей СПб. градоначальства».

рез этого чиновника. Поручение в высшей степени неприятное, но... на то я родился в царской России и на то судьба сделала меня русским, да еще провинциальным журналистом, чтобы не воротить нос от подобных поручений.

К чиновничку явился с письмом (запечатанным) Марголина. Тот принял меня очень любезно, говорил о либерализме и доброте Кривошлыка, который сочувствует и всячески помогает печати, и назначил мне вторичное свидание через 3–4 дня. Я явился на свидание и получил заверение, что дело будет сделано. Я уплатил 300 рублей и ушел.

И действительно, не более чем через две недели ответственный редактор был утвержден.

Грязный осадок оставался на душе от всего этого дела, и чувствовалась грязь на руке от рукопожатия чиновника. К сожалению, дело имело еще эпилог, которого я совсем не ожидал.

Через несколько времени я где-то, чуть ли не просто на улице, встретил этого чиновничка.

– А что же мои сто рублей?

– Какие ваши сто рублей?

– Марголин мне писал, что Кривошлыку «Киевские отклики» дают 300, а мне – 100 рублей. Кривошлыку – вперед, а мне – когда редактор будет утвержден. Редактор утвержден.

– Я об этом ничего не знаю, Марголин мне об этом добавочном условии ничего не говорил, и в редакции у нас о нем не упоминалось. Напишите Марголину.

Больше с этим чиновником я дела не имел и не знаю, были ли уплачены ему 100 рублей. Во всяком случае, он их заслужил, так как дело было сделано именно им. Но роли Марголина я в этом деле не понимаю.

Когда мы взяли «Киевские отклики» в свои руки, то подписка и розница начали улучшаться довольно быстро. Цензор Сидоров замедлил их рост; тем не менее в конце лета наш тираж достигал 8000 экземпляров – цифра для тогдашней про-

винциальной газеты довольно значительная, хотя у «Киевлянина», как говорили, было в полтора-два раза больше. Но, к несчастью, объявления к нам не шли, и мы старались привлекать их крайним понижением таксы и даже широким печатанием даровых объявлений. В частности, не шли к нам в отдел объявлений покойники – самые выгодные объявители (не торгующиеся из-за таксы), составлявшие в «Киевлянине» очень заметную статью прихода. Объявления – вообще вещь очень консервативная, значительно более консервативная, чем читатели, и всякая новая газета очень долго должна обходиться без них. Это мы испытывали на себе. А одна подписная плата не в состоянии покрыть расходов при каком бы то ни было возможном тираже, по крайней мере, если она так низка, как была у нас (8 рублей в год; в «Киевлянине» – значительно выше).

Совершенно естественно, что наши 10 000 рублей, из которых 2000 пошли Александровским, быстро растаяли. Мы существовали в кредит, но нужны были наличные деньги. Удалось привлечь еще несколько пайщиков, в том числе А. Д. Марголина⁹⁹³, о котором я уже говорил. И этого было мало. Удалось сделать заем. На некоторое время хватило, хотя все время нам приходилось перебиваться, жить надеждами и ждать краха. Однако жили.

993 См.: «Политическим центром, где собирались мои близкие единомышленники и друзья, была газета “Киевские отклики”. Среди них были покойные И. В. Лучицкий, В. В. Водовозов (Мемуарист полагал, что он умер. – В. Г.) и М. Б. Ратнер, известные украинские деятели Н. П. Василенко и А. Ф. Саликовский. В состав сотрудников входили также С. Г. Лозинский, Д. П. Рузский, М. С. Мильруд, М. С. Балабанов (редактировавший одно время газету), Н. В. Калишевич, М. И. Эйшишкин (впоследствии редактор “Киевской мысли”), Н. С. Миркин и др. Жили мы в те времена дружно, тесной семьей, и не предвидели, что пути многих из нас потом разойдутся...» (Марголин А. Украина и политика Антанты. Берлин, 1922. С. 24).

С привлечением новых пайщиков наша издательская группа численно выросла. Всем понятно крайнее неудобство слишком многочисленных издательских компаний, особенно в столь малокоммерческих предприятиях, как были «Киевские отклики»: никто ведь не даст своей тысячи без того, чтобы не требовать себе доли влияния в редакционных делах, и чем коллегия многочисленнее, тем вероятнее коллизии интересов и мнений. Конечно, между нами на каждом собрании происходили горячие споры, но они всегда заканчивались соглашением, и, в общем, дело шло удивительно гладко и мирно, и это несмотря на наличие людей, как Лучицкий, с очень большим самолюбием и мелочностью характера, несмотря на наличие застарелого личного антагонизма между мной и тем же Лучицким. Объяснялось это, вероятно, двумя причинами.

Первой причиной был благоприятный исторический момент. Революционное настроение в обществе нарастало, и лозунгом этого настроения было одно отрицательное требование, выражавшееся в знаменитой «русской пословице»: долой самодержавие!⁹⁹⁴ Сходиться на почве отрицательного лозунга легче, чем положительного, а положительные лозунги черкал

994 См.: «...программа движения, – вспоминал В. А. Маклаков, – уместилась в двух словах – “Долой самодержавие”, которые из эвфемизма назывались “двухчленной формулой”, а по попавшему в печать простодушному донесению одного провинциального полицейского пристава были “известной русской поговоркой”» (Маклаков В. А. Власть и общественность на закате старой России: воспоминания современника / Вступ. статья, коммент. С. В. Куликова. М., 2023. С. 144); см. также: «Было время – и не так давно, – когда клич: долой самодержавие! казался слишком передовым для России. Но РСДРП Партия бросила этот клич, рабочие передовых отрядов подхватили его и разнесли по всей стране; в 2–3 года этот клич стал “народной поговоркой”» (Ленин В. И. Избирательная платформа РСДРП // Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1968. Т. 21. С. 179).

Сидоров. Его деятельность и была второй причиной нашей солидарности. Через год положительные лозунги развели нас по разным партиям.

В связи с «Киевскими откликами» имело место одно событие в моей личной жизни.

Помнится, в мае или июне, то есть месяца через два после перехода «Киевских откликов» в наши руки, Василенко выразил желание поговорить со мной по секрету.

– Я узнал, – сообщил он мне, – что в канцелярии генерал-губернатора получен запрос из Департамента полиции, правда ли, что в Киеве газета «Киевские отклики» куплена политически неблагонамеренной группой и что видную роль в этой группе играет Водовозов, многократно привлекавшийся к политическим делам и в настоящее время состоящий под негласным надзором полиции. Если это правда, то не сочтет ли генерал-губернатор желательным выслать Водовозова из Киева на основании принадлежащей ему власти⁹⁹⁵. Другими сло-

995 В письме министра внутренних дел В. К. Плеве на имя генерал-губернатора Н. В. Клейгельса от 23 мая 1904 г. с отметкой «конфиденциально» говорилось:

«По полученным из агентурного источника указаниям, издающаяся в г. Киеве ежедневная газета “Киевские отклики” перешла в заведование известного по своей политической неблагонадежности Василия Васильева Водовозова, о коем имеются следующие сведения:

Водовозов привлекался к дознанию по обвинению в издании и распространении революционных сочинений и, по Высочайшему повелению 30 января 1888 года, был выслан в Архангельскую губернию под гласный надзор полиции на пять лет, откуда, на основании Высочайшего повеления 25 июля 1891 года, переведен, ввиду расстроенного здоровья, в Самару, а в 1892 году ему дозволено отбывать остающийся срок надзора в С.-Петербурге. В 1898 году при производстве обысков и арестов в г. Киеве по делу “Южно-русского рабочего союза” Водовозов был подвергнут, в числе других лиц, обыску, коим ничего пре-

вами – приказ о вашей высылке. Мне обещано, что этот запрос будет задержан на несколько дней, но через несколько дней он будет без сомнения исполнен.

– Да правда ли это?

– Я не могу вам назвать мой источник, но достоверность его не подлежит ни малейшему сомнению.

Этот источник был для меня сразу совершенно ясен, и достоверность его и для меня не подлежала ни малейшему сомнению: это был Молчановский, правитель канцелярии (или помощник правителя) генерал-губернатора, поддерживавший дружеские отношения с Василенко и Лучицким.

Дело было очень неприятное.

– Что же мне делать?

– Я дам вам совет. Уезжайте, если можно, сегодня же, в крайнем случае завтра, в Дарницу (дачное местечко верст за 10 от Киева. – В. В.) или куда-нибудь в другое место за Днепром, то есть в пределы Черниговской губернии, и наймите там дачу. Оттуда будете приезжать сюда каждый день, числясь живущим в Черниговской губернии. Домой при этих приездах лучше не заходить.

Я решил исполнить совет. В это время я жил один; моя

ступного не обнаружено, и заключен под стражу, но вскоре освобожден и к дознанию по сему делу не привлечен.

Сообщая о сем и принимая во внимание, что Водовозов, находящийся в настоящее время в сношениях с проживающими за границей революционерами, несомненно будет стремиться дать противоправительственное направление руководимой им газете, имею честь покорнейше просить ваше превосходительство обратить внимание на деятельность названного Водовозова, причем являлось бы крайне желательным собрать такие факты о нем, которые могли бы послужить основанием к принятию в отношении его административных мер» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 228. ОО. 1900. Д. 996. Л. 25).

жена гостила в Саратове у сестры⁹⁹⁶. Я сейчас же ушел из редакции домой. В ближайшем соседстве со мной жила одна барышня, эсеровка, большая приятельница моей жены⁹⁹⁷, замещавшая ее в ее издательстве и торговле.

Ей я рассказал о моей неприятности. Она тотчас же вызвалась съездить в Дарницу и поискать мне там комнату, а я сам уложил чемоданы и ушел в редакцию. Под вечер я вернулся домой пораньше, получил адрес нанятой мне комнаты и с одним из вечерних поездов уехал, заявив дворнику, чтобы он меня выписал в Черниговскую губернию.

У меня дома оставалась прислуга – кухарка. Я велел ей готовить мне обед и носить его в судках в редакцию; знакомая же барышня приносила мне по мере надобности нужные книги из моей библиотеки. Таким образом я прожил все лето в Дарнице, действительно редко появляясь дома. Однако все же иногда это приходилось делать, а раза два-три, когда наши редакционные собрания заканчивались слишком поздно, приходилось даже ночевать дома.

Удивляет в этой истории меня то, что генерал-губернатор и Департамент полиции удовлетворились такой элементарной штукой. Не могли же они не знать, что я аккуратно каждый день, не исключая и воскресный (тогда газеты выходили и по понедельникам), провожу в редакции с утра до вечера, работая там и для газеты, и для других изданий, в которых я тогда сотрудничал (я вел тогда иностранную хронику в одесском еженедельном журнале «Южные записки», издававшемся Панкеевым, а кроме того, много работал в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона). Тем не менее мне это позволяли, и никаких неприятностей полицейского характера я не испытал.

В сентябре жизнь на даче стала невозможной; к тому же вернулась моя жена. Василенко, вероятно переговорив предва-

996 Л. П. Шейдакова вышла замуж за И. И. Гильгенберга.

997 Имеется в виду В. Э. Ваховская.

рительно с Молчановским, сказал, что теперь, по его мнению, я могу спокойно вернуться в Киев. Я это сделал и опять-таки никаких неприятностей не испытал.

Я прибавлю здесь еще несколько слов о цензоре Сидорове. Во время мировой войны он напечатал в «Голосе минувшего» свои мемуары, в которых изобразил себя цензором очень либеральным⁹⁹⁸. Мельгунов мне говорил, что он знал цензорскую деятельность Сидорова в другой период его жизни, в Москве, и тогда он мог считаться очень порядочным цензором, и что это расположило его принять с доверием мемуары Сидорова. Я других периодов не знаю, но утверждаю, что в своей киевской части мемуары Сидорова должны быть признаны совершенно неправдивыми; о других я не знаю.

Прошло еще несколько лет. В 1924 или 1925 г. в Праге в столовой Земгора ко мне подошел старичок, которого я не узнал.

– Кажется, господин Водовозов?

– Да.

– Сидоров, неужели не помните? Киевский цензор.

Таким образом, и цензор, и страдавший от него литератор оба оказались выброшенными революционной волной на другой берег.

Почти всегда люди, друг друга знавшие, встречаются через много лет с радостью, хотя бы прежде они были врагами. Так и мы встретились радостно и взаимно поведали друг другу вкратце свои одиссеи. Сидоров, оказывается, жил в Варшаве, а в Прагу приехал только на несколько дней. Но радости от встречи хватило очень ненадолго; у меня поднялась в душе

998 См.: Сидоров А. А. Из записок московского цензора, 1909–1917 // Голос минувшего. 1918. № 1/3. С. 93–114; В Киеве, 1904–1909: (Воспоминания бывшего цензора) // Там же. 1918. № 4/6. С. 221–229; В Киеве: (Из воспоминаний бывшего цензора) // Там же. 1918. № 7/9. С. 133–145.

волна прежнего возмущения, и я не мог воздержаться от нескольких попреков, сказанных в довольно раздраженном тоне.

– Не думаете ли вы теперь, что ваша деятельность, скрывая от общества правду – хотя бы о войне, вызывая своей произвольностью чувство общественного негодования, делала неизбежной революцию и в особенности наиболее отвратительные ее проявления? Не думаете ли вы, что именно вы сами – конечно, не индивидуально, а как представитель и деятель определенного течения, – ответственны за то, что мы теперь встретились с вами, как две щепки двух различных разбитых бурей кораблей?

Я совершенно не ожидал иного ответа, кроме решительно отрицательного. И был изумлен, когда Сидоров ответил мне почти полным согласием со мной.

– Да, – сказал он, – я много передумал и думаю теперь, что хотя полная свобода слова и невозможна, и нежелательна, но что деятельность цензуры была чрезмерна и во многих отношениях вредна.

Эти слова так меня тронули, что у меня не хватило уже жестокости продолжать разговор в начатом тоне, и мы расстались совершенно дружески.

В начале ноября 1904 г. в Петербурге возникла газета «Наша жизнь». Я получил приглашение взять в ней в свои руки иностранный отдел⁹⁹⁹.

999 Летом 1904 г. издатель газеты Л. В. Ходский, живший в своем имени в Бекове Саратовской губернии, ответил В. И. Семевскому, который рекомендовал В. В. Водовозова в качестве постоянного сотрудника «Нашей жизни», что считает отдел иностранной политики «очень важным, требующим для заведования хорошего знатока и современных политических отношений, и их истории, и внутренней политической жизни иностранных государств». Ему указывают несколько таких лиц, в числе которых упомянут и Водовозов, но хотя имя его, как и личность, «очень симпатично», смущает, что для этого он дол-

Предложение было соблазнительное, хотя мне было очень жаль расставаться с «Киевскими откликами», да и с Киевом, с которым я сжился и сросся за 9 лет пребывания в нем. После долгих колебаний и сомнений я решил принять его, но потребовал только отсрочки до конца ноября, так как на 20 ноября был назначен банкет по случаю 40-летия Судебных уставов¹⁰⁰⁰, и я должен был выступить на нем с речью. Но, как бы то ни было, мои отношения к «Киевским откликам» прекращались.

Я чувствовал некоторую неловкость, покидая их на исключительно трудном их пути, и боялся, что они отнесутся ко мне как к дезертиру. Но этого не случилось. Напротив, перед моим отъездом устроили в мою честь чаепитие и на нем поднесли мне золотые часы с соответственной надписью и речами, произнесенными Куперником и Василенко. Часы эти потом, во время революции в конце 1917 г., у меня были вырваны из кармана каким-то солдатом, когда я в переполненном вагоне железной дороги продирался через толпу солдат-дезертиров. Я хватился пропажи тотчас же, лишь только продрался через толпу к выходу из вагона, но сделать ничего не мог, не мог даже заподозрить какого-либо определенного

жен переселиться в столицу. Впрочем, 8 сентября Ходский сам обращается к кандидату: «Многоуважаемый Василий Васильевич. Основываясь на письме Василия Ивановича Семевского и предполагая, что содержание его Вам по существу известно, я полагаю, что Вы принципиально ничего не имеете против того, чтобы принять более или менее деятельное участие в затеянной мною газете. Если это так, то Вы сделали бы мне большое одолжение, если бы сообщили, на каких условиях Вы могли бы решиться перебраться в Петербург, чтобы сделаться членом редакции “Нашей жизни” в качестве заведующего иностранным отделом» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2538. Л. 6–7).

- 1000 Учреждение судебных установлений, Уставы уголовного и гражданского судопроизводства и Указ о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, были утверждены 20 ноября 1864 г. императорским указом Правительствующему сенату.

солдата; все они смотрели одинаково злыми глазами на буржуя.

Место мое в качестве иностранного обозревателя занял С. Лозинский, молодой человек, незадолго перед тем привлеченный в число пайщиков газеты (впоследствии этот Лозинский выпустил в свет в издании Ефрона дельную книгу: «История инквизиции»¹⁰⁰¹).

Во время еврейского погрома в 1905 г. «Киевские отклики» подверглись разгрому и вслед за тем принуждены были закрыться¹⁰⁰².

1001 См.: Лозинский С. Г. История инквизиции в Испании. СПб., 1914.

1002 «Киевские отклики» выходили до 21 января 1906 г., а затем газета издавалась под другими названиями («Отголоски жизни», «Киевские отголоски жизни», «Киевский голос»); последние номера вышли в июне 1907 г.

Глава VII. Союз освобождения и банкетная кампания в Киеве

В начале осени 1903 г., по возвращении из-за границы, Булгаков, Бердяев и я принялись за организацию местного Союза освобождения. Дело пошло на лад, несмотря на то что в Киеве не было земства, а состав городской думы был исключительно консервативным. Но адвокаты, профессора, железнодорожные и иные служащие, гимназические учителя и многие другие охотно пошли на наше предложение. В состав Союза вошли почти все будущие члены редакции «Киевских откликов» (Александровские, Григорий и Измаил, не вошли; не знаю, предлагали ли им) и многие другие. Отказался вступить в него популярный профессор кн. Евгений Трубецкой, так как журнал «Освобождение» занял в японской войне пораженческую позицию, которой он не сочувствовал.

Получался журнал «Освобождение» в довольно большом количестве экземпляров, рассылаемых в запечатанных конвертах, как простые письма, по различным адресам; пропадал сравнительно небольшой процент. Затем каждый экземпляр шел по рукам и зачитывался даже не до дыр, а до полнейшего уничтожения, что было неизбежно, так как экземпляры, предназначенные для пересылки в Россию по почте, печатались на исключительно тонкой, почти папиросной бумаге.

Как известно, в то же время за границей выходили еще два русских журнала: социал-демократическая «Искра» (под редакцией, в которую в первое время входил Ленин, потом – без него) и социал-революционная «Революционная Россия». Оба они, и особенно первый, проникали в Россию и, в частности, в Киев в еще более значительном числе экземпляров, и притом экземпляров, напечатанных на обычной бумаге и потому по внешности производивших гораздо лучшее впечатление, чем «Освобождение». Объяснялось это тем, что для доставки в Россию эти журналы не нуждались в таких кустарных приемах, но пользовались услугами обычных контрабандистов, тогда как мы не умели наладить настоящей массовой

контрабанды. Поэтому у каждого из нас, освобожденцев, обыкновенно бывал в руках всего один экземпляр «Освобождения», и мы не могли его продавать или раздавать, а могли только давать во временное пользование, записывая претендентов в известной очереди. Напротив, распространители двух других журналов имели их десятками и торговали ими.

Я хорошо помню одну барышню, потом ставшую женой младшего Вакара, которая вся так и «искрилась»: и в муфте «Искра», и под пальто «Искра», и за корсажем «Искра». Явление это стало к 1903–1904 гг. настолько общераспространенным, что Новицкий уже не мог угнаться за ним, и барышня, потом ставшая дамой и продолжавшая свою деятельность, долго таким образом бегала по Киеву совершенно безнаказанно.

Кроме задачи распространения журнала «Освобождение», которую наш местный Союз разрешал, таким образом, не вполне удовлетворительно, на нем лежало сообщение фактического материала, то есть писание корреспонденций. Эту задачу мы исполняли хорошо, – я думаю, лучше, чем искровцы и эсеры, потому что связи с правительственными сферами у нас были хорошие, и все, что делалось в них, всякие правительственные безобразия мы знали; но рабочую хронику эсдеки, конечно, вели лучше нас.

Осенью 1904 г. в кругах освобожденцев возникла мысль об устройстве банкетной кампании¹⁰⁰³. Где (географически) она возникла впервые – я не знаю¹⁰⁰⁴; она охватила как-то сразу

1003 Имеются в виду публичные собрания, организованные «Союзом освобождения» в ноябре – декабре 1904 г.; всего состоялось более 120 «банкетов» в 34 городах, в Петербурге – 20, 21, 28, 30 ноября и 2, 14, 30 декабря (см.: Крылова Е. Н. Банкетная кампания на страницах либеральной печати в 1904 году // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 7. С. 40–42).

1004 Первый банкет, на котором присутствовало более 650 человек, по поводу 40-летия судебных уставов прошел в Петербурге 20

все города России, где только были ячейки Союза освобождения, и не миновала и Киева. При мне было устроено в Киеве два банкета: один – в честь Короленко в связи с 25-летним его юбилеем¹⁰⁰⁵, другой – в связи с 40-летней годовщиной Судебных уставов. Особенно удачным вышел этот последний. Разрешение было дано оба раза при условии, чтобы присутствовали только лица по особому приглашению, – в это время, при Святополк-Мирском¹⁰⁰⁶, разрешения давались сравнительно

ноября 1904 г. под председательством В. Г. Короленко; см.: Наша жизнь. 1904. № 17, 22, 22, 27 нояб.

1005 Неточность: 25-летний юбилей литературной деятельности В. Г. Короленко отмечался в сентябре 1903 г., то есть до начала банкетной кампании.

1006 См. воспоминания И. В. Гессена: «Назначение князя Святополк-Мирского преемником Плеве последовало лишь 26 августа 1904 г., и его заявление при вступлении в должность 16 сентября, что внутренняя политика должна покоиться на доверии к обществу, было воспринято как отказ от политического абсолютизма убитого министра, как провозглашение “весны”. Усматривая в этом подтверждение правильности моего прогноза, я тотчас прервал свой отдых и в очень взволнованном состоянии выехал через Киев в Петербург. В Киеве я застал возбужденное настроение, провинция вообще была более непосредственна, более порывиста, и – скажу – более искренняя, чем холодный, рассудочный Петербург. Местная группа Освобождения – Н. Бердяев, С. Булгаков, В. Водовозов, кн. Е. Трубецкой – насчитывала много интересных и выдающихся представителей интеллигенции. <...>. Впервые видел я блестяще образованного государствоведа Водовозова, настоящего начетчика – ходячий справочник по государственному праву, – и справка давалась всегда с исчерпывающей обстоятельностью, и голос был обстоятельный, отчеканивающий и ударяющий на каждом слог. Партийные программы были его стихией, в которой он чувствовал себя как рыба в воде. По поводу его строгой принципиальности циркулировал в товарищеских кругах больше похожий на анекдот рассказ, как на пирушке в загород-

легко; были взяты большие залы в ресторане.

Слух о предстоящем банкете широко разошелся, и наплыв желающих был громадный; многим приходилось отказывать. Тем не менее было допущено человек 200: все сливки киевской интеллигенции – профессора, адвокаты, железнодорожники, инженеры и другие; десятка два человек проникли без приглашений. С одним из таких у меня вышло столкновение.

Придя на банкет в качестве одного из распорядителей заблаговременно, когда публика только начала собираться, я заметил вертевшегося субъекта с на редкость отвратительной физиономией. Я подошел к нему:

– Простите, у вас есть приглашение?

Он попытался уклониться от ответа, но должен был сознаться, что приглашения нет.

– В таком случае я вас решительно прошу уйти.

Сначала он попытался было не подчиниться, но на повторное приглашение ушел, выразив негодование на наш отвратительный бюрократизм.

Минут через пять, однако, я вновь увидел его, и повторилась та же история; он вновь ушел и вновь появился. У главного входа сидел контролер, проверявший приглашения; несколько минут спустя, когда публика валила густой толпой, прорваться без приглашения было можно, но в это время можно было пройти только каким-нибудь черным ходом. Так он и остался; я указал на него Василенко, который в свою очередь пробовал его удалить, но результат был тот же.

ном ресторане он серьезно просил эстрадную хористку, присевшую к нему на колени, оставить его, так как партийная программа Трудовой группы, к которой он принадлежал, не предусматривает такого случая. А исповеданием веры его была “четырёххвостка” – всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право» (Гессен И. В. В двух веках: Жизненный отчет // Архив русской революции. Берлин, 1937. Т. 12. С. 180).

Речей было много, все речи – очень определенные и все были в одну точку, которую можно срезюмировать лозунгом: долой самодержавие. Особенно блестящей по форме, хотя и наиболее умеренной и осторожной по содержанию была речь Евгения Трубецкого, хороша – речь Булгакова, слабее – речи Ратнера и Куперника. В числе других говорил и я¹⁰⁰⁷.

Когда был исчерпан список заранее намеченных нами ораторов, слово дали ораторам из публики. Это были по большей части молодые социал-демократы, которые пытались внести другую ноту и которая может быть сформулирована так: вы, собравшиеся здесь интеллигенты, – мразь; сделать вы ничего не можете, если не пойдете за пролетариатом; только в классовой борьбе и только пролетариатом может быть завоевана истинная свобода. Речи были слабы, хуже других говорил в этом духе Вова Вакар, решительно не обнаруживший ораторского дара, хотя в это время он был уже помощником присяжного поверенного. Публика начала расходиться, к тому же было уже около 1 часа ночи¹⁰⁰⁸.

1007 Пресса сообщала, что на затянувшемся далеко за полночь «ужине по подписке» с участием свыше 500 человек, проходившем в большом зале Литературно-артистического общества, с речами, которые «сопровождались и прерывались бурными аплодисментами», выступили профессора Киевского университета В. Я. Железнов, И. В. Луцицкий, кн. Е. Н. Трубецкой и Политехнического института В. Г. Бажаев, С. Н. Булгаков, Ю. Н. Вагнер, С. А. Иванов, присяжный поверенный Л. А. Куперник, помощник присяжного поверенного М. Б. Ратнер, литераторы В. В. Водовозов, И. М. Стешенко и др. (см.: Празднование 40-летия судебных уставов // Киевские отклики. 1904. № 324. 22 нояб.; К банкетам // Наша жизнь. 1904. № 20. 25 нояб.).

1008 Как докладывал 22 ноября 1904 г. начальник Киевского охранного отделения, «устроителями сего обеда» явились профессор Ю. Н. Вагнер и литератор В. В. Водовозов, которые и собирали подписи желавших принять в нем участие, число каковых до-

Дня через два после этого я собирался уезжать в Петербург, как вдруг получил приглашение явиться к генерал-губернатору. Драгомиров незадолго перед этим покинул генерал-губернаторский пост, и генерал-губернатором был пользовавшийся очень дурной репутацией Клейгельс¹⁰⁰⁹. Приглаше-

стигло 600. Хотя секретарь Литературно-артистического общества И. М. Стешенко заявил, что допустит в зал не более 360 записавшихся, за столами и на хорах оказалось еще до 200 человек: студентов, слушательниц зубоврачебных и фельдшерских школ, рабочих. Ораторами было произнесено до 15 речей политического характера, причем С. Н. Булгаков коснулся роли журнала «Освобождение», Водозовов «старался выяснить преимущество демократического образа правления», указывая на «необходимость требовать политической свободы», а Вагнер, призвав собрание «почтить память борцов, павших и пострадавших за свободу, вставанием», резюмировал общий итог речей: «1) «требовать созыва учредительного собрания народных представителей, выбранных прямым тайным голосованием всего народа, без различия состояния, пола и религии, для передачи в его руки управления страной и 2) предъявить требование немедленного освобождения и полной амнистии для всех политических». Уже после того, как собрание объявили закрытым, а председатель общества Н. П. Рузский удалился, Водозовов остановил публику, собиравшуюся разойтись, предложением голосовать за оглашенную Вагнером резолюцию, на что присутствующие ответили возгласами: «Согласны» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 230. ОО. 1902. Д. 600. Л. 18–21).

- 1009 Неточность: Н. В. Клейгельс был назначен киевским, подольским и волынским генерал-губернатором еще в декабре 1903 г., но С. Ю. Витте, характеризуя его «весьма ограниченным, малокультурным и гораздо более знающим природу жеребцов, нежели природу людей», тем не менее отмечал, что как человек он «был недурной и довольно комичный, комичный своей важностью», а «во время своего довольно кратковременного генерал-губернаторства ничего ни дурного, ни хорошего не сделал и местным населением если не был любим, то и не был ненавидим» (Витте С. Ю. Воспоминания: Царствование Николая II.

ние грозило опасностью высылки, и можно было уклониться от него, даже не ускоряя, а только не откладывая мой предположенный отъезд. Но у нас было заранее решено: в случае вызова к какой-либо власти вести себя открыто, имена официальных ораторов называть, от изложения их речей отказываться, свою речь каждый может излагать как хочет, неофициальных ораторов не называть.

Ввиду этого решения я с одобрения Василенко и еще нескольких товарищей по редакции решил не бежать, но предстать пред грозные очи генерал-губернатора. Все обошлось очень недурно.

Генерал-губернатор принял меня по форме очень любезно, не по-начальнически, а как доброго знакомого и начал с извинения, обнаружив при том весьма большую осведомленность в моих делах и намерениях.

– Вы меня простите, что я вас побеспокоил; вы, кажется, собирались уезжать в Петербург? Но мне хотелось знать именно от вас, что произошло на собрании 20 ноября, о котором ходят такие, вероятно, сильно преувеличенные слухи. Ведь вы, кажется, были одним из организаторов и распорядителей, а также и ораторов?

– Да.

– Так вот я и хочу осведомиться из первых рук. Скажите, пожалуйста (и далее продолжалось все в этом вежливом тоне. – *В. В.*), там были только приглашенные лица или также лица, не получившие личного приглашения?

– По общему правилу там были только приглашенные лица. Но был один человек, отказавшийся назвать свое имя, который приглашения не имел. Мы, распорядители, настойчиво просили его удалиться, но он отказался подчиниться нашему требованию. Тогда мы решили, что он, вероятно, приглашен вами для осведомления...

– Мною?! Что вы говорите! Зачем было мне его посылать?

– Ну так, значит, мы ошиблись; в таком случае, вероятно, генералом Новицким. Во всяком случае, не желая скрывать что бы то ни было ни от вас, ни от генерала Новицкого, мы решили его оставить, тем более что вывести его мы могли бы только силой, а устраивать скандал нам не хотелось.

– Нет, я никого не посылал. Были речи? Кто говорил?

Я перечислил официальных ораторов.

– Больше никто?

– Нет, еще оратора два-три, но я не знаю их фамилий.

– Значит, они не из ваших знакомых и приглашены не вами лично?

– Совершенно верно.

– А что говорил, например, князь Трубецкой?

– Простите, передавать чужие речи очень трудно, – очень легко изложить неверно, и в таком случае берешь на себя большую ответственность.

Генерал-губернатор не настаивал.

– А вы что говорили?

– Я говорил преимущественно о той полемике, которую в течение многих лет вел «Вестник Европы» с «Московскими ведомостями» по вопросу о совместимости судебных уставов с самодержавием¹⁰¹⁰, и, со своей стороны, доказывал правоту последних.

1010 Имеется в виду полемика о контрреформе 1889 г. Был создан институт земских участковых начальников с передачей им как административной, так и судебной власти в отношении крестьянства 37 губерний Европейской России; консервативные «Московские ведомости» приветствовали это отступление от реформы 1864 г., считая, что выборный независимый суд представляет угрозу для самодержавия, а либеральный «Вестник Европы» резко осуждал, полагая, что происходит восстановление сословного суда.

Мое изложение собственной речи было верно, но – *cum grano salis*¹⁰¹¹ и не совсем полно. Клейгельс, без сомнения имевший и до меня довольно полные и точные сведения о содержании речей, видимо, понял это и улыбнулся.

– Значит, слухи, что собрание имело характер антиправительственной сходки, преувеличены?

– Они не преувеличены, они просто не верны.

– Ну очень рад, очень рад. Я, значит, могу считать, что я теперь осведомлен из вполне достоверного источника.

В тоне звучала явная ирония, но слова были строго корректны. Простились мы как добрые знакомые, и я ушел благополучно.

В тот же день я рассказал эту беседу в редакции, а затем с вечерним поездом, тоже вполне благополучно, уехал в Петербург. Никого другого генерал-губернатор к себе по этому делу не вызывал, и никаких последствий банкет не имел. Недаром это была «весна» Святополк-Мирского¹⁰¹². А для общественно-

1011 с крупинкой соли (букв., лат.), т. е. с некоторой поправкой.

1012 Слова из стихотворения Ф. И. Тютчева «Графине Е. П. Ростопчиной» (1850) «...Как бы повеяло весною, Как бы запело о весне...» использовались как политическая метафора, см.: Ачкасов А. «Повеяло весною...»: Речи г. министра внутренних дел князя П. Д. Святополк-Мирского и толки о них в прессе. М., 1905. С. 27. Выступая за «искренне благожелательное и искренне доверчивое отношение к общественным и сословным учреждениям и к населению вообще», Святополк-Мирский разрешил проведение съезда земских деятелей (с участием 104 делегатов), резолюция которого от 8 ноября 1904 г. призывала к «участию народного представительства как особого выборного учреждения в осуществлении законодательной власти, в установлении государственной росписи доходов и расходов и в контроле за законностью действий администрации», к обеспечению свободы совести, вероисповедания, слова, печати, собраний и союзов, равенству личных, гражданских и политических прав, «проведению в жизнь принципа неприкосновенно-

го настроения этот банкет сделал очень много.

Банкетная кампания продолжалась и после моего отъезда; в течение первого полугодия 1905 г. было устроено еще, кажется, два банкета по разным поводам с таким же или даже более значительным успехом.

сти личности и частного жилища» (Резолюции, принятые земским съездом // Земский съезд 6-го и сл. ноября 1904 г. Краткий отчет. Paris, 1905. С. 16–17).

Глава VIII. Переезд в Петербург. – «Наша жизнь». – Союз освобождения в Петербурге. – Так называемый освободительский проект конституции

В конце ноября 1904 г. я приехал в Петербург. Приехал один, – жена не могла так быстро ликвидировать свое киевское издательство и осталась в Киеве; я сохранил за собой и квартиру. В Петербурге же я поселился временно у моей матери, хотя у нее не было для меня отдельной комнаты; жил в столовой. Впрочем, я только ночевал и по утрам до завтрака был дома; после завтрака уходил в редакцию «Нашей жизни», к обеду не поспевал, но возвращался часам к 7–8, наскоро один обедал и затем почти всегда уходил на какое-нибудь собрание.

Газета «Наша жизнь» была основана профессором финансового права и политической экономии Леонидом Владимировичем Ходским. Подал прошение он давно, чуть ли не за год. Но при Плеве получить разрешение было трудно. Ходского спрашивали, не будет ли его газета петербургским двойником «Русских ведомостей»; он отвечал, что у него свой план и своя программа. Наконец, уже в «весну» Святополка, Ходский получил разрешение и торопился пустить газету в ход, чтобы рекомендовать ее читателям перед новым (1905) годом.

В состав редакции Ходский пригласил С. Н. Прокоповича, Е. Д. Кускову, В. Я. Богучарского, В. В. Хижнякова, В. В. Португалова, Р. М. Бланка, М. А. Славинского, В. С. Голубева (перед тем редактора превосходного журнала «Саратовская земская неделя»), Л. М. Неманова и других; за исключением последнего, все названные лица входили в петербургский Союз освобождения, а большинство из них было хорошими личными знакомыми Ходского по Саратову, где у Ходского было имение. Эта группа пригласила меня и еще несколько лиц.

Первый номер вышел 1 или 2 ноября 1904 г.¹⁰¹³ Около того

1013 Неточность: № 1 газеты «Наша жизнь» вышел 6 ноября 1904 г.,

и Е. Д. Кускова вспоминала: «Передовая статья была написана в спокойном тоне; она сдержанно, но определенно характеризовала задачу газеты: газета должна была стать органом тех прогрессивных течений, которые наиболее активно стремились к участию общественных представителей в деле управления страной, к противоположению началу бюрократизма начал истинного самоуправления. Статьи были написаны, вся редакция была в ночь на 6 ноября в типографии и с волнением ждала рождения первого номера. Он родился, но... тут же был задущен гневным и дико-злым духом нашей жизни, для которого свободный дух и призывы “Нашей жизни” были нестерпимы. Номер был задержан цензурным комитетом, но незначительное число городских подписчиков газету получило и о ней уже говорили, когда к часу дня восходящее солнце “доверия”, это тусклое солнце чахлой весны, князь Святополк-Мирский освободил номер из-под ареста. На Невском проспекте в киосках огромные толпы народа расхватывали номер» (Кускова Е. Давно минувшее (6 ноября 1904 – 6 ноября 1906 г.) // Товарищ. 1906. № 106. 5 нояб.).

Ср.: «“Наша жизнь” – ежедневная газета, выходящая в С.-Петербурге с 6 ноября 1904 г. <...> “Наша жизнь” охотно давала место отдельным сотрудникам социал-демократам; ведя борьбу с партиями правыми, она никогда не нападала на левых. Ближайшими сотрудниками и членами редакции были С. Н. Прокопович, Е. Д. Кускова, В. В. Хижняков, В. Я. Богучарский, В. В. Водовозов, В. В. Португалов, П. Е. Щеголев, В. С. Голубев, Н. П. Ашешов, Д. А. Левин, А. М. Рыкачев, Л. М. Неманов, К. И. Диксон, И. В. Жилкин и др.; первые 4 скоро вышли из состава редакции, Ашешов вышел в дек. 1905 г. После № 1 “Наша жизнь” подверглась 1-му предостережению и запрещению розничной продажи; вскоре последовало 2-е, а в февр. 1905 г. – 3-е предостережение и запрещение на 3 месяца. 6 мая 1905 г. газета стала вновь выходить, но с обязательством представлять в сверстанном виде не позже 11 ч. вечера на просмотр в цензуру. Многие номера конфисковались, в других цензура запрещала отдельные статьи, иногда отдельные фразы и слова, зачеркивая не только фактические известия, но и перепечатки из

же времени вышел, тоже в Петербурге, также первый номер старой, но обновленной газеты «Сын Отечества», издателем которого отныне был Юрицын, фактическим редактором – известный специалист по вопросам городского и местного самоуправления Григорий Ильич Шрейдер, переселившийся для этого из Москвы в Петербург¹⁰¹⁴.

В обеих газетах главный состав редакции принадлежал к Союзу освобождения, и обе газеты поэтому считались освобожденческими. Но тем не менее между ними было отличие в оттенке. Сперва оно было едва заметным, потом, после октября 1905 г., стало явственным. «Наша жизнь» группировала у себя членов Союза освобождения преимущественно либо с ка-

других газет» (Водовозов В. Наша жизнь // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1906. Доп. т. 2. С. 254–255).

- 1014 Ср.: «18 ноября 1904 г. вышел № 1 обновленного “Сына Отечества”; редактором-издателем подписывался С. П. Юрицын, действительным редактором был Г. И. Шрейдер. Газета выходила без предварительной цензуры. <...> В числе его сотрудников было много членов Союза Освобождения. Уже за № 1 газета получила первое предостережение и запрещение розничной продажи. Эта кара усилила симпатии к газете, и она сразу стала расходиться в нескольких десятках тысяч экземпляров. После № 8 газета получила второе предостережение, а после 12-го № – третье, с приостановкой на 3 месяца и отдачей по возобновлению под предварительную цензуру. У С. П. Юрицына в запасе было разрешение на другую газету без предварительной цензуры – “Наши дни”, официальным редактором которой был Н. М. Неужин. В действительности и редакция, и состав сотрудников остались прежние. № 1 вышел 18 декабря 1904 г., последний, № 39, – 5 февр. 1905 г.; за это время газета получила 3 предостережения и запрещение розничной продажи. В марте 1905 г. возобновился “Сын Отечества”, с обязательством представлять в цензуру каждый № не позже 11 ч. вечера накануне выхода. Бывали месяцы, когда из 30 № конфисковались 15» (Водовозов В. Сын Отечества // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1907. Доп. т. 2а. С. 726–727).

детским (употребляю термин, тогда еще не существовавший), либо с социал-демократическим уклоном; однако я не мог считаться принадлежащим ни к тому, ни к другому уклону, – через два года я попал в народническую Трудовую группу. Напротив, «Сын Отечества» имел эсеровский уклон, а в конце 1905 г. даже и формально явился органом эсеровской партии¹⁰¹⁵.

Обе газеты сразу заняли место на крайнем левом фланге легальной печати, причем тон «Нашей жизни» был всегда несколько более сдержанным и, я позволю себе прибавить квалификацию, более серьезным (хотя и признаю субъективность этой квалификации); тон «Сына Отечества» – более радикальным, может быть, будет позволено сказать – более хлестким. «Наша жизнь» предпочитала передовые статьи длинные и основательные, занимавшие по 1½–2 столбца, типа передовых статей «Русских ведомостей», вызывавших немало насмешек по их адресу. «Сын Отечества» ввел в моду коротенькие, строк в 30–40, передовые статьи, в которых мысль высказывалась ярко, резко, но догматически, без доказательств. «Сын Отечества», в общем, был живее, «Наша жизнь» – суше.

Сильно отличались у нас и внутренняя организационная сторона, и материальная основа. «Сын Отечества» управлялся, сколько я знаю, в первое время единоличной властью Г. И. Шрейдера, при наличии совещательного редакционного совета. У нас был довольно многочисленный (человек 15–20) редакционный комитет, и управлялись мы республиканским образом, то есть фактический редактор выбирался редакционным комитетом из своего состава закрытой подачей голосов.

Сам Ходский был издателем, ответственным редактором,

1015 Ср.: «С ноября 1905 г. редактором начал подписываться Шрейдер, Юрицын – только издателем. 15 ноября 1905 г. в состав редакции вошли, кроме Шрейдера, Н. Кудрин Русанов, В. Мякотин, А. Пешехонов, В. Чернов. Газета стала органом партии социалистов-революционеров» (Там же).

членом редакционного комитета, но не редактором. Однако и в качестве основателя и издателя газеты, и в качестве ответственного редактора, отвечающего перед цензурой, он сохранил за собой право неограниченного вето как на избрание редактора и приглашение новых сотрудников, так и на статьи. Человек он был, безусловно, вполне порядочный, но характер у него был не особенно приятный. На всякое предложение у него всегда первое душевное движение было ответить: нет, не согласен. Тогда с ним приходилось спорить, долго и трудно, но в конце концов обломать его всегда было можно, притом легче в беседе с глаза на глаз, чем при коллективном обсуждении. Для коллегиальной работы это был человек не скажу совершенно не подходящий, но тяжелый и неудобный, а между тем он сам же пригласил редакцию на основе коллегиальности. При этом чувствовалось и расхождение в политических взглядах: редакция была гораздо радикальнее Ходского, которого политическое место было на самом правом фланге кадетов или даже правее – где-нибудь в Партии мирного обновления¹⁰¹⁶ (формально он никогда ни к какой партии не принадлежал и, по своей недисциплинированности и индивидуализму, принадлежать не мог бы).

Вначале Ходский принимал очень деятельное участие в делах редакции. Днем работал в редакции, по ночам сидел в типографии, а так как в то же время он был профессором в нескольких учебных заведениях, то скоро утомился. К тому же и

1016 Прогрессивная партия мирного обновления, организовавшаяся в июне 1906 г. из левых октябристов и правых кадетов как фракция в 1-й Государственной думе, была официально зарегистрирована в октябре под названием «Общество мирного обновления»; сторонница конституционной монархии с двухпалатным парламентом; печатные органы: газеты «Слово» (редактор М. М. Федоров) и «Московский еженедельник» (редактор кн. Е. Н. Трубецкой); см.: Водовозов В. Партия мирного обновления // Товарищ. 1906. № 31, 32. 10, 11 авг.

вообще он был не очень работоспособный человек, сам себя называл «человеком утренней работы»; к вечеру он всегда сильно уставал и работал через силу. Через полгода такого напряжения он устал и сравнительно мало обращал внимания на газету. Но газетный зуд в нем остался; он мечтал о новых газетных предприятиях, о вечерней газете, о газете для рабочих, делал попытки основания таковых¹⁰¹⁷, а когда «Наша жизнь» (или, точнее, ее заместительница) в 1907 г. погибла¹⁰¹⁸, то он хлопотал об основании новой газеты и действительно добился своего¹⁰¹⁹.

До моего приезда обязанности фактического общего редактора исполнял сам Ходский. Вскоре после моего приезда нам было предложено выбрать такового. Мы почти единогласно избрали Прокоповича. Но между Прокоповичем, с которым Ходский был хорошо знаком раньше и которого сам пригласил в редакцию, и Ходским к этому времени пробежала черная кошка. Поэтому Ходский прямо выразил крайнюю обиду:

– Я, конечно, сам желал выборов редактора, но считаю крайне обидным, что вы, зная, что я недоволен Прокоповичем, выбрали именно его в пику мне. Я не могу его утвердить.

Но после долгих разговоров утвердил.

1017 Имеются в виду основанные Л. В. Ходским ежедневная общедоступная политическая, литературная и общественно-экономическая газета «Столичная почта» (1 октября 1906 – 4 марта 1908) и еженедельное литературно-общественное и научное приложение к ней «Иллюстрированный еженедельник» (1907 – 16 февраля 1908).

1018 Приговором Петербургской судебной палаты от 17 августа 1906 г. «Наша жизнь» была запрещена, и ее подписчикам высылались политическая, литературная и экономическая газета «Товарищ» (1 апреля 1906 – 30 декабря 1907).

1019 Имеется в виду политическая, литературная и экономическая газета «Наш век» (1908. № 961–968. 1–10 января), продолжавшая нумерацию «Нашей жизни».

Надо сознаться, однако, что прав в этом случае был Ходский, а не мы. Крупный ученый, серьезный экономист, Прокопович был мало пригоден в редакторы газеты; он слишком для нее тяжеловесен и, может быть, слишком серьезен, а кроме того, недостаточно мягок в обращении с сотрудниками и не всегда достаточно терпим к чужим мнениям. Он скоро сам это понял и не только сложил с себя звание редактора, но и почти перестал бывать в редакции, время от времени присылая в нее свои всегда в высшей степени ценные статьи. Зато большую живость и отзывчивость, вообще чисто газетный темперамент, обнаруживала его жена, Екатерина Дмитриевна Кускова, до конца бывшая душой газеты, хотя никогда не занимавшая места редактора.

Редакторами у нас были в разное время (не помню, в каком порядке) Бланк, Богучарский, Португалов¹⁰²⁰.

Сильно отличались две газеты («Сын Отечества» и «Наша жизнь») также по своей материальной основе. Юрицын был богатый человек, и значительную часть своего богатства, говорят – не менее 100 000 рублей, он вложил в газету. Напротив, Ходский был профессор и, сверх того, помещик, но помещик третьей руки Саратовской губернии, имение которого давало совершенно ничтожный доход. Жил он всегда очень скромно, делал сбережения и теперь решил эти сбережения – не знаю, все ли или часть, – вложить в газету. Это составляло капитал в 20 000 рублей.

Если в Киеве 10 000 были ничтожной суммой, с которой начинать газету было очень рискованно, то в Петербурге 20 000 рублей были суммой, с которой в обычное время начинать газету было смешным безумием. Ведь тут надо выдерживать

1020 Официальными редакторами газеты «Наша жизнь» состояли: с 6 ноября 1904 г. Л. В. Ходский и А. Н. Котельников (№ 1–349), с 22 января 1906 г. В. В. Водовозов (№ 350–423), с 20 апреля 1906 г. Д. А. Левин (№ 424–456), затем К. И. Диксон (№ 457–494).

конкуренцию таких богатых органов, как «Новое время» и «Новости»¹⁰²¹ (а в этот момент – хотя бы и «Сына Отечества»); тут нельзя обойтись без собственных телеграмм, как из России, так и из-за границы, без хорошо поставленного и очень дорого обходящегося репортажа, без настоящих корреспондентов с театра военных действий и т. д.

Но в том-то и дело, что время было не обычное. Революция чувствовалась в воздухе, война велась, и контингент читателей возрос в небывалой степени; этого контингента хватило с избытком на две новые газеты. Первый номер разошелся в розничной продаже в каком-то небывалом до тех пор числе экземпляров¹⁰²², – и не разошелся в еще большем только потому, что не ожидавшая такого спроса типография не могла напечатать больше. Второй номер разошелся, конечно, меньше, но все-таки очень сильно; объявления к нам пошли, и таким образом с первого номера газета окупалась и стояла вполне прочно на собственных ногах. Не знаю, бывали ли когда-нибудь в России подобные случаи. Цифра нашего тиража сильно колебалась, но всегда выражалась несколькими десятками тысяч экземпляров.

Нужно заметить, правда, что газета была обставлена

1021 Полное название издания – «Новости и биржевая газета».

1022 См. письмо М. Горького, адресованное Е. П. Пешковой, от 7 ноября 1904 г.: «“Наша жизнь” была утром 6-го арестована Зверевым (Начальник Главного управления по делам печати. – В. Г.). Мирский в 3 ч. снял арест, было продано около 40 тысяч, издание повторено». 12 ноября Горький продолжил тему: «К “Нашей жизни” отношение удивительно трогательное! В контору нельзя попасть, ибо на лестнице и на панели стоят сплошной массой люди, жаждущие жизни. В день запрещения розницы 10 ноября подписка сразу поднялась на 1263, на другой день на 3489, провинция подписывается по телеграфу. Ходский махает руками и уверен, что его сошлют в Сибирь» (Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М., 1998. Т. 4. С. 171, 174).

очень скромно и делать большие траты, хотя бы на свое улучшение, не позволяла. Фактический редактор получал у нас 300 рублей жалованья; правда, сверх того он имел право на построчный гонорар, но, занятый по горло редакцией, писать почти не имел возможности. Я получал 200 рублей, причем гонорара за статьи в своем отделе не получал, – получал его только за статьи в других отделах, каковые писал довольно редко. В таком же роде были и другие вознаграждения. Корреспондентом на театре военных действий, и корреспондентом превосходным, у нас был тогда еще очень молодой и очень талантливый человек – Рыкачев (сын известного академика, впоследствии, в мировую войну, пошедший добровольцем и убитый в одном из первых сражений). Цифры его вознаграждения я теперь не помню, но помню, что оно поражало своей незначительностью в сравнении с вознаграждением в других столичных газетах, не говоря уже о старых и прочных, но и в таких, как «Сын Отечества».

Итак, газета стояла прочно на своих ногах, но только три месяца – до 5 февраля 1905 г. В этот день она, как и «Сын Отечества», была запрещена на 3 месяца. Когда газета запрещена, то доходы ее прекращаются совершенно; деньги, полученные за объявления, надо возратить, подписчиков надо вознаграждать, а расходы если и не в полном объеме, то в значительной части сохраняются. За квартиру надо платить по-прежнему, типографию надо убогатворить, постоянных сотрудников нельзя вышвырнуть на улицу. Нам, членам редакции, Ходский предложил за время запрещения платить жалованье в размере двух третей; мы нашли это предложение в высшей степени благородным и приняли без разговоров.

С этих пор материальное положение газеты пошатнулось. Пришлось сделать большие долги. После возобновления редкую неделю газета не подвергалась конфискации хотя бы раз, а то и два, и три в неделю. Это наносило все новые и новые удары, долги газеты росли. Затем начались судебные процессы, газета была запрещена и возобновилась под другим име-

нем¹⁰²³. Все это стоило больших денег. Долгое время газета жила кредитом, созданным в первые месяцы благополучия, но в конце концов он был исчерпан и газета погибла. Об этом – потом.

Моя литературная работа не ограничивалась в это время «Нашей жизнью». Иногда (редко) я посылал статьи в «Киевские отклики», продолжал вести из Петербурга иностранное обозрение в одесских еженедельных «Южных записках» (хотя этой работой тяготился и считал ее нецелесообразной, так как она запаздывала, но Панкеев не отпускал меня¹⁰²⁴), писал в «Праве» и в некоторых других органах: вообще этот период 1904–1906 гг. был в моей литературной деятельности количественно особенно продуктивным. Написал я несколько брошюр – о всеобщем избирательном праве, о пропорциональной избирательной системе (к которой я относился отрицательно), позднее, когда цензурные условия стали лучше, – об учредительном собрании и др., всего более 10 брошюр. Большая их часть была издана «Донской речью» Парамонова, некоторые – другими издательскими фирмами¹⁰²⁵. Первая из названных бро-

1023 С 15 декабря 1905 г. по 21 января 1906 г. вместо «Нашей жизни» выходила ежедневная газета «Народное хозяйство» (№ 1–31) под редакцией сначала В. С. Голубева, а затем В. В. Водовозова (с № 23).

1024 15 февраля 1905 г. В. В. Водовозов писал К. М. Панкееву: «Многоуважаемый Константин Матвеевич. Я еще раз настойчиво прошу об отставке. Я слишком хорошо знаю, что я веду отдел в “Южных записках” не так, как следует, и эта работа не доставляет мне в настоящее время ни малейшего удовлетворения и поэтому она для меня делается тяжелой» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2673. Л. 5).

1025 См.: Всеобщее избирательное право на Западе. Ростов-на-Дону: «Донская речь» Парамонова, 1905; Проект избирательных законов в Учредительное собрание и парламент. Ростов-на-Дону: «Донская речь» Н. Парамонова, 1905; Избирательное право в Европе и России. СПб.: Акц. общ. Брокгауз –

шюр (о ней я говорил выше) разошлась почти в 100 000 экземпляров.

Кроме того, я время от времени читал доклады и публичные лекции, легально и нелегально, и работал в Союзе освобождения.

В петербургском Союзе освобождения еще ранней осенью возникла мысль о выработке русского проекта конституции. Конечно, никто не думал, чтобы проект когда-либо мог быть конкретно осуществлен; предполагалось, что он будет государственно-правовой программой Союза освобождения и явится агитационным орудием.

Мысль петербуржцев встретила сочувствие в московском Союзе освобождения; я был приглашен принять участие в работе, хотя жил тогда еще в Киеве¹⁰²⁶.

Я съездил из Киева в Петербург и Москву – помнится, это было в сентябре 1904 г., – и участвовал в собраниях кружков, петербургского и московского. Конечно, это не были Союзы

Ефрон, 1906, и др.

1026 27 октября 1904 г. В. В. Водовозов выступил в Литературно-артистическом обществе с рефератом, о содержании которого начальник Киевского охранного отделения сообщал: «Набросав общий очерк организации выборов в государственные учреждения в некоторых западноевропейских государствах, он перешел к вопросу о том, как должны быть организованы выборы во всероссийский парламент, и доказывал, что избирательное право в России должно быть всеобщее, прямое, с тайной подачей голосов». Как указывалось в «полученном агентурным путем» письме одного из слушателей реферата, Водовозов говорил, что в такой момент, как теперь, «стыдно не быть подробно знакомым с избирательным правом», и публика, а ее собралось «тьма, вся мыслящая», состоявшая в большинстве из молодежи, слушала «с напряженным вниманием», наградив лектора аплодисментами (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 230. ОО. 1902. Д. 600. Л. 13–14, 16–17).

освобождения в полном составе; это были выделенные ими комиссии. В петербургской комиссии наиболее видными участниками были Владимир Матвеевич Гессен и Н. Ф. Анненский; появлялся в нем и Иосиф Владимирович Гессен, но редко. Московский был более многолюден и более деятелен. В нем усиленно работали Ф. Ф. Кокошкин, П. Н. Новгородцев, С. А. Котляревский, И. И. Петрункевич, Гр. И. Шрейдер.

Шрейдер занимал совершенно особенное место: он был секретарем московского Союза освобождения, притом секретарем на жаловании, – явление совершенно исключительное в нелегальных партиях и организациях, и всего себя отдавал делу Союза; поэтому он был членом комиссии *ex officio*¹⁰²⁷. В ноябре Шрейдер отказался от секретарства и, как я уже говорил, переехал в Петербург; вместе с тем он стал членом петербургской комиссии. Принимал, хотя не постоянное, участие в московской комиссии живший тогда в Ярославле Дмитрий Иванович Шаховской. Я был посредником между петербургской и московской комиссиями.

Наша задача была выработать проект конституции и избирательного закона Российской империи, а также объяснительные записки к ним. Основные принципы – свободы, парламентаризм, всеобщее избирательное право, равноправие национальностей, широкое развитие местного самоуправления – были безусловно общими для всех освобожденцев и ни малейших споров не возбуждали. Не возбуждало споров и то, что проект должен быть приноровлен к существовавшим тогда условиям; о республике никто еще практически не думал, и конституция должна была быть монархической.

Но был один вопрос, вызывавший большие споры: вопрос о двухпалатности. Москвичи – кажется, все (если память меня не обманывает, не исключая и будущего эсера Шрейдера) – были сторонниками двухпалатности; петербуржцы, в особен-

1027 по должности (лат.).

ности Анненский, но также и Гессен, и другие, – однопалатности. Я был сторонником двухпалатности.

Вопрос о женском избирательном праве тогда мало еще кого интересовал, и хотя в Петербурге Анненский, в Москве Котляревский высказывались за его введение в наш проект, но не настаивали и легко уступили большинству, считавшему преждевременным возбуждать этот вопрос, еще не поставленный жизнью и только чисто теоретически разрешаемый в положительном смысле левыми партиями.

Вопрос о пропорциональной выборной системе ни разу никем не был даже поднят; все будущие горячие сторонники пропорции, как Кокошкин, Котляревский и другие, тогда еще были сторонниками мажоритарной системы¹⁰²⁸; а пропорционалисты тогда имелись только в рядах двух левых партий и, вероятно, потому только, что она была установлена в программе немецкой социал-демократии; в России же в их рядах положительно не было ни одного человека, сколько-нибудь знакомого с вопросом. Единственный известный мне пропорционалист в рядах Союза освобождения, П. Н. Миллюков, в выработке нашего проекта участия не принимал.

Затем, как всегда, возникла масса частных вопросов, до способа формулировки статей конституции и мотивировки в объяснительной записке, вызывавших споры как внутри каждой комиссии, так и между комиссиями в целом. Работа была разделена по отделам между двумя комиссиями, а когда накапливалось достаточно материала, то являлась надобность для согласования петербургской и московской работы, и я ехал в Москву. В течение зимы 1904–1905 года таких поездок я совершил 6 или 7, по большей части на один, иногда на два-три

1028 При мажоритарной выборной системе побеждают получившие большинство голосов, а при пропорциональной мандаты распределяются пропорционально количеству полученных голосов.

дня, реже больше; иногда соединял с этой поездкой прочтение какого-нибудь доклада. Особенно охотно ездил я после 5 февраля, когда газета «Наша жизнь» бездействовала и я не должен был отрываться от газетной работы. Раза два бывал в Петербурге для той же цели Шаховской. В Москве в это время у меня было постоянное пристанище – квартира (в университете) Владимира Ивановича Вернадского, с которым я был очень дружен и который (вернее, его жена) отличался большим гостеприимством¹⁰²⁹. У него всегда останавливались в Москве П.

- 1029 Например, 20 февраля 1903 г. Московское охранное отделение докладывало: «...Негласный поднадзорный Василий Васильев Водовозов прибыл 18-го числа сего февраля в Москву и остановился у приват-доцента Московского университета Владимира Иванова Вернадского, проживающего вместе с женой своей Наталией Георгиевой в доме Писемской, по Борисоглебскому переулку. Вечером того же числа Водовозов посетил известного Департаменту полиции присяжного поверенного Ивана Николаева Сахарова, а затем отправился в Художественно-литературный кружок (дом Елисеева, Тверская), где в присутствии более трехсот слушателей, членов помянутого кружка и гостей, явившихся по их запискам, прочитал свой реферат “Место печати в обществе”, в котором сделал очерк исторического развития публицистической литературы. С собрания Водовозов вместе с женой вышеупомянутого Сахарова, Марией Петровой, дочерью его Татьяной Ивановой и ее теткой Марией Николаевой Сахаровой вернулся к последним на квартиру – в дом Шиловского по М. Дмитровке, где и ночевал. На следующий день Водовозов, побывавши у Вернадских, посетил на два часа кандидата прав юридического факультета Московского университета Павла Иванова Новгородцева, живущего вместе с женой Лидией Антоновой в меблированных комнатах Троицкой (дом Гагарина, Никитские ворота), взял свои вещи в доме Писемской и почтовым поездом Николаевской железной дороги выехал в Петербург» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 228. ОО. 1900. Д. 996. Л. 18). Водовозов собирался, видимо, прочесть упомянутый реферат в Киеве, но 30 января на запрос губернатора, не имеется ли «ка-

Н. Милюков, Дмитрий Иванович Шаховской, иногда также В. Г. Короленко.

В конце концов удалось столкнуться по всем вопросам, в том числе и по самому трудному: по вопросу о двухпалатности, в котором Анненский и Гессен уступили. Наша верхняя палата должна была выбираться земствами, избираемыми всеобщим прямым голосованием; таким образом, она не нарушала начала демократизма, лежавшего в основе всего проекта и последовательно в нем проведенного.

К весне работа была закончена и выпущена в свет за границей издательством «Освобождение», притом сразу в двух изданиях: кратком, дававшем только текст проекта¹⁰³⁰, без объяснительной к нему записки, и полном, с запиской¹⁰³¹. Первое издание было, пожалуй, лишним: особенную цену нашей работе придавала именно эта записка. Затем, после 17 октября, этот проект – к сожалению, тоже без записки – был перепечатан в сборнике «Конституционное государство»¹⁰³²,

ких-либо сведений, указывающих на нравственную или политическую неблагонадежность» лектора, приглашенного на «литературное утро» 2 февраля с докладом «Очерк истории книгопечатного дела», начальник Киевского губернского жандармского управления В. Д. Новицкий ответил: «Принимая во внимание вообще его политически неблагонадежное направление, разрешение ему чтения лекции при массе лиц разных оттенков было бы безусловно нежелательным» (Там же. Оп. 91. 3 д-во. 1893. Д. 140. Л. 242–243).

- 1030 Проект основного закона Российской империи: выработан Комиссией Бюро общеземских съездов / Предисл. П. Струве. Paris: Изд. ред. «Освобождения», 1905. (Материалы по выработке русской конституции. Вып. 3).
- 1031 Основной государственный закон Российской империи. Проект русской конституции, выработанный группой членов «Союза Освобождения». Paris, 1905.
- 1032 См.: Проект основного закона Российской империи // Конституционное государство: Сб. ст. СПб., 1905. С. 342–366.

изданном редакцией «Права».

Проект этот в печати обыкновенно называется «освобожденческим». Это название не точно: он никогда не подвергался обсуждению ни на пленарных заседаниях какого бы то ни было (петербургского ли, московского ли или другого) Союза освобождения, ни на общих съездах его; он не был напечатан в журнале «Освобождение» как редакционный. Формально он был делом только двух комиссий, не более. Но *de facto* он, вероятно, правильно отражал тогдашние мнения подавляющего большинства Союза и в этом – не формальном – смысле имел право на свое ходячее название. В качестве именно такого он подвергался сердитым нападкам со стороны социал-демократов.

На одной моей лекции в Москве, на которой я говорил о каком-то общем государственно-правовом вопросе и освобожденческого проекта даже не коснулся, один из моих оппонентов, социал-демократ, подверг его разному, причем, между прочим, ставил ему в упрек, что он будто бы составлен под сильнейшим влиянием дворянской «Русской правды» Пестеля¹⁰³³ (которая тогда еще не была напечатана¹⁰³⁴, никому из участников двух комиссий не была известна и ни разу ни на

1033 «Русская правда, или Заповедная государственная грамота великого народа российского, служащая заветом для усовершенствования государственного устройства России и содержащая верный наказ как для народа, так и для временного верховного правления» – программный документ тайного Южного общества декабристов, принятый его управами в 1823 г. и поименованный так в 1824 г., согласно которому в России, провозглашаемой единой и неделимой республикой, высшая законодательная власть передавалась однопалатному Народному вечу, исполнительная – Державной думе (в составе 5 человек, избираемых Народным вечем на 5 лет), а контрольная, или «блюстительная», – Верховному собору.

1034 См.: Пестель П. И. Русская Правда. Наказ Временному верховному правлению. СПб., 1906.

одном из заседаний, на которых я, по крайней мере, присутствовал, не упоминалась).

Мне случилось перечитать наш проект лет через 15 после его составления, когда все те впечатления, под которыми он составлялся, изгладились и когда к нему можно было относиться вполне объективно. И позволю себе сказать, несмотря на мое личное деятельное участие в его выработке, что на меня он произвел впечатление работы очень серьезной, очень глубоко продуманной. В зависимости от личных убеждений можно, конечно, к отдельным постановлениям проекта относиться отрицательно; можно его осуждать, с одной стороны, за сохранение монархии, с противоположной – за парламентаризм; можно осуждать за двухпалатность или, наоборот, за демократический характер верхней (как и нижней) палаты, за отсутствие женского голосования или пропорционализма и, наоборот, за всеобщее избирательное право, – но нельзя не признать, что определенная либерально-демократическая система государственного права проведена там последовательно, мотивирована очень серьезно и что весь проект мог служить хорошо выработанной платформой политической партии, рассчитанной не на революционное завоевание, а на вынужденную уступку власти. Я думаю, что для всякого изучающего государственное право прочтение этого проекта и сейчас может быть очень полезно.

Укажу на одно любопытное совпадение. Нижняя палата в нашем проекте была названа государственной думой, верхняя – государственным советом¹⁰³⁵. Если последнее название было

1035 Неточность: в проекте говорилось, что «Верховная власть Российской Империи осуществляется Императором при участии Государственной Думы, состоящей из двух палат: Палаты Народных Представителей и Земской Палаты», т. е. соответственно нижней и верхней (см.: Основной государственный закон Российской империи. Проект русской конституции, выработанный группой членов «Союза Освобождения». С. 1).

заимствовано от существовавшего уже тогда учреждения, то первое было придумано Кокошкиным и принято проектом. Затем оно было усвоено правительственным актом, по всей вероятности – независимо от нас, так как никаких следов знакомства с нашим проектом у составителей закона о Государственной думе (ни булыгинского¹⁰³⁶, ни виттевского¹⁰³⁷) заметить нельзя.

В нашем проекте избирательный закон и объяснительная к нему записка¹⁰³⁸ написаны были мной и подверглись сравнительно незначительному изменению в комиссиях.

- 1036 Речь идет о проекте учреждения Государственной думы как представительного законосовещательного органа с положением о выборах в нее, который был подготовлен совещанием под председательством министра внутренних дел А. Г. Булыгина и утвержден высочайшим Манифестом 6 августа 1905 г.
- 1037 Имеется в виду Манифест 17 октября 1905 г. об усовершенствовании государственного порядка, подготовленный под руководством председателя Комитета министров графа С. Ю. Витте, об учреждении Государственной думы как законодательного органа и даровании населению «незыблемых основ гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов».
- 1038 См.: Избирательный закон; Объяснительная записка // Основной государственный закон Российской империи. С. 35–44, 45–76.

Часть IV. Первая революция и ее ближайшие последствия

Глава I. 9 января 1905 г. – Священник Гапон. – Арест В. И. Семевского. – Запрещение «Нашей жизни» и «Сына Отечества». – Моя поездка в Москву. – Киев

Война с Японией продолжалась, неудача следовала за неудачей. Недовольство народа правительством, упорно длящим войну, смысл и цель которой были непонятны, росло и наконец проявилось в Петербурге событием, оставшимся в истории либо под хронологической датой 9 января 1905 г., либо под политически окрашенным названием «кровавого воскресенья».

Событие это было многократно описано и в существенных чертах известно хорошо, хотя некоторые вопросы, с ним связанные, до сих пор не вполне ясны; в том числе на личность главного его деятеля, священника Гапона, окончательный взгляд не установился, – да вряд ли когда-нибудь и установится: слишком сложна и противоречива его деятельность, хотя его личность, вероятно, довольно элементарна. Большинство писавших о нем после его смерти склонны характеризовать его одним словом: «provokator», «полицейский наемник», «грубый эгоист» и тому подобное. Несмотря на то что есть много, к сожалению – слишком много, фактов, которые можно привести в оправдание такой характеристики, я до сих пор не могу отделаться от того обаяния, которое он в свое время производил на всех его издавших, в том числе и на меня, и думаю, что такая характеристика слишком проста и не охватывает всего человека.

Я был на трех или четырех рабочих собраниях, на которых выступал Гапон; только один раз мне удалось поговорить с ним лично в течение нескольких минут, но не этот краткий разговор, а его речи к рабочим, его наружность, его пафос произвели на меня незабываемое впечатление.

– Клянитесь, братья, пролить свою кровь до последней капли, чтобы рабочему человеку жилось на Руси, как подобает человеку, – говорил он, поднимая крест.

– Клянемся, клянемся! – гудела толпа.

«Петр Амьенский», – вставало у меня в голове историческое воспоминание.

Нет, это не был провокатор, эта сцена не была заранее разучена и подготовлена в полицейском участке, или... или на свете нет ничего искреннего и верить нельзя никому. Это же действительно вдохновенный пророк, человек глубоко религиозный, глубоко верующий и в Евангелие, и в свое дело. Позднее... да, позднее он был шпионом и провокатором, но тогда – тогда дело другое. Значит, по крайней мере, его глубокая вера была не так уж глубока, если она не выдержала нескольких испытаний, к тому же вовсе не особенно тяжелых?

Не думаю. Чем более я живу на свете, тем более я поражаюсь сложностью и противоречивостью человеческой натуры: даже одновременно, тем более в разное время.

Когда то очень давно в одном немецком описании поездки в Россию я натолкнулся на мысль, которая у меня прочно засела в голове: «С русскими никогда не знаешь, как себя вести: сегодня он действует как герой, завтра как прохвост (ein Schurke)».

Это наблюдение глубоко верно, но только с одной необходимой поправкой: вместо слова «с русскими» нужно поставить «с людьми». Немец принял общечеловеческую черту за национальную. Разве, например, Рошфор не был героем, когда вел борьбу с Наполеоном, еще большим героем, когда из места ссылки спасался вплавь по океану, кишашему акулами, на иностранный корабль, заранее договоренный, после таинственных и опасных переговоров из места заключения, и не был прохвостом, не гнушающимся никакой клеветой и никаким сговором с заведомыми мерзавцами в своей агитации за Буланже или против Дрейфуса¹⁰³⁹? И не один Рошфор. Рошфор мне случайно

1039 Французский журналист Анри Рошфор резко критиковал правительство Наполеона III и, поддержав Парижскую коммуну, был предан военному суду и сослан в Новую Каледонию, откуда

пришел в голову; таких Рошфоров можно было бы привести сотни и тысячи.

Через 10 месяцев, в октябре того же 1905 г., я говорил о Гапоне с П. Б. Струве. Когда я сказал, что Гапон – человек глупо верующий, Струве фыркнул.

– Гапон – верующий?!

Струве знал Гапона после его бегства за границу. Гапон побывал на вершине если не формальной власти, то психологической власти над многотысячной толпой и был, хотя и недолго, истинным «властителем дум»¹⁰⁴⁰ всего рабочего класса и всей интеллигенции России. Такое влаительство совершенно одинаково с формальной властью редко проходит даром; от него кружится голова. Добиваясь среди русской эмиграции той же власти, какую он пользовался в России, Гапон прибегал к мелким, дрянным интригам и в интригах растерял веру в свое дело, а вместе с нею и веру в Евангелие и в своего бога.

Но вот и другие впечатления от личности Гапона.

В феврале или марте 1905 г. я был в Киеве и рассказывал С. Н. Булгакову о событиях 9 января. Когда я привел наизусть, слово в слово, – я тогда помнил, – воззвание Гапона к народу, написанное им после разгрома рабочих вечером 9 января, в котором Гапон слал проклятие царю убийце и разрешение народа от присяги¹⁰⁴¹, Булгаков вскочил с места.

в 1874 г. бежал. Он стал сторонником несостоявшегося диктатора генерала Ж. Буланже, а после дела Дрейфуса оказался в «лагере антисемитов, клерикалов и националистов» (Водовозов В. Рошфор // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1907. Доп. т. 2а. С. 551–552).

1040 «властитель наших дум» – выражение из стихотворения «К морю» А. С. Пушкина (1824); поэт имел в виду Наполеона и Байрона.

1041 После расстрела 9 января 1905 г. Г. А. Гапон написал послание к солдатам и три послания к рабочим, в последнем из которых

– Как, как? Повторите еще раз.

Я повторил.

– Да ведь это, это... – Булгаков не находил слов. – Да ведь это язык библейского пророка! Это что-то вдохновенное самим Богом!

Сам человек религиозный, Булгаков, никогда не выдававший и не слышавший Гапона, почувствовал родственную себе душу даже в моем пересказе.

говорилося: «Зверь царь, его чиновники казнокрады и грабители русского народа сознательно хотели быть и сделались убийцами безоружных наших братьев, жен и детей. Пули царских солдат, убивших за Нарвской заставой рабочих, несших царские портреты, простреливали эти портреты и убили нашу веру в царя. Так отомстим же, братья, проклятому народом царю, всему его змеиному царскому отродью, его министрам и всем грабителям несчастной русской земли! Смерть им всем! <...> Кто не с народом, тот против народа! Братья товарищи, рабочие всей России! Вы не станете на работу, пока не добьетесь свободы. Пищу, чтобы накормить себя, своих жен и детей, и оружие разрешаю вам брать, где и как сможете. Бомбы, динамит – все разрешаю. Не грабьте только частных жилищ и лавок, где нет ни еды, ни оружия; не грабьте бедняков, избегайте насилия над невинными. Лучше оставить десять сомнительных негодяев, чем уничтожить одного невинного. Стройте баррикады. Громите царские дворцы и палаты, уничтожайте ненавистную народу полицию. Солдатам и офицерам, убившим своих невинных братьев, их жен и детей, всем угнетателям народа мое пастьерское проклятие! Солдатам, которые будут помогать народу добиваться своей свободы, – благословение! Их солдатскую клятву изменнику царю, сознательно пролившему невинную народную кровь, не пожелавшему даже выслушать свой народ, – их солдатскую клятву разрешаю» (Гапон Г. А. Третье послание к рабочим // Священника Георгия Гапона ко всему крестьянскому люду воззвание. Б.м.: Издание Партии социалистов революционеров, 1905. С. 14–15).

Прибавлю к этому, что связь Гапона с Зубатовым¹⁰⁴² и вообще политической полицией не была и не могла быть тайной: об этом знали и говорили все.

Я объяснял эту связь следующим образом. Гапон – деревенский казак¹⁰⁴³, вырос в монархической религиозной и вместе с тем вполне демократической среде. Пройдя духовное учебное заведение, он углубил свое религиозное чувство (что, конечно, бывает далеко не всегда; имеются и прямо обратные случаи) и, сохранив близкую связь с родной деревней, остался монархистом демократом по душевному складу и по не вполне продуманным политическим убеждениям. Такие ведь бывали в России, и даже немало. Стоит вспомнить хотя бы Мартьянова, о котором говорит Герцен¹⁰⁴⁴.

Для Гапона именно царь должен был облагодетельствовать народ, и если теперь народу живется плохо, то ответственность за это лежит не на царе, равно как не на Боге, а на «господах», стоящих между царем и народом. Идеология, опровергаемая всей историей, но разделявшаяся очень многи-

1042 С. В. Зубатов, который в 1896–1902 гг. являлся начальником Московского охранного отделения, а в 1902–1903 гг. заведовал Особым отделом Департамента полиции, стремясь отвлечь рабочих от революционного движения, инициировал создание ряда легальных профессиональных организаций. После своей вынужденной отставки он поручил руководство ими священнику Г. А. Гапону, с которым познакомился осенью 1902 г. и который уже в 1904 г. возглавил «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт Петербурга»; см.: Водовозов В. С. В. Зубатов // День. 1917. № 4. 9 марта.

1043 Предками Г. А. Гапона по мужской линии были запорожские казаки.

1044 П. А. Мартьянов, автор письма императору Александру II с призывом созвать Земскую думу (Колокол. 1862. № 132. 15 апр.), ратовал за создание «народной» монархии (см.: Герцен А. И. П. А. Мартьянов и земский царь // Герцен А. И. Собр. соч. М., 1959. Т. 18. С. 11–13).

ми и более интеллигентными, и более образованными людьми, чем Гапон. Ту же идеологию пропагандировал рабочим Зубатов. Для него она была ширмой, прикрывавшей иные цели, для Гапона – самой его душевной сущностью. Но союз между ними был совершенно естествен и психологически необходим. В этот союз Гапон принес свою веру, Зубатов – свою полицейскую опытность. Без большого труда Зубатов сумел сделать из Гапона свое орудие (не из него одного: Мария Вильбушевич была образованнее Гапона, прошла революционную школу, к тому же она была еврейка¹⁰⁴⁵, – и все таки сделалась сторонницей зубатовского полицейского социализма¹⁰⁴⁶, а в искренности Вильбушевич не сомневался никто из ее знавших, в частности С. Н. Прокопович). Идя по этой дороге, Гапон сблизился с петербургским градоначальником Фуллоном и петербургской полицией вообще. Тут, несомненно, он часто должен был видеть, что его цели не тождественны с целями полиции, но, как часто бывает, он надеялся при помощи своего малороссийского лукавства обмануть полицию и сделать ее сво-

1045 С. В. Зубатов убедил члена Бунда М. В. Вильбушевич, арестованную в марте 1900 г., что защиту экономических интересов еврейских рабочих легче осуществить не революционной борьбой, а путем создания их легальной, поддерживаемой властями организации, и в июле 1901 г. в Минске была основана Еврейская независимая рабочая партия, которая, получив разрешение на проведение в сентябре 1902 г. 2-й Всероссийской конференции сионистов, была распущена в июне 1903 г. (см.: Заславский Д. И. Зубатов и Маня Вильбушевич. М., 1923).

1046 Не соглашаясь с термином «полицейский социализм», сам С. В. Зубатов писал, что «с социализмом она зубатовщина боролась, защищая принципы частной собственности в экономической жизни страны, и экономической ее программой был прогрессирующий капитализм, осуществляющийся в формах все более культурных и демократических» (Зубатов С. В. Зубатовщина // Былое. 1917. № 4. С. 157–158).

им орудием.

Иногда революционеры или люди революционных устремлений, особенно очень юные, не вышедшие из гимназического возраста, поступали на службу в полицию в расчете перехитрить ее и заставить ее служить своим целям, то есть целям революции. Результат в таких случаях всегда был обратный: они обращались в орудие полицейского сыска и либо кончали самоубийством, либо обращались в шпионов и провокаторов. Но это не говорит против их искренности вначале¹⁰⁴⁷.

Случай с Гапоном гораздо сложнее. Совершенно несомненно, что при содействии Гапона сети, раскинутые полицией с целью сыска, принесли ей богатейший улов. Но рядом с этим столь же бесспорно, что Гапон, создавший на деньги, полученные от полиции, свои рабочие организации и двинувший рабочую массу к Зимнему дворцу, дал могучий толчок революционному развитию рабочего класса; более того, он дал первый сигнал к первой русской революции, из которой вытекла и вторая.

События 9 января и, может быть, всего более письмо Гапона, о котором я сказал выше, вызвали в обществе горячее сочувствие к Гапону. Однако упорно ходившие слухи о его полицейских связях сильно смущали многих.

– Как ты смотришь на Гапона: герой или сыщик? – спросил меня мой товарищ А. М. Ону недели через две после 9 января.

– Герой, – решительно ответил я.

Теперь я ответил бы: «И герой, и сыщик вместе».

В одной из первых книжек «Русского богатства» за 1905 г. (или замещавшего его журнала под названием, кажется, «Рус-

1047 Подробнее о «товарищах провокаторах» см.: Генис В. Л. «Человек патологический». Максималист Добковский и провокаторы. М., 2018.

ские записки»¹⁰⁴⁸) появилась характеристика Гапона, вышедшая из-под пера Короленко¹⁰⁴⁹. В общем Короленко стоял на той же точке зрения, что и я. В полное собрание своих сочинений он ее не включил, – очевидно, позднейшая, чисто провокаторская и шпионская деятельность Гапона убедила Короленко в ее ошибочности. Об этом следует пожалеть. Статью эту теперь трудно достать. Между тем она написана с обычным для Короленко мастерством, была в свое время вполне правильной с точки зрения известных тогда фактов и – скажу сильнее – является и сейчас правильной, хотя и частично: там ярко и верно нарисован Гапон, но не весь Гапон, а одна его половина. И, во всяком случае, статья сохраняет свою историческую ценность, как взгляд современника на личность и дело Гапона.

Вскоре после трагической гибели Гапона, а может быть, даже незадолго до нее в Англии вышла «Автобиография отца Гапона»; потом она появилась и в русском переводе с англий-

1048 Журнал «Русское богатство» выходил под названием «Современные записки», «Современность» в начале 1906 г., «Русские записки» – в 1914–1917 гг.

1049 В январе 1905 г. В. Г. Короленко писал, что «замечательную личность» Г. А. Гапона, утвержденного «председателем нового общества рабочих, с его двойственной задачей и со всеми вскрывшимися впоследствии противоречиями разнородных стремлений его “учредителей”...», т. е. полиции, нет ничего легче, как окрасить «каким-нибудь одним простым и слишком определенным цветом», но «нет необходимости непременно отрицать искренность первоначальных намерений, чтобы понять конечные противоречия, залог которых лежал уже в недрах самой организации... Эти противоречия вскрылись, и бурная натура довершила остальное. Священник Гапон стал отголоском широкого массового движения, увлекающий массу и сам ею увлеченный...» (Короленко В. 9 января в Петербурге // Русское богатство. 1905. № 1. С. 170–172).

ского¹⁰⁵⁰. Написана она, конечно, не Гапоном; он не знал английского, равно как ни одного иностранного языка, да и по-русски самостоятельно написать целую книгу не смог бы. Она написана несколькими эмигрантами по рассказам Гапона и, конечно, не в меньшей мере отражает личности ее действительных авторов, чем личность Гапона. Но все-таки из нее ясно виден и Гапон: если не тот, каким он был во всей полноте своей двойственной личности, то тот Гапон, каким он хотел быть. Конечно, в книге очень много умолчаний; немало и прямой неправды. Но все-таки в главном она – правда, хотя и не вся правда.

В год два тому назад вышедших в советской России мемуарах Русанова рассказывается, как писалась автобиография Гапона, хотя рассказ не доведен до конца, так как Русанов говорит только о том, в чем он сам принимал непосредственное участие, а он в конце концов отказался от составления чужой автобиографии. Тут рассказано о грубой жадности Гапона при гонорарных расчетах¹⁰⁵¹. Вообще Гапон является здесь в очень

1050 Так называемая «Автобиография» Г. А. Гапона, написанная без его участия британским журналистом Дж. Перрисом и Д. В. Соскисом на основе материалов российской и зарубежной прессы, печаталась в июле – ноябре 1905 г. в журнале «The Strand Magazine», а затем вышла отдельным изданием, см.: Gapon G. The Story of My Life. L., 1905 (подробнее: Кременецкий К. В. Авторство и цель создания «Истории моей жизни» Г. А. Гапона // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. II. 2019. Вып. 86. С. 110–125). Рус. перевод: Автобиография отца Гапона // Обновленная Россия. 1905. № 2–5, 7–18, 20–23. 16–19, 23–27, 29, 30 нояб., 1–4, 14, 16–18, 20 дек.; см. также: Гапон Г. А. История моей жизни / Ред., вступ. ст. и примеч. А. А. Шилова. Л., 1926.

1051 В упомянутых воспоминаниях речь идет не об «автобиографии» Г. А. Гапона, а о сделанном ему предложении американского издателя за гонорар в размере 50 тыс. франков подготовить в течение месяца книгу о «кровавом воскресенье». Но Г. А.

неприглядном виде: в таком же виде он является в мемуарах Поссе¹⁰⁵² и вообще у всех, кто встречался с ним за границей или после возвращения.

Более того, на меня самого он произвел совсем не симпатичное впечатление, когда я увидел его по прошествии долгих месяцев бурного года.

Случилось это в сентябре (если не в августе) 1905 г.¹⁰⁵³ В комнату иностранного отдела в редакции «Нашей жизни» вбежал Неманов:

– Идите к Португалову, у него – Гапон.

Я тотчас же бросился в «Провинциальную хронику» и растерялся: где же Гапон?

Я ясно помнил Гапона. В священнической рясе, с высоко поднятым в правой руке крестом, это был Петр Амьенский: величественная фигура, скорее высокого, чем среднего роста, с благородным выражением умного лица, с медлительными жестами, обыкновенно усваиваемыми священниками. Теперь с Португаловым сидела какая-то вертлявая фигура в пиджачке, низкого роста, с мелкими чертами лица, с быстрыми движениями

Гапон, согласившись поделить обещанный гонорар с социалистами-революционерами, неожиданно потребовал выплатить ему три четверти названной суммы «ввиду, как говорил он, несравненно большего интереса, представляемого его личным рассказом по сравнению с общей частью», касающейся истории рабочего движения в России. Из-за этого было решено «превратить всякие дальнейшие разговоры с человеком, который, очевидно, страдал горделивым помешательством, и распустить комитет по изданию книги» (Русанов Н. С. В эмиграции. М., 1929. С. 287, 290).

1052 См.: Поссе В. А. Мой жизненный путь. Дореволюционный период (1864–1917 гг.) / Ред. и примеч. Б. П. Козьмина. М.; Л., 1929. С. 348–400, 410–415.

1053 Неточность: Г. А. Гапон вернулся в Петербург в ноябре в связи с амнистией, объявленной 21 октября 1905 г.

ями, нервно курившая папиросу.

– Вы не знакомы? Водовозов, священник Гапон, – представил нас друг другу Португалов.

– Как же, как же, мы знакомы; я имел честь познакомиться с господином Водовозовым, – затараторила фигура.

Пришлось сознаваться в ошибке; это был Гапон. Только не тот Гапон, а другой, кем-то подмененный.

Собралась часть нашей редакции, в том числе и Ходский. Нужно заметить, что в нашей редакции тогда не было двух мнений о Гапоне. Изложенное выше мое первое мнение о Гапоне как о герое было общим. Впрочем, к осени, то есть еще до этого визита, появились и сомнения, но большинство стояло на своем.

Гапон рассказал, что он в Петербурге нелегально, хотел бы легализоваться, но неудобно просить о легализации, совершив только что новое правонарушение беспаспортного въезда в Россию; поэтому нужно просить о разрешении ему въезда в Петербург. Ввиду этого он и пришел просить Португалова как человека, наиболее близко с ним знакомого в нашей редакции, чтобы тот познакомил его с Ходским, а Ходский просил бы Витте. Португалов попросил у Гапона разрешение познакомиться с ним членов нашей редакции, гарантировав ему сохранение тайны. Мы заговорили о пребывании Гапона за границей. Гапон рассказал нам о своей жизни, о своих встречах и переговорах с эмигрантами. Рассказы его были плоски, бездарны, мелочны. Человек, ведущий за собой десятки тысяч народа под знаменем известных политических требований, ровно ничего не понимал в политических вопросах, в политических программах, во взаимных отношениях партий. Он ушел.

Мы все смотрели друг на друга, разводя руками.

– Вот что такое Гапон!

Через несколько дней Ходский был у Витте и исполнил свое обещание Гапону.

– Что вы говорите о разрешении Гапону въезда в Петер-

бург! Гапон давно себе это разрешил. Неужели вы этого не знаете? – ответил Витте и тем пресек дальнейший разговор на эту тему¹⁰⁵⁴.

Прошло 12 лет. Первая революция была раздавлена на московских баррикадах и обойдена обманом 17 октября¹⁰⁵⁵;

1054 Об изменившемся отношении к Г. А. Гапону свидетельствует письмо В. В. Водовозова от 13 февраля 1906 г., адресованное З. В. Лягардель-Гогунцовой в Париж: «Все Ваши корреспонденции получены, и большая их часть напечатана. Некоторые, однако, вызвали сомнение, и мы, после колебаний, печатать их не решились. К таковым принадлежит Ваша корреспонденция о Гапоне. По поводу ее были большие разговоры в нашей редакции, так как я не решился напечатать ее на свою единоличную ответственность. Дело в том, что сомнения в личности Гапона у нас появились уже давно, вскоре после краткого пребывания его в Петербурге в ноябре месяце, когда он был у нас в редакции и произвел на всех нас малоблагоприятное впечатление, – во всяком случае, менее благоприятное, чем в январе прошлого года, когда большая часть из нас была с ним знакома и была в восторге от его личности. В настоящую минуту очень рад, что мы этой корреспонденции не напечатали, да, вероятно, и Вы сами рады этому. Хотя, как мне кажется, лично Гапон задет сравнительно мало разоблачениями, появившимися в последнее время, хотя я думаю, что он действовал *bona fide* добросовестно (фр.), но тем не менее как политический деятель он совершил несомненно грубую ошибку, граничащую с преступлением, и защищать его как политического деятеля, а не только как человека (а Ваша корреспонденция делает именно это) мне кажется ошибкой» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2675. Л. 1).

1055 Имеется в виду Манифест «об усовершенствовании государственного порядка», подписанный 17 октября 1905 г. императором Николаем II, который под впечатлением Всероссийской политической стачки поручил «даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов», привлечь к участию в Государственной думе те классы, которые «совсем лишены избирательных прав», и уста-

пронеслись годы тяжелой реакции; шумела новая, более страшная военная гроза, и началась новая революция. На первое время все вздохнули свободнее.

Ко мне пришли два раньше незнакомых мне рабочих.

– Мы к вам с просьбой. Нельзя ли реабилитировать Гапона?

– То есть... Что вы этим хотите сказать?

– Про Гапона говорят, что он провокатор, шпион, а мы этому не верим.

– То есть как это не верите? Вы не читали рассказа Рутенберга¹⁰⁵⁶, почему он убил Гапона?

– Слышали, да все это вранье. Ничему мы не верим. Это был святой человек. Он нам глаза открыл. Не мог он быть шпионом.

– Но что же вы хотите от меня?

– Вы пишете. Напишите в газетах, что это неправда.

– Да ведь нельзя же просто написать: неправда. Надо привести доказательства. А какие у вас доказательства?

Доказательств у моих рабочих не было. Но у них была вера в Гапона, и эту веру они пронесли через 12 лет своей рабочей жизни, пронесли, несмотря на все доказательства противного. Такую веру в себя не мог возбудить «просто провокатор».

От этого длинного экскурса в область человеческой психологии возвращаюсь к фактическому изложению.

5 или 6 января началась в Петербурге забастовка, нарушившая всю нормальную жизнь. Забастовали и типографии, и мы, газетчики, были свободны.

новить «как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы» (Ведомости СПб. градоначальства. 1905. № 221. 18 окт.).

1056 См.: Рутенберг П. М. Дело Гапона // Былое. 1909. № 11/12. С. 29–115; 1917. № 2 (24), август. С. 6–67.

Вечером 8 января в помещении редакции «Сына Отечества» собралось человек 80 петербургских литераторов и профессоров. Тут были представлены все прогрессивные издания Петербурга: ежедневные, как «Сын Отечества» и «Наша жизнь», ежемесячные – «Русское богатство», «Вестник Европы» и «Мир Божий», еженедельные – «Право» и др.; было немало людей, стоявших вне редакций, как Н. И. Кареев, генерал В. Д. Кузьмин-Караваев и др. Чувствовалось веяние начинающейся революции, но на завтра предстояло большое кровопролитие, – в этом не сомневался никто. Что делать, чтобы предупредить его? Никто не мог предложить хорошего совета, и собрание чувствовало себя удрученным¹⁰⁵⁷. Решено – все сознавали безнадежность этой меры, но лучшего ничего не могли выдумать, – отправить депутацию к министру внутренних дел

1057 См. воспоминания М. И. Ганфмана: «Выступил на собрании и В. В. Водовозов. Его, однако, волновал, наряду с предупреждением кровавой расправы, и другой вопрос. А если 9 января будет началом столь долгожданной русской революции? Если рабочая мирная демонстрация превратится в сигнал для этой революции? Будет ли готова русская интеллигенция к этому историческому моменту? Сможет ли она возглавить народное движение, взять его в свои руки и создать необходимую власть? Надо сказать, что при господствовавшем в собрании настроении проблема, так занимавшая В. В., казалась совсем несвоевременной. Мне пришлось сказать это публично В. В., и я подчеркнул ему, что наши души смятены не политическими перспективами и интересами революции, а просто кошмаром предстоящей бойни. Я и тогда видел, что В. В. хорошо это понимал, но он счел долгом своей политической совести сделать это выступление и нисколько не смущался тем, что оно было встречено с недоумением... Кстати, вероятно, выступление В. В. Водовозова послужило основанием для легенды о том, что совещание в “Сыне Отечества” было своего рода “учредительным собранием”, которое выбрало чуть ли не временное правительство на случай победы революции» (Ганфман М. Встречи с В. В. Водовозовым // Сегодня. 1933. № 280. 10 окт.).

Святополк-Мирскому и Витте: просить их предупредить кровопролитие, которое грозит тяжелыми последствиями для всей России. Надо было выбрать депутацию. Выкрикивали имена:

– Анненский, Арсеньев, Максим Горький, Кареев, Кузьмин-Караваев, Мякотин, Плеханов, Семевский, – прозвучали имена (и еще, кажется, два, которых я теперь не могу вспомнить)¹⁰⁵⁸.

Из этих имен я назвал Кареева, и, следовательно, именно мне Кареев обязан сомнительным удовольствием просидеть три недели в Петропавловской крепости и быть увековеченным на картине Екатерины Сергеевны Кавос, изображающей его в тюремной камере. Из названных лиц все соглашались немедленно, без всяких отговорок трусости или скромности. Только В. Д. Кузьмин-Караваев, в то время игравший заметную роль в общественной жизни Петербурга, категорически отказался, по-видимому считая звание делегата от неразрешенного собрания литераторов несовместимым с его генеральским мундиром. Остальные девять лиц сейчас же уехали. После их

1058 Ср. с воспоминаниями И. В. Гессена: «Беспорядочно выкрикивали фамилии лиц, которые должны были в депутацию войти. Я старался сделаться незаметным, ибо меньше всего улыбалось еще раз сегодня встретиться с Витте, но кто-то назвал мою фамилию, и в ответ раздалось: “Ну, это само собою разумеется”. Потом Водовозов вдруг крикнул: “Господа, нельзя производить выборы так беспорядочно. Мы ведь не знаем, какую роль депутации придется сыграть”. Замечание не обратило на себя никакого внимания, но имело неожиданные последствия. Выбраны были Анненский, Арсеньев (едва ли не впервые на подобном собрании присутствовавший), Максим Горький, проф. Кареев, гласный городской думы Кедрин, Мякотин, Пешехонов, проф. Семевский, вращавшийся среди интеллигенции представитель Гапона – рабочий Кузин, оказавшийся провокатором, и я» (Гессен И. В. В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции. Берлин, 1937. Т. 22. С. 192).

отъезда делать было нечего, коллегиальный организованный разговор был невозможен и объявлен перерыв. Но и говорить по отдельным кружкам было не о чем, – все было полно ожиданием возврата делегатов. Время тянулось удивительно медленно.

Часа через полтора или два делегаты вернулись. Приняты они были немедленно обоими министрами¹⁰⁵⁹, но и тот и другой отказались что-либо сделать.

Собрание тоскливо разошлось в предчувствии тяжелого дня.

На следующий день я вышел из дому часов в 9 утра. Перед тем ко мне зашел Саша Гиберман. Это был сын моей старинной знакомой, женщины-врача Полины Израилевны Гиберман, близкой родственницы жены В. П. Воронцова. Сашу Гибермана я знал с его раннего детства и очень любил. Это был мальчик в высшей степени одаренный и много обещавший в будущем, с очень пытливым умом, всем разносторонне интересующийся, много и серьезно читавший. Он часто бывал у меня, о многом расспрашивал и находился под моим влиянием. В это время он был гимназистом, кажется, седьмого или восьмого класса и лет ему было 17–18; жил он постоянно в Киеве, но в этот момент почему-то находился в Петербурге. Через год после этого он трагически погиб; расскажу об этом в своем месте. Он пришел ко мне, зная, что я в этот день буду ходить по городу; ему хочется того же, и хочет он ходить со мною. Мне было неприятно вести мальчика туда, где есть некоторая, хотя и незначительная опасность; неприятно также как бы вводить мальчика, которому надо еще учиться, в политическую жизнь. Но мальчик был очень развитой, а стоять в сто-

1059 Неточность: депутацию приняли С. Ю. Витте и товарищ министра внутренних дел генерал-майор К. Н. Рыздзевский, состоявший заведующим полицией и командиром Отдельного корпуса жандармов.

роне от политики в то время и для менее развитого и для еще более юного было невозможно, и я, хотя и неохотно, согласился.

Мы пошли. Мне очень трудно описать этот день сколько-нибудь систематически. Все отдельные моменты в настоящее время хронологически спутались в моей голове, хотя многие из них в отдельности стоят очень ярко в памяти и хотя в первые месяцы и годы они стояли у меня в памяти в самом стройном порядке. Главных моментов, шествия самого Гапона, я, впрочем, не видал вовсе; видал только второстепенные. Не могу вспомнить даже содержания моей собственной очень краткой речи, которую я в тот день произнес в Публичной библиотеке. Первое впечатление было на Васильевском острове (я жил на нем во 2-й линии, и оттуда началось наше путешествие), кажется, в 4-й линии – пролог. Кучка рабочих. Один ораторствует против войны. Против него выступил какой-то субъект в наушниках¹⁰⁶⁰, кричавший надрывным голосом:

– Нам нужен незамерзающий порт на Тихом океане. Кто говорит против войны, тех представляйте в сыскную полицию!

– Да зачем вам представлять кого-нибудь в сыскную полицию? – крикнул я. – Вы сами сыскная полиция.

Раздался смех.

С Васильевского острова мы прошли беспрепятственно через Дворцовый мост к Зимнему дворцу, хотя везде мы видели всякие наряды полиции и войска; те и другие были наготове. Публики было мало. Мы пошли по Невскому. Тут публики было больше; все это была публика того же рода, как и мы с Сашей; обычной занятой публики не было. Мы ходили в разных направлениях, по разным прилегающим к Невскому улицам. Толпы народа делались все гуще. Наконец мы наняли где-то извозчика и поехали по Морской по направлению опять к Невскому. Тут мы слышали со стороны Невского трескотню

1060 Наушники – часть теплой шапки, закрывающая уши.

ружейных выстрелов. Мы продолжали наш путь. Когда мы были совсем у угла Невского, раздался крик: «Извозчика, извозчика», – и мы увидели нескольких студентов, несших на руках человеческое тело. Мы соскочили со своего; студенты положили на него тело, все окровавленное, но живое; один из них сел с раненым и увез его.

По Невскому бежала врассыпную толпа рабочих, – ее преследовал военный отряд, стреляя вдогонку. Мы с угла Морской видели эту погоню.

Не помню, от кого я услышал: идите в Публичную библиотеку, и мы последовали этому зову. Не знаю, как мы проникли туда: были ли взломаны двери или они были открыты (кажется, верно последнее, потом я слышал, что в читальном зале было даже несколько человек работавших, которые ушли, недовольные нарушением порядка). Толпа, и мы с Сашей с нею, проникла в читальный зад. На стол вскочил Максим Горький и произнес краткую, но произведшую сильное впечатление речь; содержание ее совершенно не помню. За ним на тот же стол вскочил я и тоже произнес краткую речь. Как я уже сказал, содержание ее я тоже не помню, но закончил ее возгласом: долой кровавого царя.

Совершенно неожиданно в ответ раздался возглас по моему адресу какой-то пожилой женщины:

– Стыдно вам!

Толпа, однако, была на моей стороне, и женщина вызвала крики по своему адресу:

– Вам стыдно, царь убивает на улице людей, а вы! – Толпа наседала на женщину, некоторые грозили ей кулаками.

Я боялся, что может произойти расправа; Горький, видимо, боялся того же, но, к счастью, дело обошлось мирно, – женщину выставили, и она ушла. Других ораторов не нашлось; толпа разошлась, и я тоже ушел.

Затем мы вновь бродили по улицам. В одном месте мы встретили отряд конных казаков, преследовавший с шашками наголо толпу, бежавшую и прятавшуюся в воротах и других

углублениях в стенах домов. Мы тоже спрятались в одной такой нише, и казаки промчались мимо нас. Вновь несколько раз слышали ружейную пальбу, но ни убитых, ни раненых больше не видели.

Часам к двум, по-видимому, все было кончено. Улицы начали редеть, но войска и полиция оставались. Утомленные впечатлениями дня, мы решили пойти домой. Идти надо было пешком, так как извозчиков нигде не было, конки тоже не ходили. Но идти домой оказалось не так-то просто. Пойдешь по одной улице, – вдруг она оказывается прегражденной отрядом казаков или полиции.

– Назад! Здесь нельзя.

Приходилось поворачивать. На другой улице то же самое. Мы направлялись к Дворцовому мосту, но дойти до него не удалось и пришлось повернуть к Николаевскому. Через него мы прошли благополучно и часов в шесть были дома.

Кровь, таким образом, я сам видел только один раз, но она носилась в воздухе. Я чувствовал, что где-то, где я не был, она пролита целыми потоками. Число убитых в этот день никогда, насколько я знаю, не было установлено с точностью. Цифра, приведенная в официальном сообщении о событиях дня, была невелика¹⁰⁶¹, но она совершенно не соответствовала истине. Цифры, называвшиеся в публике, со ссылками на разные источники, и потом сообщенные в разных мемуарах и исторических работах о 9 января, достигали 2000. Вероятно, они преувеличены. Во всяком случае, убитые исчисляются сотнями, если не больше.

На следующий день я обошел места вчерашних боев и ви-

1061 Согласно «Списку лиц, убитых и умерших от ран в разных больницах г. С.-Петербурга, полученных 9 января 1905 года», численность убитых и умерших от ран составила 130 человек, раненых – 299 человек (см.: Ведомости СПб. градоначальства. 1905. № 18. 22 янв.).

дел поваленные телеграфные столбы, вывороченные из мостовых булыжники. Все говорило, что бой был жаркий и что накануне я самых важных событий, собственно, не видел. Видел я стены домов и окна, изрешеченные пулями; узнал, что пуля не разбивает стекла вдребезги, но производит в нем правильную круглую дыру с ровными краями, от которой радиусами расходится несколько трещин¹⁰⁶².

Через несколько дней я встретился на империале¹⁰⁶³ конки с одним знакомым рабочим. Мы заговорили о событиях 9 января.

– Знаете, что я думаю? – сказал он. – Я думаю, что нет ни Бога, ни царя.

Я остолбенел; строй мысли, из которого вытекла эта фраза, был для меня непонятен. Если отрицание Бога для меня понятно, если мне понятно, что бессмысленные жестокости или стрельба по хоругвям и иконам, не вызвавшие кар со стороны Бога, могут отнять у человека веру, то царь для меня был не допускавшей сомнения реальностью. Но продолжение разговора ввело меня в душевный строй моего собеседника. Царь для него не только носитель верховной власти, но и воплощение определенного идеала, как Бог не только Творец мира, но и верховное Добро; последнего не оказалось, – нет больше Бога, нет больше царя, а есть, может быть, черт и самозванец. У

1062 В рукописи далее зачеркнуто: «Через 10 лет я видел в Сербии одну церковь, через которую пролетел артиллерийский снаряд. В первой стене была небольшая, правильно круглая дыра, очевидно соответствовавшая величине снаряда; в противоположной стене, через которую снаряд пролетел уже с ослабленной силой, отверстие было большое, с диаметром не меньше метра, совершенно неправильной формы; снаружи церкви лежали обломки разбитых кирпичей».

1063 Империял – длинная двойная скамья на крыше конки, где пассажиры сидели спинами друг к другу, обращенные лицами к двум противоположным сторонам улицы.

меня в памяти смутно вертелись слова Ивана Шуйского:

– Нет на Руси царя!¹⁰⁶⁴

Это как раз тот самый строй мысли, очевидно, верно схваченный Алексеем Толстым.

Нет Бога, нет царя. Эту формулу в следующие недели я слышал многократно. Она заменила формулу: «Бог на небе, царь на земле», и даже промежуточную между ними: «До Бога высоко, до царя далеко», и «Милует царь, да не милует псарь». Нет Бога, нет царя – результат работы Гапона на деньги Зубатова и Фуллона.

11 января я поздно вернулся домой с какого-то собрания. Утомленный бегом предыдущих дней, я скоро заснул и спал крепко. Среди ночи в мою комнату вошел В. И. Семевский, разбудил меня, обнял и сказал:

– Прощай, меня увозят, я арестован.

Я приподнялся, но сознание ко мне в полной мере вернулось не сразу, – простился, ничего не понимая, и тотчас же свалился на подушку. Минут через пять я вновь приподнялся, увидел, что комната освещена лампой (электричества тогда в квартире еще не было) и что в углу сидит полицейский.

– Лежать смирно! – раздался грозный окрик.

Я еще настолько находился во власти сна, что окрик на меня подействовал и я вновь повалился на подушки, но тотчас же проснулся, поднялся и начал одеваться. Окрик повторен не был.

Я пошел в комнату матери. Она была одета, но в состоянии полного изнеможения. Оказалось, что часа в два ночи явилась полиция, произвела поверхностный обыск во всей квартире, в том числе и моей комнаты, причем я не проснулся, но не в комнате Василия Ивановича; для обыска в ней с ее

1064 Реплика И. П. Шуйского в четвертом действии трагедии А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович» (Вестник Европы. 1868. № 5. С. 98).

большой библиотекой и архивом, очевидно, не было времени, – и ее просто запечатали¹⁰⁶⁵. Затем часа в три ночи Василия Ивановича увели, куда – неизвестно.

Я тотчас же решил, что арест вызван участием Василия Ивановича в депутатии к Святополку и Витте. Однако это надо было проверить. Дождавшись утра, я пошел к Карееву. Мне открыла дверь его дочь и на обычный вопрос, дома ли Николай Иванович, ответила:

– Папа сегодня ночью арестован.

Дело становилось совершенно ясным. В тот же день мы узнали, что арестованы все делегаты, кроме Арсеньева, для которого почему-то сделано было исключение¹⁰⁶⁶.

1065 Ср.: «Уже после того, как арестованного Василия Ивановича повезли в тюрьму, обыск еще долго продолжался в его кабинете. Домашние не могли войти туда, так как каждый из них должен был оставаться в своей комнате под надзором полиции. Только уже под конец обыска моему сыну удалось через толпу “ночных посетителей” прорваться в кабинет, куда и я последовала за ним. Но полицейские уже кончали свое дело и начали прикладывать печать к дверям изнутри. Вместе с ними пришлось выйти и нам» (Семевская Е. Василий Иванович Семевский // Голос минувшего. 1917. № 9/10. С. 72). См. также: «Впоследствии я узнал, что обыск был произведен крайне грубо, что ни жену, ни Васю не впустили в это время в мой кабинет, что жену хватили за руки, когда она пыталась идти в мою комнату, что Васю даже оттолкнули, когда он ворвался туда» (Семевский В. И. Автобиографические наброски // Там же. С. 40).

1066 Ср. с воспоминаниями И. В. Гессена: «Но совсем неожиданным был полицейский визит в ночь с 10 на 11 января: около 4 час. утра целая орава полицейских с понятыми заполонила квартиру, пристав бесцеремонно вошел в нашу спальню, и при нем мы с женой должны были одеться; обыск почти не производился: они, видимо, торопились увезти меня. <...> Лихорадочная тревога завладела мною, ибо я никак не мог объяснить причину ареста, и еще усилилась, когда я увидел, что везут меня не

Начались обычные хлопоты о свидании, и таковые были даны, не знаю, всем ли арестованным или только некоторым. Раз из соседней квартиры мне сообщили, что из жандармского управления вызывают мою мать для свидания (телефоны тогда были распространены мало, и у нас его не было). Как раз моей матери не было дома. Рискнул поехать я, и меня допустили. Свидание продолжалось полчаса и было так называемым личным, т. е. не через решетку. При свидании присутствовал жандармский офицер, который был погружен в какие-то бумаги и делал вид, что не обращает на нас внимания; мне удалось тайно передать Василию Ивановичу карандаш и перочинный нож, на отсутствие которых он особенно жаловался, и их он провез благополучно в крепость. Однако когда я сделал какое-то неуважительное замечание по поводу арестов, жандарм очень резко вскинулся на меня и закричал:

– Я прекращаю свидание.

на Литейный проспект в знакомый Дом предварительного заключения, а через Троицкий мост – значит, в Петропавловскую крепость, которая предназначалась для важных государственных преступников и предвещала долговременное заточение. Меньше всего можно было догадаться, что арест вызван упомянутым замечанием Водовозова «Мы ведь не знаем, какую роль депутации придется сыграть», которое растерявшаяся власть истолковала как эвентуальное превращение депутации во временное правительство. Если мы – “временное правительство”, то ясно, что меры требуются серьезные и, за исключением Арсеньева (он был старше всех годами и имел титул превосходительства) и Горького, уже скрывшегося из Петербурга, вся депутация была схвачена, а Пешехонова эскортировали казаки с саблями наголо, опасаясь, чтобы население не освободило из рук полиции будущего временного правителя» (Гессен И. В. Указ. соч. С. 193). Стоит уточнить, что Горький, которого арестовали 11 апреля в Риге, тоже оказался в Петропавловской крепости; его освободили 14 февраля под залог в 10 тыс. рублей.

Мне пришлось извиниться (я не помню теперь, в чем состояло мое замечание, но помню, что оно, принимая во внимание условия места, действительно было нетактичным), и жандарм смягчился. В заключение мне было сказано, что свидания В. И. Семевскому с моей матерью вообще разрешены, помнится, два раза в неделю и будут происходить здесь, на Тверской, в жандармском управлении.

То же самое было и с Кареевым.

Я дал совет Софье Андреевне Кареевой непременно захватить с собой на свидание карандаш и нож. Но Софья Андреевна решительно заявила мне:

– Я хорошо знаю моего мужа, – он ни за что не возьмет; не может же он быть в положении гимназиста, которого поймали на шалости.

И не сделала этого. Между тем потом Кареев говорил мне, что он, конечно, взял бы, так как оставаться не только без пера и чернил, но и без карандаша невесело.

Недели через три арестованных выпустили, за исключением М. Горького, которого держали дольше, несмотря на взрыв в Европе общественного негодования, вызванного его арестом. В конце концов, однако, правительство должно было отступить перед натиском этого негодования, и последний из депутатов общественного мнения к министрам оказался на свободе.

Каждый день мы, члены редакции «Нашей жизни», собирались в обычное время в помещении нашей редакции в надежде узнать, когда сможем, наконец, возобновить издание газеты. Но расходившееся море не могло сразу войти в берега, и рабочие за работу не принимались. Наконец, из типографии пришла весть, что завтра (помнится, это «завтра» приходилось на пятницу, 14 января) типография открывается и мы должны сдать ей материал. На следующий день я был чем-то задержан и явился в редакцию с некоторым опозданием. Уже на лестнице я заподозрил что-то неладное: по ней поднимались и спускались в большом числе какие-то подозрительные фигуры, не

похожие ни на обычных посетителей нашей редакции, ни на обычную публику этой лестницы. Тогда, с осмотрительностью выждав момент, когда на лестнице было сравнительно пусто, я быстро отворил дверь в редакцию и сразу понял, что в редакции происходит обыск: прихожая была полна полицейскими мундирами. Все стояли спиной к входной двери, и я, видимо никем не замеченный, успел быстро затворить дверь и быстро же спуститься к выходу. Во всяком случае, за мной не гнались, и я ушел благополучно.

Дома я застал у моей матери г-жу Юлию Безродную (беллетристку), жену Евгения Адольфовича Ганейзера, члена редакции «Сына Отечества».

– «Сын Отечества» выйдет завтра? – спросил я.

– Да.

– Вы в этом совершенно уверены?

– Конечно.

– А я сильно сомневаюсь, – возразил я и рассказал ту сцену, свидетелем которой был только что.

Безродная словно сорвалась с места и моментально уехала.

Вечером, на всякий случай почистившись дома и почистив свои карманы, я вновь отправился в редакцию. Пройдя несколько раз вверх и вниз по лестнице и не заметив ничего подозрительного, я осторожно отворил дверь. В редакции уже никого не было, кроме Ходского.

– Был обыск, – рассказал он, – довольно продолжительный и внимательный. Рылись в столах, на столах, в конторе, в карманах у членов редакции; ничего не нашли подозрительного и ушли, составив протокол. Обыск продолжался с 2 до 6. Редакция разошлась, газеты не составив, да и из типографии известно, что наборщики не приступили к работе. Надеются, что завтра можно будет работать беспрепятственно.

На «завтра» работа действительно возобновилась у нас и в «Сыне Отечества».

Время было еще горячее. Мы писали по адресу правительства в тоне очень резком, «Сын Отечества» – еще того более. Почти каждый день были митинги или собрания, на которых и я выступал со своими речами.

4 февраля был в Москве убит великий князь Сергей Александрович. Мы написали сухой некролог и вышли без траурной рамки. То же самое сделал и «Сын Отечества». В тот же день обе газеты были запрещены на три месяца с отдачей, по истечении этого срока, под предварительную цензуру.

Была ли это гибель?

С этим вопросом шел я в редакцию. Ходский был удручен, однако решил бороться.

В момент своего запрещения газета имела тираж от 60 до 70 000 экземпляров. «Сын Отечества» немного больше. Если не считать дешевых газет («Свет», «Газета-Копейка» тогда еще не существовала, дешевая «Биржевка», кажется, тоже¹⁰⁶⁷), этот тираж был максимальный, которого до того времени достигала какая бы то ни было большая русская газета. Старинное «Новое время», казалось бы прочно стоявшее на ногах, в это время сильно отставало в тираже от двух радикальных газет Петербурга и вряд ли в то время благополучно сводило концы с концами.

Нужно заметить, что время японской войны и первой революции было для литературных, в особенности газетных, работков переломным временем или, по крайней мере, началом переломного времени. Именно с этих пор заработок самого заурядного газетчика, по крайней мере не очень щепетильного в выборе органа, начал расти и в конце первого десятилетия XX в. определялся в 6, 9, 12 и более тысяч рублей в год. Тургенев в свое время получал всего – и от гонораров, и от

1067 Неточность: дешевое, выходившее параллельно основному выпуску издание газеты «Биржевые ведомости» появилось в 1893 г. и позволило существенно увеличить ее тираж.

продажи своих сочинений, – от 5 до 6000 р. в год, как он говорит в одном из своих писем, а Леонид Андреев, величина в литературе, конечно, гораздо меньшая, получал в «Русской воле» (в 1916 г.) свыше 30 000 р. До японской войны только один Л. Толстой мог бы получать, если бы захотел, больше этого. Главным образом для подъема заработков много сделали «Биржевые ведомости» в Петербурге со времени вступления в них Гаккебуша (это было после первой революции) и «Русское слово» в Москве. Конечно, возможным это стало благодаря значительному росту тиража газет, связанному с ростом грамотности и интереса к печатному слову и экономическим ростом России в начале XX века до мировой войны.

Но мы в «Нашей жизни» этими благами еще не пользовались или пользовались в самой малой степени.

Незадолго перед тем возникшая «Русь» молодого А. А. Суворина¹⁰⁶⁸, филиальное отделение «Нового времени», имевшее задачей взять себе либеральную публику, тоже в популярности отставало от нас. Возникнув в ноябре 1904 г. с ничтожными денежными средствами, не превышавшими 20 000 рублей, мы через три месяца существования вполне окупались и уже обещали в недалеком будущем хороший доход издателю (Ходскому)¹⁰⁶⁹.

Ходский вел дело очень экономно. Заставить Ходского произвести какой-либо экстренный расход на редакцию было

1068 Газета «Русь» выходила с декабря 1903 г.

1069 См.: «Издание “Нашей жизни” было затеяно исключительно на мои личные трудовые средства, а затем в дело вступило русское общество, которое за три первых месяца дало газете от одной подписки 178 317 р., факт для новой газеты небывалый в истории русской печати. Благодаря такому общественному доверию и поддержке газета только и могла пережить постигший ее на первых же порах кризис, при 3-месячной остановке с 6 февраля 1905 г. по 6 мая» (Ходский Л. Как возникла «Наша жизнь» // Товарищ. 1906. № 106. 5 (18) нояб.).

почти невозможно. Жалованья у нас были очень скромные: редактор получал 300 рублей в месяц, заведующие отделами (и я в их числе) 200 рублей; даже военный корреспондент (Рыкачев, впоследствии убитый на великой войне), писавший нам превосходные корреспонденции, обращавшие на себя общее внимание, получал всего 800 рублей жалованья, кроме небольшого построчного гонорара. Построчный гонорар у нас равнялся для большинства сотрудников 10 копеек. В «Сыне Отечества» и жалованья, и гонорары были раза в полтора-два выше.

И вот – запрещение на три месяца. Находясь под запретом, газета несет большую часть обычных расходов, не получая в то же время ни копейки доходов; с типографией, с квартирой она связана контрактами; сотрудников она не может распустить, а подписчиков она обязана удовлетворить либо возвратом подписных денег, либо другой газетой; доход от объявлений и розничная продажа не только прекращаются, но даже после возобновления газеты восстанавливаются не сразу в полном объеме.

Нам, постоянным сотрудникам, Ходский предложил на время запрещения жалованье в размере $\frac{2}{3}$ обычного. Мы все согласились без единого слова возражения; лично я считал это большим великодушием и щедростью со стороны Ходского и не рассчитывал на это. Я смотрел на будущее газеты довольно мрачно, не рассчитывая, что в Петербурге она сможет существовать под предварительной цензурой. Напротив, Ходский и большинство редакции были настроены оптимистично.

Невольный трехмесячный досуг я истратил на сотрудничество в ежемесячных журналах и на написание нескольких брошюр: о пропорциональной системе выборов, к которой я относился с решительным отрицанием для России и вообще для больших государств, признавая ее целесообразность только в государствах маленьких и притом уже давно живущих политической жизнью, как Швейцария; о применимости всеобщего избирательного права в России, о делении России на из-

бирательные округа и некоторые другие¹⁰⁷⁰; проредактировал перевод книги Кеннана¹⁰⁷¹ и т. д. Мои брошюры издавали Парамонов, Мария Малых и другие издательства; некоторые потребовали повторных изданий. Кроме того, я несколько раз ездил в Москву и один раз в Киев. В этом последнем, столь хорошо мне знакомом городе было устроено собрание для прочтения мною доклада о происшествиях 9 января в Петербурге.

В одной из прежних частей моих воспоминаний я рассказывал, как устраивались под легальным флагом в существовавшем там Литературно-артистическом обществе собрания, по существу нелегальные. Так было раньше, в эпоху тяжелой реакции. Теперь, при явном приближении революции, это было еще легче. Я не помню, какой литературный предлог был выдуман для моего доклада, но действительная тема его была хорошо всем известна, и на доклад набралась масса народа, конечно – преимущественно радикальной молодежи. Я начал доклад словами:

– 9 января в России началась революция.

Слова эти произвели сильное впечатление, удивившее меня самого. В Петербурге и Москве революция была уже общепризнанным фактом; никто не сомневался в ней. Но в Киеве даже революционеры ее наступления еще не чувствовали; она была еще только предметом желаний и ожиданий. Между тем самый факт возможности такого доклада, как мой, свидетельствовал, что власти находятся в полной растерянности и рас-

1070 См.: Пропорциональные выборы или представительство меньшинства. СПб., 1905; Конституция Швейцарии. Перевод текстов Швейцарской конституции и избирательного закона под ред., с предисл. и примеч. В. Водовозова. СПб., 1905; Всеобщее избирательное право на Западе. Ростов-на-Дону, 1905; Проект избирательных законов в Учредительное собрание и парламент. Ростов-на-Дону, 1905.

1071 Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Ростов-на-Дону, 1906. Т. 1. Пер. с англ. под ред. В. Водовозова.

пустили вожжи. Доклад прошел вполне благополучно и вызвал массу вопросов, на которые я отвечал.

4 или 5 мая «Наша жизнь» возобновилась¹⁰⁷². Тут пришлось убедиться, что хотя период был явно революционный, но мое киевское впечатление о распущенных вожжах было односторонним. Правда, мы говорили тоном небывалым в русской легальной печати, но это далеко не всегда сходило с рук. «Предварительная цензура» понималась теперь не так, как раньше, – не так, как в Киеве с «Киевскими откликами». Мы не посылали в цензуру каждую отдельную статью, но должны были весь номер представлять в сверстанном виде к 11 часам. Между тем при отсутствии предварительной цензуры газетный материал сдается в типографию в два-три часа ночи и иногда даже позднее. Таким образом, газета, издававшаяся под предварительной цензурой, помимо того, что она не может говорить все своим голосом и сообщать всех фактов, доступных другим газетам, помимо этого она всегда запаздывает сравнительно со своими свободными от нее конкурентами, что немедленно отражается на интересе, возбуждаемом ею в читателях, и, следовательно, на количестве подписчиков. Иногда – и довольно часто – цензор предлагал выкинуть какой-нибудь абзац или целую статью, причем, однако, оставлять белые полосы, как это делалось впоследствии (во время мировой войны), не позволялось: пустота должна быть заполненной чем-нибудь, конечно, тоже нуждавшимся в быстром разрешении цензора, дававшемся в 12 часов – 1 час ночи. Часто при этом выход номера задерживался позже почтового часа, а так как почта, сама далеко не вполне аккуратная, была весьма придиричива, то при опоздании на несколько минут газета разносилась городским подписчикам только вечером, а иногородним отправлялась с вечерними поездками или даже на следующий день. Нередко бывало еще хуже: цензор задерживал

1072 Неточность: издание газеты «Наша жизнь» возобновилось 6 мая 1905 г.

весь номер, и он вовсе не появлялся. И это случалось в среднем не реже чем раз в неделю, а то и два.

С этого и благодаря этому начался упадок «Нашей жизни». В одинаковом положении с ней был и «Сын Отечества», но у последнего – неисчерпанный денежный капитал более чем в сотню тысяч рублей, внесенный издателем Юрицыным; у нас его не было. Однако газета все-таки сильно читалась и имела заметное влияние на общественное мнение.

Глава II. Демонстрация в Павловске по поводу Цусимы. – Моя поездка в Одессу в связи с восстанием «Потемкина». – Встреча с Вильямсом. – Заезд в Киев. – Арест моей жены. – Новая поездка в Киев и лекция Лункевича. – Я приговорен к трехмесячному аресту. – Моя первая эмиграция. – 17 октября 1905. – Рассказ Иоллоса о Рейснере. – Возвращение в Петербург на пароходе с П. Б. Струве. – Судьба А. Гибермана

14 или 15 мая 1905 г. произошла Цусима. Известие о ней пришло на другой день, пришло не сразу, а в несколько приемов. Первые телеграммы сообщали только о сражении, исход которого был изложен не вполне ясно, хотя в поражении нельзя было сомневаться с самого начала. Ужас событий нарастал с каждой новой телеграммой и после полудня стал во всей полноте. Откуда-то пронеслось предложение: пойдем сегодня на музыку в Павловск и заставим ее замолчать, – нельзя праздновать в такой день, день траура. Кому принадлежала эта мысль, кто ее пропагандировал, – не знаю. Во всяком случае, в распоряжении пропагандистов этого проекта не было ни типографского станка, ни телефонов (тогда таковых в Петербурге было очень мало), а главное, не было времени: мысль не могла возникнуть раньше полудня, а в 5–6 час. вечера о ней знали все в Петербурге. Я в числе других поехал в Павловск с одним из много

численных идущих туда поездов часов в 6 или 7. Поезд был переполнен так, как я до тех пор никогда не видал: публика в вагонах стояла стоймя, тесно друг к другу, как сельди в бочке; жались на площадках, сидели верхом на буферах. Не дошло только до того, чтобы взбираться на крыши вагонов, – это изобретение эпохи великой войны. Сразу был ясен характер публики и смысл ее поездки.

В соответствии с этим павловский парк был тоже переполнен. У меня ясно встает в памяти умная фигура П. Н. Милюкова, появлявшаяся в разных местах парка. Сильно удивило

меня присутствие мирного, не питающего ни малейшей симпатии к революционным эксцессам Ивана Михайловича Гревса.

– С каких это пор ты стал таким меломаном? – с иронией спросил его я.

– Я? Я всегда любил музыку и в Павловске бывал часто. А вот тебя я здесь до сих пор что-то не встречал.

Гревс действительно любил музыку, но... не такую.

Возбуждение чувствовалось очень сильное. Но речей, настоящих ораторских речей с трибуны пока еще не было. Разговаривали по отдельным кружкам. Более других спланивал около себя слушателей П. Н. Милюков, но и он речей не произносил.

В обычный час, кажется в 7, явился оркестр военной музыки и в своем павильоне заиграл какую-то бравурную мелодию, совершенно не подходившую к настроению момента. Вся публика бросилась к павильону с криками:

– Стыдно! Позор! Замолчите! Россия гибнет, а вы что-то празднуете, – и тому подобное.

Сжимались кулаки, поднимались даже зонтики и палки, но, к счастью, насилия не было произведено. Оркестр замолчал, потом сложил свои инструменты и ушел.

Собственно, задача демонстрации была закончена; никакого плана на дальнейшее не было, и делать было нам больше нечего. Но сразу и просто разойтись было психологически невозможно. В отдельных местах парка начались речи, произносимые со скамей, однако речи очень краткие, ни одна из которых не продолжалась более 5 минут, все – одного содержания, которое может быть сведено в одну краткую формулу: «Долой самодержавие». За одну из таких речей был тут же арестован А. И. Новиков (бывший земский начальник, потом городской голова одного из южных городов, кажется Баку), который после нескольких дней ареста был благодаря своим высокопоставленным связям освобожден и в виде наказания подвергнут иногда употребляемой, довольно бессмысленной каре домаш-

ним арестом; я у него бывал во время отбытия им этой кары.

Произнес и я такую речь. Общий смысл ее был тот же, что и у других ораторов, но, кажется, я один или один из немногих прибавил к формуле «долой» пункт положительной программы: учредительное собрание, избранное всеобщей подачей голосов. Ко мне бросился полицейский с явным намерением меня арестовать, но между мною и им быстро, как будто нечаянно, стал Милюков, около него сгрудилось несколько человек из публики, а мне подала руку какая-то незнакомая мне пожилая дама, и мы вместе с ней спокойно вышли из парка. Таким образом П. Н. Милюков и эта дама спасли меня от ареста¹⁰⁷³.

В парк я больше не возвращался и вернулся в Петербург с первым поездом.

В июне того же 1905 г. на Черном море произошло восстание броненосца «Потемкин»¹⁰⁷⁴. Редакция командировала ме-

1073 Ср. с воспоминаниями П. Н. Милюкова: «Я был в это время в Петербурге и получил от имени Союза освобождения предложение участвовать в первом общественном протесте по поводу поражения при Цусиме. Не согласиться было нельзя, хотя дело шло об одной из “симуляций” революции, для меня малосимпатичных. Было условлено собраться в ближайшие дни “на музыке” в Павловске и там в антракте выставить оратора, который бы объяснил публике значение народного протеста. Оратором согласился быть милейший В. В. Водовозов, всегда готовый к бою. Но демонстрация плачевно провалилась. Часть публики, не успевшая уйти из зала, разбежалась, как только поняла, что ее втягивают в политику. Подоспевшая полиция принялась за работу, и нам едва удалось скрыть в нашей маленькой кучке оратора, слишком выдававшегося своим костюмом, взъерошенной шевелюрой и громадной папахой. На меня эта несерьезная попытка в серьезную минуту произвела самое тяжелое впечатление и навсегда отучила от подобных “симуляций”» (Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 196).

1074 Речь идет о восстании на броненосце «Князь Потемкин-Таврический» 14–25 июня 1905 г.

ня в Одессу разузнать об этом происшествии. Я прибыл туда, когда «Потемкин» уже ушел в море, и видел только следы разрушения, произведенного бомбардировкой, но не самую бомбардировку. Причин и общего характера происшествий никто в Одессе тогда еще не понимал, и, собрав по свежим следам те сведения, которые оказалось возможным получить, и описав их в наскоро набросанной корреспонденции, я уехал.

По дороге в Одессу в ноябре я встретился с мистером Вильямсом, впоследствии приобретшим большую известность в качестве члена редакции «Times», ведшим там русский отдел с большим, редким в иностранце пониманием России. Познакомился с ним я еще в 1903 г. в Штутгарте у П. Б. Струве. Только что перед тем из Петербурга и России вообще был выслан корреспондент «Times» за мрачное освещение финансового, экономического и политического положения России¹⁰⁷⁵. Рассерженный и оскорбленный этим «Times» заявил, что своему корреспонденту он вполне доверяет, посылать в Россию другого не считает возможным и нужным, а будет держать свое доверенное лицо в Штутгарте и будет просить Струве сообщать ему те обильные сведения, которые скапливаются у него из России. И вот этот корреспондент (фамилию его я забыл) приехал в Штутгарт. Одновременно с ним приехал Вильямс, тогда бывший корреспондентом радикальной «Manchester Guardian», одной из очень немногих больших английских газет, издающихся в провинции. Оба англичанина провели несколько времени вместе в Штутгарте, но первый скоро уехал из него, и остался один Вильямс. Не помню, тогда же ли он перешел в «Times» или он оставался корреспондентом «Manchester

1075 Имеется в виду корреспондент «The Times» в Петербурге Дадли Дизраэли Брэхэм, высланный из России 28 мая 1903 г. за публикацию «подложного» документа о причастности министра внутренних дел В. К. Плеве к организации погрома в Кишиневе.

Guardian», а в «Times» устроился как-нибудь иначе¹⁰⁷⁶, но те полтора или два месяца, что я провел в Штутгарте, я видался с Вильямсом чуть не ежедневно. Потом он бывал у меня в Петербурге, и вот я встретился с ним в поезде, везшем нас в Одессу.

Англичанин из Новой Зеландии, кажется, доктор одного из германских университетов¹⁰⁷⁷, хороший языковед, в частности порядочно говоривший по-русски, Вильямс производил впечатление широко образованного человека с широким кругом интересов. Он добросовестно старался понять жизнь страны, которую изучал, и из всякого человека, с которым его сталкивала судьба, старался выжать все что только можно. Он очень интересно ставил вопросы и умел вовлекать в живой разговор. Всю дорогу от Петербурга до Одессы и потом два или три дня в Одессе мы провели с ним вместе.

Из Одессы на возвратном пути я заехал в Киев, где оставалась моя жена, до тех пор не перебравшаяся еще в Петербург. Специальной цели заезда, вроде лекции или доклада, у меня не было, и оставаться в Киеве я не хотел более суток. Но в первый же день, когда я, побывав в нашей редакции «Киевских откликов» и посетив различных знакомых, вернулся домой,

1076 Неточность: Гарольд Вильямс с лета 1903 г. освещал события в России в качестве специального корреспондента «The Times» в Штутгарте. В декабре 1904 г. он приехал в Петербург, представляя газеты «The Manchester Guardian» (с января 1905 г.), «The Morning Post» (1908–1911) и «The Daily Chronicle» (1914–1918); см. воспоминания его жены: Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. М., 2007. С. 170–178. Корреспондентом «The Times» в Петербурге с февраля 1905 г. состоял Роберт Арчибалд Вильтон (Robert Archibald Wilton, 1868–1925), покинувший Россию лишь после разгрома колчаковцев.

1077 Вильямс получил докторскую степень в Мюнхенском университете по грамматике одного из филиппинских языков (илокано) в 1903 г.

произошло событие, столь обычное и всегда тем не менее неожиданное. Часов в 11 или 12 вечера раздался звонок, – и появились жандармерия и полиция.

Обыск продолжался часа три; затем забрали мою жену и увели. На этот раз дело было киевское, местное, направленное не против меня, а специально против моей жены. Причины ареста мы тогда не понимали. Впоследствии для нас выяснилось, что моя жена явилась одной из многих жертв Азефа. Моя жена вообще поддерживала дружеские связи с социалистами-революционерами, иногда давала им деньги, иногда – квартиру для их совещаний. Один раз, еще до моего переселения из Киева, я встретил у нее Азефа и имел честь познакомиться с ним, но встреча была совершенно мимолетная. Впечатление от Азефа у меня осталось общее со всеми: «На редкость гнусная рожа».

Приходилось отложить свой отъезд из Киева, хотя я и чувствовал неловкость по отношению к редакции «Нашей жизни»: только что окончились трехмесячные невольные каникулы, а я уже манкирую.

Сходил в жандармское управление, где, к счастью, уже не было моего старого знакомого Новицкого, – получил свидание с женой, побывал у нее в тюрьме. Убеждение у нас обоих было, что арест не серьезный и что скоро она будет освобождена. Поэтому я решил уехать в Петербург¹⁰⁷⁸, оставив заботу о жене на

1078 Жена В. В. Водовозова писала ему из тюрьмы: «Дорогой мой Вася, надеюсь, что ты уже в Петербурге; мне было очень неприятно, что ты очень задержался в Киеве; я боялась, что у тебя пропадут железнодорожные билеты и ты пропустишь сроки для написания статьи. Я очень прошу тебя не хлопотать, ничего не предпринимать и, главное, не беспокоиться. Вся русская жизнь – тюрьма, и, в сущности, большой разницы нет, жить ли на Лукьяновке или на Владимирской; здесь, по крайней мере, спокойнее, не чувствуешь себя зверем, за которым охотятся, т. к. являешься их добычей. Ты пока что не приезжай в Киев, не

ее близкой приятельнице, молодой барышне Варваре Ваховской, которая в это время гостила у нее и осталась в нашей квартире и после моего отъезда¹⁰⁷⁹. Действительно, через две

бросай работу и не трать такую кучу денег; приедешь потом, если буду сидеть, хотя я думаю, что вся эта комедия скоро кончится и занавес будет опущен, не доставивши удовольствия ни той, ни другой стороне, а впрочем, это безразлично. Во всяком случае, я прошу тебя: не нарушай порядка своей жизни, работы и т. д.; мне в моем состоянии мудрено помочь...» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2097. Л. 27).

- 1079 См. выписку из полученного Департаментом полиции агентурным путем письма от 10 июля 1905 г., которое «Варя» (В. Э. Ваховская, племянница жены А. И. Бонч-Осмоловского) послала В. В. Водовозову в Петербург: «Только что получила письмо от Веры. Представьте, эти мерзавцы до сих пор (две недели) не передали ей книг. В понедельник пойду к ним. Ведь это уже черт знает что такое. Дела они прокурору не передали, и теперь она сидит по распоряжению губернатора. Прокурор советовал мне сходить к нему просить свидания, но он уехал. Приходится опять ждать. Допроса все еще не было. По словам Верочки, она чувствует себя спокойно и “будущее не так страшит ее, как прежде”... Пишу я Вам так мало, потому что от этих чертей ничего не добьешься. <...> Не знаю, могло ли бы помочь Ваше присутствие. Пожалуй, Вы там больше можете узнать, чем здесь. Вот если они найдут наше родство недостаточным, тогда Вам, конечно, необходимо будет приехать, но пока это особенного смысла не имеет. Что же касается заботы о Верусе, то будьте покойны – все, что только возможно, сделаю...» (Там же. Ф. 102. Оп. 231. ОО. 1903. Д. 271. Л. 9). В другом письме Вари говорилось: «Верочку видела. Ее ужасно утомляет жара, чувствует себя скверно. В камере у них страшная духота, т. к. весь день (с 2 до захода) там солнце, а вечером и ночью окна нельзя открыть, потому что во дворе страшная вонь. С ледником ничего не выходит, потому что лед надо покупать каждый день. Завтра попробую отвезти ей мороженое в мороженице со льдом. Надеюсь, что примут. У нее болят глаза, разрешили пригласить специалиста...» (Там же. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2077. Л. 7).

недели жена была освобождена без других последствий, кроме отобрания подписки о невыезде.

В сентябре того же года я еще раз съездил в Киев, – на этот раз потому, что у моей жены нужно было произвести, хотя и не серьезную, глазную операцию. У нее по-прежнему гостила В. Ваховская, дело ее было в неопределенном положении, и в это же время у нас остановился наш хороший знакомый, не-безызвестный писатель по вопросам естествознания Лункевич (автор ряда популярных брошюр, изданных Павленковым¹⁰⁸⁰). Он ехал с Кавказа через Одессу и Киев в Москву и в Киеве собирался пробыть дня два. Его рассказы о ходе событий и нарастании революции на Кавказе были в высшей степени интересны, и я предложил ему устроить прочтение доклада в Литературно-артистическом обществе, как за полгода перед тем я сам читал там же доклад о революционных событиях в Петербурге 9 января.

Лункевич охотно согласился, и с тою же быстротой, с какой была организована демонстрация в Павловске, быстротой, возможной лишь в такое революционное время, я в один день организовал чтение доклада и оповестил публику¹⁰⁸¹.

Вместительная зала Литературно-артистического обще-

1080 Имеются в виду 40 брошюр В. В. Лункевича, вышедших в 1899–1905 гг. в Петербурге в серии «Научно-популярная библиотека для народа» Ф. Павленкова («Земля», «Небо и звезды», «Жизнь в капле воды», «Как идет жизнь в человеческом теле», «Обезьяны», «Степь и пустыня», «Чудеса науки и техники: Пар и электричество», «Чудеса общежития. Жизнь первобытного человека и современных дикарей» и др.).

1081 Далее мемуарист совмещает два свои выступления, состоявшиеся в 1905 г. в киевском Литературно-артистическом обществе: 1 марта, когда В. В. Лункевич рассказывал об «армяно-татарской резне» в Баку на основании собранных им свидетельских показаний, и 14 сентября, когда Водовозов сделал доклад об избирательном законе.

ства была набита битком. Я открыл собрание и предоставил слово Лункевичу. Он начал свой рассказ. Зала слушала с большим интересом и вниманием. Вдруг меня отозвали.

– Полиция внизу, ее задерживают; сейчас она явится. Наряд громадный!

Я выбежал навстречу полиции и застал ее на лестнице.

– В чем дело?

– Здесь нелегальное собрание. Я требую, чтобы оно разошлось спокойно.

– Хорошо, это будет исполнено, но я прошу вас не входить в зал, потому что ваше присутствие может вызвать скандал, и я не отвечаю за сохранение порядка. Без вас мне удастся убедить публику разойтись. Дайте мне пятнадцать минут срока.

Пристав согласился.

Я вернулся в зал. Пока я не без труда продирался через публику, переполнявшую помещение и уже знавшую о полиции, я слышал, как один молодой человек спрашивал:

– А где же Водовозов?

– Водовозова, конечно, давно след простыл, – ответил другой.

В эту минуту он заметил меня и сконфузился.

Ввиду явной взволнованности публики Лункевич не мог продолжать своего доклада и оборвал его. Я занял свое председательское место, позвонил и сообщил публике о требовании полиции. Раздались крики:

– Не расходиться! К черту полицию!

Я начал убеждать публику подчиниться требованию полиции. Ведь доклад все равно сорван, – закончен он не будет, а протест нерасхождением не имеет решительно никакого смысла: мы будем переписаны, может быть, переарестованы, может быть, будут другие нежелательные последствия (я имел в виду закрытие Литературно-артистического общества), но пользы от этого никому не будет.

– Водовозов трусит!

– Я, господа, не трушу. Сейчас уходить можно свободно, но я не уйду, а дожидаясь конца и подчинюсь решению собрания. Если оно решит большинством голосов не расходиться, я не уйду, но повторяю: оставаться не имеет решительно никакого смысла. Я ставлю вопрос на голоса: расходиться или оставаться. Кто за расходиться – поднимите руку.

– Требую слова, мне слова!

Пришлось двум лицам дать слово. Они заговорили взволнованно, бестолково, доказывая, что расходиться по требованию полиции позорно, что мы в своем праве, что полиция вторгается в мирное собрание незаконно, что мы постоянно беспрекословно подчиняемся и этим вызываем рост наглости полиции и т. д. Дав наговориться одному оратору и оборвав второго, я указал, что пятнадцатиминутный срок, данный мне полицией, истекает, и решительно поставил вопрос на голосование. Явное несомненное большинство высказалось за расходжение. Большинство стало бы еще гораздо больше, если бы голосование было проведено вначале, но люди более мирные, узнав, что выход свободен, тотчас же массой потекли к выходу. Голосование было произведено в сильно поредевшем зале; вероятно, налицо оставалось не больше четверти всей первоначальной публики. В числе ушедших был и Лункевич, но только по моему решительному требованию.

– Я решительно требую, чтобы вы уходили и не искали другого ночлега, а шли ко мне. Возьмите Ваховскую и уходите, – шепнул я ему.

Он пытался возражать, но подчинился.

Итак, голосование дало разумное решение, но в ту минуту, когда оно определилось, в залу вошла полиция с саблями наголо.

Публика повскакала с мест, раздались крики:

– Долой полицию, к черту полицию!

– Я объявляю собрание задержанным. Все присутствующие будут переписаны, – провозгласил частный пристав.

– Вы мне обещали пятнадцать минут срока. Когда вы вошли в залу, истекло только тринадцать. Собрание постановило разойтись, и я требую, что вы его выпустили спокойно, согласно с вашим обещанием, – сказал я.

– Сейчас приступаем к переписыванию. Кто имеет документы, будет выпущен немедленно. Кто их не имеет, будет задержан до установления личности, – заявил пристав, оставляя без ответа мои слова.

– Я повторяю, – начал вновь я, – что вы согласились на срок в пятнадцать минут...

Но пристав не обращал на меня внимания.

– В соседней комнате происходит запись. Подходите по очереди.

Публика разошлась по соседним комнатам. В одной из них какая-то барышня запустила в городского подушкой с дивана; тот бросился на нее со шпагой в руке, – правда, в ножнах; барышня с диким визгом бросилась убегать, городской за ней, но, видимо, без желания ее нагнать, через несколько шагов он остановился.

Началась запись. Я подошел первым и заявил, что паспорта с собой не захватил.

– Вас я очень хорошо знаю, – сказал пристав с ироническим подчеркиванием слова «очень». – По окончании переписи будут открыты выходные двери, и вы можете уйти.

Я отошел от стола, и сейчас же на меня насели разные знакомые, мужчины и женщины.

– Я не захватил паспорта, поручитесь за меня перед приставом.

Я сделал это, и пристав принял мое показание. Обеспеченным документами и рекомендованным мною предоставлялась свобода в пределах помещения Литературно-артистического общества, а не имеющих документы отводили в заднюю комнату, в которой их изолировали под охраной городских. Тут начали ко мне обращаться с просьбами об

удостоверении их личности люди мне незнакомые и между ними – особенно настойчиво один:

– Я нелегальный; если меня задержат, для меня – гибель.

– Зачем же вы, если вы нелегальный, идете на такое собрание и зачем вы остаетесь на нем, когда выход свободен, а оставаться явно опасно?

– Я нелегальный, спасите меня, – повторял он с крайне растерянным видом. – Назовите меня так-то (не помню как).

«Что, если это провокатор?» – думал я. Но растерянность его, явный страх были искренними, и с чувством брезгливости я хотел исполнить его желание, но в это время ко мне обратился пристав, очевидно понявший характер разговора:

– Господин Водовозов, я больше ваших удостоверений принимать не стану. Довольно!

Я спустился вниз, в раздевальную. Вся она была полна народом, видимо желавшим уходить. Но выходные стеклянные двери были заперты на замок, а за стеклом стояли городовые. Публика показывала им кулаки и кричала всякие ругательства. Наконец, раздался звон разбитого стекла, и через него просунулось несколько рук с револьверами, направленными на нас. Публика завизжала в ужасе и повалилась на пол, очевидно считая, что в лежащем положении она является меньшей мишенью. Стояли только 3–4 человека, между ними Саша Гиберман, о котором я упоминал выше.

Часа через два перепись была закончена и мы, человек 150, были отпущены; человек 80 задержаны до утра и освобождены утром. Арестован никто не был, и что сделалось с тем нелегальным, о котором я говорил, – не знаю¹⁰⁸².

1082 Иначе описывал инцидент начальник Киевского губернского жандармского управления, который докладывал, что в помещении Литературно-артистического общества к восьми часам вечера 1 марта собралось неразрешенное «собрание интеллигентной молодежи, до 300–400 человек», главными устроите-

лями которого явились «известные своей политической неблагонадежностью» В. В. Водовозов и Зиновия Адольфовна Зелинская. Перед собравшимися выступил член-корреспондент Комитета по сбору пожертвований в пользу пострадавших в Баку во время беспорядков 6–9 февраля, образованного под председательством Тифлисского епархиального начальника, В. В. Лункевич, утверждавший, что «нападение на бакинских армян со стороны магометан устроено местной полицией». После того как его выступление было прервано жандармами, место докладчика занял кандидат в члены правления Литературно-артистического общества Водовозов, который призвал собравшихся прежде, чем разойтись, ибо «мы слабы, чтобы сопротивляться полиции», хотя действия ее незаконны, принять резолюцию. Он, по удостоверению присутствовавших при этом чинов полиции, сказал приблизительно следующее: «Господа! Нам сегодня сообщено очевидцем о бакинской резне – бойне. Считаю не лишним здесь упомянуть и о бывших таких же бойнях в Кишиневе, Гомеле, Петербурге и других местах России. Все это происходит от того, что настоящий наш самодержавный государственный строй подгнил и его необходимо заменить конституционным образом правления, для чего мы все должны сплотиться и продолжать борьбой требовать такого образа правления». В ответ из публики раздался крик: «Нам нужна не конституция, а республика. Долой самодержавие!», после чего, как писала газета «Киевлянин», «поднялся истерический гвалт, в котором ничего нельзя было разобрать; молоденькие девицы выхватывали из юбок прокламации и разбрасывали их», а затем «с возмутительными песнями» толпа вышла в переднюю и разошлась, оставив «в зале и на лестнице прокламации, брошюры и рукописи преступного характера». Начальник жандармского управления сетовал, что три его представления к генерал-губернатору Н. В. Клейгельсу о закрытии Литературно-артистического общества, которое «не впервые уже является ареной действий отрицательных в политическом отношении элементов», оставлены без последствий. Но 3 марта власти запретили назначенную на субботу лекцию Водовозова на тему «Место литературы в жизни», а 4 марта против

Ночью я возвращался домой в очень тяжелом настроении. Это настроение было вызвано не ожиданием возможных неприятностей, – о них в это время как-то не думалось, они слишком входили в норму жизни и вместе с тем слишком верилось в близость конца, – а чувством подавленности от отвратительного поведения публики. Что полиция приходит на мирное собрание и без причины его разгоняет, – это, конечно, было слишком привычно, чтобы вызывать возмущение. Что она при этом непоследовательна – полгода назад она спокойно терпит совершенно такое же собрание с моим докладом и тем как бы признает их правомерность, а теперь приходит на другое, ничуть не более революционное, – это, конечно, тоже не могло не вызвать возмущения. Но идиотская форма протеста, выбранная публикой, а после нее позорная трусость и глупое кидание подушками в знак своего негодования, – все это действовало удручающе.

Дома я застал всех в сборе – моя жена с забинтованным глазом, Лункевич, Ваховская. Все, волнуясь, ждали моего возвращения. Несмотря на поздний час, я уселся за чайный стол. Едва я начал рассказ о событиях, происшедших после ухода Лункевича, как раздался сильный звонок.

– Здесь живет господин Лункевич?

– Это я.

– Покажите вашу комнату и ваши вещи.

Был произведен обыск только в его вещах, ничего не взято (бумаги он заблаговременно отдал моей жене), и затем он был уведен.

Читателю может показаться странным, что я настойчиво

него ввиду признаков преступления, предусмотренного статьями 128 и 129 Уголовного уложения, было возбуждено формальное дознание (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 202. 7 д-во. 1905. Д. 1116. Л. 3; Ф. 124. Оп. 3. Д. 1434. Л. 1. См. также: К характеристике наших дней // Киевлянин. 1905. № 71. 3 марта).

направил его в свою квартиру. Но это совершенно естественно. Ни я, ни Лункевич ни одной минуты не сомневались, что он будет арестован. Если бы он хотел перейти на нелегальное положение, то имело бы смысл переночевать где-нибудь в другом месте и утром уехать из Киева. Но такого намерения он не имел, и ночевка в другом месте имела бы смысл только в сомнительной надежде избавить от обыска квартиру моей жены, которого можно было ожидать, но ценой риска подвести под такую неприятность кого-нибудь другого. К тому же сколько-нибудь близких знакомых у Лункевича в Киеве не было. Вопрос с ночевкой в другом месте обсуждался, конечно, и в ожидании моего прихода домой, когда у Лункевича было достаточно времени, чтобы спокойно уйти, но был решен отрицательно¹⁰⁸³.

На следующий день я уехал в Петербург. Дня через три после прибытия я прочитал в газете «Русь» телеграмму, излагавшую все происшедшее и заканчивавшуюся сообщением: «Водовозов и Лункевич приговорены в административном порядке к аресту на 3 месяца. Остальные – свыше 200 человек – к аресту на неделю».

Моя мать, прочитав телеграмму, сразу сказала:

1083 Видимо, мемуариста подвела память, ибо сохранился черновик его письма в редакцию одной из газет по поводу ее корреспонденции из Киева о реферате В. В. Лункевича о бакинских событиях, в котором В. В. Водовозов сообщал: «Лункевич от меня в ночь, последовавшую за рефератом, принужден был переехать на другую квартиру, но через шесть дней он с этой квартиры вернулся ко мне обратно, потом уехал в Петербург, где желал прочитать тот же самый реферат, но где ему это не удалось, и уехал в настоящее время в Москву» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2891. Л. 2). Позднее Водовозов пояснял, что, задержанный с женой на Николаевском вокзале 20–23 декабря 1905 г., Лункевич, просидев два с половиной месяца в Мясницкой части, был выпущен в марте 1906 г. «с условием сейчас же покинуть Россию, в чем взяли подписку» (Там же. Д. 2681. Л. 1).

– Уезжай за границу¹⁰⁸⁴.

- 1084 В. В. Водовозов ошибочно связывает свое решение эмигрировать с выступлениями его и В. В. Лункевича в Киеве 1 марта 1905 г. Он покинул Россию только через шесть месяцев, 1 октября 1905 г., что было вызвано его речью, произнесенной 14 сентября в Киеве, о которой три дня спустя начальник Киевского губернского жандармского управления докладывал в Петербург: «14 сего сентября вечером в помещении Киевского Литературно-артистического общества состоялось, без ведома и разрешения чинов местной полиции, собрание. Прибывший на место собрания пристав Дворцового полицейского г. Киева участка застал около 300 человек, преимущественно учащейся в высших и средних учебных заведениях молодежи, а также евреев обоего пола, рабочих и мастеровых. На расспросы о цели собрания эконо́м клуба Федорчук сообщил, что ему неизвестно, какой характер имеет собрание, что председателя и членов правления общества за вы́бытием прежнего состава еще не имеется, что реферат читает член общества В. Водовозов по собственному почину, что распорядительницей является состоящая членом правления Софья Николаевна Зелинская и что публика вошла в помещение собрания без установленной уставом рекомендации кого-либо из членов общества. <...> Чтение Водовозова заключалось в критическом разборе положения об учреждении Государственной думы, причем лектор в резких выражениях говорил об учреждении Думы как об уступке правительства народу, но законодатель обставил положение так, что в Думу не попадут ни представители выдающихся умов социал-либералов, ни тем более представители крестьян-земледельцев и рабочих. Порицая при этом существующий государственный строй, Водовозов заметно возбуждал публику, которая рукоплесканиями выражала ему свое одобрение. Прибывший в собрание киевский полицеймейстер В. И. Цихоцкий объявил, что собрание незаконное, и потребовал немедленного прекращения чтения и удаления публики из зала. Но в это время Водовозов, очевидно с целью, вышел в другую комнату и, возвратившись по выходе полицеймейстера, заявил слушателям, что требование полицеймейстера он лично не

слыхал, а потому не станет ему подчиняться и будет продолжать чтение. Полицеймейстер, вновь войдя в собрание, обратился уже лично к Водовозову с категорическим требованием о немедленном прекращении чтения. К этому времени собралось уже около 600 человек, которые на требование полицеймейстера ответили криком: “Долой полицию” и настаивали на продолжении чтения, причем некоторые из них пытались своими речами еще более возбудить толпу. Лектор Водовозов громко заявил, что требование полицеймейстера незаконно, так как собрание может быть закрыто только начальником края, и требовал доставить ему письменное распоряжение о закрытии. Затем он поставил на решение толпы следующие два вопроса: следует ли подчиниться незаконному распоряжению полицеймейстера и прекратить чтение с тем, чтобы публика в самой резкой форме выразила свое порицание действиям правительства, или не подчиняться, а, жертвуя жизнью, сию минуту вступить с полицией в кровавую борьбу, памятуя, что понесенные жертвы послужат на пользу святому делу низвержения существующего порядка. Мнение публики по этим вопросам расходилось: одни готовы были вступить в борьбу с чинами полиции, а другие настаивали на выражении протеста. Между тем часть публики удалась, а оставшиеся в помещении собрания кричали: “Долой самодержавие, долой правительство”, при этом особенно выделялись Василий Водовозов, Софья Николаевна Зелинская, Михаил Липницкий, Иван Кириенко <...>. По приказанию полицеймейстера оставшиеся в собрании 255 человек переписаны и, по установлении их личности, освобождены. Толпа оказала противодействие чинам полиции, бросала стульями в городских, наносила им удары палками и руками, била окна и двери. Такое поведение толпы вынудило городских обнажить шашки, которые, однако, в действие употреблены не были» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 230. ОО. 1902. Д. 600. Л. 33–34; см. также: Незаконное собрание // Киевлянин. 1905. № 255. 15 сент.). 16 сентября по распоряжению киевского, волынского и подольского генерал-губернатора Литературно-артистическое общество было закрыто, причем, как указывала столичная пресса, поводом для этого «послужил инцидент, произошед-

В редакции «Нашей жизни» все – в один голос:

– Уезжайте за границу.

Теперь трудно понять ту психологию, которая из страха трехмесячного ареста толкала в эмиграцию. Кто из нас, нынешних эмигрантов, вспоминая давнее прошлое, не предпочел бы трех лет тюрьмы эмиграции, без просвета впереди? Года два-три спустя К. И. Диксон, бывший одно время ответственным редактором «Нашей жизни», спасаясь от грозившего ему приговора по литературному делу к году тюрьмы, уехал за границу, но, пробыв там некоторое время, предпочел вернуться и отбыть приговор. Но в том-то и дело, что тогда просвет впереди был; приближение переворота явственно чувствовалось в воздухе.

Лично я в смысле сроков был настроен более пессимистично, на близкую амнистию не рассчитывал и потому колебался, но поддался общему настроению. Последний толчок был дан социал-демократами. Ко мне в редакцию пришли два не-много знакомых социал-демократа и заявили:

– Вы, конечно, хотите уезжать. У нас есть паспорт, который мы предоставляем вам.

Эта любезность меня сильно тронула, тем более что с социал-демократами в это время у меня были довольно натянутые отношения и в различных социал-демократических изданиях меня часто продергивали, обвиняя в том, что я «готов изменить» пролетариату в пользу земцев и вообще буржуазии (это было сказано по поводу моего выступления в защиту известного земца В. М. Хижнякова на одном собрании, где он подвергся ожесточенным нападкам за то, что сказал: «всеобщее избирательное право», не прибавив остальных членов четыреххвостой формулы¹⁰⁸⁵), и в тому подобных грехах¹⁰⁸⁶. Вме-

ший 14 сентября во время чтения реферата Водовозова о Государственной думе» (Русь. Веч. выпуск. 1905. № 54. 19 сент.).

1085 Так называемая «четыреххвостка» подразумевала всеобщее,

равное, прямое и тайное голосование.

1086 Мемуарист имеет в виду следующее: воспользовавшись «литературной средой» в Литературно-артистическом обществе (ожидалась лекция помощника присяжного поверенного М. М. Могилянского «О поэзии Огарева», собравшая около полутора-ста слушателей), организаторы ее пригласили гласного черниговского земства В. М. Хижнякова, оказавшегося в Киеве проездом из Петербурга, чтобы он поделился своими впечатлениями о земском съезде, в котором участвовал. Но доклад его, как сообщал корреспондент меньшевистской «Искры», не только сопровождался горячими аплодисментами, но и вызвал бурную полемику:

«Среди публики внезапно вскакивает молодой человек, в статском, на стул и сильно взволнованным голосом заявляет: “Я протестую против рукоплесканий. Земство не заслужило того, чтобы им восхищались. Оно не выполнило очень многого. Вы не должны были расходиться, но ожидать, пока не последует удовлетворение ваших требований! Вы должны были поступить так, как поступили французы в 1789 г. Но этого мало. Вы забыли и ни словом не упомянули о тех, кто является истинным виновником настоящей «весны», вы забыли о рабочем классе и сотнях страдальцев... И о главном вы умолчали. Вопрос о всеобщем, равном, прямом и тайном голосовании. Земцы далеко не сделали того, что они могли сделать. Вы занимались больше болтовней, чем делом!” (Человек 20, окружавшие оратора, аплодируют, все – социал-демократы, студенты и девицы). <...>

Водовозов (горячо): “Я безусловно протестую против речи недовольного оратора. Пункт седьмой говорит о равенстве личных, общественных и политических прав. Если бы вы были более знакомы с государственной наукой, вы увидели бы, что формула эта понимает всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право! А затем я безусловно протестую против выраженного отношения к земским деятелям. Настоящий момент призывает к единению, а не к борьбе фракций и партий. А вы на это именно и тратите свои силы. К чему вы стремитесь? К изменению политического порядка. Так сосредоточьте свое

внимание на этом, а не на подведении старых счетов с союзниками. Подобное отвлечение сил в настоящий момент – огромная тактическая ошибка, больше – это политическое преступление!” (Часть публики аплодирует, в кружке недовольных слышны возгласы протеста).

От редакции: Наш товарищ, конечно, напрасно упрекнул земцев в “болтовне”: не мешало бы, напротив, если бы они побольше потолковали на съезде о действительных нуждах России. Но он безусловно прав в своих возражениях по существу. И именно потому, что он был прав, самого сурового осуждения заслуживает постыдное выступление “демократа” г-на Водовозова. Нападать с тылу на социалистов, когда они, критикуя половинчатость и умеренность земцев, стремятся толкнуть их на путь действительно демократической политики, – значит предавать дело демократии, а пользоваться при этом стереотипно пошлыми фразами о всеобщем “единении” – значит для господина, пережившего, как В. В. Водовозов, все перипетии различных “фракционных” раздоров последнего десятилетия, сознательно спекулировать на политической наивности своих слушателей. Мы тоже за “единение”, г-н Водовозов, и первые будем аплодировать г. Хижнякову, когда он формулирует потребности нынешнего дня в терминах нашей программы, то есть в соответствии с интересами тех миллионов крестьян и рабочих, из которых состоит подавляющее большинство населения. Пламенеющий чувством к “умеренным отцам”, г-н Водовозов оказывается “более земцем, чем сами земцы”. Г. Хижняков в ответ на упрек об игнорировании всеобщего избирательного права говорит, что ничто в требованиях 11 пунктов не противоречит этому праву. А г-н Водовозов дерзает заявить, что из § 7 можно вывести всеобщее и даже тайное и прямое избирательное право! Самоуверенные ссылки на учебники обманут только самых наивных простаков, а неловкость примененных г-ном Водовозовым софизмов только заставит сознательных рабочих и честных революционеров смотреть в оба за этим, с позволения сказать, демократом, так рано проявляющим свою готовность совершить измену» (Из нашей общественной жизни. Киев // Искра. 1904. № 79. 1 дек.).

сте с тем меня поразила уверенность, что я не могу не уехать в ожидании трех месяцев ареста. Я решился, но, поблагодарив социал-демократов, от их предложения отказался. Слишком тверда у меня была в памяти моя поездка с чужим паспортом в Австрию в 1901 г. и слишком малоспособным я чувствовал себя к роли самозванца.

Я решил рискнуть получить паспорт: ведь телеграмма «Руси» была даже не агентская, а от собственного корреспондента; было весьма вероятно, что официальное оповещение о моем аресте сделано еще не было, по крайней мере по телеграфу. И это оказалось верным. Участок без малейшего затруднения выдал мне удостоверение о неимении препятствий к выдаче паспорта, а градоначальство спокойно выдало таковой.

Итак, паспорт был у меня в кармане. Уехать сразу, однако, я не мог, так как нужно было ликвидировать разные дела, в частности организовать замещение меня в «Нашей жизни», и я целую неделю провел в Петербурге, бывая ежедневно в редакции, но из предосторожности ночевал у разных знакомых: то у Ашешова (сотрудника «Нашей жизни»), то у Котельникова (заведующего ее хозяйственной частью).

Тоже из предосторожности я уехал не обычным путем, а через Финляндию. Уехал я ровно 1 октября 1905 г. С. Н. Прокопович и Е. Д. Кускова дали мне письмо к одной финляндской политической деятельнице шведоманской партии¹⁰⁸⁷ в Выборге, настаивая на том, чтобы ввиду моего промедления с отъездом я предварительно навел у нее справки о полицейском состоянии границы. Эта дама показала мне местную финскую газету, в которой была перепечатана заметка «Руси»

1087 Шведоманы, или шведская партия, представлявшие национальное меньшинство в сейме Великого княжества Финляндского (шведский считали родным языком более 10% его населения), требуя расширения автономии, находились в легальной оппозиции к российскому правительству.

и полностью пропечатана моя фамилия, равно как и фамилия Лункевича, и когда я ей сообщил, что Лункевич уже арестован, то обещала достать мне рекомендацию к капитану судна, который переправил бы меня нелегально. Но нужно было бы ждать отхода его судна недели две; мне этого не хотелось, я махнул рукой и поехал на первом пароходе, отходившем из Ганге¹⁰⁸⁸ в Стокгольм, – поехал вполне легально. Паспортов на границе Финляндии раньше вовсе не спрашивали; при Бобрикове их досмотр был сделан обязательным, но производился поверхностно. Во всяком случае, несомненно, что в Ганге о моем возможном отъезде не было сообщено, и я проехал совершенно благополучно. Помню, что при поездке через Финляндию меня поразила резкая разница ее климата со столь близким Петербургом: за Выборгом везде лежал снег, а в Петербурге и до Выборга я не видел его ни до моего отъезда, ни даже после возвращения.

Итак, я был вновь за границей, где бывал так часто, но теперь в первый раз я был там политическим эмигрантом. Сколько времени продлится моя эмиграция? Посылавшие меня за границу друзья говорили о двух-трех месяцах и аргументировали: лучше три месяца свободы за границей, чем три месяца тюрьмы в Петербурге. Сам я оценивал ее в 6 и более месяцев. Заграничное пребывание меня в это время не привлекало: у меня была работа вполне мне по душе, ход событий в России представлял большой интерес для наблюдателя. Не делаю ли я большую глупость? Следовало ли уступать настояниям?

Но – жребий был брошен, не возвращаться же назад!

В Стокгольме я провел дня два. Там я был знаком с лидером социал-демократов Брантингом, а выборгская дама дала

1088 Гангё (швед. Hangö), Ханко (фин. Hanko, Hankoniemi) – город и порт в Финляндии на северном побережье Финского залива Балтийского моря.

мне рекомендательное письмо к Неовиусу, известному финляндскому политическому деятелю шведской партии, в это время находившемуся в эмиграции. Брантинга я посетил в редакции шведской социал-демократической газеты. Там меня проинтервьюировал о положении вещей в России один сотрудник газеты, на другой день поместивший длиннейший отчет о нашей беседе под заглавием: «Разговор с деятелем освободительного движения в России». Неовиуса я посетил два раза и вел беседы о Финляндии.

Из Стокгольма я проехал в Христианию, где раньше никогда не бывал. Там у меня было письмо от Неовиуса к Брёггегну¹⁰⁸⁹, профессору минералогии и геологии в университете, считающемуся выдающимся ученым в своей области. В политической борьбе он личного участия не принимал, но интересовался ею, был решительным сторонником разрыва унии со Швецией¹⁰⁹⁰ и вообще был для меня интересным собеседником по политическим вопросам. Он доставил мне доступ в норвежский парламент, и мне удалось присутствовать на одном из самых интересных заседаний по жгучему вопросу, связанному с отношениями со Швецией. Не зная датского языка¹⁰⁹¹, я, к сожалению, не понимал ни одного слова из речей ораторов, но общий характер заседания был для меня очень интересен. Я бывал в очень многих парламентах Европы, бывал на заседаниях и по боевым вопросам, и по вопросам второстепенным, и всегда и везде видел страстное возбуждение, горячую борьбу, возбужденную жестикуляцию, слышал постоянные выкрики с

1089 Правильно: Брёггер (Brögger).

1090 Имеется в виду Шведско-норвежская уния 1814 г., в результате которой обоими королевствами правил шведский король; расторгнута 26 октября 1905 г., после чего Норвегия обрела независимость и своего короля.

1091 Из-за доминирования Дании в Датско-норвежской унии 1536–1814 гг. литературным языком Норвегии до начала XX в. оставался датский.

мест и видел председателя всегда с трудом вводящим прения в русло и доводящим их до голосования. Так бывало в германском и местных германских парламентах (прусском и даже вюртембергском), австрийском, болгарском, французском, бельгийском, где я бывал раньше, и русском и турецком, где я бывал после 1905 г. Притом везде лишь небольшая часть депутатов обыкновенно сидит на своих местах, остальные выходят и входят, передвигаются по зале и, видимо, не слушают. Здесь, в Христиании, напротив, заседание парламента можно было бы принять за заседание научного общества: все чинно сидят на своих местах и все внимательно и напряженно слушают всех ораторов, правых и левых одинаково. Криков и замечаний с мест не слышно. Роль председателя, очевидно, не представляет больших трудностей. Он не имеет даже нужды в колокольчике, вместо которого пользуется небольшой прямоугольной деревянной колотушкой, производящей глухой звук, которым нельзя было бы заглушить страстных криков возбужденной толпы.

В беседе со мной Брёгген упомянул, что по предмету его специальности в России имеется ein tüchtiger Kopf¹⁰⁹² – Вернадский. Я сообщил ему, что это мой университетский товарищ и близкий друг.

Побывал я – без рекомендаций – также у пастора и члена стортинга¹⁰⁹³ Эриксона¹⁰⁹⁴, тогдашнего лидера социал-демократической партии Норвегии¹⁰⁹⁵. В Германии пасторов Гере и Наумана лишили их духовного звания за их политическую дея-

1092 дельный человек (нем.).

1093 Стортинг (Stortinget, букв. большое собрание) – однопалатный парламент Норвегии, созданный в соответствии с конституцией 1814 г.

1094 Правильно: Эриксен (Eriksen).

1095 Имеется в виду Рабочая партия (норв. Arbeiderpartiet), основанная в 1887 г.

тельность еще до вступления первого в социал-демократическую партию (а второй всегда относился к ней отрицательно), а в Норвегии священническая ряса нисколько не мешала быть вождем социал-демократической партии. Правда, там партия уже тогда была более ручной, чем в Германии.

Из Христиании я уехал в Берлин, а оттуда в Цюрих. Обосноваться я решил в Берлине как столице наиболее интересовавшего меня государства и городе, особенно удобном для моей работы, но теперь в Швейцарии ожидалось политические выборы; я хотел их посмотреть, в особенности интересуясь их техникой, а заодно собрать сведения о положении вопроса о пропорциональной системе.

В Цюрихе я побывал у Аксельрода, но у него была опасно больна жена; он был в больших хлопотах и волнении, и я ушел. Бывал у доктора Эрисмана, у некоторых швейцарских политических деятелей. Видел и выборы. К сожалению, я прибыл всего дня за три до них и, следовательно, мог видеть только самую процедуру голосования, но не избирательную борьбу.

Едва я приехал в Цюрих, как правление тамошнего русского студенческого кружка выразило желание, чтобы я прочитал доклад о положении в России. Назначен он был, не помню точно, на 17 или 18 октября (по ст. ст.), вероятнее – на последнее. Начал я его, еще ничего не зная о событиях этого памятного дня, но уже через четверть часа мне подали экстренный выпуск газеты с телеграммой о манифесте. Я прочел его вслух. Он вызвал взрыв восторга. Кричали: конституция в России! Когда волнение улеглось, я продолжал мой доклад или, лучше сказать, начал совсем новый доклад. Я сказал приблизительно следующее:

– Я должен признать, что эта телеграмма делает невозможным продолжение моего доклада в прежнем тоне. Уезжая из России, спасаясь от грозившего мне трехмесячного ареста, я был уверен, что проведу в эмиграции не менее полугода. Теперь я уезжаю обратно завтра. Следовательно, мое понимание

положения вещей было неверно или, скорее, не вполне верно. События шли ходом значительно более быстрым, чем я этого ожидал. Но вместе с тем я в этой телеграмме не могу вычитать провозглашения правового конституционного строя в России, а вижу только неопределенные обещания чего-то, обещания, которые мало к чему обязывают и которые очень легко взять обратно. Здесь не видно даже, чтобы была дана амнистия.

Затем я подверг детальной критике телеграмму. К сожалению, она была составлена очень неясно, видимо, наспех; критика ее как телеграммы была легка, но выяснить на ее основе, что произошло в действительности, было трудно. Тем не менее я расхолодил публику, и она была мною недовольна.

Хотя, как я уже сказал, об амнистии пока не было ни слова (амнистия была объявлена особо актом 21 октября¹⁰⁹⁶), но сидеть где-то в Швейцарии или хотя бы в Берлине было для меня психологически невозможно. На другой день, не успев ничего написать для газеты, я уже ехал в Берлин. Дальше ехать было трудно: в России шла всеобщая, в том числе железнодорожная, забастовка¹⁰⁹⁷ и поезда не ходили. Приехать в Эйдкунен¹⁰⁹⁸ и там сидеть и ждать погоды неопределенное время – эта мысль мне не улыбалась. Проехать через Финляндию было тоже невозможно, так как забастовка распространилась и на нее. Пря-

1096 Имеется в виду указ «Об облегчении участи лиц, впавших до воследования Высочайшего Манифеста 17 октября 1905 г. в преступные деяния государственные» от 21 октября 1905 г.

1097 Всероссийская политическая стачка 1905 г., начавшаяся 19 сентября в Москве с забастовки типографий, которых поддерживали другие предприятия, а 7 октября – железнодорожники, парализовала движение по всей стране и, охватив порядка 2 млн человек, заставила Николая II подписать 17 октября Манифест об усовершенствовании государственной власти.

1098 Эйдткунен (Eydtkuhnen) – приграничная железнодорожная станция, с 1946 г. поселок Чернышевское в Калининградской области.

мых регулярных пароходных рейсов в Петербург в то время не было ни из Штеттина, ни из Стокгольма. Надо было выжидать в Берлине.

Вечером, в первый или второй день моего берлинского пребывания, я зашел к Иоллосу, известному корреспонденту «Русских ведомостей», впоследствии члену 1-й Думы, убитому черносотенцами. У Иоллоса я встретил П. Б. Струве.

Струве, который уже с год перед тем перенес свое «Освобождение» из Штутгарта, где я у него был в 1903 г., в Париж, прочитав телеграмму о манифесте 17 октября, так же как и я, моментально сорвался с места (что для него, как человека оседлого в Париже, жившего там семьей и имевшего на руках большое дело, было гораздо труднее, чем для меня, приехавшего налегке с одним небольшим чемоданом) и помчался в Берлин.

– Того, что вас арестуют на границе, вы не боитесь? – спросил я. – Амнистии ведь нет.

– Кто хочет быть живым русским деятелем, тот должен находиться сейчас в России. Не быть там – значит вычеркнуть себя из числа живых, – ответил он.

Он дал мне только что купленный им вечерний номер газеты, в котором показал объявление такого приблизительно рода: «Ввиду железнодорожной забастовки в России мы, такое-то пароходное общество, снаряжаем 4 ноября пароход из Штеттина в Петербург. Пароход устроен со всем возможным комфортом лучших современных пароходов». Был указан адрес, где продаются билеты.

Мы сговорились с ним ехать вместе.

В эту встречу Иоллос рассказал нам очень интересную историю о Рейснере.

Рейснер был, как известно, профессором, кажется, Томского политехникума, причем считался одним из крайних правых профессоров. В начале нового столетия с ним произошел перелом, он сильно подвинулся влево, уехал за границу и там выступил решительным противником нашего правительства.

Как я слышал впоследствии, уже в эмиграции, в Праге, от покойного профессора Зубашева (†1928), это был не первый вольт Рейснера: начал он профессором в Харькове, в рядах либерально-радикальной профессуры, и был уволен. После этого быстро переметнулся направо и получил место в Томский политехникум. Теперь, после нового поворота, он писал корреспонденции из Германии в «Русское богатство» под псевдонимом Реус¹⁰⁹⁹. Сблизился с немецкими социал-демократами. В 1903 г., как раз тогда, когда я жил в Штутгарте, он предлагал свои услуги «Освобождению», но Струве их отверг, говоря, что Рейснеру не доверяет. Я его спрашивал об основаниях этого недоверия, но Струве с тем мрачным и решительным видом, сразу пресекающим дальнейший разговор, к которому довольно часто прибегал, повторял кратко:

– Я ему не доверяю.

Теперь Иоллос рассказал нам следующее.

Не так давно в «Vorwärts» появилась статья Бебеля, в которой Бебель, проводя аналогию между немецкими и русскими либералами, идущими, по его мнению, по той же дороге защиты интересов буржуазии, привел в подтверждение своих сооб-

1099 Неточность: М. А. Рейснер преподавал в 1893–1896 гг. в Ново-Александровском институте сельского хозяйства и лесоводства (расположенном в предместье Варшавы и только в 1914 г. эвакуированном в Харьков), причем, согласно автобиографии, стоял тогда на точке зрения «славянофильства». С 1899 г. состоял экстраординарным профессором по кафедре государственного права, которой заведовал, в Томском университете, но после студенческих беспорядков 1903 г. подал в отставку и уехал в Германию, откуда посылал корреспонденции, см., например: Реус. Под знаменем капитализма. (Письмо из Германии) // Русское богатство. 1903. № 5/6. С. 156–191; Он же. Simplicissimus. (Письмо из Германии) // Там же. 1904. № 5. С. 47–76; Он же. Мы, балты. (Письмо из Германии) // Там же. 1906. № 9. С. 42–79, и т. д.

ражений выписку из статьи Иоллоса. Выписка была длинная, поставлена в кавычках, как подлинный текст цитируемого автора, и могла быть по своему содержанию для читателя «Vorwärts» очень убедительной. Но в ней был один недостаток: она была грубым искажением подлинника, притом искажением, по-видимому, злостным. Иоллос написал об этом Бебелю и просил сообщить ему имя его информатора, обещая обличить его во лжи. В ответ на это Бебель пригласил к себе Иоллоса и нескольких русских, которых он хорошо знал и которым доверял. Иоллос принес подлинники своих статей и доказал факт грубого искажения. Бебель добросовестно признал свою ошибку и обещал напечатать свое извинение, что и исполнил в том же «Vorwärts» совершенно удовлетворительным образом. Однако назвать своего информатора он категорически отказался. Дело этим не кончилось. В «Искре» появилось изложение первой статьи Бебеля, а его поправка была умолчана. Хотя информатор Бебеля назван не был, но Иоллос по целому ряду данных совершенно уверен, что это был Рейснер и что выходка в «Искре» тоже дело его рук.

В дальнейшем о Рейснере я знаю следующее. После возвращения в Россию на основании амнистии 1905 г. Рейснер окончательно сблизился с социал-демократами и, кажется, официально вступил в партию. Около 1910 г. возникли слухи, что Бурцев имеет основания подозревать его в связях с департаментом полиции. Рейснер на эти слухи вовсе не реагировал¹¹⁰⁰. Через несколько времени после этого он прислал ка-

1100 Ошибка: в декабре 1909 г. М. А. Рейснер обратился за разъяснениями к В. Л. Бурцеву, который ответил ему: «Я ровно ничего сам не нашел, что бы подкрепляло эти слухи...» Но в том же письме Бурцев передавал слова «очень компетентного» человека, будто Рейснер подавал заявление в Департамент полиции с предложением своих услуг, на которое было решено не отвечать; это, мол, подтверждает и другой «источник», который «то же самое слышал от видного охранника». Отказываясь назвать

кую-то статью в «Русское богатство», от которого совершенно отошел уже за несколько лет перед тем. «Русское богатство» вернуло ему статью при письме Короленко, что ввиду того, что Рейснер не принял никаких мер, чтобы снять с себя взведенное на него Бурцевым обвинение, «Русское богатство» не считает возможным помещать его статей, независимо от их со-

Рейснеру свои «источники» и замечая, что не может «понять этих известий», Бурцев предлагал ему: «Разберитесь в них Вы!» О дальнейшем Рейснер сообщал Бурцеву: «Письмо Ваше ко мне было прочитано мной в присутствии того лица, которое мне его передало (иначе я не мог поступить, т. к. в таких делах не может быть тайн <...>). И что же, на следующий день лицо, передавшее мне Ваше письмо, дало в газету “Биржевые ведомости” заметку, где между прочим говорилось, что Бурцев “в своих разоблачениях заявил, что профессор Р. имел сношения с департаментом полиции” (№ 11503, 8 января 1910 г.); аналогичная заметка появилась и в “Русском слове” в Москве. За этим последовали и другие аналогичные заметки в разных газетах, и устная клевета получила форму газетной инсинуации по адресу проф. Р.». Желая «снять с себя обвинение, марающее его честь», Рейснер обратился к «ряду особенно авторитетных деятелей науки и культуры»: Н. Ф. Анненскому, К. К. Арсеньеву, М. М. Ковалевскому, В. Д. Набокову и А. С. Пругавину. Собравшись 3 февраля у Ковалевского, они констатировали, что профессор, как только до него дошли позорящие его слухи, принял меры для выяснения их источников, но был, по сути, лишен возможности «действительной самозащиты», ибо обвинения исходили от «анонимных лиц». Признавая это «решительно недопустимым», члены «комиссии» полагали, что «хотя бы и косвенное, в виде передачи слухов, обвинение кого бы то ни было в низких и позорных поступках возможно лишь при том условии, если оно может быть обосновано» и предъявление «конкретных, подлежащих контролю данных» составляет «безусловную нравственную обязанность тех лиц, которые в той или иной форме содействовали распространению слухов или вообще придали им какое-либо значение» (ГАРФ. Ф. Р-5802. Оп. 2. Д. 415. Л. 4–10).

держания¹¹⁰¹.

На этот раз Рейснер обиделся и вызвал Короленко на третейский суд. Короленко принял вызов и назначил своим судьей В. И. Семевого, Рейснер – А. С. Зарудного. Этот последний выбор меня очень удивляет; не знаю, насколько близко знал Рейснер Зарудного, но я-то его знал хорошо и знал, что со времени дела Азефа и еще одного шпионского дела, которое было разоблачено племянником Зарудного, Сергеем Сергеевичем Зарудным (впоследствии бывшим министром в Украине и затем расстрелянным большевиками)¹¹⁰², с этого времени А. С. Зарудный принадлежал к числу людей, чрезмерно доверчиво, без достаточной критики относившихся ко всем подобным обвинениям. Кто был суперарбитром – не помню.

1101 В ответ на письмо В. Г. Короленко от 2 мая 1912 г., сообщавшего М. А. Рейснеру о невозможности продолжения его сотрудничества в «Русском богатстве», адресат потребовал извинения «в незаслуженном оскорблении», а 13 мая вызвал редакцию на третейский суд чести, сообщив имена своих арбитров – В. Д. Кузьмина-Караваева и А. С. Зарудного.

1102 Ошибка: имеется в виду Александр Сергеевич Зарудный (1890–1918) – младший сын С. С. Зарудного (1866–1898) и полный тезка его брата А. С. Зарудного (1863–1934), эсер, который, являясь с ноября 1917 г. членом ЦК Украинской партии социалистов-революционеров и Центральной рады, а с декабря – генеральным секретарем (министром) по земельным делам Украинской народной республики, был убит в Киеве 26 января 1918 г. Его старший брат Сергей Сергеевич (1888–1939), которого полиция тоже подозревала в принадлежности к эсерам, в январе 1915 г. заверял Департамент, что «никогда не был» их сторонником, причем административная ссылка в Харьковской губернии за участие в студенческой забастовке в 1911 г. была сокращена ему «с 3 лет до 2, а затем и совсем прекращена», и после восстановления в институте он выпускал газету «Политехник» и сборники «Голос политехника», доказывая необходимость «вывести политику из стен высших учебных заведений» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 208. 7 д-во. 1911. Д. 721. Л. 8–9).

На суде Короленко стал на позицию, строго согласованную с его весьма сдержанным письмом к Рейснеру. Он, Короленко, не обвиняет Рейснера в связях с департаментом и не может поддерживать этого обвинения перед настоящим судом. В связях с департаментом Рейснера обвиняет Бурцев. Он же, Короленко, считает, что раз подобное обвинение поднято таким человеком, как Бурцев, который слишком часто был оправдан дальнейшими событиями, то Рейснер был обязан предпринять какие-нибудь шаги для своей реабилитации. Пока он этого не сделал, до тех пор «Русское богатство» не может иметь с ним дела. Рейснер, напротив, требовал, чтобы суд принял к своему разбору дело во всей его полноте, т. е. чтобы он проверил обвинение Бурцева по существу. Раз Короленко повторяет обвинение, то он, по мнению Рейснера, несет за него ответственность.

Суд после долгих и горячих споров, во время которых Зарудный сначала горячо отстаивал формальную точку зрения Рейснера, т. е. необходимость принять к разбору дело по существу, признал единогласно, следовательно, и голосом Зарудного, что, не имея в своем составе судьи со стороны Бурцева, не будучи им уполномочен, он и не может судить Бурцева с Рейснером; что же касается до спора Короленко с Рейснером, то суд тоже единогласно признал позицию первого правильной.

Таким образом, приговор был целиком против Рейснера и клеймо на его имени осталось. Рейснер сделал попытку реабилитировать себя изданием брошюры *pro domo sua*¹¹⁰³, которую он напечатал в небольшом числе экземпляров и разослал разным лицам, между прочим и мне¹¹⁰⁴. Брошюра произвела на меня странное, совершенно неубедительное впечатление. Он

1103 в свою защиту (лат.).

1104 См.: Рейснер М. А. К общественному мнению! (Мое дело с В. Л. Бурцевым). СПб., 1913.

начинал ее с сообщения, что постарался себя реабилитировать посредством вызова одного из своих обидчиков (имя не названо) к третейскому суду, но «из суда ничего не вышло», и потому он прибегает к помощи печати. Фраза «из суда ничего не вышло» (за подлинность которой я ручаюсь, хотя брошюры у меня под руками нет) звучала очень странно: из суда вышел приговор, хотя и не по существу обвинения Бурцевым Рейснера, но, во всяком случае, неблагоприятный для Рейснера. Дальнейшие доказательства брошюры ввиду отсутствия полно сформулированного обвинения Бурцева звучали очень слабо, хотя и самое обвинение осталось брошенным голословно и не подтвержденным никакими данными¹¹⁰⁵.

- 1105 В. Л. Бурцев, признавая в 1913 г., что у него «не было и нет достаточных данных ни для обвинения, ни для оправдания Рейснера», оправдывался, что не мог раскрыть ему свой «источник» – бывшего чиновника Департамента полиции Л. П. Меньщикова, имя которого являлось в то время «тайной для всех», а разбор дел такого рода «часто требует соблюдения особых условий конспирации, когда членам суда, т. е. людям, пользующимся общим безусловным доверием, сообщаются имена и документы под условием не делать их известными ни заинтересованной стороне, ни прессе». Комментируя брошюру «К общественному мнению!», Бурцев указывал Рейснеру, что «нельзя третировать, как унижающие его достоинство, суды тех лиц, пробраться в ряды которых и работать с которыми так хотелось», и напоминал: «Рейснер в 1909 г. для всех был ведь Рейснером 1904–1906 гг., а не черносотенцем Рейснером, каким его знали в Александрийском институте или Томском университете, а еще раньше – и в других местах, когда в его формуляре имелся целый ряд очень громких реакционных антисемитских историй. Если бы от предложенного суда чести отказался черносотенец Рейснер, это бы никого не изумило. Но ведь от суда чести отказался совсем иной Рейснер, – Рейснер, добивавшийся в 1905 г. редакторства в с.-р. органе “Сын Отечества” и в с.-д. большевистском органе...» (ГАРФ. Ф. Р-5802. Оп. 2. Д. 415. Л. 24–34).

Я было написал рецензию на брошюру Рейснера¹¹⁰⁶ и сначала хотел ее напечатать в журнале «Современник», одним из редакторов которого был¹¹⁰⁷, но потом, по совещании с В. И. Семевским, решил этого не делать. Сколько знаю, брошюра не вызвала в печати ни одного отклика.

После революции Рейснер примкнул к большевикам и был их публицистом и юристом. В их же рядах подвизалась его дочь, Лариса Рейснер, умершая очень молодой. О ней, впрочем, даже люди, ничего общего с большевиками не имеющие (например, Амфитеатров), говорят как о замечательной личности. Между прочим, она усиленно пыталась привлечь поэта

1106 Цитируя брошюру М. А. Рейснера, утверждавшего, что ему представилась возможность сделать «дело с Бурцевым предметом третейского разбирательства», но поскольку «из этого суда ничего не вышло», теперь он может представить свое дело «лишь одной высшей инстанции – непосредственно суду общественного мнения», В. В. Водовозов писал: «В действительности в зиму 1912–13 гг. имело место третейское разбирательство между Рейснером и не Бурцевым непосредственно, а редакцией одного уважаемого журнала, которая в письме к Рейснеру упрекнула его за то, что он не принял всех необходимых мер для своей реабилитации, и только это частное обвинение было предметом судебного рассмотрения, а не самый вопрос о непорядочности Рейснера во всем его грозном объеме. Из суда не вовсе “ничего не вышло”, а вышел приговор, вынесенный единогласно всеми пятью судьями, в том числе избранными самим Рейснером, и этот приговор был целиком против Рейснера. Конечно, приговор, даже вынесенный самыми почтенными общественными деятелями, может оказаться ошибочным. Но нельзя говорить, что из суда ничего не вышло, когда суд вынес определенный приговор. Приведенное утверждение Рейснера есть даже не утаивание неприятного факта, а прямая неправда, и эта неправда бросает яркий и очень нехороший свет на всю книжку» (Там же. Ф. 539. Оп. 1. Д. 1483. Л. 1–2).

1107 В. В. Водовозов состоял членом редакции «Современника» в 1911–1913 гг.

Блока в лоно коммунистической партии, но не имела успеха (об этом рассказывается в биографии Блока Бекетовой¹¹⁰⁸). С нею, впрочем, я никогда не встречался, с Рейснером же имел несколько случайных встреч на различных митингах.

Несмотря на то что билеты на пароход были пущены по двойной или тройной цене против нормы, мы со Струве их взяли и 22 октября (ст. ст.) выехали на родину. Пароход, устроенный со всем новейшим комфортом, оказался старой скверной посудиною, лишенной самых элементарных удобств, грязный и вонючий. Отдельных кают не было, и публика, переполнявшая его, жались в общих каютах I и II класса, не находя себе сколько-нибудь удобных мест. На пароходе не только не было обычных культурных умывальников, но нельзя было достать воды для умывания, хотя бы в графине, и мы все три дня не умывались вовсе. Три дня нас трепало по довольно бурным волнам моря. Публика – вся она состояла из русских различных общественных групп, – узнав фамилию Струве, в то время стоявшего в зените своей освобожденческой славы, восторженно приветствовала его, но бедняга сильно страдал от морской болезни и приветствия и постоянные восторженные рукопожатия принимал с очень кислой физиономией.

Мы с ним, конечно, много говорили о текущих событиях и старались строить предположения о будущем. Я, в согласии со своим общим историко-философским мировоззрением, отно-

1108 См.: «Из Москвы приехала Лариса Рейснер, жена известного Раскольникова. Она явилась со специальной целью завербовать Ал. Ал. в члены партии коммунистов и, что называется, его охаживала. Устраивались прогулки верхом, катанье на автомобиле, интересные вечера с угощением коньяком и т. д. Ал. Ал. охотно ездил верхом и вообще не без удовольствия проводил время с Ларисой Рейснер, так как она молодая, красивая и интересная женщина, но в партию завербовать ей его все-таки не удалось, и он остался тем, чем был до знакомства с ней» (Бекетова М. А. Александр Блок. Пг., 1922).

сился к происшедшему пессимистически, ожидая в будущем потоков крови и торжества реакции (потом я эти ожидания высказал в передовице «Нашей жизни», напечатанной в годовом номере 1906 г.¹¹⁰⁹, но напечатанной с сильными урезками и смягчениями, так как редакция не была согласна с моим пессимизмом и решительно возражала против его проведения в редакционных статьях). Напротив, Струве был, несмотря даже на морскую болезнь, настроен очень оптимистически. Он был убежден, что период самодержавия кончился, что Россия вступила в эру правового строя и что расходившееся море скоро войдет в берега. За два года перед тем, во время наших частых бесед в Штутгарте, Струве так сформулировал наши позиции:

– Вы революционный пессимист, а я эволюционный оптимист.

Это было довольно верно (хотя не вполне) и сказалось теперь, в 1905 г., когда события как будто подтверждали правоту Струве, а не мою. Таким же эволюционным оптимистом

1109 Неточность: речь идет о передовой статье в газете «Народное хозяйство». См.: «Канул в вечность год ужасов. Бесперывная канонада в Маньчжурии, длившаяся полтора года, жестокая бойня на волнах Великого океана, длившаяся столько же, закончились. Зато началась резня на улицах Петербурга, Тифлиса, Севастополя, лифляндских городов, Москвы. Петербургской бойней открылся 1905 год, канонадой Москвы он закончился. Таким образом – “Старый год грозой ознаменован, / И в крови родился новый год”. Что он нам несет? Прежде всего, вероятно, кровь...» Водовозов писал, что самодержавие, пообещавшее было гражданские свободы и конституционный строй, «уже поспешило все взять назад», ибо опирается не только на штыки и бюрократию, но и на рознь оппозиционных партий, теряющих силы «на взаимное истребление», а надвигающаяся угроза экономического банкротства страны может способствовать «анархии или же чему-нибудь еще неизвестному: быть может, какому-нибудь Наполеону» (1906. № 15. 1 янв.).

Струве был раньше и оставался еще много лет. Значительно позже, однако, он в этом отношении, по-видимому, сильно изменился. Ровно через четверть века, в октябре 1930 г., мы снова встретились с ним на пароходе, на этот раз речном, везшем нас из Лом-Паланки (в Болгарии) в Братиславу (в Чехословакии). На этот раз я был настроен оптимистичнее, по крайней мере до известной степени. Я утверждал, что большевики уже изжили себя и власть их явно приближается к концу (причем, однако, я не надеялся на быстрое восстановление какого бы то ни было культурного режима, но ожидал долгого периода смут), а Струве назначал большевикам еще лет 15 власти. К. И. Зайцев, тоже ехавший с нами, был еще пессимистичнее и считал вероятным сохранение большевистского режима еще в течение нескольких десятилетий. Замечу, что какие бы то ни было сроки Струве назначал только в совершенно интимном, частном разговоре, и то неохотно, а публично отказывался от этого, между прочим – в лекции, прочитанной им в Праге через несколько дней после нашего разговора.

Через три дня после отплытия из Штеттина, в отвратительный ненастный день, вечером, мы подошли к Кронштадту, и нам было заявлено, что дальше пароход пойдет только завтра. Ни у кого не было охоты ночевать у самого порога Петербурга. На пароход явилась таможенная стража и произвела досмотр багажа и паспортов. Досмотр был вполне культурный, европейский, подобного которому по легкости и деликатности на границе России, особенно морской, я раньше никогда не испытывал. Чемоданы открыли, но в них не рылись, и я благополучно провез несколько номеров последних революционных изданий. Нам было предложено на маленьком пароходике переехать в Петербург, что мы все и приняли с удовольствием. Железные дороги уже ходили, и поздно вечером мы добрались в Петербург на дачном поезде.

Моя эмиграция продолжалась всего 25 дней – меньше, чем обещали самые пылкие оптимисты. По дороге с Балтийского вокзала домой, на Васильевский остров, я заехал в типо-

графию «Нашей жизни», был там радостно встречен наличными членами редакции, наскоро получил информацию о последних событиях и часам к 12 ночи был дома. Амнистия была уже объявлена, и мне не грозила никакая опасность. Лункевич был освобожден, просидев около месяца. Он мог бы, конечно, поступить так же, как я, но решительно этого не хотел. Ввиду переполнения киевской тюрьмы остальных приговоренных по делу его лекции разделили на группы; эти группы отбывали арест по очереди, и до амнистии отбыла его только одна часть.

Заканчивая эту главу, я расскажу здесь о трагическом конце Саши Гибермана, о котором упомянул несколько раз. После последней нашей встречи на лекции Лункевича я с ним не видался. Он оставался в Киеве и кончил там гимназию. В следующем году (а может быть, и в том же) во время одного из еврейских погромов, время от времени постигавших Киев, он встретился на улице с толпой громил.

– Ребята, смотрите, жиденок! (Он имел очень мальчишеский вид, гораздо юнее своего действительного возраста.)

– Жиденок, жиденок!

Саша испугался.

– Что вы, что вы, какой я жиденок! Я православный.

– Православный?! А ну, перекрестись.

Он перекрестился.

– А ну, прочитай «Отче наш».

Он его каким-то образом знал (он вообще – отчасти, может быть, под моим влиянием – интересовался историей религии, читал Ренана, Штрауса¹¹¹⁰, Евангелие) и прочитал.

– Значит, православный. Ну, иди на все четыре стороны.

Его отпустили. Он пришел домой оплеванный, огажен-

1110 Имеются в виду книги Э.-Ж. Ренана «Жизнь Иисуса» («Vie de Jésus», 1863) и Д. Ф. Штрауса «Жизнь Иисуса» («Das Leben Jesu», 1835).

ный. Рассказал об этом матери и сестре. На следующий день достал где-то револьвер – и застрелился.

Глава III. Осень 1905 г. – Мое отношение к кадетской партии. – «Наша жизнь», «Сын Отечества», «Без заглавия». – Избирательная кампания в 1-ю Думу. – 1905–1906 гг. – Бойкот выборов. – Крестьянский митинг в Тихвине. – Некоторые другие митинги и собрания. – Значение бойкота. – «Не найдется безумца, который посмеет разогнать Думу»

Первая октябрьская забастовка окончилась, газета выходила, и я сразу по возвращении запрягся в газетное ярмо. Цензуры больше не было. Формально она еще существовала, но ни одна газета не посылала в нее своих листов; не делали этого даже газеты консервативные, как «Новое время». Одним из неприятных результатов этого было то, что ни в Публичной, ни в Академической, ни в московской Румянцевской библиотеках¹¹¹¹, получавших свои экземпляры через цензуру, нет полных комплектов за интереснейшее время: октябрь – декабрь 1905 г.; библиотеки старались их доставать, но платное получение выходило за пределы их установленного в начале года бюджета, а бесплатное не всегда было возможно. Весьма вероятно, что многие номера безвозвратно пропали и что будущий историк многих из них не найдет вовсе.

Общественная жизнь кипела. То здесь, то там ежедневно происходили политические собрания. Я выступал иногда на двух митингах в один вечер¹¹¹², а по воскресеньям на трех-четырех митингах в день. Работать приходилось много,

1111 Упомянуты петербургские библиотеки Академии наук и Императорская Публичная, а также московская библиотека Румянцевого музея.

1112 П. Н. Милоков писал, что заходившие в нему друзья рассказывали об уличных проявлениях радости по поводу Манифеста 17 октября и, в частности, как «милейший В. В. Водовозов, взобравшись на бочку, говорил оттуда одушевленную речь» (Милоков П. Н. Воспоминания. С. 211).

сон приходилось сильно сокращать, но чувствовался громадный прилив энергии, и эта нервная жизнь нисколько не утомляла. Так жили все живые люди с общественным темпераментом, и иначе жить было нельзя.

Когда я приехал в Петербург, Конституционно-демократическая партия уже организовалась и опубликовала свою программу¹¹¹³. Часть нашей редакции вступила в эту партию; это были В. Я. Богучарский, В. В. Хижняков, С. Н. Прокопович, Е. Д. Кускова, В. С. Голубев и другие, но твердо держался за нее только последний; первые четыре сильно колебались и через несколько дней вышли из нее. Для меня стоял вопрос о вступлении в партию. Много в ней для меня было приемлемо; пункты, которыми я особенно дорожил, – конституционализм, всеобщее голосование, аграрная реформа – были проведены отчетливо и ясно. Но вместе с тем в целом партия не вызывала полного доверия.

Считая себя республиканцем, я тем не менее не признавал вопрос о государственной форме актуальным и вполне мог бы

1113 Проходивший в Москве 12–18 октября 1905 г. первый учредительный съезд Конституционно-демократической партии принял ее устав и программу, см.: «Партия борется за полную свободу личности во всех ее видах, за свободу и самостоятельность национальностей, населяющих Россию, за парламентарный строй, основанный на всеобщем и равном избирательном праве с тайной и прямой подачей голосов; за широкое развитие демократического местного самоуправления, основанного на всеобщей подаче голосов, за развитие прямого обложения на счет косвенного, за увеличение площади крестьянского землевладения государственными, удельными, кабинетскими и монастырскими землями, а также путем выкупа частновладельческих земель по справедливой (не рыночной) оценке; за свободу рабочих союзов и стачек, за развитие фабричного законодательства и 8-часовой рабочий день» (Водовозов В. Конституционно-демократическая партия в России // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1905. Доп. т. 1а. С. 944–945).

примириться с молчанием о ней в программе и, следовательно, молчаливым признанием конституционной монархии. Но меня отталкивало выдвигание, подчеркивание своего монархизма, которое я считал нетактичным и ненужным, и выпячивание своей лояльности. Чувствовалось, что партия, члены которой только что приняли деятельное участие в первой октябрьской забастовке, сыграли видную и положительную роль в Союзе освобождения и в издании его органа, в профессиональных союзах и Союзе союзов¹¹¹⁴, в банкетной кампании, т. е. вообще в деятельности с точки зрения существующего порядка революционной, сочли революционный период законченным и решили в дальнейшем бороться легальными и только легальными способами. Я же был убежден, что если манифест 17 октября вынужден революционным движением, то с его прекращением он будет легко взят назад. Продолжение революционного движения я считал совершенно необходимым, хотя допускал, что оно сыграет на руку именно кадетам, которые соберут в свою пользу его плоды. Обобщая все сказанное, меня отталкивала от кадетов не столько их программа, сколько тактика, недостаточно, по-моему, решительная. И я решил погодить, а пока оставаться вольным казаком, внепартийным, по немецкой политической терминологии – диким.

Но вместе с тем уже громко раздававшееся утверждение, что кадеты – это партийное оформление буржуазии, я признавал совершенно ложным. Настоящая буржуазия организовыва-

1114 Союз союзов, учрежденный на проходившем 8–9 мая 1905 г. съезде представителей 14 общественных и профессиональных союзов, являлся, как определялось в его уставе, органом, объединяющим «на федеративных началах автономные всероссийские союзы, ведущие борьбу за политическое освобождение России на началах демократизма»; прекратил свою деятельность в конце 1906 г. В. В. Водовозов состоял членом Особой комиссии при Союзе союзов, созданной для выработки предложения о созыве Учредительного собрания.

лась в Союз 17 октября, в Партию правового порядка и, наконец, в откровенно назвавшие себя Торгово-промышленной партией, Прогрессивно-экономической¹¹¹⁵ и другие. Социальный состав кадетской партии не мог считаться буржуазным, а программа ее – тем более.

Левее кадетов, однако, я не находил партии, которая вполне удовлетворяла бы меня. Я не мог пойти к социалистам-революционерам, так как был противником террора; тем более не мог пойти к эсдекам, т. к. меня возмущали их узость, их догматизм, непонимание аграрного и национального вопросов (последнему я придавал большое значение и сильно им интересовался), да и с классовой теорией согласиться не мог, хотя и не отрицал крупной (но не исключительной) роли в истории классовой борьбы.

Итак, я остался «дикиим», «левее кадетов». Тогда таких бы-

- 1115 Союз 17 октября, сложившийся из правого крыла либеральных земцев, включал представителей торгово-промышленного и банковского капитала, интеллигенции; после раскола осенью 1906 г. – умеренно правая партия, фактически прекратившая свою деятельность летом 1915 г. Партия правового порядка, организовавшаяся в октябре 1905 г. из представителей дворянства, высших слоев бюрократии и крупного капитала, выступала за сильную государственную власть, единство и неделимость России, предоставление демократических свобод, «устройство» крестьян и рабочих, для которых создала Конституционно-монархическую рабочую партию; распалась в 1907 г. Торгово-промышленная партия, организованная в ноябре 1905 г. в Москве, объединяла большинство крупных заводчиков и предпринимателей Центрально-промышленного района; фактически прекратила существование в конце 1907 г. Прогрессивно-экономическая партия, учрежденная в октябре 1905 г. и действовавшая исключительно в столичном регионе, включая крупных промышленников и банкиров, высокопоставленных чиновников, финансировалась Петербургским обществом заводчиков и фабрикантов; распалась в 1907 г.

ло много, и я – в их числе. Большая часть нашей редакции оказалась в том же положении, и в противоположность «Сыну Отечества», ставшему официальным органом социал-революционной партии, «Наша жизнь», возникшая в свое время вместе с «Сыном Отечества» как орган освободителей, теперь оказалась внепартийным органом «левее кадетов». Группа писателей, оказавшихся в этот жгучий момент вне партий, основала особый еженедельный журнал под странным, но хорошо выражавшим их положение заглавием «Без заглавия». Во главе этой группы стояли Е. Д. Кускова и С. Н. Прокопович, в нее входили Богучарский, Хижняков, я и др. Группа «беззаглавцев» вызывала на себя постоянные нападки со стороны социал-демократов, и даже в обеих Советских энциклопедиях, Большой (1927) и Малой (1929), ей посвящены специальные, в весьма высокомерно-презрительном тоне написанные заметки¹¹¹⁶.

Свои взгляды на партию конституционных демократов я изложил подробно в особой статье, которая была помещена в трех или четырех номерах «Нашей жизни»^{1117 1118}. Эпиграфом я

1116 Большая советская энциклопедия указывала, что политическая физиономия внепартийной группы «Без заглавия» состояла в «отсутствии определенной позиции»; ее идеал – германская социал-демократия как партия «крайней оппозиции», но «довольно безразлично относящаяся к глубине социалистических убеждений своих членов», ибо «социализм является для них пропагандируемой идеей, миропониманием, в котором по существу дела неизбежны разногласия», т. е. «полное созвучие с берштейнианством»; поэтому, «беспринципные в теории, на практике “беззаглавцы” шли за партией кадетов» и, провозглашая свою приверженность к т. н. «критическому социализму», стояли на «расплывчатой позиции общей социальной справедливости» (А. Д. «Без заглавия» // БСЭ. 1927. Т. 5. Стлб. 195–196).

1117 Я, впрочем, не вполне уверен, была ли она помещена в «Нашей жизни» или в «Киевских откликах», с которыми я тоже все вре-

поставил к ней слова Авраама Лоту из книги Бытия: «Да не будет раздора между мною и между тобою, между пастухами моими и пастухами твоими, ибо мы родственники. Не вся ли земля перед тобою? ...Если ты направо, то я налево»¹¹¹⁹. Отмеченное многоточием место в подлиннике гласит: «если ты налево, то я направо»; эта половина дилеммы мне была не нужна, и я ее опустил.

Эпиграф ясно выражал политическую тенденцию моей статьи, и если за нее (за признание родственности с кадетами) мне досталось слева, главным образом от социал-демократов, то из кадетского лагеря (особенно помню статью Лучицкого в киевской кадетской газете¹¹²⁰) мне досталось за обвинение в непонимании того, что их сила исчезнет в тот момент, когда исчезнет угроза революцией слева, что даже в стране с установившимся парламентарным порядком парламент может про-

меня поддерживал отношения.

1118 Статья была напечатана в газете «Народное хозяйство»: Водовозов В. Конституционно-демократическая партия и трудящиеся массы // Народное хозяйство. 1906. № 24, 26, 29. 13, 15, 19 янв.ё

1119 Эпиграф к статье звучал так: «Да не будет раздора между мною и тобою, между пастухами моими и пастухами твоими, ибо мы родственники. Не вся ли земля перед тобою? Отделись же от меня... если ты направо, то я налево»; правильно: «И сказал Авраам Лоту: да не будет раздора между мною и тобою, и между пастухами моими и пастухами твоими, ибо мы родственники; не вся ли земля пред тобою? Отделись же от меня: если ты налево, то я направо; а если ты направо, то я налево» (Быт. 13: 8–9).

1120 Имеется в виду ежедневная политическая, экономическая и литературная газета «Свобода и право», выходившая в Киеве с 3 января по 1 марта 1906 г., одним из двух редакторов-издателей которой состоял И. В. Лучицкий; см. передовые, посвященные «громким, но бездоказательным утверждениям г. Водовозова» (Свобода и право. 1906. № 19, 22. 22, 24 янв.).

водить в жизнь свои требования только постольку, поскольку в стране имеются кадры людей, в каждую минуту готовых схватиться за оружие для его поддержки. Я строил свою аргументацию на исторических примерах, в особенности английских; Лучицкий спорил с моим объяснением этих прецедентов, и спорил со мной очень резко, как с решительным политическим врагом, совершенно игнорируя мое основное стремление, выраженное в словах «да не будет раздора между мною и между тобою». Между тем Лучицкий до 1905 г. всегда считался человеком радикальным, был сотрудником «Русского богатства», в кадетской партии стоял на левом фланге, а в 1917 г. даже вышел из кадетской партии и формально вступил в партию народных социалистов. Со времени этой моей статьи в кадетском лагере относились ко мне очень враждебно и постоянно изображали меня гораздо более крайним врагом кадетизма, чем я был в действительности¹¹²¹. В то же время в соци-

1121 Водовозов доказывал, что программа, отрицающая социализм или, по крайней мере, не включающая его, «открывает двери партии для элементов, враждебных социализму и интересам трудящихся масс». Поэтому она «не является демократической партией в полном смысле этого слова», и истинный демократ и социалист входить в нее «не должен, если он не желает поддержать и усилить течение, которое неизбежно в очень недалеком будущем окажется ему враждебным», ибо «уже теперь программа партии с ее отрицанием социализма и республики открыла двери для элементов, являющихся демократами и революционерами в весьма малой степени».

Хотя еще 18 октября 1905 г. кадеты ратовали за созыв учредительного собрания, на их 2-м съезде (5–11 января 1906 г.) «полная победа осталась за флангом умеренным», который увлек за собой даже Милюкова, заявившего: «Вводя термин “учредительное собрание”, мы вовсе не думали об облаченном полномой суверенной власти собрании. Такое собрание могло бы быть результатом лишь победоносной революции; под учредительным собранием мы понимали лишь собрание народных

ал-демократической прессе меня охарактеризовали словами: «полу-кадет, но есть надежда, что будет полным наконец»¹¹²².

представителей, облеченное учредительными функциями. Я предлагаю поэтому не вносить в программу никаких изменений». Съезд предоставил местным организациям «свободу в употреблении терминологии», и Водовозов негодовал: «Итак, резолюция 18 октября, которую Милюков 19 ноября 1905 года охотно внес бы в программу, по желанию того же Милюкова 10 января 1906 г. была признана факультативной и истолкована так, что потеряла всякое значение». Резюмируя, он заключал: «Нам, понимающим и признающим, что только социалистическое знамя может сплотить широкие народные массы для энергичной борьбы за лучшее будущее, нам в рядах этой партии делать нечего; но, как арьергард, она в настоящее время все-таки играет положительную роль, закрепляя завоевания революции. Можно и должно выяснять наши взаимные отношения, но вступать с ними в активную борьбу, – это значит тратить даром силы, которые нужно направлять против деспотизма. Мы должны идти своей дорогой, но не мешать и конституционным демократам идти своей; ведь как наша, так и их ближайшая задача состоит в борьбе с самодержавием...» (Водовозов В. Конституционно-демократическая партия и трудящиеся массы // Народное хозяйство. 1906. № 29. 19 янв.).

Не оставив без внимания критику в свой адрес, П. Н. Милюков в статье «К итогам второго съезда к.-д. партии» доказывал, что, не изменив своих позиций, она не нуждается в одобрении или порицании «от каких-то посторонних ей групп или элементов» (Еженедельник партии Народной Свободы. 1906. № 1. 22 янв.). В свою очередь, А. А. Кауфман прислал в «Нашу жизнь» развернутый ответ своему оппоненту – «Борьба или выяснение отношений. (По поводу статьи В. В. Водовозова)», а член ЦК кадетов историк А. А. Корнилов – статью «Еще о конституционно-демократической партии и трудящихся массах», напечатанные соответственно 29 января (№ 355) и 2 февраля (№ 359).

1122 Перефразирована эпиграмма 1824 г. А. С. Пушкина на новороссийского генерал-губернатора графа М. С. Воронцова: «Полу-милорд, полу-купец, / Полу-мудрец, полу-невежда, / По-

С течением времени мои разногласия с кадетской партией обострялись, мне приходилось вести с ней очень резкую полемику и в печати, и на митингах, где я постоянно сталкивался с Милюковым, Родичевым, И. Гессеном, Кутлером и другими вождями партии. Со времени 3-й Думы и в особенности фразы Коковцова: «У нас, слава богу, нет парламента»¹¹²³, мое отношение к этой партии и в особенности к ее лидеру П. Н. Милюкову вылилось в формулу: «Милюков хочет быть парламентарием в стране, в которой, слава богу, нет парламента; в этом его трагедия, так же как и всей его партии»¹¹²⁴.

лу-подлец, но есть надежда, / Что будет полным наконец».

- 1123 Выступая в Государственной думе 24 апреля 1908 г., министр финансов В. Н. Коковцов в ответ на предложение о создании парламентской комиссии для обследования положения железнодорожного хозяйства заявил: «У нас парламента, слава Богу, еще нет» (Государственная дума. III созыв. Сессия I. СПб., 1908. Ч. 2. Стлб. 1995).
- 1124 Указанная «формула» В. В. Водовозова возникла ранее, применительно к тактике кадетов в связи с роспуском Государственной думы 9 июля 1906 г., см.: «Партия к.-д. есть партия радикальная (в европейском смысле слова) по своим политическим требованиям и демократическая по своим экономическим требованиям, идущая вплоть до принудительного отчуждения почти всей частновладельческой земли. В своей же практической деятельности она пожелала быть партией парламентарной в стране, не имеющей парламента, и партией конституционной в стране, не имеющей конституции, и это характеризует ее гораздо больше, чем вся ее программа. Вся ее тактика состояла в предъявлении правительству требований, опирающихся на бумажные постановления, этим правительством не признаваемые. Когда была в 1906 г. распущена дума, то эта партия предложила опубликовать протест, который, однако, действительным протестом не был, т. к. он исходил не от лица думы, а от лица 180 отдельных лиц, бывших членов думы, и т. к. в нем распускание думы признавалось состоявшимся и окончательным. Это коренное противоречие между радикальной про-

О моих с нею конфликтах мне еще придется говорить. Но в то время, о котором я сейчас пишу – осень 1905 г. и начало 1906 г., я был в общем, волею судеб, скорее союзником. На очереди стоял вопрос о выборах в 1-ю Государственную думу.

Стал он впервые еще в августе 1905 г., когда 6 августа был издан закон о выборах в так называемую Булыгинскую (по имени министра внутренних дел) Государственную думу, которая никогда не была избрана¹¹²⁵. Закон давал право голоса только крупным землевладельцам и удовлетворявшим высокому имущественному цензу горожанам. Уже тогда раздался лозунг бойкота.

В первый же день по опубликовании этого закона, когда я с некоторым опозданием пришел в редакцию, В. Я. Богучарский обратился ко мне *ex abrupto*¹¹²⁶ с вопросом:

– За участие в выборах или за бойкот?

Вопрос застал меня врасплох. Я утром в тот день никого еще не видел, и лозунг бойкота до меня не дошел. Что же касается закона о выборах, то его я прочитал, но вопроса о бойкоте он во мне не возбудил: мне было ясно, что почти никто из людей, на кого мы можем иметь какое-нибудь влияние, права голоса не получил, и мысль о том, чтобы мешать проявить свои более либеральные стремления тем немногим, кто может прислушиваться к нашим требованиям, мне даже не пришла в голову. Пускай их выбирают, и если на выборах все-таки скажутся различные оттенки политических мнений, – тем лучше.

граммой и совсем нерадикальной тактикой определило весь характер партии» (Водовозов В. В. Партия мирного обновления // Товарищ. 1906. № 32. 11 авг.).

1125 Имеется в виду высочайший Манифест об учреждении законосовещательного представительного органа – Государственной думы и утверждении Положения о выборах, подписанный 6 августа 1905 г.

1126 внезапно (лат.).

А там посмотрим, как следует относиться к этой Думе.

В таком духе я ответил и на вопрос Богучарского. В редакции уже до моего прихода произошел обмен мыслей, и большинство склонялось к тому же мнению, хотя и были некоторые сомнения. Вопрос о бойкоте политических выборов вообще не был чужд мне, много занимавшемуся историей избирательного права; я знал историю бойкота и в Пруссии в 1849 г.¹¹²⁷, и в Австрии вообще и Чехии в частности в 60-х и 70-х годах¹¹²⁸, и в Сербии в 1883 г., и хорошо знал, что бойкот выборов почти никогда не достигал даже своей ближайшей цели и что история везде осуждала его как политическую ошибку. В результате обмена мнений наша редакция единогласно постановила, что бойкот выборов мы поддерживать не будем. В таком именно духе писались все наши статьи по вопросу о Думе, большую часть которых писал я¹¹²⁹. Но страстей этот вопрос тогда не возбуждал.

Острее он стал после манифеста 17 октября. Подробности

1127 Введение в мае 1849 г. трехклассной, по размеру уплачиваемых налогов, избирательной системы при формировании ландтага свело почти на нет значение голосов наибольшей и наименьшей части избирателей, попросту бойкотировавших выборы, из-за чего в них участвовало менее трети населения Пруссии.

1128 См.: «В 1863 г. чешская партия решила протестовать против правительства демонстративным удалением из рейхсрата и богемского ландтага и воздержанием от участия в политических выборах; левое крыло партии, впоследствии названное младочешским, было недовольно таким приемом борьбы. В 1878 г. младочехи сумели принудить всю чешскую национальную партию принять участие в выборах в богемский ландтаг, а в 1879 г. и в рейхсрат» (Водовозов В. Старочехи // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1900. Т. 31. С. 456).

1129 См., например: Водовозов В. Система выборов в государственную думу // Наша жизнь. 1905. № 210, 214, 222, 226, 234. 13, 16, 20, 23, 27 авг.

будущего избирательного закона были еще неизвестны, но зато было известно с полной несомненностью, что Дума будет выбрана на основе классового и цензового права, весьма далекого от вполне определившихся к этому времени общественных требований.

Теперь уже громко звучал лозунг бойкота. За него решительно и единодушно высказались социалисты-революционеры и вместе с ними «Сын Отечества», ставший официальным их органом; не столь единодушно, но столь же решительно провозгласили этот лозунг социал-демократы. Не столь единодушно, говорю я, потому что очень значительное меньшинство, к которому принадлежали такие авторитетные старые социал-демократы, как Плеханов и Аксельрод, были против бойкота; на ту же точку зрения из более молодых стал Потресов. Вообще меньшевики были против, большевики – за. Но так как те и другие в то время составляли еще одну партию, то после произведения в ней голосования меньшинство вполне подчинилось большинству, и часто даже те, кто в партийной дискуссии высказался против, на общих митингах горячо поддерживал бойкот.

К числу сторонников бойкота принадлежали также В. А. Мякотин, А. В. Пешехонов, Н. Ф. Анненский, т. е. лица, в начале избирательного периода принадлежавшие к партии социалистов-революционеров, но в конце его разошедшиеся с ней на партийном съезде в Финляндии¹¹³⁰, где они выступили с предложением обратить подпольную партию в открытую организацию, что и было потом ими осуществлено в виде Партии народных социалистов¹¹³¹. На съезде их предложение было от-

1130 Первый съезд ПСР проходил с 29 декабря 1905 г. по 4 января 1906 г.

1131 Учредительная конференция Трудовой (народно-социалистической) партии состоялась в ноябре 1906 г. в Финляндии.

вергнуто, и они из партии вышли и на некоторое время остались в положении беспартийных.

Борьба разгоралась и особенно обострилась после 11 декабря 1905 г., когда появился самый избирательный закон¹¹³². Закон делил избирателей на 4 курии (землевладельцев, горожан, крестьян и рабочих), создавал для крестьян выборы 4-степенные, для землевладельцев – 3- и 2-степенные, для горожан – 2-степенные, для рабочих – 3-степенные. Ни о равенстве, ни о непосредственности выборов не могло быть и речи. Из четырех членов популярной формулы (четыреххвостки) признана была только тайна голосования. Что касается всеобщности, то хотя она и не была признана, но кадры избирателей были расширены очень значительно, – настолько значительно, что избирательная система до некоторой степени приблизилась к всеобщности, но куриальность, соединенная с крайним неравенством, в частности с множественностью вотумов для лиц, удовлетворяющих требованию различного ценза в нескольких местах, так искажали это начало, что от него оставалось очень мало.

До некоторой степени приближалась к всеобщности, сказал я. Надо прибавить: и все-таки была очень далека от нее. Так, в городах получали право голоса только собственники недвижимости, люди, ведущие торговые предприятия, люди, выбиравшие промысловые свидетельства¹¹³³, и, наконец, все нанимавшие на свое имя квартиру, за которую они уплачивали квартирный налог не ниже определенного уровня. И притом нужно было удовлетворять этому требованию не менее чем в течение года. Таким образом, многие десятки тысяч лиц в од-

1132 Имеется в виду высочайший указ «Об изменении Положения о выборах в Государственную думу и изданных в дополнение к нему узаконений», подписанный 11 декабря 1905 г.

1133 Промысловые свидетельства выдавались на производство мелочной, разносной и развозной торговли; к ним же были отнесены и приказчиьи свидетельства.

ном Петербурге голоса не получили, и я был в их числе, что меня крайне огорчало. Я не имел нигде недвижимости, не вел торгового предприятия, не выбирал промыслового свидетельства и до моей краткой эмиграции жил в квартире у моей матери, а после возвращения из нее снял комнату от жильцов. Следовательно, я был бесправен¹¹³⁴.

В этом пункте закон допускал поразительную нелепость. Пассивное право было тесно связано с активным¹¹³⁵, причем потеря ценза после избрания в Думу влекла за собой лишение депутатского звания. Если кто-либо был избран по цензу недвижимости и после избрания продал ее, то вместе с тем он терял и свое депутатское место, – это, по крайней мере, не противоречит здравому смыслу. Если же кто-либо был избран в провинции по квартирному цензу и ради участия в Думе переселялся в Петербург, то, следовательно, он терял свой ценз и вместе с тем полученное по цензу депутатское звание. Выходило так: человек терял свое место в Думе именно потому, что он был избран в Думу.

Пассивное право голоса было связано с активным не только по существу, но и географически, и куриально: рабочие могли избрать уполномоченным не всякое лицо, имевшее право голоса, а только рабочего же, и притом с той же самой фабрики; крестьяне какой-либо волости не могли выбрать ни помещика, ни горожанина, ни священника, ни учителя (если он не был крестьянином их же волости), а только крестьянина и

1134 В рукописи далее зачеркнута фраза: «В Киеве у меня сохранялась квартира, взятая на мое имя, в которой жила моя жена, но я из Киева выбыл уже два года, а закон не удовлетворялся формальным наймом квартиры, но требовал непременно также и проживания».

1135 Пассивное и активное избирательное право – право гражданства соответственно быть избранным в состав представительных органов власти и участвовать в выборах их в качестве избирателя.

непрерывно своей волости. Съезд уполномоченных мог выбрать выборщиком только наличного на нем же уполномоченного, а собрание выборщиков могло избрать в Думу только своего же выборщика и ни в каком случае человека из соседней губернии или из своей губернии, но случайно забаллотированного на одном из съездов. Таким образом было создано особое четырехкратное просеивание через избирательное сито, систематически покровительствовавшее избранию от крестьян и от рабочих людей невежественных.

Главным автором избирательного закона был, как известно, товарищ министра финансов¹¹³⁶ С. Е. Крыжановский, мой старый университетский товарищ, о котором я говорил в первой части своих воспоминаний; я там рассказывал, как он в свое время принял участие в моем нелегальном издательстве, был привлечен к моему делу и приговорен по высочайшему повелению к двухнедельному аресту, но благодаря своим родственным связям в «сферах» его не отбыл. Он был серьезный юрист, хороший специалист по вопросам государственного права вообще и несомненно был хорошо знаком с правом избирательным в частности. Но поставленный перед исполнимой задачей: создать такой избирательный закон, который мог бы считаться исполнением обещаний манифеста 17 октября, а в то же время создал бы монархическую и законопослушную Думу¹¹³⁷, – он выработал закон, производящий впечатление

1136 Неточность: в 1906–1911 гг. С. Е. Крыжановский занимал должность товарища министра внутренних дел.

1137 Участник разработки документов, касавшихся учреждения так называемой Булыгинской думы, убежденный монархист С. Е. Крыжановский после манифеста 17 октября получил, как вспоминал, «распоряжение заготовить проект изменения избирательного закона в смысле расширения круга лиц, участвующих в каждой линии выборов, без нарушения, однако, самой их системы» (Крыжановский С. Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 126).

какой-то хаотической груды, полный непоследовательностей, внутренних противоречий, явных нелепостей, допускавший безграничный произвол толкований (чем при выборах во 2-ю Думу воспользовалось правительство, чтобы сузить контингент избирателей) и не достигший своей главной цели.

Закон вызвал серьезную критику в печати. В частности, ту нелепость, которую я сейчас отметил, я тогда же указал в печати¹¹³⁸. Газета «Русь» напечатала интервью с Крыжановским, в котором заставила его дать объяснения по разным пунктам закона. По этому пункту Крыжановский сказал, что нельзя из закона выводить явно нелепых выводов. Действительно, этого вывода из закона административные учреждения, ведавшие избирательной техникой, не сделали, и по причине утери своего квартирного ценза никто кассирован во время законодательного периода какой-либо Думы не был. Но совершенно аналогичный вывод был сделан, правда, не из закона 1905 г., а из закона 1907 г.¹¹³⁹ (в этом отношении повторявшего постановления предыдущего закона). Один крестьянин, член Трудовой группы (к сожалению, не могу вспомнить его фамилию), бывший 5 лет членом 3-й Государственной думы, был лишен права голоса при выборах в 4-ю Думу на том основании, что в течение 5 лет не занимался своим хозяйством в деревне. То есть как раз был лишен права выбирать и быть выбранным потому, что был выбран. Это было, однако, уже в 1912 г.

Как я уже сказал, я был лишен права голоса и, следовательно, по закону не мог принимать участие в выборных собраниях, на которые допускались только избиратели, и притом местные; так, избиратель Васильевского острова не мог участвовать в выборном собрании Петербургской стороны, и обрат-

1138 См.: Водовозов В. Новый избирательный закон в новую государственную думу // Народное хозяйство. 1905. № 1. 15 дек.

1139 Имеется в виду «Положение о выборах в Государственную думу» от 3 июня 1907 г.

но. К счастью, во время агитации за 1-ю Думу полиция была не настолько сильна, чтобы задерживать и проверять права толпы, идущей на собрание; да и выборные по существу собрания обыкновенно созывались не как таковые, а как общие митинги на основании не избирательного закона, а закона о собраниях, на которые доступ был свободен всем. Полиция имела право их запретить, но сравнительно редко им пользовалась. Чаще она их закрывала после открытия за слишком резкие речи ораторов или за слишком шумное поведение публики и тем вызывала сильнейшее негодование ее и резкие отзывы газет.

И вот весь конец 1905 г. и начало 1906 до открытия Думы шли такие собрания в Петербурге чуть не каждый вечер, а иногда несколько собраний в один вечер; шли они и по всей России. Некоторые собрания, особенно партийные съезды, собрания Союза союзов и другие, созывались для безопасности за границей Финляндии, то есть в Териоках, часа за полтора езды от Петербурга, или даже за Выборгом. На эти собрания русская полиция являться не имела права, а финляндская не считала нужным, и они проходили совершенно мирно. Едва ли не каждый день я из редакции, наскоро пообедав в ресторане или захваченными с собой бутербродами, ехал на какое-нибудь собрание и выступал на нем либо с речью, либо с возражениями; иногда с одного собрания ехал на другое¹¹⁴⁰. Беспрестанно

1140 Например, 19 февраля 1906 г. В. В. Водовозов выступил на двух собраниях избирателей – Петербургской стороны (Диспут «бойкотистов» и «анти-бойкотистов» // Наша жизнь. 1906. № 375. 21 февр.) и Коломенской части, где едва только начал речь об отношении к думе, коснувшись «вопроса о самодержавии и конституции», как присутствовавший в зале пристав «прервал его, заявив, что возбужденный оратором вопрос не подлежит обсуждению». Тогда председательствующий В. К. Агафонов поинтересовался у пристава, о чем в таком случае можно говорить, и получил ответ: «о партиях». Но когда Водовозов заявил, что не все они смогли ознакомить граждан со своими взглядами, ибо власть сковывает свободу слова, при-

также ездил в провинцию либо для прочтения лекций (о Думе, об избирательном законе, об учредительном собрании, о конституционализме, о роли политических партий в государственной жизни и тому подобном), либо для участия в каком-либо съезде или митинге. Живое, боевое, хорошее было время!

Основной вопрос, везде и всюду дебатировавшийся, был выбирать или бойкотировать. Аргументация бойкотистов, как и их противников, развивалась в ряде газетных статей, в брошюрах, в речах на митингах. Как и во всяком широком общественном движении, в нем имелись различные оттенки, и не во всем сторонники бойкота были согласны между собой. Наиболее отчетливо и полно их взгляды были развиты в двух брошюрах, посвященных этому вопросу, из которых одна была написана Лениным, другая – Мякотиним¹¹⁴¹. Они представляли два тона, два направления в системе аргументации за бойкот.

Ленин строил аргументацию на утверждении: Дума должна содействовать стабилизации общественного строя. Между тем теперь время революционное, и такая стабилизация нам, революционерам, невыгодна. Мы должны нести факел рево-

став потребовал, чтобы оратор вовсе прекратил свое выступление, и, узнав, что Водовозов живет не в Коломенской части, настоял на удалении его из зала (см.: Собрание избирателей Коломенской части // Наша жизнь. 1906. № 375. 21 февр.). 5 марта Водовозов снова выступил на собрании избирателей Петербургской стороны, 9-го – Рождественской части, 16-го – опять Петербургской стороны (Там же. № 387, 391, 422. 7, 11 марта, 18 апр.) и т. д., причем каждый раз собрания закрывались полицией.

1141 См.: Ленин Н. Государственная дума и социал-демократическая тактика. СПб., 1906; Мякотин В. А. Надо ли идти в государственную думу? СПб., 1906.

люции, а не какой-либо реформы, и потому – долой Думу¹¹⁴². И так – бойкот исключительно как тактический прием революции. Поэтому Ленин, нисколько не изменяя себе, не отказываясь от своей аргументации, мог чуть не в несколько часов решительно изменить свою тактику, и он действительно сделал это со свойственной ему гибкостью, как только оказалось, что Дума будет выбрана. Мы дали бой, мы проиграли его; Дума, созыва которой мы не хотели, соберется, – что же в том? Быль молодцу не в укор, да и проигранный бой далеко не всегда может быть признан ошибкой: он может иметь положительное значение. Перестроим ряды, изменим стратегическую позицию и дадим бой в Думе. Поэтому лишь только в Европейской России сказались результаты выборов, но оставались еще выборы на Кавказе, как Ленин потребовал участия в них¹¹⁴³.

1142 Ср.: «Новая Дума является несомненно карикатурой на народное представительство. Участие наше в выборах даст народным массам извращенное представление о нашей оценке Думы. Свободы агитации нет. Собrania разгоняются. Делегаты арестовываются. Поддавшись на приманку дубасовского “конституционализма”, мы своего партийного знамени перед массами развернуть не сможем, а свои партийные силы ослабим с малой пользой для дела, ибо “легальное” выступление наших кандидатов даст лишь полиции готовые списки арестуемых. В большинстве мест России кипит гражданская война. Затишье может быть здесь лишь временное. Подготовка вновь и вновь необходима. Нашей партии соединять это с делом выборов по закону 11 декабря и нецелесообразно, и практически неосуществимо» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1968. Т. 12. С. 167).

1143 В резолюции «Об отношении к Государственной думе», принятой в Стокгольме делегатами партийного съезда в апреле 1906 г., указывалось, что «всюду, где еще предстоят выборы и где РСДРП может выставить своих кандидатов, не вступая в блоки с другими партиями, она должна стремиться провести своих кандидатов в Думу» (Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП. М., 1959. С. 526), и от Кутаисской губернии в первую думу прошли три социал-демократа, все – меньшевики.

Напротив, позиция эсеров и Мякотина была другая. Брошюра Мякотина, составлявшая страниц 40, почти целиком была заполнена критикой (очень хорошей) как избирательного закона, так и органического закона о Думе и убедительно доказывала, что Дума будет бессильна провести необходимые реформы. Закончив эту критику, Мякотин подвел итог своей критики в такой фразе, которую я хорошо помню и могу цитировать дословно, хотя и не имею брошюры под руками: «Такая Дума не нужна народу, и потому будем бойкотировать ее».

Из этого общего утверждения вытекал вывод: бойкот нужен во всяком случае, пока только законы – избирательный и органический – остаются неизменными. На меня, вполне согласного со всей критической частью брошюры, этот переход и эта аргументация производили впечатление чего-то очень слабого, совершенно не вытекавшего из предыдущего, ибо можно было признавать законы о Думе совершенно не удовлетворительными и тем не менее не отказываться от них, как, по выражению Лассалья, в аналогичных обстоятельствах, потеряв прекрасный дамасский кинжал, можно и с дубиной напасть на вора, его укравшего¹¹⁴⁴. Но раз такой вывод был сделан, он был логически и политически обязателен и для выборов во 2-ю, тем более 3-ю Думу (когда избирательный закон был еще ухудшен), и участие Мякотина и партии народных социалистов в выборах в них было признанием ошибочности своей тактики 1905–1906 гг. Поэтому Струве был не совсем не прав, когда он на одном митинге при выборах во 2-ю Думу говорил о брошюре Мякотина как о сданной в архив истории.

Из аргументации Ленина вытекало требование бойкота активного, боевого, т. е. состоящего в насильственном, толпами бойкотистов, срыве избирательных собраний, разбивании

1144 См.: Лассаль Ф. Речь перед судом присяжных / Пер. под ред. и с предисл. Н. Троцкого. СПб., 1905. С. 60.

избирательных урн и тому подобном, и, в сущности, только такой бойкот мог бы действительно быть революционным. Из аргументации Мякотина такое требование могло вытекать, но могло и не вытекать. О таком активном бойкоте говорилось, но с ним на избирательные митинги никто не шел (конечно, такая проповедь должна была вести за собой закрытие собраний полицией, но это могло входить в задачу бойкотистов), и тем более, насколько я знаю, нигде не делалось попыток активного срыва самих выборов. Поэтому тактика Ленина в своей чистоте не проводилась, и это отражалось даже на аргументации его сторонников (сам он во время кампании 1905–1906 года был, если не ошибаюсь, за границей¹¹⁴⁵ и, во всяком случае, в избирательной кампании лично не участвовал), которые постоянно сбивались на аргументацию Мякотина, представлявшую более удобный материал для агитации, тогда как аргументация Ленина была более пригодна для дискуссий на партийных собраниях, чем для воздействия на широкие внепартийные массы.

Боевыми сторонниками участия в выборах были кадеты – и почти они одни. Партии более правые, начиная от октябристов, открытых собраний почти не устраивали; по крайней мере, мне не пришлось побывать ни на одном из них (помню несколько их собраний в 1906–1907 году при выборах во 2-ю Думу), и ни один из их сторонников не выступал на чужих собраниях. Исключение составляет только партия рабочих-монархистов под лидерством рабочего Ушакова, которая делала мало удававшиеся попытки устройства рабочих собраний; на них не приходила публика. Один раз я видел Ушакова на чужом митинге, и, несмотря на то что он проводил как будто ту же линию, что и я, мне пришлось резко отмахиваться от него. Из людей внепартийных, стоявших влево от кадетов, постоянно выступал против бойкота я – и почти только я один; других

1145 В. И. Ленин вернулся в Петербург 8 ноября 1905 г., но в апреле 1906 г. выезжал в Стокгольм, где участвовал в IV (Объединительном) съезде РСДРП.

ораторов не припомню. Мне, таким образом, приходилось разойтись и бороться с такими людьми, как Мякотин¹¹⁴⁶, и лично, и политически очень близкими.

Из эсдеков особенно часто мне приходилось сталкиваться с Крыленко, выступавшим под кличкой Товарищ Абрам, и другим, выступавшим как Товарищ Николай. Впоследствии этот последний оказался полицейским агентом, однако, по-видимому, не вполне проникшимся полицейским духом, потому

1146 Например, 19 февраля 1906 г. на собрании избирателей Петербургской стороны, отстаивая необходимость участия в выборах, В. В. Водовозов говорил: «У бойкотистов думы есть только один очень сильный аргумент: дума никуда не годится (смех), а, идя в нее, мы ее санкционируем. Я полагаю, однако, что, идя в думу, мы ее не санкционируем. Дума действительно никуда не годится. Из тупика, в который вогнали история и правительство России, ее может вывести действительно только учредительное собрание, созванное на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Но именно потому, что необходимо учредительное собрание, нельзя отказываться от участия в выборах в думу. Нужно пользоваться всеми способами, чтобы организовать народные силы, а одним из них являются, несомненно, выборы в думу. Не отказывались же адвокаты принять участие в деле Шмидта, хотя суд над ним – такая же пародия на правосудие, как государственная дума – на народное представительство. Идея бойкота думы вносит разлагающее начало в организацию общественных сил». Но В. А. Мякотин доказывал на собрании, что, поскольку народ фактически не участвует в выборах, «никто не имеет права говорить в думе от его имени», и подавляющим большинством, свыше 1000 против 10–20 голосов, собрание высказалось за бойкот (см.: Диспут «бойкотистов» и «анти-бойкотистов» // Наша жизнь. 1906. № 375. 21 февр.). 9 марта В. В. Водовозов снова дебатировал с В. А. Мякотиным на собрании избирателей Рождественской части, которое тоже «большинством всех голосов против 15» приняло резолюцию, что «не признает нужным принять участие в выборах в думу» (Там же. № 391. 11 марта).

что года через два-три после этой кампании он застрелился¹¹⁴⁷, притом не вследствие разоблачения: разоблачен он был только после смерти¹¹⁴⁸. Нужно заметить, что он производил довольно симпатичное впечатление, во всяком случае более симпатичное, чем противный, наглый и самодовольный Крыленко. В шпионство Товарища Николая все его встречавшие, и я в их числе, поверили лишь с большим трудом после появления в печати неопровержимых документов.

Из кадетов всего чаще я встречался с П. Н. Милюковым, Ф. М. Родичевым, В. М. Гессеном.

Странная была избирательная кампания в первую Думу.

Программы партий, их задачи, думские и внедумские, не затрагивались вовсе. Все сводилось только к одному вопросу: участвовать или бойкотировать, и в связи с ним к критике законов о Думе. Не ведя агитации за активный бойкот, бойкотисты рекомендовали избирателям в день выборов сидеть дома,

1147 Неточность: И. А. Коновалов, о котором В. И. Ленин отзывался как о «честном», «умелом и беззаветно преданном своему делу наблюдателе» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1973. Т. 23. С. 270, 272), покончил жизнь самоубийством 28 апреля 1911 г.

1148 См.: «Среди других имен провокаторов в бумагах Департамента полиции найдено было указание на провокатора, работавшего под кличкой Фин и осведомлявшего о с.-д. партии и с.-д. фракции Гос. Думы. Предпринято было тщательное расследование для обнаружения, кто именно работал под этой кличкой. В расследовании принимал участие эксперт-графолог Захарьин, изучавший ряд докладов Фина. Установлено, что под этой кличкой состоял на службе в охранном отделении Иван Андреевич Коновалов, член петроградского комитета партии с.-д., большевик, известный под партийной кличкой Николай и сотрудничавший в журналах “Современный мир” и “Русское богатство”. В 1911 году Коновалов покончил жизнь самоубийством» (Провокаторы // День. 1917. № 53. 7 мая). См. также: Войтинский Вл. Годы побед и поражений. Берлин; Пб.; М., 1923. Кн. 1. С. 65–66.

и к этой проповеди абсентеизма фактически сводилась вся их агитация. Таким образом, ради революционизирования народа они агитировали за бездействие и фактически только ослабляли революционный дух.

В их печатных выступлениях они нередко высказывали мысль: бойкот Булыгинской думы привел к революционной победе, Булыгинская дума была сорвана, в октябре вспыхнула забастовка, был завоеван манифест 17 октября с обещанием новой, во всяком случае несколько, хотя и немного, лучшей Думы. Но и эта Дума совершенно не соответствует ни истинным потребностям народа, ни степени напряжения ее революционной энергии. Поэтому – да здравствует новый бойкот, долой и эту Думу! После ее провала неизбежно будет создано учредительное собрание.

Но эта параллель совершенно не соответствует действительности.

Булыгинская дума вовсе не была сорвана бойкотом, и никакого бойкота этой Думы не было. Тогда действительно нарастала революционная волна, но она шла мимо Думы, не бойкотируя, а просто игнорируя ее; никто ею не интересовался, и это равнодушие рядом с такими посторонними ей явлениями, как забастовки, ее погубило. Совершенно иное происходило в избирательный период 1905–1906 гг. Дума была в центре общего интереса; бойкотисты смотрели на нее как на опасного врага и вели на нее приступ, только увеличивая общий интерес к ней. И уже в силу одного этого их агитация не могла оказаться успешной.

Нужно помнить, что избирательный закон нигде не указывал кворума избирателей. Поэтому десяток рабочих на тысячном заводе, несколько участников съезда уполномоченных могли полнокровно выбрать самих себя в выборщики, а самое ничтожное число выборщиков могло выбрать членов Думы. Дума, созданная несколькими тысячами избирателей по всей Руси, все-таки собралась бы. Этот аргумент приводился нами, противниками бойкота; сторонники возражали:

– Да, но такая Дума будет лишена всякого авторитета.

История всех предыдущих бойкотов не подтверждает этого утверждения; прусский ландтаг 1849 г., сербская скупщина 1883 г. законодательствовали и пользовались достаточным авторитетом за границей, что самое важное, да и внутри страны. Во всяком случае, из этого ясно, что задачей бойкотистов было подорвать авторитет будущей Думы. Замечательная ирония судьбы: революционеры подрывали авторитет Думы, которая оказалась весьма революционной.

Сторонники участия относились к законам о Думе ничуть не менее отрицательно, чем его противники. За исключением одного П. Н. Милюкова, все они ожидали Думы консервативной (а я был уверен в этом едва ли не больше, чем другие), и все говорили: выбирать необходимо, несмотря на это; хорошо будет уже то, что в Думу вопреки безобразному избирательному закону пройдет десяток-другой прогрессивных депутатов; их голос в ней будет достаточно громок. Нам возражали:

– Не будет ни одного!

– Этого не может быть, если вы своим бойкотом не сделаете этого; но если даже вы окажетесь правыми, то все же истинная воля народа скажется на первых стадиях выборного производства при избрании уполномоченных и выборщиков, и это уже будет иметь свое положительное значение.

Любопытно, что оценка избирательного закона с точки зрения его вероятных последствий была, таким образом, одна и та же и на крайних правых флангах, в правительственных рядах, и в принявшем Думу среднем общественном слое (в партии кадетов), и на крайнем левом фланге. Крыжановский и его товарищи, вырабатывая закон, желали опереться на деревню против города, на невежество против образования и ожидали от них поддержки старой монархии и помещицкой власти, а левые и средние были глубоко уверены, что цель эта законом достигнута. Только один П. Н. Милюков обнаружил большую политическую проницательность, утверждая смелую мысль, что в такой исторический момент, как 1905–1906 годы,

при таком политическом единодушии, которое охватило все общественные классы, почти всякий избирательный закон даст один и тот же безусловно оппозиционный результат, отличающийся только в оттенках, и что закон 11 декабря, во всяком случае, исключения не составит. Это, конечно, не мешало ему относиться к закону критически и даже отрицательно.

У кадетов были свои списки рекомендуемых ими выборщиков по городской курии Петербурга, и известны были имена 6 депутатов, которых они собирались проводить на выборах. Поэтому, закончив аргументацию в пользу участия вообще, они обыкновенно кратко заявляли: вот наш список выборщиков, голосуйте за него. Но защищать его не приходилось за отсутствием противников. Если выбирать, то кадетов, – больше некого. Были списки октябристов и правых, но настроение собраний, о которых я говорю, было настолько определенно левое, что спорить с октябристами и правыми было совершенно бессмысленно. С левыми же – за отсутствием их кандидатских списков и за нежеланием их вступать на эту почву – спорить не было оснований.

Именно это и делало из всей избирательной кампании нечто крайне бессодержательное и бесплодное. Мое положение было в этом отношении еще печальнее, чем кадетских ораторов. Мне бы хотелось списка более левого, но волей-неволей приходилось заканчивать свои призывы печальным признанием ошибки левых и заявлением, что ввиду этого необходимо голосовать за кадетов, которые, как я говорил, не обещают достаточной решительности в борьбе против существующего порядка, но, во всяком случае, будут стоять за конституцию, за свободу личности и слова, за правовой порядок, за аграрную и другие социальные реформы. Но останавливаться на этих вопросах ни мне, ни самим кадетам, ни их левым противникам не приходилось. Итак, фактически я был сторонником кадетов, хотя и условным.

Иногда, особенно в своих речах в провинции, я делал такого рода указание. Соберутся собрания выборщиков. Послед-

ний этап – избрание депутатов – обещает торжество реакции вследствие значительного процента в их числе выборщиков от землевладения. Но выборщики от остальных курий, если настроение избирателей скажется при выборах ясно, смогут заявить протест против избрания депутатов искусственным, ненародным большинством, потребовать изменения избирательного закона и объявить себя истинной законодательной властью. Это был уже революционный призыв; его не всегда я успевал даже договорить до конца, как полиция объявляла собрание закрытым. И когда это бывало на собраниях, созданных по инициативе кадетов, то они не без основания обвиняли меня в том, что я сорвал их собрание.

Остановлюсь подробнее на нескольких отдельных эпизодах.

В первой половине декабря происходило собрание в Териоках. Не помню, кем и для какой специальной цели оно было созвано, но на нем были представители разных партий и, между прочими, П. Н. Милюков. Как везде в ту эпоху, на сцену явился все тот же вопрос: бойкот или выборы.

Милюков на этот раз в своем прогнозе был почему-то осторожнее, чем обыкновенно, и «допускал» возможность торжества на выборах реакции. Но, говорил он, кто бы в окончательном итоге ни победил, выборы явятся великим смотром, на котором будут подсчитаны силы борющихся течений, и мы определенно и наверняка узнаем, имеют ли реакционеры какую-нибудь опору в крестьянстве, в рабочем классе, в горожанках или только в помещиках, и этот подсчет сил будет иметь громадное значение.

Против Милюкова выступил неизвестный мне эсер.

– Для Милюкова, – сказал он, – этот смотр и подсчет сил действительно нужен, – пусть он и выбирает. Но для нас он не нужен. У нас уже были смотры и силы подсчитаны. У нас был «Потемкин», у нас была первая великая октябрьская забастовка

ка, две следующие забастовки, наконец у нас есть московское восстание¹¹⁴⁹. Больше смотров не нужно; теперь нам нужно применение подсчитанных сил к делу.

Речь была сказана эффектно и вызвала громкое сочувствие в большей части собрания. Дня через два или три после нее закончилось московское восстание печальным поражением¹¹⁵⁰, и гордое заявление получило свою оценку от хода событий. Исход этот, однако, можно было предвидеть уже в момент произнесения речи.

Другой эпизод относится к городу Тихвину Новгородской губернии. Это случай, когда я имел самый большой в моей жизни ораторский успех, – пожалуй, единственный в моей жизни действительный успех, и он стоит очень ярко в моей памяти. Попробую изложить его со всей возможной объективностью.

В городе Тихвине в конце декабря 1905 г. происходил съезд местных учителей, и я получил приглашение приехать на него для прочтения доклада. Совершенно не помню темы моего доклада, – без сомнения, он был связан с текущим политическим моментом. Доклад был прочитан, вызвал прения.

На следующий день после закрытия съезда должен был в Тихвине состояться совершенно особенный крестьянский митинг, и мне предложили остаться на него. Я согласился и утром, перед митингом, зашел к члену местной земской управы, которого мне рекомендовали, и попросил его дать мне материалы о землевладении в Тихвинском уезде. Он дал их мне, и я наскоро, насколько было возможно, ознакомился с ними. Особенность митинга состояла в том, что он был созван мест-

1149 Со 2 по 7 ноября 1905 г. в Петербурге происходила всеобщая забастовка, а 7 декабря в Москве началась всеобщая политическая стачка, переросшая в вооруженное восстание.

1150 16 декабря 1905 г. исполком Московского совета рабочих депутатов постановил прекратить восстание с 18 декабря.

ным предводителем дворянства, впоследствии членом Государственного совета, Буткевичем. Созвание совершилось официально через волостные правления: Буткевич предложил каждой волости прислать по несколько делегатов на митинг, и, таким образом, собрание могло считаться выражающим настроение всего крестьянства целого уезда. Не помню, на каком основании я был на него не только пропущен, но и получил слово: вход был свободный, полномочия не проверялись, так что посторонняя публика и, в частности, учителя со съезда присутствовали, но слова Буткевич мог мне не дать.

Собрание происходило после полудня в зале земского собрания. Присутствовало человек 300–400; стулья были вынесены, и все стояли, кроме как у стола президиума. Полиции на собрании не было.

Буткевич открыл собрание такую приблизительно речью:

– Нам предстоит выбрать Государственную думу. Кого же выбирать? Что должна будет делать Дума? Она будет решать государственные дела. А государственных дел много разных. Тут и вопрос, как быть с евреями и другими инородцами, нужно ли им равноправие или нет, словом – национальный вопрос. Тут и вопрос, как мы, Россия, должны вести себя по отношению к иностранным государствам, вопрос иностранной политики. Тут и вопрос, как поднять народное образование. Тут и вопрос, откуда доставать государственные средства, – финансовый. Тут и вопрос о земле. Ведь вот говорят, что крестьяне страдают от малоземелья и что их надо наделить землею. И это правда, малоземелье есть. Но только знаете вы, по сколько придется на душу земли, если всю землю во всей Европейской России разделить поровну? Всего по полторы десятины, а у вас-то их по 4½. Выходит, что от вас еще отобрать придется. Так вот, значит, земельный вопрос – очень трудный и очень важный, и его нужно обсудить обстоятельно. Тут далее и...

И он перечислил еще пять или шесть вопросов тем же мертвым для крестьянской аудитории языком, не умея даже

вопрос о финансах заменить вопросом о податях и тому подобном.

– В этом порядке я и предлагаю вести беседу. Утверждает собрание мою программу?

– Утверждаем, – раздалось в двух-трех местах.

– Возражений нет?

Молчание.

– Значит, первый вопрос на очереди – национальный вообще и еврейский в частности. Кто просит слова?

Выступил какой-то социалист-революционер из местных и произнес речь, которая могла бы быть признана недурной в другой обстановке, но здесь звучала чем-то совершенно ненужным. Аудитория явно скучала.

Затем попросил слова какой-то священник. Длинный, тощий, с умным лицом. И начал в таком роде:

– Жиды! Что такое жиды? Это такая вера. Вера поганая, по правде сказать. А только знаете что, ребята? Ведь жиды нашу веру считают поганой. Кто же из нас прав? Знаете что? Предоставим Господу Богу на небе решить это, а сами постараемся жить так, как он нам велел по нашей вере. А велел он нам всех любить и никому зла не делать. И жидам тоже. А исполняем мы это? Что-то не видал. А что нам нужно теперь делать? Выбирать в Думу. Надо выбрать хороших людей. А хорошие ли люди жиды? Знаете что? Бывают скверные, а бывают и очень хорошие. А православные? Тоже бывают хорошие, а бывают такие, что хуже всякого жида. Так можно ли выбрать жида в Думу? Если бы Дума должна была о вере рассуждать, ну тогда нам, православным, не подобало бы выбирать жида. Но ведь Дума будет только о наших земных делах говорить, так знаете что? Будем выбирать того, кто правильнее о них рассуждает, а жид ли он, православный ли, о том спрашивать не будем. Правда, жиды Христа распяли. Да, распяли. Только знаете что, ребята? Ведь это, почитай, 2000 лет тому назад было, а нынешние жиды разве в этом виноваты? Нисколько не виноваты. А вот наши генералы дырявых кораблей понастроили да при Цу-

симе и потопили, так ведь они снова Христа распяли, и ему это так же больно было, как тогда.

И т. д. Речь была замечательная, невероятная. С точки зрения ораторского искусства она могла вызвать много серьезных замечаний, – отрывистость фраз, постоянное ненужное повторение вопроса: «Знаете что?» – и других. Но речи, которая была бы лучше приноровлена к своей аудитории, сильнее бы на нее действовала, я никогда не слышал, кроме речей Гапона, хотя манера говорить тут была совсем другая: Гапон действовал своим пафосом; тут пафоса не было и в помине, была действительно евангельская простота, в которой чувствовалось глубоко продуманное и прочувствованное убеждение, самая горячая искренность.

Речь, видимо, захватила аудиторию. Я стоял в толпе мужиков.

– Это наш батюшка, из нашего села, – сказал мой сосед, видимо с увлечением слушавший оратора.

– Славный батюшка, – сказал я. – Много у вас в уезде таких?

– Нет, наш батюшка один на весь уезд. Других таких нет.

С этим батюшкой познакомиться мне не удалось; фамилию его я, к сожалению, забыл. Но у разных лиц впоследствии мне удавалось наводить о нем справки, и вплоть до войны я с величайшим удивлением узнавал, что он остается жив и цел, священствует по-прежнему, сильно любим крестьянами как действительно истинный пастырь-бессребреник.

Батюшке возразил несколько слов сам Буткевич, потом какой-то, видимо, крайне правый субъект, потом один левый учитель. Все вертелось в области еврейского вопроса, все были слабы, и аудитория, видимо, скучала.

Попросил слова я:

– Еврейский вопрос очень важен, о нем прекрасно и всю правду сказал батюшка, и прибавить к его словам ничего нельзя и не нужно. Но я думаю, что вам интереснее будут послу-

шать о земле.

– О земле, о земле! – раздалось по всей зале.

– Ну так я и перейду к земле.

Буткевич сделал мне замечание, совершенно, конечно, правильное, что в программе заседания стоят еще два пункта, но в зале раздалось:

– Пусть говорит о земле. О земле! О земле!

Буткевич не мог не уступить, настроение толпы было слишком определенное, и мне таким образом удалось явочным порядком поставить на очередь дня земельный вопрос.

– Вот нам председатель, Михаил Николаевич Буткевич, которому мы должны большое спасибо сказать за то, что он нас собрал и дал нам возможность перед выборами в Думу со-обща обсудить, кого выбирать, сказал, что если всю землю в России поделить поровну, то выйдет по 1½ десятины на душу. Так ли это, я не знаю. Россия-матушка велика, и сколько в ней десятин, я не знаю. А вот про Тихвинский уезд я хорошо знаю. Тут 20 000 крестьянских дворов. А вот тут у меня список землевладельцев Тихвинского уезда. Вот на первом месте стоит Андреев. У него, значит, 30 000 десятин земли, усадебной, пашни, лугов и лесов. Так вот одной его земли хватило бы на прирезку к каждому мужицкому двору по 1½ десятины. За ним идет Карпов¹¹⁵¹. У него 22 000 десятин. Еще по десятине, да еще и с хвостиком. За ним монастырь Богоявленский¹¹⁵². В нем живут монахи, за нас, грешных, Богу молятся и нетленные бо-

1151 Фамилия Андреева и цифра десятин его земли у меня остались в памяти твердо. Следующие фамилии и цифры я пишу произвольно, но ручаюсь за общий их характер, говорящий о великом земельном изобилии в уезде. Этот Андреев – отец Марии Александровны Андреевой, ученой-византистки, находящейся ныне (1931 г.) в эмиграции, в Праге.

1152 Правильно: Тихвинский Богородичный Успенский православный мужской монастырь, основанный в 1560 г.

гатства на том свете для себя уготовали.

– И жида же эти монахи! – раздается голос в толпе.

– А между тем и о земных не позабыли. У них значится 15 000 десятин земли, и тоже пахота, луга, леса. Земли эти они частью сдают в аренду, а частью обрабатывают, нанимая мужиков.

Затем следовало еще несколько имен – и заключение:

– Так вот, следовательно, в Тихвинском уезде земли столько, что если бы пустить ее в передел, то не отбирать бы от крестьян их наделы понадобилось, а к нынешней крестьянской земле можно было бы прибавить по столько-то десятин на двор. А как живут крестьяне?

Я привел несколько имевшихся у меня общих данных, а затем дал детальное описание одной деревни, назову ее, за запамätованием, Неурожайкой, в тех ярких выражениях, которых я, к сожалению, не могу восстановить, но которые по своей художественной силе положительно напоминают толстовское: «Куренка и то, скажем, выпустить некуда»¹¹⁵³. К сожалению, не имею права приписать их себе: я целиком взял их от одного мужика, с которым стоял в толпе до открытия собрания, и повторил дословно. Я остановился на арендных отношениях и на крестьянской заработной плате на помещичьих землях. Меня прервал председатель:

– Господин Водовозов напрасно говорит, что помещики притесняют крестьян. Помещики очень любят крестьян и очень хотят устроить их по-хорошему.

– Я вовсе не говорю, что помещики не любят крестьян. Напротив, помещики постоянно говорят мужику: «Люблю тебя, как душу, и трясую тебя, как грушу».

Лишь только я это сказал, в зале раздался хохот, переходивший в визг.

1153 Цитируется комедия Л. Н. Толстого «Плоды просвещения» (Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. М., 1982. Т. 11. С. 116).

– И помещики, – продолжал я, – бывают разные. Вот 80 лет тому назад... – и я в общих чертах рассказал историю декабристов, напирая на их требование освобождения крестьян. – Перед этими помещиками я снимаю свою шапку и детям своим закажу снимать ее. А судили их тоже помещики и приговаривали одних к повешению, других к каторжным работам. Перед этими помещиками я шапки своей не снимаю.

Председатель опять прервал меня, делая попытку вовсе лишить меня слова:

– У нас мало времени; я хочу дать слово местным людям, которые хорошо знают наши местные дела, а господин Водовозов из Петербурга, он уже все сказал, что мог.

В зале раздались крики:

– Пусть Водовозов говорит! Кто же так хорошо знает наш Тихвинский уезд, как он? Он и нашу Неурожайку знает, а ее сам Бог забыл!

Я видел человека, выкрикнувшего это последнее замечание. Это был тот самый мужик, чьим описанием его деревни я воспользовался, процитировав его дословно. Он совсем не заметил плагиата.

Таким образом аудитория отстояла меня. Тогда я перешел к вопросу, каким образом нужно действовать, чтобы добиться увеличения площади крестьянской земли, и перешел следующим образом:

– Нужно произвести нарезку мужицкой земли. Как это сделать? Что вы скажете, если выбрать от помещиков Тихвинского уезда шесть человек, а от крестьян одного и поручить им произвести эту нарезку?

Аудитория остолбенела. Такого вольта она не ожидала с моей стороны.

– Я вижу, вам не нравится это предложение. И мне оно не нравится. Но только оно не мое. Видите, у меня закон о Государственной думе. В нем сказано: в Тихвинском уезде крестьяне избирают одного выборщика, а помещики – шестерых, за-

тем выборщики разных уездов собираются в Новгороде и выбирают из своей среды членов Думы. Выборщиков от помещиков много больше, и, конечно, они проведут своих людей в Думу, но все-таки один член Думы будет выбран от крестьян. Значит, Дума будет помещичья, и нельзя надеяться, что она проведет нарезку земли как следует, но все-таки голос крестьянский в ней будет слышен.

Председатель опять лишил меня голоса. Но в толпе опять раздались крики в мою пользу. В это время я увидел мужика большого роста, видимо, сильного, со сжатыми кулаками и с искаженным от злобы лицом, пробиравшегося через толпу к трибуне. Я струхнул, вообразив, что имею в нем врага, и хорошо понимал, что на кулаках моя борьба с ним кончится не в мою пользу. Но он протолкался через толпу, поднялся на помост, как бы не замечая меня, подошел к председателю и, поднеся кулак к его лицу, закричал:

– Ты как смеешь мешать Водовозову говорить? Он дело говорит, он за нас говорит!

Тут я испугался уже другого эпилога, который тоже не соответствовал бы моим желаниям, но, к счастью, его не произошло. Мужик подошел ко мне, схватил меня за плечи, толкнул меня немного вперед и потребовал:

– Говори дальше! Какая будет Дума?

В эту минуту председатель позвонил, закрыл собрание и скрылся. Но толпа кричала мне:

– Говори дальше. Говори о Думе!

Я продолжал и развивал свою программу – программу провозглашения коллегиями крестьянских выборщиков себя своего рода местными секциями, поддерживающими крестьянские элементы Думы, всячески подчеркивая, однако, конституционный характер борьбы. Высказался очень решительно и очень определенно против насильственного захвата земли, который неизбежно приведет к новому, вероятно, худшему земельному неравенству. Опасаясь неправильных выводов из моей речи, я остановился на этом пункте очень подроб-

но. Весьма возможно, что между моим конституционализмом и моим же революционеризмом не было достаточно строго и отчетливо проведенной согласованности, что между ними была некоторая неувязка. Но, во всяком случае, обвинения в разнуздывании народных страстей, в призыве к пугачевщине, которые впоследствии до меня долетали, я считаю совершенно несправедливыми, даже лживыми, если они исходили от людей, прослушавших мою речь до конца, не исключая и той части, которая была произнесена в особенно накаленной атмосфере, когда председатель покинул свое место. Нет, от пугачевщины я решительно и настойчиво предостерегал, рекомендуя прежде всего озаботиться избранием в уполномоченные и выборщики хороших людей, понимающих мужицкие нужды.

– Мы тебя выберем!

– Нет, меня выбрать нельзя, – и я вновь объяснял особенности избирательного закона, лишаящего крестьян права выбирать кого-либо, кроме крестьян своей же волости.

Я вновь вернулся к изложению роли Думы и коллегий выборщиков. Тот крестьянин, который поддержал меня и который остался на трибуне около меня, начал вставлять свои замечания:

– А царь, значит, будет на нашей стороне и нас поддержит.

Из толпы раздались сочувственные ему голоса, и сразу стало ясно, что в вопросе о царе вся аудитория настроена вполне монархически и верит в старую концепцию мужицкого царя, отделенного от народа помещиками и чиновниками; следовательно, что формула, установившаяся в Петербурге после 9 января, «нет Бога, нет царя», сюда, в этот чисто крестьянский уезд еще не дошла. А я только что собирался перейти к вопросу о форме государства и разъяснить значение ограничения царской власти. Я почувствовал, что сделать это здесь невозможно.

Если эти строки прочтут большевики, то они, конечно, провозгласят и этого мужика, и всю аудиторию кулаками, а

меня – носителем кулацкой идеологии, не пожелавшим колебать царского авторитета. Поскольку такая оценка касается крестьян, она, конечно, не верна: собравшиеся здесь мужики были обычными мужиками-общинниками, жившими на наделе и страдавшими от малоземелья; царский же культ был общим для всей России созданием истории. Поскольку эта оценка касается лично меня, она тоже, конечно, совершенный вздор, так как отступил я от задачи критики царской власти не только вследствие уверенности в ее неизбежной безрезультатности в этой аудитории, но и вследствие нежелания поставить на карту положительные результаты моей речи.

После ухода председателя моя речь продолжалась еще с полчаса (а всего, с перерывами, свыше двух с половиной). Но дальнейшее продолжение оказалось невозможным. Кричали и говорили с мест, роль председателя самозванным образом взял на себя мой спаситель-мужик, но, не располагая ни председательской опытностью, ни каким-либо личным авторитетом, он не мог ее исполнить.

– Ты чего, Андрюха, лезешь! Помолчи лучше. А ты, кто там, что ты говоришь? Говори, – выкрикивал он из-за председательского стола.

Говорили о том, кого выбрать в уполномоченные от волостей, – мои разъяснения избирательного закона, видимо, были поняты и усвоены, но наметать кандидатов от волости в этом собрании, объединявшем все волости уезда, было, очевидно, невозможно. Выкрикивались и имена выборщика от уезда, но называлось несколько разных имен, причем было ясно, что нет ни одного крестьянского имени, известного всему уезду. Я был оттиснут и должен был замолчать, не вполне закончив мою речь.

В эту минуту ко мне подошел один учитель.

– На площади собралась полиция; сейчас, очевидно, войдет в собрание. Вероятно, Буткевич отсюда побежал с доносом. Я вас выведу задним ходом.

Я ушел к местному доктору, у которого остановился.

– Вам необходимо сейчас же уезжать.

Это был общий голос всех собравшихся сюда из зала земского собрания.

Железная дорога от Петербурга к Вологде, по которой я приехал, только незадолго перед тем открылась, – по ней было только так называемое временное движение¹¹⁵⁴; поезда ходили раз в день, и то неаккуратно, и единственный поезд в Петербург отошел часа за два перед тем. Ждать следующего приходилось почти сутки, точно так же и поезда в обратном направлении, к Вологде. И мне предложили ехать на почтовых к Шлиссельбургу, что я и сделал.

Между тем в собрании, как мне рассказывали потом, минут через двадцать меня хватились.

– А где же Водовозов?

Один из учителей объяснил:

– Его хотела арестовать полиция, и мы его увели.

– А он не арестован?

– Нет, он в безопасности, у друзей.

– Мы все его друзья. А только вы скажите, если он арестован. Мы пойдем его отбивать.

– Нет, нет, он в полной безопасности.

Собрание начало мирно расходиться. Полиция вошла в зал, только когда он уже наполовину опустел, и мирно распустила оставшихся. Никаких инцидентов не произошло.

К доктору явилась полиция, осмотрела все комнаты и ушла, не найдя меня. В тот же вечер она посетила еще несколько квартир с той же целью, но я был уже далеко. В Петербург, видимо, не было послано требование об аресте, и вся эта история прошла мне даром.

Недели через три после этого митинга, в январе 1906 г., я

1154 Временное движение по Петербургско-Вологодской железной дороге было открыто в сентябре 1905 г.

ездил в Казань по приглашению одной местной общественной группы прочитать три публичные лекции. Первая лекция – о всеобщем избирательном праве (чисто теоретическая, хотя и с практическим применением к России) – прошла благополучно. На второй лекции, о Государственной думе на основании законов о ней, по своим заданиям тоже теоретической, произошел инцидент. Я говорил о собраниях выборщиков. Объяснил их права и обязанности по закону и, желая сохранить возможно объективный, теоретический тон, не в форме предложения, а в форме теоретического соображения – о вероятности, что собрания выборщиков от некоторых курий сочтут нужным сохранить свое существование для контроля за деятельностью Думы. Частный пристав немедленно поднялся с места и объявил о закрытии собрания. В публике это вызвало сильнейшее возмущение. Она потребовала составления протокола и в протокол включила протест против ничем не обоснованного закрытия. Под протестом подписалось много людей, самый протест писал А. В. Васильев, профессор математики, кадет, присутствовавший на обеих лекциях. Третья лекция – о роли политических партий в государственной жизни конституционных государств – была запрещена и не состоялась¹¹⁵⁵.

1155 В. В. Водовозов был приглашен юридическим обществом при Казанском университете для прочтения публичных лекций – «Всеобщее избирательное право», «О системе выборов в Государственную думу» и «Что такое конституция?», назначенных соответственно на 23, 24 и 25 января 1906 г. Но вторая лекция была сорвана полицией, ибо оратор «блистательно, дельно, оставаясь все время последовательным» критиковал избирательную систему как «неумелый плод бюрократического творчества» (см.: Б-н Илья. Вторая лекция В. В. Водовозова. (Письмо в редакцию) // Казанский телеграф. 1906. № 3898. 26 янв.). В «Протоколе о закрытии собрания юридического общества 24 января» указывалось, что Водовозов, читая лекцию «в клубе служащих правительственных и общественных учреждений на публичном платном заседании», назвал Государственную думу

Вспоминается мне еще одно собрание в Петербурге, собравшееся или, лучше сказать, не состоявшееся за несколько дней, может быть, накануне открытия Думы в апреле 1906 г.¹¹⁵⁶ Собрание было созвано кадетами в зале Вольного экономического общества¹¹⁵⁷. На нем присутствовало несколько уже выбранных членов Думы, в том числе Родичев. Цель собрания – тактика в Государственной думе. Председателем был Родичев. Не знаю, по какой причине, но едва только Родичев произнес

«обманом правительства», высказываясь «в оскорбительных тонах против самодержавия», на основании чего по требованию временно исправляющего должность полицеймейстера Казани собрание было «распущено». Протестуя, члены юридического общества указали «г. полицеймейстеру на несоблюдение им закона 12 октября о двукратном предупреждении», которое он должен был сделать лектору, прежде чем закрывать собрание (на что тот ответил: «Незаконно – тем лучше!»), подчеркивая, что «вся лекция г. Водовозова носила характер академический и никаких оскорбительных слов против самодержавия им произнесено не было» (Из зала юридического заседания 24 января // Волжский листок. 1906. № 364. 26 янв.). Поскольку третью лекцию запретили, в тот же день, 25 января, Водовозов покинул Казань (см. также: Из юридического заседания 23 января // Там же. № 363. 25 янв.; 2-я лекция В. Водовозова // Вечернее эхо. 1906. № 30, 31. 26, 27 янв.).

- 1156 Открытие 1-й Государственной думы состоялось 27 апреля 1906 г.
- 1157 Императорское Вольное экономическое общество к поощрению в России земледелия и домостроительства – научное общество, учрежденное в 1765 г., которое, согласно уставу 1872 г., включало три отделения: сельскохозяйственное, технических сельскохозяйственных производств и земледельческой техники, политической экономии и сельскохозяйственной статистики; один из центров сплочения либерально-демократической оппозиции; В. В. Водовозов был избран членом ВЭО на его общем собрании 24 февраля 1905 г. (см.: ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2114. Л. 8).

несколько вступительных слов, как в залу явилась полиция.

– Объявляю собрание распущенным, – возгласил пристав.

Закрытие было особенно наглым. Никаких поводов к его закрытию не было, и оно было просто заявлением о торжестве новых начал во внутренней политике, связанных с образованием нового министерства (Горемыкина)¹¹⁵⁸. Во всяком случае, истекшая зима подобных precedентов не знала.

Публика в негодовании повскакала с мест, раздались возмущенные крики. Родичев сделал величественный жест рукой, успокаивая публику, и трагическим голосом обратился к приставу:

– Господин частный пристав! Назовите ваше имя, чтобы оно было покрыто презрением в истории, как имя человека, посягнувшего на права избранных русского народа.

Пристав назвал себя (увы, в моем, по крайней мере, лице как мемуариста история обнаружила слишком короткую память, и я не могу предать его имя вечному презрению), но повторил требование о расхождении. Родичев обратился к публике:

– Мы разойдемся, разойдемся спокойно, чтобы не доставить удовольствия людям, желающим обогатить кровью первую страницу истории русского конституционализма. Мы разойдемся, но дадим себе клятву не забыть этого насилия над волей народа и пригвоздим ваше имя к позорному столбу.

По-видимому, перед духовным взором Родичева носился образ Мирабо. Но историческая обстановка была другая, и пафос Родичева производил впечатление скорее комическое или даже водевильное, чем трагическое. Пристав к позорной памяти в истории относился, видимо, совершенно хладнокровно¹¹⁵⁹.

1158 И. Л. Горемыкин сменил С. Ю. Витте на посту председателя Совета министров 22 апреля 1906 г.

1159 Неточность: речь идет о заседании III отделения Вольного эко-

номического общества 24 апреля 1906 г., на котором председательствовал Н. Ф. Анненский и ожидалась дискуссия на тему «Современное положение страны и Государственная дума». Среди публики находилось около 100 депутатов и члены Государственного совета, но «после вступительного слова Н. Ф. Анненского и доклада В. А. Мякотина совершенно неожиданно появился пристав и заявил, что настоящее заседание по распоряжению градоначальника немедленно должно быть закрыто. Председательствующий, обращаясь к приставу, заявляет: “Требование градоначальника незаконно. Мы действуем на основании Высочайше утвержденного устава, по которому никто не имеет права без моего разрешения сюда входить. Вы нарушили устав. Прошу вас оставить зал заседания”. Сказав это, Н. Ф. предоставил слово следующему по списку оратору – В. В. Водовозову. Но не успел еще В. В. взойти на кафедру, как в зал заседания введен был усиленный отряд вооруженных городских, человек в 100. Публика заволновалась, и некоторые из присутствовавших устремились к выходу. Председатель просит собрание оставаться совершенно спокойно на местах и предоставляет слово президенту Вольного экономического общества, члену государственной думы, гр. Гейдену. Гр. Гейден требует немедленного составления протокола, чтобы иметь, таким образом, возможность обжаловать незаконные действия градоначальника в Сенате. Пристав заявляет, что ничего не имеет против составления протокола, но находит, что публика должна заранее оставить зал заседания. <...> При выходе публике пришлось буквально проходить “сквозь строй” двух рот солдат Измайловского полка, в полной боевой амуниции расположенных против здания Вольного экономического общества, усиленного наряда конных городских, вооруженных винтовками, и конных жандармов, оцепивших всю улицу» (Заседание Вольного экономического общества // Речь. 1906. № 57. 25 апр.). На следующем заседании общества 25 апреля снова председательствовал Н. Ф. Анненский, но когда С. Н. Прокопович начал свой доклад по аграрному вопросу, опять «в зал ураганом ворвался отряд городских, человек в сто, занявших все входы и выходы», а «предводительствовавший им участковый пристав

Революция кончилась, иначе беспричинный роспуск собрания с несколькими членами Думы не мог бы произойти так спокойно, а произошло бы по меньшей степени то, что было в Киеве на лекции Лункевича. И этот мирный роспуск собрания был прообразом близкого роспуска самой Думы, который тоже не вызвал протеста. Мысль о возможности такого роспуска уже тогда, до ее открытия бродила в головах и порой высказывалась. И на ней особенно настаивали бойкотисты.

Когда первые результаты выборов явственно обнаружили совершенную ошибочность всех прогнозов, то бойкотисты неизбежно должны были изменить характер своей критики. С критики избирательного закона они перенесли ее на органический закон о Думе и стали напирать на ее несправедливость и предсказывать ее скорый разгон, если она действительно решится по-

объявил заседание закрытым». Отказавшись подчиниться, Анненский тут же огласил грамоту Екатерины II о предоставлении обществу «известных вольностей» и подтверждающий их «рескрипт царствующего монарха». На вопрос, продолжает ли пристав настаивать на закрытии заседания, последовал ответ: «Я послан сюда для действия вооруженной силой в случае сопротивления нашим требованиям». Заявив, что «уступает одной только физической силе, против которой собрание бессильно», Анненский попросил публику оставить зал, что было встречено «громкими протестами и резкими возгласами» (В Вольно-экономическом обществе // Там же. № 58. 26 апр.). Вслед за этим на собрании избирателей Коломенского района в Большом зале Дома трудолюбия на трибуне появился «встреченный бурными аплодисментами В. В. Водозовов», начавший свою речь «с рассказа о насилии, только что совершенном над собранием в Вольно-экономическом обществе», после чего была единогласно принята резолюция, призывавшая думу «покончить с нынешним режимом, освободить борцов за права народа, утвердить свободы, выработать избирательный закон, обеспечивающий народовластие, вырвать власть из грязных рук бюрократии и предать суду насильников» (Е. К. В Коломенском районе // Наша жизнь. 1906. № 431. 28 апр.).

требовать серьезных реформ.

Расскажу здесь еще об одном митинге, на котором главную роль сыграл тоже Родичев и который происходил недели за две, за три до митинга в Вольном экономическом обществе. Возражая социал-демократам на их пророчество о скором роспуске Думы, Родичев на этом митинге со свойственным ему страстным пафосом сказал:

– Не найдется такого безумца, который посмеет разогнать Думу. А если найдется, то он немедленно свалится в пропасть!

Фраза, как все подобные фразы, вызвала громкие аплодисменты. Аплодировали кадеты все, может быть, даже те, кто только что соглашался с мрачным пророчеством. Фраза была действительно очень красиво построена и эффектно произнесена, с соответственной жестикуляцией. В ней была уверенность в народной поддержке и скрытая угроза революцией, столь чуждая духу кадетизма и объясняющаяся не столько личными убеждениями или даже личным темпераментом Родичева, сколько характером его красноречия, в котором не столько оратор владеет словом, сколько слово – оратором. Фраза эта имела в следующем году свой отголосок, о котором я расскажу в своем месте.

Дошла ли тактика бойкота до широких народных масс и каков ее общий итог?

Официальная статистика выборов никогда не была опубликована, и, следовательно, общих цифр абсентеизма избирателей мы определить не можем.

По отрывочным горсткам данных мы, однако, знаем, что из городских избирателей явилось на выборы около 50%, а в Петербурге – даже 54%, – цифра очень значительная для первых политических выборов, да еще двухстепенных (двухступенность всегда усиливала абсентеизм). В Германии на выборы в рейхстаг 1876 г. явилось к урнам даже несколько меньше, а там это были не первые выборы и выборы, происходившие на основе всеобщности, которая всегда высоко поднимает избирательную энергию. Следовательно, нужно признать, что на

городских избирателей агитация бойкотистов сколько-нибудь заметного влияния не произвела. Не статистически, но индивидуально я знаю, что очень многие избиратели, во время кампании стоявшие за бойкот, в последнюю минуту не удержались и голосовали за чуждых им кадетов; некоторые сами сознавались мне в этом (между прочими – В. И. Семевский). Но некоторое влияние бойкот все-таки произвел: в следующем году, когда бойкота не было, при выборах во 2-ю Думу в Петербурге на выборы явилось 70% избирателей.

Крестьянство к выборам отнеслось восторженно; до него агитация бойкота не дошла вовсе. И именно в крестьянских выборах имеются с этой точки зрения в высшей степени комические явления. От крестьянства Саратовской губернии был выбран Г. К. Ульянов (однофамилец, не родственник Ленина), по партийной принадлежности – социалист-революционер. Он был решительным сторонником бойкота, но не мог протестовать против своего избрания, так как сидел в тюрьме¹¹⁶⁰ (в первую Думу заочное избрание сидящих в тюрьме или находившихся в административной ссылке было возможно и признавалось; так был избран из числа кадетов Гредескул¹¹⁶¹, из трудовиков – очень многие). После избрания он был освобожден. Намеревался отказаться, но не сделал этого. Почему? Кто знает; объяснения на этот счет он давал мне довольно путанные: то ли он хотел сделать свой отказ более эффективным, про-

1160 Г. К. Ульянов, член Саратовского комитета ПСР, арестованный в сентябре и высланный в декабре 1905 г. в Восточную Сибирь, был возвращен с этапа в связи с избранием 14 апреля 1906 г. в Государственную думу от общего состава выборщиков Саратовского губернского избирательного собрания.

1161 Н. А. Гредескул, редактировавший харьковскую газету «Мир», был арестован и сослан на три года в Архангельскую губернию, но освобожден в связи с избранием 21 апреля 1906 г. в Государственную думу от съезда городских избирателей Харькова.

изведя его в самой Думе, то ли переменил свое мнение. Вероятно, сыграли свою роль самые различные мотивы, не исключая и мотивов самолюбия. Во всяком случае, он свой отказ отложил, а пока что был очень дельным и порядочным, хотя и второстепенным деятелем Трудовой группы. Заочно был избран и Аникин¹¹⁶², тоже эсер и тоже бойкотист. Некоторые бойкотисты были выбраны не заочно, а так, что их избрали в уполномоченные против их желания; они приняли избрание, чтобы на съезде уполномоченных говорить против избрания выборщиков, но там повторилась та же история. Ну а на собрании выборщиков отказаться идти в Думу уже не хватило силы воли, – уж очень это лестно было. Если меня не обманывает память, так был избран Седельников¹¹⁶³, тоже социалист-революционер, примкнувший к трудовикам.

Наконец, рабочая курия. Сюда проповедь бойкота несомненно дошла и произвела свое влияние. Петербургские рабочие почти поголовно либо отказались выбирать, либо в виде иронического протеста избирали собаку Розу или фабричную трубу, о чем составляли протоколы. Однако партия рабочих-монархистов (ушаковцев)¹¹⁶⁴, весьма немногочисленная,

1162 С. В. Аникин, подвергавшийся арестам в 1904 и 1905 гг., являясь членом губернского бюро Всероссийского крестьянского союза, был избран в Государственную думу 14 апреля 1906 г. съездом уполномоченных от волостей Саратовской губернии.

1163 Т. И. Седельников, землемер, был избран в Государственную думу 20 апреля 1906 г. от общего состава выборщиков Оренбургского губернского избирательного собрания.

1164 Независимая социальная рабочая партия (независимцы, ухаковцы) была основана в конце 1905 г. рабочим Экспедиции заготовления государственных бумаг М. А. Ушаковым, пользовавшимся покровительством С. В. Зубатова и С. Ю. Витте; выступала за примирение труда и капитала, невмешательство рабочих в политику; издавала «Рабочую газету» (1906. № 1–46; 1908. № 1–4).

едва ли не вся состоящая на жаловании у полиции, пользуясь абсентеизмом рабочих, провела избрание необходимого числа выборщиков, и вся рабочая курия Петербурга состояла из ушак-ковцев.

В провинции, однако, нашлись некоторые личности, в которых в рабочей курии идея бойкота встретила сознательный протест и где рабочие, за воздержанием партийных эсдеков, выбрали рабочих¹¹⁶⁵, формально к ним не принадлежащих, но им сочувствующих. Фамилия наиболее выдающегося из них – Михайличенко. Первоначально он вместе с несколькими товарищами примкнул к Трудовой группе; потом, когда подъехали депутаты с Кавказа, где вследствие отказа от тактики бойкота было избрано несколько социал-демократов, они вышли из группы и присоединились к социал-демократам¹¹⁶⁶. Это было перед самым разгоном Думы¹¹⁶⁷.

Итак, в общем и целом нужно признать, что влияние бой-

1165 В состав 1-й Государственной думы были избрано 23 рабочих (см.: Государственная дума Российской империи. 1906–1917. М., 2008. С. 447).

1166 Социал-демократическая фракция 1-й Государственной думы насчитывала 18 человек.

1167 1-я Государственная дума была распущена 9 июля 1906 г., ибо выборные от населения, пенял им Николай II в своем Манифесте, «уклонились в не принадлежащую им область и обратились к расследованию действий поставленных от нас местных властей, к указаниям нам на несовершенство законов Основных, изменения которых могут быть предприняты лишь нашей монаршей волей, и к действиям явно незаконным, как обращение от лица Думы к населению», из-за чего «смущенное таковыми беспорядками крестьянство, не ожидая законного улучшения своего положения, перешло в целом ряде губерний к открытому грабежу, хищению чужого имущества, неповиновению закону и законным властям» (Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. Т. 26. 1906. Отд. I. СПб., 1909. № 28105. С. 738).

кота на ход выборов сказалось заметным образом только в рабочей курии. Но на составе Думы оно отразилось весьма значимо: благодаря ему в Думе не было левых партий (если не считать нескольких уже указанных мною исключений) и, вероятно, только благодаря ему в Думе образовалась Трудовая группа.

Но каков итог бойкота в других отношениях, в его влиянии на общий ход истории? Ответ на этот вопрос несомненно может быть только субъективным. С моей стороны я даю такой.

Во-первых, бойкот лишил русский народ или, по крайней мере, население городов на время первых выборов такой прекрасной школы, какой всегда являются политические выборы, и в особенности первые. Никогда ни раньше, ни позже, вплоть до 1917 г., не было таких благоприятных условий для сообщения народу начатков политических знаний. Собрания были почти совершенно свободны; несколько нарушений этой свободы не уничтожают ее. Созывались легко. Жажда учиться была у горожан громадная. Все митинги были переполнены. И вот вместо того, чтобы говорить о формах политической жизни, о парламентаризме и конституционализме, о различных системах государственных финансов, о местном самоуправлении, об аграрной реформе, о необходимых социальных реформах, мы бестолково топтались на одном и том же узком вопросе, имеющем второстепенное значение. То, что народ потерял таким образом целую зиму обучения в политической школе, — это результат тактики бойкота. Конечно, невозможно определить, как это отразилось на уровне общего политического развития.

Во-вторых, бойкот помешал левым партиям провозгласить лозунг всемерной поддержки Думы, содействовал понижению ее авторитета и облегчил правительству ее разгон, а после разгона содействовал тому, что Выборгское воззва-

ние¹¹⁶⁸ почти не имело отголосков и самый разгон не вызвал протеста.

В-третьих, рекомендуя абсентеизм, он вообще содействовал понижению политической активности.

Таковы, по моему мнению, три результата бойкота.

Несомненно, однако, что нет надобности преувеличивать значение этого второго и третьего результатов бойкота: он, как я уже сказал, вообще дошел только до рабочих, а на остальные курии имел только частичное влияние. Если же разгон Думы не вызвал революционной вспышки, то главным образом это объяснялось тем, что революционная волна спала, революционная энергия сильно понизилась. Объяснять такое широкое и общее историческое явление не место в простых воспоминаниях; для этого нужно историческое исследование. Но факт налицо: той революционной энергии, которая имелась во время октябрьской забастовки, во время Думы уже не было. И участие в выборах в Думу несомненно находилось в некоторой связи с этим явлением; только нет оснований думать, чтобы эта связь была причинной.

Можно отметить еще один результат бойкота, не столько общественный, сколько личный. Благодаря ему целый ряд талантливых людей, которые могли бы развернуться на думской арене, в нее не попали. К числу таких людей я причисляю прежде всего редакторов «Русского богатства» Мякотина, Анненского, Пешехонова; очень много вероятности, что они или, по крайней мере, кто-нибудь из них мог пройти в Думу по городскому цензу в Петербурге в блоке с кадетами. Потом, когда они отказались от тактики бойкота, эта возможность была по-

1168 Воззвание «Народу от народных представителей», принятое 8 июля 1906 г. в Выборге бывшими депутатами 1-й Государственной думы в связи с ее роспуском, содержало призыв к гражданскому неповиновению.

теряна: вследствие привлечения к суду¹¹⁶⁹ они утратили цензы.

1169 12 января 1907 г. судебный следователь 6-го участка г. С.-Петербурга, вследствие предложения прокурора С.-Петербургской судебной палаты от 31 декабря 1906 г., постановил привлечь в качестве обвиняемых Н. Ф. Анненского, М. В. Беренштама, В. Г. Богораза (Тана), С. Я. Елпатьевского, Ф. Д. Крюкова, В. А. Мякотина, А. В. Пешехонова, В. И. Семевского, В. И. Чарнолусского и др., «предъявив им обвинение в том, что в 1906 г. в г. С.-Петербурге, действуя по предварительному между собой соглашению, они составили сообщество под наименованием “Трудовая (народно-социалистическая) партия”, поставив целью деятельности этого сообщества ниспровержение существующего общественного строя посредством созыва учредительного собрания» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 950. Л. 1).

Глава IV. Дума народного гнева. – Всеобщая вера в нее. – Кадеты. – Образование Трудовой группы. – Аладьин, Аникин, Жилкин, Брамсон. – Политические настроения в Трудовой группе. – Разногласия в ней. – Указания на факт раскола неосновательны. – Поездка в Выборг и составление Выборгского воззвания. – Его значение

«Дума народного гнева» была избрана. Такую кличку я дал ей на одном из последних перед ее открытием митингов¹¹⁷⁰, и кличка пошла в ход¹¹⁷¹. Я противопоставлял «народный гнев» «народной воле», настаивая на том, что за точную выразительницу народной воли, за верное народное представительство нельзя признать собрание, избранное на основе крайне уродливого закона, искаженного цензом, куриальностью, неравен-

1170 Выступая 16 марта в театре Неметти на собрании с участием около 3 тыс. человек, В. В. Водовозов говорил: «...дума – оппозиционная. Выборы доказали, что у правительства нет сторонников, что нет ни одного класса, ни одной группы населения, на которую оно могло бы опереться. И чиновники, и купцы, и помещики подавали свои голоса за кадетов и этим самым подчеркивали свое недоверие правительству. Преступления же военных агентов, избиения, казни, пред которыми бледнеют ужасы французской революции, толкают массы в ряды революционеров. <...> В чем же должна выразиться деятельность думы? Она должна помнить, что не является органом народной воли, а только органом народного гнева. Она не должна заниматься положительной работой. Все основные вопросы нашей жизни, аграрный, рабочий и др., может решить только народ в лице его истинных представителей. Поэтому дума должна потребовать учредительного собрания» (цит. по: Б. Э. О тактике левых в думе // Наша жизнь. 1906. № 422. 18 апр.).

1171 См., например: «Дума народного гнева». Избранные места из речей, произнесенных в Первой русской думе / Сост. Михаил Гурлянд. СПб., 1907.

ством и отсутствием свободы агитации. То же, что Дума будет выразительницей народного гнева, было ясно видно еще до ее открытия. Через несколько лет, однако, перечитывая ее стенографические отчеты¹¹⁷², я, не отказываясь от этой клички, был склонен вместе с тем признать ее и органом народной воли, согласившись с указанием Милюкова, что в известные исторические моменты одна воля охватывает все слои населения и содержание избирательного закона сравнительно мало влияет на состав палаты.

Трудно теперь представить себе тот общий восторг, который в последние дни перед ее открытием охватывал, все нарастая, все население России и достиг своего апогея в самый день открытия, 27 апреля 1906 г., чтобы скоро смениться сперва некоторым недоумением, потом полнейшим разочарованием. Трудно потому, что теперь, хорошо зная последующие факты, останавливаешься перед вопросом: на чем же основывались надежды? Выборы ясно говорили, что народ настроен против правительства, но вся деятельность правительства за последние месяцы свидетельствовала о все еще не сломленной его силе и о том, что оно вовсе не намерено склоняться перед народной волей. Помимо всей полицейской деятельности министра внутренних дел Дурново, вновь наполнившего тюрьмы и ссылку, опустошенные октябрьской амнистией, об этом ясно говорило назначение министерства старого и упрямого бюрократа Горемыкина (за несколько дней до открытия Думы); издание основных законов, явно избегавших слова «конституция»; весь тон официальной и официозной печати; погромная деятельность черносотенных организаций, находивших открытую поддержку в правительстве и встречавших покровительственное одобрение в самом монархе.

Оснований для надежды не было, и тем не менее она была

1172 Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия первая. СПб., 1906. Т. 1–3.

и среди широких крестьянских масс, и среди интеллигенции. Крестьяне толпами провожали своих избранников на вокзалы и кричали им:

– Без воли и земли не возвращайтесь!

Депутаты тоже были охвачены верой. Всего горячее верили победители-кадеты¹¹⁷³. Родичев прямо сиял торжеством победы, и даже рассказанный мной эпизод с разгоном без вся-

- 1173 Конституционно-демократическая фракция 1-й Государственной думы оказалась самой многочисленной и к концу сессии объединяла 178 депутатов (см.: Государственная дума Российской империи. 1906–1917. С. 283). Но В. В. Водовозов считал, что, поскольку выборы проводились не на основе всеобщего голосования, кадеты, которые из-за тактики бойкота, проводимой левыми партиями, «тщательно остерегались марать себя союзами налево и в то же время делали охотно книксены направо», не имеют «ни малейшего права называть себя избранниками или представителями народа». И далее он писал: «Пусть кадеты исполняют данные ими обещания, или в случае невозможности их исполнить пусть мужественно борются за них в думе и вне думы, и мы, избиратели поневоле, избиравшие их за отсутствием других кандидатов, забудем их ошибки. В таком случае, но только в таком случае, после завоевания всеобщего избирательного права они смогут, может быть, действительно получить свой мандат от народа и обратиться в действительных народных представителей» (Водовозов В. Поражение правительства // Наша жизнь. 1906. № 406. 29 марта). На это орган кадетов отвечал: «В “Нашей жизни” г. Водовозов великодушно обещает к.-д. партии забыть ее ошибки, допущенные по отношению к правым и левым, если партия в думе исполнит то, что рекомендует г. Водовозов. Так как указываемые г. Водовозовым ошибки в действительности не имели места, то мы бы могли утешиться тем, что и прощать нечего. Но увы! Нам все-таки не удастся заслужить прощения г. Водовозова, ибо, как бы мы этим ни дорожили, мы предпочтем идти той именно дорогой, по которой г. Водовозов отказался с нами идти» (Печать // Речь. 1906. № 35. 30 марта).

кого повода митинга, на котором он председательствовал, не поколебал его убежденности. Так же горячо верили крестьяне-трудовики. Нотки сомнения прорывались у трудиков-интеллигентов, например у Л. М. Брамсона, но и то очень слабые и у очень немногих. Такую же веру имело и подавляющее большинство как кадетской, так и внепартийной интеллигенции, отчасти даже массовых социал-демократов и социалистов-революционеров, кроме лидеров и профессиональных партийных деятелей, обязанных – в силу верности своему знамени и своему недавнему прошлому – сомневаться. Недаром, когда пароход с депутатами проезжал по Неве вблизи так называемых Крестов, из-за железных тюремных решеток потянулись руки с носовыми платками, приветствовавшие депутатов, а большинство заключенных принадлежало ведь к одной из двух социалистических партий, вчера еще бойкотировавших выборы. На эту трогательную демонстрацию депутаты отвечали криками:

– Первая наша задача – амнистия для вас!

Крики с парохода, вероятно, до тюремных камер не доносились, но в смысле их арестанты могли не сомневаться. Требование амнистии носилось в воздухе¹¹⁷⁴, о нем кричали народные толпы, приветствовавшие депутатов, входивших в Таврический дворец.

И все, и депутаты, и публика верили, что стоит только Думе потребовать политической амнистии, и тюремные двери откроются. Стоит им потребовать отставки министерства, и оно уйдет, и места министров займут Муромцев, Милюков, Набоков. Стоит им потребовать аграрной реформы, и... Тут, конечно, приходилось остановиться. Всякому интеллигенту было понятно, что аграрная реформа слишком трудна для уве-

1174 См.: Водовозов В. Амнистия // Наша жизнь. 1906. № 463, 465. 4, 7 июня; Он же. Дума и партии. К вопросу об амнистии // Там же. № 482. 27 июня.

ренности, что она может пройти без сучка и задоринки. Но в остальное верили, не допуская сомнения. А в это верили крестьяне.

Сомнения, как я уже сказал, позволяли себе официальные партийные ораторы левых (бойкотировавших) партий, а также некоторые отдельные лица. В их числе был я, издавна склонный к пессимизму, и некоторые (не все) члены нашей редакции. Во всяком случае, «Наша жизнь», встретившая новый, 1906 г. (моим) пророчеством о потоках крови, и при открытии Думы предавалась ликованию гораздо умереннее, чем другие газеты.

Недели через две после открытия Думы я на одном митинге, протестуя против излишества восторгов и ожиданий, сказал:

– Многие верили, что стоит собраться Думе, и при первых же ее речах раскроются двери тюрем и падут твердыни самодержавия, как от иерихонских труб. Но вот уже две недели, как Дума собралась, а двери тюрем до сих пор крепко заперты, и бюрократический Иерихон стоит прочно.

Эти слова в кадетских газетах были приведены без их мотивировки, т. е. обращены в обвинение мною Думы, которая должна бы, но не сумела в две недели произвести преобразование всего государственного строя, и высмеяны как наивность. Не раз на митингах Родичев и другие кадеты приводили их против меня как явную нелепость, тогда как они были сказаны мною не против Думы, а против их необоснованных надежд и обещаний. Если же деятельность Думы обманула мои от нее ожидания, то только к лучшему, а не худшему.

Итак, настроение в день открытия Думы должно быть охарактеризовано одним словом: общий восторг. А между тем характерно, что власти в это праздничное настроение постарались без всякой нужды влить несколько капель горечи. Как известно, Дума должна была собраться в Зимнем дворце. Там Николай II открыл ее небольшой тронной речью, в которой на Думу налагалась обязанность служения «мне» и родине; «я»

было на первом месте и еще нарочито подчеркнуто тоном голоса¹¹⁷⁵. После речи Николая депутаты на пароходе были отвезены по Неве к Таврическому дворцу. И вот по каким-то непонятным соображениям администрации Дворцовый, наверное, а кажется, также Троицкий и Литейный мосты были разведены, а по некоторым примыкающим к Зимнему дворцу улицам движение как экипажей, так даже и пешеходов было приостановлено на несколько часов. Смысл этой меры вызывал общее недоумение. Для людей, живших на Васильевском острове (или, по крайней мере, в его восточной части), имевших необходимость утром пройти куда-нибудь в район Гостиного двора, эта мера представляла некоторое, но, главное, совершенно лишнее затруднение¹¹⁷⁶. Она ясно говорила, что от

1175 В «Приветственном слове его императорского величества государя императора Государственному совету и Государственной думе», в частности, говорилось: «С пламенной верой в светлое будущее России я приветствую в лице вашем тех лучших людей, которых я повелел возлюбленным моим подданным выбирать от себя. <...> Я же буду охранять непоколебимыми установления, мною дарованные, с твердою уверенностью, что вы отдадите все свои силы на самоотверженное служение Отечеству для выяснения нужд столь близкого моему сердцу крестьянства, просвещения народа и развития его благосостояния, памятуя, что для духовного величия и благоденствия государства необходима не одна свобода, необходим порядок на основе права. Да исполнятся горячие мои желания видеть народ мой счастливым и передать сыну моему в наследие государство крепкое, благоустроенное и просвещенное. <...> Приступите с благоговением к работе, на которую Я вас призвал, и оправдайте достойно доверие царя и народа. Бог в помощь мне и вам» (Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия первая. СПб., 1906. Т. 1. С. 5).

1176 Ср.: «С раннего утра развели на Неве Дворцовый мост, закрыли Николаевский и прекратили движение пароходов финляндского общества и яликов, и таким образом было произведено разобщение центральных частей от заречных. <...> На площади у

своего произвола правительственная власть отказываться не намерена.

Первая Дума должна была состоять из 524 депутатов, но вначале состояла менее чем из 500, да и под конец – только из 499. Депутаты от Кавказа были избраны только в мае, а депутаты от Сибири и Среднеазиатской России вовсе не были избраны до разгона Думы. Из них было 160 кадетов¹¹⁷⁷, около 40 было поляков и треть представителей разных национальностей; остальные, избранные в качестве беспартийных, представляли бесформенную массу депутатов различных политических отенков.

Из кадетов в Думе налицо был весь ее цвет: Муромцев, Петрункевич, Герценштейн, Шаховской, Родичев, Петр Долгоруков, Кокошкин, Набоков и другие. Не хватало только Милюкова, который не имел избирательного ценза и в Думу не попал. Были и люди, не сделавшие чести своему лагерю, как Гредескул (даже избранный товарищем председателя), впоследствии, после 1917 г., перебежавший в лагерь большевиков и обливавший грязью своих бывших товарищей. Был и священник Афанасьев, через несколько лет разоблаченный в качестве шпиона на постоянном, хотя и очень скромном жаловании из Департамента полиции (помнится, не то 50, не то даже 30 рублей в месяц). После этого разоблачения кадеты (особенно упорно Аджемов) публично отрекались от него, утверждая, будто он никогда к кадетской партии не принадлежал, а при-

Николаевского моста, у Исаакиевского собора и у Государственного совета выстроилась конная полиция. На Васильевском острове внутри многих домов засады из городских. На набережной – казаки, на мосту – жандармы и полиция. Через мост пропускаются лишь военные и почтальоны» (На улицах // Речь. 1906. № 60. 28 апр.).

- 1177 После середины мая 1906 г. кадетская фракция пополнилась 22 вновь прибывшими депутатами и в нее перешли 12 депутатов из других фракций.

ходил в нее в качестве гостя, но в списке членов партии, напечатанном в издававшемся тогда «Вестнике (или «Еженедельнике», не помню точно) Партии народной свободы»¹¹⁷⁸, он значился в числе полноправных членов.

Остановлюсь на одном рядовом члене кадетской партии, которого я близко знал, Александре Евграфовиче Исупове. Это был мелочной лавочник из Шенкурска Архангельской губернии, с которым я дружески сошелся во время нахождения в ссылке в этом городе (1888–1891 гг.). Крестьянин Архангельской губернии по происхождению, содержатель лавки по профессии, это был человек с формальным образованием не выше народной школы¹¹⁷⁹, но от природы умный, много читавший и думавший, выписывавший «Неделю» и «Русские ведомости», бравший у нас (политических ссыльных) журналы и книги, находившийся с нами в хороших отношениях и бывший под заметным нашим влиянием. Когда я прочитал в газетах, что он избран в Думу по крестьянской курии Шенкурского уезда, то был уверен, что он и в Думе окажется под влиянием левых, в частности моим, но в этом ошибся: с первых же дней он примкнул к кадетам, а меня даже не посетил. Позже, когда он приезжал в Петербург судиться по делу Выборгского воззвания, затем еще раз, чтобы отсиживать трехмесячное тюремное заключение, и затем по какому-то чисто личному делу, он бывал у меня. О времени Думы он вспоминал как о каком-то чудном сновидении, когда он был в совершенном чаду. О своем избрании говорил, что его совершенно не ожидал и принял с величайшим недоумением. Я спрашивал его, как он оказался в рядах кадетов; по-моему, ему самое место было в рядах Трудовой группы. Он отвечал, что он во всем согласен с кадетами, кроме аграрной программы, что эта последняя у трудовиков ему действительно больше нравилась, но что ведь Трудовой

1178 Правильно: «Вестник Партии народной свободы».

1179 А. Е. Исупов окончил приходское училище.

группы еще не было, когда открылась Дума, что он еще по дороге в Петербург из Шенкурска определенно решил примкнуть к кадетам (избран он был как беспартийный), а затем у него уже не было повода выходить из партии.

В пленарном заседании Думы он выступал всего один раз с речью по аграрному вопросу. Я этой речи не слышал, но читал и помню о ней только общее впечатление слабости и то, что она многократно прерывалась возгласами с мест:

– Громче, громче!

– Я не могу громче, господа! – огрызнулся он¹¹⁸⁰.

Очевидно, сказывалась полная непривычка к публичным речам. В числе прочих он был в Выборге, подписал Выборгское воззвание и отбыл тюремную повинность. После последнего нашего свидания не очень задолго до войны я потерял его из виду, и только совсем недавно, года два тому назад, я прочитал его имя в одной статье в «Архиве русской революции»¹¹⁸¹ в числе расстрелянных большевиками. Что он сделал для того, чтобы вызвать этот конец, и сделал ли что, – совершенно не

1180 См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия I. СПб., 1906. Т. 1. Заседание 16. 27 мая 1906 г. С. 702–704.

1181 «Архив русской революции» – мемуарно-документальное издание (в 22 т.), выпущенное И. В. Гессеном в Берлине в 1922–1937 гг. Фамилия А. Е. Исупова в издании не упоминается. О его гибели сообщалось в книге С. П. Мельгунова «Красный террор в России, 1918–1923» (Берлин, 1924), в которой указано, что 2 ноября 1920 г. в «Известиях Архангельского губисполкома Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и губкома РКП (большевиков)» помещен список из 36 человек, расстрелянных «за контрреволюцию и шпионаж» по постановлению Архангельской губернской ЧК, среди которых был и Исупов. Подробнее см.: Дойков Ю. Памятная книжка: Красный террор в советской Арктике. 1920–1923 (документальные материалы). Архангельск, 2022. С. 172.

знаю¹¹⁸². И о самом событии я узнал только лет через 10 после него. Сильно сжалось у меня в груди при этом известии. Человек – средний, но очень хороший, – с ним у меня прочно связывались мои ссылные воспоминания.

В противоположность кадетам список внепартийных депутатов громкими именами не блистал, а если таковые и были, то в рядах, стоявших правее кадетов. Здесь были М. М. Ковалевский, Кузьмин-Караваев, М. Острогорский, М. М. Стахович, граф Гейден и еще несколько. В рядах «левее кадетов» сколько-нибудь известных имен было только два: И. В. Жилкин и Л. М. Брамсон. Я случайно знал еще имя Аладына; из остальных немногие приобрели небольшую известность только во время самой избирательной кампании (Назаренко¹¹⁸³), а остальные стали известны только по списку избранных депутатов.

Жилкин был членом редакции «Нашей жизни». Он был способным журналистом, умея писать для газеты бойко и интересно, но не более. Особенно хорош он был как интеллигентный репортер, умеющий умно и хорошо излагать научные и политические заседания, всегда не только верно передавая смысл отдельных речей, но и умея схватывать общий характер заседания. Между прочим, он первый пустил в ход кличку

1182 Городской голова Шенкурска в 1917 г. А. Е. Исупов после антисоветского переворота в Архангельске с августа 1918 г. состоял уездным правительственным комиссаром по Шенкурскому уезду и, арестованный 30 июля 1920 г. большевиками, был расстрелян 15 октября.

1183 См.: «Д. И. Назаренко. Крестьянин – окончил двухклассное училище и был 20 лет лесником на Кавказе. В период освободительного движения принимал в нем деятельное участие, агитируя среди крестьян Старобельского у.; был заключен в Старобельскую тюрьму и освобожден благодаря получению от Государя благодарности на его имя за адрес от крестьян. Обладает редким ораторским талантом» (Наша жизнь. 1906. № 411. 5 апр.).

«зубры» в применении к черносотенцам, воспользовавшись фразой, сказанной на дворянском съезде, кажется, Марковым, что крупных землевладельцев следует сохранять, как зубров в Беловежской пуще. Жилкин был вполне порядочный человек и хороший товарищ. В нашей редакции он играл только второстепенную роль¹¹⁸⁴. Во время избирательной кампании он уехал к себе на родину. Неожиданно для нас вернулся оттуда уже депутатом, и стало известно о том триумфе, который встретили там его выступления.

Л. М. Брамсон был петербургский адвокат, большой известностью не пользовавшийся, но зато пользовавшийся большим уважением всех его знавших.

Имя Аладьина я узнал вот по какому поводу. Когда я был еще в Киеве в редакции «Киевских откликов», я получил от него корреспонденцию из Лондона. Корреспонденция была слабая, но все-таки приемлемая, и я ее напечатал. Потом получилось несколько корреспонденций, из которых некоторые были еще слабее. Напечатать их было нельзя, и я написал ему некоторые разъяснения о том, как следует писать. В ответ получил письмо, что он сам признает слабость своих писаний, что она объясняется дурным материальным положением, иногда тем, что по несколько дней не обедает, но что постарается принять во внимание мои указания. В дальнейшем он изредка присылал корреспонденции, из которых, может быть, одну половину я печатал, подвергнув серьезной редакторской правке; остальные браковал. Вместе со мной он из «Киевских откликов» перешел в «Нашу жизнь», но скоро вслед за тем замолчал. На этом прекратились мои с ним отношения, и я только слышал от моего товарища по редакции В. В. Португалова, что А. Аладьин – его товарищ по Казанскому университету, из которого

1184 В рукописи далее зачеркнуто: «После Думы он числился членом редакции “Вестника Европы”, но и тогда, опираясь на свою думскую известность, не смог создать себе сколько-нибудь значительной литературной известности».

был исключен за участие в беспорядках.

И вот, лишь только открылась Дума, Аладьин, Жилкин, Брамсон и еще Аникин взялись за сплочение беспартийной массы крестьянских депутатов в компактную Трудовую группу, что очень быстро им и удалось¹¹⁸⁵. Они привлекли меня как специалиста по вопросам государственного права в качестве совещательного члена при Трудовой группе. Я легко сошелся со своими товарищами по работе, скоро получил право решающего голоса на ее заседаниях и таким образом оказался тесно связанным с думской работой группы с первых дней Первой думы¹¹⁸⁶ до последних предреволюционных (1917 г.) дней.

В Первой думе Трудовая группа насчитывала более 100 членов¹¹⁸⁷; цифра колебалась, так как время от времени приходили новые члены из аморфной массы беспартийных депутатов; некоторые, напротив, не чувствовали тесной связи с группой и уходили из нее в эту массу, иногда, чтобы потом вновь вернуться в группу, а иногда – нет. Однако в процессе думской работы в общем происходило внутреннее спаивание.

Для организационного создания и сплочения группы

1185 См. сообщение об утреннем совещании 28 апреля 1906 г., на котором была образована Трудовая группа: В парламентской трудовой группе // Речь. 1906. № 61. 29 апр.

1186 1 мая В. В. Водовозов выступил перед депутатами Трудовой группы с докладом «О технике парламентаризма», 2 мая – «О проекте наказа думы» (см.: В парламентской Трудовой группе // Наша жизнь. 1906. № 435. 3 мая), а, например, 11 июня прочел лекцию «об организации местного самоуправления в связи с вопросом о местных комитетах для урегулирования земельного вопроса» (В Трудовой группе // Там же. № 471. 14 июня).

1187 Трудовая группа в начале работы 1-й Государственной думы включала около 120 депутатов, а к концу сессии состояла из 110 депутатов, что составляло 23% состава думы (см.: Государственная дума Российской империи. 1906–1917: энциклопедия. С. 625).

наибольшее значение имели Аладьин и Брамсон, несколько меньше – Аникин и Жилкин. Для деятельности ее в Думе – Аладьин, Аникин и Жилкин, особенно прославившийся как оратор. Из них Аладьин как человек, долго живший за границей, в частности в Англии, и работавший там на заводах в качестве рабочего, лучше других был осведомлен в вопросах парламентской жизни, лучше других понимал значение партийной организации. В качестве крестьянина он на собственной спине или, по крайней мере, на спине своих родителей испытал значение малоземелья, хотя научного знакомства с аграрным вопросом у него не было. Первые же его речи создали ему славу первостепенного оратора, но лично я с такой его оценкой никогда не соглашался и не могу согласиться теперь. Его красноречие того же типа, что и Родичева. Оно основано на пафосе, который я склонен назвать ложным или искусственным. Оно гонится более за красивым построением фразы и содержанием всегда готово пожертвовать ради формы. Когда слушаешь оратора такого типа, то всегда кажется, что не он владеет словом, а слово владеет им.

Я поясню эту общую мысль примером, заимствованным не из речи Аладьина, а из речи Родичева. Сделать заявление о необходимости общей амнистии кадетская партия поручила в первое же заседание Думы Петрункевичу, и оно было сделано превосходно¹¹⁸⁸. Но за развитие его взялся (в одном из следу-

1188 И. И. Петрункевич говорил: «Долг чести, долг нашей совести повелевает, чтобы первая наша мысль, первое наше свободное слово было посвящено тем, кто пожертвовал своей свободой за освобождение дорогой нам всем Родины (гром аплодисментов). Все тюрьмы в стране переполнены (продолжительные аплодисменты), тысячи рук протягиваются к нам с надеждой и мольбой, и я полагаю, что долг нашей совести заставляет нас употребить все усилия, которое дает нам наше положение, чтобы свобода, которую покупает себе Россия, не стоила больше никаких жертв (продолжительные аплодисменты)». Свою короткую речь оратор закончил словами: «свободная Россия тре-

ющих заседаний) Родичев. С первых же слов на язык его вернулось какое-то слово, говорящее о милосердии, милости, и вся речь его оказалась рядом красивых словооборотов на тему христианского милосердия¹¹⁸⁹. В этом виде речь Родичева не соответствовала ни общему смыслу политического момента, ни настроению кадетов, без всякого сомнения – настроению и желаниям самого Родичева, который за несколько дней перед тем напечатал в «Праве» статью на ту же тему¹¹⁹⁰, но совершенно в ином тоне: речь в ней шла о требовании амнистии

бует освобождения всех пострадавших...» (Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия I. СПб., 1906. Т. 1. Заседание 1. 27 апреля 1906 г. С. 3).

- 1189 Ср. с речью Ф. И. Родичева: «Амнистия и помилование – это прерогативы Монарха, и наше заявление есть заявление потребности, заявление страданий всего народа, обращенное к Монарху. <...> Если вы желаете уничтожить ту ненависть, которая в настоящее время горит ярким пламенем с той и другой стороны, возьмите на себя почин и щедро рукой дайте всепрощение. Это акт высшей политической мудрости. Когда страна охвачена порывом обновления, когда страна жаждет успокоиться, прошлое должно быть стерто начисто. Не портите радости народной – скупостью, ограничениями, торгом в милости; милость широка, и прощение награждается народным чувством только тогда, когда оно всеобщее. <...> За все те преступления, мотивами которых было не низменное своекорыстие, а увлечение – для всех для них прощение. Я вам напомню, господа, что один из первых апостолов христианства – апостол Петр – он был преступником против общего права, он отсек ухо; преступление не политическое, но оно было совершено во имя любви, и во имя этой любви все подобные преступления должны быть прощены, хотя бы люди, сделавшие их, не обладали чистотой апостола» (Там же. Заседание 2. 29 апреля 1906 г. С. 24).

- 1190 Неточность: статья была опубликована за полгода до открытия Государственной думы, см.: Родичев Ф. Они прощают?! // Право. 1905. № 41. 25 окт. Стлб. 3407–3409.

как акта справедливости и исторической необходимости, а не о христианском прощении и милости заблуждающимся. (Считаю нужным оговориться, что по памяти восстанавливаю мое – и очень многих других – тогдашнее впечатление и не могу безусловно поручиться, что, перечитав речь, я не отказался бы от этих замечаний.) В данном случае слово и художественный образ увлекли Родичева на дорогу, чуждую желанию его самого и партии, от имени которой он говорил.

Такого же рода ляпсусов, только еще более грубых и более частых, можно насчитать сколько угодно в речах Аладьина. Но так как речи Аладьина, при всей их несомненной талантливости, все же менее значительны и более бледны, чем родичевские, и вся личность его не так крупна, то, к сожалению, примеры у меня не так отчетливо сохранились в памяти.

Собственно, почти все содержание речей Аладьина исчерпывается одной постоянно повторяющейся мыслью, как бы одним постоянным обращением к правительству: «Берегитесь! Мы, Дума, самим фактом своего существования и тем обещанием, которое оно дает народу, сдерживаем волну народного негодования в легальных рамках; но если Дума будет распущена или если ее деятельность вследствие вашего противодействия не принесет необходимых плодов, то знайте, что тогда поднимется грозный поток, который моментально смоем вас с лица земли».

Эту мысль Аладьин развивал на разные лады, всегда красиво и довольно разнообразно по форме. Хороша, хотя не без преувеличений была его речь о произведенной Гурко растрате казенных сумм, ассигнованных на борьбу с голодом¹¹⁹¹. Но

1191 Мемуарист ошибся, так как А. Ф. Аладьин говорил о В. И. Гурко 12 июня, при обсуждении ответа П. А. Столыпина на думский запрос о помощи голодающим из-за неурожая губерниям: «В продовольственный комитет, находившийся под председательством г. Ватаци, поступило предложение начальника земского отдела, действительного статского советника Гурко, ли-

иногда Аладьин позволял себе изумительно снижать содержание своих речей. Так, однажды здание Думы в свободное от заседания часы осматривала какая-то высокопоставленная особа и сказала чиновнику канцелярии что-то в таком роде:

шить всех крестьян, участвовавших в аграрных беспорядках, продовольственной помощи (аплодисменты слева. Голоса: Bravo! bravo!). Комитет этого предложения не принял (даже и комитет не принял!), и тогда действительный статский советник Гурко в порядке подчиненности внес это предложение министру внутренних дел, тайному советнику Дурново. Последний предложил губернаторам не выдавать крестьянам, принимавшим участие в движении, пособий. Необходимо отметить, что действительный статский советник Гурко в настоящее время назначен заведующим всем продовольственным делом в Империи. (Голоса: Отставка! Долой! Председатель звонит)». Продолжая, Аладьин заявил: «Каждый раз, когда нужны многомиллионные затраты, господа министры являются своевременно в думу, и мы знаем результаты их появления: три четверти денег остаются в карманах, начиная с министерства и кончая последними... (взрыв аплодисментов). Русский народ грабить мы никогда не опаздывали, господа министры!» Аладьин призывал «не дать ни одной копейки министерству, в состав которого входит г. Гурко», которому, подчеркивал он, «мы публично выразили здесь недоверие» (Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Т. 2. С. 1248–1249). Скандал с так называемой «растратой казенных сумм» произошел уже после роспуска думы, когда заказ на поставку 10 млн пудов ржи, предназначавшихся голодающим, Гурко передал шведскому подданному Э.-Л. И. Лидвалю, а тот, получив от казны задаток в 800 тыс. рублей, не выполнил договорных обязательств. Гурко был уволен 17 сентября 1907 г. по обвинению «в превышении власти и нерадении в отправлении должности» (см.: Доклад комиссии д. т. с. Голубева по делу Гурко – Лидваля от 22 декабря 1906 г.. Всеподданнейшее донесение о расследовании Высочайше назначенными лицами обстоятельств дела о сдаче торговой фирме Лидваль поставки хлеба для местностей, пострадавших от неурожая // Речь. 1907. № 5, 6, 7 янв.).

– А хорошо было бы, если бы наиболее видных членов Думы повесить на этих перекладинах.

Чиновник передал это Аладыну, а тот считал нужным за чем-то довести эту глупость до общего сведения в пленарном заседании, причем, однако, фамилии особы не назвал, чем окончательно обесценил свой протест. Вероятно, эта особа была кем-нибудь из великих князей, но и в этом случае, и даже с именем, подобное сообщение вряд ли имело бы какой-нибудь смысл и производило впечатление жалкой сплетни¹¹⁹².

В общем, речи Аладына производили впечатление на думцев и еще большее на всех читателей газет и создали ему крупную популярность. Но после разгона Думы эта популярность сразу потускнела.

1192 Выступая 8 июня 1906 г., А. Ф. Аладын говорил: «...я расскажу о посещении нашей Думы одним генерал-лейтенантом в прошлое воскресенье. Их превосходительство соблаговолил явиться сюда, в эту залу, причем, обращаясь к сторожу, спросил: “Не будете ли любезны указать, где сидит «этот»?” И потом называет на своем жаргоне меня, и называет мою фамилию. Сторож соглашается и говорит: “Вот, ваше превосходительство...” Затем, наблюдая нашу люстру, которая до известной степени красива, его превосходительство говорит: “Если бы несколько членов Трудовой группы были повешены на эту люстру, как это было бы приятно!” (Председатель: “Но кто это сказал?”). Это было сказано здесь, в этой зале, при свидетелях. Если бы это был обыкновенный человек, то за простое название меня таким словом, каким он назвал, а тем более за желание такого украшения нашей люстры я мог бы притянуть его в обыкновенный суд, куда тянут обыкновенного человека, выражающегося на ругательном языке. Эполеты генерал-лейтенанта при современном положении дают ему привилегию и заставляют меня, представителя Думы, когда я оскорблен, просить у министра разрешения преследовать его по суду, иначе я преследовать его по суду не могу» (Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Т. 2. С. 1100–1101).

Во время роспуска Думы Аладьин был в отсутствии; как человек, хорошо владеющий английским языком, он вместе с Родичевым и некоторыми другими был послан Думой в Лондон, чтобы сделать визит английским парламентариям. Поэтому в Выборге он не был и Выборгского воззвания не подписал¹¹⁹³. Но прямая обязанность его как одного из лидеров группы была вернуться в Россию, участвовать в съезде группы в Финляндии¹¹⁹⁴ и вообще как-нибудь открыто действовать в этот тяжелый момент. И, однако, Аладьин предпочел остаться в Англии. Что его побудило к этому? Нужно заметить, что над ним не тяготело никакого обвинения и вернуться он мог совершенно свободно.

У меня есть только одно объяснение: побоялся, – объяснение, в то время общепринятое в нашей группе. Я очень не люблю бросаться этим обвинением и тем не менее в данном случае не знаю другого. Но ведь Аладьин во время Думы не обнаруживал трусости? Не обнаруживал он ее и на митингах, на которых выступал (во время думской сессии) с очень смелыми речами, которые могли бы дать удобный повод для ареста и возбуждения тяжелого преследования по очень серьезным статьям Уголовного кодекса или для расправы такого рода, как с Герценштейном, Иоллосом, Караваевым. Совершенно верно. Но Аладьин принадлежит к числу тех людей, которые мужественны, когда на них устремлены (не в переносном, а в

1193 Неточность: на заседании Государственной думы 30 июня 1906 г. было принято решение направить своих представителей в Лондон на XIV межпарламентскую конференцию о международном третейском суде; 3 июля в состав делегации были избраны А. Ф. Аладьин, А. В. Васильев, М. М. Ковалевский, М. Я. Острогорский, Ф. И. Родичев, А. А. Свечин (см.: Там же. С. 1941), которые, за исключением Аладьи́на, узнав о роспуске думы, вернулись на родину.

1194 1-й съезд Трудовой группы состоялся 4–7 октября 1906 г. в Иматре.

прямом смысле) тысячи глаз, и которые теряют все свое мужество, когда этого возбудителя налицо нет. Так объясняю я психику Аладьина. Как всякое психологическое объяснение, оно субъективно и не может быть доказано неопровержимым образом.

Как бы то ни было, Аладьин после очень громкой известности сразу сошел совершенно на нет. Он делал попытки агитировать в Англии по русским вопросам¹¹⁹⁵, но деятельность его совершенно не обращала на себя внимания. Вероятно, вследствие нужды он сделался корреспондентом «Нового времени», но даже как измена своему знамени это сотрудничество бывшего радикала в консервативной газете не обратило на себя ничьего внимания и не произвело шума. В 1917 г. он вернулся в Россию и играл какую-то очень малозаметную, но в общем недостойную роль.

Совершенно другого душевного склада и другого калибра С. Аникин. Тоже крестьянин, с примесью инородческой (мордовской) крови, собравший и напечатавший (через несколько лет после Думы) сборник мордовских сказок¹¹⁹⁶, он был народным учителем в Саратовской губернии; революционер и народник по убеждениям и настроению, формально принадлежал к эсеровской партии и был сторонником бойкота. Во время избирательной кампании он был на нелегальном положении и участия в ней принимать не мог. Заочно избранный в Думу, избрание принял.

Для активного участия в Думе ему нужно было легализоваться. Но как? Он взял у социалистов-революционеров бланк для фальшивого паспорта, вписал в него свое имя и с этой

1195 Ср.: «Время от времени Аладьин помещает статьи о русских делах в "Times" и др. английских газетах; в 1907 г. он ездил в Америку, где читал лекции...» (Водовозов В. Аладьин Алексей Федорович // Энциклопедический словарь Т-ва «Бр. А. и И. Гранат и Ко». 7-е изд. Т. 2. С. 58–59).

1196 См.: Аникин С. В. Мордовские народные сказки. СПб., 1909.

фальшивкой на свое имя поехал в Петербург. Курьез в истории, вероятно, совершенно исключительный. С фальшивкой он жил во время Думы и некоторое время потом. Дело о нем, ведущееся в административном порядке, было, однако, прекращено, и он получил обратно свои настоящие документы. Несколько лет спустя против него было возбуждено новое дело за участие в Крестьянском союзе¹¹⁹⁷, он сидел, потом был выпущен и бежал за границу. В Выборге он не был, так как был послан Трудовой группой в Лондон на социалистический съезд¹¹⁹⁸. Поэтому в следующем году он был вновь избран выборщиком в Государственную думу, но избрание его было кассировано Сенатом на том основании, что он, будучи крестьянином по происхождению, своего хозяйства не ведет. В следующие после Думы года он был верным членом Трудовой группы и, когда бывал в Петербурге, всегда участвовал на заседаниях ее центрального комитета и думской фракции. Чем он мог существовать за границей – решительно не представляю себе. Он, правда, выступил в литературе¹¹⁹⁹, писал недурные беллетристические очерки (между прочим, в «Вестнике Европы»¹²⁰⁰), пописывал статьи,

- 1197 Всероссийский крестьянский союз – массовая революционная организация крестьян и сельской интеллигенции, учредительный съезд которой с участием более 100 делегатов из 22 губерний прошел в Москве 31 июля – 1 августа 1905 г.; состоялись еще два съезда, в ноябре 1905 г. и марте 1906 г.; объединяя к концу 1905 г. до 200 тыс. человек только в Европейской России, провел депутатов во 2-ю Государственную думу; прекратил деятельность в 1908 г., возобновив ее ненадолго в 1917 г.; см.: Водозовов В. Крестьянский Союз всероссийский // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1906. Доп. т. 2. С. 13.
- 1198 Имеется в виду межпарламентская социалистическая конференция.
- 1199 См.: Аникин С. В. Деревенские рассказы. СПб., 1911; Он же. Когда откроются райские двери: (Старинное сказание). М., 1912.
- 1200 См.: Стена глухая // Вестник Европы. 1910. № 10. С. 156–192; На

но этого было очень мало. В 1917 г. он вернулся в Россию¹²⁰¹ и проездом через Петербург был у меня, но, к сожалению, одним свиданием наше возобновленное знакомство и ограничилось. Тогда он колебался, возвращаться ли в партию социалистов-революционеров или примкнуть к народным социалистам. Я убеждал его ни в каком случае не делать первого, указывая на крайне вредную деятельность социалистов-революционеров; со многими моими указаниями он соглашался, но все-таки убедить его мне, очевидно, не удалось. Он уехал, я потерял его из виду и окончательного решения не знаю. Скоро после этого, кажется в 1919 г., он умер.

Его роль в Думе вызывала не менее отголосков в стране, но была гораздо более серьезна, чем роль Аладына. Он тщательно готовился к речам и всегда знал тот вопрос, по которому выступал, чего про Аладына сказать нельзя. Готовился он, не только изучая материалы, но и много предварительно спрашивая людей, от которых надеялся получить сведения по вопросу, а также подвергая свои речи предварительному обсуждению в заседаниях группы и внимательно прислушиваясь ко всем указаниям. Страстного пафоса Аладына в его речах не было, но была большая серьезность, соединенная с горячей, глубокой, выстраданной и прочувствованной убежденностью. И за эти черты он пользовался всеобщим уважением и любовью товарищей, чего опять-таки про тщеславного Аладына сказать нельзя.

Жилкин был образованнее и шире Аникина, но мельче его по размерам таланта и вообще личности. Аникин – человек aus einem Guss¹²⁰², иудей, по известному определению Гейне¹²⁰³;

Чардыме // Там же. 1911. № 11. С. 52–90; Бунт // Там же. 1912. № 2. С. 61–73; Фельдфебель // Там же. 1913. № 9. С. 78–115; Безземельный // Там же. 1914. № 5. С. 74–107; № 6. С. 5–44, и др.

1201 Неточность: С. В. Аникин вернулся в Россию в 1914 г.

1202 цельный (нем.).

он весь целиком был погружен в политическую борьбу, и вне ее у него не было жизни. Жилкин, напротив, жил и дорожил всеми благами жизни. Трудно было ожидать от него крупной роли в Думе, и, однако, он сыграл ее. Он был из тех людей, которые под влиянием толчка, полученного извне, духовно растут и на известное время в известном положении становятся большими людьми. Проходит момент, их настроение падает, и они опускаются до уровня золотой середины. Таких крупных людей на один исторический момент всегда создают революции; немало их во Франции создали революции – Великая и 1848 г.; были они и у нас, притом в Трудовой группе – в большем числе, чем среди кадетов, и Жилкин принадлежал к их числу. Вся его деятельность во время избирательной кампании, потом в Думе и в группе была проникнута подъемом революционного момента. Прошел момент, упало настроение, и Жилкин вернулся к литературной работе заурядного журналиста. Даже громкая известность, приобретенная им в думский период, не помогла ему упрочить места в литературе. После обновления состава редакции «Вестника Европы» (1909 г.) он входил в него и вел там провинциальную хронику, но на нее никто не обращал более внимания, чем на иностранную хронику Слонимского.

- 1203 В книге «Людвиг Берне» (1840) Г. Гейне писал: «“Иудеи” и “христиане” – для меня это слова, совершенно близкие по смыслу, в противоположность слову “эллины”, – именем этим я называю тоже не отдельный народ, но столько же врожденное, сколько и приобретенное развитием направление ума и взгляд на мир. В этом смысле можно бы сказать: все люди – или иудеи, или эллины; или это люди с аскетическими, иконоборческими, спиритуалистическими задатками, или же это люди жизнерадостные, гордящиеся способностью к прогрессу, реалисты по своей природе. Так в немецких пасторских семействах встречались эллины, и были иудеи, родившиеся в Афинах и происходившие, быть может, от Тесея» (Гейне Г. Собр. соч. Л., 1958. Т. 7. С. 15–16. Пер. А. Федорова).

Особое место занимал в группе Л. М. Брамсон. Оратором он был посредственным и говорить публично не любил, поэтому выступал в пленарных заседаниях Думы редко, а так как широкую известность дают только такие выступления, то ее он и не приобрел. Но внутри Трудовой группы он был едва ли не главным цементом. Незаметной деятельностью он умел сплачивать разнородных людей, мирить разногласия и ссоры и направлять общие силы на одну цель. Вовсе лишенный самолюбия, он не только не стремился играть заметную роль, но и всегда очень охотно уступал место и дорогу другим. Когда готовились выступления в Думе, он щедро снабжал думских ораторов сведениями и мыслями и предоставлял им получать триумфы, подготовленные его работой. Таким я его узнал во время Первой думы¹²⁰⁴, и таким я знал его вплоть до конца 1917 г. или начала 1918 г., когда он уехал за границу.

За этими лидерами шла многочисленная (свыше 100 человек) рядовая армия трудовиков. Политический состав ее был не вполне однороден. В нее входил целый ряд партийных эсеров, выбранных помимо своего желания, и еще большее число эсерствующих, в партию организационно не входивших, но по духу ей принадлежавших, хотя и не согласных с бойкотом. Затем вначале были внепартийные эсдеки или эсдекствующие, которые под конец Думы из группы ушли. Остальные, составлявшие большинство, были рыхлой массой, которая могла бы присоединиться к кадетам, если бы Аладьин и другие не увлекли их в Трудовую группу.

Значительное большинство группы составляли крестьяне, но были и интеллигенты: присяжные поверенные и др.¹²⁰⁵

1204 См.: Брамсон Л. М. К истории Трудовой партии. Трудовая группа первой Государственной думы. Пг., 1917.

1205 Землепашцы составляли почти половину Трудовой группы – 57 депутатов; в нее также входили 12 учителей начальных школ, 11 земских и частных служащих, 11 адвокатов, 8 рабочих, 4 врача, 4 журналиста, 2 волостных писаря, 1 профессор, 1 пре-

Средний интеллектуальный уровень не только первых, но и вторых был невысок. Из первых многие писали совершенно неграмотно. Для характеристики вторых приведу такой эпизод.

В комиссии Трудовой группы, разрабатывавшей вопрос об избирательном праве, я упомянул о «пассивном избирательном праве». На это раздалась реплика:

– Зачем нам пассивное избирательное право? У нас такого не должно быть.

Увы, эта реплика исходила от члена Думы, присяжного поверенного Заболотного.

Помню инцидент в самой Думе, виновником которого на этот раз был крестьянин (фамилии не помню).

При обсуждении какого-то вопроса, никакого отношения к земле не имеющего, он вдруг перескочил на малоземелье. Муромцев, конечно, вернул его к порядку дня.

– Извините, господин председатель, но ведь я простой крестьянин.

– Но и член Думы тоже, – строго заметил Муромцев.

Но при всем том работать в Трудовой группе было в высшей степени приятно: я не встречал другой аудитории, столь внимательной, столь интересующейся, столь осмысленно требовавшей разъяснений и направлявшей оратора, куда ей было нужно, и столь много умевшей извлечь из его слов.

Большой радикализм нашей группы сравнительно с кадетами сказывался почти по всем вопросам, всего резче – по аграрному, но также и по разным тактическим; трудовический ответ на тронную речь был проектирован гораздо решительнее, чем кадетский. Воззвание к народу по аграрному вопросу, долженствовавшее служить ответом на правительственное, в

подаватель гимназии и т. д. (Государственная дума Российской империи. 1906–1917: энциклопедия. С. 626).

кадетской редакции оканчивалось призывом спокойно ожидать окончания работ Думы. Трудовики были решительно против этого окончания: они понимали, что Дума если может что-нибудь сделать, то только опираясь на содействие народных масс, тогда как кадеты верили в самостоятельную силу Думы как уже законченного органа законодательной власти. Воззвание было принято почти только кадетскими голосами при воздержании трудовиков.

Но я не буду излагать думской борьбы, – ее следует изучать на основании источников, и она не может быть темой для простых воспоминаний, в особенности человека, к Думе не принадлежавшего. Я буду говорить главным образом о внутренней жизни Трудовой группы.

Группа наняла помещение с обширной залой в конце Невского (у Знаменской церкви). Там постоянно кипела работа. В промежутках между думскими заседаниями происходили заседания группы, на которых готовились выступления в Думе. Я был постоянным участником этих собраний. По временам появлялись и другие внедумские участники, являвшиеся с докладом или с разъяснениями по разным вопросам, особенно приглашенные или сами предлагавшие свои услуги. В их числе было немало и вчерашних бойкотистов: так, например, раза два я видел там В. М. Чернова, встречал А. В. Пешехонова. По аграрному вопросу постоянно являлся В. П. Воронцов. По вопросу об амнистии делал очень интересный доклад проф. П. И. Люблинский¹²⁰⁶.

Секретарем (штатным) группа пригласила моего бывшего ученика, о котором я говорил в первой части своих воспоминаний и которого я знаю как Ваню Бонч-Осмоловского. Через

1206 Неточность: П. И. Люблинский, являясь с 1904 г. хранителем кабинета уголовного права юридического факультета С.-Петербургского университета, только в 1907 г. защитил магистерскую диссертацию, после чего с 1908 г. состоял приват-доцентом по кафедре уголовного права и судопроизводства.

кого он получил это место, я не знаю, но, во всяком случае, не через меня. Исполнял он свои секретарские обязанности очень хорошо¹²⁰⁷, хотя ввиду частых обращений к нему газетных репортеров он слишком по-мальчишески вообразил себя важной фигурой и с репортерами обращался свысока, иногда нетактично, без нужды раздражая их своими резкими отказами в информации.

Значение группы росло с каждым днем. Ее выступления в Думе вызывали отголоски во всей стране, ее главные ораторы приобрели широкую всенародную популярность. В нее постоянно приходили ходоки из деревень заявить о сочувствии и просить при решении аграрного вопроса принять во внимание особенности положения их деревни. Беспреданно мы получали приговоры волостных сходов о присоединении их волости целиком к Трудовой группе. Пусть подобные приговоры свидетельствовали о наивном непонимании самого смысла присоединения, но ходоки, толпившиеся у нас, приговоры, которые наш секретарь не успевал регистрировать и докладывать, газетные репортеры, – все это свидетельствовало об интересе к группе, о сочувствии ей, все это как будто (увы, только как будто!) давало право рассчитывать в случае чего на народную поддержку. Популярность группы вызвала интерес к ней в среде студенческой и радикальной интеллигенции, которая валила в группу массами, прося разрешения присутствовать на ее заседаниях.

– Я же ничем вам мешать не буду, я сяду здесь в уголке и буду сидеть смирно, – умоляли они.

Но члены группы, особенно крестьянские, стеснялись посторонних, да и само по себе присутствие неизвестных посто-

1207 См.: Работы первой Государственной Думы / По стенографическим отчетам составил И. Бонч-Осмоловский под редакцией С. И. Бондарева, члена Трудовой Группы Государственной Думы первого созыва. СПб., 1906.

ронних лиц на партийных заседаниях недопустимо, – и Ваня Бонч-Осмоловский, согласно с полученной им инструкцией, гонял их безжалостно. Само собою разумеется, что в тех редких случаях, когда посторонние все-таки оказывались, они своего обещания не исполняли и участием в аплодисментах поддерживали понравившихся им ораторов, что, разумеется, являлось неправильным вмешательством в жизнь группы.

Я выше сказал, что твердого постоянного состава группа не имела (не имела его и кадетская партия). Наиболее важным был случай, незадолго до роспуска Думы, ухода из нее группы социал-демократов с Михайличенко во главе. Но одного случая внутреннего кризиса, о котором говорилось в печати, положительно не было.

В кадетской печати в близкие к Первой думе годы несколько раз упорно был повторен (и один раз в статье за подписью Петрункевича) следующий рассказ.

В Трудовой группе имелаась значительная группа, недовольная радикализмом ее лидеров. Накануне роспуска Думы эта группа в числе около 40 человек под председательством лица, пользовавшегося в группе уважением не меньшим, чем ее официальные лидеры, составила и подписала протокол об уходе из Трудовой группы.

Рассказ повторялся с утверждением, что он известен из источников, вполне заслуживающих доверия, и что он не подлежит сомнению¹²⁰⁸. Между тем для меня он не только подле-

1208 В. В. Водовозов, писала кадетская «Речь», пытается «опровергнуть факт, указанный И. И. Петрункевичем, что 40 крестьян-трудовиков и 20 беспартийных накануне роспуска первой Думы подписали протокол об образовании особой крестьянской группы. Г. Водовозов утверждает, что “такого факта никогда не было”. <...> Но как раз пишущий эти строки слышал само то же сообщение, о котором говорит И. И. Петрункевич, из уст одного крестьянского лидера трудовиков, который, может быть, не откажется от печатного разъяснения, если эти строки

жит сомнению, но и является совершенно не соответствующим действительности. Прежде всего – почему не названо ни одно имя? В частности, кто этот член Думы, пользующийся уважением наряду с лидерами?

Здесь почти несомненно имелся в виду Назаренко, хотя столь же несомненно, что уважением наряду с лидерами он не пользовался. Назаренко был крестьянин Харьковской губернии, произнесший в собрании выборщиков речь, которая была напечатана в газетах и обратила на себя большое внимание. Благодаря ей Назаренко явился в Петербург уже известностью. Было известно также, что он знаком с М. М. Ковалевским, что этот последний относится к нему с большой симпатией и рас-

попадутся ему на глаза. Называть его имя, к сожалению, мы не уполномочены, но можем уверить г. Водовозова, что дело идет о лице, пользовавшемся не меньшим доверием крестьян, чем интеллигентские лидеры группы. Мы не удивляемся, если от них упомянутый факт сохранялся в глубокой тайне» (Еще о Трудовой группе // Речь. 1907. № 184. 7 (20) авг.). Вслед за этим газета привела «подробный рассказ» упомянутого лица, цитируемый из его «собственноручного» письма: «Незадолго (за 1–2 недели) перед роспуском Думы недовольство тактикой руководителей группы дошло до того, что явилась необходимость или переустройства ее на новых началах (переделка программы), или же образования из нее совершенно отдельной группы. Я стоял за последнее. Для разрешения этих вопросов в течение двух недель перед роспуском собирались мы отдельно от групповых заседаний ежедневно. В этих заседаниях, кроме лиц (членов Думы), фамилии коих позабыл, принимали участие члены Думы Б., Ш., Г., О., К., П., С. и, разумеется, я. <...> За 2–3 дня (до роспуска) было решено окончательно образовать отдельную крестьянскую группу. На заседании этого собрания, 7 июля, было поручено мне составить платформу группы. Это заседание (последнее) было под председательством депутата Т. Участвовало в нем 48 человек. <...> Могу побожиться, что Трудовую группу спас роспуск Думы» (Обломки «революционных иллюзий» // Там же. № 190. 14 (27) авг.).

считывает найти в нем сильного парламентского деятеля. Дешево приобретенная популярность вскружила ему, однако, голову. Он вступил в Трудовую группу, но обнаруживал большие претензии на лидерство, на которое не имел никаких прав ни по размерам своего второстепенного ораторского таланта, ни по своему более чем скромному образованию, ни по умению руководить другими. Во всех отношениях он явно уступал и Аладьину, и Аникину, и Жилкину. Действительно ли по своим убеждениям он был правее Трудовой группы или стал правее вследствие обиженного самолюбия, – я этого не знаю. Во всяком случае, выборная речь его была очень радикальна, но это, конечно, еще мало значит. Как бы то ни было, он представлял в группе правое, кадетское крыло и довольно часто говорил против наших решений, причем всегда раздраженным тоном, в котором звучало не столько убеждение, сколько обиженное самолюбие. Пользоваться уважением, равным с лидерами, он не мог уже потому, что его слишком мало знали, что он был в Трудовой группе сравнительно редким гостем. Были ли у него сторонники? Правое крыло в группе было, но вряд ли его членов можно назвать «сторонниками Назаренко», – он никогда не производил впечатления лидера какой бы то ни было группы.

Во всякой партии и во всякой организации всегда неизбежно бывают разные течения, разные фланги, и раскол всегда грозит каждой; иногда и происходит. В наличности разногласий и в этой постоянной опасности – залог жизненности партии; иначе она застыла бы, мумифицировалась бы. Но нужно говорить не вообще о возможности раскола, а конкретно, применительно к данному случаю. Имел ли место описанный сейчас эпизод?

Я совершенно уверенно говорю: нет, не имел. Его не было не потому, чтобы в группе не было разногласий, – они были, – но не было потому, что никто из трудовиков о нем ничего не знал. Не было известно тогда, не стало известным и потом. Между тем что же за смысл в таком уходе, о котором упорно

молчат 40 человек, ничего не сообщая тем, против кого они готовят свое пронунциаменто? Что же за смысл в уходе, который готовится втихомолку, без предъявления требований, без яркого протеста? По всей вероятности, кадеты в данном случае проявили легкомыслие, передавая без проверки неосновательный слух.

В дополнение к предыдущему рассказу я сообщу об одном моем споре с Назаренко, могущем характеризовать его со стороны, неожиданной для выразителя убеждений правого фланга, хотя бы и в левой группе.

Однажды после заседания, в котором он раздраженно спорил с Аникиным, он подошел к столу, на котором лежали газеты, и, выхватив номер «Нового времени», раздраженно обратился ко мне, случайно оказавшемуся тут же:

– Ну скажите, пожалуйста, зачем группа выписывает эту мерзость?!

– Как зачем? – возразил я. – Да ведь «Новое время» – самая богатая по материалу газета и притом выразительница взглядов правительства.

– Да ведь она против нас говорит; мы должны дать народу свободу, а она против свободы, она за бюрократию!

– Тем более избранникам народа необходимо знать, что она говорит.

– Да ведь она сумбур в головах производит, ведь она вред приносит, ведь иной ее прочтет и такую ахинею понесет, что боже упаси.

– Послушайте, ведь вот вы ее читаете и понимаете, что она несет ахинею; почему же вы о других так дурно думаете, что они не сумеют разобраться в словах газеты?

– Другие... – закончил он с презрением в голосе, не решившись, однако, выразить словами то, что сказал тоном голоса.

В начале июля правительство сознало себя силой и решило нанести удар Думе. 8 июля заседание группы затянулось за

полночь, и я уехал домой – я жил тогда на даче в Парголове, и со мной была моя жена, – с последним ночным поездом. Утром 9 июля я еще спал, как ко мне вбежала с газетой в руках жена:

– Дума распущена!

Что такое? О роспуске Думы ходили слухи, и очень тревожные, недели две-три тому назад. Теперь они замолкли. Общее положение было, правда, совершенно ненормальное. В стране полновластно царило реакционное правительство, совершались погромы, шли аресты, газеты беспрестанно подвергались конфискациям под ничтожными предлогами, а в Таврическом дворце громко, очень решительно и совершенно свободно деятельность правительства подвергалась резкой критике. Ясно, что такое положение без конца продолжаться не могло: правительство должно было или уступить Думе, или разогнать ее. Но, как почти всегда случается, мы ждали, ждали и устали ждать. Как раз в последние дни опасность как будто рассеялась, и 8 июля о роспуске я не слышал ни одного слова.

В «Нашей жизни» о роспуске еще не знали. Номер «Речи», очевидно, тоже составлялся в неведении о нем, передовица была посвящена какому-то постороннему вопросу и только перед передовицей была вставлена заметка жирным шрифтом в две или три строки, гласившая приблизительно: «Во столько-то часов утра получено известие, что Дума распущена».

Текста указа не было, подробностей никаких. Я вскочил, оделся, напился чаю и с первым поездом уехал в город. В вагоне говорили о роспуске, но только на основании этой заметки. Никто ничего не знал.

С поезда Финляндской железной дороги я поехал к Государственной думе, так как она всего ближе к вокзалу, и увидел перед воротами полицейскую охрану, никого не пропускавшую внутрь дворца, а на воротах плакат с Высочайшим ука-

ЗОМ¹²⁰⁹.

От дворца я поехал, опять-таки по соображениям топографическим, в помещение кадетской партии и только оттуда – в Трудовую группу. В оба места проникнуть было вполне возможно, – они оставались свободными от полиции. И там я узнал, что кадеты решили собраться в Выборге, чтобы там на свободе обсудить положение, и приглашали и трудовиков, и кого можно было из беспартийных¹²¹⁰. Я зашел еще в редакцию

1209 В высочайшем манифесте от 9 июля 1906 г., в частности, говорилось: «Выборные от населения, вместо работы строительства законодательного, уклонились в не принадлежащую им область и обратились к расследованию действий поставленных от нас местных властей, к указаниям нам на несовершенства Законов Основных, изменения которых могут быть предприняты лишь нашею монаршею волею, и к действиям явно незаконным, как обращение от лица Думы к населению. Смущенное же таковыми беспорядками крестьянство, не ожидая законного улучшения своего положения, перешло в целом ряде губерний к открытому грабежу, хищению чужого имущества, неповиновению закону и законным властям. Но пусть помнят Наши подданные, что только при полном порядке и спокойствии возможно прочное улучшение народного быта. Да будет же ведомо, что мы не допустим никакого своеволия или беззакония и всею силою государственной мощи приведем ослушников закона к подчинению нашей царской воле. <...> Мы же, распуская нынешний состав Государственной Думы, подтверждаем вместе с тем неизменное намерение наше сохранить в силе самый закон об учреждении этого установления и, соответственно с указом нашим Правительствующему сенату, 8-го сего июля данным, назначили время нового ее созыва на 20 февраля 1907 года».

1210 В рукописи далее зачеркнуто: «У трудовиков было сделано предложение собраться где-нибудь в городе, открыть заседание и ждать разгона полицейской силой; это предложение вызвало сочувствие у левого фланга, но нельзя было думать, что на него пойдут кадеты. Поэтому трудовики приняли кадетское предложение».

«Нашей жизни»; это был воскресный день, газеты по понедельникам тогда не выходили и, следовательно, по воскресеньям редакции обыкновенно были пусты. Тем не менее кое-кого из редакции я там нашел; все были очень растеряны.

Как я уже сказал, роспуск застал Думу врасплох. Однако кадеты еще за несколько недель до роспуска приняли на всякий случай некоторые решения. Думали, что указ о роспуске будет торжественно прочитан Горемыкиным в пленарном заседании, – и вот на этот-то случай, согласно принятому решению, была подготовлена демонстрация, в которой Родичев мог бы оказаться великолепным Мирабо. Но роспуск ночью, закрытые ворота дворца – этого никто не предвидел, и на этот случай не было принято никакого решения. Решение ехать в Выборг было принято только уже после роспуска.

Трудовики оказались столь же или даже еще более непредусмотрительны: у нас не было принято решения даже на тот случай, что правительство сочтет нужным любезно предоставить нам прекрасную сцену для яркой и очень выгодной для Думы демонстрации. В воскресенье 9 июля, собравшись в своем помещении, трудовики тоже, конечно, спрашивали себя, что делать. Говорилось о необходимости собраться где-нибудь в городе, либо в кадетском, либо в трудовичском помещении, либо где-нибудь в другом месте, провозгласить себя Учредительным собранием и ждать разгона казаками. Но эта мысль была явно не реальна, и потому трудовики приняли кадетское предложение.

Однако поехали далеко не все. Были кадеты, которые уклонились от этой поездки, не дав никакого объяснения, и были трудовики, сделавшие то же; процент не поехавших трудовиков был даже больше. Немногочисленная группа «правее кадетов» не поехала принципиально; внепартийная масса не поехала, может быть, потому, что не вся она узнала вовремя о постановлении, а может быть, и по другим, принципиальным или личным соображениям. Но только из приблизительно 500 депутатов поехали всего около 170.

С депутатами поехали и лица, работавшие при думских партиях. С трудовиками поехали я и еще кто-то, с кадетами – В. М. Гессен (членом 1-й Думы он не был), Струве и еще несколько человек. К трудовикам присоединились и социал-демократы.

Кадеты, нужно отдать им справедливость, сумели быстро найти и подготовить помещение в одной гостинице, недалеко от вокзала, и столь же быстро подготовить материал для заседания.

Президиум весь был в полном составе. Заседание открыл Муромцев¹²¹¹.

На это заседание посторонние, т. е. не члены Думы, допущены не были. На нем было быстро принято решение обратиться к народу с воззванием. Что же касается самого воззвания, то предложено составить его проект на предварительных заседаниях партий, а затем согласовать их на общем заседании. Однако проект кадетского воззвания был уже готов и дан трудовикам.

В заседании группы, к которой на этот раз присоединились и социал-демократы, я принимал участие и даже попал в комиссию, долженствовавшую выработать проект воззвания.

1211 В совещании, проходившем в Выборгской гостинице «Бельведер» 9–10 июля 1906 г., участвовало 220–230 депутатов из всех фракций, но, по данным следствия, воззвание «Народу от народных представителей» (автором кадетского проекта был П. Н. Милуков, а окончательную редакцию составил М. М. Винавер), призывавшее граждан до созыва народного представительства не давать «ни копейки в казну, ни одного солдата в армию», подписали 100 кадетов, 56 трудовиков, 15 социал-демократов и т. д., всего 180 человек, к которым позднее присоединились еще несколько десятков бывших депутатов (Государственная дума Российской империи. 1906–1917: энциклопедия. С. 113; см. также: Соловьев К. А. Выборгское воззвание: теория и практика пассивного сопротивления. М., 2021).

Кадетское воззвание было написано не от имени Думы как учреждения, а от имени собравшихся и долженствовавших подписаться под ним членов Думы. После отрицательной оценки правительственного акта оно предлагало народу ответить на этот акт прекращением уплаты податей и поставки рекрутов.

Я обратил внимание нашей комиссии на то, что, обращаясь к народу с таким революционным предложением, кадетское воззвание вместе с тем на самих депутатов не возлагает никаких обязанностей и ничего не делает для действительного осуществления этой меры. Поэтому, по моему мнению, следовало, во-первых, издать воззвание не от имени отдельных депутатов, а от имени Думы, а во-вторых, включить в него заявление, что Дума образует особый комитет, который будет руководить забастовочной деятельностью народа. В соответствии с этим было переделано все воззвание.

Мой проект был принят комиссией, потом, несмотря на некоторые возражения, – и группой.

Затем, уже часов в 12 ночи, началось общее заседание депутатов, на которое посторонние опять допущены не были.

Я ушел и встретился на бульваре с Вл. М. Гессеном, тоже в качестве постороннего на заседание не допущенным. Мы бродили с ним по морскому берегу почти всю ночь, светлую летнюю ночь, и любовались, как, говоря словами какого-то старинного стихотворения, «румяный вечер с утром золотым сливается в любовном поцелуе»¹²¹². Погода была чудная, море тихо плескалось, а на душе было скверно.

Часов в 5 закончилось заседание. Наши трудовики, несмотря на присутствие в их рядах всего левого фланга с партийными и внепартийными эсерами, а также с эсдеками,

1212 Видимо, автор перефразировал строку из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива...», в которой есть слова: «Румяным вечером иль утра в час златой...».

очень слабо отстаивали наш проект воззвания и не настояли на его революционном предложении. Было принято кадетское воззвание, и трудовики добились только включения в него двух-трех фраз из вступительной части своего воззвания. Эти фразы только испортили кадетское воззвание, лишив его единства настроения, радикализировав его форму, но не придав ему радикальной сущности.

Рано утром все уехали из Выборга.

Высказывалось предположение, что возвращающиеся будут задержаны на границе или в Петербурге, но этого не случилось, и мы мирно вернулись по домам.

Воззвание было напечатано нелегально и распространено по всей России, но, как известно, произвело только слабое впечатление. Иначе и быть не могло: ни одна организация не взяла на себя проведение его в жизнь. Сами творцы воззвания настолько плохо понимали значение собственного произведения, что многие из них чуть ли не прямо с Финляндского вокзала поехали в градоначальство вносить паспортный сбор за заграничные паспорта. Это сделал, между прочим, и Н. И. Кареев, который случайно перед самым разгоном Думы по личным делам уехал из Петербурга, в Выборге поэтому не был, но по телеграфу подписался под воззванием. Впоследствии он мне сам говорил, что ему и в голову не пришло, что он своим заграничным паспортом нарушает требование воззвания. Не лучше поступил Родичев (тоже подписавший воззвание лишь заочно), который в качестве предводителя одного из уездных тверских дворянств¹²¹³ участвовал в воинском присутствии, производившем прием новобранцев. Оправданием ему может служить то, что это происходило в ноябре, т. е. через 4 месяца, когда уже стало слишком очевидно, что из воззвания ничего не вышло.

1213 Ф. И. Родичев являлся предводителем дворянства Весъегонского уезда Тверской губернии в 1879–1891 гг. и с 1906 г.

Повторяю, иначе и быть не могло, так как сами его главные творцы не смотрели на него как на революционное оружие. Позднее, на суде¹²¹⁴ Муромцев заявил, что он составлял воззвание для того, чтобы направить негодование народа в легальное русло¹²¹⁵. Против этого заявления со скамьи подсудимых раздался только один протестующий голос, и это был голос кавказского социал-демократа Рамишвили, сказавшего, что он преследовал другие цели. Больше голосов раздаться и не могло, так как заявление Муромцева было сделано в последнем слове подсудимого, а такое слово давалось подсудимым в алфавитном порядке. Совершенно непостижимо, как можно было смотреть по-муромцевски на воззвание, во всяком случае призывавшее к действиям, которые не только были нелегальны, но были бы и революционны, если бы они осуществились.

Через несколько времени Трудовая группа устроила в

1214 По делу о Выборгском воззвании были привлечены к суду 169 бывших депутатов 1-й Государственной думы, дело которых разбиралось Особым присутствием С.-Петербургской судебной палаты 12–18 декабря 1907 г.; 155 подсудимых, признанных виновными, приговорили к трем месяцам тюремного заключения и лишению избирательных прав; кассационные жалобы, которые подали 144 осужденных, были отклонены, и основная часть их отбывала наказание в мае – августе 1908 г.

1215 Выступая на суде с последним словом, С. А. Муромцев, в частности, говорил: «Когда идет могучий горный поток, то чтобы спасти деревню, лежащую на пути потока, бросаются строить плотину, чтобы поток остановить; но кто думает, что поток нельзя остановить, тот ищет другие средства: он стремится прорыть каналы и отвести поток по этим каналам от угрожаемых им жилищ. Члены Государственной Думы думали, что правительство отнесется именно так к акту воззвания» (Дело о выборгском воззвании: стенографический отчет о заседаниях особого присутствия С.-Петербургской судебной палаты 12–18 декабря 1907 г. СПб., 1908. С. 146).

Финляндии свой первый партийный съезд, о чем я скажу подробнее в следующей главе; на нем между прочим обсуждался вопрос о проведении в жизнь Выборгского воззвания, но так как съезд, созыв которого потребовал времени, собрался только осенью, то сделать было уже ничего нельзя.

Произошло несколько бунтов, матросских и крестьянских; в некоторых из них принимали действенное участие отдельные трудовики (Онипко¹²¹⁶), поплатившиеся за это каторжными работами. Но скоро жизнь вошла в свои мирные берега, и от Выборгского воззвания осталось только историческое воспоминание.

Общая историческая причина безуспешности воззвания лежала в том, что революция кончилась уже до открытия Думы, революционное настроение упало, и поднять его было невозможно никаким воззванием. Отсюда – слабость и бледность самого воззвания.

Но имело ли в таком случае смысл его составлять? Не было ли оно ошибкой членов Думы, поехавших в Выборг, и в первую голову – кадетской партии?

Поездка в Выборг и какой-нибудь акт были психологической необходимостью; их не могло не быть. После революционного возбуждения *des tollen Jahres*¹²¹⁷, после подъема духа во время Думы думцы не могли, не должны были спокойно утешаться, когда правительство плюнуло им в лицо. Если бы они это сделали, то они вызвали бы к себе общее презрение и этим свели на нет всю работу Думы, которая, во всяком случае, имела для народа громадное воспитательное значение. Этот отрицательный результат был бы горше, чем отсутствие всякого

1216 Депутат от Ставропольской губернии трудовик Ф. М. Онипко принял участие в Кронштадтском восстании, за что 29 августа 1906 г. был приговорен к смертной казни, замененной ссылкой в Туруханский край, но бежал за границу.

1217 великого года (нем.).

положительного результата.

Глава V. Первое междудумье. – Общий характер эпохи. – Газетная и литературная работа. – «Наша жизнь». – Газетная гекатомба 2 декабря 1905 г. – Дальнейшая судьба «Нашей жизни» и ее гибель в 1908 г. – Л. В. Ходский. – Моя литературная работа помимо «Нашей жизни». – Трудовая группа в первое междудумье; обращение ее в партию. – Избирательная кампания во 2-ю Думу. – Отголосок родичевского прошлогоднего пророчества о безумце, который разгонит Думу

Начался 8-месячный период первого междудумья. Вместе с ним ясно определилась грубая реакция. Убийство Герценштейна с попустительства, если не подстрекательства властей, столыпинский¹²¹⁸ закон о землеустройстве (9 ноября 1906 г.)¹²¹⁹, аресты, преследования печати – все вызывало лишь бесильное негодование и никакого организованного народного протеста. Что революция кончилась, кончилась без надежды на ее возобновление в ближайший исторический момент, стало очевидным для всех сколько-нибудь критически оценивающих события, и только совсем зеленые юнцы могли еще ожидать его. Отдельные матросские и крестьянские восстания были, очевидно, последними всплесками явно утихавшей бури. Роспуском Думы Столыпин искусно нанес последний, ловкий удар по революции.

Хотячая оценка результатов первой революции была са-

- 1218 8 июля 1906 г. председателем Совета министров был назначен П. А. Столыпин, сохранивший также пост министра внутренних дел.
- 1219 Имеется в виду высочайший указ «О дополнениях некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования» от 9 ноября 1906 г., фактически уничтожавший общинную форму землевладения с заменой ее частной собственностью на землю.

мая пессимистическая. «Мы остались у разбитого корыта» – этот образ из пушкинской сказки¹²²⁰ был в устах всех. Говорившие так выдавали себя, *testimonium paupertatis*¹²²¹: зачем было требовать себе положение морской царицы, когда достаточно было получить порядочную избу? Но виноваты ли были и мы, что, получив избу, захотели пользоваться ею, а не только любоваться, в нее не входя? В связи с этой оценкой результатов революции началось то похмелье, тот *Katzenjammer*¹²²², который сказался в появлении романа Арцыбашева «Санин»¹²²³, а в жизни – многочисленных Саниных, в процессах огарков¹²²⁴, в широком развитии провокации и т. д.

С тех пор прошло четверть века, и теперь мы хорошо знаем, что чрезмерная пессимистическая оценка результатов революции не была правильной. Разбитое корыто мы получили позже, в 1917 г. Как ни неудовлетворителен был избирательный закон 1905 г., а тем более 1907 г.¹²²⁵, как ни бессильна была Дума, тем не менее она была если не парламентом, то его зародышем, и положительная роль ее была не меньше, чем

1220 Имеется в виду «Сказка о рыбаке и рыбке».

1221 собственную несостоятельность (перен., лат.).

1222 похмелье (нем.).

1223 За откровенные эротические сцены в романе «Санин» (Современный мир. 1907. № 1–5, 9) М. П. Арцыбашева обвиняли в порнографии; основная идея книги: «...желание – это все: когда в человеке умирают желания – умирает и его жизнь, а когда он убивает желания – убивает себя!»

1224 Огарок – остаток свечи, в переносном смысле – человек-неудачник (см.: Скиталец Петров С. Г. Огарки // Знание. СПб., 1906. Сб. 10); мемуарист имеет в виду собрания лиг свободной любви, происходившие при тусклом свете огарков (см., например: Ардов А. С. О лигах свободной любви: («Огарки»). Николаев. 1908).

1225 «Положение о выборах в Государственную думу» от 3 июня 1907 г.

роль парламента в Англии при Тюдорах и Стюартах¹²²⁶, в одном важном отношении даже больше, чем роль парламента в первой половине XVIII в.: ее заседания были публичны, ее отчеты печатались и потому служили хорошей школой для народа. И мы знаем, что если Думы не разрешили земельного вопроса и не смогли предупредить страшной революции 1917 г. и губительного торжества большевичьей власти, то все же они сделали немало положительного. В особенности велика положительная роль Думы в развитии народного образования.

Как ни малоудовлетворительно было положение печати, как ни курьезны те судебные процессы, которым она подвергалась (я испытал эти стеснения на собственной спине и расскажу о них в одной из следующих глав), тем не менее между положением печати в период между двумя революциями, даже не исключая военной эпохи, а тем более до нее, и ее же положением в первые годы царствования Николая II до первой революции не может быть даже и сравнения, как между состоянием свободы и крепостным правом, как бы ни была недостаточна эта свобода. А главное, теперь мы знаем, что весь исторический период 1906–1914 гг. был периодом довольно быстрого роста национального дохода и народного благосостояния.

Но в ту эпоху этого мы все (себя не исключая) не понимали.

Как ни ясно звучали упадочные настроения эпохи, сводить ее к ним одним было бы неправильно. Совершалась большая культурная работа, и люди, не охваченные упадочными настроениями, принимали в ней деятельное участие.

В первое междудумье и во время 2-й Думы были два главных дела: работа литературная, в газете и других изданиях, и

1226 При абсолютизме династий Тюдоров и Стюартов английский парламент, лишившись права ограничивать королевскую власть, вел борьбу за восстановление своих привилегий, которая привела к революции.

работа политическая при Трудовой группе и связанная с нею работа митинговая и лекционная в Петербурге и провинции. Скоро, с осени 1906 г., к ним можно причислить еще работу в суде в качестве многолетнего подсудимого по литературным процессам, – но о ней ниже, в особой главе.

«Наша жизнь» продолжалась. Правда, она несколько раз меняла свои названия. В первый раз она сделала это¹²²⁷ после запрещения 2 декабря 1905 г. и в течение месяца, 15 декабря 1905 г. – 21 января 1906 г., выходила под именем «Народного хозяйства». В январе 1906 г. запрещение было снято, и мы возобновились под старой кличкой. Новое запрещение в июле 1906 г. побудило нас переименоваться в «Товарища»¹²²⁸, а в конце 1907 или начале 1908 г. – в «Столичную почту»¹²²⁹. Под этим именем мы и погибли¹²³⁰.

1227 В рукописи далее зачеркнуто: «добровольно или, лучше сказать, по личному желанию Л. В. Ходского Ходский пожелал обратить ее в “Товарища” и сам написал передовицу в оправдание этой перемены. Новое название как бы сближало ее внешним образом с двумя социалистическими партиями, в которых это слово было ходовым. Может быть, он рассчитывал этим названием привлечь к газете сочувствие и подписчиков из этих лагерей, может быть, просто вдруг почувствовал демократическую тягу к этому названию, но любопытно, что именно он, стоявший в редакции на крайнем правом фланге, явился больше чем инициатором новой клички: он твердо настоял на ней вопреки ясно выраженному нежеланию всей редакции».

1228 Последний, № 494 «Нашей жизни» вышел 11 июля 1906 г. (приговором Петербургской судебной палаты от 17 августа газета была запрещена).

1229 Неточность: «Столичная почта» выходила с 1 октября 1906 г. по 4 марта 1908 г.

1230 См.: «В девятом часу вечера 28 февраля наряд чинов полиции в сопровождении ротных городовых и агентов охранного отделения прибыл в д. 32 по Садовой ул. и занял помещение конторы и редакции газеты “Столичная почта”. При обыске в поме-

щении для рукописей было найдено значительное количество нелегальной литературы, запрещенные брошюры Водовозова, Гр. Петрова и мн. др. Ввиду обширности помещения обыск затянулся до глубокой ночи. Приблизительно в четвертом часу утра в помещении одного из редакционных служащих, в сундуке, были неожиданно обнаружены пачки патронов для револьверов системы Маузера. Находка вызвала приезд в редакцию помощника начальника охранного отделения и нескольких жандармских офицеров. При дальнейшем обыске в другом помещении было найдено несколько револьверов системы Маузера и переписка нелегального характера. В пятом часу утра полицией были подвергнуты аресту и препровождены в охранное отделение профессор Л. В. Ходский, издательница газеты Н. Н. Русанова и служащие Петр Баранов, Игнатий и Петр Волнухины. По производстве дознания профессор Ходский в 11 ч. утра 29 февраля был освобожден» (Новое время. 1908. № 11483. 1 марта).

После закрытия «Столичной почты» Культурно-просветительное товарищество издательского и печатного дела «Наша жизнь», которое учредил Л. В. Ходский, стало издавать «Нашу газету», выходившую с 16 по 22 марта 1908 г. (№ 1–6), после чего ее редакция выступила со следующим заявлением: «Представители издательства “Нашей газеты” сообщили нам, что вследствие ряда последовательно пережитых им административных кар и создавшихся материальных затруднений издательство, несмотря на сохраняющийся большой тираж газеты, не в состоянии в настоящий момент продолжать издание. Оповещая о состоявшейся приостановке “Нашей газеты”, редакция принуждена настоящими строками проститься с тем постоянным кругом читателей, который образовался за три с половиной года, со дня выхода в свет газеты “Наша жизнь”, – 6 ноября 1904 года. Члены редакции “Нашей газеты”: В. Богучарский, Р. Бланк, В. Водовозов, Вас. Голубев, И. Жилкин, Е. Кускова, В. Португалов, С. Прокопович, А. Рыкачев, В. Хижняков, Л. Ходский, О. Чюмина, А. Яновский. 23 марта 1908 г.» (Письмо в редакцию // Русь. 1908. № 83. 24 марта).

Но уже 26 августа 1908 г., приглашая В. В. Водовозова к сотру-

Но у меня вся моя газетная жизнь этого периода осталась в памяти как нечто цельное; хронологические границы между разными названиями, напротив, держатся в памяти только очень смутно (вышеприведенные цифры восстановлены не по памяти, а по справке с историческими материалами), и потому я говорю в этих воспоминаниях все время о «Нашей жизни», разумея под нею и «Народное хозяйство», и «Товарища», и «Столичную почту».

Запрещена «Наша жизнь» была в тот памятный день 2 декабря 1905 г., когда был арестован первый Совет рабочих депутатов и когда подверглась первому разгрому вся столичная печать, как новая, возникшая явочным порядком после 17 октября, так и более старая. В числе других газет был запрещен и «Сын Отечества», но с тем отличием, что ему воскрешение не удалось, а мы воскресли в виде «Народного хозяйства» уже через две недели. Из журналов были запрещены «Русское богатство» и «Мир Божий». Первое выходило после этого под двумя сменявшими друг друга вследствие запрещения названиями: одно было «Современные записки» (название, составленное из «Современника» и «Отечественных записок», двух журналов,

ничеству, Л. В. Ходский уведомил его, что предполагает возобновить издание «Нашей газеты» и «взять на себя инициативу создать внепартийный (конечно, не все-партийный) научный общественно-экономический журнал под названием “Познание России”» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2538. Л. 2). На этот раз «Наша газета» продержалась чуть больше трех с половиной месяцев: с 1 января по 19 апреля 1909 г. (№ 1–91). Параллельно Культурно-просветительное товарищество издательского и печатного дела «Наша жизнь» выпускало политическую, литературную и экономическую газету «Правда жизни» (1908. № 1–5. 1–29 дек.; 1909. № 6–22. 5 янв. – 27 апр.), «Иллюстрированный двухнедельник» (1909. № 1–7. 12 янв. – 13 апр.) и ежемесячный литературный и общественно-экономический журнал «Познание России» (1909. Кн. 1–3), официальным редактором которых был Ф. А. Кириллов.

бывших славными предшественниками «Русского богатства» в 1847–1866 и 1868–1884 гг.), другое – «Русские записки»¹²³¹. Месяца через три или четыре «Русское богатство» воскресло под прежним именем. Социал-демократический «Мир Божий» воскрес под именем «Современного мира» и с этим именем остался навсегда, до своей окончательной гибели при большевиках.

Поводом для запрещения всех этих изданий послужило напечатание в них манифеста Совета рабочих депутатов¹²³². Этот манифест был революционным актом социал-демократии, параллельным с московским восстанием – революцион-

1231 Неточность: до мая 1906 г. журнал «Русское богатство» выходил под названиями «Современные записки» (№ 1) и «Современность» (№ 1, март; № 2, апрель), с ноября 1914 г. по март 1917 г. – «Русские записки».

1232 Имеется в виду так называемый «Финансовый манифест» – обращение к населению от имени Петербургского совета рабочих депутатов, Главного комитета Всероссийского крестьянского союза, ЦК и ОК РСДРП, ЦК ПСР и Польской социалистической партии с обвинением царского правительства в доведении страны до финансового и военного банкротства и с призывом «свергнуть его, отнять у него последние силы» – финансовые доходы, отказав ему в казенных платежах, изъяв вклады из сберегательных касс и Государственного банка с требованием уплаты всей суммы золотом; манифест, напечатанный 2 декабря 1905 г. в восьми газетах («Начало», «Наша жизнь», «Новая жизнь», «Русская газета», «Русь», «Свободное слово», «Свободный народ», «Сын Отечества»), издание которых было приостановлено, стал поводом к аресту 3 декабря депутатов Петербургского совета и разгону на следующий день собрания Союза союзов в Вольном экономическом обществе; мемуарист считал, что тем самым «граф Витте окончательно и, наконец, формально объявил гражданскую войну русскому народу», который «принял этот вызов», и «на улицах Москвы загрохотали пушки» (Водовозов В. По поводу правительственного сообщения 4 декабря // Народное хозяйство. 1905. № 2. 16 дек.).

ным актом эсеровской партии. Манифест призывал народ к революционным действиям и был составлен довольно невежественно. В числе других форм борьбы он выдвигал массовое истребование вкладов из сберегательных касс, причем по своему невежеству называл их не настоящим названием, а неведомо откуда взявшимся: «ссудо-сберегательных». Это действие должна была произвести по преимуществу мелкая буржуазия, так как рабочие, по утверждению социал-демократов, не могут откладывать сбережений, и любопытно, что в этом пункте манифест произвел действительно сильное влияние: истребовано было несколько сот миллионов рублей, и кассы были совсем на той границе, за которой следует объявление моратория, – меры, которая при тогдашних условиях могла бы оказаться гибельной для государственного кредита и государственных финансов вообще. Конечно, в данном случае сыграло свою роль не столько желание произвести определенное политическое воздействие на правительство, сколько страх перед государственным банкротством, и именно этот страх, а не действительное положение финансов чуть-чуть не вызвал банкротства.

Союз деятелей печати постановил, что напечатание этого манифеста было обязательно для всех органов печати *à titre du document*¹²³³. В Союзе принимали участие все или почти все петербургские органы печати, не исключая и таких, как «Новое время». Я не могу, к сожалению, припомнить, было ли это постановление сделано еще до выработки манифеста в какой-нибудь общей форме, под которую этот манифест подходил как частное явление, или применительно именно к нему самому¹²³⁴. Но, во всяком случае, для каждого уважающего

1233 в качестве документа (фр.).

1234 Союз в защиту свободы печати, созданный 16 октября 1905 г. по инициативе редакции газеты «Наша жизнь», объединяя все петербургские издания, предлагал им действовать так, «как если бы они существовали в свободном государстве», а именно

свои обязательства деятеля петербургской печати напечатание документа было морально обязательно (с правом, конечно, его критиковать). И тут-то явственно сказалось, что в революционном настроении уже наступил перелом. «Новое время», «С.-Петербургские ведомости» и другие консервативные органы, морально столько же связанные постановлением, сколько и мы, громко говорившие о своей приверженности к принципу свободы печати и признававшие Союз как орудие борьбы за нее, документа не напечатали, причем из их редакции до поздней ночи говорили нам по телефону, что документ напечатан будет.

У нас Ходский, пораженный в самое свое сердце финансиста безграмотностью финансовой терминологии манифеста, потребовал высказаться против его напечатания именно с этой точки зрения, но, встреченный твердым отпором со стороны всей редакции, замолчал. Мы все соглашались с его специальной критикой, тем более что в нашей среде были и другие весьма сведущие финансисты, как С. Н. Прокопович, да и безграмотность бросалась в глаза; мы все чувствовали, что ставим на карту судьбу газеты, но о неисполнении постановления для нас не могло быть и речи. Документ был напечатан; за ним последовало запрещение газеты и предание суду ответственного редактора Л. В. Ходского¹²³⁵, а затем трех- или четырехмесяч-

«перестали считаться с какими бы то ни было произвольными административными мерами, направленными против свободы слова, высказывая в своих изданиях, по долгу чести и совести, все, что предлагает им к обсуждению текущая жизнь» (см.: Ганфман М. Явочный период свободы // Свобода печати при обновленном строе. СПб., 1912. С. 47–48; Короленко В. Г. О свободе печати // Русское богатство. 1905. № 11/12. С. 205–206).

- 1235 Ср.: «За напечатание 2 декабря манифеста Совета рабочих депутатов “Наша жизнь” была приостановлена по постановлению судебной палаты впредь до судебного приговора, а редакторы ее преданы суду по обвинению по 129 ст. угол. уложения. 15 дек. “Наша жизнь” возобновилась под именем “Народное хо-

ное тюремное заключение (не скоро, года через четыре).

Если газеты для обсуждения и решения вопроса о напечатании манифеста имели в распоряжении всего несколько часов, то ежемесячные журналы имели их гораздо больше и к тому же уже определенно знали, какая кара их постигнет за его напечатание. «Русское богатство» и «Мир Божий» выходили в середине каждого месяца, следовательно, ближайшие их книжки – недели через две после того, как «Нашу жизнь» и «Сына Отечества» постигла кара. Тем не менее они пошли на нее и были запрещены (первое, однако, как я уже сказал, потом возродилось под прежним именем). «Вестник Европы» выходил первого числа каждого месяца, а так как манифест был доставлен в редакцию 2 декабря, то у него в распоряжении был целый месяц. Он документа не напечатал, мотивируя, помнится, тем, что Союз печати к этому времени распался.

В качестве ответственного редактора на место Ходского вступил сперва В. Голубев¹²³⁶, а через несколько недель, когда

зайство», а 22 янв. 1906 г., вскоре после судебного приговора, которым Котельников был оправдан, а Ходский признан виновным только в неосторожности и приговорен к штрафу в 500 руб., вновь стала выходить под прежним именем. Редактором с этих пор подписывался В. В. Водовозов, а Л. В. Ходский – только издателем. Газета не служит органом какой-либо партии; большая часть ее сотрудников ни к какой партии не принадлежит, а являются так называемыми «дикими». Она стоит за сплочение по возможности всех оппозиционных общественных сил для борьбы за парламентарный строй. По жгучему в начале 1906 г. вопросу о бойкоте выборов в Государственную Думу она стала на сторону противников бойкота, но относится отрицательно к самой Думе, не допуская возможности правильной в ней работы» (Водовозов В. Наша жизнь // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1906. Доп. т. 2. С. 254–255).

1236 Неточность: В. С. Голубев являлся редактором газеты «Народное хозяйство» (№ 1–22), выходившей вместо «Нашей жизни»

он тоже попал под суд¹²³⁷, предложил свои услуги я¹²³⁸, и они были приняты Ходским и редакцией. Моего положения в редакции это не изменило, как оно не меняло и положения других ответственных редакторов. Действительным редактором я не был; таковой у нас выбирался закрытой баллотировкой; первым редактором был В. Я. Богучарский, потом недолго – Р. М. Бланк, затем до конца – В. В. Португалов¹²³⁹. Я по-прежнему оставался членом редакции с голосом в ней, заведующим иностранным отделом и постоянным сотрудником по вопросам государственного, в частности избирательного, права и некоторым другим. Даже вознаграждение мое осталось прежним (200 рублей в месяц жалованья и построчный гонорар в размере 10 копеек). По нашей неписаной конституции я в качестве ответственного имел право безусловного veto на все статьи по соображениям их опасности, но я не только ни разу не воспользовался этим правом, но и не считал нужным читать до их появления в печати что бы то ни было, кроме моего отдела и тех статей, которые доводились до общего редакционного обсуждения. Ходский, бывший ответственным редактором до меня, этим своим правом иногда пользовался, но не спас им

с 15 декабря 1905 г.; В. В. Водовозов, сменив его, редактировал названное издание с 12 по 21 января 1906 г. (№ 23–31).

- 1237 22 марта 1906 г. приговором 3-го отделения Петербургского окружного суда В. С. Голубев был признан виновным и подлежащим заключению в тюрьму на два месяца за то, что, являясь редактором газеты «Народное хозяйство», поместил в ее № 3 статью «Странички жизни» «явно оскорбительного содержания для действовавших при усмирении происходивших в разных частях Российской империи мятежей казачьих войск» (Дело редактора «Народного хозяйства» В. С. Голубева // Наша жизнь. 1906. № 401. 23 марта).
- 1238 В. В. Водовозов числился редактором газеты «Наша жизнь» с 22 января по 19 апреля 1906 г.
- 1239 Неточность: В. В. Португалов являлся редактором газеты «Товарищ» с 26 августа 1906 г. по 30 декабря 1907 г. (№ 45–461).

газету от двукратного запрещения.

Итак, мы возродились, и работа продолжалась. По-прежнему мы оставались беспартийной радикальной и социалистической газетой. Нередко подвергались нападкам как справа, так и слева, причем в то время беспартийность сама по себе в левых кругах считалась чем-то чуть ли не позорным. В редакции, как и везде, были разногласия. Я тянул газету в сторону трудовичества, Прокопович, Кускова и некоторые другие – в сторону правого (ревизионистского) социал-демократизма. Последняя (социал-демократическая) нота звучала у нас громче, но социал-демократизм Прокоповича не был узколобым, упрямым; нет, он прекрасно умел учитывать значение крестьянства в жизни государства вообще и России в частности, и потому «Наша жизнь» в общем все-таки представляла нечто цельное, хорошо спаянное; газета несомненно имела общее направление.

Несмотря на исчезновение с газетного рынка такого серьезного конкурента, как «Сын Отечества», тираж газеты несколько упал сравнительно с концом 1904 г., что объяснялось общим упадком в России интереса к газетам, но все-таки превышал 50 000 и был вполне достаточным, чтобы газета могла стоять прочно на своих ногах. Но период трехмесячного закрытия ее в начале 1905 г., о котором я говорил выше, наложил на нее долг, который лежал на ней тяжелым бременем. Долг бумажнику, долг типографии портил отношения с тем и другим, заставлял изворачиваться. Период лета и осени 1905 г. с периодическими конфискациями отдельных номеров все увеличивал этот долг. То же самое сделала октябрьская забастовка и запрещение в декабре 1905 г. Существовать стало трудно. Тем не менее мы существовали.

Весной 1906 г. я получил первый обвинительный акт по делу газеты¹²⁴⁰, за ним последовали другие. Скоро я потерял

1240 10 апреля 1906 г. товарищ прокурора С.-Петербургской судеб-

право быть ответственным редактором. Мое место занял Гордин¹²⁴¹, потом его сменил Диксон. Тем не менее весь 1906 и 1907 гг. мы бились. Подвергались привлечению к суду и за-
прещениям, меняли названия. Наконец, в начале 1908 г. жить стало невмоготу. Были дни, когда мы не знали, выйдем ли мы на следующий день, причем причиной невыхода грозил послужить отказ бумажника доставить нужное количество бумаги. Наконец Ходский заявил, что он больше издавать газету не может.

У нас был возбужден вопрос: не сделать ли закрытие с треском, напечатав какую-нибудь очень резкую статью и вы-

ной палаты К. Д. Бендер подписал обвинительный акт, согласно которому В. В. Водовозов обвинялся в том, что, являясь ответственным редактором газеты «Наша жизнь», поместил в ней в № 391 от 11 марта заметку с выдержками из воззвания С.-Петербургского объединенного комитета РСДРП и в № 402 от 24 марта статью «Странички жизни», тем самым распространил сочинения, заведомо для него возбуждавшие в первом случае – «к учинению бунтовщического деяния», а во втором – «к нарушению обязанностей военной службы». 12 апреля Бендер составил второй обвинительный акт, согласно которому Водовозов, являясь редактором газеты «Народное хозяйство», поместил в ее № 29 от 19 января 1906 г. статью «События в Харбине», «заведомо для него возбуждавшую к нарушению воинскими чинами обязанностей военной службы» (см.: Дело В. В. Водовозова в С.-Петербургской судебной палате по обвинению в девяти литературных преступлениях, совершенных им в качестве редактора «Нашей жизни», «Сборника программ политических партий в России» и др. 17 августа 1906 года. Речи А. С. Зарудного и В. В. Водовозова. СПб.: Изд. Кн. магазина «Наша жизнь», 1906. С. 10–13).

- 1241 Неточность: 20 апреля 1906 г., с № 424, В. В. Водовозова на посту редактора газеты «Наша жизнь» сменил Д. А. Левин; В. Н. Гордин состоял редактором газеты «Товарищ» с 1 по 30 апреля (№ 1–24) и, после возобновления ее, с 3 по 25 августа 1906 г. (№ 25–44).

звав новое запрещение. Но мы решили, что это был бы недостойный прием, и мирно закрылись, признав причиной закрытия недостаток средств.

За это мы были наказаны. «Новое время» обрадовалось нашей гибели и поспешило сообщить, что «Наша жизнь» погибла в борьбе с равнодушием публики. Как видно из предыдущего, это было неправдой. Но, конечно, было бы лучше, если бы мы прекратились после последнего запрещения, когда материальная непосильность борьбы стала для нас очевидной.

Запрещение газеты на ее сотрудниках отражалось, конечно, тяжело. Большинство их не имело других заработков и должно было их искать, переживая всю оскорбительную тяжесть подобных поисков. Но этого мало. Последние месяцы контора газеты выдавала нам наше вознаграждение с большими перебоями, и по отношению к большинству из нас на ней лежал более или менее значительный долг. Конечно, разнообразие личных характеров и личных талантов сказывается и в этой области: были лица, которые и в это тяжелое время не только получали все свое сполна, но и ухитрялись брать более или менее значительные авансы. Таких было человек 7–8. Назову из них двух, а именно А. А. Яблоновского и П. Е. Щеголева. Имя последнего я называю потому, что года два тому назад в эмигрантской печати и именно в «Возрождении» по поводу большевизанства Щеголева была дана ему общая, литературная и личная, весьма непривлекательная характеристика, причем в числе других его свойств было сообщено, что он специалист по литературным авансам, умеющий хватать редакторов и издателей мертвой хваткой¹²⁴².

1242 См.: «Известный пушкинист, П. Е. Щеголев, принадлежит к числу тех литературных мешочников, во главе которых стоит “дедушка русского аванса”, А. Н. Толстой. Это теперь та пара гнедых, на которых в советской Москве возят и воду, и воеводу. <...> Забавнее всего, что ни г. Щеголев, ни его сомешочник, А. Толстой, никогда не были революционерами. Это из буржуев

Хотя эта характеристика и не чужда преувеличения, но в общем она близка к истине, и тем не менее она меня возмутила. Возмутила потому, что автором ее был А. А. Яблоновский, который в этом отношении может дать Щеголеву сто очков вперед. По крайней мере, Щеголев из «Нашей жизни» ушел с несколькими десятками рублей аванса, а Яблоновский – с многими сотнями, категорически отказавшись вернуть хоть часть его и даже не придя на то собрание сотрудников, на котором обсуждался вопрос о распределении между ними последних сумм.

В момент закрытия газеты касса была пуста, или, по крайней мере, Ходский заявил нам, что из нее он не может уделить сотрудникам ни копейки. Совершенно неожиданно Е. Д. Кускова заявила, что она «достала» 3000 рублей для ликвидации литературных долгов газеты. Откуда она их «достала», почему она, не бывшая ни основательницей, ни собственницей, ни редактором, ни издателем газеты, а только членом редакции (правда, при основании газеты она очень поддерживала Ходского в его решении), почему она считала себя обязанной платить чужие долги, никто не знал и не спрашивал. Все приняли это молча, с радостью и благодарностью.

На последнем заседании сотрудников я был председателем, и его я хорошо помню. Было выяснено, что если бы были возвращены авансы, то 3000 рублей покрыли бы значительную часть долга, без них – приблизительно половину. Авансы сразу решено простить; конечно, мотивом послужила невозможность их взыскивать, тем более что у всех, кроме Яблоновского, авансы были незначительны по размерам. Затем долго обсуждали вопрос, как расплачиваться, и, наконец, пришли к общему соглашению относительно ликвидации некоторых категорий долга и погашения других. Разумеется, непривлека-

буржуи. Но в советской литературе они считаются “акулами большой воды” и, торгуя всякой революционной дрянью, делают деньги» (Печать // Возрождение. 1928. № 1066. 3 мая. С. 4).

тельные стороны человеческой личности сказывались, но в слабой степени, и в общем мы пришли к дружескому улажению вопроса. Конечно, голос Кусковой почти по всем пунктам был решающим, так как ее бескорыстие было очевидно. Разошлись дружески, с взаимным уважением друг к другу, без всякой затаенной злобы.

Года через два Ходский каким-то непостижимым образом оправился и затеял новую газету. Он вошел в соглашение с некоторыми не пользовавшимися уважением в литературных кругах личностями, как проф. Мигулин, нововременец Гофштеттер, и с ними начал издавать газету под названием «Русская земля»¹²⁴³. Он звал в нее и нас, своих бывших сотрудников, но никто из нас не пошел. Газета была сумбурная, представлявшая странную смесь народничества, либерализма, неославянофильства и чего-то еще, и была совершенно бездарна. Внимание к себе она не привлекла; ее никто никогда не цитировал, никто даже не полемизировал с ней, и месяца через три она погибла. На этот раз, кажется, можно сказать, что она погибла в борьбе с равнодушием публики.

После этого я имел дело с Ходским еще два раза.

Кажется, в 1909 г. (а может быть, и позже) Ходский отбывал свое тюремное заключение¹²⁴⁴. В это время я судился по одному из своих многочисленных дел, связанных с моим редакторством «Нашей жизни». В свидетельстве его у меня не было ни малейшей нужды, но внешне благовидный предлог для вызова его найти было не трудно, и я думал, что доставлю ему удовольствие, если прерву скуку его тюремного заключения возможностью развлечься поездкой, хотя бы и в тюремной

1243 Неточность: имеется в виду газета «Голос земли».

1244 См.: «...Ходский в течение 1906 г. судился три раза в С.-Петербургской палате (первый раз – 500 р. штрафа, второй – оправдание, третий – 6 мес. тюрьмы); первые два приговора были кассированы сенатом» (Ходский // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1907. Доп. т. 2а. С. 847).

карете, в суд и повидать там, хотя бы издали, знакомых людей. Но из предосторожности раньше, чем потребовать формально его вызова, я передал это пожелание ему через ходившую к нему на свидания его племянницу и, к удивлению, получил и устно, и потом дополнительно письменно решительную, даже несколько раздраженную просьбу этого не делать. Я, конечно, охотно отказался от вызова, но решительно недоумевал о мотивах. Мне самому и, как мне кажется, почти всякому другому такой вызов был бы только приятен.

В начале революции 1917 г. он приехал ко мне и просил меня принять участие, прочтением доклада по избирательному праву, в организуемом им собрании студентов Лесного института, где он состоял профессором. Я с удовольствием принял предложение, и доклад был прочитан. Это было последнее наше свидание. Вскоре после этого он умер¹²⁴⁵.

Воспоминание о нем осталось у меня очень сложное, и разобраться в его личности я не могу, хотя в течение четырех лет видался с ним почти ежедневно. Что его толкнуло на газетную дорогу? Был он человек профессорского типа (притом был профессором добросовестным, знающим, но довольно заурядным); общественные инстинкты и интересы людей этого типа находят удовлетворение в научной работе и к непосредственной общественной работе влечения не чувствуют. Близким газетным сотрудником какой бы то ни было газеты он никогда не был. Вдруг он почувствовал газетный зуд, причем пожелал не вступить в какую-нибудь существующую газету, но непременно основать собственную. И произошло это не тогда, когда общий предреволюционный угар опьянил многих ранее политически неактивных людей, а раньше, еще в 1903 г. Находилось это, вероятно, в связи с получением им 20 000 рублей от продажи своего небольшого имения (продал ли он имение для газеты, или газета явилась неожиданным последствием прода-

1245 Л. В. Ходский скончался 8 декабря 1919 г. от пневмонии.

жи, – этого я не знаю). Но ведь 20 000 рублей можно истратить и на что-нибудь другое, а не только на газету; к тому же у Ходского была жена, которая, вероятно, могла бы помочь ему в этом (жена эта скоро умерла, когда издавалась «Наша жизнь»). К тому же для газеты 20 000 – сумма совершенно ничтожная; с нею начинать газету – это верное выбрасывание денег на ветер, и только совершенно исключительные условия революционного момента сделали ее достаточной для начала.

В 1903 г., когда Ходский начал хлопоты о газете, для ее возникновения требовалось разрешение Главного управления по делам печати, каковое давалось с очень большим трудом. Требовались долгие утомительные хлопоты, требовалась большая предварительная энергия. Ходский проявил ее. Обнаружить такую энергию могли люди двух категорий: или люди с большим газетным зудом, газетчики по призванию, или же дельцы, рассчитывающие на большой доход либо от ее ведения, либо от перепродажи разрешения в другие руки. Ни того, ни другого мотива я не могу приписать Ходскому.

В Главном управлении его спрашивали:

– Вы хотите создать новые «Русские ведомости» в Петербурге? Нам довольно неприятностей с одними в Москве.

– Нет, «Русские ведомости» сами по себе, а я сам по себе¹²⁴⁶.

Наконец, газету разрешили.

1246 Сам Л. В. Ходский передавал этот диалог так: «Вы что же, хотите в Петербурге издавать вторые “Русские ведомости”? – Я не предполагаю копировать какую бы то ни было из существующих газет, в том числе и “Русские ведомости”. По направлению, конечно, моя газета не будет ни “Новым временем”, ни “Гражданином”, но конкурировать по распространению с “Новым временем” не собираюсь. Рассчитываю на средний успех, а потому и большой опасности она не представит» (Ходский Л. Как возникла «Наша жизнь» // Товарищ. 1906. № 106. 5 (18) нояб.).

Как составить редакцию? И вот тут передо мной – вторая загадка.

Сам Ходский – человек очень умеренных воззрений и притом не без сумбура в голове. Он никогда не входил ни в какую политическую партию, не входил в силу недисциплинированности своей натуры, которую сам принимал за своеобразие своих убеждений. Ни в каком случае нельзя поместить его «левее кадетов»; он был либо кадетоидом, либо – и это ближе к истине – правее кадетов, и, может быть, издававшаяся им «Русская земля»¹²⁴⁷ была ближе к его действительным убеждениям, чем «Наша жизнь». И тем не менее он обратился к людям, которые почти все принадлежали к радикальному течению и после образования партий оказались «левее» кадетов. В большом числе он пригласил людей, лично ему знакомых по Саратову, откуда сам был родом; частью это были люди, в то время почти совсем неизвестные в литературе: Жилкин, Неманов (ныне близкий сотрудник милюковских «Последних новостей»), Португалов; из людей, уже тогда известных, имелись Прокопович, Кускова, В. С. Голубев. Затем, частью по самостоятельному выбору, частью по рекомендации вышеназванных, он пригласил некоторых лиц, с которыми у него близкого знакомства не было: Богучарского, меня и некоторых других.

Что заставило его выбрать такой контингент сотрудников? Конечно, очень легко сказать: он почувствовал веяние эпохи и понял, что эти люди могут создать ему успех. Но такая мотивировка слишком шаблонна, слишком элементарно-грубая, чтобы быть верной; к тому же за Ходским я не могу признать такого тонкого политического нюха. Это совсем не Суворин¹²⁴⁸ и не член суворинской семьи¹²⁴⁹. Тут несомненно

1247 Правильно: «Голос земли».

1248 В. В. Водовозов считал, что А. С. Суворин всегда «шел за успехом»: «Он выступил либералом, когда либеральные идеи носились в воздухе и всякий молодой, свежий человек неизбежно

было что-то более глубокое. Редакцию он подобрал, следовательно, индивидуально, но вполне удачно в том отношении, что она сразу спелась и оказалась однородной и дружной. Но затем он сразу предоставил все дело в ее руки на коллегиальных основах, сохранив за собой хозяйственное верховенство и положение ответственного редактора с правом цензурного вето, которым пользовался не всегда благоразумно. Избирать редактора он предоставил редакции и признал даже право браковать его собственные статьи, которым мы иногда и пользовались.

Значит ли это, что он обладал товарищескими чувствами, был человеком коллегиальным? Напротив. Товарищем он был дурным, иметь дело с ним было тяжело и неприятно. Он отстаивал каждую мелочь очень упрямо, раздраженно, неприятным тоном и только в случае очень решительного требования с нашей стороны уступал. Но неприятный осадок оставался после каждого с ним спора.

В денежных вопросах он был очень экономен, можно сказать – скуп. Жалованье и гонорары у нас были значительно, раза в полтора ниже, чем в «Сыне Отечества», не говоря уже о

ими заражался. В 1876–77 году он, в силу того же отсутствия прочных основ в своем мирозерцании, стал сторонником и бардом славянского восстания, а затем покатился вниз по покатой плоскости, сначала через легкое юдофобство к юдофобству ожесточенному и, наконец, к мелочно узкому антисемитизму, национализму, консерватизму, угодничеству перед властями» (Водовозов В. Алексей Сергеевич Суворин (1834–1912) // Вятская речь. 1912. № 180. 17 авг.).

- 1249 Имеются в виду сыновья А. С. Суворина: Михаил (1860–1936) – редактор газеты «Новое время» (1903–1916), возобновленной им в Белграде; Алексей (1862–1937) – издатель газет «Русь» (1903–1908), «Новая Русь» (1908–1917) и др.; Борис (1879–1940) – редактор газет «Вечернее время» (1911–1916), возобновленной им в Париже и Шанхае, и «Новое время» (1915–1916).

старых богатых газетах, как «Новое время». На всякое требование, вроде посылки корреспондента на войну с необходимо высокими путевыми расходами, он шел крайне неохотно, хотя это для газеты было совершенной необходимостью. Но вместе с тем в делах денежных он производил впечатление безукоризненно честного человека. Я уже рассказал выше, как он поступил во время запрещения газеты в начале 1905 г. Когда газета приближалась к гибели и у нас начались задержки в выдаче жалованья, он каждого сотрудника предупреждал:

– Газета находится в тяжелом положении. В настоящее время я не могу уплатить вам всего, что я вам должен, и несомненно это будет продолжаться еще некоторое время. Если газета оправится, вы получите свое сполна. Если не оправится, я вам уплатить своего долга не смогу. Решайте сами, оставаться ли вам в газете.

Я добрый десяток раз работал в гибнущих предприятиях и никогда такого отношения не встречал. Всегда издатели ввиду предстоящей гибели начинали давать неисполняемые обещания, лгать, уваливать, уклоняться от разговоров. Одних никак нельзя было поймать: они назначали время и место свидания для денежного разговора – и в назначенные время и место не являлись; другие говорили: «Простите, это случайная временная заминка, на будущей неделе я вам все пришлю по почте»; «Ах, действительно, я обещал уплатить на этой неделе; простите, понадобилось произвести экстренный платеж; на будущей неделе непременно». Третьи предоставляли объясняться с конторщиками, которые ничего сказать не могли, и т. д. Честные, откровенные заявления Ходского составляют совершенно исключительный уникум, и потеря мною за «Нашей жизнью» довольно значительной суммы, весьма для меня тяжелая, вместе с тем не оставила во мне ни малейшего чувства горечи лично против Ходского; напротив, оставила чувство уважения к нему как к очень корректному человеку.

Помимо «Нашей жизни» в описываемый период я работал и в других изданиях. Продолжалась моя давнишняя работа в

«Энциклопедическом словаре» Брокгауза – Ефрона, выпускавших в это время (1906–1907 гг.) последние свои дополнительные тома. Пописывал отдельные статьи в «Русском богатстве» и в других различных изданиях. Издал шестью отдельными выпусками «Сборник программ политических партий в России»¹²⁵⁰, который сначала имел громадный успех: первые выпуски, в которые вошли программы партий социалистов-революционеров и социал-демократов, разошлись в два-три месяца в 10 000 экземпляров; но следующие выпуски с программами партий правых расходились все медленнее, так что на шестом выпуске мне пришлось прекратить издание.

Но гораздо более душевно связан я был со своею политической деятельностью.

Осенью 1906 г. был созван первый партийный съезд Трудовой группы в Финляндии на берегу Сайменского канала¹²⁵¹.

Как я уже говорил, Трудовая группа образовалась в самой 1-й Думе из ряда беспартийных, а частью принадлежавших к другим партиям депутатов. Таким образом, она не являлась политической партией в точном смысле этого слова; никакой организации вне Думы у нее не было; слово «группа» вполне точно соответствовало ее характеру. Она была сначала только думской фракцией. Во время Думы, однако, начала обраться организацией. Прежде всего в Петербурге появились люди, к Думе не принадлежавшие, но вошедшие в состав группы, как я, что уже само по себе изменяло и нарушало ее характер как только думской фракции. Затем появилось значительное число лиц, заявлявших о своей готовности поддерживать группу. Я говорил о приговорах волостных собраний о присоединении к Трудовой группе. Такие приговоры были, конечно, наивны и

1250 См.: Сборник программ политических партий в России / С предисл. В. В. Водовозова. СПб., 1906. Вып. 1–6.

1251 Судосходный канал между озером Сайма и Выборгским заливом, открытый в 1856 г.

говорили только о сочувствии, но не о реальной организации и практического значения не имели. Но уже во время Думы и особенно тотчас после ее разгона в разных местах начали возникать организации, ставившие своей задачей содействие Трудовой группе.

После разгона сразу выдвинулась задача содействия проведению членов Трудовой группы во вторую Думу. Такая организация образовалась и в Петербурге, и в нее сразу вошло свыше 100 членов, довольно регулярно плативших членские взносы. В нее вошли два небезызвестных педагога – С. Ф. Знаменский и Душечкин, писательницы Любовь Гуревич и О. Волькенштейн, проф. А. А. Жижиленко (года через два из нее вышедший и присоединившийся к кадетам) и, конечно, все бывшие депутаты, оставшиеся в Петербурге. Большинство депутатов, пришедших в группу из партии социалистов-революционеров, остались в группе; к ним принадлежали Аникин, Седельников, Григорий Карпович Ульянов и другие. Таким образом, месяца через два после разгона Думы Трудовая группа обратилась в настоящую политическую партию (хотя и сохранившую, ввиду его популярности, название группы), имевшую свои многочисленные отделения по всей России.

Явилась надобность оформить, конституировать эту партию. Для этого решено созвать общий съезд, который и собрался ранней осенью где-то на берегу Сайменского канала. Там был выбран Центральный Комитет, в который вошли Брамсон, Аникин, я и многие другие; комитету дано право кооптации, которым он и пользовался ввиду обнаружившейся невозможности созвать новый съезд. Выработана была программа группы. Некоторые участники съезда желали объявления группы социалистической, но большинство, заявляя себя лично социалистами, не видели в этом надобности. В программе была подробно развита практическая сторона, т. е. то, что в программах социалистических партий называется программой-минимум, а именно: наши политические требования (всеобщее голосование, свобода слова и т. д.) и требования со-

циальные, в частности и в особенности в области аграрного вопроса¹²⁵².

- 1252 Ср.: «В октябре состоялся на Иматре съезд Трудовой группы, на который съехались бывшие депутаты, оставшиеся на свободе, и некоторые лица, близкие к Трудовой группе; туда же были приглашены представители партий соц.-революционеров, соц.-демократов, народно-социалистической и союзов крестьянского, железнодорожного и учительского. На этом съезде было решено, что Трудовая группа должна являться политической организацией, не исключительно парламентской; задачей ее было поставлено объединение элементов, не охватываемых партиями, стоящими налево от ка-детов. <...> Правительство относилось к Трудовой группе как к организации революционной; некоторые газеты, напечатавшие ее платформу, были конфискованы, с привлечением редакторов к суду по 129 ст. К февр. 1907 г. в России имелось 32 местных комитета Трудовой группы, со многими тысячами зарегистрированных активных членов. Организовавшись наподобие политической партии, Трудовая группа все-таки дорожила своим названием “группы” и противопоставляла себя политическим партиям, настаивая на том, что она является политической организацией беспартийных. <...> В области политической платформа Трудовой группы требовала полного “осуществления народовластии” и всенародной Государственной Думы, избранной всеобщим голосованием по семичленной формуле; этой Думе должна принадлежать вся полнота законодательной власти и полнейший контроль над исполнительной властью. Подобные же радикальные требования были выставлены в вопросах административном, финансовом, военном, национальном. По отношению к земельному вопросу платформа выражает свое полное согласие с аграрным проектом 104-х. По отношению к вопросу фабричному платформа выдвигает требование 8-часового рабочего дня, с запрещением труда малолетним до 16 лет, с обязательным еженедельным 42-часовым отдыхом и т. д. Кроме этих практических требований, в платформе выражено стремление опереть Трудовую группу на делящийся союз трех или даже четырех общественных классов (рабочие, крестьянство, служащие в торго-

Тяжелый вопрос стоял перед нами: что делать для проведения в жизнь Выборгского воззвания? Несколько восстаний было подавлено. Налоги платились всеми. Можно ли было призывать к прекращению их платежа и к военной забастовке? Было ясно, что, кроме нескольких отдельных вспышек, которые будут залиты кровью, из таких призывов ничего не выйдет. Пришлось от Выборгского воззвания отказаться. И стало ясно, что как в Выборге мы (вместе с социал-демократами) оказались в хвосте у кадетов, так и теперь в отказе от него мы идем за ними же.

Затем решено принять деятельное участие в избирательной агитации и потом в выборах во 2-ю Думу под собственным флагом. Следовательно, Трудовая группа должна была явиться в следующую Думу уже не аморфным собранием беспартийных и не конгломератом разных партий, а уже готовой партией со своей программой, со своими традициями, опирающейся на партийную организацию в стране и ответственной перед нею.

Летом 1906 г., вскоре после разгона Думы, организовалась партия народных социалистов, во главе которой стояли Мякотин, Пешехонов, Анненский. Меня звали в эту партию, и на двух или трех предварительных собраниях для обсуждения ее программы я был¹²⁵³. Программа-минимум этой партии почти

во-промышленных и других предприятиях, трудовая интеллигенция), которые вместе составляют “трудовой народ”» (Водозовов В. Трудовая группа // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Доп. Т. 2а (1907). С. 787–790).

- 1253 26 мая 1906 г. на первом организационном собрании Трудовой (народно-социалистической) партии обсуждался проект ее программы, утвержденный 14 июня, а в состав Организационного комитета в числе прочих вошли члены редакционного комитета журнала «Русское богатство» Н. Ф. Анненский, В. А. Мякотин, А. Б. Петрищев, А. В. Пешехонов. Так как В. И. Семевский на собрании не присутствовал, 20 июня Мякотин инфор-

совершенно совпадала с нашей, но она объявляла себя социалистической. Главный пункт разногласия между мною и ею – бойкот выборов – исчез: партия решила в них принять активное участие. Тем не менее после некоторого колебания я решил в партию не вступать. Мне казалось самое возникновение ее в это время рядом с Трудовой группой не нужным. Трудовая группа уже существовала, была очень популярна в крестьянстве, и создание новой политической организации рядом с нею вносило, как мне казалось, только путаницу в голове народа.

Зима 1906–1907 года была опять наполнена избирательной борьбой. Но характер ее был уже не прежний. Избирательный закон в законодательном порядке изменен еще не был, но он был изменен в порядке сенатских разъяснений. Комната, сданная жильцу прямо от домохозяина, прежде считалась квартирой и давала квартирный ценз; теперь было разъяснено, что за квартиру признается только такое помещение, в котором имеется особый очаг для приготовления пищи. Для крестьянского ценза прежде было достаточно принадлежать к крестьянству какой-либо волости; теперь потребовалось еще ведение крестьянского хозяйства, так что многочисленные

мировал его: «“Беззаглавцы” различаются с нами, все – исходными пунктами мировоззрения и многие – аграрной платформой, то есть едва ли с ними можно будет сойтись. Из приглашавшихся на собрания сотрудников “Нашей жизни” бывали только Жилкин и Василий Васильевич Водовозов. Жилкин вошел к нам, но Василий Васильевич как раз заявил, что для него является препятствием философское введение программы, которое он и предлагал выбросить. Для остальных это представлялось неприемлемым, так как партию можно создать только на основе определенного мировоззрения и умолчание о нем могло бы привести только к тому, что внутри самой партии вспыхнул бы вскоре спор двух направлений» (Трудовая народно-социалистическая партия: документы и материалы. М., 2003. С. 74).

учителя из крестьян, в 1-ю Думу проходившие по крестьянскому цензу, теперь потеряли право голоса.

Может быть, еще хуже было сильное стеснение агитации. На избирательные собрания по закону могли являться только лица, пользующиеся правом голоса в данном избирательном округе, но прежде их права проверке не подвергались; теперь же по большей части у входа помещения собрания полиция требовала и проверяла документы. Благодаря этому ораторы, жительствовавшие на Васильевском острове, потеряли возможность говорить на Петербургской стороне, и обратно (хотя и те и другие должны были проводить общий список депутатов и делились только для первой стадии выборов, избрания выборщиков)¹²⁵⁴. Но этого мало: проверка документов всех входящих затягивала открытие собрания, назначенного на восемь часов, до половины десятого или десяти. Неудобство обходилось тем, что организаторы объявляли не избирательное собрание, а общий митинг – не по выборному закону, а по закону о собраниях, и его *de facto* обращали в избирательное собрание. Такие митинги часто под различными предлогами запрещали, но все-таки общее число их, состоявшихся в эту зиму в Петербурге, было довольно значительно, хотя и гораздо меньше, чем в предшествующем году.

1254 См. отчет о беспартийном предвыборном собрании в театре Немецки 6 января 1907 г.: «Не успел оратор и рта открыть, как полицейский чиновник заявил, что г. Водовозов – избиратель не по Петербургской части, а потому и говорить в настоящем собрании права не имеет. Заявив, что он подчиняется насилию, г. Водовозов оставил трибуну. Этот инцидент вызвал шум и крики среди собравшихся. Председателю не удавалось успокоить собрание. В. В. Водовозов снова взошел на трибуну, чтобы просить не “срывать” собрания из-за требования полиции. Но чиновник, не выслушав заявления г. Водовозова, объявил собрание закрытым» (К выборам в Государственную думу // Речь. 1907. № 6. 7 янв.).

Лично я по-прежнему прав не имел. С осени 1906 г. я нанял квартиру на Васильевском острове и жил в ней с женой, но для ценза нужно было прожить не менее года; между тем до выборов оставалось не более нескольких месяцев. А к тому же с весны 1906 г. я состоял под судом по обвинению в тяжком преступлении, влекущем за собой лишение прав состояния, а с осени надо мной уже тяготел приговор¹²⁵⁵, лишавший избирательных прав навсегда, не восстанавливаемых даже помилованием¹²⁵⁶.

Очень скоро попали под суд и тоже потеряли избирательные права названные выше лидеры партии народных социали-

1255 17 августа 1906 г. особое присутствие судебной палаты приговорило В. В. Водовозова к заключению в крепости на один год с воспрещением «принимать на себя в течение пяти лет звание редактора или издателя какого бы то ни было повременного издания» (Дело В. В. Водовозова в С.-Петербургской судебной палате по обвинению в девяти литературных преступлениях, совершенных им в качестве редактора «Нашей жизни», «Сборника программ политических партий в России» и др. С. 56).

1256 11 января 1907 г. губернская по выборам в Государственную думу комиссия отклонила жалобу В. В. Водовозова, который указывал, что приговорен к тюремному заключению «по статье закона, не лишавшей обвиняемого избирательных прав», и просил включить его в списки избирателей Петербурга. Но комиссия «не признала возможным руководствоваться в данном случае приговором суда, ссылаясь на то, что в момент составления списков г. Водовозов привлекался к ответственности по такой статье закона, которая угрожала обвиняемому лишением всех прав» (К выборам в государственную думу // Речь. 1907. № 12. 9 янв.). Сенат также 26 января отклонил жалобу Водовозова относительно исключения его из списка выборщиков, пояснив, что «изъятию из избирательных списков подлежат все лица, признанные виновными в деяниях, влекущих за собой лишение прав, независимо от степени наказания, примененного судебной инстанцией в каждом отдельном случае» (К выборам в государственную думу // Товарищ. 1907. № 177. 28 янв.).

стов. Не имел ценза и Милюков.

Благодаря недостаточной бдительности полиции раза два, однако, я проникал на избирательные собрания¹²⁵⁷, а на общих митингах участвовал и по праву.

Ход выборов, агитация, настроения на митингах и избирательных собраниях были гораздо спокойнее, чем в предыдущем году. Но полиция была гораздо придирчивее, чем

1257 В отчете о предвыборном собрании, устроенном Партией мирного обновления в помещении Вольного экономического общества 5 января 1907 г., сообщалось: «...когда <...> на трибуне появился В. В. Водовозов и во вступлении к своей речи коснулся положения страны и “победы конституционного нашего правительства, залившего страну кровью и покрывшего ее бесконечным рядом виселиц”, поднялся какой-то штатский господин и, отрекомендовавшись чиновником особых поручений при градоначальнике, потребовал от председателя прекращения этой речи, как “не касающейся разрешенной темы...” В. В. Водовозов заявляет, что подчиняется этому требованию, хотя находит его совершенно произвольным, и переходит к разбору деятельности партии мирного обновления. Деятельность эту оратор намерен иллюстрировать тактикой некоторых из лидеров партии мирного обновления в первой государственной думе. “Когда в Первой государственной думе, – начал г. Водовозов, – заговорили о какой-то телеграмме, полученной из одной деревни и сообщавшей о действии присланных туда казаков...” На этих словах оратор вновь был прерван тем же штатским, заявившим, что он не позволит на настоящем собрании касаться деятельности первой государственной думы и заседавших в ней партий. В противном случае он вынужден будет закрыть собрание. В. В. Водовозов недоуменно спрашивает: “Неужели и об этом нельзя говорить?” – и под оглушительными аплодисментами всей залы оставляет кафедру. Слово предоставляется следующему оратору. Но не успел еще последний занять место у кафедры, как показавшийся тут же полицейский офицер заявил, что он закрывает собрание и просит публику оставить зал» («Свобода собраний» // Речь. 1907. № 5. 6 янв.).

раньше, и потому процент закрытых собраний был, вероятно, не меньше. Один не лишенный своеобразного остроумия прием их закрытия полиция выдумала теперь впервые. Состоял он в следующем.

Однажды я почувствовал во время митинга, что пристав пропустил один или два удобных предлога для закрытия митинга, что вообще он настроен как-то благодушно и все время ухмыляется. Меня это немного удивило. И вот ровно в 12 часов ночи он поднялся и заявил:

– 12 часов ночи. Объявляю собрание закрытым. Собрание разрешено только на такое-то число, – то есть на этот день, когда оно открылось, а с наступлением полночи начался новый день.

По-видимому, изобретение приема принадлежало именно этому приставу, и он был снисходителен, чтобы иметь возможность пустить его в ход. Но вслед за тем прием – не знаю, по особому ли предписанию свыше или по молчаливому соглашению всех, – стал общепринятым, и все собрания обязательно закрывались в 12 часов, что особенно было удобно для правительственных целей, когда оно вследствие придинок полиции открывалось в 10.

Резкое отличие этой второй кампании от первой состояло в том, что она была гораздо содержательнее. Тогда ее предмет был один вопрос: выбирать или бойкотировать. Теперь на очереди стояли программы различных партий во всем разнообразии их содержания. Теперь серьезно и разносторонне оценивался столыпинский закон о землеустройстве и другие законодательные вопросы. Прежде боролись только два течения, каждое из которых объединилось на одном случайном тактическом решении. Теперь боролись различные партии друг против друга, и предметом обсуждения была вся государственная жизнь. Таким образом, проходимый народом курс политического обучения был шире и серьезнее, но, к несчастью, число школьных часов и слушателей оказывалось гораздо меньше, и притом по двум совпадавшим причинам: боль-

шей придирчивости полиции¹²⁵⁸ и меньшего интереса народа.

Кроме вопросов теоретических по временам всплывали и вопросы партийно-практические.

В Петербурге на предыдущих выборах полную победу одержали кадеты. Все 160 выборщиков от городской курии были избраны по списку кадетской партии, и только выборщиками от рабочей курии (их было что-то около 12) оказались, вследствие бойкота социал-демократов, представители рабочей – монархической – партии (ушаковцы). Кадетские выборщики имели и полное моральное право, и полную практическую возможность игнорировать их, и потому все 6 депутатов

1258 Например, 27 декабря 1906 г. в Военно-педагогическом музее в Соляном городке состоялся митинг с участием порядка 800 человек, на котором выступили П. Н. Милюков, Ф. И. Родичев, П. Б. Струве, Н. А. Гредескул, В. С. Войтинский, Н. В. Крыленко, В. А. Мякотин, В. В. Водовозов и др. (см.: Водовозов В. К митингу к.-д. 27 декабря // Товарищ. 1906. № 151. 29 дек.; см. также: Избирательное собрание в Соляном городке // Там же. № 150. 28 дек.; Кадетский митинг // Речь. 1906. № 88. 29 дек.; Идеи и настроение // Там же. № 256. 31 дек.). В тот же день начальник столичной охранки полковник А. В. Герасимов уведомил Департамент полиции, что речи Водовозова и Мякотина, которые на избирательном собрании кадетов призывали выбирать в думу «представителей партий, стоящих левее, и вообще не слагать оружия до тех пор, пока народ не добьется полной свободы, хотя бы эта победа стоила очень и очень больших жертв», были настолько «страстны и зажигательны, что даже присутствовавшие октябристы аплодировали». Вызванные 5 февраля 1907 г. на допрос в Петербургское жандармское управление, Водовозов и Мякотин были уведомлены, что «за произнесение речей, возбуждающих к ниспровержению существующего в государстве общественного строя» привлечены к дознанию в качестве обвиняемых, которое, впрочем, 12 марта было прекращено (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 204. 7 д-во. 1907. Д. 554. Л. 1–7; К выборам в государственную думу // Товарищ. 1907. № 184. 6 февр.).

от Петербурга были кадеты.

Теперь дело обстояло несколько иначе. В прошлом году блестящая победа кадетов по городской курии объяснялась бойкотом со стороны социалистических партий; у них просто не было соперников, так как октябристы и правые таковыми считаться не могли. Положение этих последних и теперь не стало лучшим; по-прежнему они не решались ни устраивать своих собраний, ни выступать на чужих. Но слева явились серьезные противники: все три партии – социал-демократы, социалисты-революционеры и Трудовая группа – в коалиции с народными социалистами выставили свои списки, и было совершенно неизвестно, за кого выскажется избиратель. Явился и один неожиданный, внепартийный, но все же серьезный кандидат – священник Григорий Петров. Кадеты на победу надеялись, но полной уверенности в успехе у них быть не могло; к тому же им хотелось чувствовать под собой опору всего петербургского населения. Поэтому у них была некоторая склонность к коалициям и соглашениям.

Они начали с того, что совершенно без переговоров с кем бы то ни было, вполне по собственной инициативе заявили, что одно депутатское место из 6 по городу Петербургу они уступают рабочей курии¹²⁵⁹. Имея в коллегии выборщиков (или рассчитывая на) 160 мест из общего числа 170 с чем-то, они, конечно, не были обязаны делиться депутатскими местами ни с кем; поэтому такое заявление производило сильное впечатление как добровольный акт, свидетельствовавший о верности принципу всеобщего голосования. Конечно, с социал-демократической стороны раздалось утверждение, что если бы кадеты

1259 См.: «Партией народной свободы выставляются кандидатами в Государственную думу от г. С.-Петербурга: I. Пять лиц из следующих шести (порядок алфавитный): Гессен И. В., Ковалевский М. М., Кутлер Н. Н., отец Григорий Петров, Родичев Ф. И., Струве П. Б. II. Один рабочий, по указанию выборщиков рабочих» (Речь. 1907. № 26. 1 февр.).

были действительно верны принципу всеобщего голосования, то они должны были бы уступить социал-демократам не одно, а чуть ли не все 6 мест. Само собой разумеется также, что в этом смысле верными принципу всеобщности сами социал-демократы нигде и никогда не были, никогда не отказываясь от какого-либо преимущества, создававшегося случаем в их пользу; в частности, они не оказались верными ему во время выборов в Петербурге во 2-ю Думу, когда в рабочей курии голоса разделились почти поровну между социал-демократами и социалистами-революционерами и социал-демократы, пользуясь некоторыми преимуществами своего положения, не пропустили в коллегия выборщиков ни одного социалиста-революционера.

Далее кадеты предложили баллотироваться по их списку Григорию Петрову. Это был акт совершенно другого политического значения. Григорий Петров был превосходный народный оратор, очень популярный в мелкой петербургской буржуазии. Но как политический мыслитель он был путаная голова без определенной программы, в которой клочки христианского социализма, политического радикализма и национализма переплетались и образовали значительный сумбур. Ни к кадетской, ни к какой другой партии он не принадлежал.

Я был довольно хорошо знаком с ним и нередко вел с ним беседы на политические темы. Однажды на мой вопрос: «Какое веруеши?» он ответил таким образом (разговор происходил около времени принятия им кадетской кандидатуры):

– Я, собственно, анархист. Но к анархизму нужно идти через социализм. Так как, однако, в настоящее время все практические требования социалистов неосуществимы, то я подерживаю кадетов.

Очевидно, что эту линию уступок можно было бы продолжить примерно так: «А так как требования кадетов при нынешнем, все еще очень сильном правительстве являются утопическими, то я готов быть сторонником октябристов. Но и октябристы...»

И можно было бы понемногу дойти до Союза русского народа. Очевидно, что такой человек может иметь значение в качестве митингового оратора, поскольку он критикует действия правительства (в некоторых случаях он действительно бывал незаменим), но в законодательном учреждении ему не место, и, во всяком случае, не серьезной партии проводить его кандидатуру. А если кадеты это сделали, то вряд ли можно сомневаться, что мотивом послужила погоня за голосами политически малоразвитой массы посредством коалиции с совершенно чуждым им и опасным деятелем. В Думе Петров оказался молчаливым депутатом; кажется, он не сказал в пленарных заседаниях ни одного слова.

И вот ввиду этих фактов я предложил в Трудовой группе: предложить всем партиям, от кадетов до социалистов, общее соглашение. Лично я, оценивая шансы партий, готов был удовлетвориться для всех левых двумя кандидатурами, т. е. чтобы одна была дана социал-демократам как имеющим в своих руках рабочую курию, а другая – какому-либо лицу, на котором могли бы согласиться все народнические партии; четыре же места предоставлены кадетам. В Трудовой группе мое предложение было встречено сочувственно, но разговаривать на эту тему с партийными организациями социалистов-революционеров и социал-демократов было невозможно. Если иногда они и готовы были согласиться на мое предложение в принципе, то с тем, чтобы левым дали 5 или по крайней мере 4 места, причем они основывали это на своем – конечно, очень наивном – учете борющихся сил. От партийных комитетов я перенес вопрос на один митинг, действуя по принципу: *flectere si nequeo superos, Acheronta movebo*¹²⁶⁰ (разумея под *superos* партийных вождей, а под Ахероном – избирательские массы), но потерпел полное поражение. На митинге, где, конечно, тоже

1260 «Если небесных богов не склоню – Ахерон всколыхну я» (лат.; Вергилий. Энеида. VII, 312), т. е. приведу в движение подземные силы; Ахерон – мифическая река в подземном царстве.

выступали партийные ораторы и в числе социал-демократов – упомянутый мною выше Товарищ Николай, было решено подавляющим большинством голосов предложить коалицию кадетам, потребовав от них 5 мест¹²⁶¹.

Само собой разумеется, что идти с подобным предложением к кадетам было немыслимо. Само собой разумеется также, что на выборах кадетский список прошел целиком абсолютным большинством, а все левые партии вместе получили хотя и довольно заметное, но все-таки только меньшинство голосов.

Из митингов этого времени, кроме описанного сейчас, у меня остался в памяти митинг в громадном зале Калашниковской биржи (где-то за Николаевским вокзалом), вмещавшем

1261 4 января 1907 г. В. В. Водовозов, говоря о соглашении на предвыборном собрании в театре Неметти, выражал недовольство тем, что кадеты уступают рабочей курии и левому блоку «лишь два места», возлагая на них ответственность за возможное прохождение в думу «черносотенцев» (Собрание к.-д. // Речь. 1907. № 5. 6 янв.). На другом собрании, состоявшемся в Соляном городке 6 января, Водовозов объяснял, что задача Трудовой группы «главным образом объединительная», но это ей удалось только отчасти: «Состоялось соглашение между трудовиками, народными социалистами и социалистами-революционерами. Не удалось только пока привлечь две главные партии: кадетов и социал-демократов. Первые упорно отказываются от соглашения, не желая уступить левому блоку более 2 мест, а с.-д. надеются провести борьбу самостоятельно. Трудовики требуют, чтобы кадеты уступили 1 место рабочим, 1 – с.-д. и 1 – левому блоку» (Предвыборные собрания // Там же. № 7. 9 янв.). Об этом же Водовозов говорил на собрании беспартийных избирателей 11 января в доме трудолюбия на Никольской площади, требуя немедленного, определенного и точного ответа, быть ли соглашению или нет, и большинство голосов было отдано за соглашение с уступкой кадетам двух мест (Предвыборные собрания // Там же. № 10. 13 янв.).

несколько тысяч человек, и остался в памяти благодаря той роли, которую сыграл на нем Родичев.

Один социал-демократ (если не ошибаюсь, это был молодой тогда Войтинский, ныне находящийся в эмиграции), человек безусловно талантливый, очень ехидно напомнил прошлогоднее пророчество Родичева о том, что в пропасть свалится тот безумец, который разгонит Думу.

– Между тем, – говорил Войтинский, – разогнал Думу не безумец, а человек несомненно умный, и в пропасть он не свалился.

– Зато он свалился... в грязь! – была реплика со стороны Родичева.

Слово «грязь» было произнесено с особенной экспрессией, искусно усиленной предшествовавшей паузой. Гром аплодисментов приветствовал эту «грязь». А между тем ведь она не была ни возражением по существу, ни добросовестным признанием ошибки (ошибки в очень важном прогнозе, на котором строилась вся тактика), а была чисто словесным спасением от серьезного спора в подворотню. К сожалению, такими фразами всегда можно вызвать аплодисменты.

– Я думаю, что история не подпишет того патента на ум, который один из предыдущих ораторов выдал Столыпину, – сказал П. Б. Струве, тоже участвовавший в этом митинге¹²⁶².

1262 Неточность: имеется в виду предвыборное собрание не в Калашниковской бирже, а в Соляном городке 27 декабря 1906 г., где В. С. Войтинский, не видевший смысла в «парламентской борьбе», которая, мол, «ни к чему не ведет», заявил, что «дума отточила секиру палача, и тот, кто разогнал думу, не безумец, а умный человек». На это П. Б. Струве ответил, что, по его мнению, «ни один сознательный человек в России не подпишет г. Столыпину диплома, свидетельствующего о его уме, о котором говорил г. Войтинский», а слова «секира палача» есть «прямое оскорбление первому русскому парламенту». Ф. И. Родичев, отвечая на «упрек, который непрестанно ему бросают крайние

Эта фраза тоже осталась не без шумных аплодисментов. Она любопытна для сравнения с теми восторженными отзывами, которые потом давал Струве тому же Столыпину¹²⁶³.

Если судить по настроению, господствовавшему на ми-

левые за сказанные им в прошлом году слова, что не будет безумца, который посмеет разогнать думу», заявил: «Да, я говорил: только слепое безумие может посягнуть на думу. Тот, кто это сделает, будет низвергнут в бездну. Относительно безумия – П. Б. Струве уже дал ответ. Я отвечу еще. – Да, я ошибся: министерство роспуска свалилось не в бездну, а в грязь» (Собрание к.-д. // Речь. 1906. № 254. 29 дек.). Неделий позже на очередной упрек В. А. Мякотина, что заверения Ф. И. Родичева, «столь часто повторявшиеся: “клянусь, думу не разгонят!”», были только словами», П. Н. Милюков возразил: «Родичев, если правильно понимать его слова, говорил лишь о том глубоком негодовании, которое охватит народ при разгоне думы. Волны негодования действительно поднялись, но они быстро и упали...» (Собрание к.-д. // Речь. 1907. № 6. 7 янв.). Сам Родичев, выступая 11 января на собрании октябристов в Калашниковской бирже, говорил, что со всех сторон от него требуют ответа за его слова: «Я сказал тогда: “Только слепое безумие может посягнуть на думу. Как нельзя сломать иконостас Казанского собора, хотя для этого немного надо силы, так и думу разогнать нельзя”. – “А дума разогнана”, – злорадствуют справа и слева. На это я отвечу: “Иды Марта еще не миновали”, или напомним слова Бориса Годунова Ивану Грозному: “Еще Кириллин день не миновал”. Вы, избиратели, решите этот вопрос, и я стою перед вами, как истец, и жду вашего решения. Оно будет то, которое я предсказал своим голосованием. Вы покажете, что думу разогнать нельзя. И та дума, которая соберется 20 февраля, будет думой, распущенной 9 июля, без тех или иных лиц, но – та же дума народной свободы» (Предвыборные собрания // Там же. № 13. 10 янв.).

1263 Статью «Великая Россия» П. Б. Струве начинает с фразы П. А. Столыпина: «Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия» (Русская мысль. 1908. № 1. Паг. 2. С. 143).

тингах, то полная победа левых над кадетами была неизбежна. На всех митингах, за немногими исключениями, торжествовали левые¹²⁶⁴. А выборы дали (по городской курии) безусловное торжество кадетам. Чем это объясняется?

В применении к выборам во 2-ю Думу это объясняется прежде всего тем, что, несмотря на все полицейские меры, главный контингент посетителей митингов составили не избиратели, а люди, либо вовсе лишенные избирательных прав, либо имевшие их по рабочей курии (которая и выбрала социал-демократов).

Далее, и на этот раз не только в применении к нашим выборам, а и в применении к большей части выборов в больших городах Западной Европы, – на митинги ходят по преимуществу левые. Еще в мою поездку в Германию в 1893 г. во время выборов в рейхстаг один свободомыслящий говорил мне:

– Вы не смотрите на шумный успех социал-демократов на митингах. Он еще не говорит об их предстоящем успехе на выборах; его может и не быть. Зачем буржуазии идти на митинги? Только чтобы агитировать, но не для того, чтобы учиться; для учения она имеет университеты, книги, газеты. Она и не

1264 См.: «3 февраля я был на митинге, устроенном кадетами в Народном доме Паниной. Против кадетов говорили Мякотин и я. Против нас выступил с речью П. Н. Милюков, очень резко. Публика, которая не забыла Милюкова с его “красной тряпкой”, встретила его раздраженно. После первых решительных нападений на нас Милюкова значительная часть публики (известно, что на митингах, устраиваемых кадетами, три четверти публики оказывается им враждебной) начала шикать, потом свистать. Сначала это были только знаки несочувствия и неодобрения, но скоро к ним присоединились громкие крики: “Долой, довольно”. Защитники Милюкова отвечали громкими аплодисментами, и борьба между двумя составными частями публики приняла характер, при котором митинг не мог продолжаться» (Водовозов В. Митинги и страсти // Товарищ. 1907. № 185. 7 февр.).

идет на митинги. А для рабочего они школа, и он очень дорожит ею.

Как я уже сказал, на выборах в Петербурге по городской курии победили кадеты. Они провели всех 160 выборщиков. В рабочей курии были большие нелады, и в уполномоченные прошло почти поровну социалистов-революционеров и эсдеков, что очень обескуражило и изумило этих последних. Но при избрании выборщиков социал-демократы не дали ни одного места социалистам-революционерам.

На общегородском собрании выборщиков обеих курий И. В. Гессен от имени 160 кадетских выборщиков обратился к выборщикам рабочих:

– Наша партия обещала дать одно место представителю рабочей курии. Кого желает она?

– Мы не хотим разговаривать с буржуазией, – ответил Алексинский от имени рабочих.

Ответ был груб... и глуп. Мне кажется, что если бы кадеты, воспользовавшись этой грубостью, отказались от своего обещания, мотивировав тем, что они не знают, за кого голосовать, то трудно было бы их обвинять. Тем не менее они не пожелали сделать этого и выбрали этого самого Алексинского.

Другие их избранные были: И. В. Гессен, Родичев, Кутлер, П. В. Струве, Гр. Петров.

Кстати, об этом Алексинском. Я его немного знал. Года за три до Думы он был у меня в Киеве с теплым рекомендательным письмом от Дмитрия Ивановича Шаховского¹²⁶⁵. А теперь

1265 Осенью 1903 г. Г. А. Алексинский из Хотина Бессарабской губернии писал В. В. Водовозову: «Милостивый государь Василий Васильевич! Может быть, Вы не забыли, как я был у Вас в январе этого года с запиской от Дмитрия Ив. Шаховского. Я в течение нескольких лет, живя в Ярославле, работал в “Северном крае”, но теперь мне вследствие семейных причин приходится жить на юге. Не поможете ли Вы мне получить работу в новой

он не хотел разговаривать с буржуазией! Мне он не понравился, и мы с ним не сошлись сколько-нибудь близко. Впоследствии, в эмиграции, Алексинский сделал новый вольт, на этот раз направо, и в настоящее время числится чуть ли не в монархистах.

киевской газете, которую, как я слышал и читал в “Русских ведомостях”, будут издавать братья Александровские. Мой образовательный ценз – семь семестров историко-филологического факультета (Московского университета) по историческому отделению. В начале 8-го семестра (за 2 месяца до государственных экзаменов (в феврале 1902 г.)) был арестован и уволен, до конца июля этого года лишен был столиц. Теперь срок ограничения кончился. Литературная практика: 3–4 года работы в “Северном крае”, где был членом редакционного совещания и заведовал поочередно иностранными известиями (знаю французский, немецкий, польский и немного новогреческий языки), затем вел обзор печати и внутренние известия. Писал передовицы по иностранной политике два раза в неделю. Кроме заведывания отделом иностранных известий и обзора печати, писал фельетоны на местные и общие темы, под псевдонимом Чужестранец, и литературно-исторические и критические фельетоны (последний из них о Помяловском – в начале октября). Одну зиму (1901 г.) работал в Москве, в “Курьере”, – перестал из-за ареста. В “Курьере” писал фельетоны по очередным вопросам. Теперь работаю в “Северном крае” (посылаю статьи) и веду журнальное обозрение в “Южном курьере” (молодая газета в Керчи). Года два тому назад напечатал статью о Щапове в “Русской мысли”. Знаком и с технической стороной газетного дела, так как приходилось выпускать “номера” в “Северном крае”. Кроме Дим. Ив. и других членов редакции “Северного края”, отзыв обо мне может дать Евг. Ник. Чириков. Вы меня простите, что я так прямо обращаюсь к Вам с просьбой этой, но когда я уезжал из Ярославля, Дим. Ив. рекомендовал мне Вас как хорошего человека, с которым можно говорить откровенно» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2009. Л. 5–7).

**Глава VI. 2-я Дума. – Партии в ней, в частности
Трудовая группа. – Караваев, Березин. –
Аграрный вопрос. – Законопроекты о смертной
казни и амнистии. – Священник Тихвинский.
Его расстрижение. – Роспуск 2-й Думы**

20 февраля 1907 г. собралась 2-я Дума. Меры, принятые властью для искажения избирательного закона и для стеснения избирательной агитации, дали лишь ничтожные результаты: Дума осталась, с правительственной точки зрения, левой (то есть при причислении к левым и кадетов). Правда, в ней появился правый сектор (октябристы и правые), которого в 1-й Думе не было, но он был ничтожен численно, лишен сколько-нибудь крупных талантов и имел очень мало значения (разве для скандалов). Один Пуришкевич обращал на себя внимание если не талантом, то крикливостью, грубостью и непристойностью.

В противоположность 1-й Думе 2-я была строго партийной. В ней были кадеты, всего 91 человек, по-прежнему составлявшие главное руководящее ядро Думы; свыше 100 человек трудовиков, около 60 социал-демократов (Алексинский, Церетели) и по несколько десятков народных социалистов и эсеров¹²⁶⁶. Среди народных социалистов не было их действительных вождей – Мякотина, Анненского, Пешехонова, так как они находились в состоянии подсудности, и были лишь деятели второстепенные, как Волк-Карачевский, Демьянов, священ-

1266 Неточность: во 2-й Государственной думе распределение депутатов по названным фракциям было следующим: социал-демократическая фракция – 64, группа социалистов-революционеров – 38, народно-социалистическая фракция – 18, Трудовая группа и фракция Крестьянского союза – 78, конституционно-демократическая фракция – 124 (см.: Государственная дума Российской империи. 1906–1917: энциклопедия. С. 109–110).

ник Колокольников¹²⁶⁷. Еще вернее это было относительно эсеров, из которых ни Чернову, ни Савинкову не могло быть места в легальном учреждении все еще самодержавной России, и таковое нашлось только для совершенно бесцветных людей, вроде Ширского, В. Успенского и других. Таким образом, левый сектор был выражен ярче, чем в 1-й Думе. Некоторое правление страны, однако, сказалось, но сказалось не в изменении партийного состава Думы, оно скорее могло бы свидетельствовать о полевении, – а в изменении в сторону большей умеренности и осторожности настроения кадетской партии, по-прежнему задававшей тон в Думе.

Существенной чертой новой Думы было отсутствие в ней всех наиболее видных деятелей первой, лишившихся избирательных прав вследствие их привлечения к суду из-за Выборгского воззвания. У кадетов недоставало Муромцева, князя Шаховского, князя Петра Долгорукова, Набокова, Кокошкина, и только один Родичев был как бы носителем традиций первой Думы. Не было и Герценштейна, который пал кровавой жертвой черносотенной деятельности правительства. Заменявшие их Головин, Гессен И. В. и Гессен Вл. М., князь Павел Долгоруков, С. Н. Булгаков, Н. Кутлер, Пергамент, Кизеветтер, Струве, тем более священник Гр. Петров были в качестве политиков как бы кадетами второго сорта, хотя некоторые из них занимали очень высокое место в науке или адвокатуре; только один Маклаков, вместе с Родичевым, мог стоять на высоте перводумцев, да и он развернулся только в 3-й и 4-й Думах. К тому же именно он был как бы живым воплощением той перемены в настроении партии, о которой я только что сказал. Милюкова по-прежнему не было в кадетских рядах, и он все еще мог действовать только из-за кулис, принимая участие в пар-

1267 Священник К. А. Колокольников входил в конституционно-демократическую фракцию, а его однофамилец В. В. Колокольников, служивший лесным ревизором, – в народно-социалистическую фракцию.

тийных заседаниях кадетов.

Для трудовиков тоже был потерян весь состав первой Думы: одни – потому что поехали в Выборг, другие – потому что не поехали. Первым «разъяснила» прокуратура, вторых не желали избиратели. Не было Аладына, Аникина, Жилкина, Брамсона. Первый мог бы быть избран: Выборгского воззвания он не подписал, но не подписал по случайным причинам, и для его «разъяснения» не было оснований ни с той, ни с другой стороны. Но он разъяснил себя сам, как об этом я уже говорил в предыдущей главе. Аникин тоже не подписал Выборгского воззвания и был даже выбран в выборщики, но «разъяснен» на том основании, что хотя он крестьянин по происхождению, но крестьянского хозяйства не ведет. На место их явились доктор Ал. Л. Караваев, М. Е. Березин, священник Тихвинский, А. А. Булат и некоторые другие.

Из них доктора Караваева я знал в студенческие годы, когда он был врачом среди рабочего населения в пригороде Петербурга по Шлиссельбургскому тракту. Он пользовался самой горячей любовью населения как врач и человек. Потом он был арестован и выслан из места своей деятельности. Работал в частной больнице для крестьян, устроенной помещицей Барановской в своем поместье в Минской губернии недалеко от местечка Лоев. Перед самой Думой он был не то сельским, не то городским врачом в Екатеринославской губернии. В 1908 г. мне случилось проездом через Лоев несколько часов ожидать посланных мне навстречу лошадей. Сидя на завалинке перед избой, я разговорился с местными мужиками. От Думы и земли разговор перешел на Караваева, незадолго перед тем убитого. Когда мужики слышали, что я хорошо его знал, они просили меня рассказать о нем, в частности и в особенности о том, что он делал в Думе. Память о нем в этой местности была самая восторженная.

– Вот кто был доктор так доктор! Все поймет, все объяснит, так что лучше не надо; и какой он был добрый! Целые ночи просиживал у больного ребенка. И никогда не отказывался

ехать к больному, ни днем, ни ночью! И лекарства давал, и деньги давал!

Чувствовалась действительная горячая любовь, приобретенная трудом и самоотвержением.

В своем общественном и политическом мирозерцании Караваев был восьмидесятником, представителем того течения, которое развивалось под влиянием «Отечественных записок» и «Русского богатства», но в момент революции и первых дум он стоял скорее на правом фланге этого течения. Он не был сторонником бойкота в первую Думу и, следовательно, должен был оказаться горячим сторонником Трудовой группы. После разгона 1-й Думы он написал брошюру «Партии и крестьянство в (первой) Государственной думе»¹²⁶⁸, в которой выступил ее апологетом; в Екатеринославской губернии он был одним из ее организаторов; как ее член был избран во 2-ю Думу. Был хорошим знатоком земельного вопроса. Не лишен был самолюбия, которое иногда доводило его до мелких ссор с группой и с отдельными ее членами.

М. Е. Березин был служащим Саратовского земства и также попал в Думу как член группы. Так же и священник Тихвинский, скромный сельский батюшка Вятской губернии, и большинство других. Сравнительно немногие будущие трудовики попали в Думу в качестве беспартийных.

Трудовая группа, так же как и в первой Думе, наняла помещение с большой залой, помнится – на Сергиевской улице, и работала там. Из внедумских трудовиков я был постоянным посетителем и участником ее заседаний. Менее частыми были Аникин (не все время находившийся в Петербурге) и Брамсон. Платным секретарем по-прежнему был Иван Бонч-Осмоловский.

Сочувствие народных масс по-прежнему оставалось на

1268 Львович А. Караваев А. Л. Партии и крестьянство в Государственной думе. Ростов-на-Дону, 1906.

стороне Трудовой группы. Но упадок народного настроения чувствовался ясно. И ходоки, и адреса, и приговоры волостных сходов – все это имелось, но в значительно меньшем числе, чем прежде. А кроме того, и в самой группе не чувствовалось прежнего единодушного подъема; было больше разногласий, споров и даже ссор в самой группе.

Несмотря на то что Трудовая группа была первой по численности партией Думы¹²⁶⁹, как-то само собою вышло, что председателем Думы был избран опять кадет¹²⁷⁰. Трудовики должны были выдвинуть кандидата на пост товарища председателя.

Выбор представлял большие трудности, которых не знали кадеты. Последние имели в своем составе, даже и во второй Думе, большое число людей, известных по деятельности в земстве или городах; почти все они знали друг друга лично по земским съездам, собиравшимся в последние годы. Трудовики же были люди, за пределами своей губернии обыкновенно неизвестные. Если я знал, например, Караваева (и то по очень давним воспоминаниям), то это знакомство было совершенно случайное. Березин и Булат были на том съезде Трудовой группы в Финляндии, о котором я говорил выше, и, следовательно, уже несколько известны, но, во всяком случае, крайне недостаточно. Кого же выбирать? Я посоветовал было Караваева, и это встретило некоторую поддержку, но сам Караваев решительно запротестовал:

– Не могу, не хочу, никогда не был нигде председателем, не умею председательствовать.

Другие предложили Березина. Он согласился, был выдвинут группой и избран Думой. Оказался вполне удовлетворительным товарищем председателя и приобрел значительный

1269 Неточность: во 2-й Государственной думе первой по численности являлась конституционно-демократическая фракция.

1270 Председателем думы был избран Ф. А. Головин.

вес и в президиуме, и в Думе. Другим товарищем председателя был избран беспартийный левый Познанский, иногда тоже появлявшийся в Трудовой группе, но официально к ней не примкнувший. Личность довольно бесцветная и председатель неумелый.

Благодаря наличности крайнего правого и крайнего левого сектора Дума не была столь однородной и единодушной, как первая. Внутренние противоречия в ней были гораздо ярче, и внутренняя борьба, очень слабая в первой Думе, была ожесточеннее. Прежде были: Дума и правительство. Теперь были в Думе: левая, правая и центр. Тем не менее несомненное руководство по-прежнему принадлежало кадетам. Отличие трудовиков от них сказывалось тоже сильнее, чем раньше.

Сказывалось по-прежнему в аграрном вопросе, которому трудовики давали более радикальное решение, чем кадеты, и который по-прежнему занимал очень важное место в прениях Думы. Он же был на очереди в одной частной форме. Столыпинский аграрный закон 9 ноября 1906 г. был внесен в Думу самим правительством, как все законы, проведенные по статье 87 Основных законов во время междудумья¹²⁷¹, и мог быть отменен постановлением одной Думы (помимо Государственного совета). Он был сдан в комиссию и в ней служил предметом

1271 Статья 87 главы девятой новой редакции «Свода Основных государственных законов Российской империи», утвержденной 23 апреля 1906 г., гласила: «Во время прекращения занятий Государственной думы, если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере, которая требует обсуждения в порядке законодательном, Совет министров представляет о ней государю императору непосредственно. <...> Действие такой меры прекращается, если подлежащим министром или главноуправляющим отдельною частью не будет внесен в Государственную думу в течение первых двух месяцев после возобновления занятий Думы соответствующий принятой мере законопроект или его не примут Государственная дума или Государственный совет».

постоянной распри между кадетами и трудовиками: последние хотели его просто отвергнуть, первые же настаивали на принятии, хотя и в радикально переработанном виде, а пока что тормозили. К сожалению, трудовики и левые не проявили достаточной энергии в отстаивании своей точки зрения и позволили похоронить его в комиссии на все время деятельности Думы вплоть до ее роспуска. Потом уже он был принят 3-й Думой и в 1910 г. окончательно стал законом.

Одним из виновников этой оплошности был Караваев, который в нескольких случаях голосовал (в комиссии) за кадетские предложения. В группе появилось недовольство этими голосованиями, и против Караваева обнаружилось какое-то движение. В нем сыграл нехорошую роль Иван Бонч-Осмоловский, который подливал горячего масла в это недовольство. На заседании группы во время прений по этому вопросу Караваев обиделся и заявил о выходе из нее¹²⁷². Я и другие внедумские трудовики употребляли все усилия, чтобы утихомирить страсти, но нам это не удалось, и Караваев подал формальное заявление о выходе из группы. По парламентским обычаям стран с прочным и давним парламентаризмом это должно было повести за собой также сложение депутатских полномочий, но Караваев этого не сделал, и никто не счел нужным напомнить ему об этом парламентском правиле. Неделю через две было принято по моему предложению постановление просить Караваева вернуться в группу, и ссора была ликвидирована.

У нас было постановление внести в Думу законопроекты об отмене смертной казни и об амнистии. Кадеты по каким-то соображениям считали первый из них в тот момент не вполне

1272 14 апреля 1907 г. А. Л. Караваев, порицаемый за то, что вопреки договоренности «левого блока» содействовал избранию кадета Н. Н. Кутлера на место председателя думской аграрной комиссии, подал заявление о своем выходе из фракции (см.: ГАРФ. Ф. 522. Оп. 1. Д. 9. Л. 29).

своевременным, а второй совершенно нежелательным. Тем не менее мы составили первый. Работать над ним не пришлось, так как такой проект был уже принят первой Думой, и мы целиком взяли его себе.

Совершенно неожиданно мы натолкнулись на возражения со стороны партии социалистов-революционеров. Конечно, возражения были не принципиального, а чисто тактического характера. Наш (или, лучше сказать, перводумский) проект был составлен так, как и должен быть составлен проект, целиком и исключительно направленный против смертной казни. Смертная казнь отменяется; для всех преступлений, для которых она назначена действующим законом, заменяется каторжными работами без срока.

К нам на заседание группы пришли два думских социалиста-революционера (к сожалению, забыл их фамилии) и сказали от имени их фракции следующее:

– Если бы Трудовая группа рассчитывала на проведение и вступление в силу закона об отмене смертной казни, то, конечно, с ним нужно было бы очень торопиться. Но ведь для вас, трудовиков, законопроект имеет значение только декларативное или демонстративное; вы так же, как и мы, знаете, что если даже он будет принят Думой, то все-таки либо застрянет в Государственном совете, или не будет утвержден монархом. Поэтому особенно с ним торопиться нечего и лучше позаботиться о том, чтобы он производил как можно больше впечатления. Эсеровская фракция тоже собирается внести законопроект против смертной казни, но хочет построить его иначе. Вместо простой общей замены казни каторжными работами эсеры хотят разработать его детальнее, т. е. пересмотреть все стадии существующих (общих и военных) законов, говорящих о смертной казни, и вместо каждой из них предложить новую. Поэтому они просят трудовиков отложить внесение нашего проекта для согласования с ними.

Я выступил с решительным возражением против этого предложения. Я указывал, что их предложение есть не проект

отмены смертной казни, а проект частичного пересмотра уголовных законов, притом в совершенно недопустимой форме. После него могут оказаться и, наверное, окажутся совершенные несогласованности:

– Вы, например, можете понизить наказание за цареубийство до того, что оно окажется ниже наказания за словесное оскорбление царя. Это будет явная нелепость, которая будет вызывать только насмешки. Мы в настоящее время настаиваем на отмене смертной казни, а не на пересмотре уголовных законов. Практичен или демонстративен наш проект – это не важно. Даже для того, чтобы быть демонстративным, он должен бить ясно в одну точку, а не гоняться сразу за несколькими зайцами.

Пришедшие к нам посланцы эсеровской фракции стояли не на высоте задачи; к этой аргументации, несмотря на всю ее элементарность, они были не подготовлены и не сумели ничего возразить по существу. Они говорили что-то бессвязное о солидарности двух наших партий и ушли очень недовольные нами и мною в особенности.

Законопроект был нами внесен, и затем Дума похоронила его в комиссии.

С амнистией дело было сложнее. В ответном адресе на тронную речь, выработанном в 1-й Думе, было ходатайство перед царем о даровании амнистии политическим преступникам. На ходатайство был грубый отказ.

Теперь я предложил не ходатайствовать перед верховной властью, а самим выработать законопроект. Я мотивировал свое предложение следующим образом.

Ни наши законы, ни наша практика ничего не говорят об амнистии. У нас имеется простое (частное) помилование и «общее помилование», причем и то и другое составляют исключительную прерогативу монарха. Между тем помилование и амнистия далеко не то же самое, и западноевропейские законодательства (французское, бельгийское и др.) различают их очень отчетливо. Помилование делается в частном интересе

милуемого и дается главой государства: монархом или президентом. Амнистия дается в общественном интересе, и потому она проходит не иначе как в законодательном порядке. Поэтому мы не сойдем с легальной почвы, если в умолчании закона об амнистии увидим не запрещение Думе смотреть на него как на законодательный акт, а предложение смотреть на него лишь как на случайный пробел законодательства, который может и должен быть пополнен.

Моя аргументация понравилась в Трудовой группе многим. Но некоторые, например Караваев, отнеслись к ней резко отрицательно, настаивая на том, что общее помилование и есть амнистия. Тем не менее у нас решено было выработать такой законопроект.

Кадеты, узнав об этом, высказались решительно против. Им законопроект об амнистии казался посягательством на прерогативы монарха, а таковых они во 2-й Думе хотели решительно избегать, чтобы не давать лишнего повода к недовольству Думой. Чтобы переубедить нас, они прислали к нам Набокова (не бывшего членом 2-й Думы)¹²⁷³. С этим спорить

1273 На совещании, вспоминал В. В. Водовозов, «г. Набоков, не отрицая шаткости юридического обоснования отрицательного отношения к проекту трудовиков об амнистии, выдвигал политический мотив. Теперь, говорил он, “звездная палата” (то есть придворная клика. – В. Г.) и министерство не в ладах, и это нужно использовать. Проект об амнистии объединит “звездную палату” с Горемыкиным; в этом его страшный дефект. Я же ответил Набокову, что считаю ниже достоинства серьезной партии строить свою политику на внутренних неладах в рядах противников и заменять политическую борьбу политической интригой» (Водовозов В. Еще об амнистии // Товарищ. 1907. № 280. 31 мая; см. также: Еще об амнистии // Речь. 1907. № 125. 30 мая). В ответной реплике В. Д. Набоков возражал: «О “звездной палате”, изобретенной в редакции “Товарища”, я вообще не говорил. Я сказал, что с политической точки зрения внести законопроект об амнистии – значит усилить позицию мини-

было труднее, чем с делегатами эсеровской фракции. Глубокий знаток права, прекрасный оратор, очень умный человек, он умел производить сильное впечатление и очень многих в Трудовой группе переубедил. Тем не менее за выработку такого законопроекта оказалось большинство, но большинство ничтожное. Была составлена комиссия для его выработки; я вошел в эту комиссию, но работать при малом сочувствии группы было трудно, и до разгона Думы мы своего проекта не окончили. Он оказался похороненным даже не в думской, а в партийной комиссии.

По вопросу о необходимости постановки на очередь амнистии трудовики выступили в Думе с несколькими речами. Я помню из них две: Березина и священника Тихвинского. Первая была серьезная речь, хорошо разработанная с юридической стороны и выражавшая взгляды нашей группы. Вторая в некоторых отношениях напоминала прошлогоднюю речь Родичева, т. е. говорила не об амнистии, а о христианском милосердии. Но если родичевская речь оставила впечатление чего-то неуместного, то эта, сказанная оратором в священнической рясе, напротив, была чрезвычайно трогательна.

Незадолго до роспуска Думы митрополит Антоний вызвал к себе нескольких думских священников, принадлежавших к левым партиям, и решительно потребовал от них, чтобы они переменили свои убеждения. Так, по крайней мере, передал нам приказ священник Тихвинский; возможно, в этой передаче есть некоторая неточность, что Антоний требовал выхода из партий (хотя какой смысл для Антония был в формальном выходе, если бы общее направление деятельности священников осталось прежним?); при этом Антоний требовал ответа непременно очень быстрого, «до пятницы», угрожая в против-

стерства, дав ему возможность в борьбе с Думой выступить защитником прерогативы верховной власти» (Набоков В. О «памяти» г. Водовозова // Речь. 1907. № 129. 3 июня).

ном случае расстрижением¹²⁷⁴.

Очень трогателен был рассказ Тихвинского об этом требо-

- 1274 12 мая 1907 г. Синод, отмечая, что некоторые священники, состоящие членами Государственной думы, отсутствовали на ее заседании 7 мая при обсуждении депутатского запроса по поводу заговора на жизнь Николая II, чем «явно уклонились от порицания замыслов цареубийства», и исходя из положения, что «по существу пастырского служения со священным саном неразрывно связано уважение к существующей государственной власти и государственному строю, а тем более уважение и нелицемерная преданность государю императору как помазаннику Божию, на верность которому все священнослужители не только присягают сами, но и обязаны приводить других к присяге», нашел недопустимой принадлежность духовных лиц к «крайним» политическим партиям и поручил митрополиту С.-Петербургскому и Ладожскому Антонию объявить указанным депутатам, что они должны оставить те партии, к которым себя причисляют, о чем сделать публичное заявление, а в случае нежелания исполнить это требование – сложить с себя священный сан как решительно несовместимый с революционными взглядами, причем в случае неповиновения обсуждение их поведения будет передано на усмотрение местных епархиальных начальств, из подчинения коим они, как продолжающие быть священниками, не освобождены и в статусе членов Государственной думы; при этом допускалось участие их во фракциях монархистов, октябристов и беспартийных правых (Постановление Св. синода о депутатах-священниках // Речь. 1907. № 111. 13 мая). 14 мая Антоний вызвал к себе депутатов-священников и, зачитав им указ Синода, предупредил, что если до пятницы, 18 мая, они не дадут удовлетворительного ответа, а формальный выход из фракции при сохранении существующего образа мыслей будет лицемерием и лишь усугубит их вину, то это приведет к лишению их сана (Священники-депутаты // Там же. № 112. 15 мая; см. также: Письма священников митрополиту Антонию // Товарищ. 1907. № 270. 19 мая; Письмо священника Тихвинского митрополиту Антонию // Там же. № 271. 20 мая).

вании, и сам Тихвинский был очень трогателен. Несомненно глубоко верующий человек (чего я бы не сказал о Гр. Петрове), сильно напоминавший священников из лесковских «Соборян», Тихвинский был глубоко потрясен. Расстрижение было для него угрозой очень страшной. И он, чуть не плача, наивно говорил:

– Я всю жизнь составлял свои убеждения. Как же я вдруг их переменю? Да еще – до пятницы.

Нам нужно было решить, как мы будем реагировать на это требование Антония.

– Вот что, господа, – говорил Тихвинский. – Делайте что хотите; решайте как хотите. Мне тяжело это слушать; я лучше уйду. Но только прошу вас об одном: не оскорбляйте церковь. Она не виновата, что делают ее именем отдельные пастыри.

Он поднялся, чтобы уходить.

– Нет, батюшка, – остановил его я. – Я очень прошу вас остаться; мне важно, чтобы вы слышали, что хочу сказать я. Есть две церкви. Одна, которую основал Иисус Христос, сказав Петру: на сем камени созижду церковь мою, и врата адовы не одолеют ее¹²⁷⁵. Эту церковь я глубоко чту и оскорблять ее не могу. Из этой церкви вас изгнать митрополит Антоний не может. Но есть другая церковь; врата адовы уже одолели ее, из нее Антоний может вас выгнать, и эту церковь я не могу не оскорблять¹²⁷⁶.

1275 Строка из Евангелия от Матфея (Мф. 16: 18).

1276 В первоначальной редакции статьи в газете «Столичные отклики», посвященной кончине 2 ноября 1912 г. митрополита Антония, В. В. Водовозов дает более радикальную версию своего ответа Ф. В. Тихвинскому: «Но существует другая церковь, которую врата адовы уже одолели и которая составляет филиальное отделение полицейского участка. Митрополит Антоний принадлежит к этой церкви и только из этой церкви грозит вас выгнать, если вы не перемените, по его приказу, убеждений до пятницы. Я думаю, что он не совсем не прав: в этой церкви есть

Затем я предложил внести по этому поводу запрос, причем предложил и приблизительную редакцию его. Кажется, Тихвинский остался доволен моей речью.

Инцидент сильно затронул и кадетов, тем более что и в их среде были священники, которым грозило расстрижение, и они тоже возмутились наглым требованием Антония. Запрос был внесен¹²⁷⁷, и, конечно, из него ничего не вышло.

Любопытно, что депутат кадетской партии С. Н. Булгаков посмотрел на эту историю совершенно другими глазами. Он поместил в «Речи» статью, в которой доказывал, что хотя Антоний поступил, может быть, и неправильно, но неправильность эту может и должна оценивать только сама церковь. Никакая светская власть, никакое светское учреждение не имеет права вмешиваться во внутреннюю жизнь церкви¹²⁷⁸. Автор

место ему, а вам в самом деле не место» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 1776. Л. 2).

1277 Думский запрос, внесенный за подписью 171 депутата и адресованный председателю Совета министров и обер-прокурору Синода, был принят без прений 15 мая 1907 г., и требование о перемене убеждений расценивалось в нем как «грубое нарушение свободы мнений членов Думы», пользующихся «полной свободой суждений и мнений по делам, подлежащим ведению Думы», и «ст. 8 закона 8 марта 1906 г., карающего за воспрепятствование угрозами или злоупотреблениями власти члену Думы исполнять его обязанности» (Государственная дума // Речь. 1907. № 111. 13 мая).

1278 С. Н. Булгаков писал: «Может быть, <...> духовным лицам совсем не следует давать избирательных прав по закону или избирать их в депутаты, но несомненно, что каждое такое лицо находится под, так сказать, двойной ответственностью: под гражданской как депутат, принимающий обязанности перед своими избирателями, и пред духовной. <...> Вмешательство светской власти в церковный распорядок, давление на церковь, желание присвоить себе права церковной юрисдикции есть застарелое злоупотребление со стороны государства над церко-

этой изумительной статьи, очевидно, забыл, что церковь существует на средства, даваемые государством и собираемые с плательщиков налогов, которые, следовательно, должны платить и не смеют спрашивать, на что идут их деньги. Он забыл и то, что, расстригая священника, Антоний тем самым изгоняет его из Думы и, следовательно, лишает избирателей их избранника без права его переизбрания. Статья эта шла вразрез, конечно, и с убеждениями кадетской партии, поэтому было не вполне понятно, почему «Речь» ее поместила (я не помню, была ли сделана редакционная оговорка о несогласии или нет).

Тихвинский был расстрижен уже после роспуска Думы, и, следовательно, этот акт мог повлиять только на его неизбирательность в следующей. После этого он, в возрасте под 50 лет, по-

вью, и ради достоинства и церкви, и государства путь этот нужно оставить, признав автономию церкви в своих делах. Между тем думский запрос ставит Государственную думу именно на этот путь, заставляет повторить ошибки старого режима». Это происшествие Булгаков считал «глубоко прискорбным», отмечая, что Антоний, угрожая репрессиями священникам-депутатам, «стоит не на почве общеэтических, христианских или даже поместно-церковных воззрений, но на чисто политической почве, на почве даже партийной. Выставляя требование присоединиться к тому, а не иному политическому или социальному мировоззрению, он не может придать им характера церковного, ибо церковь как таковая не имеет определенной, церковной, экономической или политической программы и, оставаясь сама собою, не может ее иметь, владея “царством не от мира сего” и давая место в среде своей сторонникам разных общественных мировоззрений». В заключение Булгаков писал: «Церковная власть или должна была своевременно воспрепятствовать включению духовных лиц в число народных представителей, или же должна признать за ними право и обязанность в своей думской деятельности идти путем своего разума, слушаясь лишь велений своей христианской совести и работая в меру своего понимания» (Булгаков С. Св. синод и Государственная Дума // Речь. 1907. № 114. 17 мая).

ступил на медицинский факультет в Юрьеве¹²⁷⁹. Я в этом горо-

1279 Из Вятки 20 июня 1907 г. Ф. В. Тихвинский написал В. В. Водовозову: «Долго и усердно я обдумывал свое положение и искал достойный выход из затруднения. Наконец, остановился на мысли – поступить для продолжения образования на юридический факультет. Духовную семинарию я окончил со званием студента, т. е. по 1-му разряду, а посему полагаю, что на юридический факультет меня примут без дополнительного экзамена, но так ли это – не уверен, не будете ли любезны, Василий Васильевич, сообщить мне о сем. Средств у меня на год хватит, а дальше Бог да добрые люди не оставят, быть может, найдется для меня стипендия. Лишение священнического сана, а к этому ведет дело наша местная консистория, лишает права проживания в столице, но ныне это право, я думаю, не строго применяется, да и в крайнем случае можно будет перейти в один из провинциальных университетов. Как отнесетесь Вы, Василий Васильевич, к моему желанию, одобрите ли? Я думаю, что моя голова еще не настолько стара, чтобы не осилить юридическую науку (мне 46 лет)» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2502. Л. 5).

Уже 31 июля Водовозов пишет В. И. Вернадскому: «Обращаюсь к тебе с просьбой. Священник Тихвинский (член 2-й Думы), лишенный сана, вздумал поступить в университет. Он выбрал Московский университет и историко-филологический факультет (хотя его тянет на юридический), как наиболее доступный для семинаристов. Но доступ туда все-таки обставлен препятствиями, по крайней мере для людей в его положении: он лишен или будет лишен сана. Я думаю, тебе незачем говорить, что просьба Тихвинского, человека, так жестоко преследуемого судьбой, испытавшего такой тяжелый удар, как лишение сана (он человек искренне и глубоко верующий), и на старости лет задумавшего начать учиться, заслуживает самого глубокого сочувствия. Уверен, что ты не откажешь Тихвинскому в своем деятельном и энергичном содействии, а также дружески примешь его, когда он к тебе явится. Прощение в университет им подано, но без бумаг: бумаги находятся в Синоде, и получить их пока он не мог» (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 353. Л. 9).

Но вятская консистория затянула выдачу необходимых доку-

де несколько раз бывал для чтения лекций и каждый раз посещал его. Он был уже в пиджаке, но эта смена одежды не производила того отталкивающего впечатления, как на Гапоне; Тихвинский оставался очень привлекательной личностью. Его, а еще более его жену очень трогало, что я по-прежнему, игнорируя его пиджак, обращался к нему как к «батюшке». Он признавал, что учиться ему на старости лет трудно, что хорошим врачом не будет, а так себе, захудалым. Потом он получил где-то место врача. Как исполнял эти свои новые обязанности, не знаю. Не знаю и того, жив ли он. Вероятно, нет: ему было бы теперь около 80 лет.

Я не стану говорить о столкновениях трудовиков с кадетами по поводу государственного бюджета и контингента новобранцев, где трудовики вели тактику революционную, а кадеты стремились во что бы то ни стало «беречь Думу», так как эта история хорошо известна и лично я к ней касательства почти не имел. Не имел я касательства и к последнему событию из жизни 2-й Думы: к ответу Думы на правительственное требование о выдаче на суд всей социал-демократической фракции и о разрешении предварительного ареста, кажется, 16 человек из нее¹²⁸⁰.

ментов, и 2 октября Тихвинский сообщил Водовозову, что намерен в декабре подать прошение в Юрьевский университет, ибо «там прием два раза в год». В конце концов он получил медицинское образование, и в последнем из его писем, от 7 августа 1917 г., из Ржева, куда эвакуировали Холмский военный госпиталь, «доктор» Тихвинский от имени уездной земской управы приглашал Водовозова прочесть «несколько лекций по вопросам текущего момента и главным образом об Учредительном собрании» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2502. Л. 1, 3).

1280 1 июня 1907 г. состоялось закрытое заседание 2-й Государственной думы, на котором после краткой речи премьер-министра П. А. Столыпина прокурор столичной судебной палаты в течение полутора часов зачитывал постановление следователя по важнейшим делам при С.-Петербургском окружном суде

Это требование возмутило всех порядочных людей одинаково, и только правые и октябристы были за него. Однако и тут произошли некоторые тактические разногласия. Социал-демократы и социалисты-революционеры требовали отклонения требования начисто, без предварительного комиссионного обсуждения. Правые, напротив, требовали принятия требования, тоже без комиссионного рассмотрения. Кадеты желали соблюдения обычной парламентарной формы и сдали его в комиссию. Трудовики и народные социалисты поддерживали их в этом. Но правительство увидело в этом постановлении (и совершенно основательно) отказ в удовлетворении требования и распустило Думу, дополнив акт о роспуске совершенно противоправным актом отмены избирательного закона 1905 г. и заменив его новым, гораздо худшим – знаменитым законом 3 июня 1907 г. Даже «Новое время» было возмущено и называло этот акт *coup d'état*¹²⁸¹.

Указ о роспуске был опубликован по образцу прошлогоднего: не на думском заседании. В момент его опубликования, вечером 3 июня, в помещении Трудовой группы шло заседание. На этот раз роспуска тревожно ожидали все. На наше заседание явилась полиция, заперла выход и произвела обыск в помещении. Во время обыска, продолжавшегося несколько часов, все были задержаны, потом переписаны, но тотчас же

о привлечении к ответственности по 102-й ст. уголовного уложения всех членов социал-демократической фракции 2-й Государственной думы в составе 55 депутатов, испросив также разрешение на арест 16 из них, по обвинению в том, что «образовали преступное сообщество, которое составило заговор для насильственного ниспровержения посредством народного восстания установленного основными законами образа правления, лишения Государя Императора верховной власти и учреждения демократической республики» (Привлечение социал-демократической фракции // Речь. 1907. № 128. 2 июня).

1281 государственный переворот (фр.).

отпущены¹²⁸².

1282 См.: К роспуску Государственной Думы // Речь. 1907. № 130. 5 июня.

Глава VII. Мои литературные процессы с 1906 по 1912 г. и амнистия 1913 г. – Эпизод из жизни М. Ковалевского

В мае 1906 г., во время сессии 1-й Государственной думы, я был вызван к судебному следователю для допроса в качестве обвиняемого сразу по 9 литературным делам. Поводом для 8 из них послужили различные статьи в «Нашей жизни» за время моего ответственного редакторства в них¹²⁸³, а для одного – мой «Сборник политических программ»¹²⁸⁴.

1283 В четырех обвинительных актах от 10, 12, 24 апреля и 12 мая 1906 г. упоминались статья «События в Харбине» (Народное хозяйство. 1906. № 29. 19 янв.), заметка в разделе «Выборы и партии» с цитированием воззвания Петербургского объединенного комитета РСДРП (Наша жизнь. 1906. № 391. 11 марта), статья «Странички жизни» (Там же. № 402. 24 марта), письмо Александра Микеладзе в «Отделе писем» с редакционной заметкой «Петиция Грузии» (Там же. № 410. 2 апр.), заметка «К разгрому Ксениинского института» (Там же. № 413. 7 апр.), статьи «Об активном выступлении» (Там же. № 414. 8 апр.) и «К съезду социал-демократической партии. Проекты аграрных реформ» (Там же. № 412. 6 апр.). В. В. Водовозову как ответственному редактору газет «Народное хозяйство» и «Наша жизнь» инкриминировалось распространение сочинений, заведомо для него возбуждавших соответственно «к нарушению воинскими чинами обязанностей военной службы», «учинению бунтовщического деяния», «ложных о деятельности должностных лиц Ксениинского института сведений» и «к ниспровержению существующего в государстве общественного строя» (Дело В. В. Водовозова в С.-Петербургской судебной палате по обвинению в девяти литературных преступлениях, совершенных им в качестве редактора «Нашей жизни», «Сборника программ политических партий в России» и др. С. 3–4, 10–22).

1284 Речь идет о третьем выпуске «Сборника программ политических партий в России», изданном в мае 1906 г. как № 3 журнала «Вестник свободы» под редакцией В. В. Водовозова. Поскольку законом о печати от 24 ноября 1905 г. периодическим издани-

Допрос у следователя был, как во всех подобных делах, чисто формальный.

– Состоите ли вы редактором «Нашей жизни»? Издали ли вы этот сборник программ? Признаете ли себя виновным в том, что, имея намерение в более или менее близком будущем ниспровергнуть существующий государственный строй или же дискредитировать правительственную власть, напечатали вот эти статьи, призывающие к ниспровержению власти или распространяющие заведомо ложные сведения о деятельности должностных лиц?

– Да, да, нет, – были неизбежные ответы¹²⁸⁵.

ям была предоставлена относительная свобода, а брошюры по-прежнему оставались под гнетом предварительной цензуры, то многие издатели выпускали их в форме номеров журналов, на которые даже не принимали подписку. Так, в апреле 1906 г. под видом № 1 и 2 «фиктивного» журнала «Вестник свободы» вышли два выпуска брошюры Водовозова «Всеобщее избирательное право и его применение в России». Издание третьего выпуска «Сборника...» с публикацией в нем «Программы партии социалистов-революционеров» и «Постановлений делегатского съезда Крестьянского союза 6–10 ноября 1905 г.» было расценено С.-Петербургской судебной палатой как несколько преступлений: в обвинительном акте от 17 июня 1906 г. Водовозову инкриминировалось распространение «сочинений, заведомо для него возбуждавших к учинению бунтовщического деяния, ниспровержению существующего в государстве общественного строя, неповиновению и противодействию закону и законному распоряжению власти» (Там же. С. 22–26).

1285 Ср.: «22 марта редактор “Народного хозяйства” и “Нашей жизни” В. Водовозов вызывался к судебному следователю для допроса по обвинению в напечатании в названных газетах двух статей. Одна, в № 29 “Народного хозяйства”, представляет перепечатку из газеты “Наш край”, в которой описываются события в Харбине в октябре месяце и между прочим речь полковника Б. к солдатам; в этой речи полковник Б. говорил, что Государь Император Манифестом 17 октября выразил свою волю и

Обвинения и все дело казались мне совершенно несерьезными, и я, поместив в газете заметку о происшествии, почти не думал о предстоявшем мне деле.

Прошло недели 3–4. Я жил в это время на даче в Парголове. Однажды, когда я выходил из дому, направляясь к вокзалу железной дороги, чтобы ехать в город, навстречу мне явился полицейский. Он принес обвинительный акт по 9 делам, список судей и повестку с вызовом в судебную палату и с предложением назвать моих свидетелей и воспользоваться, если желаю, правом отвода определенных лиц из состава суда. Я торопился на поезд, спешно расписался в получении бумаг и поспешил на вокзал.

Только в поезде принялся я за чтение вороха полученных мною бумаг. Обвинительные акты – их было целых 9 – замахивались на меня несколькими страшными статьями Уголовного

что солдаты обязаны повиноваться этой воле, даже если бы какие-либо власти ей противились и давали приказания, явно противные воле Государя; такие приказания не должны быть исполнены. В этом заявлении полковника Б., напечатанном в местной газете и перепечатанном “Народным хозяйством”, прокуратура усмотрела обращенный к войскам призыв к неповиновению законным властям (это – в призыве повиноваться воле Государя) и привлекла за нее Водовозова по 129-й ст., п. 5. Другое обвинение, по п. 1 ст. 129, предъявлено ею за напечатание в № 391 “Нашей жизни” извлечения из обращения комитета с.-д. к рабочим, в котором либеральная буржуазия высмеивается за бумажные протесты против смертной казни и высказывается убеждение, что только борьба народных масс положит конец гнусному издевательствам над народом. В этом предсказании прокуратура узрела призыв к бунту. На допросе Водовозов заявил, что первое обвинение он считает прямо смешным, второе немногим лучше. Обвиняемый оставлен на свободе до судебного разбирательства» (Наша жизнь. 1906. № 401. 23 марта).

уложения, грозившими лишением всех прав состояния и каторжными работами. Тем не менее я прочел их совершенно спокойно. Они не вызвали разговоров в редакции и нисколько не помешали мне работать. Они только несколько удивили нас, сотрудников газеты, необычно быстрым ходом юстиции; о ее скорости мы все были худшего мнения, и последующие стадии моего процесса его оправдали.

Не скажу, что у меня вообще «не дрожали шаги перед дверью тюрьмы»¹²⁸⁶. Нет, таким мужеством я не обладал. И не далее как за 8 или 9 месяцев до того я бежал из России за границу из-за грозившего мне всего только трехмесячного ареста. Но время было слишком богатое событиями, настроение, хотя и павшее сравнительно с предшествовавшим годом, все еще было слишком приподнятое, чтобы мысль останавливалась, – ведь еще не на каторге, а только на предстоявшем процессе. И я даже не подумал тогда о немедленном приглашении адвоката, откладывая это до завтра или послезавтра, и продолжал заниматься своим делом.

Прошло еще несколько дней. Тот же полицейский принес мне повестку, что дело, первоначально назначенное на такое-то (довольно близкое) число, отложено.

Хладнокровное отношение было, таким образом, оправдано.

Жизнь шла своим чередом. Разогнана была Дума, подписано и распространено Выборгское воззвание, отшумели бунты. Наконец, я получил новую повестку с известием, что мое дело или, лучше сказать, мои дела назначены на (кажется) 16 августа¹²⁸⁷; новый список судей и новое предложение предъявить отводы.

1286 Правильно: «У кого не слабели шаги перед дверью тюрьмы и могилы?» – строка из стихотворения Н. А. Некрасова «Не рыдай так безумно над ним...» (1868).

1287 Правильно: 17 августа 1907 г.

Суд в это время ввел обыкновение, являвшееся благовидным обходом закона, ясно требующего предъявления подсудимому списка его судей для права отвода. Вместо этого подсудимому посылался список всего состава судебной палаты, что-то, помнится, около 80 человек, список всех предводителей уездных дворянств Петербургской губернии, всех ее городских голов и волостных старшин, из которых могли быть назначены судьи и сословные представители. Таким способом право отвода делалось неосуществимым или, по крайней мере, сильно затруднялось.

Я зашел к моему старому другу, Александру Сергеевичу Зарудному, и просил его взять на себя мою защиту. Он охотно согласился, но вместе с тем страшно рассердился на меня:

– Как это можно так халатно относиться к своему делу! Ведь ты пропустил срок вызова свидетелей.

Это правда. У меня были два оправдания (перед Зарудным). Первое состояло в том, что я делом совершенно не интересовался. Конечно, профессионального юриста-практика, который в каждом частном деле видит арену борьбы за правовой строй вообще, такое оправдание только возмущало. Другое оправдание состояло в том, что мои дела имели чисто теоретический характер. Каких свидетелей можно звать, чтобы оправдывать напечатание социал-демократической или социал-революционной программы?

Но и тут моя позиция не выдержала строгой критики Зарудного. В числе 9 дел оказалось одно о распространении заведомо ложных сведений о деятельности правительственного учреждения, а именно – педагогического совета Ксениинского института¹²⁸⁸. Обвинительный акт по этому делу сразу остано-

1288 Ксениинский институт – институт благородных девиц для обучения и воспитания дочерей генералов, офицеров и гражданских чиновников, личных и потомственных дворян; был учрежден 25 июля 1894 г. в ознаменование бракосочетания дочери императора Александра III великой княжны Ксении Алексан-

вил на себе внимание Зарудного, который с особенным интересом прочел его и стал допрашивать меня с пристрастием. Я позорно провалился: я ничего по этому делу не знал, ничего не мог сообщить моему сердитому другу и защитнику.

Из всех моих дел мне лично наиболее интересным казалось дело о двух социалистических программах. Их можно и нужно было поставить на принципиальную почву, защищая легальным образом свободу печати в рамках существующего закона. Зарудный не отрицал ни того, что это дело представляет большой теоретический интерес, ни того, что оно грозит мне наиболее серьезными последствиями.

– По всем остальным делам можно было бы добиться оправдания, если бы ты сам не испортил дело, а по этому – вряд ли. Если бы твои дела не были отложены и разбирались во время сессии Думы, то можно поручиться, что ты был бы начисто оправдан. Тогда было несколько подобных литературных процессов, и по всем последовало оправдание. Теперь же настроение суда изменилось, и я думаю, что без года крепости ты не уйдешь. Но все-таки твое поведение в этом деле о Ксенинском институте возмутительно.

Как известно, утерянное право вызова свидетелей может быть *de facto* восстановлено: следует самому привести свидетелей на суд, заявить, что я сам вчера или третьего дня узнал такие-то обстоятельства своего дела, которые делают допрос этих свидетелей важным для моего дела, и просить суд допросить их. Почти всегда суд на это соглашается, хотя в пределах его дискреционной власти¹²⁸⁹ лежит и отказать в этом. Но пользование этой возможностью для подсудимого и его адво-

дровны; открыт 25 марта 1895 г.; находился в ведении Собственной его императорского величества канцелярии по учреждениям императрицы Марии.

1289 Дискреционная власть – право должностного лица или государственного органа действовать по своему усмотрению.

ката всегда представляет некоторые неудобства. Ведь не всякого свидетеля можно привести, иной и заартачится.

Дело о Ксениинском институте состояло в следующем. У нас была помещена заметка, доставленная нашим репортером Кальварским, что начальство этого института подвергло свой институт безжалостной чистке; целый ряд институток был исключен, и даже не исключен, а выгнан по самым ничтожным основаниям. Одна ученица, Худынцева, была исключена за то, что ела в пост колбасу, «демонстративно», как нашло начальство; другие – за столь же ничтожные преступления. Выгоняли прямо на улицу, не давая ни минуты отсрочки, не давая собрать своих вещей, не извещая родителей. Заметка была написана несколько наивным тоном и заканчивалась сантиментальной фразой приблизительно в таком роде: «Жестокосердые педагоги и не подумали о том, каково этим бедным девочкам...» и т. д.¹²⁹⁰

1290 См.: «Расправившись с преподавателями, княгиня Голицына, при благосклонном участии почетного опекуна шталмейстера Трубникова, принялась за воспитанниц, наиболее виновных, по ее мнению, в составлении “дерзких” петиций в октябре прошлого года: истинный педагог не спешит, он тщательно обдумает поход против воспитанниц и обрушится на них, когда они беззащитны и менее всего ожидают удара. В феврале была исключена воспитанница I курса Худынцева за то, что ела колбасу (на первой неделе Великого поста!) в присутствии классной дамы, “демонстративно”, по выражению ее сиятельства. На днях исключены 5 воспитанниц I курса за то, что не желали заниматься с г. Сеньюхаевым (занявшим бойкотируемое место) в сверхурочное время, после всенощной, накануне Благовещения. Заодно со старшей сестрой исключена из младшего класса одна воспитанница. Никакой жалости не чувствуют разбушевавшиеся на просторе сердца сановитых педагогов: воспитанницы изгоняются немедленно на улицу; не дают им возможности ни проститься с подругами, ни подыскать себе приюта для ночлега, ни запастись какими-нибудь средствами (да-

Я уже говорил в одной из предыдущих глав, что фактическим редактором газеты не был и потому в рукописи или корректуре этой заметки не читал вовсе. В день появления я, конечно, ее пробежал, но почти не остановил на ней своего внимания. Перед тем как пошел к Зарудному, я достал старые номера газеты и перечитал те статьи, которые мне инкриминировались; прочел и эту. Меня неприятно поразило ее сентиментальное окончание, и я пожалел, что тогдашний фактический редактор газеты Португалов не вычеркнул его.

Разумеется, Зарудный прочитал в суде «дело» обо мне, и в нем он нашел жалобу начальства института на меня и копию с протокола того заседания педагогического совета, на котором было решено исключение большого числа институток. Действительно, все исключения были мотивированы крайне слабо, и было видно, что они явились не педагогической мерой, а актом политической мести начальства ученицам за либеральный дух, проникший в стены опекаемого им учреждения¹²⁹¹. Один

же без подушек и белья!). Несчастные сироты! Некому за них заступиться!» (Кальварский Е. Д. К разгрому Ксениинского института // Наша жизнь. 1906. № 413. 7 апр.).

- 1291 В заявлении, которое воспитанницы Ксениинского института подали в соединенное бюро союза родителей и педагогов еще в декабре 1905 г., говорилось: «В переживаемое нами время, когда общество, ища свободы и правды, разбирает всевозможные вопросы, освещает все темные уголки, следует обратить особенное внимание на женские институты с их исключительным режимом, который убивает малейшее проявление самостоятельности, мысли и индивидуальности. Мы больше не кисейные барышни, мы сознаем, что учиться и развиваться в таких условиях невозможно, и всеми силами души протестуем против существующего институтского режима, против отживших традиций и рамок, которые нас душат. На основании всего сказанного мы требуем, наравне с нашими товарищами по другим учебным заведениям, автономии, дающей возможность учащимся нормально развиваться, и надеемся, что союзы учите-

из учителей, по фамилии Маштаков, возражая против постановления педагогического совета, кажется, отказался подписать протокол и за это должен был уйти из числа преподавателей¹²⁹². По поводу институтки Худынцевой в протоколе было сказано: «Исключить Худынцеву за то, что демонстративно ела в пост колбасу, и за дерзкий ответ на замечание по этому поводу». Таким образом факт исключения за колбасу был удостоверен официальным документом.

Кальварский сообщил одной знакомой ему даме, Черняковской (или что-то в этом роде)¹²⁹³, матери одной из исключенных институток, о предстоящем процессе, и она сама явилась за несколько дней до процесса к Зарудному с предложением своих свидетельских услуг. Зарудный просил ее явиться на суд и привести кого можно из учениц и учителя Маштакова.

лей и родителей поддержат нас в этом справедливом требовании» (Требования институток // Биржевые ведомости. 1905. № 9110. 16 нояб.). Созванная 18 ноября конференция всего преподавательского и воспитательного персонала профессиональных курсов и общих классов Ксениинского института, посчитав, что «бунт» вызван нервным напряжением и подростковой неуравновешенностью воспитанниц, приняла решение распустить их по домам до 20 января 1906 г. (см.: Лобок Д. В. «Мы не кисейные барышни!» (Ксениинский институт в период первой русской революции 1905–1907 гг.) // Историческая наука и образование: прошлое, настоящее и будущее. Чебоксары, 2019. С. 224–231).

1292 Неточность: 10 декабря 1905 г. в правление Ксениинского института поступили заявления трех преподавателей, в том числе П. Л. Маштакова, о том, что в силу решения «Союза учащихся в кредитных учебных заведениях» они примыкают ко всеобщей политической забастовке и прекращают вести занятия, вследствие чего 12 декабря забастовщики были уволены, а 28 декабря – еще один за проявленную солидарность с сослуживцами (см.: Лобок Д. В. Указ. соч.).

1293 Правильно: М. П. Черниковой.

Как ни напрягаю я свою память, я решительно не могу вспомнить, в чем состояли 7 других моих дел.

Накануне процесса целый вечер я провел у Зарудного в беседе о предстоявшем деле. Зарудный подробно изложил мне весь свой план защиты, выслушал мои замечания и принял их во внимание. Он заставил меня сказать ему всю ту речь, которую я хотел произнести в качестве последнего слова подсудимого, и одобрил ее, соответственно изменив свою защитительную речь. Теперь уже я не относился к предстоявшему процессу с таким безразличием, как раньше; я чувствовал, что если состоится приговор, то его придется отбыть, а мысль о годе крепости безразлична для меня более не была. Тем не менее и теперь еще интерес к делу Зарудного был глубже и сильнее, чем мой, и он меня заражал и заряжал им, а не обратно. Таково было всегдашнее отношение Зарудного ко всем делам, которые он вел, и оно характерно для него как адвоката. Наша беседа затянулась за полночь, и Зарудный не отпустил меня на дачу, но оставил у себя ночевать.

На следующий день в известном здании судебных мест, сожженном в февральскую революцию 1917 г., на Литейном проспекте, в судебной палате с сословными представителями происходил мой процесс. Председателем суда был Булатов, прокурором – Аксаков, если не ошибаюсь – племянник знаменитых К. и И. Аксаковых¹²⁹⁴, которые, как я писал потом в «Нашей жизни», вероятно, переворачивались в гробу, когда их племянник призывал кары на печать. Были стенографисты, посланные «Нашей жизнью». Публики было немного, вероятно, человек 25–30: репортеры разных газет, наша редакция, журналисты.

В качестве свидетелей явилась Черняковская-мать¹²⁹⁵, ее

1294 В. С. Аксаков не был племянником И. С. и К. С. Аксаковых.

1295 В качестве свидетелей на суде выступили М. П. Черникова и Н. А. Бойно-Родзевич (старшая сестра двух воспитанниц – Ксении

дочь, две-три исключенные институтки, в том числе Худынцева; но эта последняя по незнанию села в публице, а так как ни Зарудный, ни я в лицо ее не знали, то и осталась там. Маштаков не явился. Зарудный просил допросить наших свидетелей; прокурор не возражал, и суд согласился. Но когда Зарудный назвал Худынцеву, то оказалось, что она сидит в публице, слышала мотивировку Зарудного и потому в силу довольно нецелесообразного закона (точно адвокат не может внушить свидетелю содержание его показаний вне судебного присутствия) не могла быть допрошена.

Свидетельницы все были в мою пользу; они нарисовали действительно безобразную картину институтских порядков и внезапно, в начале 1906 г., проявившуюся злобность начальства после того, как оно само в течение конца 1905 г. свободно допускало политические разговоры, чуть не митинги. Прокурор во время их показаний вел себя совершенно пассивно, не задав, кажется, ни одного вопроса; напротив, Зарудный очень энергично и очень талантливо ставил вопросы, добываясь от свидетельниц все новых и новых подробностей. Протокол педагогического совета подтверждал мелочность и придирчивость поводов к исключению и факт исключения за колбасу в то время, когда обвинительный акт со слов жалобы, поданной институтским начальством, настаивал на том, что вовсе не за колбасу, а за все ее дерзкое поведение в последние месяцы (о чем в протоколе не было ни одного слова).

Из свидетелей по другим делам Зарудный поставил вопрос Ходскому (вызванному прокуратурой), как относились

и Анны), а также бывший преподаватель русского языка в Ксенинском институте Н. В. Балаев (см.: Дело В. В. Водовозова // Речь. 1906. № 141. 18 авг.; Дело В. В. Водовозова в С.-Петербургской судебной палате по обвинению в девяти литературных преступлениях, совершенных им в качестве редактора «Нашей жизни», «Сборника программ политических партий в России» и др. С. 28–34).

«Наша жизнь» и лично я к вопросу о бойкоте, и Ходский, конечно, дал правильный, достаточно полный ответ¹²⁹⁶.

Прокурор произнес очень краткую, но очень противную речь, в которой говорил о необходимости обуздать зарвавшуюся печать судебными карами. Особенно остановился он на двух социалистических программах, в которых видел подрыв существующего государственного строя, причем, может быть предчувствуя мою аргументацию, заметил, что для их преступности нет надобности в наличии у меня намерения подорвать общественный порядок, а вполне достаточно объективного содержания¹²⁹⁷.

Зарудный произнес обстоятельную, очень хорошую речь по всем 9 делам, хотя, может быть, ее недостатком было чрезмерное выделение дела о Ксениинском институте. Он настаи-

1296 Л. В. Ходский показал, что и в печати, и на митингах В. В. Водовозов «в горячих речах» призывал к выборам и «даже подвергался нападкам со стороны газет, которые, как, например, “Сын Отечества”, принадлежали к партии, бойкотировавшей Думу» (Дело В. В. Водовозова... С. 27–28).

1297 В. С. Аксаков заявил: «Нет сомнения, что во многих из напечатанных подсудимым статей прямого призыва к бунтовщическим действиям не имеется, но чем умнее автор, тем больше он старается высказываться не прямо, а между строк, и несомненно, что в тех статьях, которые инкриминируются Водовозову, такой призыв к бунтовщическим действиям среди строк имеется. Всего яснее они в статье под названием “Программа партии социалистов-революционеров” и особенно в статье под названием “Постановления делегатского съезда всероссийского крестьянского союза”, напечатанных в 3-м номере “Вестника свободы”. Все эти произведения пропитаны духом социализма, все они восстают против существующего государственного и общественного строя, как строя капиталистического и самодержавного, и призывают к его ниспровержению во имя социализма и демократической республики, путь к которой они указывают через учредительное собрание» (Там же. С. 34–35).

вал на праве печати освещать подобные явления, как массовое исключение учениц из учебного заведения. Сравнительно мало коснулся он программ, оставив их защиту на мою последнюю речь.

Прокурор не возражал.

В своем последнем слове я остановился на двух социалистических программах. Я указал, что в моем сборнике собраны социалистические программы вместе с октябристской и так называемыми черносотенными.

– Я не отрицаю и не скрываю, – говорил я, – что у меня есть свои политические убеждения, что из напечатанных мною программ одним я сочувствую, другим сочувствую мало, к третьим отношусь с решительным осуждением. И тем не менее я их в своем сборнике печатаю без единой оговорки.

Если кто-либо заинтересуется вопросом о моих политических убеждениях, ответ на него он должен искать в другом месте, но ни в коем случае не в этом сборнике. Из него вы их не узнаете.

Вы, господа судьи и господа сословные представители, слышали показания Ходского о моем отрицательном отношении к бойкоту Думы. Я мог бы вызвать десятки свидетелей, которые подтвердили бы то же самое, и представить ряд моих статей в защиту участия в выборах в Думу, но я не сделаю этого, чтобы не затруднять вас, уверенный, что вы читали газеты в течение последних месяцев и сами знаете об отношении к этому вопросу редактировавшейся мною «Нашей жизни» и моем.

При этих словах председатель суда Булатов совершенно явственно утвердительно кивнул головой, подтверждая мои слова.

– А теперь посмотрите, что говорится в моем сборнике о бойкоте Думы. Разверните его на такой-то странице и читайте:

«Только враги народа могут идти в такую Думу»¹²⁹⁸. Итак, я – враг народа. Этот эпитет дается мне в сборнике, изданном мною. Поищите, есть ли тут в предисловии или в каком-нибудь примечании оговорка о несогласии с этим местом? Нет, такой оговорки нет нигде. В моем собственном сборнике я заклею-мен названием врага народа¹²⁹⁹. Что же это значит? Это значит одно, что про составителя этого сборника можно сказать с полным правом:

Так дьяк, в приказах поседельй,
Спокойно зрит на правых и виновных,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не ведая ни жалости, ни гнева¹³⁰⁰.

А следовательно, говорить о моих намерениях потрясти общественный порядок напечатанием двух социалистических программ не приходится.

Правда, прокурор сказал в своей речи, что преступного намерения для состава преступления не нужно, что совершенно достаточно объективно преступного содержания произведения, чтобы осудить человека, его напечатавшего. Тут уже я совершенно отказываюсь понимать господина прокурора. Я кончил университетский курс почти двадцать лет назад и с тех пор уголовным правом не занимался. Но я слушал лекции таких прекрасных профессоров, как Фойницкий и Сергеевский, и

1298 Автор неточно цитирует одно из постановлений съезда Крестьянского союза: «Считать врагами народа всех, кто будет принимать участие в выборах в государственную думу» (Там же. С. 46).

1299 В рукописи далее зачеркнуто: «Скажите, многие из вас согласятся распространять произведение, в котором вас клеймят таким эпитетом? Наверное, нет. А я это делаю».

1300 Неточно цитируются слова Григория Отрепьева из трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов».

вынес из их лекций твердое убеждение как в азбучной юридической истине, что преступная воля есть один из безусловно необходимых элементов преступления, что без нее преступления нет и что судебная кара без нее решительно недопустима. Я совершенно уверен, господа судьи, что вы признаете ту юриспруденцию, которой я учился в университете, а не ту, которую пытается создать господин прокурор.

В развитие своей мысли я привел еще один аргумент.

Год тому назад японцы среди населения Приморской области распространяли прокламации, призывавшие население к помощи им, то есть к государственной измене. Распространение подобных прокламаций в прошлом году, особенно на Дальнем Востоке, было бы, без всякого сомнения, тяжким преступлением. А если бы теперь, по окончании войны, кто-нибудь их собрал и выпустил в виде книги, да еще в Петербурге, то неужели можно было бы его за это преследовать? Не то же ли самое делает прокурор, обвиняя за напечатание сборника программ, в котором совершенно равноправными оказываются и программы социалистические, и программа Союза 17 октября, и программа Союза русского народа?¹³⁰¹

1301 Свое «последнее слово» В. В. Водовозов завершил так: «Я – на скамье подсудимых за напечатание постановлений крестьянского союза; между тем все газеты, – “Новое время” и другие, печатали те же постановления, и их редакторы не находятся на скамье подсудимых. (Председатель: Еще раз запрещаю вам касаться посторонних лиц). Хорошо. Повторяю, я глубоко уважаю скамью подсудимых, которую не раз занимали благороднейшие люди человечества и обращали в трибуну для защиты права, и мне стыдно сидеть на ней по тем смехотворным обвинениям, которые уже так полно оценены моим защитником и которые не дают ни повода, ни материала для такой борьбы. Полгода я уже нахожусь под дамокловым мечом вашего приговора; я знаю, что мне грозит тюрьма, крепость, даже лишение прав состояния и ссылка на поселение, но я все время был совершенно спокоен и буду совершенно спокоен, когда моя судьба

Суд удалился на совещание.

Часа через два он вынес вердикт. По 5 делам из 9 – оправдать; по делу Ксениинского института – три месяца тюрьмы, по двум другим делам – тюремное заключение на разные сроки, а за социалистические программы – год крепости. По совокупности – год крепости. Впредь до вступления приговора в законную силу подсудимого оставить на свободе под залог в 1000 рублей.

Через несколько дней, когда приговор был объявлен в окончательной форме¹³⁰², я узнал, что в суде два лица стояли

скроется на полчаса в тайниках вашей совещательной комнаты, и это потому, что, при всем моем уважении к вашему суду, есть еще другой суд, которым я дорожу гораздо больше, – это суд общественного мнения. Его приговор я на этот раз знаю заранее, – он будет за меня. Тем не менее, дорожа достоинством русского суда, прошу вас, оправдайте меня» (Дело В. В. Водовозова в С.-Петербургской судебной палате по обвинению в девяти литературных преступлениях, совершенных им в качестве редактора «Нашей жизни», «Сборника программ политических партий в России» и др. С. 44–51; см. также: Дело В. В. Водовозова // Товарищ. 1906. № 40. 20 авг.).

- 1302 В окончательной форме приговор был объявлен 24 августа (см.: Приговор по делу В. В. Водовозова // Товарищ. 1906. № 44. 25 авг.; см. также: С. И. Судья от гор. Петербурга // Око. 1906. № 11. 18 авг.; Горбатов А. Суды и судьи над печатью // Око. № 15. 23 авг.) и в этой связи отмечались его «логические противоречия». Подсудимый признан виновным за «преступления», совершенные при посредстве газет «Народное хозяйство», «Наша жизнь» и журнала «Вестник свободы», причем за последнее, «самое тяжелое», приговорен к году крепости, а за остальные – к 6 и 3 месяцам тюремного заключения. Хотя его высшее наказание погашает низшее, но «Вестник свободы», за который Водовозов наказан самым суровым образом, «оставлен без всякой кары и по вступлении приговора в законную силу может выходить по-прежнему», а «Наша жизнь» и «Народное хозяйство», за которыми числятся «второстепенные по

за оправдание по всем делам и остались при особом мнении, которое и занесли в протокол; это были председатель суда Булатов и волостной старшина¹³⁰³. Булатов, как было известно и раньше, по всем или почти по всем литературным делам стоял за оправдание. Зарудный узнал из судебных сфер, что особенно горячо за осуждение стоял предводитель дворянства, адмирал – фамилии не помню. У него во время матросского бунта был убит матросами его сын, и всех социалистов и все так или иначе прикосновенное к социализму он считал ответственным за это убийство¹³⁰⁴.

Приговор был неприятен, равнодушен к нему я не был, но бежать за границу хотя бы до фактического внесения залога, а тем более после не думал¹³⁰⁵. В этом ясно сказывается отличие

значению преступления», наказаны «закрытием навсегда» (По поводу процесса В. В. Водовозова // Товарищ. 1906. № 47. 29 авг.).

1303 Имеется в виду член Особого присутствия С.-Петербургской судебной палаты – волостной старшина Новосаратовской волости С.-Петербургского уезда С.-Петербургской губернии Бич.

1304 Речь идет о А. К. Де-Ливроне и его сыне, мичмане Андрее, который не был убит матросами; он, напротив, отказался в 1905 г. участвовать в подавлении Кронштадтского восстания.

1305 Через полторы недели после оглашения приговора Департамент полиции снова напомнил о себе:

«4 сентября, в 9 ч. веч., к литератору В. В. Водовозову на Васильевском острове заявила полиция с целым отрядом городских, сыщиков и проч. Не объясняя повода (если не считать ссылки на немотивированное предписание охранного отделения), произвели обыск, длившийся почти до 1 ч. ночи. Сначала было начали отбирать книги, вроде А. Кауфмана о переселениях, Водовозова о всеобщем избирательном праве, но потом, заметив, что у Водовозова имеется целая библиотека, книги оставили в покое, ограничившись захватом нескольких брошюр, купленных в магазинах, и писем, более или менее невинного свойства. Но обратили особенное внимание на портреты

в настроении от 1905 г.

Я подал кассационную жалобу.

Из нескольких пунктов этой жалобы я теперь помню два. Первый касался вопроса о необходимости «злой воли» для состава преступления. Второй касался вопроса о подсудности по поводу дела о Ксениинском институте. Само по себе это дело подлежит разбору в окружном суде, а не в судебной палате. В палату оно могло бы прийти только по апелляции из окружного суда. Следовательно, для таких дел двоякое рассмотрение в двух инстанциях есть требование закона и для подсудимого это является правом, лишать которого нет законных оснований. Между тем дела более важные, сразу идущие по закону в судебную палату, для которых, следовательно, по закону нет двоякого разбирательства, были в моем случае соединены с этим сравнительно маловажным делом, и оно попало сразу в судебную палату.

Этот мотив заранее надумал Зарудный и при разборе дела в судебной палате потребовал его выделения, но получил от-

писателей и общественных деятелей, изданные В. П. Водовозовой, склад которых находился в той же квартире. Открыли, между прочим, портреты Лопатина, В. Фигнер, Балмашева и т. п. и заявили, что это издания преступные.

– Но все они разрешены, на всех значится цензурное разрешение.

– Ничего не значит. Мало ли что раньше разрешалось. Все подобное конфискуется. Может быть, и цензор, разрешивший это, будет арестован.

– Но это разрешил лично Дурново, до которого доходило дело.

– Ничего не значит. То был Дурново, а теперь – Столыпин, – с чувством глубокого убеждения ответил частный пристав.

Часть склада запечатана впредь до выяснения. Действительный повод к обыску дан, вероятно, состоявшимся в тот же день арестом В. Э. Ваховской, временно гостившей у Водовозова. В ее вещах не найдено ничего» (Товарищ. 1906. № 54. 6 сент.).

каз, что и было записано в протокол. Мне этот мотив казался малоубедительным. Если судебная палата есть высшая инстанция, если все равно дело может быть перенесено в нее как прокурором, так и подсудимым и если решающее значение имеет приговор именно палаты, а не суда, то имеет ли какое-нибудь значение, что дело миновало этот последний?

Но Зарудный очень настаивал на своем. Он созвал совещание адвокатов; некоторые поддерживали мою точку зрения, но прибавили, что включение этого пункта в кассационную жалобу ничему не помешает, – пусть Сенат выскажется; другие, особенно О. О. Грузенберг, горячо соглашались с Зарудным. Жалобу написал Зарудный, но поддерживать ее в Сенате взялся Грузенберг.

К моему удивлению, Сенат отверг все поводы для кассации, казавшиеся мне гораздо более основательными, но именно этот пункт признал. Поэтому он кассировал приговор по делу Ксениинского института, но сохранил в силе остальные приговоры.

В составе отделения Сената, рассматривавшего мою кассационную жалобу, находился между другими сенаторами Фойницкий, про которого давно уже говорили, что в качестве профессора он учит студентов, как следует судить, а в качестве судьи – как не следует¹³⁰⁶. Отказ в признании необходимости

1306 Ср.: «Пишущий эти строки сам был когда-то учеником Фойницкого, хорошо помнит его лекции <...>. Но, к сожалению, он был также подсудимым по литературному делу (по знаменитой статье 129), по которому Фойницкий в качестве сенатора принимал участие в кассационном рассмотрении, и он, к несчастью, решительно не в состоянии свести воедино своих представлений о Фойницком-профессоре и о Фойницком-судье. Фойницкий-профессор был безусловным сторонником свободы печати, а Фойницкий-судья душил печать. Фойницкий-профессор проводил великие начала судебных уставов, и целый ряд поколений русских юристов именно ему обязан

злой воли для состава преступления и в полной кассации моего дела казался мне новым подтверждением этой старой характеристики¹³⁰⁷.

Решение Сената создавало странное положение. Я был

прочным их усвоением, а Фойницкий-судья сам плохо их усвоил и соглашался своим высокоавторитетным именем покрывать ту казуистику, которою сенат снискал себе столь печальную славу» (Водовозов В. Иван Яковлевич Фойницкий. 1847–1913 // Современник. 1913. Кн. 10. С. 307–315).

- 1307 В кассационной жалобе, которая слушалась 6 октября 1906 г. во 2-м отделении уголовного кассационного департамента Сената, В. В. Водовозов доказывал, что вопросы были поставлены судом неправильно, а при отсутствии мотивировки это лишает возможности ориентироваться в конкретности приписываемых ему приговором деяний. Суд также превысил свои полномочия, обвинив газету «Наша жизнь» за «вредное направление», которое ей не инкриминировалось ни обвинительными актами, ни прокурором и не служило предметом следствия. Водовозов также указал на «неправильный состав суда», ибо в числе словесных представителей вместо столичного городского головы заседал член управы О. Ф. Оношкович-Яцына, состоящий пятым по старшинству в ряду ее членов, и в деле нет оправдательных документов, объясняющих это замещение. Поскольку сенатор И. Я. Фойницкий поддержал кассатора в отношении того, что по трем обвинениям «действительно не указаны конкретные признаки преступления», резолютивная часть принятого решения гласила: «Обжалованный приговор С.-Петербургской судебной палаты за нарушением ст. 751 и 760 устава уголовного судопроизводства в части, касающейся обвинения Водовозова в распространении трех статей – “События в Харбине”, “Странички жизни” и “К разгрому Ксениинского института”, – отменить и дело для нового рассмотрения в другом составе присутствия возратить в ту же судебную палату. В прочих же частях жалобу Водовозова оставить без последствий» (Дело «Нашей жизни» в Сенате // Товарищ. 1906. № 81. 7 окт.; см. там же: Д. Д. Станный приговор).

приговорен по одному делу к одному году крепости. Приговор по этому делу вступил в законную силу. По другому делу я приговорен к трем месяцам крепости, и этот приговор кассирован. Но он не имеет влияния на совокупность: буду ли я по нему оправдан или вновь приговорен к тому же наказанию, надо мной висит год крепости, который и в том, и в другом случае неизменно останется годом крепости. Спрашивается: следует ли немедленно привести в исполнение этот приговор или суд обязан его отложить?

Из адвокатов один Н. Д. Соколов высказал мнение, что приговор будет отложен. Зарудный, Грузенберг, Андроников, еще несколько других думали, что приговор будет приведен в исполнение немедленно. Так же думал и я и готовился к переселению в крепость. Время шло, а меня в крепость не тащили. Палата, получив сенатское решение, приговора в исполнение не привела. Как она мотивировала это решение и мотивировала ли или даже не обсуждала этого вопроса, а просто просмотрела возможность посадить меня в крепость, – я не знаю.

В то же время случилось одно событие, важное для хода моего процесса. Кальварский, обиженный приговором по делу Ксениинского института, подал так называемую «явку с повинной», т. е. заявление, что автор инкриминируемой статьи – это он и что он требует привлечения его к суду¹³⁰⁸. Сделал он

1308 Выступая в Сенате, Водовозов, в частности, говорил: «Я обвиняюсь в четырех преступлениях, самое важное из них – четвертое, за которое я присужден к году заключения в крепости. Но лично для меня наиболее тяжелым является обвинение в другом преступлении – напечатании заметки “К разгрому Ксениинского института”. Я осужден за клевету... Легче быть осужденным за политическое преступление, чем за злостную клевету. Для меня как журналиста обвинение в том, что вместо служения правде я прибегаю к клевете, особенно тягостно. <...> Я не считаю себя клеветником. Я поместил в редактируемой мною газете описание порядков в Ксениинском институте и считаю, что все написанное в заметке вполне соответствует ис-

это, конечно, по соглашению со мной, и я был ему очень благодарен. Но, должен сознаться, вовсе не потому, чтобы чувствовал себя оскорбленным признанием моей виновности в распространении заведомо ложных сведений о правительственном учреждении, а по более эгоистическим мотивам. Теперь уже мне очень не хотелось идти в крепость, и если нельзя совсем уклониться от нее, то хотелось по возможности оттянуть ее. И Кальварский помогал мне сделать это. Я гарантировал ему защиту на суде, уплату штрафа, если он будет приговорен к таковому, поддержку в тюрьме в случае, если он попадет в нее. Зарудный тоже очень поддерживал его в этом.

В силу сенатского решения и «явки с повинной» Кальварского мы должны были судиться по этому делу вместе с ним в окружном суде. По причинам, оставшимся мне совершенно неизвестными и непонятными, прошел весь 1907 г.¹³⁰⁹, все

тине. Судебное разбирательство это подтвердило. Суд же признал, что это не так. Но благодаря этому обстоятельству юстиция попала в очень затруднительное положение. Автор статьи, Кальварский, не названный мной при следствии, обратился к судебному следователю с требованием привлечь его обвиняемым по этому делу. И тем не менее судебный следователь допросил Кальварского как свидетеля, а не как обвиняемого, объяснив ему, что он не находит в его статье состава клеветы. Оказывается, что суд в лице судебной палаты и юстиция в лице судебного следователя имеют два различных критерия понимания преступления. Я не юрист-практик, но я все же юрист по образованию, и я невольно ищу юридического объяснения для этого странного явления» (Дело В. Водовозова в сенате // Там же. № 82. 8 окт.).

- 1309 17 февраля 1907 г. Особое присутствие С.-Петербургской судебной палаты заслушало дело по обвинению В. В. Водовозова как бывшего редактора «Нашей жизни» и Е. Д. Кальварского как автора статьи «К разгрому Ксениинского института». Защитниками выступали О. О. Грузенберг и А. С. Зарудный, которые указывали, что если предварительное следствие произведено в

первое полугодие 1908 г., – меня в суд по этому делу не звали. Конечно, я его не торопил, но и ничего не делал (и не мог делать), чтобы затормозить.

Между тем в 1907 г.¹³¹⁰ я получил повестку с вызовом к следователю по новому делу. Вызов меня удивил: я уже давно не был более ответственным редактором и решительно не мог догадаться, в чем помимо газеты могут состоять мои прегрешения. Оказалось, что «новым» это дело было только относительно, что за ним уже была годичная давность, т. е. что повод к ней дала статья газеты, напечатанная давно, еще во время моего редакторства, но что только теперь дошло оно до следователя. Обвинение формулировалось как «оскорбление войск, располагающихся в Царстве Польском». При самом внимательном и преднамеренно-придирчивом прочтении инкриминируемой статьи я не мог найти, на что тут могли обидеться войска Царства Польского.

Сравнительно скоро состоялся разбор в окружном суде. Председателем суда был Вонлярлярский, близкий и давний знакомый Грузенберга и немного мой. Я встречал его в Смоленской губернии в имении родных моего гимназического товарища Богдановича, у которого я гостил несколько недель по окончании гимназии в 1883 г., когда Вонлярлярский, тоже по-

отношении одного из подсудимых, то необходимо сделать то же и в отношении его соучастника, а судебный следователь ни разу не допросил Водовозова, который даже не привлечен им в качестве обвиняемого. Предлагалось восстановить законный порядок, признать невозможным слушание дела и вернуть его на доследование, чтобы Водовозов имел возможность представить в свое оправдание новые доказательства и новых свидетелей. После продолжительного совещания Особое присутствие согласилось с доводами защиты и отправило дело на доследование (Одно из дел «Нашей жизни» // Товарищ. 1907. № 195. 18 февр.; Судебные вести // Речь. 1907. № 41. 18 февр.).

1310 Правильно: осенью 1906 г.

мещик Смоленской губернии, был там мировым судьей; я бывал у него и в доме, и в камере мирового судьи при разборе дел. Человек он был вполне порядочный, судьей считался хорошим. Защищал меня Грузенберг.

Обвинительный акт производил прямо смехотворное впечатление, и притом, по-видимому, не только на меня и моего защитника, но и на судей и чуть ли даже не на прокурора (не помню фамилии).

Дело разыгралось курьезнейшим образом.

Грузенберг обратился с несколькими ходатайствами к суду. На все быстрый, почти без совещания, только с переглядыванием судей ответ:

– Отказать.

– Будет оправдание, – шепнул мне Грузенберг.

Поднялся прокурор и произнес ровно 5 слов:

– Поддерживаю обвинение по статье такой-то.

Подражая ему, Грузенберг произнес всего 4 слова:

– Прошу моего подзащитного оправдать.

Я отказался от последнего слова, находя, что вся возможная аргументация вполне исчерпана Грузенбергом.

Суд, видимо, только для приличия удалился, но через несколько минут вернулся.

– Оправдать.

Все заседание суда продолжалось 25 минут¹³¹¹.

1311 Новое дело В. В. Водовозова рассматривалось в С.-Петербургском окружном суде 24 октября 1906 г., и в обвинительном акте говорилось, что 5 февраля в газете «Наша жизнь» была размещена корреспонденция «Из Царства Польского», касающаяся объявления в крае военного положения. В статье указывалось, что оно ложится тяжелым бременем на местное население, а производимые с разрешения властей неистовства казаков и драгун ослабляют край экономически и нравственно, наносят ему тяжелые раны и, главное, возбуждают в нем «ненависть к

После приговора Грузенберг познакомил меня с Вонлярским. Я напомнил ему наше недолгое знакомство. Он сказал:

– Как же, помню. Я все время смотрел на вас и спрашивал себя: тот или не тот? Вы сильно обросли.

Конечно, апелляция принесена не была. Так кончилось это пустое, бессмысленное дело. Но через несколько месяцев оно имело еще более курьезный эпилог.

Я получил повестку к следователю. Следователь был другой.

– Обвинение в оскорблении войск, расположенных в Царстве Польском, в статье, напечатанной в «Нашей жизни» в таком-то номере.

– Помилуйте, да я же уже судился по этому обвинению, – невольно воскликнул я.

– Где, когда, как? Этого быть не может!

Восклицание сорвалось у меня невольно, от удивления, и

правительству». В качестве примера «невозможнейших выходов» солдат приводилось убийство одним из них 18-летнего юноши, сына портного, за напоминание о рубле, взятом в долг, причем убийца при дознании оправдывался, будто жертва хотела «бунтовать народ». Хотя Водовозов, которому инкриминировалось распространение заведомо ложных для него сведений, потребовал вызвать в качестве свидетелей ряд общественных деятелей, живущих частью в Варшаве, частью в столице, а также генерал-губернатора и других высокопоставленных чиновников, суд ему в этом отказал. Защитник О. О. Грузенберг доказывал, что прокуратура не представила никаких данных как в опровержение статьи, так и для доказательства ее заведомой ложности, и суд, удалившись для совещания, «через 5 минут вынес оправдательный приговор» (Дело бывшего редактора «Нашей жизни» В. В. Водовозова с С.-Петербургском окружном суде по обвинению в литературном преступлении // Товарищ. 1906. № 96. 25 окт.).

было без сомнения некоторой ошибкой. Если бы я его не сделал, глупое дело было бы вновь доведено до суда и я бы мог посмеяться над судом, особенно если бы я был осужден, что, впрочем, ввиду смехотворности обвинения было маловероятно. После приговора я мог бы вынуть из кармана приговор оправдательный и вручить его суду с замечанием о различии мнений двух отделений одного и того же суда. Силу получил бы первый приговор, и суд был бы поставлен в невыносимо глупое положение. Возможно, впрочем, что если не это отделение суда, то судебная власть вообще мне за это отомстила бы немедленным приведением в исполнение моего прежнего приговора.

Следователь был мне очень благодарен за указание и говорил, что он был бы поставлен в очень неприятное положение, если бы направил мое дело к прокурору, а между тем иначе он поступить не мог, так как не мог же он помнить всех бесчисленных литературных дел, разобранных судом.

Как могло произойти это двукратное возбуждение одного и того же дела? Вероятно, так. Штаб одного корпуса войск обиделся на нашу статью и выразил по начальству желание о привлечении меня к суду. Пожелание пошло по инстанциям и, наконец, дошло до оправдательного приговора. Одновременно обиделся и штаб другого корпуса и тоже направил жалобу по начальству, но с некоторым опозданием. Инстанции, по которым шло дело, были те же самые, но люди в инстанциях – разные, – и произошло то, что произошло.

Вслед за этим делом в моей подсудной карьере произошло нечто еще более изумительное. Вслед за первым новым или, лучше сказать, вновь откопанным старым делом пошло другое, такое же ново-старое дело, потом третье, четвертое и так далее (иногда одновременно по два дела). Лишь только было закончено дело о колбасе и я с полной уверенностью в близкой сидке обдумывал, какие вещи и книги взять с собой, какую работу взять себе для годовичного заключения в крепости, как вдруг являлась новая повестка, новый допрос у следователя,

новый процесс в суде. Если бы дело было действительно новое, то оно не влекло бы за собою отсрочки в отсидке, и совершенно естественно: иначе у приговоренного было бы слишком сильное побуждение совершать новые преступления, чтобы избавиться от наказания за старые. Но если вновь открывается преступление, совершенное до момента вступления приговора по старому делу в законную силу, то наказание за него должно быть наложено по совокупности, а следовательно, приговор по первому делу должен быть отложен.

И вот рьяная прокуратура в стремлении показать все преступления, совершенные в революционный год, делала все новые и новые открытия в пожелтевших листах старых газет и в завалявшихся на полках книжных магазинов или случайно найденных при обысках брошюрах. Эти открытия делали, вероятно, провинциальные жандармы, – эти первые стадии оставались от нас, самих преступников, скрытыми; но затем жандармы передавали их прокуратуре, а прокуратура, вместо того чтобы просто сдать нелепые жалобы в архив, возбуждала дела. Таких старых дел в эпоху 1907–1912 гг. было возбуждено множество. Так, я знаю, что книги Ренана, напечатанные и распроданные Глаголевым в революционную эпоху¹³¹², обратили на себя внимание прокуратуры только несколько лет спустя и вызвали предание суду издателя¹³¹³. Но разница в положении Глаголева и большинства других издателей, с одной стороны, и моим, с другой, состояла в том, что у большинства преступных издателей были одно-два дела; открывались они,

1312 Ренан Э. Жизнь Иисуса / Пер. О. Крыловой. СПб.: Н. Глаголев, 1906; Он же. История первых веков христианства. СПб.: Н. Глаголев, 1907. Т. 1–7.

1313 20 сентября 1911 г. С.-Петербургская судебная палата приговорила Н. М. Глаголева к двум годам крепости, но по высочайшему повелению срок был сокращен до полугода; последний его литературный процесс (за издание в 1906 г. «Народной истории Парижской коммуны» А. Арну) состоялся лишь в ноябре 1916 г.

положим, в 1909 г., и в том же или в следующем году виновники садились в тюрьму. У меня же таких ново-старых дел оказалось около 10 (не считая первых 9), и самое их изобилие оказалось в мою пользу: излишек по отношению ко мне рвения прокуратуры вызвал то последствие, что оно не достигло своей цели и я от кары ускользнул. Станным образом интересы прокуратуры, состоявшие в том, чтобы выловить по возможности все преступления революционного года, вполне совпадали с моими как подсудимого, чтобы все мои преступления, мною забытые или даже никогда мне не бывшие известными, были открыты. Только одно маленькое отличие было между нашими интересами: мои состояли в том, чтобы мои преступления открывались не сразу, а в известной очереди. И случай изумительно благоприятствовал мне. Конечно, я не отказывался в этом отношении помогать судьбе.

Я знаю еще одного (и только одного) преступного издателя, судьба которого оказалась совершенно сходной со мной, – Н. Е. Парамонова, стоявшего во главе книжной фирмы «Донская речь» в Ростове-на-Дону. Против меня было возбуждено всего около 20 дел; против него что-то около 60, и точно так же преступность его многочисленных брошюр открывалась с желательной для него постепенностью, и год крепости, к которому он был присужден, как и я, все оттягивался и оттягивался, пока не пришла амнистия 1913 г.

О неизбежности амнистии в трехсотлетний юбилей дома Романовых я догадался не то в 1907, не то в 1908 г. Со мной не соглашались, с одной стороны, люди, верившие в близость новой революции: таких было немного, но они были, – по большей части из очень юных революционеров; с другой стороны, люди, думавшие, что Николай II в опьянении своей победы ни в каком случае амнистии своим врагам не даст. Я помню разговор, бывший, вероятно, в 1908 г., с Валерием Карриком (талантливым карикатуристом), который хотя и не был в это время юн, но по пылкости своих революционных убеждений верил в скорую революцию и прибавлял: «Ну а если ее не про-

изойдет, то царь, обозленный и революцией 1905 г., и революционным движением следующих годов, опьяненный своей победой и вместе с тем дрожащий за свою колеблющуюся власть, никакой амнистии не даст». Я же отвечал: «К 1913 г. его победа будет полная, за власть дрожать он не будет, и именно в сознании своей победы по силе он должен будет дать амнистию уже в силу укоренившейся традиции». Таким образом, на моем общественном пессимизме я строил лично для себя оптимистическую надежду.

И вот у меня вставал вопрос: «Что же, дотяну я свои дела до 1913 года? Конечно, нет... По всей вероятности, нет... Ну а может быть, все-таки? Чем черт не шутит? Во всяком случае, торопиться в крепость мне нечего. А там обстоятельства покажут».

И вот однажды я помог случаю. Впрочем, и помощь моя была случайная. Но об этом в свое время, а теперь я закончу дело о колбасе.

В конце 1908 г. оно, наконец, было назначено в окружном суде.

Теперь, конечно, я или, лучше сказать, Зарудный, все еще относившийся к этому делу с большой горячностью, своевременно сделал заявление о вызове свидетелей. Мы вызвали главную виновницу всей кутерьмы, Худынцеву, вызвали мать и дочь Черняковских, еще двух-трех исключенных институток, вызвали Маштакова и одну классную даму, про которую институтки говорили, что она была добрая и их отстаивала. Прокурор вызвал начальницу института, даму с какой-то очень громкой фамилией, помнится, княгиню Голицыну.

За несколько дней до процесса ко мне звонок по телефону:

– Можно к вам приехать поговорить по делу? Классная дама Ксениинского института такая-то.

– Сделайте одолжение.

Приезжает классная дама (добрая и заступавшаяся), взяв с собой для подкрепления еще какую-то даму.

– Вы вызвали меня свидетельницей?

– Да.

– Ради бога, освободите меня. Мне сказали, что вы можете. Христом богом прошу.

– Да почему?

– Да зачем я вам? Я ничего не знаю. Я никогда по судам не ходила. Стыд какой! Я не могу. Освободите!

Дама чуть не плакала.

– Для вас стыд явиться на суд свидетельницей, и это вы говорите человеку, который явится в суд подсудимым, а несколько лет тому назад уже осужден судом как преступник, и представьте себе – не чувствует от этого стыда, – смеясь ответил я.

Конечно, я ее освободил.

Из других свидетельниц Худынцева оказалась жительствующей в Москве, но на суд приехала. Остальные наши свидетели явились. Было и недоразумение. Мы вызывали Анну Гуревич, и Анна Гуревич на суд явилась, очень удивленная: оказалась сестрой Любви и Виссариона Гуревич, ничего общего не имеющей с той, которую мы вызывали. Но начальница института, инициаторша всего процесса, вызванная прокуратурой, не явилась и даже сочла ниже своего достоинства прислать хотя бы медицинское свидетельство. Вероятно, она тоже считала стыдом ходить по судам, хотя не считала стыдом возбуждать глупые обвинения.

Председательствовал на суде К. Савич.

Дело было проведено хорошо. Были допрошены все свидетели. Если институтки трещали, выливая свою детскую, хотя уже ослабленную временем злобу на свое начальство, то Маштаков давал очень сдержанные и спокойные по форме, убийственные по существу показания. Режим института с его ослабевшими во время революции вожжами и потом с пробудившейся мстительностью за свою собственную слабость встал перед судом во всей красе. Черняковская рассказывала, как ей

кричала Голицына:

– Ваша дочь должна быть взята в 24 минуты!

– Вы, верно, хотите сказать: в 24 часа, – поправил Зарудный.

– Нет, именно в 24 минуты; и тот же самый срок Голицына назначала другим исключенным ученицам. Их буквально выгоняли, не давая времени собрать вещей. Выгоняли прямо на улицу, – у них не было родных в Петербурге. Нескольких я приютила у себя, хотя места у меня было мало¹³¹⁴.

Зарудный был превосходен и в ведении допроса, и в защитительной речи.

Последнее слово я посвятил Кальварскому, подчеркивая у него глубокую убежденность в своей правоте, заставившую его без всякой нужды устроить явку с повинной: ни по закону, ни по литературным обычаям он не был обязан к этому.

Вдруг Савич оборвал меня:

– Вы произносите похвальное слово Кальварскому. В последнем слове вы должны защищаться, а не защищать других. Я вам запрещаю это.

Это было, конечно, совершенно неправильно и вместе с

1314 Неточность: этот диалог происходил 17 августа 1907 г., на предыдущем процессе Водовозова. На вопрос А. С. Зарудного, знает ли свидетельница М. П. Черникова, что послужило поводом к исключению ее дочери, последовал ответ: «Мне лично не объяснили, а потребовали, чтобы я ее взяла в 24 минуты». Защитник уточнил: «Вы хотите сказать, в 24 часа?», и Черникова пояснила: «Нет, в разговоре в ответ на мой вопрос: вы хотите, чтобы мы собрались в 24 минуты, почетный опекун А. Н. Трубников прямо сказал: да, в 24 минуты». Защитник спрашивает: «Но вы были предупреждены об исключении вашей дочери?», на что свидетельница отвечает: «Нет, меня призвали для объяснений и только в институте объявили об исключении и необходимости взять дочь в 24 минуты из института» (см.: Дело В. В. Водовозова... С. 28–29).

тем сказано крайне грубо.

– Если мне не позволяют защищаться как я умею, мне остается только замолчать, – сказал я и сел.

Суд удалился. Приговор: Водовозова подвергнуть штрафу в 50 рублей, Кальварского – штрафу в 25 рублей. Княгиню Голицыну за неявку в суд без уважительных причин оштрафовать на 50 рублей.

Таким образом, мое преступление было оценено совершенно так же, как и Голицыной. Морально приговор был полным оправданием. Практически это означало штраф в 25 рублей, так как мой личный штраф погашался годом крепости. А так как надо мной в это время тяготел еще один процесс и в оттяжке при помощи колбасного дела я не нуждался, то все с той же узкопрактической точки зрения я хотел примириться с приговором.

Но Зарудный закусил удила:

– Я недоволен. Приговор несправедливый. Я требую, чтобы ты перенес его в судебную палату.

И дело перенесено в апелляционном порядке. Жалобу писал Зарудный, и он же потребовал, чтобы мы, подсудимые, на суд не являлись, – мы ему только мешали. Дело же такого рода, что личная явка подсудимых необязательна.

Вечером в день суда торжествующий голос Зарудного в телефон:

– Полное оправдание обоих.

Потом он рассказывал:

– Превосходная обстановка суда. Суд, прокурор, судебный пристав и я. Никого больше: ни подсудимых, ни свидетелей, ни репортеров, ни публики, ни одного человека. Нет возбуждения, нет страстей. Нет любопытства. Царит одна логика. Судьи слушают внимательно, бесстрастно и добросовестно. Я доказал им нелогичность приговора окружного суда и твою правоту, – и они вынесли оправдательный приговор.

Это было в 1908 г. Через 16 лет я встретился с моим судьей

Савичем в Берлине. Судья и осужденный им преступник оказались выброшенными одной и той же революционной волной на другой берег и находились приблизительно в одинаковом положении. В это время я имел литературную работу в книгоиздательстве З. И. Гржебина¹³¹⁵, а именно редактировал небольшой «Настольный энциклопедический словарь», типа павленковского словаря¹³¹⁶. Работа продолжалась почти два года. Издательство Гржебина уже приближалось к краху, и это иногда сказывалось в задержках в выплате вознаграждений и во многих других признаках, но еще старалось скрывать это и работу продолжало. Из всех отделов словаря меня наиболее затрудняла юриспруденция. Я сам юрист по образованию, но со времени революции 1917 г. я не имел никакой возможности следить настоящим образом за той правовой революцией, которая производилась советской властью. До осени 1922 г., пока я жил в России, я чувствовал эту революцию на своей спине, но осмыслить ее юридически и выразить ее в научных терминах не мог. Большую часть времени я не имел даже возможности следить за ней по советским газетам: я их не получал; следить же за ними по уличным расклейкам было очень трудно, а систематически – и невозможно. Не мог пополнить пробела своего образования и в Берлине, где даже не было порядочной русской библиотеки. Поэтому я непременно должен был найти специалиста. Но это было очень трудно: знаний в этой области

1315 «Издательство З. И. Гржебина», созданное в Петрограде и заключившее в январе 1920 г. договор с Госиздатом (расторгнут в марте 1921 г.) и в июне 1922 г. с торгпредством РСФСР в Германии (расторгнут в 1923 г.), легализовавшись в Берлине, за 1922–1923 гг. издало более 225 названий книг, но из-за запрета ввозить их в Россию обанкротилось и фактически прекратило деятельность в 1924 г.

1316 Энциклопедический словарь Ф. Павленкова – однотомный иллюстрированный энциклопедический словарь (СПб., 1899; неоднократно переиздавался).

в то время было очень мало.

В Праге еще имелось среди эмиграции несколько юристов, добросовестно изучавших советское право, но в Берлине их я долго не находил. Ко мне обращался с предложением своих услуг Гогель, юрист в прошлом очень заслуженный, но скоро я убедился, что его юридическое образование, как и мое, остановилось на 1917 г. и его статьи, весьма дельные по отношению к западному праву, были совершенно никуда не годны, поскольку они касались советской России.

И вот ко мне с предложением услуг пришел Савич. Я его не узнал и в первое время имел с ним дело как с совершенно незнакомым мне человеком. И только недели через две в моей памяти всплыло смутное воспоминание.

– Вы не были ли членом Санкт-Петербургского окружного суда? – спросил я его.

– Был.

– Не судили ли вы меня по делу Ксениинского института?

– Судил.

Мы погрузились в область прошлого. Он хорошо помнил мое дело и только прочно забыл его эпилог – отмену приговора в судебной палате, так что даже пытался отрицать этот факт. По-прежнему он признавал правильность своего приговора, настаивая на том, что мои свидетели, несмотря на свое единодушие, не могли доказать неправильности жалобы Голицыной.

Как мой сотрудник Савич оказался вполне на высоте своей задачи. Он следил за советской общей и специально юридической литературой и знал советское право. Но, будучи решительным ненавистником советской власти, он был склонен помещать в своих словарных статьях некоторые факты, если они дурно говорили о советской власти, хотя бы их истинность могла быть подвергнута основательному сомнению.

– Если бы советская власть имела возможность и желание привлечь вас к суду за сообщение подобных фактов и судил бы

вас судья с такими же требованиями от писателя, как вы сами, то вы были бы осуждены, – говорил я ему, – притом осуждены с гораздо большим основанием, чем осудили меня вы.

Он не мог возражать на это, ссылаясь только на сообщения эмигрантской прессы.

В его статьях встречались ошибки по отношению к западноевропейскому конституционному праву, которое он, видимо, знал плохо, но большого значения они не имели, так как это была область моей специальности и я без труда исправлял их.

В общем, он был хороший работник и работал у меня, пока Гржебин вместе с моим словарем не вылетел в трубу. Неприятной чертой Савича было умение пользоваться своим положением единственного специалиста по советскому праву для чрезмерного повышения своего гонорара, чего я должен был (с большим трудом) добиться для него от Гржебина. Кроме того, характер у него был, видимо, очень тяжелый; он каждое свое слово в статье, даже явно несправедливое, отстаивал с неприятным упорством против моих поправок, хотя в конце концов всегда уступал и даже признавал меня «хорошим редактором». По политическим убеждениям он был сторонник Кирилла Владимировича.

Как я уже сказал, дело о колбасе было не последнее мое дело; у меня в запасе оказывалось их достаточно. Один раз я помог судьбе. Случилось это так.

Однажды, не то в 1908, не то в 1909 г.¹³¹⁷, явился ко мне молодой человек, мне не знакомый, по фамилии Бергер и очень взволнованным тоном рассказал следующее.

В революционный год он издал довольно большое количество радикальных брошюр. Все они сошли с рук ему благополучно, но вот теперь, через 3 или 4 года, одна из них попа-

1317 Это произошло в 1908 г. См. письмо А. М. Бергера от 21 августа 1908 г. (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2046. Л. 3).

лась. Это был небольшой, страниц в 30, сборник радикальных стихотворений¹³¹⁸. Привлекают его по статье 129, т. е. по страшной статье о призыве к ниспровержению строя, грозящей как максимум каторжными работами с лишением прав состояния, но по которой за литературные преступления, как показывала практика, суды систематически назначали один год крепости. Год крепости ему не улыбался, и он, зная, что мне таковой все равно грозит и что новый процесс мне обещает даже отсрочку, пришел ко мне с просьбой: не соглашусь ли я взять его грех на себя. Брошюра была издана анонимно, и это вполне возможно.

Я просмотрел книжку. Мне она крайне не понравилась. В книжку каким-то ветром занесло «Послание к Чаадаеву» в прежней редакции («Любви, надежды, гордой славы»)¹³¹⁹, но, за этим единственным исключением, все остальные стихотворения свидетельствовали лишь о крайне низком эстетическом вкусе составителя. Тут было стихотворение Щепкиной-Куперник о матросе, вернувшемся из-под Цусимы и узнавшем о гибели отца, брата и жены в день гапоновского расстрела; кончалось стихотворение словами: он поднял к небу «глаза; в них страшная клятва была и будущей мести гро-

1318 В грозу: сб. стихов / Собр. Л. М. Василевский. СПб.: Голос, 1906. 44 с.

1319 Имеется в виду стихотворение А. С. Пушкина «К Чаадаеву» («Любви, надежды, тихой славы...»), написанное в 1818 г., см.: Пушкин А. С. К П. Я. Чаадаеву // В грозу. С. 6–7.

за»¹³²⁰. Остальные стихотворения были такой же трескотней. Каляев «бросал всем тиранам, не робея, стальной рукой неотвратимый взмах»¹³²¹. Было стихотворение Чуковского (переведенное с английского) «Пионеры», в котором пионеры стучат топорами, взрывают динамитом скалы, пробивая себе путь к светлому будущему¹³²², и ряд других таких же¹³²³. Но революцию тут могла увидеть только болезненная фантазия жандармерии или прокуратуры. Явная слабость стихотворений заставила меня сильно колебаться. Уж очень не хотелось фигурировать в качестве составителя этого совершенно бездарного

- 1320 Неточно цитируется стихотворение Т. Щепкиной-Куперник «На родине» (Там же. С. 11–12). В стихотворении говорится о «солдате-калеке», который, вернувшись домой «от павших твердынь Порт-Артура...», узнает, что в «кровавое воскресенье» жена его «на смерть зарублена шашкой», сын «в Александровском парке был пулею с дерева снят», мать «избита казацкой нагайкой, до ночи едва дожила», а брат, матрос броненосца на Черном море, убит офицером, так как «вступился за правду».
- 1321 Неточно цитируется стихотворение И. Каляева «Моя душа пылает страстью бурной...» (Там же. С. 7).
- 1322 Стихотворение К. Чуковского (начало: «Загорелую толпою...»), опубликованное без названия в сборнике, представляет собой вольный перевод стихотворения У. Уитмена «Пионеры! О пионеры!» (1865); впервые напечатано в журнале «Сигнал» (1905. № 1). В недатированном письме К. И. Чуковского, адресованном составителю антологии «В грозу» Л. М. Василевскому, говорилось: «Пускай защитник Ваш укажет, что “топоры” и всякая такая штука относятся к культурной работе, а отнюдь не к проломлению черепов. Вообще это стихотворение есть обращение к американцам-“пионерам”, которые вырубают леса, и проводят рельсы, и т. д. Потому-то они и “загорелые”. А разве пролетариат – загорелый?» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2781. Л. 1).
- 1323 В сборник «В грозу» были включены стихотворения В. Я. Брюсова, А. С. Рославлева, Скитальца (С. Г. Петрова), Тана (В. Г. Богораза), Тэффи, С. Г. Фруга, О. Н. Чюминой, П. Ф. Якубовича и др.

сборника, и я это высказал Бергеру:

– Если бы сборник судился в литературном суде, то я охотнее выступил бы прокурором, чем подсудимым.

Но сборник мог затянуть мое состояние подсудности еще на год, и желание добиться этого превозмогло мои колебания.

Я дал Бергеру свое согласие, которого он ожидал в большом волнении. Мы сговорились, что он скажет на допросе следователю, что действительным издателем был я, а он только по моему поручению договорился с типографией и отвез в нее приготовленную рукопись (это показывал заведующий типографией). Я должен был признать свое издательство и подтвердить в подробностях показания Бергера.

Бергер обязался организовать защиту и предложил для меня известного тогда адвоката С. Андреевского с тем, что себе он пригласит М. Гольдштейна. Я охотно согласился; мне самому хотелось послушать очень редко выступавшего в это время знаменитого оратора, которого я раньше слышал всего один раз в жизни, лет за двадцать перед тем.

Дело пошло как по маслу, т. е. с достаточной для многих целей медлительностью. Приблизительно через год я получил обвинительный акт¹³²⁴ и повестку в суд.

1324 В обвинительном акте, составленном 9 октября 1908 г., говорилось, что В. В. Водовозов и А. М. Бергер обвиняются в том, что в феврале 1906 г. распространили сборник «В грозу», в который в числе прочих вошли стихотворения «Пора» и «Буря» Тана, «Загорелую толпою...» К. Чуковского, «Моя душа пылает страстью бурной...» И. Каляева, «Из песен борьбы» Д. Цензора, возбуждающие к «бунтовщическим деяниям, оказанию дерзостного неуважения Верховной Власти и порицанию установленного законами основными порядка правления», причем Водовозов признал, что именно он состоял «юридически ответственным лицом и хозяином» книгоиздательства «Голос» и заказал отпечатать сборник в количестве 5 тыс. экземпляров (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 1211. Л. 63–64).

Обвинительный акт весь состоял из бесчисленных стихотворных цитат, так что с первого взгляда производил впечатление фельетона провинциальной газеты, написанного вперемешку прозой и стихами. Инкриминировались стихотворения Каляева и Чуковского, причем в последнем невежественная и болезненная фантазия прокурора увидела символику, которой там не было и в помине; топоры и динамит для него символизировали террор, а скалы и леса – самодержавие¹³²⁵. Очевидно, что если бы имя Пушкина и почти столетняя давность не санкционировали «Послания к Чаадаеву», то «обломки самовластья» в нем прибавили бы еще одно звено к цепи прокурорских доказательств, – но поднять на Пушкина руку, вооруженную статьей 129, прокурор все же не решился.

Я привлекался как главный виновник, Бергер – как мой пособник, что было совершенно нелогично: если наши согласные показания были ложны, то он был главный и единственный виновник, а если верны, то он был в этом ни при чем. Обвинительный акт не опровергал наших показаний и тем не менее привлекал Бергера к суду.

Я явился в суд 15 декабря в назначенное время – 10 часов утра, мой товарищ по скамье подсудимых был налицо, адвокаты, лучше знакомые с привычками суда, явились часам к 12. Дело стояло на очереди первым, но по каким-то причинам очередь была изменена, и до нас она дошла только часам к 6. Суд не стеснялся с временем не только подсудимых и свидетелей, но и адвокатов, которые без толку должны были потерять целый рабочий день.

Наконец, дело началось. Оно заинтересовало публику, главным образом судебскую, и заинтересовало потому, что

1325 В рукописи далее зачеркнуто: «К несчастью для прокурора, на стихотворении не значилось имя американского автора и вообще не был отмечен его переводной характер, да и самый заголовок был выкинут».

выступал популярный Андреевский. Места для публики были переполнены. Был прочитан стихотворный обвинительный акт, допрошены подсудимые, давшие совершенно согласные (для добросовестности можно сказать: согласованные) показания, допрошены немногочисленные, имевшие чисто формальное значение свидетели; прокурор произнес краткую речь, в которой настаивал на моем намерении разрушить русское государство посредством неотвратимого взмаха стальной руки, топоров и динамита¹³²⁶, а по отношению к Бергеру отказался

- 1326 См.: «В книжке нашли пять стихотворений, которые подали повод к преследованию: два – Тана, одно – Чуковского, одно – Д. Цензора и одно – Каляева. Весь обвинительный акт состоит из выдержек из этих стихотворений, причем обвинение строится следующим образом. Приводится цитата из стихотворения Тана “Пора”: “Что нужно нам сказать? Перед лицом народа / Девиз провозглашен. Он рвется на простор / Долой бесправие! Да здравствует свобода / И учредительный да здравствует собор!” Стихотворение, говорится по этому поводу в обвинительном акте, содержит в себе призыв к введению в России учредительного собрания, то есть возбуждение к бунтовщическому деянию, – п. 1 ст. 129. В стихотворении Цензора преступными оказались такие строчки: “И с народной жизни смоем / Тьму неволи вековой”. Обвинение предъявлено Водовозову по ст. 128 и 129 (призыв к бунтовщическим деяниям). На суде поверенный Водовозова представил доказательства, что из пяти инкриминируемых ему стихотворений три были напечатаны еще до появления сборника, изданного Водовозовым, в начале 1905 г. <...> Это указание, видимо, произвело впечатление на прокурора, и, не отказываясь вполне от обвинения Водовозова за напечатание этих стихотворений, он признавал, что по отношению к ним у защиты есть веские аргументы. Зато в полном объеме он настаивал на обвинении Водовозова за стихотворение Каляева, в котором “проводится мысль о необходимости бросить всем тиранам, не робея, стальной руки неотвратимый взмах”, и за стихотворение Цензора, в котором, кроме приведенных двух строчек, заключается призыв нака-

от обвинения ввиду согласных показаний подсудимых, не противоречащих им показаний типографа и отсутствия каких бы то ни было противоположений. Настаивание на преступности топоров и динамита было особенно неумно, так как во время произнесения его речи на судейском столе уже лежал предоставленный нами английский подлинник стихотворения; прокурор о нем даже не упомянул, настаивая на символическом значении стихотворения и применении его к русской революции 1905 г.

Затем произнес свою речь Андреевский. Речь была действительно образцовая. Поэт-парнасец¹³²⁷ и юрист сказались в ней в превосходном сочетании. Он сказал, что если бы я судился с литературной точки зрения, то он, Андреевский, поддерживал бы обвинение, но оснований для обвинения юридического в сборнике нет. Он подробно разобрал речь прокурора и не оставил в ней камня на камне, в особенности по отношению к «Пионерам», которые он сличил с английским подлинником. Указал и на то, что его положение как защитника было бы труднее, если бы прокуратура сочла нужным привлечь меня к ответственности и за Пушкина¹³²⁸.

зять “Волтасаров”, выраженный в таких стихах: “Содрогнитесь, Волтасары! / Скоро в пиршестве ночном / Рок начертит слово кары / Страшным огненным перстом”» (Водовозов В. В. Литературное утро в зале СПб. судебной палаты // Слово. 1908. № 652. 16 дек.).

1327 См.: Андреевский С. А. Стихотворения. 1878–1885. СПб., 1886. «Парнасский» стиль, возникший во Франции во второй половине XIX в. в противовес романтизму, выражался в отстраненном изображении холодного идеала красоты и отточенности поэтики.

1328 Ср.: «Блестящую речь произнес С. А. Андреевский. Он подверг подробному разбору все стихотворения, указал на то, что ни в одном из них нет призыва. Цензор грозит Волтасарам наказанием судьбы, но никого не приглашает помогать судьбе; Каляев не определяет, о каких тиранах идет речь; Тан приветствует

Гольдштейн счел нужным на всякий случай тоже произнести речь в защиту Бергера, хотя, в сущности, она была не нужна ввиду отказа обвинителя.

Последних слов не было.

Суд совещался недолго и вынес обоим подсудимым оправдательный приговор.

Здравый смысл на этот раз победил.

С моей личной точки зрения (опять-таки совпадающей с прокурорской), обвинительный приговор, поглощаемый другим обвинительным приговором, был бы удобен: он дал бы право на затяжное кассационное разбирательство в сенате. Но можно было обойтись и без него, так как у судебного следователя уже находилось другое мое дело, на этот раз созданное только жандармерией и прокуратурой без всякого содействия с моей стороны.

учредительный собор, но вовсе не приглашает к какому-либо действию ради его введения. Наконец, стихотворение Чуковского; Чуковский, сказал Андреевский, пикантный критик, но поэт неважный, его стихотворение блещет грубыми, но мало-поэтическими выражениями, вроде: “подымайтесь, собирайтесь, для потехи, для игры! в барабаны застучите, наточите топоры!”, но оно ведь есть перевод с английского и говорит об американских пионерах, расчищающих топорами путь через леса, и в них нет возможности, при мало-мальски беспристрастном взгляде, видеть русских революционеров. К тому же оно, как и стихотворение Тана, пропущено цензурой. Нельзя же теперь карать за то, в чем даже старая цензура не видела повода для придирки! Правда, закончил Андреевский, в сборнике, изданном Водовозовым, есть одно стихотворение, в котором есть прямой призыв к ниспровержению существующего строя, но именно это стихотворение прокуратура и не думает ставить в вину издателю; это стихотворение Пушкина “К Чаадаеву”, в котором поэт выражает уверенность, что Россия воспрянет от сна и на обломках самовластья напишет наши имена» (Литературное утро в зале СПб. судебной палаты).

Из суда я отправился в редакцию газеты «Слово», в которой я иногда писал после окончательной гибели «Нашей жизни», и там написал репортерскую заметку о моем деле. Я дал ей заголовок «Литературный вечер в зале Судебной палаты»¹³²⁹ и составил ее в ироническом тоне. У меня осталось в памяти, что гонорар за нее я получил в размере 12 рублей, – это был мой заработок за день потерянного времени, но не труда: таковой был целиком со стороны прокурора и Андреевского; написать же отчет под свежим впечатлением было очень легко.

Я не стану говорить об остальных моих литературных процессах. Частью они совершенно улетучились из моей памяти¹³³⁰, частью они не кажутся мне интересными. Но – «еще од-

1329 Правильно: Литературное утро в зале СПб. судебной палаты.

1330 В. В. Водовозов был привлечен к суду по обвинению в издании книги «Материалы к истории российской контрреволюции. Погромы по официальным документам», снабженной его небольшим предисловием, которая вышла в январе 1908 г. и тотчас же была конфискована по распоряжению столичного градоначальника; издателю инкриминировалось «распространение заведомо ложных слухов о правительственных действиях» (Судебные вести // Слово. 1908. № 590, 594. 15, 19 окт.). Позже, 8 октября 1910 г., рассмотрев дело по обвинению Водовозова в издании первого выпуска «Сборника программ политических партий в России», который вышел в свет еще в декабре 1905 г., но обвинительный акт был составлен только 16 апреля 1910 г., С.-Петербургская судебная палата, не согласившись с аргументами «горячей речи» защитника М. В. Беренштама, осудила издателя, «по совокупности с ранее состоявшимся приговором, к заключению в крепости на один год» (Дело В. В. Водовозова // Русское слово. 1910. № 232. 9 окт.). В еще одном обвинительном акте, составленном уже 20 января 1912 г., Водовозову инкриминировалось издание энциклопедического словаря «Справочная книга социалиста» Гуго (Hugo Lindemann) и Штегмана (Carl Stegmann) в переводе с немецкого под редакцией В. Я. Богучарского и Л. З. Марковича, отпечатанного в типографии

но, последнее сказанье».

В начале 1912 г. окончилось последнее, как мне казалось, дело. Палата приговорила, Сенат отверг. Ждать было больше нечего. Или нет: ждать следовало исполнения приговора через 3–4 недели.

Было известно, что условия сидки в Двинской крепости лучше, чем в других крепостях. Комендант крепости, старый генерал¹³³¹, очень добродушный и порядочный человек. Офицеры действуют в пределах инструкций, даваемых генералом. Камера просторная, светлая, книги пропускаются без замедления, свидания даются без труда. Летом даже выпускают на Двину купаться под охраной солдата. Во время проезда через Двинск я один раз остановился в нем, посетил там одного заключенного и убедился в справедливости сведений. Там отбывали свое наказание и Мякотин с Пешехоновым¹³³² и помимо купанья имели удовольствие видаться друг с другом на прогулках по крепостному двору, несмотря на одиночный характер заключения. Все располагало к тому, чтобы сесть именно там.

Сделать это было не трудно. Нахождение под залогом не препятствует разъездам: надо только извещать о перемене адреса. И вот следовало к моменту приведения приговора в исполнение оказаться в Двинске; тогда приговор законным образом был бы приведен в исполнение именно там. Так сделали в свое время и Мякотин с Пешехоновым. Нужно было только хорошо приноровить время своего отъезда туда, чтобы, с одной стороны, не быть застигнутым приговором в Петербурге, а с другой – не провести слишком много времени в Двинске зря.

«Общественная польза» в январе 1906 г. в количестве 4 тыс. экземпляров (см.: ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 1211. Л. 65–69).

1331 Имеется в виду И. Н. Львов.

1332 В. А. Мякотин и А. В. Пешехонов отбывали заключение в Двинской крепости в 1912 г.

И вот я уже отбирал книги и вещи для поездки в Двинск. Никаких надежд и возможностей, казалось, не было. Ровно год оставался до ожидаемой амнистии. Его и придется провести в крепости. Я запасаюсь на время сидки подходящей работой.

И вдруг – повестка к судебному следователю. Было точно чудо. Вопреки всем основаниям, всем надеждам. Но далее еще чудеснее.

У меня как-то совершенно улетучилось из памяти, в чем состояло это последнее дело. Была ли это газетная статья или какая-нибудь из моих брошюр – не помню. Но вновь возродилась надежда на год задержки.

Дело сначала пошло быстрее, чем я хотел.

Фамилия следователя, к которому я попал, была Головня. В первый раз за время моего состояния подсудности я попал к какому-то держиморде.

– Итак, вы изволите утверждать, что не имели преступного намерения. А как вы объясняете... – не с иронией, а с каким-то грубейшим издевательством допрашивал меня Головня. Все поведение его, вся система допроса, – вызвав к какому-либо часу, заставляя ждать в приемной 3–4 часа и более, – все это имело нарочито злобный, издевательский характер. Не понимаю, как никто раньше не дал ему пощечины, – он точно хотел ее (а может быть, и в самом деле хотел). Я человек очень сдержанный, но у меня чесались руки.

Вместе с тем все мои попытки сорвать допрос и добиться отсрочки, раньше нередко увенчивавшиеся успехом, при Головне своей цели не достигали. В два-три допроса он закончил исполнение своих обязанностей по отношению ко мне и сказал:

– В следующий раз я вызову вас, вероятно, в такой-то день (очень скоро) и предъявлю вам дело как оконченное. А через месяц или полтора вы будете на скамье подсудимых.

Вопреки всем прецедентам, Головня потребовал от меня второй тысячи рублей как залога. Пришлось ее внести.

Не знаю, понимал ли он, произнося последнюю угрозу, что скамья подсудимых для меня совершенно не страшна, что ему за нее я все-таки благодарен и был бы благодарен еще более, если бы он выдумал еще одно-два обвинения.

И я рассчитывал. Значит, суд – еще весной. Обвинительный приговор неизбежен. Значит, Сенат. А осенью – все-таки сидка. Правда, не год, а меньше.

Но вот прошел назначенный день, – нет повестки. Прошла еще неделя, – все нет.

И вдруг читаю в газетах: вчера в здании окружного суда в камере судебного следователя Головни был обыск. Головня арестован. Он обвиняется в присвоении значительной суммы денег, находившихся у него – не помню, на каком основании.

По слабости человеческой натуры, я очень порадовался чужому несчастью. Порадовался особенно: никогда ни к кому из лиц, с кем я имел дело по поводу моих литературных дел, личной злобы я не питал; не питал их ни к прокурорам – которых я, впрочем, и не видал иначе как в день суда, и притом на некотором расстоянии, слишком большом для моего недостаточного зрения, – ни к судьям. Тем более к судебным следователям, с которыми приходилось иметь всего более близкие отношения, но которые все были людьми вполне культурными и порядочными. Головня составлял редкое исключение. И злобу я питал не потому, чтобы он раскрывал и делал тщетными мои ухищрения для заторможения дела, – к этому я привык и признавал его вполне в своем праве. Чувствовал злобу за его недопустимую, оскорбительную манеру вести себя.

Теперь я уже чувствовал себя в полной безопасности. Дело, конечно, возобновится, когда новый следователь ознакомится с ним. Но раньше осени оно до палаты не дойдет. Там – Сенат, а там, в феврале 1913 г., – и амнистия. В худшем случае посидеть придется два-три месяца, а вероятнее, и того не будет.

Случилось еще лучше. Новый следователь, видимо, не успел ознакомиться с делом до осени. А осенью состоялся тай-

ный (но ставший известным) приказ по судебному ведомству приостановить в ожидании амнистии литературные дела, находившиеся в порядке производства¹³³³. А там действитель-

- 1333 Описываемое мемуаристом дело было возбуждено в октябре 1911 г. по поводу издания брошюры Водовозова «Проект избирательных законов в Учредительное собрание и парламент». Хотя книгоиздательство «Донская речь» выпустило ее шесть лет назад, Комитет по делам печати наложил на брошюру арест, утвержденный 13 октября С.-Петербургской судебной палатой, ввиду помещения в ней «суждений, возбуждающих население к созыву, при посредстве временного революционного правительства, Учредительного собрания». Допрошенный 15 декабря в Ростове-на-Дону Н. Е. Парамонов заявил, что брошюра была отпечатана, когда владельцем издательства являлся уже не он, а А. Н. Сурат, который, как и Водовозов, был привлечен к делу согласно постановлению следователя от 14 марта 1912 г. На допросе 16 марта Водовозов, не признав себя виновным, показал, что предложил сам «в чисто научных целях» выпустить инкриминируемую ему брошюру, набранную первоначально в августе 1905 г., но потом несколько переделанную; она вышла в свет как раз перед тем, как полиция опечатала склад издательства, а когда он был распечатан, начались выборы в Государственную думу и интерес к распространению издания пропал. В свою очередь Сурат, повторно допрошенный следователем в Ростове-на-Дону 30 июля 1912 г., в тот же день сообщил Водовозову: «Показание мое очень короткое: я издал полученную от Вас брошюру, но распространения она не получила за опозданием выпуска ее; виновным себя не признаю, потому что не усматриваю в содержании ее ничего преступного, так как в то время подобного содержания статьи свободно печатались во всех периодических изданиях». Определением С.-Петербургской судебной палаты от 26 октября 1912 г. уголовное преследование Водовозова и Сурата было прекращено; арестованные экземпляры брошюры, согласно приговору от 5 ноября, предписывалось «уничтожить» (ГАРФ. Ф. 124. Оп. 49. Д. 659. Л. 2, 4; Ф. 539. Оп. 1. Д. 1216. Л. 4–5, 8–12; Д. 2490. Л. 1).

но последовала теперь уже всеми ожидаемая амнистия¹³³⁴. Она была не полная, но на литературные дела была распространена. Мой залог я получил обратно, в том числе и вторую тысячу рублей, внесенную через Головню.

Я подробно рассказал свои литературные дела, державшие меня 7 лет под дамокловым мечом приговора к году крепости. Я был все время на свободе под гарантией залога, сперва в 1000 рублей, потом в 2000 рублей. Я имел возможность разъезжать по России для чтения лекций и по другим надобностям, только извещая судебную власть о своих разъездах, и то не всегда. Я даже раз уехал за границу (в Турцию в 1909 г.), но эта поездка была сопряжена со значительным риском: если бы я был вызван к суду в момент отсутствия, то залог был бы конфискован, а я по возвращении арестован. Но я поручил Зарудному следить в суде за моим делом и в случае опасности вызывать меня назад телеграммой.

Очень неприятная сторона была в том, что состояние под приговором лишало меня по избирательным законам как 1905 г., так и 1907 г. избирательных прав. Но отбытие наказания и даже амнистия от этого последствия не освобождали. В законе сказано: не имеют прав лица, судившиеся за преступление, влекущее за собой лишение или ограничение в правах состояния, и судом не оправданные, хотя бы дело было окончено за давностью, вследствие помилования или по другим причинам. Я судился по статье 129, карающей как максимум каторжными

1334 Имеется в виду Указ Сенату, утвержденный императорским манифестом от 21 февраля 1913 г. по случаю 300-летия царствования дома Романовых, в пункте 5-м части XVIII которого предписывалось: «Лиц, учинивших по день 21 февраля 1913 года посредством печати преступные деяния, предусмотренные статьями 128, 129 и 132 уголовного уложения (свод. зак., т. XV, изд. 1909 г.), от суда и наказания освободить» (Указ его императорского величества, самодержца Всероссийского, из Правительствующего сената. 21 февраля 1913 г. С. 17).

работами с лишением прав, и не только не был оправдан, но и был обвинен, хотя и приговорен к минимальному наказанию, допускаемому этой статьей, а именно к крепости без лишения прав.

Аналогичная статья имелась и в нашем земском положении. Имелась и практика, доходившая до Сената, и сенатская практика колебалась: иногда на лиц, приговоренных без лишения прав, действие этой статьи распространяли, а иногда – нет.

При составлении списков избирателей для выборов в III Думу, когда я обладал достаточным имущественным цензом (квартирой) в течение уже достаточного срока, я в список избирателей включен не был; не был – в силу своей подсудности.

Вопрос был тогда (для выборов в Государственную думу) внове и заинтересовал и литературу, и адвокатуру. Известный адвокат Маргулиес первый – раньше, чем я сам успел как-нибудь реагировать на это мое исключение, – предложил мне опротестовать в Сенат решение комиссии по делам о выборах. Я принял предложение с благодарностью. Маргулиес отстаивал мои права в Сенате, доказывая, что хотя я судился по статье 129 и обвинен, но, будучи приговорен к крепости без лишения прав, я должен быть признан оправданным по обвинению в тяжком преступлении и обвиненным только за проступок, не влекущий таких последствий; следовательно, мой приговор не должен вести за собой и частичного правопоражения. И он ссылался на более ранние, сейчас мною упомянутые сенатские решения.

С точки зрения буквального смысла закона его толкование должно быть признано натянутым. Но общему духу закона оно вполне соответствовало. В самом деле: человек приговорен к наказанию, не влекущему за собой правопоражение и даже принадлежащему к числу так называемого custodia

honesta¹³³⁵. За что же подвергать его правопоражению? За то, что его преступление в уголовном кодексе помещено где-то рядом с более тяжелыми преступлениями? Тем не менее Сенат под давлением министра Щегловитова решил дело против меня, и об этом решении по делу Водовозова говорил в Думе Щегловитов, и оно же послужило прецедентом для лишения прав Муромцева и других первоудмцев, литераторов Мякотина и многих других. Амнистия 1913 г. наших прав не восстановила, и если бы произошли еще новые выборы по старому закону, то все мы не могли бы получить ни активного, ни пассивного права голоса.

В связи с моими процессами я расскажу здесь один удивительный и очень трогательный эпизод.

В начале 1911 г. – телефонный звонок:

– Говорит Максим Ковалевский. Мне нужно поговорить с вами по делу, вас касающемуся. Приезжайте, пожалуйста.

Я приехал.

– Скажите, пожалуйста, ведь над вами тяготеет приговор к одному году крепости?

– Да.

– Если вы считаете возможным, то ответьте мне на интересующий меня вопрос. Почему вы не уезжаете за границу? Ведь через два года, наверное, будет амнистия. Два же года эмиграции лучше года крепости.

– У меня есть несколько причин, но в настоящее время главной является та, что за меня лежит залог в тысячу рублей. Эти деньги принадлежат не мне; я должен их возвратить, а средств у меня к этому нет.

– А если бы у вас эта тысяча была, вы уехали бы?

– Мне не приходилось думать об этом. Но, вероятно, да. Конечно, тогда, когда сидка приблизилась бы. Теперь до нее

1335 арест, лишенный признаков бесчестия (лат.).

еще по крайней мере несколько месяцев.

– Ну так вот что. Если вы надумаете бежать, то тысячу рублей я могу вам дать. Когда решите, скажите.

Лично с Ковалевским я никогда не был близок. Я бывал у него в квартире на разных заседаниях, которые у него происходили довольно часто; встречались мы и в других местах, но и только. Никаких прав на особый ко мне и моему положению интерес со стороны Ковалевского я не имел. Никакого намека ему я не делал. Его предложение было для меня так же неожиданно, как и вызов к Головне, и оно очень меня тронуло и оставило теплую и благодарную память о Ковалевском.

Воспользоваться им мне не пришлось¹³³⁶.

Мои процессы и амнистия 1913 г. были для меня последними отзвуками первой русской революции, поскольку она была связана с моей личной судьбой. Рядом с ними шла уже мирная, вошедшая в свои берега жизнь. Тут была деятельность двух спокойных Дум, 3-й и 4-й, тут жила своею жизнью и литература. В той и другой я тоже принимал участие, и о той и другой у меня тоже есть свои воспоминания.

Прага, 1 сентября 1931 г.

1336 Менее чем за три месяца до амнистии, 27 ноября 1912 г., В. В. Водовозов обратился в С.-Петербургскую судебную палату с очередным прошением приостановить обращение к исполнению довлевшего над ним приговора ввиду привлечения его в качестве обвиняемого по делу о составлении книги «Всеобщее избирательное право и применение его в России», вышедшей в свет в 1905 г. (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 1213. Л. 14).

■ Часть V. Революция 1917

Глава I. Речь Милюкова 1 ноября 1916 г. как начало революции. – Мое отношение к революции; пессимистический прогноз. – Общественное настроение при наступлении революции. – Отрицательные явления в революции, сказавшиеся в первые ее дни. – Усиление преступности

1 ноября 1916 г. Милюков произнес в Думе свою знаменательную речь, в которой всю деятельность правительства квалифицировал как глупость или измену и в которой позволил себе прямое нападение на императрицу, для смягчения, правда, произнесенное в виде немецкой цитаты¹³³⁷. Для меня сразу стало несомненным, что революция приближается; я даже формулировал дело так: «Революция началась». Начало ее можно приурочить к этому моменту с таким же правом, как начало Великой французской революции не к взятию Бастилии¹³³⁸, а ко дню открытия Генеральных штатов 5 мая 1789

1337 См.: «Я говорил о слухах об “измене”», неудержимо распространяющихся в стране, о действиях правительства, возбуждающих общественное негодование, причем в каждом случае предоставлял слушателям решить, “глупость” это “или измена”. Аудитория решительно поддержала своим одобрением второе толкование – даже там, где сам я не был в нем вполне уверен. <...> Но наиболее сильное, центральное место речи я замаскировал цитатой “Neue Freie Presse”. Там упомянуто было имя императрицы в связи с именами окружавшей ее камарильи. Это спасло речь от ферулы председателя, не понявшего немецкого текста, – но, конечно, было немедленно расшифровано слушателями» (Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 445). Речь шла о том, что назначение премьер-министром «немца» Б. В. Штюмера является «победой придворной партии, которая группируется вокруг молодой царицы» (см.: Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия V. Заседание первое. Стенографический отчет. Пг., 1916. Стлб. 35–48).

1338 Великая французская революция началась со взятия крепо-

г.¹³³⁹ Если не какой-нибудь революционер, а вождь мирной и умеренной партии мог говорить таким языком и если у царского правительства не только не оказалось сил его за этот язык покарать, но и пришлось немедленно уволить министра (Штюмера)¹³⁴⁰, против которого была направлена речь Милюкова, – значит, песенка правительства спета. Это чувствовалось в воздухе, и большинство тех людей, кому я высказывал свое мнение, со мной соглашалось; были, однако, и такие, которые надо мной смеялись, например Гревс.

Когда теперь ретроспективно вспоминаешь события следующих четырех месяцев, кажется, что все подтверждает это мнение: убийство Распутина¹³⁴¹; закрытие декабрьской сессии Думы¹³⁴², при котором не кадет, а уже октябрист Родзянко не счел нужным провозгласить обычного «ура» в честь государя; продовольственные затруднения; беспрестанная смена министров и в особенности падение Штюмера, принесенного в жертву общественному мнению, – все это следовало одно за другим с ненормальной быстротой, все это насыщало воздух

сти-тюрьмы Бастилии 14 июля 1789 г.

1339 Генеральные штаты – высшее сословно-представительское учреждение во Франции в 1302–1789 гг., которое с 1614 г. ни разу не собиралось; созванные 24 января 1789 г. королем Людовиком XVI для разрешения финансового кризиса в стране, открылись 5 мая, а 17 июня депутаты третьего сословия, к которым присоединилась часть дворянства и духовенства, провозгласили себя Национальным собранием, и попытка разогнать его привела к революции.

1340 Б. В. Штюмер, председатель Совета министров с 20 января 1916 г. и одновременно, с 7 июля, министр иностранных дел, был отправлен в отставку 10 ноября.

1341 Г. Е. Распутина убили 17 декабря 1916 г.

1342 4-ю Государственную думу, заседания пятой сессии которой начались 1 ноября 1916 г., досрочно распустили на каникулы 16 декабря.

революционным настроением. Но тогда, по свойственному почти каждому человеку, и мне в том числе, нетерпению, казалось, что события движутся с крайней медленностью, и это нетерпение заставляло меня сомневаться: уж не ошибся ли я? не принял ли я за раскат грома случайную хлопушку?

Хотел ли я революции?

На этот вопрос мне самому не так легко ответить.

С очень давнего времени, еще с конца 90-х годов, в особенности с 1898 г., тем более с 1903 г., когда я провел в Германии два раза по несколько месяцев, изучая их политическую жизнь и в особенности эволюцию ее социал-демократической партии, я выработал себе там историческое мировоззрение, сильно окрашенное пессимистическим цветом. Исходной его точкой было разочарование в социализме. Я пришел к убеждению, что социализм есть не научное учение, а религиозное и что ему уготована судьба всех религий, в частности и даже в особенности христианской. Начинается новое религиозное движение всегда небольшим числом людей благородных, самоотверженно ему преданных, не преследующих никаких личных целей и даже в противниках движений вызывающих личное к себе уважение. Смотря на окружающий мир с высоты отвлеченной доктрины и ясно чувствуя свое нравственное над ним превосходство, эти люди не допускают никаких компромиссов со своей совестью и резко противопоставляют свое мировоззрение старому, как не имеющему ничего с ним общего. Но дни бегут, движение ширится, к нему примыкают широкие массы людей, стоящих на низшей ступени морального и интеллектуального развития, и новое учение вульгаризуется, все больше и больше сближаясь и применяясь к учению господствующему; оно все чаще принуждено сталкиваться с конкретной жизнью, и это ведет к тому же последствию: все большему сближению нового и старого. Новое учение по-прежнему резко провозглашает догматы в их первоначальной неприкосновенности, но дух живой революционности уже отлетел от них. И в результате новое учение проникается всеми элементами

прежнего; вождем христианства вместо непримиримого Иисуса Христа становится ищущий примирений и компромиссов с языческим миром апостол Павел, провозглашающий: «Несть бо власть, аще не от Бога»¹³⁴³ и применяющий этот афоризм даже к языческим властям эпохи Нерона. Дни идут дальше, христианство побеждает языческий мир, но само становится языческим.

Совершенно то же происходило на моих глазах с социал-демократизмом. В нем в лице Эдуарда Бернштейна уже явился свой апостол Павел, пропитавший революционное учение всеми элементами отвергаемого этим учением строя. На всех партийтагах германской социал-демократической партии, на которых я лично присутствовал (Штутгартский 1898 г., Дрезденский 1903 г.), и других, отчеты которых читал, во всех резолюциях торжествовала ярко революционная фразеология, но этот факт не мешал мне чувствовать полную победу бернштейнианства, и я убедился, что если социализм когда-либо победит буржуазный мир, то это произойдет лишь после того, как сам социализм станет вполне буржуазным и, может быть, из буржуазного мира извлечет для себя не лучшее, а худшее. Если торжество христианства в общей истории человечества было связано с гибелью всей античной культуры и потому явилось одним из реакционнейших событий, то – кто знает – не будет ли таковым же и торжество социализма?

С этой точки я расценивал и происходящие на моих глазах великие события русской истории. Еще во время первой революции 1905 г. мне как-то случилось проводить мой взгляд в разговоре с одной тогда революционно настроенной барышней, и в нем я сформулировал мой прогноз таким образом: я очень боюсь, что настанет день, когда мы все – и вы, и я – закричим: нет, лучше какой угодно Плеве, чем *такая* револю-

1343 Цитируется «Послание к римлянам» апостола Павла (Римл. 13: 1).

ция. А еще раньше, в 1903 г., в разговоре с Булгаковым (С. Н.) и его женой Еленой Ивановной я говорил: в истории Европы теперь наступил второй час, – воздух некоторое время будет еще делаться все теплее, но тени уже становятся длиннее, и вечер не далек. Эта точка зрения в свое время возмущала всех. Булгаков в своем ответе на мои возражения на его лекции о Вл. Соловьеве говорил, что ему психологически совершенно непонятны такие люди, как я. Из моего пессимизма могут быть два психологически понятных ему исхода: или самоубийство, или грубый цинизм, прожигание жизни в грязных удовольствиях, я же не делаю ни того ни другого (лекция Булгакова вместе со стенографическим отчетом о прениях, в том числе и этим отзывом о мне, была напечатана в 1902 г. в журнале, называвшемся не то «Новый путь»¹³⁴⁴, не то «Вопросы жизни»¹³⁴⁵, выходившем при его ближайшем участии).

В настоящее время (1932 г.) такого замечания Булгаков, вероятно, не сделал бы. Людей с таким же пессимистическим воззрением, как мое, и вместе со мной не делающих ни того, ни другого вывода, появилось слишком много. Очень многие теперь говорят о «сумерках Европы»¹³⁴⁶. Лет 7 или 8 тому назад знаменитый историк М. Ростовцев напечатал (не то в «Русской

1344 Неточность в датировке. См.: С. З. Бердяев С. А. Философские воззрения Владимира Соловьева: Отчет о лекции проф. С. Н. Булгакова в г. Киеве и стенографическая запись прений // Новый путь. 1903. № 3. С. 71–104.

1345 В 1905 г. вместо журнала «Новый путь» выходил журнал «Вопросы жизни».

1346 См.: Ландау Г. А. Сумерки Европы // Северные записки. 1914. № 12. С. 28–54; Он же. Сумерки Европы. Берлин, 1923; Савин А. Н. Сумерки Европы // Русские ведомости. 1917. № 277. 2 дек.; Бердяев Н. А. Сумерки Европы // Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1918. Последняя книга стихов В. Ф. Ходасевича «Европейская ночь» вошла в его «Собрание стихотворений» (Париж, 1927).

мысли», не то в «Современных записках») статью о прогрессе¹³⁴⁷, в которой доказывал, что вера в бесконечный прогресс решительно ни на чем не основана и эпохи сильнейшей реакции совершенно неизбежны в истории. А несколько месяцев тому назад такой умный человек, как Алданов, – не историк по профессии, но редкий знаток истории, – выразил ту же мысль более образным и наглядным образом: он считает вполне вероятной в ближайшем будущем победу хамства, дикости и варварства¹³⁴⁸.

После 1905 г. предсказанное мною положение, которое было бы хуже, чем эпоха Плеве, не наступило. Как ни много было гадости при Столыпине, как ни жалки были Третья и Четвертая думы¹³⁴⁹, но для меня было бесспорно, что революция 1905 г. была шагом вперед, а не назад. Но революция 1917 г., давшая торжество большевикам, лишившая Россию тех крупниц политической и личной свободы, которые она имела, толкнувшая ее к обнищанию и голодам 1921 г. и, по-видимому,

- 1347 Ростовцев М. И. Идея прогресса и ее историческое обоснование: По поводу книги J. B. Bury «The Idea of Progress» (London: Macmillan, 1921) // Современные записки. 1921. Кн. 6. С. 146–166.
- 1348 На вопрос: «Что вы думаете о своем творчестве?», заданный редакцией парижского эмигрантского сборника «Числа», М. А. Алданов ответил: «Я думаю, что так называемая цивилизация, с ее огромными частными достижениями, с ее относительными общими достоинствами, в сущности висит на волоске. Вполне возможно, что дикость, варварство и хамство в мире восторжествуют. Эта мысль сквозит в разных моих книгах и, вероятно, оттого меня часто называют скептиком. Но слово это ничего не значит» (Литературная анкета // Числа. 1931. № 5. С. 286).
- 1349 Государственная дума 3-го созыва работала с 1 ноября 1907 г. по 30 августа 1912 г., 4-го созыва – с 15 ноября 1912 г. до 6 октября 1917 г.

предстоящему в 1932 г.¹³⁵⁰, давшая в ней торжество действительно хамству и варварству, – эта революция действительно заставляет вспоминать о временах Плеве и Столыпина чуть ли не как о потерянном рае; во всяком случае, «лучше какой угодно Плеве, какой угодно Столыпин, чем *такая* революция».

Если таков был мой прогноз революции, то мог ли я желать ее и желал ли, а когда она пришла, то мог ли я ей радоваться? Да, несмотря на прогноз и на все прочее. С самого начала моей политически сознательной жизни, т. е. с начала 80-х, если даже не с конца 70-х годов, революцию я желал, о ней мечтал, к ней стремился. За сорок лет с этого времени до действительного ее прихода и мои чаяния от революции, и мои прогнозы, и оценки совершающихся событий – все это, конечно, сильно менялось. Я сказал, что определенно пессимистическое отношение к человеческому прогрессу вообще и, в частности, к ближайшей революции у меня выработалось около 1898–1903 гг.; до того у меня сохранялось довольно обычное для того времени юношеское представление о революции как о чем-то бесконечно светлом, лучезарном, поднимающем дух и силы, дающем толчок и простор личной и общественной самодеятельности. Революция казалась бурей со всей ее романтической поэзией и прелестью, и «Буревестник» Горького¹³⁵¹ с его странным поэтическим образом птицы, «черной молнии подобной», вполне соответствовал настроению, вызываемому мыслью о революции. Как могло держаться такое убеждение? Правда, тогда я был молод, но не юнец же, читал

1350 Имеется в виду массовый голод 1921–1922 гг. в Поволжье и ряде других областей Европейской части России, вызванный последствиями Гражданской войны, и 1932–1933 гг. на Украине, в Белоруссии и Казахстане, связанный с насильственной коллективизацией.

1351 Речь идет о стихотворении в прозе М. Горького «Песня о Буревестнике» (1901).

много по истории Французской революции, в частности Тэна¹³⁵², и мог бы относиться к делу более критически. И не я один был очарован идеей революции; по существу все историки революции, за исключением Тэна (но ему я, как и все мое поколение, совершенно не верил, а Ленотра и Мадлена тогда еще не было¹³⁵³), хотя и говорили о терроре, о деспотизме и Робеспьера, и термидорианцев, об экономическом упадке в период террора, все-таки окружали революцию ореолом величия и блеска. Возьмите хотя бы главы Кареева в его новой истории¹³⁵⁴; отрицательные факты все налицо, попытки утаить их нет, но написаны они так, что настроение эти главы вызывают у читателя все-таки восторженное, несмотря даже на бледность и мертвенность кареевского языка. Тем более у историков крупного научного и литературного таланта, как Ми-

- 1352 См.: Taine H. *Les Origines de la France contemporaine: La Révolution*. Paris, 1878–1883. Т 1–3. Русские переводы появились позднее: Тэн И. Происхождение современной Франции / Пер. с фр. Э. Пименовой. СПб., 1906. Т. 1; Он же. Происхождение современной Франции / Пер. с фр. под ред. А. В. Швырова. СПб., 1907. Т. 1–5; Он же. История французской революции / Пер. с фр. Н. Шемардина. Харьков, 1906–1913. Ч. 1–6.
- 1353 Неточность. См.: Ленотр Ж. *Революционный Париж* / Пер. Н. Ломакина. М., 1895. Позднее изданы переводы других книг: Ленотр Ж. Путешествие на эшафот / Пер. с фр. А. Гр-н. М., 1906; Он же. Париж в дни революции / Пер. с фр. Н. Тэффи и Е. Лохвицкой. М., 1913. Книги Л. Мадлена выходили позднее указанного Водовозовым периода: Madelin L. *La Révolution*. Paris, 1911; Мадлен Л. Французская революция / Пер. с фр. С. И. Штейна. Берлин, 1922. Т. 1–2.
- 1354 См.: Кареев Н. И. Учебная книга новой истории. Изд. 6-е. СПб., 1905 (Гл. VIII. Французская революция. С. 182–215); Он же. История Западной Европы в новое время: (Развитие культурных и социальных отношений). Т. 3: Восемнадцатый век и Французская революция. СПб., 1893.

нье, Л. Блан, особенно Олар¹³⁵⁵.

Но, как я уже сказал, на рубеже XIX и XX вв. мое отношение к делу сильно изменилось. Изменилось, собственно, отношение не столько к моменту революции, сколько к явлению более общему и длительному – к прогрессу человечества, но вместе с тем отрицательные черты и в революциях стали вырисовываться для меня отчетливее, не закрывая и не уничтожая черт положительных; я начинал понимать (может быть, правильное будет сказать: предчувствовать), что для поколения, живущего в эпоху революций, она должна представляться далеко не со своей положительной стороны. И вполне уразумел это я во время первой нашей революции 1905 г., хотя как раз в ней отрицательные черты сказывались слабо. И все-таки я ее продолжал желать. Слишком душно было перед революцией, слишком нелепо вело себя правительство, слишком ясно чувствовалось, что правительство медленно, но верно тянет нас не то в пропасть, не то в трясину. Естественно было желать, чтобы буря освежила воздух, хотя бы и ценою не только многих поломок, но – что гораздо хуже – ценою поднятия из глубины жизни новых миазмов.

Тут есть очевидное внутреннее противоречие, но это противоречие логическое, а не психологическое, и думаю, что хотя мой противоречивый пессимизм в то время был явлением довольно редким, но все-таки перед революцией 1917 г. не совершенно индивидуальным. Я пережил это настроение, когда хищническая и вместе не предусмотрительная группа прибли-

1355 См., например: Минье Ф. О. История французской революции. СПб., 1866–1867. Т. 1–2; Блан Л. История французской революции. СПб., 1907–1909. Т. 1–12; Олар А. Политическая история Французской революции. Происхождение и развитие демократии и республики (1789–1804). М., 1902; Он же. Великая французская революция. Внутренняя история. М., 1906; Он же. Очерки и лекции по истории Французской революции. СПб., 1908.

женных Николая II затащила нас в ненужную Японскую войну, которую к тому же не умела вести. Вторично я пережил его после того, как правительство, искусно расслоив оппозицию, сумело сравнительно легко раздавить первую революцию, отделавшись от народных требований цензовой и бессильной Думой. Это настроение только укрепилось, когда правительство, будучи втянуто ходом событий в европейскую войну, опять обнаружило полнейшую, совершенно исключительную бездарность, как военную, так и административную. И больше того, теперь, в эмиграции, я переживаю то же настроение в третий раз. Вновь, и даже сильнее, чем когда бы то ни было раньше, я всеми фибрами своей души жажду революционной бури, которая должна стереть с лица земли самый омерзительный, самый подлый, самый тиранический строй, какой только знает вся человеческая история на протяжении по крайней мере всего XIX и XX вв., а может быть, и раньше¹³⁵⁶.

Я жажду бури, а между тем я уверен, что она принесет с собою массу гадости, что, свергнув хотя и отвратительный, но все-таки установившийся порядок, она создаст вместо него хаос, и очень вероятно, что при господстве шаек нового Махно или Петлюры мы, столь ненавидящие большевиков, будем говорить (если еще будем что-нибудь говорить, а не болтаться на виселицах): нет, все-таки при большевиках было хоть какое-нибудь подобие порядка, а теперь... И все-таки да придет царствие твое¹³⁵⁷, новая революция!

Итак, революция началась 1 ноября 1916 г., и я страстно ждал, чтобы она разгорелась ярким пламенем, томился от того, что она только тлеет. Но вместе с тем я не находил возможности приложить к ней своих рук. По-прежнему я ходил на за-

1356 В рукописи далее зачеркнута фраза: «Во всяком случае, в России с ним несравнима эпоха Николая I, когда при всем деспотизме правительства Россия развивалась не только экономически, но и культурно; едва ли сравнима даже эпоха Павла I».

1357 Мф. 6: 9–10.

седания Трудовой группы и поддерживал в ней Керенского, рвавшегося в бой против более осторожного Дзюбинского, но участия в революции я в этом не чувствовал не только для себя, но и для Трудовой группы и, в частности, для Керенского: ведь Дума в этот период была созываемой только на самые короткие сессии. Приближение революции я почувствовал при убийстве Распутина, но в этом последнем факте все то общественное течение, с которым я шел, было совершенно ни при чем. Конечно, убийство Распутина, хотя и совершенное реакционерами, стало возможным лишь благодаря общей атмосфере ненависти и гадливости к Распутину, но это же не личное участие в акте убийства. Я почувствовал приближение революции, когда Родзянко при закрытии сессии Думы не провозгласил обычного «ура» в честь Николая, но и здесь с нашей, в частности с моей, стороны, было не личное участие, а только инертное участие в общем настроении, на которое опирался Родзянко. Я по-прежнему писал различные статьи в газете «День», но военная цензура свирепствовала более чем когда-либо, и живым общественным делом писание этих статей не было. Принимал участие я и в некоторых совещаниях различных общественных групп, но из этих совещаний ничего конкретного не выходило¹³⁵⁸. А между тем страшную поступь революции я ясно слышал, как все, кто не был глух, хотя ино-

1358 Например, 9 октября 1916 г. трудовики В. В. Водовозов и А. Ф. Керенский, народные социалисты В. А. Мякотин и А. В. Пешехонов, меньшевики Б. О. Богданов и О. А. Ерманский, другие представители левой демократической оппозиции обменивались мнениями по текущему политическому моменту в квартире депутата 4-й Государственной думы социал-демократа Н. С. Чхеидзе (см.: Ирецкий В. «Охранка». (Страница русской истории) // Речь. 1917. № 82. 9 апр.); на конспиративных совещаниях, проходивших там же в октябре – ноябре, обсуждался вопрос о создании Российской радикально-демократической партии (см.: Трудовая народно-социалистическая партия: документы и материалы. М., 2003. С. 34).

гда и сомневался, не ослышался ли я, не принял ли я хлопушку за удар грома.

Кто не был глух, сказал я; смысл этого выражения ясен для всех. Но для меня он имеет еще один и как раз прямой смысл. В эту эпоху, о которой я говорю, меня постигло большое личное несчастье, очень печальным образом отразившееся на моей последующей жизни, сделавшее меня инвалидом: я оглох. Уже давно, еще с конца 90-х годов, я начал замечать ослабление слуха – болезнь, унаследованная мною от матери, которая умерла (в 1923 г.) совершенно глухой. Я пробовал лечиться, доктора определили катар среднего уха и в утешение сообщили, что медицина не знает средства против него; ездил я лечиться (еще в 1901 г.) к знаменитейшему в то время ушному врачу Брауну в Триесте, который один знал средство против этой болезни, но средство оказалось действительным только на два-три месяца, по истечении которых вернулось прежнее состояние слуха, а затем болезнь продолжала медленно прогрессировать. Перед войной я должен был во всех общественных собраниях выбирать себе место перед ораторской трибуной, а если таковой не было, то переходить с места на место к каждому очередному оратору, сильно напрягать свой слух, и все-таки многое сказанное ускользало от меня. Тем не менее я не считал еще себя инвалидом: читал лекции, выступал на собраниях и мог еще участвовать в дебатах, хотя иногда и попадал впросак, неверно поняв мнение не дослышанного мною противника. В годы войны болезнь начала прогрессировать быстрее, и я уже начинал чувствовать себя инвалидом, предвидя день, когда мне придется окончательно сдать себя в архив. Ясным симптомом этого было то, что я почти ни с кем не мог говорить по телефону: только у очень немногих из моих знакомых дикция была настолько отчетливая, что их голос в телефонной мембране не обращался в невнятный шепот.

Случилось, однако, нечто совершенно не предвиденное мною. Когда началась революция, – не речь Милюкова 1 ноября, а настоящий народный взрыв 27 февраля, – она настолько

подняла всю мою нервную систему, что я начал слышать почти нормально или, по крайней мере, гораздо лучше прежнего. Я вновь получил возможность говорить по телефону со всеми и даже ясно слышал в телефон очень глухой, очень плохо соответствовавший моим слуховым средствам голос проф. Александра Ивановича Введенского. Все мои знакомые заметили это. Влияние революции было гораздо сильнее и, главное, длительнее, чем когда-то влияние внутреннего ушного массажа д-ра Брауна; вновь ухудшаться мой слух начал только в октябре и ноябре; ухудшение произошло как-то почти сразу и было замечено мною на устраиваемых мною митингах в Оренбургской губернии, когда я перестал слышать очень громкие выражения злобы и негодования с мест и должен был догадываться о них только на основании своих зрительных восприятий.

Наконец, эта долго ожидаемая революция наступила. Началась забастовка. Трамваи прекратили движение. Правительство принимало все военные меры. Наконец, в ночь на воскресенье 26 февраля сессия Думы была объявлена закрытой, но Дума отказалась подчиниться и образовала Комитет Думы¹³⁵⁹. Около того же момента – немного раньше или немного позже – в Петербурге¹³⁶⁰ образовался Совет рабочих де-

1359 Временный комитет Государственной думы (полное наименование – Комитет членов Государственной Думы для водворения порядка в столице и для сношения с лицами и учреждениями) был создан 27 февраля 1917 г. под председательством М. В. Родзянко. В воззвании, опубликованном на следующий день, объявлял, что «при тяжелых условиях внутренней разрухи, вызванной мерами старого правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка», и 2 марта сформировал Временное правительство.

1360 Неточность: еще 18 (31) августа 1914 г. Николай II подписал высочайшее повеление о переименовании столицы в Петроград.

путатов¹³⁶¹.

Я должен сознаться, что общеполитические события этих дней, несшиеся стремительным потоком, уложились в моей памяти крайне неясно. Я не могу с точностью и уверенностью установить их хронологическую последовательность. Но совершенно ясно чувствую, какое громадное значение имел акт Государственной думы. Конечно, спор о том, благодаря ли акту Думы пала империя или благодаря образованию Совета рабочих депутатов, является спором схоластическим, беспредметным. Акт Думы был бы невозможен, если бы революции не было в воздухе, но без него переход армии на сторону революции не совершился бы так быстро и легко. Выделять отдельные события из революции нельзя: революцией было все это, вместе взятое¹³⁶².

1361 27 февраля 1917 г. состоялось учредительное заседание Петроградского совета рабочих депутатов.

1362 В рукописи далее зачеркнуто: «Ярко в памяти стоит одно мелкое, частное, но – увы – характерное событие, связанное с революцией. Утром 28 февраля или 1 марта я был у Введенских (проф. А. И. Введенский). Раздался звонок, и в квартиру входят несколько солдат. “Обыск, ищем оружие!” Никаких мандатов не представляют и требуют, чтобы им показали все шкапы, все ящики в столах, что было сделано. Оружия не нашли. При этом одна из дочек Введенского громко ругала их за незаконное вторжение в мирную квартиру. Они молчали. В царские времена за такую ругань, конечно, арестовали бы, – теперь это сделано не было, солдаты ушли мирно. Но ничем не мотивированный, совершенный вне всяких легальных форм обыск остался первым сильным впечатлением революционного момента. Потом я узнал, что в эти дни подобных обысков были произведены многие сотни, если не тысячи. Каждые два или три солдата считали себя вправе вторгаться в квартиру и производить обыск. В одной моей знакомой семье было несколько обысков в один день, произведенных разными группами солдат, и при одном из них пропали золотые вещи».

2 марта, в день отречения от престола императора Николая (о котором в Петрограде еще не знали) я отправился в Таврический дворец с общей целью – узнать, что происходит, и с целью специальной – выхлопотать освобождение одного знакомого. Это был отставной генерал Юрковский¹³⁶³. Генерал, с которым я изредка встречался у знакомых, был в отставке уже в довоенное время и был настолько стар, что во время войны на службу вновь не поступал; все время войны он провел в Петербурге, слегка фрондируя и старчески критикуя в гостиних ведение войны. При всем его отставном либерализме он по существу был и монархистом, и консерватором и революцию мог встретить, конечно, только враждебно. Но вместе с тем никаких поводов для ареста быть не могло, – это было для меня совершенно несомненно. К тому же когда я был арестован в конце 1915 г., то генерал Юрковский сам вызвался хлопотать за меня, и хотя я был освобожден раньше, чем он успел что-нибудь сделать (он только добился возврата мне забранных у меня бумаг), но все-таки я считал себя обязанным отплатить ему тем же самым. Арест его, как мне рассказали, совершился таким образом. Он жил в гостинице «Астория», которая во время войны была специально предназначена для военных, как состоявших на службе, так и отставных. И вот все жильцы этой гостиницы были арестованы солдатами и отправлены в какую-то тюрьму; Юрковский в том числе.

Я пошел в Таврический дворец. Дорога с Васильевского острова довольно дальняя: пешего хождения больше часа в нормальное время; трамваев не было, извозчиков тоже. Местами шла перестрелка, по некоторым улицам, занятым солдатами и заставленным автомобилями, не было прохода. Шел я окольными путями очень долго, помнится – часа два с половиной. Наконец пришел. У дверей стража, не пропускает.

– К кому вы?

1363 Имеется в виду В. И. Юрковский.

– К Керенскому.

– А кто такой Керёнский? (С ударением на среднем слоге.)

Вопрос, да еще в устах солдата, стоявшего на страже у дверей Таврического дворца, меня удивил: Керенский уже был министром юстиции и вице-президентом Совета рабочих депутатов¹³⁶⁴.

– Не велено пущать!

Однако через другие двери я прошел. Во дворце встретил массу знакомых, между прочим И. В. Гессена. С ним я вступил в горячий спор: я настаивал на том, что первым делом Временного правительства должен быть созыв Учредительного собрания, что откладывать этого созыва нельзя ни на одну неделю, что сейчас уже, в несколько дней, нужно выработать закон о выборах и тотчас же приступить к составлению списков избирателей, чтобы не позднее августа, а если окажется возможным, то и раньше произвести сами выборы. Гессен же доказывал: во время войны производить выборов нельзя, нужно управлять страной теми силами, которые имеются налицо, и вести войну. С необходимостью вести войну я был совершенно согласен, но не видел возможности приостановить всю остальную жизнь страны; для правильного же хода жизни необходимо правительство с юридическим титулом под собою¹³⁶⁵; провозглашение же Временного правительства, только что совершившееся в этом самом Таврическом дворце, таким титулом не является. Само Временное правительство окрепнет еще до созыва Учредительного собрания, если будет известно, что оно готовит его созыв и работает над ним.

Гессен со мной не соглашался – он видел достаточный титул в восторге толпы, провозгласившей Временное правительство, и твердо надеялся на его прочность.

1364 Правильно: товарищем председателя Петроградского совета рабочих депутатов.

1365 Титул – в юриспруденции основание какого-либо права.

– Но ведь это только Петербург! А что думает и говорит провинция? И ведь этот самый восторг завтра же может смениться восторгом по другому адресу! Пока нет Учредительного собрания, до тех пор Временное правительство висит в воздухе и каждый день, каждую минуту может свалиться.

Аргументация моя не убедила моего собеседника.

Тут же мне рассказали о посещении Таврического дворца великим князем Кириллом Владимировичем, – эпизод, слиш-ком хорошо теперь известный. Он явился во дворец во главе Гвардейского экипажа, с красным бантиком в петлице, чтобы предоставить себя в распоряжение Временного правительства; потом долго дружески и совершенно демократически беседовал с журналистами, выражая полнейшую радость по поводу совершившейся революции. К сожалению, я его не застал; он ушел за полчаса до меня¹³⁶⁶.

Керенского в этот раз я не добился – его, можно сказать, рвали на куски, – и совершенно не помню, с кем говорил о деле Юрковского, но помню, что с кем-то бывшим в ту минуту «власть имеющим» или некоторое подобие власти. И он мне определенно обещал сделать для Юрковского все возможное и действительно исполнил свое обещание. Но эпизод этот обернулся очень комическим финалом.

Оказалось, что Юрковский, о котором я хлопотал, по ка-ким-то причинам за несколько дней до революции съехал из «Астории» в меблированные комнаты и арестован не был, а его знакомые захлопотали о нем так зря, вследствие какого-то недоразумения. Но в «Астории» был арестован другой Юрков-ский, тоже военный¹³⁶⁷, и этот-то совершенно неизвестный

1366 1 марта 1917 г. в 16 часа 15 минут великий князь Кирилл Вла-димирович прибыл в Таврический дворец, где имел беседу с председателем Временного комитета Государственной думы М. В. Родзянко.

1367 Имеется в виду В. А. Юрковский.

мне генерал или полковник был освобожден по моим хлопотам. Впрочем, благодаря мне он был освобожден только, может быть, всего на несколько часов раньше, чем был бы освобожден и без меня, потому что вообще этот бессмысленный арест был снят очень скоро. Но освобожденный Юрковский никогда не узнал о моей роли в его освобождении.

Нарушая строго хронологический порядок, расскажу здесь еще о нескольких аналогичных моих хлопотах.

Через несколько дней ко мне обратилась одна знакомая дама. У нее – старая прислуга, живущая уже не один десяток лет. У этой прислуги сын – городской, и этот городской арестован вместе с тысячами других. Прислуга в смертельном страхе – а ну как расстреляют или убьют, и дама обратилась за помощью ко мне, зная о моей близости с Керенским. Городовой был не постовой, а речной полиции. Я отправился к Зарудному (товарищу министра юстиции), тот меня направил к прокурору, ведущему эти дела. Прокурор подробно расспросил о всех обстоятельствах, я сообщил все, что могло говорить в пользу этого городского. И тут, в конце концов, я действовал впустую: городской, как оказалось позже, был уже освобожден, когда я говорил о нем с прокурором.

Третий случай. В Перми был арестован губернатор М. А. Лозина-Лозинский. Этот Лозина-Лозинский был товарищем по Училищу правоведения и когда-то близким приятелем А. С. Зарудного, который и познакомил его еще в конце 80-х годов со мной и со всем кружком братьев Ольденбургов. В течение нескольких лет я дружил с Лозинским. Он женился на очень милой барышне, прекрасной певице, дочери известного писателя К. М. Станюковича, близкого нашей семье. Писал Лозинский довольно много дельных юридических статей¹³⁶⁸. В сере-

1368 См.: Лозина-Лозинский М. А. Кодификация законов по русскому государственному праву // Журнал Министерства юстиции. 1897. № 4. С. 143–186; Он же. Крестьянский двор // Вестник права. 1899. № 3. С. 57–114; № 5. С. 1–64; Он же. Администра-

дине 90-х годов жена Лозинского умерла еще очень молодой¹³⁶⁹, а Лозинский очень скоро после ее смерти женился на какой-то особе из круга Плеве¹³⁷⁰, стал более или менее близким человеком к Плеве и начал делать хорошую карьеру. Со всеми нами, и с Зарудным в том числе, он порвал (или, может быть, мы с ним порвали). В начале 900-х годов он получил губернаторский пост и в течение времени до революции занимал его, только переменяв несколько губерний, под конец был в Перми. Как губернатор он пользовался отвратительной репутацией, проявляя в различных формах самодурство¹³⁷¹ и представляя из себя типичного губернатора плевевской, отчасти столыпинской выделки, лучшими образцами которых были Думбадзе ялтинский, Толмачов одесский, Николай Маклаков черниговский; Лозинский стоял во втором ряду, как Мономахов и некоторые другие. Во всяком случае, в одном запросе о бесчинствах провинциальной администрации, который был внесен в Думу Трудовой группой, я вставил несколько подвигов Лозинского. Теперь он был арестован в Перми¹³⁷².

В это время в Перми находился Ал. Ив. Введенский, посланный туда прочитать какой-то курс в тамошнем университете, официально считавшемся пермским отделением С.-Петербургского университета. Перед отъездом из Перми в марте месяце Введенский получил записку, пересланную ему из тюрьмы Лозинским, в которой Лозинский, узнав о его предстоящем возвращении в Петербург, умолял похлопотать о нем.

тивный суд в Австрии // Там же. № 10. С. 2–58; Он же. Принятие в русское подданство // Право. 1899. № 1, 2, 3, 10 янв., и др.

1369 Неточность: Н. К. Любич-Ярмолович-Лозина-Лозинская скончалась в 1903 г. в возрасте 35 лет.

1370 Имеется в виду О. А. Любич-Ярмолович-Лозина-Лозинская.

1371 См.: Стратонов В. В. По волнам жизни. М., 2019. Т. 1. С. 463–468, 742.

1372 М. А. Любич-Ярмолович-Лозина-Лозинский был арестован 8 марта 1917 г.

Введенский обратился с этой просьбой ко мне, и я взялся за нее.

Брался я, конечно, не с той охотой, как в первых двух случаях. Конечно, я был вообще против массовых арестов, совершавшихся вне всяких легальных форм. Но тут был арестован яркий представитель старого режима, лично виновный в очень многих грехах этого режима, следовательно несший на себе ответственность и за самую революцию, и за то воспитание народа, которое теперь сказалось во всех бессмысленных арестах, из которых его арест был наименее бессмысленным, а, может быть, даже имел свои основания.

Тем не менее прав я был или не прав, но я отправился к Зарудному. На этот раз Зарудный, не направляя меня ни к кому другому, ответил, что об этом аресте он знает и уже вчера сделал по телеграфу распоряжение об освобождении Лозинского.

– Но приведет ли к чему-нибудь мое распоряжение, не знаю. Подобных распоряжений в провинции я сделал уже довольно много; в некоторых случаях они исполнялись, а в некоторых я получал нагоняй от местного совета рабочих депутатов: зачем, дескать, я мешаюсь не в свое дело, – совет сам знает, кого арестовывать, кого освобождать.

Не знаю, получил ли Зарудный и на этот раз нагоняй, но распоряжение тогда исполнено не было. Через несколько времени я слышал, что тюремные сторожа как-то ушли на митинг или куда-то в другое место и по забывчивости оставили ворота тюрьмы незапертыми. Лозинский этим воспользовался – ушел из тюрьмы и тотчас же уехал из Перми¹³⁷³. Верен ли этот рас-

1373 5 мая 1917 г. исполком Пермского окружного совета рабочих депутатов получил телеграмму главы Временного правительства князя Г. Е. Львова, запрашивавшего о положении бывшего губернатора, переданную на рассмотрение исполкома гарнизонного собрания и Комитета общественной безопасности, после чего М. А. Любич-Ярмолович-Лозина-Лозинский был осво-

сказ, я не знаю, но невероятного в нем ничего нет: о подобных уходах из незапертых тюрем я слышал несколько вполне достоверных рассказов, правда, из более позднего времени. Дальнейшей истории Лозинского не знаю.

Еще один, последний случай аналогичных хлопот.

В марте месяце появился ко мне молодой человек, учащийся в каком-то низшем техническом заведении.

– Я Нестеров (может быть, фамилию и путаю, но, кажется, нет. – В. В.), сын того Нестерова, с которым вы сидели в Доме предварительного заключения в конце 1915 года. Он вновь сидит, не знаю, по какому обвинению. Ради бога, помогите. Семье грозит голод.

В конце 1915 г. я действительно сидел несколько дней в Доме предварительного заключения (одновременно с Мякотиным, Брамсоном и др.). Арестов тогда было произведено очень много, тюрьмы были переполнены, и я сидел в одиночной камере вдвоем с этим самым Нестеровым. Это был мастеровой, служащий на Монетном дворе. Произвел он на меня хорошее впечатление, так же как теперь его сын. Был он, как мне казалось, не революционером, а человеком мирным, не активным, но мыслящим политически. Я просидел тогда несколько дней, он остался после моего освобождения и просидел еще недель 6 или больше¹³⁷⁴.

Я пошел в прокуратуру. Лишь только я назвал фамилию Нестерова, прокурор взял его дело и предложил мне ознако-

божден из тюрьмы и выехал в Петроград.

1374 На самом деле А. В. Нестеров работал на машиностроительном, чугунолитейном и котельном заводе «Г. А. Лесснер», о чем 4 апреля 1916 г. сам В. В. Водовозов писал П. Н. Милюкову: «По предложению П. В. Мокиевского сообщаю Вам некоторые сведения о мастере завода Лесснера Александре Васильевиче Нестерове (живет по Малой Посадской, д. № 216, кв. 4), с которым в декабре 1915 г. я сидел в одной камере в Доме предварительного заключения» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2659. Л. 1).

миться с ним. Самое важное в деле было показание самого Нестерова. Состояло оно в том, что в 1915 г. он был арестован без всякой причины, а через несколько времени после ареста его вызвали в охранное отделение и предложили за определенное, очень скромное жалованье (размера точно не помню) доносить о том, что делается и говорится среди рабочих на Монетном дворе. Он сначала с негодованием отказался, но потом, когда узнал, что дома его семья голодает, смирился и согласился, с твердым намерением никого и ничего не выдавать, но изворачиваться, что он и исполнял в течение некоторого времени.

В том же деле находилась записка Бурцева, вызванного в качестве эксперта. Он написал, что Нестеров состоял в течение 1916 г. и начала 1917 г. на службе в охранном отделении, что полной невинности его действий, какую приписывает себе сам Нестеров, предполагать нельзя, так как иначе он не получал бы постоянного жалованья, но показание о вынужденности его службы заслуживает доверия, конкретных фактов доноительства с его стороны он, Бурцев, не знает и вообще считает его человеком не злостным, но только слабым, при изменившихся обстоятельствах – безвредным. Я тоже написал свою записку, в которой изложил мое знакомство с Нестеровым, сообщил свое впечатление от него и просил о его освобождении. Когда его сын пришел ко мне узнать о результатах моих хлопот, я, как ни тяжело это было мне, откровенно сообщил ему все, что узнал, и затем заявил, что от дальнейших хлопот отказываюсь. Сын ушел от меня как пришибленный. Недели через две Нестеров был освобожден.

Таковы четыре истории моих хлопот за арестованных, из которых первые две или три имели комический исход, а последняя, пожалуй что, и трагический.

Возвращаюсь к хронологическому порядку.

Несмотря на все неудобства революционных дней – забастовку, прекращение движения трамваев, отсутствие газет (это во время войны!), продолжающуюся местами перестрелку,

продовольственные затруднения – несмотря на все это, первые дни революции остались в памяти, и, конечно, не только моей, а едва ли не всех переживших эти дни, как какой-то карнавальнй угар и восторг. Я не знаю случаев, чтобы, как это рассказывали в различных мемуарах про аналогичные случаи в истории (например, первые дни после убийства императора Павла), незнакомые люди, встречаясь на улице, обнимались и поздравляли друг друга¹³⁷⁵, но знакомые это делали. Все верили, что начинается что-то совсем новое, что перед нами «все блеск впереди»¹³⁷⁶.

Когда недели через три после начала революции вернулся из эмиграции Амфитеатров¹³⁷⁷, он кому-то сказал: «Душа в груди рычит от счастья!» (это выражение попало в газеты¹³⁷⁸).

- 1375 См.: «Ослепленная чернь предалась самой необузданной радости. Люди, друг другу вовсе незнакомые, обнимались на улицах и друг друга поздравляли. Зеленщики, продававшие свой товар по домам, поздравляли “с переменою”, подобно тому как они обыкновенно поздравляют с большими праздниками» (Записки Августа Коцебу. Неизданное сочинение Августа Коцебу об императоре Павле I / Пер., примеч. А. Б. Лобанова-Ростовского // Цареубийство 11 марта 1801 года: записки участников и современников. Изд. 2-е. СПб., 1908. С. 403–404).
- 1376 Слова из стихотворения А. Фета «Только станет смеркаться немножко...» (1856): «Стану слушать те детские грезы, / Для которых все блеск впереди...».
- 1377 Неточность: А. В. Амфитеатров вернулся из эмиграции в 1916 г., но за фельетон в газете «Русская воля» с критикой министра внутренних дел А. Д. Протопопова в феврале 1917 г. был подвергнут высылке в Иркутск, однако из-за падения монархии вернулся с дороги в Петроград.
- 1378 См.: «Встретил вчера в Государственной Думе А. В. Амфитеатрова. Русский писатель, любящий родину и за эту именно любовь подвергавшийся всяким гонениям, только что вернулся из ссылки, куда торопился в 24 часа отправить его Протопопов. “Что скажете, А. В.?” – говорю ему. “У меня нет слов, – отвеча-

Милюков, которого я встретил как-то в начале марта, сиял от счастья, точно свежеччищенный самовар.

Такое настроение было и у меня, и я, как оstriла моя жена, «скакал козлом», хотя под этим настроением все время, не переставая, зудел червячок: а когда начнется реакция? а какие формы она примет? И настроение счастья уживалось с червячком. У громадного большинства людей червячка не было, был один восторг, но были и люди с червячком.

В первой половине марта я встретился на улице с С. А. Венгеровым.

– Поздравляю.

– Вас также.

– А как вы смотрите на ближайшее будущее? – спросил он меня.

– Очень мрачно. Жду какой-нибудь реакции.

– Я тоже, – отвечал он.

А ведь поздравлял и он (так же, как и я).

Около того же времени или, может быть, немного попозже я встретился в Адмиралтейском саду с Деруновым, небезызвестным библиографом. Мы присели на скамью в саду, и разговор начался теми же фразами.

– Но ведь возврата к прошлому быть не может! – возразил он мне.

– Возврата к прошлому быть не может, но может быть что-нибудь худшее.

– Нет, не может быть!

Этот был без червячка.

ет, – душа рычит от радости”. Какое верное слово! Именно рычит. И не одна душа Амфитеатрова, а душа каждого. <...> Рычит от радости душа всего народа русского» (Тиун Боцяновский В. Ф. Душа «рычит» // Петроградский листок. 1917. Экстренный вып. 6 (19) марта).

Фактов для питания этого червячка было, во всяком случае, более чем достаточно. Явно повторялось то, что написано у Тэна в описании последствий взятия Бастилии: власть вышла из рук старого правительства и никому не досталась.

Я рассказал о моем разговоре с Зарудным, который получал нагоняи за вполне законные распоряжения. Расскажу о разговоре с Керенским и Шаховским. С Керенским я видался во время революции несколько раз и о других встречах расскажу позже, в другой связи, а теперь только об одном с ним разговоре.

Я пришел к нему утром в Министерство юстиции с целью убедить его принять меры к ускорению созыва Учредительного собрания. Было это в середине марта, так около 15 числа. В приемной видел разных лиц, между ними Мережковского. Люди приходили, уходили; ждал я часа два. За это время Керенский раз пробежал через приемную, подал, не говоря ни слова, руки всем присутствующим и убежал. Потом он пробежал вторично и тоже хотел бежать, но я подошел к нему и сказал:

– Александр Федорович, мне нужно по делу с вами поговорить, я очень прошу вас принять меня или, если вам сейчас некогда, назначить другое время.

– Хорошо, пойдемте.

Он меня увел в свой кабинет и, не давая сказать мне ни слова, начал:

– Делается что-то ужасное. Все разваливается. Правительство не имеет никакой власти. Армия разлагается. В управлении невозможно наладить порядка. Все хотят командовать, никто не хочет исполнять. В самом министерстве нет единодушия. Советы рабочих депутатов вмешиваются во все мелочи.

Речь лилась каскадом. Керенский не давал мне вставить слова. Общие утверждения подтверждались рядом фактов и звучали довольно убедительно и удручающе. Правда, я попал к Керенскому в какую-то особую минуту. В различных воспоминаниях об этой эпохе Керенский изображается самодовольным и самоуверенным, очень далеким от того отчаяния, которое

звучало в приведенных сейчас словах, – да я и сам видел его таким, и причем даже позже, когда для пессимизма было гораздо больше оснований. Но как бы то ни было, в самом начале революции, очевидно, было немало фактов, дававших материал для очень мрачной оценки положения вещей.

С Шаховским я встретился через несколько месяцев, летом, вскоре после его назначения министром¹³⁷⁹. Встретился совершенно случайно. Я шел по улице, помнится, Морской, возвращался с заседания; он ехал не то в автомобиле, не то в экипаже и, увидев меня, остановил его и сошел.

– Как дела? – спросил я.

– Плохо, нас никто не желает слушаться, все разваливается.

То же самое, что говорили мне раньше Зарудный и Керенский и что, конечно, было совершенной правдой. Правду эту мог видеть всякий смотревший на жизнь трезво, не в состоянии пьяного восторга от революции, осуществления мечты всей жизни. Слоняющиеся без дела по общественным садам толпы солдат с проститутками, заплеванные семечками те же сады, быстро растущие цены, в частности рост заработной платы, очевидно далеко поглощавший всю прибавочную стоимость и явно обрекавший всю промышленность на гибель в самом близком будущем, а главное, развал и бессилие власти, все это бросалось в глаза каждому. И, однако, опьянение революционным восторгом целые месяцы выдерживало напор подобных фактов. Только с июльского восстания¹³⁸⁰ стали сравнительно часто слышаться фразы: «Мы катимся в пропасть», а Мякотин поправлял: «Катимся? Мы уже на дне пропасти». Он был не прав: на дне пропасти мы очутились только в октябре

1379 Д. И. Шаховской состоял министром государственного призрения с 5 мая по 2 июля 1917 г.

1380 Имеются в виду массовые антиправительственные выступления солдат, матросов и рабочих в Петрограде 3–5 июля 1917 г.

месяце.

К тем явлениям, которые я перечислил, нужно прибавить еще одно: громадный рост преступности, сначала главным образом карманных краж. За всю мою более чем пятидесятилетнюю жизнь я ни разу не был жертвой таковой кражи и всегда думал, что только особые разины, вроде Екатерины Дмитриевны Кусковой, могут быть их жертвами. За девять месяцев революционного года я был ею целых четыре раза.

В первый раз в начале марта, висая на поручне переполненного трамвая, я вдруг почувствовал какой-то толчок в ногу, а затем, когда получил возможность укрепиться на площадке, то сразу убедился, что из кармана штанов исчез кошелек, к счастью, с какой-то небольшой суммой. Во второй раз – в конце лета, тоже на трамвае; на этот раз я не висел на поручне, а твердо стоял на площадке, даже не чрезмерно переполненной; меня прижали; я тотчас же пощупал карман сюртука и убедился, что из него исчез бумажник со ста рублями. Между кражей и обнаружением ее прошло, наверное, не больше 30 секунд, но кража была совершена так ловко, что я не мог определенно указать никого из стоящих тут людей, кого бы следовало заподозрить в ней.

В третий и четвертый раз это было уже в ноябре и декабре, т. е. после большевицкого переворота, и было в поезде около Самары. Я ехал в Оренбургскую губернию, где был выставлен кандидатом в Учредительное собрание. Из вагона я продирался к выходу через густую толпу солдат-дезертиров. Шуба моя как-то распахнулась, и моментально исчезли из жилетного кармана мои золотые часы, подаренные мне моими товарищами из редакции «Киевских откликов» при моем расставании с ними в 1904 г. Кража на этот раз была совершена очень ловко: я не видел ни той руки, которая распахнула шубу, ни той, которая выдернула часы, но на этот раз совершенно уверенно видел воров в группе солдат человек в пять. Требовать часы назад, жаловаться было, очевидно, совершенно бесполезно.

Последняя кража была совершена на обратном пути из

Оренбурга в той же Самаре. На станции в страшной толчее мне приходилось лезть в вагон. Стоявший на площадке вагона человек толкнул меня в грудь, да так сильно, что я упал навзничь. Внизу кто-то деликатно поддержал меня, и я даже поблагодарил его. Лишь только я встал твердо на ноги, я пощупал карман пиджака и убедился, что из него исчез бумажник с двумя тысячами рублей и паспортом. Теперь я совершенно определенно знал вора: это был тот человек, который поддерживал меня, и действовал он по соглашению с тем, который меня толкнул. Были они не в солдатских шинелях и, вероятно, не были солдатами. И тоже жаловаться и протестовать было бесполезно. Весь обратный путь до Петербурга, длившийся что-то около недели, с несколькими пересадками, с самым ничтожным количеством денег, которые у меня остались в кошельке, с постоянным опасением, что меня арестуют за бесписьменность¹³⁸¹, без часов, был очень тяжел.

После возвращения в Петербург за те три года, что я в нем прожил под властью большевиков, мне не пришлось больше подвергаться такого рода кражам, если не считать одного случая, когда из маленького ручного чемоданчика, в котором я вез провизию, было украдено десятка два яиц.

Вообще карманные кражи стали реже, потому что деньги теряли ценность и содержимое кошельков и бумажников потеряло для воров свою привлекательность; они заменились кражами дров из сараев (и я тоже один раз явился ее жертвой), мошенничествами и др. Однако и карманные кражи в трамваях и на железных дорогах не вовсе исчезли, и притом бывали случаи, что вора – особенно если это был мальчишка, – ловили и бросали с моста в Фонтанку или Мойку; сам я таких случаев не видал, но о них слышал, а от одной знакомой большевички слышал даже принципиальное оправдание таких актов как

1381 Имеется в виду отсутствие какого-либо удостоверения личности (устар.).

вполне целесообразного, при условиях момента, способа борьбы с мелкой преступностью. И эта большевичка происходила из культурной, хорошо мне знакомой семьи и сама была особой культурной!

Глава II. А. Ф. Керенский. – Керенский в IV Думе. – Керенский в 1917 г. – Мои личные встречи с ним в 1917 г. – Падение его популярности в связи с делом Корнилова

С Керенским я был близко знаком с 1912 г., то есть с 4-й Государственной думы. В 1910 или 1911 г., за год или более до выборов в Думу, кажется, первым Брамсон предложил в Центральном комитете Трудовой группы его кандидатуру в 4-ю Думу, причем надлежало устроить ему ценз¹³⁸², кажется, в Вольске Саратовской губернии. Кандидатура не вызвала ни особого энтузиазма, ни возражений; Керенского у нас мало знали; в частности, я перед тем встречался с ним раза два-три, но особенного впечатления от этих встреч у меня не осталось. Но Брамсону верили безусловно. Мы пригласили Керенского на совещание. Он явился и произвел хорошее впечатление. Он говорил, что принадлежит к партии социалистов-революционеров, что выходить из нее ни в каком случае не намерен, но раз такое совместительство признается допустимым, то согласен, с тем, однако, что при первой возможности гласного выступления в качестве социалиста-революционера он это сделает. Мы против этого ничего не имели, ценз был устроен, и по миновании законного годового срока обладания цензом Керенский мог выступить кандидатом. Это он и сделал, Трудовая группа поддержала его, и он был избран¹³⁸³.

1382 Избирательный ценз, т. е. условия для получения или осуществления избирательного права, в описываемом случае – имущественный.

1383 А. Ф. Керенский вспоминал, что осенью 1910 г. к нему обратилась глава фракции трудовиков в 1-й Государственной думе Л. М. Брамсон и член ЦК Трудовой группы С. Ф. Знаменский с предложением баллотироваться по ее списку на выборах в 4-ю Государственную думу, что было для него полной неожиданностью. Керенскому сказали, что предполагается расширение фракции трудовиков за счет присоединения к ней других

За два года общей работы (до войны) и за три года во время войны во фракции Трудовой группы я хорошо узнал Керенского. Мое впечатление от него было таково: человек безусловно искренний и честный, человек личного мужества; хороший оратор пафоса (тип ораторского искусства Родичева, но, конечно, гораздо слабее его), берущий больше пылкостью, чем основательностью и логикой; по умственной силе и по образованию – выше среднего уровня русской интеллигенции, несомненно первый по уму во фракции Трудовой группы, но ни в каком случае не представлявший из себя очень крупной величины и никоим образом не могущий в этом отношении помериться с Милюковым или Маклаковым; человек самолюбивый, я готов сказать: мелочно самолюбивый, с которым нужно быть очень осторожным, чтобы не поссориться. И ссоры, неприятные ссоры, у него случались нередко. Особенно часто ссорился он с Дзюбинским, и ссоры эти объяснялись борьбой за первенство в группе¹³⁸⁴. Обыкновенно Дзюбинский был не прав, но если бы Керенский обладал меньшим самолюбием и большим тактом, то этих ссор не было бы. Помню какой-то очень острый конфликт с В. Я. Гуревичем, который, как и я, не будучи членом парламентской фракции Трудовой группы, посещал ее заседания (впрочем, не часто) в качестве представителя Центрального комитета группы. Причин конфликта теперь не помню, помню только, что они имели совершенно

народнических групп, а для избрания депутатом необходимо располагать собственностью, каковую – дом, оцененный в 900 руб., – он приобрел в уездном Вольске Саратовской губернии, где и был избран в 4-ю Государственную думу 20 октября 1912 г. (см.: Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте: мемуары / Пер. с англ. М., 1993. С. 59).

- 1384 Председательство во фракции трудовиков в 4-й Государственной думе фактически в 1913 г., а формально в 1914 г. перешло от В. И. Дзюбинского к его товарищу (заместителю) А. Ф. Керенскому.

пустячный характер, но два противника стояли друг против друга, как два петуха, готовые вцепиться друг в друга, пока Керенский не провозгласил:

– Предлагаю решить спор третейским судом и в третейский суд избираю Василия Васильевича.

Но дело кончилось без суда, противники помирились через несколько минут.

Общая линия поведения Керенского в Думе и во фракции была, с моей точки зрения, правильная, и я ей сочувствовал. Он тянул фракцию налево, что было вполне правильно, так как фракция в целом боевым темпераментом не обладала и без Керенского была бы лишь жалким подголоском кадетов. Керенский придавал ей более определенную физиономию.

В заседании фракции накануне первого заседания Думы после объявления войны все, разумеется, были взволнованы и растеряны. Большинство, и в особенности Дзюбинский, стояло на позиции признания исключительной виновности Германии, а потому безусловного, безоговорочного вотирования кредитов на войну и вообще полного в дальнейшем поддержания правительства и отказа на время от какой бы то ни было оппозиционности. Я, напротив, не будучи ни в малой степени пораженцем, все-таки признавал значительную долю виновности в войне за Сербией и за Россией, как ее покровительницей, готов был сочувствовать отказу от вотирования кредитов, но вместе с тем чувствовал крайнюю затруднительность своего положения во фракции: не будучи членом Думы и, следовательно, не подвергаясь личному риску, я не мог убеждать моих товарищей по группе сделать то, за что только они, а не я несли очень тяжелую ответственность и подверглись бы очень серьезному риску. Керенский занял среднюю позицию, в общем, однако, более близкую моей, чем позиции Дзюбинского, хотя он и настаивал на необходимости вотировать кредиты. Но пафос его негодования был направлен не против Германии, а против своего правительства, неспособность которого он признавал в прошлом – в ходе дипломатических переговоров,

приведших к войне, и предвидел в будущем в ведении войны. Он стоял на необходимости поддерживать правительство в войне, но никоим образом не отказываясь от своей оппозиционности, особенно в предвидении будущей революции, по убеждению Керенского, неизбежной в результате войны. Нам двум – ему и мне – было поручено составить проект декларации, что мы и исполнили, причем роль Керенского в составлении была гораздо больше моей. Декларация была принята фракцией и прочитана в Думе. В ней выражалось убеждение, что на полях битв с немцами будет завоевана свобода для русского народа; к сожалению, эта уверенность высказывалась как пророчество древнего пророка, без мотивировки, без объяснений, как это произойдет, и в этом состоял крупный дефект декларации¹³⁸⁵.

1385 См. речь А. Ф. Керенского на «историческом» заседании Государственной думы 26 июля 1914 г.:

«Гг. члены Государственной Думы. Трудовая группа поручила мне огласить следующее заявление:

“Тяжкое испытание пало на родину, и великая скорбь охватила всю страну!

Тысячи и тысячи молодых жизней обречены на нечеловеческое страдание, нищета и голод идут разрушать благосостояние сиротеющих семей трудящихся масс населения.

Мы непоколебимо уверены, что великая стихия российской демократии вместе со всеми другими силами дадут решительный отпор нападающему врагу (рукоплескания слева, в центре и справа) и защитят свои родные земли и культуру, созданные потом и кровью поколений! Мы верим, что на полях бранных в великих страданиях укрепится братство всех народов России (рукоплескания слева, в центре и справа) и родится единая воля – освободить страну от страшных внутренних пут!

Неискупима ответственность правительств всех европейских государств, во имя интересов правящих классов толкнувших свои народы в братоубийственную войну. Социалисты всех ныне воюющих стран – Франции, Англии, Бельгии и Германии

Во время войны Керенский все время стоял на позиции, которой я глубоко сочувствовал: отрицание пораженчества, отрицательное отношение к большевицкой формуле «Обращение мировой войны в войну гражданскую», но вместе с тем продолжение, насколько это возможно по условиям момента, легальной (думской) борьбы с правительством. По существу, на ту же позицию скоро стали и кадеты, и образовавшийся Про-

– пытались протестовать против разразившейся ныне войны. Мы же – русская демократия – не могли даже в этот последний страшный час вовремя свободно возвысить свой голос против надвигавшейся войны. Но глубоко веруя в единство всех трудящихся классов всех стран, мы шлем свой братский привет всем протестовавшим против подготавливавшейся братоубийственной бойни народов.

Русские граждане! Помните, что нет врагов у вас среди трудящихся классов воюющих стран. Защищая до конца все родное от попыток захвата со стороны враждебных нам правительств Германии и Австрии, помните, что не было бы этой страшной войны, если бы великие идеалы демократии – свобода, равенство и братство – руководили деятельностью правящей России и правительств всех стран.

Между тем власть наша даже в этот страшный час не хочет забыть внутренней распри: не дает она амнистии боровшимся за свободу и счастье страны, не хочет примириться с нерусскими народностями государств, все простившими и одушевленно борющимися вместе с нами за общую родину, и вместо того, чтобы облегчить положение трудящихся классов народа, именно на них возлагает главную тяжесть военных издержек, усиливая бремя косвенных налогов.

Крестьяне и рабочие, – все, кто хочет счастья и благополучия России, в великих испытаниях закалите дух ваш, соберите все ваши силы и, защитив страну, освободите ее.

А вам, нашим братьям, проливающим кровь за родину, низкий поклон и братский привет” (рукоплескания слева, в центре и на отдельных местах справа)» (Государственная Дума. Четвертый созыв. Заседание 26 июля 1914 г. СПб., 1914. Стлб. 18–19).

грессивный блок¹³⁸⁶. Керенский понемногу вырастал в вождя партии, хотя и очень малочисленной¹³⁸⁷. На пути к тому, чтобы стать настоящим вождем, хотя бы таким, как были в Первой думе Аникин и Аладьин, стояло то, что он все-таки не был достаточно крупной величиной (Аладьин ею был еще меньше, но тогда был другой момент, и пафоса, который горел в Аладьине так же, как и во всей стране, для вождя было достаточно). Однако за время войны Керенский все же вырос. Он как-то приобрел способность быть замечательно хорошо осведомленным и о том, что делается в правительстве, и о том, что происходит в различных местах страны, и даже о том, что происходит за границей. Он делал в группе доклады о Циммервальдской и Кинтальской конференциях¹³⁸⁸, и доклады эти, если (как я уяснил себе потом) и не были лишены некоторых фактических ошибок, все же отличались полнотой и верностью, очень значительными для тогдашних способов осведомления.

Но вот произошла революция, – и Керенский оказался сперва членом Комитета Думы, потом, очень скоро, министром юстиции¹³⁸⁹. Конечно, Керенский попал в министры не

- 1386 Прогрессивный блок – оппозиционное объединение фракций прогрессистов, октябристов, конституционных демократов, прогрессивных националистов и центра 4-й Государственной думы, включавшее 236 из 397 ее депутатов, которое образовалось 25 августа 1915 г.; председатель бюро – С. И. Шидловский, фактический руководитель – П. Н. Милюков.
- 1387 Фракция трудовиков в 4-й Государственной думе состояла всего из 10 человек, один из которых в 1915 г. умер, но в Трудовую группу вступил беспартийный депутат.
- 1388 Международные антивоенные социалистические конференции в Швейцарии – в Циммервальде 5–8 сентября 1915 г. (38 делегатов из 11 стран) и в Кинтале 24–30 апреля 1916 г. (43 делегата из 8 стран).
- 1389 А. Ф. Керенский вошел в состав Временного правительства 2 марта 1917 г.

потому, чтобы он был самым крупным юристом в России (в кадетской партии были, конечно, гораздо более крупные, да и в собственном лагере Керенского были такие, хотя бы, для примера, Зарудный), а потому, что он был на виду как член Думы.

Если бы революция 1917 г. произошла раньше, во время Первой думы, то роль Керенского сыграл бы Аникин или Аладьин, если бы Второй – Березин или Караваев, Третьей – может быть, Булат. И из них Аникин, Березин и Караваев, вероятно, оказались бы более подходящими для дела и сделали бы меньше ошибок, чем Керенский; что же касается Аладьина, то он в первые же дни наделал бы таких глупостей, что и не приведи Бог! Нужно заметить, что и другие министры далеко не все были людьми действительно крупными; имя Терещенко никому не было известно накануне революции, В. Н. Львов всегда пользовался репутацией человека прямо неумного, Годнев – не более чем человека совсем заурядного.

История еще раз доказала, что в такие моменты она выдвигает на первый план людей более или менее случайно и на верхи власти поднимаются нередко совершенные ничтожества (это, впрочем, случается и в другие моменты: стоит вспомнить подбор министров в последние годы перед революцией). Суханов в своих воспоминаниях говорит, что задолго до революции он предвидел ту крупную роль, которую суждено было сыграть Керенскому¹³⁹⁰. Не имею основания отрицать этого

1390 Ср.: «У Керенского были, как говаривал я, золотые руки, разумая под этим его сверхъестественную энергию, изумительную работоспособность, неистощимый темперамент. Но у Керенского не было ни надлежащей государственной головы, ни настоящей политической школы. Без этих элементарно необходимых атрибутов незаменимый Керенский издыхающего царизма, монополярный Керенский февральско-мартовских дней никоим образом не мог не шлепнуться со всего размаха и не завязнуть в своем июльско-сентябрьском состоянии, а затем не

утверждения, но *такой* крупной роли Керенского я не ожидал.

В первый день, когда ввиду предстоящего возобновления (после вызванного забастовкой перерыва) газет в редакции «Дня»¹³⁹¹ собрались близкие сотрудники, и я в их числе, редактор газеты И. Р. Кугель спросил меня в присутствии всех собравшихся:

– Василий Васильевич, вы ведь близко знакомы с Керенским. Считаете ли вы его действительно очень умным человеком?

Я замялся. Дискредитировать его в этот момент, когда нужно было употреблять все усилия, чтобы укреплять власть, мне не хотелось. А между тем «очень умным» я его, во всяком случае, не считал и был совершенно уверен, что он окажется не на высоте задачи. И отвечал я на вопрос уклончиво, неопределенно.

В частности, выход из Трудовой группы и официальное объявление себя членом эсеровской партии я считаю первой

мог не погрузиться в пооктябрьское небытие, – увы, прихватив с собой огромную долю капитала, приобретенного нами в мартовскую революцию. Но он был действительно незаменим и монополен. Для меня <...> не могло быть сомнения в линии его политического развития. Но также несомненно было для меня, что именно Керенский с его “золотыми руками”, с его взглядами и направлением, с его депутатским положением, с его исключительно широкой популярностью волей судеб назначен быть центральной фигурой революции, по крайней мере, ее начала» (Суханов Н. Н. Записки о революции. Пг., 1919. Кн. 1. С. 49).

1391 В воскресенье 5 марта 1917 г. газета «День», открывшаяся заголовком «Великая русская революция», вышла под № 1 (предыдущий, № 52, датирован 24 февраля) с текстами отречений Николая II и великого князя Михаила Александровича, а также воззванием нового Временного правительства.

ошибкой Керенского¹³⁹². Из предыдущего моего рассказа видно, что он имел на это полное право, и никто не смеет сделать ему за это упрека морального характера. Но совершенно иной вопрос, было ли это целесообразно. Ведь с самого начала для всякого политически образованного человека должно было быть ясным, что полной поддержки Керенскому социалисты-революционеры, от которых тогда еще не отделились эсеры левые (М. Спиридонова и др.), не окажут. Но они сделали хуже: забаллотированием его в члены своего Центрального комитета¹³⁹³ и несколькими другими выступлениями против него они нанесли ему ряд жестоких ударов.

Через день или два после формирования министерства Центральный комитет Трудовой группы послал к Керенскому депутацию с поздравлением. В депутацию входили Брамсон, Березин, я, еще кто-то¹³⁹⁴. Депутация возложила на меня обя-

1392 После Февральской революции в лекции «Трудовая группа, ее происхождение и деятельность» В. В. Водовозов говорил, что она является теперь «руководительницей» деятельности правительства: ведь именно лидер фракции трудовиков инициировал создание и вошел в состав Временного комитета Государственной думы, а потом в качестве их избранника занял пост министра юстиции, причем выступления А. Ф. Керенского являлись «далеко не его единоличными мнениями», а «были обсуждаемы на заседаниях Трудовой группы, и все члены ее имеют долю участия в его речах» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 1707. Л. 26).

1393 В ходе выборов ЦК ПСР 1 июня 1917 г. за военного министра А. Ф. Керенского проголосовали лишь 134 делегата, против – 136, и Е. К. Брешко-Брешковская, возмущенная тем, что партийный съезд не удостоил своим доверием «достойнейшего из достойных граждан земли русской», в знак протеста вышла из Центрального комитета (см.: Колоницкий Б. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март – июнь 1917 года). М., 2017. С. 105–106).

1394 В делегацию входили Л. М. Брамсон, В. В. Водовозов и Н. В.

занность произнести речь. Мы нашли Керенского в Таврическом дворце, видимо страшно переутомленного от ряда бессонных ночей.

Кроме общего выражения радости по поводу осуществления старинной мечты всей русской интеллигенции и выражения надежды на то, что Керенский сумеет, как член Совета министров, содействовать построению новой, свободной и демократической России, а в частности, как министр юстиции, установит правосудие, в котором так нуждалась Россия и которого не было при Николае, кроме выражения желания, чтобы как можно скорее было созвано Учредительное собрание, – кроме этого я включил в свою речь еще один личный мотив. Я сказал, что у людей, достигших власти, часто кружится голова, но мы уверены, что вы, Александр Федорович, от этой болезни гарантированы.

Увы, я в этом уверен не был и включил эту мысль в свою речь специально *ad hominem*¹³⁹⁵, с педагогической целью. К сожалению, цель не была достигнута: у Керенского, как будет видно из дальнейшего, голова закружилась.

К моей речи прибавили что-то Брамсон и Березин, но их речей я не помню. Керенский горячо благодарил нас, выражал надежду, что он все время будет иметь в нас своих товарищей и друзей, и пожаловался на непереносимое утомление: он перед тем не раздевался четыре или пять ночей и раза два обмороки являлись для него отдыхом.

Дня через 3–4 после этого Керенский делал визиты, сделал и мне, но провел у меня всего минут 5, во время которых ни о чем серьезно переговорить было нельзя. К тому же он застал меня врасплох, сразу заговорил, и я растерялся и не

Чайковский (см.: Трудовики у А. Ф. Керенского // Русская воля. 1917. № 1. 6 марта).

1395 *ad hominem* (лат.) – здесь: применительно к конкретному человеку.

вспомнил о том, о чем нужно было поговорить с ним. Впечатление от него было одно: он весь сиял от счастья, счастья и личного, и общественного, весь дышал верою в близкое торжество революционных начал, – и свое личное¹³⁹⁶.

Поговорить с ним мне было нужно об Учредительном собрании. Я, впрочем, тогда был уверен, что если не все Временное правительство, то Керенский уж наверное смотрит на дело не так, как Гессен, а как я, т. е. что первая и главная обязанность правительства – немедленно приступить к подготовке выборов в Учредительное собрание¹³⁹⁷. Между тем шли дни,

1396 Ср.: «Керенскому в значительной степени принадлежит одна из важнейших заслуг в этой революции, заслуга инициативы заседания Гос. Думы вопреки высочайшему приказу о запрещении ее сессии. Керенский явился одним из наиболее видных вождей восставшего войска и народа; он доказал свою глубокую преданность делу революции и всем ее заветам, и вместе с тем, будучи революционером по своим стремлениям, он обнаружил ту практическую умеренность, которая во имя достижения великих целей охотно уступает в частностях, раз это оказывается необходимым. Привлекши к Временному правительству, состав которого не мог бы сам по себе возбудить всеобщее доверие, поддержку революционно настроенных масс, он сыграл ту примирительную роль между революционными и умеренными элементами движения, которая обеспечивает торжество завоевания революции. Эти его заслуги я высоко ценю; я горжусь тем, что шесть лет тому назад содействовал проведению его в Думу, словно предугадывая ту роль, которую ему суждено сыграть, и горжусь давнишней дружбой с ним <...>» (Водовозов В. Объяснение по поводу моего письма к А. Ф. Керенскому // День. 1917. № 3. 8 марта).

1397 В передовой статье, появившейся без подписи в газете «День» 5 марта, подчеркивалось, что «постоянная власть может быть установлена только Учредительным собранием, и потому одна из очередных и наиболее настоятельных задач временного правительства – созвать его, чтобы вручить ему свою власть», причем оно «должно быть созвано как можно скорее, в 2–3 ме-

появлялись различные декреты, то о Польше, то о городском и земском самоуправлении, то о чем-нибудь другом; в некоторых из них упоминалось об Учредительном собрании, но никаких конкретных мер не было. Меня это сильно смущало; я был уверен, что правительство копает себе этим яму¹³⁹⁸. Я решил добиться свидания с Керенским. Добиться его было не так-то легко; его слишком рвали на все части, но и он сам был не без вины в этом: он совсем не умел экономизировать свое время. Я рассказал, как первое наше свидание пропало зря – с точки зрения моей задачи; да и не с нее только: если бы я был газетным, особенно иностранным, корреспондентом, пришедшим его интервьюировать, то я был бы в восторге: очень интересное интервью в несколько сот строк было бы готово. Но цель у меня была другая, и ее я не достиг: в середине длинной и ненужной речи Керенского, оставшейся незаконченной, его вызвали, – он быстро простился со мной, и мы расстались.

Тогда я написал ему письмо с просьбою назначить свидание специально для разговора об Учредительном собрании и получил в ответ приглашение прийти к завтраку. Это свидание имело место около 20 марта. Народу за завтраком было много – человек 20, и хотя Керенский посадил меня рядом с собой, но все-таки переговорить так, как мне хотелось, не удалось. Керенский слишком часто вмешивался в общий разговор за столом или вступал в отдельные беседы с тем или другим из присутствовавших лиц. Тем не менее я высказал Керенскому то, что хотел, и получил в ответ, что он во всем со мною совер-

сяца», ибо «именно ему, и ему одному, страна может доверить решение своей судьбы, определение формы правления вместе с подробностями конституции, избрание новой власти, решение судьбы Николая, направление политики внутренней и внешней и, главное, окончательное выяснение вопроса о войне и мире» (Водовозов В. Учредительное собрание // Там же. № 1. 5 марта).

1398 См.: Водовозов В. Созыв Учредительного собрания // Там же. № 16. 23 марта.

шенно согласен, но что обилие текущих, не допускающих отлагательства работ мешало поставить этот вопрос на повестку дня Временного правительства, но что совсем на днях он это непременно сделает и что я, конечно, войду в состав совещания по созыву Учредительного собрания.

Это обещание меня до некоторой степени успокоило, но все-таки я настаивал:

– Как можно скорее, Александр Федорович, как можно скорее: ведь каждый день отлагательства увеличивает опасность положения.

И, однако, между нами произошло большое недоразумение: я представлял себе совещание о созыве Учредительного собрания в виде небольшой комиссии в составе нескольких специалистов, которое в несколько дней выработало бы законопроект, подобно тому как это было уже в начале марта сделано с законопроектами о городских думах и земствах, а Керенский имел в виду огромное боевое совещание в составе более 70 человек, с представителями различных политических партий, которое не могло кончить работу скорее чем в несколько месяцев и оттягивало созыв Учредительного собрания до конца года. Этого недоразумения я не мог заметить благодаря отрывистости и краткости разговора и, следовательно, не мог и возражать против плана Керенского. Совещанию об Учредительном собрании я посвящу одну из следующих глав, а теперь замечу только, что организацию этого совещания и вообще оттяжку Учредительного собрания я считаю одной из роковых ошибок, принесших неисчислимые вредные последствия. Я не знаю, в какой мере делят между собою ответственность за эту ошибку разные члены Временного правительства, но нет сомнения, что значительная ее доля лежит и на Керенском, который по меньшей мере не обнаружил здесь своей обычной энергии.

На этот раз Керенский был в гораздо более спокойном состоянии, чем в нашу первую беседу, и вместе с тем в гораздо более оптимистичном настроении. Таким образом, первая бе-

седа, оставившая у меня такой тяжелый осадок, объяснялась какими-то более или менее мимолетными впечатлениями. Во всяком случае, однако, она говорила о чрезмерной впечатлительности и нервности.

Следующая встреча с Керенским происходила, должно быть, около 26 или 27 марта и была еще более краткой, чем предыдущая. Я сидел в Мариинском дворце в Юридической консультации при Временном правительстве, членом которой я был¹³⁹⁹ (об этом я тоже скажу ниже), когда меня вызвали к Керенскому. Вероятно, Керенский был по какому-либо делу в Мариинском дворце, узнал, что здесь происходит совещание Юридической консультации, и вызвал меня, чтобы обрадовать известием, что постановление об образовании Особого совещания по выработке законопроекта об Учредительном собрании уже состоялось и утверждено и в список его членов включен и я¹⁴⁰⁰.

1399 Имеется в виду Юридическое совещание при Временном правительстве (первоначально именовалось «консультацией»), официально учрежденное 22 марта 1917 г. для рассмотрения «вопросов публичного права, возникающих в связи с установлением нового государственного порядка» и составления «предварительных юридических заключений по мероприятиям Временного правительства, имеющим характер законодательных актов».

1400 В постановлении от 25 марта 1917 г. предписывалось «образовать особое совещание для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание в составе назначаемых Временным правительством председателя и его товарищей и назначаемых или приглашаемых членов» (просуществовало до 23 сентября, когда «ввиду окончания работ» было закрыто), а «в состав совещания назначить специалистов по вопросам государственного права, представителя статистической науки и других сведущих лиц и пригласить политических и общественных деятелей, представляющих главные политические и национально-политические течения России» (Постановление Вре-

Последнее наше свидание произошло 20 или 21 апреля¹⁴⁰¹ и оставило на мне прямо удручающее впечатление.

Возвращаясь из краткой агитационной поездки в Новгород, я еще в поезде прочел в газетах известие о милюковской ноте иностранным державам о продолжении войны до победного конца и о необходимости закрепить за Россией Дарданеллы и Босфор¹⁴⁰². Точно кто-то ударил меня по затылку. Вести

менного правительства // День. 1917. № 18. 26 марта).

1401 15 апреля 1917 г. В. В. Водовозов писал А. Ф. Керенскому: «Дорогой Александр Федорович. Не имея возможности говорить с Вами лично, пишу, чтобы указать Вам на одну не лишнюю значения ошибку, которую Вы, как мне кажется, делаете. Вы выставили Ваше имя в числе ближайших сотрудников газеты “Дело народа”. Между тем по твердо установленным в парламентарных странах обычаям министры не имеют права участвовать в прессе. Клемансо – профессиональный журналист – снял свое имя со своей газеты, вступив в министерство. И это понятно: у министров есть слишком достаточно способов сообщать обществу, что они считают нужным. В настоящий момент это совмещение представляет особое неудобство. Министерство – неоднородное. “Дело народа” ведет агитацию против него. Я против этой агитации ничего не имею и даже ей сочувствую. Но не следует, чтобы на этой агитации стоял Ваш штамп. Говорят беспрестанно: “«Дело народа», в котором близкое участие принимает министр юстиции Керенский, говорит о министре иностранных дел Милюкове... говорит о министерстве...” Выходит, что Керенский ведет агитацию против Милюкова и других своих товарищей. Я очень прошу Вас подумать об этом и снять свое имя с газеты» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 2. Д. 231. Л. 1).

1402 Нота министра иностранных дел П. Н. Милюкова от 18 апреля, выражавшая «полную уверенность в победоносном окончании войны, в полном согласии с союзниками», вызвала политический кризис, с массовыми демонстрациями 20–21 апреля, и привела к образованию первого коалиционного кабинета с участием социалистов. В. В. Водовозов считал, что, заявляя о «все-

войну вместе с союзниками до конца, до победы, которая одна может закрепить дело революции, – это я сам считал необходимым, но вводить в понятие конца завоевательные цели – я сразу почувствовал, какую благодатную добычу представит эта нота большевикам, как затруднит она пропаганду идеи необходимости продолжения войны, каким развалом в армии грозит она. И тем не менее колебать положение Временного правительства удалением из него министра, особенно такого крупного, как Милюков, в настоящую минуту было слишком опасно. Что же делать? Какую позицию занять мне?

народном стремлении довести мировую войну до решительной победы», Милюков высказывает личное мнение, «нарочито двусмысленными фразами» полемизируя с правительственным «манифестом» от 27 марта, в котором прямо говорится: «Цель свободной России – не господство над другими народами, не отнятие у них их национального достояния, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов. Русский народ не добивается усиления внешней мощи своей за счет других народов. Он не ставит себе целью ничьего порабощения и унижения» (Водовозов В. Нота министра иностранных дел по поводу войны // День. 1917. № 39. 21 апр.). Но вскоре появилось официальное разъяснение, что нота «была предметом тщательного и продолжительного обсуждения Временного правительства, причем текст ее принят единогласно», и она, «говоря о решительной победе над врагами, имеет в виду достижение тех задач, которые поставлены декларацией 27 марта» (Сообщение Временного правительства // Там же. № 40. 22 апр.). Водовозов писал, что «опасные волнения» в столице вспыхнули стихийно, но, «конечно, благоприятную почву для них создала безразборчивая агитация Ленина». Тем печальнее, что Милюков не учел заранее того «возбуждения», которое вызвала его «нетактичная» нота, но все же «не может быть иной политической дороги, как поддержка Временного правительства, пока оно в общем не уклоняется от принятых перед демократией обязательств» (Водовозов В. Разрешение кризиса // Там же. № 41. 23 апр.).

В одной из следующих глав я подробно расскажу, как я разрешил эту задачу, здесь же скажу только, что в самый день возврата в Петербург мне пришлось прямо с вокзала проехать на один рабочий митинг, на котором – худо ли, хорошо ли, – но по мере сил и, главное, осведомленности я горячо защищал Временное правительство и, в частности, Керенского, подвергавшегося нападкам за недостаточную защиту интересов демократии в буржуазном будто бы правительстве.

На следующий день вечером было заседание Центрального комитета Трудовой группы. На очереди стоял тот же тревожный вопрос о ноте Милюкова, вызвавшей бурную уличную демонстрацию против него, об отношении к этой ноте Керенского, который, по газетным сообщениям, поддержал ее, об исходе тревожного дня, грозившего самому существованию Временного правительства. Против Милюкова в нашей группе господствовало сильное раздражение, поведение Керенского было неясно, вызывало некоторые сомнения и споры, но все единодушно находили, что колебать положение Временного правительства или даже отдельного министра в настоящее время крайне опасно. Решено было просить Керенского приехать на заседание. Керенский, вызванный по телефону, приехал.

Никогда я прежде близко не видел человека с таким генеральским видом, никогда не слышал человека, говорящего с таким властным апломбом, с таким противным высокомерием по отношению ко всем собеседникам. Он сообщил нам, что первоначальная редакция ноты Милюкова была еще гораздо решительнее, шла гораздо дальше, что именно он, Керенский, восстал во Временном правительстве против этой редакции и боролся против нее шаг за шагом, добился нынешней, гораздо более скромной и мягкой редакции, что он должен был подписать ее, чтобы не вызвать немедленного правительственного кризиса, за которым последовало бы принятие милюковской ноты в первоначальной редакции. Все это само по себе разъясняло происхождение ноты и, может быть, оправдывало лично

Керенского (или, по крайней мере, объясняло его поведение), но все это было сказано таким возмутительным тоном, в котором зазвучало «я, я, я» и слышалось: «Что вы там суетесь не в свое дело? Уж если я, Керенский, подписал ноту, так значит, так было нужно, господа непрошенные советчики. Я стою на той высоте, с которой все прекрасно видно, а вы дальше своего носа ничего не видите».

Вообще человек был совершенно пьян от власти, упоен тем общественным поклонением, которое выпало на его долю, и совершенно уверен в том, что все идет как следует и куда следует; и это был тот самый человек, которого месяц тому назад я видел в состоянии придавленности, чуть не отчаяния; между тем для придавленности и отчаяния теперь было куда больше оснований, чем тогда. Ведь этот день, день миллюковской ноты, был как раз тем днем, когда Временное правительство пошатнулось и покатилося в пропасть, а вместе с ним – и Россия.

Тон Керенского вызвал всеобщее возмущение, и его выразителем явился М. Е. Березин, который как раз перед тем особенно горячо защищал Керенского.

– Александр Федорович, – говорил он, – вы должны понимать, что вы можете действовать, только имея опору в демократии, в широких слоях народа, и что говорить в тоне самодержца вы не имеете ни малейшего права; что если один самодержец, имевший за собою трехсотлетнюю власть и традицию и установившийся государственный аппарат, свалился в пропасть, то вы, ничего этого не имеющий, свалитесь гораздо быстрее и позорнее, если вздумаете управлять один, не ища опоры в общественном мнении и, между прочим, в нас, которые и вознесли вас на вашу высоту.

Речь Березина была произнесена с большим подъемом и выражала общее настроение, но она не отрезвила Керенского. Он величественно поднялся с места, заявив, что он имеет много возразить Березину, но его ждут на каком-то (не помню, каком именно) заседании и он, к сожалению, не может оста-

ваться, и гордым шагом направился к выходу. Я подошел к нему:

– Александр Федорович, я только что сегодня (или вчера) защищал вас на митинге на таком-то заводе, но чтобы защищать, нужно знать факты; поэтому я прошу вас информировать меня относительно следующего...

– Кто хочет говорить правду, тот всегда может это сделать, – и с этою лишеной всякого смысла фразой Керенский величественно подал мне руку и столь же величественно удалился.

С тех пор и вплоть до времени моей эмиграции (1922) я больше не имел личных встреч с Керенским, хотя раза два или три видел его на общественных собраниях.

Поведение его на этом собрании остается в моем воспоминании как что-то совершенно исключительное и даже не вполне понятное. Пьян он (в точном смысле слова) не был, да сколько я знаю, и вообще он не пьет, но вел себя положительно как пьяный, и только состоянием опьянения еще можно было бы до некоторой степени извинить его поведение. Некоторое самомнение, некоторое высокомерие вместе с любовью к аплодисментам и наивное неумение скрывать эту любовь в нем всегда были, но не в такой степени, как они проявились на этот раз.

Любовь Керенского к аплодисментам чувствовалась всегда, когда он выступал публично. Помню одно публичное собрание в какой-то очень большой зале, происходившее в конце марта или начале апреля. С трибуны говорил оратор. И вот в залу вошел Керенский. Руки сжаты на груди по-наполеоновски, брови насуплены, – быстрым шагом идет он через ряды стульев к эстраде. Раздаются аплодисменты, все громче и громче, – оратор прерывает свою речь и сам присоединяется к аплодирующим, – и, наконец, обращаются в бурную овацию. Керенский быстрым шагом поднимается на эстраду, всходит на кафедру, которую ему безмолвно уступает оратор, и произносит несколько общих фраз о моменте, о борьбе, о неизбеж-

ном торжестве в близком будущем – фраз, не связанных ни с темой собрания, ни с незаконченной речью оратора, которой он и не слышал. Овации повторяются.

Все это естественно при той широкой популярности, которой в то время пользовался Керенский, но... могло бы быть иначе, если бы не было этого наполеоновского жеста, быстрого шага, не было этого умения всегда и везде делаться центром всеобщего внимания, которым Керенский обладал и до своего министерства.

Для сравнения приведу другой эпизод, героем которого было другое лицо и который произошел через несколько недель после этого. Было какое-то заседание. Я сидел и внимательно слушал очередного оратора. Он кончил; я оглянулся и рядом с собой увидел Пешехонова. Пешехонов вошел в зал и занял пустой стул рядом со мной так, чтобы никто его не заметил. Конечно, популярность Пешехонова была значительно меньше, чем Керенского, но только что перед тем он сделался министром¹⁴⁰³ и вызвать шумные аплодисменты при входе ему было бы не трудно, но в противоположность Керенскому он этого не любил.

После встречи в апреле, произведшей на меня такое удручающее впечатление, некоторое время у меня было очень недружелюбное отношение к нему как к человеку. И одновременно я видел, что он, как я и ожидал, и политически стоит далеко не на высоте задачи и делает крупные ошибки. И все-таки я все время считал, – как, впрочем, почти все в то время, – что на посту члена Временного правительства, а потом и его председателя он при сложившейся конъюнктуре совершенно незаменим. Были люди более крупные, как Милюков, но они были совершенно не созвучны эпохе.

Популярность Керенского, начиная с той же злосчастной

1403 А. В. Пешехонов состоял министром продовольствия с 5 мая по 27 августа 1917 г.

милюковской ноты, начала падать. Упала она сперва среди тех элементов, которые склонялись к большевизму, а затем среди тех элементов, которые были недовольны тем, что борьбу с нарастающим большевизмом он вел недостаточно решительно. Потом она продолжала падать вследствие разных причин. Взятие им на себя Военного и Морского министерств¹⁴⁰⁴ вызвало сильное покачивание головами.

– Что он понимает в военном и морском деле?

Но был момент, когда она вдруг вновь поднялась на прежнюю высоту. Помню, 19 (или 20?) июня я на набережной Невы, близ университета, встретил Владимира Ивановича Вернадского.

– Ты слышал только что полученную новость с театра войны? – спросил он.

– Нет. Что такое?

– Керенский начал наступление на австрийском фронте, разбил австрийцев и преследует их.

Восторг блестел в его глазах, звучал в его голосе.

– Какой он (Керенский) молодец! – воскликнул я.

– Да, действительно молодец, – подтвердил Вернадский.

Вернадский – по убеждениям и по партийной принадлежности – кадет, и очень твердый; ему не было свойственно увлекаться политической линией поведения Керенского, но военный успех – увы, так скоро обратившийся в неудачу¹⁴⁰⁵ –

1404 А. Ф. Керенский занимал пост военного и морского министра с 5 мая по 1 сентября 1917 г., с 7 июля являясь одновременно министром-председателем Временного правительства.

1405 Июньское наступление, «наступление Керенского», начавшееся 18 июня 1917 г. на Юго-Западном фронте, захлебнулось уже к началу июля, а контрнаступление противника привело к прорыву линии фронта и отходу русских войск, потерявших убитыми и ранеными до 50 тыс. человек, а пленными и пропавшими без вести – еще более 8 тыс.; без дисциплины армия раз-

увлекал и его, и мы сошлись на восторге перед делом Керенского. Это был краткий момент.

В эти месяцы, начиная с марта, я много раз совершал агитационные поездки, всего чаще – в различные местности Новгородской губернии. В апреле – мае я повсеместно встречал портреты Керенского. В июле они почти повсюду исчезли; мне не раз случалось бывать вторично в домах, уже посещенных раньше, и в них я замечал то же явление. Особенный удар популярности Керенского нанесло корниловское дело¹⁴⁰⁶ – и это совершенно естественно. Керенский теперь доказывает, что именно корниловский мятеж дал особенно сильный толчок развитию большевизма, что Корнилов расчистил дорогу большевикам. Это очень вероятно. Но почему Керенский не сумел предупредить корниловского мятежа? Ведь Корнилов был тоже одной из социальных сил, и очень крупной, боровшихся на исторической сцене. Считаться с ней и предвидеть ее выступление Керенский был обязан, тем более что для победы над Германией она была совершенно необходима. Он этого не сделал, он не сумел учесть этой силы в своей игре и был убежден, что эта сила склонится перед его волею. Пусть Корнилов совершил тяжелое политическое преступление, но Керенский совершил по меньшей мере тяжелую историческую ошибку, – история иногда венчает преступления лаврами, но никогда не прощает ошибок. Дальнейшей его ошибкой было принятие должности главнокомандующего¹⁴⁰⁷. Если уже принятие поста военного министра вызывало сомнительное покачивание головой, то принятие поста главнокомандующего решительно не находило

лагалась, и наступление, предпринятое в июле на Северном, Западном и Румынском фронтах, тоже потерпело неудачу.

1406 Имеется в виду августовский 1917 г. «мятеж» верховного главнокомандующего генерала Л. Г. Корнилова с целью установления в стране военной диктатуры.

1407 Пост верховного главнокомандующего был принят А. Ф. Керенским 30 августа 1917 г.

защитников, его осуждали положительно все.

Если я когда-нибудь дойду в своих воспоминаниях до эмигрантского времени, я поговорю и о моих новых встречах с Керенским в Берлине, Париже и Праге¹⁴⁰⁸. Во всяком случае, та его характеристика, которая вытекает из изложенных мною фактов, если она, как я надеюсь, верна для прежнего Керенского, то для нынешнего она не верна. Можно различным образом относиться к новейшей деятельности Керенского, но, мне кажется, нельзя отрицать, что он многому научился из истории 1917 г.

1408 В рукописи далее зачеркнуто: «После 1917 г. я виделся с Керенским довольно часто: в Берлине – в 1922 и 1923 гг., я был у него в Париже в 1926 г., он был у меня в Праге, кажется, в 1929 г., а главное, я внимательно следил за его газетой “Дни”, сперва ежедневной, потом двухнедельной; в первой я сам участвовал в качестве сотрудника, хотя более или менее случайного. Одно мое письмо в редакцию вызвало его ответ мне, занявший целый фельетон. Его газета, и особенно его двухнедельник, мне очень нравятся; хотя в них я вижу ошибки, но в целом их позиция мне кажется более или менее правильной. Если я в своих воспоминаниях дойду когда-нибудь до эмигрантского времени, я поговорю об этом подробнее. А главное, мне кажется, что Керенский вырос и умственно, и морально...».

**Глава III. Моя работа в феврале – июне 1917 г. –
Моя литературная деятельность. – Статья в
защиту свободы печати. – Брошюры, в частности
брошюра о желательных условиях мира.
Нападки на нее с двух сторон. – Моя митинговая
работа. – Крестьянские митинги**

Перед войной главной базой моего материального существования было давнишнее и почти не прерывавшееся в течение более чем 20 лет сотрудничество в Энциклопедическом словаре Брокгауза – Ефрона, сперва в первом его издании, потом во втором, затем сотрудничество в газете Ионы Кугеля «День» и, наконец, более или менее случайное сотрудничество в различных изданиях. Всего моего времени эта работа не поглощала, и значительную часть досуга я мог посвящать постоянной (конечно, не вознаграждаемой) работе во фракции Трудовой группы, а также лекциям и докладам на различные политические и научные темы, то легально (преимущественно в разных городах провинции), то полулегально или совсем нелегально в рабочих собраниях в Петербурге. Провинциальные лекции обыкновенно читались в чью-нибудь пользу, оплачивая мне только дорогу, петербургские всегда были бесплатны. Заработок мой колебался около 4000 рублей в год.

Во время войны мое материальное положение значительно ухудшилось. Энциклопедический словарь начал выходить медленнее, чем раньше: вместо 6 томов в год он выпустил, помнится, 11 томов в два с половиной года, до конца 1916 г., и, напечатав половину 30-го тома, приостановил печатание следующих листов, а гонорар он выдавал лишь по выходе в свет каждого тома; во время же войны начал затягивать его. Газетные гонорары повысились, но «День» в начале войны занял такую барабанно-шовинистическую позицию («бить надо немца, немца бить надо», – говорил, сжимая кулаки, с налившимися кровью глазами П. Е. Щеголев, член редакции), что мне пришлось почти прекратить в нем сотрудничество. Только когда война затянулась, Иона Кугель пригласил меня писать

больше. «Военный угар с нас соскочил», – сказал он, но писать мне было трудно, так как интересовавшие публику вопросы или не входили в доступную мне область, или в моей обработке оказывались нецензурными. Бывали случаи, что в газете появлялись заголовок статьи и подпись, а вместо самой статьи – белое место.

Но вот произошла революция. На мой литературный труд появился большой спрос и в газете, и вне ее на книжном, точнее говоря, брошюрочном рынке. Различные издатели требовали от меня брошюр на разные темы по моей специальности – об учредительном собрании, о всеобщем избирательном праве, об избирательном праве вообще, о политических партиях, о республике и монархии, о мире без аннексий и контрибуций и т. д. За неполный 1917 г. я написал что-то около 15 брошюр, бесчисленное множество газетных статей и заработал литературным трудом свыше 15 000 рублей – сумма для моих скромных жизненных привычек такая, что я просто не знал, куда девать деньги. И при этом у меня хватало времени читать множество публичных лекций, беспрестанно участвовать на митингах и на различных партийных и внепартийных собраниях¹⁴⁰⁹ и совещаниях, и не только в Петербурге, но разъезжая

1409 См., например: «13 марта вечером в Александровском зале городской думы состоялся многолюдный митинг, устроенный Трудовой группой по вопросам текущего момента. Вступительное слово сказал В. В. Водовозов со свойственными ему мастерством и подъемом. В кратких и выразительных чертах была обрисована история зарождения, развития и нынешнее положение Трудовой группы, ее роль в революционном движении последних дней, так же как и роль выдающегося представителя ее, А. Ф. Керенского» (П. С. Митинг трудовиков // День. 1917. № 9. 15 марта). См. также: Митинг Трудовой группы // Там же. № 16. 23 марта; Съезд Трудовой группы // Там же. № 28. 8 апр.; Собрание Трудовой группы // Там же. № 42. 25 апр.; В Трудовой группе // Там же. № 58. 13 мая; Съезд Трудовой группы // Там же. № 91. 22 июня, и т. д.

в провинции – преимущественно в Новгородской губернии (в конце года я совершил также большую поездку в Оренбургскую губернию). Из совещаний особенно много времени требовало участие в Особом совещании о созыве Учредительного собрания. Кроме того, Керенский назначил меня членом Юридической консультации при Временном правительстве (под председательством Кокошкина при участии В. М. Гессена, Н. И. Лазаревского и др.)¹⁴¹⁰ – эта последняя работа по исключению была платной (оплачивалась 20 рублями за заседание).

На все хватало времени: такой был подъем жизненной энергии и работоспособности! Он превосходил даже подъем 1905 г.; в другие же годы, ни раньше, ни позже, я не переживал ничего подобного и не вынес бы и месяца такого напряжения. И это явление, конечно, не исключительное; почти все, кого я знал, работали также чрезвычайно много, урывая время для работы ото сна и не чувствуя переутомления (я, впрочем, такое почувствовал и в августе должен был совершить пятидневную поездку на Кавказ для отдыха). Не я один, конечно, писал популярные брошюры по вопросам государственного права; их появилось бесчисленное множество, и все находили сбыт, толковые и бестолковые, грамотные и безграмотные. Появился

1410 См.: «Кандидат прав В. В. Водовозов назначается членом Юридического совещания при Временном правительстве» (День. 1917. № 19. 25 апр.). Но еще до своего официального назначения Водовозов присутствовал на заседаниях совещания в качестве «особо приглашенного»: например, 5 апреля – при обсуждении «проекта программы вопросов избирательного права», 12, 13 и 14 апреля – проектов постановлений Временного правительства о печати, об упразднении Главного управления по делам печати, Положения о Совете российской печати и надзоре за публичными зрелищами (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 1052. Л. 8, 52, 60, 86). Позднее Водовозов был назначен также «членом совета министра юстиции и юрисконсультom министерства с оставлением членом Юридического совещания» (Речь. 1917. № 115. 21 мая).

даже спрос на залежавшиеся брошюры 1905 г.; так, от последнего издания моей брошюры о всеобщем избирательном праве 1905 г. на руках у издателя Парамонова осталось что-то около 10 000 экземпляров, и, несмотря на совершенную ее устарелость, они были распроданы в несколько дней марта месяца до того, как я успел переработать ее и выпустить новым изданием. Потом, в конце года, расход подобных брошюр тоже, как и в 1905 г., прекратился почти моментально.

Я упомянул о бестолковых и безграмотных брошюрах, – таких было немало; много, конечно, и полуграмотных. Происходило это от того, что вопросами государственного права в дореволюционное время у нас не интересовался почти никто, кроме специалистов, готовившихся к кафедре, но они по большей части брошюр в революционное время не писали. Когда появлялся – в 1905 и 1917 гг. – на них неожиданный спрос, то брались за это дело люди без специальной подготовки и, разумеется, исполняли его неудовлетворительно. Укажу на одну любопытную ошибку, которая систематически повторяется в большей части брошюр 1905 г. о всеобщем избирательном праве. Всем авторам нужно было доказать, что двухстепенная подача голосов неблагоприятна для народных низов¹⁴¹¹, и в доказательство приводится параллель между германским рейхстагом и прусским ландтагом (дореволюционного време-

1411 Указывая, что сторонники двухстепенных выборов, при которой голосуют за выборщиков, избирающих депутата, не доверяют «здравому политическому смыслу» населения, В. В. Водовозов писал: «Двухстепенная система чрезвычайно облегчает и подкуп, и застрашивание, и иные способы давления на избирателей. Крайне трудно подкупить 10-тысячную армию избирателей. Гораздо легче подкупить нескольких выборщиков, тем более что относительно выборщиков всегда бывает заранее известно, как они намерены голосовать» (Водовозов В. В. Всеобщее избирательное право на Западе. Ростов-на-Дону, 1905. С. 31).

ни): смотрите, при прямых выборах четверть рейхстага состоит из социал-демократов, а в ландтаге их всего несколько человек! Это говорится в брошюре 1905 г. С. Г. Сватикова, писателя вообще серьезного и с заслугами¹⁴¹²; помнится это же самое у П. С. Юшкевича¹⁴¹³.

Расскажу здесь, как исправлял в 1917 г. для нового издания свою брошюру 1905 г. этот последний. Он пришел ко мне.

– Василий Васильевич, изменился ли в последние годы возрастной ценз в Дании? А в Норвегии, кажется, введено женское голосование на неравных с мужчинами основаниях?

– Нет, в настоящее время уже на равных.

– Значит, в два приема, сперва на неравных, потом на равных?

– Да.

– А в Италии, а в Испании, а в Швейцарии, кажется, введено пропорциональное избирательное право?

– Нет, оно отвергнуто.

И т. д.

Через несколько дней вышла его брошюра, значительно

1412 В рецензии на брошюру В. В. Водовозов писал: «На стр. 49 допущены устарелые цифры относительно представительства социал-демократов в Саксонии и сказано: “Вот что значит двухстепенные выборы!” Нельзя на одну двухступенность взваливать то, что в гораздо большей степени объясняется имущественным цензом. В 1-м издании автор говорит, что верхние палаты избираются привилегированными группами населения; теперь в примечании он замечает, что бывают, однако, верхние палаты, избранные народом, “но, – прибавляет он, – интересам трудящегося народа наиболее отвечает одна палата, а не две” (стр. 43). Аргументы совершенно отсутствуют» (Водовозов В. Рец. на кн.: Сватиков С. Г. Созыв народных представителей. 2-е изд. Ростов-на-Дону, 1905 // Наша жизнь. 1905. № 244. 2 сент.).

1413 См.: Юшкевич П. С. Об избирательном праве. СПб., 1905.

опередившая мою¹⁴¹⁴. При этом он не счел даже нужным прислать мне экземпляр.

В том же роде или еще хуже поступила одна пишущая дама, Ольга Акимовна Волькенштейн, моя хорошая знакомая и товарищ по партии: она работала в Трудовой группе, потом была членом Народно-социалистической партии.

– Василий Васильевич, скажите, учредительные собрания – они бывали только в истории или бывают и теперь? – слышу я голос в телефон.

– Ольга Акимовна?

– Я.

– Вы хотите спросить, признаются ли учредительные собрания современными конституциями?

– Да, именно, именно так.

– Признаются под разными именами очень многими.

– Например?

Я перечислил ряд государств, в которых учредительная власть принадлежит особым собраниям, должен был попутно объяснить отличие законодательной от учредительной власти и порядок пересмотра конституций в разных странах, вообще прочитать в телефон лекцию по конституционному праву.

– Вы, вероятно, пишете брошюру об учредительном собрании? – спросил я.

– Да, – созналась она.

Она тоже не прислала мне экземпляра. Потом она мне говорила, что моею лекцией она почти не воспользовалась, ограничившись некоторыми общими рассуждениями и историческими примерами. Не знаю, так ли это; боюсь, что воспользовалась, но сильно переврав. Впрочем, не знаю наверное, так как брошюры ее не видел. Во всяком случае, любопытно, как

1414 О переиздании работы П. С. Юшкевича «Об избирательном праве» сведений не обнаружено.

могла написать ее дама, которая не умела даже грамотно поставить вопрос о предмете своего произведения¹⁴¹⁵.

Учредительное собрание было главным содержанием моей мысли, моей работы, главной темой моих лекций, статей, брошюр, митинговых выступлений и т. д., но, конечно, не единственным их содержанием. Ему я посвящу особую главу, а здесь ограничусь остальной моей работой.

В первые дни революции газеты, кроме официальной газеты Совета рабочих депутатов¹⁴¹⁶, не выходили из-за забастовки в типографиях. Не помню точно, сколько дней продолжалось это положение, – неделю или больше, но, наконец, оно прекратилось. Вместе с тем стало известно, что так называемые черносотенные газеты запрещены особым постановлением Совета рабочих депутатов¹⁴¹⁷.

Я был глубоко возмущен этим постановлением и на первое собрание редакции «Дня» явился со статьей по этому поводу. Статью я написал в форме открытого письма к Совету рабочих депутатов, в котором жаловался на это запрещение как на личное мне оскорбление. Я сам, говорил я в письме, в царские времена часто страдал от запрещения моих статей и глубоко презирал писателей, для которых в борьбе с противника-

1415 См.: Ольгович Волькенштейн О. А. Всеобщее избирательное право. Выборы в Учредительное собрание. Пг., 1917.

1416 Первый номер «Известий Петроградского совета рабочих депутатов» вышел 28 февраля 1917 г.

1417 В протоколе заседания Исполнительного комитета Петроградского совета от 5 марта 1917 г. говорилось: «Постановлено воспретить выход в свет всем черносотенным изданиям, как то: “Земщина”, “Голос Руси”, “Гроза”, “Колокол”, “Русское знамя” и др.» (Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов: Протоколы заседаний Исполнительной комиссии и Бюро И. К. М.; Л., 1925. С. 14–15; см. также: Воспрещение черносотенных изданий // Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. № 9. 8 марта).

ми недостаточно пользоваться оружием слова, а нужна еще помощь цензуры; вы (Совет рабочих депутатов) поставили меня на одну доску с этими рептилиями, вы делаете морально невозможной печатную борьбу с людьми, которым зажат рот; это унижительно и оскорбительно для всякого уважающего себя писателя. Снимите с нас этот стыд! И если бы еще это имело хоть практический смысл! До сих пор мы постоянно говорили, что черносотенная печать может существовать только благодаря субсидиям и что в атмосфере равноправия и свободы она должна немедленно погибнуть, а вы вместо этой позорной смерти от равнодушия читателей приготовили ей почетную смерть в бою за свои убеждения, ту самую смерть, которой с давних пор умирали лучшие выразители нашего общественного мнения? Снимите с них этот лавр, снимите с нас это поношение¹⁴¹⁸.

1418 Ср.: «<...> Товарищи! Я надеюсь, что вы поверите мне, когда я скажу, что не любовь и не сочувствие к Маркову и Замысловскому, к таким газетам, как “Земщина” и “Русское знамя”, заставляют меня выступать на их защиту. Нет. Моим пером в настоящее время водит чувство оскорбления, которое вы нанесли мне, сравнив меня с этими господами. Я чувствую оскорбление не только за себя. Я чувствую его за всех честных писателей и позволяю себе, хотя и не уполномоченный ими, от их имени выразить протест против вашего поступка. Я, как и все эти сотни и тысячи русских писателей, всю жизнь служили делу русской демократии, не раз за него сживали по тюрьмам, всю жизнь страдали от цензуры. Не раз приходилось нам обращаться к подпольному или заграничному станку, чтобы иметь возможность высказать то, что лежало у нас на сердце. Многого мы совершенно не могли сказать. В последнее время я каждое утро, просыпаясь, хватался за газету с дрожью нетерпения, прошла ли чрез цензурные тиски моя статья и может ли мой читатель понять мою мысль после того, как над нею прошла рука с красными чернилами.

Напротив, гг. Марковы и Замысловские не только говорили все, о чем им хотелось, не только пользовались свободой натравли-

вать весь народ на ни в чем неповинных евреев, а власть – на рабочих и крестьян, но пользовались привилегией печатать свои погромные прокламации в казенных типографиях под специальной охраной полицейской власти, получая на них громадные денежные субсидии. Борьба между нами и ими велась неравным оружием. У нас было только убеждение и готовность пострадать за него. У них были казенная субсидия, казенные типографии, казенное содействие и красные чернила в руках дружественных им и нам враждебных цензоров. И тем не менее победа была всегда на нашей стороне. У нас были читатели, у них – только обязательные подписчики.

И вот я дожил до счастливого дня, о котором мечтал всю свою жизнь, для которого по мере своих слабых сил всю жизнь работал и, простите мне это, может быть, хвастливое напоминание о своих старых ранах, за который я пять лет пробыл в ссылке и не раз сидел в различных тюрьмах. 28 февраля, выйдя на улицу, я сразу увидел, что одержана великая победа свободы, а пройдя в Государственную Думу, я узнал, что образовалось временное правительство, что император Николай II фактически уже перестал царствовать, хотя еще от престола не отрекся.

<...>

И вдруг я услышал ужасную весть. Совет рабочих депутатов постановил, что Марковы и Замысловские, “Земщина” и “Русское знамя” поставлены в то положение, в каком я находился всю свою жизнь и в котором находились журналы и газеты, в которых участвовал я. С ними борются уже не убеждением, не словом, наконец, не презрением, а запрещением. Вы запретили выход всех враждебных революции газет! Я почувствовал горькую обиду, и я приношу вам же жалобу на нее. Я не могу чувствовать себя равным Марковым и Замысловским. Товарищи, снимите с меня это поношение, предоставьте Марковым и Замысловским ту же свободу, какую вы завоевали для меня, и знайте, что они этой свободы не выдержат. Совы и филины не любят света. Только в тьме чувствуют они себя превосходно. Лишившись обязательных подписчиков, лишившись субсидии, эти господа не найдут ни одного читателя и в самом непродолжительном времени погибнут. Но погибнут не в честном

Статья понравилась в редакции «Дня» и появилась, кажется, в № 1, вышедшем после возобновления.

Очень болезненный удар почувствовал я, когда через несколько дней узнал от Н. В. Чайковского, что он – представитель Трудовой группы в Совете рабочих депутатов – голосовал за эту меру. Я никак не мог понять, как человек, получивший политическое воспитание в Англии и Соединенных Штатах, мог в какой бы то ни было момент истории оказаться в рядах противников свободы печати. У меня мелькнула мысль поднять в Трудовой группе вопрос об этом голосовании и потребовать либо исключения Чайковского из группы, либо, по крайней мере, выражения ему неодобрения, хотя бы в самой мягкой форме, например в форме постановления о внесении от имени группы в Совет предложения об отмене этой меры. Добиться исключения Чайковского при том совершенно исключительном уважении, которым он (совершенно заслуженно) пользовался, было бы, конечно, невозможно, но была бы произведена демонстрация за свободу печати. Однако я этого не сделал, – не сделал потому, что был завален работой и текущими делами, что вся Трудовая группа была тоже ими завалена и перезавалена, и у меня не хватило на это времени и энергии. Об этом я очень жалел и до сих пор считаю одной из крупнейших своих политических ошибок, когда-либо мною сделанных. К моему удовольствию я тогда же узнал, что другие трудовики, входившие в Совет, Станкевич и Брамсон, голосовали против запрещения газет, хотя, подобно мне, не обнаружили особенной энергии в отстаивании свободы. В скором времени запрещение по предложению Станкевича было отме-

бою с противником, а благодаря всеобщему презрению. И я умоляю вас: казните их презрением и не достаивайте их благородной смерти честных журналистов (Водовозов В. Свобода слова. Открытое письмо Совету рабочих депутатов // День. 1917. № 1. 5 марта).

нено¹⁴¹⁹, но черносотенные газеты не возрождались, и Марков и Пуришкевич имели право упрекать революцию в лицемерии, что они и делали. А как бы хорошо было, если бы их газеты через неделю-другую закрылись сами из-за отсутствия подписчиков.

Читать лекции, доклады, выступать в собраниях и на митингах мне приходилось беспрестанно¹⁴²⁰. Большинство этих собраний исчезли безвозвратно из моей памяти, осталось только общее впечатление какого-то высокого подъема, охва-

1419 На заседании исполкома Петроградского совета 6 марта 1917 г. указывалось, что «представители общества журналистов и редакторов возбуждают вопрос о разрешении выпуска в свет всем изданиям, считая принципиально недопустимым какую бы то ни было цензуру»; «обсудив заявление представителей печати, Исполнительный комитет постановил подтвердить свою прежнюю позицию по отношению к этому вопросу, т. е. 1) неразрешение к выпуску контрреволюционных изданий и 2) разрешить к выпуску газету “Новое время”...» – но 10 марта решил, что «все издания могут впредь выходить без предварительной санкции Исполнительного комитета» (Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. С. 18, 34).

1420 Например, 22 апреля В. В. Водовозов выступил с докладом о созыве Учредительного собрания на общем собрании Трудовой группы в Зале армии и флота (Собрание Трудовой группы // День. 1917. № 42. 25 апр.), 1 мая – на митинге, созванном ЦК трудовиков для обсуждения вопросов «о текущем моменте и коалиционном министерстве» (Там же. № 47. 30 апр.), 6 мая – с лекцией «Народно-социалистическая партия» на Высших женских естественно-научных курсах М. А. Лохвицкой-Скалон (Речь. 1917. № 105. 6 мая), 11 мая – с докладом «О Трудовой группе, ее прошлом и роли в настоящее время» на организационном собрании трудовиков Выборгского района в здании Военно-медицинской академии (В Трудовой группе // День. 1917. № 58. 13 мая), 12 мая – с лекцией «Политические партии вообще, Трудовая группа в частности» в аудитории Высших женских курсов (Там же. № 56. 11 мая), и т. д.

тывающего и оратора, и слушателей, и оппонентов. Последних, в точном смысле слова, в первые месяцы революции (до июльского восстания большевиков и в особенности до апрельской ноты Милюкова) не бывало, все во всем были согласны, и вместо оппонентов выступали только люди в таком же, как и ораторы, упоении восторга, желавшие дополнить оратора или поставить ему вопрос. Само собой разумеется, что не было никакой психологической возможности высказывать мой пессимистический прогноз, разве только в осторожной форме: «Как бы ни обернулись впоследствии события, что бы ни сделала вероятная в будущем реакция, но...» – и изредка я это делал, причем такие оговорки, видимо, не оставляли в душе слушателей никакого следа.

Речи ораторов почти без исключения вызывали бурю восторгов; конечно, можно отметить, что особенно горячие аплодисменты следовали обыкновенно за ловко построенной красивой фразой, зачастую лишенной реального содержания. Думаю, что я имею право сказать, что я избегал подобных фраз и старался брать содержанием своих речей, но и я не вполне обходился без них. Помню, раз на рабочем собрании я процитировал слова Симеона Богоприимца: «Ныне отпускаем раба твоего, Владыко, с миром, ибо видели очи мои спасение твое, еже ты уготовал перед лицом народов»¹⁴²¹.

Слова вызвали бурю восторгов и даже одно восторженное письмо ко мне какого-то рабочего, который называл меня в нем «старцем».

С особенным удовольствием вспоминаю я несколько лекций в различных учебных заведениях. На одной такой лекции о текущих событиях, прочитать которую я был приглашен Евгенией Ивановной Репьевой в учебном заведении, в котором она преподавала (не помню точно, какое это было заведение,

1421 Неточная цитата из Евангелия от Луки (Лк. 2: 29–32).

кажется, коммерческое училище)¹⁴²², где меня слушали девочки лет 14–16, я процитировал, несколько видоизменив, подходящую для случая часть стихотворения:

Прихожу я к вам с приветом,
Рассказать, что солнце встало,
Что оно весенним светом
По листам затрепетало¹⁴²³

И т. д. В этой лекции я особенно остановился на разъяснении значения свободы печати и слова и отметил ошибочность запрещения черносотенных газет.

Бывали, однако, исключения, когда приходилось вступать в более или менее острую полемику. Такой случай имел место со мной в Новгороде в середине апреля. Наметилось разногласие по вопросу о том, следует ли платить царские долги или нет, – разногласие очень опасное в тот момент, когда велась война. Не помню, какой ближайший повод был у меня заговорить на эту скользкую тему, но без специального повода я ее не коснулся бы. Признавая, что царское правительство, заключая долги, не спрашивало у народа на них согласия и, следовательно, они не могут считаться для нас морально безусловно обязательными, я ставил вопрос на практическую почву: ведь мы ведем войну – деньги нам нужны; по окончании войны нам придется восстанавливать разрушенное общественное хозяйство и налаживать сызнова жизнь; значит, деньги опять понадобятся. Где же мы их возьмем? Страна обнищала. Без заграничного, в особенности американского, кредита мы не обойдемся. Как

1422 В 1917 г. Е. И. Репьева преподавала в Петроградской земской учительской школе и частной женской гимназии М. Н. Стоюниной.

1423 Неточно цитируется стихотворение А. А. Фета «Я пришел к тебе с приветом...» (1843).

же нам отказываться от платежа прежних долгов? Самая постановка этого вопроса колеблет наш кредит и потому является если не тяжким преступлением, то, конечно уж, тяжелой ошибкой. Если же я признал моральную необязательность для нас долгов, то и к этому нужно сделать оговорку. Ведь от царского наследства мы не отказываемся, а оно очень значительно. Как же отказываться от долгов?

Против меня выступил какой-то молодой человек, по-видимому, левый эсер (тогда еще, впрочем, формально проведенного разделения на левых и правых эсеров не было¹⁴²⁴). Свои удары он направил на конец моей речи.

– От какого наследства царского режима мы не отказываемся? От тюрем? Мы их разрушили. От смертной казни? Мы ее отменили. От административной ссылки? У нас ее не будет. От эксплуатации человека человеком, от приниженного положения крестьянства? Нам они не нужны, мы создадим социализм, демократию, равенство!

Речь была сказана красиво, сильно, с темпераментом и вызвала аплодисменты, но только в одной части собрания: собрание было по преимуществу интеллигентское и более или менее интеллигентное; оно в большинстве понимало неправильность этой аргументации и было на моей стороне. К сожалению, тогда еще не было фактов, говорящих о том, что и от *этого* наследства – тюрем, смертных казней, эксплуатации – мы и не думаем отказываться, а как легко было бы разбить эту речь года через два или даже месяцев через 9–10! Пришлось

1424 Левая оппозиция в рядах партии эсеров, оформившаяся уже к июню 1917 г., активно участвовала в Октябрьском перевороте, делегировав своих представителей в состав ВЦИК 2-го созыва, и 27 октября ЦК ПСР постановил исключить из нее «всех принявших участие в большевистской аванюре и не ушедших со съезда Советов»; в декабре была организована самостоятельная Партия левых социалистов-революционеров-интернационалистов.

остановиться только на другом наследстве.

– Разве мы не получили большого государства? Разве это не ценность («нет», – крикнул с места мой оппонент), разве вы хотите вернуться к состоянию анархии, изжитому еще во времена Рюрика? Разве мы не получили богатой культуры, которая не была бы возможна без реформы Петра Великого? Разве мы не получили большого народного богатства («нищеты», – возглас с места), выражающегося в громадной сети железных дорог, в большом числе оборудованных фабрик, вообще во всем экономическом строе, в котором нам нужно реформировать распределение дохода, но ни в коем случае не разрушать самого богатства, самих источников дохода?

Аудитория меня поддержала.

Прямо из аудитории я уехал на вокзал, а утром на следующий день в Любани купил газету, из которой узнал о ноте Милюкова, явившейся критическим моментом в истории революции. В главе о Керенском я сообщил о том, что в тот же день мне пришлось говорить по поводу этой ноты на рабочем митинге. Говорить я, собственно, должен был об Учредительном собрании, но говорить на заранее назначенную тему мне не дали.

– Что вы думаете о ноте Милюкова?

Пришлось отвечать, не имея возможности предварительно столкнуться с товарищами по партии, даже просто обменяться мнениями с кем бы то ни было из близких мне людей по убеждениям, даже просто информироваться пообстоятельнее.

Я построил свой ответ приблизительно таким образом.

Разрыв с союзниками приведет Россию на край гибели; во всяком случае, существует большая опасность, что Германия в случае своей победы восстановит на троне Николая, уничтожит нашу с таким трудом завоеванную свободу и, кроме того, обременит нас тяжелой контрибуцией. Победа нам необходима, войну, следовательно, продолжать нужно. Но в завоеваниях вообще, в частности в завоевании проливов, я не вижу ни-

какой надобности. Поэтому ноту Милюкова считаю ошибочной и думаю (оговорившись, что я только что вернулся из поездки и ничего о ее происхождении достоверно не знаю), что она является личным мнением Милюкова, за которое Временное правительство не ответственно. Практически теперь, для ближайшего будущего, эта нота говорит только о готовности России вести войну вместе с союзниками, но когда дело подойдет к заключению мира, то затягивать ее ради завоеваний и сам Милюков, тем более остальное правительство, не станет. Во всяком случае, нам необходимо всеми силами поддерживать Временное правительство, его падение грозит страшными последствиями.

Это был первый случай в эту революцию, что моя речь вызвала сильное неудовольствие в аудитории. Мне дали договорить до конца, хотя враждебные возгласы не раз ее прерывали, но после нее посыпались возражения. Но было нечто еще более для меня печальное, чем возражения: мне дали газету и указали на заметку, что нота во Временном правительстве была одобрена *единогласно*, следовательно – и Керенским. И речи моих оппонентов говорили не о ноте Милюкова, а о ноте Временного правительства и «изменника демократии Керенского в том числе». Мое положение было особенно тяжело вследствие моей неосведомленности. Верно ли было газетное сообщение или нет – я не знал и склонялся к мнению, что оно ложно, но не решался утверждать этого категорически. А между тем я хорошо знал, что язык сомнения на аудиторию не влияет, – на такую же взволнованную и бурлящую аудиторию действует прямо возбуждающим образом, но возбуждающим в духе, враждебном оратору. Поэтому недобросовестные ораторы всегда предпочитают лгать, но категорически, чем строить речь на предположениях. Я помню (в значительно позднее время, должно быть, в октябре), как один оратор распинался: «Я сам был на рижском фронте и сам слышал, как Керенский говорил...» – и приписывал Керенскому какую-то совершенно невозможную чепуху; я же начал возражение: «Я, к сожалению, на рижском фронте не был, но уверен, что этого не было», – и

аудитория явно верила бывшему на фронте лжецу, а не мне (конечно, не только потому, что он будто бы был на фронте, а еще и потому, что он защищал то, чего страстно хотелось аудитории, именно – немедленного мира). Михаил Беренштам потом говорил мне, что мне следовало говорить: «Я тоже был на рижском фронте и...» Не знаю, держался ли Беренштам сам подобной системы, но я к ней никогда не прибегал.

На следующий день произошла та страшная уличная демонстрация, которая произвела перелом в ходе революции. Временное правительство, до тех пор державшееся, казалось, прочно, имея непоколебимую опору в восторженном сочувствии всего народа, зашаталось; вышли в отставку Милюков и Гучков¹⁴²⁵; потом начались перетасовки, и Временное правительство обратилось в зыбкую игрушку стихии.

Около этого времени я закончил брошюру о желательных условиях мира, написанную по предложению комитета Трудовой группы. Ходячая формула в то время была: «Без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов». Эта формула вызывала недоразумения; при обычном понимании термина «аннексия» в ней нетрудно было усмотреть внутреннее противоречие между первой и второй частью. Тем не менее я принял эту формулу, но дал истолкование термину «аннексия» как акту насильственному, совершаемому без опроса населения. Брошюра моя служила разъяснением и развитием этой формулы. Я доказывал, что завоевание Босфора и Дарданелл нам не нужно; что оно само по себе дает выход только в Средиземное море, но не дальше, и за ним неизбежно явится стремление укрепиться на Суэцком канале и в Гибралтарском проливе; что нам нужна не политическая власть на проливах, а свобода коммерческого плавания, которое достижимо, да в сущности и достигнуто, без нее. Но мы не можем безнаказанно

1425 А. И. Гучков сложил с себя обязанности военного и морского министра 30 апреля, а П. Н. Милюков подал в отставку с поста министра иностранных дел 2 мая 1917 г.

дать укрепиться на Босфоре Германии. Доказывал также, что поставить своею задачей получение с Германии контрибуции было бы большою ошибкой: это значит затягивать войну до полного поражения Германии, так как только при нем Германии можно вынудить к ней и все-таки ее не получить, так как совершенно разоренная Германия платить не будет в силах¹⁴²⁶.

Когда брошюра еще печаталась, о ней как-то узнал Терещенко, тогдашний министр финансов, и обратился ко мне по телефону с просьбою прибавить в ней страничку о «Займе свободы»¹⁴²⁷, который он как раз тогда выпускал на рынок. Я охотно согласился. С точки зрения чисто литературной эта страничка была каким-то неуклюжим привеском в брошюре, плохо в ней пришитым к остальному, чисто политическому содержанию, и отзывала рекламой¹⁴²⁸. Брошюра была напечатана в каком-то невероятном количестве экземпляров (чуть ли не 200 000) и распространялась и Трудовой группой, и Министерством финансов, и некоторыми другими организациями, но все-таки вся не разошлась; значительная часть ее осталась на складе у издателя и потом куда-то пропала.

Случилось так, что я раздал все имевшиеся у меня экземпляры, так что, когда года через два мне захотелось ее перечи-

1426 См.: Водовозов В. В. Война и революция. Речь, произнесенная на Петербургском организационном собрании Трудовой группы. Пг., 1917. С. 14–15, 17–18.

1427 Облигации долгосрочного, с погашением в течение 49 лет начиная с 1922 г., внутреннего «Займа свободы 1917 года», постановление о котором было принято Временным правительством 27 марта 1917 г. (с открытием подписки 6 апреля), выпускались достоинством в 50, 100, 500, 1000, 5000, 10 000 и 25 000 рублей с доходом в 5%, выплачиваемым дважды в год; к моменту большевистского переворота число подписчиков приближалось к 1 млн человек, а сумма подписки превысила 4 млрд рублей.

1428 См.: Водовозов В. В. Война и революция. С. 13.

тать, я не нашел у себя ни одного экземпляра и не знал, куда обратиться в поисках за таковым. В настоящее время я забыл даже ее заглавие. Самое правильное заглавие было бы «Война и мир», но его я дать, конечно, не мог¹⁴²⁹. В ней я изложил по военно-политическому вопросу свои задушевные мысли, которые я вырабатывал многие годы в части, касавшейся проливов, еще задолго до войны, и для решения которого я тщательно изучал историю вопроса о проливах и постановку его в международном праве. Важным ее недостатком было то, что я исходил из совершенной уверенности в победе Антанты над германской коалицией и совершенно не предвидел распада Антанты, несмотря на то что оно вырисовывалось уже достаточно ясно. А если бы предвидел, то нашел бы лишние хорошие аргументы как в пользу необходимости продолжать войну, так и против аннексий и контрибуций.

Брошюра моя вызвала резкие возражения с двух сторон: со стороны кадетов и более правых, отстаивавших необходимость присоединения Босфора, и со стороны большевиков, требовавших немедленного мира во что бы то ни стало. Но возражения того же рода я встретил и в рядах самой Трудовой группы.

Вскоре после выхода в свет моей брошюры происходил съезд Трудовой группы¹⁴³⁰. Я был выставлен докладчиком по вопросу о войне и мире¹⁴³¹, и мой доклад, в общем пересказыва-

1429 См.: Водовозов В. В. Война и революция.

1430 Имеется в виду V Всероссийский съезд Трудовой группы, в президиум которого был избран член ее ЦК В. В. Водовозов; доклад его об Учредительном собрании «за недостатком времени не мог быть прочитан на съезде», но он выступал в прениях по вопросу о пересмотре партийной программы, см.: Труды V Всероссийского съезда Трудовой группы. 7–11 апреля 1917 г. Пг., 1917. С. 38, 60, 62, 63, 72, 73, 136.

1431 В трудах съезда доклад о войне и мире не упоминается, но с речью «Война и революция», помещенной в № 26–28 газеты

вавший мою брошюру, послужил предметом очень горячих прений; большинство петербуржцев было на моей стороне, но в рядах провинциальных членов резко обозначились две группы – кадетствующая и большевизанствующая. Однако моя резолюция собрала значительное большинство¹⁴³². Оба фланга, оставшиеся в меньшинстве, из группы не вышли.

На этом же съезде Н. В. Чайковский выдвинул как программный или тактический лозунг: «Политическая революция, социальная реформа»; политическая революция совершилась и закончится с созывом Учредительного собрания; социальное преобразование должно быть совершено мирным законода-

«День» за 6–8 апреля 1917 г. с примечанием: «Эта речь, сказанная по поручению Центрального комитета Трудовой группы, для печати пополнена некоторыми новыми фактами», В. В. Водовозов выступил на ее «организационном собрании» 12 марта.

- 1432 В. В. Водовозов считал, что до Учредительного собрания «правительство должно вести войну со всей возможной энергией, ни в каком случае не навязывая стране невыгодного мира», и призывал Трудовую группу идти на выборы со следующей программой: «1. Мы стоим за скорейший мир, но не за мир во что бы то ни стало. 2. Полный отказ от всяких завоевательных целей войны, в том числе и по отношению к Константинополю. Мир должен основать новый строй Европы на началах братства народов. Никаких насильственных аннексий, никаких контрибуций. Всякое территориальное изменение должно производиться на основе плебисцита. Россия не должна настаивать на сохранении своей власти над подвластными ей доныне народами. Русской Польше, Литве, Украине, Армении должна быть предоставлена свобода определить свою судьбу» (Водовозов В. В. Война и революция. С. 22–23). Цитируя второй пункт, один из делегатов съезда, член 4-й Государственной думы Н. О. Янушкевич, заметил: «Лучше всего наша позиция изложена в брошюре В. В. Водовозова “Война и революция”, и ее заключительные тезисы могли бы служить нам прекрасной платформой мира, чтоб с ней идти на выборы» (Труды V Всероссийского съезда Трудовой группы. С. 163).

тельным путем. На это возражал В. Б. Станкевич, который совершенно основательно указал, что теперь едва ли не поздно говорить о социальной реформе; социальная революция, как аграрная, так и промышленная, к несчастью, уже началась, идет в самых грубых анархических формах и грозит страшными бедствиями; не считаться с нею нельзя.

С этим вопросом – аграрной реформы или революции – мне приходилось иметь дело на крестьянских собраниях в различных, по большей части недалгих (от Петербурга) местностях Новгородской губернии: в Чудове, в Волхове и в др. Я твердо стоял на позиции: выбирайте в Учредительное собрание людей, которые будут отстаивать передачу земли в руки крестьянства на начале выкупа по возможно низкой оценке; требовать землю без всякого выкупа – значит готовить гражданскую войну, в которой вы можете потерять все уже вами приобретенное, но еще хуже захватывать землю грабительским образом: никакое равенство земельной собственности при нем невозможно, создастся новый помещичий класс, который будет хуже прежнего.

Бывали случаи, когда мои речи встречали полное сочувствие крестьян, но чем дальше шло время, тем такие случаи происходили все реже и реже. На некоторых таких собраниях появлялись опасные оппоненты.

Организовывались такие митинги следующим образом. Либо лично я, либо Трудовая группа получали письмо из какой-либо деревни с просьбой приехать (если письмо адресовалось лично мне), либо прислать человека поговорить о земле. Письмо исходило от какого-нибудь отдельного, очевидно, более интеллигентного крестьянина. Обыкновенно в письме делалась прибавка, что автор письма просит остановиться у него. Об оплате проезда речи никогда не было, и таковую приходилось производить из собственного кармана, иногда же расходы брала на себя Трудовая группа, в которой Брамсон, заведовавший финансами группы и умевший добывать для нее деньги, очень внимательно следил за тем, чтобы на отдельных лиц не

падали расходы по общественно нужным поездкам.

Я ехал; обыкновенно встречал очень теплое гостеприимство инициатора митинга, у которого и ужинал, и ночевал. Митинг устраивался либо в какой-нибудь избе, – частной ли избе, школе, волостном правлении, либо на лужайке возле избы. Полицейских неприятностей, столь знакомых по эпохе 1905 г. и следующих годов, теперь, конечно, не было и в помине. Численность аудитории была очень разнообразна, иногда человек 20, а иной раз 200 или более; преимущественно мужчины, но бывали и бабы, и молодые девушки; приходили даже дети в том возрасте, когда понимать предмет беседы они очевидно не могли, но вели себя спокойно, уставившись упорными глазенками в рот оратору и по часу следя, конечно, не за речью, а за движениями рта. Крестьяне всегда слушали очень внимательно, стараясь вникать в сказанное. В первое время (март, апрель) порядок собрания никогда не нарушался; если же и раздавались возгласы с мест, то в небольшом числе и в количестве, не мешавшем оратору. Помню, на одном из таких собраний я говорил, кого следует выбирать в Учредительном собрании:

– Если вы недовольны тем, что прогнали царя, если хотите царя, то выберите монархиста.

– Не нужно, надоел!

Возглас исходил от высокого крепкого мужика лет 50 с умным лицом.

– А если царь вам надоел, то выбирайте такую партию, которая стоит за то, чтобы все законы писались народными выборными, но и таких партий не одна, а много.

Но понемногу, с привычкой к митингам и с подъемом политических страстей, развивались и возгласы с мест, принимая иногда анархический характер и ведя к срыву собраний, особенно когда на митинг попадали также другие партийные ораторы, всего больше – большевики и левые эсеры.

На одном таком собрании, должно быть в мае или июне, тоже где-то в Новгородской губернии на лужайке я говорил о

земельном вопросе. Когда я говорил о выкупе и против захватнического раздела земель, меня не раз прерывал один молодой человек явно некрестьянского вида, и каждый раз его перерыв вызывал шум и мешал ходу собрания. Все-таки я договорил свою речь до конца. Но после меня выступил этот самый молодой человек и стер меня в порошок. И предатель народа я, и буржуй, и защитник интересов помещиков, и реакционер – словом, весь большевичий вокабюлер¹⁴³³. Он требовал немедленного раздела помещичьих земель и инвентаря. Говорил бойко, хлестко, не без остроумия, и аудитории нравился. Однако нашелся другой молодой человек, тоже некрестьянского вида, который возмутился его демагогическими грубыми приемами.

– Я тоже хотел возражать Водовозову, – начал он, – я с ним не согласен. Я думаю, что землю надо взять без выкупа. Но я считаю недопустимым говорить в таком тоне о Водовозове, у которого есть заслуги перед делом революции. Водовозов, как известно, представитель Трудовой группы, и, конечно, он может показать свой мандат. Я говорю здесь от имени партии социал-революционеров и могу удостоверить это партийным билетом. А от кого говорит этот господин? Он не сказал. Во всяком случае, не от социалистов-революционеров. Наша программа требует...

И т. д. Я слушал и недоумевал. Что это за полицейское требование паспорта? Кстати, до тех пор я никогда не имел никакого партийного билета и только по возвращении в Петербург с этого митинга потребовал себе паспорт; у нас до тех пор не было даже паспортных бланков. А кроме того, что это за язык в крестьянском собрании? Говорить о партиях, о партийных программах было неизбежно, потому что готовившийся избирательный закон признавал только партийные, а не личные кандидатуры, а также потому, что вся политическая атмо-

1433 От *vocabularium* (лат.) – словарь.

сфера была уже насыщена партиями, программами и платформами. Во всяком случае, речь последнего оратора не имела ни малейшего успеха; она была рассчитана совсем на иную аудиторию. К тому же по содержанию она не была достаточно определена. Отстаивая национализацию земли без выкупа, он признавал законодательный путь, но не отказывался достаточно ясно от захватнического; напротив, допускал его с последующей легализацией Учредительным собранием. Эта промежуточность программы, говорившая, что в эсеровской партии он стоял на самом крайнем правом фланге в связи с чрезмерной схематичностью интеллигентского языка, никого не увлекала и не воспламеняла; нежелание прибегать к демагогическим приемам, роднившая его со мной, была в этот момент не ко двору.

Вновь заговорил первый оппонент, очевидно, крайне левый эсер, опередивший меня, и окончательно натравил толпу на меня и на эсера. Когда я попробовал заговорить вновь, то мне не дали говорить:

– Буржуй! Помещиков хочет сохранить! По миру бедняжки пойдут, жалко тебе!

Крестьянин, организатор митинга, по чьему приглашению я здесь был, взял меня за рукав.

– Пойдемте, ничего не добьетесь! Их не перекричать!

И увел к себе.

– Мы же вас пригласили и вам же наплевали.

Он так был искренно огорчен, так горячо извинялся передо мною в собственной вине, что сильно тронул меня, относившегося к подобным неудачам гораздо хладнокровнее. В эту революцию это была первая моя серьезная неудача на митинге; за ней последовали другие.

Решительный перелом во всей жизни и, в частности, в характере митингов наступил после большевистского восстания 3

июля¹⁴³⁴. Вечером в этот день я был на заседании Особого совещания об Учредительном собрании в Мариинском дворце. Часов в 10 оно кончилось, и мы разошлись по домам.

Я шел по пустой и светлой в эту июльскую ночь Адмиралтейской площади и, еще не доходя до Дворцовой площади, увидел несколько человек, бегущих от Дворцового моста навстречу мне. Ужас был написан на их лицах; особенно ясно помню я пожилую даму, бежавшую с быстротой, вовсе не соответствующей ее возрасту. «Что это такое?» – спросил я себя и сразу решил: вероятно, где-нибудь поблизости стреляют. Я все-таки повернул за угол Адмиралтейского сада и, когда сделал еще несколько шагов, явственно услышал частую пальбу. Где она была – я не знал. Я постоял на месте несколько минут, с радостью удостоверился, что страха не испытываю, но все-таки повернул назад и вновь дошел до Невского. Оттуда ехал трамвай. Я вскочил в него. Трамвай шел к Дворцовому мосту, но лишь только вагоновожатый услышал пальбу, он дал быстрый задний ход и по той же колее быстро, не останавливаясь помчался на Невский, очевидно рискуя столкнуться с встречным вагоном. Доехав почти до Полицейского моста, он вновь переменял направление, но с Невского повернул не направо, к Дворцовому, а налево, к Николаевскому мосту. На Николаевском мосту была вновь слышна, хотя и далекая, пальба. Часть немногочисленных пассажиров позднего трамвая легла на пол вагона, очевидно воображая, что пуля не пробьет стенки вагона и на полу безопасно, но другая часть сохраняла спокойствие. Доехав до угла Большого проспекта и 8-й линии, я вышел из вагона и пешком дошел до Тучковой набережной,

1434 Июльские события 1917 г. – массовые антиправительственные демонстрации в Петрограде при участии вооруженных солдат и матросов Балтийского флота под лозунгом «Вся власть Советам!», квалифицированные ВЦИК как «большевистский заговор»; общая численность демонстрантов превышала 400 тыс. человек.

где я жил¹⁴³⁵, не слыша пальбы и не замечая ничего тревожного. Дома я застал мою прислугу, пальбу слышавшую с балкона и находившуюся в смертельном страхе.

Как известно, это первое большевицкое восстание было легко подавлено, но политическая атмосфера страшно накалилась. С этого момента все поняли, что какая-то страшная катастрофа приближается, что большевики, на которых раньше многие смотрели презрительно, есть действительно большая и очень опасная сила. Правительственные кризисы происходили беспрестанно. Цены на все товары росли с быстротой, ясно говорившей о крайней непрочности финансовой и экономической базы всей нашей жизни. На митингах идея Учредительного собрания как вершителя судеб явно теряла свое обаяние, и идея насильственного социального переворота явно начинала иметь перевес над нею.

Я был сильно переутомлен всей предыдущей работой, – настолько сильно, что со мной однажды произошел совершенно непредвиденный казус. Я говорил речь на одном собрании, закашлялся и остановился на минуту. Надо продолжать речь, но вдруг я сообразил, что совершенно забыл не только то, на чем остановился, но и то, о чем я говорил вообще, что было темой моей сегодняшней речи. Я сделал вид, что продолжаю задыхаться, сошел с трибуны, отошел в угол эстрады и минуты в три посредством мучительного напряжения вспомнил все, что было надо.

Поэтому в августе я уехал на Кавказ отдохнуть и вернулся в середине сентября. Вся корниловская история прошла во время моего отсутствия, и я узнавал о ней только из газет, приходивших с большим опозданием, и из слухов.

1435 В. В. Водовозов жил на Васильевском острове по адресу: Тучкова набережная (угол Биржевой линии), дом № 2/18, квартира 12.

Глава IV. Особое совещание для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание

Как я уже сказал выше, первой после революции моей политической мыслью, захватившей меня всего целиком, была мысль об Учредительном собрании. «Я должен все свои силы отдать работе для возможного скорейшего и правильного, т. е. соответствующего воле народных масс, созыва Учредительного собрания», – думал я.

Я слишком много занимался вопросами избирательного права, чтобы не понимать, что везде и всегда необходимо время для составления избирательных списков, для организации избирательных бюро и производства самих выборов при присутствии органов местного самоуправления, которые бы пользовались общим доверием, а при русских условиях, при громадных территориях, дурных путях сообщения, при расшатанности власти, при общей разрухе, созданной войной и революцией в особенности, при всех этих условиях сроки вроде двух месяцев, которые понадобились для производства выборов во Франции после революции 1848 г., у нас совершенно неприменимы. Тем более нельзя терять ни одного дня.

Я был уверен, что Керенский смотрит на дело так же, как я, и не ожидал, что мне придется подталкивать его; но я боялся – и описанный выше разговор с И. В. Гессеном усиливал мою боязнь, – что с кадетской стороны будут сделаны попытки затормозить дело и что Временное правительство, кадетское по составу, не обнаружит в этом отношении достаточно энергии, несмотря даже на принятый им пункт о «немедленной подготовке к созыву Учредительного собрания», включенный уже в соглашение 2 марта 1917 г. между Советом рабочих депутатов и Комитетом Государственной думы¹⁴³⁶; об Учредительном

1436 Персональный состав Временного правительства был определен 1 марта на расширенном совещании членов Временного

собрании говорил также великий князь Михаил Александрович в своем манифесте об отречении от права престолонаследия¹⁴³⁷.

И действительно, декрет об образовании Особого совещания был выработан и подписан только 25 марта. Распубликован он был в Собрании узаконений только 30 марта¹⁴³⁸ – зачем-то понадобилось пять дней лишнего промедления, а всего целый месяц с образования Временного правительства. Но самый декрет был еще хуже. В Особое совещание правитель-

комитета Государственной думы (при участии лидеров ее Прогрессивного блока и ЦК Конституционно-демократической партии) и Петроградского совета рабочих депутатов, о чем стало известно на следующий день. В декларации нового правительства, опубликованной в № 4 «Известий Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов» 3 марта, предусматривалась «немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования Учредительного собрания, которое установит форму правления и конституции» (см.: От Временного правительства // День. 1917. № 1. 5 марта).

1437 В акте с отказом от права престолонаследия от 3 марта 1917 г. Михаил Александрович указывал, что решил «в том лишь случае воспрять Верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием, чрез представителей своих в Учредительном собрании, установить образ правления и новые основные законы Государства Российского»; он просил «всех граждан Державы Российской» подчиниться Временному правительству «впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, Учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа» (ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2100а. Л. 7; см. также: Отречение великого князя Михаила Александровича // День. 1917. № 1. 5 марта).

1438 Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. 1917. № 71. 30 марта. Ст. 406. С. 604–605.

ством были назначены 13 специалистов (Кокошкин, Н. И. Лазаревский, В. Маклаков, Вл. М. Гессен, Набоков, проф. С. А. Котляревский, Зарудный, Нольде, Лаппо-Данилевский, Аджемов, Авинов, А. Я. Гальперн, я), но сверх того Совету рабочих депутатов, политическим партиям – думским и внедумским (кроме правых и черносотенных), национальностям, имеющим свои организации, различным общественным организациям предложено делегировать в совещание своих представителей. Должна была быть представлена в совещании и армия, притом фронтовая ее часть. Совещание превращалось в громоздкое учреждение, самая организация которого неизбежно требовала немало времени. Но она потребовала его еще больше, чем можно было ожидать.

С Кокошкиным, намеченным в председатели будущего совещания, я в это время довольно часто встречался в той Юридической консультации, о которой я говорил выше, и сильно торопил его, но замедление исходило не от него. Оно исходило от людей, от которых этого никак нельзя было ожидать, и прежде всего от председателя того Совета рабочих депутатов, который в самом начале потребовал от Временного правительства обязательства скорейшего созыва Учредительного собрания и как раз в отношении к этому требованию видел отличие своей революционной политической позиции от буржуазной позиции Временного правительства. Чхеидзе, получив в качестве его председателя, а также председателя социал-демократической фракции от Кокошкина предложение назначить представителей в совещание, не отвечал на него более трех недель. Это объяснялось главным образом несчастным событием, затрагивавшим лично его: нечаянным или умышленным убийством его сына¹⁴³⁹; говорили, что Чхеидзе

1439 26 марта 1917 г. «сын председателя Совета рабочих и солдатских депутатов, С. Н. Чхеидзе, 15-летний юноша, рассматривая в гостях у своего товарища револьвер, случайно спустил курок. Раздался выстрел, и юноша замертво свалился, смертельно ра-

положил письмо Кокошкина в карман и, потрясенный несчастьем, забыл в нем при перемене сюртука. Так ли это было или нет, я не знаю, но, во всяком случае, шли недели, избрание представителей Совета рабочих депутатов состоялось, а об избрании представителей социал-демократической фракции ничего не было слышно. И, конечно, трагическое происшествие в семье Чхеидзе оправданием социал-демократической партии служить не могло: ведь знала же она об образовании совещания хотя бы из газет, – почему же она не сочла нужным потропить своего председателя? Очевидно, потому, что она была завалена делами, казавшимися ей более неотложными. Я просил Кокошкина собрать первое заседание совещания, не ожидая социал-демократов, но Кокошкин считал это неудобным и ограничился написанием второго письма Чхеидзе. И на него ответ пришел не сразу.

В то же время партии и различные организации настойчиво торговались из-за числа мест в совещании, присылая для переговоров своих делегатов к Кокошкину в Юридическую консультацию. В отсутствие Кокошкина иногда выходил к ним кто-нибудь другой; так я принимал как-то группу караногайцев¹⁴⁴⁰, требовавшую места для себя. Не помню, слышал ли я когда-нибудь раньше название этой народности, но тут я познакомился с ее представителями – в черкесках, с патронташами на груди, с кинжалами на боку и с выражением лиц, говорившим, что в случае если их словесные аргументы окажутся недостаточно убедительными, они готовы прибегнуть и к более убедительным. Я от них получил некоторые элементарные сведения о месте их жительства, о численности

ненный в голову» (Хроника // День. 1917. № 20. 28 марта).

1440 Кара-ногайцы – тюркоязычный народ, кочевавший по Караногайской степи к северу от Терека; с 1922 г. жили в Дагестанской АССР, где существовал Караногайский район. Сейчас как самостоятельный этнос не существуют, слившись с другими ногайцами.

– совершенно ничтожной (что-то около 30 000) и постарался их убедить в том, что, во-первых, если давать место в совещании всем таким народностям, то наше совещание обратится само чуть ли не в Учредительное собрание и будет совсем не работоспособно, а во-вторых, в том, что им и нет никакой особенной нужды в представительстве, так как всеобщее голосование все равно уже обеспечено совершенно, а пропорциональность, за которую они стоят, почти обеспечена. Естественно, что моя аргументация показалась им неубедительной, и я обещал передать их соображения Кокошкину. В конце концов им было отказано в представительстве, и к аргументам кинжального свойства они все-таки не прибегли. Другие народности, имевшие более прав, его получили, и по большей части даже по два места на каждую национальность: одно на ее буржуазные партии, другое на социалистические. Требовали места и различные другие организации: женские, и притом не одна, а несколько, неведомо чем друг от друга отличающиеся; Сибирь как географическое целое и т. д. Решающей инстанцией был Кокошкин, совещавшийся при этом с нами – членами по назначению и, кажется, не доводивший вопроса до Временного правительства.

Наконец, к маю совещание организовалось¹⁴⁴¹. В него входили Чхеидзе (которого, впрочем, в совещании я, сколько помнится, не видал ни разу), Брамсон, Н. Д. Соколов и др. от

1441 10 мая 1917 г. Временное правительство постановило: «Принять меры к ускорению того совещания, на которое, согласно опубликованному уже постановлению правительства, возлагается выработка положения о выборах в Учредительное собрание и окончательное образование которого замедлялось тем, что еще не все приглашаемые к участию в нем организации, политические партии и национальные группы наметили своих представителей в нем». Признав ряд лиц вошедшими в состав Особого совещания, правительство назначило первое его заседание на 25 мая.

Совета рабочих депутатов, В. Я. Гуревич, Питирим Сорокин и др. от Совета крестьянских депутатов, Добраницкий от фронта¹⁴⁴², В. А. Мякотин от народных социалистов, Станкевич и Одинец от трудовиков (последний – заместитель), Крохмаль от социал-демократов, М. В. Вишняк от социалистов-революционеров, Козловский от большевиков, Винавер и Гронский от кадетов, Ефремов от прогрессистов; были представители октябристов и даже националистов (но не правых), Толмачев от Сибири, Шишкина-Явейн от Российской лиги равноправия женщин¹⁴⁴³ и еще несколько женщин от других женских организаций, представители от национальностей и различных организаций¹⁴⁴⁴. Всего 76 человек, не считая «заместителей» и еще нескольких лиц с совещательным голосом. Преобладали эсдеки и социалисты-революционеры; было несколько кадетов и трудовиков, кроме официальных представителей партий (так я, трудовик, попал в число назначенных специалистов); большевик – только один, официальный.

В нашем составе особенно странную роль сыграли представители национальностей. Как я уже сказал, они особенно страстно добивались себе мест, и в первых заседаниях, посвященных вопросу о пропорциональности, они присутствовали,

1442 Неточность: М. М. Добраницкий представлял Совет рабочих и солдатских депутатов.

1443 Российская (с 1917 г. – Всероссийская) лига равноправия женщин, созданная в Петербурге в марте 1907 г., провела в декабре 1908 г. Первый Всероссийский женский съезд, в мае 1917 г. инициировала создание Республиканского союза демократических женских организаций (всего около 90); распалась после большевистского переворота.

1444 Состав Особого совещания для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание см. в: Особое совещание для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание: справочник. 1917 г. Составлен по 30 июня 1917 г. Пг., 1917. С. 25–32.

деятельно выступали и энергично голосовали. Но тотчас после торжества пропорциональности их рвение сильно ослабело, и, за немногими исключениями, они почти не посещали совещания и уклонялись от работ в комиссиях. Национальный вопрос ни разу ни в какой форме (если не считать все той же пропорции) в нашем совещании не был поставлен, и в законе нет никакого признака того, что Россия есть государство, в котором живет около 150 различных национальностей, говорящих на разных языках. В нем не сказано, что протоколы избирательных комиссий должны вестись на местном языке, что бюллетени должны печататься на нем же, что комиссии должны принимать на них жалобы. Ни одного слова. Конечно, это слово не обязательно в стране, в которой права национальностей, как, например, в Чехословакии, ограждены специальным законом¹⁴⁴⁵. Но в России такого закона не было, и соответственные

- 1445 Конституционная хартия, утвержденная Национальным собранием Чехословацкой республики 29 февраля 1920 г., предусматривала равные права всех граждан «без различия расы, языка или религии»; в частности, пункт 3 параграфа 128 гласил: «Граждане Чехословацкой республики могут в пределах, установленных общими законами, свободно пользоваться всяким языком как в частных или коммерческих сношениях, так и в области религии, печати или публикациях всякого рода или же в публичных собраниях». Закон о языке от 29 февраля 1920 г. определял, что органы власти во всех округах, где не менее 20% населения говорит на ином, не чешском или словацком, языке, обязаны выносить на нем свои решения (в 1926 г. этот порядок стал обязателен лишь для местностей, где национальное меньшинство составляло не менее 2/3 населения). Кроме того, предусматривалось, что подлинным текстом закона, принятым Национальным собранием, считается тот, который опубликован на чешском и словацком языках; кроме того, издается официальный перевод собрания законов и распоряжений Чехословацкого государства на немецком, польском и венгерском языках, а также языке, определяемом сеймом Прикарпатской Руси.

постановления на всякий случай были бы желательны. Их, однако, не оказалось. Мы имели несколько ценных работников из числа представителей национальностей (например, еврейской: Канторович и Грузенберг), но они были ценны как лица, а не как евреи; еврейство их не сказалось ни в одном слове, ни в одном голосовании (все за тем же исключением пропорциональности). Зачем же они так усиленно торговались?

Было решено, что заседать мы будем в Мариинском дворце, раньше служившем помещением Государственного совета; только вместо Щегловитова на председательском месте сидел Кокошкин, а на бархатных креслах сановных членов Государственного совета – демократические члены Совета рабочих депутатов, революционных партий, еврейской национальности, даже женщины. Пленарные заседания должны были быть публичными и стенографироваться и печататься. Создавался своего рода парламент или, по крайней мере, предпарламент. Вознаграждения члены совещания не получали, и это, конечно, хорошо, а то бы его занятия могли оттянуться еще на несколько месяцев.

Все это совершенно не соответствовало моему пониманию задач совещания. Я хотел небольшой комиссии из специалистов, которая работала бы бесшумно в закрытых заседаниях и выработала бы проект в неделю-две, подобно тому как были выработаны проекты организации городских дум и новых земств. Мне кажется совершенно несомненным, что в существенных пунктах такой проект ничем не отличался бы от нашего, так как основные принципы избирательного права носились в воздухе и были совершенно бесспорными: всеобщность, без различия пола, национальности, религии, с привлечением к голосованию армии, и пропорциональная система; отличия были бы в технических деталях – и, вероятно, к лучшему, а не к худшему; главное отличие было бы только в быстроте работы. Впрочем, как раз среди «специалистов» были люди (особенно Лазаревский, отчасти В. М. Гессен), решительно не желавшие торопиться с выборами, а потому и с выработкой

закона, хотя и не совсем по тем мотивам, которые высказывал И. В. Гессен, – об этом будет речь ниже.

Раньше чем приступить к изложению хода работ в нашем совещании, я расскажу об одном эпизоде, связанном с тем же вопросом, но имевшем место независимо от совещания. Задолго до того, как образовалось наше совещание, чуть ли еще не в марте, Петербургский Совет рабочих депутатов организовал довольно многочисленную – человек в 30 – комиссию для предварительного обсуждения все того же вопроса об Учредительном собрании и принятия некоторых подготовительных мер. Хотя я не был членом Совета, но в эту комиссию я получил приглашение и бывал в ней¹⁴⁴⁶. Впрочем, она имела всего три или четыре заседания и разошлась вследствие образования совещания, ничего не сделав. Заседала она в Таврическом дворце.

На первом заседании в самом его начале одна женщина так сформулировала задачу комиссии:

– Наша задача выработать такой избирательный закон, чтобы в Учредительное собрание прошло как можно больше социалистов.

Заявление это вызвало во мне сильное негодование, и я хотел уже сделать какую-нибудь очень резкую его квалифика-

1446 См.: «Совет рабочих депутатов образовал комиссию для выработки законопроекта об Учредительном собрании, в которую избрал несколько своих членов и пригласил также несколько лиц со стороны, не принадлежащих к его составу. 27 марта комиссия собралась на свое первое заседание, оказавшееся, в силу некоторых случайностей, довольно малочисленным: присутствовали Л. М. Брамсон, В. В. Водовозов, С. К. Загорский, Н. В. Святицкий, И. В. Чернышев, а также солдатский депутат Борисов, давший разъяснения по некоторым вопросам. Не явились Лурье, Станкевич и некоторые другие. Комиссия избрала председателем Л. М. Брамсона» (Подготовка законопроекта об Учредительном собрании // День. 1917. № 21. 29 марта).

цию, но председательствовавший в комиссии Брамсон поправил ораторшу:

– Наша задача выработать такой закон, который дал бы возможность народной воле выкристаллизироваться с возможной правильностью.

Замечание было сделано очень тактично, очень *suaviter in modo*, *fortiter in re*¹⁴⁴⁷ и сделало, к моему удовольствию, ненужным мое выступление. Собрание, по-видимому, сочувствовало своему председателю, – ведь это было только начало революции; по крайней мере, ораторша не получила поддержки решительно ни с чьей стороны. Но все-таки, значит, уже тогда находились люди, подготавливавшие фальсификацию народной воли, и притом из числа людей, всю жизнь говоривших о торжестве народной воли!

Этот маленький эпизод имел для меня свой эпилог. Через 6 лет, уже в эмиграции, я познакомился с Верой Николаевной Савинковой (женой младшего брата Б. В. Савинкова, потом женой А. А. Демьянова, в настоящее время женой чешского адвоката Стомпфе), и в одну из первых встреч она меня спросила:

– А вы помните, где мы с вами впервые встретились?

– Кажется, в Берлине несколько месяцев тому назад.

– Нет, не в Берлине. Помните вы комиссию при Совете рабочих депутатов по вопросу Учредительного собрания, в которой вы были членом?

– Как же, помню.

– Ну так я тоже была ее членом.

– Так, значит, вы сделали подлое заявление о необходимости фальсификации воли народа для торжества социализма?

– Нет, что вы, я никакого заявления не делала, – испугалась она.

1447 мягко по форме, твердо на деле (лат.).

– Мне помнится, что там была только одна женщина, а это заявление сделала женщина.

– Нет, не я, – я не делала.

Я и теперь не знаю, ложно ли она отрекалась от своего заявления, испуганная его квалификацией, или в комиссии было несколько женщин.

Возвращаюсь к Особому совещанию. 25 мая, почти через три месяца после образования Временного правительства, оно собралось на первое заседание. Открыл его своею довольно бессодержательной речью глава Временного правительства князь Г. Львов. Председатель – Кокошкин – был назначен Временным правительством, двух товарищей председателя – Мякотина и Крохмаля – выбрали мы¹⁴⁴⁸.

Я сказал уже, что основные принципы будущего закона были предreshены или почти предreshены. Безусловно было предreshено, что избирательное право должно быть всеобщим, без различия пола и с привлечением армии к голосованию. Последнее, как известно, есть вопрос более чем спорный. Насколько я знаю, ни в одном нормально действующем законодательстве армия даже в мирное время к голосованию не допускается, тем более во время войны, и это понятно: крайне опасно давать голос людям, постоянно имеющим при себе оружие и могущим его при случае пустить в ход, и по меньшей мере крайне неудобно допускать свободу агитации в армии. Кроме того, трудно, даже невозможно технически организовать подачу голосов в окопах, если желаешь организовать ее правильно. Есть и еще одно общее соображение против предоставления голоса военным частям: правительство может легко их переводить с места на место и таким образом влиять на исход выборов в том или другом отдельном округе, но вообще это соображение имеет мало значения при пропорциональной

1448 См.: Совещание по созыву Учредительного собрания // День. 1917. № 68. 26 мая.

системе, а у нас в тот момент и совсем не имело; вполне достаточно было остальных соображений, чтобы признать голосование солдат неприемлемым.

Но над нами доминировал факт: армия сделала революцию, и армия не позволила бы лишить ее голоса; к тому же под знаменами находилось свыше 10 млн человек – весь цвет нации, и исход выборов, проведенных без нее, был бы явно неправильным отражением народной воли. Следовательно, с этим приходилось примириться, и нельзя было в совещании ожидать ни одного голоса против солдатских вотумов (их и не было, хотя всю силу приведенных выше аргументов сознавали многие). Задача была только выработать технические условия голосования в окопах, насколько это возможно, и эту задачу должны были нам облегчить представители от фронта. Замечу, что почти так же стал вопрос о голосовании армии в Германии через полтора года после нашего совещания, но с тем очень существенным отличием, что если не мир, то перемирие там уже было заключено. Армия там тоже получила право голоса, но через несколько лет при восстановлении нормального порядка она была его лишена.

У меня было еще одно сомнение относительно полной всеобщности. По-моему, в России имеются местности, в которых решительно нельзя по техническим причинам организовать всеобщую подачу голосов, и есть народности, которые решительно не способны ею пользоваться. Новая Земля по площади приблизительно равна Чехословакии¹⁴⁴⁹, а жителей в ней, помнится, меньше 100; на сколько избирательных участков придется ее разделить, где найти членов избирательных бюро в составе поголовно безграмотного населения? То же самое верно в применении к тундрам Сибири, песчаным пустыням Средней Азии и даже Астраханской губернии. Точно так

1449 Неточность: площадь Новой Земли 83 тыс. кв. километров, площадь Чехословакии в то время 140,4 тыс. кв. километров.

же, что может выйти из голосования камчадалов, гиляков и тому подобных народностей? Во всяком случае, пользование правом голоса предполагает известный уровень культурного развития.

Я издавна считал необходимым соответственное ограничение территории голосования, как это сделано и в Соединенных Штатах. Эту мысль я проводил в освобожденческой комиссии 1904–1905 гг. по составлении проекта русской конституции, о которой я говорил в одной из прежних частей моих воспоминаний; в комиссии участвовали исключительно люди интеллигентные, и политический радикализм не помешал им (Анненскому) признать правильность моей точки зрения, которая и была принята в тексте нашего избирательного законопроекта. Эту же идею я подробно развивал в одной из своих первых брошюр 1905 г. Но когда я пытался проводить ее в своих речах на собраниях того времени, посещавшихся преимущественно радикальной молодежью, даже на одном собрании в Вольном экономическом обществе, в котором публика была более взрослая, то моя мысль вызывала недовольство, даже возмущение. Выскакивали юнцы, страстно доказывавшие, что несправедливо лишить голоса хотя бы гиляка или камчадала, а на вопрос: «А что вы скажете, если от имени этих камчадалов будет в парламенте говорить русский кабатчик или исправник?» – отвечали: «Пускай, кто бы там ни был, но все, все, все, без единого исключения, должны иметь голос»; указание же на техническую невозможность организовать выборы не производило решительно никакого впечатления, – его просто не замечали и на него даже не возражали.

И теперь, в 1917 г. я был убежден в своей правоте в этом отношении, но чувствовал полную невозможность поднять этот вопрос в совещании. Не знаю, следует ли квалифицировать это как нравственную трусость или как практичность, но я не возбуждал этого вопроса. Если бы я его возбудил, то совершенно несомненно, что меня не поддержал бы решительно никто. Думаю также, что не было проявлением трусости со

стороны октябристских и прогрессистских членов совещания, что они не выступали с защитой своих взглядов на избирательное право.

Почти безусловно было предreshено, что должна быть принята пропорциональная система выборов. Я издавна интересовался этой системой, тщательно изучал ее и еще в конце 90-х годов пришел к отрицательному к ней отношению. В 1905 г. я выпустил в свет брошюру, специально ей посвященную¹⁴⁵⁰, в которой доказывал, что если в странах, давно уже живущих политической жизнью, и притом небольших, как Швейцария или даже отдельные швейцарские кантоны, она может быть применяема с пользой для дела, то в странах больших, а в особенности не привыкших к политической жизни, как Россия, она может только запутать население и совершенно извратить народную волю. Дальнейшее углубление в этот вопрос в течение десятилетия между двумя революциями только укрепило меня в моем убеждении, несмотря даже на хорошо знакомый мне пример Болгарии, где она была введена в 1909 г.¹⁴⁵¹ и несомненно имела благотворное влияние на развитие политической жизни.

В этом отношении я был довольно одинок. Большевики, эсдеки и эсеры были поголовно пропорционалистами, большинство трудовиков и народных социалистов – тоже. Из первых особенно горячим пропорционалистом был Брамсон, который хотел даже включить принцип пропорциональности в программу группы, и только мое заявление, что это заставит меня выйти из группы, остановило его, но когда выбирались делегаты от Трудовой группы в совещание, то он настоял на императивном мандате по этому вопросу. Из кадетов подав-

1450 См.: Водовозов В. В. Пропорциональные выборы или представительство меньшинства. СПб., 1905.

1451 Неточность: мажоритарная избирательная система, введенная в Болгарии в 1880 г., была заменена на пропорциональную в 1912 г.

ляющее большинство было теперь тоже пропорционалистами из опасения, что при мажоритарной системе они не найдут ни одного своего округа во всей России. В частности, Милюков (в совещании, впрочем, не участвовавший) был издавна горячим пропорционалистом.

В настоящее время, когда во многих странах восторжествовала пропорциональная система (а в некоторых уже успела явно обанкротиться), «Последние новости» клеймят ее названием «нелепой» (в статьях Александрова о Германии¹⁴⁵²). Не знаю, знаменует ли это отказ Милюкова от его прежней точки зрения или он только предоставляет сотрудникам свободу мнения по этому вопросу, но в 1917 г. он не допустил бы без решительного протеста введения в избирательную систему выборов по абсолютному большинству.

Все партии правее кадетов еще сильнее, чем они, боялись не найти ни одного своего округа и тоже высказывались в том же духе. За пропорцию стояли мелкие национальности, в особенности евреи, как национальность, нигде большинством не являющаяся; весьма вероятно, что в отношении к делу Брамсона сказывалось его еврейство. Таким образом, весь партийный спектр, от большевиков до крайних правых, в этом отношении был совершенно единодушен (это замечательнейший случай партийного единодушия), и на стороне мажоритарной системы оставались только некоторые отдельные лица, смотревшие на дело не с партийной точки зрения.

Но среди отдельных лиц я укажу на одну странность. В марте или апреле, встречаясь с Н. И. Лазаревским в Юридической консультации, я спросил его, как он смотрит на этот вопрос. Он ответил решительно и определенно: для России он

1452 См.: Александров М. Кулишер А. М. Близнецы // Последние новости. 1932. 24 апр. № 4051; Он же. Совершенная система // Там же. № 4058. 2 мая; Он же. Пронунциаменто // Там же. № 4072. 16 мая; Он же. Военная партийность // Там же. № 4079. 22 мая; Он же. Депутаты // Там же. № 4086. 30 мая, и др.

мажоритарист. Я обрадовался. Вдруг в совещании он высказался решительным пропорционалистом и даже выступил докладчиком пропорционалистского большинства.

– Почему вы переменили мнение? – спросил я его после заседания.

– Изучил лучше вопрос, – сухо ответил он, видимо не желая продолжать разговор на эту тему.

По убеждениям он был близок к кадетам, но в партии, если не ошибаюсь, не состоял. Для специалиста – ведь он был профессором государственного права – такое радикальное изменение мнения по одному из основных вопросов его специальности в четыре-пять недель изумительно и непонятно.

На первом же заседании совещания был поставлен вопрос о системе голосования и без прений попал в комиссию довольно многочисленного состава (20 человек)¹⁴⁵³. Председателем ее был избран В. М. Гессен. Главными противниками выступили в комиссии Лазаревский и я. Наиболее серьезным практическим аргументом Лазаревского было указание на невозможность разделить Россию при мажоритарной системе на избирательные округа так, чтобы не было вопиющих несправедливостей. Не отрицая важности этого соображения, я признавал большую трудность такого разделения, отрицал его невозможность и утверждал, что это зло меньшее, чем то, которое поведет за собой в России система пропорциональности. После прений, продолжавшихся, помнится, три заседания, комиссия большинством 16 голосов против 4 (в меньшинстве голосовали:

1453 Имеется в виду комиссия о системах избирательного права. В. В. Водовозов являлся членом этой комиссии и комиссии об избирательных списках и их обжаловании, численностью 15 человек, от которой выступил докладчиком на заседании Особого совещания 15 июня (см.: Стенографический отчет Особого совещания для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание. Заседание одиннадцатое. 15 июня 1917 г. Стлб. 689–700).

Аджемов, Гессен, Мякотин и я) признала пропорцию¹⁴⁵⁴ и нас двух назначила докладчиками большинства и меньшинства.

Мы повторили в пленарном собрании наши речи, сказанные в комиссии, причем я несколько видоизменил свою под влиянием комиссионных прений. Лазаревский же не считал нужным исправить в своей речи даже прямые ошибки, указанные ему в комиссии. В общем, две наши речи представляют довольно полное изложение аргументов *pro* и *contra*¹⁴⁵⁵, и так как они стенографированы и напечатаны¹⁴⁵⁶, то, я думаю, они сохраняют свое значение в то время, когда этот вопрос вновь всплывет. После нас развернулись прения, продолжавшиеся, несмотря на ограничение времени ораторов 10 минутами, два заседания. Среди них выдавалась речь Мякотина. Мне раньше не приходилось говорить с ним на эту тему, в печати о ней он тоже никогда не высказывался, и его мнения до комиссионного заседания я совершенно не знал, но по общему складу его ума считал его пропорционалистом. И очень обрадовало меня, когда мы оказались единомышленниками. Он начал свою речь отрывком из известной солдатской песни, приписываемой Льву Толстому: «Гладко писано в бумаге, да забыли про овраги! а по ним ходить!»¹⁴⁵⁷ И затем доказывал, что при существую-

1454 Состоялось не три, а два заседания (см.: Совещание об Учредительном собрании // День. 1917. № 70. 28 мая).

1455 за и против (лат.).

1456 См.: Стенографический отчет Особого совещания для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание. Заседание пятое. Четверг, 1 июня 1917 г. Стлб. 288–308 (Доклад Н. И. Лазаревского), 308–327 (Доклад В. В. Водовозова).

1457 Правильно: «Чисто писано в бумаге, / Да забыли про овраги, / Как по ним ходить» – слова из стихотворения, написанного Л. Н. Толстым во время Крымской войны, при обороне Севастополя, в связи с провалом наступлением на Федюхины высоты 4 августа 1855 г. и ставшего тогда же солдатской песней под названием «Как четвертого числа...».

щем уровне политического развития нельзя обращаться к массовому избирателю с вопросом, что он такое: эсдек, эсер, кадет, когда он ни то, ни другое, ни третье и даже представления не имеет, что это такое¹⁴⁵⁸.

В конце прений большинством 27 голосов против 9 была принята пропорциональная система. За мажоритарную высказались 9 человек: Мякотин, В. Гессен, Зарудный, Аджемов, Маклаков, я, еще кто-то, и то Маклаков со странной и слишком уж откровенной партийной оговоркой, что для больших городов он признает желательность пропорции¹⁴⁵⁹. Мы, меньшинство, подали свое «особое мнение», причем Маклаков, подписывая его, включил в него свою оговорку о больших городах. Было совершенно ясно, что вопрос решен бесповоротно.

Для меня это было очень сильным, хотя и вполне предвиденным ударом. Я был уверен, что эта система извратит правильное выражение народной воли и что Учредительное собрание будет хуже по своему составу и дальше от народа, чем это могло бы быть. Тем не менее это не могло быть поводом к уходу из совещания, и я продолжал в нем работать.

Работы было много; пленарные заседания происходили раза три в неделю и отнимали каждый раз часа четыре-пять, обыкновенно часов с 2 до 6 или 7; комиссий и комиссионных заседаний было тоже много. Кокошкин был превосходным

1458 См.: Стенографический отчет Особого совещания для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание. Заседание шестое. Пятница, 2 июня 1917 г. Стлб. 345–349.

1459 В своем заключительном слове В. В. Водовозов призывал голосовать «за мажоритарную систему для большей части России», признавая допустимость использования пропорциональной для окраин, и на голосование был поставлен «вопрос о той системе, которая избирается как общее правило» (Стенографический отчет Особого совещания для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание. Заседание шестое. Пятница, 2 июня 1917 г. Стлб. 404–409).

председателем, чрезвычайно умело и тактично ведущим заседания; то же самое можно сказать о Мякотине, иногда замещавшем его на правах товарища, и о Гессене, председательствовавшим в ряде комиссий. Слабее других был Крохмаль. Не имею никаких оснований сказать, чтобы он обнаруживал какое-нибудь партийное пристрастие, но просто у него не хватало умения. Из отдельных членов совещания не могу не вспомнить о Лаппо-Данилевском. С некоторым недоумением встретил я его имя в списке «специалистов»: ведь он был по специальности историком России, а к вопросам избирательного права никакого касательства не имел. Но на все заседания Особого совещания он являлся превосходно подготовленный, работал в некоторых комиссиях¹⁴⁶⁰ и хотя выступал мало, но каждое из его немногочисленных выступлений было тщательно продумано, серьезно и со знанием дела аргументировано.

Общее одушевление и общий интерес к делу после решения спора между пропорционалистами и мажоритаристами сразу упали. Даже в голосовании по этому жгучему и возбуждающему страсти вопросу участвовало, как я сказал, только 36 человек, – менее половины всего совещания. На следующих заседаниях присутствовало обыкновенно не более 30 членов, а часто и того меньше; всего человек 20 (из 76) оставалось постоянным контингентом активных членов совещания. Отхлынули национальности, которым было больше нечего делать; отхлынули женщины, кроме Шишкиной-Явейн; отошли даже и некоторые «специалисты»; остались только отдельные лица, у которых был личный интерес к вопросам избирательного права. Спрашивается, зачем же разные кара-ногайцы так страстно добивались места в совещании, а разные допущенные организации столь же страстно торговались из-за числа мест?

Только три раза абсентеизм заметно уменьшился: при го-

1460 А. С. Лаппо-Данилевский состоял товарищем председателя комиссии об условиях осуществления активного и пассивного избирательного права.

лосовании о возрастном цензе избирателей (который был решен 34 голосами в пользу 20-летнего возраста против 12, поданных за 18-летний), при голосовании о лишении членов семьи Романовых пассивного голоса и при обсуждении вопроса о дне выборов. Числа участников в этих трех заседаниях установить с точностью не могу, – сколько помню, оно было близко к 40.

За исключением представителя большевиков Козловского, который определенно вел большевичью линию, партийность участников совещания сказывалась очень мало. Разногласия были, иногда (не часто) – даже очень острые, но редко они имели партийный характер; как и в вопросе о пропорции, на одинаковых решениях сходились люди разных партий, и одна и та же партия голосовала вразброд. Даже такой жгучий, казалось бы, вопрос, как о праве Романовых, разделил собрание не по линии партийных группировок. Единственное исключение составил вопрос о дне выборов. Как-то В. М. Гессен сказал мне: у нас в совещании есть только две партии – партия понимающих дело и им интересующихся и партия дела не понимающих и им не интересующихся, и эта шутливая оценка партийного состава была очень близка к истине.

Очень любопытный разброд мнений обнаружился в самом начале по вопросу о публичности комиссионных заседаний. Представители прессы выразили желание присутствовать на всех заседаниях всех комиссий. Первая же комиссия, которой было предъявлено это требование, совершенно естественно решила отвергнуть его – в том виде и смысле комиссионных обсуждений, чтобы они происходили в немногочисленном составе и в более или менее домашней обстановке, в которой нет надобности так тщательно взвешивать свои слова. Решение было принято единогласно; за него голосовали и кадеты, и «правее кадетов», и эсдеки, и эсеры, и трудовики, и энесы (в комиссии не было Козловского; он, вероятно, остался бы при особом мнении). Пресса потребовала, чтобы ее впустили для объяснений. На это мы согласились, и произошла следующая

сцена.

По одной стороне длинного стола сидела комиссия, в середине – Гессен как председатель, рядом с ним по правую и левую руку – члены. Вошла пресса и села по другую сторону того же стола. Случайно, а может быть, и не совсем случайно партийные представители прессы расселись по большей части против своих однопартийных или политически или литературно близких членов совещания: против Гессена, ближайшего сотрудника кадетской «Речи», сел Л. М. Клячко, репортер «Речи»; против меня сел Лифшиц, репортер «Дня», в котором я был постоянным сотрудником; против эсера Вишняка – репортер эсеровской газеты.

Оратором «прессы» выступил Клячко – ловкий, пронырливый репортер, человек очень нахальный, в 1905–1906 гг. бывший эдеком, но потом прекрасно применившийся к кадетской прессе. Гессен объявил прессе наше решение с краткой его мотивировкой. В ответ Клячко произнес длинную речь о праве прессы интересоваться всем на свете; о том, что при старом режиме действительно прессу во многие места не пускали – и тем не менее «мы все равно все скрытное узнавали», а для нового режима страх перед прессой – дело неподходящее; наша пресса тактична, и если в комиссии произойдет что-либо неудобное для разглашения, то пресса разглашать, конечно, не станет, и т. д. Речь была менее нахальна, чем можно было бы ожидать от Клячко, но по существу совершенно неубедительна. И в ответ на эту речь Гессен сказал, что принципиально, конечно, в комиссии посторонних допускать не следовало бы, но лично он ничего не имеет против допущения прессы и если другие члены настаивать на первоначальном решении не будут, то он ничего не будет иметь против прессы. Мякотин заявил, что на него присутствие посторонних никакого отрицательного влияния не производит и он при них и без них будет говорить совершенно одинаково. Вишняк и я присоединились к этому заявлению, и в 5 минут наше постановление столь же единогласно было отменено, сколь единогласно было приня-

то¹⁴⁶¹.

В моей общественной жизни это был случай, о котором до сих пор вспоминаю со стыдом; думаю, и другие тоже. Никто не указал, что если каждый отдельный человек имеет право считать себя достаточно мужественным, чтобы высказывать свои мнения одинаково в отсутствии и присутствии прессы, то общий характер беседы в небольшой группе людей (хотя бы никто из них не был ограничен в своем праве рассказывать о ней устно и печатно) и в присутствии прессы всегда будет различен, и это неизбежно будет влиять на каждого отдельно – мужественного и немужественного человека, а иногда, как это убедительно доказывают два наших сегодняшних голосования, различие ярко скажется и в решении вопроса.

Но помимо этой стороны дела здесь чрезвычайно интересна другая сторона: водораздел между двумя противоположными мнениями шел ясно не по партийной, не по классовой линии, а по линии профессиональной: репортеры различных по направлению органов печати представляли один взгляд, а сторонники тех же различных направлений (хотя все или почти все они были вместе с тем и участниками прессы¹⁴⁶²) – другой. Этот частный, пожалуй, мелкий случай заслуживал бы того, чтобы над ним задумались сторонники классовой борьбы как единственного содержания истории.

Пресса осталась на нашем заседании и получила право входа на все остальные. Но на следующем заседании число ее представителей сократилось, с третьего она вовсе перестала посещать коммиссионные заседания, а затем исчезла или почти исчезла и с пленарных. И вообще ежедневная печать почти

1461 Ср.: Совещание об Учредительном собрании // День. 1917. № 70. 28 мая; см. также: Против гласности // Русская воля. 1917. № 126. 28 мая.

1462 В рукописи далее зачеркнуты слова: «но в данный момент чувствовавшие себя не газетчиками, а законодателями».

совершенно не интересовалась нашим совещанием, только изредка сообщая о самых важных наших постановлениях. И это очень жаль. Пусть время было очень бурное, события громадной важности неслись стремительным потоком, но все-таки мы делали важное дело, вырабатывая закон, от которого должен был в известной степени зависеть будущий состав Учредительного собрания и, следовательно, будущий ход революции.

Итак, при довольно полном общественном равнодушии, при абсентеизме большинства членов совещания, но вместе с тем при живом и горячем отношении небольшой его части мы усердно делали свое дело. Частных разногласий было много, но, как и в случае с прессой, почти не отражавших нашего партийного разделения. Один член, впрочем, но только один составлял яркое исключение. Он не столько работал в совещании, сколько устраивал демонстрации, делал торжественные декларации и вел пропаганду, – это был Козловский. Все его выступления имели не деловой характер, а партийно-деklarативный, и справляться с ним председателю было нелегко.

При детальном определении состава избирателей Шишкина-Явейн внесла предложение лишить избирательного права содержателей и содержательниц публичных домов, имеющих официальную концессию. Вишняк внес предложение лишить членов царствовавшей династии права быть избирателями¹⁴⁶³. Эти два совершенно различных предложения обсуждались одновременно и вместе при обсуждении состава избира-

1463 С учетом мнения большинства членов комиссии об условиях осуществления активного и пассивного избирательного права в выработанном ею проекте от 28 мая 1917 г. говорилось: «Не могут быть избираемы в Учредительное собрание члены царствовавшего в России дома» (Стенографический отчет Особого совещания для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание. Заседание третье. Вторник, 30 мая 1917 г. Стлб. 194).

тельного корпуса.

Первое предложение встретило отрицательное к себе отношение со стороны подавляющего большинства совещания, как вызывающее большие технические затруднения, и было провалено. Его поддержал только С. А. Котляревский, который при этом сказал: «Вот лишнее доказательство полезности участия женщин в законодательной деятельности» (хотя ничего специфически женского в предложении Шишкиной не было, и подобное ограничение имеется в бельгийском законе, вырабатывавшемся без всякого участия женщин). Что касается предложения Вишняка, то оно тоже (но, конечно, по иным соображениям) не вызвало сочувствия. Поддержали его большевик Козловский, который, сопоставляя два предложения, говорил о домах терпимости и «доме нетерпимости», то есть семье Романовых¹⁴⁶⁴; поддержал социал-демократ Добраницкий, говоря, что кандидатуры Романовых создадут возможность монархической пропаганды, которой нельзя терпеть¹⁴⁶⁵.

1464 Касаясь содержателей домов терпимости, М. Ю. Козловский сказал, что «раз буржуазное общество допускает существование и даже порождает существование таких учреждений, то будет лицемерием говорить о лишении этих лиц избирательных прав по мотивам позорности их профессии», но он самым решительным образом протестует против предоставления таких прав членам царствовавшего «дома нетерпимости», ибо считает это «величайшим преступлением против революции» и «провокацией, вызовом, брошенным революционному народу» (Там же. Стлб. 162–166).

1465 М. М. Добраницкий присоединился к особому мнению М. В. Вишняка, который не присутствовал на третьем заседании Особого совещания 30 мая 1917 г. ввиду отъезда из Петрограда, и заявил: «Я считаю положительно необходимым в законе о выборах в Учредительное собрание специально оговорить, что члены царствовавшего в России дома избираемы в Учредительное собрание быть не могут. Вместе с тем, полагая, что согласно общему правилу не могут пользоваться правом изби-

Я усиленно возражал против предложения и еще больше против его мотивировки. Я настаивал на том, что нельзя говорить о всеобщем избирательном праве и ставить избирателям условия голосовать за нам угодных или не голосовать за нам негодных лиц; к тому же, говорил я, практически это ограничение бесполезно, так как при настоящем настроении ни один член семьи Романовых все равно не пройдет; это же предложение признает за ними силу и даст им право впоследствии говорить, что только благодаря ему народ не мог высказаться за реставрацию; что же касается до монархической пропаганды, то неужели вы хотите воссоздать полицейский контроль за избирательными собраниями¹⁴⁶⁶? Возражали и многие другие, и предложение было отвергнуто; за него подано только 6 голосов¹⁴⁶⁷. Все эти голоса принадлежали большевику, эсдекам и эсерам, но здесь голосование не имело партийного характера (за исключением Козловского), так как другие эсеры и эсдеки, а их было много, подали голос с большинством.

Но когда наш законопроект был Кокошкиным доложен

рать те, кто лишен права быть избранным, я предлагаю ограничить членов царствовавшего в России дома в пользовании и активным избирательным правом и при выборах в Учредительное собрание...» К особому мнению М. В. Вишняка присоединились также еще три члена Особого совещания – Ю. А. Липеровский, А. А. Фролов и Е. Л. Бруевич (Особое мнение члена Особого совещания Вишняка // Там же. Стлб. 196–198; см. также: Вишняк М. В. Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954. С. 51–52).

1466 Ср.: Стенографический отчет Особого совещания для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание. Заседание третье. Вторник, 30 мая 1917 г. Стлб. 148–149.

1467 Голосованию подлежал вопрос, «следует ли вносить в закон упоминание о доме Романовых и об ограничении в избирательном праве царствовавшего дома», и в стенографическом отчете заседания говорится: «Предлагается исключить этот п. V из проекта. <...> Большинством против пяти голосов этот пункт исключен» (Там же. Стлб. 188).

Временному правительству, то последнее не только согласилось с «особым мнением» меньшинства, но и расширило его и постановило членов царствовавшей династии лишить не только пассивного, но и активного права голоса. Это было по меньшей мере логичнее и последовательнее, чем одностороннее и незаконченное предложение Вишняка.

К сожалению, я совершенно не знаю, как состоялось это постановление Временного правительства. От доклада, сделанного Кокошкиным нашему совещанию, у меня осталось в памяти впечатление, что Керенский в заседании Временного правительства подал голос за постановление о лишении Романовых права голоса; такое же впечатление осталось у Мякотина, с которым мне случилось говорить об этом через много лет, уже в эмиграции. Но Керенский это отрицает. В своем «Ответе В. В. Водовозову», помещенном в номере его газеты «Дни» от 29 декабря 1923 г., являющемся ответом на мое «письмо в редакцию», помещенное в том же номере¹⁴⁶⁸, он говорил: «Здесь (в вопросе о лишении членов императорского дома избирательных прав) я, как и вы, остаюсь единомыслен с мнением большинства совещания... В разговоре с великим князем Николаем Михайловичем я без всяких колебаний заявил, что во Временном правительстве буду отстаивать мнение большинства совещания. Только совершенно случайно одним голосом во Временном правительстве прошло мнение, лишившее бывших великих князей принадлежавших им, как гражданам России, избирательных прав».

Я не имею никаких оснований не верить в этом случае Керенскому, но очень жалею, что он изложил этот эпизод так кратко и неопределенно. Было бы очень интересно узнать, из кого именно составилось во Временном правительстве такое большинство. Просматривая список его членов в этот момент

1468 См.: Водовозов В. Письмо в редакцию // Дни. 1923. 29 дек. № 347. С. 1; Керенский А. Ответ В. В. Водовозову // Там же. С. 2–3.

(официальное утверждение закона состоялось 20 июля¹⁴⁶⁹, обсуждение и голосование происходили, конечно, несколькими днями раньше), я не вижу ни одного имени, за исключением Чернова, с которым я мог бы уверенно связать это постановление. Может быть Некрасов, может быть Скобелев; но не могли же, мне кажется, голосовать за него Церетели, тем более – Пешехонов, Терещенко.

Из других вопросов, касавшихся избирательных прав граждан, довольно значительные разногласия вызвал вопрос о возрастном цензе для права голоса. Большинство, как кадетское, так и левое, стало на 20-летнем возрасте для гражданского населения и на понижении его для военнослужащих до возраста, установленного для последнего досрочного призыва (т. е. фактически в тот момент до 18-летнего, но с возможностью его дальнейшего понижения до 17-летнего). Основанием для первого служило то, что этот (20 лет) возраст признается возрастом политического и гражданского совершеннолетия программами всех социалистических партий как Западной Европы, так и России. Для второго – то соображение, что раз человек признается достаточно зрелым, чтобы защищать родину, жертвуя жизнью, то нельзя его лишать права участвовать в решении ее судьбы.

Некоторые члены совещания (Винавер, Маклаков) настаивали на единстве гражданского и политического совершеннолетия, утверждая, что дуализм создает путаницу и вызовет значительные недоразумения, и исходили из действовавшего тогда законодательства, т. е. требовали признания голоса лишь по достижении 21 года. Напротив, представители Совета рабочих депутатов, а также, конечно, Козловский требовали общего понижения возрастного ценза для всех до 18 лет, доказывая, что крестьянин и рабочий в этом возрасте являются обычно

1469 См.: Журналы заседаний Временного правительства: Март – октябрь 1917 года. Т. 3. С. 128–137.

венно экономически вполне самостоятельными; при этом ссылались на пример Мексики, Аргентины и двух швейцарских кантонов, где установлен именно этот ценз. К ним присоединилось несколько отдельных лиц из разных других групп, между ними – Зарудный (народный социалист), горячо настаивавший на правильности сейчас приведенного мною экономического соображения. Столь же горячо и даже раздраженно возражал ему Лазаревский, не решавшийся поддержать Винавера, следовательно, примирившийся с двадцатилетним возрастом, но решительно возражавший против дальнейшего его понижения.

– И без того у нас будут избиратели 20–25 лет, то есть с совершенно не сложившимся политическим и общим мирозерцанием, способным колебаться и меняться под всякими влияниями; нельзя допускать дальнейшей порчи состава избирательного корпуса, – говорил он.

К сожалению, в то время не было еще опыта Польши и Чехословакии, который доказал статистически, на сравнении голосования в сенат и в палату депутатов, что понижение возрастного ценза до 20 лет на исход выборов не имеет никакого влияния¹⁴⁷⁰.

Было, однако, один важный вопрос, по которому водораздел между двумя противоположными мнениями шел по линии партийных группировок, – вопрос о сроке выборов. У кадетов и стоящих правее их было стремление оттянуть день выборов, у левых – ускорить. Но было бы крайне неправильно приписывать стремление кадетов их страху перед Учредительным собранием или даже перед избирательной борьбой во время войны, – эти соображения, высказанные мне И. В. Гессеном в

1470 Вопрос о возрастном цензе обсуждался на заседании Особого совещания 29 мая; большинством 34 против 12 голосов был принят двадцатилетний возраст (см.: Совещание по созыву Учредительного собрания // День. 1917. № 71. 30 мая).

первые дни революции, были почти совершенно чужды кадетским членам совещания. Они боялись не Учредительного собрания во время войны, не избирательной агитации, но недобросовестности в самом производстве выборов, незаконного давления на выборы различных элементов, задающих тон в той или другой местности, всего больше со стороны всей массы дезертиров. И потому срок выборов они ни в малейшей степени не связывали с окончанием войны, но оттягивали его только для того, чтобы произвести выборы после городской, земской и судебной реформ (создание административных судов), и если не особенно торопились с выработкой закона в нашем совещании, то только потому, что затягивалось проведение только что названных реформ, зависевшее не от нас. По их мнению, составление избирательных списков следовало возложить на правильно и демократически избранные органы местного самоуправления и назначить возможно длинные сроки обжалования списков, притом непременно в две судебные, а не административные инстанции. Но ни правильно избранных органов местного самоуправления, ни соответственных судебных инстанций (административного суда) в России еще не существовало, когда мы приступили к составлению закона. Ну что же делать! Надо подождать, пока они будут созданы.

Особенно боялся всяческих давлений, особенно страстно настаивал на всем этом Н. И. Лазаревский. Полная искренность и добросовестность его, как и других кадетских членов, не подлежали сомнению, и грубые выходки Козловского против буржуазного совещания и буржуазных кадетов, будто бы тормозящих созыв Учредительного собрания из страха перед народной волей, конечно, были совершенным вздором и даже бесчестным вздором, особенно в свете позднейшего разгона Учредительного собрания большевиками¹⁴⁷¹.

1471 Учредительное собрание, открывшееся 5 января 1918 г. в Таврическом дворце, большинством голосов, 237 против 146,

Но le mieux est l'ennemi du bien¹⁴⁷², – я был глубоко убежден, что эта пословица вполне применима в данном случае. Создать совершенство, в частности в области избирательного права, не в силах человека, и появление, например, покойников в избирательных списках – явление не исключительное даже в странах с очень давней привычкой к политической жизни (во Франции); удостоверено, что покойники всегда голосуют за правящую в данной местности клику, – явление, до сих пор не обратившее на себя внимание богословской и философской литературы, но хорошо известное специалистам по избирательному праву. И, несмотря на это, парламенты функционируют во Франции в общем правильно и ведут Францию к прогрессу. Весьма далеки от совершенства были избирательные порядки Англии до 1832 г., – и, однако, они не помешали тому, что созданный ими парламент уже в XVII в. пользовался громадным престижем и в Англии, и за границей. Устранить сразу все возможные безобразия из будущей избирательной практики, вроде включения в избирательные списки покойников или исключения из них лиц, идущих против течения, и тому подобное не в наших силах. Но, к сожалению, в наших силах оттянуть день выборов. А чем позднее будет приступлено к выборам, тем больше будет всяких безобразий на выборах. А кроме того, – и это всего важнее, – каждый лишний день без Учредительного собрания грозит России неисчислимыми опасностями.

Этих взглядов я держался во время работы совещания, и

отказалось от обсуждения ленинской «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», после чего в знак протеста большевистская и вслед за ней левоэсеровская фракции покинули заседание; на следующий день депутатов во дворец не пустили, а еще через три дня был опубликован декрет ВЦИК от 6 января о роспуске Учредительного собрания, утвержденный 18 января Третьим Всероссийским съездом Советов.

1472 лучшее – враг хорошего (фр.).

их я горячо проводил в совещании. В общем, с различными оговорками, с различными мотивировками их держались и проводили левые элементы совещания. Таким образом, обе стороны были одинаково добросовестны и одинаково демократичны; обе хотели торжества воли народа, но обе разнo оценивали исторический момент и исторические возможности. Особенно остро этот вопрос стал, когда Временное правительство запросило совещание, в какой срок могут быть произведены выборы. Мы посвятили ему целое бурное заседание 14 июня, и в нем кадеты провели свое предложение: «Выборы могут быть произведены по истечении двух месяцев со времени образования органов самоуправления на демократических началах»¹⁴⁷³.

Я настаивал на том, что если административные органы достаточно компетентны для того, чтобы организовать выборы в новые органы самоуправления (земства и городские думы), то нет основания не доверять им и для выборов в Учредительное собрание, а это дало бы возможность произвести выборы в органы самоуправления и в Учредительное собрание почти одновременно. Почему земства и городские думы, выборы которых будут произведены некомпетентными органами, сами окажутся компетентными для организации выборов в Учредительное собрание? Мою аргументацию поддержал Гальперн, но при голосовании мы остались в меньшинстве.

В тот же день вечером Кокошкин довел до сведения Временного правительства наше решение. И вдруг совершенно неожиданным ответом на него явилось постановление Временного правительства о назначении выборов в Учредительное собрание на воскресенье, 17 сентября и созыве Учредительного собрания на 30 сентября, причем, однако, в самом тексте этого постановления было сказано, что составление из-

1473 См.: Особое Совещание по созыву Учредительного собрания // День. 1917. № 58. 15 июня.

бирательных списков возложено на волостные земства, которые должны быть избраны всеобщим голосованием. Постановление было помечено 14 июня (в тот же день, что и наше решение!) и подписано министром-председателем князем Львовым и министром юстиции Переверзевым. Постановление это не было даже нам сообщено, и мы узнали о нем из газет 15 июня¹⁴⁷⁴. Оно нас совершенно ошеломило.

Дело в том, что накануне, 14 июня, наш член Авинов, занимавший тогда пост главноуправляющего по делам местного хозяйства, сообщил нам, что повсеместного образования волостных земств нельзя ожидать раньше 1 сентября. Основываясь на этом, мы рассчитывали, что выборы в Учредительное собрание произойдут не раньше 1 ноября. Что же это значит? Значит ли, что волостные земства начнут функционировать на полтора месяца раньше, чем это обещал представитель Министерства внутренних дел? Или что правительство не видит надобности считаться с нашими сроками и что оно ценой порчи закона намерено купить ускорение дня выборов? Или, наконец, что правительство по политическим соображениям момента сочло нужным фиксировать выборы на возможно краткий срок, не считаясь с технической возможностью произвести их и готовое в свое время отсрочить день выборов на месяц или два? Верно было, конечно, это последнее объяснение, и последствия его подтвердили. Признаюсь, что я, как и все другие, несмотря на все желания ускорения дня выборов, был очень неприятно поражен бесцеремонным актом правительства. Но все-таки, думал я, с ним нужно считаться и его нужно признать; не время теперь, чтобы шатать правительство.

Из кадетских рядов совещания раздались заявления, что совещание должно работать над законом, вовсе не считаясь с правительственным постановлением 14 июня и ни в малейшей

1474 См.: О выборах и созыве Учредительного собрания. Постановление Временного правительства // День. 1917. № 58. 15 июня.

мере не допуская порчи закона ради согласования его с назначенным Временным правительством сроком. Левая половина совещания держалась другого мнения. Нельзя быть уверенным, говорила она, что выборы действительно окажутся возможными 17 сентября. Но все-таки мы должны сделать все возможное, чтобы облегчить правительству (замечу, что это было еще правительство Львова, хотя уже преобразованное включением в него социалистов Чернова, Церетели, Пешехонова и др.¹⁴⁷⁵) исполнение взятого им на себя обязательства, разумеется, не ценою порчи закона. Раз уже само правительство постановило в деле организации выборов предоставить определенную роль волостным земствам и раз нами приняты определенные сроки обжалования и прочее, то сократить двухмесячный срок между днем их открытия и днем выборов нельзя и потому нужно исходить из предложения, что волостные земства начнут функционировать не позднее 17 июля. Но об уездных и губернских земствах постановление правительства не говорит, а мы предполагали в избирательные комиссии включить представителей от них. Вот от этого мы можем отказаться, мы можем заменить их лицами по избранию различными местными общественными организациями, указываемыми Временным правительством; существенной порчи закона в этом не будет. Но кадеты ее в этом предложении видели и очень решительно выступили против него.

Прения были очень страстные, но наше предложение было принято значительным большинством (а затем и Времен-

1475 В первое коалиционное правительство, соглашение о создании которого с Петроградским советом было достигнуто 5 мая 1917 г., входили шесть социалистов: военный и морской министр А. Ф. Керенский (эсер), министр юстиции П. Н. Переверзев (трудовик), министр земледелия В. М. Чернов (эсер), министр почт и телеграфов И. Г. Церетели (меньшевик), министр труда М. И. Скобелев (меньшевик), министр продовольствия А. В. Пешехонов (народный социалист).

ным правительством). Точно так же административные отделения судов (не существовавшие еще даже в определенном законопроекте) мы предложили заменить гражданскими отделениями судов, – это особенных возражений не встретило. Наша победа так же огорчила кадетов, всего более Лазаревского, но также В. Гессена и Кокошкина (который думал было даже отказаться от председательствования в совещании, однако не сделал этого), как раньше меня огорчила победа пропорциональной системы.

Борьба сохраняла свой страстный характер и на следующий день, когда возобновилась работа над законопроектом, прерванная неожиданным запросом правительства. На очереди стояли вопросы об инстанциях для проверки избирательных списков и о некоторых сроках. Левое большинство, образовавшееся 15 июня, сохранилось, и эти вопросы решались по большей части согласно с нашими предложениями.

В общем и целом соответственные части нашего закона явились, как и всегда, компромиссными, но, пожалуй, более близкими к кадетским предложениям, чем к нашим.

Образование волостных земств затянулось, и правительству скоро пришлось отказаться от дня 17 сентября¹⁴⁷⁶; выборы были растянуты в разных местностях России на два месяца, начиная с конца октября и до конца декабря.

Окидывая революционный год ретроспективным взглядом теперь, я думаю, что ход событий в этом отношении вполне оправдал нашу и, в частности, мою тогдашнюю точку зрения. Конечно, рост большевизма и большевичья революция были подготовлены всем несчастным ходом истории в этот

1476 В постановлении «Об отсрочке созыва Учредительного собрания», принятом 9 августа 1917 г., Временное правительство назначило днем выборов 12 ноября, а сроком его созыва – 28 ноября (Известия Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии. 1917. № 1. 6 сент.).

год, всего более – затянувшейся войной и идущим вперед разложением армии и страны. Но если бы Учредительное собрание собралось не в январе после октябрьского переворота, а до него, скажем, в сентябре или, еще лучше, в августе, до корниловского восстания, то захват власти большевиками был бы очень затруднен. Возможно, что и корниловское восстание было бы предотвращено, а связь корниловского восстания с большевичьим переворотом вряд ли можно подвергать сомнению.

Правда, избирательный закон как определенный юридический акт, с точки зрения строгих кадетских требований, был бы хуже. Но ведь на практике-то он оказался очень далеким от совершенства; ведь он дал возможность самых грубых злоупотреблений. Беда была, конечно, не в технической неудовлетворительности закона, а в историческом моменте. Чем дальше шло время, тем более прогрессировало разложение всякого правового порядка, тем более росла армия дезертиров, с которыми не мог бы справиться никакой закон. И поэтому мой общий пессимизм – и, в частности, пессимистическое отношение к нашему закону и к будущему Учредительному собранию – только рос.

1 июля, через 5 недель после открытия совещания и через 4 месяца после торжества революции, была закончена первая часть работы, которую оказалось возможным выделить в особый закон¹⁴⁷⁷. Она была представлена Временному правительству (третьего состава¹⁴⁷⁸) и одобрена им 20 июля с некоторыми

1477 См.: Особое совещание по делам о выборах в Учредительное собрание // День. 1917. № 99. 2 июля.

1478 В состав третьего по счету и второго коалиционного Временного правительства, сформированного 24 июля 1917 г., вошли 8 социалистов: А. Ф. Керенский (министр-председатель, военный и морской министр), Н. Д. Авксентьев (министр внутренних дел), А. С. Зарудный (министр юстиции), С. Н. Прокопович (министр торговли и промышленности), В. М. Чернов (министр

ми изменениями, из которых единственным существенным было лишение дома Романовых избирательных прав.

Эта часть закона устанавливала общие начала избирательного права (его всеобщность и т. д.), организацию избирательных комиссий, способ составления списков избирателей и кандидатские списки. Особенностью наших избирательных комиссий в противоположность всем западноевропейским было то, что кроме везде существующих окружных (для избирательного округа) и участковых комиссий были ввиду громадности наших округов (по несколько миллионов избирателей) созданы промежуточные – уездные (и заменяющие их городские), а кроме того – Центральная Всероссийская, на которую возложено общее руководство и наблюдение за всем выборным производством в государстве.

Такой комиссии не существует нигде; везде общее руководство возлагается на Министерство внутренних дел. Она так же, как и уездные комиссии, внесена в закон по моему предложению. Для Всероссийской комиссии я исходил из факта перегруженности нынешнего Министерства внутренних дел работой и из-за боязни, что вследствие этой перегруженности, а также вследствие частых падений министров оно не сможет правильно руководить этой сложной работой. Мое соображение было легко, почти без возражений принято совещанием; спор был только о числе ее членов: я предлагал 25 членов, а Мякотин понижал его до 15. Совещание согласилось со мною, но Временное правительство понизило его до мякотинской нормы. Члены Всероссийской комиссии должны были утверждаться Временным правительством по предложению совещания.

земледелия), А. М. Никитин (министр почт и телеграфов), М. И. Скобелев (министр труда), А. В. Пешехонов (министр продовольствия).

Итак, закон был утвержден, опубликован¹⁴⁷⁹ и вступил в силу. Я был избран в состав Всероссийской комиссии, но, предполагая на сравнительно долгий срок уехать из Петербурга, отказался от избрания.

После 1 июля, когда была закончена первая часть закона, работа в совещании продолжалась над второй частью, нормировавшей самую подачу голосов. Существенных разногласий тут было еще меньше, чем при обсуждении первой части, и интерес совещания к работе еще более ослабел – причиной этого, конечно, был не только более технический и менее принципиальный характер вопросов, но и общее изменение политической атмосферы и общественного настроения, вызванное общим ходом событий, в особенности ходом войны и июльским восстанием большевиков. Общая тенденция нашей работы оставалась прежняя: создать совершенство. Например, серьезно ставился вопрос, как можно обеспечить возможность подать голос кондукторам железных дорог, проводящим день выборов в пути, и множество тому подобных пустяков, вызывавших во мне иной раз негодование, – но я всегда оставался в меньшинстве, даже в одиночестве, а часто даже не находил стоящим высказываться на заседании, довольствуясь излиянием своего негодования в сепаратных разговорах.

Помню такой случай.

В той же погоне за совершенством мы вводили в изобилии печатные бюллетени, всевозможные протоколы и тому подобное. В это время в газетах как-то появились сведения о запасах бумаги, имеющихся в России, и о потребности в ней, и я однажды в совещании представил расчет, что при нашей щедрости на бумагу, при неизбежно еще большей щедрости на

1479 См.: Положение о выборах в Учредительное собрание. Раздел первый // Вестник Временного правительства. 1917. № 111. 22 июля; Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. 1917. № 169. 22 июля. С. 1649–1658.

нее политических партий во время избирательной агитации и при условии, что писчебумажные фабрики бездействуют, бумаги в требуемых количествах не хватит, – и делал из этого практический вывод о необходимости с этим считаться и в законе. Мне казалось, что такое соображение, пока оно не опровергнуто, должно бы произвести громадное впечатление. И что же? Решительно никто во всем совещании, даже Мякотин, с которым я в совещании выступал особенно часто вместе, не обратил на него ни малейшего внимания. С ним не только никто не согласился, но даже никто не спорил, его просто не заметили. Тут я особенно ясно видел, что мой склад ума – какой-то в русском обществе особенный, может быть, чрезмерно практический для нас, воспитавшихся слишком теоретически и принципиально. А между тем хотя запасы бумаги, как оказалось впоследствии, были больше, но все-таки я оказался прав и во многих округах, например в Оренбургской губернии, некоторые требования закона не были исполнены из-за недостатка бумаги.

Во время этого периода работы совещания произошел один важный эпизод. 6 июля был арестован по обвинению в шпионаже Козловский, а 7 июля Временное правительство известило Особое совещание, что оно признает Козловского бывшим из состава совещания¹⁴⁸⁰. Это известие произвело на нас сильное впечатление; оно еще усиливалось той общей антипатией, которую вызывал к себе Козловский и его манера действовать, – не работать, а тормозить работу совещания речами и заявлениями, имевшими не деловое, а декларативное значение. Большевикам было предложено заместить Козловского, но они этим предложением не пожелали воспользоваться.

Был еще один эпизод, который стоит отметить, хотя про-

1480 См.: Арест М. Ю. Козловского // День. 1917. № 103. 7 июля; Устранение Козловского из особого совещания. К аресту М. Ю. Козловского // Там же. № 104. 8 июля.

изведенное им впечатление было гораздо слабее, чем он, по-моему, заслуживал бы. 22 июля, следом после утверждения закона Временным правительством, распоряжением военного министра Керенского были лишены права голоса солдаты, участвовавшие в бунте 3 июля. Перед тем мы очень долго обсуждали и спорили, можно ли лишать права голоса дезертиров, не осужденных судом; нашему юридическому чувству претило это, но в конце концов мы должны были согласиться на это ввиду особенностей переживаемого момента (Козловский шел дальше и доказывал, что дезертиры – это политические борцы, заслуживающие одобрения, а не ограничения в правах¹⁴⁸¹). Теперь же Керенский расширял круг лиц, ограниченных в правах без судебного приговора. По существу этой мере можно было только сочувствовать, и, кроме Козловского (которого в это время уже не было в совещании), против нее никто не протестовал бы. Но имел ли право военный министр своим единоличным постановлением, даже без Временного правительства, вносить изменения в уже утвержденный и опубликованный закон? По-моему, нет, и даже исключительность момента не могла этого оправдать; это было опасным прецедентом. Впоследствии многие избирательные комиссии, в особенности на Кавказе, совершенно не считались с законом и вводили в него свои поправки, тоже оправдываясь исключительным моментом. Обсуждать эту меру Керенского в совещании не было повода, но в частных разговорах, которые мне случилось вести по этому поводу, только один В. М. Гессен вполне соглашался со мной, а Набоков и Нольде вполне оправдывали Керенского.

1481 На пленарном заседании Особого совещания 31 мая М. Ю. Козловский категорически высказался против лишения избирательных прав дезертиров, указывая, что дезертирство, которое, мол, «совершается по мотивам политическим», стало «массовым явлением и, следовательно, это не преступление» (Особое совещание об Учредительном собрании // День. 1917. № 73. 1 июня).

В самом конце июля я уехал из Петербурга и в последних заседаниях совещания участия не принимал: оно закрылось вскоре после моего отъезда.

Не могу не отметить моего разговора с Гессеном перед самым моим отъездом. В этом разговоре Гессен назвал наш закон самым совершенным в мире избирательным законом и выразил уверенность, что если даже он не будет приведен в осуществление (при всей жизнерадостности Гессена и нераздельно связанном со всем существом его личности оптимизме, он в это время уже потерял уверенность в созыве Учредительного собрания), – если даже он не будет осуществлен в настоящее время, то сохранит значение как зрелый памятник юридического творчества и повлияет на будущие законодательства.

Меня несколько удивила эта оценка: во-первых, в законе очень и очень существенные пункты были приняты против Гессена, который, следовательно, находил в них нечто далекое от совершенства; во-вторых, закон слишком явственно отпечатал на себе условия момента (война), которые вряд ли имели шансы повториться где-либо в будущем, следовательно, не мог иметь большого влияния на юридическое творчество мирного времени. А затем – *le mieux est l'ennemi du bien*¹⁴⁸², наш закон слишком детален, слишком заботится об идеальной справедливости, чтобы быть применимым не только к тому исключительно неблагоприятному моменту, в котором ему придется действовать, но и вообще к какому бы то ни было возможному в несовершенных условиях человеческой жизни. Он слишком хорош, чтобы быть хорошим, помимо даже того, что он вводит пропорциональность и этим закрепляет власть партий, что вообще я считаю нежелательным.

Гессен со мной не согласился. Последствия, мне кажется, оправдали меня.

1482 лучшее – враг хорошего (фр.).

Правда, Вишняк еще и теперь (или по крайней мере в начале 20-х годов) доказывает печатно совершенство нашего закона и утверждает, будто «Чехословакия и Польша почти целиком переняли Положение о выборах во Всероссийское учредительное собрание», а лимитрофы¹⁴⁸³ «даже попросту рецепировали¹⁴⁸⁴ всю общую часть (нашего) Положения» («Дни», 24 февраля 1924 г. и 20 января 1925 г.). Я не могу здесь подробно опровергать Вишняка; скажу только, что это утверждение совершенно не соответствует действительности. Названные им страны действительно приняли пропорциональную систему (и страдают от этого), но отсюда до рецепирования нашего закона – дистанция огромного размера. Различие между их законами и нашим Положением слишком заметно для всякого знающего дело.

Квалификацию нашего закона как самого совершенного в мире я в описанном разговоре с Гессеном слышал впервые, и, кажется, именно тогда она была и употреблена впервые. Позднее она стала ходячей даже в устах людей, которым не следовало бы по их общему мировоззрению и политическим позициям увлекаться нашим законом (например, Набокова).

1483 Лимитрофы (от лат. *limitrophus* – пограничный) – государства, образовавшиеся на территории бывшей Российской империи после 1917 г.

1484 заимствовали (от лат. *receptio* – принятие).

Глава V. Моя поездка на Кавказ в августе 1917 г.

Сильно переутомленный, я в начале августа решил съездить куда-нибудь отдохнуть. В это время радужное настроение первых дней революции померкло у всех. Позорная неудача июньского наступления, полный развал фронта – братание с немцами, повальное дезертирство солдат, устремлявшихся домой «делить землю», безобразия на фабриках и заводах, разгром помещичьих имений – все говорило о надвигающейся катастрофе. Правда, июльское восстание большевиков было подавлено, но правительство явно не умело использовать свою победу; арестованные были вожаки были скоро под разными предложениями, вроде болезни, выпущены и продолжали свою преступную работу, обвинение их в сношениях с германским штабом свелось на нет. Революция очевидно шла по большевичьему руслу. Уезжать в таком тревожном настроении было тяжело, но отдых был необходим, и я поехал в Гагры.

Всю свою жизнь я путешествовал очень скромно – в третьем и, сравнительно редко, случайно, во втором классе. Но теперь со всех сторон рассказывали о безобразиях на железных дорогах, о безбилетных солдатах, набивающих битком все вагоны, невзирая на класс, а в то же время я зарабатывал очень хорошо, и потому, чтобы гарантировать себе сколько-нибудь спокойное путешествие, я взял билет в международном спальном вагоне. Это название «международный» в связи, вероятно, с постоянным употреблением этого слова на митингах как-то гипнотически действовало на толпу, и международный вагон оставался свободен от безбилетной и третьеклассной публики. Но в Армавире пришлось пересест в обычный вагон первого класса, и в нем сейчас же появились солдаты. Я разговорился с одним из них, солидным бородатым мужиком. Он вполне соглашался со мной в необходимости продолжать войну, говорил, что в этом духе выступал в своей части на митингах, но сам, видимо, предпочитал поехать к семье на побывку, – вероятно, бессрочную. Так мы доехали до Туапсе.

В мирное время сообщение между городами Черномор-

ского побережья поддерживали прекрасные пароходы двух обществ – Российского и Русского¹⁴⁸⁵. Но во время войны пароходство прекратилось, пароходы были реквизированы Военным министерством и обращены в военно-транспортные суда, а вместо них курсировали моторные лодки, да и те в 1917 г. ходили очень неаккуратно, отчасти потому, что после революции после долгого перерыва на Черном море снова появились немецко-турецкие подводные лодки, отчасти потому, что запасы бензина начали стремительно исчезать: как утверждали местные люди, матросы, в распоряжении которых они оказались после революции, вывозили его в море и там продавали немецким агентам. Мне удалось почти тотчас по приезде в Туапсе попасть на моторную лодку. Во время восьми- или десятичасового переезда – все те же разговоры о революции, войне и т. д. Помню слова одного рабочего, члена Совдепа одного из черноморских городов, чуть ли не Сухума: «Вот Николай I – тот был молодец, не чета Второму; он бы такой разрухи не допустил». В словах этих, очевидно, сочетались полное историческое невежество с большим уважением к силе.

В Гаграх я был уже раз летом 1916 г. Тогда они поражали своим европейским благоустройством, соединенным с дешевизной. И то и другое приписывали заботам их устроителя, самодурного, но энергичного принца Ольденбургского Старшего¹⁴⁸⁶. Теперь их нельзя было узнать. В роскошном парке выламывались редкие экзотические деревья; пруды весной не были очищены, и в Гаграх появилась малярия, от которой курорт избавился перед тем уже много лет назад; гостиницы были загрязнены; домашние телефоны, имевшиеся в каждой комнате для распоряжений прислуге, не действовали; прислуга ограничила свою работу утренней уборкой комнат, после чего

1485 Имеются в виду Российское транспортное и страховое общество и Русское общество пароходства и торговли.

1486 Принц А. П. Ольденбургский основал Гагрскую климатическую станцию, открытие которой состоялось 9 января 1903 г.

уходила; больные лежали в самом беспомощном положении, не имея возможности позвать кого-нибудь в случае надобности. Цены против прошлого года непомерно возросли. Однако от прежних времен еще оставались обильные запасы провизии, и продовольственные затруднения ощущались сравнительно мало. Уезжая, я даже запасаюсь здесь кое-какими продуктами – сахаром, белой мукой, крупами, макаронами, которые уже становились редкостью в Петербурге, но их еще можно было закупить в Гаграх.

Обширные гостиницы были переполнены приезжими. Это была особая публика – люди, спасавшиеся от революции и переживавшие здесь, пока она кончится, что, по их мнению, должно было произойти не в очень продолжительном времени. Принужденные выйти в отставку генералы, военные и штатские, помещики, боявшиеся оставаться в своих имениях, более обеспеченные жители прифронтовой полосы – словом, люди, обычное течение жизни которых было нарушено революцией, но которые еще сохраняли недурной достаток и могли, фрондируя и поругивая ее, пережить в этом очаровательном уголке. Нечего говорить, что мое отношение к событиям и настроение и их были совершенно чужды друг другу, и я поневоле держался в стороне.

Из-за усиленного съезда меня поместили где-то на мансарде в *dépendance*¹⁴⁸⁷, и все мои просьбы отвести мне из числа незанятых более удобную комнату оставались бесплодными; эти комнаты ожидали каких-то важных чиновных лиц. Но вот на мое имя пришло из Петербурга письмо, конверт которого носил штемпель Мариинского дворца, а мое имя было не написано от руки, а отпечатано, как это делалось при отправке деловых бумаг из учреждений крупным чиновникам. Сразу отношение администрации ко мне переменилось, и мне было предложено переехать в лучшую комнату. Так велико

1487 подсобном помещении (фр.).

еще было здесь уважение к чину, хотя заведующий и мог бы сообразить, что если у меня и есть чин, то только революционный. А может быть, он это и сообразил, и именно революционный чин на него подействовал.

За стенами гостиницы шла обычная жизнь всколыхнутого революцией маленького городка; устраивались митинги, приезжали агитаторы из более крупных центров. На один митинг, устраиваемый местным Совдепом (не помню, по какому поводу), пригласили меня сказать что-нибудь. Я говорил общие фразы о значении политической свободы, о необходимости продолжать войну; матросы меня поддерживали, но сами на войну не стремились. Один раз явился заезжий лектор – как говорили, учитель гимназии где-то на Кавказе, изложивший в двухчасовой лекции всю русскую историю Нового времени; она вся сходилась к перечню любовных похождений царствующих лиц, начиная с Петра. Матросы и рабочие слушали с интересом; интеллигенты, из любопытства зашедшие послушать, безразлично пожимали плечами, но в спор не вступали.

Среди этого идиллического времяпрепровождения газеты принесли однажды известие о движении на Петербург Корнилова. Оно сразу ошеломило меня. Из первоначальных коротких и бестолковых сообщений понять как следует, в чем дело, было невозможно, но было сразу видно, что происходит что-то опасное. К Корнилову я относился с полным уважением, сочувствовал его мерам восстановления дисциплины в армии. Что могло побудить его открыто выступить против Временного правительства, я решительно не понимал и приходил только в ужас от создавшегося положения. Мне казалось, что необходимо как-то примирить Керенского и Корнилова, найти какой-то компромисс между ними, во что бы то ни стало избежать разрыва. Если бы я был в этот момент в Петербурге, я, может быть, что-нибудь сделал в этом направлении. Но здесь я был осужден не только на полное бездействие, но и на почти полное незнание того, что творилось в эту минуту. Газеты далеко не ясно рисовали картину происшедшего и к тому же приходи-

ли с сильным запозданием, иногда терялись. В Гаграх или где-то поблизости издавался только жиденский листок с сухим, очень кратким изложением событий.

Остаться здесь дальше было для меня совершенно невыносимо; я стал торопить свой отъезд, но это оказалось не так-то легко. Революция ввела требование пропусков для отъезда, которые выдавались каким-то общественным учреждением – то ли городской управой, то ли курортным управлением. Предъявив удостоверение о должностях члена Особого совещания по выработке законопроекта и других мест, где я числился на службе, я без труда получил пропуск. Не знаю, так же ли легко получали его люди не служилые; как будто – да. Но труднее обстояло дело со средствами сообщения. Осенние бури мешали моторным лодкам; рабочие и солдаты, обслуживавшие автомобили Красного Креста, занимающегося перевозкой пассажиров, отказывались после выступления Корнилова покинуть Гагры, так как считали долгом в полной готовности ждать призыва Совета рабочих депутатов выступить на защиту революции против царского генерала, и в то же время занимались катанием девиц на этих автомобилях. «Мы здесь стоим на страже революции», – гордо говорил мне один из них. Только в сентябре, что-то около 10 числа мне удалось получить место в частном автомобиле до Туапсе, и стоило это место 300 рублей. Никогда раньше я бы не подумал истратить такую сумму на поездку в 200 с чем-то верст. Но теперь, в революцию деньги были дешевы, а ехать мне было нужно во что бы то ни стало. Без особых приключений приехал в Туапсе, а оттуда по железной дороге – в Петербург.

Глава VI. Сентябрь и октябрь 1917 г.; партийная жизнь в Петербурге. – Краткие агитационные поездки в Новгородскую губернию. – Длительная поездка в Оренбургскую губернию. – Возвращение в Петербург. – Эпилог

В середине сентября я вернулся в Петербург. Восстание Корнилова резко изменило политическую атмосферу; все предвещало близкую катастрофу. С театра военных действий приходили самые печальные вести; многие ожидали сдачи Петербурга немцам, и ходили слухи о переезде Временного правительства в Москву, причем большевики его ругательски за это намерение ругали, даже не осведомляясь хорошенько, действительно ли оно существует, – потом они сами его осуществили. Катастрофа ясно приближалась. В торжество тех начал свободы, под знаменем которых произошла Февральская революция, никто больше не верил. Многие сомневались в возможности открытия Учредительного собрания. Жизнь стала гораздо труднее. Цены быстро росли; правда, росла и заработная плата, но далеко не с той же быстротой. Чувствовался сильный недостаток продовольствия на рынке; хлеб выдавался пайками, совершенно недостаточными.

Мое писание брошюр прекратилось: не находилось для них издателей, так как не находилось больше читателей и покупателей. Однако другие литературные предприятия не только продолжались, но и возникали новые. Газета «День» выходить продолжала, и я усиленно в ней работал, когда был в Петербурге. Бурцев и Щеголев еще в июле возобновили «Былое», на которое смелый и предприимчивый коммерсант Парамонов дал деньги, и я был приглашен в него третьим редактором на жалованье в 700 рублей в месяц. Несмотря на значительное падение ценности денег, жалованье было большое. Но я мог уделять ему мало времени, так как был завален другой работой и в то же время продолжал свои агитационные поездки. Позже,

когда я окончательно осел в Петербурге, а Бурцев был арестован¹⁴⁸⁸, я остался в «Былом» вдвоем со Щеголевым, но это относится уже к большевицкому времени¹⁴⁸⁹.

К сентябрю месяцу относится важное событие в жизни партий, с которыми тесно связана моя личная жизнь. Произошло окончательное слияние Трудовой группы с Народно-социалистической партией¹⁴⁹⁰. Несмотря на всю важность

1488 В. Л. Бурцев, арестованный 25 октября 1917 г., был заключен в Петропавловскую крепость, откуда в декабре переведен в «Кресты».

1489 См.: «Возобновляется издание журнала “Былое”. Редакторы – В. Л. Бурцев, В. В. Водовозов, П. Е. Щеголев. Издатель – Н. Е. Парамонов. Первая книжка появится, по всей вероятности, в июне» (День. 1917. № 21. 29 марта). № 1 (23) вышел в июле, но участие в нем В. В. Водовозова в 1917–1918 гг. ограничилось рецензией, несколькими публикациями и коротким мемуарным очерком. Ф. М. Лурье сообщает, что, «по утверждению Щеголева, Водовозов в журнале никакой редакционной работы не вел», в конце 1917 г. вышел из состава редакции, но «продолжал еще некоторое время сотрудничать в журнале, писал Щеголеву и предлагал свои услуги, последнее его письмо датировано 7 ноября 1922 года» (Лурье Ф. М. Хранители прошлого. Журнал «Былое»: история, редакторы, издатели. Л., 1990. С. 114–115). Позднее в журнале были напечатаны воспоминания Водовозова «Встречи с А. И. Ульяновым» (Былое. 1925. № 6 (34). С. 132–133).

1490 Неточность: 17 июня 1917 г. открылся I Всероссийский съезд народно-социалистической партии, 19 июня – VI Всероссийский съезд Трудовой группы (В. В. Водовозов был избран в его президиум, выступив с обширной речью в защиту ЦК трудовиков, который, в отличие от эсеров, «не выдает дутых векселей в целях привлечения народных масс»). Делегаты съездов приняли решение об объединении, после чего около полуночи 21 июня народные социалисты перешли в актовЫй зал Военно-медицинской академии, где заседали трудовики, и было объявлено об открытии I Всероссийского съезда Трудовой

народно-социалистической партии, на котором В. В. Водовозов, избранный в состав ее ЦК, выступил 23 июня с докладом «информационного характера» о работе Особого совещания (см.: Съезд Трудовой группы // День. 1917. № 89. 20 июня; Всероссийский съезд Трудовой группы. Заседание 19 июня // Там же. № 90. 21 июня; Съезд Трудовой группы. Заседание 20 июня. Заседание 21 июня // Там же. № 91. 22 июня; Съезд Трудовой народно-социалистической партии // Там же. № 92. 23 июня; № 93. 24 июня; Закрытие 1-го всероссийского съезда Трудовой народно-социалистической партии // Там же. № 94. 25 июня; см. также: Трудовая народно-социалистическая партия: документы и материалы. М., 2003. С. 278–279).

А. Д. Марголин вспоминал, что, в отличие от народных социалистов, «докладчики на съезде трудовиков (Шаскольский, Булат) и поддерживавшие их тезисы Водовозов и др. настаивали на признании за всеми национальностями, населяющими Российское государство, права на самоопределение вплоть до отделения», из-за чего было принято решение избрать согласительную комиссию из представителей обоих съездов: «Особенную неуступчивость, помнится, проявил в комиссии В. В. Водовозов. На все указания Мякотина о том, что формулой трудовиков немедленно воспользуется Финляндия, Водовозов ответил столь же решительно, как и неубедительно: “Финский народ этого не сделает, ибо финляндцы не так глупы и не так подлы (sic! – А. М.), чтобы отделиться от России”. В конце концов состоялось компромиссное соглашение о том, что каждой народности должно быть предоставлено право созыва своего отдельного национального учредительного собрания, но что окончательное решение вопроса о государственном устройстве России все же будет принадлежать Всероссийскому Учредительному собранию» (Марголин А. Д. Украина и политика Антанты: (Записки еврея и гражданина). Берлин, 1922. С. 36–38).

Ср.: «Ход истории таков, – говорит В. В. Водовозов, – что малым государствам гораздо лучше находиться в федеративном союзе. Была бы Балканская федерация, не было бы кровавой войны. Если Финляндия и Литва отделятся, то они будут жестоко наказаны. Хорошо, если история поведет к созданию всеоб-

этого события и для двух партий, и лично для меня, я помню его сравнительно плохо, и это потому, что некоторые очень важные его моменты совпадали случайно с моментами моих частых отлучек из Петербурга. Событие это вытекало из самого существа дела. Различие между этими двумя организациями имело значение в 1905–1906 гг., когда народные социалисты бойкотировали 1-ю Государственную думу, а Трудовая группа выросла как раз из этого самого бойкота (об этом я подробно говорил в одной из более ранних частей моих воспоминаний), но оно давно уже было совершенно изжито.

При мне в сентябре или октябре происходило первое собрание объединенного Центрального комитета¹⁴⁹¹, на котором были произведены выборы первого общего председателя и во

щего мира, но ведь возможно, что нынешняя война только приведет к ослаблению милитаризма. Опасность войны останется. Тогда маленькие Литва и Финляндия станут первыми жертвами и им придется завести армию. Но пусть эта война будет последней, милитаризм исчезнет, опасность Литве и Финляндии с этой стороны не угрожает. Но наказаны они все-таки будут. Финляндия поставляет нам молоко и бумагу и нуждается в хлебе. Она нуждается в России больше, чем мы в ней. Если произойдет отделение, то диктовать условия будет Россия. То же относится и к Литве. Даже Польша впоследствии будет жалеть, когда угар пройдет, и, может быть, пожелает отказаться от отделения от России. Но заставить не отделяться мы не имеем права. Свобода разводов уменьшает их число» (Съезд Трудовой группы. Заседание 20 июня // День. 1917. № 91. 22 июня).

- 1491 Неточность: речь идет о II Всероссийском съезде Трудовой народно-социалистической партии, проходившем в Москве 26–28 сентября 1917 г., см.: Второй всероссийский съезд труд. нар.-соц. партии // Народное слово. 1917. № 96–98. 28–30 сент.; Кандидаты нар.-соц. партии. (Из Москвы по телефону) // День. 1917. № 178. 1 окт.; Трудовая народно-социалистическая партия: документы и материалы. С. 356–367.

время которого чувствовались еще отголоски прежней организационной разрозненности. Трудовики выдвинули на пост председателя Н. В. Чайковского, народные социалисты – В. А. Мякотина. Я голосовал за первого, но считаю это своей ошибкой, так как, во-первых, Мякотин – превосходный, можно сказать, прирожденный председатель, каким не мог быть Чайковский, а во-вторых, не следовало так скоро прощать Чайковскому его голосование в Совете рабочих депутатов против свободы слова.

Выработка второй части избирательного закона в Учредительное собрание была закончена в начале августа без меня, принята Временным правительством, официально опубликована в Собрании узаконений¹⁴⁹² и вступила в силу. Особое совещание закрылось, все это произошло без меня. День или, лучше сказать, дни выборов (ибо в разных местностях России это были разные дни между октябрём и декабрём) окончательно назначены. Партии начали назначать своих кандидатов.

Одновременно с этим началась большая перетасовка в составе партий. Были две и только две партии, которые, видимо, имели шансы на большой успех на выборах: большевики и эсеры. И обе эти партии начали численно быстро расти: все, кто рассчитывал так или иначе приблизиться к вкусному казенному пирогу, записывались в одну из этих партий. Вследствие этого и моральный, и интеллектуальный, и политический средний уровень этих партий начал быстро падать. Но не только новые, до тех пор политически индифферентные или, по крайней мере, стоявшие вне партии лица начали делаться партийцами; люди из других партий начали в большом числе переходить туда, где можно было рассчитывать на большой

1492 Главы VI–X раздела I и раздел II Положения о выборах в Учредительное собрание были утверждены 11 сентября 1917 г. (см.: Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. Отд. I. 1917. № 251. 10 окт. С. 2963–2982).

успех; в частности и в особенности начали переходить в эти партии люди, которым хотелось во что бы то ни стало попасть в Учредительное собрание. Из трудовиков и народных социалистов дорога к большевикам была слишком дальняя и сделать ее решились очень немногие, и то, кажется, несколько позже; из бывших народных социалистов – Дмитриевский¹⁴⁹³, из трудовиков за некоторое приближение к большевикам (в качестве члена и деятеля Викжея, т. е. Всероссийского исполнительного комитета железнодорожников¹⁴⁹⁴) был исключен из партии талантливый адвокат и, казалось, честный человек, Плансон¹⁴⁹⁵ (я не знаю, вступил ли он формально в большевицкую

1493 Подробнее о С. В. Дмитриевском см.: Генис В. Л. Неверные слуги режима: Первые советские невозвращенцы (1920–1933): опыт документального исследования. М., 2012. Кн. 2. С. 155–251; Он же. Сергей Дмитриевский: «Нам нужен либеральный цезаризм...» // Диаспора: новые материалы. Париж; СПб., 2007. Т. 8. С. 75–172.

1494 Всероссийский исполнительный комитет Союза железнодорожных рабочих и служащих, избранный на 1-м Всероссийском учредительном съезде железнодорожников в Москве 25 августа 1917 г., после большевистского переворота, угрожая всеобщей железнодорожной забастовкой, выступил с инициативой о формировании «однородного социалистического правительства от большевиков до народных социалистов включительно»; распущен в июне 1918 г.

1495 В. А. Плансон входил в делегацию Викжея, направленную 29 октября к А. Ф. Керенскому для переговоров о формировании «однородного социалистического правительства», см.: «Одним из представителей Викжея, выступившим с известным своим предложением, был член труд. нар.-соц. партии В. А. Плансон. Как известно, это выступление встречено всеобщим осуждением как с моральной, так и с политической точки зрения. Кроме того, по этому вопросу В. А. Плансоном были нарушены совершенно определенные партийные директивы. В другом случае В. А. Плансоном были нарушены элементарные этические требования. В качестве делегата от Викжея для переговоров с А.

партию или нет; если да, то не раньше 1918 г.); я знаю еще только двух лиц, второстепенных или третьестепенных по своему значению, из которых одного фамилию я забыл, а о другом, Илинчике, я буду еще говорить; оба перешли к большевикам тогда, когда вполне определился их успех, т. е. не раньше 1918 г.; первый из них, агроном по специальности, заплатил за свое ренегатство жизнью, будучи забит насмерть крестьянами при проведении или защите какой-то большевичьей меры.

Дорогу к эсерам, более близкую, проделали многие. Если присоединение Керенского, как я уже говорил во второй главе, было вполне лояльно (хотя политически ошибочно) и ни малейшей тени на Керенского не кладет, то этого нельзя сказать про Булата¹⁴⁹⁶, Виссариона Гуревича и в особенности известного экономиста Н. П. Огановского; тут никаких других мотивов для перехода нельзя подыскать, кроме честолюбивого желания во что бы то ни стало попасть в Учредительное собрание. У Булата и Вис. Гуревича все же были точки соприкосновения с

Ф. Керенским в числе прочих был отправлен в Царское Село и В. А. Плансон. По возвращении оттуда он на собрании, на котором присутствовали и большевики, дал характеристику общего положения и настроений на фронте. Таким образом, он для большевиков сыграл, мягко выражаясь, роль лазутчика. Ввиду этих обстоятельств Центральный комитет пригласил в свое заседание В. А. Плансона для дачи объяснений. К назначенному сроку он не явился и единогласным постановлением ЦК исключен из партии. Примерно через три часа по окончании заседания от В. А. Плансона на имя ЦК было получено письмо, в котором он заявляет о своем выходе из партии» (Исключение из партии В. А. Плансона // Народное слово. 1917. № 124. 3 нояб.; см. также: В. А. Плансон // Воля народа. 1917. № 162. 3 нояб.).

1496 См.: «Председатель фракции трудовиков в 3-й гос. думе А. А. Булат, кандидатура которого Трудовой н.-с. партией выставлена в Учредительное собрание, вступил в партию соц.-рев.» (А. А. Булат // День. 1917. № 181. 5 окт.).

эсерами. Но Огановский был трудовик или народный социалист *par excellence*¹⁴⁹⁷. Как раз то, в чем он специалист, что ему было особенно близко, – аграрная программа Трудовой группы – была выработана не только при его участии, но главным образом им; он очень хорошо понимал безумие эсеровских требований конфискации земли без выкупа и права каждого на участок земли. К тому же он никогда не обнаруживал особенной жажды активной политической деятельности и хотя формально принадлежал к Трудовой группе, но бывал в ней редко, почти только по особому приглашению, когда на очереди стоял вопрос из области его специальности. И вот внезапно с большим огорчением мы узнаем, что он отряс народно-социалистический прах от своих ног и записался в эсеры. Награду за свою измену он получил и в Учредительное собрание был избран; однако в награду была влита немалая доза горечи.

Позднее, довольно скоро после Учредительного собрания он поместил в «Голосе минувшего» (1918 г. № 4) очень интересный, хорошо написанный «Дневник члена Учредительного собрания», в котором с большой горечью рассказывает, как ему пришлось проводить земельный закон, с которым был решительно не согласен, и с не меньшей горечью говорит об эсеровских депутатах как об «аморальной, малокультурной массе», как о «пушечном мясе революции», как о группе, строившей свою тактику на демагогии, желавшей во что бы то ни стало «переплюнуть большевиков»¹⁴⁹⁸; их вождей он характеризовал

1497 в высшей степени (фр.).

1498 Указывая, что большинство и в земельной комиссии, и в эсеровской фракции Учредительного собрания принадлежало крестьянским депутатам, стремившимся «воспользоваться революцией, чтобы заполучить без всяких затрат как можно больше земли», Н. П. Огановский характеризовал их как «аморфную, малокультурную массу» во главе с интеллигентом В. М. Черновым, мечтающим «переплюнуть» большевиков, но «власть, опирающаяся на демагогию, не может быть сильной» (Оганов-

таким образом: «Чернов – провинциальный трагик», речи его – «надоевшая, трескучая риторика, ложно классический пафос, заученные жесты». «Маруся (М. Спиридонова) – с гимназической скамейки попавшая на каторгу, застывшая на уровне гимназического мирозерцания». С не меньшей горечью характеризует все заседание Учредительного собрания, которое разбежалось по окрику матроса¹⁴⁹⁹. Это все очень верно, но только отчего же с составом своей партии, с ее демагогическими привычками он не ознакомился несколькими месяцами раньше, когда переходил в нее? Ведь не могли же эти черты выявиться только в самом Учредительном собрании^{1500 1501}.

Относительно Марии Спиридоновой, или Маруси, как ее нежно называли настоящие эсеры и иронически Огановский, надо заметить, что тогда, когда он писал, она уже не была эсеркой, она была левой эсеркой, но в Учредительное собрание была проведена по общему списку с эсерами. В этом факте

ский Н. П. Дневник члена Учредительного собрания // Голос минувшего. 1918. № 4/6. С. 143–172. С. 146–147).

1499 См.: «...мы все – избранные народа, его последняя надежда, – заслужили обвинение нас в лицемерии и трусости и, разбежавшись за своим вождем от угроз зазнавшегося матроса, не dokonчили даже принятие закона о земле, за который клялись лечь костями <...>» (Там же. С. 161).

1500 Не могу удержаться, чтобы не процитировать из «Дневника» Огановского одного пророчества, – меня вообще сильно интересуют пророки и пророчества, начиная с библейских и кончая современными. Огановский пишет в «Дневнике» 7 января 1918 г.: «Большевик ожидает скорое окончание», – к этому примечание: «Теперь через 3 месяца они как будто укрепляются. Но крестьяне и рабочие уже разбольшевичились в большей части России... Однако большевики могут проскрипеть еще несколько месяцев». Это напечатано в апрельской книжке «Голоса минувшего» за 1918 г.

1501 Неточность: речь идет о дневниковой записи от 11 января (см.: Там же. С. 171).

проведения по общему списку в Учредительное собрание двух партий, друг другу сильно враждебных, заключается очень серьезная критика нашего закона, который сделал это явление не только возможным, но и в известных случаях неизбежным¹⁵⁰².

Если от нас перебежала к эсерам довольно большая группа, то все же и к нам были присоединения, а именно – из кадетского лагеря. Мотивы были те же, хотя и в несколько видоизмененном виде. Я помню два таких случая.

Один из них – профессор истории Киевского университета И. В. Лучицкий. Крупный ученый, с большими заслугами в науке, хороший учитель своих учеников (между прочим, его ученик – Е. В. Тарле), этот человек отличался совершенно исключительным и крайне мелочным тщеславием. Он не мог выносить, чтобы где-нибудь он оказался на втором месте. В

1502 В рукописи зачеркнуто: «Дело в том, что по избирательному закону кандидатуры должны были выдвигаться не менее чем за месяц до дня выборов. За месяц до него эсеры и левые эсеры, несмотря на наметившийся между ними резкий антагонизм, формально оставались в рамках одной партии и кандидатов выставляли сообща. Как всегда в таких случаях бывает, кандидатуры явились в результате упорной внутренней борьбы на почве бесчисленных компромиссов между обоими флангами партии, причем в силу этих компромиссов были выставлены кандидатуры с обоих флангов. Прошло несколько недель, и два фланга единой партии обратились в две враждебные партии, но законный срок для выставления кандидатур уже был упущен, и эсеры должны были на выборах распинаться за ту самую Марусю Спиридонову, за того самого Шрейдера младшего, в которых они уже видели не замечаемое ими раньше гимназическое мировоззрение, как в свою очередь левые эсеры должны были распинаться за Чернова, за Григория Ильича Шрейдера и др., которых в других местах они обвиняли в ренегатстве, в продаже своих убеждений буржуазии и тому подобных подвигах».

какой-либо общественной организации он не мог занимать иного места, кроме председательского, в редакции – кроме редактора или председателя редакционного комитета. Везде и все говорили о его невозможном, диком характере, и всюду его выбирали, куда он хотел. Вместе с тем, усиленно занятый своей научной работой, он ничего не делал на своих председательских местах. Когда возникли партии, он вступил в партию кадетскую, – и совершенно правильно: по всему своему мирозерцанию он был вполне определенным кадетом. Когда была создана Дума, то он не мог допустить, чтобы Дума обошлась без него: как, его друг Кареев – член Думы, а он нет! По каким-то причинам он не успел сделаться членом ни 1-й, ни 2-й Думы, но в 3-ю он был выставлен и выбран. В Думе он решительно ничего не желал делать, а вместе с тем обнаруживал свою неуживчивость¹⁵⁰³, и кадеты постарались от него избавиться; в 4-ю он не был даже выставлен.

Я как-то спрашивал Д. Ив. Шаховского, как они (кадеты) довольны своим новым товарищем в Думе.

– Совершенно недовольны; невозможный человек, – отвечал Шаховской с необычной для него резкостью и определенностью отрицательных отзывов о человеке, да еще партийном товарище.

– А если бы вы меня спросили, то я заранее сказал бы вам,

1503 Ср.: «Лучицкий был рожден менее всего политиком, что я решился ему сказать, когда увидел, что он начинал тяготиться деятельностью своею в Думе, скоро перешедшей в полную бездеятельность, и своим положением в партии, с лидерами которой все более и более расходился. По слишком большой субъективности своего характера и нервности темперамента он был мало пригоден к политической деятельности, да и лета уже были не те, чтобы начинать совсем новое дело, бывшее ему знакомым только теоретически, как историку Нового времени на Западе» (Кареев Н. Памяти двух историков // *Анналы*. 1922. № 2. С. 172).

что так будет, – шутливо отвечал я.

Нежелание выставлять его в четвертую Думу посеяло недовольство кадетами в душе Лучицкого, но он все же не выходил из партии, пока не было для этого особых поводов. Но вот на небосклоне появилось Учредительное собрание, и вместе с тем стало ясно, что кадеты ни в каком случае кандидатом его не выставят. В первые же месяцы революции Лучицкий заявил о своем выходе из кадетской партии и вслед за тем записался в Народно-социалистическую партию. Это было еще раньше, чем произошло слияние трудовиков с народными социалистами.

В сентябре на расширенном собрании комитета партии народных социалистов в Петербурге обсуждались кандидатуры в Учредительное собрание¹⁵⁰⁴. Предполагалось выставить некоторое число кандидатур от Центрального комитета и рекомендовать их местным комитетам, от которых уже зависело окончательное решение. Киевский присяжный поверенный А. Д. Марголин, бывший в Петербурге, предложил кандидатуру Лучицкого. Многие его поддержали, очевидно, по тому соображению, что Лучицкий – имя достаточно громкое, которое в рядах Народно-социалистической партии может импонировать. Но я возмутился:

– Послушайте, господа, вы не знаете Лучицкого, а я его знаю хорошо, между прочим по работе в газете «Киевские отклики». На каком основании его вы рекомендуете в качестве кандидата Народно-социалистической партии? Ведь он 13 лет был кадетом и только четыре или пять месяцев состоит народным социалистом. Знаете ли вы его как народного социалиста? Разделяет ли он нашу программу? Нет, по своему складу ума и характера он чистокровный кадет; к социализму он всегда от-

1504 Список кандидатов в члены Учредительного собрания от Трудовой народно-социалистической партии см. в: Съезд партии народных социалистов // День. 1917. № 175. 28 сент.

носился отрицательно, и отрицательно не только потому, что не верил в его торжество, а по самому существу его программы, потому что он индивидуалист, и ни одним словом он не доказал, чтобы переменил свое отношение. Как можем мы его выставлять?

Далее я изложил то, о чем я сказал уже выше.

Никто, даже Марголин не возразил мне. Вопрос был поставлен на голосование; ни одна рука не поднялась за Лучицкого, и его кандидатура от имени ЦК была провалена единогласно. Нужно заметить, что случайно на этом заседании отсутствовал Мякотин, который до некоторой степени был учеником Лучицкого и всегда относился к нему очень тепло как к учителю; однако я совершенно уверен, что и он если бы и не поддержал меня прямо, то все-таки руки за Лучицкого, как кандидата в Учредительное собрание, не поднял бы.

Другой случай – Шишкина-Явейн. Она тоже была членом кадетской партии. Ее связи с партией были, однако, менее прочны, чем у Лучицкого. Единственный пункт ее политического мировоззрения, которым она дорожила, – женское политическое равноправие – как раз не мог ее связывать с кадетами, так как в программе этих последних значилось, что по женскому вопросу членам партии предоставляется свобода, и лидером партии был Милюков, который – правда, в давнее время (1905 г.) – выступал противником женских прав, за что однажды на публичном митинге имел столкновение с собственной своей супругой, Анной Сергеевной Милюковой, выступавшей против него в их защиту¹⁵⁰⁵. В 1917 г.

1505 В октябре 1905 г. на первом съезде Конституционно-демократической партии при рассмотрении ее программы А. С. Милюкова предложила включить в нее слова «вне зависимости от пола», и большинством всего в два голоса, несмотря на возражения П. Н. Милюкова, было записано, что «народные представители избираются всеобщей, равной, прямой и тайной подачей голосов, без различия вероисповедания, национальности и

у Шишкиной-Явейн явился и дополнительный пункт политической программы, а именно что она, Шишкина-Явейн, непременно образом должна быть членом Учредительного собрания, и этот пункт она высказывала довольно откровенно и наивно. И вот, лишь только она убедилась, что кадеты ни в каком случае ее не выставят, она ушла, а можно сказать, выскочила из кадетской партии с быстротой пушечного ядра и записалась к нам.

Дня через два после того нашего собрания, о котором я только что говорил и на котором она не могла быть, как не состоявшая членом Центрального комитета, я где-то встретился с нею.

– Василий Васильевич, почему вы не захотели поддержать меня? – с явной обидой в голосе обратилась она ко мне.

– Как не захотел поддержать, где поддержать, в чем поддержать? – с недоумением возразил я.

– Да вот, в такой-то день, когда у вас назначали кандидатов для Учредительного собрания.

– Да как же я мог поддержать вас, когда вас никто не предложил?

– Я же об этом и говорю. Почему вы меня не захотели предложить?

Пришлось довольно пространно объяснять наивной даме,

пола». Но в примечании к параграфу 14 программы говорилось: «По вопросу о немедленном распространении избирательного права на женщин меньшинство осталось по практическим соображениям при особом мнении, в силу чего съезд признал решение партии по данному вопросу необязательным для меньшинства». В январе 1906 г. второй съезд Конституционно-демократической партии большинством голосов исключил из ее программы эту оговорку (Съезды и конференции Конституционно-демократической партии, 1905–1920: материалы. М., 1997. Т. 1. С. 36, 158).

почему я не мог этого сделать, и объяснять со всей возможной для меня (не особенно значительной) мягкостью выражений.

Как я узнал потом, она обращалась с подобной претензией не к одному мне, а к целому ряду лиц и от всех должна была выслушать более или менее однородную отповедь.

Тотчас же она заявила о выходе из нашей партии, и с очень большой быстротой она организовала свою партию – партию женского равноправия¹⁵⁰⁶. С этого ей следовало бы начинать. Она сумела привлечь в свою партию различных дам, частью беспартийных, частью партийных из различных партий, например Софью Андреевну Карееву, до тех пор бывшую записанной в партию кадетскую. Кажется, она даже забыла формально выписаться из этой последней и числилась членшей двух партий одновременно. Мало того, что она, Кареева, вошла в женскую партию, но она позволила себя выставить кандидаткой в Учредительное собрание от Петербурга, хотя одной из последних в списке, следовательно, кандидаткой заведомо фиктивной, – на первом месте красовалась Шишкина¹⁵⁰⁷. Вместе с тем Кареева подписалась под женским воззванием с настойчивым приглашением всех мужчин и в особенности всех женщин голосовать за женский список. А так как в то же время в кадетском списке кандидатур по Петербургу на одном из фиктивных мест значился ее муж Николай Иванович Кареев, то я смеялся над нею, говоря, что лавры Анны Сергеевны Милюковой не дают ей спать и она выступила в поход против своего мужа, агитируя против его избрания, и к этому прибавлял, что выбор лидерши, заведомой дурехи, не делает чести ее проницательности. И она, и Николай Иванович добродушно смеялись, не возражая, причем мне казалось, что они

1506 Видимо, имеется в виду Всероссийская лига равноправия женщин.

1507 Ошибка: П. Н. Шишкина-Явейн входила (на первом месте) в избирательный список № 7 от Всероссийской лиги равноправия женщин по Петрограду, но С. А. Кареевой в нем не было.

оба или по крайней мере она тут только заметили некоторую неловкость своего выступления. Надо заметить, что Кареев в это время вовсе не чувствовал в себе жара для политической борьбы, в ней не участвовал и если позволил выставить свою кандидатуру, то только как фиктивную.

Что же касается Шишкиной, то она перед самыми выборами в Учредительное собрание начала какой-то женский журналчик для пропаганды своего списка. Так плохо она понимала положение вещей и смысл партийной борьбы, что имела наивность обратиться ко мне (конечно, не к одному мне) с просьбой написать для ее журналчика статью с призывом голосовать за женский список (т. е. против списка моей собственной партии)¹⁵⁰⁸. К счастью, она назначала для написания какой-то слишком краткий срок, который дал мне удобную возможность уклониться от исполнения ее просьбы, не объясняя ей всей степени ее наивности. На выборах в Учредительное собрание женская партия получила полнейшее фиаско: она не только нигде не провела ни одной кандидатки, но и собрала самое ничтожное, до курьезности ничтожное число голосов, кажется, не достигавшее в общей сложности по всей России одной тысячи. Впрочем, и другим партиям, кроме большевиков и эсеров, особенными успехами гордиться не приходилось.

Я был выставлен кандидатом Центрального комитета и затем двумя местными – Новгородским и Оренбургским. Из

1508 В. В. Водовозов тем не менее являлся лектором агитационных курсов Республиканского союза демократических женских организаций при Всероссийской лиге равноправия женщин и оратором на ее митингах, см.: «Всероссийская лига равноправия женщин в театре “Комедия” (Моховая, 33) в воскресенье, 29 октября, в 1 час дня устраивает митинг “Женщина и Учредительное собрание”. С речами выступят Л. И. Аксельрод, В. В. Водовозов <...>, П. Н. Шишкина-Явейн, Е. Н. Щепкина» (Народное слово. 1917. № 123. 29 окт.).

этих двух губерний в Новгородской я часто бывал, притом в разных местах – и там меня знали. В Оренбургской я никогда не бывал, никого лично не знал и был удивлен выставлением там моей кандидатуры. В Новгородской губернии, долженствовавшей выбрать 8 членов Учредительного собрания, я в списке стоял на втором месте, после Душечкина, старого члена Трудовой группы, очень заслуженного и уважаемого педагога и земца Боровичского уезда, но совершенно не известного за пределами Боровичского уезда. В Оренбургской губернии, не помню, сколько человек избиравшей, я стоял в списке на первом месте¹⁵⁰⁹.

В сентябре и октябре я совершил несколько кратких агитационных поездок в Новгородскую губернию. В этот период мои выступления имели совершенно иной отголосок, чем в первый период революции. Тогда я имел по большей части значительный успех; неудача случалась редко. Теперь бесприемного успеха я не имел нигде и ни разу; напротив, полные провалы случались беспрестанно. И любопытно вот что. Ораторами нашей партии, кроме меня, заранее назначенного и специально приехавшего, на моих митингах не выступал никто; никто не выступал и от кадетов. Напротив, большевистские и эсеровские, особенно левоэсеровские ораторы росли сами из местной почвы; часто это были люди малообразованные, иногда совершенно невежественные, позволявшие в своих речах грубые ляпсусы, но почти всегда обладавшие умением бойко говорить демагогические речи, производившие впечатление; эсдечьи ораторы появлялись сравнительно редко, но появлялись. А между тем энесские комитеты, так же как кадет-

1509 В списке кандидатов в Учредительное собрание по Новгородской губернии значились члены ЦК ТНСП В. В. Водовозов, Я. И. Душечкин и Д. М. Одинец, по Оренбургской губернии – В. В. Водовозов и Ф. А. Волькенштейн (Список кандидатов в Учредительное собрание от Трудовой народно-социалистической партии // Там же. № 109. 13 окт.).

ские, существовали и в Новгороде, и в других городах Новгородской губернии; к энесам принадлежал новгородский городской голова Ушаков и председатель Новгородской губернской управы (фамилию не помню¹⁵¹⁰; оба выбранные после революции), оба очень дельные люди, хорошие знатоки местных дел, пользовавшиеся широким общественным уважением далеко за пределами своей партии. Они мне давали ценные материалы для моих речей, но сами выступать отказывались. В Старой Руссе членом энесской партии был очень уважаемый врач Глинка (зять известного публициста-народника Кривенко), и он тоже никогда на собраниях не выступал. Молодежи на нашей стороне было тоже мало, а та, что была, не была достаточно активной. Упомянутый мною Душечкин вел агитацию и, кажется, был очень хорошим агитатором, но я с ним на собраниях ни разу не встречался. К тому же он не любил показываться вне Боровичского уезда, а я хотя и бывал в нем, но всегда как-то выходило, что в его отсутствие.

Раз я остановился в военном лагере на берегу Волхова, куда меня пригласили офицеры. Вероятно, эти офицеры не были сторонниками энесской партии (я их об этом не спрашивал), но все-таки их выбор остановился именно на мне, а не на каком-нибудь кадете, вероятно, потому, что они считали, что мне с моей аграрной программой легче найти дорогу к крестьянскому сердцу солдатской массы. Слушателей собралась масса в каком-то довольно тесном помещении.

Офицер открыл собрание, сказал несколько теплых слов о Трудовой группе, энесской партии и обо мне лично.

Я начал – и начал с земельного вопроса. Говорил о мало-земелье, о необходимости расширения площади крестьянского

1510 В 1916 г. председателем губернской земской управы состоял Михаил Алексеевич Прокофьев; речь, видимо, идет о его преемнике – Алексее Алексеевиче Булатове, тогда гласном губернского земского собрания от Валдайского уезда, назначенном в 1917 г. губернским комиссаром Временного правительства.

землевладения. Сказал, что я решительно возражаю против бесплатной реквизиции земель, что выкуп необходим, хотя и по минимальной расценке, и т. д.

Несмотря на обязательный выкуп, я чувствовал, что аудитория меня понимает, что она на моей стороне, я чувствовал, что это собрание останется в моей памяти как одно из лучших в моей жизни.

Затем я перешел к вопросу о войне, постаравшись связать его с земельным вопросом, т. е. настаивая на том, что закрепить земельные завоевания революции можно только победой в войне.

Тут я сразу почувствовал, что настроение аудитории меняется; менялось оно не сразу, а постепенно, довольно медленно, но зато очень решительно. Меня стали прерывать возгласами: «Ишь ты, куда он гнет!» Я все-таки успел договорить почти все, что собирался сказать. Но под конец аудитория повскакала с мест; по моему адресу и адресу офицера-председателя поднялись кулаки. На трибуну начали вскакивать ораторы из солдат, с налитыми кровью глазами, бессвязно выкрикивавшие в толпу ругательства против царя и министров, начавших войну, против кровопийц, ее продолжающих. Офицер дернул меня за рукав: «Уйдем!» И мы ушли. Ушли на глазах всей толпы, пробираясь через нее, и толпа должна была бы нас видеть, но не видела. Когда мы подошли к дверям, двери отворились и в помещение ворвались еще 5 или 6 солдат. Солдаты в зале были без ружей, эти были с ружьями и штыками, которые они держали в руках; рожи их были ужасные, глаза навывкате, они смотрели прямо перед собой, не видя ничего в сторону. Мы посторонились и вслед за ними вышли в те же двери.

На этом собрании мы оба явно подвергались значительной опасности, но эту опасность пронесло, в значительной степени вследствие полного хладнокровия, сохраненного офицером-председателем.

Мне где-то раздобыли лошадь и повозку и увезли на стан-

цию, откуда я уехал в Новгород, оттуда – в Старую Руссу.

Другую поездку я совершил на восток губернии, в Тихвин и Череповец. В Тихвине, где я когда-то (в 1905 г.), как уже писал в своем месте, имел совершенно исключительный успех, на этот раз меня ожидал столь же исключительный провал. Именно тут имело место то, о чем я упоминал выше, – именно, что один оратор-большевик рассказывал, как очевидец, наглые выдумки про Керенского и военные власти на Рижском фронте, а я, не будучи очевидцем и не считая себя вправе говорить в качестве такового, не сумел обнародовать его вранья. Тут один эсер говорил, что сделают эсеры, когда они будут у власти. Его мне удалось до некоторой степени осадить, указав, что теперь у власти стоит эсер Керенский; имеются и имелись и другие эсеры: Переверзев, Чернов и др.; почему же они всего этого не сделали? (Это происходило до официального раскола в эсерской партии.) Мой противник не нашелся что возразить, но тем не менее победа была его – и большевика. Главным образом – на почве войны.

Несколько успешнее было выступление в Череповце, где митинг в зале земского собрания был лучше организован и где публика была не рабочая, а городская и много совсем зеленой молодежи (гимназистов и гимназисток), которая на этот раз оказалась на моей стороне. Большевики здесь не выступали, а главным моим противником выступил какой-то эсер, очень противный и наглый. Мне говорили про него, что он по амнистии выпущен с каторги, но никто не знал, за что он был на каторге; говорили, но неуверенно, что по уголовному делу. Правда ли – не знаю. Тут борьба шла не только на почве военного вопроса, а гораздо более на разных других, и военный даже как-то отодвинулся на задний план. Аудитория разделилась на две почти равные половины.

Я вернулся в Петербург, а оттуда в конце октября уехал в длительную поездку в Новгородскую и Оренбургскую губернии. Эта последняя поездка была организована особым образом: энесская партия, признавая меня дурным организатором,

дала мне спутника, главным образом для организационной стороны дела, снабдив нас довольно щедро деньгами, так что в эту поездку я не приложил ни одной копейки из своего кармана.

Фамилия спутника была Илинчик. С ним я познакомился в марте или апреле в Новгороде¹⁵¹¹. Он там сам пришел ко мне и сказал, что он, солдат, вследствие раны отпущен для поправления в отпуск, что по убеждениям он сторонник Трудовой группы, желает записаться в нее и работать для нее. При этом сказал, что скоро переезжает в Петербург. Я его записал в группу и затем, в Новгороде и Петербурге, он оказал мне и некоторым другим трудовикам незначительные услуги по делу организации митингов, распространения литературы и т. п. Работал в месте своего жительства бесплатно, но на расходы и, в частности, на поездки, конечно, получал из партийной кассы. Не доверять ему я не имел никаких оснований. Склонен был доверять и его рассказам о разговорах с крестьянами и солдатами, из которых вытекало, если они правдивы, что он недурной агитатор для бесед с глазу на глаз или в очень небольшой, преимущественно крестьянской компании. Сам он был из городского мещанства, с образованием, кажется, технического училища. С ним я и поехал.

1511 В письме из Старой Руссы от 16 сентября 1917 г. Л. К. Илинчик, находившийся в Новгородской губернии в качестве инструктора от ЦК ТНСП по выборам в Учредительное собрание, приглашая В. В. Водовозова приехать на крестьянский съезд в Валдае, напоминал: «Встречались мы несколько раз в г. Новгороде в начале мая, утром на квартире у Ушакова, на следующий день после Вашей последней лекции; на губернском съезде, 22 июля, партии в Новгороде или в Старой Руссе на лекции, где Вы еще предлагали мне сопровождать Вас при разъездах по Новгородской губернии. Фамилия моя Илинчик Леонид Константинович» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2191. Л. 1). Позже, 6 ноября, он писал Водовозову: «Хорошо бы повторить нашу первую поездку: Любань – Чудов – М. Вишера» (Там же. Д. 2190. Л. 1).

Случаю угодно было устроить так, что я выехал из Петербурга как раз 25 октября (7 ноября по н. ст.), то есть в день, который теперь празднуется как день Октябрьской революции¹⁵¹². Выехал я один, без Илинчика, с которым должен был съехаться в Москве. Двухмесячная поездка эта была очень богатой впечатлениями. По возвращении в Петербург я рассказывал о ней много раз и всегда очень интересовывал слушателей; многие выражали желание видеть ее в печати. Но я тогда не записал и, вследствие какой-то странной причины, массу ее красочных подробностей забыл более, чем другие моменты моей жизни, и могу передать о ней только немного и далеко не самое интересное.

В Новгородской губернии выборы были назначены, помнится, на 29 октября (воскресенье)¹⁵¹³, и я должен был там использовать для агитации последние дни, затем посмотреть в двух-трех местах на самую процедуру выборов и тогда уже ехать в Оренбургскую губернию, где выборы были отложены на декабрь, помнится – на 17 или 24 число.

Я уехал днем, часа в два или раньше. По дороге на Николаевский вокзал я видел некоторое не совсем обычное движе-

1512 Не исключена возможность, что в дате я ошибаюсь и что выехал накануне этого дня. Но кажется, что не ошибаюсь.

1513 Неточность: 29 октября 1917 г. был понедельник. Выборы в Новгородской губернии проходили позднее. 6 ноября, сообщая из Валдая о назначенном на 11 ноября митинге в Новгороде и советуя В. В. Водовозову по дороге туда заехать в Любань или Чудов «часа на три, прочитать еще одну лекцию», Л. К. Илинчик писал ему: «10-го буду в Старой Руссе, 11-го – в Новгороде, а если выборы не состоятся, то 13-го буду в Петрограде. Губернский комитет отпечатал 20 000 наших избирательных карточек и Ваше воззвание. Все это усиленно раздаю и рассылаю и развожу по местам. <...> За это время удалось побывать в Новгороде, Чудове, Волхове, Бологом, Валдае, а дальше еду в Едрово, Дворец, Ст. Руссу и Новгород. Думаю успеть сделать это до 12 ноября» (Там же).

ние военных отрядов; слышал несколько выстрелов; на вокзале стояла военная стража, которая раньше здесь отсутствовала и сперва не хотела меня пропустить, но потом, после уговоров и показывания документов, уступила, причем один солдатик заметил: поставили нас здесь, а зачем – не сказали, и стою как дурак. Все-таки я уехал, не зная и не догадываясь, что уже произошел или происходит новый переворот, что в городе уже властвует новое правительство.

В первый день поездки я провел вечер в Любани; совершенно не помню, был ли там митинг или деловое заседание какой-нибудь группы. Ночевал у партийного местного священника. Перед сном мне сообщили, что, по слухам, в Петербурге революция, идет стрельба, Ленин убит, еще что-то очень важное. Я осведомился, откуда идет слух; оказалось, что он из третьих рук и добраться до первоисточника трудно, но что в Любани об этом уже «все говорят» и что вздором это быть не может. Я отнесся к слуху совершенно скептически и заснул спокойно. Наутро слух мне подтвердили, но все-таки только в виде слуха. Я поехал в свой объезд дальше. Слухи все росли и крепили, и только очень не скоро, кажется 28 или 29, получил первое печатное известие о перевороте, которое положило конец моему скептицизму. После некоторого колебания я решил продолжать поездку по намеченному плану.

В день выборов я был в Валдае и обошел ряд избирательных бюро. Очень легко было убедиться, что наш закон далеко не так совершенен, как это думал В. М. Гессен. Между прочим, в законе было установлено, что для солдат должны быть устроены особые избирательные бюро в казармах или поблизости от них. Это и было устроено, но результат был тот, что солдаты, живущие на вольных квартирах, – а таких в то время было довольно много, – заносились в избирательные списки дважды, как солдаты и как обыкновенные обыватели по месту жительства, и дважды голосовали, нисколько не боясь той кары, которая назначена за это злоупотребление.

Видел я такой инцидент. Входит в избирательное поме-

щение дряхлая-дряхлая старушка, опираясь на палку, держа в руках избирательные бюллетени, и старческим голосом, ни к кому не обращаясь, говорит:

– Что здесь нужно делать с этими бумажками, скажите на милость?

К ней моментально подскакивает солдат, берет ее бюллетени, вынимает из них большевичий и начинает пояснять, как нужно положить его в конверт и прочее.

Подхожу я.

– Простите, пожалуйста, но вы не имеете права делать этого. В избирательном помещении никакая агитация не дозволется.

– Да она же сама просит...

– Вы можете уйти с ней на улицу и там подсовывать ей свой бюллетень, а здесь этого нельзя.

– Ну и убирайтесь сами с ней куда хотите, черт с вами.

Я вывел старушку на улицу и спрашиваю ее:

– Да вы за кого хотите голосовать?

– Да я, батюшка, ничего не понимаю. Мне 82 года, куда же мне что-нибудь понимать?

– Так зачем же вы пришли сюда?

– Да мне велели прийти и за кого-то голосовать, а я не знаю, что это такое.

– Кто мог вам велеть голосовать?

– Да вот почтальон принес эти бумажки и велел прийти сегодня сюда, сказал, что оштрафуют, если не приду. А из чего я буду платить штраф? Все дорого.

– Нет, – говорю я, – никто вас за это не оштрафует. У нас каждый, кто хочет, имеет право голосовать, но никто не обязан. Хотите – голосуйте, а не хотите – идите спокойно домой, и я ручаюсь вам, что ничего с вами не будет.

– Ну спасибо, батюшка, бог тебя спаси. Большое, большое спасибо, что успокоил меня, старуху. А то шутка ли, мне 82 го-

да, а тут иди, голосуй, а я и не знаю, что это такое.

Конечно, ничего не стоило бы заставить ее голосовать за кого угодно, но прибегать к подобным приемам я не мог.

Из всей обстановки выборов было совершенно ясно, что здесь победа обеспечена за большевиками и эсерами.

Я уехал в Москву, где провел несколько дней уже под властью большевиков, а затем в Оренбург. Там меня пригласил к себе один энес, у которого я и жил, Илинчика – другой.

В Оренбурге я познакомился с местным нашим комитетом, с лицами, выставленными в кандидатском списке вслед за мною; ни одно из их имен не было мне известно. Вместе с тем никто из них публично не выступал и не собирался выступать; сами они смотрели на себя как на фиктивных и думали о проведении меня одного. Узнал, что в кадетском списке фигурирует на первом или втором месте академик Владимир Иванович Вернадский – мой старый и близкий друг. Это в первую минуту было мне неприятно, особенно когда я подумал, что, может быть, придется выступать против него, но мне сказали, что он не приехал и, по слухам, и не думает приезжать и что кадеты обходятся местными силами. (В действительности они просто бездействовали; при мне они не устроили ни одного собрания, и никто из них ни разу не выступил на чужом. Почти так же бездействовали и эсдеки.) Узнал я далее, что и тут главную борьбу придется выдержать с теми же двумя партиями, что важная сила здесь – казаки, что аграрный вопрос стоит для них совершенно иначе, чем для крестьянства других частей России, и наша аграрная программа для них непривлекательна. К казакам я решил не ехать, считая это безнадежным. Узнал далее, что большевики хотя и сильны, но еще не властвуют и что им придется выдержать борьбу с атаманом Дутовым, которая будет им, во всяком случае, нелегка.

Я познакомился с Дутовым, полным человеком¹⁵¹⁴, кото-

1514 В рукописи зачеркнуто: «с несимпатичной физиономией».

рый произвел на меня впечатление несимпатичного, но серьезного и властного человека; он говорил в крайне оптимистическом тоне, что в самом непродолжительном времени ликвидирует большевиков. Что это не совсем так, легко было убедиться из фактов, происходивших во время моего пребывания в Оренбурге. Не помню в точности, что именно сделали большевики: захватили ли железнодорожную станцию или телеграф, или что-то другое. Их удалось выбить, причем человек 30 было арестовано и посажено в тюрьму. Через несколько дней местная власть получила телеграмму от Викжеля в таком приблизительно роде: «В Оренбурге арестованы железнодорожники. Во имя общего спокойствия и правильной работы транспорта Викжель требует их немедленного освобождения».

На особом собрании, в котором принимал участие Дутов и на которое был приглашен и я, обсуждался вопрос, как реагировать на эту наглость. Была составлена ответная телеграмма в спокойном и сдержанном тоне, приблизительно такая: «В Оренбурге арестовано столько-то уголовных преступников, совершивших вооруженный набег на... Среди них есть и железнодорожники. Освобождение до суда признается невозможным». Подписались Дутов, еще кто-то, несколько председателей разных партийных комитетов. Предложено было подписаться и мне, но я, не отказываясь сделать это, высказал сомнение в тактичности моей подписи; собрание согласилось со мной.

Дело кончилось как будто благоприятно. Но дня через два все арестованные вышли из тюрьмы. Не бежали, а просто спокойно ушли в оставленные открытыми ворота и разошлись по домам. Адреса их были известны, но арестовать их оказалось невозможным: полиция не повиновалась, казаков почему-то посылать на арест Дутов не решился, и борьба кончилась пол-

ным поражением Дутова¹⁵¹⁵. Катастрофа явно надвигалась и здесь.

В Оренбурге я выступил на нескольких собраниях, как устроенных энесами со мною в качестве главного оратора, так и на собраниях эсеровских в качестве оппонента. Свой фронт я выстраивал почти исключительно против большевиков, сравнительно мало трогая эсеров и определенно выхваляя кадетов как партию, победе которой я был бы рад, если уж не суждено победить нам, и, в частности, хваля Вернадского. Успехи мои были тут больше, чем в последнее время в Новгородской губернии. Полного провала я не испытал ни разу, всегда значительная часть аудитории была на моей стороне¹⁵¹⁶.

1515 8 ноября 1917 г. Оренбургская городская дума организовала Комитет спасения родины и революции, но уже на следующий день в ответ на репрессии началась забастовка местных железнодорожников. 15 ноября Совет рабочих и солдатских депутатов избрал Военно-революционный комитет, но помещение, где шло заседание, было оцеплено казаками и юнкерами, арестовавшими порядка трех десятков большевиков. В ночь на 13 декабря им удалось бежать из тюрьмы, а 18 января 1918 г. отряды красногвардейцев заняли Оренбург.

1516 См., например: «Без внешних эффектов и картинных выражений лекция В. Водовозова, читанная во вторник в зале 1-й женской гимназии, произвела на слушателей сильное впечатление своей содержательностью и ясностью основных положений. <...> Нам необходимо самое энергичное развитие производительных сил страны, нужен сказочный рост народного хозяйства, чтобы справиться с государственным банкротством, а между тем лектор не видит в стране творческих сил, которые поднимали бы нас из бездны. Напротив, действуют повсюду одни разрушительные силы, которые уничтожают экономические, культурные и правовые ценности. Французская революция обогатила французский народ. Через десять лет со дня революции Франция стала неузнаваемой. Там разрушение старого порядка сопровождалось огромной творческой работой революционного народа. У нас пока, к великому горю для русско-

Проведя недели две в Оренбурге, я уехал из него в объезд по губернии. План поездки я составил, конечно, в городе с помощью энесов. Объезд свой я должен был совершить на лошадях, частью на почтовых, частью на вольнонаемных, останавливаясь в более значительных селах, причем почти везде мне были указаны определенные крестьяне, на чье гостеприимство и на чью помощь можно было рассчитывать. Поездка моя продолжалась недели две, и объездил я большое число деревень.

Тут-то помощь Илинчика была для меня неоценимой. И в старое, спокойное время езда на лошадях часто требовала большого практического умения находить лошадей. Теперь это было еще труднее. Почтовых лошадей почти нигде не оказывалось, вольные находились нелегко и запрашивали невозможные цены. Илинчик умел почти всегда их найти, умел торговаться; умел он найти и ночлег там, где у меня не было рекомендованного крестьянина; умел найти помещение для митинга, оповестить народ о митинге, вообще организовать его, а один раз, на неудачном для меня митинге, спас меня если не от смерти, то по крайней мере от избиения, и еще несколько раз – от больших неприятностей. Но, к сожалению, раза два он пробовал выступать оратором и всегда делал какую-нибудь нетактичность.

Хронологический порядок моей поездки совершенно испарился из моей памяти. Но несколько эпизодов остались, и я расскажу о них.

Приезжаем мы в большую деревню, населенную молока-

го народа, творческой работы нет. Может быть, я ошибаюсь, закончил убеленный сединами лектор, может быть, я слишком осторожен в оценке момента и действующих сил русской революции, но: “Старость ходит осторожно / И подозрительно глядит. / Чего нельзя и что возможно, / Еще не вдруг она решит”» (Лекция В. Водовозова // Южный Урал. 1917. № 75. 14 дек.). Лектор цитировал строки из поэмы А. С. Пушкина «Полтава» (1829).

нами¹⁵¹⁷. До сих пор я никогда не бывал в сектантских поселениях и хотя немало читал о них, но все-таки был совершенно поражен ее необычайным видом. Большая, широкая, очень чистая улица (дело было в ноябре, когда обыкновенно в здешних краях устанавливается санный путь, но в этот год зима запоздала, было не очень холодно, снега не было). Большие, обыкновенно двухэтажные дома, хорошо выстроенные, не без изящества. Внутри – идеальная чистота. Нам ямщик, войдя в избу, сказал не то с осуждением, не то с одобрением:

– И чисто же у этих молокан, черт возьми, – плюнуть некуда.

И это была совершенная правда.

Молокане встретили нас очень гостеприимно, радушно угощали. Имея значительные (сравнительно с обычными крестьянскими) земельные участки, полученные ими в очень давние времена, не пьянствуя и не пропивая своих доходов, помогая друг другу в нужде, они сумели прекрасно устроить свое хозяйство и благоденствовали. Революция и разорение революционного года до них еще не дошли, – у них всего было вдоволь: и хлеба, и молочных продуктов, и яиц, – мяса они не ели, – были достаточные запасы и покупных товаров: чая, сахара и др., и пока что их никто не трогал. Приехал я днем, собрание было назначено на вечер, а до вечера заходил ко мне то тот, то другой из местных молокан побалакать о том о сем. Выяснив положение, я стал обдумывать свою речь. Тут и легко, и трудно. С аграрной программой тут нечего делать: земельного передела они не желают, – их участки достаточно велики, но и не очень боятся, – участки все-таки не превышают трудовой

1517 Последователи одного из течений духовного христианства, отделившегося от православия, которые, поклоняясь Богу «в духе и истине», не признают видимых икон и креста, не почитают святых, отрицают необходимость клира, не совершают крестного знамения, не носят нательный крест и не употребляют свинину, спиртное и табак.

нормы, и при больших семьях они обходятся без наемного труда. Война: тут нет между нами различия. Они не бегуны¹⁵¹⁸, признают ценность государства и понимают необходимость победы. Спорить нам тут нечего, и особенно много доказывать им не придется. Вопросы общеполитические. Они с радостью приветствовали Февральскую революцию и боятся революции Октябрьской, у них еще не сказавшейся, хотя дело было в ноябре. Таким образом, приходится свернуть одну часть знамени, а другую почти не стоит разворачивать, потому что они ее и без того принимают. И это как раз та часть программы, в которой по существу нет большого различия между нами и кадетами. Вместо агитационной речи нужна профессорская лекция по государственному и финансовому праву да по истории войны и вызванным ею международно-правовым вопросам, т. е. о мире без аннексий и контрибуций, о значении Босфора и Дарданелл. Не то, к чему я привык.

Однако зашел ко мне и один субъект, также молоканин, но явно тронутый большевизмом. Костюм его указывал, что он был солдатом, и он подтвердил это. Щекотливых вопросов я ему не задавал, но потом мне сказали, что он дезертир. Говорили мы с ним о предстоявших выборах; перебирая имевшиеся у меня с собой программы разных партий, он заявил, что равно сочувствует всем партиям, кроме кадетов, которые отстаивают буржуазию. Это выделение кадетов сразу показало мне, что он не наш, но все-таки мне казалось, что с ним возможно договориться. Говорил умеренно, обнаруживал некоторое понимание политических вопросов, до некоторой степени разбирался в программах партий; большевизмом он был тронут, по-видимому, только слегка. Больше расспрашивал меня,

1518 Бегуны, странники (Странническое согласие) – последователи одного из беспоповских, т. е. не имеющих духовенства, направлений старообрядчества, которые «спасением души» считали «вечное странство», разрыв с миром, отказ от любых гражданских повинностей и обязанностей.

чем говорил сам. Мы с ним договорились, что он поставит мне на собрании определенные вопросы. Казалось, дело идет хорошо. Гораздо лучше отвечать на вопросы, чем говорить длинную речь, последняя утомляет слушателей, а та же речь, разделенная на несколько частей другим оратором, кратко ставящим вопросы, слушается и усваивается легче.

Но все-таки вступительную речь сказать нужно. В моей комнате лежала Библия. Пользуясь моим довольно хорошим знанием этой книги, я в свободное от посетителей время без труда подыскал в ней несколько пророчеств, относящихся к большевикам (например, из Исайи – пророчество о верной столице, которая стала блудницей; правда обитала в ней, а теперь убийцы; начальники твои – убийцы и пособники воров, любят подарки и гоняются за мздою, не заступаются за сироту и просьба вдовицы не доходит до их ушей; серебро твое стало изгарью, вино уксусом и т. д.¹⁵¹⁹), и других цитат и на них построил оценку большевичьего переворота.

Собрание, на котором присутствовало человек 150, открыл один пожилой молоканин сперва молитвою, потом краткой речью; вот, говорил он, к нам приехал из Петербурга гость, который нам может рассказать о предстоящих выборах в Учредительное собрание.

Я произнес свою речь, в которой дал оценку положения вещей и значения Учредительного собрания, наспиговав ее, как и решил заранее, цитатами из Библии, и призывал голосовать за кого угодно, но только не за большевиков, а лучше за список № такой-то (т. е. народных социалистов). Речь была краткая и, кажется, довольно удачная, – она, во всяком случае, произвела хорошее впечатление на аудиторию. Слабее всего в ней было то, ради чего я, собственно, и приехал в Оренбургскую губернию: призыв голосовать за народных социалистов. Я надеялся пополнить этот пробел в ответах на вопросы.

1519 См.: Ис. 1: 21–23.

Не тут-то было. Мой бывший собеседник, вместо того чтобы ставить вопросы, как он обещал, разразился речью в чисто большевичьем духе. Войну выдумали буржуи, им она и нужна, а народу она не нужна; Керенский вон 8 месяцев правил и ничего для заключения мира не сделал, а большевики в несколько дней сделали многое; вон в Москве теперь уже установленный полный порядок и продовольствия достаточно; пройдет еще несколько недель, мир будет заключен, спокойствие восстановлено, начнется производительная работа, фабрики перейдут в руки народа и т. д.

Речь была, видимо, хорошо подготовлена; заходил ко мне молодой оратор, очевидно, только для того, чтобы информироваться о моих намерениях, и, опасаясь дурного приема с моей стороны, притворился не тем, что он есть. Говорил он недурно, хотя позволял себе очевидную неправду, и в другой аудитории несомненно имел бы успех; здесь за него стояла, видимо, очень небольшая часть аудитории, которая вела себя тихо.

Рассерженный его обманом, я возражал ему довольно резко. Я указал, что в Москве я был, что порядка там никакого, дохлые лошади валяются на улице по нескольку дней, что продовольствия там не хватает. С места: «А когда вы были в Москве?» – «Две недели назад». – С места: «А я вчера получил письмо». – «За несколько дней дело не могло измениться так сильно, к тому же у меня есть тоже письмо – правда, из Петербурга, а не Москвы, у меня есть газеты, из которых видно, что жизнь не налаживается, а разрушается». Затем я говорил о войне, о мире и т. д., вообще по мере возможности пополнял мою речь согласно своей программе. Другие слушатели ставили мне дополнительные вопросы, я отвечал.

Несколько следующих дней я обошел соседние, тоже сектантские деревни, и везде было приблизительно то же, – с тем, однако, существенным отличием, что другого большевика я там не встречал. Везде был успех, везде меня встречали и провожали очень тепло. Когда я уезжал окончательно из этой

местности, пришла из разных деревень целая толпа, чтобы проститься со мной; очень благодарили за приезд, просили приезжать еще. Но целый ряд людей говорил мне, что хотя им и очень по душе все то, что я говорил, и хотя они очень бы хотели, чтобы я прошел в Учредительное собрание, но голосовать они будут за кадетов, за которых голосовали и в Думе. По-видимому, это было общее намерение почти всего населения этих деревень, за исключением небольшой группы большевиков. С узкопрактической точки зрения следовала полная неудача, но я был рад, что побывал здесь, рад, что завязал эти знакомства, и очень бы хотел знать, что делается в этих деревнях. Но узнать нет возможности. Вероятно, они разорены, как и вся Россия, а может быть, еще хуже: ведь буржуями этих молочан можно называть куда с большим основанием, чем все остальное крестьянство.

Другой эпизод той же поездки.

Приезжаем мы с Илинчиком в большую деревню; вез нас на телеге мальчишка-башкирец, плохо понимающий русский язык. Попадаем прямо на сходку на улице. Громадная толпа, идет горячий спор, крик, шум; перекрикивает всех высокий, крепкий мужик большого роста. Наша повозка сразу привлекает внимание толпы.

– Кто такие? Зачем приехали?

Я начинаю объяснять, что вот скоро будут выборы, мне бы хотелось поговорить, как эти выборы устроить, кого выбирать.

– Выборы – тайные, а ты хочешь, чтобы они были явными. Как ты смеешь? Да мы тебя арестуем и по начальству представим! – кричит на меня старик.

– Ох, вырос ты в большую версту, а ума не нажил, – возражаю я. – С чего ты взял, что я хочу, чтобы выборы были явные? Голосуй за кого хочешь! Разве я тебе мешаю? А поговорить можно. Хочешь – говори, хочешь – молчи. А я хочу говорить и буду.

Мужик немножко опешил, но продолжал что-то кричать. Вижу я, что часть толпы надела на Илинчика и он тоже отруги-

вается, а другая надела на мальчишку-башкирца и, по-видимому, хочет реквизировать у него лошадь с телегой, а мальчишка ничего сказать не может, стоит и плачет, кулаком обтирает слезы. Искуснее нас обоих повел дело Илинчик: он сумел успокоить толпу, освободить башкирца, расплатиться с ним, нашел помещение и организовал митинг. Но митинг тут вышел совсем неудачный. Чуть ли не с первых моих слов поднялся шум, меня чуть не избили, и опять-таки спас меня все тот же мой спутник.

Еще один эпизод. Приезжаем в деревню, останавливаемся у заранее намеченного мужика; встречаем теплый прием. У мужика сын, солдат, отпущенный в отпуск. И этот отпуск – несомненная правда: у него не сильно, но все-таки испорчена левая рука, – пуля попала в ладонь, прошла через нее и парализовала третий и четвертый пальцы; остальные действуют.

– Где вы получили рану?

– При наступлении 19 июня.

Он рассказывает довольно обстоятельно ход сражения, как могут рассказывать солдаты, бывшие участники боя, т. е. с точки зрения своего полка.

– А что же вы? Собираетесь вернуться в полк или нет?

– Кабы шла война, так непременно вернулся бы. А так что канителиться!

Этот говорит совсем не большевичьим языком. Войну продолжать нужно; он это понимает. И во всей семье я вижу ту же культурность, ту же интеллигентность, страх перед надвигающейся большевичьей революцией.

Устраиваем митинг в довольно обширном помещении волостного правления.

Я начинаю речь, но с первых же слов меня прерывают возгласы:

– А позвольте узнать, вы от кого будете?

– Я от Трудовой народно-социалистической партии, той, которая выставила список № такой-то; вот в нем стоит мое

имя.

– А позвольте узнать, позволение приехать сюда у вас есть?

– Да, есть.

– А ну-ка, покажите.

Вынимаю командировку от партии и потом открытый лист от Министерства внутренних дел, в котором рекомендуется всем оказывать мне всевозможное содействие в моей поездке по Новгородской и Оренбургской губерниям.

– А позвольте узнать, когда выданы эти бумаги?

– Да вы грамотный? Если грамотный, так смотрите сами.

– Вижу. Такого-то октября. А теперь какое?

– Я думаю, вы знаете какое.

– Знаю. И кажется мне, что 25 октября этот министр потерял власть.

– Совершенно верно. А бумага сохранила силу. И партия, которая мне выдала командировку, существует. И список ее кандидатов остается прежний. Вы можете его выбрать, но можете и не выбирать. А запретить ей выставлять свой список не можете.

Совершенно не понимаю сам, как при этих условиях мне удалось вновь начать свою речь. Как всегда, где это только можно, я начинал с аграрного вопроса и притом всегда заранее запасался сведениями о местных аграрных условиях, так что говорил не применительно к России, а применительно к данному уезду; так было и тут, и потому мне удалось овладеть вниманием толпы. Но переход к войне оказался здесь, как почти везде, роковым. Мне удалось, однако, сказать, что поражение в войне будет губительно для всего нашего хозяйства, что немцы на нас наложат контрибуцию и мы должны будем платить ее. А сколько контрибуции наложат на нас? Может быть, 10 миллиардов рублей. А знаете ли вы, что такое 10 миллиардов? Это значит вот что. В России 150 миллионов человек. На человека выходит рублей 60, да не нынешних керенок, а

настоящих золотых рублей. На человека, на круг. Понимаете ли вы, что значит на круг? Это значит вот что. Вот тут против меня на первой скамейке сидит девочка, уставившись глазенками мне в рот. Сколько ей лет? Лет 7 или 8. Знает она что-либо о войне? Вряд ли. А на ее плечики все-таки лягут эти 60 рублей. А дома у нее, может быть, в колыбельке лежит годовалая сестренка. Она уж, наверное, ничего не знает о войне, а и на ее плечики ляжет та же тяжесть. Может быть, там, на печке, лежит дряхлый дед и крихтит; работать он не может, а те же 60 рублей придутся и на его долю. Платить он не может – ничего не значит; сын за него заплатит. А как заплатит, когда у него денег нет? Ничего, продадут скотину, может быть – избу, землю.

Аудитория слушала внимательно. Но наступает момент, когда делаешь вывод: войну нужно продолжать, – и начинается шабаш ведьм. Дезертиры вскакивают, кричат: «Подлец, буржуй, молчи!» Ко мне подбегает старик и начинает вертеться около меня, повторяя одну и ту же фразу:

– У меня сын в плену, ему вот э-столько хлеба в день дают. У меня сын в плену, ему вот э-столько хлеба в день дают.

Сжимаются кулаки. Я пробую перекричать толпу, но это не удается. Наконец, мой хозяин уводит меня.

Сидим мы у него, пьем чай, горюем о неудаче. Понемногу возвращаются с митинга члены его семьи, рассказывают о продолжении митинга, которого я уже не видел. Приходит какой-то старик, останавливается среди комнаты и начинает говорить, смотря упорным взглядом в одну точку на стене и тыкая в нее пальцем:

– Я им говорю, сукиным детям: дайте ему договорить, сукины дети. Он узел завязал, как он его развяжет? Мне интересно послушать, а они, сукины дети, галдят. Чего вы, сукины дети, галдите? Ведь как он развяжет узел? Война! А как же нужно ее кончить? Почему ему не даете договорить, сукины дети? Ведь я хочу знать, как он развяжет.

И так далее, довольно длинно и довольно однообразно, –

но интересная защита свободы слова с точки зрения слушателя.

Еще один, последний эпизод. В селе; митинг в небольшой избе. Народу человек 50–60. Кроме меня имеется еще один приезжий оратор. Я с ним поговорил до собрания и уступил ему первое слово. Мы сидим на лавке в углу под образами; рядом с нами – несколько мужиков, играющих роль президиума; один из них, по-видимому, староста.

– Покажите ваши документы.

Социалист-революционер и я показываем, – он смотрит и удовлетворяется.

– Можете начинать.

Социалист-революционер начинает:

– Я вам расскажу про нашу партию. Она называется социалисты-революционеры. Она самая старая партия в России и всегда боролась за свободу народа. Ей уже 54 года, она основалась в 1863 году.

– Когда? – прерываю я с места недоуменным голосом.

– А разве нет? – обращается он ко мне.

– Нет.

– Так когда же?

– В 1899 году¹⁵²⁰.

1520 Неточность: в 1894 г. в Берне образовался Союз русских социалистов-революционеров за границей, в 1896 г. в Саратове – Союз социалистов-революционеров, перенесенный в 1897 г. в Москву, а в 1900 г. в Харькове прошел съезд Южной партии социалистов-революционеров, возникшей еще в 1897 г. в Воронеже, и тогда же в Париже организовалась Аграрно-социалистическая лига. Но лишь в декабре 1901 г. представители Союза социалистов-революционеров и Южной партии социалистов-революционеров приняли решение об объединении во всероссийскую Партию социалистов-революционеров; сообщение о ее создании появилось в газете «Революционная

– Ну, может быть, вам лучше знать. Но все-таки она старше вашей. Когда ваша основалась?

Я объясняю вкратце, что наша партия слилась из двух, слилась всего несколько месяцев назад, а те две образовались в 1906 г., и пользуюсь случаем, чтобы кратко рассказать, как это произошло.

– Ну вот, так и выходит. Мы основались, чтобы бороться за землю для народа, когда за это вешали, а они образовались, когда была Дума и это было безопасно. А чего хочет наша партия? Я вам прочту ее программу и разъясню, где что-нибудь непонятно.

И он начал читать по печатному пункты программы с краткими комментариями. Читал и объяснял нудно, скучно, вяло; аудитория явно спала. Наконец, он кончил.

– Так вот какова наша программа. А программа – это документ; это значит – вот что мы сделаем, если вы выберете нас. Поэтому выбирайте нас.

Он даже не прибавил указания на № списка.

Во всю мою жизнь не встречал такого бездарного, неумного, скучного и вдобавок невежественного оратора, официально выставленного какой бы то ни было партией. Совершенно не понимаю, как его могли выставить.

Я начал:

– Вот такой-то (я назвал его фамилию, теперь не помню) сказал, что программа – это документ, а коли в документе что сказано, так это, значит, правда. Не совсем так. Вот у верующих христиан есть их программа, тоже документ: Евангелие. Много хорошего написано в этом документе. А разве все христиане поступают согласно этому документу? Может быть, христиане – нет, а социалисты-революционеры – да? Может быть. Но вот у нас было правительство. В этом правительстве

Россия» в январе 1902 г., но учредительный съезд эсеров собрался только в декабре 1905 г.

было много эсеров. Был Керенский, были Чернов, Переверзев, Савинков, другие, все это эсеры. Так вот оратор такой-то лучше бы сделал, если бы рассказал не то, что их партия сделает, когда она будет иметь власть, а что она сделала, когда имела власть. И прежде всего пусть бы он объяснил, как это вышло, что все они были одинаковые эсеры и все тянули в разные стороны.

Затем последовало критическое изложение деятельности Временного правительства с указанием, как эта деятельность привела к торжеству большевиков и какой ужас надвигается на нас всех с их торжеством, а затем – развитие нашей программы, но в более простых и понятных выражениях и в применении к текущим обстоятельствам.

На этот раз аудитория слушала меня и говорить не мешала. Солдат-дезертиров в ней не было. Затем начались вопросы, более или менее деловые. Один вопрос был для меня очень мучительный:

– Вот вы довольно сильно глухи. Можно ли быть глухому в Учредительном собрании?

Я разъяснил, что хотя я и глух, но вот его, спрашивающего это, слышу. В Учредительном собрании всегда говорят с кафедры, – я все время буду стоять около кафедры и буду слышать. А если окажется, что я не могу работать в Учредительном собрании, то я откажусь от звания члена Учредительного собрания и уступлю место своему заместителю. Ведь вы выбираете целую партию сразу.

Мой эсер не возражал мне. Вместе с тем я видел, как он передал старосте свой партийный билет (или свою командировку), и староста записал в нем: «Такой-то такого-то числа был в такой-то деревне и на сходке разъяснял программу партии социалистов-революционеров». Сидя рядом со старостой, я эту запись мог свободно прочитать. Эта курьезная запись закончила для меня образ оратора-эсера, а отчасти и местного эсеровского комитета. Никогда я не мог бы подумать, что комитет от своих уполномоченных может требовать формальных

доказательств их агитационной работы.

Не знаю, как отразилось мое выступление в этой деревне на исходе голосования, но, по моему впечатлению, здесь успех был на моей стороне, ни в каком случае не на стороне эсера. Не думаю, чтобы эта деревня могла голосовать и за большевиков. Но большого, яркого успеха здесь тоже не было отчасти потому, что аудитория была маленькая, отчасти же потому, что глупый эсер напустил скуку и утомил аудиторию.

После поездки я провел еще несколько дней в Оренбурге и, не дождавшись самого дня выборов, в середине декабря уехал в Петербург. Не дождался я дня выборов потому, что, по тогдашним обстоятельствам, возможность устраивать собрания прекратилась, и хотя исход выборов представлял для меня большой интерес – не личный, ибо я был совершенно уверен в своем провале, а общенаучный или общеполитический, – но еще больший интерес для меня представлял Петербург. Простился с народно-социалистическим комитетом я очень тепло, очень дружески; на прощанье мне подарили довольно большой запас провианта, которым Оренбург был еще сравнительно богат, в частности 5 фунтов сахара. Провианта должно было хватить до Петербурга при самом пессимистическом расчете продолжительности пути, а сахар был просто подарком, который должен был служить мне и в Петербурге, где его почти не было.

Мне обещали сообщить в Петербург статистические и личные итоги выборов, как только они закончатся, но этого сообщения я не получал; уверен, что вследствие пропажи письма (почта в это время действовала отвратительно), а не по другим причинам. Во всяком случае, я не был выбран ни в Оренбургской, ни в Новгородской губернии, и вообще из народных социалистов по всей России был выбран только один Чайковский¹⁵²¹, который, однако, к счастью для него, не смог

1521 Неточность. В Учредительное собрание были избраны два

приехать в Петербург.

О выборах ко всему уже сказанному могу прибавить одно. Помимо грубого и наглого давления разнузданной солдатни, за что наш закон не может нести ответственности, помимо того, что созданные этим законом особые избирательные помещения для солдат дали им возможность двойного голосования, помимо этого необходимо признать, что пропорциональная система именно в России показала себя с особенно неприглядной стороны. Система списков придала голосованию какой-то алгебраический характер. Список № 4, список № 13, список № 1 – с этим в уме голосующего массовика не связывалось или плохо связывалось какое-нибудь достаточно конкретное представление, а партийное натуживание: голосуй за № 4, № 4, № 4, – создавало гипнотическое внушение, принижавшее интеллектуальную сторону голосования. Если бы еще без номеров, а по названиям партий! Голосуй за большевиков, за большевиков, за большевиков – это все-таки хотя и немного, но лучше. Но, по-видимому, и при более высоком уровне политического развития избирателей это оказывается затруднительным, и все послевоенные законодательства об избирательном праве вместе с пропорциональностью ввели нумерацию списков. Только старые (швейцарские) пропорциональные системы обошлись без нее.

Нумерация списков представляет еще одно частное неудобство: на границах округов иногда происходит смешение. В Новгородской губернии, недалеко от границы Вологодской, я видел расклеенные прокламации этой последней: голосуйте за большевиков, список № такой-то, голосуйте за кадетов, список № такой-то, а в Новгородской губернии № у тех и других –

народных социалиста: по Тобольскому избирательному округу прошел бывший трудовик, депутат 4-й Государственной думы и губернский комиссар Временного правительства, журналист А. С. Суханов, по Вятскому избирательному округу – Н. В. Чайковский.

другой.

Я тронулся в путь вместе с Илинчиком. В Самаре он покинул меня, и в Самаре же произошел тот неприятный эпизод, о котором я уже говорил: у меня был украден бумажник почти со всем моим денежным имуществом и со всеми моими бумагами (паспортом, командировками и др.). Осталось у меня всего рублей 25 в кармане и, к счастью, билет до Петербурга (впрочем, другие в это время прекрасно ездили без билета, но я бы не сумел). Хорошо было также, что в Самаре в буфете, который там еще действовал и был снабжен достаточным количеством провианта, я съел что-то горячее и выпил чаю, – ни того ни другого я более не имел до самого Петербурга, а дорога длилась больше недели. На всех больших станциях поезд стоял часами, – то три часа, то шесть, то двенадцать, причем никто не знал, сколько он простоит. В смысле провианта Самара была последним пунктом, сколько-нибудь им обеспеченным, – дальше было хуже, а поблизости от Москвы ни буфетов, ни торгующих на станциях крестьян не было уже вовсе.

Вагон большую часть пути был не очень переполнен: в купе 2-го или 1-го класса – человек 10 или 12. О том, чтобы лечь, не могло быть и речи: спать приходилось сидя на нижней или верхней скамейке. Как всегда бывает в таких случаях, после первых конфликтов из-за мест публика сдружилась и дружно противодействовала новым натискам на наше купе, а ввиду упорных слухов о свирепых продовольственных обысках помогала друг другу прятать съедобное, которое было у всех. Обыски действительно произошли раза два, но были поверхностны и спешны, а главное – неумелы, и в нашем купе ничего не находилось; в других, однако, какой-то провиант был конфискован. Ехали мы до Москвы не то 4, не то 5 дней; конечно, все сильно измучились. Для меня сверх тесноты, от которой страдали все одинаково, тяжело было отсутствие часов. Часы в купе, конечно, имелись у других пассажиров, но очень неприятно приставать к ним с одним и тем же вопросом, а ночью в особенности.

В Самаре кондуктор нам заявил категорически, что вагон идет до Петербурга. Но вопреки этому заявлению нас довезли только до Курского вокзала и сказали: конец. От него до Николаевского¹⁵²², вероятно, версты две или больше. Извозчиков не было, трамваев тоже, и мне пришлось с довольно тяжелым грузом (чемодан, портплед¹⁵²³ и уцелевший провиант) тащиться пешком; путь показался очень долгим, и тащился я, вероятно, часа два. На мое несчастье, при этом потерял подаренный мне сахар, чем был очень огорчен, так как я уже по опыту знал, как невкусен чай без сахара.

Наконец, я – на Николаевском вокзале. Когда идет поезд в Петербург? Узнать это было очень трудно, особенно при моей глухоте. Сильно я пожалел об отсутствии Илинчика. Узнать, когда идет поезд, мне до самого его отхода и не удалось, но, к счастью, удалось найти самый поезд и даже, хотя и с большим трудом, с боем втиснуться в плацкартный вагон 3-го класса, а там даже в купе. Я, следовательно, оказался энергичнее или счастливее других, которые остались в проходе. В купе, рассчитанном на 4 человека, нас оказалось ровно 16, и мы всю дорогу сидели: одни на нижних скамьях, другие на верхних, болтая ногами перед физиономиями нижних.

В общем итоге, пересадка в Москве отняла не очень много времени: приехали мы в нее часа в 2, уехали часов в 10 или 11. Двигались по-прежнему медленно, но все-таки двигались. Вдруг уже недалеко от Петербурга, где-то близ Чудова или Любани, – стоп. В чем дело? Снежные заносы. Когда двинемся? Когда расчистят. А когда расчистят? Неизвестно. Стояли мы два дня – наконец, тронулись. Прибыли в Петербург 23 декабря, часов в 6 утра. Извозчиков нет, а те немногие, которые есть, запрашивают цены, далеко превышающие мою карман-

1522 Ныне Ленинградский вокзал.

1523 Портплед – мягкая дорожная сумка для постельных принадлежностей и т. п.

ную наличность, и я боюсь, что и дома не найду необходимой суммы; трамваев тоже нет. Я делаю попытку оставить вещи на хранение ручного багажа. Перед конторой для хранения – длиннейший хвост. Делать нечего, становлюсь в хвост. Но хвост не двигается: контора заперта. Стоим два часа. Контора открывается, берет багаж у десятка пассажиров и затем заявляет: места больше нет. Приходится взвалить багаж на плечи; его стало меньше, чем было в Москве, так как сахар потерян, а провиант съеден, но все-таки более чем достаточно для моих сил. Тащусь через силу по Невскому; наконец, где-то нахожу извозчика, который везет меня домой на Васильевский остров за 15 рублей – сумму, которой я еще располагал.

Очень скоро имели место два факта, тесно примыкающие к предыдущей истории: разгон Учредительного собрания и манифестация в его защиту, во-первых, и грандиозные похороны Шингарева и Кокошкина¹⁵²⁴, во-вторых. В обоих (то есть, конечно, не в разгоне Учредительного собрания, а в манифестации) я принимал участие в качестве обычного пушечного мяса; из какого-то помещения, где-то близ Литейного, я вместе с другими народными социалистами двинулся в процессии к Таврическому дворцу; потом, когда эта процессия к нему не была пущена, бродил в толпах народа по улицам, слышал пальбу; через несколько часов бесцельного бродяжничества, переутомленный скорее чувством бессилия, чем продолжительной ходьбой (я всегда, и даже до сих пор, когда мне 68 лет, могу ходить без усталости очень много), ушел домой. Точно так же было и на похоронах. Громадная многотысячная толпа народа, объединенная одним чувством, – и полное бессилие. Царское правительство боялось народных скоплений, для

1524 Арестованные 28 ноября 1917 г. и переведенные 6 января 1918 г. из Петропавловской крепости в Мариинскую тюремную больницу А. И. Шингарев и Ф. Ф. Кокошкин были убиты ворвавшимися туда ночью матросами и похоронены 9 января на Никольском кладбище Александро-Невской лавры.

большевиков они были безопасны.

Этим закончилась моя оренбургская эпопея, героический период жизни всей России и, в частности, лично моей. Героический период для одной части населения, т. е. большевиков, впрочем, продолжался еще некоторое время; продолжался он и для некоторой части их противников, которые были с Деникиным, с Врангелем, участвовали в Ледяном походе¹⁵²⁵, с эсерами на Волге и в Сибири, с Колчаком, но для меня и для большинства Петербурга он решительно окончился. Кончилась жизнь, началось житие, как говорит Туберозов у Лескова¹⁵²⁶. Для меня – больше чем для кого-нибудь другого: благодаря глухоте, быстро прогрессировавшей, я должен был сдать себя в архив, сперва только в переносном смысле, а потом и в прямом, т. е. поступить на службу в Революционный архив¹⁵²⁷, во главе которого стоял Рязанов, а при нем – Платонов и Щеголев. Это случилось, впрочем, еще почти через год. Житие мое под большевиками продолжалось почти 5 лет – с 23 декабря 1917 г. до конца сентября 1922 г., когда мне удалось сесть на пароход, отходивший в Штеттин, а оттуда перебраться сперва в Берлин, потом в Прагу.

Конечно, и в этом периоде были минуты просвета, особенно первый год, когда со значительным успехом удавалось

1525 «Ледяной», или 1-й Кубанский, поход Добровольческой армии под командованием генерала Л. Г. Корнилова, а после его гибели – А. И. Деникина продолжался с 9 (22) февраля по 30 апреля (13 мая) 1918 г.

1526 Неточно процитированы слова протопопа Савелия Туберозова, обращенные к жене, из романа-хроники Н. Лескова «Соборяне» (1872): «Не хлопочи: жизнь уже кончена; теперь начинается “житие”».

1527 Петроградский историко-революционный архив функционировал в 1918–1927 гг., являясь частью Петроградского отделения Главархива.

участвовать в редких противобольшевических митингах¹⁵²⁸, читать резкие лекции, направленные против них¹⁵²⁹, написать одну или две смелые статьи, но это было редко и делалось без того подъема духа, который окрашивал жизнь и борьбу в 1917 г., в наш *das tolle Jahr*¹⁵³⁰. И эти минуты просвета не изменяли общего характера бессильного жития.

Прежде чем говорить об этом житии, я расскажу о судьбе лица, имя которого довольно часто встречалось на последних страницах моих воспоминаний, Илинчике.

Как я уже сказал, в Самаре он расстался со мною и уехал куда-то в середину России, как говорил, на неопределенный срок, вероятно очень долгий; во всяком случае, о возвращении

1528 См., например: «16 марта, в 14 час. дня, в зале Калашниковской хлебной биржи состоится публичное собрание, посвященное годовщине революции. С речами выступят В. А. Базаров, Б. О. Богданов, Л. М. Брамсон, С. Л. Вайнштейн, Звездин, В. Водовозов, Ф. А. Волькенштейн, А. А. Гизетти, В. Я. Гуревич, Ф. И. Дан, А. С. Зарудный, Е. Е. Колосов, Л. Мартов, А. Н. Потресов, Н. И. Ракитников, В. Б. Станкевич, В. Строев, А. А. Трояновский, Вера Фигнер» (Наш век. 1918. № 49. 3 марта). На митинге, организованном Просветительным обществом в память 27 февраля 1917 г. «Культура и свобода» (председатель президиума: М. Горький) в помещении Высших женских (Бестужевских) курсов на Васильевском острове 31 мая 1918 г., В. В. Водовозов произнес речь «Гибель книги – гибель культуры» (см.: Работы книжного отдела «Культуры и свободы» // Вестник культуры и свободы. 1918. № 1. Июль. С. 53).

1529 См., например, четыре лекции (12 часов) на тему: «Гражданские свободы (свобода печати, собраний и союзов, неприкосновенность личности)», которые В. В. Водовозов и Л. М. Брамсон прочитали на открывшихся 25 марта 1918 г. центральных курсах общества «Культура и свобода» в его помещении по адресу: Греческий проспект, 13 (Образовательные политические курсы // Вестник культуры и свободы. 1918. № 2. Август. С. 48).

1530 великий год (нем.).

в Петербург он тогда не думал. И вот месяца через три я встречаю его в Петербурге на улице.

– Что и как?

– Я записался в большевичью партию.

– ?!?

– Да, мы ошибались. Они одни делают дело.

– Как же это вяжется и с вашими публичными речами, и с частными разговорами со мной, в которых вы говорили и о необходимости продолжать войну, и о народовластии, и об Учредительном собрании?

– Я ошибался. Учредительное собрание – собрание болтунов, и хорошо, что его разогнали...

– А что убили Шингарева и Кокошкина и оставили убийц безнаказанными – тоже хорошо?

– Лес рубят, щепки летят¹⁵³¹; в революцию нельзя всякое лыко в строку ставить.

– А что заключили похабный мир, а перед тем заявлением «ни мир, ни война»¹⁵³² отдали на жертву целые полки?

– Да мало ли что бывает! И ошибки были и будут, и у вас они были и будут. Мир заключить нужно...

– Ценою отдачи значительной части России, ценою кон-

1531 Зачеркнуто: «Это, конечно, жаль, – но лес рубят, щепки летят».

1532 28 января (10 февраля) 1918 г. нарком по иностранным делам Л. Д. Троцкий, который отстаивал формулу: «Мы войну прекращаем, мира не заключаем, армию демобилизуем», передал участвовавшим в брестских переговорах делегациям Центральных держав письменное заявление, в котором говорилось, что, «отказываясь от подписания аннексионистского договора, Россия, со своей стороны, объявляет состояние войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией прекращенным. Российским войскам одновременно отдается приказ о полной демобилизации по всему фронту» (Седьмой экстренный съезд РКП(б): стенографический отчет. М., 1962. С. 246).

трибуции, ценою экономического закабаления России?

– Какою бы то ни было.

Мы разошлись очень сухо. Потом несколько раз встречались на улице; он, кажется, имел некоторое желание возобновить знакомство, но я не пошел ему навстречу.

Это был первый случай прямой, грубой и несомненной измены в рядах нашей партии в пользу большевиков (не прямая, менее грубая и не несомненная была уже совершена Плансоном); потом, как я уже говорил, была еще другая, совершенная человеком, фамилию которого я забыл. В искренность перемены убеждений Илинчика я не мог верить. Слишком уж отвратительна была физиономия большевизма, в первое время едва ли не отвратительнее, чем теперь, когда все-таки все утряслось, стабилизировалось, когда путем постепенных приспособлений создан какой-то новый строй мысли, всей психики. Я понимаю, что честный человек мог сделаться большевиком в старые годы, а при революции остаться им, несмотря на то что жизненная практика большевизма оказалась в решительном противоречии со всеми верованиями, чаяниями и желаниями большевиков дореволюционных. Так всегда было и так будет. Но чтобы человек, в декабре 1917 г. понимавший мерзость большевизма, в марте 1918 г. вдруг перестал ее понимать, – я этого не могу объяснить иначе как сознательной продажей себя за деньги, за служебное положение, за власть, за житейское спокойствие. А если так, то придется допустить, что и приход Илинчика к нам за год перед тем объясняется только ошибочным расчетом на нашу победу.

Но, впрочем, человеческая психика – вещь действительно хитрая. Кто поймет, что заставило Веру Фигнер, которую так исключительно высоко ставили все ее знавшие, которую считали живою совестью чуть ли не целого поколения или, по крайней мере, его радикальной части, так приблизиться к большевикам, что ее от них теперь почти не отличишь? Кто поймет, что заставило Горького, бывшего их противником в 1918 г., сделаться их решительным сторонником и нагло глать

ради них? Неужели просто и только грубая корысть? Если для маленького Илинчика такое объяснение и пригодно, то с большим М. Горьким оно как-то плохо вяжется.

Прага

5 сентября 1932 г.

I Приложения

В. В. Водовозов. Дневник (13 октября 1919 г. – 23 декабря 1920 г.)

13 октября 1919 г. Революция, для которой я по мере сил работал и о которой мечтал всю свою жизнь, застала меня тогда, когда я был уже стар, не столько летами (мне было 53 года), сколько общим состоянием здоровья. Я был уже сильно глух и слеп на один глаз. Таким образом, я как белка, которой достался воз орехов, когда у нее выпали зубы, не мог принять в ней значительного активного участия; хуже того, не мог правильно наблюдать ее, и далеко не все ее события доходили до меня. Тем не менее первые же ее дни не только подняли меня духовно, но и оживили и подняли жизнедеятельность моего организма. Все мои знакомые были поражены заметным, прямо изумительным улучшением моего слуха, и это улучшение сохранилось до конца 1917 г., даже до начала 1918 г., когда слух сперва вернулся к прежнему состоянию, а потом еще значительно ухудшился. Благодаря этому сказанное выше не в полной мере относится к событиям 1917 г.

В 1917 г. я был членом Особого совещания по выработке закона об Учредительном собрании и принимал в нем очень деятельное участие. А в конце 1917 г. Трудовая партия выставила меня кандидатом в Учредительное собрание по двум губерниям: Новгородской и Оренбургской, и я объездил их (в Оренбургской, впрочем, только один Оренбургский уезд), выступая в городах и деревнях на многочисленных митингах. Таким образом, о 1917 г. я имею рассказать довольно много и очень жалею, что не записал своих впечатлений тогда же. Тогда они были живее и ярче, тогда минувшее

...неслось, событий полно,

Волнуясь, как море-окиян?

Теперь оно безмолвно и спокойно,

Немного лиц мне память сохранила,
Немного слов доходят до меня,
А прочее погребло безвозвратно¹⁵³³...

В 1918 г. слух мой стал гораздо хуже. Тем не менее в первое его полугодие я еще выступал на митингах на заводах, устраивавшихся Трудовой партией, и таким образом имел близкое соприкосновение с рабочими, за настроением которых все же имел некоторую возможность следить.

Хуже стало мое положение со второго полугодия 1918 г., и хуже по двум совпавшим, хотя и совершенно различным причинам: одной общественной и одной личной. Общественная – торжество нового режима, который боялся соприкосновения интеллигенции с рабочими и ее влияния вообще на широкие слои народа; ввиду этого была запрещена вся пресса и прекращены все митинги, кроме большевических, а политические партии разгромлены¹⁵³⁴. Таким образом, совершенно прекратилась моя как публицистическая, так и агитаторская деятельность.

Правда, я и позднее (весной 1919 г.) мог прочесть в Петербурге несколько публичных лекций, устроенных Институтом социально-библиологическим (Инсоцбиб'ом)¹⁵³⁵, слабо

1533 Неточно процитирован «Борис Годунов» А. С. Пушкина.

1534 См. очень любопытную статью в № 230 «Петроградской правды» (11 октября 1919 г.) о «свободе пропаганды» (номер у меня есть, статья помечена мною для рубрики «Свобода»). В этой статье признается, что страх перед большевиками диктует белым меры против свободы пропаганды, и делается вывод, благоприятный для большевизма. А почему газета не делает обратного вывода, что раз страх перед белыми диктует большевикам репрессивные меры, то, следовательно, истина на стороне их врагов?

1535 Социо-библиологический институт (Институт социальной библиографии), основанный в октябре 1918 г. в Петрограде, в сен-

окрашенных в определенный политический свет, но эти лекции, во-первых, посещались ничтожным количеством слушателей (от 10 до 15), а во-вторых, они подали повод к большим неприятностям, претерпенным организаторами. Удачнее прошли 6 моих лекций в Старой Руссе, на которые сходилось до 300 человек публики, но они были почти совершенно чужды политической окраске (о них я расскажу дальше).

О другой личной причине я уже сказал: усилившаяся глухота.

Тем не менее все-таки и в этот период, 1918–1919 гг., кое-что до меня доходило, и, может быть, это кое-что окажется не лишенным интереса. Никто ведь не обязан читать моих воспоминаний; покажутся они совсем неинтересными, только повторяющими общеизвестные факты, – спокойно отложите их в сторону.

Итак, я решаюсь записать то, что я знаю о событиях революционного времени. Я принимаюсь за исполнение этой задачи, когда разруха дошла уже до ужасающей степени.

Как раз сегодня (13 октября) в Публичной библиотеке ее комиссар, большевик Владимир Максимилианович Андерсон (или Андерсен) сказал мне, что Публичная библиотека на днях будет закрыта на всю зиму вследствие отсутствия дров. Итак, начинается: первое просветительное учреждение закрывается и формально¹⁵³⁶.

Фактически уже закрыты почти все высшие учебные заве-

тябре 1919 г. был преобразован в Социологический институт и закрыт в 1921 г. (см.: Ловягин А. М., Вольтер Э. А. Социо-библиологический институт. Цели и задачи социологической библиологии. Пг., 1918; Деятельность Социо-библиологического института за первый год его существования и преобразование его в Социологический институт. Пг., 1919).

1536 К счастью, это не было осуществлено: формально Публичная библиотека закрыта не была. (Приписка 10 сентября 1920 г.)

дения. Но формально они числятся работающими. Только что это за работа! Об этом речь будет дальше.

Сегодня (13 октября) в большевичьей понедельничной газете «Труд» сообщено, что более сорока продовольственных комиссий, поехавших из Петербурга и Москвы в Самарскую губернию за продовольствием, вернулись восвояси с пустыми руками. Причем даже большевичья газета признает, что дело не в отсутствии продовольствия, а в формальном отношении к делу разных губпродкомов и других столь же благозвучных учреждений, составляющих гордость большевичьей демократии.

И рядом с этим, в том же номере газеты, помещено объявление от одного из многочисленных комиссаров г. Петербурга, требующего от всех учреждений и частных лиц города сведений об имеющихся у них телефонных аппаратах и бумажных телеграфных бланках! Значит, нужно исписать тысячи листов бумаги, истратить массу времени, возложить новую обязанность, а может быть, усилить штаты разных учреждений, чтобы получить сведения об имеющихся телеграфных бланках, которым цена – медный грош!

И все идет в таком порядке. Плодятся чисто бюрократические, никому не нужные учреждения, увеличивается чиновничество, горы бумаги растут, а из-за отсутствия дров или света гибнут действительно просветительные учреждения, как Публичная библиотека, университеты и тому подобные.

Недели две назад либо в «Петроградской правде», либо, вернее, в «Красной газете» было признано, что школы грамотности, созданные для взрослых рабочих, обратились в школы лодырничества.

В субботнем номере «Петроградской правды» (№ 230. 11 октября; номер у меня сохранен и приложен, либо указанная статья наклеена в рубрике «Революция») сообщается со слов «Известий Тюменского революционного комитета», что после ухода белых из Тюмени подвоз хлеба прекратился, и та часть населения, «которая не имела средств при свободе торговли

заготовить хлеба, находится в критическом положении»; сама газета озаглавливает статью «Чего не нужно делать в отвоевываемых у белых местностях», – но ведь режим ничего иного и не делает и не может не делать.

В момент, когда разруха достигла не скажу высшей, ибо, вероятно, она будет усиливаться, но очень высокой точки, когда жить становится прямо не вмоготу, когда пальцы коченеют от холода, желудок подводит от голода и когда притом ясно видишь и чувствуешь, что во всем этом кругом виноват режим, в такой момент принимаюсь я за свои мемуары. Буду писать не в хронологическом порядке, а отдельными воспоминаниями и фактами, как они приходят в голову, а там, может быть, обработаю их, а может быть, так и оставлю.

14 октября 1919 г. Читаю книгу «Российская коммунистическая партия (большевики). VIII съезд Российской коммунистической партии (большевики). Москва, 18–23 марта 1919 года. Стенографический отчет. Книгоиздательство “Коммунист”. Москва, 1919».

Ленин говорит: «Нужно было спасти от гибели неземледельческое население, которое терзалось муками голода. Это возможно было сделать только при посредстве комитетов бедноты как пролетарских организаций» (стр. 19).

«Слой рабочих, которые управляли фактически Россией в этот год и проводили всю политику, которые составляли нашу силу, – этот слой в России неимоверно тонок. Мы в этом убедились, мы это чувствовали на себе. Если когда-нибудь будущий историк соберет данные о том, какие группы управляли 18 месяцев, какие сотни, тысячи лиц несли на себе всю эту работу, несли на себе неимоверную тяжесть управления страной, – никто не поверит тому, что можно было это достигнуть при таком ничтожном количестве сил» (стр. 19–20).

Сколько лицемерия в этих словах о комитетах бедноты!

Комитеты бедноты спасли от голода неземледельческое население! Да когда мы так страдали от голода, как теперь, ко-

гда мы не можем шагу ступить без бумажки из комитета бедноты!

Купить дрова – комитет бедноты даст удостоверение, что мы нуждаемся в них. Лови комитетчика бедноты в назначенный им час, а он в него не приходит, – потом с его бумажкой стой в хвостах. Комитеты бедноты – пролетарские организации. Хороши пролетарские организации.

Пока я был просто литератором и проедал последние гроши, не имея чем заплатить за завтрашний обед, я не имел права выборов в комитет бедноты, так как был, в качестве литератора, гражданином 3-го разряда (осенью 1918 г., тогда было всего еще четыре разряда граждан, потом сведено к трем). В октябре 1918 г. я поступил на службу, начал получать довольно хорошее жалованье – и сразу стал гражданином 1-го разряда и получил право участия в выборах – правда, фиктивное, потому что выбранный нашими жильцами комитет бедноты¹⁵³⁷ был кассирован и на его место назначен другой. Моя прислуга, которая в то время не успела еще очень много наворовать, была, во всяком случае, беднее меня и ближе к пролетариату, но не успела записаться в профессиональный союз и потому права голоса не имела (потом его тоже приобрела). Таков пролетарский характер комитетов бедноты.

15 октября 1919 г. Сегодня события на фронте, в частности опасность, угрожающая Петербургу, вызывают всеобщие разговоры. У нас в архиве¹⁵³⁸ везде группы шушукающихся

1537 Речь идет о «домовом комитете бедноты».

1538 Имеется в виду Петроградский историко-революционный архив, в котором В. В. Водовозов служил с 1 октября 1918 г. В «Отчете по I отделению VII секции Единого государственного архивного фонда от начала его существования (июль 1918 г.) по 31 октября 1918 г.» говорилось, что «В. В. Водовозов взял на себя библиографическое описание нелегальной литературы до 1878 г. – до образования “Земли и Воли” <...>» (История Госу-

людей, везде о чем-то говорят и волнуются¹⁵³⁹. К несчастью, мое участие в общем настроении почти недоступно, хотя все-таки я его чувствую.

В «Красной газете» напечатана речь Зиновьева, в которой он сообщает, как к нему явился «перепуганный» полковник с Нарвского фронта. Зиновьев хотел было его арестовать, но не арестовал, так как ему интересно было узнать новости от полковника (!). И полковник ему рассказал, что у Юденича сил до смешного мало; у него – всего ... штыков (число в газете не названо) и один эскадрон, и берет он только своей дерзостью и, конечно, будет разбит. И как эти до смешного ничтожные силы наступают сразу по четырем направлениям, – в два дня, если верить оперативным сводкам, проходят по 50 верст (от

дарственного архива Российской Федерации. Документы. Статьи. Воспоминания. М., 2010. С. 43).

- 1539 См. воспоминания жены В. В. Водовозова: «Белые подходили все ближе и ближе. На службе только и разговоров было, что об их приближении. И хотя в нашем историко-революционном архиве большая часть служащих была революционная, белых все ждали с удовольствием. “Пусть хоть сам черт придет, только с белой булкой”, – формулировал А. А. Шилов, помощник Щеголева, сильный bolchivisant. Только раз у Ковальской-Маньковской вырвалось: “Да что же мы тогда делать будем? Ведь нас и пайка лишат и со службы погонят!” Но ее тотчас пристыдили. <...> Грохот пушек мы слушали с восторгом и с горячей верой в близкое освобождение. Разъезды белых доходили до самого Петербурга. Гатчина была занята, вот-вот и все кончится. Единственным пессимистом оставался Василий Васильевич. “Ты будешь сомневаться и тогда, когда мимо наших окон пройдет белая конница!” – с негодованием говорила я. “Подойдут и уйдут, как уже не раз было. Революции так просто не кончаются”. И он был прав» («Теперь я пешка, с которой никто не считается»: Воспоминания о В. В. Водовозове О. А. Введенской-Водовозовой. 1933 г. // Исторический архив. 2016. № 1. С. 116).

Ямбурга до Кикерино), берут города и т. д. Но главное, чего же перепугался полковник? Подобные вещи печатаются только в «Красной газете»; для читателей «Правды» они считаются слишком явно наивными, и туда их не пускают.

В той же «Красной газете» сообщается о необходимости за отсутствием топлива закрыть более сотни фабрик и заводов и распустить до 20 000 рабочих. Топливо-то есть, но привезти его трудно. Придется построить несколько новых подъездных путей, а для этого из-за отсутствия рельсов разобрать несколько менее нужных железнодорожных и трамвайных путей. Но уже значительно улучшились отношения с Финляндией, и можно надеяться, что в недалеком будущем она даст нам топливо.

Невольно приходишь на мысль, что, может быть, разобрать некоторые железнодорожные и трамвайные линии совдепы успеют, но что-то незаметно, чтобы они успели что-нибудь строить. Поставленные ими бездарные памятники рассыпаются, и их приходится убирать; так убран рассыпавшийся Радищев¹⁵⁴⁰ перед Зимним дворцом и Перовская перед Николаевским вокзалом (в газетах сообщалось, что его пришлось убрать, так как оказался непонятным народным массам)¹⁵⁴¹.

Перед Зимним дворцом вот уже полгода лежит беспорядочная груда кирпича и железа: это остатки от превосходной, истинно художественной решетки, окружавшей сад перед

1540 Гипсовый бюст А. Н. Радищева, выполненный Л. В. Шервудом и установленный в проломе ограды сквера Зимнего дворца со стороны набережной, был торжественно открыт 22 сентября 1918 г., но, снесенный ветром 19 января 1919 г., упал и разбился.

1541 Бюст Софьи Перовской работы итальянского скульптора Орландо Гризелли, выполненный в кубофутуристском стиле и открытый 29 декабря 1918 г., был демонтирован согласно постановлению исполкома Петросовета от 8 апреля 1919 г.

дворцом¹⁵⁴²; всю весну над ней работали десятки рабочих, чтобы ее разрушить, – и разрушили, но не успели не только соорудить чего-нибудь нового, а даже убрать кирпич и железный лом, и они лежат памятником грубого вандализма.

Из нашего архива исчез 13-летний Вася, бывший на побегушках и в качестве прислуги. Его арестовали за продажу каких-то лепешек, и вот три дня он сидит. Хорошая школа. Сидит как политический, так как его посадила Комиссия по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. По этому случаю мне вспоминаются слова Кеннана, познакомившегося с какой-то 16-летней девочкой, бывшей в ссылке: «Если бы я был русским царем и должен был бы бояться 16-летних девочек, то я, право, отрекся бы от престола»¹⁵⁴³. Советская власть идет дальше – и борется с 13-летними детьми как с политическими преступниками.

20 октября. На этих днях был обыск у проф. Введенского. Обыск политический, так как смотрели бумаги, но заодно и продовольственный. Нашли около 30 фунтов¹⁵⁴⁴ муки, 4 бруска мыла, и это запечатали, оставив, впрочем, в квартире. Женищина, руководившая обыском (нововведение большевичьего

1542 Ограда сада Зимнего дворца, изготовленная в 1899 г. по проекту архитектора Р. Ф. Мельцера (в виде узора из стилизованных листьев аканта, окружавших герб империи и вензеля императорской семьи) и удостоенная Гран-при на парижской Всемирной выставке 1900 г., была установлена в 1902 г.

1543 Правильно: «Если бы я был царем, – сказал я Фросту, – с армией солдат и полицией за спиной, и если бы тем не менее я не мог спокойно спать из страха перед этими робкими девочками, пока они не высланы куда-нибудь за тысячи миль, – я отказался бы от престола в пользу кого-нибудь более сильного и менее трусливого» (Кеннан Дж. Сибирь и ссылка / Пер. с англ. И. Н. Кашинцева. СПб., 1906. С. 26).

1544 1 русский фунт равен 0,41 кг.

режима: женщины руководят обысками), в ответ на возмущенное замечание Введенского сказала:

– Кажется, вы, профессор, должны бы понимать, что это только справедливо: у вас четыре бруска мыла, а у меня остался малюсенький кусочек. Как же не конфисковать их!

Впрочем, на следующий день распечатали, признав право хранить 30 фунтов муки. Нужно заметить, что Введенский в качестве профессора в одном морском учебном заведении официально получает 35 фунтов в месяц – и притом получает их сразу. Получил 35, а там их конфискуют.

В нашем (архивном) кооперативе – учреждении, находящемся под покровительством власти, – выдали недавно по 10 пачек спичек. Мы с женой унесли, следовательно, 20 пачек – 200 коробочек (по 6 рублей 50 копеек коробочка). Но все вокруг говорили, что если у нас при обыске найдут сразу такое количество, то, несомненно, конфискуют. Такая нелепость везде, во всем.

11 ноября 1919 г. В университете с прошлой недели начали выдавать профессорам каждодневно (кроме праздников), студентам в дни, когда они посетили хотя бы одну лекцию, «чайное довольствие». Для студентов заведен такой порядок. Они должны в аудитории на лекции записаться, выбрать представителя, вручить ему свои регистрационные карточки, и представитель получает на них на всех по порции чайного довольствия, причем в регистрационных книжках делается отметка, чтобы студент не получил двух порций в один день.

Чайное довольствие в первые два или три дня состояло из $\frac{1}{4}$ фунта хлеба и ложки варенья (и то и другое бесплатно), причем посудину для этого последнего приходилось тащить из дому. Большинство, приходя в университет, только тут узнавало о щедром даре властей, посудину не имело и потому брало варенье на хлеб и тут же съедало. Я встречал профессоров с европейской известностью и запачканными вареньем пальцами и здоровался с ними. Никто из них, конечно, от дара не от-

казывался... А между тем варенье было прескверное, – сомневаюсь, чтобы оно было на сахаре, вероятно на сахарине, тягучее, словно глицерин. Студенты тоже получали свою порцию через своих представителей. Как уж представители при недостатке посуды делили между аудиторией гомеопатическую долю варенья, не представляю себе. При этом для получения лишних порций было множество мошенничеств; составлялись целые фиктивные аудитории.

В крикливых рекламах заслуг большевиков в праздничном номере «Красной газеты» (7 ноября) говорилось: мы создали бесплатное обучение, даровую почту. Можно было бы прибавить: не только бесплатное, а с даровым вареньем. А еще лучше было бы сказать: мы разрушили всякое обучение – и бесплатное народное, и платное среднее, и высшее, и мы же разрушили дешевую почту, создав фикцию бесплатной, зато несуществующей почты (да и то не бесплатной: заказное письмо оплачивается 4 рублями вместо прежних 14 копеек).

Через три дня варенье было исчерпано и выдавать начали только $\frac{1}{4}$ фунта хлеба, а еще дня через три вместо хлеба – $\frac{1}{16}$ (sic) фунта сухарей, то есть засушенных маленьких кусочков того же черного хлеба, и притом неаккуратно. Сегодня, например, буфет был пуст, а на столе красовался плакат: «Чайный буфет закрыт по поводу привозки хлеба». Следует подпись. Публика недоумевала, что это значит: пропущена ли частица «не» (не привозки хлеба) или хлеб еще не привезли, но везут? Сильный голод подсказывал последнее толкование, и я приходил в университет два раза, часа в 4 и перед 7, то есть перед самым последним сроком закрытия буфета, но оба раза нашел пустоту и то же объявление. Впрочем, и еще одно: «Желающим дают горячий чай. Надо иметь с собой свои собственные кружки». (Записываю по памяти, поэтому передаю только содержание объявления, а не его форму.) Но не видал ни самовара, ни вообще каких бы то ни было признаков чая. Очевидно, «буфет

закрыт» и для чая.

И для стакана чая, для двух лотов¹⁵⁴⁵ сухарей профессор, живущий иной раз по ту сторону Невы, бежит в университет в день, когда ему незачем быть в университете, иной раз дважды в день, чтобы в конце концов не получить ни чая, ни сухарей! Когда же готовиться к лекциям, когда работать! А вечером сиди впотьмах, так как электричество не горит, керосина нет! И при этом – мы создали бесплатное обучение! Может ли лицемерие доходить до таких геркулесовых столбов?

14 ноября 1919 г. Вечером я поехал в Политехнический институт¹⁵⁴⁶, чтобы прочесть очередную лекцию. Первую лекцию (история XIX века) читаю по четвергам вечерами, ночью в институте (так как трамваи после 6 часов вечера не ходят). Ночую там и утром в пятницу читаю – или, лучше сказать, притворяюсь, что читаю, – другую лекцию (теорию социализма) и уезжаю домой.

Притворяюсь, что читаю, потому что по утрам лекции вообще состояться не могут: все студенты служат, и потому слушателей даже на обязательные курсы не находится. И профессора, не желающие читать, назначают свои лекции по утрам, – все понимают, что это удобная форма для уклонения от лекций. Увы, и я к этому способу прибегаю. Не могу же я ездить два раза в неделю, когда каждая поездка требует ночевки при температуре 2°, без ужина, после выезда из города в 5 часов. Да и по вечерам у меня имеется всего две слушательницы, из которых одна является неаккуратно. Всего в институте, как мне говорили, до 150 студентов (не ручаюсь за точность), из которых большинство записалось в студенты лишь для дарового общежития и дешевого кооператива, а не для лекций. А со-

1545 Лот равен $\frac{1}{32}$ фунта или 12,8 грамма.

1546 Имеется в виду Петроградский политехнический институт, открытый в 1902 г.

держание института в первое полугодие обошлось, говорят, в 18 миллионов рублей. Каждый студент, соответственно, в год обходится большевистскому государству в 240 000 рублей. Это ли не щедрость на народное образование!

Ночую я в студенческом общежитии, в котором имеется особая комната для приезжающих лекторов – комната отвра- тительная, с разбитым и не замазанным окном, не отапливае- мая и потому с температурой в ноябре не выше 2–3°. В том же здании имеется несколько аудиторий, где теперь читаем все или почти все лекции, – аудитории тоже не отапливаемые (так что профессора и студенты сидят в шубах), а до недавнего времени и не освещавшиеся.

И вот вчера я, по обыкновению, являюсь в общежитие и застаю какую-то странную постороннюю лекцию. Контора об- щежития заперта, хотя в эти часы ей полагается быть откры- той.

– А где же студенты?

– Выселены.

– Куда?

– В разные профессорские квартиры.

– Где же слушательница Бахман (кастелянша и работаю- щая в конторе. – В. В.)?

– В квартире профессора Дена.

– А лекции здесь читаются по-прежнему?

– Нет.

Я к Дену. Действительно, там нахожу г-жу Бахман, на той же лестнице встречаю двух моих единственных слушательниц.

– Где же мне ночевать? Не могу же я остаться на дворе! Возвращаться поздно (трамвай уже не идет). Что мне делать?

– Ну мы как-нибудь вас устроим.

Действительно, устроили, и я переночевал у Дена, кото- рый как раз по четвергам уезжает в город и там ночует. Но ме- ня любезно приняла его дочь и даже напоила чаем, даже с са- харом. Но о чтении лекции не могло быть и речи. Только что

состоялось выселение, все в хлопотах. Зато мне выдали два фунта хлеба: порция за две недели.

Выгодно быть профессором, да еще в двух учебных заведениях! По две восьмушки хлеба получаешь в день в дополнение к законной порции в четверть фунта, выдаваемой каждому гражданину 1-й категории!

16 ноября. У нас в архиве одна барышня рассказывала, как ее тягали на рытье окопов. В их доме или во всем квартале обязали явиться всех не достигших предельного возраста в 6 часов утра в какое-то заведение. Там их проморили на улице до 9, затем посадили в трамвай и повезли в Лесной. Там опять проморили некоторое время и только в 11 часов приступили к работе.

Окопы были уже начаты, но представитель власти объяснил им, что вырыты они неправильно и их надо переделать. Раздали инструменты, и люди, никогда подобной работы не делавшие, начали перекидывать лопатами землю с одного места на другое.

Часа через полтора пришел другой представитель власти.

– Что вы делаете?

– Да так нам сказано.

– Неверно. Прежние окопы начаты правильно. Все переделывайте.

Начали переделывать обратно.

В два часа взбунтовались:

– Голодны. Есть хотим.

Повели их к какому-то кооперативу, заставили более двух часов простоять в хвосте и к 5 выдали по хорошей порции хлеба, кажется, по два фунта. Они обрадовались.

Затем подали трамвай, и поехали.

Но тут лежали беспризорные дрова, и они набрали по вязанке, жалея, что не могут взять с собой больше. Но этим дело не кончилось. На половине дороги трамвай почему-то стал.

Они ждали, ждали и, наконец, побрели домой пешком, кто бросив вязанку дров, а кто волоча ее с собой.

Рассказ очень характерный и очень обычный. Удивительного в нем нет ничего.

Удивительно только одно: как при таких условиях государство может существовать и даже побеждать! Работают люди, соответственной работы не знающие; работа идет бестолково каких-нибудь 2–3 часа в сутки, и тем не менее Совдепия живет, а Юденич, Деникин, Колчак гибнут.

Мы отмечали бестолковщину в царские времена. Но разве можно сравнить ее с нынешней бестолковщиной – злобной, мстительной, мелочной, но всего более бессмысленной, если не предположить, что окопы нужны не для войны, а только для того, чтобы ущемить буржуев!

18 ноября 1919 г. Какой удручающе тоскливый вид имеют улицы Петербурга по вечерам. Темнота на улицах, окна домов не освещены, мертвое безлюдье и пронизывающий холод, – холод, объясняющийся, конечно, во-первых, недоеданием, а во-вторых, тем, что на улицу выходишь уже продрогшим из своих холодных жилищ или присутственных мест.

Но эту тоску чувствуешь не только на улице. На улице вечером она, может быть, лишь острее чувствуется; дома вечером в темноте (у большинства нет керосина, а электричеством нас балуют только иногда), сидя в шубе, мерзнешь все же меньше, чем на улице (у меня, говорят, благодать – от 7 до 9°; у моей матери – от 3 до 7°; в архиве у нас в одной комнате замерзли чернила), но, слоняясь в темноте из угла в угол, доходишь до одури. Одурь чувствуется от этого холода, от состояния вечного недоедания, от духовного голода – полного незнания того, что делается на свете, от полного безделья или бессмысленности своего дела и страшной безнадежности.

Я служу в архиве и читаю лекции в двух учебных заведениях. Об этих последних я уже говорил: это не чтение лекций, не культурная работа, а жалкое переливание из пустого в по-

рожнее. Студентов нет, а те 2–3–4, которые забегают на лекции, делают это лишь из приличий: нельзя же, думают они, числиться студентом, хотя бы для кооператива, и вовсе не заглядывать на лекции. Но лекции, которые профессор читает, а студенты слушают в шубах, иногда в темноте (таковы были мои лекции в политехникуме в начале октября и таковы же они в университете, где я читаю с 4½ до 6 часов вечера, где электричество в это время не зажигается), такие лекции не имеют никакого смысла. От них ничего не остается.

В архиве год назад (в октябре 1918 г.), когда я туда поступил, я был возмущен всеобщим бездельем: ведь дело, порученное нам, само по себе все-таки хорошее, культурное дело, остающееся таковым при всяком режиме. И я принялся за него с усердием.

Но теперь, увы, и я не могу работать как следует. Пальцы цепенеют от холода, заботы – то о спичках, то о добавочной порции хлеба, то о селедках – отнимают массу времени; ведь и при архиве есть кооператив, и, в сущности, вся жизнь архива, как и других культурных учреждений, свелась к жизни кооператива. А сверх того, по большей части, иной раз нужно утро просидеть дома: может быть, привезут заказанные дрова, – так их нужно принять (а привезти их могут со дня на день в течение трех недель, и если привезут тогда, когда никого не будет дома, то увезут обратно, и вот три недели кто-нибудь должен дежурить дома), то необходимо идти куда-нибудь прикреплять карточки и там 2–3 часа стоять в хвосте. Официально служба продолжается с 10 до 4, но *de facto* она начинается лишь к часам 12, и к двум все расходятся, а в эти два часа читают газету и слоняются без толку. Работы никто не делает.

Когда говорят о революции, то обыкновенно думают, что жизнь при ней кипит. Так дело и было в 1917 г. Можно относиться к революции 1917 г. положительно или отрицательно, но нельзя отрицать, что тогда все, кто только хотел, все, кто не чужд общественных инстинктов, жили всеми фибрами своего существа, всем биением сердца, всем огнем страстей – для

жизни, а не для могилы. А теперь полное отсутствие именно жизни, в особенности общественной жизни, мертвая пустота, тоска, безнадежность. И это характернейшая черта нашего времени. Историк или художник, который не оценит этой черты, не поймет и неверно изобразит всю эпоху. Я живу около 40 лет сознательной жизнью, я пережил мрачный период 80-х годов, но никогда ничего подобного нынешнему периоду не переживал.

3 декабря 1919 г. (н. ст.) Опишу подробно свой день – не потому, конечно, чтобы мои мелкие злоключения представляли какой-нибудь интерес в связи с моей личностью, а потому, что они типичны, что их или подобные им переживают все, за исключением очень немногих господ положения.

Моя жена больна (испанской болезнью¹⁵⁴⁷ в легкой форме), больна не серьезно и не опасно, но самая легкая болезнь в настоящее время очень тяжела. Государство берет на себя заботу о больных, и лечение бесплатно, – это было многократно заявлено в печати, но это только лишнее проявление обычного лицемерия. Бесплатно лечение, когда лечишься у коммунальных врачей, а их мало и не докличешься; десять раз можно умереть, пока придет бесплатный врач и пропишут бесплатное лекарство. Обычному же врачу надо платить, и за прописанное им лекарство – тоже, притом по повышенным во много раз ценам. Но что всего хуже, коммунальные аптеки приготавливают лекарства не ранее чем через сутки после их заказа, считая, что в РСФСР Республике больные могут и погодить. А кроме того, когда заказываешь лекарство и когда получаешь его, нужно постоять в аптеке в хвосте, – без хвоста теперь ничего не делается.

1547 Испанская болезнь (испанка) – пандемия гриппа, начавшаяся в 1918 г. в Испании и стремительно распространившаяся по миру; завершилась в 1920 г.

Сегодня я встал в 9 часов утра: встать раньше трудно, так как темно (не следует забывать, что часы переведены на один час, и 9 часов есть, следовательно, только 8), и света (электрического) днем не дают, керосина ни у кого (и у меня в том числе) нет, и потому вставать приходится поздно. Прислуги у меня нет (если останется время, опишу, почему она ушла¹⁵⁴⁸), поэтому надо было поставить самовар, позаботиться о больной жене, наколоть дров. За всякими мелочами ушло более двух часов, и выбрался из дому почти в 12.

Напился я кофе (не настоящего, а из овса), без молока и сахара, но зато с ломтем хлеба и даже с маслом; несколько времени тому назад жена купила фунт масла за 1500 рублей, и оно еще осталось, – в этом отношении я пока нахожусь в лучшем положении, чем большинство, обходящееся без масла; что же касается сахара, то его нет почти ни у кого. После такого завтрака в желудке чувствовалась пустота.

Поэтому я решил по дороге на курсы зайти в вегетарианскую столовую в 6-й линии: там кормят страшно дорого даже по нынешним ценам, но сравнительно недурно, и, главное, это единственное известное мне в Петербурге место, где кормят всех приходящих без особого прикрепления, без разрешения какого бы то ни было начальства, а просто, как в ресторанах в

1548 См. воспоминания жены В. В. Водовозова: «После Юденича жизнь стала окончательно невыносимой. Продукты на рынках появились. Но цены на них невероятно быстро росли; помнится, хлеб стоил 200 руб. фунт, масло 1500–2000, а жалованье Василия Васильевич получал около 2000, а я 1200. В комнатах было холодно, запас дров подходил к концу. <...> Электричество не горело, керосину достать было нельзя. Наша старуха-кухарка Саша простудилась и отправилась умирать к своим родным, предварительно очистив нашу кухню от излишней утвари. Ввиду моей полной хозяйственной неопытности моя мать предложила нам столоваться у нее» («Теперь я пешка, с которой никто не считается». С. 116–117).

доброе старое время кредит на время еды давался всем. Теперь это, конечно, немыслимо; следует сперва заплатить кассирше, получить от нее чек, с чеком идти в кухню и там получить кушанье. А чтобы дать понятие о ценах, сообщу цены сегодняшней карты: суп из чечевицы – 60 рублей; пшеничная каша – 170 рублей, полпорции – 85 рублей; винегрет из картофеля и еще чего-то – 145 рублей; пирожок из ржаной муки с капустой – 55 рублей (пирожок маленький, как прежде в 5 копеек; только прежде за 5 копеек давали пирожок пшеничный, а теперь ржаной). Хлеба, конечно, к кушаньям не дается. Я рассчитывал на эту столовую, но оказалось, что она еще заперта, открывается же не раньше часа дня. Делать нечего, пришлось без завтрака идти дальше.

Шел же я на Бестужевские курсы, или в так называемый III Петроградский университет, который как университет с осени упразднен¹⁵⁴⁹, но от которого осталась столовая¹⁵⁵⁰. В ней я собирался получить обеды для себя с женой (эти обеды мы разогреем к ужину) и для семьи Введенских¹⁵⁵¹, ибо и мы, и Вве-

1549 Постановление Наркомата просвещения РСФСР от 17 августа 1919 г. «О преобразовании Петроградских высших учебных заведений» предписывало: «Преобразовать 1-й, 2-й и 3-й Петроградские университеты в единый Петроградский университет с двумя факультетами: общественных наук и физико-математическим» (Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. 1919. № 182. 17 авг.).

1550 См. воспоминания жены В. В. Водовозова: «Мы прикрепились к бывшей столовой Высших женских курсов, в которой служило много моих знакомых. По приятельству мне наливали вместо 2 тарелок супа (из него и состоял весь обед для нерабочих) тарелок 7–8; дав ему отстояться, я сливала во дворе курсов половину жижи, остальное выпаривала на плите, пока не оставалось тарелки 2 более или менее густого супа. Это был наш обед» («Теперь я пешка, с которой никто не считается». С. 117).

1551 Имеются в виду проф. А. И. Введенский, его жена (с 1881) Мария Ильинична (урожд. Груздева; ? – 1921) и их младшая дочь

денские «прикреплены» именно к этой столовой, а, как известно, без «прикрепления» теперь есть не полагается. Увы, и тут неудача: я нашел длиннейший – более, чем обыкновенно, – хвост чающих обеда; на лицах всех – скука и досада; хвост не двигается.

– В чем дело?

– Котел испорчен, и раньше чем через час ожидать обеда нельзя.

Читатель отдаленного будущего, если таковой найдется у этих записок, может быть, подумает, что дело идет о каком-либо лукулловском пиршестве. Нет, весь обед состоит из одного блюда, и это блюдо – суп, иногда (в лучшем случае) – с картофелем, в худшем – из капусты или какой-нибудь дряни. О мясе, конечно, не может быть и речи; суп крайне жидкий. И это все, и за него приходится платить 6 рублей 50 копеек, то есть по нынешним ценам очень дешево. Есть, правда, «трудо-вые» обеды (по 8 рублей) из двух более порядочных блюд, но трудовые обеды отпускаются только немногим счастливым, удостоившимся звания пролетариев, а мы на него не имеем права. Говорят, что провизии отпускается на нашу столовую достаточно, чтобы изготовлять обед более порядочный, но разворачивают: служащие имеют право на трудовые обеды, и они делают их себе, да не по одному или по два, а по полудюжине и более, – и для остальной публики остается только жидкий суп.

Но и его получить мне на этот раз не удалось, и, решившись зайти за обедом после службы, я пошел на службу в архив. Проходя через 8-ю линию, увидел трамвайный вагон маршрута № 4, который довез бы меня как раз до моей цели, но я прошел мимо него, направляясь на 6-ю линию. На курсах я задержался довольно долго, был уже час дня, и решил вто-

Зинаида (1888 – не ранее 1959) с мужем Михаилом Алексеевичем Лихаревым (1873–1941).

рично заглянуть в вегетарианскую столовую. Опять неудача. Час дня уже наступил и даже прошел, но ничего еще не готово и не будет готово раньше чем через полчаса. Делать нечего, пришлось без завтрака идти в архив.

На Николаевском мосту я догнал тот самый вагон трамвая № 4, в который хотел было сесть. Нет тока, – и по всей линии стоят вагоны в ожидании такового. До сих пор о подобных приключениях я только слышал, но вчера и сегодня первый раз видел собственными глазами, как останавливается движение из-за отсутствия тока. В чем тут дело, я не знаю. Нет тока, значит, нет топлива, – это понятно. Но зачем же с утра пускают вагоны, когда топлива имеется всего на 3–4 часа? Не разумнее ли было бы в такие дни вовсе прекращать движение и не обманывать публику ее видимостью? В вагоне, однако, пассажиры оставались, хотя и в меньшем числе, чем за полчаса до того я видел на углу 8-й линии, – очевидно, часть пошла пешком, другая же часть обнаруживала сизифово терпение. Часа через полтора после этого я видел вагоны уже в движении; когда они пошли, сколько времени простояли, не знаю. Но вечером, часов около пяти, они опять останавливались по той же причине. Вообще, вместо трамваев теперь существует одна их видимость: пользоваться ими нельзя или, по крайней мере, рассчитывать на них нельзя с уверенностью.

Около двух я притащился в архив, побыл там около полутора часа и опять пошел. Пошел в университет, чтобы поспеть к трем часам, так как вчера было объявлено, что с часу до трех будут выдавать капусту. Кому – я не знал. Но возможно, что профессорам, и упустить такой случай нельзя. Без уверенности, только из-за вероятности получить 4 фунта капусты по 6 рублей 50 копеек или 7 рублей 50 копеек (точно не помню, но цена и количество были указаны в объявлении, которое я видел вчера в университете), но я шел, бросая службу. Пусть меня обвиняют в недобросовестном отношении к службе, но так поступают все без единого исключения, и иначе поступать нельзя: голод не тетка. И я шел. И опять неудача: оказывается, ка-

пусту сегодня не выдают, но будут выдавать завтра. Выдавать ее будут не профессорам, а только студентам.

4 декабря 1919 г. На этом месте вчера потухло электричество (в 9 часов вечера), и я не мог закончить своего рассказа. Делаю это сегодня.

Там же я узнал еще на придачу, что хлебной порции (так называемого чайного довольствия) тоже нет; его нет уже с неделю. Говорят, что его разворовывают, – заведуют этим довольствием разные коммунистические «тройки»¹⁵⁵², которые умеют обделывать свои дела.

Из университета я пришел домой, проведаль жену, сделал что нужно и побегал на курсы за обедом, по дороге забежав закусить в вегетарианскую столовую. На курсах – опять неудача: обед был, но уже расхвачан, а теперь ожидается новая порция, но ранее чем через полчаса или час она готова не будет; не угодно ли подождать. Я ждать не стал, но зашел к Введенским, живущим поблизости от курсов, и просил, чтобы на этот раз сходил за обедом кто-нибудь из них (я ведь шел за обедами для них и для себя).

Оттуда вернулся к 5 часам домой, – и первая удача в этот день: уже у 3-й линии убедился, что у нас горит электричество (Петербург разделен между тремя или четырьмя электрическими обществами; в настоящее время все они национализированы, но работают различно; поэтому, например, всю прошлую зиму у меня, как во всей восточной части Васильевского острова, электричество действовало довольно исправно, тогда как у Введенских, живущих в западной части острова¹⁵⁵³, по

1552 «Тройки» состояли из руководителей учреждений, партийной ячейки и месткома (местного комитета профсоюзной организации).

1553 С 1882 г. семья А. И. Введенского проживала на 9-й линии Васильевского острова в доме № 46.

большей части была темнота; теперь наоборот). У нас, берущих электричество в «Гелиосе»¹⁵⁵⁴, в последнее время электричество светило то через день, то через два дня и притом зажигалось и тухло в самые причудливые часы. Вчера оно зажглось в 5 часов вечера, и, следовательно, у меня в распоряжении был почти целый час для работы – первый час, когда в этот день я мог не бежать куда-нибудь за обедом, за хлебом, за капустой, за дровами, а работать. Но около 6 часов я должен уходить обедать к Введенским, и, следовательно, в распоряжении был только час.

В 6 я ушел, около 8 вернулся, час писал эти записки, а в 9 оказался в темноте. К счастью, в 5 часов пришла одна знакомая дама, которая позаботилась о моей жене и освободила для меня эти два часа. После 9, имея свечу, я поставил самовар, напоил жену и себя чаем и в 11 лег спать. Вот и весь день.

Сегодня, с небольшими вариантами, – повторение того же самого. Приходилось ходить в сарай за дровами, на что истратить пришлось более получаса: у меня сарай довольно далек, у меня нет подходящей веревки, нет такой подстилки, которую кладут дворники на спину под вязанки дров, но зато у меня есть грыжа, которую я заработал (как и очень многие) во время большевичьего режима. Поэтому носить дрова приходится очень маленькими вязанками. Колол дрова: топор у меня тупой и постоянно соскакивающий с топорща, а кроме того, нет и умения. Царство труда, в котором заставляют всех трудиться как раз над тем, чего они не умеют делать, лишая труда привычного, и не дают необходимых орудий труда.

С капустой выяснилось следующее. Она дается студентам, но только тем, которые записались заблаговременно; в прошлую субботу запись прекращена. Моя жена, состоящая

1554 С.-Петербургское общество электрических сооружений (бывш. «Гелиос»), учрежденное в 1900 г., было ликвидировано в 1918 г., а его предприятия национализированы.

студенткой, имела бы на нее право, но она не записалась. Не записалась потому, что не знала, а не знала потому, что или объявление об этом вовсе не было вывешено, или было вывешено намеренно в таком месте, чтобы его прочитало возможно меньшее число студентов. Вероятно, и тут идет хищение: вероятно, капуста отпущена по числу студентов, но распорядители позаботились, чтобы получить ее могло возможно меньшее их число. Это, впрочем, мои предположения, доказать которые я не могу. Но несомненно, что все делается точно нарочно, чтобы наводить на подобные подозрения. Контроля никакого, никакой возможности следить за добросовестностью всяческих троек, совнархозов и т. д. Но – урок: нужно еще полчаса или час в день тратить, чтобы выискивать все возможные объявления и не пропустить такого случая.

Сделаю еще одно указание. Вчера я прошел по Большому проспекту, на котором не был недели две-три, и нашел громадную перемену. Все деревянные решетки прекрасных садов, тянувшихся по Большому проспекту, снесены или еще сносятся на дрова; тут же толпится народ с тележками и на каком-то начале получает эти дрова.

В 6-й или 7-й линии у Среднего проспекта снесены два деревянных дома, тоже на дрова. Недели две назад в «Красной газете» было сообщено, что предназначено к сносу на дрова 2500 деревянных домов из общего числа 15 000. Цифра утешительная: значит, еще будущий год можно будет отапливать Петербург деревянными домами. А там понадобится уморить пол-Петербурга, чтобы отапливать другую половину потолками и полами опроставшихся каменных домов. Если принять во внимание, что, по недавно сообщенным в «Петербургской правде»¹⁵⁵⁵ (или, может быть, тоже «Красной газете») данным, в первую половину года в Петербурге умерло 38 000 человек (родилось всего 5000), что составит в год (при такой же смерт-

1555 Правильно: «Петроградской правде».

ности во второе полугодие) около 10% (так как в Петербурге теперь вряд ли больше 750 000 жителей), и так как смертность идет crescendo¹⁵⁵⁶, а рождаемость, как видно из приведенной цифры, почти прекратилась, то в этом предположении нет ничего невероятного.

И при всем этом мы бесплатно лечим больных, почта – бесплатная, обучение – бесплатное, кормим детей бесплатно (еще одно лицемерие – кормим их селедкой и черт знает чем, и притом, вопреки прямым заявлениям, тотчас же за введением бесплатных детских обедов последовало почти удвоение цены обедов для взрослых), вообще – у нас рай небесный.

Сегодня у меня опять зажглось электричество в 5 часов. Вероятно, потухнет в 9, и освещение с 5 до 9 войдет в норму. И то еще сносно. Хуже было, когда весь вечер сидели в потемках.

24 декабря (н. ст.) 1919 г. Около 10 декабря электричество стали давать довольно аккуратно, с 6 до 12, и, возвращаясь домой часов в 7 вечера, я надеялся, что сегодня вечером буду иметь возможность, пробежав все утро, проработать хоть несколько часов. Так было и дня четыре тому назад, и я думал: вернусь, часок проведу за дневником, пролью в нем свою скорбь и досаду, вызванную последними днями, а затем остальную часть вечера проведу за работой, и в голове складывался план записи в дневник. Но как раз в ту минуту, когда я вошел на наш двор, электричество потухло, и за несколько секунд двор, ярко освещенный светом из окон, погрузился во мрак. Во мраке должен был я подняться по лестнице, во мраке остаться в квартире и бродить по ней из угла в угол. Через час вернулась моя жена, и мы вместе с ней растопили печку в кухне и при свете ночника на жалкие остатки керосина сварили свой ужин и заварили чай (суррогат). Ни о дневнике, ни о

1556 Крещендо (итал.) – музыкальный термин, обозначающий постепенное увеличение силы звука.

работе нельзя было и думать. И, таким образом, настроение одного дня и факты, пережитые в последние перед тем дни, остались не занесенными на бумагу. Конечно, они будут занесены сегодня, но это не то; прошло несколько дней, свежесть тех впечатлений поблекла, накопились новые, а времени – не много.

И вот мне думается. Когда режим дурен, так дурен, как настоящий, то чем он хуже, тем для него лучше. Я не переоцениваю своего дневника, но тем не менее думаю, что и он имеет свое значение, – и вот одним штрихом в нем меньше благодаря тому, что со мной (как с тысячами других абонентов электрического общества) устроено лишнее безобразие. И ведь при свете этого электричества могли обдумываться другие нападения на режим, гораздо более сильные, чем какая-то запись в дневнике, которая в лучшем для него случае будет иметь значение только для оценки режима историей. Напротив, всякое ослабление гнета, всякое облегчение положения людей, – оно облегчает борьбу со строем. Не в этом ли разгадка, что режим Николая II, режим отвратительный, но все-таки не сравнимый с нынешним, и режим Керенского пали, а режим Ленина держится? Не правильно ли будет сказать, что если уже держишься террором, то не давай никаких поблажек, никаких смягчений, а веди свою линию до последних пределов? Конечно, на эту тему можно высказать очень много... Это сейчас не входит в мою ближайшую задачу описывать факты, одни факты... Возвращаюсь к ним.

В моем «дне» не хватает одного яркого штриха. Ни мне, ни моей жене не приходится дежурить у ворот ни днем, ни ночью. В этом отношении мне посчастливилось. Другим приходится это делать. Это объясняется для меня, во-первых, моим возрастом (старше 50 лет), избавляющим от повинности¹⁵⁵⁷, а

1557 Служба в государственном учреждении тоже могла являться основанием для освобождения от военно-коммунистических повинностей; см. удостоверение, выданное Главным управле-

во-вторых (и на этот раз так же и для моей жены) исключительным положением моего дома, – дома, принадлежащего советскому учреждению (Совнархозу, то есть, расшифровывая эту абракадабру, Совету народного хозяйства) и населенного исключительно советскими служащими. В силу этого он обслуживается специально нанимаемыми сторожами (и тут лицемерие – почему профессор, доктор и т. д. обязаны нести повинность дежурства, а какой-нибудь полуграмотный служитель в Совнархозе избавляется от нее? не потому ли, что туда берут почти исключительно определенных большевиков?), а жильцы избавлены от повинности.

В дополнение к сказанному раньше об электричестве. Теперь его дают с 6 до 10. Будет ли продолжаться так или сегодня же или завтра последует перемена, – не знаю.

Сегодня я ездил в Политехнический институт. Уже недели 2–3 назад произошло сильное сокращение трамваев. Целый ряд маршрутов, в том числе один из двух ходивших в Лесной¹⁵⁵⁸, все трамваи, двигавшиеся по Невскому, этой самой оживленной артерии Петербурга, во всю его длину или в одной его половине, и многие другие отменены. А вместе с тем число вагонов остальных маршрутов не увеличено, по крайней мере сколько-нибудь заметным образом. Поэтому они переполнены еще хуже, чем раньше; масса публики, преимущественно жен-

нием архивным делом 19 октября 1918 г.: «Дано сие Василию Васильевичу Водовозову в том, что он состоит в должности старшего архивиста в 1-м отделении VII секции Государственного архивного фонда и, как служащий советского учреждения, несущий ответственные обязанности, которые не могут быть возложены на другое лицо, подлежит освобождению от явки к исполнению как трудовой повинности, так и повинности по всеобщему воинскому обучению, что подписью с приложением печати удостоверяется» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2898. Л. 43).

1558 Лесной (Лесной участок, Лесная часть) – пригород Петербурга, названный по расположенному в нем Лесному институту.

щины, не попадают в вагоны, так как красноармейцы, пользуясь своими кулаками, их туда не пускают. Один профессор из Политехнического института мне говорил, что, чтобы попасть в вагон, идущий в Лесной, он идет не на Михайловскую, его исходный пункт, а на Литейный, – садится там в вагон, идущий к Михайловской, и, заняв место, едет в Лесной, тратя таким образом и лишние три рубля, и лишний час времени, но зато попадая наверняка, не прибегая к помощи кулаков.

Все, таким образом, рушится, а в газетах каждый день читаешь: гром победы раздавайся¹⁵⁵⁹! Мы справились с Деникиным и почти справились с холодом! Да, сжегши почти 2500 деревянных домов в Петербурге. Да, отменивши половину трамвайных маршрутов! А все-таки с Деникиным и Юденичем они действительно справились. В чем причина этой победы? В газетах издеваются над нами, не понимающими этой причины, но мы в самом деле ее не понимаем. Возможно, конечно, что есть правда в сообщениях о том, что режим Деникина, Юденича и других чуть ли не еще хуже, чем советский. Может быть...

Около Политехнического института снесена на дрова вся чудная Сосновская роща.

В Политехническом несколько зданий секвестровано в пользу разных учреждений и произведено «уплотнение». Профессору Левинсону-Лессингу из его довольно большой квартиры оставлена одна комната, и в ней он живет с женой и дочерью и в ней же работает. Свет там имеется с 7 до 11 вечера. Хороши условия для работы! А в газетах противопоставляют гуманное отношение советской власти к ученым негуманному Юденича. Другим профессорам тоже оставлено по большей части по одной, по две комнаты на семью. В остальных – студенты, канцелярии и аудитории.

1559 «Гром победы раздавайся!» – неофициальный русский национальный гимн конца XVII – начала XIX в., слова которого написаны Г. Р. Державиным в 1791 г.

В аптеках хвосты; в хвосте приходится стоять, чтобы подать рецепт, чтобы получить по рецепту, и последнее иногда по два раза. Скажут: лекарство будет готово через 24 часа. Придешь через 24 часа и, постояв полчаса в хвосте, узнаешь, что оно не готово, и на третий день приходится стоять еще раз. Масса лекарств (*eserinum*, *pux vomica* и другие) у Тилика¹⁵⁶⁰ отсутствует вовсе. И еще нововведение. От вас требуют склянку. Если у вас ее нет, лекарства не получите. Вам выдают его в аптеке (не знаю, во всех ли аптеках, я беру у Тилика, Средний проспект, между 3-й и 4-й линиями), получая в виде эквивалента склянку за склянку, не иначе.

А на днях я видел в университете объявление: кто хочет получить какое бы то ни было удостоверение, тот должен представить четвертушку листа чистой бумаги. Никогда, кажется, не было строя, в котором бюрократизм был бы развит в такой степени, как теперь. Без разрешения, удостоверения нельзя ступить шагу. Карманы переполнены удостоверениями, без которых нельзя ходить: одно может понадобиться тут, другое – там. А бумаги нет. Бумажный кризис в бюрократическом царстве. Эта черточка весьма характерна для нынешнего времени. Чтобы купить лист бумаги, нужно получить удостоверение и разрешение, которые выдаются тоже на бумаге.

На женских курсах на мужской уборной красуется надпись: «Ввиду отсутствия воды закрыта». В нашем архиве несколько уборных заколочены без надписи. Отсутствие воды на курсах объясняется, вероятно, порчей какой-нибудь трубы в одном определенном месте, ибо кухня и столовая там еще функционируют. Закрытие уборных в архиве объясняется, кажется, тем же. В моей квартире вода исчезает на несколько часов в сутки и притом в неожиданное время: иногда утром, иногда вечером, иногда днем. Но она исчезает тогда и в кране, и в

1560 Аптека Ф. Р. Тилика располагалась по адресу: Средний проспект, 18.

уборной. Результаты легко себе представить...

Пока я заношу на бумагу мимолетные случайные впечатления. Хотелось бы перейти к систематическому рассказу о положении университета, о работе архива, об обысках, вообще рассказать связно более общие события моей жизни за последние два года, поскольку на них отразился ход общественной жизни, но не знаю, когда я смогу приступить к этому. Слишком мало времени остается: весь день приходится бегать, а вечером нет света, и если остается час-другой со светом, то хочется поработать.

Теперь работы будет меньше. Я имел заказ от фирмы Брокгауз – Ефрон на составление «Настольного энциклопедического словаря» (вроде павленковского). Платило мне издательство за работу помесечно, а печатать собиралось в более или менее неопределенном будущем. Третьего дня книгоиздательство национализировано¹⁵⁶¹. Практически для меня это значит потеря четверти моего месячного заработка (а в университете и Политехническом платят со страшным запозданием: сегодня 24 декабря, а ни там, ни здесь не уплачено за вторую половину ноября, в Политехническом – даже за весь ноябрь; когда будет уплачено и будет ли, никто не знает). Морально: прекращение работы, которая давала мне отвлечься от злобы дня, забыться хоть на время от всех безобразий. Это личная сторона, а общественная – закрытие хорошего культурного предприятия, конечно, каждый оценит без всяких разъяснений.

17 января 1920 г. Я уже писал о положении аптечного дела. Еще одно замечание. Аптеки на Васильевском острове, оказывается, находятся почему-то еще в несколько лучшем положе-

1561 Недели через две фирме удалось добиться, что постановление о ее национализации отменено, и фирма существует и поныне. (Приписка 10 сентября 1920 г.)

нии, чем аптеки на той стороне. Вчера одна сослуживица просила меня купить в аптеке на острове касторового масла, и это потому, что на той стороне его нет. И она дала мне рецепт, – такую вещь, как касторовое масло, без рецепта уже не продают. Дала рецепт на 50 граммов; в аптеке же Тилика мне сообщили, что дают не свыше 30 граммов, даже по рецептам, – и фармацевт преспокойно исправил докторский рецепт и отпустил мне склянку касторки в 30 граммов за 6 рублей 50 копеек. Тут же я встретил знакомого, живущего, как мне известно, на Гороховой.

– Зачем пожаловали к нам на Васильевский остров?

– Да вот, в аптеку.

– Да разве у вас нет своих аптек?

– В них ничего нет.

Другого лекарства, для меня (глазные капли), у Тилика мне тоже не дали, так как у них нет ни *eserini*, ни *pilocarpini* – двух важнейших ингредиентов моих капель. Я пошел к Пелю¹⁵⁶² (7-я линия) и, к удивлению, там нашел и то и другое; к удивлению, ибо несколько месяцев тому назад у Пеля эзерина не было. Но зато у Пеля не оказалось *hydrargyri bicianatum*, входящего в те же капли, и фармацевт, даже не ожидая моего согласия, со словами: «Есть *hydrargyri cyanatum*» – вычеркнул карандашом словечко «*bi*» на докторском рецепте¹⁵⁶³. Очевидно, исправление рецептов в аптеках стало правом фармацевтов. При этом фармацевт у Пеля по внешнему виду не обладает даже скромной степенью интеллигентности и выглядит как молодец из лавки старьевщика в Александровском рынке.

1562 Аптека, принадлежавшая с 1858 г. Вильгельму Пелю и его потомкам, учредившим в 1908 г. «Товарищество профессора доктора Пеля и сыновей».

1563 Позднее оказалось, что *hydrargyri bicianatum* и *hydrargyri cyanatum* имеют совершенно разное значение и данные мне капли для меня вредны. (Приписка 10 сентября 1920 г.)

В аптеках развешено предупреждение Комиссариата здравоохранения об испанской болезни. В этом предупреждении каждый пункт вызывает на горькие размышления и сопоставления.

Там говорится, что теснота, скученность усиливают опасность заболевания. Спрашивается, не по этому ли соображению производится «уплотнение» квартир? Не по этому ли соображению профессорам Политехнического института оставлено на целую семью по комнате, а в другие комнаты напиханы студенты?

Там говорится о необходимости соблюдать чистоту. Не по этому ли соображению вода дается в квартиры по несколько часов в сутки, а иногда не подается по целым суткам? Не по этому ли соображению моя мать, живущая в национализированном доме, не может добиться того, чтобы были починены лопнувшие трубы в уборной, и принуждена жить в нестерпимой вонии?

Там говорится о необходимости при первом признаке болезни обращаться к врачу. Не ради ли этого десятки врачей, как и других лиц, отправляются на недели в тюрьмы без всякого повода, без всякого объяснения? Не по тому ли соображению в некоторых домах запираются ворота в 9 часов вечера и вход и выход посторонним после этого часа, следовательно и врачам, запрещен? (Это не во всех домах, а в некоторых, даже немногих, но ведь теперь у нас своеобразная федерация, и в каждом доме свой комбед распоряжается самостоятельно. Надпись подобного рода я видел сегодня на воротах дома № 19 по 6-й линии.)

И много другого в том же роде.

В настоящее время все или почти все книжные магазины – Вольфа, Суворина, Карбасникова и других – заперты. Чтобы купить книгу, требуется особое разрешение. У кого? Толком этого никто не знает.

Лемке, редактор собрания сочинений Герцена, еще в 1917 г. прислал мне первые 8 томов своего издания¹⁵⁶⁴; любезно прислал и подписной лист на следующие тома. В настоящее время вышли 9-й, 10-й и 11-й тома под его же редакцией, но уже не в его издании, а в каком-то большевистском¹⁵⁶⁵. Однако он мне сказал, что подписной билет сохраняет свою силу, только книги не присылают на дом, а нужно сходить в издательство Комиссариата просвещения: Фонтанка, 61. Туда отправилась моя жена и узнала, что там действительно получить книги можно, но только с разрешения, которое выдается в каком-то учреждении: Невский, дом бывший Зингера¹⁵⁶⁶. Она пошла туда. Но в тот день не изволил пожаловать секретарь, и потому разрешение получить было нельзя. Дня через два она пошла вновь, на этот раз застала и разрешение получила. Теперь надо идти на Фонтанку. И это теперь, когда трамваев, можно сказать, нет, а теми, которые есть, нельзя пользоваться вследствие их переполнения.

Она же была свидетельницей разговора в университете одного (незнакомого ей) студента с революционной «тройкой» (или «пятеркой»), заведующей раздачей хлеба и многими другими отраслями жизни студенчества.

– Мне нужно купить несколько книг. Без разрешения не

1564 См.: Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем / Под ред. М. К. Лемке. Пг.: Изд. насл. авт., 1915–1917. Т. 1–8.

1565 В 1918 г. государство монополизировало право на издание классиков. После этого Литературно-издательский отдел Наркомпроса в 1919 г. вновь выпустил (с дополнениями) первые 8 томов и стал выпускать последующие, а завершил издание Госиздат. См.: Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем / Под ред. М. К. Лемке. Пг., 1919–1925. Т. 1–22.

1566 Имеется в виду здание, построенное в 1902–1904 гг. для компании «Зингер» и расположенное по адресу: Невский проспект, 28. С 1919 г. там находились филиалы различных издательств и редакции газет и журналов.

продают, а кто даст разрешение, не говорят. Не вы ли?

Тройка была сконфужена: не знала, она ли может выдать подобное разрешение или нет, и обещала через несколько дней навести справку и дать ответ.

А между тем книги издаются разными большевичьими учреждениями, и сами эти учреждения ставят такие преграды к распространению собственных изданий.

Вчера моя жена встретилась с любопытной барышней, которая до некоторой степени довольна существующим режимом. Она иностранка, дочь очень богатого коммерсанта, владельца магазина на Невском. Вместе с тем курсистка. Родители ее, конечно, разорены, и в настоящее время она своей службой в столовой курсов является поддержкой семьи. К этому можно прибавить, что она недурна собой, видимо, знакома с флиртом, – теперь принуждена разливать суп грязной ложкой в грязные миски в грязной и вечером темной столовой. Казалось бы, налицо все условия для крайнего озлобления. В действительности – как раз наоборот.

– Говорят, что скоро иностранцам будет позволено выехать за границу; мои родители только об этом и говорят; а я не хочу, мне здесь хорошо.

– Как хорошо? Что вам здесь нравится?

– Да как вам сказать? Прежде поезжай на курсы не иначе как в автомобиле, с курсов – не иначе как в автомобиле, в гости – не иначе как с горничной; одна на улицу – ни-ни. А теперь я куда хочу, туда иду.

Таким образом, большевистский режим освободил ее от гнета буржуазно-аристократической домашней обстановки, и она этим довольна. Может быть, и тем, что она, вчера еще девочка, может быть, любимая фарфоровая куколка, теперь опора семьи. При этом она не сделалась большевичкой, понимает и признает, что режим дурен и, говоря вообще, тяжел; но лично для нее работа не в тягость, а свобода от домашнего деспотизма оказалась достаточно сладкой, чтобы искупить другие недочеты режима.

Нужно заметить для объяснения, что служит она в столовой, где служащие воруют припасы вовсю. Соответственно и она охулки на руку не кладет и потому вовсе не страдает от того, что для нас, остальных, может быть, является главным бедствием режима, – от голода. Эти кражи стали настолько общими, что нравственного чувства они не коробят, как в гоголевские времена не коробила «благодарность», – и хорошенькая молоденькая барышня-курсистка, вероятно не чуждая разных общественных идей, преспокойно уносит домой целые караваи хлеба, мешки крупы, муки, картофеля и т. д.; вероятно, и ее отец, честный голландец-коммерсант, так же спокойно пользуется приносимым дочкой провиантом, как она его приносит. Но все-таки это довольство своей судьбой в наше время изумляет. Я счел нужным отметить его: это первый известный мне случай такого рода. Другие довольные, которых я встречал, это ленинцы или полу-ленинцы, сделавшие себе благодаря режиму действительную карьеру, а не заполучившие место вроде горничной в столовой, хотя бы и с возможностью воровать.

Сегодня узнал, что в Иваново-Вознесенске умер Владимир Матвеевич Гессен от сыпного тифа¹⁵⁶⁷. Очень жаль: крупная величина в науке и очень хороший человек. Смертей вообще много. Недавно, в течение месяца или двух, умерли Ходский, Иностранцев, Беклемишев и кто-то еще.

1567 5 августа 1919 г. В. М. Гессен, преподававший в Политехническом институте, но готовившийся к переезду в Иваново-Вознесенск, написал В. В. Водовозову: «Многоуважаемый Василий Васильевич. Мы собираемся уехать из Петрограда во вторник 12 августа. Поэтому в субботу будем так рады повидать Вас. Непременно приезжайте». Но письмо дошло до адресата только 10 сентября, и Водовозов иронизировал, что хранит его «как памятник изумительной аккуратности и быстроты почты» при большевистской власти (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2616. Л. 2).

7 февраля 1920 г. Сегодня нам, служащим в архиве, выдали так называемые трудовые карточки, то есть карточки на трудовой обед и на дополнительную четверть фунта хлеба в день. Это великая милость: право есть обед в два блюда, из которых одно – общее для всех граждан всех категорий – суп без мяса, без масла, обыкновенно из одной капусты, а второе, специально свойственное «трудовым обедам», – довольно сытная каша. Итак, мы почти сравнены с пролетариями (конечно, не в хлебе, – хлеба тем дается куда больше). Слава богу, мы все очень рады, чуть не счастливы.

Но сколько возни с этими карточками! Надо их прикрепить в определенных столовых и кооперативах; для этого надо открепить ранее имевшиеся у нас другие, обычные карточки; нужно, чтобы карточки были скреплены различными печатями разных учреждений и подписями «промышленной тройки». Хлеб по новым карточкам выдается только в будни и только в дни, когда мы работали; поэтому на карточке штемпель должен ставиться каждый день. Поэтому нужно постоянно иметь эти карточки на руках, и фактически по ним не может получать никто посторонний (кроме сослуживца): нужно получать хлеб лично, простаивая по часу в хвосте. Вся эта система штемпелей и подписей настолько сложна, что усвоить ее не в состоянии не только я, но и наша архивная тройка, – и в первый раз она поставила штемпеля и подписи не так или не там, где следует, и в первый день по получении карточек и права на трудовой обед такового не получили. «Тройка» извинялась неопытностью, но обед так и пропал.

Все это требует целых дней беготни, отрываемой от службы, изнашивания сапожных подметок, мускулов и нервов. Ведь изумительная бестолковщина.

Кроме того, я, как профессор, получил ученый паек и с завтрашнего дня (если и тут не выйдет какого-либо недоразумения из-за непоставленного штемпеля) буду получать 1½ фунта в день. Таким образом, на мою долю будет приходиться в будни 1¾ фунта (общегражданские ¾ я теряю), в праздники

1½; на долю жены в будни $\frac{3}{8} + \frac{1}{4} = \frac{5}{8}$, в праздники $\frac{3}{8}$ итого в среднем на каждого из нас около 1 фунта в день. Но сколько зависти, интриг, мошенничеств породили все эти пайки, вся эта неравномерность.

В архиве у нас имеется группа «старых революционеров», получающих революционный паек – нечто такое, что вызывает всеобщую зависть¹⁵⁶⁸. В него входит в месяц, кажется, 20 фунтов муки, что-то очень много крупы, кажется, 4 фунта масла, 4 фунта сахара, шоколад и т. д., словом – умирать не надо¹⁵⁶⁹. И само собой разумеется, что в число старых револю-

1568 См. воспоминания жены В. В. Водовозова: «Нас в комнате было 6 человек: Эспер Серебряков, Г. Л. Полинковская, мальчик лет 16 Павел, сын историка Н. Н. Павлова-Сильванского, одна барышня и мы с Василием Васильевичем. <...> Павлов-Сильванский и барышня писали какие-то карточки; Э. Серебряков и Гриния Полинковская ничего не делали. Они принадлежали к аристократии нашего отдела и “старым революционерам”, которых пригласили на службу, чтобы их устроить, не обязав ничего делать, чем они и пользовались. Кроме этих двух к “старым революционерам” принадлежали Л. Г. Дейч, Н. С. Тютчев, О. В. Аптекман, Е. Н. Ковальская-Маньковская. <...> Все они были преисполнены сознанием своего превосходства и значения и были очень мало приятны; исключение составлял простой приветливый старичок Аптекман. Василий Васильевич часто спорил со мной за мои непочтительные отзывы о старых революционерах, но тоже не был от них в восторге и нередко подсмеивался, что Дейч, всегда бывший сателлитом более крупной революционной фигуры, теперь преисполнился такой важностью» («Теперь я пешка, с которой никто не считается». С. 113–114).

1569 Позднее этот паек сильно сокращен; не знаю, с каких пор, но он выдается различным революционерам в разных размерах: революционеры с большими заслугами получают больше, с меньшими – меньше; как и везде при распределении революционных чинов – сплошная несправедливость. (Приписка 10 сентября 1920 г.)

ционеров входят люди, о революционных заслугах которых никто никогда не слышал¹⁵⁷⁰. Получал его Сильчевский, ныне умерший, революционные заслуги которого весьма проблематичны. Всего любопытнее, что вся эта иерархия, со всеми интригами и гадостями всех иерархий, есть целиком создание государства, называющего себя социалистическим.

Мы, служащие архива, делились на 25 разрядов. Наше ближайшее начальство Шилов¹⁵⁷¹ – архивист 25-го разряда, 5 или 6 человек – архивисты 24-го, я и многие другие – 23-го, затем идут низшие разряды.

В Политехническом институте свет зажигают теперь в 9 часов вечера. Моя лекция происходит в 7 при свете тусклой керосиновой лампы. Но все-таки я в последний раз читал.

Да, забыл сказать, что я имею право еще на политехнический хлебный паек – $\frac{1}{8}$ фунта в будни. Но там почему-то запрещено выдавать хлеб по доверенности; он всегда был порциями по $1\frac{1}{2}$ фунта в две недели (и то в неопределенные дни); не угодно ли из города нарочно ездить в Политехнический институт за $1\frac{1}{2}$ фунтами хлеба, да еще не зная, когда он будет выдаваться!

Любопытный вид представляют улицы Петербурга! Извозчиков почти нет, пешеходы ходят посередине улицы, и там же на санках они возят дрова и разный товар. Иногда очень тяжелые сани с дровами тащат две-три девочки 12–14 лет, а то и меньше. И далеко не на одних «буржуев» выпадает это бремя: беспрестанно видишь женщин, девочек, мальчиков из рабочего класса, которые надрываются, исполняя лошадиные

1570 Далее зачеркнуто: «Например, Полинковская; я внимательно пересмотрел все “Былое” и не нашел ни одного упоминания ее имени, а Морозов, Новорусский, если не ошибаюсь, его не получают, не говоря уже о Брешковской».

1571 А. А. Шилов являлся помощником управляющего I отделением VII секции Государственного архивного фонда.

обязанности. То, что в буржуазной монархии исполняли лошади или машины, теперь делают люди, часто даже дети.

На прошлой неделе были морозы. Во многих домах замерзли трубы и воды не было; приходилось носить воду ведрами из соседних домов. В нашем прекрасно выстроенном доме вода замерзла на трех или четырех лестницах, а на одной или двух не замерзла, и я носил воду из одной из соседних квартир, следовательно – сравнительно недалеко. Дохозяйничались! Два года потребовалось для того, чтобы испортить дом. Впрочем, у нас трубы только замерзли; во многих домах они полопались. Что-то будет на третью зиму?

Я уже писал о том, что книги теперь продаются лишь с особого разрешения. Но прежде я думал, что разрешение, по крайней мере, дается легко и является только формальностью, требующей беготни и стояния в хвосте, но всегда увенчивавшейся успехом. Но оказалось, что я ошибаюсь.

Сегодня ко мне обратились с просьбой взять на свое имя разрешение на приобретение сочинений Герцена для другого лица, которое, не имея формальных на то прав, не могло добиться такого разрешения. Вспоминаю, как лет 30 тому назад я искал какого-нибудь профессора, который выхлопотал бы для меня право на приобретение заграничного (тогда запретного) издания сочинений Герцена. Теперь я в качестве профессора имею право приобрести уже не запретного, а изданного правительством Герцена и могу сделать это для другого лица. Но, на беду, я только что приобрел его для себя. Авось об этом не вспомнят и дадут право на второй экземпляр. Но, боже, что за нелепость! Мало того, что существует своеобразная цензура, не разрешающая печатать известных книг. Книги разрешенные, книги, печатаемые с особого благословения правительства, – их могут покупать только лица, кому они нужны для занятий и кто может эту свою нужду мотивировать какими-нибудь формальными основаниями.

Когда я – после долгих хлопот – вчера, наконец, получил в государственном книгоиздательстве (Невский, 28) пять томов

Герцена (IX–XIII) и выходил с ними через выходную дверь, то я был остановлен швейцарихой или сторожихой.

– В чем дело?

– Пропуск.

– Какой пропуск?

– Для книг.

Оказалось, что, выходя из книгоиздательства, при котором имеется и магазин, необходимо иметь пропуск для книг, иначе не выпускают. И оказалось еще, что секретарь книгоиздательства (Белопольский), который вручил мне тома Герцена, этого не знает или это забывает. Я должен был вернуться к нему за пропуском и получил его.

– Неужели в социалистической республике социализм привел к тому, что все проворовались или находятся в подозрении и без строжайшего контроля никого нельзя выпускать? – спросил я его.

Он не ответил.

И тут рядом с нелепым бюрократизмом и крайней подозрительностью поражает изумительная бестолковщина, несведомленность чиновников в своих обязанностях.

8 февраля 1920 г. Сверх всякого ожидания, получил первую выдачу продуктов по ученому пайку без особых затруднений и даже без стояния в хвосте, сразу. Выдали 18 фунтов хлеба (по расчету с 1 по 12 февраля по 1½ фунта), 15 фунтов картофеля, 5 коробочек спичек и ½ фунта шоколада. Следующая выдача – 12 февраля – 4½ фунта хлеба (по 15 февраля), 15 фунтов крупы или муки, 2¾ фунта сахарного песка, сколько-то табаку и соли. Кстати, читатель может подумать, что все это выдается даром и потому все так радуются. О, нет. За это с нас взыскали вперед 3000 рублей. Не знаю, на какой срок хватит этих 3000 рублей и по какому расчету будут оцениваться продукты. Я слышал, будто из них 1000 рублей взимается за организацию дела в течение года, то есть за ворох бумаг и бутыль чернил, которые

будут изведены на запись, прикрепление, открепление и т. д. каждого ученого и труд, истраченный на все это (в таком случае очень дешево), и 2000 рублей за продукты в феврале. Так ли это – не знаю.

Но трудовые обеды мы получили бесплатные. В некоторых учреждениях, например в Публичной библиотеке, выданы карточки на платные трудовые обеды; у нас бесплатные. И сегодня, наконец, в первый раз мы с женой могли получить эти обеды (тогда как карточки и, следовательно, теоретическое право на них выданы уже 2 или 3 февраля).

Бесплатные обеды выдаются в детских столовых, и мы должны были прикрепиться к одной из таковых. Мы прикрепились в столовой на углу Английской набережной и Замятина переулкa и сегодня обедали. Там сравнительно с другими столовыми чисто и сравнительно хорошо¹⁵⁷². Конечно, такой буржуазной выдумки, как скатерти, там тоже нет, как их нет нигде в социалистической республике. Но все-таки сравнительно чисто, потому что имеется прислуга, которая подает обеды и, очевидно, следит за относительной чистотой (в других столовых нужно кушанья брать самим). Воздух сравнительно чистый. Обеды из двух обычных блюд трудового обеда даются в посуде (это не везде), но без ложек; ложки надо приносить самим. В августе в Старой Руссе я видел в столовой курорта, как одна женщина-работница, очевидно не имея ложки, вылизывала кашу с тарелки, как это делает собака, и делала это не раз, а ежедневно, когда я ее там встречал¹⁵⁷³. Здесь, как и вообще в

1572 В настоящее время (10 сентября 1920 г.) там уже очень грязно и обед стал гораздо хуже, несмотря на то что каждый день вывешивается объявление о количестве продуктов, положенных в кушанья, и соли отпускается 1½ фунта на 100 порций, но в действительности...

1573 См. удостоверение Философского общества при 1-м Государственном петроградском университете от 11 августа 1919 г. за подписью А. И. Введенского: «Сим удостоверяю, что Ольга

Петербурге, я этого не видал, но возможность подобного потребления пищи, конечно, не исключена. Грязные ложки приходится класть в карман – вымыть нигде. В столовой тепло, но все сидят в шубах, – раздевание вообще в учреждениях социалистической республики отменено, уничтожены вешалки и швейцары при них. На второе блюдо нам дали «мясной гуляш» – конечно, из конины. Но я уже более двух месяцев не видел мяса, хотя бы и конского. Гадость порядочная, и после него чувствуется боль в желудке.

1 мая 1920 г. Вчера я вернулся из краткой поездки в Жлобин, куда ездил (с женой) в командировку¹⁵⁷⁴. Близ Жлобина –

Александровна Введенская командирована Философским обществом в Новгород и Старую Руссу на время с 15 августа по 1 сентября с. г. для осмотра философских отделов тамошних библиотек» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2898. Л. 93). Об этой поездке жена В. В. Водовозова писала: «В июле мы получили отпуск на 2 недели и решили провести его в Старой Руссе. <...> Василий Васильевич взял командировку для прочтения лекций в Старой Руссе, я взяла совершенно фиктивную командировку от Философского общества, где мой отец был председателем, для осмотра тамошней библиотеки, и мы поехали не только не в теплушке, а даже в вагоне международного общества. Командировка дала нам право остановиться на одну ночь в гостинице, а там Глинка устроил нас у своей фельдшерицы, прописал ванны, усиленные обеды и прочие блага; на базаре можно было покупать за сравнительно низкую цену молоко, масло, яйца, овощи, и мы недурно отдохнули. Перед отъездом Василий Васильевич прочел лекцию на свою любимую тему об общественных взглядах Пушкина. Лекция понравилась, и местный наробраз просил его приехать еще раз и прочитать две лекции. Василий Васильевич предложил тему “Библия и Евангелие в свете науки”, причем бы лекция сопровождалась прениями. Мы вскоре и приехали опять» («Теперь я пешка, с которой никто не считается». С. 114–115).

1574 См.: «Один из наших друзей свел нас со своим товарищем,

военные действия; над нашими головами летал польский аэроплан, и его обстреливали с какой-то батареи поблизости от Жлобина; даже я при всей своей глухоте слышал канонаду.

знавшим адрес перевозчика через польскую границу. Надо было ехать в Жлобин, там отыскать какого-то еврейчика, сдававшего комнату проезжим и служившего посредником при переправе. Из Жлобина ехали до пограничной деревни, переходили пешком нейтральную зону и опять ехали до польского пограничного пункта. Мы решили воспользоваться этим указанием. <...> Запрятав в подкладку шляпы рекомендательные письма к польским деятелям, помощь которых могла нам понадобиться нрзб, тщательно зашив в пальто деньги и золотые вещи, мы в конце апреля сели в поезд. Было немного жутко и грустно. Накануне, любовным взглядом окидывая полки своей библиотеки, Василий Васильевич не раз вздохнул: “Вернусь ли я когда-то к этой библиотеке в эту квартиру?” Мы не сжигали за собой кораблей. Квартира оставалась неразоренной, в ней жила мать Василия Васильевича со своей компаньонкой, несколько месяцев назад поселившаяся с нами. <...> Мы благополучно добрались до Жлобина, отыскивали указанного нам еврея и остановились в грязной, с массой перин и насекомых, комнате. Еврей обнадежил нас, обещав не дальше чем через два дня привести перевозчика. Едва мы обосновались, как к нам явились две дамы – одна петербурженка, вдова генерала, убитого во время войны, другая – дочь директора какой-то фабрики, обрусевшая немка. Обе они с той же целью, что и мы, приехали в Жлобин, уже довольно давно живут в нем, имея дело с нашим евреем, который все водит их за нос и до сих пор не хочет переправить через границу, предпочитая выманивать деньги за содержание <...>. Прожили и мы несколько дней без всякого результата; еврей все обещал устроить дело завтра или послезавтра, и оно не двигалось. От дам мы узнали, что в Жлобине есть врач, старый, почтенный интеллигент, которому можно довериться. Василий Васильевич решил пойти посоветоваться с ним. “Да разве вы не знаете, что начались военные действия с Польшей; теперь никто не возьмется везти вас”. Нам оставалось только вернуться» (Там же. С. 120).

Впечатлений не особенно много. Наиболее сильные – от самой поездки, в особенности от обратной. Мы ехали туда и обратно в международном вагоне, куда попадают немногие счастливы и где недурно. Грязь, конечно, гораздо хуже, чем была прежде; есть разбитые стекла; где они не разбиты, там окна по большей части не отворяются. Света ночью нет, господствует полный мрак. Но все-таки у каждого целая скамья, спать можно.

С нами в вагоне была главным образом большевичья аристократия: красноармейцы, многие с современными орденами, почти все с отвратительными, глупыми и наглыми рожами. Демократическую публику в вагон не пускают, для этого у дверей на станциях ставят вооруженную стражу. И все-таки она взбирается если не внутрь вагона, то на площадку, и висит на ступеньках, уцепившись за поручни.

Напротив, в остальных вагонах, исключительно теплушках (классные вагоны отменены), набита публика, как скот. Сидит на полу, стоит в открытых дверях, не имея места, чтобы пошевелиться. Противоположность между аристократией и демократией куда более резкая, чем в старое время, только аристократия-то вся новая. И чувство зависти и злобы у демократии к аристократии едва ли не острее, чем раньше. Я это заметил моему спутнику по купе, красноармейцу. Он возразил:

– Нас при царе в таких же теплушках возили. Правда, только зимой топили, а теперь не топят. А тоже было тесно.

Этот спутник очень характерен. Грубое лицо, совсем не интеллигентное. У него совсем молоденькая жена, недуренькая, видимо, барышня из общества. Я с первого взгляда решил: по старым понятиям – мезальянс, а теперь барышня продала себя за карьеру, за красноармейский паек. По-видимому, так это и есть, только барышня сохранила самостоятельность убеждений: он, большевик, защищает все меры большевиков, в том числе и борьбу со спекуляцией, а она возражает ему, защищает спекуляцию и признает, что все идет к разрушению. Впрочем, и он, защищая борьбу со спекуляцией, противореча

себе, нападает на ту форму этой борьбы, от которой непосредственно страдает сам: обыски в поезде. Пока мы ехали туда, у нас было 4 обыска, на возвратном пути – 5.

Приходят в вагон и тщательнейшим образом обыскивают багаж у всех поголовно, обыскивают крайне грубо, перерывая все, не стесняясь мять белье, платье и предоставляя публике убирать после них. У одного красноармейца отобрали, кажется, 30 фунтов муки и еще что-то; он ругался и клянчил. Ему предложили просить в Петербурге, чтобы ему возвратили взятое, – «а мы здесь не можем». Любопытно, что, клянча и жалуясь, он все время ссылаясь не на общее безобразие такой меры, а на свое привилегированное положение: он-де красноармеец, защищает социалистическое отечество.

Между Могилевом и Витебском поезд вдруг остановился среди поля. Часа два постояли, потом тронулись. В чем дело? Еще через полчаса выяснилось. К нам в вагон пришли два железнодорожника собирать пожертвования на трех мальчиков, которые спасли наш поезд от страшного крушения. Оказывается, лопнул рельс среди поля и притом там, где поезд идет по насыпи и притом под углом. Если бы поезд не был остановлен, то мы скатились бы с насыпи и весь поезд обратился бы в обломки. Но из мальчиков один сел на рельсы, а двое побежали навстречу поезду, махая руками, и машинист вовремя затормозил поезд. Публика бросала в сумку железнодорожников 50- и 100-рублевые бумажки; собралось, вероятно, несколько десятков тысяч рублей.

Я высказал сомнение:

– А нельзя ли предположить, что эти же мальчики и развинтили рельс, чтобы иметь возможность спасти поезд?

– Нет, это мальчики известные, дети местного железнодорожного служащего.

– А что же делал сторож, обязанный обходить участок?

– Он спал.

Ответ звучал эпически. «Он спал» – за это мы заплатили несколько десятков тысяч рублей и можем быть благодарны,

что целы.

Проехали мы еще часа три. Опять остановка. В чем дело? Оказывается, локомотив не везет, испортился. Стояли мы часа два, пока не прислали сзади нового локомотива. Он подошел к поезду сзади и, толкая, дотащил нас шажком до станции; там перепрягся, и мы поехали.

Еще час – и локомотив начал уставать. Постоит, постоит минут десять, соберется с силами, тронется. Едет на пригорок – втащить поезда не может. Возвращается назад версты на две, разбежится, с разбегу въедет на пригорок, а там опять станет. Так мы тащились еще несколько часов, пока не доехали к вечеру (с опозданием более чем на 12 часов) в Витебск, где нам впрягли третий локомотив, с которым мы поехали благополучно.

Итак, три приключения на одном пути от Жлобина до Петербурга, и причем все три на одном участке (между Могилевом и Витебском) в один день.

Ясное свидетельство полной разрухи.

О разрухе, впрочем, слишком известно, чтобы стоило доказывать ее наличность.

Мне рассказывал один очень осведомленный в железнодорожном деле человек, что теперь беспрестанно случаются перед Петербургом на Сортировочной или вблизи ее крушения поездов, везущих что-нибудь особенно ценное, например сахар. Иногда же дело обходится и без крушения, обходясь выламыванием крыш. Другой, тоже осведомленный человек говорил, что все станции от Петербурга до Москвы забиты больными паровозами, которые не умещаются в депо, а ржавеют под снегом и дождем. Цифры, приводимые в газетах, об исправленных вагонах и паровозах или неверны, или односторонни (то есть, сообщая о числе исправленных паровозов, газеты скрывают данные о вновь заболевших и ничего не говорят о характере исправлений). Я тоже видел на своем пути громадное число совершенно испорченных вагонов.

Случай с нашим несостоявшимся крушением навел меня

на интересное сопоставление. В «Семи повешенных» Л. Андреева говорится о министре, пережившем сильный страх, даже ужас, когда он узнал о том, что счастливо избег смертельной опасности¹⁵⁷⁵. Насколько я мог заметить, в нашем вагоне положительно никто, ни из мужчин, ни из женщин, страха не испытывал, и я ставил себе даже вопрос: да и можно ли испытать страх задним числом, когда знаешь, что опасность миновала? Думаю, что нет и что рассказ Андреева психологически совершенно неверен.

Когда мы вернулись в Петербург около 10 часов вечера, перед нами стояла задача, как доставить домой наш багаж, хотя и не тяжелый, но все-таки такой, что снести на руках его невозможно (чемодан около 1 пуда¹⁵⁷⁶ и всякие мелочи фунтов на 20). Оказалось, что вместо извозчичьего образовался новый промысел: возка багажа с вокзалов на ручных тележках. Занимаются этим промыслом преимущественно женщины, а характер он имеет совершенно такой же, как прежде извозчижий. Перед вокзалом стоят десятка два тележек, и преимущественно бабы, но частью и мужики наперерыв сбивают друг перед другом цены. С нас спросил один мужик (от Царскосельского вокзала на Васильевский остров) 2000 рублей; баба повезла за 1200. Везла она рысью, вприпрыжку, особенно поднимаясь на крутые места. Мне несколько раз хотелось помочь ей, но она бежала так быстро, что мы с женой, свободные от багажа, не без труда поспевали за ней. Итак, женщины заменили лошадей и за плату, равную 4–5 фунтам черного хлеба, везут довольно громоздкую тележку. Но все-таки мы наняли не за хлеб, а за

1575 «Рассказ о семи повешенных» – повесть Л. Андреева (1908), прототипами героев которой были эсеровские боевики, готовившие покушение на министра юстиции И. Г. Щегловитова; подробнее см.: Кан Г. С. Грозь бедой преступной силе... Летучий боевой отряд Северной области (1906–1908). СПб., 2021. Т. 1. С. 7–8, 533–535.

1576 1 пуд равен 16,4 кг.

деньги. А сегодня один знакомый мне рассказывал, что он недавно нанял бабу свезти на тележке дрова за 2 фунта хлеба. Баба везла, он шел барином. Таков уровень заработной платы в социалистической республике! И таков род и характер труда!

4 мая 1920 г. 1 мая я видел процессии по поводу Первого мая. Народа было много, и на некоторых процессии произвели величественное впечатление. Я видел, как несут сделанный из картона локомотив (не модель, а вырезанный рисунок локомотива), пароход и т. д. как символы труда, сделанные уже в виде модели гигантские плоды – арбузы, виноград и т. д. как символы изобилия плодов земных в социалистической республике, но на меня это все произвело впечатление скорее карикатуры.

На площади между Зимним дворцом и Адмиралтейством кипела работа. Работающих было действительно очень много, гораздо больше, чем это соответствовало характеру и значению работы: убирали решетку, сломанную уже полтора года тому назад, и груды железа и кирпича, валявшиеся в течение этих полутора лет после разрушения решетки. Сегодня на улице я видел номер РОСТА (Российское телеграфное агентство) со статьей в таком роде: она, наконец, убрана, эта мозолившая всем глаза решетка. Убрана, но не совсем: кирпичи действительно унесены, но обломки железа не увезены, а поставлены в некотором относительном порядке в определенных местах. Рельсы, наскоро положенные для тачек, не убраны. И вообще порядка нет: садом перед дворцом как садом пользоваться нельзя, по крайней мере в полной мере. А между тем разрушение, хотя даже оно произведено не вполне, обошлось, наверное, во много десятков раз дороже, чем стоило в свое время сооружение.

Но как можно было заставить людей работать в такой пролетарский праздник, как 1 мая? На это дают ответы некоторые из бесчисленного множества плакатов, развешанных по улицам. Наряду с плакатами, говорящими о празднестве, име-

ются такие, в которых говорится, что великий праздник труда не должен быть посвящен праздности, но нужно в этот день показать и умение трудиться. И вот перед Зимним дворцом (и, говорят, еще на Марсовом поле) был произведен символический труд: здесь убрали намозолившую глаза (благодаря бессмысленному разрушению, произведенному той же властью) решетку. А там была посадка молодых кустов и деревьев, долженствующая обратить Марсово поле в цветущий сад. Я этого не видел.

Узнал я в эти дни по возвращении из поездки мало нового. Вот немногое.

Недели две тому назад в газетах появилась телеграмма (я ее читал в Жлобине), что из Америки в Советскую Россию прибыли 200 паровозов. А дня через два – поправка: паровозы прибыли не в Советскую Россию, а в Эстонию, по заказу эстонского правительства (этой поправки я не видел).

В Москве арестованы Крохмаль и другие наиболее видные деятели кооперативов, через которые Эстония должна была вступить в товарообмен с Советской Россией. Таким образом, дело товарообмена, о котором так много говорилось после мира с Эстонией, ликвидировано и самый мир, как и следовало ожидать, оказался пуфом. Несомненно, то же будет и с финляндским миром¹⁵⁷⁷.

Сегодня перед зданием Государственной думы я видел памятник Лассалю¹⁵⁷⁸. Три недели тому назад (перед моим отъездом) у него отвалился затылок и голова Лассалья зияла

1577 Мирный договор между РСФСР и Эстонской республикой был заключен 2 февраля 1920 г. в Тарту, с Финляндской республикой – 14 октября 1920 г. там же.

1578 Гипсовый бюст Ф. Лассалья, выполненный скульптором В. А. Синайским, был открыт на Невском проспекте 6 октября 1918 г., демонтирован в 1920 г. и, восстановленный в граните в декабре 1923 г., простоял до 1937 г.

громадной пустотой. Оказалось, что памятник починен, и починен недурно: при самом внимательном осмотре я не мог заметить шва. Уже года два назад развалился Радищев (перед Зимним дворцом) и убран; убрана Софья Перовская перед Николаевским вокзалом (в газетах было объяснено: так как памятник оказался непонятным пролетариату); разваливается понемногу Володарский¹⁵⁷⁹; потребовал починки Лассаль. Интересен этот памятник. Кроме наглости в задранной кверху голове, скульптор не нашел в Лассале ни одной черты, заслуживающей увековечивания.

20 мая 1920 г. Сегодня я проходил Марсовым полем и видел посаженные на нем растения. Многие принялись, другие, видимо, сохнут. Последних едва ли не больше, чем первых. На дорожках валяются камни и кирпичи.

Вопрос, который постоянно меня глубоко интересует и на который я не решаюсь дать категорический ответ: рядом с тем разрушением, которое явно идет, нет ли процессов, говорящих о созидании? Я их не вижу или вижу слишком мало, чтобы они могли идти в какое-нибудь сравнение с процессом разрушения. Но, может быть, они все-таки идут?

Одно несомненно. С тех пор как я получил ученый паек, я питаюсь хотя и скверно, но все-таки лучше, чем весь прошлый (1919) год, когда я постоянно чувствовал себя голодным. То же самое испытывают очень многие – все профессора, и некоторые склонны говорить, что питание вообще улучшилось, что в области снабжения Петербурга продовольствием произошло улучшение. Когда я указывал на людей не служащих или не служащих на казенной службе, то получал в ответ, что их положение действительно ухудшилось, но численно они состав-

1579 Гипсовый памятник В. Володарскому работы скульптора М. Ф. Блоха, открытый на бульваре Профсоюзов (б. Конногвардейском) 22 июня 1919 г., был взорван в мае 1921 г.

ляют слишком ничтожную группу.

Сегодня я видел одного железнодорожника. Полтора года назад, когда я с ним виделся в последний раз, он питался лучше моего и вообще был поставлен лучше моего. Теперь он поставлен значительно хуже меня и жалуется на голод, на то самое, от чего я страдал весь прошлый год. Таким образом, значительная часть даже служащих оказывается в положении худшем, чем раньше, а мы просто оказываемся вытянувшими счастливый жребий.

24 мая 1920 г. В столовой, где я получаю трудовой обед, вот уже с месяц красуется объявление: «Выбирайте контроль! Отнеситесь более внимательнее (sic), чем на прошлых выборах», и т. д. Подпись: «Избирательная тройка». А рядом еще дня три назад красовалась другая надпись, теперь почему-то снятая, в которой говорилось, что столовая – дело граждан, что в ней заинтересованы все, что поэтому все граждане должны помогать ее строить; все граждане получают в ней сытный и вкусный обед, родители напитают здоровой пищей своих детей и т. д., и потому все должны отнестись внимательно к делу выборов контрольных комиссий. Под этим печатным плакатом кем-то была сделана карандашная приписка: «А где свобода выборов?» Любопытно, что приписка, сделанная, очевидно, противником большевиков, написана большевичьей орфографией¹⁵⁸⁰: лишнее доказательство, что в этой области большевики победили.

Таким образом, избирательная тройка позволяет себе опорочить предыдущие выборы контролеров. Имеет ли она к этому какие-нибудь объективные основания или недовольство составом вследствие несогласий, не знаю. Но ехидный вопрос:

1580 Имеются в виду реформированные правила правописания, утвержденные декретом Совнаркома «О введении новой орфографии» от 10 октября 1918 г.

«А где свобода выборов?», очевидно, имеет большое значение. Выборы – везде, там, где они не имеют никакого смысла; как, например, выбирать в столовой, где я никого не знаю, где я схожусь с незнакомыми даже по имени людьми, меняющимися в зависимости от часа, когда я прихожу в столовую? И сколько времени нужно тратить на все эти выборы, если относиться к ним серьезно? Не ясно ли, что старая ресторационная система гораздо удобнее, так как при ней я могу выбирать не людей, которых не знаю, а ресторан, в котором меня лучше кормят?

В моей столовой вывешивается постоянно объявление о том, сколько каких продуктов положено в какое кушанье. В суп и в кашу на 100 порций кладется один-полтора фунта соли. Между тем и то и другое совершенно несолено. Нет сомнения, что соль, цена которой теперь на рынке не менее 600 рублей фунт, разворовывается. Вероятно, разворовываются и другие продукты.

В прошлом октябре нашему архиву было предписано значительную его часть запаковать в ящики и отправить в Москву, где находится Рязанов и куда он пожелал перевести весь или большую часть архива; запаковка производилась спешно, днем и ночью, причем служащим обещали за вечерние и ночные часы особую плату, притом в увеличенном размере. Плата эта уплачена не была – почему, никто не знает. Служащим, работавшим в эвакуируемой части архива, было предложено либо переехать в Москву, либо взять отставку. Кажется, все без единого исключения предпочли последнее.

Было упаковано около 200 громадных ящиков, которые на 5 или 6 грузовых автомобилях отправили на Николаевский вокзал. Несмотря на неуплату вознаграждения за упаковку, обошлось это удовольствие, конечно, страшно дорого – ящики, гвозди, веревки, автомобили и т. д. На Николаевском вокзале эти ящики пролежали более полугода и теперь, частью попор-

ченные мышами, за невозможностью доставить в Москву возвращены в архив¹⁵⁸¹. Архив занят обратной их разборкой; служащие занимаются этим делом и злорадствуют. Интересно, будут ли приняты на службу уволенные?

7 июня 1920 г. Я уже как-то описывал свой день. Повторю это еще раз. Сегодня мы с женой пошли за ученым пайком. Должны были нам выдать 12 фунтов хлеба, 7½ фунтов рыбы, масло, спички, шоколад, перец, лук, итого – более полпуда, и причем вещей не особенно портативных, по крайней мере, при отсутствии удобных для всего помещений. Поэтому мы и пошли вдвоем.

Кроме того, я взял 1) прошение моей матери о назначении ей ученого пайка и 2) мое собственное прошение о выдаче мне носков. Это последнее было написано потому, что я прочитал объявление, что ученые, получающие паек, могут подавать заявления о выдаче им носков, если у них таковых нет. А я уже всю зиму ходил без носков, надевая сапоги прямо на голую ногу¹⁵⁸². Пробовал обертывать ее в газету, но как-то это не

1581 Фонды Петроградского историко-революционного архива предполагалось вывезти в Москву, ликвидировав его в декабре 1919 г., но он просуществовал до января 1927 г.

1582 См. отношение от 3 мая 1920 г.: «Нижепоименованный служащий Историко-революционного архива, проживающий в пределах подрайона (I Василеостровского района), совершенно не имеет обуви, так как бывшая у него пришла в полное разрушение и дальнейшее оставление его в таком положении не только угрожает его здоровью, но и совершенно лишает возможности посещать службу. На обращение Историко-революционного архива в Распределительный отдел Петрокоммуны Отдел заявил, что к 25 минувшего апреля он раздаст по районам полторы тысячи пар обуви, куда и рекомендовал обратиться со ссылкой на Отдел. На обращение Историко-революционного архива в Распределительный отдел районное бюро направило обратиться в подрайон. Ввиду изложенного Историко-рево-

пошло, газета рвалась, и приходилось обходиться без всего. И вот на просьбу матери получил: об ответе справьтесь в начале июля, а на мою: об ответе справьтесь осенью. Итак, в социалистической республике следует годами ходить без носков.

Паек получили сравнительно быстро, но оказалось, что хлеба, о выдаче которого сегодня красовалось и красуется и сейчас объявление, налицо нет и потому за ним рекомендуется прийти завтра или послезавтра. Итак, два раза следует прийти за одной выдачей. Приходить вдвоем было совершенно бесполезно, и время одного из нас было потеряно совершенно бесплодно.

Мы пошли в Петрокоммуну¹⁵⁸³, где на прошлой неделе

люционный архив просит Первый Василеостровский район об удовлетворении ордером на обувь, т. е. на сапоги и галоши, служащего Василия Васильевича Водовозова в срочном порядке, причем архив удостоверяет, что по району через Домовый Комитет Бедноты вышеуказанный служащий в истекшем году ордеров ни на сапоги, ни на галоши не получал. Управляющий отделением А. Шилов» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2898. Л. 46). В свою очередь, Училище командного состава флота, в котором Водовозов преподавал, удостоверяя 17 декабря, что он «действительно нуждается в приобретении валенок благодаря преклонному возрасту и невозможности приобрести их помимо Петрокоммуны», ходатайствовало об удовлетворении его просьбы, но, видимо, безуспешно. Во всяком случае, 14 декабря 1921 г. Водовозов снова обращается в Петрокоммуну: «Имея расстроенное здоровье, легко подвергаясь простуде, которая крайне опасна при слабости моих легких, и не имея в настоящее время ни крепких сапог, ни калош, вынужденный ходить в сапогах дырявых, я очень прошу выдать мне сапоги и калоши» (Там же. Л. 24, 61).

- 1583 Петроградская потребительская коммуна (Петрокоммуна), созданная в сентябре 1919 г., ведала заготовкой и распределением продуктов питания и предметов первой необходимости; просуществовала до лета 1921 г.

получали по докторскому рецепту некоторые продукты и где нам не выдали рыбы (корюшки) и масла, за которое мы, однако, уже тогда уплатили деньги и на которые имели ордер; тоже почти всегда приходится ходить два, а то и три и более раз. Пришли мы после часа (так как перед Домом ученых¹⁵⁸⁴ мне нужно было зайти еще в университет за некоторыми бумагами, и там меня тоже задержали), и оказалось, что Петрокоммуна, открытая всего до 4½ часов, днем еще закрывается на время обеда – не то на час, не то на два. Итак, туда следовало сходить еще раз.

Я пошел на службу, в архив, и пришел в 1½. Это вместо 11. И так поступаю не я один, – все, и иначе поступать нельзя: то за ученым пайком, то за дровами, то за третьим, за четвертым приходится простаивать целые часы, а то и дни.

В два я ушел завтракать в столовую по соседству. Это наше право: не отказываться же потому только, что меня задержали в Доме ученых. Так как я думал, что из Дома ученых пойду домой, там захвачу хлеб и ложку и с ними пойду в столовую, то на этот раз мне пришлось завтракать «трудовым обедом» без хлеба; при трудовом обеде хлеб не полагается. Жестяную ложку дают под залог карточки. Обед дали опять совершенно без соли. Соли отпускается достаточно, но социалистическое воспитание воспитывает воров, и потому служащие в столовых разворовывают соль, а вероятно, и многое другое.

В 2½ вернулся в архив, в 3½ ушел из него в Петрокоммуну. Там мне нужно было получить взамен прежнего ордера новый, помеченный новым числом; для этого понадобилось получить одну бумажку у заведующего распределением, который удостоверил, что двух вещей я действительно не получил; од-

1584 Имеется в виду Дом ученых, открытый 31 января 1920 г. в бывшем дворце великого князя Владимира Александровича на Дворцовой набережной по инициативе Петроградской комиссии по улучшению быта ученых.

ной из них, корюшки, не оказалось и на этот раз, и свежую рыбу пришлось заменить селедкой. Затем с этим удостоверением надо было получить ордер, а касса должна была удостоверить, что деньги уплачены еще в прошлый раз, итого три хвоста, правда не длинных. Затем длинейший хвост за маслом и более короткий у селедки. Итого стояние в пяти хвостах у меня отняло 1 час 20 минут, и я ушел из Петрокоммуну только в 5 (официально она закрывается в 4½, но пришедшие раньше этого срока удовлетворяются). И на придачу – страшная усталость. Стоять приходится в тесноте, в духоте (конечно, все курят в самую физиономию соседу), в грязи. Продукты выдаются без мешков и только некоторые в бумажке; для сахара, например, приходится иметь свой бумажный или иной мешочек. Иначе не получите (как в аптеке не получите лекарства, если у вас нет склянки).

Вот день. И таких дней много, очень много.

Кстати, я забыл рассказать об одном факте, ставшем мне известным уже около месяца назад.

В начале мая я в той же Петрокоммуне получал, тоже по рецепту, некоторые продукты. В том числе мне было разрешено получить один фунт шоколада. Но шоколада не оказалось, причем заведующий любезно объяснил:

– Шоколад у нас был в достаточном количестве, но только сегодня мы должны были отдать весь для английской делегации¹⁵⁸⁵.

Итак, английскую делегацию подкупали, между прочим, шоколадом, отобранном от больных. Интересно, знает ли она об этом и понимает ли? Оценила ли она это в достаточной мере?

1585 12 мая 1920 г. в Петроград приехала делегация лейбористской партии и английских тред-юнионов, присутствовавшая в тот же день на пленуме Петроградского губернского совета профсоюзов.

Недели две тому назад (помнится, в среду, 26 мая) в «Правде» было сообщено, что колчаковское правительство предано суду¹⁵⁸⁶, причем ему инкриминированы два «тягчайших преступления»: введение закона о смертной казни и разгон Сибирской областной думы¹⁵⁸⁷. Вот лицемерие! Шекспиру, когда он писал своего «Ричарда III», такое и во сне не виделось.

На этих днях в двух газетах одновременно были помещены статьи о том, что в трамваях и на улицах слышатся речи, что «так дальше жить нельзя». Обе газеты на разные лады ругают так говорящих, но любопытно, что наконец-таки власть имущие сами услышали такие речи.

Лето. Погода хорошая, перепадают дожди, не очень жарко. Улицы, по которым езды почти нет, заросли травой и стали красивее. Воздух в городе лучше, чем он бывал в прежние годы. На моем балконе, выходящем на Неву, он очень хорош, почти дачный. Нет запаха асфальта, который топят; нет клубов вонючего дыма, выбрасываемого пароходами.

Между тем грязь в Петербурге ужасная. На лестницах вонь; около закрытых и незакрытых павильонов общественного пользования вонь; на спусках к Неве вонь. Ничто не убирается, все гниет. Но вонь только на очень ограниченных участках, а подальше она не чувствуется. Ясно, что фабрики, лошади, езда, пароходы, многолюдство отравляют воздух гораздо хуже, чем самая страшная человеческая грязь, и мы видели в

1586 20–30 мая 1920 г. в Омске проходил суд над членами правительства А. В. Колчака.

1587 Речь идет о военном перевороте в Омске 18 ноября 1918 г., в результате которого Директория (Временное всероссийское правительство) была распущена (часть ее членов, эсеров, арестовали и выслали за границу), а Верховным правителем стал А. В. Колчак, утвердивший постановление совета министров от 30 ноября о введении смертной казни «за посягательство на ниспровержение или изменение» существующего государственного строя.

Петербурге один из немногих положительных результатов деятельности большевиков – улучшение воздуха. Да, Петербург понемногу обращается в руины, если хотите, в кладбище, и воздух в нем как на сельском кладбище.

Не этим ли улучшением воздуха объясняется уменьшение смертности? Точных статистических цифр у меня нет, а я знаю, что определение таких вещей, как смертность, на глазомер может вызвать у статистика только пожатие плеч. Но раз цифр нет, то волей-неволей приходится довольствоваться глазомером. А он говорит мне вот что: в 1918 и 1919 годах я беспрестанно слышал о смерти то того, то другого или близкого мне человека, или по крайней мере знакомого или хотя бы известного по фамилии. Последние смерти приходятся на начало января текущего года. А затем я слышал о смерти только Ф. Д. Батюшкова и статистика И. М. Красноперова, но последняя не в счет, так как Красноперову было лет 80, если не больше (я говорю о смертях в Петербурге; из провинции доносилось вестей о смертях много и очень печальных: о смерти Евгения Трубецкого, проф. Покровского и многих других).

Мое объяснение этого явления улучшением воздуха явно недостаточно, но в ряду других причин и оно могло сыграть свою роль. Верно ли самое наблюдение? Ручаться не могу, но кажется, что верно. Его сделал не один я. Во всяком случае, сильных эпидемий нет. Вместе с тем не могу не отметить еще одно явление того же рода. Осенью 1918 г. нельзя было пройти по улице час, чтобы не увидеть по крайней мере одну, а то и две и три лошади, павшие от бескормицы. С весны 1919 г. это явление прекратилось, осенью 1919-го опять было появилось, но в значительно меньшем размере, а зимой 1919–1920 гг. вновь прекратилось. Первое объяснение – уменьшение числа лошадей. Но оно, несомненно, недостаточно. Лошади все-таки есть. Приходится признать, что пропитание лошадей улучшилось. Вероятно, это в связи с тем, что извозчицьи лошади вывелись совершенно и теперь имеются только казенные лошади, а для их пропитания принимаются достаточные меры.

Вот два факта – уменьшение смертности людей и уменьшение падежа лошадей, – которые стоят в явном противоречии со всеми остальными известными мне фактами, со всем строем жизни и для которых я не нахожу достаточного объяснения. Большевики могли бы увидеть в них оправдание своего режима. Думаю, что таковым они служить не могут, но, повторяю, достаточного объяснения им найти не могу. Очень интересно было бы проверить их статистически, но это, вероятно, невозможно. Статистику большевики похерили в числе прочих буржуйных выдумок, благо в общем им она, конечно, невыгодна.

Сегодня я видел объявление, вывешенное под воротами Дома ученых, – говорят, оно расклеено во многих местах и уже давно, но я как-то не замечал его. В нем объявляется, что все лица польской национальности, без различия профессии, должны быть взяты на учет и подлежат регистрации. Два года тому назад то же самое было сделано относительно офицеров, а затем зарегистрировавшиеся офицеры были массами расстреляны. Вероятно, подобной цели по отношению к полякам нет. Но все-таки как примирить признание равных прав за всеми гражданами без различия религии и национальности и особую регистрацию одной национальности?

Вообще, то, что мы переживаем, может в полной мере быть сравнено с крепостным правом. Мы все прикреплены к месту службы (особым декретом запрещено переходить со службы на службу), к лавкам, к столовым, к городу, где живем, даже к квартире. Для переезда с квартиры на квартиру требуется специальное разрешение. А для выезда куда бы то ни было в прифронтовую полосу, причем понятие прифронтовой полосы толкуется очень расширительно, так что члены северной экспедиции, едущие по казенным делам на Мурман, приравниваются к едущим в прифронтовую полосу (хотя там никакого фронта нет, война с Финляндией там не ведется), требуется совсем особое разрешение, для получения которого нужно подвергнуться дактилоскопическому исследованию. И

подобные вещи вводятся без опубликования соответственного декрета, – власти этого конфузятся и скрывают.

Мне об этом сказал вчера один человек, собиравшийся ехать в такую экспедицию (с казенной командировкой по казенной надобности), и, по его словам, ему так противно подвергаться подобному исследованию, которое в старые годы производилось в охранках и в сыскных отделениях, что он отказался от участия в ней. Верить ли этому рассказу? Я верю. Нет такой гнусности, которая вызывала бы к себе недоверие.

23 июня 1920 г. Сегодня ночью у нас был обыск. Всего у меня с лета 1918-го по лето 1919-го было 5 обысков¹⁵⁸⁸, затем целый год не было ни одного, и, наконец, сегодня – первый за год, шестой по общему счету за время большевичьего режима. Это был обыск повальный, во всем Петербурге. Лишь немногие были избавлены от него. В нашем доме обысканы все квартиры, обыски продолжались с 2 часов ночи до 9.

В два часа Мария Александровна¹⁵⁸⁹ случайно подошла к

1588 В. В. Водовозов, упоминая об адресованных ему письмах Г. А. Лопатина, замечал: «К сожалению, часть их у меня была отобрана при обыске в начале ноября 1918 г. и, несмотря на просьбу, официально обращенную Революционным архивом в Комиссию по борьбе с контрреволюцией, до сих пор не возвращена» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 1631. Л. 1).

1589 На протяжении более сорока лет М. А. Шепельская была «незаменимой помощницей» по книжному складу и ведению дома матери В. В. Водовозова, которая пользовалась ее заботами «до своей смерти и на руках которой она скончалась»; хоронить покойную тоже пришлось «этой самоотверженной спутнице ее жизни» (Кареев Н. И. Елизавета Николаевна Водовозова-Семевская // Голос минувшего. 1923. № 2. С. 181–182). Елизавета Николаевна скончалась, когда Водовозов находился за границей, а из семьи другой ее невестки, бывшей издательницы, на похороны, как сообщала ему Шепельская, никто не пришел.

открытому окну и слышала на дворе разговор:

– Когда же мы справимся с этим домом? Мы лучше разделимся на две партии: одна возьмет одну половину дома, другая – другую.

Таким образом, мы об обыске были предупреждены.

К нам в три часа ночи пришли четыре человека: один матрос, один солдат, один не в военном костюме и одна женщина. Кроме них в обыске принимал участие домовый уполномоченный. Спросили паспорта, читали их крайне медленно и, наконец, по поводу моего паспорта, в котором явственно стояло: Василий Васильевич Водовозов, спросили мою жену:

– Это чей же паспорт, ваш или вашего мужа?

Ясно, что в грамоте не сильны.

Обыск был самый поверхностный, вещей не трогали вообще, только прошли по комнатам и проверили наличных людей. В заключение объяснили:

– Мы ловим дезертиров.

Любопытно, что из обыскивающих наиболее омерзительное впечатление производила женщина своей отвратительно злобной физиономией.

Утром Мария Александровна видела уполномоченного. Он жаловался, что его заставили всю ночь, до 9 часов утра, участвовать в обыске, а к 11 должен быть на службе, – там не примут в оправдание этого обстоятельства, если не придет или опоздает. А он, кажется, чистый большевик.

29 июня 1920 г. Сегодня в «Петроградской правде» (№ 141) помещена статья «К морю», подписанная Политикус¹⁵⁹⁰. Под этим псевдонимом прежде писал один большевик, с которым я познакомился в Мюнхене в 1901 г. Он был тогда эмигрантом.

1590 См.: Политикус Михайлов Л. М. К морю // Петроградская правда. 1920. № 135, 137, 141. 22, 24, 29 июня.

Человек не без знаний и не без способностей, но со склонностью мыслить по шаблону, даваемому сильно вульгаризованным марксизмом. Фамилия его, помнится, Михайлов.

Статья очень любопытная. Основная ее мысль выражена в конце:

«Босфор и Дарданеллы играли и будут играть в нашей мирной экономической жизни первенствующую роль и будут иметь первенствующее значение».

«РСФСР немыслима без Украины, а Украинская республика немыслима без свободного выхода в море, то есть беспрепятственного движения по Босфору и Дарданеллам».

«На этот жгучий вопрос нам должно теперь же обратить серьезнейшее внимание и должно зорко смотреть за тем, чтобы англо-итало-французские капиталисты не воздвигали на развалинах прогнившей Турецкой империи нашему экономическому бытию эшафота».

«Нам нужно смотреть за тем, чтобы западноевропейский и американский капитализм не накинуд на Босфор и Дарданеллы петли и не подорвал с самого начала развития нашей промышленной жизни, которая, подобно финикийской торговле (?! – В. В.), понесет через Босфор и Дарданеллы в Средиземное море, в моря и океаны, во все страны земного шара новую социалистическую культуру. Нам нужен открытый путь к морю».

Таким образом, программа чистого империализма. И это не личное только мнение Политкуса. Это программа дня. В переговорах с Финляндией (см. «Правда», предыдущий номер) русская делегация отстаивала сохранение за Советской Россией западной части Ледовитого океана во имя стратегических задач против финляндской делегации, требовавшей ее себе во имя принципа национального самоопределения. Таким образом меняются роли! Кстати, когда Финикия¹⁵⁹¹ несла социали-

1591 Финикия (от греч. Фойнике, букв. страна пурпура) – древнее

стическую культуру?

1 июля 1920 г. Сегодня моя жена была в Петрокоммуне. Туда пришли две работницы, делегатки какой-то фабрики, хлопотать о продуктах; их заставили ждать. Они начали разговор между собой, но громкий, явно демонстративный.

– Да, вот на том отделении выдают продукты, а у нас – нет. Ведь и их, и наше отделение не работают одинаково. А потому, что «они» (то есть большевики. – В. В.) такую политику ведут, чтобы нас, рабочих, одних на других натравлять.

Это задело за живое присутствовавшего чиновника Петрокоммуну, и он начал возражать:

– Что вы, товарищи, говорите! Как это может быть, чтобы мы хотели рабочих на рабочих натравлять! Ведь мы сами рабочие и все делаем для рабочих, что можем. Значит, то отделение послало делегатов и выхлопотало, а вы этого не сделали. А что же нам делать, коли продуктов мало? Ведь война! Вот поляки начали войну – зачем? Не польским рабочим она нужна, а капиталу! Вот в этом беда. У меня брат три года на фронте.

– А у меня муж шесть лет на войне.

– Ну вот, воевал с немцами. Но тогда зачем мы воевали? Кто это знал? А теперь свою землю и свободу защищаем.

– Ох, и теперь не знаем, зачем ведем войну.

– Ну что вы говорите, как это можно? Теперь себя самих защищаем. Потому и голод. А вы – натравливать рабочих на рабочих. То же недовольство и на выборах сказалось¹⁵⁹², а вся беда – в войне.

– Да, вы все такое говорите, – заметила работница, видимо не соглашаясь с аргументацией большевиков.

государство на восточном побережье Средиземного моря, достигшее наивысшего расцвета в 1200–800 гг. до н. э.

1592 Выборы в Петроградский совет проходили 23–30 июня 1920 г.

В конце концов работницы получили, что им нужно, и ушли веселые. Было ли это веселье хотя бы временным примирением со строем? Или нет?

Большевик в этом разговоре признал, что на выборах сказалось недовольство рабочих. Это очень ценное признание и, кажется, совершенно правильное. Напротив, в газетах говорится о блестящей победе большевиков, о полном провале их врагов. Но, как я слышу, выборы в очень многих местах дали оппозиционные результаты, но почти везде они кассированы. В одном месте (на Нобелевском заводе¹⁵⁹³) это признано официально, в остальных случаях утаено.

8 июля 1920 г. Я не напрасно поверил рассказу о дактилоскопическом исследовании едущих в прифронтовую полосу. Сегодня я и моя жена должны были приложить к полученному разрешению на выезд снимок со своих пальцев. Но и тут большевики не умеют делать дело. Прежде снимки производились какой-то особой мастикой, очень противной на ощупь, не смываемой мылом и оставляющей неприятное грязное ощущение на пальце в течение нескольких дней, но зато снимки получались ясные и отчетливые. Теперь мастики, видимо, нет и снимки производятся какими-то чернилами, да и тех не хватает, и потому ничего особенно противного в этой операции нет, но зато снимки таковы, что, по-моему, они не могут служить никаким практическим целям. Не понимаю, почему не введут обязательного требования фотографий? Для целей контроля это гораздо удобнее. Или, может быть, нет возможности по отсутствию фотографий?

9 июля 1920 г. Сегодня я видел на одной типографии приглашение рабочих на митинг по вопросу о прифронтовой не-

1593 Имеется в виду машиностроительный завод «Людвиг Нобель», переименованный в 1919 г. в «Русский дизель».

деле с обязательной явкой и угрозой предания неявившихся суду. Митинг должен был состояться вчера.

Я знаком с заведующим типографией и спросил его об этом митинге и о подобных митингах вообще. Он рассказал мне следующее.

Митинги такого рода устраиваются по требованию начальства. Угроза неявившимся имеет мало значения: не являются многие, и суду их не предадут. Митинги проходят очень вяло, и все требования начальства исполняются беспрекословно: отчисление так отчисление, сбор пожертвований так сбор. Совсем не то, что в царские времена, когда каждое подобное требование вызывало острое недовольство и возражения.

– Происходит ли это вследствие сочувствия правительству?

– О, нет. Вследствие усталости, вялости, апатии. Общее настроение – безусловно против большевиков. Но не более 2–3 рабочих являются сознательными и решительными врагами большевизма, говорящими против него в товарищеской среде. Остальные соглашаются с ними, но вяло. И эти, однако, не осмеливаются выносить свою пропаганду на улицу.

– А есть ли сознательные большевики?

– Есть прикидывающиеся таковыми по корыстным соображениям. Искренних нет.

– Вы уверены в этом?

– Совершенно.

Сегодня в «Правде» очень важная статья о распространении веры в чертовщину, в мощи, даже среди большевиков¹⁵⁹⁴. Нельзя терпеть в нашей среде людей, допускающих возможность существования Бога или колеблющихся по этому вопросу, говорится в ней, потому что сегодня он верит в Бога, завтра

1594 Шв. П. Федин К. А. Про эпидемию чертовщины, о ее распространении, последствиях и единственно возможном лечении // Петроградская правда. 1920. № 150. 9 июля.

поверит в черта, а послезавтра поедет устаивать молебен над мощами святого, как это сделал in corpore¹⁵⁹⁵ Осташковский исполком.

Мне кажется эта статья чрезвычайно показательной. Я делаю из нее следующие выводы:

1. Нельзя запретить верить в Бога, как нельзя приказывать верить в него. В лучшем (или, может быть, худшем) случае Бог заменится чертом или мощами, но без веры человек не останется.

2. Потрошением мощей нельзя поколебать веру в них. Кто знает, может быть, в том самом исполкоме, который служит молебен над мощами одного святого, есть член, который принимал активное участие в кошунствах над мощами другого святого.

3. Das Alte stürzt, es ändert sich die Zeit, и все так же altes Leben blüht aus den Ruinen¹⁵⁹⁶. И, может быть, черт, мощи и Николай Угодник погубят большевиков; даже божьей помощи не понадобится.

Сегодня же в «Правде» переговоры с Англией. Я решительно не верю в возможность действительного мира между Совдепией и другими странами с настоящим товарообменом, хотя не отрицаю возможность мира бумажного с прекращением блокады. Скорее склонен думать, что снятие блокады ускорит падение большевиков, так как оно докажет воочию всем, что беда не в Антанте, а в большевиках. Хуже грозящая война Швеции с Финляндией¹⁵⁹⁷. Что-то она даст нам?

1595 в полном составе (лат.).

1596 Старое рушится, меняется время ... старая жизнь расцветает из руин (нем.); правильно: «Und neues Leben blüht aus den Ruinen» (нем.) – «И новая жизнь расцветает из руин» (слова из драмы Ф. Шиллера «Вильгельм Телль» (1804)).

1597 Видимо, имеется в виду кризис, связанный с территориальной принадлежностью Аландских островов, парламент которых

Видел несколько немецких газет. Несмотря на жалобы на тяжелое положение, видно, что жизнь там бьет ключом. Цены поднялись в 5–10 раз, то есть очень мало сравнительно с нашими. Книги выходят, умственная жизнь кипит. Митингов – масса, свобода – полная.

10 сентября 1920 г. Я совершил поездку на Мурман (в Александровск¹⁵⁹⁸), занявшую полтора месяца¹⁵⁹⁹. На Мурмане англичане оставили громадные запасы продовольствия, поэтому паек там до сих пор очень значителен, хотя эти запасы и вывозятся в Москву и Петербург. К счастью, железнодорожная разруха мешает сделать это быстро. У рыбаков там отбирают рыбу по твердым ценам, и потому власть возбуждает к себе сильную ненависть. При англичанах – это признают все – жилось гораздо лучше и в смысле продовольствия, и в смысле свободы. И тем не менее у местного населения отношение к ним нехорошее. Рационального объяснения неприязни мы добиться не могли.

– Нехристи, – это весь ответ.

– Но ведь жилось при них лучше, чем теперь?

– Кормили лучше. А все-таки – нехристи.

выступал за присоединение их к Швеции; решение о сохранении суверенитета Финляндии над островами было принято Советом Лиги наций в июне 1921 г.

1598 Александровск – уездный город Архангельской губернии (с 1899 г.) в Екатерининской гавани на выходе из Кольского залива; с 1939 г. город Полярный.

1599 В удостоверении от 23 сентября 1920 г. говорилось: «Предъявитель сего, тов. Водовозов Василий Васильевич, сотрудник Экономического отряда Северной экспедиции Высшего совета народного хозяйства, командирован к месту работ в гор. Александровск на Мурмане. Цель командировки: производство экономических исследований. Срок: по 20 октября с. г.» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2898. Л. 95).

И это все. Интеллигенция относится к англичанам лучше, но именно она объясняет антипатию к ним народа высокомерным поведением англичан, презрительным отношением к русским. Я делаю из этого один вывод. Национальность есть факт, что бы ни говорили Маркс, Каутский и другие, и национальное чувство есть тоже факт и фактор. Назовем его зоологическим чувством или иначе, дело от этого не изменится. И вот национальное чувство не мирится с иностранным господством, хотя бы оно было лучше своего, родного. И – *da ist der Hund begraben*¹⁶⁰⁰.

Следствием пренебрежения англичан к русским остались в Мурманске английские (без русского текста) надписи названий улиц, надписи на многих зданиях и т. д. Вспомним, как финнов оскорбляло требование русских надписей в городах Финляндии, чехов – требование немецких надписей в Праге, вспомним как будто пустяковую, но ожесточенную борьбу, которую чехи вели из-за них, и мы поймем, что русских эти ненужные надписи должны были оскорблять. Денационализированная интеллигенция относилась к ним равнодушно, народ – нет.

Во вторник, 7 сентября, в «Петроградской правде» было напечатано отвратительное письмо Бехтерева по поводу полемике, вызванной его прежним призывом к эмигрантам вернуться на родину и делать здесь культурную работу. Он ругает эмигрантов за саботаж и серьезно говорит о такой работе как возможной¹⁶⁰¹. На следующий день в той же «Петроградской

1600 вот где собака зарыта (нем., букв.), т. е. в этом заключается суть вопроса.

1601 В. М. Бехтерев в июне 1920 г. опубликовал обращение «К русским ученым за границей» (Петроградская правда. 1920. № 137. 24 июня). Ему ответил М. И. Ростовцев: Rostovtzeff M. I. Should Scientists Return to Russia: A Reply to Prof. Bekhterev // The New Russia. 1920. Vol. 2. July 22. P. 370–372 (сокр. рус. перевод: Последние новости (Париж). 1920. 23 июля; полный: Должны ли

Правде» это письмо вызвало отклик, в котором говорится о Бехтереве как об истинном друге советской власти, а о проф. Ростовцеве, возражавшем Бехтереву (конечно, за границей), как о черносотенце.

С этим следует сопоставить ноту Чичерина английскому правительству, опубликованную 8 сентября, в которой Чичерин защищает принцип советской власти и утверждает, что у

ученые вернуться в Россию: Ответ проф. Бехтереву // Ростовцев М. И. Политические статьи. СПб., 2002. С. 116–120). В письме, озаглавленном «С народом или без народа» (Петроградская правда. 1920. 7 сент.), В. М. Бехтерев писал, что из «Петроградской правды» от 27 августа 1920 г. узнал об ответе Ростовцева на его «призыв русской учащейся молодежи, обращенный к русским ученым, профессорами и преподавателям, находящимся за границей, с приглашением вернуться в Россию», испытывающей «настоятельную потребность в творческих научных силах в настоящий период, переживаемый нашей страной», и указывал на «аполитичность научного труда вообще, что дает возможность квалифицированному научному работнику заниматься своим трудом, не входя в партийную деятельность». Однако Ростовцев «по поводу этого отвечает за себя: “На это я не пойду”. Таким образом, если заявление проф. Ростовцева передано верно в заметке, то выходило бы, что все ученые, остающиеся в России, своею научною работою совершают преступление против родины». Указывая, что «в России ощущается большая надобность в преподавании и научном труде», Бехтерев призывал, «не политиканствуя, работать в качестве ученого или преподавателя у себя на родине вместе со своим народом» и замечал, что Ростовцеву «следовало бы поставить для себя альтернативу: быть ли “с народом” или “без народа”». В ответной реплике от 18 октября 1920 г. Ростовцев выдвигал другую альтернативу: «С большевиками или против них», считая, что оппонент «приспособился» к режиму, и называя его деятельность «и преступлением, и предательством» (Ростовцев М. И. Еще один ответ проф. Бехтереву // Последние новости. 1920. 4 нояб.).

нас таланты поставлены в условия, дающие им возможность развить себя до максимума¹⁶⁰². Очевидно, Чичерин и, по-видимому, Бехтерев также считают, что: невозможность получать книги и следить за жизнью и за наукой; работа в комнатах с температурой в 3–4°, а то и ниже; необходимость раза три в неделю стоять в хвостах по многу часов то за трудовой книжкой, то за пайком; переселение время от времени недели на 2–3 в тюрьму; периодическое принудительное выселение с квартиры; постоянная обязанность регистрировать то одно, то другое; постоянные обыски и реквизиции то пишущих машин, то сапог, то продовольствия; отсутствие бумаги, чернил, лент для пишущих машин; дырявые сапоги при отсутствии камчи¹⁶⁰³ и носков, все это – условия, дающие возможность развить свой талант до максимума.

8 сентября напечатано важное официальное сообщение о политическом убийстве целого десятка финских коммунистов, совершенном в Петербурге¹⁶⁰⁴. Но убийство совершено 31 августа¹⁶⁰⁵. Таким образом, больше недели можно скрывать факт

- 1602 См.: Ответ Бальфуру. (От Народного комиссариата по иностранным делам) // Красная газета. 1920. № 200. 9 сент. В телеграмме Г. В. Чичерина на имя Л. Б. Каменева, предназначенной для передачи А. Бальфуру, в частности, говорилось: «Бывшие жилища аристократии превращены в большие народные клубы, где трудовые массы наслаждаются жизнью, слушают музыку, смотрят спектакли, участвуют в политических прениях, слушают научные лекции или просто проводят свободное время в дружеском общении».
- 1603 Камча – шелковая цветная ткань, использовавшаяся, в частности, для изготовления чулок.
- 1604 См.: Убийство членов ЦК Финляндской коммунистической партии. Извещение Всероссийской чрезвычайной комиссии // Красная газета. 1920. № 199. 8 сент.
- 1605 Вследствие острого конфликта между верхушкой и оппозиционной группой в Финской компартии 31 августа 1920 г. в помещении ее клуба в Петрограде были застрелены из ре-

такой громадной важности. Неужели кто-нибудь после этого верит еще газетам?

14 сентября 1920 г. В двух областях как будто замечен некоторый прогресс. 1) Вода льется из крана без перерывов. 2) Дров как будто несколько больше, чем в прошлом году. По крайней мере, университет и Политехнический институт дровами, как говорят, обеспечены. Частные лица будут страдать от холода, вероятно, по-прежнему. Во всех остальных областях разруха несомненно идет вперед.

Особенно трагично положение в аптеках. Лекарств нет, нет даже касторки. Введены новые правила: доктора должны писать рецепты на особых бланках, выдающихся им на месячный срок (для их получения доктор раз в месяц должен стоять в хвосте), рецепт имеет силу только два дня, – а лекарств нет.

16 сентября 1920 г. 12 сентября в московских «Известиях Советов» напечатана (говорят, перепечатана в «Красной газете») интереснейшая переписка между корреспондентом «Daily News» в Берлине и Лениным.

Корреспондент телеграфирует Ленину приблизительно следующее.

Отчеты французской и немецкой делегаций принесли большевикам больше вреда, чем вся антибольшевицкая агитация. В них говорится о терроре, о массовом расстреле рабочих, о господстве милитаризма. В особенности мрачно пишет Дитман, независимый социалист. Мрачен и отчет англичанина Ресселя.

«Я прошу вас сказать, что можете вы возразить; кроме то-

вольверов 8, в том числе 3 члена ЦК, и ранены 11 работников ее аппарата (подробнее см.: Измозик В. С. Дело «красных финнов» // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 4 (30). С. 69–82).

го, 1) что можете вы возразить на обвинения в ноте Вильсона¹⁶⁰⁶, 2) что вы предприняли для расследования убийства царя¹⁶⁰⁷. Мою добросовестность как журналиста вам может за-

1606 Американский президент Вудро Вильсон в своем обращении к конгрессу и народу в сентябре 1919 г. заявил, что «нынешние правители России не имеют мандата от народа и не представляют никого, кроме самих себя»; об этом же говорилось в ноте государственного секретаря Бейнбриджа Колби от 10 августа 1920 г., адресованной европейским правительствам, что нарком по иностранным делам Г. В. Чичерин в телеграмме, направленной 10 сентября представителям РСФСР за границей, расценивал как «грубые клеветнические обвинения» (см.: Пушкин С. Ленин и США // Новый журнал. 1970. Кн. 100. С. 360, 363–364).

1607 В радиотелеграмме, направленной В. И. Ленину корреспондентом газеты «Daily News» из Берлина 3 сентября 1920 г., в частности, говорилось: «Отчет британской делегации указывает на суровые преследования всех противников советской системы управления, между тем как рабочие недисциплинированны, а крестьян не удалось привести к признанию нового режима. Бертран Рассель указывает также на тиранию, которая проводится под вашим управлением. Доклад, опубликованный здесь германским независимым социалистом Дитманом, еще более неблагоприятен для вас. Он указывает, что рабочие, которые отказываются в России работать, расстреливаются. Он указывает, что 75% всего населения России – крестьяне и что они не социалисты и не коммунисты. Дитман говорит, что в России правит милитаризм, что дезертиров расстреливают, а рабочим не позволяют бастовать. Он заявляет, что в русских городах нет ни социализма, ни коммунизма и что вместо диктатуры пролетариата существует только диктатура над пролетариатом. Не можете ли вы послать мне ваши подробные ответы на эти обвинения, которые тем более вредны для вас, что они исходят от известных социалистов. Не угодно ли будет вам ответить также на следующие вопросы: 1) каков ваш ответ на обвинения, которые заключаются в недавней ноте президента Вильсона; 2) появились опять два подробных отчета об убийстве царского се-

свидетельствовать Бела Кун, находящийся в России». Ответ Ленина: «Я уже доказал, что Дитман – каутскианец; каутскианцам не может нравиться наша политика; было бы очень грустно, если бы она им нравилась. Не может им нравиться и то, что мы расстреливаем меньшевиков. Предлагаю буржуазии посылать в Россию делегации из социалистов – меньшевиков и других, и пусть эти делегации живут в России месяца по два¹⁶⁰⁸. Так как европейская буржуазия бедна и слаба, а мы богаты и сильны, то я берусь выхлопотать для этих делегаций у совета льготу, – и пусть мы берем на себя $\frac{3}{4}$ их расходов, а $\frac{1}{4}$ оплачивают европейские миллионеры».

На последние два вопроса ответа нет.

15 декабря (н. ст.) 1920 г. Давно я ничего не заносил в этот дневник, – не потому, чтобы не было материала, а вследствие полного упадка сил, вследствие овладевшей мною апатии. Заносить можно очень многое, но все в прежнем духе, все как свидетельство все идущей вперед разрухи. Сегодня «Красная газета» полна оценками положения, вполне подтверждающими это. В одном номере столько материала, что черпать можно обеими горстями, – материала, как подтверждающего все тот же общий вывод, так и некоторые другие. По ее прочтении у меня был просто зуд в руках: так хотелось бы написать статью

мейства, – какие меры приняло советское правительство против убийц?» (Советская Россия и буржуазное общественное мнение. Радиотелеграмма корреспондента лондонской газеты «Дейли Ньюс» на имя тов. Ленина // Известия. 1920. № 202. 12 сент.).

- 1608 Неточность. В. И. Ленин ответил: «Пусть к нам в Россию посылаются из всех стран делегации из рабочих и мелких крестьян (т. е. из трудящихся, из тех, кто своим трудом создает прибыль на капитал)» (Ленин В. И. Ответ корреспонденту газеты «Дейли Ньюс» г. Сегрю // Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1981. Т. 41. С. 277–278).

о режиме, для которой один номер дал бы прямо неисчерпаемый родник сведений, – и некуда такую статью поместить.

Очень важна статья «Проект земельного закона». В объяснительной записке к проекту сказано: «Засевы последних годов сократились, обработка земли ухудшилась»¹⁶⁰⁹. Ценное признание.

Далее в статье о топливном кризисе говорится: «Железнодорожная доставка дров неимоверно упала... За первые 13 дней декабря в Петроград вместо 1690 вагонов дров ввезено 238»¹⁶¹⁰, причем самый план доставки был понижен ввиду бесснежья и вместо 450 вагонов в день предполагалось ввозить по 130, а ввозилось по 18, – в 25 раз меньше!

В статье «На петроградских заводах» сообщается, что на прекрасном сахарном заводе Кёнига, бездействующем с 1917 г., 1 мая 1920 г. помещение занял 4-й лагерь принудительных работ. Теперь «заводские отделения главного корпуса представляют собой невероятно дикую (sic. – В. В.) картину разрушения», в которой повинен, по признанию газеты, заводской комитет¹⁶¹¹. В заседании исполнительного комитета совета говорилось: «Положение столовых, продолжает тов. Куклин, с технической стороны никуда не годится...» Общественная столовая, говорит Зиновьев, «наболевший вопрос. Притронешься пальцем – боль повсюду. Раньше чем принять какое-либо решение, надо его обдумать со всех сторон»¹⁶¹². Последнее заяв-

1609 Имеется в виду законопроект «о мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства», принятый Совнаркомом 11 декабря 1920 г. и представленный в президиум ВЦИК для внесения на VIII Всероссийский съезд Советов, см.: Проект земельного закона // Красная газета. 1920. № 282 (863). 15 дек.

1610 Топливный кризис в Петрограде. (Совещание в совнархозе) // Там же.

1611 На Петроградских заводах. Что имеем, не храним // Там же.

1612 Леонтьев А. Заседание на Путиловском заводе. Исполнительный комитет Петроградского совета р.-к. д. 14 декабря // Там

ление очень ценно: оно свидетельствует о глубокой мудрости оратора. Жаль, что оно пришло в голову ему так поздно.

Вот декрет о концессиях¹⁶¹³ принят, по-видимому, без обдумывания. По крайней мере, теперь каждый день идут извинения, попытки смягчить его значение, свести на нет.

Это факты из одного номера газеты. В том же номере отмечено следующее, что частью может, пожалуй, ускользнуть от внимания будущих исследователей. Под заголовком «Проект земельного закона» напечатано: «Публикуемый проект не имеет силы закона до утверждения его всероссийским съездом советов». И затем это же повторяется в тексте объяснительной записки.

Очевидно, авторы проекта не рассчитывают на то, что слово «проект» понятно их читателям. И они имеют для этого достаточное основание: их проекты так часто вводили в силу до утверждения кем бы то ни было, а декреты, уже утвержденные, оставались на бумаге, что без подобного предупреждения проект действительно может быть принят за закон.

Далее. В объяснительной записке к проекту говорится, что в 1920 г. был неурожай, а в 1921 г. ожидается «угрожающая, по некоторым указаниям науки и другим признакам, засуха». Таким образом, официально (объяснительная записка ведь есть официальное произведение) признано, что, кроме указаний науки, имеются «другие признаки», по которым можно делать предсказания погоды, – признаки, не подлежащие ведению науки. Что это? Предсказания гадалок? По картам, по кофейной гуще, по ломоте в пояснице? Это очень любопытно, в особенности когда исходит от лиц, столь решительно отгораживающихся от религии.

же.

1613 Имеется в виду декрет «Общие экономические и юридические условия концессий», принятый Совнаркомом РСФСР 23 ноября 1920 г. (Известия ВЦИК Советов. 1920. № 265. 25 нояб.).

Что касается самого законопроекта, то он предполагает ввести принудительный засев полей, а для регламентации этого нового крепостного труда создать новое бюрократическое учреждение и дать ему благозвучное имя «посевком»¹⁶¹⁴. Посевкомы по соглашению с комземами и компродами регламентируют земледелие¹⁶¹⁵, и тогда запашки увеличатся. Но посевам «воспрещается вводить правила и требования, 1) вызывающие коренную ломку крестьянского хозяйства (это большевики боятся коренной ломки! – В. В.)..., 2) трудноисполнимые для хозяйств среднего достатка (это большевики заботятся об интересах хозяйственного мужичка! – В. В.), 3) связанные с риском».

Я не писал ничего о декрете о концессиях. Он произвел громадное впечатление. Мои слушатели в Политехническом институте обратились ко мне с просьбой объяснить им значение, и я читал целую лекцию, за которую слушатели всячески выражали мне свою благодарность. Заносить ее сюда не стану. Теперь на всякие лады большевики стараются смягчить декрет, которым они подписали свое банкротство.

Сегодня Гриния Львовна¹⁶¹⁶ со слов Рязановой сообщила мне, что видные московские большевики, Стеклов и другие,

1614 Комитет по расширению посевов и улучшению обработки земли (см. постановление VIII Всероссийского съезда Советов «О мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства» от 28 декабря 1920 г.).

1615 Правильно: «Инструкцию о порядке выработки плана засева и проведения его в жизнь составить Наркомзему по соглашению с Наркомпродом и представить на утверждение Совета народных комиссаров одновременно с планом обязательного засева» (Декреты Советской власти. Декабрь 1920 г. – январь 1921 г. М., 1986. Т. 12. С. 83). Имеются в виду Народный комиссариат земледелия и Народный комиссариат продовольствия РСФСР.

1616 Речь идет о Г. Л. Полинковской, работавшей в Петроградском историко-революционном архиве.

обставили себя великолепно, живут в прекрасных квартирах с шелковой мебелью, вкусно едят и прочее; исключение составляет только Ленин, живущий просто.

На днях (кажется, 9 декабря) в «Известиях Советов рабочих депутатов» помещен фельетон Мариэтты Шагинян¹⁶¹⁷. Она говорит о той грязи и убожестве, в которой живет интеллигенция. Она добросовестно приводит объяснения (хотя и далеко не все и не наиболее существенные), которые для этого дают интеллигенты: утомление, вызванное необходимостью таскать дрова, воду, делать пешком громадные концы, стоять в хвостах и т. д. (я прибавлю еще одно: у меня, например, нет пыльной щетки для книг, и я не могу стирать пыль), и вдруг возражает: не верьте. Все неправда. Все потому, что нет прислуги¹⁶¹⁸.

Боже, как можно изолгаться, когда знает, что нельзя возразить! Ведь именно эти мотивы имеют решающее значение. Вот моя жена: она очень любит чистоту и никогда не согласи-

1617 См.: Шагинян М. Кое-что о русской интеллигенции // Известия Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов. 1920. № 277 (769). 9 дек. В. Ф. Ходасевич оценивал фельетон как «отвратительнейший донос на интеллигенцию, которая, чтобы насолить большевикам, “сама себя саботирует” – припрятывает продукты, мыло, голодает и вымирает назло большевикам, а могла бы жить припеваючи» (Ходасевич В. Избранная проза. Нью-Йорк, 1982. Т. 1. С. 213).

1618 М. Шагинян писала: «...русский интеллигент предпочитает все не переодевать белья, чем стирать самому; он станет есть из немытой посуды, лишь бы не мыть ее своими руками. У него нет воли к благообразию, инстинкта к преодолению зла. Он непротивленец, непротивленец по природе. Его засидят мухи, загадят мыши, запылят мусор, – и он все стерпит. <...> Русский интеллигент, как вы видите, саботирует сам себя: разве тут идея или политика? Проистекает это от бедности интеллигентского жизнеощущения, от неумения его бороться за самого себя и, главное, от полной неспособности к будничному труду» (Шагинян М. Указ. соч.).

лась бы жить в грязи, но после того, как все утро, до 4, до 5 часов простоит в хвостах, потом два часа возится у плиты, готовя обед, после этого она решительно не в состоянии еще стирать пыль и выметать комнату. А как же добиться чистого белья, когда нельзя найти прачки, по целым дням не бывает воды, нет мыла! Нужно заштопать носки – нельзя нигде достать штопальных ниток.

Введено бесплатное электрическое освещение, – в результате публика стала потреблять его в 5 раз больше (так было сообщено в газетах), и предполагается опять прекратить подачу электричества с 4 до 7 часов вечера.

Я сказал, что Шагинян приводит мотивы, даваемые интеллигенцией, но не все. Самая существенная причина, по которой мы все опустили, это то, что мы пришиблены жизнью нравственно.

Приведу в пример себя. Думаю, что я средний обычный интеллигент, что таково приблизительно – конечно, с уклонами в ту или другую сторону – положение и настроение всех интеллигентов. Многих – еще хуже.

Я исполняю обязанности за двух – за себя и за прислугу. За себя я читаю лекции, веду литературную работу. За прислугу ставлю самовар (обед стряпает жена), иногда подметаю пыль, топлю печи, притом печи испорченные, печника нет; сверх того – то, чего прислуга у меня не делала: колю дрова и притом топором, который каждую минуту соскакивает с топорща, а сверх того туп и зазубрен; ношу дрова из сарая, притом не имея ни подходящей для этого веревки, ни настилки на спину, – вообще исполняю работу в условиях гораздо худших, чем дворники; ношу воду ведрами, когда она замерзает в водопроводе, притом не имея коромысла, то есть в условиях гораздо худших, чем деревенские бабы. Далее: стою в хвостах, таскаю по 20–30–40 фунтов хлеба, картофеля, сельдей и прочего товара с Миллионной, где мне выдается ученый паек, и с 12-й линии, где я получаю паек фронтовой, и таскаю, не имея подходящих мешков (на днях у меня мешок на улице прорвался и

половина картофеля высыпалась; я не мог даже подобрать, – было некуда), не имея тележки или санок. Естественно, обязанности прислуги я исполняю плохо.

Обязанности интеллигента страдают от этого, но не только от этого. Я читаю в разных учебных заведениях 15 часов в неделю; кроме того, время от времени отдельные лекции; кроме того, служу в архиве и имею у Ефрона литературную работу. 15 часов составляют 5 курсов, из которых 4 для меня новых; приходится их вырабатывать. Никогда, в былое время, ни за что я не согласился бы взять на себя столько курсов. Если бы я был свободен от обязанностей прислуги, если бы я не дрожал в своей квартире от холода, не чувствовал по временам голода, не страдал бы от дурной пищи, иногда – от отсутствия света, если бы осенью не ходил в дырявых сапогах с постоянно промокающими ногами, не жил бы под постоянным страхом выселения из квартиры или какой-нибудь другой придирки: то требования получить трудовую книжку, для получения которой я должен несколько часов простоять в двух или трех хвостах, то требования доставить свидетельство о прививке от оспы, и т. д., и т. д. без конца, – и то я не мог бы подготовиться к четырем новым курсам при наличности службы и литературной работы. Но брать меньше работы я не могу. Только теперь, взяв все эти курсы, получив все связанные с ними пайки, я перестал страдать от количественного недостатка пищи, как я страдал до недавнего времени, и страдаю только от ее отвратительного качества, от недостатка сахара, жиров, молока и т. д. Набрать эту работу было необходимо.

Но еще важнее – это сознание, что работа делается дурно и что работа бесполезна. Я читаю государственное право, а между тем я не знаю не только государственного строя современной Англии или Германии, но не знаю и границ государств, не знаю, какие государства существуют, а какие нет. Я читал (в прошлом году) о социализме, не зная о течениях современной социалистической мысли. Я читаю историю XIX и XX веков до войны, но не имею возможности проверить на основании со-

бытий последнего времени (с 1917 г.), верны ли мои утверждения о тех внутренних противоречиях, которые были заключены в жизненном строе довоенной Европы. Это сознание постоянно давит меня и влияет на мою работу.

Этого мало. Прежде я знал, для чего я работал. А теперь?

Большевичий режим обречен на гибель, но обрек на гибель и Россию, русский народ, русскую культуру. Сергей Ольденбург верит (он – один из моих знакомых, по крайней мере один, который верит искренно, не в силу желания заискивать у большевиков, как Гредескул или Лемке) в то, что никакая культурная работа не пропадет. А я не верю, и никто, кроме него, не верит.

Человек работает в Публичной библиотеке, охраняя для будущих времен книжное богатство, которым теперь почти никто не может пользоваться. Но вот лопается водопроводная труба, и несколько полок книг испорчены. Непредвиденная, неотвратимая, но мелкая случайность? Нет, случайность предвиденная, но неотвратимая; мелкая только потому, что она пока одна. Но завтра, послезавтра ее повторение неизбежно, и Публичная библиотека, как все другие культурные ценности, как Академия наук, в которой так любовно работает Ольденбург, обречена на близкую гибель, если раньше не падет строй, не заменится другим. Но произойдет ли это раньше? Вряд ли. Все говорят, что большевичий строй может уступить место только совершенной анархии, которая будет еще хуже.

Но – лекции. Ведь все-таки «сейте разумное, доброе, вечное»¹⁶¹⁹. Фу, какой фальшью звучит этот опошлившийся стих! Ничего разумного, доброго, вечного не сеешь, – все будет сметено вихрем, который скоро налетит и развеет. Останется грубая звериная сила.

Я всегда был пессимистом, но мой пессимизм не убивал во мне бодрости духа. И это потому, что у меня была работа,

1619 Цитируется стихотворение Н. А. Некрасова «Сеятелям» (1877).

которая сама по себе интересна. Теперь работа не оживляющая, а мертвящая.

У большевиков развешаны плакаты: при буржуазном строе труд – каторга, при коммунистическом – счастье (кажется, так). Какая грубая неправда!

И вот если бы Шагинян отметила эту сторону дела, было бы совсем иное.

Еще. Появись статья аналогичного направления, то есть льстящая режиму, при царе, я сейчас бы излил свое негодование в статье и поместил бы ее в газете. Теперь эта ложь, наглая, бессовестная ложь меня давит. Я не могу делать то, к чему лежит моя душа, я не свободен ни в чем: ни в выборе труда, ни в выборе места жительства, ни в передвижении, ни – это самое последнее – в пище, ни в выборе лавки, в которой я должен брать пищу, или столовой, а от меня требуют любви к труду и к строю, сделавшему меня рабом, принизившему меня.

Короче. Прежде, находясь в жесточайшей оппозиции прежнему режиму, я чувствовал себя гражданином, участником в строительстве жизни. Я был им, даже находясь в тюрьме, в ссылке, на скамье подсудимых. Я боролся, – и моя борьба имела значение. Теперь я пешка, с которой никто не считается, которая не может пикнуть. Как же не опуститься!

22 декабря 1920 г. На Невском в РОСТА выставляются карикатуры. Одна противопоставляет школу прежнего времени школе нынешней. Прежде –

При последнем при Миколе,
При Миколе, при царе,
Фараон¹⁶²⁰ стоял при школе,
А жандарм при букваре.

1620 Фараон – презрительное наименование городского.

Нынче – дети толпой бегут в школу и весело, дружно, с великой охотой учатся.

Все это иллюстрировано соответственными изображениями.

И все это можно выставять, не боясь возражений, – у противников рот зажат. А между тем в сентябре был опубликован официальный отчет Луначарского о положении школьного дела. Ныне, хвастался Луначарский, 5½ миллионов учеников, а в 1911 г. было 3½ (почему взят 1911, а не 1914?). Правда, есть недостатки. На 60 учеников приходится один карандаш (в год или в каждый отдельный момент?), на 22 – одно перо (то есть соответственно стальное перо или палочка?), на 100 – одна чернильница¹⁶²¹. Учителя не получают пайков, а жалованье получают со значительным опозданием.

Это было напечатано. Действительность еще хуже, но это было напечатано, и притом в официальном докладе. И вот РОСТА, выставя свою карикатуру, уверено, что никто печатно или публично не сопоставит ее с этим отчетом. До чего развращает людей безгласность!

В других карикатурах изображено, как голодают и страдают на Западе. В газетах постоянно пишут, что Запад переживает страшный кризис, голод, непомерно высокие цены и т. д. Все это, кажется, неправда, основанная на той же уверенности, что ни один знающий человек не опровергнет.

Сегодня в «Красной газете» статья «Лечить, а не кончать самоубийством»¹⁶²² (кажется, так). Это о столовых. Газета признает, что в столовых систематическое хищение, что кормят они отвратительно, что все там грязно и т. д. Есть же две об-

1621 См.: Третья сессия ВЦИК: Народное просвещение. (Доклад т. Луначарского) // Красная газета. 1920. № 216. 28 сент.

1622 К-н П. Лечить, а не кончить самоубийством. (О коммунальной пище) // Красная газета. 1920. № 288 (809). 22 дек.

разцовые столовые: одна в Шлиссельбурге, другая на канатной фабрике бывшей Гота. Об этих столовых были статьи уже несколько дней тому назад. Там прекрасная мебель, реквизируемая из лучших ресторанов, чистота, пища превосходная. Любопытно бы проверить, но невозможно: в Шлиссельбург я ехать не могу, где эта канатная фабрика – не знаю¹⁶²³, а если бы и знал, то меня туда бы не пустили. Но я совершенно уверен, что все эти рассказы – вздор; мебель, может быть, и хороша, но пока она только что реквизирована, а через 2–3 месяца будет перепорчена и изгажена; пища, наверное, уже теперь отвратительная. Та столовая, где я обедал одно время (у Николаевского моста), по открытии блистала чистотой и прекрасным помещением; через три месяца она была изгажена.

Явление постоянно. Три года тому назад большевики реквизировали для Василеостровского совдепа прекрасное здание (9-я линия, дом № 48), а теперь оно стало совсем нежилым и они его бросили и реквизировали другое.

Что же касается реформирования столовых, то к нему уже приступлено. Реформирование состоит в том, что выгоняют интеллигентных служащих и заменяют совсем прожженными товарищами.

А вот сценка в Школе журнализма¹⁶²⁴, учебной частью которой заведует Щеголев; он же мне ее и рассказал. Происходит

1623 Канатная фабрика И. Гота, переименованная в 1920 г. в Петровскую канатную фабрику «Петропенькострой», а в 1922 г. в Петроградскую государственную фабрику «Канат», располагалась в южной части Петровского острова между Малой Невой и Петровским проспектом.

1624 Неточность: Школа журнализма, основанная П. Пильским, открылась 10 марта 1918 г. и имела всего один выпуск; мемуарист имеет в виду Институт журнализма при Петроградском отделении РОСТА (с 8-месячным сроком обучения), который открылся 20 декабря 1920 г.

colloquium¹⁶²⁵ при приеме слушателей в эту школу.

– Кто такой Ллойд Джордж?

Молчание.

– Ну а Мильеран?

Молчание.

– А Клемансо?

– Должно, какие-нибудь революционеры.

– Что такое империализм?

– Такой государственный строй.

– Какой государственный строй в Англии?

– Кажется, республика.

Эти ответы не препятствуют принятию в школу. Курс 9-месячный, и через 9 месяцев эти молодцы будут готовы к тому, чтобы участвовать в журналистике в качестве профессиональных журналистов, и будут писать с авторитетом по всем вопросам мира познаваемого и мира непознаваемого.

Вчера напечатан декрет об электричестве¹⁶²⁶. Со времени бесплатности электрического освещения – месяца два – его потребление увеличилось раз в 5 (эта цифра была сообщена недели три назад); надо его уменьшить. Но как? Поставить вновь снятые счетчики и вновь назначить плату? Это было бы всего проще, но это некоммунистично. Нет, надо запретить иметь электрические печи, запретить иметь лампы свыше 25 свечей, запретить иметь по две лампы в комнате, запретить лампы в уборных и сократить подачу электричества. Но все-таки без счетчиков обойтись трудно. И вот сперва снимали прежние счетчики; на съемку истратили известную, без сомнения, весьма значительную сумму. Теперь нужно ставить их

1625 коллоквиум (лат.).

1626 О праве пользования электрической энергией // Известия Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов. 1920. № 287 (779). 21 дек.

вновь и вновь на установку истратить новую сумму денег. Но многие счетчики испорчены; их не хватит. Поэтому ставить будут в несколько квартир один счетчик, и жильцы обяжутся круговой порукой. На разрешенную лампу разрешается тратить в зимние месяцы не более 45 гектоватт-часов. И вот начнется взаимная слежка, шпионство, вечные ссоры между соседями. К счастью, еще не указан срок, когда этот декрет вступает в силу. Итак, сначала все разрушить (в данном случае счетчики), потом созидать сызнова: такова система.

И это везде. Месяцев пять назад закрыты все часовщики. Теперь им разрешили открыться, но с условием, чтобы они только чинили часы, но не смели продавать. Продажи часов нет нигде; то есть, конечно, негласная, запрещенная имеется. Куда же делись часы, имевшиеся у часовщиков? Реквизированы, то есть разворованы большевиками. У меня как раз около 5 месяцев стояли мои часы. Их нужно было почистить. Открывшийся часовщик почистил за 8000 рублей (а новые часы эти стоили всего 20 рублей), и, кажется, почистил плохо.

23 декабря 1920 г. Вчера я пошел по «зеленой карточке» (есть такая, выдается служащим большей части учреждений за 10 000 рублей, внесенные в два приема: первый – весной, второй – летом) получать туфли. По этим карточкам выдали нам 40 фунтов яблок, сколько-то фунтов, два или три, изюму, сколько-то капусты; теперь туфли. Да не подумает читатель, что они выдаются даром, в счет этих 10 000 рублей. Нет, 10 000 рублей – это за зеленую карточку, а за товары по карточкам – особо; так, за первые 20 фунтов яблок мы платили по 60 или 70 рублей за фунт, за последние 20 – кажется, по 150 или 140. За туфли я уже недели две назад уплатил 1600 рублей и если бы опоздал уплатить эти деньги в срок, то потерял бы право на туфли, несмотря на обладание зеленой карточкой.

Туфли стали выдавать на прошлой неделе и выдавали дня три, потом на нынешней, в четверг, пятницу и субботу. В два часа дня я оставил нарочно службу и побежал сегодня в уни-

верситет за туфлями. Оказалось, что их выдают только с одиннадцати до часу; кто не придет в эти часы в один из остающихся двух дней, тот теряет туфли, а деньги не возвращаются. Путем личных просьб в порядке личного одолжения, вероятно, можно будет получить их и позднее, но трудно.

Вообще, чтобы не упустить чего-нибудь причитающегося на мою долю, на что я имею самое бесспорное коммунистическое право, я должен минимум два раза в неделю ходить во все учреждения, к которым я прикосновенен, и читать громадную литературу объявлений. В Доме ученых эти объявления висят в таком темном углу, иногда так высоко и перед ними такая толкотня, что я решительно не в состоянии с достаточной внимательностью следить за всей литературой предмета – и не раз очень многое упускал.

А когда же работать, когда служить, если состоишь на службе? Ну, это дело десятое. На службе заведены книги, в которых мы должны каждодневно собственноручно расписываться (в двух книгах) в удостоверение явки на службу, но для этого достаточно забежать на 5 минут; все остальное не важно. И так на всех службах. Благодаря этому в сберегательной кассе, например, почти никогда нельзя получить своих денег по книжке, потому что нет налицо то кассира, то бухгалтера, то кого-нибудь другого, а один чиновник за другого там исполнять работы не намерен. Поэтому несколько чиновников там всегда толкутся, но дела не делают. Почему? «Кассира нет, подождите, скоро придет». – «А теперь?» – «Бухгалтер ушел, придите завтра».

С Александром Ильичом Ульяновым я познакомился, помню, в конце 1885 г. У меня уже тогда была довольно хорошая библиотека, и я ее широко предоставлял в пользование всем моим знакомым. Александр Ильич пришел ко мне, – не помню уж, с чьей-нибудь рекомендацией или просто на кого-либо сослался, – и тоже стал брать книги. Читал он по политической экономии; что именно, я теперь, конечно, не помню; помню лишь, что в момент его ареста у него на руках осталась моя книга – том «Deutsch-Französische Jahrbücher»; эту книгу я купил антикварным образом во время своей поездки по Германии и крайне дорожил ею, как большою редкостью. Была ли она взята у него при обыске или нет, я не знаю, но назад я ее не получил.

На почве этих библиотечных посещений у нас завязалось знакомство. Мы часто и о многом говорили. Содержание бесед я теперь уже, конечно, не помню, но одно могу сказать: за всю свою теперь уже не маленькую жизнь немного я мог бы насчитать людей, которые производили бы на меня столь же чарующее, в полном смысле этого слова, впечатление, как Александр Ильич Ульянов. Красавцем в буквальном смысле слова он не был, но его тонкое, одухотворенное лицо с широким лбом, замечательно живыми чертами и, главное, глаза – вдумчивые, пронизательные, глубоко запавшие под лоб – врезались в память.

В разговоре Александр Ильич был сдержан. Его трудно было вызвать на разговор в обществе. Я помню, как-то раз он

1627 Печатается по: Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.: сб. / Сост. А. И. Ульянова-Елизарова. М., 1927. С. 283–287. В примечании к первой публикации воспоминаний (Былое. 1925. № 6 (34). С. 131–132) говорится: «Настоящий рассказ является записью со слов В. В. Водовозова, своевременно им просмотренной и исправленной. Ред.».

зашел ко мне во время собрания студенческого кружка самообразования; было человек 12–14. Александр Ильич принес книги и хотел взять новые; увидев собрание, он собирался уйти. Так как у нас никакой особой конспирации не было и его я считал безусловно надежным человеком, то я предложил ему остаться. Александр Ильич остался, но весь вечер просидел в сторонке, слушал, но не произнес ни слова, хотя прения, помнится, были оживленные (темы я не помню); вспоминаю, что после товарищи по кружку попрекали меня, зачем я пустил в кружок такого «буку», который производит своей молчаливостью неприятное впечатление.

И еще. В то время при Университете было Научно-литературное общество, которым руководил проф. О. Миллер. Ульянов был его членом, позднее был избран даже его секретарем, постоянно бывал на заседаниях, но я не помню, чтобы он там выступал с докладами или речами.

Зато в разговорах с глазу на глаз Александр Ильич обнаруживал изумительные и разносторонние знания. Он был естественник, его работа по специальности была удостоена золотой медали, проф. Овсянников дал о ней чрезвычайно сочувственную рецензию. Но круг его интересов отнюдь не замыкался в рамках вопросов, связанных с его специальностью. Я вел с ним разговоры по вопросам политической экономии, философии и истории. И во всех этих вопросах Александр Ильич производил впечатление человека с эрудицией, – разносторонней, хорошо продуманной и добросовестной. Марксистом он, насколько я помню, не был, но с марксизмом был знаком. Это видно уже из того, что он брал «Deutsch-Französischen Jahrbücher», – книгу, которая могла интересовать только человека, интересующегося марксизмом.

Я был тогда определенным противником террора и не скрывал этого. Мне кажется, что и Ульянов в начале нашего знакомства не был террористом. Как я сейчас представляю, террористом он стал потом, после так называемой добролюбовской демонстрации (ноябрь 1886). В этой демонстрации я

не участвовал случайно, собирался идти, но почему-то не удалось. Ульянов был одним из ее организаторов, едва ли не самым деятельным; он-то и звал меня на нее. После этой демонстрации, в результате ее, у Александра Ильича, несмотря на всю его сдержанность, стали проскальзывать ноты, показывающие, что он идет к террору. Так мне кажется, но настаивать не могу; возможно, что раньше просто не подходили к этой теме. Если это правильно, то объяснения причин такого влияния добролюбовской манифестации, по-моему, следует искать в том, что она показала невозможность иных форм активной борьбы и протеста. У нас по этому поводу было несколько разговоров-споров. Александр Ильич защищал террор; я нападал. Об этих спорах у меня осталось на редкость приятное, чистое воспоминание. Таких противников бывает мало; он вел споры исключительно идейным способом; обдумывал каждое слово, говорил медлительно и всегда внимательно, вдумчиво выслушивал аргументы противника, не старался ловить на слове, на неловкой формулировке, а доискивался существа возражения. Это был один из лучших, наиболее приятных спорщиков, каких только я встречал в жизни. Всегда после споров с ним я чувствовал, что спор мне что-то дал.

Из всего этого видно, что я питал к Александру Ильичу чувство самой живейшей симпатии; мне казалось, что с его стороны я встречаю то же чувство.

В декабре 1886 г. или январе 1887 г. Александр Ильич обратился ко мне с просьбой спрятать некоторое количество так называемой инфузорной земли. На мой вопрос, что это за вещь, А. И. ответил, что сама по себе она невинна, но если будет найдена вместе с некоторыми другими вещами, то может быть серьезной уликой; если же будет найдена одна, то никакой опасности не представляет. Из этого я понял, что земля эта имеет какое-то отношение к нелегальным, террористическим делам. Сам взять на себя ее хранение я не мог, – я тоже был причастен к разным конспирациям (печатал нелегальные издания и пр.) и мог провалиться (так и вышло, – я был аресто-

ван 25 февраля 1887 г., то есть раньше Александра Ильича, по своему делу, с ним не связанному), но взялся подыскать квартиру для хранения. Такую я нашел у Кауфмана, впоследствии известного статистика. Кауфману я точно передал замечание А. И. о степени опасности инфузорной земли; несмотря на это, Кауфман согласился взять ее к себе на хранение, и мы вместе с Александром Ильичом перетащили ее к Кауфманам на чердак.

Должен заметить, что здесь Александр Ильич был не вполне искренен, – его отзыв об инфузорной земле не вполне правилен, и несомненно, если бы ее у Кауфмана нашли, то не миновать бы ему тяжелой кары, судебной или по крайней мере административной. После 1 марта 1887 г. Кауфман принужден был уничтожить эту землю, – выехал для этого на лодке на взморье и высыпал ее в воду. На меня Кауфман был в большой претензии за это дело.

У А. И. Ульянова я не бывал, – зашел лишь раз взять книгу, которая была у Александра Ильича и как раз мне понадобилась. Попал как раз на собрание: были Шевырев, Генералов, Осипанов, Андреюшкин и другие участники будущего процесса. Александр Ильич вернул мне книгу и предложил остаться, поговорить. Я присел, но вскоре почувствовал, что я лишний, что предложение остаться сделано из вежливости и я стесняю собравшихся, и поспешил уйти.

Был знаком я и с Шевыревым, – тоже на почве пользования его моей библиотекой. Он произвел на меня очень неприятное, тяжелое впечатление: неумный, поверхностный.

После 1 марта 1887 г. меня допрашивали об Ульянове и Шевыреве; в моей записной книжке были найдены их адреса и фамилии; я сказал, как было: что они брали книги; вероятно, они подтвердили, и, по-видимому, жандармы и прокурор мне поверили, так как к делу 1 марта я привлечен не был, хотя, вероятно, назначенное мне наказание (5 лет Архангельской губернии) отчасти объяснялось знакомством с ними.

Последний раз Александр Ильич зашел ко мне около 20 февраля 1887 г., – незадолго до моего ареста. Разговор принял

особенно теплый, душевный характер. Помню, я сказал ему:

– Я понимаю, вы ведете приготовления к какому-то особенно важному акту, быть может, к цареубийству. Кажется, что вы хотите даже приурочить его к 1 марта – для красивой исторической аналогии.

А. И. меня прервал:

– Нет, нет, не так близко.

Это было почти признание, – и мы долго говорили о значении террора, в частности цареубийства. Я сказал, что, не признавая этот метод борьбы целесообразным, глубоко не сочувствуя ему, я тем не менее искренне уважаю применяющих его и, в частности, его, Александра Ильича.

Прощаясь на этот раз, мы расцеловались. Больше я его не видел...

Впервые познакомился я с Владимиром Ульяновым осенью 1890 г. в Петербурге. В то время я получил отпуск из Шенкурска (где отбывал ссылку по своему делу 1887 г.) для сдачи государственных экзаменов. Во время этого моего приезда в Петербург как-то вечером ко мне пришла курсистка Ульянова, Ольга Ильинишна (умерла в 1891 г. от сыпного тифа), сестра Александра Ильича Ульянова. До моего ареста (25-II. 1887 по ст. ст.) я был знаком с Александром и Анной Ильинишной, также – Елизаровым, за которого она вышла замуж позднее, между 1887 и 1891 г.

С Ольгой я познакомился ранней весной 1890 г. у Винбергов. Теперь она привела ко мне своего второго брата – Владимира. Он тоже был исключен из Казанского университета, кажется, был выслан из Казани и отбывал высылку в Самаре, – в этом, впрочем, я не вполне уверен. Теперь он приехал в Петербург, чтобы узнать, нельзя ли как-нибудь устроиться со сдачей экстерном государственных экзаменов. А так как я именно такие экзамены в то время держал, то они и пришли ко мне за справками. Нужные справки я, конечно, дал и даже провел Вл. Ульянова на экзамен, который тогда мы сдавали при округе. Там была большая толпа, – человек около 400, – Ульянов затерялся в ней и просидел несколько часов, прислушиваясь и присматриваясь. Никаких определенных впечатлений от этой встречи у меня не осталось, – разговоры вертелись исключительно вокруг экзаменов; других вопросов, тем более общих тем мы не касались.

Осенью 1891 г. мне разрешили из Архангельской губернии переехать в Самару. Там я, конечно, зашел к Ульяновым, которые жили тогда в Самаре целю семьей: мать, Мария Александровна, старшая дочь, Анна Ильинишна, с мужем, Елизаровым

1628 Печатается по: На чужой стороне. 1925. Кн. 12. С. 174–180. Многочисленные сокращения в воспоминаниях раскрыты без огорок.

(последний был моим товарищем по университету), Владимир Ильич и младшее поколение, которое состояло из Дмитрия – гимназиста, кажется V класса, и Марии – гимназистки лет 14. Елизаров служил где-то в казенном учреждении, едва ли не в управлении железной дороги; В. И. зарабатывал, кажется, уроками или работал по статистике.

Семья была на редкость хорошая – все жили очень дружно, несмотря на бросавшееся в глаза резкое различие физического и нравственного облика отдельных ее членов. По внешнему облику она распадалась на два ярко выраженных типа. К первому принадлежали мои петербургские знакомые – Александр Ильич и Ольга Ильинишна, вскоре умершая, сестра, а также оба представителя молодого поколения. Этот тип – овалы бледные лица с очень широкими лбами, с глубоко сидящими вдумчивыми, пронизательными глазами. Они поражали своей юношеской свежестью и одухотворенностью. Ко второму типу принадлежала Анна Ильинишна и Владимир Ильич. Хотя и у Анны, и особенно у Владимира глаза светились несомненным умом, но все лицо в целом поражало каким-то смещением ума и грубости, я сказал бы, какой-то животностью. Бросался в глаза лоб – умный, но покатый. Мясистый нос. В. И. был почти совершенно лысый в 21–22 года. Что-то упорное, жестокое в этих чертах сочеталось с несомненным умом. Это же впечатление оставалось и от лица Анны Ильинишны, только у нее все было в ослабленной степени: и ум, и животность...

Кем была их мать до замужества, какого она происхождения – я не знаю, но она напоминала мне институтскую классную даму. Все время она заботилась о том, чтобы все было гладко, прилично. Следила за поведением детей. Грубые выходы и жесты Владимира, грубые, резкие замечания и пр., – их у него было много, – ее страшно шокировали. Часто у нее срывалось:

– Ах, Володя, Володя, разве так можно!

Характерно, что таких грубых выходов у членов семьи

Ульяновых, отнесенных мною к первому типу, я не замечал.

Центральной фигурой в семье был Владимир Ильич, которого вся семья считала гением и на которого чуть ли не молились не только мать и сестры, но и Елизаров.

У Владимира Ильича тогда был небольшой кружок молодежи, с которым он занимался. В этом кружке он был непревзойденным авторитетом, – на него там молились почти так же, как и в семье, хотя среди членов этого кружка были люди старше по возрасту, чем Владимир Ильич. Из членов этого кружка я помню Аполлона Шухта; еще одного молодого человека лет 23–24, фамилия которого была, кажется, Попов, но может быть, и иная; затем Марию Петровну Ясенева, вышедшую позднее за Василия Семеновича Голубева (редактора «Саратовской земской недели» – кажется, так назывался этот орган; позднее мой товарищ по редакции «Нашей жизни»).

Встретили меня Ульяновы очень дружески: хлопотали, помогали устроиться. Мне семья понравилась, и я часто ходил к ним в гости; заходили и они ко мне. Такие отношения продолжались почти всю зиму; после отношения начали портиться под влиянием моих столкновений с Владимиром Ильичом. С кружком Владимира Ильича мои отношения с самого начала налаживались плохо; в нем все слишком преклонялись перед Владимиром Ильичом, поэтому меня, который держался независимо и осмеливался даже с ним спорить, встретили с самого начала недоверчиво, почти враждебно. Так у меня отношения с кружком и не наладились.

Владимир производил впечатление человека если не разностороннего, то, во всяком случае, хорошо образованного. Больших знаний вне круга его непосредственных интересов у него не было; естественными науками, философией он совершенно не интересовался, – по крайней мере, мне так казалось. Но в той области, которой он интересовался – в вопросах политической экономии и истории, – его знания поражали солидностью и разносторонностью, особенно для человека его возраста. Он свободно читал по-немецки, французски и ан-

глийски, уже тогда хорошо знал «Капитал» и обширную марксистскую литературу (немецкую) и производил впечатление человека политически вполне законченного и сложившегося. Он заявлял себя убежденным марксистом, но мне кажется, будет более правильно, если я скажу, что марксизм у него был не убеждением, а религией. Хотя он очень интересовался возражениями против марксизма, изучал их и вдумывался, но в нем мне чувствовалась та степень убежденности, которая, по-моему, несовместима с действительно научным знанием. У него как бы была презумпция, что никаких серьезных аргументов против марксизма нет и быть не может, и изучал их он не с целью поисков истины, а в целях отыскания коренившейся в их основе ошибки, в существовании которой он был заранее убежден.

Наряду с этим в нравственном облике Владимира Ильича бросался в глаза какой-то аморализм. По-моему, он был органически свойственен его натуре. Он не допускал никаких сомнений в допустимости применения того или иного средства, если только оно вело к цели. Помню, я тогда же в разговорах с другими называл его Маратом. Конечно, я не предвидел той роли, которую ему суждено было сыграть, но уже тогда я был убежден и открыто об этом говорил, что роль Ульянова будет крупной.

Самое крупное, глубокое разногласие, на котором мы столкнулись с Вл. Ульяновым, был вопрос об отношении к голоду 1891–1892 гг.

В 1891 г. с ранней осени в Самаре стали появляться бросавшиеся в глаза признаки голода. Появились толпы крестьян, – по нынешней терминологии, беженцев, – из голодной деревни, которые ходили из дома в дом, прося хлеба и работы. Нужда была огромная, помощь требовалась немедленная. В местном обществе призывы к помощи встретили дружный сочувственный отклик; все высказывали готовность всячески содействовать делу помощи.

Один Вл. Ульянов со своей семьей и кружком, вторившим

ему, занял иную позицию. Он резко и определенно выступил против кормления голодающих. Его позиция, насколько я ее сейчас вспоминаю, – а запомнил я ее хорошо, ибо мне пришлось немало с ним о ней спорить, – сводилась к следующему: голод есть прямой результат определенного социального строя; пока этот строй существует, такие голодовки неизбежны; уничтожить их можно, лишь уничтожив этот строй. Будучи в этом смысле неизбежным, голод в настоящее время играет роль и прогрессивного фактора. Разрушая крестьянское хозяйство, выбрасывая мужика из деревни в город, голод создает пролетариат и содействует индустриализации края, – это явления прогрессивного порядка. Но голод может и должен явиться прогрессивным фактором не только в области экономической. Он заставит мужика задуматься над основами капиталистического строя, разобьет веру в царя и царизм и, следовательно, в свое время облегчит победу революции. Стремление так называемого «общества» прийти на помощь голодающим, облегчить их страдания понятны. Ведь это «общество» есть плоть от плоти, кровь от крови буржуазного общества; в какие бы оно ни рядилось социалистические мантии, в какие бы цвета оно ни окрашивалось, оно не в силах отвлечься от интересов всего буржуазного общества в целом. Голод грозит потрясениями, быть может, гибелью этому строю. Поэтому стремления смягчить последствия голода вполне естественны. По существу, в основе, это стремление ослабить неизбежные грядущие потрясения, спасти основы буржуазного строя, а следовательно, спасти и самого себя. Психологически же все разговоры о кормлении голодающих и пр. суть выражение обычного слащавого сентиментализма, свойственного нашей интеллигенции.

Эту свою позицию В. Ульянов развивал на частных собраниях у меня, у Ульяновых и вообще всюду, где тогда собиралась революционно и оппозиционно настроенная публика и где он имел возможность выступать и высказывать свою точку зрения. Вся семья Ульяновых вторила этим речам Владимира Ильича. Но если в устах последнего эти рассуждения хотя и

возмущали, но не особенно резали ухо, – больше, они, казалось, даже гармонировали с общим обликом говорящего, глубокая вера которого в свою правоту сквозила из всех его речей, – то в устах представителей семьи Ульянова, особенно молодежи – брата и младшей сестры (не Анны), которых обычно трудно было заставить разговариваться, – они прямо коробили слушателя, ибо совершенно не вязались с общим их обликом – мягким, почти одухотворенным. Часто, слушая их, я думал о том, как бы отнесся к этому вопросу покойный Александр Ильич, который, несмотря на наше короткое знакомство, произвел на меня глубокое, неизгладимое впечатление. Конкретных данных для ответа на этот вопрос у меня нет – в наших разговорах с Александром Ильичом мы не затрагивали тем, которые могли бы дать материал для нужных выводов, но общий облик его фигуры заставлял да и теперь заставляет меня думать, что Александр Ильич ни при каких условиях не мог бы держаться подобных взглядов.

В конце 1891 года разговоры о борьбе с голодом привели к созданию в Самаре особого комитета для помощи голодающим. Это было полулегальное учреждение, т. е. комитет этот не был формально разрешен властями, но существовал он открыто, власти об этом превосходно знали и не только не чинили ему препятствий, но и вступали с ним в сношения. В комитет входила самая разнообразная публика – от чиновников, занимавших высокие посты в местной служебной иерархии, до лиц явно неблагонадежных, даже прямо поднадзорных. Из представителей мира легального я помню протоиерея Лаврского – очень колоритную фигуру, человека независимых, прогрессивных взглядов; некоего Степана Миклашевского, приезжего из Петербурга, который был знаком с местным губернатором, часто бывал у него и служил посредником между комитетом и губернатором; Петра Петровича Крылова, тогда городского или земского врача, позднее кадета, члена II Государственной Думы и др. Из мира неблагонадежных в комитет входили Вениамин Осипович Португалов, Осип (бывший подсудимый по процессу 193-х), я и др.

В конце 1891 или в самом начале 1892 г. губернская власть организовала в Самаре общественные работы для голодающих беженцев (тогда это слово не было еще в употреблении), – не помню хорошо, не то рыли канал, не то осушали болото под Самарой. Заведовал ими какой-то Перцев. Работы шли неважно; денег они съели много, а результатов не дали никаких; в публике смеялись, и о Перцеве ходила песенка:

Перцев, Перцев, где ты был,
На Самарке ямки рыл.
Вырыл ямку, вырыл две,
Закружилось в голове.

Я собрал тогда материал об этих работах и послал корреспонденцию в «Юридический вестник». С. А. Муромцев, тогдашний редактор «Юридического вестника», сильно эту корреспонденцию пощипал, но все же кое-что осталось. Напечатана она была в одной из книжек «Юридического вестника» за 1891 г.

В связи с этими работами наш комитет устроил общественную столовую для голодающих, работавших у Перцева. В этой столовой порция щей стоила 2 коп., порция хлеба – 2 коп. и порция чаю – тоже 2 коп. Были выстроены бараки, поставлены кухонные печи, приобретены столы и необходимое оборудование. Работали в столовой члены комитета и многие из молодежи, которые старались использовать свою работу для революционной пропаганды среди голодающих. Ленин не верил в успешность такой пропаганды среди голодающих. Это сообщение играло большую роль в его отрицательном отношении к нашему комитету и к кампании помощи голодающим вообще; споря против наших взглядов, он доказывал, что наши столовые будут, наоборот, своего рода «пропагандой действием» за примирение с существующим строем, породившим голод, но не стремящимся с ним бороться, – в этом отношении он оказался, конечно, прав. «Голодное брюхо» оказывалось

глухо не только к учению, но и к восприятию революционной пропаганды, и все начинания в этом отношении были безрезультатны.

В наш комитет Ленина, помнится, вообще никто не звал, и на его заседаниях он не был ни разу. Поэтому рассказ М. Алданова в «Днях»¹⁶²⁹ в этой части неточен. Но на собраниях и сходках молодежи Ленин вел систематическую и решительную пропаганду против комитета. На этих же сходках у Ленина всегда находились оппоненты, я в том числе. На чьей стороне была победа – сказать трудно. Несомненно, что за Лениным было очень небольшое меньшинство, но это меньшинство твердо

1629 Ср.: «В центре голодного края, в Самаре, несколько интеллигентских кружков взяло на себя труд – по мере возможности помочь голодающим. Как водится, предполагалось основать комитет. На одно из заседаний явился молодой человек, лет двадцати, ссыльный студент Казанского университета. Он хладнокровно выслушал горячие речи, затем поднялся с места и высказался в кратких словах, не обращая ни малейшего внимания на возгласы возмущения и протеста. Мнение его сводилось к следующему: очень жаль, конечно, что народ мрет с голоду. Но виновником всех народных бедствий является существующий строй. Все частные задачи должны отступить перед основной общей задачей. Голод революционизирует народные массы и облегчает борьбу с самодержавием. Поэтому нелепо и преступно делать то, что намерен делать комитет. Он в этом преступлении участвовать не намерен.

Сказал и ушел.

– Кто такой? – слышались изумленные голоса.

– Владимир Ульянов, брат известного... – отвечали осведомленные.

Это было, собственно, первое политическое выступление Ленина. Оно произвело сенсацию не в одной Самаре. Н. К. Михайловский, не называя по имени ссыльного мальчика, уделил ему несколько резких слов» (Алданов М. А. Неправдоподобный сценарий // Дни. 1924. № 371. 27 янв.).

держалось на своих позициях. Случаев, когда кто-нибудь из сторонников Ленина поколебался, я помню только один: Мария Петровна Ясенева, позднее вышедшая за Василия Семеновича Голубева, некоторое время колебалась, несколько раз приходила к нам в столовую работать, но в конце концов все же вернулась к позиции Ленина и порвала с нашей организацией. Других примеров такого рода я не помню, – думаю, их и не было. Обратные случаи, когда пропаганда Ленина убеждала наших сторонников – отрывала их от нас, – были; в небольшом количестве, но были.

Вначале мирные, наши споры постепенно стали принимать очень резкий характер. Начали звучать личные ноты. Меня поразило, что Ленин, как я заметил, был склонен поощрять сплетничество. Как-то раз в небольшой группе я сказал, что Ленин склонен в спорах прибегать к аргументам, не считаясь с тем, верны ли они, – лишь бы они вели его к торжеству, хотя бы временному, к успеху среди плохо разбирающихся слушателей. Этот мой отзыв передали Ленину. Я сам этому разговору не придавал значения, даже забыл про него и как-то вскоре зашел к Ульяновым, как делал тогда довольно часто. Мне бросилось в глаза, что Ленин как-то скривился, подавая мне руку, – смысл этого я понял, когда он потребовал от меня объяснения моих слов. Я эти объяснения дал, – не помню уже сейчас, какие они были, вероятно, старался смягчить свои выражения. Разговор привел к формальному примирению, но по существу же отношения установились очень натянутые. К весне 1892 г. в наших отношениях наступило такое охлаждение, что мы почти не встречались.

Осенью 1892 г. срок моей ссылки в Самаре кончился. Перед отъездом я зашел к Ульяновым, – дружески попрощались. Владимир Ильич и Дмитрий проводили меня даже на пароход... В 1895 г., приехав в Петербург, я зашел к Ленину, – он принял меня очень сухо, и больше мы не встречались, если не

считать встречи в 1906 г. на митинге в Тенишевском училище (он описан у Войтинского¹⁶³⁰); там Ленин демонстративно не захотел меня узнать.

Конкретных фактов, доказывающих аморализм Ленина, относящихся ко времени моего знакомства, я не знаю, ибо ни в каких деловых отношениях (даже в отношениях по комитету помощи голодающим, от которых он уклонился) с ним не состоял. Но в разговорах постоянно сказывалось его сочувствие всякому приему, ведущему к победе.

О Плеханове Ленин говорил с глубоким сочувствием, главным образом о «Наших разногласиях» (Бельтова тогда еще не было¹⁶³¹). Из других произведений русских социал-демократов тогда была известна только брошюра «Социализм и политическая борьба»¹⁶³²; кажется, я не знал больше никаких, да думаю, что и Ленин тоже.

К захвату власти в ближайшем будущем Ленин относился безусловно отрицательно, и слово «якобинец», которое он употреблял редко, он употреблял всегда с порицанием.

1630 Войтинский В. С. Годы побед и поражений. Берлин, 1924. Кн. 2. С. 22–24.

1631 В 1895 г. в Петербурге под псевдонимом Н. Бельтов вышла книга Г. В. Плеханова «К вопросу о монистическом взгляде на историю. Ответ гг. Михайловскому, Карееву и комп.».

1632 См. примеч. 186 к первой части воспоминаний Водовозова.

Осенью 1910 г. беллетрист А. В. Амфитеатров, эмигрировавший в Италию, затеял толстый ежемесячный журнал «литературы, политики, науки, истории, искусства и общественной жизни», о чем Водовозов узнал от Г. А. Лопатина, деятеля партии «Народная воля», отсидевшего 18 лет в Шлиссельбургской крепости, который 19 октября предложил ему поучаствовать в новом издании с «очень левой, но беспартийной программой»¹⁶³³. На напоминание, что Водовозов приговорен к заключению в крепости на один год¹⁶³⁴, Лопатин ответил 30 октября: «Читал я в газетах, дорогой Василий Васильевич, об этом судебном приговоре, но подумал про себя: 1) авось “он” совершит или примет на себя какой-либо новый литературный грех, что затянет отсидку *aux calendes grecques*¹⁶³⁵, 2) а то, может быть, у нас человеку, отсидживающему по литературному делу, позволят работать и из “пританея”... (Писарев¹⁶³⁶?), 3) или, наконец, быть может, “он” не пожелает отсидживать и будет наигрывать свою мелодию “из прекрасного далека”... Во всяком случае, я рад, что Вы согласились на сотрудничество. На днях Амфитеатров, вероятно, обратится письменно к Вам, а пока он уже написал Боцяновскому¹⁶³⁷, чтобы тот поговорил с

1633 См.: Кириллов В. Л. «Люди одного духовного братства»: Известные письма революционера Г. А. Лопатина к В. В. Водовозову из фондов ГМПИР // Политическая история России. Теория и музейная практика: сб. науч. трудов Государственного музея политической истории России. СПб., 2021. Вып. 11. С. 34–35.

1634 Дело В. В. Водовозова // Русское слово. 1910. № 232. 9 окт.

1635 до греческих календ (фр.).

1636 С июля 1862 г. по ноябрь 1866 г. Д. И. Писарев отбывал заключение в Петропавловской крепости, где ему разрешили заниматься литературной деятельностью.

1637 Боцяновский Владимир Феофилович (1869–1843) – заведующий литературно-критическим отделом редакции газеты «Русь», в котором сотрудничал А. В. Амфитеатров, и официаль-

Вами обо всем на словах. Ему было бы приятнее, если бы это сделал Коялович¹⁶³⁸, но, к сожалению, он тоже сел недели на две в “пританей” по литературному делу. Больше писать сейчас некогда, а потому, послав заочный сердечный привет Вере Петровне и пожелав Вам всего лучшего, ставлю точку»¹⁶³⁹.

1 ноября и сам Амфитеатров пишет Водовозову: «Глубокоуважаемый Василий Васильевич, Г. А. Лопатин обрадовал меня известием, что Вы не прочь были бы принять близкое участие в возникающем “Современнике”. Спешу обратиться к Вам с усерднейшей просьбой осуществить это предположение и словом, и делом – сделать слагающейся редакции честь своим сотрудничеством. Чем более постоянный и близкий к журналу характер будет он иметь, тем приятнее. Наш сотруднический круг предполагается очень сжатым. Вошли в него покуда, кроме основателей журнала, Максим Горький, Шолом-Алейхем, В. А. Тихонов (беллетрист), Ф. В. Волховский, Г. А. Лопатин, И. Д. Лукашевич, К. Р. Качоровский, В. Ф. Боцяновский и М. М. Коялович. Последних двух я уведомил о настоящем моем послании к Вам и прошу их переговорить с Вами лично о степени и возможности Вашего участия, так как устно этот план выработать легче и подробнее, чем на письме, возможно. Искренне буду рад, если сольетесь с нашим предприятием, так как издавна привык высоко ценить Вашу литературную личность и деятельность»¹⁶⁴⁰.

Две недели спустя, 14 ноября Коялович, отрекомендовавшийся лицом, на которого «ложится работа по “Современнику” в Петербурге», от имени его редакционного комитета¹⁶⁴¹ обра-

ный редактор первой книжки «Современника».

1638 Коялович Михаил Михайлович (1859–1916) – заведующий политическим отделом газеты «Русь».

1639 ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 256. Л. 2.

1640 Там же. Оп. 2. Д. 235. Л. 1.

1641 В состав редакционно-издательского комитета «Современни-

тился к Водовозову «с горячей просьбой не отказать в участии в журнале, душой которого является А. В. Амфитеатров», и сообщить, что именно он считает возможным дать для первой книжки, причем оправдывался, что приехал бы лично просить «о драгоценном содействии новому журналу», если бы не «физический недостаток, значительное ослабление слуха, не делали затруднительным для него другие переговоры, кроме письменных»¹⁶⁴².

Водовозов предложил статью о С. А. Муромцеве и две рецензии¹⁶⁴³, но Амфитеатров, узнав от приезжавшего к нему Тихонова, что Водовозов «садится в узилище», был страшно огорчен и в письме ему от 9 декабря сокрушался: «Очень это досадно. Я так рассчитывал и рассчитываю на будущее время, что Вы возьмет в свои опытные и твердые руки значительную часть политического отдела!» В постскриптуме Амфитеатров добавлял, что надумал с Лопатиным просить Водовозова: «Если Вам возможно отсрочить выsidку, что Вы неоднократно уже преуспевали совершить, то нельзя ли и на сей раз оттянуть ее – ну хоть бы на два месяца? до марта или до апреля? Если для этого надо Вам обременить себя новым “преступлением”, которое должна поглотить “совокупность”, то мы не замедлим доставить Вам на сей предмет надлежащую статью или брошюру». Амфитеатров объяснял, что его очень волнует политический отдел журнала, за «выдержанностью» которого, «по отдалению своему», следить не в состоянии, а из петербургских коллег – «один, Тихонов, беллетрист и чистый художник, ничего в публицистике откровенно не смыслящий; другой же, Коялович, сангвиник, способный одинаково легко зарываться в пламенный мажор и увядать до унылого минора, что не дает

ка» первоначально входили А. В. Амфитеатров, В. Ф. Боцяновский, М. М. Коялович, издатель журнала П. И. Певин и В. А. Тихонов.

1642 ГАРФ. Ф. 539. Оп. 2. Д. 247. Л. 1.

1643 Ответное письмо М. М. Кояловича (без даты) см.: Там же. Л. 4.

твердой уверенности в его такте». Амфитеатров спрашивал, нет ли у Водовозова на примете лица, близкого ему по взглядам и с достаточной стойкостью характера, которое могло бы замещать его в случае, если не избежать крепости: «Мне хотелось бы, чтобы Вы поняли затруднительное положение, в котором “Современник” стоит накануне его выхода в свет, и помогли ему. Право, игра стоит свеч. При Вашем содействии, сотрудничестве и по редакции, из “Современника” выйдет живой и сильный орган русской свободы»¹⁶⁴⁴.

Хотя 13 декабря Амфитеатров жаловался Горькому на «большое горе», ибо «Водовозова в январе сажают на 9 месяцев в Кресты»¹⁶⁴⁵, исполнение приговора вновь отложили. «Ах, как уже и это хорошо, что Вы до половины марта свободны! – ликовал Амфитеатров 20 декабря. – Значит, за четыре книжки можно быть спокойным. А тем временем авось Вы как-нибудь приглядите на время заточения Вашего»¹⁶⁴⁶. В тот же день Лопатин, которого Амфитеатров приютил в своем доме в Феццано (Fezzano), пишет Водовозову: «Дорогой В. В.! Сегодня уехали отсюда, после редакционных совещаний, Тихонов и Коялович, на которого ложится нелегкая задача заведывания второй (небеллетристической) частью “Современника”. Поскольку я присмотрелся к Кояловичу и обменялся с ним мыслями – задача, увы! далеко не легкая, – он показался мне человеком дельным, трудящимся, относящимся к своей роли любовно и честно и по характеру настоящим журналистом. И все же мне очень хочется попросить Вас от имени Амфитеатрова и своего, чтобы Вы оказали ему самую деятельную помощь своими разносторонними сведениями и опытностью, своим журнальным тактом, а главное, своей твердостью во взглядах, так, чтобы журнал шел твердою стопой в определенном направлении, не

1644 Там же. Д. 235. Л. 1–2.

1645 Литературное наследство. М., 1988. Т. 95. С. 247.

1646 ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 235. Л. 3.

шатаясь семо и овамо на позорище и поношение языков... <...> А отчего бы Вам не выступить издателем в СПб. какой-либо сочиненной здесь ad hoc листовки, чтобы снова попасть под суд и отсрочить высылку? Миллион приветствий Вере Петровне, а Вам желаю всего хорошего и еще раз убедительно прошу “побдеть” тщательно над серьезной частью “Современника” – да не впадет он в искушение и в напасти. Ваш Г. Лопатин»¹⁶⁴⁷.

Первый номер «Современника» увидел свет 6 февраля 1911 г., а двумя неделями ранее, 23 января Амфитеатров написал Водовозову: «Сейчас только прочитал с величайшим удовольствием Вашу прекрасную статью о Муромцеве¹⁶⁴⁸ и искренне Вас благодарю за нее. Пожалуйста, Василий Васильевич, сколько можно и куда можно, поработайте для “Современника”». И горячо заверял: «Вообще все, что Вам хочется, кажется нужным сказать публике в данный момент, я буду печатать с самой широкой готовностью. Уведомьте по возможности поскорее, что ждать от Вас на февраль и к каким числам?»¹⁶⁴⁹

8 марта Амфитеатров опять сетовал: «Водовозов садится в тюрьму! Лучше бы он мне палец отрезал!»¹⁶⁵⁰, но прокуратура раскрыла очередное его литературное «преступление», что откладывало заключение в крепости. Поскольку Боцяновский и Тихонов вышли из редакционного комитета, а Коялович заболел, 3 апреля Водовозов уведомил Амфитеатрова о готовности взять на себя небеллетристическую часть журнала: «Сообщение об этом Коялович принял с большой радостью, и мы договорились о том, что я заступаю на его место. Теперь это согла-

1647 ГАРФ. Ф. 539. Оп. 2. Д. 256. Л. 3.

1648 См.: Водовозов В. С. А. Муромцев как председатель Государственной думы // Современник. 1911. Кн. 1. С. 282–305.

1649 ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 235. Л. 3–4.

1650 Литературное наследство. Т. 95. С. 283.

шение нуждается в Вашей верховной санкции. Коялович не хотел ждать ни одной минуты, сдал мне все бумаги, и я уже вступил в отправление своих новых редакторских обязанностей. К сожалению, сдал Коялович дела крайне неудовлетворительным образом. Он болен, и болен очень серьезно, настолько серьезно, что с ним крайне трудно вести сколько-нибудь деловой разговор; он не помнит вещей, которые в нормальном состоянии он не мог бы забыть, сообщает иногда совершенно неверные сведения, проверять которые потом требует труда. В середине разговора, когда я на минутку подошел к телефону, чтобы переговорить с типографией, он ушел, не предупредив меня об этом, а когда я обратился по телефону к его жене, то она со слезами в голосе сказала, что Михаилу Михайловичу грозит большая опасность, о которой она не может даже говорить. Очень жаль беднягу Кояловича, разговор с которым оставляет прямо удручающее впечатление. Вследствие этого его состояния я получил груду рукописей, причем я не знаю, которая из них принята, которая отвергнута и которая не прочитана. Певина, на беду, нет в Петербурге, а Быков¹⁶⁵¹ ничего не знает. В первый же день мне пришлось своею властью разрешать вопросы об авансах сотрудникам, вопросы, которых я хотел бы быть чуждым даже впоследствии, тем более теперь, когда я только вступаю в дело»¹⁶⁵².

Водовозов сообщал, что пока договорились так: Быков ведет беллетристический отдел («я в беллетристику совершенно не мешаюсь»), а научный и общественный отдел передает ему, оставляя за собой право читать корректуру «с правом вето по цензурным соображениям». Задавая вопрос, следует ли посылать Амфитеатрову статьи из своего «отдела», Водовозов добавлял: «Я бы просил Вас предоставить его целиком в мое ве-

1651 Быков Петр Васильевич (1844–1930) – писатель и журналист, официальный редактор журнала «Современник» (1911. № 2 – 1914. № 4).

1652 РГАЛИ. Ф. 34. Оп. 2. Д. 58. Л. 3–4. Далее цитируется без ссылок.

дение не потому, чтобы я не желал подчиняться Вашему авторитету, – у меня такого стремления совершенно нет, и вообще я чаще и гораздо больше страдаю от чрезмерной нерешительности, чем от чрезмерной самостоятельности, – а, во-первых, потому, что статьи этого отдела по большей части имеют характер спешный и не могут вынести 10-дневного замедления, а, во-вторых, потому, что таковые статьи нередко являются результатом предварительных переговоров автора с редактором, в данном случае – со мною».

Другой вопрос «громадной важности» – направление журнала, и Водовозов, подчеркивая, что всей душой сочувствует «объединению левой оппозиции на почве общих для нее задач исторического момента», а это предполагает «значительную терпимость к различным оттенкам мнений», пояснял Амфитеатрову: «Несколько слов о себе лично. Я марксист-ревизионист, сделавший из своего марксизма вывод, что когда я встречаюсь на политической почве с эсером или кем-либо подобным, то я вовсе не обязан заезжать ему непременно в зубы или в ухо, а могу вести с ним общее дело целыми месяцами, быть может, годами, совершенно игнорируя “наши разногласия”¹⁶⁵³ и находя много общего в наших убеждениях и задачах. Это мнение развело меня с эсдеками и привело в лагерь трудовиков, с марксизмом имеющих мало общего. Вы, сколько я понимаю, склоняетесь к эсерам, вместе со мною находя, что нет основания каждому марксисту заезжать в физиономию. Таким образом, мы можем вместе с Вами работать превосходно, но все же должны договориться о том, какая струя будет доминировать в общественном отделе журнала».

Направление, которое Водовозов хотел придать журналу, он сформулировал так: «Мы марксисты; мы думаем, что в основе исторического процесса лежит борьба классов и что

1653 Обыгрывается название книги Г. В. Плеханова «Наши разногласия» (Женева, 1884), посвященной полемике марксистов с народниками.

наиболее важная революционная роль в ближайшие годы должна принадлежать в России рабочему классу. Но сколько-нибудь заметной противоположности интересов рабочего класса и крестьянства в настоящее время нет и в близком будущем не предвидится. Пролетарского или социал-демократического разрешения аграрного вопроса нет и быть не может, как не может быть пролетарской или социал-демократической химии или физики; истинно социал-демократическое разрешение аграрного вопроса есть то, которое выгодно для широких работающих на земле масс. Сообразно с этим взглядом мы решаем все практические вопросы политики сегодняшнего дня. В теории мы расходимся с теми, кто не признает наших основных посылок <...>, но т. к. с ними нам в настоящее время по дороге, то мы относимся с полным уважением и с полной терпимостью к их мнениям, давая им широкое гостеприимство, но не разделяя их»¹⁶⁵⁴.

Амфитеатров не возражал, однако не прошло и месяца, как в литературных кругах поползли слухи, что Водовозов покидает редакцию «Современника», в которую по настоянию Горького приглашены лидер социалистов-революционеров В. М. Чернов и бывший издатель «Журнала для всех» В. С. Мировлюбов, выпускавший в Париже эсеровские сборники «Народное дело». Недоумевая, Водовозов обратился 15 мая за разъяснениями к Амфитеатрову:

«Вот уже недели две до меня доходят неопределенные слухи о каких-то переменах в редакции “Современника”. Меня спрашивают, правда ли, что в редакцию “Современника” вступают новые лица и что я будто бы из редакции ухожу. Сперва я категорически отрицал это и просил выяснения подробностей и источника слухов. Мне отвечали, что не знают, могут ли они называть источник и передавать подробности. Наконец, вчера Львов-Рогачевский (из “Современного мира”) поставил мне

1654 РГАЛИ. Ф. 34. Оп. 2. Д. 108. Л. 4.

прямо вопрос:

– Правда ли, что в редакцию вступают Чернов и Мироллюбов, а вы уходите?

– Я ничего не слышал. Откуда идет слух?

– Из-за границы, о нем упорно говорят в нашей редакции, да и вообще в литературных кругах.

– Вы позволяете мне спросить Амфитеатрова, ссылаясь на вас?

– Да.

Я бы очень просил Вас, Александр Валентинович, выяснить, что здесь правда и что вранье; во всяком случае, до получения от Вас ответа я буду вести себя исходя из мысли, что это сплошное вранье, т. е. буду говорить приглашенным мною лицам, что я член редакции, что та программа, которую я развил в первом письме к Вам, остается в силе; вместе с тем в редактировании статей и в своих статьях я исхожу из того же убеждения»¹⁶⁵⁵.

Водовозов указывал, что ни материально, ни морально не особенно заинтересован в сохранении своего положения: «Редактирование далеко не соответствует моему характеру и моему желанию; мне тяжела всякая работа, требующая постоянных сношений с большим числом разных людей; мне крайне тяжело отказывать людям. Кроме того, я далеко не вполне уверен, что я сумею хорошо исполнить свои обязанности. Моя всегдашняя мечта была быть близким сотрудником журнала, с известным голосом в редакции и влиянием на направление органа, одним словом, приблизительно то положение, которое Вы мне предлагали перед началом “Современника” и от которого я тогда отказался в силу внешних обстоятельств, – но никак не то положение, которое я занял в журнале почти случайно, вследствие острой болезни Кояловича». Он выражал готовность «во всякую минуту, без малейшего чувства горечи и оби-

1655 Там же. Л. 5–7.

ды» уйти из редакции, но высказывал сомнения относительно того, какое влияние может иметь переход ее в другие руки: «Я думаю, что Чернов – человек несомненно очень талантливый и пользующийся всеобщим уважением, как деятель и человек, – является представителем направления, которое вряд ли может в настоящее время рассчитывать на успех. Я думаю далее, что Чернов слишком оторван от России, что он недостаточно чувствует все изменения в настроении русского общества. Я думаю поэтому, что журнал, отмеченный именем Чернова как вдохновителя и направителя его общественного отдела, обречен на скорую гибель». Водовозов предупреждал, что многие авторы, приглашенные им в журнал в расчете на определенную программу, будут недовольны ее переменой, а соединение в одной редакции его и Чернова вряд ли возможно.

Амфитеатров, видимо, ответил, что слухи – «вздор»¹⁶⁵⁶, но 29 мая Водовозов пишет ему: «На этих днях ко мне зашел Русанов и сообщил, что уже довольно давно он получил письмо от Чернова, в котором Чернов предлагал ему принять участие в редактировании “Современника”. Он, Русанов, не считал нужным раньше сообщать мне об этом, во-первых, потому, что он лично категорически отказался от предложения, а во-вторых, потому, что не мог допустить даже мысли, чтобы мне об этом предложении было неизвестно; теперь же, случайно узнав от моей матери, что мне об этом неизвестно ровно ничего, он счел долгом сообщить мне. Письмо Чернова он с собою не захватил, но на следующий день он прислал мне выписку из этого письма, помеченного 6/V нового стиля. Вот эта выписка: “Русский отдел редакции состоит пока из В. В. Водовозова, которому скоро придется засесть. К нему нужно сейчас сопровителя, который вскоре останется единственным правителем... Согласитесь ли Вы примкнуть к делу и взять на себя сопрови-

1656 29 мая 1911 г. В. В. Водовозов пишет А. В. Амфитеатрову: «Очень рад, что все эти слухи оказались более или менее вздором, как я, впрочем, и думал...» (Там же. Л. 11).

тельство в «Современнике»^{1657?}» Дело я считаю erledigt¹⁶⁵⁸, но все-таки не могу не поделиться недоумением, как это Чернов мог обращаться с подобными предложениями помимо Вас и меня»¹⁶⁵⁹.

Слухи оказались вовсе не «вздором», ибо еще 23 мая Кускова сообщила Водовозову, что, приглашенная с мужем к Амфитеатрову для переговоров о сотрудничестве в журнале, «за- стала Чернова, который расположился там как... редактор “Современника”», проповедуя все ту же «злосчастную общину и главное – бойкот Думы». Амфитеатров, делилась Кускова, «потихоньку признался мне, что “они” желали бы Вашего удаления», но он, мол, не согласился, «будет Вас отстаивать во что бы то ни стало». Кускова не верила этим заверениям, предрекая, что в самом недалеком будущем Амфитеатров «окажется вполне в их руках», тем более что, по его словам, Горький «уже пять месяцев как изменил свои убеждения и, по-видимому, стоит теперь ближе к этой компании, чем к прежней» – социал-демократам. Категорически не желая «блокироваться с бойкотистами, когда они с пеной у рта отрицают работу Думы», а Чернову нужны еще и «всяческие пиф-пафы», т. е. революционный террор, Кускова возлагала надежду только на Водовозова: «...пока Вы там, Вы бойкотистских глупостей не допустите»¹⁶⁶⁰.

Ожидания Кусковой подтвердились, и отказ напечатать «внутреннее» обозрение Чернова «Дела и дни» вызвал бурное негодование Амфитеатрова, которому 29 мая Водовозов объяснял: «Против статьи Чернова я решительно возражаю. Она, по-моему, безусловно противоречит нашей программе. Всякая общественная группа, работающая в Думе или около Думы,

1657 В тексте ошибочно: «России».

1658 окончено (нем.).

1659 РГАЛИ. Ф. 34. Оп. 2. Д. 108. Л. 11.

1660 ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2254. Л. 17–19.

будет ею возмущена. А ведь мы стремимся к коалиции, а не к взаимным раздорам. Нет в этой статье ни одной строки, на которую не было бы решительных и резких возражений со стороны эсдеков и со стороны трудовиков и, я думаю, даже со стороны эсеров, Думу приемлющих...» К тому же обозрение Чернова запоздало, в майскую книжку попасть не могло, и Водовозов заменил его своим («выходить совсем без обозрения неловко, а Чернова поставить я никак не мог»), которым, впрочем, сам был недоволен: «...написано оно бледно»¹⁶⁶¹. Но это не убедило Амфитеатрова, и Водовозов, отвечая ему 14 июня, высказывал опасение, что разногласия между ними «окажутся слишком велики для совместной работы», ибо для него обозрение Чернова принципиально неприемлемо: «Напечатать просто, как предлагаете Вы, рядом мою статью и статью Чернова – значит не проводить идею блока, а обращать журнал в альманах, в складочное место всякой, употребляя Ваше выражение, завали. Блок есть идея, есть самостоятельное направление, которое выделяет нас и от эсдеков, и от эсеров, и от энесов, заботящихся о чистоте своего знамени и потому более или менее отрицательно относящихся к блоку; соединение на страницах одного журнала статей, в которых энесы будут ругать эсдеков, эсдеки вызывать эсеров, а эсеры высмеивать и тех и других и, заодно, блокистов, не есть блок, а есть каша»¹⁶⁶².

Водовозов твердо стоял на своем: «Работа в Думе, по Чернову, есть только чистка тенью щетки тени кареты, производимая тенью кучера; значит, и эсдеки, и трудовики, и энесы, и даже эсеры, выбиравшие во вторую Думу, работавшие во второй Думе, более того, сам Чернов, который после громких речей за бойкот первой Думы, в которой все участники выборов назывались врагами народа, приходил в трудовую группу и

1661 РГАЛИ. Ф. 34. Оп. 2. Д. 108. Л. 11–12.

1662 Там же. Л. 14–15.

этим врагам народа давал свои благожелательные советы (там, между прочим, я с ним и познакомился), делают только тень дела. Разве это не высмеивание всех это дело делающих, т. е. и эсдеков, и трудовиков, и блокистов? На чем же блокироваться? <...> Наш журнал может иметь самостоятельное значение только тогда, когда он будет иметь самостоятельную программу; такую программой может быть 1) либо программа Чернова, 2) либо моя – программа блокирования, но только при одном условии, чтобы она все статьи журнала, эсерские и эсдеческие, одинаково сливала в одно органическое целое, а не в странную амальгаму друг друга исключаящих элементов. Этому условию статья Чернова не только не удовлетворяет, но и решительно противоречит, и я не мог ее не забраковать». Водовозов считал, что «блок на почве бойкота Думы решительно невозможен», предстоящие выборы «имеют большое значение для всех партий», и «один из важных пунктов блока будет состоять именно в том, чтобы выставлять общих кандидатов, а не в том, чтобы тратить время и силы на взаимную грызню». Сохранение «коалиционной» редакции в равновесии, убеждал Водовозов Амфитеатрова, возможно только при условии, если Чернову будет противостоять столь же яркая фигура из лагеря социал-демократов, «кто-нибудь вроде Плеханова или даже Ленина; но редакции из Ленина, Чернова, Плеханова, Вас, Миролюбова, меня я решительно не в состоянии представить»¹⁶⁶³. (Действительно, Ленин, не дожидаясь выхода первой книжки «Современника», внушал Горькому, что «общей левизны для политики мало», а «всерьез говорить о политике без выяснения отношений к марксизму и к социал-демократии нельзя, невозможно, немыслимо», да и содержание нового журнала «обещается эсеровско-кадетское»¹⁶⁶⁴.)

Кускова, тоже возражавшая против наделения «бойкоти-

1663 Там же.

1664 Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1970. Т. 48. С. 4–5, 11–12.

ста» Чернова «решающим голосом», заверяла 17 июня Водовозова, что сочувствует «идее Горького (и Вашей)», но «если в редакции голосовать статью какую-нибудь спорную, то получится: Вы и я – против Лопатина, Чернова, Миролюбова, Амфитеатрова и, часто, Горького...»¹⁶⁶⁵. Кускова, как и Водовозов, ставила главным условием сотрудничества в «Современнике» отказ от бойкота выборов в думу и от пропаганды террора, призывала не допустить «ничьего узкопартийного господства» и 18 июня делилась сомнениями с Амфитеатовым: «Меня смущает только одно, как и раньше, что в Вашем предполагаемом блокированном комитете нет ни одного кровного социал-демократа. Мы все ревизионисты. Затем идут кровные (вроде Чернова) социалисты-революционеры. Горький – сплетня это или нет, все равно – не считается ни социал-демократом, ни близким к ним»¹⁶⁶⁶.

19 июня Кускова извещала Водовозова: «Как видите, я была права. Получила книжку “Современника” и одновременно письмо Амфитеатрова о том, что Вы 1) слишком самостоятельны, 2) бросили вызов в своей статье¹⁶⁶⁷ серым¹⁶⁶⁸ идеям, 3) забраковали блестящий фельетон Чернова, притом срочный...»¹⁶⁶⁹. В тот же день Кускова написала Амфитеатову, что статья Водовозова, напротив, «могла бы примирить всех, если бы эсеры отказались проповедовать бойкот», ибо она «совершенно уничтожает значение Думы как представительного учреждения, оставляя за ней лишь роль агитационную». Кускова также считала, что петербургская редакция «Современника»

1665 ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2254. Л. 22–23.

1666 РГАЛИ. Ф. 34. Оп. 2. Д. 117. Л. 9.

1667 Имеется в виду следующая статья: Водовозов В. Министерский и парламентский кризис в стране, в которой, слава Богу, нет парламента // Современник. 1911. Кн. 5. С. 371–385.

1668 т. е. эсеровским, с.-р.-ым.

1669 ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2554. Л. 26–27.

должна быть хоть сколько-нибудь самостоятельна, а не пересылать каждую строку «за тридевять земель». Но если Амфитеатров считает «вызовом» статью Водовозова, то должен составить «однородную» эсеровскую редакцию, которая будет «вести свою бойкотистскую линию», и посадить «безличность» для правки корректуры. «Нельзя будет сговориться, – указывала Кускова Амфитеатрову, – это я вижу, хотя в идее блока я больший Дон Кихот, чем Горький, ведь мы давным-давно, еще в “Товарище” пропагандировали блок и всегда садились с этой проповедью в лужу: нас же обвиняли в маниловщине. Приходится быть “твердой” и советовать Вам блок уничтожить, ибо из него ничего не выйдет, раз совершенно невинная статья Водовозова повергла Вас в такое уныние»¹⁶⁷⁰.

Редакции «Современника» так и не удалось «спеться», и около 17 июня Чернов жаловался Горькому: «Как и можно было ожидать, с Водовозовым у меня конфликт и в редакционном деле кризис. Как он произошел? Очень просто. Сговариваясь об идее социалистического блока, мы изложили Кусковой, приехавшей с программой от Водовозова, следующее: в крестьянском деле журнал 1) стремится связать органически движение трудового крестьянства с движением пролетариата, 2) ведет энергическую борьбу против правительственного аграрного законодательства с его “ставкой на сильных”, и 3) в щекотливом вопросе о Думе (являющейся яблоком раздора между бойкотирующими ее – Р. Р. S.¹⁶⁷¹ в Польше, социалисты-революционеры и социал-демократы отзовисты – и не бойкотирующими) стремится занять позицию вне этих споров. <...> Что же сделал Водовозов? Он, пользуясь своим пребыванием на месте, у типографии, снял из майского № мою статью, намечавшую именно эту позицию, и поместил другую, которая 1) совершенно определенно высказывается в духе антибойко-

1670 РГАЛИ. Ф. 34. Оп. 2. Д. 117. Л. 12, 17.

1671 Polska Partia Socjalistyczna (PPS) – Польская социалистическая партия, образованная в 1893 г.

тизма, и не только для настоящего, но и для прошлого, т. е. ангажирует журнал в духе “беззаглавной”¹⁶⁷² догмы, для которой бойкотизм всегда и принципиально отвергается; и 2) поспешил в той же статье ни к селу ни к городу ангажировать журнал и в другом вопросе, заявив, что интересы крестьянства и пролетариата в дальнейшем должны разойтись...» Выход из редакционного кризиса, считал Чернов, «очевидно, в выходе... или моем с товарищами, или Водовозова – из журнала»¹⁶⁷³.

Впрочем, Чернов явно преувеличивал, ибо Водовозов оговаривал в статье, что бойкот выборов в Первую думу был «психологически совершенно понятным ответом» на «более чем скромные ее права, обещанные ей основными законами» и «роковой, хотя и совершенно естественной и даже исторически неизбежной ошибкой», ближайшим последствием которой стало усиление кадетов за счет проигнорировавших выборы левых партий и отсутствие поддержки со стороны части дезориентированных ими избирателей, причем оснований для бойкота при выборах во Вторую и Третью думы было не меньше, а даже больше, но в других странах, «кажется, нигде и ни разу он не приносил пока положительных результатов», и на предстоящих выборах в Четвертую думу «ошибка бойкота повторена, очевидно, не будет». Водовозов по-прежнему доказывал, что «задача исторического момента требует не разъединения сил, а их объединения», и «как ни вероятно в более или менее отдаленном будущем расхождение интересов рабочего класса и крестьянства, но ближайшие задачи этих двух классов почти однородны», и так же мало оснований противопоставлять им себя имеет «городской слой – интеллигенция, приказчики, мещане, мелкие купцы», а масса демократических избирателей горячо поддерживает «всякий призыв к единению между

1672 Имеется в виду политический еженедельник «Без заглавия», в котором сотрудничали В. В. Водовозов, Е. Д. Кускова, С. Н. Прокопович и др., выходивший в Петербурге в январе – мае 1906 г.

1673 Литературное наследство. Т. 95. С. 591.

всеми решительными врагами существующего порядка»¹⁶⁷⁴.

Но Амфитеатров, взяв сторону Чернова, 17 июня написал Горькому, что «с Водовозовым приходится разойтись», ибо «на редакторском экзамене он провалился безнадежно, а главное, явил уж слишком большое своеволие» и, «никому не показав, напечатал свою статью (явно науськанный), столь вызывающую и программную, что эс-эров и эс-деков-отзовистов она должна была, очевидно, поссорить с журналом». Амфитеатров полагал, что статья Водовозова – «после обмена писем о блоке и визита Кусковой, которая была его депутаткой и с которой мы тут хорошо договорились насчет общей платформы, какие табу соблюдать», – очевидно, «написана не случайно, а с намерением ангажировать журнал» (буквальное повторение тезиса Чернова!), заставить «примириться со свершившимся фактом»¹⁶⁷⁵. Горький ответил: «Что Водовозов уйдет – не горе, полагаю, он никогда не казался мне гениальным. И что Кускова не придет – не беда...»¹⁶⁷⁶ Увы, «идея блока отцвела, не расцветши», признавался Амфитеатров Горькому 23 июня и добавлял: «Мне и Водовозова, и Кусковой жаль, ибо люди честные и испытанно стойкие, в совершенно опустошенной русской интеллигенции сейчас ценная редкость»¹⁶⁷⁷. В тот же день он известил Лопатина: «От Кусковой получил опять очень милое письмо, равно как и от Водовозова (еще не ответное на мое). Жалко мне с ними расходиться. Да и им, видно, очень хочется работать»¹⁶⁷⁸.

25 июня Водовозов уведомил Амфитеатрова о своей «от-

1674 Водовозов В. Министерский и парламентский кризис в стране, в которой, слава Богу, нет парламента. С. 383–384, 371–385.

1675 Литературное наследство. Т. 95. С. 316–317.

1676 Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М., 2002. Т. 9. С. 50.

1677 Литературное наследство. Т. 95. С. 320.

1678 РГАЛИ. Ф. 34. Оп. 2. Д. 72. Л. 4.

ставке», но счел нужным еще раз объясниться: «1) ...Вы мне не раз писали, что Вы мне доверяете в известных вопросах чуть ли не более, чем себе; “редакция второго отдела должна остаться за Вами, и я стою на этом решительно”, писали Вы в письме от 1 июня; ввиду этого я смотрел на себя как на редактора второго отдела и соответственным образом себя вел; поэтому я связан целым рядом обязательств, от которых не могу отказаться; в журнал пришли люди в ожидании, что он будет органом определенного направления, которое отстаивал именно я (Кареев, Пругавин, Бонч-Бруевич, Кускова и другие), которые определенно говорят и пишут, что в случае перехода журнала в другие руки они берут свои статьи назад или, по крайней мере, не допускают их исправления другими руками; ввиду этого приобретение журналом ярко эсеровского направления, и даже не эсеровского, а специфически черновского, будет поставлено мне на счет. Таким образом, при всей совокупности данных условий я могу быть в журнале либо членом редакции, либо ничем. *Tertium non datur*¹⁶⁷⁹. 2) Печатать статьи Чернова, да еще без всяких редакционных оговорок, статьи, в которых вся деятельность и моя личная, и всех тех общественных групп, которым я сочувствую и с которыми в течение пяти лет был более или менее близок, огулом объясняется глупостью или слепотой, я не могу»¹⁶⁸⁰.

Амфитеатров ответил 3 июля: «Читал Ваше 10-е письмо с большой грустью. Очевидно, Вы правы: не споемся, ибо из-за 3000 верст сговариваться мудрено, а сговариваться приходится ежеминутно. Во всем черновском инциденте выясняется между нами полное разногласие и взаимонепонимание. Я не смею и думать о том, чтобы просить Вас об уступках, но, с другой стороны, и Вы не потребуете же от меня, чтобы я вел журнал на линию, которой не могу сочувствовать. Поэтому пришел я к

1679 Третьего не дано (лат.).

1680 РГАЛИ. Ф. 34. Оп. 2. Д. 108. Л. 20–21.

убеждению, что заочно отвечать нельзя за журнал и – уж взялся за гуж, не говори, что не дюж, – надо сосредоточить его редакцию здесь, за границей и вести его как наш заграничный изгойский отклик на русские дела. В этом смысле мы и говорили и пришли к соглашению с П. И. Певиным. На месте, в Петербурге при такой реформе дела понадобится естественным образом только “власть исполнительная”, – роль, которая, конечно, Вас удовлетворить не может и которой я никогда не осмелился бы Вам предложить»¹⁶⁸¹.

Кускова с мужем тоже отказались от участия в «Современнике», о чем она оповестила Водовозова 7 июля: «Сегодня мы написали Амфитеатрову, что после Вашего устранения сотрудничать у него не можем»¹⁶⁸². Такое же решение приняли В. Д. Бонч-Бруевич¹⁶⁸³ и некоторые другие авторы, но еще 3 июля на вопрос В. Я. Богучарского, совсем ли он покинул журнал, Водовозов ответил: «Я вышел, дорогой Василий Яковлевич, только из редакции “Современника”; сотрудником я теоретически остался и имени своего не снял, хотя думаю, что писать не буду и снять его рано или поздно придется. Поступаю я так потому, что вообще не люблю вредить журналу, о котором я не знаю еще ничего, если можно так выразиться, положительно отрицательного в общественном смысле. Журнал пожелал принять окраску черновского мирозерцания, – это его право, и хотя я очень далек от этого мирозерцания, но думаю, что оно имеет свой *raison d'être*¹⁶⁸⁴ и, следовательно, моральное право на существование. Между тем демонстративный выход для журнала, не окрепшего и притом уже перенесшего много испытаний как цензурного свойства, так и в виде демонстративного выхода сотрудников, мог бы быть губителен.

1681 Там же. Д. 58. Л. 1.

1682 ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2254. Л. 10.

1683 ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2060. Л. 10 (Письмо от 28 июня 1911 г.).

1684 резон, смысл (фр.).

Губить его я не желаю, напротив, желаю всякого успеха, хотя в него и не верю. Скорее глупость, чем подлость состоит, конечно, не в том, что в журнале призван давать главную ноту Чернов, а в том, что в апреле говорится мне, Кусковой, Прокоповичу: “приходите княжить и володети” журналом, а в июне говорится: помириться с Черновым, предоставьте ему бойкотировать четвертую Думу; а если на это условие не согласны, то уходите; и это говорится как раз после того, как в мае были специальные разговоры о Чернове, и после того, как мы прямо заявляли, что на черновские глупости мы не пойдём». Отмечая, что В. Д. Бонч-Бруевич, Е. Д. Кускова и А. С. Пругавин забрали из редакции свои статьи, у первых двух – «уже набранные», Водовозов замечал: «Не скрою, что я был рад этому, хотя не только ничего не сделал для получения этого результата, но и по отношению к Бонч-Бруевичу сделал все возможное, чтобы предупредить его. Я был рад, потому что мне хотелось бы, чтобы Амфитеатров понял, что мой выход есть не каприз, а необходимость; что он разрывает с целым направлением, что его мысль – соединить несоединимое – глубоко ошибочна. Теперь это уже сделано»¹⁶⁸⁵.

Лопатин, получив сообщение от Амфитеатрова, что «все редакционное дело переносится сюда», в Фефцано, с оставлением в Петербурге «только безгласного исполнителя здешних решений», ответил 17 июля: «Очень печально, что с Водовозовым идет так шероховато. С одними заграничными силами и редакцией не управиться»¹⁶⁸⁶. Но Горький не жалел о потере и 19 июля написал Миролюбову: «Если голос мой имеет какое-либо значение в конфликте редакции “Современника” с г. Водовозовым – передаю право голоса моего Вам»¹⁶⁸⁷. Правда,

1685 ГАРФ. Ф. 539. Оп. 2. Д. 2664. Л. 3–4.

1686 РГАЛИ. Ф. 34. Оп. 2. Д. 119. Л. 7.

1687 Горький М. Письма. Т. 9. С. 73. В объявлении о продолжении подписки на «Современник» указывалось, что журнал выходит «при ближайшем участии: А. В. Амфитеатрова, М. Горького, В.

Амфитеатров жаловался Лопатину, что как редактор Чернов – «чудовищно ленивый и небрежный» (10 августа), «неаккуратен, как кукушка», «помощник – никакой» (17 августа), «принципиальное неряшище и неаккуратище» (30 августа), но «плачевнее всего <...> совершенный неуспех публицистики Чернова в России», где она «не нравится», «письма пишут недовольные, печать равнодушна», и, как оказалось, «государственный переворот наш», т. е. отставка Водовозова, «не дал ни единого подписчика, которого можно было бы приписать эсеровскому ваярству» (2 сентября)¹⁶⁸⁸.

Но поскольку Амфитеатров хотел быть единовластным «хозяином» журнала, союз его с Черновым и Миролюбовым, недоумевавшим: «...к чему было затевать эту историю с Водовозовым»¹⁶⁸⁹, оказался тоже недолговечен: предложенное им сотрудничество без права решающего голоса привело в октябре к выходу обоих из редакции (с отказом Горького от участия в «Современнике»¹⁶⁹⁰), что предопределило возвращение в нее Водовозова. Именно он представлял «Современник» на совещаниях редакторов двух десятков периодических изданий столицы (В. Г. Короленко и Н. Ф. Анненский от «Русского богатства», Д. Н. Овсянко-Куликовский и Е. В. де Роберти от «Вестника Европы», А. С. Изгоев от «Русской мысли», И. В. Гессен от «Речи», М. И. Ганфман от «Современного слова» и т. д.) по вопросу об учреждении Петербургского общества литераторов и ученых (вместо закрытого 1 июля 1911 г. властями С.-Петербургского литературного общества) и по установившейся традиции был избран в комиссию для выработки его

С. Миролюбова и В. М. Чернова» (Современник. 1911. № 7. С. 2).

1688 РГАЛИ. Ф. 34. Оп. 2. Д. 72. Л. 9–12.

1689 Горький М. Письма. Т. 9. С. 476.

1690 В 1911 г. М. Горький напечатал в «Современнике» рассказы из цикла «Жалобы» (№ 1, 3, 5, 9), часть цикла «Сказки об Италии» (№ 6) и очерк «Писатель» (№ 10).

устава¹⁶⁹¹.

Но в декабре и сам Амфитеатров отказался от редактирования «Современника», в котором его сменил историк литературы Е. А. Ляцкий. Убеждая Горького, что поведет журнал «в направлении беспартийного радикального органа, отводящего вопросам социализма первое место», Ляцкий указывал, что «из старой редакции остался лишь В. В. Водовозов»¹⁶⁹², и вдохновитель левого блока, сменив гнев на милость, вернулся в «Современник». А по поводу неудавшегося «романа» его с «Черновыми и Амфитеатровыми», вызвавшего язвительные шпильки Ленина: «А “Современник”-то догадался-таки умереть. Хороший это поступок с его стороны» – «Рад, каюсь, что у них “лопается”»¹⁶⁹³, Горький возразил, что журнал «не лопнул»: первая книжка «довольно интересна», тираж увеличился до 6 тысяч и, вероятно, издание возьмут в свои руки «беззаглавцы» и меньшевики¹⁶⁹⁴.

С лета 1912 г. Водовозов был занят выборами трудовиков в 4-ю Государственную думу и изданием газеты «Столичные отклики», и Ляцкий, совершавший заграничный вояж¹⁶⁹⁵, 4 сентября напоминал ему: «Сближение мое со Станкевичем и Вами имело целью именно сделать “Современник” органом

1691 Смесь // Исторический вестник. 1912. Т. 127. С. 412–413. Определением С.-Петербургского особого городского по делам об обществах присутствия от 4 сентября 1912 г. Петербургское общество литераторов и ученых было внесено в реестр обществ гор. С.-Петербурга за № 690.

1692 Литературное наследство. Т. 95. С. 496 (Письмо от 3 марта 1912 г.).

1693 Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1970. Т. 48. С. 47–48.

1694 Горький М. Письма. Т. 9. С. 252 (Около 20 января 1912 г.).

1695 4 октября 1912 г. Е. А. Ляцкий известил В. В. Водовозова о результатах переговоров с М. Горьким: «Он согласился принять ближайшее участие в “Современнике”, чему я придаю огромное значение» (РГАСПИ. Ф. 261. Оп. 1. Д. 20. Л. 8).

трудовой группы, которой принадлежит, по моему убеждению, выдающаяся роль в развитии ближайших задач времени. <...> А то ведь мы четыре месяца ждем Вашего внутреннего обозрения, и с этой стороны журналу наносится непоправимый вред. <...> Итак, Василий Васильевич, убедительнейше прошу Вас – поставьте “Современник” ближе к трудовой группе. В этом для нас единственный выход из тупика»¹⁶⁹⁶. Хотя Горький уговаривал Ляцкого и Певина, гостивших у него на Капри, передать «Современник» трудовикам¹⁶⁹⁷, он полагал, что статьи Водовозова и В. Б. Станкевича, посвященные думским выборам¹⁶⁹⁸, «напрашиваются на возражения, могут вызвать полемику», чего «следовало бы избегать», и предлагал: «...хорошо, если бы они переехали в “Кругозор” Тихонова»¹⁶⁹⁹.

Речь шла о ежемесячном литературно-политическом журнале, созданном В. А. Тихоновым, который при организации «Современника» входил в его редакционно-издательский комитет, но, если верить Амфитеатрову, «ровно ничего не делал, всем мешал скулением и страхами», а затем «обиделся и отстранился»¹⁷⁰⁰. Горький советовал Тихонову придать «Кругозору» определенную политическую «физиономию», превратив его в орган трудовиков, программа которых, «несмотря на ее неясность, несомненно будет иметь успех в среде демократии»¹⁷⁰¹. Тихонов ответил 2 октября, что размышлял, кому бы поручить «наитруднейший» отдел внутренней политики: «Думал даже обратиться к В. В. Водовозову, но – (между нами) –

1696 Там же. Л. 4–6.

1697 Горький М. Письма. М., 2003. Т. 10. С. 116.

1698 См.: Станкевич В. Мнимые победы и действительные поражения. По поводу выборов в Государственную думу // Современник. 1912. Кн. 10. С. 305–317; Водовозов В. Война. Государственная дума // Там же. С. 337–352.

1699 Горький М. Письма. Т. 10. С. 192.

1700 Литературное наследство. Т. 95. С. 283.

1701 Горький М. Письма. Т. 10. С. 131.

Василий Васильевич так сух, педантичен и односторонен, а я так боюсь именно этого налета на “Кругозор”, что удерживался от обращения к В. В. Водовозову». Тихонов повторил это и в письме от 18 октября: «В. В. Водовозова же я прямо побаиваюсь: очень уж он педант, да и суховат»¹⁷⁰². Сам Горький отказался от участия в «Кругозоре» (вышли всего два его номера), оставлявшем, как он замечал, «совершенно определенное впечатление – ненужности», и без обиняков бросил Тихонову: «Редактор Вы плохой...»¹⁷⁰³.

В объявлении о подписке на 1913 г. сообщалось, что «Современник» – «ежемесячный внепартийный прогрессивный журнал литературы, истории литературы, науки, истории искусства, общественной жизни и политики, издаваемый при постоянном участии А. В. Амфитеатрова¹⁷⁰⁴ (общественная сатира), В. Я. Богучарского (история), В. В. Водовозова (социально-политический отдел), Максима Горького (художественная литература), Е. А. Ляцкого и П. Е. Щеголева (история литературы), М. П. Павловича (иностранный отдел)»¹⁷⁰⁵. Но основную редакционную работу вели, по выражению Кусковой, «из-за кулис»¹⁷⁰⁶ Водовозов¹⁷⁰⁷ и Ляцкий, признававшийся Горькому около 9 ноября 1912 г.: «Чувствую только, что вести дело боль-

1702 Литературное наследство. Т. 95. С. 752–753.

1703 Горький М. Письма. Т. 10. С. 255.

1704 7 сентября 1912 г. Е. А. Ляцкий сообщил В. В. Водовозову: «Наконец, договорился с Амфитеатровым. <...> Самый щекотливый вопрос состоял в том, чтобы внушить ему, что сотрудничество его не связано с положением “ближайшего” сотрудника журнала» (РГАСПИ. Ф. 261. Оп. 1. Д. 20. Л. 2).

1705 Литературное наследство. Т. 95. С. 516–517.

1706 РГАСПИ. Ф. 261. Оп. 1. Д. 16. Л. 39.

1707 См. письмо от 12 сентября 1912 г., в котором В. В. Водовозов обозначил себя «редактирующим общественный отдел в редакции “Современника”, временно заведующим редакцией» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 2. Д. 2300. Л. 1).

шого журнала вдвоем, как это мы делали до сих пор с Водовозовым, который, кстати сказать, скоро будет изъят из обращения, невозможно...», и повторивший 27 ноября: «Водовозов не сахар, но ему до кутузки остались недели»¹⁷⁰⁸. Хотя благодаря привлечению к следствию еще за одно «литературное преступление» крепости удалось избежать в связи с амнистией по случаю трехсотлетия царствующей династии, в начале 1913 г. петербургская редакция «Современника», в которую, помимо его издателя Певина, входили Богучарский, Водовозов и Щеголев, снова оказалась на грани раскола.

Вначале, 10 января Горький предлагал ограничить в правах Щеголева, интересуясь: «Может быть – его в состоянии заменить Водовозов?»¹⁷⁰⁹ Но уже 8 марта Ляцкий описывал ситуацию в редакции так: «Певин и Богучарский стоят на позиции блоковой (левее кадетов), приемлют марксизм как метод научного объяснения, хотя “большей определенности” в смысле уклона к большевизму боятся, как жупела. <...> Туманно выдвигается кандидатура Кусковой (без Прокоповича). <...> Водовозов считается неприемлемым ни в каком виде»¹⁷¹⁰. Указывая 20 марта на «общее недовольство Водовозовым», Ляцкий 7 мая напоминал Горькому: «Мы с Вами одинаково критически относились к деятельности Водовозова в социально-политическом отделе, но определенных решений не принимали...». Водовозов, «человек в высшей степени достойный и деликатный», сам заметил «несходство» взглядов и «вышел из редакции, занял положение близкого к ней сотрудника»¹⁷¹¹.

1708 Литературное наследство. Т. 95. С. 530, 539.

1709 Горький М. Письма. Т. 10. С. 244.

1710 Литературное наследство. Т. 95. С. 645–646.

1711 Там же. С. 564, 568–569. В объявлении о подписке на 1914 г. говорилось, что «Современник» издается «при ближайшем участии В. Я. Богучарского, В. В. Водовозова, Е. Д. Кусковой, В. Л. Львова-Рогачевского, Е. А. Ляцкого, М. П. Павловича, С. Н. Прокоповича, В. Б. Станкевича и П. Е. Щеголева» (Современник.

В апреле Горький, разгневанный отказом ввести в редакцию социал-демократов В. А. Базарова, И. И. Скворцова-Степанова и А. Н. Тихонова, вновь порвал с «Современником», а в июне покинул его и Ляцкий, которого заменил бывший эсер Н. Н. Суханов. Участие Водовозова в журнале продолжалось по 1914 г., но имя его в дальнейшем (как и Горького, который, смягчившись, напечатал в «Современнике» отрывок из своей пьесы) указывалось в числе сотрудников издания¹⁷¹².

В. Л. Генис

1913. Кн. 12. С. 1).

- 1712 Современник. 1915. № 1. С. 2 (объявление о продолжении подписки); вышли № 1 (январь) – 5 (май) и последний № 10 (октябрь), после которого журнал прекратил существование.

Эмиграция: «Я решил умереть...»

Оказавшись в Берлине осенью 1922 г., В. В. Водовозов заключил договор с «Издательством З. И. Гржебина» на составление нового энциклопедического словаря. В проекте предисловия к нему он указывал, что в былые дни возможность быстро и легко навести справку предоставляли «Энциклопедический словарь» Ф. Павленкова, 5-е издание которого вышло в 1913 г., и «Малый энциклопедический словарь» Брокгауза – Ефрона, переизданный в 1907–1909 гг., но оба безнадежно устарели: первый, напечатанный со стереотипного издания 1910 г., имеет 13-летнюю давность, второй – 16-летнюю. «Это, – замечал Водовозов, – очень много в обычное спокойное время, а тем больше теперь, когда эти годы были заняты величайшей в истории человечества войной и самой ужасной, когда-либо пережитой человечеством, революцией». Предполагалось, что однотомный словарь объемом 80 печатных листов будет включать: предисловие; общий (главный) отдел (с иностранными речениями и словами, употребляемыми в русской литературе, и историческим календарем, касающимся громких дат); хронологию всеобщей, политической, литературной, культурной и научной истории; метрологию; статистику географическую и экономическую; поправки и дополнения. Пробный типографский оттиск предисловия (с пометами М. Горького), нескольких страниц и титульного листа: «Энциклопедический словарь. Под ред. В. Водовозова. Берлин; Петербург; Москва: Издательство З. И. Гржебина, 1923» датирован 15 января¹⁷¹³.

Но поскольку еще в июле 1922 г. В. Б. Станкевич убеждал Водовозова, что «наиболее удобным местом пребывания для него за границей могла бы стать Прага, с ее многочисленными русскими просветительными учреждениями, широким гостеприимством для русских»¹⁷¹⁴, в декабре Водовозов и его жена

1713 ГАРФ. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 34. Л. 1, 3–4.

1714 Там же. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2654. Л. 1.

загорелись идеей перебраться туда, в чем их поддержал и отец Ольги Александровны, А.И. Введенский, наставлявший 28 декабря дочь: «Что же касается вопроса о Гржебине и Праге, то, конечно, довод, что он эксплуататор, должен быть отброшен. В этом Василий Васильевич прав с кантианской точки зрения. Но с той же точки зрения он морально связан только в том случае, если сам подбил Гржебина на издательство, обеспечив ему свое редакторство. Если же давления на Гржебина со стороны В. В. не было, а Гржебин просто воспользовался присутствием человека, к которому он питает доверие, то В. В. ровно ничем не связан, и вполне позволительно бросить дело без всяких забот о последнем. А если он подбил Гржебина, то прямо бросить нельзя, а надо или передать дело в надежные руки (напр., Льва Платоновича Карсавина), или продолжать его вести из Праги. (Если всего-то сотрудников меньше десятка, то сноситься с ними из другого города вовсе нетрудно. К тому же Прага от Берлина недалеко, и легко съездить в Берлин из нее раз или два в месяц)»¹⁷¹⁵. А 19 марта 1923 г. Ольга Александровна написала сестре: «В Прагу мы переезжаем через неделю, уже заказали комнату <...>; это где-то под Прагой, минут 20 по железной дороге»¹⁷¹⁶.

Летом из Петрограда в Берлин приехал А. Ф. Перельман, который, разыскав адрес, по которому Водовозов жил в Чехословакии, 3 августа интересовался у него: «Хотел бы знать, что у Вас нового, как живете, продолжаете ли работать над словарем? Мне кажется, что здесь словарь не имеет Aussichten»¹⁷¹⁷. Словарь должен издаваться в России, и только. У нас дело со словарем налаживается и скоро приступим к работе»¹⁷¹⁸. В ме-
муарах, характеризуя Водовозова «многосторонне образован-

1715 Там же. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 128. Л. 5–6.

1716 Там же. Д. 145. Л. 31.

1717 перспективы (нем.).

1718 ГАРФ. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 154. Л. 1.

ным и честным журналистом», «неистовым обличителем правительственной реакции» и «знатоком новейшей политической истории Европы», Перельман указывал, что тот был «одним из старых постоянных и активных сотрудников» издательства Брокгауз – Ефрон («его статьи разбросаны в последних томах старого нашего словаря и почти во всех томах новой энциклопедии»), но «на чужбине ему жилось плохо, он тосковал по родине, к тому же его очень беспокоила судьба его библиотеки (у него была прекрасная библиотека, большая, накопившаяся за много лет работы, картотека и огромный архив), и он собирался вернуться на родину»¹⁷¹⁹.

Водовозов действительно не думал надолго задерживаться за границей, но Введенский предупреждал дочь: «Кажется, все связи Василия Васильевича с университетом прекращаются. И вообще как рассчитываете выжить по возвращении сюда? Ведь все должности потеряны. А литературная работа очень затруднена». Помимо этого, резко выросли коммунальные платежи (лицам «свободных профессий» предписывалось оплачивать свое жилье в размере полутора рублей «за каждый рубль довоенной квартирной платы», а рабочим и служащим – от 10 до 30 копеек¹⁷²⁰), и Введенский советовал зятю и дочери «взять от Гржебина удостоверение, что Василий Васильевич служит по найму в его издательстве», ибо в противном случае «квартира вам недоступна»¹⁷²¹. Вдобавок еще летом 1922 г. Водовозов бесплатно поселил у себя некую даму с ее дочерьми, ибо, пояснял он, «требовался человек, который жил бы в квартире и не дал бы повод вселить в нее, как в пустующую, посторонних людей» и при этом «не разворовал бы имущество и не испортил бы книг». Но с октября 1923 г., сокрушался Водовозов

1719 Перельман А. Воспоминания. СПб., 2009. С. 191–192.

1720 Об оплате жилых помещений в городе Ленинграде. Обязательное постановление // Вестник Ленинградского Совета. 1924. № 64/65. 16 авг.

1721 ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 128. Л. 10.

зов, его «хорошо оплачиваемая работа прекратилась» и он «перешел на положение, при котором еле сводил концы с концами», а домоуправление отказалось принять во внимание, что две комнаты в квартире заняты библиотекой (порядка 10 тыс. томов), переходившей в собственность Академии наук после смерти ее владельца. В то же время жилища, негодовал Водовозов, «донесла прокурору, что я эмигрировал» и заграникомандировка есть «скрытая эмиграция»¹⁷²².

План Ольги Александровны приехать в Петроград летом 1924 г. поверг ее близких в полное недоумение, и 11 апреля Зинаида вразумляла сестру: «Как же ты назад-то попадешь, опять придется выхлопывать заново разрешение на выезд, и какой же смысл приезжать, если вы вернетесь осенью». С женой был солидарен и М. А. Лихарев, который 14 апреля написал Водовозову: «Я весьма сочувствовал бы и одобрил бы временный приезд сюда Вашей милой супруги. Ввиду Вашего скорого возвращения в Петербург такая рекогносцировка была бы очень полезна, ибо условия жизни и обстановка здесь за эти почти два года достаточно изменились, чтобы оправдывать такое предварительное нащупывание почвы для устройства. Боюсь только, не оказались бы для нее затруднительными хлопоты о возвращении к Вам». В постскриптуме Лихарев предупреждал Ольгу Александровну: «Надежды Ваши на какие-то “связи” В. В. мне кажутся чистойшей иллюзией». В другом письме, от 9 марта 1925 г., выражая несогласие с женой, которая звала сестру вернуться в Россию: «И чего вы там киснете? Жить “кисло” можно и здесь, да еще если потряхнуть связями и заслугами», – Лихарев был еще более категоричен: «Во-первых, я решительно против даваемого Вам Зиной совета спешить с возвращением; обстоятельства, по моему мнению, неблагоприятны. Я совершенно не вижу пока возможности литературного заработка для Вашего супруга; условия такого зара-

1722 Там же. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 123. Л. 7. (Письмо Павлу Григорьевичу (Мижучеву?) от 21 сентября 1926 г.)

ботка все ухудшаются для представителей гуманитарных наук»¹⁷²³.

Стремясь понять, насколько реален проект, которым его прельщал Перельман, Водовозов обратился в «Издательство Брокгауз – Ефрон», откуда 15 марта 1926 г. ему ответили: «Мы здесь думаем выпустить малый словарь в 15 выпусков – 150 печатных листов по 105 000 букв, наподобие “Handbuch des Wissens”¹⁷²⁴ Брокгауза. Кое-что даже уже сделали в этом отношении. Хотим мы к осени приступить вплотную к работе, и, конечно, если Вы к тому времени будете здесь, Вы будете самым желанным и самым близким сотрудником». Хотя издательство не решалось брать на себя какие-либо обязательства перед Водовозовым, оно просило в случае его возвращения в СССР захватить с собой все материалы по словарю, которые «могут весьма и весьма пригодиться»¹⁷²⁵. Но Гржебин, вложивший 12 000 долларов в подготовку словаря и сожалевающий, что работа над ним остановилась¹⁷²⁶, тоже имел виды на материалы Водовозова, считавшего, в свою очередь, что работодатель не доплатил за его труд. Взаимные претензии разбирались 29 июля третейским судом под председательством П. Н. Милюкова, но решение было не в пользу Водовозова, о чем свидетельствует договор, подписанный им 7 октября с издателем М. Л. Цитроном в Париже. Водовозов обязывался «выдать Цитрону или его доверенному лицу все без исключения рукописные материалы “Энциклопедического словаря” (в Праге у себя на квартире)», подтвердив, что «никаких претензий к

1723 Там же. Д. 145. Л. 16, 18, 35, 61.

1724 Имеется в виду энциклопедический словарь «Brockhaus Handbuch des Wissens in vier Bänden» («Справочник по различным отраслям знания Брокгауза в 4 томах»), 6-е издание которого вышло в Лейпциге в 1921–1923 гг.

1725 ГАРФ. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 166. Л. 1.

1726 См.: Динерштейн Е. А. Синяя птица Зиновия Гржебина. М., 2015. С. 350, 353.

Гржебину больше не имеет». Цитрон был вправе издать словарь, переработав его по своему усмотрению, и даже без упоминания, что он «составлялся (частью) и редактировался Водовозовым», который 10 октября передал новоиспеченному правообладателю «шесть тетрадок» подготовленных им материалов, за которые получил 25 долларов, а в ноябре – остальные рукописи еще за 15 долларов¹⁷²⁷! Но словарь так и не увидел свет...

Проживая за границей с советским паспортом, Водовозов изредка печатался в эмигрантских газетах, позволяя себе довольно резкую критику большевистского режима. Например, его возмутила статья М. Осоргина «О прочитанном», появившаяся в парижских «Днях» 16 ноября 1927 г., в которой автор, ссылаясь на «слишком короткую память» вынужденных изгнанников, замечал: «Мы смеемся над тем, что цензура большевиков воспрещает писать слово “Бог” с большой буквы, забывая, что наша прежняя цензура воспрещала писать его с буквы маленькой. Сейчас конфискуют роман, в котором белый офицер изображен порядочным человеком; но припомним цензурный параграф, воспрещающий восхваление государственных преступлений, т. е. сочувственное изображение героя тогдашней “борьбы за свободу народа”. Романы Степняка не были ли под запрещением?» В открытом письме в редакцию Водовозов возражал, что подобные запрещения существовали только до 1905 г., а позже, в 1907 г. роман «Андрей Кожухов», не сочувственно только, а прямо восторженно изображавший революционеров-террористов, был напечатан С. А. Венгеровым в Петербурге вполне легально, и слово «бог» очень и очень многие писали с маленькой буквы, и цензура перестала к этому придирается. Комментируя риторический вопрос Осоргина: «История лучшей нашей газеты, “Русских ведомостей”, не есть ли красноречивая история страданий русской печати?», Водовозов

1727 ГАРФ. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 179. Л. 1–6.

водовозов напоминал, что «самая горькая страница в этой истории была написана большевицкой властью», ибо «при ней газета погибла; до нее – выходила в течение более полувека, все время оставаясь в решительной оппозиции правительству». Водовозов замечал, что совершенно непостижимо, как можно сопоставлять дореволюционную цензуру с большевистской, при которой допускается существование только правительственных органов, хотя даже в мрачные времена Николая I «могли писать – не свободно, но могли – и Белинский, и Герцен», которые теперь «были бы, подобно Осоргину, бессрочно высланы за границу»¹⁷²⁸. А в отзыве на книгу Н. А. Гредескула «Россия прежде и теперь» (М., 1926) Водовозов замечал, что она должна лишний раз засвидетельствовать верность автора советскому режиму, и потому, воспевая ему хвалу, тот «не знает меры и не считает нужным стесняться истиной», в связи с чем язвительно напоминал совет А. С. Пушкина: «Льстецы, льстецы! Старайтесь сохранить и в самой подлости оттенок благородства!»¹⁷²⁹

«Помню, в голодном Петербурге осенью 1918 г., – вспоминал С. С. Ольденбург, – Василий Васильевич высказывал одно, как он говорил, последнее желание: объехать после войны все главные государства и собственными глазами убедиться в результатах и итогах мировой войны. Желание его исполнилось, увы, только отчасти: он получил возможность выехать в Западную Европу и даже издал книгу, подводящую некоторые итоги; но трудность передвижения – глухота и прогрессирующая слабость зрения – уже не дали В. В. Водовозову возможность полностью охватить мир и настолько же в нем освоиться, как в довоенной Европе»¹⁷³⁰. Его фундаментальный, бо-

1728 Водовозов В. Открытое письмо. По поводу статьи М. Осоргина «О прочитанном» // Дни. 1927. 26 нояб.

1729 Он же. Библиография // Дни. 1926. 28 нояб.

1730 Ольденбург С. С. Памяти В. В. Водовозова.

лее 400 страниц труд – «Новая Европа: Территория и население. Государственный строй. Международное положение. Денежная система и финансы. Экономические условия. Политические партии» – вышел в пражском издательстве «Пламя» в конце 1924 г. Основанный главным образом на информации статистических ежегодников и других официальных изданий разных стран, но также и на личных наблюдениях автора, этот труд, указывал рецензент берлинской газеты «Руль», благодаря обилию тщательно собранного и прекрасно изложенного материала является «чрезвычайно полезным и ценным пособием к познанию современности», а «имя автора – заслуженного публициста и одного из лучших в России знатоков политической жизни Запада – гарантирует качество сделанной работы»¹⁷³¹.

Специалист по вопросам международного права Б. С. Миркин-Гецевич, который испытывал, как признавался, «давнее уважение, преданность» и даже «привязанность» к автору «Новой Европы», 6 ноября благодарил его: «Я начал ее читать – и уже должен выразить Вам свое искреннее удовольствие и удовлетворение. Такая хорошая, такая нужная книга (нужная даже для европейского читателя, если бы он знал русский язык). Я буду о ней писать»¹⁷³². Н. С. Русанов, отмечая 19 марта 1926 г. «добросовестность» автора, делился с ним впечатлениями: «Можно лишь пожалеть читателей, что Вы дали им только “Новую Европу”, а не всю Европу, и новую, и старую». Как «очень полезную» оценивал книгу и Е. В. Спекторский, профессор Русского юридического факультета в Праге и председатель Русской академической группы в Чехословакии в 1924–1927 гг.¹⁷³³

1731 Гольденвейзер А. А. Рец. на кн.: Водовозов В. В. Новая Европа // Руль. 1924. № 1223. 10 дек.

1732 ГАРФ. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 148. Л. 3.

1733 Спекторский Е. В. Воспоминания. Рязань, 2020. С. 412, 392.

10 декабря 1925 г. Водовозов был единогласно избран преподавателем Русского педагогического института им. Я. А. Коменского по дополнительному курсу «Культурно-экономический обзор славянских стран и лимитрофов» (10 лекций)¹⁷³⁴. В Русском народном университете он также периодически выступал с лекциями на разные темы, в том числе: «Кризис демократии и парламентаризма» (29 октября, 14 ноября 1926 г.), «Государственный строй и политические партии ЧСР» (12, 19 марта 1927 г.), «Международная политика Советской власти» (16 января 1928 г.), «Федерация и конфедерация в применении к русским условиям» (6 февраля 1929 г.), «Государственное устройство СССР» (7 апреля 1930 г.), «Политическое и общественное мировоззрение Пушкина по новым данным» (6 марта 1931 г.)¹⁷³⁵.

Параллельно Водовозов трудился над своими мемуарами, и 15 февраля 1928 г. на заседании хозяйственной комиссии Русского заграничного исторического архива (РЗИА) в Праге был заслушан отзыв В. А. Мякотина по первой их части («Воспоминания о времени конца 80-х и начала 90-х годов»). Подчеркивая «богатое фактическое содержание», придающее рукописи «исключительный интерес»¹⁷³⁶, Мякотин находил желательным приобретение ее, с оценкой в 300 чешских крон за печатный лист. Признавая воспоминания «очень ценным материалом», управляющий РЗИА В. Я. Гуревич возражал, что предложенная оценка «все же высока», но Мякотин отстаивал ее «в интересах получения дальнейших мемуаров В. В. Водовозова, являющегося одним из наиболее видных участников общественного движения в России». На предложение Гуревича просить «об оплате рукописи в порядке дополнительного ас-

1734 ГАРФ. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 173. Л. 1–2; см. также: Д. 102.

1735 См.: Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике. Т. I: 1919–1929. С. 246, 249, 264, 287, 332; Т. II: 1930–1939. С. 28, 52.

1736 ГАРФ. Ф. Р-7030. Оп. 1. Д. 232. Л. 33–34.

сигнования» уполномоченный МИД ЧСР профессор Я. Славик заявил, что «не видит препятствий к возбуждению этого ходатайства»¹⁷³⁷, и вопрос был решен. В подписке, которую Водовозов дал 15 марта, говорилось о передаче им в полную собственность РЗИА своей рукописи, составленной «в начале 1928 года в Праге», с обязательством впредь «не пользоваться ею без разрешения архива как полностью, так и частично, ни в вариантах, ни в переделках»¹⁷³⁸.

10 октября того же года Ученая комиссия РЗИА признала «желательным» приобретение и второй части мемуаров («Годы странствований. 1893–1900»), представлявшей, по заключению Мякотина, несомненный интерес для характеристики как общественной жизни России, так и самого автора, «заметного русского публициста и политического деятеля»¹⁷³⁹, а еще через пару лет, 28 ноября 1930 г. – третьей части («Новый век. Воспоминания из эпохи 1900–1905 гг.»), с оплатой по той же ставке: 300 крон за печатный лист¹⁷⁴⁰. В своем заключении Мякотин ставил в заслугу автору, что свои впечатления о пережитом он передает «без какого-либо явного партийного и личного пристрастия», без всяких попыток приукрасить собственную роль, «передает только то, что хорошо помнит, тщательно оговаривая те даже мелкие случаи, когда память не позволяет ему вполне точно восстановить тот или иной факт», а доля неизбежного субъективизма мемуариста нигде не переходит в искажение описываемого¹⁷⁴¹.

1737 Národní knihovna České republiky. Slovanská knihovna. T-RZIA. 2–6–142. Č. 1:3. Автор выражает глубокую благодарность директору пражской Славянской библиотеки Лукашу Бабке за предоставленные документальные материалы.

1738 Ibid. 3–2–90. Č. 1:1.

1739 ГАРФ. Ф. Р-7030. Оп. 1. Д. 232. Л. 33–34.

1740 T-RZIA. 2–5–36. Č. 1:4; 2–5–70. Č. 1:5.

1741 ГАРФ. Ф. Р-7030. Оп. 1. Д. 232. Л. 23–24.

Летом 1929 г. консульский отдел Полномочного представительства СССР в Чехословакии продлил срок действия советского паспорта Водовозова до 19 августа 1930 г.¹⁷⁴² После того как и этот срок миновал, а Водовозов, уехавший за границу по командировке Наркомата просвещения, так и не вернулся на родину, он стал «невозвращенцем», подпадая под действие постановления ЦИК СССР от 21 ноября 1929 г. «Об объявлении вне закона должностных лиц – граждан СССР за границей, перебежавших в лагерь врагов рабочего класса и крестьянства и отказывающихся вернуться в СССР»¹⁷⁴³. Надежды на возвращение в Россию уже не было, и для мрачного настроения, которое переживал Водовозов, характерно его письмо Е. Д. Кусковой от 11 июня 1930 г., в котором, откликаясь на смерть в Париже их общего товарища, он с горечью замечал: «Смерть В. В. Португалова меня тоже очень огорчила, хотя я не знаю, верно ли Ваше сведение, что он “так хотел жить”. Я не очень верю в возможность такого хотения для человека в наших условиях; мне кажется, что все мы слишком устали жить. А умереть придется громадному большинству в эмиграции; в этом я совершенно убежден. Настолько убежден – и тоже давно, – что когда года три тому назад в Петербурге была конфискована большевиками половина моей библиотеки (после чего остающуюся половину я сам подарил Академии наук, за что, между прочим, теперь расплачивается С.Ф. Ольденбург), то я, хотя и был глубоко возмущен этим, как актом дикого произвола, но почти не испытывал личного огорчения: слишком я был убежден, что мне все равно ее не видать»¹⁷⁴⁴. (Упоминание потерявшего должность Ольденбурга было вызвано сообщением эмигрантской прессы, что из Ленинграда в Москву доставлены материалы, изъятые чекистами в Академии наук СССР, где оказались документы трудовиков, дополненные личными архивами Ке-

1742 См.: Там же. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 1. Л. 13 об.

1743 Правда. 1929. № 272. 22 нояб.

1744 ГАРФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 107. Л. 5.

ренского и Водовозова, у которого хранилась «большая переписка с крупнейшими политическими и литературными деятелями (имеются письма Плеханова, Ленина и др.)»¹⁷⁴⁵.)

Водовозов уверял Кускову, что, лишившись своих книг, почти не огорчился, но в некрологе она писала: «Кто знал и видел его превосходную, с исключительной любовью собранную петербургскую библиотеку, – эти до потолка доходящие шкафы с сокровищами по всем отраслям знания, и его среди этих книг, – тот хорошо понимал глубокое его страдание здесь, за рубежом, в разлуке с этим скопленным богатством... Во время нэпа он все еще надеялся, что библиотека его сохранится. Из своих скудных средств он приносил жертвы, чтобы содействовать этому ее сохранению, ее сохранности для будущего». Кускова припоминала их разговор, когда Водовозов, «как всегда раздельно отчеканивая слова и энергично размахивая своей неизменной трубкой», которую приставлял к уху, настойчиво спрашивал ее: «Послушайте, вы занимаетесь русским вопросом, – я не занимаюсь им, – когда падут эти господа?» – «Не скоро, дорогой Василий Васильевич, не скоро...» – «Но тогда мне придется умереть здесь, так и не увидев России и моей библиотеки там, понимаете?» – «Зачем же умирать, Василий Васильевич? Вы так мало занимаетесь политикой, что при малейшем изменении режима сможете вернуться туда...» – «Я? То есть это как же?.. Колодки самодержавия я еще кое-как переносил. Но безобразия и гнусности, которыми угощают народ наши, так сказать, дальние родственники, якобы социалисты, я уже не могу...»¹⁷⁴⁶

В Праге Водовозов участвовал в работе над чешскими энциклопедическими изданиями – трехтомным «Словарем по экономике, социальным и политическим вопросам»¹⁷⁴⁷, из-

1745 Преступление С. Ольденбурга // Руль. 1930. № 2771. 8 янв.

1746 Кускова Е. Памяти В. В. Водовозова.

1747 Slovník národohospodářský, sociální a politický. Praha: Otakar

данным в 1929–1933 гг., и над многотомным «Научным словарем Отто нового времени». Второй словарь задумывался как дополнение к крупнейшему универсальному «Научному словарю Отто» («*Ottův slovník naučný. Illustrovaná encyklopædie obecných vědomostí*»), изданному в 1888–1909 гг. в 28 томах и названному по имени ее издателя Яна Отто (Jan Otto). Водовозов активно сотрудничал в новом энциклопедическом словаре (предполагалось, что он будет состоять из 8 частей по два тома каждая, но вышли только 6 частей; в 1943 г. издание прекратилось) и хотя смог увидеть только первые книги, вышедшие в 1930–1932 гг.¹⁷⁴⁸, сохранились подготовленные им многочисленные статьи и черновые записи к ним на все буквы алфавита¹⁷⁴⁹.

Завершив работу над четвертой, самой пространной частью своих воспоминаний («Первая революция и ее ближайшие последствия»), Водовозов представил рукопись в РЗИА 3 сентября 1931 г. с просьбой дать ее на прочтение А. Ф. Изюмову¹⁷⁵⁰, что объяснялось переездом Мякотина в Софию. Обсудив 23 октября заключение другого эксперта, профессора А. В. Флоровского, который указывал, что мемуары читаются «с большим интересом» и будущий историк «найдет в них, несомненно, важный и ценный материал»¹⁷⁵¹, Ученая комиссия РЗИА признала желательным приобретение их по цене 250 крон за лист¹⁷⁵².

Janáček. Díl I. 1929. 624 s.; Díl II. 1931. 636 s.; Díl. III. 1933. 729 s. (Vodovozov, Vasilij Vasiljevič // Op. cit. Díl. III. 1933. S. 637).

1748 См.: *Ottův slovník naučný nové doby: dodatky k Velikému Ottovu slovníku naučnému* / redakci vede B. Němec. Díl I, sv. 1. 1930; Díl I, sv. 2. 1931; Díl II, sv. 1. 1932.

1749 ГАРФ. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 38–55.

1750 Т-РЗИА. 6–348. Č. 1:4.

1751 ГАРФ. Ф. Р-7030. Оп. 1. Д. 232. Л. 17–19.

1752 Т-РЗИА. 2–5–84. Č. 1:2.

Но вызванное экономическим кризисом резкое сокращение ассигнований, отпускаемых МИД ЧСР на деятельность Объединения российских земских и городских деятелей (Земгора), занимавшегося распределением финансовой помощи эмиграции, больно ударило по ней, и 23 февраля 1932 г. Изюмов, входивший, как и Водовозов, в Пражскую группу ТНСП, жаловался Мякотину: «Прага живет нервно, говорю про русскую Прагу: иждивение выдали только в половине февраля, еще урезавши и предупредивши – пока до июля. В Земгоре совсем плохо...». И добавлял: «Бунтует Василий Васильевич. Он вошел сам в бюджетную комиссию, ходит туда с Ольгой Александровной, а она потом по Праге пускает всякие слухи»¹⁷⁵³.

На годичном общем собрании Земгора, растянувшемся на четыре заседания (11, 19 марта, 2, 5 апреля), отмечалось, что из-за долгов пришлось уволить большинство его служащих, прекратить издание журнала «Русская школа за рубежом» и свернуть деятельность Комитета по изучению Сибири, закрыть автошколу, а теперь речь идет о невозможности содержать «здравницу» для туберкулезных больных и, из-за чего особенно расстроился Водовозов, эмигрантскую библиотеку-читальню имени Масарика. Ее книжный фонд, с отделениями в Братиславе, Брно и Ужгороде, составлял около 54 тыс. экземпляров, но часть была уже описана по исполнительным листам кредиторов, и возникла угроза, вскоре, увы, реализовавшаяся, распродажи книг с публичных торгов. В «особом мнении», критикуя представленную смету, Водовозов негодовал, что «ассигновка на библиотеку до крайности урезана», и, учитывая «общее обнищание русской эмиграции» и «катастрофическое финансовое положение», предлагал снижение окладов членов комитета и служащих канцелярии Земгора, что,

1753 ГАРФ. Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 2. Л. 15.

конечно, им не понравилось¹⁷⁵⁴. Выступая 2 апреля в прениях, Водовозов отчитал заведующего библиотекой, который ее «систематически разрушал», и комитет Земгора, покрывающий своих служащих (помощник заведующего библиотекой Л. А. Крезе растратил деньги ссудо-сберегательной кассы). Но руководители комитета оскорбились, посчитав, что им предъявили обвинения «уголовного характера». Хотя на собрании раздавались голоса, что оратор «неправильно понят», а его резкое выступление – «плод излишней нервности», Водовозов заявил, что, поскольку «моральный авторитет Земгора растерян», он выходит из него¹⁷⁵⁵. (14 мая Водовозов потребовал также вычеркнуть себя из членов ссудо-сберегательной кассы «Славянская взаимность» и вернуть внесенный им денежный пай¹⁷⁵⁶.)

Комментируя 7 апреля упомянутый инцидент, Изюмов снова указывал Мякотину на бедственное положение Земгора: «Обещания, которые были даны в смысле помощи, при всем желании оказались неисполнимыми. Ставить в данный момент какие-нибудь принципиальные вопросы глупо и ни к чему. Между тем Василий Васильевич, настроенный Ольгой Александровной, пошел именно по этому пути и, придравшись к пустякам, вышел из Земгора, наговоривши довольно много неприятных слов и не учтя, что в комитет входит и наш товарищ. Это прибавило еще взаимных обид и неприятного настроения»¹⁷⁵⁷. В другом письме, от 10 апреля, адресованном С. П. Мельгунову в Париж, сетуя, что пражским народным социалистам придется заплатить за поручительство, чтобы уволенный со службы «подлец» Крезе (народный социалист) мог получить ссуду по векселю для покрытия своей растраты, Изюмов пояснял: «Земгор, собственно, идет ко дну, и мы (то есть

1754 Там же. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 176. Л. 1–2.

1755 Там же. Ф. Р-5764. Оп. 1. Д. 17. Л. 25, 30–31.

1756 Там же. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 181. Л. 1.

1757 Там же. Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 2. Л. 18, 19.

поручители: А. А. Виноградов, С. И. Гессен, А. Ф. Изюмов, Е. А. Ляцкий, В. С. Озерецковский. – В. Г.) оказались вроде спасателей утопающего. В. В. Водовозову такая роль не понравилась, и, будучи сильно начинен Ольгой Александровной, он устроил истерику и ушел из объединения. Мы остались: уж раз вмазались в это дело, то сейчас уходить смешно. <...> Все это мелочи, но сколько же они часов отняли, во-первых, а во-вторых, кажется, доконали нашу маленькую группу, которая была спаяна хотя бы местными делами. Ведь для большой политики здесь сейчас места нет»¹⁷⁵⁸.

Отдалившись от Пражской группы ТНСП, Водовозов продолжил работу над мемуарами, и 21 октября 1932 г. Ученая комиссия заслушала отзыв нового члена Совета РЗИА В. Н. Челищева, в прошлом начальника управления юстиции Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России А. И. Деникина, о пятой и, как оказалось, завершающей части воспоминаний – «Революция 1917». Считая, что рукопись состоит из глав, «далеко не равноценных по содержащемуся в них материалу», в четырех из которых «не сообщается ничего существенно ценного», Челищев тем не менее выделял две главы, которые «полны интереса», ибо одна посвящена характеристике личности А. Ф. Керенского, а другая – работе Особого совещания для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание. Принимая во внимание, что рукопись является продолжением уже полученных архивом предыдущих частей мемуаров, Челищев находил желательным приобретение ее из расчета 200 крон за печатный лист, но ввиду сокращения бюджета Ученая комиссия согласилась с предложенной оценкой лишь в отношении второй, четвертой и шестой глав, а за остальные решила уплатить по 150 крон¹⁷⁵⁹.

1758 ГАРФ. Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 4. Л. 20.

1759 Т-РЗИА. 2–5–99. Ї. 1:3.

Средств на жизнь катастрофически не хватало, нищета подступала все ближе, и Водовозов, узнав, что преподаватель Русского юридического факультета в Праге П. А. Остроухов, выполняя поручение профессора Гарвардского университета социолога П. А. Сорокина, подбирает сотрудников для «разработки сведений о периодах экономического благосостояния и упадка в истории различных стран Европы», предлагает ему свою кандидатуру, указывая, что специализируется по государственному и, в частности, избирательному праву. «Может быть, – пишет Водовозов, – Вы нашли бы возможным дать мне работу по составлению таблиц развития конституционных идей и учреждений, вроде той, которую Вы дали Н. О. Лосскому по истории философских идей? Такая работа была бы мне гораздо ближе и интереснее. Вообще в настоящее время я очень сильно нуждаюсь в работе и буду бесконечно благодарен Вам, если Вы поможете мне найти таковую. Я очень много, в течение более чем 40 лет, работал в различных энциклопедических и специальных словарях, теперь работаю в чешском *Slovník národohospodářský, sociální a politický*, где пишу все статьи о России и очень многие по государственному праву, в частности *Parteiwesen* других стран, но эта работа через два месяца кончится за выходом последнего тома. К сожалению, я могу писать только по-русски». Но договориться с Остроуховым не удалось¹⁷⁶⁰.

Еще раньше, 8 февраля Водовозов обратился к М. И. Ганфману, редактировавшему газету «Сегодня» в Риге, относительно какой-либо переводной работы для Ольги Александровны: «Она кончила курс по отделению германско-романской филологии и хорошо владеет пятью языками: немецким, французским, английским, итальянским и испанским. Когда-то (в 1907 или 1908) перевела книгу Scartazini о Dante¹⁷⁶¹,

1760 ГАРФ. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 122. Л. 3–4.

1761 См.: Скартаццини И. Данте / Пер. О. А. Введенской. Под ред. и со вступ. ст. Д. К. Петрова. СПб., 1905.

кое-что переводила в журналах (между прочим в “Былом” скомпилировала мемуары Палеолога, хотя они были там подписаны не ее, а моим именем¹⁷⁶²), для “Всемирной литературы” перед самой эмиграцией переводила исторические произведения Вольтера и т. д. В настоящее время она переводит (и сама выбирает для перевода) мелкие повести для “Таллинского русского голоса”. Но это дает так мало и времени остается свободного так много, что я очень просил бы Вас дать ей какую-нибудь работу». Указывая, что Ольга Александровна могла бы «переводить и компилировать исторические произведения», Водовозов добавлял, что и сам «был бы очень рад сотрудничать» в «Сегодня»¹⁷⁶³.

В последней части своих мемуаров Водовозов писал, что, как и прежде, всеми фибрами души жаждет «революционной бури, которая должна стереть с лица земли самый омерзительный, самый подлый, самый тиранический строй, какой только знает вся человеческая история на протяжении по крайней мере всего XIX и XX вв.», имея в виду сталинизм. Он еще не знал, что скоро большая часть Европы окажется под пятой гитлеровского режима... Эмигрантская пресса утверждала, что к решению добровольно уйти из жизни Водовозов пришел под влиянием «отчаяния, полной потери надежды на возможность продолжать борьбу за существование и боязни, что конец его жизни превратится в темное полуголодное прозябание, что до смерти наступит период гробовой тишины, нарушаемый лишь внутренней мукой», ибо он «не утрачивал остроты душевных восприятий и мысль его оставалась и теперь, в 69 лет, ясной и отчетливой»¹⁷⁶⁴.

1762 См.: Водовозов В. В. Царская Россия во время великой войны в изображении французского посла // Былое. 1922. № 20. С. 268–291.

1763 ГАРФ. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 123. Л. 18.

1764 Бельговский К. Последние часы В. В. Водовозова перед самоубийством. (От пражского корреспондента «Сегодня») // Сего-

Свой поступок Водовозов объяснил сам в прощальном, пронзительном по трагизму письме жене, начатом 2 октября 1933 г.:

«Дорогая Оля.

Прошу тебя простить мне те страдания, которые я тебе причиняю, но я не могу иначе.

Я решил умереть и выбрал для этого пятницу как день, когда тебя не будет дома.

Мотивы моей смерти понятны. Главных два: такое болезненное состояние, глухота, грозящая окончательная слепота, при которой работать скоро будет нельзя вовсе, а теперь уже нельзя ничего серьезного, даже если бы работа была. Но ее нет и, видимо, не будет. Не будет, следовательно, и средств к существованию. Это второй мотив. Просить милостыню, пользуясь своим знакомством с Масариком, я не могу. И так ведь мы живем 10 лет на счет общественной благотворительности. Есть и другие мотивы, но о них не стоит говорить. Каждого из первых двух достаточно в отдельности.

Жить не смогу, смерти не боюсь вовсе, хотя форма смерти, единственная, которая находится в моем распоряжении, ужасна, страшна. Надеюсь все-таки, что не дрогну перед ней.

Выбираю мне знакомое место, где смерть технически исполнима.

Делаю все, что в моих силах, чтобы облегчить тебе жизнь. В столе ты найдешь бумажник, в нем – 100 крон, которые я отложил на всякий случай еще несколько лет тому назад и которые не истратил.

Там же найдешь паспорта, мой и твой (не беру с собой своего, – авось пустят на кладбище и без него)».

Напоминая о квартирных расписках и о залоге, Водовозов деловито советовал жене продать «кое-что из вещей», преду-

дня. 1933. № 283. 13 окт.

преждая: «Беру часы, без них не могу, худшие, – тебе оставляю лучшие». Касаясь чешского энциклопедического словаря («Slovník národohospodářský, sociální a politický»), Водовозов просил жену: «Возьми в Словнике последний выпуск и вместе с предпоследним перешли Изгоеву. Остальные книги, может быть, удастся продать какому-нибудь букинисту за грош. Может быть, переплетенный Словник (3-й том тебе, конечно, дадут) тоже продашь или, может быть, – если будут деньги на пересылку – тоже пошлешь Изгоеву. Напиши ему, что я вспоминал его перед смертью, желая ему здоровья и бодрости для продолжения его работы». Завершая послание жене: «Ну, прощай и не поминай лихом», – Водовозов добавил: «Постараюсь устроить так, чтобы это письмо дошло до тебя, хотя боюсь, что, может, и не удастся»¹⁷⁶⁵.

Три дня спустя, в четверг, 5 октября, готовясь к смерти («обдуманной во всех деталях, – поражался Изюмов, – и выполненной с каким-то самурайским спокойствием»¹⁷⁶⁶), Водовозов эпически спокойно продолжает свой жуткий по драматизму монолог, адресованный жене:

«Я решил это письмо не брать с собой, как я предполагал первоначально в расчете, что оно будет найдено на мне и отправлено по почте, а оставить в столе, – авось ты его найдешь сама.

100 крон придется разменять и 20 взять себе на дорогу.

Ну, прости, завтра, надеюсь, всемо конец.

В последние дни я усердно читал книгу Sarton¹⁷⁶⁷. Если ты увидишь В?, скажи ему, что Sarton меня не убедил в справедливости своей основной идеи о непрерывном прогрессе

1765 ГАРФ. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 124. Л. 1.

1766 Там же. Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 4. Л. 28.

1767 Видимо, имеется в виду книга: «История науки и новый гуманизм» (Sarton G. The History of Science and the New Humanism. N. Y., 1931).

науки. К сожалению, не удастся об этом поговорить.

С часами передумал. Боюсь, что, увидев серебряные часы, ты заподозришь сразу неладное, произведешь обыск и найдешь это письмо. Приходится пожертвовать ими».

Осуществление задуманного Водовозову пришлось отсрочить (в пятницу Ольга Александровна не уехала по делам, как предполагал ее муж, уговорив его тоже не выходить на улицу), о чем в тот же день, 6 октября Водовозов написал: «К сожалению, ты сегодня оставила меня дома, и вследствие этого я не смог исполнить своего намерения. Пришлось отложить, не знаю, на сколько. Может быть, в понедельник, а может быть, удастся и в субботу 7 октября. Прошу тебя, не трать денег на панихиды. Похоронят, надеюсь, бесплатно. Во всяком случае, не требуй моего тела для похорон на свой счет, никакой в этом надобности нет»¹⁷⁶⁸.

В очерке «Три смерти», написанном 1 ноября специально для В. А. Мякотина и С. П. Мельгунова, то есть не предназначенном для печати, А. Ф. Изюмов сделал попытку восстановить последний день Водовозова: «В субботу часов в 10 он стал собираться в парламентскую библиотеку. Жена ничего не заметила: накануне он занимался, как всегда. Только вместо серебряных часов, которые надевал обычно, уходя в город, он стал надевать старенькие никелевые. Она спросила: “Почему же берешь старые часы?” Он ответил: “Они мне удобней”. Уходя, взялся купить хлеб. Простился как обычно. По-видимому, он часа два занимался в библиотеке, потом дошел до Виноградского вокзала, откуда поехал в Збраслав. Там видели его гуляющим по берегу Влтавы»¹⁷⁶⁹. А в четверть пятого Водовозов осуществил задуманное, перед этим сняв и положив на насыпь свое пальто, в кармане которого нашли записку с приколотым к ней обручальным кольцом: «Сейчас я умру. Про-

1768 ГАРФ. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 124. Л. 3.

1769 Там же. Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 4. Л. 28.

щай, дорогая Оля. Письмо к тебе найдешь в столе»¹⁷⁷⁰.

В одиннадцатом часу вечера Ольга Александровна, которая из-за отсутствия мужа в столь позднее время не находила себе места, беспокоясь, не попал ли он под машину, зашла к соседу, ученику своего отца, профессору Н. О. Лосскому. «В последнее время, – вспоминал тот, – глухота Водовозова стала все более усиливаться, платной работы у него было все меньше. Победа гитлеризма в Германии произвела на него удручающее впечатление. Зная настроение мужа, Ольга Александровна волновалась и попросила меня пойти с ней в полицию навести справку, не было ли какого-либо несчастья. В полиции к нашему заявлению отнеслись несерьезно, говоря, что отыскиваемый нами господин сидит где-либо в ресторане со своими приятелями. Моя жена и я целую ночь провели с Ольгой Александровной в тревоге...»¹⁷⁷¹ Поиски по больницам тоже не дали результата, и, вернувшись в четыре утра домой, Ольга Александровна, разыскивая паспорт мужа, оказавшийся на обычном месте в письменном столе, наткнулась на его прощальное письмо. Она и Лосский побежали на железнодорожную станцию Бубенеч, откуда телефонировали на ближайшую соседнюю в Розтоки, где пока еще ни о каких несчастных случаях не знали. Но в свежем утреннем номере газеты «České slovo» («Чешское слово») появилось сообщение, что накануне около Збраслава бросился под поезд какой-то неизвестный господин. Ольга Александровна с женой Лосского немедленно выехала в Збраслав, где на платформе ее ждал закрытый гроб. Выяснилось, что Водовозов, который жил в этом городке несколько лет и очень его любил, на глазах у прогуливавшейся в отдалении публики бросился под товарный поезд местной одноклейки, который «совершенно его уничтожил»¹⁷⁷², ибо,

1770 Там же. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 124. Л. 1–4.

1771 Лосский Н. О. Воспоминания: жизнь и философский путь. М., 2008. С. 235.

1772 ГАРФ. Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 4. Л. 28.

«зная хорошо окрестности Збраслава, он выбрал такое место, где поезд выходит из-за горы, так что машинист не мог бы успеть остановить его»¹⁷⁷³.

Из-за отсутствия денег на перевозку тела вдове пришлось отказаться от погребения покойного в Праге, где на вечер 10 октября назначили панихиду в храме Св. Николая. Устроить похороны в Збраславе предполагалось на следующий день, в среду, но потом их перенесли на вторник, на четыре часа дня. «Мы с В. С. Озерецковским, – сообщал Изюмов, – успели заказать венки: “Незабвенному В. В. Водовозову – Пражская группа Трудовой Народно-Социалистической партии”. Похороны были православные. Отпевал местный игумен Исаакий над раскрытой могилой. Сказал очень умное и тактичное слово, которое кончалось: “И пусть эта земля св. Вячеслава, покровителя земли чешской (на другой день по календарю был день св. Вацлава), будет тебе легче той земли, по которой ты ходил”. Был яркий солнечный день. Кладбище – чудесное, на горе, кругом лес. С кладбища отправились на панихиду, – народу было много. Отец Исаакий повторил в более коротком виде свою речь. На кладбище речей не говорили, – мало очень народу было, да и сказать трудно что-нибудь было: так все были потрясены. Тут же мы решили устроить собрание памяти...»

На заданный себе вопрос, что же явилось причиной самоубийства, Изюмов ответил так: «Всё – и надвигающаяся нищета, и болезнь, и моральное состояние – всё сбилось в одну точку, и мы отчасти виноваты в этом. После расхождений по местным делам мы как-то перестали собираться: он был очень одинок. Винить ли ее вдову, не знаю. Я сам слышал, как она плакала на могиле и говорила: “Вася, прости меня”. Это между нами. Но мы ее не виним. Несмотря на наши расхождения, особенно с ней, мы все сделали, чтобы проявить к ней все

1773 Лосский Н. О. Указ. соч. С. 236.

внимание»¹⁷⁷⁴. Более откровенен Изюмов в послании М. А. Алданову от 26 ноября, в котором, ссылаясь на слова С. П. Мельгунова, написавшего ему 22 октября: «Страшна смерть Водовозова. Самоубийство его я понимаю, но зачем такой способ, чтобы развязаться с жизненной мерзостью? До нас дошли слухи о неладах его с женой. Так ли это было в действительности?» – выражал свое негодование по поводу того, что «парижские товарищи», члены ТНСП, не прислали соболезнование вдове, считая ее «виновницей смерти Василия Васильевича». Изюмов против этого решительно возражал:

«Я не знаю, что Вы имели в виду. Если настроения Ольги Александровны, то здесь доля правды была. Нам, пражанам, О. А. доставила массу неприятностей, передавая В. В. всякие вздорные слухи из чужого лагеря. Последний год мы даже перестали собираться из-за разногласий по местным делам, – а эти разногласия были раздуты О. А., но у нас и мысли не было не отозваться на наше общее горе. Мы (правда, немного нас) бросились сейчас же к О. А. и предложили свою помощь, хотя до этого никто из нас не бывал в пансионе, где они жили. Если хотите, и наша вина есть в той разобщенности, в которой мы пребывали последний год, но что поделаете с обстоятельствами, которые часто бывают сильнее нас. Но я боюсь одного – не дошла ли до Вас та сплетня, которая необычайно занимала тут некоторых профессорских дам. Одна из них, например, была настолько умна, что через несколько дней после смерти В. В. прямо поставила вопрос: “А знал ли В. В. о Ваших близких отношениях к Изгоеву”. Вот в этом вопросе я, прочитавший все письма этого Изгоева (по воле самой О. А.), утверждаю, что, кроме самых дружеских отношений, между ними ничего не было: если не слова, то тон писем обличил бы это. Конечно, чужая душа потемки, но я не хочу, чтобы партийные товарищи были жертвой сплетен профессорских дам, которые здесь

1774 ГАРФ. Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 4. Л. 28.

только то и делают, что сплетничают. О. А. сама считала себя виновницей в том смысле, что она проглядела эту смерть. Эта мысль не давала ей покоя. Сколько мы ни пытались разубедить ее в этом, все было бесполезно»¹⁷⁷⁵.

Сам А. С. Изгоев, только что перенесший офтальмологическую операцию (он жил в Эстонии), 10 октября, узнав, что Водовозов покончил с собой, горячо призывал Ольгу Александровну не корить себя: «Соберите все силы. Вы еще молоды. Жизнь у Вас впереди»¹⁷⁷⁶, а на ее большое, вызвавшие у него слезы письмо ответил 17 октября: «Вы не правы все же, когда думаете, что за сухой внешностью Василий Васильевич не знал Ваших истинных чувств к нему. Я имею основание думать, что знал и верил Вам. Будь иначе, эта страшная катастрофа произошла бы не теперь, а в другое время. Василий Васильевич не был ни сентиментален, ни откровенен. Но однажды в Ваше отсутствие он говорил со мной о Вас. Смысл разговора был таков: когда я совсем стану слепым и полным инвалидом без средств к жизни и почувствую, что я только в тягость Ольге Александровне, я уйду из жизни. “А Ольга Александровна?” – “Она может меня значительно, устроится”. Относительно ухода из жизни, когда человек почувствует, что он не помощь, а лишь обуза для своего спутника, я высказал – теоретически, ведь весь разговор был “теоретический”, – приблизительно такое же мнение. Теперь я боюсь, что у меня, пожалуй, не хватит мужества и великой духовной силы Василия Васильевича, так как душевно я мельче его. Но из этой нашей беседы я вижу, что он ушел не потому, что сомневался в Ваших чувствах к нему, а потому, что предвосхищал события, дал овладеть собой ужасной мысли, что он уже в тягость, что без него для Вас будет легче борьба за существование. Эта ужасная мысль есть в то же время и страшная ошибка. Ошибка и постоянная, даже если бы

1775 Там же. Д. 7. Л. 55.

1776 Там же. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 138. Л. 35.

он действительно уже был полным инвалидом, ошибка и временная, потому что на самом деле он еще не был им и, вероятно, нашел бы работу. Но, Ольга Александровна, Вы ведь не знаете, какой это ужас, когда человек, например, начинает сознавать, что он слепнет. А я, к несчастью, уже имею понятие об этих чувствах и мыслях. И говорю Вам решительно и твердо: такого прямого и душевно мужественного человека, каким был покойный и в чем я ему больше всего завидую, подобные мысли и чувства могли довести до самоубийства»¹⁷⁷⁷.

Водовозов, пессимист по характеру, был и раньше, видимо, подвержен суицидальным настроениям, так как муж сестры Ольги Александровны, М. А. Лихарев, узнав о его самоубийстве, 17 октября писал свояченице: «Я совершенно ошеломлен тем, что Василий Васильевич внезапно привел в исполнение свою давнишнюю угрозу, такую давнюю, что, казалось, с течением времени она утратила всякую серьезность. Удрученный совершившимся, я не решаюсь и спрашивать о ее причинах, которые, как показывает уже самая давность страшного замысла, ныне, наконец, приведенного в исполнение, должна корениться глубоко в индивидуально-психологическом складе»¹⁷⁷⁸. Более того, Водовозов, если верить его жене, «неоднократно предлагал ей вместе покончить с собой, но она смотрела на это как на шутку». Полагая, что главным толчком для ухода его из жизни были, конечно, надвигающаяся слепота, потеря работы и, как следствие, нищета (жена получала лишь маленькое пособие), Изюмов вспоминал, что когда в июне Василий Васильевич посетил его, то «определенно говорил, что этого года не переживет», но помимо прочего морально его страшно потрясли события в Германии, и он сокрушался: «Я всю жизнь верил во всеобщее избирательное право как путь к демократии. Отрицать того, что Гитлер пришел к власти путем

1777 ГАРФ. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 138. Л. 40.

1778 Там же. Д. 145. Л. 82.

всеобщего избирательного права, невозможно. Это разрушает все мое мирозерцание, что-то надо пересмотреть, но сил у меня уже нет». Не здесь ли, предполагал Изюмов, одна из главных причин трагедии¹⁷⁷⁹?

Эмигрантская колония была потрясена случившимся. «Мужественной рукой он сам угасил свою лампаду», – выражал 9 октября соболезнование вдове председатель Союза русских писателей и журналистов в Чехословацкой республике Н. И. Астров. Правление Союза также обратилось к ней 11 октября с сочувственным посланием за подписью С. И. Варшавского¹⁷⁸⁰. Соболезнования прислали ректор Русского народного университета М. М. Новиков, профессора Люблянского университета Н. М. Бубнов, А. В. Маклецов, Е. В. Спекторский¹⁷⁸¹.

На смерть Водовозова откликнулись едва ли не все эмигрантские газеты¹⁷⁸², но первым, еще 9 октября, – рижское «Сегодня», характеризовавшее покойного как «одного из типичнейших и благороднейших представителей старой дореволю-

1779 Там же. Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 4. Л. 28.

1780 Там же. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 165. Л. 4, 6.

1781 Там же. Д. 160. Л. 1.

1782 См.: Трагическая смерть В. В. Водовозова // Молва. 1933. № 234. 12 окт.; Хирьяков А. Под колесами судьбы. (Памяти В. В. Водовозова) // Там же. № 235. 13 окт.; Трагедия русской эмиграции // Единство (Прага). 1933. № 18 (102). 17 окт.; Самоубийство В. В. Водовозова // Новое русское слово. 1933. 19 окт.; Бросился под поезд В. В. Водовозов // Новая заря (Сан-Франциско). 1933. № 1227. 24 окт.; В. В. Водовозов // Дневник: информационный орган русской колонии в ЧСР. 1933. № 72. 27 окт.; Ольденбург С. С. Памяти В. В. Водовозова // Россия и славянство. 1933. № 226. 1 нояб.; Бросился под поезд и погиб В. В. Водовозов; Умер прекрасный представитель старой русской интеллигенции. Памяти В. В. Водовозова // Сегодня. Утр. вып. 1933. № 279. 9 окт.; Варшавский С. Самоубийство В. В. Водовозова // Возрождение. 1933. № 3052. 10 окт.; см. также: Варшавский С. Русская трагедия // Там же. № 3065. 23 окт., и др.

ционной русской публицистики», который «всегда и всюду – в печати, в общественной и в личной жизни – был человеком глубоко идейным, кристально чистым», а «широкая терпимость и любовное отношение к людям соединялись у него с непреклонностью убеждений и отсутствием всякого рода компромиссов и оппортунизма». На следующий день газета поместила теплые воспоминания М. И. Ганфмана: «Небольшого роста, с копной непокорных волос, близорукий, давно уже страдавший глухотой, Василий Васильевич оставлял первое впечатление человека сурового, чуть ли не сектанта от радикализма. Он говорил медленно, четко, громко, и все его слова звучали как вещания и поучения. Это еще более усиливало ощущение суровости, непреклонности и твердокаменности. Но вдруг лицо В. В. Водовозова озарялось совершенно детской улыбкой, и сразу становилось ясно, что этот мрачный радикал – добрый, мягкий человек с чистой, наивной душой. Исключительно бескорыстный, никогда не думавший о своих интересах, о своем устроении, никогда не отступавший от того, что он считал долгом, В. В. видел в демократическом мирозерцании прежде всего мирозерцание этическое, моральное. Исповедуя свои политически-общественные взгляды, примыкая к левым группировкам, В. В. всегда оставался человеком морали и справедливости. В силу своих психологических и душевных особенностей В. В. просто не мог, как это часто происходит, протянуть щит партийности над тем, что было скверно, что было морально неприемлемо. Прямолинейность В. В. в этом отношении иногда переходила в наивность, вызывала добродушные насмешки, но все, кто знали В. В. Водовозова, глубоко уважали и ценили этого “чудака” не только за его поистине энциклопедическое знание, но и за его прекрасную детскую душу, которая теперь не выдержала страданий...»¹⁷⁸³.

«Последние новости» сообщили о гибели Водовозова

1783 Ганфман М. Встречи с В. В. Водовозовым // Сегодня. Утренний выпуск. 1933. № 280. 10 окт.

только 11 октября, поместив некролог Е. Д. Кусковой, которая писала о покойном: «Скудная, тяжелая жизнь, почти без надежды на улучшение. Но все же неустанная, непрерывная работа в духовной области – единственное спасение от сгущающегося мрака. Но мрак делался все гуще... Кризис прекратил возможность добавочного заработка. Работа в чешском энциклопедическом словаре была окончена. “Эти господа” не падали и преграждали путь в Россию для старых интеллигентов, вынужденных доживать свой век на чужбине!.. Правда, без “коллектов”, но и без духовной связи с родной страной. Это одиночество совершенно особого рода, болезненно действующее даже на очень сильных людей. В результате – катастрофа. Короткая записка и страшно измятое тело колесами чужого поезда»¹⁷⁸⁴.

30 октября в большой аудитории Славянского семинара открылось публичное заседание, собравшее «друзей и почитателей покойного», членов эмигрантских общественных организаций, но, по оценке Изюмова, «публики было не так много – сто человек с небольшим: молодежи не было». Место за столом президиума заняли члены Пражской группы ТНСП Вас. И. Немирович-Данченко (председательствующий), С. И. Гессен, А. Ф. Изюмов и приглашенные П. Н. Милюков и Е. Д. Кускова. Свою речь Милюков начал с признания: «С покойным и тем направлением, которое он разделял, мы не всегда сходились. В данное время мы как будто друзья»¹⁷⁸⁵. Он назвал Водовозова «гладиатором, сражающимся с раной в груди», который, стремясь к революции, отчетливо предвидел ее «срывы и ужасы», что сделало его «с давних пор по существу глубоким пессимистом». Милюков утверждал, что в 1917 г. Водовозов защищал «почти полностью кадетскую программу», разрыв А. Ф. Керенского с Л. Г. Корниловым «считал несчастьем», а в эмиграции

1784 Кускова Е. Памяти В. В. Водовозова // Последние новости. 1933. № 4585. 11 окт.

1785 ГАРФ. Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 4. Л. 29.

«жаждал антибольшевистской революции»¹⁷⁸⁶.

Убеждая Ольгу Александровну, которая жестоко винила себя в смерти мужа и выражала желание уйти вслед за ним из жизни, что «новым горем, новым ударом по другим людям прошлого не исправишь и не искупишь», Изгоев советовал ей взяться, «хотя бы пока и без возможности рассчитывать на печатание», за написание воспоминаний о покойном, заслуживающем того, чтобы память о нем «была сохранена любящей рукой». Пытаясь отвлечь вдову от ее мысли «наложить на себя руки», Изгоев горячо внушал ей, что надо «заставлять себя жить», а в письме от 24 октября доказывал, что обязанность живущих – «сохранить то самое ценное, что осталось от покойных дорогих людей» и нет никого, кроме Ольги Александровны, кто мог бы взять на себя эту задачу¹⁷⁸⁷. Вдова приступила к воспоминаниям, которые так и остались незавершенными, ибо она «находилась в подавленном состоянии, отказывалась от пищи, все время говорила о смерти»¹⁷⁸⁸, а на сороковой день, 15 ноября, не явилась на панихиду. «Предчувствуя что-то недоброе, – вспоминал Н. О. Лосский, – мы пошли в пансион, где была ее квартира. Дверь была заперта. Никто не откликнулся. Когда полиция открыла дверь, оказалось, что Ольга Александровна покончила с собою: она приняла большую дозу какого-то снотворного»¹⁷⁸⁹. Газеты сообщали, что вдова отравилась вероналом, а в оставленном письме объясняла, что «считает себя виновной в том, что не уберегла мужа и не предупредила его самоубийство»¹⁷⁹⁰.

1786 Мейснер Д. Памяти В. В. Водовозова. (Письма из Праги) // Последние новости. 1933. № 4614. 9 нояб.

1787 ГАРФ. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 138. Л. 41, 43.

1788 Самоубийство О. А. Водовозовой // Последние новости. 1933. № 4623. 18 нояб.

1789 Лосский Н. О. Воспоминания: жизнь и философский путь. С. 236.

1790 Самоубийство О. А. Водовозовой // Последние новости. 1933.

7 декабря Изюмов написал Бердяеву: «Мы все тут в Праге были потрясены смертью В. В. Водовозова, с которым, я знаю, когда-то давно Вы были близки. Если бы я написал Вам все подробности, то и Вы признали бы, что это какая-то самурайская смерть. Смерть его жены меня так не поразила, т. к. я видел ее настроение: она мучила себя, по-моему, совершенно напрасной мыслью, что не смогла усмотреть за ним»¹⁷⁹¹. Бердяев лаконично ответил 21 декабря: «В молодости в студенческие годы я хорошо знал В. В. Водовозова, и меня тяжело поразила его смерть»¹⁷⁹².

Подруга Ольги Александровны, византистка М. А. Андреева, торопила Изюмова с визитом в пансион «Карлтон», где жили покойные, чтобы просмотреть бумаги Водовозова¹⁷⁹³, и 1 декабря Изюмов сообщил историку М. М. Карповичу: «Ольга Александровна оставила мне распоряжение разобрать их архив и сохранить то, что я найду нужным. Вот сейчас и занимаюсь этим грустным делом»¹⁷⁹⁴. В своем отзыве от 4 декабря Изюмов указывал, что речь идет о бумагах, найденных в письменном столе покойного (хотя часть их, «как не представляющих никакого интереса, пришлось выбросить»: черновики, газетные вырезки и пр.), которые были унесены «в двух больших чемоданах», причем наибольшую ценность представляют более 200 писем за 1922–1933 гг.: «...политической переписки В. В. почти не вел»¹⁷⁹⁵. Заслушав 5 декабря отзыв Изюмова «об архиве, оставшемся после В. В. Водовозова», Ученая комиссия

№ 4623. 18 нояб.; см. также: Самоубийство вдовы В. В. Водовозова // Молва. 1933. № 266. 19 нояб.; Самоубийство О. А. Водовозовой // Единство. 1933. № 104. 17 нояб.

1791 ГАРФ. Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 16. Л. 6.

1792 Там же. Д. 15. Л. 30.

1793 Там же. Л. 8.

1794 Там же. Д. 12. Л. 112.

1795 Там же. Ф. Р-7030. Оп. 1. Д. 232. Л. 5–11.

РЗИА признала желательным принять его «в полном объеме – на условии неопубликования и неоглашения предсмертного письма В. В. Водовозова в течение двух лет», с выделением близкой подруге его жены, художнице Н. И. Ягудке, 1000 крон на приведение в порядок могил супругов¹⁷⁹⁶.

«После Ольги Александровны, – делился Изюмов с Алдановым 26 ноября, – остались некоторые малоценные вещи, заложенные в ломбарде. Больше, в сущности, ничего не осталось, кроме книг, которые поручено передать в местную русскую библиотеку, и самой убогой обстановки, которая по завещанию передана одному близкому человеку». Изюмов просил Алданова обсудить с парижскими товарищами, не смогут ли они помочь пражанам деньгами, ибо, «право же, Василий Васильевич заслуживает того, чтобы мы не оставили его и Ольги Александровны могил незаметными и исполнили их последнюю волю»¹⁷⁹⁷. Речь шла о страховом полисе, по которому Водовозов и Ольга Александровна переводили деньги ее сестре, З. А. Лихаревой, но из-за нищенского существования «тысячу с небольшим франков они не смогли отправить, и эта мысль, видимо, мучила обоих перед смертью» (парижане собрали 470 франков, из которых львиная доля поступила от эмигрантских «богачей» А. С. Альперина и А. А. Титова). «Ольга Александровна просила выкупить из ломбарда ее мелкие вещи и их переслать сестре в уплату долга, – пояснял Изюмов Титову 21 января 1934 г. – Так как вещи посылать невозможно, то пришлось выкупить и продать, хотя эта операция дала гроши, ибо и вещи-то были малоценные. Кое-что удалось собрать, кое-что надеемся получить от архива за бумаги, – это тоже немного, так как и бумаг-то немного, но вообще, видимо, покроем если не все, то почти все. Из присланных Вами денег – 350 франков я передам Ягудке для отсылки сестре, а остальные

1796 Т-РЗИА. 2–5–114. Ї. 1:3.

1797 ГАРФ. Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 7. Л. 55.

пойдут на мелкие долги, которые остались по всяким хлопотам»¹⁷⁹⁸. 14 февраля довольный Изюмов написал Мякотину: «С делами В. В. Водовозова все устроилось. Бумаги я продал за 1000 франков, да несколько сот, спасибо, парижане прислали. Теперь могилы будут устроены и долги заплачены. Пусть спят спокойно эти мученики»¹⁷⁹⁹.

В. Л. Генис

1798 Там же. Д. 8. Л. 88.

1799 Там же. Д. 2. Л. 33.

Библиографический список основных публикаций В. В. Водовозова¹⁸⁰⁰

1886

Историк-мизантроп // Неделя. 1886. № 48. Б. п.; Политические известия // Там же. № 49–52. Б. п.

1887

Международные отношения в 1886 г. // Неделя. 1887. № 1. Б. п.; Политические известия // Там же. 1887. № 1–8. Б. п.

1889

Милитаризм и капитализм // Русская мысль. 1889. № 9. С. 70–90.

Из Шенкурска (Архангельской губ.) // Неделя. 1889. № 24. Б. п.; Философский роман (Bourget Paul. Le Disciple. Paris, 1889) // Там же. № 42, 43.

1890

IV пенитенциарный конгресс в С.-Петербурге // Северный

1800 В. В. Водовозов собрал громадный, но далеко не полный массив своих публикаций, вырезая их из газет и журналов и вклеивая в толстые общие тетради большого формата. По ним атрибутированы не подписанные им статьи (в настоящем списке помечены: Б. п.). Например, одна из таких тетрадей озаглавлена: «1886–1899. Статьи из “Недели” и др. газет. Сюда не включены статьи, напечатанные в 1893–1894 в газ. “Русская жизнь”, в 1896 – в “Киевском слове”, в 1897 – в “Руси”, в 1898 – в “Сыне Отечества”» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 1772). См. также дела с другими вырезками: ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 1498, 1604, 1751, 1753–1756, 1759–1778.

Названия книг, написанных или переведенных В. В. Водовозовым, выделены в списке полужирным шрифтом.

вестник. 1890. № 10. С. 1–28.

1891

Рец. на кн.: Ренненкампф В. Конституционные начала и политические воззрения кн. Бисмарка. Киев, 1890 // Юридический вестник. 1891. Т. 8, кн. 2. Июнь. С. 250–259; Рец. на кн.: Мейер М. Главные течения в современной политической экономике. Пер. с нем. СПб., 1891 // Там же. С. 270–273; Рец. на кн.: Гросс Г. Научная сторона экономической системы Карла Маркса. Пер. и предисл. Н. С. Рашковского. Одесса. 1891 // Там же. Т. 9, кн. 3. Ноябрь. С. 621–623.

Европа и Америка в 1890 году // Неделя. 1891. № 1; Из Шенкурска (Архангельской губ.) // Там же. № 26. Б. п.

Письмо в редакцию из Шенкурска (Архангельской губернии) // Врач. 1891. № 52.

Вельский у. Вологодской губ. // Русские ведомости. 1901. № 224. Б. п.

1892

Наступившие и ожидаемые последствия неурожая в Самарской губернии // Помощь. Вологодский сборник в пользу пострадавших от неурожая. СПб., 1892. С. 327–333.

Дело о самовольной отлучке // Юридический вестник. 1892. Т. 10, кн. 2. Февраль. С. 262–268; Рец. на кн.: Косич А. И. Циркуляры, указания и речи. 1887–1891. Саратов, 1891 // Там же. 1892. Т. 10, кн. 3. Март. С. 475–479; Общественные работы в Самаре (корреспонденция) // Там же. С. 489–492; Дореформенная юстиция: Из недавнего прошлого юстиции в Архангельской губернии // Там же. Т. 11, кн. 1/2. Май/июнь. С. 65–99.

Урезанный отчет. (Письмо из Самары) // Неделя. 1892. № 8. Б. п.; Рец. на кн.: Дайси А. В. Основы государственного права Англии. Пер. под ред. П. Г. Виноградова. СПб., 1891 // Там же. № 12. Б. п.; Каменский А. В. Гладстон. СПб., 1892 // Там же. № 40.

Николаевские земцы и голодные суммы. (От нашего корреспондента) // Русская жизнь. 1892. № 104; Самара. (Виды на урожай) // Там же. № 201.

Торжественная встреча князя Бисмарка // Мир Божий. 1892. № 8. С. 49–51; Предстоящий выбор президента в Соединенных Штатах // Там же. № 9. С. 41–47; Финансовый кризис в Португалии // Там же. № 10. С. 63–65; Военный законопроект в Германии // Там же. № 11. С. 39–42; Выбор президента в Соединенных Штатах // Там же. № 12. С. 22–27; Из новейшей истории Болгарии // Там же. С. 33–48.

1893

Подводная почта // Мир Божий. № 1. С. 228–231; Панамский канал // Там же. № 2. С. 30–34; Рец. на кн.: Чупров А. И. История политической экономии. М., 1892; Короленко В. Очерки и рассказы // Там же. С. 177–186; Новые мероприятия Стамбулова в Болгарии // Там же. С. 196–199; Рец. на кн.: Утин Е. И. Вильгельм I и Бисмарк. Исторические очерки. СПб., 1892 // Там же. № 3. С. 197–200; Машина Ремингтон // Там же. С. 222–224; Рец. на кн.: Новые книги: Сочинения Шелли // Там же. № 4. С. 191–198; Первая Всероссийская выставка печатного дела // Там же. С. 270–273; Фабричное законодательство Франции // Там же. № 5. С. 140–144; Рец. на кн.: Янжул И. И. В поисках лучшего будущего. СПб., 1893 // Там же. С. 156–160; Книги для самообразования: Государственное право // Там же. № 6. С. 145–152; № 7. С. 190–193; № 8. С. 153–164; Прогресс в книгопечатном деле // Там же. № 6. С. 114–122; Книги для самообразования: Государственное право // Там же. № 6. С. 145–152; № 7. С. 190–193; № 12. С. 153–164; Вильгельм в Каноссе // Там же. № 9. С. 183–186; Женский и детский труд во Франции // Там же. С. 186–187; Старочехи и младочехи // Там же. № 12. С. 185–188.

Социал-демократы и свободомыслящие. (Корреспонденция «Русской жизни») // Русская жизнь. 1893. № 139. 28 мая; Выборное движение в Германии // Там же. № 140, 141. 29, 30

мая.

Рец. на кн.: Рише Ш. Через сто лет. Пер. с фр. СПб., 1893 // Неделя. 1893. № 22.

1894

Книги для самообразования: Международное право // Мир Божий. 1894. № 1. С. 171–178; № 2. С. 170–176; Рец. на кн.: Короленко В. В голодный год // Там же. № 1. С. 179–183.

1895

Стефан Стамбулов // Русское богатство. 1895. Кн. 4. С. 81–126.

По Болгарии. Из воспоминаний о поездке 1894 г. // Вестник Европы. 1895. Кн. 9. С. 226–271.

Паспортное недоумение. (Письмо из Минской губ.) // Неделя. 1895. № 9.

1896

1895 год в политическом отношении // Киевское слово. 1896. № 2864, 2865. 1, 3 янв.

Прискорбное событие в истории С.-Петербургского университета // Неделя. 1896. № 50.

Две крайности. (Письмо в редакцию) // Сын Отечества. 1896. № 233. 29 авг.; Ответ «Новостей» // Там же. № 238. 30 авг.

Вотье Морис. Местное управление Англии / Пер. с фр. В. В. Водовозова. СПб.: издание Л. Ф. Пантелеева, 1896. 328 с.

1897

Политические выборы в Галиции. (Впечатления туриста) // Новое слово. 1897. Апрель. Кн. 7. С. 223–225.

1898

Материалы для характеристики положения русской

печати. Женева: Союз рус. социал-демократов, 1898. Вып. 1. 106 с.; Вып. 2. 61 с.

Очерк последующих событий до наших дней. (Италия в царствование Гумберта I) // Сорен Э. История Италии от 1815 года до смерти Виктора Эммануила / Пер. с фр. М. Чепинской. СПб.: О. Н. Попова, 1898. С. 363–410. (Культурно-историческая библиотека).

Антисемитизм в Германии и предстоящие выборы в рейхстаг // Русское богатство. 1898. Кн. 2. Отд. 2. С. 118–150; Политические партии в Австрии // Там же. Кн. 9. Отд. 2. С. 142–160.

История антисемитической партии в Германии и предстоящие выборы в рейхстаг: тезисы. М., 1898. 2 с. (Московское юридическое общество. 1898. Февр.).

1899

Государственный строй Великобритании // Реклю Э. Земля и люди: Всемирная география. СПб.: О. Н. Попова, 1899. Вып. 5: Британские острова. С. 1–35.

Под флагом «литературы». (Письмо из Киева) // Неделя. 1899. № 20.

Две крайности. (Письмо в редакцию) // Сын Отечества. 1899. № 233. 29 авг.

Отмена штемпельного сбора с газет в Австрии // Жизнь и искусство. 1899. № 358. 29 дек. Б. п.

1900

Из психологии детей // Жизнь и искусство. 1900. № 43. 12 февр.; Международное соглашение о Самоанских островах // Там же. № 46. 15 февр.; Военный бюджет в германском рейхстаге // Там же. № 57. 23 февр.

1901

Новое исследование по социальной истории Англии //

Народное хозяйство. 1901. Кн. 10. Декабрь. С. 161–176. То же как отдельный оттиск: Исследование г. Тарле по социальной истории Англии. (Е. В. Тарле. Общественные воззрения Томаса Мора в связи с экономическим состоянием Англии его времени. СПб., 1901). СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1901. 16 с.

1903

Введение в курс государственного права // Введение в изучение социальных наук: сб. ст. под ред. Н. И. Кареева. СПб.: Брокгауз – Ефрон, 1903. С. 212–233. (Библиотека самообразования).

Выступление в прениях // Философские воззрения Владимира Соловьева: отчет о лекции проф. С. Н. Булгакова в г. Киеве и стенографическая запись прений // Новый путь. 1903. № 3. Март. С. 86–94.

Данциг. (Корреспонденция «Курьера») // Курьер. 1903. 4 июня; Штеттин // Там же. 8 июня; Кельн. (Корреспонденция «Курьера») // Там же. 18 июня; 14 авг.; Дрезден. Католический съезд в Кельне. (Корреспонденция «Курьера») // Там же. 15 сент.

Политическое обозрение // Киевские отклики. 1903. № 1–3. 21–23 нояб. Б. п.; Испания. № 10. 30 нояб. Б. п.; Германский рейхстаг // № 11. 1 дек.; № 14. 4 дек.; Движение в сторону всеобщего голосования в Германии // Там же. № 18. 8 дек.

1904

Борьба с клерикализмом во Франции // Киевские отклики. 1904. № 81. 21 марта; Испания // Там же. № 89. 31 марта. Б. п.; Передовая // Там же. № 92. 2 апр.; Самуил Смайльс // Там же. № 98. 9 апр. Б. п.; Македонские реформы // Там же. № 99. 10 апр.; Где источник силы консервативного министерства в Англии // Там же. № 104. 15 апр.; Рец. на кн.: Хавкина Л. Б. Библиотеки, их организация и техника. СПб., 1904; Лейтенант Бильзе. Из жизни маленького гарнизона. Картины германской

военной жизни. СПб., 1904 // Там же; Морис Иокай // Там же. № 114. 25 апр.; Генри Стэнли (†10 марта 1904 г. (н. ст.)) // Там же. № 118. 29 апр.; Свидание короля сербского с князем болгарским // Там же. № 124. 5 мая; Взятие Цзин-Чжоу // Там же. № 134. 16 мая; Избирательная кампания в Соединенных Штатах // Там же. № 137. 19 мая; Взятие Дальнего // Там же. № 138. 20 мая; Бой при Цзин-Чжоу // Там же. № 141. 23 мая; Значение Порт-Артура // Там же. № 142. 24 мая; Выборы в Бельгии // Там же. № 146. 28 мая; Австро-венгерское соглашение // Там же. № 153. 4 июня; Положение в Македонии // Там же. № 157. 8 июня. Б. п.; Гибель японских транспортов // Там же. № 160. 11 июня; Австрийские дела // Там же. № 165. 16 июня; Морской бой под Порт-Артуром // Там же. № 166. 17 июня; Питейная реформа в Англии // Там же. № 169. 20 июня. Б. п.; Рец. на кн.: Карта театра русско-японской войны // Там же. № 170. 21 июня; Теодор Герцль // Там же. № 172. 23 июня. Б. п.; Положение на театре военных действий // Там же. № 175. 26 июня. Б. п.; На театре войны // Там же. № 179. 30 июня. Б. п.; Павел Крюгер // Там же. № 183. 4 июля. Б. п.; Рец. на кн.: Лемке М. Эпоха цензурных реформ 1859–1865. СПб., 1904 // Там же. № 184. 5 июля; Закрытие сессии французских палат // Там же. № 186. 7 июля. Б. п.; Реформа избирательного права в Германии // Там же. № 188. 9 июля. Б. п.; Реформа самоуправления Берлина // Там же. № 190. 11 июля. Б. п.; Рец. на кн.: Карты военных действий. Изд. Корчак-Новицкого в Киеве // Там же. № 201. 22 июля; Конфликт между Турцией и Соединенными Штатами // Там же. 30 июля. № 209. Б. п.; Вальдек Руссо // Там же. Б. п.; Рец. на кн.: Летопись войны с Японией; Иллюстрированная летопись русско-японской войны // Там же. № 219. 9 авг. Б. п.; Регенсбургский конгресс католиков // Там же. № 230. 20 авг. Б. п.; Султан Мурад V // Там же. Б. п.; Рец. на кн.: Вейперзе Р. Япония в наши дни: социологический этюд. СПб., 1904; Дюмолар Г. Япония в политическом, экономическом и социальном отношении. СПб., 1904 // Там же. № 233. 23 авг.; Поезда Кербера // Там же. № 240. 30 авг. Б. п.; Рец. на кн.: Богуславский Н. Д. Япония // Там же. № 247. 6 сент.; Князь Герберт

Бисмарк // Там же. № 248. 7 сент. Б. п.; Рец. на кн.: Астон В. Г. История японской литературы. Владивосток, 1904 // Там же. № 254. 13 сент.; Торжество республиканцев в Соединенных Штатах // Там же. № 301. 30 окт. Б. п.; Съезд журналистов // Там же. № 302. 31 окт. Б. п.

Организация всеобщего избирательного права // Новый путь. 1904. № 10. С. 233–259; № 12. С. 120–135; Иностранное обозрение // Там же. 1904. № 10. С. 304–317; № 11. С. 376–395; № 12. С. 334–356.

Что такое конституция? Популярно-научный очерк // Вестник и библиотека самообразования. 1904. № 52. Стлб. 1875–1882.

Европа и война на Дальнем Востоке // Наша жизнь. 1904. № 1. 6 нояб. Б. п.; Право союзов // Там же. № 9, 13, 23, 30, 37. 14, 18, 28 нояб., 5, 12 дек.; Проект подоходного налога во Франции // Там же. № 36. 11 дек. Б. п.; Орел // Там же. № 37. 12 дек. Б. п.; Отставка Кербера // Там же. № 42. 17 дек. Б. п.; Передовая // Там же. № 45, 47. 20, 22 дек.; Внезаконное положение в Венгрии // Там же. № 46. 21 дек. Б. п.; Падение Порт-Артура // Там же. № 48. 23 дек. Б. п.; Луиза Мишель (†10 января 1905 г. (н. ст.)) // Там же. № 53. 30 дек. Б. п.

1905

Всеобщее избирательное право на Западе. Ростов-на-Дону: «Донская речь» Парамонова, 1905. 31 с.; То же. 2-е перераб. изд. 1905. 32 с.

Проект избирательных законов в Учредительное собрание и парламент. Ростов-на-Дону: «Донская речь» Н. Парамонова, 1905. 24 с.

Пропорциональные выборы или представительство меньшинства. СПб., 1905. 47 с. (Библиотека М. Малых. № 45).

Конституция Швейцарии / Пер. текстов Швейцарской конституции и избирательного закона под ред., с предисл. и примеч. В. Водовозова. СПб., 1905. 94 с.

Внутренняя организация и делопроизводство парламентских палат // Конституционное государство: сб. ст. СПб., 1905. 366 с. С. 242–272.

Всеобщее избирательное право и его применение в России. Прил.: Избирательный закон для Палаты народных представителей // Всеобщее избирательное право: сб. ст. Саратов, 1905. С. 183–218.

Пропорциональные выборы и представительство большинства // Вопросы жизни. 1905. № 4/5. С. 335–370.

Всеобщее избирательное право и применение его в России // Право. 1905. № 30. 2 авг. С. 2432–2445; № 32. 14 авг. С. 2570–2578; № 33. 21 авг. С. 2782–2790.

Русско-японская война и международное право // Киевские отклики. 1905. № 9. 9 янв.

Принцип всеобщего голосования в России // Сын Отечества. 1905. № 52.

К вопросу о созыве народных представителей // Русские ведомости. 1905. № 106, 107. 21, 22 апр.

Как созвать Учредительное Собрание // Биржевые ведомости. Вечерний выпуск. 1905. № 300. 6 дек.

Политическое обозрение 1904 года // Наша жизнь. 1905. № 55. 1 янв. Б. п.; Передовая // Там же. № 56, 73, 79, 100, 102, 103, 105, 152, 156, 220, 222, 338. 3, 28 янв., 3 февр., 24, 26, 27, 29 мая, 9, 13 июля, 19, 20 авг., 19 нояб. Б. п.; Луиза Мишель // Там же. № 57. 4 янв.; Стачка горнорабочих в области реки Рур // Там же. № 61. 16 янв. Б. п.; Печальная годовщина // Там же. № 72. 27 янв. Б. п.; Министерский кризис в Венгрии // Там же. № 80. 4 февр.; Главные события за границей за три месяца // Там же. № 82. 6 мая. Б. п.; Национал-либеральный партейтаг в Дрездене // Там же. № 98. 22 мая. Б. п.; Падение Делькассэ // Там же. № 102. 26 мая; Страна без короля // Там же. № 104. 28 мая. Б. п.; США. Нота русскому и японскому правительствам // Там же. № 105. 29 мая; Рец. на кн.: Мускаблит Ф. Народное представительство. Одесса, 1905 // Там же. № 109. 2 июня; Элизе Реклю о России // Там же. № 137. 30 июня. Б. п.; Свидание

монархов // Там же. № 156. 13 июля; Закрытие сессии английского парламента // Там же. № 198. 6 авг. Б. п.; Макс Гирш (†26 июня 1905 г.) // Там же. № 126. 19 июня. Б. п.; Две крестьянских программы // Там же. № 131/132. 25 июня; Смертность у нас и на Западе // Там же. № 221. 19 авг. (вечер. вып.); Система выборов в Государственную думу // Там же. 1905. № 210, 214, 222, 226, 234. 13, 16, 20, 23, 27 авг.; Рец. на кн.: Сватиков С. Г. Созыв народных представителей. Ростов-на-Дону: Изд. «Донской речи»; И. Я. Избирательное право. СПб.: Изд. «Луча»; Рожков Н. А. О формах народного представительства. СПб.: Изд. «Молота», 1905 // Там же. № 222. 20 авг.; Еще о мире // Там же. № 238. 30 авг.; Рец. на кн.: Сватиков С. Г. Созыв народных представителей. 2-е изд. Ростов-на-Дону, 1905; Государственная дума. Закон 6 августа 1905 г. СПб., 1905 // Там же. № 244. 2 сент.; Рец. на кн.: Положение о Государственной думе 6 августа 1905 г. Полтава, 1905 // Там же. № 292. 30 сент. Б. п.; Паспорт и свобода личности // Там же. № 321. 1 нояб.; Иностранная цензура // Там же. № 328. 8 нояб.; По поводу правительственного сообщения // Там же. № 329. 9 нояб.; Что такое учредительное собрание // Там же. № 339. 20 нояб.; Съезд учителей // Там же. № 340. 22 нояб. Б. п.; Рец. на кн.: Федоров К. М. Жизнь великих людей. Н. Г. Чернышевский. 2-е испр. изд. СПб., 1905 // Там же. № 342. 24 нояб.; К позорному столбу // Там же. № 343. 25 нояб.; К характеристике отжившего режима // Там же; По поводу выхода в свет полного собрания сочинений Н. Г. Чернышевского // Там же; Министерский кризис в Англии // Там же. № 346, 348. 29 нояб., 1 дек. Б. п.; Новое английское министерство // Там же. № 349. 2 дек.

Новый избирательный закон в новую государственную думу // Народное хозяйство. 1905. № 1. 15 дек.; По поводу правительственного сообщения 4 декабря // Там же. № 2. 16 дек.; Что такое учредительное собрание // Там же. № 3. 17 дек.; Суверенное и не суверенное учредительное собрание // Там же. № 4. 18 дек.; Учредительное собрание и Государственная дума // Там же. № 6. 21 дек.; Может ли Учредительное собрание стать орудием реакции? // Там же. № 7. 22 дек.; Передовая //

Там же. № 13. 30 дек. Б. п.

1906

Всеобщее избирательное право и его применение в России. 2-е доп. и испр. изд. СПб., 1906. Вып. 1. 60 с. Вып. 2. 56 с.

Избирательное право в Европе и России. СПб.: Брокгауз – Ефрон, 1906. 66 с. (Библиотека самообразования. Вып. 3).

Как выбирать в Государственную Думу? / Сост. В. Водовозов и В. Голубев. СПб., 1906. 29 с. (Думский сб. Прил. 1) (Прил. к газ. «Товарищ»).

Всеобщее избирательное право и его применение в России // К реформе государственного строя России. Вып. 2, ч. 3: Правовое государство и народное голосование. СПб.: Н. Глаголев, 1906. С. 91–218.

Государственное устройство Швейцарии // Политический строй современных государств: Сб. ст. Изд. кн. П. Н. Долгорукова и И. И. Петрункевича при участии ред. газ. «Право». М.: «Беседа», 1906. Т. 2. С. 94–124.

Сборник программ политических партий в России / С предисл. В. В. Водовозова. СПб., 1906. Вып. 1–6.

Дело В. В. Водовозова в С.-Петербургской судебной палате по обвинению в девяти литературных преступлениях, совершенных им в качестве редактора «Нашей жизни», «Сборника программ политических партий в России» и др. 17 августа 1906 года. Речи А. С. Зарудного и В. В. Водовозова. СПб.: кн. маг. «Наша жизнь», 1906. 64 с.

Предисловие // Кеннан Д. Сибирь и ссылка: очерки из жизни политических ссыльных: в 2 т. Ростов-на-Дону: А. Сура-т, 1906–1907. Т. 1. Пер. с англ. А. Г. Каррик, А. Н. Рагозиной, М. А. Лихарева под ред., с предисл. и примеч. В. Водовозова. 1906. 174 с.

Выбирать или не выбирать? // Без заглавия. 1906. № 3. 5 февр. С. 75–81; Система выборов в Государственную Думу //

Там же. № 6. 26 февр. С. 200–204; № 7. 5 марта. С. 243–251; № 9. 19 марта. С. 352–357; Чья победа? // Там же. № 13. 16 апр. С. 12–17; Основные законы // Там же. № 15. 30 апр. С. 82–85.

Рец. на кн.: Убийство трех министров: тайного советника Боголепова, егермейстера Сипягина, статс-секретаря Плеве, 1901–1904. СПб., 1906 // Былое. 1906. № 2. С. 288; Рец. на кн.: Тун А. История революционных движений в России / Пер. В. Засулич, Д. Кольцова и др. Изд. «Библиотеки для всех» О. Н. Рутенберг (без места и года изд., вышло в 1906 г.); Тун А. История революционного движения в России / Пер. с нем. под ред. и с примеч. Л. Э. Шишко. Книгоиздательство «Земли и Воли» (без места и года изд., вышло в 1906 г.) // Там же. 1906. № 7. С. 307–314.

Передовая // Народное хозяйство. 1906. № 15, 16, 19, 27, 29. 1, 3, 6, 17, 19 янв. Б. п.; 1905 год за границей // Там же. № 15. 1 янв. Б. п.; Конституционно-демократическая партия и трудящиеся массы // Там же. № 24, 26, 29. 13, 15, 19 янв.; Рец. на кн.: Славин Г. Главные политические партии в России. СПб., 1906 // Там же. № 25. 14 янв.; Всеобщие выборы // Там же; Христиан IX. †29 января 1906 г. н. ст. (Некролог) // Там же. № 28. 18 янв. Б. п.

Передовая // Наша жизнь. 1906. № 350, 365, 389, 392, 398, 402, 404, 413, 422, 432, 439, 455, 460, 461, 466, 468, 472, 473, 478, 483, 493. 22, 29 янв., 9, 12, 19, 24, 26 марта, 7, 18, 29 апр., 7, 26 мая, 1, 2, 8, 10, 15, 16, 22, 28 июня, 9 июля. Б. п.; Библиография: Несколько брошюр по истории французской революции // Там же. № 367. 11 февр.; Венгрия. Государственный переворот // Там же. № 368. 12 февр. Б. п.; Австрийская избирательная реформа // Там же. № 379, 383. 25 февр., 2 марта. Б. п.; Евгений Рихтер. †10 марта 1906 г. // Там же. № 380. 26 февр. Б. п.; Библиография: Бланк Р. Классовая борьба и политические коалиции. СПб., 1906; Речи и прокламации Виктора Гюго после переворота 2 декабря 1851 г. // Там же. № 385. 4 февр.; Под суд! // Там же. № 388. 8 марта; Иоганн Мост. †18 марта 1906 г. // Там же. № 392. 12 марта; Поражение правительства // Там же.

№ 406. 29 марта; Новое венгерское правительство // Там же. Б. п.; Библиография: Новые книги о государственной думе // Там же. № 421. 16 апр.; Отставка Гауча // Там же. № 423. 19 апр. Б. п.; Первое мая за границей // Там же. № 425. 21 апр. Б. п.; О президиуме думы // Там же. № 430. 27 апр.; Выборы во Франции // Там же. № 432. 29 апр. Б. п.; Библиография: По поводу собрания сочинений Чернышевского; Николаев П. Ф. Личные воспоминания о пребывании Н. Г. Чернышевского в каторге. М., 1906; Форстор А. Права и обязанности юного гражданина. М., 1906; Ельницкий А. Г. В. Плеханов. Биографический очерк. СПб., 1906 // Там же. № 433. 30 апр.; Наказ Государственной думы // Там же. № 436, 440, 443. 4, 9, 12 мая; Один из возможных исходов // Там же. № 445. 14 мая. Б. п.; Накануне новой смертной казни // Там же. № 456. 27 мая; Новый австрийский кабинет // Там же. № 457. 28 мая. Б. п.; Награды по заслугам // Там же. № 458. 30 мая. Б. п.; Погром в Белостоке // Там же. № 462. 3 июня. Б. п.; Амнистия // Там же. № 463. 4 июня; № 465. 7 июня; Донесение ген. Бадера // Там же. № 470. 13 июня. Б. п.; Россия и Англия // Там же. № 473. 16 июня. Б. п.; Трудовики и социал-демократия // Там же. № 475. 18 июня; Вопрос о землеустроительных комитетах // Там же. № 476. 20 мая. Б. п.; Изнанка революции и лицевая сторона «патриотизма» // Там же. № 481. 25 июня; Дума и партии. К вопросу об амнистии // Там же. № 482. 27 июня. Б. п.; Комедия суда // Там же. № 483. 28 июня; Английский визит // Там же. № 484. 29 июня. Б. п.; Землеустроительные комитеты в проекте трудовой группы // Там же. № 485. 30 июня; Отмена английского визита // Там же. № 487. 2 июля. Б. п.; Междупарламентская социалистическая конференция // Там же. № 489. 5 июля. Б. п.; Белостокский погром и Государственная дума // Там же. № 493. 9 июля.

Кравчинский-Степняк // Наша жизнь. Научно-литературное приложение. № 5/6. 18 февр.

Самодержавие или конституционная монархия // Отголоски жизни. 1906. № 86, 88, 103. 25, 27 апр., 12 мая; Государ-

ственная дума. Первые четыре дня конституционного режима // Там же. № 95. 4 мая.

Письма из Петербурга // Русское слово. 1906. № 145, 154, 157. 4, 15, 18 июня.

Греки и болгары // Товарищ. 1906. № 25. 3 авг. Б. п.; Передовая // Там же. № 27, 33, 55, 75, 102, 107, 109, 129, 131. 5, 12 авг., 7, 30 сент., 1, 7, 9 нояб., 2, 5 дек. Б. п.; Партия мирного обновления // Там же. № 31, 32. 10, 11 авг.; Церковь и государство // Там же. № 28. 6 авг. Б. п.; Конституционное течение // Там же. № 31. 10 авг. Б. п.; Конгрессы в Германии // Там же. № 36. 16 авг. Б. п.; Сэр Кампбелль Баннерман о соглашении Англии с Россией // Там же. № 44. 25 авг. Б. п.; Выборы в моравский ландтаг // Там же. № 50. 1 сент. Б. п.; Турция и Болгария // Там же. № 51. 2 сент. Б. п.; К партейтагу германской соц.-д. партии // Там же. № 58. 10 сент. Б. п.; Борьба за всеобщее избирательное право в Австрии // Там же. № 61. 14 сент. Б. п.; Библиография: Кропоткин П. А. Записки революционера; Петропавловская крепость и мой побег; Тюремь, ссылка и каторга в России. СПб., 1906 // Там же; На Крите // Там же. № 62. 15 сент. Б. п.; Избирательная программа Союза русского народа // Там же. № 67. 21 сент. Б. п.; Иностранная печать о России и «Новое время» // Там же; К мангейскому партейтагу // Там же. № 70. 24 сент. Б. п.; Борьба за всеобщее голосование в Австрии // Там же. № 72. 27 сент.; Библиография: Процесс 193-х. М., 1906; Дело 1 марта 1881. Процесс Желябова и др. СПб., 1906 // Там же. № 79. 5 окт.; Сарьен и Клемансо // Там же. № 82. 8 окт. Б. п.; Сенатское «разъяснение» избирательного закона // Там же. № 83. 10 окт. Б. п.; Австрия. Отставка графа Голуховского // Там же. № 84. 11 окт. Б. п.; Библиография: Законодательные акты переходного времени. 1904–1906. Сб. законов, манифестов и т. д. СПб., 1906 // Там же. № 85. 12 окт.; Австрия. Борьба за всеобщее избирательное право // Там же. № 86. 13 окт. Б. п.; Годовщина 17-го октября // Там же. № 89. 17 окт. Б. п.; Библиография: Журнал «Русской исторической библиотеки». № 1. Государственные преступления в России в XIX веке. Т. 1 (1825–

76). СПб., 1906; № 2. Материалы для истории революционного движения в России в 60-х годах. СПб., 1906 // Там же. № 91. 19 окт.; Запись избирателей // Там же. № 95. 24 окт.; Избиратели, спешите записываться // Там же. № 96. 25 окт.; К предстоящим выборам // Там же. № 100. 29 окт.; Вопросы и ответы // Там же. № 104, 107, 114, 122–124, 132. 3 окт., 7, 15, 24–26 нояб., 6 дек. Б. п.; В начале 80-х гг. // Там же. № 105. 4 нояб.; Новые приемы избирательной борьбы // Там же. № 115. 16 нояб. Б. п.; Библиография: Процесс Веры Засулич. (Суд и после суда). СПб., Б.г. // Там же; Иностранная печать о России и «Россия» об иностранной печати // Там же. № 116, 120. 17, 22 нояб.; Избиратели, не забывайте о ваших правах и обязанностях // Там же. № 116. 17 нояб. Б. п.; Проф. Герье о Государственной думе // Там же. № 117. 18 нояб.; Соединенные Штаты. Послание Рузвельта // Там же. № 121. 23 нояб. Б. п.; Библиография: Хлебников Н. В., Евграфов А. Г. Положение о выборах в Гос. думу с разъяснениями Правительствующего сената и Министерства внутренних дел. СПб., 1906 // Там же; Историческая справка. (Из древней русской истории) // Там же. № 123. 25 нояб.; По поводу нового издания Положения о выборах в Государственную думу // Там же. № 124. 26 нояб.; По поводу статьи г. Скорпиона // Там же. 1906. № 126. 29 нояб.; Союз русских людей // Там же. № 133. 7 дек. Б. п.; Фальшивая родословная // Там же. № 135. 9 дек.; Германия. Выборы в Вюртемберге // Там же. № 138. 13 дек. Б. п.; Германия. Статистика подоходного налога в Пруссии // Там же. № 144. 21 дек. Б. п.; К митингу к.-д. 27 декабря // Там же. № 151. 29 дек.

Еще по поводу ограничения избирательных прав рабочих и крестьян // Столичная почта. 1906. № 23. 27 окт.; Стамбулов и стамбуловщина // Там же. № 37. 12 нояб.

1907

Как производятся выборы в Государственную думу по закону 3 июня 1907 года. СПб.: Народное право, 1907. 33 с.

Рец. на кн.: Галерея шлиссельбургских узников. Ч. 1. СПб.,

1907 // Былое. 1907. № 4/16. С. 315.

Законодательство и администрация в 1906 году. Б. п. // Товарищ. 1907. № 154. 1 янв.; За границей // Там же. Б. п.; Передовая // Там же. № 156, 157, 177, 186, 188, 226, 242, 264, 266, 274, 278, 328, 362, 369, 373, 402, 416, 446, 448, 453. 3, 5, 28 янв., 8, 10 февр., 27 марта, 14 апр., 12, 15, 24, 29 мая, 26 июля, 4, 12, 16 сент., 20 окт., 6 нояб., 11, 13, 19 дек. Б. п.; Германия. Выборы в вюртембергский ландтаг // Там же. № 157. 5 янв. Б. п.; «Свобода» избирательных собраний // Там же. № 159. 7 янв. Б. п.; Закон о собраниях во Франции // Там же. № 161. 10 янв. Б. п.; К выборам в Германии // Там же. № 162. 11 янв. Б. п.; Ввиду приближающихся выборов // Там же. 1907. № 163. 12 янв.; Вопросы и ответы по делам о выборах // Там же. Б. п.; Деятельность с.-петербургской по делам о выборах комиссии // Там же. № 166. 16 янв.; Выборы в Германии // Там же. № 167. 17 янв. Б. п.; Ответ В. В. Водовозова // Там же. 1907. № 172. 23 янв.; Воздействие на выборы // Там же. 1907. 24 янв. № 173; Новый рейхстаг // Там же. № 175. 26 янв. Б. п.; Избирательные приемы октябристов // Там же. № 184. 6 февр. Б. п.; Митинги и страсти // Там же. № 185. 7 февр.; Вопросы и ответы // Там же. Б. п.; В чем преступление? // Там же. № 187. 9 февр. Б. п.; Рец. на кн.: Бонч-Осмоловский И. Работы первой государственной думы. СПб., 1906 // Там же. № 175. 26 янв.; Иностранная печать о России // Там же. № 183, 191, 193, 199. 4, 14, 16, 23 февр. Б. п.; Реформа палаты лордов // Там же. № 190. 13 февр. Б. п.; О думском президиуме // Там же. 20 февр. № 196; Наказ государственной думы // Там же. № 200. 24 февр.; Иностранная печать о Государственной думе // Там же. Б. п.; Проверка полномочий членов Государственной думы // Там же. № 203, 204. 28 февр., 1 марта; Казимир Перье // Там же. Б. п.; По стезе разрушений // Там же. № 206. 3 марта. Б. п.; Министерство приготовилось // Там же. № 207. 4 марта; Из недавнего прошлого // Там же. № 208. 6 марта. Б. п.; Выборы в Финляндии // Там же. № 210, 213, 226, 227, 231. 8, 11, 27, 28 марта, 6 апр.; Г. Б. Иоллос (†14 марта 1907 г.) // Там же. № 216. 15 марта; Об амнистии // Там же. № 217. 16 марта; Смета расходов Государственной думы и

Государственного совета // Там же. № 218. 17 марта. Б. п.; Еще о правах думы // Там же. Б. п.; Угрозы гласности думских заседаний // Там же. № 219. 18 марта; «Разъясненная» неприкосновенность // Там же. № 221. 21 марта. Б. п.; Крестьянские беспорядки в Румынии // Там же. № 222. 22 марта; Проект налога на гильзы и на папиросную бумагу // Там же. № 224. 24 марта. Б. п.; Из недавнего прошлого // Там же. № 235. 6 апр.; По поводу сведений СПб. телеграфного агентства // Там же. № 236. 7 апр. Б. п.; Рец. на кн.: Сергеевский Н. Д. Сеймовый устав Великого княжества Финляндского. СПб., 1907 // Там же. № 241. 13 апр.; К закрытому заседанию думы // Там же. № 243. 15 апр. Б. п.; Тенденциозность С.-Петербургского агентства // Там же. № 244. 17 апр.; Конституционно ли? // Там же. Б. п.; Рец. на кн.: Законодательные акты переходного периода 1904–06. Изд. 2-е. Под ред. Н. И. Лазаревского. СПб., 1907 // Там же. № 247. 20 апр.; Еще по поводу думских заседаний 16–17 апр. // Там же. № 248. 21 апр.; Ответ г. Пиленко // Там же. № 250, 252. 25, 27 апр.; Президентский инцидент в рейхстаге // Там же. Б. п.; Расходы на цензуру при свободе слова // Там же. № 254. 29 апр.; К устройству думской библиотеки // Там же. Б. п.; Реформа в Швеции // Там же. № 255. 1 мая. Б. п.; Германия // Там же. № 256. Б. п.; О политическом образовании господ октябристов. (К съезду) // Там же. № 261. 9 мая; Слова, слова... // Там же. № 264. 12 мая. Б. п.; Думские штаты в Государственном совете // Там же. № 265. 13 мая. Б. п.; Имеет ли право дума нарушать свой собственный наказ? // Там же; Рец. на кн.: Галерея шлисельбургских узников. Ч. 1. СПб., 1907 // Там же. № 263. 11 мая; Выборы в австрийский рейхстаг // Там же. № 267. 16 мая. Б. п.; Судьба думских штатов // Там же. № 268. 17 мая. Б. п.; Еще раз об амнистии // Там же. № 277. 27 мая. Б. п.; Еще об амнистии // Там же. № 280. 31 мая; Иск к ген. Думбадзе и Министерство внутр. дел // Там же. № 281. 1 июня. Б. п.; Новый избирательный закон // Там же. № 284. 5 июня. Б. п.; Австрийский рейхсрат // Там же. № 296. 19 июня. Б. п.; Джузеппе Гарибальди // Там же. № 298. 21 июня; Рец. на кн.: Степняк-Кравчинский С. М. Собр. соч. СПб., 1907. Ч. 1. Штундист Павел Руденко. Роман

// Там же. № 299. 22 июня; 50-летний юбилей «Колокола» // Там же. № 307. 1 июля; Рец. на кн.: Гершуни Г. Из недавнего прошлого. СПб., 1907 // Там же; Еще о бойкоте // Там же. № 308. 3 июля. Б. п.; Новый поход на избирательный закон // Там же. № 309. 4 июля; Рец. на кн.: Степняк-Кравчинский С. М. Собр. соч. Ч. 2, 3. СПб., 1907 // Там же. № 311. 6 июля; Новые правила военного судопроизводства // Там же. № 314. 10 июля. Б. п.; Гибель Кореи // Там же. № 315. 11 июля. Б. п.; Состоялась конференция Трудовой группы // Там же. № 322. 19 июля. Б. п.; Рец. на кн.: Гос. дума. Указатель к стенографическим отчетам 1906 г. Сессия I. Зас. 1–38. СПб., 1907 // Там же. № 323. 20 июля; По поводу нового издания Положения о выборах в Гос. думу // Там же. № 325. 22 июля; «Новое время» и законность // Там же. № 328. 26 июля; Новые «разъяснения» в сфере избирательного права // Там же. № 331. 29 июля. Б. п.; По поводу некоторых сомнений, вызываемых избирательным законом // Там же. № 332. 31 июля; Разъяснительное усердие // Там же. № 333. 1 авг.; По поводу русско-японской конференции // Там же. № 335. 3 авг. Б. п.; «Речь» и Трудовая группа // Там же. № 337, 339, 343, 349. 5, 8, 12, 19 авг.; Памяти О. Н. Поповой // Там же. № 351. 22 авг. Б. п.; По поводу «нового курса» в Одессе // Там же. 1907. № 353. 24 авг.; Рец. на кн.: Петрищев А. Два избирательных закона. СПб., 1907; Абрамсон В. Основные начала нового положения о выборах в Гос. думу 3 июня 1907 г. Мелитополь, 1907 // Там же. № 353. 24 авг.; Инструкция о выборах // Там же. № 357. 29 авг.; Торговое соглашение с Японией // Там же. № 358. 30 авг. Б. п.; Партейтаг свободомыслящих // Там же. № 363. 5 сент. Б. п.; Германия. Партейтаг свободомыслящей народной партии // Там же. № 364. 6 сент. Б. п.; Германия. Международный конгресс мира // Там же. № 365. 7 сент. Б. п.; Инструкция о выборах // Там же. № 370. 13 сент.; Англо-русский договор // Там же. № 371. 14 сент. Б. п.; Отзвывы английской печати по поводу англо-русского соглашения // Там же. № 373. 16 сент.; Русские граждане в Финляндии // Там же. № 374. 18 сент.; Македонские дела // Там же. № 375. 19 сент.; Германия. Фридрих I, великий герцог Баденский // Там же. Б.

п.; Рец. на кн.: Васильев Н. П. Гурлянд И. Я. Вторая Дума. СПб., 1907 // Там же. № 377. 21 сент.; Всемирная почтовая конвенция // Там же. Б. п.; Невежество всегда смело. (Ответ «Новому времени») // Там же. № 378. 22 сент.; Вопросы и ответы // Там же. № 384. 29 сент.; Новые разъяснения в области избирательного права // Там же. № 386. 2 окт. Б. п.; Польский вопрос в его современном положении // Там же. № 394, 396. 11, 13 окт.; Что нужно знать избирателю в Петербурге // Там же. № 397. 14 окт.; Биографии кандидатов от г. С.-Петербурга. А. А. Демьянов. А. С. Зарудный // Там же. № 398. 16 окт. Б. п.; Что необходимо помнить избирателям // Там же. № 399. 17 окт. Б. п.; Гласность или безгласность избирательной процедуры // Там же. № 400. 18 окт.; Недействительные бюллетени // Там же. № 404. 23 окт.; Охрана порядка в думе // Там же. № 405. 24 окт.; Военный проект в Швейцарии // Там же. № 411. 31 окт.; Мкртич I // Там же. № 413. 2 нояб. Б. п.; Рец. на кн.: Библиотека великих писателей под ред. С. А. Венгерова. Пушкин. СПб., 1907. Т. I // Там же. № 419. 9 нояб.; Дума и Шмид // Там же. № 420. 10 нояб.; Германия. Проект закона о праве союзов и собраний // Там же. № 423, 428. 14, 20 нояб. Б. п.; К юбилею Константина Константиновича Арсеньева // Там же. № 424. 15 нояб.; Левые в заседании 13 ноября // Там же. № 425. 16 нояб. Б. п.; Германия. Проект закона о союзах и собраниях // Там же. № 428. 20 нояб. Б. п.; К делу Стесселя // Там же. № 434. 27 нояб. Б. п.; Швеция. Оскар II (†8 дек. 1907 г.) // Там же. Б. п.; Кризис в Персии // Там же. № 441. 5 дек. Б. п.; Революция в Персии // Там же. № 447. 12 дек. Б. п.; Рец. на кн.: Берс А. А. Естественная история черта (его рождение, жизнь и смерть). СПб., 1908 // Там же. № 449. 14 дек.; Швейцария. Объединение гражданского права // Там же. № 450. 15 дек. Б. п.; Правосудие и выборный процесс // Там же. № 454. 20 дек. Б. п.; Австрия. Ландтаги // Там же. Б. п.; Осуждение по делу о выборгском воззвании // Там же. № 455. 21 дек. Б. п.; Должны быть восстановлены... // Там же. № 457. 23 дек.; Германия. Второй процесс М. Гардена // Там же. № 459. 28 дек.; Германия. Процесс Максимилиана Гардена // Там же. № 460. 29 дек. Б. п.

Первый шаг // Столичная почта. 1907. № 118. 20 февр. Б. п.; Наказ Государственной думы // Там же. № 123. 25 февр.; Передовая // Там же. № 138. 15 марта. Б. п.; Проверка полномочий членов Гос. думы // Там же. № 127. 2 марта; Г. Б. Иоллос // Там же. № 138. 15 марта.

Партии в Государственной Думе // Трудовой народ. 1907. № 1. 15 марта.

«Трудовой блок». (Беседа с В. В. Водовозовым) // Биржевые ведомости. 1907. № 10121. 27 сент.

1908

Что делала Трудовая группа в Третьей Государственной думе в 1907–1908 г. СПб., 1908. 14 с. Б. п.

Суд над первой Государственной Думой 12–18 декабря 1907 г. СПб.: Издание В. Водовозова, 1908. 82 с.

Предисловие // Материалы к истории русской контрреволюции. СПб., 1908. Т. 1. Погромы по официальным документам. С. 3–21.

Предисловие // Степняк-Кравчинский С. М. Собрание сочинений. СПб., 1908. Ч. 6. С. VII–XVI; То же. Пг., 1919.

Краткий обзор деятельности первой сессии третьей Государственной Думы // Народный календарь 1909. М.: Солнце, 1908. Стлб. 213–220.

Авторское право и свобода переводов. По поводу законопроекта об авторском праве // Русское богатство. 1908. Кн. 6. С. 19–42.

Иностранная жизнь. Переворот в Турции и его последствия // Бодрое слово. 1908. № 1. Октябрь. Стлб. 109–122; Иностранная жизнь. Выборы президента Соединенных Штатов // Там же. № 2. Ноябрь. Стлб. 113–126; Иностранная жизнь. Конституционное движение в Китае // Там же. № 3. Ноябрь. Стлб. 111–126; Иностранная жизнь // Там же. № 4. Декабрь. Стлб. 89–106; № 5. Декабрь. Стлб. 119–128.

1907 год за границей // Наш век. 1908. № 962. 3 янв. Б. п.;

События в Пруссии // Там же. № 965. 6 янв.; Турция. Революционное движение // Там же. Б. п.; Италия. Фердинанд IV тосканский (некролог) // Там же. № 968. 10 янв. Б. п.

Передовая // Столичная почта. 1908. № 215, 216, 225, 234, 249, 251. 19, 20, 31 янв., 10, 28 февр., 1 марта. Б. п.; Король дон-Карлос I, его наследник и соперники // Там же. № 217. 22 янв. Б. п.; События в Португалии // Там же. Б. п.; Португалия. Вступление на престол нового короля // Там же. № 218. 23 янв. Б. п.; К лиссабонской трагедии // Там же. № 219. 24 янв. Б. п.; Рец. на кн.: Степняк-Кравчинский С. М. Собрание сочинений. СПб., 1907. Ч. IV. Андрей Кожухов // Там же. № 220. 25 янв.; Тревожные слухи // № 228. 3 февр. Б. п.; Аландские острова // № 230. 6 февр. Б. п.; Конец Порт-Артурской эпопеи // Там же. № 232. 8 февр. Б. п.; Рец. на кн.: Депутаты 1-й думы под судом. Дело о выборгском воззвании. Сост. В. Н. Классон. СПб., 1908 // Там же. № 238. 15 февр.; Отчуждение земель в Пруссии // Там же. № 239. 16 февр.; Рец. на кн.: История России в XIX веке. М., 1907. Вып. 1–6 // Там же. № 244. 22 февр.; Проект досрочного условного освобождения // Там же. № 250. 29 февр. Б. п.; Рец. на кн.: Степняк-Кравчинский С. М. Собрание сочинений. СПб., 1908. Ч. V. Эскизы и силуэты. // Там же; Эдмондо де-Амичис (†12 марта 1908) // Там же. № 252. 2 марта. Б. п.

Португалия. Результаты следствия о цареубийцах // Наша газета. 1908. № 1. 16 марта. Б. п.; Англия. Герцог Девоншейрский (маркиз Гартингтон). Некролог // Там же. Б. п.; Передовая // Там же. № 2. 18 марта. Б. п.; Справка // Там же. № 3. 19 марта. Б. п.; Финляндские дела // Там же. № 4. 20 марта; Приезд черногорского князя в Петербург // Там же. № 5. 21 марта. Б. п.

Е. М. Овсянников // Слово. 1908. № 512. 15 июля; Смертная казнь в Государственной Думе и Государственном Совете // Там же. № 549. 30 авг.; К открытию Государственной Думы // Там же. № 590. 15 окт.; С.-Петербургское литературное общество об авторском праве. (Ответ Д. Философову) // Там же. № 593. 18 окт.; По поводу присоединения Боснии и Герцеговины к Австрии // Там же. № 597. 22 окт.; Рец. на кн.: Еврейская

энциклопедия. Т. I // Там же. № 609. 3 нояб.; Литературное утро в зале СПб. судебной палаты // Там же. 1908. № 652. 16 дек.; Письмо редактору об отказе сотрудничать в «Новом журнале для всех» // Там же. № 660. 24 дек.

Международные осложнения и позиция России // Правда жизни. 1908. № 2. 8 дек.; Иностранная политика в Государственной Думе // № 3. 15 дек.

«О больном человеке». В молодой Турции // Утро. 1908. № 17. 22 сент.

1909

Старый режим в Турции; Младотурки // Турецкий сборник: (К событиям на Ближнем Востоке) / Под ред. И. М. Бикермана. СПб., 1909. С. 57–96, 164–189.

Иностранная жизнь. 1908 год // Бодрое слово. 1909. № 1. Январь. Стлб. 86–97; № 2. Январь. Стлб. 107–122; № 3/4. Февраль. Стлб. 173–188; № 5. Март. Стлб. 87–98; № 6. Март. Стлб. 77–92; № 7. Апрель. Стлб. 121–128; № 8. Апрель. Стлб. 87–100; № 9–10. Май. Стлб. 145–160; № 11. Июнь. Стлб. 87–94; № 12. Июнь. Стлб. 97–106; № 14. Июль. Стлб. 117–128; № 15. Август. Стлб. 117–126; № 16. Август. Стлб. 121–128; № 17. Сентябрь. Стлб. 113–120; № 18. Сентябрь. Стлб. 109–118; № 19. Октябрь. Стлб. 105–114; № 20. Октябрь. Стлб. 123–128; № 21. Ноябрь. Стлб. 99–108; № 22. Ноябрь. Стлб. 91–102; № 23. Декабрь. Стлб. 95–108; № 24. Декабрь. Стлб. 121–128; Адольф Штеккер и антисемитизм в Германии // Там же. № 3/4. Стлб. 133–140; Местный суд в Государственной думе // Там же. № 21. Стлб. 63–76.

Русские журналы // Запросы жизни. 1909. № 2. С. 11–14; № 4. С. 17–20; № 6. С. 12–16; № 8. С. 10–13; № 10. С. 10–13; Государственная дума // Там же. № 7. С. 25–27; № 8. С. 23–25; № 9. С. 21–24; № 10. С. 25–27; № 11. С. 23–24.

1908 год в международном отношении // Наша газета. 1909. № 1. 1 янв.; Австро-турецкое соглашение // Там же. Б. п.; Зиновий Петрович Рождественский (†1 янв. 1909 г.) // Там же. № 2. 3 янв.; Передовая // Там же. № 5, 12, 18, 22, 27, 28, 32, 35,

36, 39, 41, 43, 49, 50, 51, 53, 54, 56, 59, 61, 62, 64, 68, 69, 70, 76, 78–82, 86, 88, 89. 7, 15, 22, 27 янв., 1, 3, 8, 12, 13, 17, 19, 21, 28 февр., 1, 3, 5, 6, 8, 12, 14, 15, 18, 22, 24, 25 марта, 2, 4, 5, 7–9, 14, 16, 17 апр. Б. п.; Юбилей истинного дипломата. О Ф. Ф. Мартенсе // Там же. № 5. 7 янв. Б. п.; Новый рискованный эксперимент // Там же. № 6. 8 янв.; Швеция. Всеобщее избирательное право; Персия. Революция // Там же. № 8. 10 янв. Б. п.; Черногорцы // Там же. № 9. 11 янв. Б. п.; Турция. Бойкот австрийских товаров. Оскорбление австрийского консула // Там же. № 10. 13 янв. Б. п.; По поводу телеграммы из Персии // Там же. № 14. 17 янв. Б. п.; Рец. на кн.: Лазаревский Н. И. Законодательные акты переходного времени. 1904–1908. Изд. 3-е, пересм. и доп. по 1 сентябрь 1908 г. // Там же. № 15. 19 янв.; Государственная дума и цензура // Там же. № 17. 21 янв. Б. п.; Еще о русско-болгарско-турецкой кредитной операции // Там же. № 19. 23 янв. Б. п.; Каким судом будут судить убийцу Иоллоса? // Там же. № 22. 27 янв.; Адольф Штеккер. (Некролог) // Там же. № 23. 28 янв.; Смертная казнь в Думах // Там же; Тяжелое воспоминание // Там же. № 24. 29 янв. Б. п.; Дело А. А. Лопухина – Азефа // Там же. № 28. 3 февр. Б. п.; Турция. Историческое заседание парламента 13 февраля // Там же. № 29. 4 февр. Б. п.; Хильми-паша // Там же. Б. п.; Всеобщее избирательное право в Швеции // Там же. № 30. 5 февр. Б. п.; Турция. Новое правительство; Австрия. Преследование чешских депутатов // Там же. № 31. 6 февр. Б. п.; По поводу письма Шмида // Там же. № 32. 8 февр.; Роспуск финляндского сейма // Там же. № 33. 10 февр.; К роспуску финляндского сейма. (Справка) // Там же. № 34. 11 февр. Б. п.; Сербия. Во главе нового министерства // Там же. № 35. 12 февр. Б. п.; Пуришкевич и депутатская неприкосновенность // Там же. № 37. 14 февр.; Сербия и Австрия. Настроение в Сербии // Там же. Б. п.; Иностранная печать о деле Азефа // Там же. Б. п.; Г. Извольский и услужливое «Новое время» // Там же. № 40. 18 февр. Б. п.; «Frankfurter Zeitung» об Азефе // Там же. № 42. 20 февр. Б. п.; Франция. Письмо Э. Лубе // Там же. Б. п.; Наша почта // Там же. № 45. 24 февр.; Швеция. Смертная казнь; Франция. Открытие памятника Ш. Флоке //

Там же. Б. п.; Историческая параллель // Там же. № 46. 25 февр.; Поправка // Там же. № 47. 26 февр.; Ввиду надвигающейся грозы // Там же. № 48. 27 февр. Б. п.; К слухам о войне // Там же. № 50. 1 марта. Б. п.; Несколько цифр и фактов // Там же. № 51. 3 марта; Смертные казни без суда // Там же. № 52. 4 марта; Русско-турецкое соглашение; Турция. Бюджет // Там же. Б. п.; Русская и турецкая конституции. (Параллель) // Там же. № 53. 5 марта; Дания. Женщины – члены Копенгагенской городской думы // Там же. Б. п.; Победа социалистов на парламентских выборах в Италии // Там же. № 55. 7 марта. Б. п.; Несколько фактов из истории династии Карагеоргиевичей // Там же. № 62. 15 марта; 25-ая статья берлинского трактата // Там же. Б. п.; Поражение // Там же. № 66. 20 марта. Б. п.; Сербия. Отречение королевича // Там же. № 67. 21 марта. Б. п.; Две мерки. Наша политика в Финляндии // Там же. № 74. 29 марта; События в Турции // Там же. № 76. 2 апр. Б. п.; Национализм в Турции; Цивильный лист султана // Там же. № 77. 3 апр. Б. п.; Авторское право // Там же. № 80. 7 апр. Б. п.; Султан и его отречение // Там же. № 81. 8 апр.; Избирательная геометрия // Там же. № 82. 9 апр.; Независимость Болгарии. Россия и Персия // Там же. Б. п.; Судился и судом не оправдан. (По поводу дела гласного петербургской городской думы, бывш. члена I Гос. Думы Е. И. Кедрина) // Там же. Б. п.; Поправки «Нового времени» // Там же. № 83. 10 апр. Б. п.; Абдул Гамид. 1842–1876–1909 // Там же. № 84. 11 апр. Б. п.; Полемика об авторском праве // Там же. № 87, 88. 15, 16 апр.; *Finita la comedia* // Там же. № 87. 15 апр. Б. п.; Панов. (Некролог) // Там же. № 90. 18 апр. Б. п.; Не надо крови. (К событиям в Турции) // Там же. № 91. 19 апр.

Военная тревога и экономический кризис // Киевские вести. 1909. № 47. 17 февр.; Еще о кадетском министерстве. Историческая параллель // Там же. № 58. 23 февр.

Рец. на кн.: Лира. Сб. произведений русской художественной лирики / Собрал и составил М. Л. Биншток. СПб., 1908 // Правда жизни. 1909. № 8. 19 янв.; Передовая // Там же. № 11,

12, 19, 20, 22. 9, 16 февр., 6, 13, 27 апр. Б. п.; Смертная казнь в Швеции и амнистия в Сербии // Там же. № 13. 23 февр. Б. п.; Рец. на кн.: Еврейская энциклопедия // Там же. № 15. 9 марта; Официозное объяснение // Там же. № 17. 23 марта; Рец. на кн.: Бальмонт К. Д. Из чужеземных поэтов. СПб., 1908 // Там же; Рец. на кн.: Земля. Сб. 2-й. Арцыбашев М., Бунин И., Зайцев Б. и др. М., 1909 // Там же. № 18. 31 марта; Письмо в редакцию. Ответ фракции Трудовой группы проф. Локтю // Там же. № 21. 20 апр.; Рец. на кн.: Гауптман Г. Потонувший колокол. Немецкая сказка-драма. СПб., 1909 // Там же.

По Турции. (От нашего корреспондента) // Русское слово. 1909. № 157, 164, 167, 169, 172. 10, 18, 22, 24, 28 июля.

Финляндский суд и дело об убийстве Герценштейна // Право. 1909. № 36. 6 сент. Стлб. 1905–1913; № 38. 20 сент. Стлб. 2009–2015.

Письмо в редакцию // Новая Русь. 1909. № 210. 3 авг.

Волостное земство // Современная неделя. 1909. № 1, 2. 19, 26 дек.

1910

Национальность и государство // Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия. Сб. под ред. А. И. Кастелянского. СПб., 1910. С. 727–744.

Русские журналы // Запросы жизни. 1910. № 3. Стлб. 147–153; Государственная дума // Там же. № 4. Стлб. 243–247; № 5. Стлб. 301–307; № 6. Стлб. 373–375; № 7. Стлб. 425–430; № 8. Стлб. 493–497; № 9. Стлб. 551–554; № 10. Стлб. 621–627; № 11. Стлб. 689–694; № 12. Стлб. 745–752; № 13. Стлб. 816–821; № 14. Стлб. 48–55; № 15. Стлб. 47–52; № 17. Стлб. 47–51; № 18/19. Стлб. 69–78; № 20. Стлб. 51–56; № 21. Стлб. 51–55; Итоги 3-й сессии Государственной Думы // Там же. № 22. Стлб. 21–28.

Иностранная жизнь. 1909 год // Бодрое слово. 1910. № 1.

Стлб. 99–110.

К итогам минувшего года // Современная неделя. 1910. № 2.

Открытое письмо проф. Локтю // Новая Русь. 1910. № 116. 30 апр.

К диспуту В. В. Водовозова с Т. В. Локтем // Киевские вести. 1910. № 134. 10 мая.

От редакции // Столичные отклики. 1910. № 1. 15 нояб. Б. п.; Лев Толстой и вооруженная сила // Там же.

1911

С. А. Муромцев, как председатель Государственной думы // Современник. 1911. Кн. 1. С. 282–305; Бюрократия и Дума // Там же. Кн. 2. С. 254–257; Из траурных воспоминаний: Фридрих Шпильгаген. 24 февр. 1829 – 25 февр. 1911 // Там же. С. 362–368; Война с Китаем и война с Илиодором // Там же. Кн. 3. С. 351–358; Из траурных воспоминаний: Петр Филиппович Якубович. 1860–1911 // Там же. Кн. 4. С. 296–305; Известие с царицынского театра военных действий // Там же. С. 346–355; На Родине. Министерский и парламентский кризис в стране, в которой, слава Богу, нет парламента // Там же. Кн. 5. С. 371–385.

Новый поход против Финляндии // Запросы жизни. 1911. № 4; Холмский вопрос // Там же. № 9.

1912

III-я Государственная Дума. СПб., 1912. 39 с. Б. п.

Кабинет и парламент в Англии в XVIII в. // Книга для чтения по истории нового времени / Под ред. М. В. Бердоносова, А. М. Васютинского, А. К. Дживелегова и др. М.: Изд. Т-ва И. Д. Сытина и «Сотрудника школ» А. К. Залесской, 1912. Т. 3. С. 34–67. (Историческая комиссия ОРТЗ).

Предисловие // Фроммет Б. Очерки по истории студенчества в России. СПб.: т-во М. О. Вольфа, 1912. С. 1–2.

Суд и правосудие в России // Современник. 1912. Кн. 5. С. 343–360; Местный суд // Там же. Кн. 6. С. 292–298; Итоги и факты. Война. Государственная дума // Там же. Кн. 10. С. 337–352; Война // Там же. Кн. 11. С. 319–328.

Государственная Дума в 1911 г. // Запросы жизни. 1912. № 1; Депутатская неприкосновенность // Там же. № 4; Избирательная программа трудовой группы // Там же. № 13; Трудовая группа и рабочая партия // Там же. № 17; Итоги 3-ей Думы // Там же. № 24.

Передовая // Столичные отклики. 1912. № 1. 27 авг. Б. п.; Речь В. В. Водовозова на избирательном собрании в С.-Петербурге // Там же. № 7, 8. 8, 15 окт.; Антоний, митрополит С.-Петербургский // Там же. № 11. 19 нояб. Б. п.

Литературная конвенция // Голос «Современника». 1912. № 5. 8 янв.

Новая группировка держав и наша международная политика // Вятская Речь. 1912. № 108. 18 мая; Местный суд в Государственной Думе // Там же. № 111. 22 мая; Памяти Николая Федоровича Анненского // Там же. № 168. 1 авг.; Алексей Сергеевич Суворин (1834–1912) // Там же. № 180. 17 авг.

1913

Трудовая группа в IV Государственной Думе. Обзор деятельности с 15 ноября по 15 декабря 1912 г. СПб., 1913. 60 с. Б. п.

Предисловие // Пыпин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем (1878) / С предисл. и примеч. В. В. Водовозова. СПб.: Колос, 1913. С. III–V.

Новый поход на печать // Современник. 1913. Кн. 5. С. 237–257; На Балканах // Там же. Кн. 7. С. 249–273; Кн. 8. С. 306–322; Захват печати капиталом и его последствия // Там же. Кн. 8. С. 235–249; Кн. 9. С. 248–263; Август Бебель // Там же. Кн. 8. С. 342–344; Балканские войны и державы Балканского полуострова // Там же. Кн. 10. С. 234–241; По поводу дела Бейлиса и

ритуальных убийств вообще // Там же. С. 290–294; Иван Яковлевич Фойницкий. 1847–1913 // Там же. С. 307–315; Балканская война и Россия // Там же. Кн. 11. С. 264–271; Городовое положение в Царстве Польском // Там же. Кн. 12. С. 228–241.

Восстановление истины // День. 1913. № 135. 22 мая; Там, где воюют. (От нашего корреспондента): Варна // Там же. № 187. 15 июля; В Софии. (От нашего корреспондента) // Там же. № 198. 26 июля; Передовая // № 294, 297, 300, 319. 30 окт., 2, 5, 24 нояб. Б. п.; Запрос Трудовой группы // Там же. № 280. 16 окт. Б. п.; Законопроект о печати // Там же. № 288. 24 окт.; Во что обходится свобода печати русскому плательщику пода-тей // Там же. № 291. 27 окт.; Конфискация газеты «День» // Там же. № 295. 31 окт. Б. п.; Закон о печати в думской комиссии // Там же. № 300. 12 нояб.; Движение законопроекта о печати в думской комиссии // Там же. № 315. 20 нояб.; По поводу дела Керенского // Там же. № 322. 27 нояб.; Недопустимые приемы полемики // Там же. № 326. 1 дек.; Иммунитет западный и русский // Там же. № 329. 4 дек.

1914

Современный момент в международных отношениях // Современник. 1914. Кн. 1. С. 99–107; Законопроект о печати // Там же. Кн. 2. С. 91–101; Рец. на кн.: Павлович М. П. Экономические основы внешней политики современных государств. Вып. I. Великие железнодорожные и морские пути будущего. СПб., 1913 // Там же. Кн. 5. С. 141–142; Смена на папском престоле // Там же. Кн. 10. С. 281–284.

Передовая // День. 1914. № 14. 15 янв. Б. п.; Новая натуральная повинность // Там же. № 24. 25 янв.; Обструкция в Думе и кадеты // Там же. № 110. 24 апр.; Алексей Викторович Гизетти (1850–1914) // Там же. № 142. 28 мая; Федор Федорович Ольденбург (1862–1914) // Там же. № 198. 25 июля; Мораториум // Там же. № 214. 10 авг.; Государственный строй Бельгии // Там же. № 286. 21 окт.; Турн Северин (Румыния). (От нашего специального корреспондента) // Там же. № 343. 17

дек.; Ниш. (От нашего корреспондента) // Там же. № 351, 353. 25, 28 дек.

1915

Политические и общественные взгляды Пушкина в последний период его жизни // Пушкин А. С. Собрание сочинений. Пг.: Брокгауз – Ефрон, 1915. Т. 6. С. 368–389; Алфавитный указатель произведений Пушкина по заголовку и по первому стиху // Там же. С. 609–647.

Ниш. (От нашего специального корреспондента) // День. 1915. № 1. 1 янв.; Белград. (От нашего корреспондента) // Там же. № 5. 6 янв.; Шабац. (От нашего корреспондента) // Там же. № 9. 10 янв.; Ниш. (От нашего корреспондента) // Там же. № 13. 14 янв.; Памяти В. Л. Геловани // Там же. № 52. 23 февр.; Ян Санданский // Там же. № 103. 14 апр.; Италия и война // Там же. № 106. 19 апр.; Китайско-японское соглашение // Там же. № 116. 29 апр.; Министерский кризис в Италии // Там же. № 120. 3 мая; События в Португалии // Там же. № 120, 124. 3, 7 мая; Министерский кризис в Англии // Там же. № 126. 9 мая; Памяти В. Я. Богучарского // Там же. № 127. 10 мая; Вопросы мировой войны. Рец. на кн.: Вопросы мировой войны: сб. под ред. проф. М. И. Туган-Барановского. Пг., 1915; Чего ждет Россия от войны: сб. ст. М. И. Туган-Барановского, М. И. Фридмана, П. Н. Милюкова и др. Пг., б. г. // Там же. № 139, 165. 23 мая, 18 июня; Камилл Пелльтан // Там же. № 141. 25 мая; По поводу парламентских выборов в Греции // Там же. № 147. 31 мая; По поводу событий в Албании // Там же. № 149. 2 июня; Выборы в Греции // № 151, 153. 4, 6 июня; К выступлению Болгарии // Там же. № 157. 10 июня; По поводу выступления Вандервельде // Там же. № 159. 12 июня; Внутренний мир в Германии // Там же. № 162. 15 июня; Софийский процесс // Там же. № 166. 19 июня; Министерство путей сообщения // Там же. № 202. 25 июля; Военная цензура // Там же. № 205, 216, 227. 28 июля, 8, 19 авг.; К вопросу о выступлении Болгарии // Там же. № 208. 31 июля; Князь Щербатов и В. Г. Короленко // Там же. № 215.

6 авг.; Балтийское море как театр морской войны // Там же. № 217, 219. 9, 11 авг.; Передовая // Там же. № 218, 238, 260, 263–265, 273, 351. 10, 30 авг.; 21, 24–26 сент., 4 окт., 21 дек. Б. п.; Монетный голод и Гос. Дума // Там же. № 229, 261. 21 авг., 22 сент.; На Балканах // Там же. № 230, 259, 261, 267, 314, 327, 343. 22 авг., 20, 22, 28 сент., 14, 27 нояб., 13 дек.; Восстановление финляндской конституции // Там же. № 235. 27 авг. Б. п.; Общество обывателей // Там же. № 240. 1 сент.; Торжество в Болгарии // Там же. № 245. 6 сент.; Воинская повинность в Англии // Там же. № 247. 8 сент.; Выступление Болгарии // Там же. № 249, 251. 10, 12 сент.; Кэйр Гарди (1856–1915) // Там же. № 254. 15 сент.; Суд над печатью // Там же. № 270. 1 окт.; Болезнь или разногласие? // Там же. № 271. 2 окт.; Греция и Кипр // Там же. № 279. 10 окт.; А. А. Савинский и русская дипломатия на Балканах // Там же. № 319. 19 нояб.; На Балканах // Там же. № 327. 27 нояб.; Толки о мире // Там же. № 329. 29 нояб.; Эдуард Вальян (1840–1915) // Там же. № 337. 7 дек.; Балканская федерация // Там же. 1915. № 355. 25 дек.; Василий Радославов // Там же. № 356. 27 дек.

Македония и болгаро-сербский конфликт // Русские ведомости. 1915. № 70. 28 марта.

1916

По сербской Македонии. Путевые заметки // Вестник Европы. 1916. Кн. 1. С. 169–207.

Четверть века назад и теперь // Северные записки. 1916. № 3. С. 204–215; Карл Либкнехт // Там же. № 6. С. 206–216.

Армянский съезд // День. 1916. № 127. 10 мая; Дело Крамаржа // Там же. № 144, 145. 27, 28 мая; Дело Либкнехта // Там же. № 164. 17 июня. Подп.: А. Радин; Декларация итальянского министерства // Там же. № 166. 19 июня. Подп.: А. Радин; Плата за квартиры // Там же. № 167. 20 июня. Подп.: А. Радин; Междупарламентское общение // Там же. № 171. 24 июня. Подп.: А. Радин; Лорд-Грей и Ллойд-Джордж // Там же. № 172. 25 июня. Подп.: А. Радин; А. И. Иванчин-Писарев // Там же.

№ 175. 28 июня. Подп.: А. Радин; Соглашение об Ирландии // Там же. № 178. 1 июля. Подп.: А. Радин; Выборы в финляндский сейм // Там же. № 179. 2 июля. Подп.: А. Радин; Казни Фрайэта // Там же. № 197. 20 июля. Подп.: А. Радин; Новый кабинет в Греции // Там же. № 268. 29 сент.; Сахар в Петрограде // Там же. № 278. 9 окт.; В Греции // Там же; По поводу убийства Штюргка // Там же. № 280. 11 окт.; Выборы в Соединенных Штатах // Там же. № 294. 25 окт.; Акт о Польше // Там же. № 295. 26 окт.; Исторические судьбы Польши // Там же. № 296, 298. 27, 29 окт.; Император Франц-Иосиф. 1830–1848–1916 // Там же. 1916. № 310. 10 нояб.; Международно-правовые обязательства Турции // Там же. № 317. 17 нояб.; Нота Вильсона // Там же. № 344. 14 дек.; Разговоры о мире // Там же. № 346. 16 дек.; Еще по поводу «Русской воли» // Там же. № 347. 17 дек.; Как заключается мир // Там же. № 355–357, 359. 25, 28, 29, 31 дек.

1917

На Балканах. Статьи. Путевые очерки. Пг.: Огни, 1917. 139 с.

Армия и учредительное собрание. Пг.: Единение, 1917. 15 с.

Война и революция: Речь, произнесенная на Петербургском организационном собрании Трудовой группы. Пг., 1917. 24 с.

Всеобщее избирательное право. 3-е изд., перераб. Пг.: Огни, 1917. 60 с. (Библиотека гражданина).

Как будут произведены выборы в Учредительное собрание. Пг.: Новая Россия, 1917. 30 с.

Какая система должна быть принята для избрания Учредительного собрания. Пропорциональные или мажоритарные выборы? Пг.: Земля и труд, 1917. 30 с.

Кто будет выбирать в Учредительное собрание? Пг.: Единение, 1917. 14 с.

Положение о выборах в Учредительное собрание. Раздел I: (Главы 1–5). Текст закона, с введением и разъяснениями, составленными В. В. Водовозовым. Пг.: Огни, 1917. 96 с. (Библиотека гражданина).

Порядок выборов в Учредительное собрание. Общедоступное изложение закона о выборах. Пг.: Единение, 1917. 62 с.

Равноправие народностей. Пг.: Земля и труд, 1917. 14 с.

Учредительное собрание. Пг.: Огни, 1917. 73, 2 с. (Библиотека гражданина).

Царь или Республика. Пг.: Единение, 1917. 2, 5 с.; 2-е изд., испр. и доп. Пг.: Единение, 1917. 14 с.

Что такое мир без аннексий и контрибуций. Пг.: Единение, 1917. 29 с.

Что такое мир на началах самоопределения народов. Пг.: Единение, 1917. 30 с.

Что такое политическая партия? (Конспект лекции). Пг., 1917. 9 с. (Нар. университет им. Л. И. Лутугина. Лекции, чит. на курсах агитаторов). Пг.: Вольно-экономическое общество, 1917. 2, 7 с.

Что такое Учредительное собрание? Пг.: Единение, 1917. 14 с.

Рец. на кн.: Герцен А. И. Полное собр. соч. и писем / Под ред. М. К. Лемке. Пг., 1915–1917. Т. 1–8 // Былое. 1917. № 2 (24). С. 290–291; Царскосельские совещания: протоколы секретного совещания под председательством быв. императора по вопросу о расширении избирательного права / Публ. В. В. Водовозова // Там же. № 3 (25). С. 217–234 (ввод. статья), 235–265; № 4 (26). С. 183–245; № 5/6 (27/28). С. 289–318; В. Д. Новицкий: (Из личных воспоминаний) // Там же. № 5/6. С. 82–90.

Международные отношения в 1916 г. // День. 1917. № 1. 1 янв.; Условия будущего мира // Там же. № 2. 3 янв.; Передовая // Там же. № 9, 21, 22, 48. 11, 23, 24 янв., 20 февр. Б. п.; Свобода морей // Там же. № 11. 13 янв.; Архив К. П. Победоносцева

// Там же. № 19. 21 янв.; Реформа избирательного права в Англии // Там же. № 15. 17 янв.; Блокада // Там же. № 18. 20 янв.; Защита интересов подданных воюющих держав // Там же. № 21. 23 янв.; К. К. Арсеньев (24 янв. 1837 – 24 янв. 1917) // Там же. № 22. 24 янв.; К делу Пьяных // Там же. № 25. 27 янв.; Новые данные к истории военного выступления Болгарии // Там же. № 35. 6 февр.; Памяти М. Б. Ратнера // Там же. № 41. 12 февр.; Несколько слов по поводу дела Манасевича-Мануйлова // Там же. № 43. 15 февр.; Женское голосование в Англии // Там же. № 44. 16 февр.; Свобода слова. Открытое письмо Совету Рабочих Депутатов // День. 1917. № 1. 5 марта; Учредительное Собрание // Там же. Б. п.; Немедленно освободите Свинхувуда. Открытое письмо А. Ф. Керенскому // Там же; От террора к мирной пропаганде // Там же. № 2. 7 марта. Б. п.; Объяснение по поводу моего письма к А. Ф. Керенскому // Там же. № 3. 8 марта; Правительственная декларация // Там же. Б. п.; С. В. Зубатов // Там же. № 4. 9 марта; Судьбы Финляндии // Там же; О смягчении участи уголовных. Ответ рабочему заводу «Феникс» // Там же. № 5. 10 марта; Тревожные слухи // Там же. Б. п.; Не тратьте времени и денег на пустяки // Там же. № 6. 11 марта; Россия и Германия // Там же. № 12. 18 марта; Свобода Польши // Там же. Б. п.; Созыв Учредительного Собрания // Там же. № 16. 23 марта; Армия и Учредительное Собрание // Там же. № 19. 28 марта; Отклик русской революции в Германии // Там же. № 21. 29 марта; Война и революция. (Речь, произнесенная на петербургском организационном собрании Трудовой группы 12 марта 1917 г.) // Там же. № 26–28. 6–8 апр.; Константинополь и проливы // Там же. № 27. 7 апр.; Заем свободы // Там же. № 28. 8 апр.; В комиссии по выработке законопроекта об Учредительном Собрании // Там же. № 31. 12 апр. Б. п.; Нота министра иностранных дел по поводу войны // Там же. № 39. 21 апр.; Разрешение кризиса // Там же. № 41. 23 апр.; Война до решительной победы // Там же. № 45. 28 апр.; Германские условия мира // Там же. № 46. 29 апр.; К созыву Учредительного Собрания // Там же. № 50, 53, 56. 4, 7, 11 мая; Опубликование тайных договоров // Там же. № 52. 6 мая; До-

говор с Румынией // Там же. № 59. 14 мая; Несколько слов по поводу спора между Литвой и Латвией // Там же. № 60. 16 мая; Мир без аннексий и война до победы // Там же. № 61. 17 мая; Письмо в редакцию // Там же. № 65. 21 мая; Пропорциональные или мажоритарные выборы? // Там же. № 65–67, 69, 72. 23–25, 27, 31 мая; Поправка // Там же. № 74. 2 июня; Условия мира, предлагаемые германской социал-демократией // Там же. № 78. 7 июня; Учредительное Собрание // Там же. № 114, 125, 127. 20 июля, 2, 4 авг.; Суд и дело генерала Корнилова // Там же. № 174. 27 сент.; Положение о выборах в Учредительное Собрание // Там же. № 179, 180. 3, 4 окт.; Ход выборного производства // Там же. Б. п.; Ход выборной кампании. Тревожные сомнения перед выборами // Там же. № 181. 5 окт. Б. п.; Толки о мире // № 184. 8 окт.; Оренбургская республика // № 229. 24 дек.

Ехать ли на конференцию в Стокгольм? // Власть народа. 1917. № 2. 29 апр.; Автономия Литвы // Там же. № 61. 17 мая; Выборы в Учредительное Собрание // Там же. № 68. 16 июля; Положение об Учредительном Собрании // Там же. № 70. 19 июля.

Порядок выборов в Учредительное Собрание // Народное слово. 1917. № 52, 54, 56–59. 3, 6, 9–12 авг.; По поводу речи А. Ф. Стаала на съезде Труд. нар.-соц. партии. (Письмо в редакцию) // Там же. № 99. 1 окт.

1918

Секретные дипломатические документы // Международная политика и мировое хозяйство. 1918. Кн. 1. С. 77–88; Кн. 2. С. 75–88; Кн. 3. С. 63–68; Рец. на кн.: Каменев Ю. Борьба за мир. (Отчет о мирных переговорах в Бресте). Пг., 1918; Мстиславский С. Брестские переговоры. (Из дневника). Пг., 1918 // Там же. Кн. 4. С. 88–91; Рец. на кн.: Владимиров Л. Война и Балканы. Пг., 1918 // Там же. Кн. 5. С. 112–113; Мирные договоры Румынии // Там же. Кн. 6. С. 3–13.

Николай II в Финляндии в 1909 году: неизданные матери-

алы. Предисловие // Былое. 1918. № 3 (31). С. 86–93.

Тильзит // Стрелы. Сб. 2-й: Немец. Пг.: Стрелы, 1918. Стлб. 17–21.

Г. В. Плеханов // Бюллетени Кабинета печати. Материалы для провинциальной печати (оригинальные статьи и специальная информация). 1918. № 3 (207). 11 (29) мая. С. 1–2.

1920

А. И. Герцен. Пг.: Гос. изд-во, 1920. 29 с.

«Колокол» Герцена // А. И. Герцен. 1870 – 21 января 1920. Пг., 1920. С. 38–42.

1921

Записка генерала Броневского о Лицее: (По поводу дела Петрашевского). Секретный архив III Отделения собственной е. и. в. канцелярии // Сборник материалов и статей / Глав. упр. архивным делом; Ред. ж. «Исторический архив». М., 1921. Вып. 1. С. 39–44; Рец. на кн.: Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем / Под ред. М. К. Лемке. Т. 1–8. Пг., 1915–1917; Т. 9–11. Пб., 1919; Т. 12–13. Пг.: Госиздат, 1919 // Там же. С. 233–244.

1922

Версальский мир и Лига наций. Пг.: Мысль, 1922. 93 с.

Граф С. Ю. Витте и император Николай II. Пг.: Мысль, 1922. 126 с.

Западная Европа и Америка после войны. Факты и цифры. Пб.: Гос. изд-во. 1922. 208 с.

Забытая статья В. Г. Короленко // В. Г. Короленко. Жизнь и творчество: сб. ст. под ред. А. Б. Петрищева. Пб., 1922. С. 160–166.

Предисловие // Семевский В. И. М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы / Под ред. В. Водовозова. М.: Задруга, 1922. Ч. 1. С. 5–16.

Царская Россия во время великой войны в изображении французского посла // Былое. 1922. № 20. С. 268–291.

Рец. на кн.: К характеристике Австрии после войны (Bundesamt für Statistik. Statistisches Handbuch für die Republik Oesterreich. II. Wein, 1921) // Анналы. 1922. Кн. 2. С. 313–315.

1923

Памяти декабристов. Первое заседание Музея революции в Петрограде 11 января 1920 г. Стенографический отчет // Музей революции. Пг., 1923. Сб. 1. С. 72–78.

Новая карта мира // Всеобщий календарь на 1923 г., с 2 картами в красках. Пг.: Полярная звезда, 1923. С. 226–269.

Открытое письмо Н. А. Бердяеву // Дни. 1923. № 126. 29 марта; Письмо в редакцию // Там же. № 347. 29 дек.

1925

Новая Европа: Территория и население. Государственный строй. Международное положение. Денежная система и финансы. Экономические условия. Политические партии. Прага: Пламя, 1925. 410 с., 4 л. карт.

Встречи с А. И. Ульяновым // Былое. 1925. № 6 (34). С. 131–133; То же: Встречи с Александром Ильичом Ульяновым // Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г. Сб. / Сост. А. И. Ульянова-Елизарова. М., 1927. С. 283–287.

Мое знакомство с Лениным // На чужой стороне (Прага). 1925. Кн. 12. С. 174–180.

О пропорциональных выборах // Дни. 1925. № 664. 14 янв.; О пропорциональных выборах. (По поводу статей С. К. Гогеля и М. Вишняка) // Там же. № 688. 11 февр.

К процессу в Тенеси. (Письмо в редакцию) // Руль. 1925. № 1415. 30 июля.

1926

Библиография. Рец. на кн.: Гредескул Н. А. Россия прежде и теперь. М., 1926 // Дни. 1926. № 1171. 28 нояб.

1927

Рец. на кн.: Большая советская энциклопедия // Современные записки. 1927. Кн. 30. С. 577–582.

Мемуары В. Н. Ламздорфа // Руль. 1927. № 2023. 27 июля; Детская беспризорность // Там же. № 2080. 1 окт.

Открытое письмо. По поводу статьи М. Осоргина «О прочитанном» // Дни. 1927. № 1249. 26 нояб.

1928

Рост населения в XX веке. Уменьшение рождаемости и смертности // Научные труды Русского народного университета в Праге. Прага, 1928. Т. 1. С. 48–62.

Рец. на кн.: Тарле Е. В. Европа в эпоху империализма 1871–1919 гг. М., 1927 // Современные записки. 1928. Кн. 36. С. 551–555.

Победа социал-демократии в Германии // Руль. 1928. № 2282. 1 июня; Печать в советской России // Там же. № 2355. 25 авг.; Рост печатной продукции в СССР // Там же. № 2364. 5 сент.; Большевики о качестве советской книги // Там же. № 2373. 15 сент.

1929

Федерация и конфедерация // Научные труды Русского народного университета в Праге. Прага, 1929. Т. 2. С. 30–46.

Уроки английских выборов // Руль. 1929. № 2600, 2601. 18, 19 июня; Чехословацкие выборы // Там же. № 2715. 30 окт.

1992

Граф С. Ю. Витте и император Николай II. М.: Искус-

ство и культура, 1992. 117 с.

Энциклопедические словари со статьями В. В. Водовозова

Энциклопедический словарь. СПб.: Брокгауз и Ефрон, 1890–1907. Т. 1–41. 1905–1907. Доп. Т. 1–2.

Малый энциклопедический словарь. СПб.: Брокгауз и Ефрон, 1899–1902. Т. 1–3; 2-е изд. 1907–1909. Т. 1. Вып. 1–2; Т. 2. Вып. 3–4.

Новый энциклопедический словарь / Под общ. ред. акад. К. К. Арсеньева. СПб.; Пг.: Брокгауз – Ефрон, 1911–1916. Т. 1–29.

Еврейская энциклопедия. СПб.: издание Общества для еврейских науч. изданий и изд-ва Брокгауз – Ефрон, 1908–1913. Т. 1–16.

Русский биографический словарь, изд. под наблюдением предс. Императорского Русского Исторического общества А. А. Половцова. СПб., 1896–1913. Т. 1–25.

Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / Под ред. С. Н. Южакова. Т. 1–20, доп. Т. 21–22. СПб., 1900–1909.

Политическая энциклопедия / Под ред. Л. З. Слонимского. СПб., 1906–1908. Т. 1. Вып. 1–3 (1906), 4 (1907); Т. 2. Вып. 5 (1907), 6 (1908).

Энциклопедический словарь т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К°» / Под ред. проф. В. Я. Железнова, проф. М. М. Ковалевского, С. А. Муромцева и К. А. Тимирязева. Т. 1–33. М.: Т-во «Бр. А. и И. Гранат и К°», 1910–1915.

Slovník národohospodářský, sociální a politický. Praha: Otakar Janáček. Díl I. 1929. 624 s.; Díl II. 1931. 636 s.; Díl III. 1933. 729 s.

Ottův slovník naučný nové doby: dodatky k Velikému Ottovu slovníku naučnému / redakci vede B. Němec. Díl I, sv. 1: A–Bo. 1930. 701 s., 72 s. obr. příl.; Díl I, sv. 2: Br–Dej. 1931. s. 705–1458, 72 s. obr. příl.; Díl II, sv. 1: Dek–Gan. 1932. 790 s., 83 s. obr. příl.;

Díl II, sv. 2: Gao–Isk. 1933. s. 795–1518, 41 s. obr. příl.